

ДРИНОВСКИ СБОРНИК

ТОМ VIII

Харков – София • 2015

Издательство на БАН „Проф. МАРИН ДРИНОВ“

Рис. 1. Прорисовки фальшивых *акче* Мурада II (1421–1444 гг.) из Старого Орхя

Рис. 2. Фальшивые *акче* султана Баязида II (1481–1512 гг.)

Рис. 3. Фальшивое *акче*, прототип чеканки Костантиние 918 г.х.

Рис. 4. Фальшивое *акче*, прототип чеканки Костантиние 918 г.х.

Рис. 5. Имитация *акче* чеканки Новар

Рис. 6. Имитация *акче* чеканки Новар

Рис. 7. Фальшивый *султани* Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.), 926 г.х. чеканка м.д. Кючайна (турк. Коҗаније)

Рис. 8. Фальшивое османское *султани* XVI века

Рис. 9. Фальшивый *онлык* (*дирхем*) Мурада III (1574–1595 гг.), 982 г.х. чеканки м.д. Эрзурум

Рис. 10. Фальшивый *онлык* (*дирхем*) Мурада III (1574–1595 гг.), 982 г.х. чеканки м.д. Джанджа

Рис. 11. Фальшивые 5 *пара* Мурада III (1574–1595 гг.) чеканки м.д. Халёб

Рис. 12. Фальшивый *онлык* (*дирхем*) Мурада III (1574–1595 гг.) чеканки м.д. Халёб

Рис. 13. Фальшивый *беşлык* Ахмеда I (1603–1617 гг.) чеканки 1012 г.х. м.д. Джанджа

Рис. 14. Фальшивые *пара* Мехмеда IV (1648–1684 гг.)

Рис. 15. Фальшивое *акче* XVII века, чеканки монетного двора Константиние

Рис. 16. Фальшивый *мангир* Сулеймана II (1687–1691 гг.)

Рис. 17. Фальшивый *мангир* Сулеймана II (1687–1691 гг.), покрытый золотом

Рис. 18. Фальшивый венецианский *дукат* с турецкой контрамаркой

Рис. 19. Фальшивый *левендаальдер* 1659 года, прототип чеканки города Гельдерн

Рис. 20. Фальшивые 10 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 21. Фальшивые 15 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 22. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 23. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 24. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 25. Фальшивые 40 пара Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 28. Матрица для производства монетовидных украшений одежды

Рис. 26. Фальшивый *zeri mahbub* 1143 г.х. чеканки м.д. Миср

Рис. 29. Фальшивые 30 пара Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 27а. Монетовидное украшение для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 30. Фальшивые 40 пара Мустафы III (1757–1774 гг.) чеканки Исламбол

Рис. 27б. Монетовидное украшения для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 31. Рабочая часть матрицы для изготовления фальшивых *альтмышыков* Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 27в. Монетовидное украшения для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 32. Фальшивые 60 пара Мустафы III (1757–1774 гг.) чеканки Константиние

Рис. 33. Фальшивые 60 *пара* Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 38. Фальшивые *пара* XVIII века

Рис. 34. Позолоченный турецкий *бешлык*

Рис. 39. Фальшивые 80 *пара* Селима III (1789–1807 гг.)

Рис. 35. Фальшивые 30 *пара* Абдулхамида I (1774–1789 гг.)

Рис. 40. Фальшивые 100 *пара* Селима III (1789–1807 гг.)

Рис. 36. Фальшивые 30 *пара* Абдулхамида I (1774–1789 гг.)

Рис. 41. Позолоченное *акче* 1223 года Махмуда II (1808–1839), монетный двор Константины

Рис. 37. Фальшивый *зери махбуб* Абдулхамида I (1774–1789 гг.)

Восьмий том є збірником статей за матеріалами Кирило-Мефодіївських читань та наукових симпозіумів, що відбулися на базі університетського Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова протягом 2013–2014 рр. Крім тематичних розділів представлені традиційні для «Дриновських збірників» рубрики: «Джерела та джерелознавство», «Рецензії», «Наукове життя», «In memoriam». Розраховано на професійних істориків, студентів гуманітарних факультетів й широкий читацький загал.

Восьмой том представляет собой сборник статей по итогам Кирилло-Мефодиевских чтений и научных симпозиумов, состоявшихся на базе университетского Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова в 2013–2014 гг. Кроме тематических разделов представлены традиционные для «Дриновских сборников» рубрики: «Источники и источниковедение», «Рецензии», «Научная жизнь», «In memoriam». Рассчитано на профессиональных историков, студентов гуманитарных наук и широкий круг читателей.

Volume 8 presents a collection of articles on the basis of Cyril and Methodius Readings and scientific symposia, held on by the university Center for Bulgarian and Balkan studies named after M. Drinov in 2013-2014. In addition to thematic chapters it presents traditional for “Drinovsky collections” sections: “Sources and Source Studies”, “Reviews”, “Scientific Life”, “In memoriam”. The edition is intended for professional historians, students of humanities and wide range of readers.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Центр болгаристики та балканських досліджень
імені Марина Дринова

Харківське міське товариство болгарської культури
імені Марина Дринова

Болгарська академія наук

Інститут історичних досліджень

Комісія істориків Україна–Болгарія
Община Панагюриште

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК ТОМ VIII

Харків – Софія • 2015

Видавництво Болгарської академії наук
імені проф. Марина Дринова

Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова (протокол № 3 від 8 листопада 2015 р.)

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, Д. Айдачич (Сербія), П. Бахмайер (Австрія), І. Тодєв (Болгарія), Н. Белішки (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія), І. Ілчев (Болгарія), К. Косєв (Болгарія), Г. Марков (Болгарія), Ю. М. Могарічев (Україна), В. Ю. Салєнков (Україна), Ю. Є. Хидзик (Україна), Н. Н. Червенков (Молдова), Г. Й. Чернявський (США).

Редакційна колегія

Страшнюк С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); Стоянов І., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Велико Тирново); Сорочан С. Б., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Харків); Ченчик Д. В., доц., к.і.н. (відповідальний секретар, Харків); Бурдяк В. І., проф., д. політ. н. (Чернівці); Віднянський С. В., проф., д.і.н. (Київ); Волокітіна Т. В., п. н. с., д.і.н. (Москва); Готовська-Хенце Т., с.н.с II ст., д-р (Софія); Елдаров Св., проф., д.і.н. (Софія); Дроснева Е., доц., д-р (Софія); Кравченко В. В., проф., д.і.н. (Едмонтон); Куделко С. М., проф., к.і.н. (Харків); Мартем'янов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Микитенко О. О., п.н.с., д.ф.н. (Київ); Миколенко Д. В., доц., к.і.н. (Харків); Мілова М. І., проф., д.політ.н. (Одеса); Мільчев В. І., проф., д.і.н. (Запоріжжя); Муртузалієв С. І., проф., д.і.н. (Москва); Наумов С. О., проф., д.і.н. (Харків); Петков П. Ст., проф., д-р (Велико Тирново); Поліщук І. О., проф., д. політ. н. (Харків); Посохов С. І., проф., д.і.н. (Харків); Потрашков С. В., проф., д.і.н. (Харків); Пригарін О. А., доц., д.і.н. (Одеса); Радкова Р., проф., д.і.н. (Софія); Романюк О. І., проф., д.політ.н. (Харків); Тодоров І. Я., проф., д. і. н. (Ужгород); Чорний Д. М., проф., д.і.н. (Харків); Чорний В. П., проф., к.і.н. (Львів), Яровий В. І., проф., д.і.н. (Київ).

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, Харків, майдан Свободи, 6, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова
Тел. / факс: (057)-707-55-47; E-mail: drinovcenter@gmail.com

Друкуються за підтримки Болгарської академії наук та общини Панагюриште (Болгарія)

СВІДОЦТВО

ПРО ДЕРЖАВНУ РЕЄСТРАЦІЮ ДРУКОВАНОГО ЗАСОБУ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ Серія КВ № 122231-1115P

ISBN 978-954-322-848-5

- © Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2015
- © Константин Атанасов Жеков, художнє оформлення, 2015
- © Видавництво Болгарської академії наук імені проф. Марина Дринова, 2015

РЕЛИГИЯ ТА ЦЕРКВА В ІСТОРИЧНИХ ПРОЦЕСАХ ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ

УДК 261.6:271

ПРОБЛЕМА «ИСТОРИЧНОСТИ» КУЛЬТУРЫ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА

О. О. Смолина

Смолина О. О. Проблема «историчности» культуры православного чернецтва. У зв'язку з тим, що православ'я має певну незмінну сутність, а культура чернецтва є сферою «сугубого» вираження цієї сутності, чи слід говорити про історичність або, навпаки, позаісторичність культури православного чернецтва? Науковий аналіз показує наявність і взаємодію двох культур (підсистем) в системі культури православного чернецтва – монастирської культури і чернечої культури. Перша з них схильна до історичних змін, друга ж, навпаки, є позаісторичною.

Ключові слова: історичність; культура православного чернецтва; чернеча культура; монастирська культура.

Смолина О. О. Проблема «историчности» культуры православного монашества. В связи с тем, что православие обладает некой неизменяемой сущностью, а культура монашества является сферой «сугубого» выражения этой сущности, следует ли говорить об историчности или, напротив, внеисторичности культуры православного монашества? Научный анализ показывает наличие и взаимодействие двух культур (подсистем) в системе культуры православного монашества – культуры монастырской и культуры монашеской. Первая из них подвержена историческим изменениям, вторая же, напротив, внеисторична.

Ключевые слова: историчность; культура православного монашества; монашеская культура; монастырская культура.

Smolina O. O. The problem of “historicity” of culture of the orthodox monasticism. Due to the fact that the Orthodoxy has some immutable essence and the culture of orthodox monasticism is the sphere of „purely“ expressing of this essence, should we talk about historicity of that culture or, on the contrary, culture of the orthodox monasticism is out of history? Scientific analysis shows the presence and interaction of the two cultures (subsystems) in the Orthodox monasticism culture – monastery culture and monastic culture. The first one of them is subjected to historical change, and the second one, on the contrary, is out of history.

Keywords: historicity; culture of the Orthodox monasticism; monastic culture; monastery culture.

Актуальность изучения культуры православного монашества связана с процессами поиска образа Бога в современной социокультурной ситуации. Накопив определенный потенциал в сферах взаимодействия человека с самим собой, природой, обществом и Богом, культура монашества может рассматриваться в качестве определенного ресурса обновления общества, понимания православия (стержнем которого она выступает) адекватно современности.

История православного монашества традиционно рассматривается в контексте истории Церкви¹ или в контексте национальной (региональной) истории². Данное явление изучается через призму «жизни подвижников иночества», «судьбы обитателей иноческих», а также «история монашества должна знакомить и с писаниями иноков»³. История культуры православного монашества имплицитно входит в контекст исторических исследований. Как самостоятельный предмет изучения, в работах она рассматривалась лишь отчасти⁴.

Ряд авторов говорит о специфике исторического рассмотрения такого явления как монашество. Например, П. Казанский пишет: «По самому предмету своему история монашества отличается от всякой другой истории. Она должна представлять не внешние события, изменяющие судьбу человеческого рода, <...> но внутреннюю жизнь души – подвиги самоотвержения, совершаемые в уединении пустыни, в тишине келлии. Задача сей истории представить стремление души подвижников к единению с Богом, те препятствия, с которыми они встречались на этом пути, искушения, с которыми они боролись, те средства естественные и благодатные, которыми они преодолевали все препятствия, их падение и

восстание»⁵. По сути, автор видит свою задачу в изучении не истории как таковой, а личностно-психологического аспекта культуры монашества.

Близкую исследовательскую проблему культурно-исторического характера по отношению к религии в целом (и, следовательно, монашеству в том числе) замечает Л.А. Маркова. Обычно, пишет она, не вызывают сомнений две характеристики религии, которые, однако, по сути своей противоположны. С одной стороны, религиозные догматы выражают абсолютную божественную истину, постигаемую через откровение, и не могут быть опровергнуты человеческим разумом. С другой стороны, религия есть важная составляющая культуры, культуру во многом формирующая и, следовательно, религия подвержена изменениям⁶.

В связи с тем, что православие обладает некой неизменяемой сущностью, а культура монашества является сферой «сугубого» выражения этой сущности, должны ли мы говорить об историчности или, напротив, внеисторичности культуры православного монашества? В данной статье культура православного монашества рассматривается как определенный самостоятельный тип культуры, обладающий инвариантными характеристиками. Выявление этих характеристик позволит построить ее абстрактную типологическую модель.

Цель данной статьи – определить, в какой мере по отношению к культуре православного монашества мы можем говорить о ее исторической динамике как явлении, в ходе которого меняются способы осуществления социальной жизнедеятельности общества, принципы коллективной организации, познания, коммуникации и пр. Проблема, безусловно, требует серьезного научного исследования. В рамках данной статьи есть возможность высказать лишь некоторые соображения по данной теме.

С одной стороны, является довольно распространенным мнение, что динамика как прогресс, сущностные изменения, смена исторических этапов и форм не присуща культуре православного монашества. Например, А. Гарнак считает, что восточное монашество не имеет истории как таковой⁷ (а, следовательно, и истории своей культуры), что оно сохранило свою самостоятельность путем стагнации⁸. Метко выражает свою мысль А.И. Сидоров, говоря, что в истории монашества «прошлого, именно как прошедшего, вовсе не существует»⁹. С.С. Хоружий в отношении монашеской духовной практики исихазма замечает: «Здесь опыт нашего современника достигает полной духовной идентичности с опытом древних аскетов»¹⁰. Действительно, современному монаху, например, предлагается в качестве образца для подражания как образ Пахомия Великого (IV в.), так и образ Серафима Саровского (XIX в.). Жития святых являются актуальным для монаха чтением, независимо от эпохи жизни этих святых.

Если светская культура (историчность которой не вызывает сомнений) ориентирована на новации, то культура монашества в высокой степени традиционна (хотя и здесь есть поле для определенных новаций, например, в сфере социальной работы или путей индивидуального воплощения духовных практик). Светская современная культура ориентирована на будущее. Культура монашества обращена к божественной вечности. Но, в то же время, можно говорить о парадоксальной многовекторности культуры монашества. С одной стороны, вечность, по определению, существует всегда. С другой стороны, божественная вечность, согласно христианскому учению, имела конкретные исторические рамки и форму своего проявления в лице Иисуса Христа. Ориентируясь на его Личность, культура монашества обращена в прошлое. С третьей стороны, однако, встреча человечества с вечностью ожидается в определенной эсхатологической перспективе, «жизни будущего века». В связи с этим можно утверждать, что культура монашества обращена также и в будущее.

Другая точка зрения допускает определенную историческую и культурную динамику монашества. Например, А. Шмеман считает, что в истории монашества можно выделить несколько периодов. В качестве критериев их выделения он предлагает «взаимоотношения монашества с Церковью» и «развитие и становление самого монашеского “самосознания”»¹¹.

Первый период – раннее монашество. Период лаического и частного, стихийного и спорадического монашества. Оно имело «не-греческий» характер. Это «до-богословская стадия, когда монашеский “замысел” выражен скорее в категориях подвига. <...> Мона-

шество на первых порах не мыслило себя даже особой частью Церкви»¹². Мотив его возникновения – жажда нравственного совершенства, максимализма. Монашество как реакция на «подсознательную “утилитаризацию” христианства»¹³.

Второй период – «постепенное перерождение его (монашества – О. С.) в церковный институт, и при этом, институт влиятельный, связанный со всеми сторонами церковной жизни. <...> процесс этот, выразившийся в возвращении монашества физическом – то есть в построении монастырей в городах, в самом центре “мира” <...> Монастырь в городе стал как бы идеальной общиной, свидетельством христианского максимализма, призывом и напоминанием»¹⁴. В развитии монашества весомую роль начинают играть греки. Основываясь на своей античной культуре, они придают монашеству богословское и мистическое истолкование¹⁵. Этот свершившийся в монашестве «уход» и «возвращение» отмечены также многими другими исследователями¹⁶.

Если дополнить во времени данную периодизацию, то представляется возможным (достаточно упрощенно) выделить следующие этапы развития культуры православного монашества:

1. До IV в. – начальный или подготовительный этап. Период «древнехристианского аскетизма» (А.И. Сидоров).

2. IV в. – этап раннего монашества. Оно статусно не оформлено, государством и церковью не регулируется, не существует специального порядка монашеского пострига (например, произнесения обетов), нет устава (он только формируется), в монашеской среде нет священника, жизнь проводится в уединении и молитве. Доминирующим типом является анахоретство.

3. V–XIV вв. – этап превращения монашества в церковный институт. Формирование и существование собственно монастыря как организации, имеющей свой устав, обряды (таинства), порядок пострижения (приема в члены организации). Священство формируется уже, в том числе, из среды монашества. Наряду с анахоретством развивается и киновия.

4. XIV–XVIII вв. – период существования монашества в условиях государственного контроля (на Балканах – под властью мусульманской администрации, в России – под властью государства, становящегося все более светским). Государство регулирует процесс открытия / закрытия монастыря, допустимый возраст вступления в монастырь, число монахов в обители, порядок финансирования и т. п. Культура монашества в условиях инославного господства стремилась к самоконсервации. В Российском государстве в культуру монашества постепенно проникали черты протестантизма и католицизма.

5. XIX–XXI вв. – этап современного монашества. Наблюдается двуединая тенденция к очищению от позднейших наслоений, возрождению опыта первохристианских, апостольских времен и, в то же время, поиск форм подвижничества, служения в условиях секулярного, современного информационного, «постхристианского» общества.

Вместе с тем, А. Шмеман говорит о невозможности провести четкую границу между выделяемыми им периодами и даже об одновременном их развитии, о сосуществовании обеих тенденций: «Но стадия эта (первая – О. С.) была фактически очень недолгой. Или, вернее, наряду с продолжавшимися еще долго именно таким переживанием монашества, очень рано возникло и другое его, если не понимание, то фактическое проявление – и его то и нужно считать второй стадией. Общий смысл его в возвращении монашества в церковное общество и постепенное перерождение его в церковный институт <...>»¹⁷.

Следует также отметить, что сосуществование этих двух тенденций, форм или типов монашеского мироустройства можно выявить на всем протяжении существования монашества. Уже на раннем его этапе, например, в анахоретских монастырях прп. Антония практиковались простые (и даже примитивные) виды рукоделия, а развитие монастырей прп. Пахомия (киновияльного типа) пошло по пути дифференциации хозяйственной деятельности, ремесленных работ. Так, здесь жили целые группы монахов, посвятивших себя определенному роду деятельности: 7 кузнецов, 15 сапожников, 50 земледельцев и др.¹⁸.

В монастырях Василия Великого практикуется не только развитие хозяйственной деятельности, но и налаживаются каритативные, миссионерско-педагогические связи с обществом. «Еще ближе монашество к миру в монастырях, связанных с именем Василия Великого»¹⁹. Эта «близость» к миру и связь с ним выражается в следующем:

- занятие земледелием и ремеслом;
- забота о бедных и больных;
- воспитание в монастыре как сирот, так и детей по желанию их родителей;
- предоставление возможности для мирян временно проживать в монастыре;
- возможность для монахов посещать родных, используя это время также и для проповеднической миссии.

Как пишет Л. П. Карсавин, «не из стремления лучше осуществить идеал анахоретства вытекала мысль о создании лавры и тем более монастыря, отличающегося от первой преобладанием общежительного начала, а из иного представления об этом идеале, из сознания трудности его осуществления для одинокого пустычника, из желания обеспечить спасение души могучею помощью традиционных форм и соединить достижение личной святости с осуществлением заветов Христа, предписывавшего не только аскезу, но и взаимную любовь (понимаемую чаще как любовь между монахами) и помощь всем, нуждающимся в помощи»²⁰.

Позже, в Киево-Печерском монастыре, период настоятельства прп. Антония связывают с анахоретской, созерцательного типа организацией жизни обители, а период настоятельства прп. Феодосия – напротив, с социально-деятельной. «<...> в монастыре Феодосия было различие между великою и малою схимою: те, которые желали более уединенной жизни, могли идти в пещеру к Антонию, и проводить жизнь или в совершенном затворе или в отшельничестве»²¹. Такое положение порождал городской характер монастыря и политика Феодосия, который шел на компромисс с князьями, принимая дары от богатых и власть имущих, но и оказывая на них духовно-воспитательное воздействие.

Эти наблюдаемые отличия в строе монастырской жизни представляют собой не просто разные формы организации – анахоретство и киновию, но проникают в глубокие слои мировосприятия, философии взаимоотношений с природой и обществом. Эти различия отмечены уже в евангельской притче как «путь Марфы» и «путь Марии» (Лк. 10:38–42).

В работах многих авторов (как духовных лиц, так и светских) содержатся прямые или косвенные указания на это отличие, что обозначается как проблема соотношения в культуре монашества «созерцательного и деятельного», «княжеского и монастырского» и т. п. направлений. Вместе с тем, данная проблема не была глубоко осознана и не являлась предметом специального научного рассмотрения. Обе позиции имели как своих сторонников, так и противников. Представляется вероятным, что проблема культуры монашества заключается не в противоречии в ней внешнего и внутреннего, а в самой ее установке – быть не от мира сего, будучи в мире сем. Это также, в определенной мере, проблема понимания характера связей между миром и культурой монашества: эта связь мыслится только как духовная или также и как социально-деятельная.

В связи с этим представляется оправданным культуру, порожденную монастырями, восходящими к типу обителей св. Пахомия Великого и св. Василия Великого, монашество деятельное, социально-ориентированное, миссионерского типа, обозначить как «монастырскую культуру». Практику же монастырей типа обителей св. Антония, отшельнического, созерцательного направления, определить как «монашескую культуру».

Тогда вопрос об историчности этих двух типов культур будет решаться следующим образом. Монастырская культура, безусловно, исторична. Выполняя миссионерскую задачу при взаимодействии с социумом, она вырабатывает соответствующие исторической эпохе способы этого взаимодействия. Монастырская культура, кроме того, в силу своих связей с миром, подвержена национальному, политическому, экономическому, художественно-концептуальному воздействию государства и общества.

Монашескую культуру следует признать внеисторичной. Аскетические практики, составляющие ее стержень, поддерживаются неизменными на протяжении веков. Как можно более полным уходом из мира и концентрацией на внутренней жизни духа отрицается возможность следовать за изменениями человеческой истории.

Таким образом, есть основания говорить о взаимодействии двух культур (подсистем) в системе культуры православного монашества – культуры монастырской и культуры монашеской. Первая из них подвержена историческим изменениям, вторая – внеисторична. Взаимоотношения между этими культурами можно рассматривать следующим образом:

- монашеская культура (в жизни анахорета-пустынника как ее носителя) сменяется монастырской (при организации на месте жизни пустынника крупного монастыря);
- монастырская культура (на этапе «малой схимы») сменяется монашеской (постриг в «великую схиму») в жизни отдельного монаха;
- монашеская культура как душа тело питает и наполняет монастырскую культуру;
- они существуют как два равноправных типа культуры православного монашества, предоставляя поле для самореализации и «деятельным», и «любомудренным» его представителям.

¹ *Гарнак А.* Сущность христианства. Шестнадцать лекций, читанных студентам факультетов в зимний семестр 1899–1900 гг. в Берлинском университете. – СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1907. – С. 175–177; *Карасавин Л.П.* Монашество в средние века. – М.: Высшая школа, 1992. – 91 с.; *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. – М.: Православный паломник, 1998. – 528 с.

² *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – 320 с.; *Ісиченко І.* Аскетична література Київської Русі. – Харків.: Акта, 2007. – 398 с.; *Казанский П.* История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Св. Троицы преподобным Сергием. – М.: Тип. Александра Семена на Софийской ул., 1855. – 205 с.; *Климов В.В.* Українські православні монастирі та чернецтво: Позиція в національній історії. – Київ : Ін-т філософії НАН України, 2008. – 883 с.; *Огієнко І.* Українське монашество. – Київ : Наша культура і наука, 2002. – 396 с.; *Смолич И.К.* Русское монашество 988–1917: Жизнь и учение старцев: Приложение к «Истории Русской Церкви». – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999. – 607 с.; *Таусия.* Русское православное женское монашество. – М.: Изд-во Белорусского экзархата, 2006. – 287 с.

³ *Казанский П.* История православного русского монашества... – С. 11.

⁴ Монастырская культура: Восток и Запад. Сб. статей / Сост. Е.Г. Водолазкин. – СПб., 1998. – 288 с.; *Монин М.А.* Антиномии монастырской культуры. – URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-3/--> (дата обращения: 06.07.2015).

⁵ *Казанский П.* История православного русского монашества... – С. 11.

⁶ *Маркова Л.А.* Теология в эпоху постмодернизма // Вопросы философии. – М.: «Наука». – 1999. – № 2. – С. 109–127.

⁷ *Гарнак А.* Сущность христианства... – С. 149.

⁸ Там же. – С. 157.

⁹ *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества... – С. 8.

¹⁰ *Хоружий С.С.* Очерки синергийной антропологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 219.

¹¹ *Шмеман А.* Введение в литургическое богословие. – URL: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/shmeman/liturg33.html> (дата обращения: 06.07.2015).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество... – С. 212–216; *Карасавин Л.П.* Монашество в средние века... – С. 37; Монастырская культура: Восток и Запад... – С. 5; *Смолич И.К.* Русское монашество 988–1917... – С. 49; *Leclercq J.* Epilogo // Il monachesimo nell'alto medioevo e la formazione della civiltà occidentale (8-14 aprile 1956) Spoleto, Centro Italiano di studi sull'alto medioevo. – 1957. – P. 610–611 (Settimane di studio, 4).

¹⁷ *Шмеман А.* Введение в литургическое богословие...

¹⁸ *Карасавин Л.П.* Монашество в средние века... – С. 35.

¹⁹ Там же. – С. 35.

²⁰ Там же. – С. 37.

²¹ *Казанский П.* История православного русского монашества... – С. 44.

ЦЕРКОВЬ И АНТИКАТОЛИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ УЧЁНЫМИ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

С. И. Лиман

Лиман С. И. Церква та антикатолицькі рухи у середньовічній Чехії: досвід досліджень ученими українських земель Російської імперії (XIX – початок XX ст.). У статті розглядається вивчення вітчизняними богемістами (В. О. Більбасовим, А. С. Будиловичем, В. К. Надлером, О. О. Кочубинським, П. О. Лавровським) історії католицької Церкви й антикатолицьких рухів у середньовічній Чехії. Підкреслюється, що найбільших успіхів учені досягли, звертаючись до різних аспектів гуситського руху, боротьби чехів за релігійну, національну та політичну свободу у другій половині XV – на початку XVII ст., історії життя й діяльності канонізованих ієрархів чеської католицької Церкви. Домінуючі тенденції цих досліджень – слов'янофільські підходи авторів та визнання закономірності антикатолицьких рухів.

Ключові слова: Чехія; Церква; гусизм; історія; історіографія; Середні віки.

Лиман С. И. Церковь и антикатолические движения в средневековой Чехии: опыт исследований учёными украинских земель Российской империи (XIX – начало XX в.). В статье рассматривается изучение отечественными богемистами (В. А. Бильбасовым, А. С. Будиловичем, В. К. Надлером, А. А. Кочубинским, П. А. Лавровским и др.) истории католической Церкви и антикатолических движений в средневековой Чехии. Подчёркивается, что наибольших успехов учёные достигли, обращаясь к различным аспектам гуситского движения, борьбе чехов за религиозную, национальную и политическую свободу во второй половине XV – начале XVII вв., истории жизни и деятельности канонизированных иерархов чешской католической Церкви. Преобладающие тенденции данных исследований – славянофильские подходы авторов и признание закономерности антикатолических движений.

Ключевые слова: Чехия; Церковь; гусизм; история; историография; Средние века.

Liman S. I. Church and anti-catholic movements in the medieval Czech Kingdom: experience of research by scholars in Ukrainian lands of Russian Empire (19th – early 20th centuries). The article discusses the study by Ukrainian Bohemia scholars (V. A. Bilbasov, A. S. Budylovich, V. K. Nadler, A. A. Kochubinskiy, P. A. Lavrovskiy et al.) of the history of Catholic Church and anti-catholic movements in the medieval Czech Kingdom. It is emphasized that most successful research took place in the study of various aspects of Hussite movement, struggle of Czechs for religious, national and political freedom in the second half of 15th – beginning of 17th centuries, history of life and deeds of sainted hierarchs of Czech Catholic Church. The predominant trends of this research were Slavophile approach by authors and recognition of substantiated character of anti-catholic movements.

Keywords: Czech Kingdom; Church; Hussism; history; historiography; Middle Ages.

Одним из приоритетных направлений исследований дореволюционных отечественных славистов традиционно являлась богемистика. Это было связано с той ролью, которую сыграла Чехия в Средние века в судьбах народов Центральной Европы, высоким уровнем развития ее экономики, образования, науки¹. Пражский университет неизменно являлся главным научным центром, в который стремились наши слависты во время своих заграничных командировок, а личные контакты с представителями чешской исторической науки и знакомство с их научным наследием оказывали существенное влияние на трактовки в отечественных исследованиях². Наконец, именно в чешской науке получили распространение столь популярные в России идеи панславизма, а история средневековой чешской Церкви, прежде всего гуситское движение, могли предоставить вполне адекватный исследовательский материал для подтверждения этих идей³.

Крупными научными центрами подобных изучений в Российской империи стали высшие учебные заведения ее украинских земель – Харьковский университет, Университет Св. Владимира в Киеве, Новороссийский университет в Одессе, Киевская духовная академия, Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. Комплексный

анализ вклада учёных этих учебных заведений в изучение чешской средневековой церковной истории ещё не стал предметом специального историографического осмысления. К некоторым аспектам данной проблематики обращались при рассмотрении историографии гуситского движения⁴, деятельности реформаторов католической церкви⁵, научного наследия отдельных историков (В.А. Бильбасова⁶, А.С. Будиловича⁷), истории изучений в украинских землях Российской империи проблем средневековой Чехии⁸, истории славистики⁹ и медиевистики первого¹⁰ и второго¹¹ этапов ее развития в дореволюционной Украине, славистики в Российской империи в целом¹². В связи с этим цель статьи – на основе анализа всех работ историков высших учебных заведений украинских земель Российской империи выяснить их вклад в изучение истории средневековой чешской Церкви и антикатолических движений.

Данные изучения имели в украинских землях свои особенности. Львиная доля исследований харьковских, киевских, одесских учёных была посвящена именно антикатолическим движениям, в то время как публикации, посвящённые непосредственно истории чешской Церкви, были относительно редкими. В историографии справедливо отмечалось, что данная тематика удачно вписывалась в общероссийскую славянофильскую концепцию извечной борьбы германско-латинского и славянско-православного мира¹³, а, например, гуситское движение было «главным сюжетом чешской феодальной истории»¹⁴. Интерес к другим сюжетам проявился позднее.

Среди ученых украинских земель Российской империи раньше всего в своих публикациях тему истории Чешской церкви и антикатолических движений затронули исследователи Харьковского университета. Первой опубликованной здесь работой, в которой содержался отдельный фрагмент истории гуситского движения, стал «Конспект, или краткое обозрение дипломатики вообще» (1829) харьковского профессора-юриста К.П. Пауловича (Павловича). Этот эпизод рассматривался в контексте описанных автором способов печатей, их количества, цвета, материала, а также языка, на котором писали средневековые дипломы. Указание было довольно лаконичным: «Богемцы в 1415 г. подали отцам Констанского собора прошение, утверждённое 350 печатями»¹⁵.

Впервые общую оценку деятельности чешских реформаторов католической Церкви дал харьковский медиевист М.М. Лунин в пробной лекции «Переход средней истории к новой и значение сей последней» (1835). Исследователь признавал закономерности зарождения учения Яна Гуса и Иеронима Пражского. «Богатство монастырей, праздная жизнь монахов уже рано развратили нравы и породили все пороки, – подчеркивал М.М. Лунин. – Гус умирает страдальческой смертью, но продолжительные войны гуситов служат уже сильным доказательством дальнейшего упадка власти Римских Первосвященников»¹⁶. К анализу гуситского движения обращался и ученик М.М. Лунина, выпускник Харьковского университета М.И. Сухомлинов. Уже в 1848 г. он подготовил кандидатское сочинение «О значении эпохи Гуса и его последователей в истории европейской цивилизации»¹⁷. Однако это сочинение не сохранилось.

Именно в середине XIX в. в отечественной богемистике и, в частности, в гуситологии зарождаются славянофильские концепции. Еще в 1848 г. в общероссийской историографии появилась написанная со славянофильских позиций рецензия В.А. Елагина на труд Ф. Палацкого «История Чехии»¹⁸. Первым же самостоятельным российским исследованием по истории гусизма следует считать состоящий из двух частей труд Е.П. Новикова «Гус и Лютер» (1859)¹⁹.

В свою очередь, первой в украинских землях Российской империи научной монографией по истории гуситского движения стала магистерская диссертация харьковского историка В.К. Надлера «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV – начале XV в.» (1864). До появления монографии В.К. Надлера Е.П. Новиков усматривал в этом движении религиозную борьбу «между поклонниками Рима и защитниками грекославянских преданий»²⁰, а А.Ф. Гильфердинг приписывал чехам намерения не только возвратиться в лоно православия, но и создать славянскую федерацию²¹. В.К. Надлер шире поставил вопрос о причинах гуситского движения. Он считал сопротивление католицизму в Чехии составным элементом общеевропейской религиозной оппозиции. Подчеркивая его не только конфессиональный, но и антинемецкий характер²², В.К. Надлер назвал немецкую колонизацию национальным бедствием для

чехов. Именно этот тезис вызвал самое решительное возражение рецензента А.Н. Пыпина, который полагал, что «обнемечивание Чехии было добровольным делом со стороны чехов, а не военным насилием...»²³.

В.К. Надлер довольно подробно охарактеризовал ереси в разных странах. Бесспорным достоинством работы являлась и та обстоятельство, с которой он осветил деятельность чешских предшественников Яна Гуса. В частности, автор максимально полно рассмотрел все известные произведения Матвея из Янова.

Значительное место В.К. Надлер уделил детальному сравнению учений Д. Виклефа и Я. Гуса и выяснению степени влияния английского реформатора католической Церкви на гуситское движение. Если некоторые отечественные авторы признавали факт огромного влияния на Гуса учения Виклефа²⁴, то В.К. Надлер справедливо определил это влияние как второстепенный момент в гуситском движении²⁵. Укажем, однако, что даже ближайший соратник Гуса, Иероним Пражский, в своём «Клятвенном отречении» заявлял о том, что проклинает «всякие ереси, особенно ту..., которой учили и которую защищали Джон Виклеф и Ян Гус»²⁶. Из этих слов следует, что современники, как судьи, так и сам Иероним, считали учение Гуса и Виклефа по сути тождественным. В свою очередь Лаврентий из Бржезовой в одном случае писал «виклефисты, или гуситы», что означало для автора хроники их тождественность, в другом – «...против их (Виклефа и Гуса. – С. Л.) учений»²⁷.

Несмотря на верное определение степени влияния Виклефа на Гуса, В.К. Надлер все же не сумел указать на другие причины – социальные, экономические, политические, которые, наряду с религиозными и национальными, вызвали гуситское движение*. Именно это обстоятельство и дало повод большинству историков, за исключением С.О. Никитиной³¹, отнести В.К. Надлера к славянофилам³².

О средневековой чешской Церкви и учении Яна Гуса писал и харьковский историк А.С. Лебедев. Если в публикации «Замечательные иностранные сочинения по истории славянства и его церковной жизни» (1869) он ограничился лишь пересказом содержания новых трудов, в том числе работы К. Гефлера «История гусизма», в которой тот осудил гуситское движение³³, то в статье «Несколько слов о религиозном положении в Чехии» (1869) содержался краткий обзор А.С. Лебедевым истории христианства в чешских землях и учения Яна Гуса³⁴. Поскольку «христианская вера в Чехии ведет свое начало от Св. Мефодия», чешский народ, как полагал ученый, несмотря на религиозные преследования немецкого духовенства «хранил память о своём первоначальном вероисповедании»³⁵. Это мнение разделяли многие отечественные слависты³⁶. «В лице Гуса, – далее подчеркивал А.С. Лебедев, – он (чешский народ – С. Л.) заявляет энергичный протест, который ... носит на себе ясные следы влияния начал восточного православия»³⁷. Это – классическая славянофильская трактовка, в целом характерная впоследствии и для его трехтомного труда «Церковная история» (1902)³⁸. Между тем сам Гус утверждал: «Я осуждал любостыжание и распутную жизнь священников, за что по милости Божией и терплю преследования» и «прошу вас жить по Закону Божию»³⁹. А в «Прекрасной хронике» о Яне Жижке прямо говорится: Гус в проповедях «стал говорить против духовенства, начиная от наивысшего – папы, и кончая низшим священником, ... обличать их чванство, высокомерие, скупость, святокупство и разврат...»⁴⁰.

Ещё одной важной темой, имевшей непосредственное отношение к истории межконфессионального противостояния в Чехии и привлекающей внимание отечественных исследователей, стала история Чехии накануне и в начале Тридцатилетней войны. «Падением Чехии» традиционно называли это событие многие отечественные слависты. Не-

* Во многом это объяснимо содержанием источников. В важнейших из них – Кутногорском декрете, принятом Вацлавом IV в 1409 г., привилегии «немецкой нации» в Пражском университете передавались «чешской нации» «отныне на вечные времена»²⁸. Однако то, что острота национального вопроса в Чехии преувеличивалась медиевистами Украины, свидетельствуют высказывания самого Яна Гуса. Даже во время следования на Констанский собор, он неоднократно писал в посланиях о том, как немцы разных областей принимали его «весьма дружелюбно», многие из них разделяли его взгляды. Ян Гус прибавлял при этом: «Должен признать, что нет ко мне нигде большей вражды, чем в среде жителей Чехии»²⁹. Это же следует и из высказываний Лаврентия из Бржезовой³⁰.

случайно, что именно так – «Падение Чехии в XVII в.» (1863) – озаглавил свой очерк харьковский славист П.А. Лавровский.

Хронологически очерк охватывал время с 1516 по 1620 гг. – от смерти чешского короля Владислава до трагической для чехов битвы у Белой горы. Несмотря на то, что автор верно связал причину процветания Чехии при Максимилиане II и Рудольфе II прежде всего с их религиозной политикой веротерпимости, а также с расцветом науки и образования в стране, подходу П.А. Лавровского к изучаемой проблеме, в целом, свойственна абсолютизация национального фактора. Спорными представляются утверждения ученого о крепком национальном единстве чехов, изображенных носителями подлинной классовой гармонии. Следствием этой классовой гармонии в период до начала открытой католической реакции П.А. Лавровский считал быстрый рост материального благополучия чехов, которое доходило «даже до роскоши в самом низшем классе»⁴¹. При этом автор категорически отказывался признать вклад в этот процесс немецко-католического населения Чехии. Эти славянофильские утверждения П.А. Лавровского должны были подтвердить его концепцию о решающей роли в судьбах Чехии борьбы славянского и германского духовных начал. Отметим, что автором откровенно замалчивался социальный характер розни в среде чешских протестантов, хотя едва ли можно считать преувеличенным описанный П.А. Лавровским религиозный фанатизм, с каким Фердинанд II повел борьбу против не-католического населения Чехии.

Изучение этой борьбы, разумеется, предполагало выяснение той социальной опоры, которая существовала у Фердинанда в чешских землях. Однако, по сути, замалчивая факт поддержки религиозной политики императора чехами-католиками, П.А. Лавровский склонен был усматривать в мерах Фердинанда и до, и после битвы у Белой Горы посягательства на весь чешский народ: «Не одна религия должна была вызывать самую ужасную мстительность Фердинанда и его советников, а и самое политическое устройство чехов, успевших возвысить свою народность до исключительного господства над иноземцами»⁴². Между тем, ещё Ф. Шиллер в своем известном историческом сочинении «Тридцатилетняя война» отмечал, что далеко не все чешские города поддержали восстание 1618 г., участников выступления судила чрезвычайная комиссия, в которой было немало «коренных чехов», а религиозным преследованиям в Чехии подверглись протестанты не только чешской, но и немецкой национальности⁴³. Таким образом, нельзя не признать трактовку П.А. Лавровским причин, хода и последствий антикатолического и антиабсбургского восстания 1618 г. довольно ограниченной.

В последней четверти XIX – начале XX в. у славистов Харьковского университета почти пропадает интерес к истории Церкви и антикатолических движений в средневековой Чехии. Это было связано, главным образом, с кризисом славянофильской доктрины в отечественной богемистике вообще и гуситологии в частности. Новая позитивистская методология, занявшая в 1880-е годы основное место в отечественных исследованиях по славянскому Средневековью, способствовала постепенному пересмотру ряда откровенно устаревших взглядов на историю гусизма⁴⁴. Среди них – отказ от изображения гуситского движения как попытки возврата чехов к православию⁴⁵. Так, уже в 1880 г. в лекциях М.С. Дринова по истории западных славян говорилось: «Гуситское движение далеко не ограничивалось религиозными целями. К таборитам присоединился простой народ, которого интересовали как религиозные, так и социальные вопросы и который стремился к свободе, хотел уничтожить прежние общественные порядки»⁴⁶.

С наибольшей полнотой изменение взглядов отечественных и, в частности, харьковских ученых на сущность исследуемого явления была отражена в статье С.М. Кульбакина «Петр Хельчицкий – чешский Толстой XV столетия» (1909). По его справедливому мнению, сущность гуситского движения не исчерпывалась только лишь религиозными и национальными факторами. Его важнейшей предпосылкой автор считал также противоречие между «старым феодально-крепостническим строем», который «в эту эпоху уже разлагался» и новой городской жизнью «с высоко развитыми формами промышленности и торговли»⁴⁷. Всё это, по мысли С.М. Кульбакина, вело к «контрасту между бедностью и богатством», к углублению классовой розни. «Таким образом, – подчеркивал ученый, – из соединения моментов различного характера – религиозного, национального, социально-экономического, культурного – сложилось широкое народное движение, известное под

именем гуситского»⁴⁸. Подобно В.К. Надлеру, С.М. Кульбакин считал выступление гуситов составным элементом общеевропейской оппозиции католицизму и выделял два лагеря в гуситском движении.

Схожие оценки в подходах к истории чешской Церкви и антикатолическим движениям демонстрировал и коллега С.М. Кульбакина, харьковский славист Г.А. Ильинский. В курсе «История славян» (1908) период «благоденствия» чешских земель он ограничивал двухсотлетием от смерти Гуса до Белогорской битвы⁴⁹. Рассматривая предпосылки гуситского движения, Г.А. Ильинский приходит в целом к тем же выводам, что и В.К. Надлер. Подобно В.К. Надлеру, он считал Чехию лишь составным звеном общеевропейской оппозиции католицизму и указывал на влияние сочинений Виклефа на участников гуситского движения. Однако, гуситскую эпоху Г.А. Ильинский обозначал весьма широкими хронологическими рамками (1419–1526 гг.), а о самом гуситском движении в его курсе повествуется предельно кратко. Несмотря на это, ученому удалось выделить в среде гуситов два направления и указать главным образом не на антинемецкий, а на антифеодальный характер выступления чехов⁵⁰.

В 1915 г. был опубликован первый в Российской империи «Краткий очерк истории славян» харьковского профессора А.Л. Погодина. В нем автор традиционно высоко оценивал гуситское движение, высказав при этом мысль о том, что «из гуситства чехи вышли, как чешский народ, уже навсегда обособившийся от германизма и сохранявший свое национальное сознание при самых неблагоприятных условиях»⁵¹. Несмотря на предельную краткость очерка, автор коснулся и вопроса о дальнейшем участии чехов в антикатолических движениях в Европе. Однако его оценки событий начального периода Тридцатилетней войны следует считать вполне традиционными для отечественной славистики. Подобно другим отечественным авторам, А.Л. Погодин считал поражение чехов у Белой Горы черным днем в истории Чешского государства и период, следующий за этой датой, предлагал целиком вписывать в историю Австрии⁵².

Вторым после Харьковского университета центром изучения в украинских землях Российской империи истории средневековой чешской церкви и антикатолических движений стал Университет Св. Владимира в Киеве. Первой публикацией, в которой содержалась оценка деятельности Яна Гуса, стало учебное пособие профессора кафедры всеобщей истории В.Я. Шульгина «Курс всеобщей истории. История средних веков» (1858). Хотя гуситское движение автор рассматривал в разделе «История Германии», а само это движение он называл одним из главных «явлений германской жизни» XIII–XV вв., в гусизме В.Я. Шульгин усматривал, прежде всего, национальные и религиозные причины. Категоричность некоторых антинемецких оценок автора доходит до того, что он, например, ошибочно заявлял, будто «все чехи из национального соперничества приняли его (Гуса – С. Л.) сторону», а «новое учение стало делом народной чести»⁵³. На оценки В.Я. Шульгина, скорее всего, повлияли не славянофильские доктрины, которые только зарождались, а концепции чешского историка Ф. Палацкогго, считавшего, что «чешская история покоится, главным образом, на споре с немецким миром» и австрийского исследователя Й.А. Хельферта, который, хотя и осуждал само революционное движение гуситов, все же признавал закономерности этого движения (упадок католической Церкви, привилегированное положение немцев в Чехии и т.д.)⁵⁴. Нет в трактовке В.Я. Шульгина и обычных для славянофилов утверждений о попытках чехов вернуться в лоно православия. Наконец, в отличие от гуситологов-славянофилов, В.Я. Шульгин подчеркивал огромное влияние на формирование мировоззрения чешского реформатора учения английского богослова Д. Виклефа⁵⁵.

Откровенно славянофильская точка зрения на суть учения Гуса выражена в сочинении выпускника Университета Св. Владимира А.К. Завадского-Краснопольского «Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе» (1866). Та часть этого компилятивного сочинения, которая посвящена гуситскому учению, представляла собой почти сплошной цитатник из работ В.А. Елагина и Е.П. Новикова. Однако наряду с характерными для основоположников славянофильской гуситологии трактовками гуситского учения как результата «православно-византийского влияния» и стремления гуситов вернуться «к греко-византийской церкви»⁵⁶, А.К. Завадский-Краснопольский отмечал огромное влияние на Гуса учения Виклефа. Между тем, факт этого влияния гуситологи-славянофилы либо замалчивали, либо признавали со значительными оговорками.

Главным образом источниковедческий аспект гуситской тематики исследовал киевский медиовист В.А. Бильбасов. В 1869 г. он опубликовал работу «Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные Мартином Лютером». 500-летний юбилей со дня рождения Гуса стал поводом для того, чтобы В.А. Бильбасов впервые на русском языке издал четыре предсмертные письма Гуса. И хотя введение к юбилейному изданию, написанное киевским ученым, компилятивно и неоднократно признавалось таковым как в дореволюционном⁵⁷, так и в современном славяноведении⁵⁸, не оно, а научные комментарии к тексту писем Гуса могут и должны составить главный объект для изучения гуситологов.

Четыре письма Гуса, о которых идет речь, перевёл еще Лютер. В.А. Бильбасов опубликовал их параллельный текст – немецкий и русский. Эти письма Гус написал в Констанской тюрьме незадолго до своей казни. Нельзя не разделить естественного недоумения Л.П. Лаптевой, почему В.А. Бильбасов делал перевод не с чешского, а с немецкого языка, на который Лютер, в свою очередь, переводил письма с латинского⁵⁹. «Мы не имеем под руками чешского подлинника», – объяснял это сам В.А. Бильбасов⁶⁰. Однако в 1868 г., то есть за год до публикации самого В.А. Бильбасова, письма Гуса на языке оригинала опубликовал чешский исследователь Я. Эрбен. Подготовка к изданию у самого В.А. Бильбасова вряд ли заняла меньше года, и пренебрежение киевского ученого к научным зарубежным новинкам в данном случае исключается. Дискуссия о языке издания, с которого В.А. Бильбасов делал перевод, на наш взгляд, не может быть отнесена к числу первостепенных, поскольку многие свои работы Гус писал на латинском, а не на чешском языке, а указания на то, что эти письма были выбраны Лютером из раритетного издания немецкого реформатора, вообще снимают любые вопросы относительно того, почему киевский ученый не перевел эти письма с чешского подлинника.

Само указание на Лютера симптоматично: этим В.А. Бильбасов фактически доказывал преемственность идеи реформы католической Церкви, а подчеркнутая мировоззренческая связь Гуса с Лютером, гусизма с лютеранством в данном случае не менее важна, чем подмеченная Л.П. Лаптевой славянофильская доктрина, в которую полностью вписывается одно из главных утверждений В.А. Бильбасова: «Эпоха реформаторского движения Чехии в XV столетии ... объясняется лишь присутствием православной стихии в историческом организме чешского народа»⁶¹. Таким образом, В.А. Бильбасов-источниковед, а не историк гусизма, должен занимать своё место в гуситологии.

После рассмотренной выше публикации В.А. Бильбасова в Университете Св. Владимира изучением данной проблеме специально не занимались. Единственным обращением к этой теме стала рецензия, в которой киевский ученый Т.Д. Флоринский, в основном со славянофильских позиций, рассматривал сочинение австрийского историка, профессора Черновицкого университета И. Лозерта «Гус и Виклеф. О генезисе гуситского учения» (1884). Т.Д. Флоринский считал, что И. Лозерт, находясь под влиянием чешско-немецкого антагонизма, преувеличивал зависимость Гуса от Лютера и тенденциозно изображал полную несамостоятельность чешского реформатора. «Лозерт упустил из виду, что религиозная оппозиция латинству в Чехии еще в XIV в. отличалась национальным характером», – считал киевский ученый⁶². Тем самым Т.Д. Флоринский, по сути, повторил вывод А.Ф. Гильфердинга о стремлении Гуса и его последователей воссоздать в Церкви «то, что существовало в народе, как действительное предание минувшего»⁶³.

К киевской школе богемистики и гуситологии принадлежали и исследования учёных Киевской духовной академии. Одним из наиболее полных по своему хронологическому охвату в отечественной гуситологии стал труд выпускника этой академии А.Ф. Вертеловского «История гуситов (до утверждения Базельских компактатов)» (1872–1873). Наряду с замеченными еще Л.П. Лаптевой заимствованиями А.Ф. Вертеловского у Е.П. Новикова и А.Ф. Гильфердинга⁶⁴, подчеркнем, что не на них, а на Ф. Палацкого особенно часто ссылался автор. Именно высказывания Ф. Палацкого повлияли на многие выводы А.Ф. Вертеловского, в том числе о сходстве гусизма «с западным протестантизмом»⁶⁵. При этом очевидно стремление автора показать социальный характер гусизма, наряду с религиозно-национальными причинами: «Западный протестантизм ... находил себе приверженцев особенно в высших классах. Гуситское движение ... не во всех классах ... находило себе одинаковое сочувствие: аристократия относилась к нему равнодушнее, чем массы простого народа»⁶⁶. Это соответствует данным источников, в которых сам Гус

среди своих врагов называет, прежде всего, «и епископов, и магистров, и светских князей, и законников»⁶⁷.

Сочинение А.Ф. Вертеловского содержало в себе подробное изложение взглядов чешских реформаторов Милича, Матвея из Янова и самого Яна Гуса. Впервые в отечественной историографии, как отмечала еще Л.П. Лаптева, он привёл и полный текст отречения Иеронима Пражского на Базельском соборе, и два обвинительных акта против него. Среди проповедей Гуса автор выделял не только идею религиозного, но и «нравственного возрождения чешского народа», а о католической партии говорил не иначе, как о «католической чешской партии»⁶⁸. Таким образом, автор подчеркивал ожесточенность борьбы внутри самих чехов, в частности, внутри гуситской партии, что отмечалось и в источниках⁶⁹, а оценка причины поражения таборитов вполне вписывается в определение «давно существовавший раздор»⁷⁰. Само окончание гуситского движения ученый датировал 1436 г. (Иглавским сеймом), в отличие от принятой ныне даты – 1434 г. (битва при Липанах), и встречающейся в чешской историографии даты – 1437 г. (падение Градец-Кралове)⁷¹.

Изучение истории чешской Церкви велось и в Новороссийском (Одесском) университете. Здесь эту тему рассматривал А.А. Кочубинский в монографии «Братья подобой и чешские католики в начале XVII в.» (1873). Об этом периоде автор писал, как о «последних свободных годах чешского народа», и даже называл «последним проявлением» чешской «исторической жизни»⁷². Так же данное событие изображалось и в общероссийской славистике⁷³.

А.А. Кочубинскому удалось создать исследование, базирующееся на тщательной разработке широкого круга письменных источников⁷⁴. К ним, прежде всего, относились пять отделений обширного сборника «Monumenta historiae bohemiae». Они включали в себя декреты «братской общины», «Чешскую историю с 1602 по 1623 г.» П. Скалы из Загоры, «Воспоминания» В. Славаты, «дела утравкистской консистории» и т.д. На важность ряда этих источников указывал впоследствии Б.Н. Флоря⁷⁵.

Общая концепция религиозной борьбы в Чехии, предложенная А.А. Кочубинским, в основном, отражала влияние официальной идеологии. В неё вполне удачно вписывалось утверждение автора о том, что с исчезновением Церкви Св. Кирилла и Мефодия на чешской земле «никогда не исчезала память о великих учителях посреди их первых, чешских учеников...»⁷⁶. В этом контексте нельзя признать абсолютно бесспорным утверждение Л.П. Лаптевой о том, что «в отличие от историков-славянофилов К. (Кочубинский – С. Л.) не стремился доказать православный характер общины, видел влияние на неё западноевропейской реформации»⁷⁷, хотя в дальнейшем та же Л.П. Лаптева указывала: А.А. Кочубинский «недооценивал ... влияния на Общину западноевропейской реформации»⁷⁸. В действительности, А.А. Кочубинский в вопросе о влиянии на общину чешских братьев главную роль отводил Петру Хельчицкому. Влияние же западной Реформации едва ли можно считать доминирующим фактом, поскольку А.А. Кочубинский указывал: когда в 1522 г. община послала Лютеру на рассмотрение свое Исповедание веры, Лютер прервал всякие отношения с общиной⁷⁹. Что касается чешского восстания 1547 г., то А.А. Кочубинский прямо называл его «легкомысленным», имевшим «самые несчастные последствия для благосостояния братской общины»⁸⁰. Этот важный концептуальный вывод целиком соответствует данным источников. К примеру, один из организаторов восстания, Сикст из Оттерсдорфа в своей хронике прямо указывал на суровые репрессии против Братской общины после 1547 г., резкое ущемление свобод Чешского королевства и установление «тирании», при которой «в аду... и то лучше бывает»⁸¹.

А.А. Кочубинский считал Чехию второй половиной XVI в. важнейшим звеном в цепи европейской контрреформации. Верным и аргументированным представляется и вывод А.А. Каченовского о достаточно прочной опоре у иезуитов внутри самой Чехии⁸².

Особое внимание он сосредоточил на изучении подготовки и решений исторического сейма 1609 г. При этом заседания сейма автор стремился фиксировать по дням. При анализе статей маестата учёный вскрыл противоречивость содержания этого документа, указав, в частности, на то, что уже вторая статья о консистории «не согласуется с первой», которой Рудольф «гарантирует свободу подобойского исповедания»⁸³. Тем самым А.А. Кочубинский допускал в скором времени «возможность противникам религиозной свободы оспаривать их главнейшие положения»⁸⁴.

Главными виновниками попытки оспорить эти положения учёный считал новых правителей Чехии – Матвея и особенно Фердинанда II, чьи преследования некатоликов и «цензурные меры» привели к знаменитому восстанию 1618 г. Само восстание А.А. Кочубинский именовал не иначе, как «революцией», однако считал, что эта революция приготовила гибель Чешскому королевству⁸⁵. Он выделял целый комплекс причин поражения чешских протестантов в 1620 г. Среди них, помимо внешнеполитических ошибок, – «словный эгоизм, взаимное недоверие, рознь, мелкие счеты, безучастие массы, преобладание слова над делом» и т.д.⁸⁶, а его выводы о том, что это восстание оказало огромное влияние на международные отношения, стали хрестоматийными и получили подтверждение в современной историографии⁸⁷.

В Нежинском Историко-филологическом институте имени князя Безбородко историю средневековой чешской церкви изучал профессор А.С. Будилович. Характерные черты его исследований – их острый полемический характер, обличительная манера подачи материала. Указанные особенности проявились в его статье «О Яне Непомуцком, иезуитско-габсбургском святом» (1879) и в монографии «Очерки из церковной истории западных славян. Несколько критических замечаний на латинскую легенду о пражском епископе Войтехе» (1880). В них автор стремился не только развенчать заслуги указанных чешских католических иерархов, канонизированных Римом, но и высказать сомнения в объективности данных о них, содержащихся в средневековых летописях.

«Единственный подвиг» Яна Непомуцкого А.С. Будилович видел в том, что тот не открыл чешскому королю Вячеславу (Вацлаву IV) тайну исповеди его жены, королевы Иоанны, за что и был предан мученической смерти. «С точки зрения православной церкви священник, хранящий тайну исповеди, есть явление нормальное, – отмечал ученый. – Только полная деморализация латинского духовенства, обратившего исповедь в средство политической и общественной пропаганды, с одной стороны, и в орудие семейного шпионства, с другой, могла составить тот тёмный фон, на котором образ охранителя исповедной тайны выделился бы в столь ослепительном блеске»⁸⁸. А.С. Будилович провел тщательный анализ нарративных источников конца XIV в., в том числе Свитавской хроники и книг Пражской епископии. Этот анализ позволил ему поставить под сомнение сам факт казни в Праге Яна из Непомука в 1383 г., установленном его канонизаторами. «Высказываем убежденность, что Ян Непомук есть подлог под Яна Гуса, – считал А.С. Будилович, – а с целью вытеснить память последнего из народной памяти было использовано сходство: имен, магистерской степени Пражского университета, духовного звания, наконец, насильственная смерть»⁸⁹.

Свои исследовательские приемы, апробированные на католическом святом Яне Непомуцком, А.С. Будилович на более широкой основе применил вскоре в монографии «Очерки из церковной истории западных славян. Несколько критических замечаний на латинскую легенду о пражском епископе Войтехе». Основными источниками для него послужили два латинские жития Войтеха, написанные Яном Канапариусом и Бруноном.

Будучи последовательным славянофилом ученый рассматривал историю чешской Церкви X в. и деятельность пражского епископа Войтеха исключительно в контексте борьбы восточно-православного и германо-римского начал. Приёмы критического исследования источников А.С. Будиловича свидетельствовали о его высочайшем профессионализме, как источниковеда. Он тщательно сопоставлял данные самых разных памятников по одному и тому же факту биографии Войтеха, что позволило ему пересмотреть некоторые ее вехи. Так, А.С. Будиловичу удалось установить более позднее, чем считалось, время рождения Войтеха (958–960 гг.)⁹⁰. Основное содержание борьбы в чешской Церкви X в. А.С. Будилович усматривал не в столкновении христианства с язычеством, а в противоречиях внутри христианства между приверженцами двух его центров – «грекославянского и романогерманского»⁹¹. Именно в эту борьбу, которая «заняла весь X век и не вполне завершилась даже к концу XI века»⁹², предстояло вступить новоизбранному Пражскому епископу Войтеху.

Одна из главных задач А.С. Будиловича состояла в том, чтобы показать, как относился Войтех к проявлениям влияния восточной Церкви в Чехии и насколько преуспел в искоренении их. «О борьбе Войтеха с преданиями и обрядами славянской церкви в Чехии мы не находим ни одного свидетельства в латинских источниках», – указывал ученый⁹³. В этом

молчании католических авторов А.С. Будилович усматривал не отсутствие борьбы как таковой, а доказательство могущества противников католицизма и бесплодность деятельности Войтеха во главе Пражского епископства. И саму эту деятельность Войтеха, отмеченную «рабским служением идеям и целям латинонемецкой партии»⁹⁴, и его миссионерство в Пруссии А.С. Будилович считал одинаково бесплодными по своим результатам. «Если же латинская церковь вознесла потом еп. Войтеха на пьедестал высоты недостижимой, то это, – считал ученый, – объясняется не столько результатами, сколько направлением его деятельности, а равно и многими побочными целями латинской церкви»⁹⁵. Вывод А.С. Будиловича о бесплодности деятельности Войтеха противоречил мнению Ф.И. Леонтовича, называвшего Войтеха «не политическим агитатором, а честным и искренним проповедником Христова учения»⁹⁶, однако о перспективности проблемы чешско-германских церковных связей X–XI вв. свидетельствовали последующие работы В.Э. Регеля⁹⁷.

Отметим, что о реальных результатах миссионерства Войтеха в Пруссии ничего не сообщает нам хронист Галл Аноним, сочувственно описавший его гибель. По Галлу, Войтех мало чего добился и в Праге, поскольку был изгнан чехами⁹⁸. Согласно другому хронисту, Козьме Пражскому, Войтех был очень «угоден императору своей службой», но по собственному желанию оставил пражскую кафедру из-за «беспутства народа» и «нерадения» духовенства, однако в Пруссии он всё же «посеял слово Божье»⁹⁹.

Своими работами А.С. Будилович внёс основной вклад в изучение учёными Нежинского Историко-филологического института различных аспектов истории средневековой чешской церкви. Краткая публикация другого нежинского профессора М.Н. Сперанского «Гуситы и чешские братья» (1903) вошла в «Книгу для чтения по истории средних веков» и носила научно-популярный характер¹⁰⁰.

В целом, исследователи украинских земель Российской империи внесли значительный вклад в изучение истории Церкви и антикатолических движений в средневековой Чехии. Центрами этих исследований были университеты Харькова, Киева, Одессы, Киевская духовная академия, Нежинский историко-филологический институт. Главными проблемами, которые вызвали постоянный, устойчивый интерес авторов, были: гуситское движение (В.К. Надлер, А.Ф. Вертеловский, В.А. Бильбасов), борьба чехов за религиозную, национальную и политическую свободу во второй половине XV – начале XVII вв. (П.А. Лавровский, А.А. Кочубинский), критика жизни и деятельности канонизированных иерархов чешской католической Церкви (А.С. Будилович). Характерной тенденцией подобных изучений следует считать признание указанными авторами закономерности антикатолических движений против злоупотреблений средневековой католической Церкви. Такой подход особенно проявился в работах по истории гусизма. Вместе с тем в большинстве исследований господствовала славянофильская точка зрения, в соответствии с которой борьба Яна Гуса и гуситское движение вообще являлись извечным стремлением чехов возвратиться в лоно православия и навсегда порвать с западным миром. Поражение антикатолического, антигабсбургского движения в Чехии в 1620 г. рассматривалось как национально-государственная катастрофа, навсегда подчинившая страну немецкому влиянию и католицизму. Кризис славянофильства в конце XIX в. обусловил падение интереса историков украинских земель Российской империи к рассматриваемой в данной статье тематике.

¹ *Лашинюков И.В.* Состояние исторической науки у западных славян // Черниговский листок. – 1863. – № 1. – С. 7; № 2. – С. 16.

² *Багмут А.И.* Листування М.О. Максимовича і П.Й. Шафарика // Слов'янське мовознавство. – 1961. – Вип. 3. – С. 285–286.

³ *Лавровский П.А.* В воспоминание о Ганке и Шафарике // Акт в Харьковском университете 30 августа 1861. – Х., 1861. – С. 3.

⁴ *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 61–74, 79–82.

⁵ *Лиман С.І.* Реформатори католицької церкви XII–XV ст. в працях медієвістів України (1835–1885 рр.) // Науковий вісник Ужгородського Національного університету. – Сер.: Історія. – 2006. – Вип. 17. – С. 145–151.

⁶ *Лиман С.І.* Василь Олексійович Більбасов як історик-медієвіст: київський період його науково-педагогічної діяльності (1867–1871 рр.) // Вісник Харківської державної академії культури (далеє – ВХДАК). – 2009. – Вип. 25. – С. 55–56.

- ⁷ *Лиман С.И.* Из истории изучения средневековых славян: нежинский период научно-педагогической деятельности Антона Семёновича Будиловича (1875–1881) // *Вісник Чернігівського державного педагогічного університету*. – 2009. – Вип. 73. – Сер.: Историчні науки. – № 6. – С. 161–162.
- ⁸ *Лиман С.И.* Середньовічна історія Чехії в працях учених українських земель Російської імперії (1804 – перша половина 1880-х рр.) // *ВХДАК*. – 2007. – Вип. 19. – С. 22, 24–30.
- ⁹ *Котлов С.А.* Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). – Кам'янець-Подільський: Оіом, 2005. – С. 245–251.
- ¹⁰ *Лиман С.И.* Идеи в лагах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Х.: ХГАК, 2009. – С. 367–381.
- ¹¹ *Лиман С.И.* Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917): дис...канд. іст. наук. – Х.: ХДУ, 1993. – С. 157–158.
- ¹² *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь*. – М.: Наука, 1979. – С. 71–72, 99–100, 195–197, 212–213, 247–248; *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян*. – М.: Наука, 1988. – С. 236, 238; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. – М.: Индрик, 2005. – С. 120, 292, 293, 450, 451.
- ¹³ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. – С. 120.
- ¹⁴ *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян...* – С. 144, 235.
- ¹⁵ *Паулович К.П.* Конспект, или краткое обозрение дипломатики вообще. – Х.: Тип. ун-та, 1829. – С. 51.
- ¹⁶ *Лунин М.М.* Переход средней истории к новой и значение сей последней // *Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП)*. – 1835. – № 7. – С. 459–460.
- ¹⁷ *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь...* – С. 326.
- ¹⁸ *Елагин В.А.* Об “Истории Чехии” Франца Палацкога // *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. – 1848. – № 7. – С. 1–44.
- ¹⁹ *Новиков Е.* Гус и Лютер. – М.: Тип. А. Семега, 1859. – Ч. 1. – 228 с.
- ²⁰ Там же – С. 1.
- ²¹ *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. – СПб.: Тип. В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 347.
- ²² *Надлер В.К.* Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV в. – Х.: Тип. Ун-та, 1864. – С. 145.
- ²³ *Пытин А.Н.* Ред. на: *Надлер В.К.* Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV – начале XV в. – Харьков: Тип. ун-та, 1864 // *Современник*. – 1864. – Т. 103. – Отд. 2. – № 7. – С. 45.
- ²⁴ *Шульгин В.Я.* Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов и воспитанников гимназий. История средних веков. – К.: Тип. ун-та, 1858. – С. 162.
- ²⁵ *Надлер В.К.* Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе... – С. 225.
- ²⁶ *Петр из Младоневца.* Повествование о магистре Иерониме Пражском, сожжённом в Констанце во имя Христа // *Гуситское движение в освещении современников / Сост. и пер. проф. Л.П. Лаптева*. – М., 1992. – III. – С. 65.
- ²⁷ *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника / Пер. А.С. Соколова, предисл. и примеч. Й. Мацека. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – V. – С. 27; X. – С. 35.
- ²⁸ *Кутногорский декрет (18 января 1409 г.) // Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / Вступ. ст., пер. и примеч. Г.И. Липатниковой*. – Воронеж, 1973. – С. 65–66.
- ²⁹ *Петр из Младоневца.* Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце // *Гуситское движение в освещении современников / Сост. и пер. проф. Л.П. Лаптева*. – М., 1992. – Ч. 1. I, III. – С. 21, 27.
- ³⁰ *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника... – II. – С. 22.
- ³¹ *Очерки истории исторической науки в СССР*. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 2. – С. 504.
- ³² *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь...* – С. 247; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. ... – С. 450.
- ³³ *Лебедев А.С.* Замечательные иностранные сочинения по истории славянства и его церковной жизни. – М.: Тип. ун-та, 1869. – С. 6–14.
- ³⁴ *Лебедев А.С.* Несколько слов о религиозном положении Чехии // *Православное обозрение (далее – ПО)*. – 1869. – Первое полугодие (май). – С. 250–258.
- ³⁵ Там же. – С. 250.
- ³⁶ *Иванцов-Платонов А.* Очерк истории христианства у славянских народов // *ПО*. – 1869. – Первое полугодие. – С. 664.
- ³⁷ *Лебедев А.С.* Несколько слов о религиозном положении Чехии... – С. 250.
- ³⁸ См.: *Лебедев А.С.* Церковная история: в 3 т. – Х.: Типо-Лит. С. Иванченко, 1902. – Т. 3. – 308 с.
- ³⁹ *Петр из Младоневца.* Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце... – I. 2. – С. 17; I. 4. – С. 28.
- ⁴⁰ *Прекрасная хроника о Яне Жижке // Гуситское движение в освещении современников / Сост. и пер. проф. Л.П. Лаптева*. – М., 1992. – С. 74.

- ⁴¹ Лавровский П.А. Падение Чехии в XVII веке // ЖМНП. – 1863. – № 5. – С. 28.
- ⁴² Там же. – С. 44.
- ⁴³ Шиллер Ф. Сочинения / Пер. с нем. под общ. ред. Н.Н. Вильмонта и Р.М. Самарина. – М.: Госиздат худ. литературы, 1957. – Т. 5. – С. 71, 89–90.
- ⁴⁴ Лантева Л.П. К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. – М., 1987. – С. 11.
- ⁴⁵ Историография истории южных и западных славян. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 184.
- ⁴⁶ Цит. по: Горина Л.В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 115.
- ⁴⁷ Кульбакин С.М. Петр Хельчицкий – чешский Толстой XV столетия // Вестник Европы. – 1909. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 53.
- ⁴⁸ Там же. – С. 54.
- ⁴⁹ Ильинский Г.А. История славян. – Часть 1. История западных славян. – Х., 1908. – С. 20.
- ⁵⁰ Там же. – С. 263–264, 268.
- ⁵¹ Погодин А.Л. Краткий очерк истории славян. – М.: Изд. Г.А. Лемана, 1915. – С. 72.
- ⁵² Там же. – С. 80.
- ⁵³ Шульгин В.Я. Курс всеобщей истории. История средних веков. – К.: Тип. университета, 1858. – С. 162.
- ⁵⁴ См. подр.: Галямичев А.Н. Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX в. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – С. 16, 21–23.
- ⁵⁵ Шульгин В.Я. Курс всеобщей истории... – С. 162.
- ⁵⁶ Завадский-Краснопольский А. Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе. – К.: Тип. ун-та, 1866. – С. 108–110.
- ⁵⁷ См.: Будилович А.С. Рец. на: Бильбасов В.А. Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные Мартином Лютером. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – ХСII, 89 с. // ЖМНП. – 1869. – № 5. – С. 434–436.
- ⁵⁸ Копилов С.А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України... – С. 247.
- ⁵⁹ Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения... – С. 72.
- ⁶⁰ Бильбасов В.А. Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные Мартином Лютером. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – С. 84.
- ⁶¹ Там же. – С. II.
- ⁶² Флоринский Т.Д. По поводу сочинения И. Лозерта «Гус и Виклеф». [Рец. на: Loserth J. Hus und Wiclif. Zur Genesis der husitischen Lehre. – Prag: F. Lemski. – Leipzig: G. Freytag, 1884. – 314 s.] // Университетские известия. – 1884. – № 5. – С. 113.
- ⁶³ Гильфердинг А. Собрание сочинений. – СПб.: Тип. В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 358.
- ⁶⁴ Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения... – С. 80–81.
- ⁶⁵ Вертеловский А. История гуситов (до утверждения Базельских компактатов) // Труды Киевской духовной академии (далее – ТКДА). – 1872. – № 9. – С. 76.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Петр из Младоневиц. Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце... – I. 2. – С. 19.
- ⁶⁸ Вертеловский А. История гуситов (до утверждения Базельских компактатов) // ТКДА. – 1872. – № 9. – С. 102, 115.
- ⁶⁹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника... – LIV. – С. 107; LVI. – С. 114.
- ⁷⁰ Вертеловский А. История гуситов (до утверждения Базельских компактатов) // ТКДА. – 1873. – № 8. – С. 221.
- ⁷¹ Мацек Й. Гуситское революционное движение / Пер. с чеш. Н.М. Пашевой. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1954. – С. 57.
- ⁷² Кочубинский А. Братья подобой и чешские католики в начале XVII века. – Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1873. – С. I, II, 2.
- ⁷³ Иванцов-Платонов А. Очерк истории христианства у славянских народов... – С. 686, 687.
- ⁷⁴ Кочубинский А. Братья подобой и чешские католики... – С. 128.
- ⁷⁵ Флоря Б.Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. – М.: Наука, 1986. – С. 93.
- ⁷⁶ Кочубинский А. Братья подобой и чешские католики в начале XVII века... – С. 2.
- ⁷⁷ Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь... – С. 196.
- ⁷⁸ Лантева Л.П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX – начала XX века // Вопросы истории славян. – Воронеж, 2001. – Вып. 15. – С. 128.
- ⁷⁹ Кочубинский А. Братья подобой и чешские католики... – С. 35.
- ⁸⁰ Там же. – С. 40.
- ⁸¹ Сикст из Отгерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / Пер. с чешск. и коммент. А.И. Виноградовой и Г.П. Мельникова. – М.: Наука, 1989. – С. 106–109.
- ⁸² Кочубинский А. Братья подобой и чешские католики... – С. 100, 113.
- ⁸³ Там же. – С. 168.
- ⁸⁴ Там же. – С. 171.

- ⁸⁵ Там же. – С. 257.
- ⁸⁶ Там же. – С. 344.
- ⁸⁷ *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов... – С. 3, 91.
- ⁸⁸ *Будилович А.С.* О Яне Непомуцком, иезуитско-габсбургском святом. Отдельный оттиск // *Волынские епархиальные ведомости.* – 1879. – № 16. – С. 3.
- ⁸⁹ Там же. – С. 17–18.
- ⁹⁰ *Будилович А.С.* Очерки из церковной истории западных славян. Несколько критических замечаний на латинскую легенду о пражском епископе Войтехе (St. Adalbertus). – Варшава: В тип. Варшавского учебного округа, 1880. – С. 10.
- ⁹¹ Там же. – С. 27.
- ⁹² Там же. – С. 28.
- ⁹³ Там же. – С. 55.
- ⁹⁴ Там же. – С. 146, 148.
- ⁹⁵ Там же. – С. 192.
- ⁹⁶ *Леонтович Ф.И.* Рец. на: *Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии на Северо-Западе. – СПб., 1872) // *ЖМНП.* – 1876. – № 2. – С. 443.
- ⁹⁷ См.: *Регель В.Э.* Учредительные грамоты Пражской епархии // *Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского.* – СПб., 1883. – С. 265–330.
- ⁹⁸ Галл Аноним. *Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л.М. Поповой.* – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – I. 6. – С. 33.
- ⁹⁹ *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – I. 28–29. – С. 70–72; I. 31. – С. 75.
- ¹⁰⁰ *Сперанский М.Н.* Гуситы и чешские братья // *Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Н. Виноградова.* – М., 1903. – Вып. 4. – С. 117–127.

ПРУССКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ПОСЛЕ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1772–1806 ГГ.)

Р. Ковальчик

Ковальчик Р. Прусская политика щодо католицької церкви на польських землях після поділів Речі Посполитої (1772–1806 рр.). У статті розглядається політика Фрідріха II та його наступників – Фрідріха Вільгельма II і Фрідріха Вільгельма III щодо католицької церкви на землях, котрі відійшли до Пруссії після поділу Речі Посполитої, в 1772–1806 рр. Підкреслюється економічне, цивілізаційне та суспільне значення реформ пруської держави, які скасували домінуючу роль католицького костюлу, ліквідуючи при цьому залишки станової держави і утверджуючи капіталістичні відносини у створених на польських землях провінціях: Західній та Південній Пруссії, Новій Східній Пруссії і Новій Сілезії.

Ключові слова: католицька церква; секуляризація; Фрідріх II; капіталізм.

Kowalczyk R. Prussкая политика по отношению к католической церкви на польских землях после разделов Речи Посполитой (1772–1806 гг.). В статье рассматривается политика Фридриха II и его преемников – Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III, по отношению к католической церкви на землях, отошедших к Пруссии после разделов Речи Посполитой в 1772–1806 гг. Подчеркивается экономическое, цивилизационное и общественное значение реформ прусского государства, которые подорвали доминирующее влияние католического костела, ликвидируя при этом пережитки сословного государства и устанавливая капиталистические отношения в созданных на польских землях провинциях: Западной и Южной Пруссии, Новой Восточной Пруссии и Новой Силезии.

Ключевые слова: католическая церковь; секуляризация; Фридрих II; капитализм.

Kowalczyk R. Prussian policy towards the Catholic Church in Polish territories after the partitions of the Republic of Nobles (1772–1806). The article considers the policy of Frederick II and his successors – Frederick Wilhelm II and Frederick Wilhelm III towards the Catholic Church in Polish territories ceded to Prussia after the partitions of the Republic of Nobles in 1772–1806. It emphasizes economical, civilizational and social importance of the reforms of the Prussian state. They undermined predominant influence of the Catholic Church liquidating the remains of estate society and introducing capitalist relations in newly created provinces: Western and Southern Prussia, New Eastern Prussia and New Silesia.

Keywords: Catholic Church; secularization; Frederick II; capitalism.

Во второй половине XVIII века католическая церковь воспринималась как основа феодальной отсталости, тормозящей развитие и движение к новому капиталистическому государству. В Прусском Королевстве отношение к ней изменилось в 1740 году. Тогда вследствие «силезских» войн, которые были частью общеевропейского вооруженного конфликта, известного как война за австрийское наследство, Фридриху II удалось завоевать и удержать в границах прусского государства Силезию.

В Силезии, где католики составляли 45% населения, доминирующие позиции занимал Костел. На владения католической церкви сразу же были возложены высокие налоги, а вскоре произошла конфискация ее собственности и секуляризация имущества. Все это позволило элиминировать феодальные пережитки, превратив эту провинцию в наиболее развитый регион Прусского Королевства с комплексом государственных металлургических комбинатов, предприятий по производству оружия и боеприпасов, а также шахт, которые давали наибольшие прибыли в королевскую казну, что позволило Фридриху II стать абсолютным монархом¹.

После захвата польских земель в результате разделов Речи Посполитой Фридрих II не изменил своей политики в отношении католической церкви. Она была выгодной для экономики новых провинций, в особенности городов. Высокое налогообложение духовенства, конфискация церковного имущества, секуляризация собственности – все это стимулировало развитие городов. В особенности тех, что ранее находились под контролем епископата. Причем, прусская политика по отношению к католической церкви, ее

иерархам, существенно отличалась в Западной Пруссии, захваченной в 1772 году, от политики в Южной и Новой Восточной Пруссии и в Новой Силезии, присоединенных в 1793–1795 гг.

Разница состояла в том, что провинции Западной Пруссии, занятые в 1772 г., населяло около 580 тыс. чел., по большей части протестантского вероисповедания. Значительная часть протестантов проживала и на других территориях, присоединенных к Пруссии во время первого раздела: Королевской Пруссии, Вармии и в шести воеводствах (Познанском, Гнезненском, Иновроцлавском, Брестско-Куявском, а также в землях, лежащих на двух берегах Нотеци). Вследствие чего в 1770–1780-е гг. на польских землях прусского государства преобладали протестанты.

Ситуация изменилась после присоединения очередных польских земель в 1793–1795 гг. Сильные позиции костела и преобладание католиков обусловило то, что при конфискации имущества духовенству предоставляли компенсации (так называемые «компенсации»). 28 июля 1796 года Фридрих Вильгельм II издал декларацию о принятии собственности духовенства, старост и другого имущества церкви в казну государства. Без этого шага экономические реформы, которые Пруссия хотела провести в новых провинциях, были бы невозможны. Установление высоких налогов на духовенство, конфискация и секуляризация его имущества позволили дать импульс развитию больших и малых городов, которые раньше находились в зависимости от католической церкви².

Нужно отметить, что политика Пруссии по отношению к костелу в Силезии и оккупированных польских землях отражала общие тенденции в государствах, которые пошли путем капиталистических преобразований. Секуляризацию церковного имущества в революционной Франции провозгласил Шарль Морис Талейран 10 октября 1789 года. Так же поступил император Иосиф II Габсбург в феврале 1790 г., преследуя цель укрепления абсолютистской власти и государственного организма, что без ослабления позиций католической церкви, а тем самым увеличения доходов казны, сделать было нереально.

Поражение армий государств Старого порядка в борьбе с революционной Францией, несущей на своих штыхах идеалы равенства и свободы, ускорили упадок католицизма в Европе. Выиграла от этого больше всех Пруссия. В империи Габсбургов часть вины за поражение в борьбе с Францией возложили именно на церковь. От Дунайской империи совсем или частично отделились архиепископства Колонии, Тревира, Могунции, епископства Вормации и Спиры, земли Палатината, Клеве, Гульдена, Цвейкбрюккена, графства Спонхейм и Саарбрюккен, а также ряд свободных городов Рейха. За последствия подписанного 9 февраля 1801 года Люневильского мира, по которому Франция получила левую часть Рейна, должно было заплатить феодальное духовенство. 24 августа 1802 года в Регенсбурге собрался Высший совет Священной Римской империи немецкого народа с участием прусских делегатов, где было принято решение о секуляризации имущества духовенства. Причем, за небольшие земли, утраченные Пруссией по ту сторону Рейна, государство получило епископства в Хилдесхайме, Падерборне, Мюнстере (южная часть), Эрфурте, аббатства в Эссене, Херефорде, Кведлинбурге, свободные города Мюльхаузен, Гослар и Нордхаузен, а также часть Электората Могунцкого³, что превратило Пруссию во второе по величине государство в Империи.

Таким образом, секуляризация увеличила потенциал прусского государства: территория, присоединенная к Пруссии, была на 400% больше утраченных земель. В то же время на польских землях секуляризация позволила ввести прусскую администрацию, сориентированную на развитие городов. Повсюду начали приводить в порядок застройки, поддерживая строительство из кирпича, началось улучшение санитарного состояния, введены меры по ограничению пожаров, была реформирована сфера судопроизводства с целью четкого разграничения властей и подчинения ее прусской администрации. Избавившись от феодальных пережитков, которые были присущи Речи Посполитой как сословной державе, где прочные позиции занимала католическая церковь, Пруссия превратилась в современное капиталистическое государство, реализующее военно-экономическую политику Берлина.

Реформы конца XVIII – начала XIX века, которые разрешили свободный оборот зерновых культур, удержание еврейского ремесленничества на сельских территориях, налоговое выравнивание всех социальных групп, всевозможные свободы, касающиеся шляхты и веры, доступ к кредитам, колонизацию, стимулирующую большую производительность

труда и модернизацию сельского хозяйства, секуляризацию имущества костела, наконец, – все это обусловило экономические преобразования в сельской местности. Этот комплекс реформ, ликвидировавших пережитки шляхетской Речи Посполитой и доминирующую роль католической церкви, и обусловил успех Прусского государства⁴.

Огромное положительное влияние на развитие городов, кроме секуляризации костельного имущества, имело изменение юридического статуса евреев. Примером может послужить Новая Ченстохова. Введение здесь прусской администрации, которая начала свою работу с поддержки ремесел и торговли, а также упрощения правил хозяйственной деятельности, привело к наплыву евреев; после чего город будто преобразился. Во многих случаях эти факторы – секуляризация и новое законодательство о евреях – имели фундаментальное влияние на экономическое развитие и во многих других городских центрах. Преобразования, которые вследствие прусских реформ произошли на польских землях, были прелюдией тех экономических перемен, которые имели место позже – в период герцогства Варшавского и Королевства Польского. Реформы были настолько основательными, что сохранились до 1830 года. Следует признать: усилия, предпринятые властями в интересах абсолютистского и милитаристского Прусского государства, создали благоприятные условия для развития польских земель. Это была долгосрочная политика, которая пережила прусский период. Немецкие власти, ликвидируя феодальные пережитки и приспособлявая ситуацию на захваченных землях к социальной структуре своего государства, способствовали капиталистическим преобразованиям на этих территориях. Это был успех, которого не достиг ни один польский монарх, включая последнего короля-реформатора Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, находившегося «на коротком поводке» у русской императрицы Екатерины II⁵.

Указанные реформы, в том числе секуляризация имущества Костела, вызвали миграцию немецкого населения на польские земли, что поддерживалось прусскими властями. С целью ее стимулирования в январе 1803 года правительство в Берлине дало временное освобождение всем колонистам от призыва, распространив его и на их сыновей. Вместе с налоговыми льготами они получили большие свободы и привилегии⁶. О наплыве немецких переселенцев можно судить на примере Калиша. За 1793/1794–1808 гг. количество жителей города возросло на 42,92%, до 6712 чел., а всего Калишского уезда – на 40,92%, до 10 896 чел.⁷, в основном за счет осадников, принесших с собой «новые технологии» в ремеслах и сельском хозяйстве. Центры поменьше в этом департаменте, такие как Шадек, который после Остжешова (668 жителей) был самым уездным маленьким городом, тоже имел высокую динамику роста: в 1793/1794–1808 гг. прирост населения в нем составил 30,86%, а количество жителей достигло 972⁸.

Сложно реально оценить, во что обошлась государственному бюджету колонизационная политика в Южной и Восточной Пруссии. Только Фридрих II потратил на нее свыше 50 млн. талеров⁹. Неизвестно точно, сколько инвестировали на эти цели его преемники, но это были огромные суммы. Карл Георг фон Хойм, министр по делам Силезии и президент Южной Пруссии, утверждал, что цена переселения одной семьи в Силезию составляла 2000 талеров. В то же время, по словам регента Карла Людвика Лоренца из Гамбурга, одна из первых колонизационных акций в Южной Пруссии, которая была начата 13 декабря 1793 года и увенчалась поселением в польской провинции сотен семей из Северной Германии, вылилась в 1000 талеров на одну семью. Цена колонизации была настолько высокой, что на нее не хватало средств. Ситуация изменилась в 1803 году, когда Фридрих Вильгельм III решил дополнительно выделить на осадников 164 221 талер¹⁰.

Оживлению экономической жизни многих регионов, в том числе увеличению количества жителей не только городов, но и сельской местности «польских» провинций, способствовала прежде всего государственная политика, которая инициировала процесс социально-экономических преобразований, создавая реальный фундамент развития захваченных земель на длительную перспективу. Одновременно формировались условия не только для наплыва немцев, но и для активизации евреев, активно занимавшихся торговлей, снабжением армии, а позже, в период Варшавского герцогства, перешедших к промышленным инициативам. Все это стало возможным благодаря продуманной политике прусского правительства на рубеже XVIII–XIX вв. Без его социально-экономических реформ, осуществленных главным образом в 1772–1795 гг., динамичное развитие польских земель, вошедших в состав Прусского королевства, было бы невозможным.

Изменения в законодательстве, касающиеся прав еврейского населения, и секуляризация имущества католической церкви, – это факторы, вызвавшие административную реформу, реформу судопроизводства, системные экономические решения, обязательные к исполнению в «старых» провинциях и жесткое подчинение Берлину новых. Правильность избранного курса убедительно демонстрирует Лодзь – город, относившийся до 1793 года к Вроцлавскому епископству, но не поддерживавший привилегии „de non toleradis Judaeis“. Евреи могли селиться в Лодзи и при Речи Посполитой, однако не делали этого из-за отсутствия необходимых условий, что привело к экономическому застою и стагнации города. Подтверждая этот факт, известный исследователь социально-экономической истории Польши Веслав Пушь утверждает: «... экономическое положение города в конце XVIII в. не привлекало еврейское население, занимающееся главным образом торговлей, для заселения “аграрной” Лодзи»¹. Эта ситуация изменилась лишь после секуляризации имущества Костела при прусском правлении.

Поэтому очевидно, что ослабление доминирующей роли католической церкви, вместе с комплексной реформой экономики, администрации, судопроизводства и социальных отношений на польских землях, вошедших в состав Пруссии, позволили Берлину со временем превратить Королевство Пруссии в развитое капиталистическое государство, а польские земли интегрировать в остальную часть государства, ликвидируя феодальные пережитки, доставшиеся в наследство от Речи Посполитой.

¹ Zbiór materiałów do czasów Augusta III. Biblioteka Polska w Paryżu. Rskp. 27. – S. 186; Archiwum Główne Akt Dawnych. Centralne Władze Wyznaniowe Królestwa Polskiego. Sygn. 62. – S. 35–37; *Korbowicz A., Witkowski W.* Ustrój i prawo na ziemiach polskich / A. Korbowicz, W. Witkowski. – Lublin, 1996. – S. 16–17; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 60; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza Prus w „polskich” prowincjach w latach 1772–1806 // *Studia Humanistyczne. – Społeczne.* – Kielce, 2015. – в печати

² Archiwum Główne Akt Dawnych. Centralne Władze Wyznaniowe Królestwa Polskiego. Sygn. 62. – C. 35–37; *Wąsicki J.* Rozdawnictwo dóbr ziemskich w Prusach Południowych w latach 1796 – 1797 // *Przegląd Zachodni.* – 1955. – Nr. 3/4. – S. 698; *Korbowicz A.* Ustrój i prawo na ziemiach polskich / A. Korbowicz, W. Witkowski. – Lublin, 1996. – S. 16–17; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 59–60; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza Prus w „polskich” prowincjach w latach 1772–1806 // *Studia Humanistyczne. – Społeczne.* – Kielce, 2015. – в печати.

³ *Wąsicki J.* Rzesza i państwa niemieckie 1789–1815. – Poznań, 1982. – S. 60–62, 82, 84–85; *Salomonowicz S.* Prusy. Dzieje państwa i społeczeństwa. – Poznań, 1987. – S. 278; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 60.

⁴ *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 137–138.

⁵ *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 64

⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych. Rada Ministrów i Stanu Księstwa Warszawskiego. Sygn. 215. – S. 233.

⁷ Собственная статистика на основе: *Wąsicki J.* Opisy miast polskich z lat 1793–94. – Cz. 2. – Poznań, 1962. – S. 587; *Grossman H.* Struktura społeczna i gospodarcza Księstwa Warszawskiego na podstawie spisów ludności 1808–1810. – Warszawa, 1925. – S. 92–93; *Puś W.* Lata zaborów 1795–1918 // *Łask. Dzieje miasta / Red. Józef Śmiałowski.* – Łódź, 1998. – S. 174–175.

⁸ *Kowalczyk R.* Szadek na tle sytuacji gospodarczej departamentu kaliskiego przełomu stuleci XVIII i XIX // *Biuletyn Szadkowski.* – T. 8. – Łódź-Szadek, 2008. – S. 133; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 64–65.

⁹ *Salomonowicz S.* Prusy. Dzieje państwa i społeczeństwa. – Poznań, 1987. – S. 155–156; *Kowalczyk R.* Polityka gospodarcza i finansowa Księstwa Warszawskiego w latach 1807–1812. – Łódź, 2010. – S. 88.

¹⁰ *Baumag P.* Schlesien als eigenständige Provinz im altpreußischen Staat (1740–1806) // *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Schlesien / Hrsg. Norbert von Conrads.* – Berlin, 1994. – S. 389; *Bussenius I. Ch.* Die Preussische Verwaltung in süd und Neustpreussen 1793–1806. – Heidelberg, 1960. – S. 283.

¹¹ *Puś W.* Żydzi w Łodzi w latach zaborów 1793–1914. – Łódź, 2001. – S. 11.

РОСІЙСЬКА СЕКТА СКОПЦІВ У РУМУНІЇ ТА ЇЇ ЗВ'ЯЗКИ З ОДНОВІРЦЯМИ В УКРАЇНІ (XIX – ПОЧАТОК XX СТ.)

В. П. Потоцький

Потоцький В. П. Російська секта скопців у Румунії та її зв'язки з одновірцями в Україні (XIX – початок XX ст.). У статті розглядається проблема існування на території Румунії осередків секти скопців. Досліджено особливості діяльності секти, межі її поширення, кількісні показники, організаційні засади. Придільється увага впливу російських скопців із Румунії на динаміку розвитку цієї секти в межах Російської імперії.

Ключові слова: секта; сектантство; скопці; Молдавське князівство; Румунія; місіонерство.

Потоцький В. П. Русская секта скопцов в Румынии и ее связи с единоверцами в Украине (XIX – начало XX в.). В статье рассматривается проблема существования на территории Румынии общин секты скопцов. Исследованы особенности деятельности секты, границы ее распространения, количественные показатели, организационные основы. Уделяется внимание влиянию русских скопцов из Румынии на динамику развития этой секты в пределах Российской империи.

Ключевые слова: секта; сектантство; скопцы; Молдавское княжество; Румыния; миссионерство.

Pototsky V. P. Russian sect of eunuchs in Romania and its connections with coreligionists in Ukraine (19th – early 20th century). The article deals with the problem of the existence of the eunuchs' cells on the territory of Romania. The features of the activity of the sect, the boundaries of its distribution, quantity of sectarians, and their organizational principles are analyzed in the article. The author pays attention to the influence of Russian eunuchs from Romania on the dynamics of this sect within the Russian Empire.

Keywords: sect; sectarianism; eunuchs; Principality of Moldavia; Romania; missionary work.

В умовах відсутності свободи сумління в Російській імперії багато хто з числа релігійних дисидентів обирав еміграцію, як єдиний можливий засіб збереження власної віри. Сектанти від'їжджали за кордон як по одинці, так і масово. Серед організованих виїздів можна пригадати еміграцію значної частини російських і українських духоборів до Канади, молокан та adeptів «Нового Ізраїлю» – до Уругваю. Звісно, індивідуальна еміграція сектантів із Росії мала більш широку географію й поширювалася від Північної Америки до Австралії. Однак певну перевагу російські сектанти-містики та старообрядці, безперечно, віддавали православним країнам, зокрема Болгарії, Греції та Румунії.

Особливі підстави для втечі за кордон були у скопецької секти, що небезпідставно вважалася у Російській імперії надзвичайно шкідливою, а її adeptи підлягали засланням до Східного Сибіру. Скопці – найбільш одіозне, скандально відоме та небезпечно релігійне угруповання. З початком царювання Миколи I уряд розпочав всебічний наступ на цю унікальну своєю жорстокістю секту. 1834 року цей рух було віднесено до розряду «особливо небезпечних сект», потім виключно для нього було введено новий термін: «секта, що пов'язана з лютими, бузувірськими та аморальними діями». А починаючи з 1885 р., вона була віднесена до низки сект, «що пов'язані з лютим бузувірством та фанатичним замахом на життя своє та інших людей, з аморальними, огидними діями»¹. 1842 року за оскотчення інших і самооскотчення була призначена каторга; ця міра покарання залишалася чинною до самого кінця імперії.

Серед численних стратегій скопецької секти щодо виживання та розвитку також не останнє місце займала еміграція її adeptів за кордон. Країною, яку скопці обрали для переховування, стала Румунія (до 1859 р. – Молдавське князівство). Вона ідеально підходила «білим голубам» (самоназва скопців – В. П.), як і adeptам інших «еретичних» вчень (старообрядцям, молоканам), з декількох причин. По-перше, це була єдина на той час незалежна православна держава за межами їхньої батьківщини. А скопці завжди підкреслювали власну відданість православ'ю, ретельно дотримуючись усіх необхідних обрядів. Оскільки еміграція цих сектантів мала виключно релігійний характер, то цілком природно виглядає той факт, що вони шукали притулку саме у православній країні. По-друге,

Румунія мала спільні кордони з Російською імперією, що значно спрощувало переїзд і подальший зв'язок із одновірцями. По-третє, послідовники вчення Кіндрата Селіванова (засновник секти – В. П.), можливо, сподівалися скористатися лакунами у місцевому законодавстві, певний час спекулюючи на власній релігійності та видаючи з себе безвинних жертв царського режиму. І дійсно, верхівка православної церкви у Молдавському князівстві довгий час не усвідомлювала всю повноту небезпеки, що несуть із собою російські вигнанці-бузувіри. Їм навіть певний час надавали своє заступництво вищі церковні ієрархи. Й, нарешті, в Румунії була велика російська та українська діаспора, що складалася як з емігрантів, так і з мешканців прикордонних бессарабських земель. Нагадаємо, що протягом 1856–1878 рр. державні кордони в цьому регіоні двічі зміщувалися.

Оскільки румунська діаспора відігравала надто важливу роль в історії російського скопецького руху, її не оминали своєю увагою майже всі автори, що досліджували секту «білих голубів». Це сотні науковців, переважна більшість яких, однак, торкалися даної тематики побіжно. Серед тих, хто спеціально досліджував історію та побут скопецької секти у Молдавії та Румунії, слід виділити М. Сахарова², П. Сирку³, О. Забеліна⁴, єпископа Таврійського отця Гурія⁵, К. Кутєпова⁶, Л. Енгельштейн⁷. Тема зв'язків румунських скопців з їх українськими одновірцями й досі залишається недостатньо вивченою.

На початку XIX ст. скопці, рятуючись від переслідувань в Росії, просили у молдавського митрополита Веніаміна захисту та патронату. Вони отримали дозвіл на переселення за таких умов: нікого з місцевих мешканців не оскоплювати, ходити до церкви, сповідуватися та тричі на рік прилучатися Святих Таїнств⁸. Так виникла перша скопецька діаспора, яка в подальшому активно впливала на розвиток руху російських «білих голубів».

У результаті масової еміграції апологетів цієї бузувірської секти Румунія поступово перетворилася на головний осередок скопецтва. Як зазначав дослідник російського сектантства С.Д. Маргаритов: «Однією з причин розвитку скопецтва в Росії зараз також є посилення пропаганда його скопцями, які приїжджають з Румунії, **цього світового центру скопецтва** (виділено нами – В. П.), куди оскоплені зазвичай і ховаються, побоюючись суду»⁹. «Столицею» скопецтва називав Румунію й єпархіальний місіонер Кишинівської єпархії Феодосій Кирика¹⁰. А відомий дослідник цієї небезпечної секти К. Кутєпов зазначав: «Язва скопецтва, що з початку проникла в Ясси, охопила значну частину придунайських князівств, та її розвиток погрожував не меншою небезпекою для цих князівств, ніж для Росії»¹¹.

Говорячи про динаміку зростання чисельності «білих голубів» на території Молдавії, а згодом і Румунії, хотілося б навести наступні дані. У 1830-х роках там під підозрою знаходилося лише 60 осіб, що для будь-якої російської губернії було б доволі поганою статистикою. У 1860-х роках у румунських громадах цієї секти нараховувалося вже близько 600 скопців¹², а 1917 року їхня кількість становила приблизно півтори тисячі осіб¹³. Навряд чи у всій Російській імперії прихильників скопецтва на той час залишалось набагато більше.

Крім того, скопці не тільки осідали в Румунії, але й непогано влаштувалися на новому місці. В Росії вони були відомі своїми надзвичайними багатствами та міцними, у тому числі корпоративними, зв'язками. На новому місці російські сектанти доволі швидко монополізували візничий промисел, причому виключно у великих містах. Це прибуткове заняття переконливо свідчить не лише про соціальну адаптованість новоприбулих, але й про численні можливості для налагодження зв'язку та прозелітичної діяльності.

Свого часу зустріч із російськими скопцями у Румунії дуже здивувала відомого революціонера Лева Троцького, який згадував: «Досить великий відсоток громадської прислуги Бухареста (візники, кельнера, портє, посылні) знає російську мову. Серед візників панівне становище займають російські скопці, з широкими стегнами, безбороді, з опухлими обличчями і підлітковими голосами. У них найкращі коні, найкращі екіпажі і найкращі сіряки з шовковими стрічками. Сіряки російські, плісові, справжні, яких мені не доводилося бачити вже кілька років ... Останнім часом скопці продають своїх коней і переходять на автомобілі. Один із них скаржився мені, що військове міністерство забрало у них при реквізиції тисячків коней і заплатило їм лише по 500 франків... Скопці належать до числа найбільших цікавинок румунської столиці. Вони відзначені у неминучому «Путівнику по Близькому Сходу» Мейера, і їм присвячує сторінку Leo Claretti у своїх „Feuilles de route en Roumanie“ (“Дорожні записки в Румунії”))»¹⁴.

Отже, перші скопці з'явилися у Молдавському князівстві ще на початку XIX ст. В одному з офіційних документів того часу знаходимо таку згадку: «...проживавшие в Яссах скопцы, в числе восьми человек, прислали на Высочайшее имя всеподаннейшую просьбу, в коей изъяснили, что удалясь с давних лет за границу и поселясь за Дунаем и в княжествах Молдавии и Валахии; они после всемилостивейшаго манифеста 30-го августа 1814 года прибыли опять в Россию, и некоторые из них уже были приписаны в сословие жителей Бессарабской области, но после того, и именно в 1815-м году, посланы обратно за границу и потом не были уже впущены в пределы России; посему они просили дозволения возвратиться в Россию, где многие из них имеют родных и оседлость»¹⁵.

Перша невеличка колонія російських скопців оселилася в м. Ясси й довгий час існувала там у повному спокої. Молдавський митрополит Веніамін обіцяв вигнанцям свій захист і заступництво, але за умов повної відмови сектантів від прозелітизму. «Білі голуби», як ревні віряни, певний час навіть користувалися повагою місцевих мешканців і православного кліру, а їхні ватажки – іконописці Леонтій і Семіон – запрошувалися для прикрашення місцевих храмів і монастирів. Проте на початку 1830 року над яськими скопцями згустилися хмари: їх звинуватили в кастрації трьох хлопчиків (двох молдаван і росіянина). Тоді мешканці Ясс ледве не лінчували російських сектантів, які, однак, заперечували свою провину¹⁶. Коли провінційний Диван (державна рада) ухвалив постанову про засудження всіх скопців до смертної кари через розстріл, емігранти разом покинули Ясси та зникли у напрямку Валахії, Туреччини, а, можливо, й Росії¹⁷. У цьому епізоді дещо дивує недбалість молдавської влади, що навіть не взяла підозрюваних під нагляд, але у подальшому ми ще неодноразово зустрінемось із подібною ситуацією.

Легковажне ставлення молдавської влади до «скопецької проблеми» красномовно характеризує й той факт, що вже 1835 року в Яссах знов активно діяв досить великий скопецький «човен» (так сектанти називали власні громади – В. П.), що нараховував близько 60 осіб і мав двох «пророків» – Василя Халімона та такого собі Почеряна¹⁸. Якщо судити з прізвищ, то перший з них був українцем, а другий – молдованином, тобто серед скопців в еміграції були не тільки етнічні росіяни.

Того разу влада обмежилася лише примусовим висланням скопецьких «єресіархів» за межі князівства, а для рядових членів громади покарання зводилося тільки до церковного каяття і урочистої обіцянки дотримуватися всіх обрядів православної Церкви (що вони охоче робили й раніше). Взагалі м'яка позиція молдавської світської влади по відношенню до сектантів-бузуврів може бути пояснена заступництвом за скопців російського консула в Яссах та досить прихильним ставленням до них місцевого парафіяльного духовенства¹⁹. Такі симпатії, на думку П. Сирку, «білі голуби» змогли завоювати виключно завдяки своєму багатству та щедрості.

Станом на початок 70-х років XIX ст. «білих голубів» у Яссах нараховувалося значно більше, ніж 60 осіб. Одних лише чоловіків там було близько 100 осіб, жінок – більше 150²⁰. Настільки великих «човнів» навіть в Росії не було. Звісно, свою чисельність яська громада поповнювала здебільшого за рахунок новоприбулих скопців-емігрантів із Російської імперії, але були й прозеліти. Наприклад, серед оскорплених у 1830-і роки неофітів слідство виявило вдову Анастасію та її малолітнього сина Андрія (їхнє прізвище нам лишається невідомим)²¹.

Паралельно з розвитком скопецької громади у Яссах виникали та росли «човни» й в інших місцевостях Молдавії та Валахії. До речі, поява сектантського осередку у прикордонному Ізмаїлі напряму пов'язана з історією яських скопців, оскільки після судових переслідувань 1830 та 1835 рр. значна частина «білих голубів» перебралася саме до цього міста. Проте найбільш відомий ізмаїльський скопець Григорій Яковлев приїхав саме з Росії. Цей чоловік виконував у «човні» функції керманіча-«пророка» та водночас майстра-скопителя. Діяльність секти було розкрито 1859 року після смерті внаслідок невдалої хірургічної операції кількох неофітів. У ході слідства у домі Григорія Яковлева було затримано 13 скопців, а також знайдено хірургічні інструменти, ліки й три зошити з текстами молитов і пісень «білих голубів». Цікаво, що тільки за приховування цих зошитів один із сектантів прямо на місці пропонував поліцейському 55 червонців²². Можна собі уявити, на які матеріальні витрати ізмаїльські скопці були готові заради уникання карної відповідальності. І дійсно, суд над Г. Яковлевим та його послідовниками відбувся, однак

«...громади скопців у Яссах і Бухаресті пустили в хід усі свої тасмні пружини; для порятунку одновірців вони звернулися із проханням до міністра юстиції від імені Яковлева; придбали прихильність високопосадовців, під могутнім впливом яких Ізмаїльська префектура отримала наказ звільнити заарештованих навіть без жодних гарантій з їхнього боку і дати їм вільний виїзд з міста куди їм заманеться. Скопці, отримавши свободу, зробилися зовсім невидимими в Ізмаїлі. Трибунал в свою чергу найближчим часом припинив справу проти них»²³.

З Ізмаїла місцеві скопці розійшлися у різні регіони Румунії. Ходили навіть чутки про те, що дехто з «білих голубів» подався до Тульчі, що на території Османської імперії. Але за словами пресовця Мелхиседека, це навряд чи можливо. Він пише: «Що стосується скопців, то раніше їх було багато в Європейській Туреччині, вони залишилися там з часів перебування російських військ за Дунаєм під час війни 1828 р.; але оскільки турки ненавидять цих чудовиськ набагато більше, ніж християн, ... то вони (скопці) виїхали звідси у різні інші місця, так що тепер у всій задунайській частині тільки в Тульчі знаходяться три або чотири скопця. В інших місцях, у всій Болгарії, Румелії і навіть у Константинополі немає жодного скопця»²⁴.

Відомо, що сам Григорій Яковлев разом із кількома одновірцями пізніше з'явився у с. Миколаївка. Це прикордонне з територією Російської імперії селище було відоме як значний центр місцевого скопечтва. Там знаходили притулок численні втікачі з Росії та України, а також часто переховувалися від переслідувань й румунські піддані, як, наприклад, Г. Яковлев. Саме через Миколаївку здійснювалася лєвова частка контактів скопців-емігрантів із своїми одновірцями, які залишилися на батьківщині. Пожвавленню комунікації ще більше сприяв договір, укладений 1856 року між Росією та Молдавським князівством, згідно з яким мешканцям прикордоння дозволялося вільно перетинати кордон й протягом тижня займатися на суміжній території польовими роботами. Для цього потрібен був лише паспорт, виданий волосним правлінням. А у Миколаївці посаду старшини волосного правління займав один із найбільш ревних прихильників скопечької секти Волошинов. Не дивно, що пропаганда секти «білих голубів» свого часу поширювалася з Румунії на території Бессарабської та Подільської губернії²⁵, а слідом за ними й Херсонщини, Таврії, Катеринославщини та Харківщини.

На початку 1870-х років найбільші скопечькі «човни» на території Румунії розміщалися в таких населених пунктах:

- У Яссах нараховувалося близько 100 скопців чоловічої статі й приблизно 150 жіночої. Всі вони мешкали у передмісті, що називалося Пекурарій, та займалися візницьким промислом та бджільництвом.
- У Бухаресті мешкало в той час 135 прихильників скопечької секти. З них 74 чоловіка та 61 жінка. На життя заробляли також переважно візництвом.
- У Галаці кількість «білих голубів» на початку 1870-х років досягла 205 осіб (105 чоловіків, 51 жінка та 49 дітей обох статей).
- У с. Миколаївка нараховувалося 57 прихильників скопечтва, з них 30 чоловіків, 10 жінок і 17 дітей обох статей. Миколаївські скопці особливо тісно спілкувалися з одновірцями на російських територіях та у Бухаресті.
- У с. Новотроїцьке, що коло м. Кілії, свого часу мешкало 18 скопців (11 чоловіків та 7 жінок).
- У с. Василівка проживало 16 оскоплених сектантів (6 чоловіків, 2 жінки та 8 дітей обох статей)²⁶.

Дивує той факт, що для румунської влади наявність серед сектантів дітей із слідами ампутації не була достатнім приводом для покарання дорослої частини громади. У Росії, як правило, закон був безжалюгідним для таких бузувирів.

Вплив румунських скопців на одновірців у сусідніх Бессарабії та Поділлі залишався дуже значним, причому контакти були налагоджені в двох напрямках: з-за кордону в Україну приходили зазвичай досвідчені пропагандисти секти, а до Румунії тікали ті сектанти, кого розшукувала російська поліція. Так, наприклад, 1870 року «човен» балтських скопців у Подільській губернії вдалося відкрити завдяки арешту під час «радіння» (так називалося моління сектантів – В. П.) румунського підданого Михайла Іванова, який виявився оскопленим, до того ж він мав при собі записи з текстами скопечьких пісень²⁷. В свою

чергу, лідер балтських скопців Семен Булатович разом із найближчим помічником Павлом Савицьким досить оперативно встигли зникнути з місця проживання та переправитися до Румунії, напевно також через Миколаївку. Таким чином, поліції вдалося захопити більше ніж півсотні особливо небезпечних сектантів, в той самий час як їхні ватажки по таємних каналах зуміли переміститися за кордон²⁸.

Особливо посилилася скопецька пропаганда з Румунії після прийняття в Росії імператорського маніфесту про свободу сумління 1905 року. Як писав херсонський єпархіальний місіонер М. Кальнев: «Дізнавшись про свободу віри в Росії, румунські скопецькі майстри (скопцетелі) розбрелися по всіх наших губерніях, усюди насаджуючи своє бузувірське вчення й оскопляючи спокушених в їхню секту. Судові процеси про скопців майже одночасно почалися в багатьох губерніях, але раніше за всіх – в Херсонській, як більш близькою до Румунії, зі скопцями якої херсонські скопці завжди мали, як і тепер мають, постійне і дуже живе спілкування»²⁹.

Приміром у Харківській губернії скопецький рух після 1905 року значно поживався. Почали приїздити місіонери з діаспори, що жила у Румунії. На хуторі Шаром Валківського повіту прибули до 25 «братів» з-за кордону, з'явилися нові «білі голуби» і у селі Ново-Георгієвському Куп'янського повіту³⁰. Приїхав із Румунії відомий серед сектантів майстер-скопитель І. Негребицький, який оселився на хуторі Лісний Зміївського повіту, де разом із О. Розіньковою відкрив підпільну хірургічну палату та проводив там операції³¹. Що цікаво, І. Негребицький та О. Розінькова, які очолювали секту та називалися «Спасителем» та «Богинею», не були фізично оскопленими³².

Як виявило проведене 1909 року слідство, у «богородиці» миколаївського скопецького «човна» Є. Гуріної у Румунії був власний будинок. А майстер-скопитель з її громади А. Кривошеев за кошти секти відправляв на румунську територію тих неофітів, хто хотів покинути Російську імперію³³. І таких прикладів, що свідчать про наявність тісних зв'язків українських скопців з їхніми румунськими «братами», є чимало.

Однак найбільш показовим випадком, що став справжньою подією в історії «скопецького народу», є «пришестя» з Румунії до Російської імперії нового сектантського «месії» Кузьми Лісіна, який прямував до Москви територією українських губерній.

Колишній селянин Московської губернії, скопець К. Лісін після еміграції жив у м. Галац; він декілька разів переходив на російський бік кордону і далеко подорожував углиб Таврійської та Херсонської губерній. Перед третім вирішальним візитом на батьківщину К. Лісін піднявся на гору, що поблизу м. Галаца, та у присутності кількох скопців оголосив себе Сином Божим. Свідки цієї події – І. Ковальов, М. Карташов та В. Іванов – були названі відповідно Іоанном Богословом, Іллею Пророком та Василем Великим³⁴. Серед сектантів одразу почали поширюватися чутки, що на горі Сіон відбулося сходження Ісуса Христа на землю, а бачили це «відомі святі».

Заслугують на увагу чутки про те, що нібито за К. Лісіним стояли заможні скопці, зокрема купець С. Купріянов, які організували та режисували усе це дійство³⁵. Заможний й фанатично відданий скопецькій справі Семен Купріянов був одним із засновників так званого «святого обрання» – фундаменталістського братства, що виступало за необхідність повернення до чистої віри та зречення від усіх мирських інтересів. Членами цієї групи ще були скопці Юхим Купріянов, Федір Безутов, Федір Мартинов та той самий Волошинов, який виконував обов'язки волосного старости у Миколаївці. Саме вони й знайшли харизматичного Кузьму Лісіна, зробивши з нього нового скопецького «скупителя». «Ти будеш дровом від землі й до неба, – казав Купріянов Лісіну, – і на цьому дереві багато птахів будуть вити свої гнізда»³⁶.

Новий «скупитель» оголосив усім про наближення Страшного суду і, головне, повідомив, що на ньому тримати відповідь доведеться навіть оскопленим «братом», які забули свою віру та неправедно живуть. До того серед сектантів вважалося, що «охрещена вогнем» (тобто кастрована – В. П.) людина одразу потрапить у Царство Боже. У 1870-х рр. у скопецькому суспільстві Румунії склалися дві умовні фракції віруючих. Перші, як правило заможні скопці, надавали перевагу світському способу життя, не дотримувалися традицій секти та заборон, що вона покладала на своїх adeptів. Вважалося, що одного їхнього оскоплення достатньо для спасіння. Інше угруповання сектантів, зазвичай молодих та незаможних людей, засуджувала помірковану частину громади, вимагаючи

від неї чіткого виконання усіх скопецьких законів. Як свідчив на суді прихильник К. Лісіна скопєць Волошинов: «...замість належного стриманого життя у всьому, вони (тобто представники поміркованої групи – В. П.) так само, як і усі погани, особливо міські скопці, люблять світську суєту; заражені пристрастю до безмежного збагачення: у кого є сотні – намагається нажити тисячі, у кого є тисячі – мільйони... Одним словом, збилися з точки істини, почали жити по плоті, а не по духу, та впали у спокусу, у руки ворога душі людської»³⁷. Інший сектант С. Купріянов, перед походом К. Лісіна до Москви писав про падіння моральності серед сектантів: «Скопці з Росії..., побачивши (в Румунії – В. П.) різницю проти російських скопців (там ведуть життя скоромніше та доброзвичайніше), повертаються назад напризволяще за тим, щоб краще в Росії зазнати страждань та бути засланими до Якутська, ніж знаходитися серед самозадоволених людей, які не піклуються про спасіння душі своєї»³⁸.

Як бачимо, К. Лісін розпочав рух за очищення організації, який, безперечно, мав соціальне забарвлення. Саме з цих причин, на нашу думку, ініціативи нового «месії» мали зустріти велику підтримку скопців, як у Російській імперії, так і за кордоном. Звинувачення у несправедному житті, що висували представники радикальної частини сектантів на адресу поміркованої групи, на нашу думку, слід розуміти як натяк на відсутність пропагандистської діяльності діаспорян. Головною провинною скопця могло бути небажання збільшувати «братство», наближаючи тим самим Царство Боже (за легендою воно мало настати, коли кількість «білих голубів» досягне 144 000 – В. П.). Не виключено, що реформатори намагалися виштовхнути максимальну кількість емігрантів назад у Росію з метою розгортання там агітаційної роботи.

К. Лісін послав проповідників до Російської імперії із радісною звісткою про повернення «скупителя», який наказував «своїм вірним діточкам», щоб ті його зустрічали та збиралися до Москви, де «явний цар» віддасть трон скопецькому царю. Три групи емісарів (з Галацу – до Орловської губернії, з Бухаресту – до Тульської, з Бессарабії – до Курської) везли 5 прокламацій батюшки-скупителя³⁹. Восени 1872 р. К. Лісін в оточенні прихильників вирушив у Росію, там його зустрічали скопці як справжнього спасителя та визнаного керівника. Він відвідав усі скопецькі «човни» Херсонської та Таврійської губерній, закликаючи «білих голубів» прийняти його як «месію». Звісно, в ході цієї гучної пропагандистської акції здійснювалися й нові навернення неофітів до скопецької секти. Наприклад, у Херсонській губернії К. Лісін та його «апостоли» оскопили близько 100 чоловік⁴⁰. Звідти залізницею скопці-реформатори досягли м. Харкова, потім перебували у слободі Кам'янка Куп'янського повіту⁴¹ і далі вже вирушили на Белгородщину й потім на Курщину, де у грудні 1872 р. їх арештували. Про роль слобожанських православних місіонерів у викритті цих пропагандистів забороненої секти можна докладніше дізнатися з наших попередніх статей⁴².

1875 року у Мелітополі відбувся знаменитий «процес-монстр», коли на лаві підсудних опинилися одразу 136 послідовників К. Лісіна разом зі своїм «месією». 46 чоловіків, 85 жінок і 5 хлопчиків були вихідцями з Бессарабської, Херсонської, Таврійської, Харківської, Курської губерній і, звісно, з Румунії. Судовий процес відбувався публічно й мав широкий резонанс у суспільстві. Після опитування 150 свідків присяжні висловилися за засудження 76 дорослих скопців. Решту виправдали як постраждалих⁴³.

Слід звернути увагу, що визнавали нового «скупителя» далеко не всі скопці. Деякі керівники провінційних «човнів» мали великі сумніви щодо його святості. Соціальна різниця між рядовими скопцями та ватажками громад визначала ставлення багатьох скептиків з числа верхівки. Але переважна більшість, безумовно, вірила у К. Лісіна. На судовому засіданні в Мелітополі було багато глядачів із числа сектантів, які прийшли співчувати своєму «Богові» та «Цареві»⁴⁴. Коли судді запропонували трьом «пророкам» зректися К. Лісіна, то двоє визнали, що той є Божеського походження, а третій – М. Карташов – сказав, що це помилка і перед ним звичайний селянин. Його виправдали, і у той час, коли іншим оголошували судовий вирок, М. Карташов впав на коліна перед К. Лісінім та, хрестячись по-скопецькому двома руками, ридав: «Прости мене, Господи!» «Скупитель» простив відступника та обіцяв молитися за нього⁴⁵. На всіх присутніх ця історія справила велике враження та розійшлася по «човнах» як легенда. Даний інцидент переконливо свідчить, наскільки сильною була віра скопців у К. Лісіна.

Підводячи підсумок, хотілося б сказати, що з початку XIX ст., Молдавське князівство, а потім і Румунія перетворилися на ще один полюс доволі вузького скопещького світу. Причому цей новий потужний осередок найбільш бузувірського різновиду російського сектантства став серйозною альтернативою традиційним центрам містичного руху «білих голубів». За Дністер та Дунай перебиралися не тільки переселенці, які змушені були рятуватися від судових переслідувань в Росії, туди свідомо їхали й скопещькі ватажки, й цілі громади заради початку нового життя. Згуртованість, високий рівень конспірації та корпоративізм дозволили «білим голубам» закріпитися на новому місці й навіть зайняти там доволі прийнятну для них соціальну нішу. Проте сам принцип неприродного поповнення лав скопещької секти вимагав від її adeptів активної прозелітичної діяльності. Оскільки між скопцями з Російської імперії та місцевими мешканцями існували значні відмінності на культурному та ментальному рівні, весь немалий потенціал румунських «човнів» був спрямований майже повністю на колишніх співвітчизників. Саме тому використовувалися різні форми комунікації між скопещькою діаспорою та її батьківщиною, однак пріоритетними залишалися лише два напрямки: з Румунії на територію України та Росії постійно направлялися скопещькі емісари, а у зворотному напрямку переправлялися ті з числа сектантів, хто шукав порятунку та безпечного життя.

¹ Скопцы // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Б. Андреевского; издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Т. 59. – С. 227.

² Сахаров Н. Последнее движение в современном скопчестве // Христианское чтение. – 1877. – № 9-10. – С. 400–447.

³ Сырку П.А. Русские мистические секты в Румынии // Христианское чтение. – 1879. – Ч. 1. – № 1–2. – С. 32–68.

⁴ Забелин А. Движение вперед в секте скопцов // Древняя и новая Россия. – 1878. – № 2. – С. 130–138.

⁵ Гурій, єпископ Тавричеський. О скопческом учении по последним о нем известиям. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1877. – 184 с.

⁶ Кутенов К. Секты хлыстов и скопцов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/34544/read#page2> (дата обращения: 03.03.2015).

⁷ Энгельштейн Л. Скопцы и царствие небесное. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 328 с.

⁸ Сырку П.А. Русские мистические секты... – С. 32.

⁹ Маргаритов С.Д. История русских рационалистических и мистических сект. – Симферополь: Таврич. губ. тип., 1910. – С. 39.

¹⁰ Отчет епархиального миссионера-проповедника, протоиерея Феодосия Кирики за 1913 год // Кишиневские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 8.

¹¹ Кутенов К. Секты хлыстов и скопцов... – С. 254.

¹² Grass K. K. Die Russischen Sekten. – Т. 2. Die Weissen Tauben oder Skoptzen. – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1914 – S. 459.

¹³ Энгельштейн Л. Скопцы и царствие небесное... – С. 297.

¹⁴ Троцкий Л.Д. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm083.htm> (дата обращения: 03.03.2015).

¹⁵ Кутенов К. Секты хлыстов и скопцов... – С. 251.

¹⁶ Сырку П.А. Русские мистические секты... – С. 34.

¹⁷ Там само. – С. 35.

¹⁸ Там само. – С. 36–37.

¹⁹ Там само. – С. 37.

²⁰ Там само. – С. 39.

²¹ Там само. – С. 37.

²² Там само. – С. 41–42.

²³ Там само. – С. 42–43.

²⁴ Там само. – С. 45.

²⁵ Потоцький В. Секта скопців у Бессарабії та на Поділлі (середина XIX – початок XX ст.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, №1138, «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». – Вип. 19. – Харків, 2014. – С. 62–68.

²⁶ Сырку П.А. Русские мистические секты... – С. 61–63.

²⁷ О скопческой секте и проявлении ея в Балтском уезде Подольской губернии // Подольские епархиальные ведомости. – 1878. – № 13 – С. 480–481.

²⁸ Потоцький В. Секта скопців у Бессарабії та на Поділлі... – С. 64.

²⁹ *Кальнев М.* Судебное дело Гуриной и других скопцов г. Николаева – СПб.: Тип. «Колокол», 1909. – С. 1.

³⁰ *Айвазов И.* Харьковское сектантство к 1908 г. – Харьков: Отд. отт. из журнала «Вера и разум», 1908. – С. 19.

³¹ *Кальнев М.* По поводу оправдания харьковских скопцов // *Ревнитель*. – 1911. – № 8. – С. 20.

³² Російський державний історичний архів (РДІА), ф. 821, оп. 133, спр. 233, арк. 15.

³³ *Кальнев М.* Судебное дело Гуриной... – С. 18, 57.

³⁴ *Забелин А.* Движение вперед в секте скопцов // *Древняя и новая Россия*. – 1878. – № 2. – С. 130.

³⁵ Там само.

³⁶ *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов... – С. 256.

³⁷ *Сахаров Н.* Последнее движение в современном скопчестве // *Христианское чтение*. – 1877. – № 9–10. – С. 403.

³⁸ Там само. – С. 404.

³⁹ Там само. – С. 424.

⁴⁰ Там само. – С. 400.

⁴¹ Державний архів Харківської області (ДАХО), ф. 3, оп. 253, спр. 35, арк. 13.

⁴² *Потоцький В.* Роль православного духовенства у виявленні скопечької ересі на Слобожанщині (1815 – 1905 рр.) // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*, № 603, «Історія України». – Вип. 6. – Харків, 2003. – С. 8–17; *Його ж.* Духовні скопці у Харківській губернії (1870 – 1880 рр.) // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*, № 835, «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». – Вип. 11. – Харків, 2008. – С. 21–28.

⁴³ *Энгельштейн Л.* Скопцы и царствие небесное... – С. 118; *Емельянов Г.* (*Ковальский С.М.*) Рационализм на Юге России // *Отечественные записки*. – 1878. – № 3. – С. 209.

⁴⁴ *Забелин А.* Движение вперед в секте скопцов... – С. 130.

⁴⁵ Там само. – С. 137.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО XIX – НАЧАЛА XX В. КАК ТИП СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ГРАНИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

П. В. Еремеев

Еремеев П. В. Старообрядничество XIX – начала XX ст. як тип соціальної спільноти: внутрішні та зовнішні межі (за матеріалами Харківської губернії). У статті здійснена спроба охарактеризувати старообрядницьке населення Харківщини як тип соціальної спільноти. Показано, що старообрядницьке населення Російської імперії являло собою умовну соціальну спільноту, що складалася із великих соціальних груп – згод. Їхніми структурними елементами були старообрядницькі общини (малі та середні соціальні групи). Характеризуються внутрішні та зовнішні межі старообрядництва, аналізується взаємовплив старовір'я та раціоналістичного сектантства у Харківському регіоні, показано вплив практик приховування віри на внутрішню структуру старообрядницьких общин.

Ключові слова: старообрядці; згоди; Харківська губернія; соціальна спільнота; уявлені спільноти; сектантство; приховування віри.

Еремеев П. В. Старообрядчество XIX – начала XX в. как тип социальной общности: внутренне и внешние границы (по материалам Харьковской губернии). В статье предпринята попытка охарактеризовать старообрядческое население Харьковской губернии как тип социальной общности. Показано, что старообрядчество Российской империи представляло собой условную социальную общность, состоящую из больших социальных групп – согласий. Их структурными частями были староверческие общины (малые и средние социальные группы). В статье охарактеризованы внутренние и внешние границы старообрядчества, анализируется взаимовлияние староверия и рационалистического сектантства в Харьковском регионе, показано влияние практик сокрытия веры на внутреннюю структуру старообрядческих общин.

Ключевые слова: старообрядцы; согласия; Харьковская губерния; социальная общность; воображаемые сообщества; сектантство; сокрытие веры.

Eremeev P. V. The Old Belief in the 19th – early 20th century as a type of social community: internal and external borders (the case of Kharkiv province). The paper deals with the Old Believed population of Kharkiv province as a type of community. It is proved that the Old Belief in Russia was a social category, which consisted of the large groups – concords. The Old Believers' communities as primary and secondary groups were structural elements of concords. In the article the internal and external borders of the Old Belief are characterized, the mutual influence of the Old Belief and rational sectarianism in Kharkiv province is analyzed and the impact of the faith concealment by the Old Believers on their communities' social structure is shown.

Keywords: Old Believers; concords; Kharkiv province; social community; imagined community; sectarianism; concealment of faith.

Старообрядчество как особый общественный феномен довольно рано стало привлекать к себе внимание исследователей. Уже в миссионерских трудах XVIII в. были осуществлены первые попытки определить характер социальных связей внутри старообрядческого сообщества¹. С середины XIX в. к этому вопросу стали активно обращаться светские исследователи. Начали предприниматься попытки охарактеризовать внутренние и внешние границы старообрядчества, в частности, выяснить, существовало ли жесткое разделение между староверием и другими направлениями русского религиозного диссидентства, определить уровень внутриконтрафессиональной дифференциации внутри «старой веры»². При этом ответы исследователей на данные вопросы нередко противоречили друг другу.

На современном этапе данный вопрос приобретает особую актуальность, ведь интересы социогуманитарных наук все больше сосредотачиваются на «границах» различных общественных и культурных сущностей (языков, культур, стран и т.д.)³. На новом методологическом уровне поставлена и проблема определения внешних и внутренних границ староверия⁴. Однако, как признает известный современный религиовед Е.И. Аринин, границы старообрядчества до сих пор остаются недостаточно очерченными⁵. В целом, можно констатировать кризис подходов, в основе которых лежит стремление охарактеризовать

социальную организацию старообрядческого сообщества на основе произвольно избранных признаков, используя крайне нечёткие, скорее художественные, чем научные определения («извилистая граница», «изолированные миры», «переходной оттенок», «гармоничное целое», «точки идеологического пересечения», «чёткость примыкания» и т.д.). Назрела необходимость исследования, в котором на основе современных междисциплинарных подходов структура старообрядческого сообщества, его внутренние и внешние границы будут охарактеризованы в чётких дефинициях, выработанных в рамках социологии и религиоведения. При этом, исходя из признания базисного для трансдисциплинарных стратегий тезиса о существовании различной уровней реальности⁶, следует учитывать теоретически сформулированное старообрядческой элитой мировосприятие, бытовые представления, нормы и практики староверов, общественные связи различных уровней.

Нами была предпринята попытка установить типы социальных общностей, к которым принадлежало старообрядчество Харьковской губернии и его отдельные группы в XIX – начале XX вв. Изучение социальной структуры старообрядческой общности в масштабах отдельного региона позволяет анализировать проблему на различных уровнях, реализуя выработанный в рамках «новой социальной истории» принцип «игры масштабами», сочетая элементы микро- и микроанализа. В Харьковской (до 1835 г. – Слободско-Украинской) губернии существовали давние старообрядческие традиции, были распространены различные направления старообрядчества и сектантства, что позволяет исследовать вопрос о взаимопроникновении этих двух течений религиозной оппозиции, анализировать влияние субконфессиональных различий на социальную структуру старообрядческого населения.

Источниковой базой исследования стали статистические источники (в частности, материалы переписи 1897 г.), миссионерские отчеты, уголовные дела против староверов, жалобы и ходатайства старообрядцев в органы государственной власти. Часть из указанных источников опубликована, часть хранится в фондах Государственного архива Харьковской области и Российского государственного исторического архива.

Следует отметить, что характеристика сущности понятия «старообрядчество» является отдельной научной проблемой. В качестве рабочей дефиниции воспользуемся определением М.О. Шахова: старообрядчество – это общее название духовенства и мирян, которые не признают реформу в Русской Православной Церкви, осуществлённую в середине XVII в. патриархом Никоном, суть которой заключалась в приближении русских обрядов и богослужебных текстов к греческим образцам. Среди староверов сложилось несколько религиозных организаций (так называемых толков и согласий), каждая из которых считает себя истинной Православной Церковью⁷.

В современной социологии выделяют различные типы социальных общностей. Наиболее общим является их разделение на реальные и условные (номинальные). Первые являются «совокупностями индивидов, характеризующихся относительной целостностью, выступают как самостоятельный субъект исторического и социального действия и поведения», то есть, они существуют реально, а не являются лишь абстракциями, созданными для анализа общественной жизни. Вторые, наоборот, выделяются произвольно, на основе общих черт, выделенных внешним наблюдателем. В условных общностях отсутствуют обязательные связи, поэтому некоторые социологи вообще не называют их общностями в прямом смысле этого слова (Я. Щепанский использует термин «социальное множество»)⁸.

Старообрядчество в целом не может считаться реальной социальной общностью, ведь почти с самого начала своего существования староверие не было идеологически единым, причём староверы разных согласий отрицали православность друг друга, считая истинной Церковью только собственное согласие. Единой старообрядческой идентичности, не говоря уже об организационном единстве, не сложилось⁹. На материалах Харьковской губернии также не прослеживается регулярного взаимодействия между старообрядцами разных согласий.

Таким образом, совокупность различных религиозных групп, объединяемых термином «старообрядчество», может быть охарактеризована как социальная категория. Под социальной категорией в социологии понимается вид социального множества (или условной социальной общности), выделение которого осуществляется на основе некоей общей черты, присущей определенной совокупности индивидов (одной из этих черт может быть вероисповедание)¹⁰. Конечно, на всероссийском уровне имели место факты взаимодействия различных старообрядческих согласий¹¹, велась постоянная полемика между их предста-

вителями, предпринимались попытки объединений (как правило, безуспешные)¹². Более того, в начале XX в. среди части старообрядческой интеллигенции стали циркулировать идеи старообрядческого единства¹³.

Всё это позволяет говорить о том, что старообрядческая элита находилась в одном интеллектуальном поле, в рамках которого происходило активное умственное взаимодействие как в пространстве (между современниками), так и во времени (с предшественниками). При этом общее интеллектуальное поле старообрядческих лидеров имело тенденции к превращению в дискурсивное, в котором словесное взаимодействие трансформируется в определенный тип социальной практики¹⁴. Однако указанные факты не вступают в противоречие с тезисом о старообрядчестве, как об условной социальной общности. Как отмечает С.С. Новикова, некоторые условные общности очень близки к реальным, им бывают свойственны сплочённость и контактность, если признак, по которому происходит распределение людей, является существенным¹⁵. Именно это мы видим в случае со старообрядчеством. Но уровень взаимодействия старообрядческих согласий не позволяет говорить, что старообрядчество в период до 1917 г. превратилось из социальной категории в реальную социальную общность. Имели место отдельные тенденции в этом направлении.

Гораздо лучше под определение реальной социальной общности подходят старообрядческие согласия – объединения верующих, придерживающихся той или иной разновидности обрядовой практики¹⁶ (а в случае со старообрядчеством это неотделимо от тех или иных интерпретаций вероучения). Старообрядчество практически никогда не было организационно и идейно единым. На уровне теоретически сформулированных религиозных идей практически во всех старообрядческих согласиях существовало представление о своей конфессии как единственной истинной Церкви Христовой. Другие же направления староверия воспринимались как раскольнические или еретические группировки¹⁷. Но возникает вопрос, насколько глубоко это представление проникало в старообрядческие массы? Соответственно, насколько осозанным среди староверов было ощущение сопричастности с членами своего согласия и обособленности от представителей других направлений старообрядчества?

При ответе на данный вопрос мы опирались на концепцию Б. Андерсона, в соответствии с которой «любое сообщество, большее первоначального поселения с непосредственным контактом между жителями (хотя, возможно, и оно) является воображаемым»¹⁸. Воображаемым в том смысле, что его представители никогда не будут знать большинства членов этого сообщества, даже не будут слышать о них. И все же, в воображении каждого из них будет жить образ своей сопричастности с членами этого сообщества. При этом, как отмечает Б. Андерсон, «манера представления» сопричастности лица с определенной группой людей в разные периоды была очень разной. Исходя из этих положений, мы попытались выяснить, каким образом происходило представление согласия его членами, как различные группы староверов воспринимали границы своей религиозной группы.

Имеющиеся источники позволяют утверждать, что среди многих старообрядцев Харьковского региона представления о границах своего согласия были размытыми. Так, в ходе Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Харьковской губернии из 7118 «старообрядцев и тех, кто уклонился от православия» 4554 (64%) не указали своего согласия. Харьковщина в этом отношении не была уникальной. В целом по империи, по данным переписи, доля лиц, не указавших своё согласие среди «старообрядцев и тех, кто уклонился от православия» составляла 45%¹⁹.

Похожая ситуация наблюдается в некоторых старообрядческих общинах и в наше время. Так, проведенный в 1970-е гг. Л.Ю. Брацлавским опрос среди старообрядцев Чувашии показал, что многие из них не знали, к какому согласию принадлежат²⁰. Ю. Пентикьяйнен приводит характерное высказывание старообрядца-беспоповца Амвросия Сидорова, записанное в 1991 г. в одном из населенных пунктов Балтийского региона: «У нас три церкви: православная, старообрядческая и федосеевская»²¹. С канонической точки зрения такое высказывание является абсурдом. И поморцы (именно их молитвенный дом Амвросий Сидоров называл старообрядческим), и федосеевцы на уровне теоретически сформулированных положений своей веры считают себя православными старообрядцами. Приведенная цитата позволяет сделать вывод о размытости бытовых представлений некоторых староверов о сущности конфессиональных границ внутри старообрядчества. Судя по данным переписи 1897 г., в конце XIX в. подобная размы-

тость представлений о собственной конфессиональной идентичности была очень распространённой среди рядовых староверов.

Стоит также отметить, что далеко не всегда следование своей вере было выражением чётко осознанных экклезиологических идей. М.П. Гиляров-Платонов, характеризуя особенности религиозной идентичности населения Российской империи XIX в., отмечал, что догматы малоизвестны народным массам, принадлежность к определенной церкви является, скорее, обычаем, принадлежностью быта. Разница лишь в том, что в вероисповедании к простому обычаю добавляется предствление, однако не везде ясное и достаточно прочное, что «в этой вере спасешься»²². Современный исследователь старообрядчества А.А. Пригарин указывает, что среди староверов Придунавья следование «старой вере» нередко было «порождено скорее традиционализмом, чем сознательным предпочтением»²³.

Подобное восприятие своей веры имело место и среди старообрядцев Харьковской губернии. Миссионер Змиевского уезда священник Давид Антонов в рапорте от 1889 г. указывал, что на его аргументы о невозможности спасения вне истинной Церкви и предложения перейти в РПЦ местные старообрядцы отвечали: «Что будет, то будет, а мы будем спасаться так, как спасались наши отцы и деды»²⁴. В составленном Харьковским епархиальным советом по миссионерским делам «Отчёте о состоянии противораскольнической и противосектантской миссии за 1900 г.» указывается, что старообрядцы села Граково на предложение миссионера пообщаться отвечали: «Приезжали к нам ваши попы и протопопы, и что же – многих отклонили от родительской веры, нам от них завещанной»²⁵. То есть, именно унаследованность веры была главным аргументом в её пользу. В том же отчёте относительно старообрядцев Кулянского уезда указывается: «Все они безграмотные и не имеют никаких познаний в вопросах веры, так верили их родители и деды»²⁶. В миссионерском отчете за 1906 г. также отмечалось, что когда православные начинали разговор со старообрядцами о предметах веры, те, как правило, отвечали: «Так жили и верили наши отцы, так и мы будем жить»²⁷.

Конечно, можно поставить под сомнение сведения и, особенно, оценки миссионеров. Изображение старообрядчества как явления, которое не имеет будущего и держится на упрямстве своих членов, было характерной чертой миссионерского дискурса того времени. И действительно, вышеприведенные свидетельства позволяли миссионерам сделать вывод, что старообрядчество в целом представляет собой «малоподвижную, тёмную, но упорную в необразованности своей массу»²⁸. Однако, признавая влияние доминирующего дискурса на оценки, содержащиеся в миссионерских отчетах, тем не менее, к ним нельзя подходить исключительно с интертекстуалистских позиций. А. Эткинд, исследуя образ религиозного диссидентства в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., исходил из презумпции интертекстуальности²⁹. Это действительно логично, когда мы имеем дело с текстами, которые написаны людьми, профессионально связанными с литературой. Но миссионерские отчеты писались теми, кто на практике постоянно сталкивался со старообрядцами и сектантами. Конечно, господствовавший дискурс обуславливал определенные акценты в интерпретации тех или иных явлений, однако сводить все оценки миссионеров только к этому, по нашему мнению, некорректно. Следует отметить, что, несмотря на общую склонность миссионеров изображать старообрядцев упрямыми и невежественными, они отдавали должное интеллектуальному уровню отдельных наставников. В частности, в отчёте за 1906 г. наставник старообрядческой общины села Ольховатка Стефан Орлов охарактеризован как «сравнительно начитанный»³⁰. Наставник старообрядцев-беспоповцев села Трёхизбянка Иоанн Орлов описан как «грамотный и умный, но упрямый раскольник»³¹.

Что же касается восприятия старообрядцами своей веры, прежде всего, как веры родителей, об этом свидетельствуют не только миссионерские отчеты, но и тексты, написанные самими староверами или записанные за ними. Так, в 1835 г. старообрядцы селений Уды, Лопань и хутора Казачка Харьковского уезда в беседе с уездным судьей Войтенковым заявили, что принадлежат к Поморскому согласию «по преданию предков их»³². 11 марта 1858 г. 65 крестьян слободы Краснянка заявили в сельской управе, что они «возвращаются к своей изначальной старообрядческой беспоповской вере, в которой они, их отцы и матери находились»³³. В 1863 г. крестьяне хутора Ямполь Волчанского уезда заявили, что они в связи с выходом «царского манифеста» решили вернуться к вере предков (старообрядчеству)³⁴. Представляется, что в этой акцентуации на наследуемости веры проявилось не только желание старообрядцев представить себя как «природных раскольников», то есть

таких, которые имеют право исповедовать «старую веру», но и убеждения в необходимости следовать именно родительской вере и именно потому, что она – от предков.

Данные о размытости экклезиологических представлений многих старообрядцев на Харьковщине содержатся и в «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» архиепископа Филарета (Гумилевского). Характеризуя мировоззрение некоторых жителей г. Чугуева, владыка Филарет писал: «Многие считали за одно церковь и раскол; переходить от первой к последнему, равно как и наоборот, было для иных одно и то же, молиться в Православной церкви и ходить для молитвы в раскольнические часовни почитали делом совершенно безразличным»³⁵. В миссионерском отчете за 1900 г. отмечалось, что староверы селений Охочее и Берек в православный храм не ходят, но к духовенству РПЦ относятся с уважением, радостно принимают его с молитвой и святой водой³⁶. В 1906 г. миссионеры отмечали, что в некоторых общинах старообрядцы «отходят от своих прежних недоверия и подозрительности к православным священникам, вступают с ними в разговоры, принимают от них благословение ... подают в храм просфоры и свечи»³⁷.

Конечно, и в этих свидетельствах миссионеров чувствуется общее влияние господствующего дискурса. Но в случаях, когда старообрядцы тех или иных общин не шли на контакты с православным духовенством, демонстрировали высокий уровень понимания своей веры, это находило отражение в тех же отчётах. Так, в рапорте миссионера Северина Сулимы за 1878 г. отмечалось, что в хуторе Казачка все старообрядцы, даже женщины, готовы отстаивать свое учение³⁸. Относительно старообрядцев Змиевского уезда миссионеры писали, что они «упорно держатся раскола»³⁹. В отчёте за 1906 г. указывается, что наряду со старообрядческими общинами, в которых наблюдается улучшение отношения к православным, существуют и такие, в которых староверы «особенно замкнуты»⁴⁰. Итак, если ситуация, которую наблюдали миссионеры на местах, вступала в противоречие с общей тенденцией изображать старообрядчество как явление, которое постепенно ослабляется, это находило отражение в отчётах. Поэтому и свидетельства об ограниченном участии старообрядцев некоторых общин в молитвенных действиях с участием духовенства РПЦ также заслуживают доверия.

Следует отметить, что указанная практика существовала не только среди старообрядцев Харьковщины. О подобном писали миссионеры Олонецкой, Черниговской, Курской губерний⁴¹.

Участие старообрядцев в совместной молитве со священниками РПЦ с точки зрения теоретически сформулированного старообрядческого мировоззрения недопустимо, ведь для староверов члены господствующей Церкви – еретики. В десятом Апостольском правиле сказано: «Если кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме: такой да будет отлучен»⁴². Таким образом, мы снова имеем дело с разницей между теоретически сформулированным старообрядческим мировоззрением с одной стороны, и бытовым восприятием и повседневными практиками – с другой.

Итак, в XIX – начале XX вв. представления многих старообрядцев Харьковской губернии о своей принадлежности к тому или иному согласию, его границах и экклезиологической сущности, были довольно размытыми. Это и не удивительно, ведь среди староверов XIX – начала XX вв. далеко не все умели читать и писать. По данным переписи 1897 г. в Харьковской губернии среди старообрядцев всех сословий доля грамотных составляла 20%⁴³. Это несколько больше, по сравнению с православным населением региона (среди чад РПЦ в Харьковской губернии в 1897 г. грамотных насчитывалось 16%)⁴⁴. И подобная ситуация не была уникальной: среди староверов всей Российской империи доля образованных людей также была выше, чем среди православных⁴⁵. Кроме того, до конца неясно, что стояло за формулировками «грамотный» и «неграмотный» в материалах Первой все-русской переписи. Дело в том, что чиновники Российской империи неграмотным могли считать человека, владеющего навыками чтения и письма на старославянском языке, но не знакомого с гражданским шрифтом (а среди староверов таковых было немало)⁴⁶. Да и сами староверы в подобной ситуации могли называть себя необразованными. Так, письмо одной старообрядки, написанное полууставом в 1974 г. и адресованное выдающемуся археографу И.В. Поздеевой, начинается словами: «Прости, Васильевна, по-русски писать не умею, пишу как учили»⁴⁷. Поэтому вполне вероятно, что реальный уровень грамотности среди староверов Харьковского региона в конце XIX в. был выше, чем это показали результаты переписи 1897 г. Однако, несмотря на приведенные соображения, результаты пе-

реписи 1897 г. не дают оснований говорить о всеобщей грамотности среди старообрядцев Российской империи вообще и Харьковской губернии в частности. Можно согласиться с Е.А. Мельниковой, которая отметила, что тезис о чрезвычайной образованности староверов Российской империи является достаточно спорным, он основан на сложившемся в литературе XIX в. идеализированном образе старообрядчества⁴⁸.

Кроме того, хотя в среде старообрядцев активно писали и печатали полемическую литературу, в том числе и с критикой других согласий⁴⁹, в основном, в круг чтения образованного старообрядца входила традиционная богослужебная литература, поучения и наставления святых отцов и т.д.⁵⁰ Такая литература является общей для всех старообрядческих согласий, поэтому она не формировала у читателей жёсткой конфессиональной идентичности. Понятно, что в такой ситуации представления многих старообрядцев о конфессиональных границах внутри староверия, своей принадлежности к тому или иному согласию были размытыми. Особенно, если определенная старообрядческая община не имела регулярных контактов с представителями других согласий.

Тем не менее, старообрядческие согласия XIX – начала XX вв. можно рассматривать как воображаемые сообщества, хотя и отличные от сообществ «горизонтально-секулярного, поперечно-временного типа», каковыми являются современные нации⁵¹. Характер представления старообрядцев о своём согласии можно назвать «двухуровневым». Многие рядовые староверы имели размытые представления о своей принадлежности к тому или иному направлению «старой веры». Но все они принадлежали к определенной старообрядческой общине, в которой связь членов была очень сильной⁵². Духовная же элита общины (в случае с беспоповцами – наставники, уставщики, начетчики, просто образованные миряне, в случае с поповцами – ещё и священники) и на уровне собственных представлений, и на уровне практического взаимодействия обеспечивала воображаемое и организационное единство согласия, связь между различными общинами одного согласия. Идею о ключевой роли лидеров конкретных старообрядческих общин в поддержании единства древлеправославных согласий высказывал Р. Крамми⁵³. На локальном харьковском материале эта идея получает полное подтверждение.

Имеющиеся источники содержат информацию, которая позволяет сделать вывод о достаточно сильном влиянии духовной элиты старообрядческих общин на рядовых староверов. Так, исполняющий обязанности Харьковского уездного предводителя дворянства судья Войтенков в рапорте губернатору П.И. Трубецкому от 8 июля 1835 г. отмечал, что в случае, если старообрядцев-беспоповцев села Лопань изолировать от наставника Тимофея Дигалова, есть основания надеяться на их переход в РПЦ⁵⁴. В 1836 г. священник села Ивановки Змиевского уезда Алексей Крахмалов в рапорте архиепископу Мелетию указывал, что одной из главных причин отсутствия успеха православной проповеди среди старообрядцев хутора Гусинского является противодействие их наставника Василия Енохина⁵⁵. Характерен пример старообрядческих общин в Бабчанском и Пятницком приходах Волчанского уезда. В них в конце XIX в. обязанности наставника исполнял отставной солдат Бунаков из селения Зарожное, который, вследствие удаленности общин, довольно редко контактировал с ними. В результате, в этих поселках, по свидетельству миссионеров, старообрядчество было слабее, чем в целом по епархии. Более того, в связи с удалённостью старообрядческой часовни староверы Бабчанского и Пятницкого приходов нередко приносили крестить своих детей к священникам РПЦ⁵⁶. В «Отчете о состоянии противораскольнической и противосектантской миссии за 1900 г.» указывается, что староверы-беспоповцы г. Чугуева и его окрестностей «имеют руководителей-начетчиков, которыми и поддерживаются в расколе»⁵⁷. Относительно старообрядцев-поповцев Старобельского уезда в том же отчете отмечается: «Местные раскольники [...] держатся упорством невежественных главарей»⁵⁸.

При этом духовная элита старообрядческих общин Харьковской губернии обеспечивала связь между различными общинами одного согласия. В собранных Канцелярией Харьковского губернатора в 1826 г. сведениях о старообрядческих часовнях и молитвенных домах указывается, что трое из наставников старообрядцев-беспоповцев Харьковской губернии (Филипп Орлов в хуторе Чугуновом, Прокофий Шевяков в хуторе Шевяковке и Максим Алипов в хуторе Грачёвом) учились в Москве, причём последний из Москвы также получал иконы и уставные книги для своей часовни⁵⁹. В Волчанском уезде в начале XX в. большим авторитетом среди староверов пользовался наставник села Ольховатки Стефан Орлов. Согласно данным миссионерских отчетов того времени он поддерживал контакты с беспопов-

скими лидерами других губерний, давал советы начётчикам других харьковских общин⁶⁰. В 1913 г. в Харькове состоялся съезд старообрядцев Поморского согласия. На съезде, кроме харьковских поморцев, присутствовали их единоверцы из Москвы и Пскова⁶¹.

Среди поповцев Харьковской губернии роль конфессиональной элиты в обеспечении единства согласия была, возможно, еще большей. Ведь в условиях государственного давления поповцы ощущали нехватку собственного духовенства. Поэтому имеющиеся священники, как правило, обслуживали по нескольку общин, что усиливало ощущение их единства и взаимосвязи⁶². Правда, в 1827 г. старообрядческим священникам было запрещено переходить из уезда в уезд и из губернии в губернию⁶³. Однако, во-первых, подобные запреты нередко удавалось обойти. Как сообщал миссионер Северин Сулима в отчете за 1878 г., «те секты, которые не отрицают священства, принимают самозванных (т.е. старообрядческих – П. Е.) попов, которые секретно посещают раскольнические поселения под видом офеней»⁶⁴. Во-вторых, для выполнения своих религиозных обрядов (например, венчаний) старообрядцы ездили в те населенные пункты, где были священники.

Все это, опять-таки, способствовало усилению единства внутри согласия. Организационное единство поповских общин Харьковской губернии усилилось после основания Белокриницкой иерархии и её принятия поповцами региона. Теперь у них появился центр, которому они подчинялись не только исходя из авторитета и влияния последнего, но и в связи с церковно-каноническими соображениями. В духовно-административном отношении поповцы Харьковской губернии стали подчиняться Московской старообрядческой архиепископии⁶⁵. При этом старообрядческое духовенство продолжало обслуживать по нескольку общин. В конце XIX в. старообрядческие священники, в основном, проживали за пределами Харьковской епархии (в Екатеринославской губернии и в Области войска Донского) и периодически наведывались в регион⁶⁶.

По данным Харьковского епархиального совета по миссионерским делам, в регионе по состоянию на 1906 г. было три старообрядческих прихода с «попами»: в Харькове, селе Краснянка Купянского уезда и селе Нижне-Богдановка Старобельского уезда. При этом поповцы проживали и во многих других населённых пунктах Харьковской губернии⁶⁷. Конечно, возможно миссионеры просто не знали о наличии старообрядческих священнослужителей в некоторых приходах. Но вряд ли священники-старообрядцы были во всех населённых пунктах, в которых проживали поповцы. Поэтому старообрядческое духовенство сохраняло мобильность, продолжало обслуживать по нескольку общин. Кроме того, по данным исполняющего обязанности миссионера Старобельского уезда, священника Алексея Грекова, в конце XIX в. регион посещали старообрядческие архиереи⁶⁸. Сохраняли активность и миряне. Тот же миссионер Алексей Греков писал, что «раскол поддерживают главные вожаки – московские купцы-раскольники, которые с этой целью приезжают ежегодно в слободу Беловодск на ярмарку»⁶⁹. Всё это способствовало формированию чувства единства среди членов согласия.

Это не означает, что в воображении всех лидеров старообрядческих общин существовал четкий сформированный образ согласия, причём этот образ всегда полностью совпадал с теоретически сформулированным в старообрядческой литературе пониманием своего согласия как единственной Церкви Христовой, с границами, определенными православным канонам. Отчёты священников РПЦ содержат информацию не только об активных и образованных старообрядческих наставниках Харьковской губернии, таких, как Иоанн Небесный (охарактеризованный как «грамотный и толковый» в сведениях о раскольниках слободы Райгородка)⁷⁰, Стефан Орлов и Пётр Гурьев (охарактеризованные в миссионерском отчёте за 1907 г. как «относительно начитанные»)⁷¹. Нередко лидеры старообрядческих общин характеризуются как «грубые и невежественные», неспособные формулировать своё вероучение (например, начётчик Фёдор Губанов)⁷². Не доверять этой характеристике нет оснований, ведь высокий уровень образованности некоторых старообрядческих наставников нашёл отражение в отчетах миссионеров РПЦ.

Отсутствие чётких представлений об экклезиологических границах своей конфессии у некоторых старообрядческих наставников Харьковщины нивелировалось описанными выше повседневными практиками взаимодействия между общинами одного согласия, а также иерархией внутри элиты, в том числе беспоповской (здесь можно вспомнить отмеченный выше факт обращения к Стефану Орлову наставников других общин губернии). Всё это создавало единую сеть общин, принадлежащих к одному согласию.

Таким образом, именно старообрядческое согласие может быть охарактеризовано как реальная социальная общность. Все виды реальных социальных общностей можно разделить на два типа – массовые и групповые сообщества. Старообрядческое согласие имело все признаки групповой общности (социальной группы), отличаясь органическим характером (наличием целостности и внутренней структуры, которая не совпадала с простой суммой свойств элементов, в неё входящих), определенностью и устойчивостью границ, гомогенностью состава⁷³. При этом, как большая групповая общность, все члены которой не знают друг друга в лицо и контакты между которыми не могут совершаться непосредственно, старообрядческое согласие состояло из общин, которые могут быть охарактеризованы как средние и малые группы.

Определение старообрядчества как социальной категории, в рамках которой существовали групповые социальные общности (согласия), позволяет по-новому посмотреть на вопрос о границах старообрядчества и других направлений русского религиозного инакомыслия (так называемого рационалистического и мистического сектантства). Казалось бы, выделение староверов как особой социальной категории основано на четком критерии – принадлежности человека к старообрядчеству. Однако в историографии идут дискуссии относительно того, в какой мере старообрядчество и сектантство переплетались и влияли друг на друга на уровне повседневных практик, религиозных идей и т.д. Одни исследователи (П.И. Мельников, И.А. Кириллов) утверждают принципиальное отличие этих двух направлений русской религиозной оппозиции, их изолированность друг от друга⁷⁴. Сторонники противоположной точки зрения (А. Эткинд, А. Панченко) считают бесперспективным противопоставление старообрядчества и сектантства, указывая, что внутри этих течений были значительные группы, которые взаимно тяготели друг к другу⁷⁵. В качестве обоснования приводится использование некоторыми сектантами двуперстного крестного знамения, дониконовского варианта Иисусовой молитвы и других элементов культа, характерных для старообрядчества. Некоторые исследователи влиянием хлыстовства объясняют распространение среди старообрядцев практики самосожжений⁷⁶.

Что касается границы между старообрядчеством и мистическим направлением старо-русского сектантства (представленным сектами хлыстов и скопцов), на Харьковщине не прослеживается взаимодействия между ними, хотя оба религиозных течения были распространены в регионе. Возможно, это объясняется тем, что на территории Харьковской губернии существовали достаточно умеренные направления «старой веры» (поповщина и Поморское согласие беспоповщины). А взаимовлияние с мистическим сектантством, по мнению современных исследователей А.А. Панченко и А. Эткинда, было характерным для радикального крыла старообрядцев-беспоповцев (в частности, федосеевского, страннического и часовенного согласий)⁷⁷.

Более сложным является вопрос о характере взаимосвязей старообрядчества и рационалистического сектантства на Харьковщине. В XVIII в. регион был одним из центров распространения (а возможно – и местом зарождения) духоборчества⁷⁸. При этом село Охочее, с которого началось распространение данного религиозного течения в регионе, издавна было одним из центров старообрядчества беспоповского направления. Именно среди местных старообрядцев духоборчество получило наибольшее распространение⁷⁹. Из шести населённых пунктов Харьковского региона, в которых в конце XVIII в. были обнаружены духоборцы, четыре (Терновое, Охочее, Верхний Берек, Большие Проходы) были местами компактного проживания староверов-беспоповцев⁸⁰. В конце XVIII в. лидеры духоборцев были выселены с территории Слобожанщины. Потеряв руководителей, обращенные из старообрядчества духоборцы довольно скоро забыли основные положения своей новой веры и вернулись на позиции беспоповского староверия⁸¹.

В начале XX в. появились признаки влияния нового течения рационалистического сектантства на староверов-беспоповцев Харьковской губернии. В «Отчете Харьковского епархиального совета по миссионерским делам за 1906 г.» отмечалось, что в среду беспоповцев Харьковской губернии проникли идеи штундизма. В частности, указывалось, что на миссионерских беседах со старообрядцами Волчанского и Купянского уездов со стороны последних раздавались чисто штундистские замечания⁸². На рубеже XIX–XX вв. старообрядцы Поморского согласия слободы Краснянки Купянского уезда начали образовывать штундистские кружки⁸³.

Таким образом, для беспоповцев Харьковской губернии была характерна склонность к сближению с рационалистическим сектантством (старорусским, как в случае с духоборчеством, или новым, как в случае со штундизмом). Потенциальная склонность приводила к реальному сближению, если для этого складывались благоприятные условия, в частности, со стороны рационалистических сект велась активная пропаганда. А она действительно имела место со стороны духоборцев во второй половине XVIII в. и штундистов во второй половине XIX – начале XX в.⁸⁴

Следует отметить, что рационалистические тенденции среди беспоповцев имели место не только на территории Слободского края. Например, в конце XIX в. среди беспоповцев Южной Вятки возникли Евланино согласие (сторонники которого отрицали догмат о Святой Троице, молитвы перед иконами, возжигание свечей) и Никанорово согласие (основатель которого учил, что стоять на молитве и делать какие-либо внешние знаки излишне)⁸⁵. Характеризуя ситуацию по Российской империи в целом, публицист и знаток сектантства конца XIX – начала XX в. А.С. Пругавин писал: «беспоповщинский раскол раздробляется на множество толков и учений, из которых многие принимают явно рационалистическую окраску; таковы: немольяки, воздыханцы и т.д.»⁸⁶.

Можно предположить, что, несмотря на различное вероучение, в народной среде беспоповское направление старообрядчества и рационалистическое сектантство казались схожими. Ведь при разной догматике, практические выводы староверов-беспоповцев и представителей рационалистического сектантства нередко совпадали: отсутствие иерархии и священства, упрощение обрядов, отказ от сакрализации существующей власти. Вероятно, именно эти внешние признаки, а не догматические тонкости, и бросались в глаза простому народу. Кроме того, рационалистическое сектантство сохраняло в себе элементы, которые сближали его со старообрядчеством. Относительно штундизма, остаётся открытым вопрос о том, в какой степени его можно считать интегральной частью развития Реформации, начавшейся в XVI в. в Западной Европе⁸⁷. Миссионеры Русской Православной Церкви на рубеже XIX–XX вв. писали, что для штундистов характерно огромное внимание к внешним формам молитвы. Так, миссионер Иван Айвазов писал: «В любви к уставности и особенно к служению «букве» он [штундист] не уступает раскольнику, хотя и кричит всюду о служении «духом»⁸⁸. Более того, штундистские теологи заявляли, что крестное знамение является печатью антихриста, которую он наложил на руку и лоб»⁸⁹.

Вероятно, именно эти факты привели к лёгкому переходу части старообрядцев-беспоповцев Харьковского региона в духоборчество в конце XVIII в., а также проникновению идей штундизма в среду беспоповцев в начале XX в. В то же время не стоит преувеличивать размытость границ, разделявших старообрядчество и рационалистическое сектантство в Харьковском регионе. Ведь в конце XVIII в. имело место не слияние этих двух религиозных течений, а скорее краткосрочное поглощение одного течения другим на уровне нескольких сёл. Что же касается ситуации в беспоповщине на рубеже XIX – XX вв., здесь наблюдается лишь проникновение отдельных штундистских представлений в среду части старообрядцев-беспоповцев. Следует принять во внимание, что каждая форма религии, каждая конфессиональная группа содержит внутри себя множество различных интерпретаций вероучения своими собственными адептами⁹⁰. Конечно, это в полной мере касалось и старообрядческих общин на территории Харьковщины. При этом, как было показано выше, несмотря на пестроту и размытость бытового восприятия веры старообрядцами, границы старообрядческих согласий, существовавших на Харьковщине в течение исследуемого периода, были достаточно устойчивыми и чёткими.

При этом границы старообрядчества как совокупности больших групповых сообществ не совпадали с границами, определёнными в материалах административно-полицейского и исповедного учёта. В Российской империи существовало значительное количество так называемых «тайных раскольников», которые были официально записаны как члены РПЦ, но считали себя древлеправославными христианами, принадлежали к старообрядческим общинам. Подобная ситуация была характерна и для Харьковщины. Так, купянский земский исправник в своём рапорте губернатору от 1858 г. писал: «при малейшем попустительстве ... раскол обнаруживается в большом количестве людей, ибо исповедующих в тайне раскол очень много»⁹¹. Миссионер Северин Сулима в отчёте за 1864 г. отмечал, что староверы слободы Новая Николаевка Купянского уезда «давно тайно принадлежали к Поморской секте, а называли себя единоверцами, дабы избежать преследований и навяз-

чивых увещаний»⁹². Характеризуя ситуацию в целом по губернии, этот же миссионер в отчёте за 1878 г. отмечал, что когда старообрядцев преследовала духовная и гражданская власть, во избежание преследований они переходили в единоверие⁹³.

Возникает вопрос, существовали ли в старообрядческих общинах внутренние границы, отделявшие официально зарегистрированных и тайных старообрядцев. К какому типу социальных общностей принадлежали эти две группы староверов? В Библии содержится прямой запрет на отречение от веры, пусть даже формальный: «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Мф. 10:33). Необходимо понять, каким образом старообрядцы совмещали сокрытие веры с этим запретом. Воспринималась ли ими формальная принадлежность к РПЦ (еретической, с точки зрения староверов) как предательство веры, или для подобных действий находились какие-то оправдания? Соответственно, имела ли место дискриминация тайных старообрядцев со стороны старообрядцев открытых и влияла ли разница между ними на социальную структуру старообрядческих общин?

Следует отметить, что феномен сокрытия веры среди старообрядцев Харьковской губернии в XIX – начале XX вв. имел сложный характер, происходил в соответствии с несколькими «моделями». Во времена правления Николая I особенно распространёнными были случаи прямого давления на старообрядцев с целью склонить их к переходу в православие. Хотя право «природных старообрядцев» (то есть детей лиц, официально записанных старообрядцами) исповедовать свою веру официально не было отменено, разветвлённая и запутанная система мер, направленных на недопущение «совращения православных в раскол», давала возможность обвинить в их нарушении практически каждого старообрядца. Сторонники «старой веры» чаще всего привлекались к ответственности за распространение своей веры, а также за строительство новых и ремонт старых молитвенных домов⁹⁴, что было запрещено по законам Российской империи⁹⁵.

В случае перехода в православие преследования старообрядцев прекращались⁹⁶. Некоторые не выдерживали давления. Например, в 1840 г. в Канцелярии Харьковского губернатора велось дело о высылке в Закавказье крестьянки слободы Ольховатки Волчанского уезда Прасковьи Животовой (50 лет) «за совращение в раскол» дочери и внука. После того как Животова согласилась присоединиться к православию, её высылка была приостановлена⁹⁷. В 1841 г., после двухмесячного пребывания в тюрьме за «повторное впадение в раскол», к единоверию присоединилась государственная крестьянка Марина Свечкарёва⁹⁸. В 1855 г. старообрядческим наставникам села Райгородка Старобельского уезда было предложено отречься от своей веры и перейти в православие. Начетчик Афиноген Небесный не принял подобного предложения и на семь лет был заключён в тюрьму. Все остальные согласились и остались жить в деревне⁹⁹. При этом, от новоприсоединённых требовали подписки такого образца: «Волчанского уезда Ольховатской волости хутора Кунина государственный крестьянин Яков Автономов Лашин, 19 лет, природный раскольник секты беспоповской, выражает намерение присоединиться к Православной Восточной Кафолической Церкви. Обязуюсь находиться в послушании к ней всегда»¹⁰⁰.

Большинство подобных переходов осуществлялись лишь формально. Староверы, которые вследствие давления со стороны государства переходили в лоно РПЦ, как правило, продолжали тайно исповедовать «старую веру», о чем, в частности, свидетельствуют цитируемые выше миссионерские отчеты. Формальный переход в православие воспринимался как необходимое зло, уступка перед могуществом государственной машины. Староверы открыто стали заявлять об этом в конце 1850-х – начале 1860-х гг. на волне некоторого расширения их гражданских прав, а еще больше – слухов, порожденных отменой крепостного права. Как отметил В.П. Потоцкий, все уступки правительства объяснялись рядовыми старообрядцами как предоставление им полной свободы исповедания своей религии¹⁰¹. Когда в 1863 г. крестьянин хутора Ямполь В. Иванов (85 лет) вместе с семьей объявил себя старообрядцем, то на вопрос священника: «Недавно ты и твои сыновья клялись, что вы не староверы», он ответил: «Да тогда нельзя было делать иначе»¹⁰². Поселяне слободы Дробышевой долгое время придерживались старообрядчества тайно, однако в 1864 г. перестали ходить в православную церковь и устроили себе отдельную часовню. Когда местный православный священник стал упрекать старообрядцев, то один из староверов, Иван Ирков, заявил, что «теперь Государь всем позволил свободно переходить в раскол»¹⁰³. В начале 1860-х гг. в Чугуеве 66 человек, которые до того считались

православными и даже давали подписки всегда находиться в РПЦ, перешли в Поморское согласие беспоповщины. При этом они заявляли, что могут исповедовать свою веру, потому что им, якобы, объявлена «милость Церкви»¹⁰⁴.

Конечно, прямое отречение веры, пусть даже формальное, воспринималось староверами как грех, ведь многие из старообрядцев, несмотря на все меры властей, отказывались отречься от своей веры. В середине 1830-х гг., несмотря на уговоры священника Петра Акимова, благочинного протоиерея Петра Николаевского и уездного судьи Никиты Войтенкова, старообрядцы слобод Казачка, Уды и Лопань (всего – 358 человек) «остались непреклонными и упорными в своих заблуждениях», о чём дали соответствующую подписку¹⁰⁵. Старообрядцы слободы Лопань Панкратий Дигалов и Емельян Свичкарь, которые, среди прочих, дали такую подписку, в 1839 г. были сосланы в Закавказье «за повторное уклонение в раскол и соблазнение других к переходу в Поморскую секту»¹⁰⁶. В 1840 г., несмотря на уговоры священника слободы Ольховатки Даниила Капустина, государственные крестьяне Григорий Марченко, Пелагея Крюкова и Степанида Пастухова отказались присоединиться к православию¹⁰⁷.

Выше упоминалось о наставнике старообрядцев села Райгородка Афиногене Небесном, который отказался присоединиться к РПЦ и был заключён сроком на семь лет. В остроге содержался также уставщик старообрядческой общины слободы Ново-Николаевка Филипп Трубчанинов¹⁰⁸. Миссионер Северин Сулима отмечал, что некоторые из староверов Харьковской губернии, отказываясь перейти в ряды РПЦ, заявляли, что «готовы хоть сейчас в ссылку»¹⁰⁹.

Впрочем, далеко не всегда сокрытие веры старообрядцами было вызвано прямым давлением со стороны государства и РПЦ. Довольно часто оно было результатом стремления староверов легализовать свой семейный статус и статус своих детей. Ведь до 1874 г. старообрядцы могли официально зарегистрировать супружеские отношения, только обвенчавшись в храме РПЦ. В противном случае их брак не признавался, дети считались незаконно рождёнными. Кроме того, сочетаться браком с православными старообрядцы могли, только присоединившись к РПЦ¹¹⁰. В результате, старообрядцы Харьковщины нередко венчались в православных храмах и крестили там своих детей. Согласно рапорту Чугуевской военной канцелярии от 1816 г., подобная практика была распространена среди старообрядцев Поморского согласия города Чугуева. При этом, сразу после совершения венчания или крещения в православной церкви, староверы Чугуева осуществляли соответствующие обряды по правилам «старой веры» в своих молитвенных домах¹¹¹. Это свидетельствует, что осуществляемые в храмах РПЦ таинства старообрядцы не считали действительными, проходя их только для официальной регистрации. Миссионер Северин Сулима в рапорте от 1875 г. отмечает, что некоторые старообрядцы «присоединились к православию с целью быть обвенчанными в церкви»¹¹². При этом, по данным миссионера, старообрядцы, вступая в брак с православными, присоединялись к РПЦ, венчались в православном храме, но очень скоро снова возвращались в старообрядчество. Более того, в этом случае жёны староверов нередко также переходили в веру своих мужчин¹¹³.

Отношение старообрядцев Харьковщины к подобной практике было неоднозначным. Иногда она встречала осуждение и неприятие. Так, когда в 1810 г. харьковский купец-старообрядец Яков Косолапов присоединился к РПЦ, объясняя это стремлением жениться на православной, его мать воспротивилась такому решению сына и угрожала лишить его наследства¹¹⁴. В 1858 г. некоторые старообрядцы слободы Наугольновки, ранее скрывавшие свою веру, открыто заявили о принадлежности к старообрядчеству и категорически отказались крестить своих детей в храме РПЦ¹¹⁵. Подобное отношение староверов к участию в совместной молитве с духовенством еретической, по их мнению, церкви понятно. Однако такой ригористический подход не был всеобщим среди старообрядцев Харьковщины. В рапорте Чугуевской военной канцелярии от 1816 г. практика венчаний местных староверов в храмах РПЦ описана как общепринятая¹¹⁶. Таким образом, её можно рассматривать как социальную норму среди староверов Чугуева, если не на уровне нормы как идеала (из-за противоречий подобной практики и канонических положений), то на уровне нормы статистической – модели поведения, принятой большинством лиц в определенной общности¹¹⁷. Характерным является пример Сидора Коренева (умер в 1849 г.), который был записан как член РПЦ, в возрасте 13 лет был на исповеди у новообрядческого священника,

все дети Коренева (12 человек) были крещены в храме РПЦ. Тем не менее, он был избран наставником старообрядческой общины села Боровая¹¹⁸.

При этом следует различать участие староверов в обрядах РПЦ для регистрации своего семейного статуса и сам факт их записи в документах духовной консистории как православных. В Российской империи до 1905 г. выход из РПЦ был запрещен, право исповедовать старообрядчество имели только «природные раскольники», то есть потомки староверов¹¹⁹. Поэтому в списки старообрядцев, составлявшиеся местной полицией, начиная с 1811 г., вносились только приверженцы «старой веры», предки которых были официально записаны раскольниками в XVIII в.¹²⁰ Официально зарегистрированный старообрядец, однажды записанный среди православных (например, обвенчавшись в православном храме), тоже не мог быть снова «записан в раскол». Если он крестил своего ребенка в РПЦ, этот ребенок считался православным. Даже в случае, если власти становилось известно, что член РПЦ перешёл в старообрядчество (зачастую это просто означало, что реальная конфессиональная принадлежность старообрядца стала известной), этого человека не вносили в список раскольников¹²¹.

Наставник старообрядческой общины села Ольховатка Волчанского уезда Никифор Орлов в ходатайстве к Харьковской духовной консистории (1854) отмечал, что «хотя некоторые происходящие из природных старообрядцы и были в прежние времена крещены и венчаны в Православной Церкви, то это происходило по нужде, ... но оные старообрядцы никогда в сущности не присоединялись к Православной Церкви и далее общения с нею не имели»¹²². Следовательно, разница между официально зарегистрированными и «тайными» старообрядцами не отражалась на социальной структуре старообрядческих общин. Если отречение веры, а иногда и участие в обрядах РПЦ для регистрации своего семейного положения, воспринимались староверами как предательство веры, то нахождение в официальных списках верующих РПЦ, само по себе, не считалось таковым.

Таким образом, тайные и официально зарегистрированные старообрядцы представляли собой номинальные социальные общности. Разница между ними существовала не на уровне внутренней иерархии в общине, а на уровне их юридического статуса. Официально зарегистрированные старообрядцы были ограничены в правах, особенно, во времена Николая I¹²³. Это было ещё одной причиной сознательного сокрытия своей веры частью староверов. Кроме того, в условиях государственного давления на старообрядчество нередко было спокойнее скрывать свою принадлежность к религиозному диссидентству¹²⁴. Однако по закону зарегистрированные в «раскольнических ведомостях» старообрядцы не преследовались за свои религиозные убеждения. Те же староверы, которые в материалах исповедного и полицейского учета были записаны как православные, не имели возможности открыто заявить о своей вере, так как выход из РПЦ был запрещен. Правда, российское законодательство предусматривало уголовную ответственность только для человека, «соблазнившего» православного перейти в раскол. Сам же «совращенный» только подлежал трехкратному «увещанию» в духовной консистории¹²⁵. Если после консисторских собеседований человек отказывался вернуться в РПЦ, с него брали подписку никого не совращать в раскол. Однако подобные беседы в консистории приносили серьезные убытки лицу, с которым они велись. Ведь на время общения с консисторскими чиновниками старовер отрывался от своего хозяйства¹²⁶.

Конечно, на местном уровне старообрядцы, официально записанные как православные, благодаря распространенной практике взятничества обычно находили пути предотвращения преследований¹²⁷. Однако это не означает, что тайные старообрядцы были гарантированы от притеснений. Местная полиция всегда могла начать следствие против них. Характерно, что уже упоминавшийся Никифор Орлов несколько раз привлекался к суду за «совращение православных в раскол»¹²⁸. В частности, в 1851 г. он был арестован за то, что, якобы, «совратил» свою жену Марью в «раскол». В ходе следствия выяснилось, что и Никифор, и Мария Орловы с детства исповедовали «старую веру». Однако Мария в детстве была крещена в православной церкви, и поэтому официально считалась православной. А значит, и ее исповедание «старой веры» квалифицировалось как «совращение православной в раскол»¹²⁹. Понятно, что в таких условиях тайные старообрядцы были заинтересованы, чтобы их конфессиональная принадлежность была официально зафиксирована. Именно об этом просил Никифор Орлов в цитированном выше ходатайстве Харьковской консистории¹³⁰. Но существующая правовая система не давала такой возможности.

Таким образом, старообрядчество Российской империи в течение XIX – начала XX в. представляло собой номинальную социальную общность (или социальную категорию), частью которой были староверы Харьковщины. При этом в пределах старообрядчества существовали реальные социальные группы (так называемые толки и согласия). Как и любые крупные групповые общности, они могут быть охарактеризованы как воображаемые сообщества (в терминологии Бенедикта Андерсона). Характер представления староверов о своей принадлежности к тому или иному согласию может быть охарактеризован как двухуровневый. Теоретически сформулированные элитой старообрядческих согласий экклезиологические идеи далеко не всегда проникали в среду рядовых староверов Харьковщины. Их единство с согласием проявлялось через принадлежность к конкретной старообрядческой общине (малой или средней социальной группе), которая была организационно и на уровне представлений связана с другими при посредничестве своих лидеров и хорошо образованных членов. Для беспоповцев Харьковской губернии была характерна склонность к сближению с рационалистическим сектантством, что, в частности, проявилось в проникновении штундистских идей в беспоповство на рубеже XIX – XX вв. Однако эта склонность осталась на уровне бытового восприятия веры некоторыми старообрядцами, поэтому границы старообрядческих согласий, как воображаемых сообществ, были достаточно чёткими. Среди староверов Харьковщины существовала довольно большая группа тех, кто исповедовал веру тайно. Соккрытие веры старообрядцами происходило по разным «моделям», которые по-разному воспринимались староверами. Отречение веры осуждалось, хотя под давлением со стороны государства старообрядцы иногда шли на него, как на вынужденное зло. Участие в таинствах РПЦ для официальной регистрации своего семейного положения часть древлеправославных, в полном соответствии с канонами, считала грехом, однако в некоторых общинах подобная практика стала социальной нормой. Что же касается самих фактов нахождения в списках верующих РПЦ, они не воспринимались староверами как измена и не создавали внутренних границ в старообрядческих общинах.

¹ *Димитрий Ростовский (Туптало), мир.* Розыск о раскольнической брынской вере. – М., 1855. – С. 588–610; *Андрей Иоаннов (Журавлёв), прот.* Полное историческое известие о древних строгониках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. – В 4-х частях. – Ч. 2. – СПб., 1855. – С. 1–73.

² См., напр.: *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. – Казань, 1859. – С. 263–289; *Липранди И.П.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. – Вып. 2. – Лондон, 1861. – С. 99–139; *Мельников П.И.* Письма о расколе // Собр. соч. – Т. 6. – М., 1963. – С. 213–243; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1897. – С. 90; *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества. – М., 1913. – С. 5–25.

³ *Колесник І.І.* «Міждисциплінарність» як концепт І. І. Колесника // Харківський історіографічний збірник / Харьковський історіографічний збірник. – 2008. – Вип. 9. – С. 23–34.

⁴ *Шахов М.О.* К проблеме содержания понятия «старообрядчество». – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/146-1-0-1032> (дата обращения: 01.02.2015); *Эткнд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). – М., 1998. – С. 33; *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – 2-е изд. – М., 2004. – С. 131, 146, 243; *Солдатов А.А.* Локальное и глобальное в идентичности старообрядцев-беспоповцев (по материалам экспедиций в регион Южной Вятки) // Культурные границы и границы в культуре (материалы конференции молодых учёных. Москва, 5–7 декабря 2012 г.). – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 20–27; *Клибанов А.И.* Народные противочерковные движения // Русское православие: веки истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М., 1989. – С. 568–569.

⁵ *Аринин Е.И.* Религиоведческая методология перед вызовом старообрядческой идентичности // «А мне глаголати не леностно...»: раскол и старообрядчество в современной рефлексии (сборник науч. тр.) / Под ред. И.А. Едошина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некорасова, 2012. – С. 141.

⁶ *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ / TSPU Bulletin. – 2011. – № 10 (112). – С. 194.

⁷ *Шахов М.О.* К проблеме содержания понятия «старообрядчество». – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/146-1-0-1032> (дата обращения: 01.02.2015).

⁸ *Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/index.php (дата обращения: 05.02.2015).

- ⁹ Аринин Е.И. Религиоведческая методология... – С. 141–146.
- ¹⁰ Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/index.php
- ¹¹ Шапов А.П. Русский раскол старообрядчества... – С. 287–289.
- ¹² См.: Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX вв.: проблема взаимоотношений. – Новосибирск, 2006. – 572 с.
- ¹³ Костров А.В. Развитие концепции старообрядчества в официально-церковном и старообрядческом направлениях отечественной историографии во второй половины XIX – начала XX вв. – URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-kontseptsii-starobryadchestva-v-ofitsialno-tserkovnom-i-starobryadcheskom-napravl/> (дата обращения: 05.02.2015).
- ¹⁴ Ильин В.И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). – 2003. – № 18. – С. 46–49.
- ¹⁵ Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/index.php
- ¹⁶ Согласие (соглас) // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 05.02.2015).
- ¹⁷ Шахов М.О. Философские аспекты староверия. – URL: <http://starajavera.narod.ru/> (дата обращения: 20.01.2015).
- ¹⁸ Андерсон Б. Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. – Київ, 2001. – С. 23.
- ¹⁹ Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам / Сост. Центр. Стат. комитетом Мин-ва внутр. дел по данным первой всеобщей переписи 1897 г. – СПб., 1901. – С. 4–7.
- ²⁰ Брагилевский Л.Ю. Религиозные и оккультные движения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы). – Чебоксары, 2000. – С. 66.
- ²¹ Pentikainen J. The priestless Pomorrsy in the Baltic Area: Old Believer Communities on the Western Coast of Lake Peipus // «Silent as Waters we Live»: Old Believers in Russia and Abroad: Cultural Encounter with the Finno-Ugrians / Ed. by Yuha Pentikainen. – Studia Fennica. Folcloristica 6. – Helsinki: Finnish Literature Society, 2000. – P. 90.
- ²² Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. – Т. 1. – М., 1905. – С. 15.
- ²³ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. – Одесса–Измаил–Москва, 2010. – С. 275.
- ²⁴ Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО), ф. 40, оп. 110, д. 2051, л. 26–27.
- ²⁵ ГАХО, ф. 40, оп. 70, д. 737, л. 32.
- ²⁶ Там же, л. 33.
- ²⁷ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 4–5.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Эткинд А. Хлыст... – С. 108.
- ³⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 5.
- ³¹ ГАХО, ф. 40, оп. 81, д. 208, л. 36.
- ³² ГАХО, ф. 3, оп. 103, д. 47, л. 104.
- ³³ ГАХО, ф. 3, оп. 195, д. 117, л. 15.
- ³⁴ Потоцкий В.П. Релігійне сектантство в Харківській губернії (1861–1917): дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 2004. – С. 53–54.
- ³⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Т. 3. – Харьков, 2006. – С. 108–109.
- ³⁶ ГАХО, ф. 40, оп. 70, д. 737, л. 30-а.
- ³⁷ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 5.
- ³⁸ ГАХО, ф. 3, оп. 272, д. 196, л. 54.
- ³⁹ ГАХО, ф. 40, оп. 70, д. 737, л. 32.
- ⁴⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 5.
- ⁴¹ Таранец С.В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). – Т. 1: Взаимоотношения старообрядческих сообществ с государством и официальной Церковью. – К., 2012. – С. 378–379.
- ⁴² Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. – М., 1912 (1650). – С. 139.
- ⁴³ Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Т. 46. Харьковская губерния. – СПб., 1904. – С. 106.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Керов В.В. «Самые вредные сектаторы»: социоконфессиональная роль женщин в старообрядческом образовании XIX – начала XX вв. // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. – Т. 1 / Отв. ред.: А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. – М., 2012. – С. 346–349.
- ⁴⁶ Пригарин О.А. Формування етноконфесійної спільноти росіян-старообрядців у Нижньому Подунав'ї (друга половина XVIII – перша половина XIX ст.): автореферат дис. ... докт. іст. наук. – Чернівці, 2015. – С. 26.

⁴⁷ Поздеева И.В. 40 лет полевых археографических исследований Московского университета: педагогика, практика, теория // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья (труды Всероссийской научной конференции к 30-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, 27–28 октября 2006 г.) / Под ред. И.В. Поздеевой. – Ч. 1: Кириллическая книга в русской истории и культуре. – Ярославль, 2008. – С. 37.

⁴⁸ Мельникова Е.А. Библия в сельской России: практики чтения и способы воображения. – URL: <http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/464-ekateryna-melnykova-byblyia-v-selskoi-rossyuy-praktyku-chteniya-y-sposoby-voobrazheniya-chast-1> (дата обращения: 15.10.2015).

⁴⁹ См.: Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия... – С. 19.

⁵⁰ Таранец С.В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). – Т. 2: Старообрядчество в социокультурном контексте. – К., 2013. – С. 270.

⁵¹ Андерсон Б. Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. – Київ, 2001. – С. 57.

⁵² Robson R. Old Believers in Modern Russia. – DeKalb, 1995. – P. 10–13.

⁵³ Crumtey R. Old Belief as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. – 1993. – Vol. 52. – № 4. – P. 708.

⁵⁴ ГАХО, ф. 3, оп. 103, д. 47, л. 105–117.

⁵⁵ ГАХО, ф. 3, оп. 110, д. 71, л. 64; ГАХО, ф. 40, оп. 24, д. 803, л. 1.

⁵⁶ ГАХО, ф. 40, оп. 110, д. 2051, л. 10.

⁵⁷ ГАХО, ф. 40, оп. 70, д. 737, л. 30-а.

⁵⁸ Там же, л. 33.

⁵⁹ ГАХО, ф. 3, оп. 67, д. 201, л. 49.

⁶⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 5; ГАХО, ф. 40, оп. 97, д. 1051, л. 18.

⁶¹ Потоцкий В.П. Религійне сектантство... – С. 176.

⁶² Таранец С.В. Старообрядчество... – С. 260–261.

⁶³ ГАХО, ф. 3, оп. 71, д. 249, л. 1.

⁶⁴ ГАХО, ф. 3, оп. 272, д. 196, л. 33–36.

⁶⁵ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 33–34.

⁶⁶ Харьковский календарь на 1896 год с приложением. – Харьков, 1896. – С. 80.

⁶⁷ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 3–4.

⁶⁸ ГАХО, ф. 40, оп. 110, д. 2051, л. 19–20.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 81, д. 208, л. 36–39.

⁷¹ ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 4.

⁷² ГАХО, ф. 40, оп. 81, д. 208, л. 36–39.

⁷³ Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/index.php (дата обращения: 05.02.2015).

⁷⁴ Мельников П.И. Письма о расколе // Собр. соч. – Т. 6. – М., 1963. – С. 242–243; Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. – М., 1913. – С. 4–5.

⁷⁵ Эткин А. Хлыст... – С. 33; Панченко А.А. Христовщина и скопчество... – С. 131, 243.

⁷⁶ Романова Е.В. Проблемы изучения массовых самоубийств старообрядцев в исследованиях XIX – XX вв. // Антропология, фольклористика, лингвистика (сборник статей). – Вып. 1. – СПб., 2001. – С. 65–66.

⁷⁷ Панченко А.А. Христовщина и скопчество... – С. 128; Эткин А. Хлыст... – С. 33.

⁷⁸ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910. – С. 209.

⁷⁹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Т. 3. – Харьков, 2006. – С. 124.

⁸⁰ ГАХО, ф. 3, оп. 67, д. 235, л. 180–182; ГАХО, ф. 3, оп. 79, д. 269, л. 51–55; ГАХО, ф. 3, оп. 87, д. 25, л. 2–4; ГАХО, ф. 3, оп. 175, д. 260, л. 29–35.

⁸¹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Т. 3. – Харьков, 2006. – С. 124.

⁸² ГАХО, ф. 40, оп. 71, д. 2087, л. 6.

⁸³ Потоцкий В.П. Религійне сектантство... – С. 115.

⁸⁴ Новицкий О.М. Духоборцы. Их история и вероучение. – Киев, 1882. – С. 19–23; Потоцкий В.П. Религійне сектантство... – С. 87–88.

⁸⁵ Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки. По итогам комплексных археографических экспедиций МГУ имени М. В. Ломоносова (сб. документов) / Отв. ред. В.П. Богданов. – М., 2012. – С. 61–64.

⁸⁶ Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол сверху: Очерки современного сектантства. – СПб., 1882. – С. 21.

⁸⁷ Дискуссии по данному вопросу см.: Zhuk S. Russia's Lost Reformation. Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. – Washington, 2004. – 457 p.; Савченко С.

Чи втратила Росія Реформацію? Історико-теологічний коментар до однієї теорії // Україна модерна. – 2010. – № 6. – С. 195–248.

⁸⁸ Савченко С. Чи втратила Росія Реформацію... – С. 226.

⁸⁹ Цит. по.: Савченко С. Чи втратила Росія Реформацію... – С. 219.

⁹⁰ Аринин Е.И. Философия религиозности. Академическое введение в основные концепции и термины / Е.И. Аринин, Н.М. Маркова. Владимир, 2010. – С. 41–42.

⁹¹ ГАХО, ф. 3, оп. 195, д. 117, л. 2.

⁹² Потоцкий В.П. Очерк истории старообрядчества Харьковской губернии // Липоване: история и культура русских старообрядцев. – 2008. – Вып. 5. – С. 79.

⁹³ ГАХО, ф. 3, оп. 272, д. 196, л. 33–36.

⁹⁴ ГАХО, ф. 3, оп. 127, д. 62, л. 1–5; ГАХО, ф. 3, оп. 147, д. 287-6, л. 1–34; ГАХО, ф. 3, оп. 155, д. 56-а, л. 1–42.

⁹⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 14. – Отд. 1-е. – СПб., 1831. – С. 302.

⁹⁶ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 19. – Отд. 1-е. – СПб., 1845. – С. 213.

⁹⁷ ГАХО, ф. 3, оп. 123, д. 62, л. 1–10.

⁹⁸ ГАХО, ф. 3, оп. 127, д. 1, л. 5.

⁹⁹ Потоцкий В.П. Релігійне сектанство... – С. 49.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. – С. 53.

¹⁰² Там же. – С. 54.

¹⁰³ ГАХО, ф. 3, оп. 215, д. 278, л. 1–25.

¹⁰⁴ Потоцкий В.П. Релігійне сектанство... – С. 54.

¹⁰⁵ ГАХО, ф. 3, оп. 103, д. 47, л. 95.

¹⁰⁶ ГАХО, ф. 3, оп. 119, д. 53, л. 1–30.

¹⁰⁷ ГАХО, ф. 3, оп. 123, д. 62, л. 1–10.

¹⁰⁸ ГАХО, ф. 3, оп. 272, д. 196, л. 33–36.

¹⁰⁹ ГАХО, ф. 3, оп. 257, д. 197, л. 345–346.

¹¹⁰ ГАХО, ф. 1473, оп. 1, д. 54, л. 66–73.

¹¹¹ ГАХО, ф. 3, оп. 32, д. 260, л. 34–55.

¹¹² ГАХО, ф. 3, оп. 257, д. 197, л. 345–346.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ГАХО, ф. 3, оп. 17, д. 218, л. 1–2.

¹¹⁵ ГАХО, ф. 3, оп. 215, д. 91, л. 4–6.

¹¹⁶ ГАХО, ф. 3, оп. 32, д. 260, л. 34.

¹¹⁷ Смирнова Е.Э. Социальная норма и возможности её измерения / Е.Э. Смирнова, В.Ф. Курлов, М.Д. Матюшкина // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 97–101.

¹¹⁸ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Т. 3. – Харьков, 2006. – С. 120.

¹¹⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845. – С. 66–73.

¹²⁰ Мельников П.И. Счисление раскольников // Полное собр. соч. – 2-е изд. – Т. 7. – СПб., 1909. – С. 391.

¹²¹ Мельников П.И. Счисление... – С. 396.

¹²² ГАХО, ф. 40, оп. 40, д. 865, л. 1–4.

¹²³ Таранец С.В. Старообрядчество в Российской империи... – С. 272.

¹²⁴ Иванов К.Ю. Проблемы учета старообрядцев на территории Кузбаса. – URL: <http://konstantin.narod.ru/Articles1997-2.html> (дата обращения: 03.02.2015).

¹²⁵ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 16. – Отд. 1-е. – СПб., 1831. – С. 224.

¹²⁶ Мельников П.И. Счисление... – С. 396.

¹²⁷ Керов В.В. Предприниматели-старообрядцы и взяточничество в России XIX в.: элементы деловой культуры или гражданская коррупция? // Wschodni Roszhik Humanistyczny. – 2012. – Т. 8. – С. 141–161.

¹²⁸ ГАХО, ф. 3, оп. 155, д. 56-а, л. 30; ГАХО, ф. 3, оп. 175, д. 275-а, л. 1–10.

¹²⁹ ГАХО, ф. 3, оп. 155, д. 56-а, л. 30.

¹³⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 40, д. 865, л. 1–4.

КИПРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И БОРЬБА ЗА ЭНОЗИС В 1900–1925 ГГ. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГРЕЦИИ)

К. Ю. Артамонова

Артамонова К. Ю. Кіпрська православна церква і боротьба за єнозис в 1900–1925 рр. (за архівними матеріалами Міністерства закордонних справ Греції). У статті зроблена спроба простежити взаємини кіпрського православного духовенства і грецького уряду з питання приєднання острова Кіпр до Греції за часів британського правління. Простежується стадіальність розвитку політики єнозиса як з боку грецьких політиків, так і з боку кіпрських архієпископів, обумовлену внутрішнім політичним розколом на Кіпрі та в Греції. Автор приходить до висновку, що пропозиція Великої Британії віддати Кіпр Греції в 1915 р. в обмін на вступ країни у війну була єдиною можливістю Афин придбати острів дипломатичним шляхом, яку країна згаяла. Наступні спроби Архієпископа Кіпрського Кирила III та прем'єр-міністра Греції Е. Вензелоса домогтися від британської влади здійснення єнозиса не мали успіху.

Ключові слова: Кіпрська православна церква; уряд Королівства Греція; грецьке консульство на Кіпрі; єнозис.

Артамонова К. Ю. Кипрская православная церковь и борьба за єнозис в 1900–1925 гг. (по архивным материалам Министерства иностранных дел Греции). В статье предпринята попытка проследить взаимоотношения кипрского православного духовенства и греческого правительства по вопросу присоединения острова Кипр к Греции во времена британского правления. Прослеживается стадийность развития политики єнозиса как со стороны греческих политиков, так и со стороны кипрских архиепископов, обусловленная внутренним политическим расколом на Кипре и в Греции. Автор приходит к выводу, что предложение Великобритании отдать Кипр Греции в 1915 г. в обмен на вступление страны в войну было единственным шансом Афин приобрести остров дипломатическим путем, который страна упустила. Последующие попытки Архиепископа Кипрского Кирилла III и премьер-министра Греции Э. Вензелоса добиться от британских властей осуществления єнозиса не увенчались успехом.

Ключевые слова: Кипрская православная церковь; правительство Королевства Греция; греческое консульство на Кипре; єнозис.

Artamonova K. Y. *The Orthodox Church of Cyprus and the struggle for enosis during 1900-1925 (according to the materials of Archdiocese of the Ministry of Foreign Affairs of Greece).* The article attempts to trace the relations between the Cyprus Orthodox clergy and the Greek government on the issue of accession of Cyprus to Greece during the British rule. It traces enosis policy evolution by stages both on the part of Greek politicians and by the Archbishops of Cyprus, due to internal political split in Cyprus and Greece. The author concludes that the Great Britain proposal to give Cyprus to Greece in 1915 in exchange for the country's entry into the war was the only chance of Athens to purchase the island through diplomatic channels that the country missed. Subsequent attempts by the Archbishop of Cyprus Cyril III and Greek Prime Minister E. Venizelos to achieve the enosis by the British authorities failed.

Keywords: Orthodox Church of Cyprus; government of the Kingdom of Greece; Greek Consulate in Cyprus; enosis.

Островное положение Кипра, давняя автокефалия Кипрской православной церкви (КПЦ) и колониальный статус страны на протяжении четырехсот лет повлияли на складывание особой роли православной церкви в кипрском обществе. Во время османского господства КПЦ обладала административными функциями по отношению к православным грекам, составлявшим большую часть кипрского населения, а также была выразителем их интересов. При этом КПЦ считала себя неотъемлемой частью большого православного византийского мира и ставила своей основной задачей воссоединение Кипра с греческим миром, что в дальнейшем воплотилось в идею єнозиса.

Идея єнозиса (в переводе с греческого – «союз, единство») зародилась в период национально-освободительной войны греков против Османской империи. Появление в феврале 1830 г. суверенного Королевства Греция повлияло на развитие национальных идей в многонациональной империи. Среди ее греческих подданных распространялась идея

энозиса, суть которой состояла в освобождении всех греческих земель от османского владычества и их присоединении к Королевству Греция. Часть греческих революционеров шла дальше, объявив о необходимости восстановления единого греческого государства в территориальных рамках бывшей Византийской империи. Данное течение оформилось в т.н. «Мегали идею», ставшую популярной на территории Балканского полуострова в период национально-освободительных войн местных народов против османского владычества. Идея энозиса больше всего сторонников обрела на Кипре, где церковь возглавила борьбу за воссоединение острова с Грецией.

Роль КПЦ в национально-освободительном движении греков-киприотов рассматривалась в исследованиях Дж. Хилла¹, В. Энглезакиса², А. Виттиса³, Т. Пападопулоса⁴, Х. Икономидиса⁵, А. Варнава, М. Михаела⁶, К. Коккинофтаса⁷. При исследовании данного вопроса ими практически не рассматривались материалы греческого вице-консульства на острове. В данной работе предпринята попытка отразить идею энозиса в деятельности КПЦ, основываясь именно на материалах Министерства иностранных дел Греции, которые к тому же позволяют судить о политике греческого правительства в этом вопросе. С этой целью нами изучены переписка греческого вице-консульства на Кипре с 1900 по 1925 гг., а также материалы периодической печати и внутренние документы КПЦ, которые передавались через консульские органы греческому правительству для ознакомления с общественно-политической ситуацией на Кипре в период британского правления.

С приходом на остров англичан в 1878 г. церковь стала лидером общественно-политической жизни, представляя интересы греков-киприотов перед новыми властями на острове и за его пределами. Начались активные контакты КПЦ с греческим правительством. Афины считали остров исконно своей территорией и в рамках «Мегали идеи» рассматривали возможность присоединения Кипра к Греции. Кипрская проблема играла важную роль во внешней политике Греции, о чем можно судить по депешам греческих консулов из Ларнаки и Никосии⁸. Первое греческое вице-консульство было основано в Ларнаке в 1833 г.; в 1917 г. оно получило статус Генерального и было перенесено в Никосию⁹.

К началу XX века Кипрская православная церковь пережила череду кризисов. Обострились отношения с британскими властями, осуществлявшими политику по принципу «разделяй и властвуй», что приводило к столкновениям интересов церкви и английской администрации. В 1898 г. умер митрополит Пафский Епифаний, два года спустя, не успев принять участие в выборах нового митрополита Пафоса, умирает Архиепископ Кипра Софроний. Во главе Кипрской церкви осталось два правящих иерарха – митрополит Китиона Кирилл Пападопулос и митрополит Керинии Кирилл Василиос¹⁰, претендовавшие на архиепископский престол. По причине отсутствия в Кипрской церкви механизма выбора архиепископа между митрополитами разгорелась борьба за трон, приведшая к политическому расколу острова на два лагеря: «китионцев», поддерживавших митрополита Китиона, и «керинийцев» – сторонников митрополита Керинии¹¹. В греческой литературе того времени использовались прозвища митрополитов, возникшие в народе: митрополита Китионского Кирилла называли «Кирилл-большой», а митрополита Керинийского – «Кирилл-малый», руководствуясь их внешними и возрастными отличиями.

Конфликт, разгоревшийся в 1900 г., был не только церковным, но и внутриполитическим. Каждый из митрополитов представлял одно из двух политических течений на острове, видевших по-разному решение национального вопроса. Митрополит Кирилл Китионский был сторонником бескомпромиссного требования энозиса, решительного давления на английское правительство, чтобы достичь немедленного объединения Кипра с Грецией. Митрополит Кирилл Керинийский представлял те слои населения, которые поддерживали умеренную политику в отношении англичан и рассматривали энозис в качестве долгосрочной перспективы¹². Конфликт двух Кириллов вышел далеко за пределы острова; к его разрешению приобщились патриархи Константинополя, Иерусалима, Александрии, а также вице-консульство Греческого Королевства на Кипре.

Константинопольский патриарх Иоаким III активно поддерживал митрополита Керинии Кирилла Василиоса. В частности, патриарх настаивал на том, что большая часть населения не хотела видеть митрополита Китиона в качестве главы Кипрской церкви, а британская администрация, по его словам, характеризовала последнего как «мятежника»¹³. Британское же посольство в Константинополе полагало, что вмешательство Вселенского патриарха нарушает права автокефальной Кипрской церкви¹⁴.

МИД Греции внимательно следил за развитием кипрского церковно-политического конфликта и его резонансом в православном мире. Архивные материалы по Кипру за 1902–1903 гг. вынесены в отдельный том и содержат различные документы, которые разделены на три основных блока.

Первый блок составляет переписка митрополита Китиона Кирилла с Верховным комиссаром Кипра, донесения греческого вице-консула о вмешательстве в проблему Константинопольской и Иерусалимской патриархий, подкрепленные материалами кипрской периодической печати. Так, в письме к министру иностранных дел Греции от 18 мая 1902 г. вице-консул пишет: «На прошлой неделе были получены две телеграммы от Их Блаженства Патриарха Константинопольского и Патриарха Иерусалимского, в которых они принимают кандидатуру митрополита Китионского в качестве нового (возможного – К. А.) Архиепископа, однако считают митрополита Керинии более подходящей кандидатурой на архиепископский престол, после него ставят кандидатуру господина Константиноидиса (архимандрит Григорий Константиноидис – К. А.), которого Их Блаженства оценивают как благородного человека»¹⁵. В том же письме вице-консул сообщает, что «народные представители не одобрили такое решение патриархов, а Верховный комиссар заявил депутатам, что правительство не может назначать экзархов Кипра»¹⁶.

Отдельно содержатся копии документов Иерусалимской патриархии, направленные в адрес митрополитов, и донесения греческого вице-консула, в которых содержатся размышления о прокеринийской позиции Патриарха Иерусалима Дамаскина¹⁷.

Следующий блок документов включает переписку Иерусалимского патриарха Дамаскина I с премьер-министром Греции А. Заимисом по вопросу архиепископского престолонаследия, а также корреспонденцию греческих консульств в Иерусалиме, Константинополе, Александрии. Главной темой консульских депеш в 1902–1903 гг., наряду с сообщениями о положении греческой диаспоры, состоянии школ и монастырей за пределами Греции, становится кипрская проблема¹⁸. Наконец, последний блок документов содержит переписку Иерусалимского патриарха Дамаскина I с Константинопольским Иоакимом III по разным вопросам¹⁹.

Такое пристальное внимание греческого Министерства иностранных дел к делам патриархий было вызвано диаметрально противоположной позицией высших церковных иерархов в кипрском вопросе. В ходе церковного конфликта на Кипре православный греческий мир, также как и на острове, раскололся на два лагеря. Греческое правительство вместе с Александрийским патриархом поддерживало бескомпромиссного сторонника энозиса митрополита Китиона Кирилла Пападопулоса, а Константинопольский и Иерусалимский патриархи – более умеренного митрополита Керинии Кирилла Василиоса.

1907 год стал поворотным в решение вопроса. Верховный комиссар Кипра Ч.Э. Кинг-Харман подал в Законодательный совет законопроект «О выборах архиепископа», подготовка которого была возложена на светского политика Иоанниса Киржидиса. Митрополит Керинии Кирилл отверг этот законопроект; кипрского иерарха поддержал Вселенский патриарх Иоаким III. В июне того же года на Кипр, для оказания помощи в разрешении кризиса, прибыли патриарх Александрийский Фотий, архимандрит Иерусалимского патриархата Мелетий Метаксакис и митрополит Анхиальский Василий, представлявший интересы Константинополя.

Перед визитом на Кипр и в ходе его Александрийский патриарх вел активную переписку с греческим правительством и его консульскими органами на острове, выдвигая митрополита Китиона Кирилла на пост Архиепископа Кипра как самую подходящую кандидатуру. Во время визита патриарха на остров фактически сложился альянс греческого вице-консульства и Александрийской патриархии в поддержку Китионского митрополита²⁰. 2 октября 1907 г. в письме к министру иностранных дел Греции вице-консул встал на защиту митрополита Китиона в ответ на обвинения его в масонстве керинийцами²¹.

20 ноября греческий вице-консул Калутсис сообщал, что единственное желание британского правительства – признать нового архиепископа, когда пройдут его выборы согласно обычаю и традиции Кипрской православной церкви²², а 14 декабря 1907 г. греческое посольство в Константинополе сообщает министру иностранных дел о том, что патриарх Александрийский активно сотрудничает с митрополитом Китиона²³.

Письма греческого вице-консула на Кипре за 1907 – начало 1908 г., обращенные к министру иностранных дел Греции, в основном посвящены приезду патриарха Фотия на

Кипр, его встречам и переговорам с греческим консульством, попыткам давления Константинопольского патриарха на Синод КПЦ в выборе архиепископа при содействии Мелетия Метаксакиса и митрополита Анхиальского Василия.

В феврале 1908 г. Константинопольская патриархия приняла единоличное решение назначить новым Архиепископом Кипра митрополита Керинийского Кирилла. В ответ на такое решение Константинополя сторонники митрополита Китиона собрались в г. Никосии под греческими флагами, требуя избрать их кандидата. Керинийцы, тем временем, заняли Архиепископию, где на тот момент находились оба митрополита, и потребовали провести процесс интронизации Кирилла Василиоса. Ситуация настолько накалилась, что греческий вице-консул писал в министерство: «Очень большая вероятность того, что Кипрская церковь подвергнется схизме»²⁴. Британские власти, дабы предотвратить кровопролитие, эвакуировали обоих митрополитов из Архиепископии в резиденцию Верховного комиссара Кипра и ввели военное положение. Опасаясь столкновений между двумя лагерями, митрополит Керинии заявил, что он не примет решения Константинополя об избрании его кандидатуры, если это приведет к народным выступлениям. После этого голосование в Законодательном совете по законопроекту о выборе архиепископа было ускорено.

В апреле 1908 г. греческий вице-консул пишет из Ларнаки в Афины: «Скорее всего, в качестве Архиепископа будет избран митрополит Китиона ... Он будет признан британскими властями и патриархом Александрии, но Вселенская Церковь (Константинопольская патриархия – К. А.) и Иерусалим хотя и не признавать его»²⁵.

25 мая 1908 г. Законодательным советом Кипра был принят, а Верховным комиссаром утвержден закон о выборах Архиепископа Кипра, введивший механизм светского избрания главы церкви. В законе строго регламентировался порядок проведения выборов. Кипр был поделен на округа, в каждом из которых, пропорционально населению, избиралось определенное количество представителей, которые непосредственно участвовали в выборе Архиепископа²⁶. 8 апреля 1909 г. 60 представителей избрали, наконец, новым Архиепископом Кипра митрополита Китиона Кирилла Пападопулоса.

Всего проблеме архиепископского трона на Кипре в период с 1900 по 1909 г. посвящено несколько томов архива МИДа Греции, из материалов которых можно сделать вывод, что церковный кризис на острове имел политический характер, и правительство Греции преследовало в нем свои интересы – избрание митрополита Китиона, сторонника осуществления энозиса, в противовес митрополита Керинии, приверженца политики Константинополя.

Вместе с Архиепископом Кириллом II победу одержало и прогрессивно настроенное крыло кипрской интеллигенции. 18 марта 1913 г. Законодательный совет Кипра проголосовал за осуществление энозиса. Греческий вице-консул сообщил в свое министерство: «Даже многие не депутаты придерживаются мнения, что остров не должен больше молчать..., должен быть организован референдум на всем острове за энозис»²⁷. В то же время греческий дипломат сомневался, что англичане отдадут остров. «Скорее всего, – писал он, – Кипр останется британским приобретением»²⁸.

1 октября того же года вице-консул рапортовал в МИД Греции, что на заседании греческой фракции Законодательного совета под председательством Архиепископа до сведения депутатов было доведено мнение короля Греции, что текущий момент – не лучшее время для обсуждения кипрского вопроса и проведения общественных мероприятий, призывающих к энозису, так как у самой Греции сейчас много проблем. На заседании было принято решение прислушаться к этому мнению. Однако, как пишет вице-консул, кипрская пресса не придерживалась этого решения, а наоборот, увеличивала агитацию за энозис, при этом любой, кто его не поддерживал, обвинялся в антипатриотизме²⁹. В продолжение затронутой темы в письме от 24 октября вице-консул сообщает, что Архиепископ Кирилл II поддержал правительство Греции в его намерении не торопить решение кипрского вопроса. Вице-консул обвинил главного редактора газеты «Неон Етнос» в том, что тот способствует «разжиганию» энозиса, называя его при этом «хорошим патриотом»³⁰.

В октябре 1915 г., в разгар Первой мировой войны, Великобритания делает Греции секретное предложение вступить в войну на стороне стран Антанты в обмен на Кипр. Данное предложение повлекло за собой ответную реакцию киприотов. 8 ноября 1915 г. депутаты Законодательного совета во главе с Архиепископом Кириллом II направили письмо министру колоний Великобритании. «Данное письмо, – отмечали они, – выражает настроение кипрского народа в важный для него исторический момент... Предложение правительства (Ве-

Великобритании – К. А.) соответствует желанию кипрского народа быть свободными и отражает его национальную борьбу»³¹. Копия письма была передана греческому правительству.

Столь желаемое предложение пришлось на период раскола в правящих кругах Греции по вопросу о вступлении страны в войну. Разногласия между премьер-министром Э. Венизелосом и королем Константином I привели к отставке проантантовски настроенного премьер-министра. Для правительства А. Заимиса, сменившего 7 октября 1915 г. на этом посту Э. Венизелоса, Кипр не был основным направлением внешней политики. Афины отклонили предложение Лондона, заявив, что отказ от нейтралитета в обмен на территориальное приобретение не соответствует национальным интересам страны³².

Несмотря на решение греческого правительства, Кипрская церковь и местная интеллигенция восприняли этот шаг лишь как временное отступление от курса на энозис, продолжая активно добиваться от британских властей объединения с Грецией.

В 1916 г. умирает Архиепископ Кирилл II Пападопулос. Новым Архиепископом Кипра был избран митрополит Керинии Кирилл Василеос, занявший престол под именем Кирилла III. В том же году с возвращением Э. Венизелоса на пост премьер-министра Греции у киприотов вновь появилась надежда на энозис. В ноябре 1917 г. премьер находился с визитом в Лондоне, где, среди прочих, поднимал вопрос и о Кипре, однако безрезультатно.

После окончания Первой мировой войны, в конце 1918 г., Архиепископ во главе кипрской делегации отправился в Лондон, чтобы передать британскому правительству просьбу кипрских депутатов решить дальнейшую судьбу острова в пользу Греции. В ходе послевоенного международного урегулирования Архиепископ Кипра вел переговоры с премьер-министром Греции о возможности осуществления энозиса и его международного признания. Главной задачей греко-кипрской делегации было успеть решить этот вопрос до подписания мирного договора с Турцией. Следует сказать, что Архиепископ Кирилл, придерживаясь умеренной политики в вопросе энозиса, сомневался в правильности столь настойчивого требования политического объединения Кипра с Грецией, о чем сообщали некоторые представители кипрской делегации в Лондоне³³.

На самом острове в начале 1920 г. прошли выборы депутатов в местные советы городов. Греческий консул писал: «В Никосии, Фамагусте, Пафосе и Керинии победили сторонники Э. Венизелоса, а в Лимасоле и Ларнаке убедительную победу одержали сторонники короля»³⁴. Данное разделение соответствовало сложившейся политической ситуации на острове, соотношению сил между сторонниками немедленного и постепенного энозиса.

В августе 1920 г. Э. Венизелос лично сообщил Кириллу III о решении Лондона не уступать остров Греции, а 26 октября 1920 г. Министерство по делам колоний официально объявило о решении оставить Кипр под британским управлением³⁵.

Отказ Великобритании предоставить острову возможность объединения с Грецией вызвал бурное обсуждение в кипрской прессе. Газета «Киприакос Филакс» 18 августа 1921 г. писала: «Английское правительство не оставило нам и надежды, отклонив просьбу греческих депутатов о союзе с Грецией. Дипломатия бессильна, но кипрский народ не сломлен, в нем горит свеча эллинизма и он будет продолжать борьбу за объединение»³⁶.

Накануне выборов в Законодательный совет 1921 г. часть греческих депутатов под председательством Архиепископа Кипрского основали Национальный совет Кипра, который существовал параллельно с Законодательным советом. 25 ноября греческий консул сообщает министру иностранных дел Греции: Архиепископ Кипра обратился к нему с просьбой уведомить правительство в Афинах, что 21–22 ноября в Никосии прошел II Кипрский съезд, члены которого проголосовали «за освобождение острова и за его союз с матерью Грецией»³⁷. 29 ноября 1921 г. из Афин в Лондон, где находился с визитом Архиепископ Кирилл III, была направлена срочная телеграмма, сообщавшая, что господин А. Кросфилд* получил письмо с Кипра и был расстроен тем, что там происходят антибританские выступления. Англия, заявил он, сейчас является единственным другом греков-киприотов³⁸.

3 ноября 1922 г. Национальный совет Кипра под председательством Архиепископа Кипрского и при участии митрополитов Пафского, Китионского, Керинийского, игумена Киккского монастыря и других депутатов проголосовали за энозис, о чем 24 ноября 1922 г.

* А. Кросфилд – член британского парламента, советник премьер-министра Великобритании по Балканам, состоял в дружеских отношениях с Э. Венизелосом.

было уведомлено греческое правительство³⁹. Решение Национального совета было также передано британскому министру по делам колоний.

3 июня 1923 г. состоялся III Кипрский съезд, участники которого обратились с просьбой к английским властям прислать комиссию на остров с целью разобраться в причинах экономического упадка Кипра, а также решить национальный вопрос⁴⁰. Примечательно, однако, что последовавшее 2 июля 1923 г. заседание синода КПЦ в своем решении даже не упоминало о национальном вопросе. Речь шла в основном о новом образовательном законе, принятом британскими властями и лишившем церковь контроля над образованием⁴¹.

В этот период Великобритания принимала участие в Лозаннской мирной конференции, итогом которой стал мирный договор с Турцией, подписанный 24 июля 1923 г., по которому Анкара признала аннексию Кипра, провозглашенную британским правительством 5 ноября 1914 года⁴².

Несмотря на это, под давлением кипрской интеллигенции 14 октября 1924 г. Архиепископ Кирилл III направил письмо в адрес Верховного комиссара Кипра с целью сообщить британскому правительству о желании киприотов объединиться с Грецией. Ответ Архиепископу, датированный 15 декабря того же года, хотя и был выдержан в дипломатических тонах, но звучал как приговор: «Хочу уведомить Ваше Блаженство, что министр колоний рассмотрел ваш вопрос и поставил его на рассмотрение председателей палаты лордов и палаты общин, и они, в свою очередь, высказывают опасение, что выполнение вашей просьбы невозможно»⁴³.

1 мая 1925 г. правительство Великобритании объявило остров Кипр британской колонией. В августе того же года кипрская делегация вновь отправилась в Лондон просить энозиса, однако министр по делам колоний Дж. Г. Томас, возмущенный назойливостью греков-киприотов, дал резкий ответ: «...Вы должны понять четко, что вопрос объединения закрыт и не может быть поднят снова»⁴⁴.

Исходя из материалов греческих консульских органов на Кипре, можно утверждать, что идея энозиса была центральной во взаимоотношениях Кипрской православной церкви и греческого государства. Развитие этой идеи в рассматриваемый период прошло три основных этапа. Первый – 1900–1909 г. – характеризовался затяжным церковно-политическим расколом на Кипре в связи с отсутствием механизма выбора нового архиепископа и различными подходами к реализации энозиса претендентов на архиепископский престол – митрополитов Китиона и Керинии. С избранием в 1909 г. Архиепископом Кипра решительного сторонника энозиса митрополита Китиона начинается новый этап. Политическая элита Греции на тот момент оказалась расколотой на сторонников и противников вступления страны в Первую мировую войну. Осенью 1915 г. греческое правительство А. Заимиса отказалось от предложения Великобритании присоединиться к Антанте в обмен на Кипр, упустив тем самым реальный шанс приобрести остров дипломатическим путем. Третий этап борьбы за энозис КПЦ и греческого руководства был связан с попыткой умеренным сторонником энозиса Архиепископом Кириллом III добиться решения национального вопроса в ходе мирных переговоров после окончания Первой мировой войны. Однако Великобритания отказалась уступить остров грекам, закрепив его аннексию в Лозанском мирном договоре, официально объявив Кипр британской колонией в 1925 г. Таким образом, совместные попытки КПЦ и греческого правительства добиться энозиса на протяжении 1900–1925 гг. не увенчались успехом.

¹ Hill G. A history of Cyprus. – V. IV. The Ottoman Province. The British Colony 1571-1948. – Cambridge, 1952. – P. 488-568.

² *Εγγλεζάκης Β.* (Αρχιμικρόνδριτης Παύλος). Είκοσι μελέται δια της εκκλησίας Κύπρου (4ος ειως 20ος αιών). Αθήναι, 1996, σ. 620.

³ *Βίττης Α. Ο.* Εθναρχικός ρόλος της Εκκλησίας της Κύπρου // Επιστημονική Επετηρίς Κυπριακής Εταιρίας Ιστορικών Σπουδών. – 2003. – № 6. – Σ. 49–79.

⁴ *Παπαδόπουλος Θ.* Εθναρχικός ρόλος της Ορθοδόξου Εκκλησίας. Αρχιεπισκόπου Σωφρονίου βιοτή // Κυπριακά Σπουδαί. – 1971. – № 35. – Σ. 116–117.

⁵ *Οικονομίδης Χ.* Οι προσφωνήσεις Αρχιεπισκόπου Σωφρονίου και μητροπολίτη Κιτίου Κυπριανού στον πρώτο άγγλο αρμοστή το 1878, χωρίς αναφορά στο αίτημα της ενώσεως, και κάποια άλλη προσφώνηση με το αίτημα της ενώσεως // Πρακτικά του τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. – Λευκωσία, 1996./ Εταιρεία Κυπριακών Σπουδών. Τ. Γ. Νεότερο τμήμα. – Λευκωσία, 2001. – Σ. 411–416.

⁶ Varnava A., Michael M. N. The Archbishops of Cyprus in the Modern Age: The Changing Role of the Archbishop-Ethnarch, their Identities and Politics. – Cambridge, 2013. – 331 p.

⁷ Κοκκινόφτας Κ. Η Εκκλησία της Κύπρου κατά την Αγγλοκρατία (1878-1960) // Ιστορία των Ελλήνων. – Τ. 15. – Αθήνα, 2006. – Σ. 692–705.

⁸ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1878. – Φ. 37/12: Υποπροξενείον εις Λάρνακα, Υποπροξενείον εις Λεμεσό; Φ. 49/10: Περί επισκέψεως καταπλεόντων εις Κύπρου ξένων πλοίων υπό Αγγλικών αρχών; Φ. ΑΑΚ/Ε': Προξενικά: Κύπρου; Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1879. – Φ. 58/3: Αναφοραί εκθέσεις προξενικών αρχών περί καταστάσεως της περιοχής Κύπρου; Φ. 99/2: Προξενία – Υποπροξενία – Πρεσβείες, Κύπρος; Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1880. – Φ. 37/12: Προξενείον Κύπρου; Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1883. – Φ. Α5: Προξενείον Λάρνακας; Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1884. – Φ. 49/2: Εμπόριον – Γεωργία. Νησί Κύπρος, πείνα 1882, 1883, του Μαρτίου 1884.

⁹ Γεωργής Γ., Παπαπολυβίου Π. Ιστορική καταγραφή παρουσίας προξενικών και διπλωματικών αρχών της Ελλάδος στην Κύπρο (Υποπροξενείου και Προξενίου Λάρνακος, Προξενίου και Γενικού Προξενίου Λευκωσίας, Πρεσβείας Λευκωσίας). – URL: http://www.mfa.gr/cyprus/images/stories/nicosia/docs/istoria_argxis.pdf (дата обращения: 18.10.2015)

¹⁰ Αρχιεπισκοπικό ζήτημα // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία: Φιλόκυπρος. – Τ. 2. – Λευκωσία, 1985. – Σ. 348–350.

¹¹ Там же.

¹² Φραγκούδης Γ. Σ. Ιστορία του αρχιεπισκοπικού ζητήματος Κύπρου, 1900-1911. Αλεξάνδρεια, 1911; Λυμπουρίδης Α. Το πολύκροτο Αρχιεπισκοπικό Ζήτημα της Κύπρου και η δεκαετής περιπετειώδης πορεία του 1900-1910. – Λευκωσία, 1997. – Σ. 3–16, Σ. 59–62.

¹³ Βαλαής Δ. Προσπάθειες του Οικουμενικού Πατριάρχη Ιωακείμ Γ' για την διευθέτηση του Αρχιεπισκοπικού ζητήματος της Κύπρου // Ιωακείμ Γ' ο Μεγαλοπρεπής. Ο από Θεσσαλονίκης Οικουμενικός Πατριάρχης και η εποχή του. – Θεσσαλονίκη, 2012. – Σ. 261.

¹⁴ Там же.

¹⁵ 18 Μαΐου 1902. Επιστολή Ελληνικού Πρόξενου της Κύπρου στην Λάρνακα προς τον Υπουργείο Εξωτερικών της Ελλάδος // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1903, Φ. 56 α: Ηδικοί Φάκελοι: Εκκλησιαστικά διάφορα, Κύπρου, Ιεροσολύμων (1902–1903). – Υποφάκελος 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1902–1903, Φ. 56α: Ηδικοί Φάκελοι: Εκκλησιαστικά διάφορα, Κύπρου, Ιεροσολύμων (1902–1903). – Υποφάκελος 1.

¹⁸ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1902–1903, Φ. 56α: Ηδικοί Φάκελοι: Εκκλησιαστικά διάφορα, Κύπρου, Ιεροσολύμων (1902–1903). – Υποφάκελος 2.

¹⁹ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1902–1903, Φ. 56α: Ηδικοί Φάκελοι: Εκκλησιαστικά διάφορα, Κύπρου, Ιεροσολύμων (1902–1903). – Υποφάκελος 3.

²⁰ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1908, Φ. ΛΑ, Υποφάκελος 1, 2, 3.

²¹ 2 Οκτωβρίου 1907. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1907, Φ. ΙΒ / ΑΑΚ: Εκκλησιαστικό ζήτημα Κύπρου.

²² 20 Νοέμβρη 1907. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1907, Φ. ΙΒ / ΑΑΚ: Εκκλησιαστικό ζήτημα Κύπρου.

²³ 14 Δεκεμβρίου 1907. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1907, Φ. ΙΒ / ΑΑΚ: Εκκλησιαστικό ζήτημα Κύπρου.

²⁴ 13 Μαΐου 1908. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1908, Φ. ΛΑ / 3.

²⁵ 24 Απριλίου 1908. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1908, Φ. ΛΑ / 3.

²⁶ The Cyprus gazette (supplement). – 1908. – 25 May.

²⁷ 15 Μαΐου 1913. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

²⁸ Там же.

²⁹ 1 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

³⁰ 24 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

³¹ 8 Νοέμβρη 1915. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1915, Φ. ΑΑΚ23.

³² Hill G. A history of Cyprus. – V. IV. The Ottoman Province. The British Colony 1571-1948. – Cambridge, 1952. – P. 522-523.

³³ 26 Οκτωβρίου 1920. Σημείωμα / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1920, Φ. 6.1.

³⁴ 25 Μαρτίου 1920. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1920, Φ. 6.1.

³⁵ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1920, Φ. 6.1.

³⁶ Κυπριακός Φύλαξ. – 1921. – 18 Αυγούστου.

³⁷ 25 Νοεμβρίου 1921. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1921, Φ. 10/3.

³⁸ 29 Νοεμβρίου 1921. Τηλεγράφημα / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1921, Φ. 10/3.

³⁹ 24 Νοεμβρίου 1922. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1922, Φ. 7/4.

⁴⁰ 3 Ιουνίου 1923. Ψήφισμα της Γ' Εθνικής των Κυπρίων Συνελεύσεως / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1923, Φ. 7/4.

⁴¹ 2 Ιουλίου 1923 / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1923, Φ. 7/5.

⁴² The Convention Respecting the Regime of the Straits and Other Instruments Signed at Lausanne, 24 July 1923 / The Cyprus issue. A documentary history, 1878-2007. – London-New York, 2007. – P. 7.

⁴³ 16 Δεκεμβρίου 1924. Επιστολή / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1924, Φ. Α/5/Ι.5.

⁴⁴ 14 Αυγούστου 1925 / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1925, Φ. Α/5/Ι.5.

БЪЛГАРСКАТА ПРАВОСЛАВНА ЦЪРКВА И КУЛТУРНОТО РАЗВИТИЕ НА БЪЛГАРИЯ В ПЕРИОДА МЕЖДУ ДВЕТЕ СВЕТОВНИ ВОЙНИ

Св. Елдьров

Елдаров Св. Болгарска православна църква та културний розвиток Болгарії у період між двома світовими війнами. Як привілейована, згідно з конституцією, конфесія, Болгарська православна църква (БПЦ) відіграє важливу роль у житті болгарського суспільства. У період між двома світовими війнами вона намагається вплинути й на культурний розвиток країни. Політику та діяльність БПЦ у сфері культури формує і спрямовує Культурно-просвітницьке відділення при Святому Синоді. За його допомоги верховне управління църкви досягає значних успіхів у книгодрукуванні та розповсюдженні книг. Важливу роль в її культурній діяльності відіграє църковно-релігійна періодика на чолі з синодальним офіціозом «Църковна газета» («Църковен вестник»). У статті розглянуті також спроби БПЦ пробудити інтерес до релігійної тематики у середовищі художньої інтелігенції, використати для свого культурного місіонерства радіо та кіно, розширити рамки свого впливу в сферах освіти та виховання молоді, проникнути за допомогою різного роду релігійно-громадських організацій до всіх соціальних верств болгарського суспільства.

Ключові слова: Болгарська православна църква; культура; засоби масової інформації; освіта; виховання.

Елдьров Св. Болгарская православная църковь и культурное развитие Болгарии в период между двумя мировыми войнами. Как привилегированная, согласно конституции, конфессия, Болгарская православная църковь (БПЦ) играет важную роль в жизни болгарского общества. В период между двумя мировыми войнами она пытается оказать влияние и на культурное развитие страны. Политику и деятельность БПЦ в сфере культуры формирует и направляет Культурно-просветительское отделение при Святом Синоде. С его помощью верховное управление църкви достигает значимых успехов в книгопечатании и распространении книг. Важную роль в ее культурной деятельности играет църковно-религиозная периодическая печать во главе с синодальным офіціозом «Църковная газета» («Църковен вестник»). В статье рассмотрены также попытки БПЦ пробудить интерес к религиозной тематике в среде художественной интеллигенции, использовать для своего культурного миссионерства радио и кино, расширить рамки своего влияния в сферах образования и воспитания молодежи, проникнуть с помощью разного типа религиозно-общественных организаций во все социальные слои болгарского общества.

Ключевые слова: Болгарская православная църковь; культура; средства массовой информации; образование; воспитание.

Eldarov Sv. Bulgarian Orthodox Church and the cultural development of Bulgaria during the period between the two World Wars. As an institution of the national religion legitimized by Constitution, the Bulgarian Orthodox Church (BOC) plays an important role in the life of the Bulgarian public. During the period between the two World Wars, it also attempted to influence the cultural development of the country. The cultural policy and activity of the BOC were formed and directed by the Department of Culture and Education at the Holy Synod. Through it, the Supreme Church council achieved material success in book publishing and dissemination. Ecclesiastical and religious press, headed by the official issue of the Synod, "Church Newspaper" ("Tsarkoven Vestnik"), played an important role in the cultural activity. Furthermore, this paper focuses on the attempts of the BOC to provoke the artistic creation circles' interest to the religious subject matter, to use radio and cinema for the purposes of its cultural missionary activity, to expand its influence in the field of youth education and cultivation, to use various religious and social organizations as a means for accessing all social layers of the Bulgarian society.

Keywords: Bulgarian Orthodox Church; culture; media; education; cultivation.

След три изтощителни войни и две национални катастрофи проблемът за мястото и ролята на Българската православна църква (БПЦ) в държавата и обществото, а в частност за нейната мисия в културните потребности на страната, добива изключителна актуалност и острота. Първата реакция на върховната църковна управа е да направи опит да се разграничи от отговорността за националните катастрофи. Със специално послание, разпространено в хиляди екземпляри и публикувано в „Църковен вестник“, Св. Синод призовава българския народ към „особен покаяно-молитвен подвиг“, като определя датата 5 януари 1919 г. за ден на строг пост и усърдни молитви във всички храмове на страната.

Синодалното послание търси причините за провала на България в „душата и сърцата на българите“, т.е. в недъзите на духовния живот на българското общество¹.

Стремежът на БПЦ да се дистанцира от политическите събития всъщност е опит да се разграничи от самата себе си, тъй като българите, пък и чужденците, едва ли са забравили нейните повици за „благоразумно политическо безмълвие“ и химните ѝ в прослава на войната и официалната германофилска политика в периода 1915–1918 г. Това е и опит да се отклони в друга посока недоволството в църковните среди от политическия курс и вътрешното състояние на БПЦ. Решителният сблъсък между старото и новото се разиграва в навечерието и по време на Църковно-народния събор през 1921–1922 г. Веднага след установяването на мира гласовете за реформи и преобразования в църковната администрация и дейност, които впрочем звучат приглушено още в предвоенния период, започват да се надигат с нова сила. Този път върховната църковна управа не е в състояние да ги заглуши и игнорира, най-малкото защото в тях сега се вслушва и земеделското правителство на Александър Стамболийски. Още повече, че в очите на всички – и църковници, и държавници, и граждани – исканията за промени са напълно основателни и легитимни.

Върховната църковна управа сама разбира това, но иска да държи процесите под абсолютен и неоспорим контрол. Това желание обаче никак не съответства на възможностите ѝ към момента. Вътрешно-църковната опозиция се обръща за подкрепа към Стамболийски, който на 16 април 1920 г. освен премиерския пост поема и управлението на Министерството на външните работи и изповеданията (МВРИ). Земеделският лидер, обладаван от силата на своята партия и от амбициите на новото политическо поколение, не оставя нито за миг да му се изплъзне кормилото на църковната обнова.

Църковно-народният събор се открива на 6 февруари 1921 г. и заседава с прекъсвания до 16 февруари 1922 г. в сградата на Народното събрание. На другия ден след откриването Стамболийски държи реч пред съборните делегати, която трасира пътя на църковното обновление в следвоенния период. Неговата визия за ролята на църквата в модерния свят ѝ отрежда мястото на своего рода „лечебен институт“, който да предпазва и лекува българската нация от социални пороци, чужди влияния и идейна безпътница, да води борба против моралния и физическия упадък на народа, да вдъхва надежда и оптимизъм у личността, семейството и обществото. Сред приоритетите на БПЦ той поставя религиозното възпитание на обществото и най-вече на младежта, активизиране на църковната проповед чрез устното и печатното слово и довеждането ѝ до съзнанието на обикновените хора, борба с алкохолизма и другите вредители на народното здраве, противопоставяне на безбожните идеи, на комунистическата пропаганда и др.²

Много скоро не друг, а самата върховна църковна управа ще прозре, че в същността на идеите си Стамболийски е бил прав. Неговият повик към църквата да се превърне в „лечебен институт“ на обществото не само не противоречи, но представлява основна цел и задача на църковната мисия. Самата действителност изважда наяве болестното състояние на българския обществен организъм и диктува на БПЦ да влезе в препоръчаната от бившия министър-председател изцелителна роля. Поводът наистина е ужасен – атентатът в катедралния храм „Св. Неделя“ в столицата на България на 16 април 1925 г., който отнема десетки невинни живота и компрометира пред цивилизования свят цял един народ. Два дена преди него е извършен неуспешен опит за атентат срещу цар Борис III в Арабаконашкия проход. Двете злодеяния, дело на българските комунисти, съвпадат със Страстната седмица на Великденските празници и изтръгват вълна от възмущение в българското общество. Сега особено високо и силно прозвучава и гласът на БПЦ.

В извънредно заседание на 27 април 1925 г. Св. Синод съставя и приема едно „Послание до православния български народ“. Върховната църковна управа очаква двата атентата като „сатанинско покушение“ срещу държавата и народа. Чрез тях злодейците искат да погребат България, като убият царя и министрите, а атентатът в „Св. Неделя“ няма аналог в историята на човечеството: „В такъв именно свят и неприкосновен дом за молитва, и в един от най-светите църковни дни, осатанените от злоба вероотстъпници и човекомразци с жестока подлост избиха стотици невинни души, и то през време на богослужение“ – възмущават се синодалните архиереи. Те обаче изрично подчертават, че не е достатъчно само човек да се ужаси от грозното престъпление и да го заклейми, но да разбере къде са корените на злото. И синодалното послание му ги посочва – те са в тъмния и мрачен път, в който българският народ върви от десетки години, като насажда у себе си

култура без Бог, просвета без религия и общество без църква. Чрез посланието си Св. Синод призовава народните водачи да отхвърлят образованието без религия, свещениците да проповядват мир, любов и братолюбие, а учителите да пръснат семето на чистата наука и да възпитават децата в твърдите религиозни принципи³. Така културното мисионерство, разбирано като един вид реевангелизация на българския народ, се превръща в приоритет за БПЦ.

За да може да насочва и контролира разнородните тенденции в културната сфера, както и да рационализира и усъвършенства цялостната си работа, през 1925 г. Св. Синод се решава на важна административна реформа. В заседанието си на 9 април върховната църковна управа приема „Правилник за службите и вътрешния ред в канцеларията на Синода“, който поставя синодалната администрация на нови начала. Начело на синодалната канцелария стои секретар, който централизира в своята длъжност ръководството и надзора на нейните отделения, дирекции и служби. Той проучва и докладва всички въпроси, свързани с изграждането, поддържането и функционирането на църковната администрация и преди всичко изборите на синодални членове и епархийски архиереи, епархийски духовни и мирски съвети и избиратели, църковни настоятелства. Секретарят следи и докладва по всички въпроси за отношенията между църквата и държавата, води протоколите на синодалните заседания и делата от конфиденциален характер на всички канцеларски служби, заверява с подписа си по-важните писма на заместник-председателя, подписва от негово име маловажните документи, отговаря за входящата и изходящата регистратура, протоколите и архивата. Може да се каже, че синодалният секретар е натоварен с голяма власт и отговорност, което го превръща в ключова фигура във върховната църковна управа и в БПЦ въобще. Тогава тази длъжност се изпълнява от протопрезвитер професор д-р Стефан Цанков, една от най-влиятелните фигури в църквата, а в навечерието на Втората световна война – и ректор на Софийския университет.

С оглед на културното мисионерство на БПЦ нова тежест и функции придобива Културно-просветното отделение при синодалната канцелария. Освен грижата за просветната, социално-благотворителната и стопанската дейност на върховната църковна управа, върху него ляга отговорността да защитава учението на православната църква, което означава, че трябва да следи и проучва всички инославни, сектантски и противодържавни движения и пропаганди и да препоръчва мерки за тяхното ограничаване. В неговите компетенции спадат също въпросите за правилното и точно изпълнение на богослужението, за изграждането на нови църкви и параклиси, за поддържането и развитието на ставропигиалните манастири, за ръкополагането на свещеници, за присъждането на офисии. Едни от най-важните задачи на отделението, които оправдават наименованието и същността му като институция, произтичат от грижите за издаването на богослужебни книги, за преглеждане и одобряване на учебниците по Закон Божи и църковно-богословските дисциплини, за дейността на духовните училища, православните и свещеническите братства, за общия надзор върху морала на православната общност. Всички тези отговорности падат върху служителите на отделението, чийто началник е архимандрит Стефан Абаджиев.

В тясна връзка с Културно-просветното отделение (КПО) се намират и функционират още две служби на синодалната канцелария. Дирекцията за църковно книгоиздателство и разпространяване на духовна книжнина организира в техническо отношение църковния печат и се грижи за неговото разпространение, изучава противорелигиозната и антицърковната литература и ѝ противодейства с развитието на православна книжнина, надзирава църковните книгопродавци, отговаря за автентичността на църковната музика. Редакцията и администрацията на „Църковен вестник“ се грижат за списването, издаването и разпространението на синодалния орган, а също и за правилния вървеж на свързаните с него притурки и издания⁴.

Реформирането на синодалната канцелария оказва благотворно въздействие върху развитието на културната дейност на БПЦ. Централно място в нея заема издаването и разпространението на църковно-религиозна книжнина. Новото начало е поставено още в заседанието на Св. Синод на 4 октомври 1921 г. с единодушно решение да се достави от чужбина оборудване за печатница – предварително именована „Синодална типография“ – която да печата църковно-богослужебни книги, учебници, богословска литература, периодика и въобще цялата печатна продукция на църквата. Охридският митрополит Борис е натоварен да проучи германския пазар. Точно след един месец Св. Синод се обръща към

МВРИ с молба да получи разрешение да внесе от чужбина печатната машина, като определя и комисия за нейното закупуване и доставка⁵.

Първоначално изглежда, че и това начинание ще загълхне от само себе си или ще бъде провалено умишлено, както става с други амбициозни предприятия на БПЦ. И наистина, докато на власт е правителството на БЗНС, по този въпрос не се прави почти нищо. Само веднъж през тези години във върховната църковна управа пак става дума за нея, когато през лятото на 1922 г. секретарят С. Цанков внася за разглеждане проект за учредяване на синодална печатница под формата на кооперация. Той дори избира подходящо име – „Светлина“. Като премислята обаче всички плюсове и минуси, синодалните архиереи стигат до заключението, че проектът е „неприемлив от гледище на сигурните интереси на Св. Синод и църквата“. За по-задълбочено и компетентно изучаване на този въпрос е съставена комисия с председател С. Цанков. Тя получава мандат да проучи и офертата на Придворната печатница, която предлага да предостави част от своя инвентар за нуждите на БПЦ срещу парична гаранция от един милион лева⁶.

След като кризата във взаимоотношенията със земеделския режим отшумява, върховната църковна управа най-сетне прави първата решителна стъпка за осъществяването на своята стара идея. В заседанието си на 23 юли 1924 г. тя решава да основе нова служба под името „Дирекция на църковното книгоиздателство и разпространяване на духовна книжнина“. За неин пръв директор е назначен архимандрит Стефан Абаджиев, дотогава началник на КПО. Старата му длъжност е поверена на архимандрит Борис, протосингел на Софийската митрополия и бъдещ Неврокопски митрополит. Новата дирекция трябва да започне да функционира от 1 ноември с. г.⁷

На 17 септември С. Абаджиев внася за обсъждане в Св. Синод „Временни правила за Дирекцията на църковното книгоиздателство“, с което начертава амбициозна програма на подведомствената си служба. Първата стъпка е обстойна инвентаризация на синодалния книжен склад, каквато от години не е правена. Целта е залежалата стока да стигне до евентуалните си читатели, макар и на намалена цена. Очаква се също ревизията на преписките по изпращането на печатни материали до митрополиите, епархийските наместничества и други адресати да позволи събирането на неизплатените от тях суми. Най-важно значение за разпространението на църковно-религиозната книжнина обаче има предложението на С. Абаджиев за създаване на институцията „синодални книгопродавци“. В неговата визия това са „православни и ревностни християни“, които ще разпространяват синодалните издания по градове и села. Те ще се смятат за синодални чиновници под ведомството на дирекцията, но вместо заплатата ще получават 60% от продажната цена на пласираните книги. Проектът на С. Абаджиев съдържа и други практически и целесъобразни предложения, като разкриване на книжарници към църковните свещоливници, ясни правила при ценообразуването на духовната литература и пр.⁸

Само за два месеца амбициозният ръководител на синодалното книгоиздаване и книгоразпространение успява да осъществи част от своите идеи. Освен че въвежда ред в книжния склад, той успява да издейства назначаването на трима разпространители, както и издаването на малки брошури с популярно църковно-религиозно съдържание⁹. Преди да е изтекла годината, С. Абаджиев успява да върне в дневния ред на Св. Синод и въпроса за печатницата. Сформирана е нова комисия под негово председателство, която да доведе начинанието до край¹⁰.

Енергичните стъпки на директора на Църковното книгоиздателство дават резултат. През 1926 г. той представя на вниманието на Св. Синод мащабна програма за културно-просветна дейност със силата на устното и печатното слово. Централно място в нея заема идеята за издаване и разпространение на религиозни брошури. Тази наглед обикновена дейност С. Абаджиев структурира в няколко равнища на изпълнение, които напомнят модерния принцип на пазарния маркетинг. Като за начало той препоръчва да се съберат подробни сведения за противорелигиозната, антицърковната и сектантската пропаганда в епархиите. Въз основа на събраната, анализирана и систематизирана информация се определят въпросите, по които ще се издават брошури или ще се изнасят сказки. След това се канят богослови или други квалифицирани лица, които да развият зададените теми. Текстовете се преглеждат от специална комисия при Дирекцията на църковното книгоиздателство. По тази система годишно могат да бъдат отпечатвани 24 брошури с общ обем 40–50 коли и с тираж до 10 хиляди екземпляра. Чрез Съюза на българските читалища и

Министерството на народната просвета (МНП) брошурите ще бъдат изпращани безплатно на всички читалища, прогимназии и гимназии в страната¹¹.

Директорът на синодалното книгоиздателство дава и редица други препоръки, сред които се откроява идеята за създаването на редакционен комитет, упълномощен да избира актуалните теми и въпроси, да дава упътвания и насоки на лекторите и авторите, да се грижи за печатането и разпространението на изданията. Той се състои от секретаря на Св. Синод, началника на КПО и директора на Църковното книгоиздателство.

През 20-те години на ХХ в. БПЦ постига немалки успехи в книгоиздателската дейност. Най-забележителният от църковно-религиозна гледна точка безспорно е издаването на пълния текст на Библията на новобългарски език. Това мащабно начинание, по което Св. Синод мисли и работи още от края на ХІХ в., е завършено през 1925 г. Библията е отпечатана в Държавната печатница в 50 хиляди екземпляра, като заедно с нея са отпечатани като самостоятелни книжни тела и нейните части (Новия завет, притчите, псалмите и пр.) в тираж от 5 до 20 хиляди екземпляра. Ст. Цанков оценява това като „един голям факт и едно знаменито начало в историята на църковната дейност за духовна просвета в наше време“. През същия период са отпечатани 42 учебника, пособия и други книги в общ тираж от близо 120 хиляди екземпляра, 78 брошури в над 520 хиляди екземпляра. Заедно с учебниците, книгите и брошурите Св. Синод поръчва и доставя – главно от чужбина заради по-доброто качество – огромно количество икони, книжни шампи, албумчета и картички с религиозно съдържание¹².

По-голямата част от изданията на Св. Синод се печатат в печатницата на Ставропигиалното женско монашеско братство „Бял кръст“. То е основано през 1922 г. от архим. С. Абаджиев с цел да „развива делото на християнското милосърдие и нравствено-религиозно възпитание“ чрез училища, пансиони, забавачници, детски колонии, приюти, болници и пр. В края на 20-те обаче братството изпада в тежка организационна и кадрова криза, не на последно място, и по вина на своя основател и ръководител¹³. Без съмнение той е много активен в генерирането на мащабни идеи, но иначе не е твърде последователен в тяхното осъществяване. Този стил на управление С. Абаджиев проявява и в битността си на директор на синодалното книгоиздаване и книгоразпространение. В крайна сметка това му струва дължността.

Слабата страна в дейността на С. Абаджиев е разпространението на печатните издания. Голяма част от книжната продукция залежава в синодалния склад и не достига до потенциалните читатели. Такава е съдбата на близо една трета от тиража на Библията и нейните части, на половината от учебниците, на две трети от брошурите и на преобладаващата част от богослужебните книги. Общо през 1927 г. стойността на залежалите в хранилището книги надхвърля 13 млн. лв., докато приходите от реализираната продукция възлизат на около 9 млн. лв.¹⁴

В следващите години БПЦ полага по-големи усилия за разпространението и популяризирането на своята печатна продукция. Известна роля за облекчаването на синодалния склад изиграва институтът на църковните книгоразпространители. В същата насока действа и върховната църковна управа. През 1929 г. Св. Синод се обръща с молба към МНП да препоръча със специално окръжно Библията на всички училищни и читалищни библиотеки. По-късно БПЦ получава и правото да има свои представители в настоятелствата и комисиите, които се грижат за попълването на библиотечните фондове. По този начин църквата се стреми не само да пласира своята продукция, но и да предпази читателите от някои – по нейно мнение – „кошунствени книги“, като например романа „Между пустинята и живота“ на Николай Райнов¹⁵.

Кризата в църковното книгоиздаване и книгоразпространение е преодоляна частично през 1932 г., когато след уволнението на архим. Ст. Абаджиев, с тази дейност се заема лично синодалният секретар, Стобийският епископ Борис. Той начертава нова програма, която залага на издаването и разпространяването на брошурна книжнина, съобразена с възможностите и интересите на различните социални прослойки. За интелигенцията и учащата се младеж епископ Борис препоръчва поредица от брошури, които в популярна форма да развият различни религиозни въпроси, а за „простия работен народ“ – отделни листове, които със „съвършено достъпен език“ да излагат основните начала на християнската вяра. Така се раждат брошурната библиотека „Истина“ и поредицата хвърчащи листове „Лъчи на истината“.

С цел да се подобри управлението и осъществяването на културната му политика, през 1933 г. при Св. Синод е учреден Комитет за организиране на религиозно-просветна дейност и пропаганда на църквата, често наричан за по-кратко само Просветен комитет. За негов председател е определен Неврокопският митрополит Макарий, а за членове – синодалният секретар, началникът на КПО и ръководителят на вътрешната мисия на църквата¹⁶.

Честата смяна на кадри, концепции и управленски стилове в културните институции на БПЦ възпрепятства нормалното развитие на нейната дейност. Не са редки случаите, когато различни състави на Св. Синод вземат идентични или сходни решения за разкриване на шагове, учредяване на длъжности и създаване на структури.

Книгоиздателската и книгоразпространителската дейност на БПЦ продължава да куца. Наред с всички други обективни и субективни причини, като най-голямо препятствие постепенно изпъква липсата на собствена печатна и разпространителска база. В края на 1937 г. в Св. Синод се обсъжда идеята за учредяване на издателство на акционерно дружество с частна столична печатница. Дебатите потвърждават, че необходимостта от поставянето на синодалната издателска дейност на по-широки и модерни основи е окончателно назряла¹⁷.

Върховната църковна управа достига до извода, че трябва да възприеме „една по-друга форма на издателство“, т.е. да затвори цикъла от отпечатването до разпространението на изданията си. Решителна крачка към осъществяването на новата издателска стратегия е направена през лятото на 1938 г., когато върховната църковна управа одобрява докладна записка на М. Попов за създаване на специализирана книжарница, която да пласира продукцията на Синодалното книгоиздателство¹⁸. За целта в края на с. г. е учреден и фонд „Синодално книгоиздателство“ с капитал от 17 млн. лв., формиран от книжната наличност в склада, задълженията на митрополиите и епархийските съвети и други подобни¹⁹. Синодалната книжарница отваря врати на 15 април 1939 г. в сградата на Богословския факултет на пл. „Св. Неделя“²⁰.

В следващите години върховната църковна управа подновява опитите си да се сдобие със собствена печатница. Направени са постъпки в чужбина. Новата световна война обаче разстройва европейския пазар и усложнява начинанието. Не успява и опитът за купуване на печатарска машина от Германия. Едва на 2 септември 1942 г. Св. Синод придобива на изгодна цена печатницата на Гавазов в София и така затваря издателския цикъл, каквато е неговата стара мечта. В края на същата година се приема и разгърнатата програма за пласиране на печатната продукция, която по-плътнo ангажира митрополитите, като ги задължава да разкрият епархийски книжарници. В разпространението и популяризирането на синодалната книжнина сега са включени всички църковни органи от върховната управа до храмовите настоятелства и енорийските свещеници²¹.

Книгоиздателската и книгоразпространителската дейност не е самоцел за БПЦ. В нейните ръце тя е могъщо сечиво за моделиране на личното и общественото съзнание в България по образа на християнските начала и добродетели. Загова за върховната църковна управа не е достатъчно само да уреди организационно и материално издателската си дейност, но и да гарантира ефективното нравствено въздействие на отпечатваната и разпространявана книжнина. Така църквата достига до най-съкровената част на културата – творческия процес.

Още през 20-те години БПЦ прави опити да събуди интерес в средите на художественото творчество и да стимулира авторите да пишат по религиозно-нравствени проблеми. По инициатива на тогавашния директор на синодалното книгоиздателство С. Абаджиев дори са учредени две годишни награди (премии) – едната от 6 хиляди, другата от 4 хиляди лв. – за най-добрите литературни произведения на религиозна тематика. Предвидено е премиите да се присъждат от специална комисия, съставена от утвърдени литературни критици и вещи богослови²². Както обаче често се случва в синодалната практиката, тази инициатива остава само в протокола. Едва в края на 30-те администраторът на „Църковен вестник“ докладва в Св. Синод, че мнозина писатели повдигали въпроса защо върховната църковна управа не предвиди в бюджета си няколко парични награди за най-хубавите произведения с религиозно-нравствен дух през годината. Синодалните архиереи решават да поправят този пропуск при гласуването на бюджета за 1939 г.²³

Макар без премии и награди, БПЦ използва други начини за материално стимулиране на българската култура. Само за пет години след възстановяването на Синодалното издателство с ръководител М. Попов неговото ведомство откупува 365 съчинения на различни

автори, които след това разпространява безплатно или на достъпна цена в епархиите²⁴. Пак по това време са поръчани, издадени и щедро хонорувани от Св. Синод няколко литературни сборника с произведения на български автори, съставени от Ангел Каралийчев, Йордан Стубел, Димитър Дюлгеров, Знеполски епископ Софроний²⁵ и др.

През 30-те години Св. Синод се стреми да приобщи българските писатели към църквата и религията не само материално, но и духовно. Тогава се утвърждава практиката на авторите, които търсят изява по страниците на синодалните издания, да се даряват комплекти от религиозна и богословска книжнина, с цел „по-основно да се запознаят със Светото Писание и с духа на вярата, за да намират и художествено да разработват подходящи сюжети“. В синодалния списък на такива близки до църквата автори от 1935 г. фигурират имената на Йордан Йовков, Ангел Каралийчев, Йордан Стубел, Елисавета Багряна, Дора Габе, Георги Райчев, Константин Петканов, Светослав Минков, Асен Разцветников, Добри Немиров, Дамян Калфов, Панчо Михайлов, Димитър Пантелеев, Славчо Красински, Спас Кралевски и Илия Волен²⁶.

По принцип БПЦ – като институция и като представителни личности – храни положително мнение за мнозинството от българските писатели и не ги смята за носители на атеистични и противоцърковни идеи. Без да отрича, че взаимоотношенията между църквата и творците на културата в България не са толкова тесни и интензивни, както в някои други страни, протопрезвитер проф. д-р Ст. Цанков прави ясно разграничение между „нисшите слоеве на българската интелигенция“, обладани от атеизма на марксизма и антиклерикализма на либерализма, от една страна, и „първите наши писатели“, генетично и духовно свързани с християнската вяра, от друга. „Не, че и те не са засегнати от тоя дух на своето време – обобщава авторът, който сам е ръководил културната политика на църквата, – но техните съмнения и блуждения носят съвсем друг характер и стоят в органическа, дълбока връзка с основните проблеми на религията, – загадката на живота и смъртта, на доброто и злото, на преходността и вечността, на смисъла на битието, на трагедията на страданието, на съществуването и диханието на Божеството, а някои от тях са дълбоко развълнувани и пред проблемата на личността на самия Христа и на Неговото историческо дело. А почти всички те изказват неотразимо нежно чувство към вярата на своя народ и към личните си детски спомени и дълбоки следи на набожност, откърмена в патриархалната среда на своите родителски семейства“²⁷.

Важно място в културната дейност на БПЦ заема църковният периодичен печат. Балканската, Междусъюзническата и Първата световна война нанасят съкрушителен удар върху църковно-религиозния печат в България, който изживява своя разцвет през първото десетилетие на XX в., свързан с появата на синодалния официоз „Църковен вестник“ (1900 г.). Много провинциални издания изчезват още в мобилизационния период. Други сериозно се компрометират с противоречиви политически ангажменти и неприкрита военна пропаганда. Обтегнатите отношения между БПЦ и земеделския режим в началото на 20-те години на XX в. се отразяват пагубно върху църковно-религиозния печат. Той никога вече няма да достигне количествените и качествените параметри на предходната епоха. Кризата не подминава дори „Църковен вестник“, който изживява няколко мъчителни години, докато отново стъпи на крака.

Първият по-сериозен опит за възраждане на синодалния официоз принадлежи на главния редактор Стефан Цанков. В заседанието на Св. Синод на 26 юли 1920 г. той докладва за състоянието и проблемите на редактирането, администрирането, разпространението и финансовото състояние на „Църковен вестник“ и приложенията му „Духовна култура“ и „Книжици за деца“. По негова идея са направени промени в редакцияната колегия, като за редактори, администратори и сътрудници са привлечени преподаватели от Софийската духовна семинария. Главният редактор настоява вестникът да продължи да се списва с дотогавашния формат и периодичност, т.е. 16 страници веднъж седмично. Пак по негова инициатива епархийските началства са поканени с окръжно да съдействат за набирането на повече обяви, съобщения, призовки и пр. от църковните среди. Отделно от това от МВРИ е поискано да отпусне като безвъзмездна помощ 500 000 лв. за периодичните издания на Св. Синод, а от МНП и Министерството на войната – да препоръчат „Църковен вестник“ на подведомствените си учреждения за абонамент²⁸.

Както може и да се очаква, правителството на Стамболийски отказва да даде исканата субсидия²⁹. В следващите три години проблемите на „Църковен вестник“ често попадат в

дневния ред на върховната църковна управа, но тя не е в състояние да му помогне. Заради всеобщата инфлация и поскъпването на хартията Св. Синод е изправен пред дилемата едновременно да повиши цената на своите издания, но да ги запази достъпни за възможно най-широк кръг читатели³⁰. Това не може да стане по друг начин, освен с икономии за сметка на качеството. От пролетта на 1921 г. обемът на „Църковен вестник“ пада на 8 страници веднъж седмично, а на „Духовна култура“ – на 3–4 коли три пъти годишно. На 12 април 1921 г. С. Цанков е освободен по собствено желание от длъжността главен редактор на синодалния официоз. След два неуспешни опита да му намерят достоен приемник, на 22 юли 1922 г. вестникът е поверен на Видинския митрополит Неофит. С новото ръководство синодалните издания тръгват нагоре. Обемът на „Църковен вестник“ се увеличава от 8 на 16 страници, а на „Духовна култура“ – на 5 коли 4 пъти годишно. Увеличават се също цената, месечният абонамент, заплатите и хонорарите, но бюджетът им остава с положителен баланс³¹.

Политическата промяна в страната също влияе благоприятно върху синодалния официоз. В края на годината Св. Синод му предоставя по-щедър бюджет, като решава да започне издаването на ново приложение – сп. „Църковен архив“, в което да се печатат документи и материали от епохата на народното възраждане и църковното обновление и устройство. Макар с известно завишаване на цената на вестника, е подобро и качеството на хартията. Все пак върховната църковна управа приема да го разпространява под себестойността му за учашата се младеж, която по нейна преценка се нуждае от „здрава духовна храна“³².

От 1 април 1927 г. Видинският митрополит Неофит е заместен на длъжността главен редактор на „Църковен вестник“ от проф. Иван Снегаров³³. През 30-те години на XX в. главното редакторство се поема последователно от Христо Попов, проф. Димитър Дюлгеров, Траянополския епископ Антим, Матей Попов, Ловчанския митрополит Антим. От 1938 г. и в годините на Втората световна война редактор на „Църковен вестник“ е Христо Попов с помощник протодиякон Георги Ибришимов. Като сътрудници са привлечени всички по-видни български църковници, учени и публицисти³⁴. Подобряването се и материалното състояние на изданието. Ако през 1926 г. „Църковен вестник“ завършва с около 65 хил. лв. дефицит (при 726 372 лв. разходи и 660 972 лв. приходи), през 1934 г. вече отчита остатък от 200 хил. лв. (при 844 619 лв. разходи и 1 045 009 лв. приходи)³⁵. През 1938 г. изданието става член на Съюза на техническия и периодичен печат в България, в секция „А“, където има свой представител³⁶.

Флагманът на църковния печат безспорно е най-авторитетното издание от този род в България, при това не само с името на институцията, която го издава, но и със съдържанието, с което редакторите и авторите му го представят на читателската публика. Действително, събрани заедно, броевете на „Църковен вестник“ всяка година дават живот на един обемист том, който по форма и съдържание, а следователно и по познавателна стойност, се доближава до равнището на солидно енциклопедично издание или алманах. Добра представа за него дава съдържанието на вестника през 1939 г. Общо за годината в „Църковен вестник“ са публикувани 140 статии по научно-богословски, религиозно-обществен, религиозно-философски и етичен характер, 13 проповеди, речи, слова, сказки и беседи, 21 исторически и литературни произведения, пътни бележки, църковни и народни тържества и събрания, 18 материала от социален, политически, стопански, правен и финансов характер, 24 рецензии и отзиви за книги, 34 статии по въпроси на белетристиката и изкуството и т.н. Освен това вестникът поддържа постоянни рубрики за междуцърковни отношения, за живота на чуждите църкви, писма и дописки на читатели, официален отдел за окръжни и съобщения, из печата, седмичен преглед на събитията, църковно-обществена летопис. Големият познавач на църковната действителност у нас Ст. Цанков може и да е прав в твърдението си, че синодалният седмичник „не успява да стане настолно четиво в българската православна къща“³⁷, но днес всеки историк, който е прелиствал неговите страници, може да потвърди, че „Църковен вестник“ е безценен документален извор, без чието ползване никое изследване на обществения живот в България през тази епоха няма да бъде пълноценно.

Стабилизирването на синодалния официоз оказва благотворно влияние и върху развитието на църковно-религиозната периодика въобще. Голяма популярност сред по-образованите читатели добива сп. „Духовна култура“, което до 1934 г. излиза в 4 книжки годишно, а след това в 10. В него се печатат популярни статии от религиозно-философски

характер, засягащи всички аспекти на духовната култура. По традиция главният редактор на „Църковен вестник“ е и редактор на „Духовна култура“.

Освен върховната църковна управа сериозен дял в българската духовна периодика внася и Съюзът на свещеническите братства, който издава седмичния вестник „Пастирско дело“ и месечното списание „Православен пастир“. Утвърждават се и епархийските издания, сред които с най-голям авторитет се ползват „Народен страж“ на Софийската митрополия, „Братско слово“ на Пловдивската митрополия, „Духовно възраждане“ на Врачанската митрополия, „Вяра и живот“ на Русенската митрополия, „Търновски епархийски вестник“ на Търновската митрополия. С различен успех търсят своя облик и място в читателските среди и други църковно-религиозни периодични издания, като сп. „Християнка“ – орган на Съюза на православните християнски братства, сп. „Зов“ – орган на православната християнска учаща се младеж, сп. „Детско знаме“ – за най-младата публика, редактирано от Марин Христов (Илия Волен). Освен по чисто църковно-религиозни въпроси, тези издания публикуват статии, рецензии и отзиви за новопоявили се книги или културни събития и отварят страниците си за писатели и поети, чието творчество не влиза в противоречие с християнската доктрина. Някои от тези вестници и списания обаче не биха просъществували и година без паричната подкрепа на Св. Синод³⁸.

Научната богословска мисъл на БПЦ се развива главно от „Годишника на Богословския факултет“ и другите богословски издания на Софийския университет, а чрез списанията „Духовна култура“ и „Православен мисионер“ търси и намира популяризация и извън академичните кръгове. Създаден през 1923 г. Богословският факултет се развива не само като авторитетна научна институция, но и като един вид мозъчен тръст, който насочва и развива културно-просветната дейност на църквата. Неслучайно неговите преподаватели са редактори и сътрудници на „Църковен вестник“ и на всички по-сериозни издания на БПЦ³⁹.

Въпреки очевидните успехи, църковно-религиозната периодика също има своите слабости, които не убягват от погледа на компетентните наблюдатели. През 1927 г. проф. Иван Марковски излиза със статия, в която се изказва доста негативно за количеството, качеството и разпространението на църковните вестници и списания. Според него дори синодалният официоз вече не се четял така охотно, както в предвоенния период, и не отговарял на завишените критерии на читателите. Изтъкнатият български богослов и църковен публицист основателно възразява срещу дългите статии с продължения, които са в състояние да убият интереса към всяко периодично издание. Той изобщо смята, че книгите са по-полезни от вестниците, които след прочитане обикновено биват захвърляни и забравяни. Затова проф. Марковски предлага Св. Синод да сгруппира интелектуалните и материалните си ресурси в „Църковен вестник“ и още „три или четири добре списвани печатни издания“, с които ще постигне по-добри резултати, отколкото с голяма на брой, но слаба по качество периодика⁴⁰.

Сходни идеи пет години по-късно развива и синодалният секретар епископ Борис (впоследствие Неврокопски митрополит). В свой доклад до върховната църковна управа той предлага съсредоточаване на редакциите и администрациите на синодалните периодични издания в Богословския факултет, като при това освен „Църковен вестник“ останат да излизат само още три списания, профилирани и съобразени с културното равнище и духовните нужди на българските читатели⁴¹.

Въпреки че критиката на проф. Марковски намира своите опоненти, а идеята му за концентрация на сили и средства, за която пледира и епископ Борис, не се осъществява, цялостното развитие на църковно-религиозната периодика показва, че в основата си те са били прави. В края на 20-те и през 30-те години на XX в. структурата на религиозните периодични издания в страната се променя в полза на списанията. Ако през 1926 г. в България излизат 17 вестника и 22 списания с църковно-религиозно съдържание, то през 1936 г. те са вече съответно 13 и 36⁴². Тази тенденция донякъде се дължи и на обстоятелството, че освен чрез книжнината и периодиката, БПЦ тогава намира и други, още по-модерни пътища за културно въздействие върху обществото.

В епохата между двете световни войни това безспорно е радиото. Възможността да постави най-популярната тогава масмедия в служба на религията е подсказана на върховната църковна управа от Съюза „Родно Радио“. На 29 декември 1931 г. в дневния ред на синодалните заседания е обсъдено писмо, с което професионалното сдружение на българ-

ските радиожурналисти предлага да излъчва в ефир църковните служби и проповедите от храма „Св. Александър Невски“ в София. Срещу безвъзмездното им предаване Св. Синод трябва да плати техническото оборудване на стойност около 25 хиляди лева – една не много голяма сума за възможностите на църквата⁴³. Първоначално председателят на ставропигиалния храм посреща новината с известни резерви – да не се осквернят църковните служби, ако се слушат по радиото „из ресторанти, кабарета, съмнителни домове, в домовете на нехристияни и пр.“. Върховната църковна управа обаче разсейва неговите опасения с опита от чужбина, където подобни радиопредавания отдавна вече са утвърдена практика. Затова и Св. Синод се показва щедър към българските радиожурналисти. В заседанието си на 22 април 1932 г. той решава да отпусне на Съюза „Родно Радио“ дори по-голяма сума от първоначално поисканата – 30 000 лв. за монтиране на пет микрофона в храм-паметника „Св. Александър Невски“⁴⁴.

Скоро в българския ефир освен църковните служби започват да звучат и първите радиобеседи по нравствени, богословски и църковноисторически въпроси. Техни автори са протопрезвитер проф. Ст. Цанков, протойерей Христо Димитров и проф. Димитър Дюлгеров. Честта да постави началото обаче по право и по достойнство се пада на заместник-председателя на Св. Синод Видинския митрополит Неофит. На 27 март 1932 г. той прочита пред микрофона своята беседа „Гласът на историята за ролята на църквата“⁴⁵.

През 1936 г. по доклад на инспектора на КПО Борис Попстоименов, който участва в едно междуведомствено заседание на Радиопрограмния съвет при Дирекцията на пощите и телеграфите, интеграцията между радиото и църквата става още по-ясна. Така новостите от църковното управление и религиозната просвета попадат в информационната рубрика на Радио „София“ наред с новините от министерствата и другите държавни ведомства. Като официален посредник между новинарската емисия и Св. Синод е определен инспекторът на КПО. Той е натоварен също да подготви и една редовна радиoproграма за неделни проповеди и сказки, като покани за участие най-известните църковни автори⁴⁶. От пролетта на следващата година, по покана на управителния съвет на Радио „София“, БПЦ се ангажира с още една рубрика – седмичния цикъл радиобеседи „От Аспаруха до Цар Борис III“, който представя фигурите на велики и заслужили българи. Така спонсорираните от Св. Синод ефирни рубрики стават две – една седмична поредица от религиозни проповеди и друга на църковноисторическа тематика⁴⁷.

Все пак върховната църковна управа си дава сметка, че радиото не може и не бива да заменя храма, а светостта на богослужението изисква определени граници, които трябва да бъдат спазвани дори от всепроникващия ефир. Тези и други подобни проблеми, произтичащи от срещата на традицията с модерното, стават предмет на специално синодално заседание на 16 декември 1937 г. Синодалните архиереи се обединяват около становището, че предаването на богослужение по радиоапарати в кръчми, кафенета и увеселителни заведения е „кошунствено излагане на самите църковни служби“, което трябва да бъде забранено и строго преследвано от органите на Министерството на вътрешните работи и народното здраве (МВРНЗ). Това не трябва да се допуска и в читалищата, особено ако в селището има църква, защото „омаловажава значението на храма и храмовото богослужение“. Важно условие, за което Св. Синод изрично и твърдо настоява, е, че проповедта е неразделна част от богослужението и радиопредаванията не трябва да я игнорират, каквато практика започва да се забелязва⁴⁸.

Мощното навлизане на църквата в ефира не минава и без някои проблеми, до болка познати на вестникарите и книгоиздателите. Става въпрос за цензурата. Първа жертва на нейните вечно променливи конюнктурни изисквания, свързани с вътрешната и външната политика на страната, става дякон Кирил Велев от храм-паметника „Св. Александър Невски“. На 12 септември 1937 г. бдителен цензор открива в текста на неговата радиобеседа изрази, които можели да засегнат „една съседна страна“. Въпреки това упоритият дякон си позволил да прочете в ефир цензурирания текст. Оскърбителните за съседната страна изречения, които така дълбоко възмутили държавната цензура, гласели: „Тия дни – 9, 10 и 11 август 1877 г. русите и българите рамо до рамо се бориха с многобройните фанатизирани и свирепи орди на Сюлейман паша... И тъй биде освободен един народ, който 500 години пъшка под игото на най-некултурното и варварско владетелско племе на Европа“. Това дава основание на МВРИ да поиска от Св. Синод най-строго наказание за провинилия се свещенослужител⁴⁹.

Въпреки подобни неприятности от страна на цензурата, на която БПЦ е принудена да плати неизбежна дан, нейното присъствие в радиоефира от година на година се увеличава. Скоро по Радио „София“ започват да звучат концерти и пиеси с участието на църковни хорове при различни столични храмове⁵⁰. От 1939 г. религиозни служби, проповеди и беседи започват да се излъчват от Радио „Варна“ и Радио „Стара Загора“⁵¹. Приблизително от това време датира и практиката радиото да предава традиционното „Послание до православния български народ“ на Св. Синод по случай Коледа и Рождество Христово. Един от най-честите гости на ефира е Софийският митрополит Стефан. Неговите беседи се ползват с голяма популярност сред българските радиослушатели, а чрез благословиите му за Бъдни вечер, Великден и другите църковни празници гласът му звучи в домовете на много семейства. Медийната популярност обаче има и тъмна страна. Тъкмо митрополит Стефан със своите твърди позиции по обществени и политически въпроси се превръща в най-цензурирания и най-често нападания в ефира български архиерей⁵².

Сътрудничеството между БПЦ и ефирната медия става още по-тясно, когато за директор на радиоразпръскването в България и управител на Радио „София“ е назначен Йордан Стубел, популярен в църковните среди поет, чиито произведения Св. Синод издава и препоръчва. По повод на неговото назначение синодалният официоз изказва надежда, че той ще доведе до пълен разцвет поверения му културен институт, „чийто микрофон е и важна мисионерска катедра за просветна роля на родната православна църква“⁵³.

В периода между двете световни войни културната стратегия на БПЦ за религиозно-нравствено въздействие върху обществото не подминава и киното. Първоначално някои по-консервативно настроени лица и среди се обявяват против седмото изкуство като възможен носител и разпространител на антиклерикален и противоцърковен дух. Най-убеден противник на киното, както впрочем и на всяко друго културно или техническо нововъведение в живота, е Варненско-Преславският митрополит Симеон. През 1926 г. между него и епархийския съвет възниква остър спор по въпроса допустимо ли е от нравствено-религиозна гледна точка свещениците да ходят на кино. Членовете на епархийския съвет поддържат становището, че няма канонични или други причини, поради които духовниците и техните семейства да не могат да гледат филми, които „оказват възпитателно въздействие и обогатяват знанията на човека“. Митрополитът, напротив, е убеден, че „духовенството, като служител Христов, е длъжно да носи с търпение известни лишения от удоволствия и не бива да посещава кинематографите, гдето се представят безнравствени филми“.

Спорът е отнесен до Св. Синод. В заседанието си на 1 април той взема мъдро решение, което ще открие пътя на църквата към още едно мъгощо средство за културно въздействие върху обществото. Върховната църковна управа приема, че възгледът на Варненско-Преславския митрополит Симеон е прав само за филми с „безнравствени сюжети и съблазнителни картини“. За останалите становището на Св. Синод е категорично положително: „Има обаче кинематографски филми, които излагат картини от научен, нравствено-религиозен и възпитателен характер. Тия филми не могат да бъдат противни на църковните канони, следователно, няма основания да се забранява на свещеническите семейства, па и на самите свещеници, да присъстват на кинематографически представления от тоя род“⁵⁴.

Църквата не само допуска свещенослужителите до кинозалоните, но и сама навлиза във филмопроизводството. С участието си в някои продукции тя цели да упражнява пряк контрол върху интерпретирането на морални и религиозни въпроси. Така през 1927 г., когато Дирекцията на Модерния театър решава да филмира романа на Иван Вазов „Под игото“, сцените в църкви и манастири са заснети в присъствието на началника на КПО. Неговият мандат е „да избегне всичко, що би могло да профанира вярата и богослужението в църквата“⁵⁵. За да упражнява ефикасен и централизиран контрол, Св. Синод си издейства правото да има свой представител в комисията за кинематографите при МНП. От 1931 г. тази функция е поверена на подначалника на КПО Матей Попов⁵⁶. От тук до прякото участие на църквата и във филморазпространението има само една крачка и тя е направена от Православното благотелно дружество „Св. Василий Велики“ в София. През пролетта на 1934 г. то се снабдява с подвижен киноапарат и започва да прожектира из страната филми с религиозно-нравствено съдържание, предварително проверявани и одобрявани от началника на КПО⁵⁷.

С течение на времето се налага практиката (която впрочем отдавна съществува по отношение на книгите) в Св. Синод да се обсъждат новопроизведени български филми и

ако се прецени, че са „почтени и будят религиозни чувства“, да получават синодална препоръка и да се радват на положителни препоръки, отзиви и рецензии в църковния печат. Напредничавостта на върховната църковна управа стига дори дотам, че разрешава проектирането на филми с религиозно съдържание в дните на Страстната седмица – нещо, което в предходните години категорично забранява⁵⁸.

Толерантна към произведения от всякакви жанрове, които утвърждават добрите нрави и будят уважение към църквата, БПЦ е непримирима към всички – по нейните критерии – рушители на личния и обществения морал. Още в предвоенния период Св. Синод води титанична борба срещу търговията с „пощенски картички със срамни фотографии и рисунки с мръсни и срамни сцени“, която тогава процъфтява. „Разпространението на карти с непристойни рисунки и съдържания е взело широки размери в България – с горчивина констатира върховната църковна управа. – Не само в София, а на всъде по градовете и селата из провинцията охотно се разпродават на най-открити места такива карти, в явна съблазън на благочестивото изпълнение“. Такава строга пуристка си остава БПЦ и по отношение на интонационната среда, в която живее българинът през втората четвърт на XX в. Неведнъж и дважд на Св. Синод се налага да прави постъпки пред МВРНЗ за изземване от продавачи и притежатели на грамофонни плочи с непристойно съдържание. Действително, дори само със заглавията си някои от тях са в състояние да уронят престижа на църквата и да окажат „зловредно влияние върху добрите нрави“, като например: „Покръстеният циганин“ и „Телефонна грешка в манастира“ на фирма „Орфей“ и „Разболял се дядо владика“ на фирма „Лондон-рекорд“⁵⁹.

Именно тази драстична разлика между нравствените стандарти на църквата и духовните потребности на масовия потребител разкрива една от основните характеристики на културно-просветната дейност на БПЦ в периода между двете световни войни. Изграждана от горе надолу, по инициатива на върховната църковна управа и при слабата активност, а в някои случаи и пълното бездействие на епархийските и енорийските структури, тя не може да разчита на значителни и трайни успехи. Организацията, управлението и осъществяването на културната дейност на църквата образно може да се опише на обрната пирамида, която има тясна опора сред своите адресати. Отрицателна роля, разбира се, играят обременените отношения с държавата и вътрешноцърковните противоречия, особено борбите по върховете на църковната йерархия, разделена през 30-те години на две групировки, персонализирани от Софийския митрополит Стефан и от Варненско-Преславския митрополит Симеон. В резултат религиозната култура успява да проникне и да се вкорени само в определени прослойки на българското общество, докато цялостното обновление, към което се стреми или поне говори Св. Синод, остава далечна и непостижима цел.

Това има предвид и Софийският митрополит Стефан, когато в края на 1939 г. изказва критични думи за църковното книгоиздателство, които биха могли да се приемат и като общение за цялата културна дейност на БПЦ в периода между двете световни войни: „Ние почнахме да градим религиозно-нравствения мироглед в изпълнението от керемидите: основа се, без да има искане и капитал, дирекция на църковно-религиозно книгоиздателство, лишена от живия дух, от която резултатът е нула“. Посланието на митрополит Стефан е, че преди да се разпространява църковна литература – респективно култура – трябва да има „богоискане и богослужение“⁶⁰.

Ако трябва да преведем църковната стилистика на Софийския митрополит на езика на съвременното гражданско общество и доминиращото светско съзнание, най-близо ще бъде интерпретацията, че той апелира за едно по-дълбоко равнище на културно мисионерство, което неизбежно достига до онази инфраструктура на българската култура, без която е невъзможно нейното съществуване и развитие – националното образование и възпитание. Не от „керемидите“, а от основата трябва да започне изграждането на духовната култура. Това е същата онази основа, която ражда и крепи българската култура, българската нация и българската държава – училището. И точно тук БПЦ търпи най-голямото си поражение, което ще бъде съдбоносно както за нея, така и за България.

Още от първите стъпки на българската държава след Освобождението БПЦ се противопоставя срещу разкъсването на връзката между училище и църква, образование и религия, морал и вяра. Върховната църковна управа е особено недоволна, че вероучението е слабо застъпено в основните училища и прогимназиите и е напълно игнорирано от гимназиите и висшите училища. Затова синодалното послание от 1925 г. във връзка със

злодеянието в „Св. Неделя“ изрично подчертава, че между лошото училищно възпитание и погрешните учебни програми, от една страна, и кървавите комунистически агентати, от друга, има пряка и непосредствена причинно-следствена връзка. По този повод синодалните архиереи решават да пригответ и връчат на правителството обстойно изложение, с което да му посочат какви промени са необходими в учебните програми и изобщо в цялата образователно-възпитателна система⁶¹. За целта е съставена комисия с председател Старозагорския митрополит Павел. Два месеца по-късно той представя в Св. Синод подробен доклад с приложена към него проекто-програма по вероучение в педагогическите училища, която предвижда вместо 1 час седмично да се преподава 6 часа⁶².

На 23 юли 1925 г. Св. Синод одобрява текста на подготвеното изложение до МВРИ по въпроса за учебно-възпитателната мисия на българското училище. Още в началото документът призовава за сплотяване на всички „зdravi културни фактори“ срещу религиозно-нравствения упадък на обществото. „Страшно морално падение, зверска кръвожадност, липса на всяка вяра в доброто и в Бога, липса на любов към красивата ни родна земя, липса на висш идеализъм – ето нравствената и духовна атмосфера, сред която живее немалка част от гражданството ни, предимно младежта“. С такива думи синодалните отци описват духовната криза, облядала българското общество и родила Септемврийския метеж и агентата в „Св. Неделя“, като алармират, че най-засегната от анархо-комунистическия дух, идещ от Русия, е младежта. Върховната църковна управа се позовава на скорошна анкета в столична гимназия, която установила, че 18–20% от учениците били заразени от комунизма.

Според синодалните архиереи в Европа няма друга страна, в която училището да е скъсало до такава степен връзките си с християнската религия, както България. Това твърдение те подкрепят и с друга статистика, която пък доказва, че с 3 часа вероучение седмично в основните и средните училища България се нарежда на последно място сред европейските държави, в които същият предмет заема завидно място (Германия – 18, Белгия – 16, Сърбия – 10, Гърция – 9, Румъния – 7 и т.н.)⁶³. Всъщност няма друга страна с преобладаващо православно население, освен СССР, където атеизмът е официална идеологическа доктрина, в която вероучението да заема такава нищожно място в учебните програми и при това да се преподава от светски лица⁶⁴.

За да пресече корените на духовно-социалната криза, облядала българския народ, Св. Синод предлага цяла поредица мерки, които да намерят място в Закона за народното просвещение и в образователната практика на българското училище. На първо място – изрично и безусловно да се подчертае, че целта на училището е не само да обучава, но и да възпитава, да дава религиозно-нравствено възпитание. От това следва, че трябва да се увеличат часовете по вероучение по примера на другите европейски страни. Върховната църковна управа настоява за 2 часа седмично във всички класове на основните и средните училища (следователно общо 16 часа за целия образователен цикъл от I до VIII гимназиален клас). Нататък възпитателната концепция на Св. Синод препоръчва да се обърне внимание на онези дисциплини, които имат съприкосновение с вероучението, като естествознание, психология, етика и пр., и които повечето учебници третирали в „грубо-материалистически и антиклерикален дух“. Необходим е също по-внимателен подбор и по-ефикасен контрол на учителския персонал, тъй като по мнението на върховната църковна управа дълго време българското училище било ръководено от безбожници. Затова вероучението трябва да се преподава от свещеници и богослови, притежаващи необходимия образователен ценз, и само по изключение от лица без богословско образование, но затова пък „вярващи и добри християни“. Естествено, предвидени са и мерки за въвеждане и упражняване на ефикасен надзор върху преподаването на вероучението. Особено значение Св. Синод придава на богослужението и предписва поне веднъж седмично учащата се младеж да бъде водена организирано на църква. От Министерството на народното просвещение се иска също и подкрепа за Съюза на православните християнски дружества и учащата се младеж в България, за да могат по-успешно да се противопоставят на чужди и противохристиянски влияния в страната.

„Едно училище, проникнато от Христовия дух, струва повече от милионна полиция, повече от могъща армия; то би предотвратило много метежи и кръвнини; то би спестило много народни сълзи; то би било най-добрият спасителен балсам и за нашите днешни народни рани“ – обобщава в заключение синодалното изложение. За да популяризира своите възгледи по въпроса за образователната и възпитателната мисия на българското училище,

Св. Синод решава да публикува пълния текст на изложението в „Църковен вестник“, а също и да го разпространи под формата на брошура сред народа⁶⁵.

Новата възпитателна концепция на БПЦ претърпява пълно фиаско. Наистина, въпросът за включване на вероучението в програмата на средните училища е разискван във Висшия учебен съвет при МНП, но както и преди е ставало, с отрицателен за църквата резултат⁶⁶. Загубила първия рунд, върховната църковна управа мобилизира сили за следващия. На 8 декември 1927 г. тя свиква Архиепископско събрание, в чийто дневен ред първо място заемат въпросите за вероучението в училището, религиозно-нравственото възпитание на младежта и противодействието срещу разрушителните действия на безбожниците, сектантството и нравствената развала. Включени са и други точки, като положението с Екзархийския устав от 1921 г., материални и финансови въпроси, проблеми от вътрешно-църковния живот, някои въпроси на междуцърковните отношения и др. Архиепископското събрание заседава до 27 декември 1927 г., но повечето от решенията му имат декларативен характер, насочени към затягане на църковната дисциплина. Освен познатите претенции към правителството по отношение на вероучението в основните и средните училища, Архиепископското събрание настоява за специален закон за вероизповеданията⁶⁷.

Неравната борба между църквата и училището, или по-конкретно между религиозната и гражданската концепция за възпитанието на българската младеж, продължава още десет години. Върховната църковна управа се домогва до известен успех, едва когато сянката на новата световна война ляга върху страната и кара нейните управници да се замислят по-сериозно върху значението на моралните устои за държавата и обществото.

На 11 февруари 1938 г. е издадена наредба-закон за въвеждане в програмите на гимназиалното образование на учебния предмет „Религия с история на българската църква“. Този законодателен акт дава също така право на завършилите Богословския факултет да преподават новия предмет в гимназиите, както и вероучение в прогимназиите. На следващата година Богдан Филев в качеството си на министър на народното просвещение издава окръжно, което признава значението на религиозното възпитание и препоръчва да се оказва съдействие на ученическите православни християнски дружества, да се насърчава участието в църковните хорове, да се водят учениците редовно на църква, да се канят свещеници за духовни беседи и други подобни⁶⁸. В резултат на новата възпитателна стратегия в плановете за учебната 1939/40 година предметът „Религия с история на българската църква“ намира място с два часа седмично в програмата за IV и с по един час за V, VI и VII клас⁶⁹. За съжаление, това става твърде късно – в самото навечерие на новата световна война и само пет години преди установяването на атеистичния комунистически режим в България.

Лишена от опора в образователната институция, БПЦ все пак разполага или поне се опитва да се снабди с други оръдия за въздействие върху обществото. Това са различните братства и сдружения.

Най-стари сред тях са свещеническите братства, датиращи отпреди Освобождението, масово разпространени след това и обединени през 1911 г. в съюз. Освен чисто църковните и професионалните проблеми, свещеническите братства си поставят редица цели за религиозно, културно и социално издигане на българското общество. В навечерието на Втората световна война Съюзът на свещеническите братства в България се състои от 67 местни организации, обединени в 11 епархийски структури с 2562 членове. В изпълнение на уставните цели на своето сдружение свещениците участват активно в редица просветни и благотворителни организации – 259 в православните християнски братства и ученически дружества, 352 в народните читалища, 321 в кооперациите, 126 в училищните настоятелства, над 150 в Червенния кръст, около 200 в Общобългарския съюз „Отец Паисий“ и др.⁷⁰

От началото на XX в. започват да се създават и православни християнски братства, които си вменяват в дълг, най-общо казано, да скъсат дистанцията между народа и църквата, да култивират с различни средства християнските ценности сред обществото. По форма и по съдържание те са всъщност реплика на аналогично движение в католическия свят, известно под наименованието „католическа акция“. През 1926 г. е учреден Съюз на православните християнски братства в България, който се ползва с подкрепата на висшата църковна управа. В средата на 30-те години той се състои от 770 братства с 39 922 членове. Тяхната културна и социална дейност през 1938 г. се измерва с близо 12 хиляди сказки и беседи, 283 концерти, забави и пр., 341 екскурзии и поклонничества, 31 библейски курсове. През същата година Съюзът поддържа 265 братствени библиотеки и 126 църковни хора.

Броят на разпространените книги с религиозно съдържание сред съюзни членове и симпатизанти възлиза на 53 518 екземпляра. За подпомагане на сиропиталища, старопиталища, нощни подслони, безплатни трапезарии, болнични заведения и други подобни социални институции, както и на отделни нуждаещи се хора, Съюзът на православните християнски братства изразходва над 3 млн. лв.⁷¹

Сходни по организация и дейност са православните християнски младежки дружества. Те пък са заемка от протестантския свят и се развиват в България главно след войните. Първите дружества са студентски и младежки. През 1923 г. се учредяват наведнъж 9 ученически дружества, които на следващата година се обединяват в Съюз на православните ученически дружества в България. Тяхната цел е да съдействат за възпитанието на децата и младежта в християнски дух чрез организиране на сказки и беседи, поддържане на библиотеки, читални и трапезарии, уреждане на църковни хорове, екскурзии и други подобни инициативи. През 1928 г. Съюзът на православните ученически дружества наброява 35 клона с около 4000 членове. В следващите години, когато дружествата се поставят под прекия контрол и ръководство на епархийските архиереи, тяхната организационна структура устремно се разраства. През 1935 г., поне на хартия, съществуват едно студентско дружество с 80 членове, 26 юношески с 956 членове, 71 ученически с 6901 членове и 1342 детски със 106 190 членове. Масовизацията обаче става за сметка на качеството и ефекта от културно-просветната и религиозно-възпитателната дейност⁷².

През 1934 г. е учреден Съюз на православните жени в България, който има за цел да подкрепя в нравствено и социално отношение българското семейство. Средствата му са идентични или сходни с тези на останалите православни дружества и съюзи в страната⁷³.

Чрез тези съюзи, дружества и братства, както и със собствените си сили и средства, БПЦ се опитва да излекува българското общество от травмите на войните и националните катастрофи. Основните ѝ противници на това полесражение са нарастването на извънбрачните съжителства, увеличаването на разводите, намаляването на раждаемостта, ширенето на алкохолизма и други подобни явления, които за църквата не са друго, освен „нравствени и социални пороци“⁷⁴, породени от упадък на християнския морал и отдалечаването от храма⁷⁴.

Мястото и ролята на БПЦ в българската култура между двете световни войни не би следвало да се измерват само и единствено чрез тиража на издадените книги, броя на списанията и вестниците, обема на ефирното време. Църквата не е културно министерство, нито научен институт; нейната основна цел и мисия е религиозното възпитание, разпространяването, утвърждаването и вкореняването на християнските ценности в личния и обществен морал. Непоклатимата основа на нейната възпитателна културно-просветна мисия е изградена от християнската антропология.

За християнството човекът е отражение на божествена същност и поради това всички хора са равни пред Бога и пред църквата. Тази концепция пронизва съдържанието на църковната устна и писмена проповед още в предходния период, но през 30-те години в изданията на БПЦ отчетливо зачестяват публикациите за християнското равенство, които припомнят и развиват основните идеи от евангелските послания⁷⁵.

Извадено от контекста на църковно-религиозния живот и проектирано върху обществено-политическата действителност в България в навечерието на Втората световна война, това просто религиозно послание придобива стойността на смел политически манифест. Неговото значение става още по-голямо, като се припомни, че произлиза от господстващо по конституция и авторитетно по традиция вероизповедание. Учението на църквата за християнското равенство е близко до манталитета и душевността на българина. То здраво и трайно се коренява в индивидуалното и общественото съзнание, но не защото идва от парламентарна трибуна или академична катедра, а защото се проповядва от църковния амвон. Чрез вероучението, богослужението и проповедта, чрез целия онзи сложен комплекс на църковно-държавно-семеини взаимоотношения и отговорности, които формират същността на религиозното възпитание, простите евангелски истини се превръщат в твърди житейски норми.

Това е най-големият и най-важният принос на БПЦ в българската култура. От дълбините на своята доктрина до външните си форми на изява тя е убеден, непримирим и последователен противник на всякакви форми на расово или народностно неравенство, на насилие и на унижаване на човешкото достойнство. Макар да нямат блясъка на парламентарните дебати или шума на уличните демонстрации, християнската доктрина и

християнският морал притежават всепроникваща и могъща вътрешна сила, която с векове се е наслагвала в съзнанието на народа. Затова възпитателната – или евангелизаторската според църковните понятия – роля на църквата, мобилизирана сякаш с предчувствието за приближаващата напаст на тоталитаризма, дава възможност на БПЦ да изпише едни от най-славните страници в своята история, без които и историята на България в годините на Втората световна война не би била същата.

¹ *Въргов Х.* Конституцията на Българската православна църква (История и развой на Екзархийския устав) 1871–1921. – София, 1921. – С. 434.

² Първият църковно-народен събор в свободна България. – София, 1921. – С. 28–39.

³ Централен държавен архив (по-нататък – ЦДА), ф. 791К, оп. 1, а.е. 40, л. 432–440.

⁴ Пак там, л. 305–385.

⁵ Пак там, а.е. 33, л. 949, 1074.

⁶ Пак там, а.е. 34, л. 893–894.

⁷ Пак там, а.е. 39, л. 537.

⁸ Пак там, л. 639–642.

⁹ Пак там, л. 672–674.

¹⁰ Пак там, л. 997.

¹¹ Пак там, а.е. 42, л. 204–205.

¹² *Цанков С.* Българската православна църква от Освобождението до настояще време. – София, 1939. – С. 210–211.

¹³ Пак там. – С. 99, 263–264.

¹⁴ Пак там. – С. 212.

¹⁵ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 46, л. 112–113.

¹⁶ Пак там, а.е. 53, л. 272.

¹⁷ Пак там, а.е. 59, л. 232, 237–238, 302–303.

¹⁸ Пак там, а.е. 60, л. 562–564.

¹⁹ Пак там, а.е. 61, л. 373–376.

²⁰ Църковен вестник. – 1939. – № 15–16. – 6 апр.

²¹ ЦДА, ф. 791К, оп. 2, а.е. 10, л. 159–311–312.

²² Пак там, оп. 1, а.е. 42, л. 677–681.

²³ Пак там, а.е. 57, л. 1088.

²⁴ Църковен вестник. – 1939. – № 14. – 31 март.

²⁵ *Каралийчев А.* Кандило пред иконата. Отбрани разкази от български писатели. – София, 1938; *Стубел Й.* Небесни камбани. Сборник стихове. – София, 1937; *Същият.* Богородична люлка. Стихове. – София, 1940; *Дюлгеров Д.* Религиозно четиво. Сборник от избрани стихове, разкази и откъслци с религиозно-нравствено съдържание от българската художествена литература / Д. Дюлгеров, Д. Иванов. – София, 1943; *Софроний, епископ Знеполски.* Литературен сборник за православните християнски дружества и братства / Софроний, епископ Знеполски, Б. Маринов. – София, 1935.

²⁶ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 54, л. 417–419.

²⁷ *Цанков С.* Българската православна църква ... – С. 223; Същата теза, развита по-пространно, вж. у: *Архимандрит Евтимий.* Отрицатели на религията ли са българските поети и писатели? // Годнишник на Софийски университет. Богословския факултет. – 1941–1942. – XIX. – С. 3–38.

²⁸ ЦДА, ф. 971К, оп. 1, а.е. 31, л. 695–696.

²⁹ Пак там, л. 951.

³⁰ Пак там, л. 1017–1018.

³¹ Пак там, а.е. 35, л. 1099–1100.

³² Пак там, а.е. 37, л. 1253–1258.

³³ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 43, л. 358.

³⁴ *Цанков С.* Българската православна църква ... – С. 211.

³⁵ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 50, л. 383–384.

³⁶ Пак там, а.е. 60, л. 144.

³⁷ *Цанков С.* Българската православна църква ... – С. 211.

³⁸ Пак там. – С. 211–212.

³⁹ *Цанков С.* Богословският факултет у нас (1923–1933). – София, 1933; Юбилейно тържество по случай тридесетгодишнината на Духовната академия (Богословския факултет) 1923–1953. – София, 1953.

⁴⁰ Църковен вестник. – 1927. – № 28. – 16 юли.

⁴¹ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 48, л. 253–254.

⁴² *Цанков С.* Българската православна църква ... – С. 322.

⁴³ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 47, л. 1435.

- ⁴⁴ Църковен вестник. – 1932. – № 20. – 14 май.
- ⁴⁵ *Димитров В.* История на радиото в България. – Т. 1. – София, 1994. – С. 191.
- ⁴⁶ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 55, л. 1456.
- ⁴⁷ Пак там, а.е. 57, л. 212–213.
- ⁴⁸ Пак там, а.е. 59, л. 231–232.
- ⁴⁹ Пак там, а.е. 57, л. 778–779.
- ⁵⁰ Пак там, а.е. 63, л. 286–287.
- ⁵¹ Пак там, л. 431.
- ⁵² Църковен вестник. – 1939. – № 3. – 13 ян.; Църковен вестник. – 1939. – № 4. – 20 ян.
- ⁵³ Пак там. – 1940. – № 14. – 12 февр.
- ⁵⁴ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 42, л. 98–99.
- ⁵⁵ Пак там, а.е. 44, л. 819.
- ⁵⁶ Пак там, а.е. 47, л. 957.
- ⁵⁷ Пак там, а.е. 53, л. 296.
- ⁵⁸ Пак там, а.е. 66, л. 87.
- ⁵⁹ Пак там, а.е. 64, л. 85, 95.
- ⁶⁰ Пак там, а.е. 62, л. 367.
- ⁶¹ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 40, л. 432–440.
- ⁶² Пак там, л. 577–578.
- ⁶³ Пак там, а.е. 41, л. 792–821.
- ⁶⁴ *Стоянова В.* Българската православна църква и изпълнителната власт // 120 години изпълнителна власт в България. – София, 1999. – С. 229.
- ⁶⁵ ЦДА, ф. 791К, оп. 1, а.е. 41, л. 792–821.
- ⁶⁶ Пак там, а.е. 43, л. 669–670.
- ⁶⁷ Пак там, л. 849–850; а.е. 44, л. 1101–1106.
- ⁶⁸ *Цанков С.* Българската православна църква... – С. 218–219.
- ⁶⁹ *Стоянова В.* Българската православна църква... – С. 229.
- ⁷⁰ Пак там. – С. 265–270; *Тулешков П.* История на свещеническия съюз. – София, 1928.
- ⁷¹ *Цанков С.* Българската православна църква... – С. 271–279.
- ⁷² Пак там. – С. 279–284.
- ⁷³ Пак там. – С. 285.
- ⁷⁴ Пак там. – С. 249–253.
- ⁷⁵ Народен страж. – 1938. – № 4. – 1 февр.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ (20–30-Е ГГ. XX В.)

А. И. Ёлкин

Йолкін А. І. Становище православної церкви в Польщі (20–30-ті рр. XX ст.). В статті розглянуто становище Православної Церкви в Польщі в 20–30-ті рр. XX ст. Особлива увага приділена процесу зміни її правового статусу і боротьбі за збереження церковної власності, підготовці кадрів духовенства, виданню релігійної літератури; проаналізовано процес українізації Православної Церкви на Волині.

Ключові слова: Православна Церква; автокефалія; Польща; ревідикація.

Ёлкин А. И. Положение православной церкви в Польше (20–30-е гг. XX века). В статье рассмотрено положение Православной Церкви в Польше в 20–30-х гг. XX века. Особое внимание уделено процессу изменения ее правового статуса и борьбе за сохранение церковной собственности, подготовке кадров священнослужителей, изданию религиозной литературы; проанализирован процесс украинизации Православной церкви на Волини.

Ключевые слова: Православная Церковь; автокефалия; Польша; ревидикация.

Elkin A. I. The position of the Orthodox Church in Poland (20s-30-s of 20th century)

The article deals with the position of the Orthodox Church in Poland in the 1920s-1930s. Particular attention is paid to the process of changing its legal status, shows the struggle for the preservation of church property, training of clergy, the publication of religious literature, as well as to analyze of the process Ukrainization of Orthodox Church in Volyn.

Keywords: Orthodox Church; autocephalous; metropolitan; Poland; revindication.

Воссозданное в ноябре 1918 г. польское государство являлось многонациональным. Население страны в 1921 г. насчитывало 27 161 тыс. человек. Поляков – 18 629 тыс. чел. (68,6%), других национальностей – 8531 тыс. чел. (31,7%)¹. На ее территории, главным образом в восточных воеводствах, проживало около 3,8 млн. православных, в том числе 1,5 млн. украинцев, 1 млн. белорусов; 700 тыс. чел. на вопрос о своей национальности отвечали «тутешние»². Оказавшись на территории нового государства, они рассчитывали на моральную и материальную поддержку Православной Церкви (*далее* – ПЦ), которая сама находилась в сложной ситуации.

Положения Православной Церкви в Польской Республике, ее роли в жизни мирян одним из первых коснулся украинский эмигрант Д. Дорошенко³. Современный исследователь Е. Савчук издал книгу о национально-церковном движении на Волини в 20–30-е гг. XX ст.⁴. Особенно следует отметить статью В.Т. Борщевича⁵, где рассматривается эволюция волинского православного духовенства как социальной группы в межвоенный период, а также его докторскую диссертацию, содержащую обстоятельный анализ жизни и деятельности православного духовенства Волини с начала XX в. до 1991 года⁶. В диссертации подробно освещены различные аспекты борьбы за украинскую церковь в 20–30-е годы XX ст. И.А. Попов⁷ и А.К. Свитиш⁸ больше акцентируют внимание на взаимоотношениях Православной Церкви и Польского государства. В статье российского исследователя С.В. Ольховского⁹ изучен процесс становления правового статуса Православной Церкви в межвоенные годы. Польский историк М. Папержинская-Турек доказывает, что политика возрожденной Польши по отношению к православным преследовала цель обеспечить интеграцию восточных крестов в новое государство¹⁰. Аналогичной точки зрения придерживается А. Миронович¹¹. Несмотря на то, что поднятый нами вопрос получил освещение в отечественной и зарубежной литературе, он требует дальнейшего исследования. Детальнее следует изучить вопрос о правовом положении Православной Церкви в Польше и ее борьбе за автокефалию. Заслуживает углубленного исследования деятельность православного духовенства и мирян, направленная на защиту и сохранение церковной собственности, процесс украинизации и кадровая политика ПЦ, ее издательская деятельность.

Православная Церковь в Польше подверглась серьезным испытаниям в годы Первой мировой войны. Значительная часть клира эвакуировалась в Россию, потом последовали революции, Гражданская война и советско-польская война 1919–1920 гг. Церковь начала восстанавливаться к началу 20-х годов XX в., руководствуясь решением Всероссийского Церковного Собора об организации Православной Церкви в границах бывшего Царства Польского от 25 августа 1918 г. В постановлении подчеркивалось, что Православная Церковь в Польше является автономной составной частью Русской Православной Церкви¹².

Однако ее положение в стране оказалось неоднозначным. В Польше имелось несколько православных епископов, но отсутствовал единый церковно-административный центр. В Варшаве епископа не было. Епископ Белостокский Владимир ведал Варшавско-Холмской епархией. Самой большой Волынской епархией управлял епископ Кременецкий Дионисий. Виленская епархия управлялась архиепископом Елиферием, Пинская – епископом Пантелеймоном; в Яблонецком монастыре жил викарий епископ Сергей¹³. Православное духовенство, в том числе и высшее, оказалось представлено в значительной степени выходцами из Российской империи, в целом являясь носителями монархических идей. В изменившейся ситуации церкви пришлось отстаивать свой статус в государстве, защищать церковную собственность и приспосабливаться к новой обстановке.

На повестку дня в качестве первоочередного встал вопрос об урегулировании взаимоотношений между Православной Церковью и Польской республикой. С этой же целью инициативная группа во главе с депутатом сейма Н.С. Серебрянниковым создала в 1921 г. Православный Церковный Совет (*далее* – ПЦС), выступивший инициатором проведения съезда православных приходов в Польше. В повестку дня были включены вопросы правового положения ПЦ в стране, организации церковно-общественных органов, функционирования приходов и другие. Польские власти дали разрешение на его проведение, однако съезд не состоялся¹⁴. Против его организации выступил епископ Кременецкий Дионисий. Он опубликовал заявление с критикой программы, предложенной съезду ПЦС, протестуя против его попытки узурпировать право говорить от имени Православной Церкви Польши¹⁵. Кроме того, Дионисий запретил православному духовенству Волыни участвовать в этом съезде.

Правительство, выступившее за установление автокефальной ПЦ в стране, решило воспользоваться расколом среди православного духовенства. Министр исповеданий Ратай пригласил Дионисия в Варшаву и предложил ему разработать проект организации Высшего управления ПЦ в Польше, что епископ и сделал. Кабинет министров, зная позицию большинства епископов, не мог рассчитывать на их поддержку в провозглашении автокефалии. Поэтому он пригласил из Италии бывшего архиепископа Минского Георгия, добившись от Московского патриарха Тихона утверждения этого иерарха митрополитом в Польше¹⁶. Архиепископ Георгий создал в 1921 г. орган высшего церковного управления страны – Синод, в состав которого вошли все имевшиеся епископы¹⁷. Правительство представило Синоду проект закона об взаимоотношениях между Православной Церковью и государством. Несмотря на то, что проект Синод отклонил, 30 января 1922 г. правительство в одностороннем порядке опубликовало «Временные правила», которые давали ему возможность вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви. Назначение, перемещение и увольнение епископов возможно было лишь по решению Синода, но при предварительном согласовании с властями. Все епископы присягали на верность государству. Кадровые вопросы в приходах находились также под контролем властей¹⁸.

С канонической точки зрения провозглашение автокефалии светской властью недостаточно, ибо, во-первых, этот шаг является прерогативой церковного права, определявшего статус данной церкви в составе Вселенской церкви, а не в рамках государства; во-вторых, следовало получить разрешение главы и епископата той церкви, в состав которой ранее входили приверженцы автокефалии. Такая политика польских властей и поддерживающего ее Дионисия вызвала протесты некоторых епископов. В марте 1922 г. архиепископ Елеферий, епископы Владимир и Сергей направили патриарху Тихону подробный доклад, в котором подчеркивалось: Синод фактически ввел автокефалию, а это означало полное подчинение местной Церкви светской власти¹⁹.

Между тем, польские власти, дабы фактически покончить с оппозицией среди епископата, прибегли к репрессиям. Епископа Пантелеймона, поляка по национальности, отказавшегося подписать «Временные правила», заключили в Мелецкий монастырь. Архие-

пископа Елеферия, епископов Владимира и Сергия выслали из страны на том основании, что они, как иностранцы, занимались скорее политической, нежели духовной деятельностью²⁰. Впрочем, эти превентивные меры по ограничению влияния строптивых иерархов не шли ни в какое сравнение с гонениями на религию и церковь в Стране Советов, где большевики в апреле 1922 г. арестовали и заключили в тюрьму патриарха Тихона и образовали еще один ЦК – Церковный Комитет*. После этих событий Польское правительство с целью подчинения и контролирования ПЦ, а также ее кадровой политики, настояло на скорейшем провозглашении автокефалии ПЦ, ссылаясь на прекращение в Москве канонической церковной структуры и недопустимости для Польского государства, чтобы ПЦ в Польше находилась в зависимости от безбожной власти, по указке которой действовал образовавшийся в Москве Церковный Комитет²¹. События в Москве привели к тому, что на заседании Синода 14 июня 1922 г. под председательством митрополита Георгия, при участии представителя государственной власти была объявлена автокефалия Православной Церкви в Польше²². Однако радикальная часть духовенства расценила деятельность митрополита Георгия как измену православию, и его застрелил архимандрит Смарагд со словами: «Вот тебе, палач Православия!»²³.

После этого главой ПЦ в Польше стал Дионисий. Начало его деятельности ознаменовалось массовыми протестами рядовых прихожан. В июле 1923 г. Синод ПЦ в Польше поставил перед правительством вопрос о том, чтобы служащие в государственных учреждениях, равно как и состоящие на службе солдаты православного исповедования, освобождались от нее в церковные православные праздники. В ответ на это обращение Министрство исповеданий предложило Дионисию рассмотреть в Синоде вопрос о переходе с юлианского на григорианское календарное летоисчисление. С согласия всех епископов это произошло 12 апреля 1924 г., но не было воспринято паствой. Православное население в знак протеста перестало посещать храмы в те дни, когда священники совершали богослужение по новому стилю, продолжая отмечать праздники по-старому. Поэтому в августе 1924 г. Синод отменил апрельское постановление²⁵.

Вопрос об автокефалии ПЦ в Польше, волновавший мирян, часто становился предметом дискуссий на страницах прессы. Так, в варшавской эмигрантской газете «За свободу» от 11 ноября 1924 г. появилась статья главного редактора Д. Философова «Православие в Польше». В ней автор писал: «Если вы говорите, что нужно освободиться от Москвы (Тихон) и Югославии (Антоний), то утверждают, что вы действуете на руку полякам и Католической Церкви. Если же вы против автокефалии и за подчинение патриарху Тихону, то вы попадете в следующие, почти непреодолимые затруднения. Во-первых, вы не знаете, где заканчивается власть Тихона и начинается власть большевиков. Эта неизвестность и заставила Синод в Сремских Карловцах поставить вопрос об автокефалии Русской Православной Церкви за границей. Во-вторых, борясь против автокефалии, вы должны непременно пойти на союз либо с Антонием (Храповицким) – первым главой Русской Православной Церкви за границей, либо с митрополитом Евлогием (Георгиевским) (Русское архиепископство Парижское). Но для демократов такой союз невозможен. Как могут они, тщательно отмежевываясь от монархических течений, в то же время быть в союзе с царским епископатом? Не надо быть вовсе «другом» поляков, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что ссылаться на авторитет Евлогия или Антония для защиты Православия в Польше – значит вредить Православию. Тогда на кого же опираться? Вопрос остается без ответа. И пока принципиальные вопросы висят в воздухе, миллионы мирян и местное духовенство должны выносить на своих плечах все следствия центральной разрухи»²⁶.

Поскольку согласия на автокефалию со стороны Московского патриархата получить не удалось, Дионисий и его сторонники стали искать выход из создавшейся ситуации. Польский православный епископат решил воспользоваться правом единства Вселенской

* Большевики развернули невиданный по жестокости террор против РПЦ. По оценкам некоторых историков, в 1920–1930-е гг. было расстреляно и доведено до смерти более 200 000 служителей церкви. Около полумиллиона православных священников было брошено в тюрьмы или отправлено в ссылку. К 1939 г. в СССР остались незакрытыми около 100 храмов из почти 60 000 действующих в 1917 г. – См.: www.Kasparov.ru./material.php?id=55Ao9D5140C3D → Доступ от 17.07.2015.

церкви и обратился с подобной просьбой к Константинопольскому патриарху, называемому также Экуменическим (Вселенским). Автокефалия провозглашалась на основе «томаса» – особого акта, полученного от патриарха Григория VIII. 13 ноября 1924 г. Польша заплатила за «томас», признававший автокефалию Православной Церкви в стране, 12 тыс. фунтов стерлингов, выдала 30 тыс. швейцарских франков на расходы патриаршей делегации, которая привезла этот «томас», и выплачивала постоянно денежное вознаграждение четверем «особенно благожелательным к ее делам сановникам патриархата»²⁷. Окончательно автокефалию приняли в 1925 г.

Следовательно, провозглашение автокефалии ПЦ в Польше означало признание ее статуса государством. До этого положение ПЦ и права верующих определялись 110 и 114 статьями Конституции 1921 г. и формально соблюдался принцип равенства конфессий при сохранении ведущей роли Католической Церкви – далее КЦ²⁸. Особый статус Костела в государстве был закреплен в соглашении, заключенном польскими властями с Ватиканом.

10 февраля 1925 г. власти Второй Речи Посполитой подписали с Римским престолом конкордат, регулировавший отношения между государством и КЦ на принципах автономии и взаимодействия. Конкордат предоставил Католической и Униатской Церкви различные привилегии, которых не имели представители других конфессий. Соглашение гарантировало Католической Церкви независимость от светских властей и внутреннее самоуправление на основе канонического права. В отличие от других аналогичных договоров, конкордат с Польшей не содержал положения, что действия церкви не могут нарушать государственное законодательство. Польское государство лишалось права контролировать назначение на церковные должности; епископат же получил право контроля над преподаванием религии; одновременно вводилось обязательное изучение Закона Божьего в школах²⁹.

Наряду с вопросом о статусе ПЦ, пришлось решать вопрос ее земельной собственности и храмовых зданий. В 1920 г. в Польше приняли закон об аграрной реформе, предусматривавший отчуждение и церковной земельной собственности. К 1924 г. оказалось конфисковано 20 000 га церковных земель ПЦ³⁰. Только на Волыни конфисковали почти 50% церковных и монастырских угодий³¹.

Но этим дело не ограничилось. С момента включения Холмщины и Подляшья в состав Польского государства началась кампания по обращению православных в католиков (неоуния). Во времена Первой Речи Посполитой украинское население региона принадлежало к униатам. После ликвидации царской властью Греко-Католической Церкви униаты Холмщины и Подляшья в большинстве своем стали православными. На этом основании польские власти утверждали, что местное украинское население является русифицированными поляками. Предпринимались меры для того, чтобы склонить православное население к переходу в католицизм. Однако эта кампания ожидаемых результатов не дала. Всего в католичество перешло около 1% православных³².

Бурные протесты среди приверженцев православия вызвали действия властей, подержанные КЦ по реиндикации (возвращению) некогда принадлежавшего католикам имущества, переданного ПЦ администрацией Российской империи³³. В результате такой политики у православных к середине 20-х годов отобрали около 500 храмов, оставив 1948³⁴. Новая кампания по возвращению собственности, утраченной Католической Церковью, началась весной 1938 года. В польской прессе появились статьи, авторы которых утверждали, что на Холмщине и Подляшье (Люблинское воеводство) много ветхих и «ненужных храмов, ибо там нет верующих» (эти регионы до 1914 г. входили в состав Российской империи). Кроме того, в целом ряде городов и селений Холмщины состоялись т.н. «веча протестов», организованные Обществом развития восточных крестов Польши. На этих «вечах» принимались резолюции, осуждавшие православных священников, украинизирующих население Холмщины. В тех же резолюциях содержалось требование о ликвидации закрытых церквей, которые самим фактом своего существования портят добрые отношения между католическим и православным населением³⁵. В апреле 1938 г. по указанию местной администрации разрушили 114 храмов, в т.ч. 58 закрытых и 56 действующих. Разборка производилась под руководством старост и полицейских особыми отрядами рабочих при участии местного католического населения.

Действия польских властей вызвали массовые акции протеста как в стране, так и за рубежом. С обширным архипастырским посланием, осуждающим действия правительства

по разрушению храмов, выступил митрополит А. Шептицкий, предстоятель Униатской Церкви³⁶. Известный публицист С. Мацкевич, редактор виленской газеты «Слово», поместил 11 августа 1938 г. статью, в которой писал, что дело 4 млн. православных, составляющих 11% населения Польши, не является вопросом, который можно было бы разрешить конфискациями; скоро весь польский народ почувствует следствия ошибок, вытекающих из легкомысленной политики правительства. И, если бы автор статьи, писал он, являлся депутатом сейма, то внес бы предложение о предании его членов суду³⁷. С возмущенными речами выступали в сейме оппозиционные депутаты, в частности, украинский священник из Волины Волков³⁸.

Разрушение церквей на Холмщине и в Подляшье получило широкий резонанс за границей и вызвало протесты со стороны русской эмигрантской Церкви. На Соборе в Сремских Карловцах (13–25 августа 1938 г.) были заслушаны два посланца из Польши: К.Н. Николаев с докладом «Катастрофа православия в Польше» и отец Гриненко (Попов) с докладом «Меморандум православного духовенства в Польше». Собор принял предложение архиепископа Виталия из США, чтобы каждый участник Собора после возвращения домой осуществил акции по ознакомлению общественности и правительств своих стран с фактами насилия в отношении православия в Польше³⁹. В начавшейся антипольской кампании критике подверглись не только варшавские власти, но и Синод Православной Церкви во главе с Дионисием за то, что он утратил независимость по отношению к правительству. К обвинениям Дионисия присовокупили и то, что он проводил «полонизацию» и «католизацию» православных и раскалывал православие⁴⁰. Глава Болгарской Православной Церкви митрополит Стефан, протестуя против преследования православных в Польше, вернул польскому правительству пожалованные ему в разные годы польские ордена⁴¹.

Важное место в процессе подчинения ПЦ Польскому государству занимала кадровая политика, призванная изменить функции церкви среди непольских национальностей. В письме министра вероисповеданий департаменту образования от 9 мая 1924 г. задача формулировалась следующим образом: «Чтобы у верующих воспитать дух польской государственности, необходимо взять под государственный контроль подготовку кадров приходского духовенства. Духовенство это не многочисленное, за редким исключением, противопоставляет себя изменившимся политическим требованиям и проявляет оппозиционность в отношении своего епископата, враждебность в отношении польской государственности... Чтобы изменить эту ситуацию, недостаточно мер, направленных в отношении духовенства (высылки за пределы страны), проводящего до сих пор антигосударственную политику. Государственные инстанции в процессе подготовки духовенства должны добиться его приверженности Польше, так как прежнее поколение было направлено против нее»⁴². Практически это выразилось в усилении государственного контроля над подготовкой церковнослужителей.

В середине 1920-х гг. в стране существовали духовные семинарии в Вильно и Кременце, а также мужское и женское духовные училища в Дермани на Волини. После майского переворота 1926 г. началось реформирование семинарий с учетом потребностей польской государственности. Сроки обучения сократились с десяти до девяти лет, количество часов на богословские предметы уменьшилось со 100 до 50 в год. Обучение предусматривалось осуществлять на польском языке⁴³. Однако выполнить в полной мере поставленную задачу не удалось, ибо после назначения в 1927 г. ректором Кременецкой семинарии П. Табинского она начала проводить проукраинский курс и готовить национально сознательных священнослужителей⁴⁴. Польские власти, оказывая ПЦ помощь в подготовке православных священников, добивались, чтобы в ходе учебно-воспитательного процесса им прививалось уважение к Польше. Главным центром подготовки православного духовенства стал богословский православный факультет Варшавского университета. Факультет торжественно открылся 8 февраля 1925 г. Это событие православные расценивали как акт доброй воли государства в отношении ПЦ. Преподавание на факультете осуществлялось на польском языке, много внимания уделялось изучению польской истории и культуры. Все это должно было помешать использованию ПЦ в качестве орудия русской и украинской политики. Факультет в 20–30-е гг. XX в. окончили несколько сот священнослужителей⁴⁵.

Православная Церковь являлась объектом постоянного внимания не только со стороны польских властей, но и со стороны национальных меньшинств, и, в первую очередь, украинцев. Украинцы, проживающие главным образом на Волини, пытались сделать

ПЦ орудием национально-политической борьбы. В свою очередь, польские спецслужбы, военные и административные органы предпринимали попытки создать оплот полонофильского и враждебного России украинского национального движения на Волыни, которая до 1914 г. принадлежала империи Романовых и была включена в состав Польши по Рижскому договору в 1921 г. Начало борьбы за украинскую церковь положили решения Волынского епархиального съезда, проходившего осенью 1921 г. в Почаевской лавре⁴⁶. Съезд признал своевременным украинизировать церковь путем замены церковно-славянского на украинский богослужебный язык – там, где пожелают верующие. Кроме украинского языка, высшая церковная власть разрешила употребление белорусского, польского и чешского. Активную агитацию за украинизацию церкви развернул А. Рачинский, главный редактор журнала «На варті», издававшегося во Владимире-Волынском. Журнал призывал к разрыву с Московским патриархатом и его традициями⁴⁷. Новым этапом в украинизации ПЦ на Волыни стало назначение на должность настоятеля Владимир-Волынского собора архимандрита Поликарпа (Сикорского). При нем на Волыни украинизировали 30% приходов⁴⁸. Большую роль в украинизации сыграли украинские депутаты сейма и сенаторы, принадлежащие к Беспартийному блоку сотрудничества с правительством. При их участии (Бури и Скрыпника) 10 сентября 1933 г. во время праздника в честь Иова Почаевского состоялась демонстрация украинцев против церковного административного аппарата, построенного, как они считали, по образцу времен русского царизма. Манифестанты требовали снятия с Волынской кафедры митрополита Дионисия и назначения на его место епископа из украинцев. По всей Волыни прокатилась волна митингов, от имени участников которых посылались телеграммы правительству и президенту с требованием назначить на Волынь епископа-украинца. Реагируя на эти обращения, министр исповеданий в письме от 23 сентября 1933 г., направленном митрополиту Дионисию, потребовал от него освободить Волынскую кафедру и назначить на это место другого епископа⁴⁹. В 1930-е годы священников-русофилов окончательно удалили с ключевых церковных должностей в Волынской епархии⁵⁰.

В межвоенной Польше Православная Церковь, являясь главным фактором духовного влияния на верующих, стремилась удовлетворить их потребности в религиозной литературе. В Холме, Кременце, Гродно, Вильно, а несколько позже и в Варшаве начинают печататься православные издания, предназначенные прежде всего для местного населения, в т.ч. русских и поляков. Главным образом, это были епископские послания по случаю различных церковных праздников, небольшие «слова» и «поучения» отцов церкви, отдельные главы из Евангелия⁵¹.

Но начало планомерной православной издательской деятельности начинается с открытия в 1923 г. синодальной типографии в Варшаве. Это был не только крупнейший православный издательский центр Польши, но и в восточнославянском мире в целом, наладивший выпуск литературы – от богословской до детской. До недавнего времени считалось, что Синодом было издано более 50 названий книг⁵². Однако скрупулезный подсчет, произведенный Л.Л. Щавинской, позволяет сделать вывод, что было издано свыше 400 названий⁵³. Основная масса книг и брошюр напечатана на русском языке, но были также издания на польском и украинском. Тематика и содержание изданных в типографии работ являлась разнообразной. Произведения, написанные до революции и после переиздававшиеся, работы православных литераторов-эмигрантов, живших за границей, а также (анонимно) авторов из СССР. Публикуется много сочинений местных жителей, среди них представители русского или русскоговорящего меньшинства, часто светские лица, но близкие к церковным кругам. Отдельную группу публицистов составляли высшие духовные лица, преподаватели духовных заведений, приходские священники⁵⁴. Уникальным изданием являлся журнал «Воскресное чтение». Он еженедельно выходил в Варшаве с 1924 по 1939 г., распространяясь не только среди православных Польши, но и в Русском Зарубежье.

Первостепенное внимание, естественно, уделялось печатанию православной литературы, включая большое количество разнообразных листовок. Тиражи этих изданий насчитывали от одной до нескольких тысяч экземпляров. В первую очередь следует отметить всевозможные календари и богогласники⁵⁵, а также целые серии религиозной литературы на русском языке: «Библиотека Православного Христианина» (100 нумерованных 80-страничных выпусков); «Набожные песни из Богогласника» (около 100 выпусков), представляя

из себя листки с текстами отдельных песнопений и нотами⁵⁶; «Миссионерские листки» – более 100 различных выпусков; восьмистраничные «Беседы об устройстве святого Храма и о совершаемых в нем Богослужениях». Отметим также серию противосектантских брошюр и книг, издававшихся на русском, украинском и польском языках в 1920–1930-е годы (до 30-ти изданий)⁵⁷. Следовательно, синодальные учреждения Православной Церкви в Польше и, прежде всего, синодальная типография в Варшаве являлись настоящими литературными центрами, которые удовлетворяли духовные потребности верующих.

Окончательное урегулирование правового положения Православной Церкви в Польше было осуществлено президентским декретом от 18 ноября 1938 г. В этом документе отмечалось, что Православная Церковь в своем внутреннем устройстве полностью независима, но действует в рамках польского законодательства⁵⁸. При издании нового церковного устава произошло переименование Православной Церкви в Польше в Польскую Автокефальную Церковь. По существу это был юридический акт, закрепивший интеграцию ПЦ в Польское государство.

¹ Maly Rocznik Statystyczny. – Warszawa, 1933. – S. 4.

² Ольховский С.В. Урегулирование правового статуса православной церкви в межвоенной Польше // Профессор МГУ И.М. Белявская: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М.В. Ломоносова И.М. Белявской. – М., 2005. – С. 144.

³ Дорошенко Д. Православна церква в минулому й сучасному житті українського народу. – Берлін, 1940. – 71 с.

⁴ Савчук Б. За Українську церкву. Національно-визвольний рух на Волині у 20–30-ті рр. ХХ ст. – Івано-Франківськ, 1997. – 114 с.

⁵ Боршевич В. Національна самоідентифікація православного духовенства Волині у 20–30-х рр. ХХ ст. // Науковий вісник Волинського національного університету. – Історичні науки. – 2009. – № 13. – С. 185–192.

⁶ Боршевич В. Православне духовенство Волині у ХХ столітті: автореф. ... докт. іст. наук. – Львів, 2011. – 38 с.

⁷ Попов А. Пора проснуться! Гонение на православие и русских в Польше в ХХ веке. – Белград, 1937. – 80 с.

⁸ Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. – Буэнос-Айрес, 1959. – 231 с.

⁹ Ольховский С.В. Урегулирование правового статуса... – С. 144–149.

¹⁰ Rapiżynska-Turek M. Miedzy tradycja, a rzeczywistoscia. Panstwo wobec prawoslavia 1918–1939. – W., 1989. – 481 с.

¹¹ Mironowicz A. Kosciol prawoslawnny w Polsce. – Biatlystok, 2006. – 917 с.

¹² Rapiżynska-Turek M. Miedzy tradycja, a rzeczywistoscia... – S. 140.

¹³ Попов А. Пора проснуться!.. – С. 31.

¹⁴ Свитич А.К. Православная Церковь в Польше... – С. 18.

¹⁵ За свободу. – 1921. – 14 августа.

¹⁶ Попов А. Пора проснуться!.. – С. 32.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ольховский С.В. Урегулирование правового статуса... – С. 145.

¹⁹ Свитич А.К. Православная Церковь в Польше... – С. 31.

²⁰ Там же. – С. 32.

²¹ Там же. – С. 35.

²² Замойски Я.Е. Русская православная зарубежная церковь 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1. – С. 50.

²³ Свитич А.К. Православная Церковь в Польше... – С. 45.

²⁴ Там же. – С. 50.

²⁵ Там же. – С. 51.

²⁶ За свободу. – 1924. – 11 ноября.

²⁷ Замойски Я.Е. Русская православная зарубежная... – С. 52.

²⁸ Przymierze. – 1921. – № 11. – С. 38–40.

²⁹ Дыбковская А. История Польши / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава, 1995. – С. 149.

³⁰ Кучерена М. Церковно-релігійне життя українського православного населення Польщі (1921–1929 рр.) // Dzieje Podkarpacka. – Т. 3. – Krosno, 1999. – С. 153.

³¹ Боршевич В. Православне духовенство Волині... – С. 26.

³² Там же. – С. 27.

³³ Zdrzechowski M. Wplywy rosyjskie na dusze, Polska. – Krakow, 1932. – S. 160.

- ³⁴ *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше... – С. 15.
- ³⁵ Там же. – С. 73.
- ³⁶ *Дрозд Р.* Історія українців у Польщі в 1920-1939 рр. / Р. Дрозд, Г. Гальчак, І. Мусиєнко. – Харків, 2013. – С. 35.
- ³⁷ Slovo. – 1938. – 11 sierpnia.
- ³⁸ *Боршевич В.* Православне духовенство Волині... – С. 22.
- ³⁹ *Замойски Я.Е.* Русская православная зарубежная... – С. 62.
- ⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5814, оп. 1, д. 2, л. 45.
- ⁴¹ *Дрозд Р.* Історія українців у Польщі... – С. 35.
- ⁴² *Papierzynska-Turek M.* Miedzy tradycja, a rzeczywistoscia... – S. 382–383.
- ⁴³ *Дрозд Р.* Історія українців у Польщі... – С. 35.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт-на-Майне, 1974. – С. 189–190.
- ⁴⁶ *Боршевич В.* Православне духовенство Волині... – С. 16.
- ⁴⁷ *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше... – С. 120.
- ⁴⁸ Там же. – С. 170.
- ⁴⁹ *Боршевич В.* Православне духовенство Волині... – С. 16.
- ⁵⁰ *Свитич А.К.* Православная Церковь в Польше... – С. 175.
- ⁵¹ *Цыпин В.* История Русской Церкви. В 9 т. – Т. 9. – М., 1997. – С. 236–238.
- ⁵² *Лабынцев Н.А.* Народная литература Православной Польши: 1918-1939 гг. // Славяноведение. – 1996. – № 2. – С. 63–73.
- ⁵³ *Mironowicz A.* Kosciol prawoslawny w Polsce... – S. 150.
- ⁵⁴ *Шавинская Л.Л.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательства межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение. – 1996. – № 2. – С. 63–73.
- ⁵⁵ *Лабынцев Н.А.* Народная литература Православной Польши... – С. 67–68.
- ⁵⁶ Там же. – С. 70.
- ⁵⁷ *Шавинская Л.Л.* Народные листки, напечатанные Православной Церковью... – С. 77–82.
- ⁵⁸ *Цыпин В.* История Русской Церкви. – В 9 т. – Т. 9. – М., 1997. – С. 236–238.

РОЛЬ КАТОЛИЦЬКОЇ ЦЕРКВИ В ІДЕОЛОГІЇ ТА ПРАКТИЦІ УСТАШІВ (1930-ТІ – ПЕРША ПОЛОВИНА 1940-Х РР.)

О. Г. Гула

Гула О. Г. Роль католицької церкви в ідеології та практиці усташів (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). У статті досліджено роль та місце католицької церкви в усташській ідеології як на початку зародження організації, так і у проголошеній усташами 1941 р. Незалежній державі Хорватія (НДХ). Висвітлено зміну ставлення католицького кліру до усташської діяльності протягом 1930-х – першої половини 1940-х рр. Проаналізовано позицію церкви в питанні проведення етнорелігійної уніфікації в НДХ. На основі залучення до аналізу документів А. Степинаца доведено недоречність однозначного трактування місця та ролі церкви в політиці усташів.

Ключові слова: усташі; НДХ; католицька церква; етнорелігійна уніфікація; радикальний націоналізм.

Гула О. Г. Роль католической церкви в идеологии и практике усташей (1930-е – первая половина 1940-х гг.). В статье исследованы роль и место католической церкви в усташской идеологии, как в начале зарождения организации, так и в провозглашенном усташами в 1941 г. Независимом государстве Хорватия (НГХ). Показано изменение отношения католического клира к усташской деятельности в течение 1930-х – первой половине 1940-х гг. Проанализирована позиция церкви в вопросе проведения этнорелигиозной унификации в НДХ. На основе привлечения к анализу документов А. Степинаца доказана неуместность однозначной трактовки места и роли церкви в политике усташей.

Ключевые слова: усташі; НГХ; католическая церковь; этнорелигиозная унификация; радикальный национализм.

Gula O. G. The role of the Catholic Church in the ideology and practice of Ustasha (1930s – early 1940s). The paper researches the role and place of the Catholic Church in ustasha's ideology from the emergence of organization to the proclamation of the Independent State of Croatia (NDH) in 1941. The change in attitude of the Catholic clergy to activity of ustasha during the 1930s – early 1940s is highlighted. The church's position on the issue of ethno-religious unification in NDH is analyzed. Using A. Stepinatz' documents for the analysis the irrelevance of unambiguous interpretation of place and role the Church in the politics of Ustasha is proved.

Keywords: Ustasha; NDH; the Catholic Church; ethno-religious unification; radical nationalism.

Католицька церква завжди відігравала важливу роль у долі хорватського народу. Три важлий час перебуваючи роздібненими та під владою інших багатонаціональних держав (Італія, Австрія, Угорщина), хорвати навчилися зберігати і відстоювати власну національну ідентичність. Саме католицизм став для них ключовим елементом при підтвердженні окремішності від інших національностей у період існування централізованого Королівства СХС/Югославія (1918–1941 рр.). При становленні НДХ (Незалежної держави Хорватія), що стала результатом діяльності профашистської організації усташів і проіснувала з 1941 до 1945 р., в офіційних документах та заявах політичних діячів римо-католицька віра фігурувала як визначальний чинник належності того чи іншого громадянина до хорватського народу. Саме тому для розуміння внутрішньої політики НДХ необхідно з'ясувати роль католицької церкви у становленні та легітимізації режиму, а також її ставлення до етнічних чисток в «незалежній» Хорватії.

Історіографія проблеми почала формуватися одразу після ліквідації НДХ та еміграції прибічників усташів у країни західного світу. Хорватська націоналістична емігрантська історіографія не приділяла суттєвої уваги дослідженню місця католицької церкви в Хорватії 1941–1945 рр. Відмічався великий вплив церкви на формування хорватської національної свідомості, втім клерикальний характер усташської диктатури заперечувався¹. У соціалістичній Югославії з'явилися перші наукові публікації з даної проблематики. Особливо варто відзначити працю В. Новака «Магнум крімен. Півстоліття клерикалізму в Хорватії»². В цій праці автор узагальнив велику кількість джерел (особливо, матеріали католицької

преси). Концепція В. Новака була політично детермінована: дослідник намагався виставити хорватський релігійний фанатизм як основний чинник сербофобської політики усташів та інструмент контролю з боку Ватикану над хорватською територією. Подальші наукові розвідки югославських вчених не підтвердили ці погляди, хоча сучасна сербська історіографія загалом продовжує започатковану В. Новаком традицію трактування НДХ як клерофашистської держави³. Історіографія проблеми в Республіці Хорватія після 1991 р. вирізняється багатовекторністю порушуваних питань та ґрунтується на теоретико-методологічному інструментарії хорватської еміграції: применшення масштабів геноциду сербів, виправдання внутрішньої та зовнішньої політики НДХ, тощо⁴. 1996 р. у Загребі були опубліковані архівні матеріали стосовно архієпископа А. Степінаца та політики Ватикану в НДХ⁵, що багато в чому ставлять під сумнів концепцію клерофашизму. З-поміж доробку західних авторів варто відзначити праці А. Рівелі «Архієпископ геноциду»⁶, Д. Бартона «Хорватія 1941–1946»⁷. Якщо перший з них повністю знаходиться під впливом В. Новака, то другий спробував продемонструвати не лише жорстоку релігійну політику усташів, але й ті позитивні моменти проявів добра, взаємодопомоги, які траплялися у важкий воєнний час. Отже, в історіографії склалось кілька протилежних поглядів на місце католицької церкви в НДХ, що вимагає спроби неупередженого аналізу джерельних свідчень та доробку світової історичної науки.

Католицька церква справді мала велике значення в ідеології усташів. Вона являла собою уособлення національної ідентичності хорватів на противагу православним сербам. Приналежність хорватів до католицької церкви була втіленням приналежності цього народу до європейської цивілізації, що очільниками усташського руху позиціонувалася як прогресивна порівняно з іншими, особливо із православною цивілізацією. Антагонізм між православ'ям та католицизмом мав світоглядне коріння, сутність якого полягала у прагненні католицької церкви збудувати ідеальне суспільство на землі. Своїм корінням такі прагнення сягали римської доби (цезаризм) та були втілені у самій ієрархії католицької церкви, на чолі якої знаходиться одна непогіршима особистість. Спроби перенести подібний устрій на все суспільство періодично траплялись в історії католицизму й раніше (держави ієзуїтів у Парагваї, Іспанія часів реконкісти). У випадку Незалежної держави Хорватія причини такого колосального впливу католицької церкви криються не тільки в тоталітарній сутності її організації, а й у соціально-економічних чинниках.

У складі Королівства СХС/Югославія хорватські землі були найбільш економічно розвиненим регіоном, адже на цих територіях концентрувалось більше 70% усієї промисловості країни, а банки Хорватії були тісно пов'язані з фінансовими структурами багатьох інших держав і були найбільшими в Королівстві. Однак це твердження стосувалось насамперед міст, розташованих на Адріатичному узбережжі. Решта території Хорватії та особливо Боснії, що була включена до складу НДХ, належали до сільськогосподарських регіонів. Суспільство зберігало багато традиційних рис, основною з яких був високий авторитет церкви. Політичний устрій Королівства СХС, за якого основні посади в центральній владі обіймали представники сербського народу, призводила до того, що в усіх соціально-економічних негараздах звинувачувалась саме серби, сербська влада. В умовах багатонаціональної держави це призводило до зростання радикального націоналізму.

Хорватський націоналізм зародився ще наприкінці XIX ст. у вигляді Чистої партії права (очолювалась Й. Франком, з 1915 р. – А. Павелічем). Утворилась вона внаслідок складного перегрупування Партії права (виникла у 50-х рр. XIX ст.; на чолі партії стояли А. Старчевич і Є. Кватерник в середині 80-х рр. XIX ст. Виступала за надання Хорватії незалежності на підставі існування в добу середньовіччя, до початку XII ст., самостійної хорватської держави. Ця політична організація діяла легальними методами, однак вже мала яскраво виражену антисербську спрямованість (що було вельми доречно з точки зору австро-угорської зовнішньої політики). Особливістю хорватського націоналізму також була терпимість до євреїв, що пояснювалося єврейським походженням більшості очільників партії Права та усташів. Проте, після проголошення НДХ, репресії проти єврейського населення проводилися дуже активно. Це було спричинене тиском гітлерівської Німеччини на керівництво маріонеткової держави.

Радикалізація хорватського націоналістичного руху припадає на 1929 рік, період встановлення в Королівстві СХС особистої диктатури короля Олександра Карагеорگیївича:

А. Павеліч, який був прихильником незалежності хорватського народу і виступав проти режиму особистої влади короля Олександра, емігрував до Австрії, потім до Болгарії, а згодом – до Італії, де дістав підтримку у своїй діяльності від Б. Мусоліні. Таким чином майбутній лідер усташів налагоджував зв'язки з тими політиками-емігрантами, котрі підтримували ідею створення незалежної Хорватії. Зокрема, у Відні А. Павеліч зустрівся з групою «франківців», серед членів якої виділялись активною діяльністю генерал С. Саркотіч, офіцери колишньої австро-угорської армії І. Перчевіч, С. Дуїч. Саме вони стояли біля витоків широкого руху проти створення Королівства СХС в Австрії і Угорщині, центром якого був Хорватський емігрантський комітет. Очоловав його І. Франк, син відомого «франківця» Й. Франка⁸.

Результатом перебування А. Павеліча у Болгарії стала поява «Декларації» про подальшу спільну роботу хорватських і македонських сепаратистів задля встановлення «народних законів» і досягнення політичної свободи Хорватії і Македонії⁹. Такий порядок справ став відомий Белграду, тому політик мусив залишити Софію і попрямувати до Італії. На Апенінах хорватські усташі на чолі з А. Павелічем на початковому етапі діяльності створювали невеликі військові формування, члени яких здійснювали терористичні акції проти центральної влади в Югославії. Поступово, завдячуючи фінансовій підтримці італійської влади, усташі організували спеціальні табори для проживання і діяльності. Вже у 1929 р. А. Павелічем було створено нову організацію – Усташа – хорватський визвольний рух, до складу якої увійшли хорватські емігранти з різних європейських країн, яких на італійських територіях об'єднала спільна мета.

Головне завдання організації було висвітлено у конституції руху, прийнятій на основі положень програми Чистої партії права – за допомогою збройного повстання визволити хорватські землі для подальшого самостійного і незалежного існування в межах історичних кордонів¹⁰. Відстоюючи політичні права хорватів, усташі проголошували: «... ми боронитимемо хорватську державну самостійність і боротимемось, щоб у Хорватії панував лише хорватський народ...»¹¹. Вони вважали свою боротьбу невідривно пов'язаною з Божим благословінням, адже у Присязі, яку проголошував кожен член руху, звучало: «Клянемось Богом у усім святим, що ... виконуватимемо усі вказівки Поглавника ... та зберігатимемо таємниці ... Нехай допоможе нам Бог!»¹². Проте, варто зауважити, що на цьому етапі своєї діяльності члени руху не були прихильниками клерикального напрямку. Католицька віра сприймалася ними як основна ознака належності до хорватського народу і не більше. На цей же час припадає і широке залучення діячів католицької церкви до хорватського націоналістичного руху. Проводилося це у формі агітаційної роботи зі студентами католицьких навчальних закладів або монахами (переважно францисканцями) – вихідцями із Хорватії. Економічна криза 1930-х рр. підготувала ґрунт для сприйняття ними праворадикальних ідей¹³.

Усташі взагалі не сприймали панування на Батьківщині сербської влади. Підтвердженням цьому слугує обнародований А. Павелічем 1933 р. документ під назвою «Принципи хорватського усташського руху», де зверталась увага на історичне право хорватського народу на проживання у власній незалежній державі, що повинна мати всі складові державності¹⁴. Автор стверджував, що хорвати завжди були вільним народом, створивши свою державу в час, коли інші народи були роздрібнені і неорганізовані. Хорватська держава завжди забезпечувала добробут своїх громадян, кожен хорват відчував підтримку влади. На особливу увагу заслуговувало селянство як основа всього існування держави¹⁵. Цим документом усташське керівництво вкотре засвідчило серйозність своїх намірів щодо збройного відстоювання власних прав та виокремлення етнічних хорватських земель у цілісну самостійну державу. Спираючись на підтримку фашистів Італії, хорватські усташі намагались знайти контакти і з Німеччиною для посилення своїх позицій та поширення націоналістичних ідей, але жодне німецьке відомство не звернуло уваги на малочисельну хорватську організацію.

З 1937 р. почалось поступове повернення хорватських крайніх правих – М. Будака, Ю. Франчетіча, Й. Мілковіча та інших – в хорватські землі. Для організації їхньої діяльності голова усташського руху А. Павеліч написав спеціальні «Правила» щодо організації і подальшої діяльності усташських формувань¹⁶. Документ датований 1938 р., і на його сторінках чітко зазначені головні завдання усташів, методи їхньої боротьби, мету і засоби її

втілення: «...ураші мають завдання усіма засобами ... звільнити Хорватію, щоб вона стала самостійною ... на всьому історичному просторі»¹⁷. Крім того, було прописано склад руху, умови приєднання до нього та організаційну структуру усташських організацій. Таким чином, з допомогою цього документа усташський лідер прагнув консолідувати і структурувати хорватських повстанців, маючи на меті ідею повної незалежності хорватських земель.

З 1940 р. діяльність усташів активізувалася, що пов'язано було з успішним ходом військових дій їх головних союзників – Італії та Німеччини. Так, в листопаді зі Спліту до керівництва щойно утвореної Хорватської бановини (1939) прийшло повідомлення про необхідність посилення охорони прикордонних з Італією територій у зв'язку з можливою загрозою нападів усташів з їхніх баз, що ймовірно розташовуються у м. Задарі, Лошінь¹⁸. Тому перед владою автономії постало завдання будь-якими методами (нагляд за кореспонденцією, таємне стеження за особами, які повернулися з-за кордону) попередити діяльність усташів, адже це загрожувало існуванню утвореної напередодні Другої світової війни автономії. Варто зауважити, що розвідка Бановини працювала достатньо добре, адже керівництво мало повну інформацію (дата і місце народження, походження, вид занять, соціальне та матеріальне становище, політичні погляди) про кожного із 839 членів усташських організацій, які перебували на 1940 р. в Італії¹⁹.

Задля координації та підтримки тих усташів, які підпільно діяли на території Бановини Хорватія, А. Павеліч видав «Повідомлення Батьківщині»²⁰, де вказувалось: головною метою організації залишається звільнення країни, запевнивши, що воно втілиться в життя за допомогою союзників. Для таких сподівань були всі підстави: взимку 1940 р. Б. Муссоліні запропонував лідеру усташів А. Павелічу створити спільний план поділу Королівства Югославія, утворивши з частини її територій «незалежну» хорватську державу під італійським протекторатом. На початку березня 1941 р. А. Павеліч виїхав із Флоренції, де проживав останні роки, до Риму для подальших консультацій, а вже 10 квітня, після окупації Югославії військами Осі, очолив уряд НДХ.

Варто зазначити, що за винятком мети здобуття незалежності й заклик до католицького інтегралізму, усташський рух не мав чіткої політичної програми. Цю прогалину заповнив «поглавник» (керманіч) в якості диктатора і прем'єр-міністра НДХ шляхом створення «програми намірів»: дії держави повинні бути спрямовані на перетворення Хорватії в батьківщину чистого душею і тілом народу, позбавленого расових сумішей і очищеного від особистостей, далеких його католицькій релігії. Хорватська держава, якою А. Павеліч збирався керувати, налічувала близько шести з половиною мільйонів жителів; з них близько двох мільйонів ненависних православних сербів (тобто близько третини населення) і трохи менше дев'яноста тисяч євреїв²¹.

Справжнім «остаточним рішенням» для усташської диктатури було винищення сербів. Останні вважалися нацією, яка могла «забруднити» «чисту хорватську расу»; це були православні «розкольники», противники римської церкви. Вже 18 квітня поглавник видав перші постанови расистського змісту: вони передбачали призначення державних комісарів на приватні підприємства, що належать сербським або єврейським підприємцям, і конфіскацію всіх їх автотранспортних засобів. Того ж дня було поширено й інше розпорядження Центрального усташського управління (тимчасова назва майбутнього Міністерства внутрішніх справ), яке передбачало «арешт всіх сербів і всіх євреїв, відомих як комуністів, навіть на підставі одних лише підозр»²².

Постанова уряду, видана 25 квітня 1941 р., забороняла «використання кирилиці як у приватному, так і в суспільному житті». Через п'ять днів після цього указ «про захист арійської раси і честі хорватського народу» заснував «комісію з расової політики, уповноважену ухвалювати або змінювати рішення у всіх випадках сумнівної расової приналежності». Цим указом передбачалася суспільне розпізнання расово-релігійної приналежності, примусивши сербських громадян носити нарукавну пов'язку синього кольору з літерою «П» (початкова літера слова «православний»), а євреїв носити на рукаві (згодом на спині) зірку Давида²³.

Після того як всі політичні партії були проголошені незаконними, їх керівники були заарештовані і відправлені в концентраційні табори, що тоді створювалися. Скасовувалась свобода друку: єдиними дозволеними «інформаційними» виданнями були усташські і католицькі газети²⁴. Католицька релігія була оголошена «офіційною державною релігією».

У НДХ мали право голосу лише два органи: усташський уряд і католицька церква. Саме з цього періоду усташське керівництво все більше схиляється до клерикалізму як єдино істинного шляху в розвитку національної держави.

Расова програма поглавника була викладена і підтверджена на всіх рівнях, починаючи з вищих кіл усташської влади, при повному мовчанні хорватської католицької церкви. Майбутній міністр закордонних справ Младен Лорковіч, наприклад, 27 липня 1941 р. в місті Донї Міхольяц заявив наступне: «Усташський рух рішуче прагне до вирішення сербської проблеми в Хорватії. Ті, хто знаходиться по інший бік Сави і Дріни, кричать, що ми нетерпимі, що застосуємо нелюдські методи щодо сербів. Ми відповідаємо всім, що зобов'язання хорватського уряду зробити так, щоб Хорватія належала тільки хорватам. Наш обов'язок змусити мовчати назавжди ті елементи, які найбільше сприяли потраплянню Хорватії під сербське панування в 1918 р. Одним словом, ми повинні знищити сербів у Хорватії! Це наш обов'язок, і ми це виконаємо. Ми дійдемо до кінця, не звертаючи уваги на те, що говорять по той бік Сави і Дріни про гуманність. Уряд хорватської держави під керівництвом нашого чудового поглавника взяв до своїх вмілих рук рішення цієї проблеми і вирішить її радикально»²⁵.

Усі підрозділи усташських силових структур мали в розпорядженні католицьких священників; деякі з них, хоча і носили сутану, особисто брали участь у масових вбивствах; інші обмежувалися тим, що виправдовували етнорелігійні масові страсти тим, що вони відбувалися «в ім'я Бога». Військових священників було небагато, і вони підпорядковувалися військовому папському вікарію, тобто А. Степінацу. Підтримка архієпископом А. Степінацем усташської диктатури втілилась також у спробах добитися дипломатичного визнання НДХ з боку Ватикану. Однак де юре цього не вдалося: Ватикан відмовлявся офіційно визнавати державу, з незавершеним військовим конфліктом. Хоча фактичне визнання відбулося – А. Павеліч був прийнятий папою Пієм XII.

Отже, католицька церква як в Хорватії, так і у Ватикані підтримала усташську диктатуру. Католицька газета сараєвського архієпископства від 31 серпня 1941 р. писала: «До сьогоднішнього дня Бог говорив з нами за допомогою папських енциклік, проповідей, книг Закону Божого, християнської друку, місій, героїчних прикладів святих. Але вони не слухали. Вони залишилися байдужими. Тепер Бог вирішив використовувати інші методи. Він надихне нас на дії, на виконання загальної місії! Нею будуть керувати не релігійні діячі, а справжні солдати Гітлера. Нарешті проповіді будуть слухатися за допомогою гармат, автоматів, танків і бомбардувальників»²⁶. Варто зауважити, що католицькі кола боснійських територій, що стали частиною НДХ, проявляли значно більше радикалізму у своїх висловлюваннях та діях, ніж їхні хорватські однодумці. Пов'язано це було із полірелігійністю місцевого населення, що породжувало постійну конкуренцію між різними конфесіями та бажання утвердити керівною власну релігію.

Хорватська влада активно підтримувала перехід сербів із православ'я до католицизму. А. Степінац вважав розкол християнства прокляттям Європи, в чому його підтримували не лише інші ієрархи католицької церкви, а й очільники НДХ. 30 липня 1941 р. був виданий навіть окремий закон про перехід з православ'я до католицизму. Спеціально державну комісію, яка з листопада 1941 р. займалася наверненням у католицитво, спочатку очолював особистий капелан А. Павеліча – францисканський священник Діонісій Юріч, а після його смерті в 1943 р. – інший францисканський священник Радослав Главаш. Втім, 17 листопада 1941 р. в Загребі відбулася конференція католицьких архієреїв Хорватії, яка у своїй резолюції з питання переходу сербів у католицитво (мусульмани вважалися хорватами по крові, переведеними у іслам) зазначила: «Щоб поширювати місію Церкви серед народів східного обряду, тільки Церква має право виділяти і направляти місіонерів». Для проведення цієї акції на конференції було обрано раду з трьох членів: архієпископа А. Степінаца, Всенського єпископа В. Бурича і апостольського адміністратора уніатської Кріжевачкої єпархії єпископа Я. Шітрака²⁷. Перехрещували здебільшого малограмотних селян, адже освічені серби вважалися власне носіями «сербської свідомості» і не могли перетворитися на справжніх хорватів.

Згідно з доповіддю архієпископа А. Степінаца римському папі, на 8 травня 1944 р. 240 тис. сербів перейшло в католицитво. Інші джерела, у тому числі Сербської православної церкви, говорять про приблизно 350 тис. перехрещених за весь період війни (після травня 1945 р. більшість з них повернулося в православ'я)²⁸.

Водночас в особистому спілкуванні з очільниками держави католицької ієрархії висловлювали невдоволення проведенням етнорелігійної чистки. А. Степінац у листі до А. Павеліча від 24 лютого 1943 р. засудив Ясеновацький табір «як чорну пляму на репутації незалежної хорватської держави ... і ганьбу всієї Хорватії». А. Степінац, за деякими відомостями, намагався припинити масові вбивства, розуміючи, що вони дискредитують процес «добровільного» переходу сербів у католицизм. Архієпископ неодноразово писав хорватським керівникам, висловлюючи протест проти поголовного знищення сербів. Так, у листі до А. Павеліча від 20 листопада 1941 р. Степінац вказував, що влада заважає Церкві проводити справу переходу сербів в католицизм, зазначаючи: «Видно, що багато сербів переходять у нашу віру, тому що їх змушують, вони перебувають в жаху і страху від жорстокого режиму. Так одна група сербів з міста Вировитиця говорила, що їм безпосередньо погрозували смертю і знищенням, якщо вони не відмовляться від православ'я». У червні 1943 р. архієпископ навіть публічно виступив проти беззаконних переслідувань православних жителів Хорватії²⁹. Особисто Степінац надавав допомогу окремим сербам і євреям, особливо їх дітям; деякі католицькі священики також допомагали православним врятуватися від вбивства.

При цьому Степінац неодноразово виправдовував усташський режим перед папою. Зокрема, у травні 1943 р. архієпископ зустрівся з папою і потім сказав новому хорватському посланнику у Ватикані Е. Лобковичу, що на прийомі «мовчав про деякі речі, з якими не зовсім згоден, для того, щоб показати Хорватію в найбільш вигідному світлі»³⁰.

Отже, співставлення фактів дає підстави зробити наступні висновки. Ідеологія та внутрішньополітична практика усташського руху зазнавали істотного впливу релігійного фундаменталізму. Вплив цей був спричинений як тією роллю, що відігравала католицька церква в збереженні хорватської національної ідентичності, так і політичними прагненнями очільників усташів за допомогою асоціювання себе із католицькою церквою досягти легітимізації політичного режиму, встановленого за допомогою іноземних сил. Без участі останніх усташі не мали шансів на перемогу, підтвердженням чого є невдалі спроби шляхом заслання агентів підняти народне повстання всередині 1930-х рр. В той же час сама католицька церква в особі її вищих ієрархів підтримала становлення НДХ як втілення хорватської національної ідеї. Ставлення церкви до етнорелігійної чистки, що проводилась в НДХ проти сербів та євреїв, було неоднозначним. Окремі діячі повністю підтримували такі дії та навіть особисто брали участь у масових стратах. Позиція вищих ієрархів, зокрема архієпископа А. Степінаца, була більш поміркованою. Вони відкрито не пов'язували себе із подібними акціями, але й не висловлювалися публічно проти них. Лише в особистому спілкуванні з очільниками держави та в щоденниках висловлювалось засудження злочинів проти людяності. На загал же, католицька церква повністю, на всіх рівнях підтримувала курс на етнорелігійну уніфікацію НДХ, часом висловлюючи невдоволення лише методами проведення усташської політики. Основною причиною такої її позиції був тісний зв'язок кліру з хорватським національним рухом, що простежується до самого краху режиму 8 травня 1945 р.

¹ *Omrčanin I.* Croatia 1941-1945. – Washington D.C., 1988. – 432 p.; *Jareb J.* Pola stoljeća hrvatske politike 1895-1945. – Buenos Aires, 1960. – 180 s.

² *Novak V.* Magnum crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj (pretisak). – Beograd: Nova knjiga, 1986. – 1118 s.

³ *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство. Од илirsке идеје до великохрватске реализације. 1453–1941. – Београд: Институт за савремену историју, 1997. – 336 s.; *Джуретич В.* Развал Югослави: основне пољетине 1918–2003 гг. – М.: Кобекс интернешнл, 2003. – 650 с.

⁴ *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. – Zagreb: Naklada Pavičić, 2002. – 332 s.; *Krišto J.* Sukob simbola: politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. – Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001. – 445 s.

⁵ Dokumenti obrane u sudskom procesu protiv nadbiskupa Alojzija Stepinca // Fontes: Izvori za hrvatsku povijest. – Zagreb, 1996. – № 2. – S. 45–463.

⁶ *Pivetti M.* Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. – М., 2011. – 224 с.

⁷ *Barton D.* Croatia 1941–1946. – URL: www.churchinhistory.org (дата звернення: 23.08.2015).

⁸ *Jelić-Butić F.* Prilog proučavanju djelatnosti ustaša do 1941 // Časopis za suvremenu povijest. – 1969. – Br. 1-2. – S. 59–60.

- ⁹ Ibid. – S. 60.
- ¹⁰ Hrvatski državni arhiv (далі – HDA) 0249 (GUS). – Glavni ustaški stan, kut. 1, Inv. br. 2592. GUS. Propisnik o zadaći, usroјstvu radu i smјernicama «Ustaša» – Hrvatskog oslobodilačkog pokreta (1941), str. 41.
- ¹¹ Ibid, str. 42.
- ¹² Ustav hrvatske revolucionarne organizacije – Ustasa. – URL: https://hr.wikisource.org/wiki/Ustav_hrvatske_revolucionarne_organizacije_Ustas (дата звернення: 23.08.2015).
- ¹³ Ривели М. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. – С. 58.
- ¹⁴ Jelić-Butić F. Prilog proučavanju djelatnosti ustaša do 1941 // Časopis za suvremenu povijest. – 1969. – Br. 1–2. – S. 62.
- ¹⁵ Matković H. Na vrelima hrvatske povijesti. Dokumenti. – Zagreb: Golden marketing, 2006. – S. 323–326.
- ¹⁶ HDA 0249 (GUS). – Glavni ustaški stan. Inv. br. 2592. GUS. Propisnik o zadaći, usroјstvu radu i smјernicama «Ustaša» – Hrvatskog oslobodilačkog pokreta – 43 lis.
- ¹⁷ Ibid. – L. 41.
- ¹⁸ HDA. Banovina Hrvatska.F.155. Kabinet bana. Kut.1, inv.br. 14686/40.
- ¹⁹ HDA. Banovina Hrvatska.F.155. Kabinet bana. Kut.1, inv.br. 14686/40.
- ²⁰ Ustaša. Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. – Zagreb: Zagrebačka stvarnost, 1995. – S. 119.
- ²¹ Ривели М. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. – С. 57.
- ²² Там же. – С. 61.
- ²³ Там же. – С. 62.
- ²⁴ Matković H. Na vrelima hrvatske povijesti. Dokumenti. – Zagreb: Golden marketing, 2006. – S. 376–382.
- ²⁵ Ривели М. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. – С. 76.
- ²⁶ Там же. – С. 27.
- ²⁷ Novak V. Magnum crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj (pretisak). – Beograd: Nova knjiga, 1986. – S. 621–622
- ²⁸ Шкаровский М. Русская церковная эмиграция и деятельность Хорватской Православной Церкви в 1942–1945 гг. – URL: <http://irpz.ru/science/743> (дата звернення: 23.08.2015).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – 1980-Е ГГ.): ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Е. В. Савчик

Савчик К. В. Архівні джерела з історії православних парафій на території Білорусі (друга половина 1940-х – 1980-і рр.): проблеми дослідження та обробки інформації. Автором здійснено аналітичний огляд даних офіційних документів, що зберігаються в державних архівах Республіки Білорусь, і запропонований варіант їх систематизації по блоках залежно від змісту. На основі проведеного аналізу також виявлено чинники, що негативно впливають на роботу дослідника з архівними джерелами з даної проблематики.

Ключові слова: архів; фонди; документи; православна церква; парафія.

Савчик Е. В. Архивные источники по истории православных приходов на территории Беларуси (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.): проблемы исследования и обработки информации. Автором осуществлен аналитический обзор данных официальных документов, хранящихся в государственных архивах Республики Беларусь, и предложен вариант их систематизации по блокам в зависимости от содержания. На основе проведенного анализа также выявлены факторы, негативно влияющие на работу исследователя с архивными источниками по данной проблематике.

Ключевые слова: архив; фонды; документы; православная церковь; приход.

Sauchyk K. V. The archival sources on the history of the Orthodox parishes in Belarus (the second half of 1940s-1980s): problems of research and information processing. Author accomplished out an analytical review of the data of official documents kept in the state archives of the Republic of Belarus, and offered a method of their systematization according to the content. Based on the analysis, negative factors affecting the work of researchers with archival sources on the subject are also identified.

Keywords: archive; collections; documents; Orthodox Church; parish.

Выявление особенностей организации, государственной регистрации и деятельности православных приходов в послевоенной Беларуси в рамках поиска новых подходов к изучению конфессиональной политики в СССР было начато белорусскими исследователями еще в 90-е годы XX века, когда преодоление ангажированности советской историографии стало определяющим направлением общего развития исторической науки на всем постсоветском пространстве. В результате актуализации данной проблематики появился ряд научных трудов, в которых были заложены основы современного восприятия государственно-конфессиональных отношений в БССР как части репрессивной политики советского тоталитарного государства¹.

В начале XXI века учеными был продолжен поиск нового видения проблем церковно-приходской жизни в атеистическом обществе и белорусскую историографию обогатили работы, которые стали свидетельством повышения научного интереса к истории родного края, истории Русской православной церкви (далее – РПЦ) в БССР².

Учитывая то, что объективность такого рода исследований возможна только при условии наличия качественной фактографической и достаточно широкой по количеству источниковой базы для изучения отдельных сторон жизни конкретного региона, неотъемлемой частью исследовательского процесса в 1990-е годы и в настоящее время было и остается накопление нового фактического материала через обращение к рассекреченным архивным документам СССР. Также следует отметить, что исследователи обосновывают новые теоретические позиции не только на основе аккумуляции данных впервые выявленных источников, но и предпринимают попытки переосмысления уже введенных в научный оборот документов.

Среди архивных материалов, наиболее широко исследуемых на современном этапе как светскими, так и церковными историками, являются документы Совета па делам РПЦ при СНК СССР (с 1946 г. – при Совете Министров СССР) (далее – Совет по делам РПЦ). Непосредственно деятельности Совета, особенностям формирования его аппара-

та и взаимодействия с церковными структурами посвящен ряд работ российских авторов³. Белорусские исследователи, благодаря созданию в 1943–1944 гг. института уполномоченных Совета по делам РПЦ при всех республиканских органах исполнительной власти и облисполкомах, в том числе и при СМ БССР и при двенадцати белорусских облисполкомах, имеют возможность работать в местных архивах с достаточно обширным пластом официальных документов при разработке регионального аспекта церковной истории⁴.

Фонды местных уполномоченных Совета по делам РПЦ (с 1965 г. – уполномоченных по делам религий) сегодня сформированы во всех областных государственных архивах республики, а также отдельные материалы представлены в зональных архивах городов, которые являлись областными центрами БССР во второй половине 1940-х–1950-е гг. – в Государственном архиве Брестской области (фонды 210 и 1482), Государственном архиве Витебской области (фонды 1439 и 4131), Государственном архиве Гомельской области (фонды 1354 и 3441), Государственном архиве Гродненской области (фонды 475 и 478), Государственном архиве Могилевской области (фонды 765 и 2340), Государственном архиве Минской области (фонды 812 и 3196), Зональном государственном архиве в г. Бобруйске (фонд 1094), Зональном государственном архиве в г. Барановичи (фонд 477), Зональном государственном архиве в г. Мозыре (фонд 596), Зональном государственном архиве в г. Молодечно (фонд 896), Зональном государственном архиве в г. Пинске (фонд 679) и Зональном государственном архиве в г. Полоцке (фонд 1221)⁵.

Автором была проведена работа по ознакомлению с документами фондов уполномоченных во всех областных архивах и в зональном архиве в г. Мозыре. Выводы по итогам проведенной работы сформулированы в нижеприведенных положениях.

Прежде всего представляется необходимым акцентировать внимание на том, что документы указанных фондов можно условно разделить на несколько блоков.

Первый – переписка уполномоченных с Советом, партийными органами и органами советской власти. Данный блок включает обращения уполномоченных по текущим делам, уточнения отдельных организационных вопросов, разъяснения руководящих органов, сообщения о случаях нарушений в работе некоторых уполномоченных и мерах по недопущению их повторения. В переписку попадали только отдельные исключительные события, которые требовали от уполномоченных быстрого реагирования, поэтому для глубокого изучения разных сторон церковно-приходской жизни этот блок малоинформативен. Его главное исследовательское назначение – предоставить сведения об эффективности исполнения тем или иным уполномоченным своих контролирующих функций, и, соответственно, – о полноте и качестве представленного в других документах (в частности, в отчетах уполномоченных) материала. Например, архивные документы за 1945–1948 годы однозначно свидетельствуют о том, что проведение государственной регистрации православных общин в БССР существенно тормозилось имеющими место организационными сложностями в работе уполномоченных. Так, уполномоченные Совета по делам РПЦ при облисполкомах по своему служебному статусу приравнивались к заведующим отделами, однако их штат, несмотря на значительный объем работы, состоял только из одного человека – самого уполномоченного. Облисполком должен был обеспечить его отдельным помещением и транспортом, выделять необходимые канцелярские принадлежности, но это не всегда могло быть выполнено в условиях тяжелого послевоенного времени и создавало определенные трудности при исполнении ими своих служебных обязанностей⁶. Кроме того, в связи с недостатком ответственных работников, облисполком часто направлял уполномоченных в многодневные командировки, связанные, например, с проведением выборов или лесозаготовками⁷. При этом те небольшие суммы денег, которые выделялись Советом по делам РПЦ для уполномоченных на командировки, перечислялись на счета облисполкомов и использовались не самими уполномоченными, а облисполкомами⁸. В результате уполномоченный на протяжении квартала мог реально посетить не более двух – трех районов по своим непосредственным делам, получая основную информацию для отчетов от председателей райисполкомов и от благочинных, что, безусловно, не могло способствовать качественному выявлению ими незарегистрированных общин⁹. В целом необходимо отметить, что регистрация проводилась неподготовленными для этой сложной работы людьми и при отсутствии существенной помощи как со стороны Совета по делам РПЦ, так и со стороны местных властей. Указан-

ные факторы делают целью проведения анализа выделенного нами блока архивных документов не накопление сведений описательного характера, а повышение научного уровня уже сделанных исследователем выводов.

Более содержательным по региональному конкретно-историческому контексту является второй блок архивных документов по истории приходской жизни в БССР, который составляют справки, информационные и статистические отчеты уполномоченных. Названные документы содержат сведения о принятии на учет православных общин и снятии их с регистрации; данные о количестве священников в каждой церкви и об их общем количестве отдельно по городам и сельским населенным пунктам; о персональном составе белорусского духовенства; о направлениях деятельности церковных активистов и священников; о количестве культовых зданий и их состоянии; информацию об уровне религиозности населения и активности его участия в проведении религиозных праздников; о случаях хулиганских действий по отношению к верующим и др. Именно в отчетах получил отражение такой вектор работы уполномоченных как контроль за деятельностью представителей клира и прихожан, сбор оперативной информации на местах, выявление фактов проявления излишней (по мнению советского руководства) религиозной активности со стороны священников, членов церковных советов и простых верующих. Так, в отчете уполномоченного по Гомельской области за 1953 год отмечается, что несмотря на то, что большинство верующих составляют женщины среднего и пожилого возраста, на церковные праздники приходят даже молодые женщины с детьми¹⁰. Также приводятся примеры «компрометирующего» поведения отдельных прихожанок. Например, мать председателя Шарпиловского сельского совета Царенкова оказывала влияние на сына, чтобы он не мешал верующим строить новый молитвенный дом и проводить богослужения монаху Щемелеву¹¹; прихожанка церкви в д. Ямполь Речицкого района Чередник Ульяна взяла на себя обязанности делегата и несколько раз обращалась к уполномоченному с требованием открыть церковь верующим¹² и др. В то же время нельзя не отметить, что следствием целенаправленного характера сбора материалов, содержащихся в данном блоке архивных источников, стала заданная узость их содержательной части, что снижает ее исследовательскую ценность с точки зрения создания комплексной реконструкции церковно-приходской жизни того времени.

Наиболее интересную информацию краеведческого характера содержит третий блок архивных документов, который составляют регистрационные дела религиозных общин. В них по каждой православной общине собраны сведения о составе органов приходского самоуправления в разные периоды ее существования, биографии священников, описи церковного имущества и подробные сведения о техническом состоянии культовых зданий (зачастую с приложением планов и фотографий). Эти источники содержат очень широкий пласт фактического материала: сведения о распределении обязанностей внутри общины; фамилии, имена, отчества всех председателей и членов церковных советов и членов ревизионных комиссий; данные о годе рождения, уровне образования, судимости, месте жительства и роде занятий каждого члена приходского актива. Анализ информации такого рода позволяет расширить поле исследовательской проблематики через определение состава актива православных общин, анализ его половозрастной и социальной структуры.

Таким образом, круг представленных в фондах местных уполномоченных Совета официальных документов значителен как по содержанию (отражены фактически все формы взаимодействия верующих и властных структур, приведены необходимые статистические данные и персональные сведения о священниках и церковных активистах), так и по объему (например, только один фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гродненской области (1944–1966) включает 750 архивных дел)¹³.

Квартальные, полугодовые и годовые отчеты уполномоченных, которые составлялись в четырех экземплярах и представлялись в Совет по делам РПЦ в Москве, уполномоченному по БССР и в местный облисполком, продублированы в фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) и в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Постановления областных, городских и районных комитетов Коммунистической партии Беларуси (КПБ) по вопросам проведения антирелигиозной пропаганды, а также информационные доклады и переписка уполномоченных хранятся также в фондах бывших партийных архивов:

- 1) Государственный архив общественных объединений Гомельской области – фонд 144;
- 2) Государственный архив общественных объединений Гродненской области – фонды 1, 2, 3, 9, 10, 14, 15, 16, 2193, 2460, 4832, 5915 и 6176;
- 3) Государственный архив общественных объединений Могилевской области – фонды 2, 5, 9, 15, 27, 29, 30, 40, 45, 51, 1072, 2953, 2955, 4317 и 6620¹⁴.

Кроме фондов местных уполномоченных Совета, документы локального характера, которые содержат отдельные сведения о количестве культовых зданий РПЦ, деятельности священников и религиозных настроениях населения, о закрытии церквей и состоянии антирелигиозной пропаганды, в большей или меньшей степени представлены также и во всех фондах органов государственной власти как областных, так и зональных архивов¹⁵.

Политические настроения репрессированных верующих и духовенства, их взаимоотношения и основные направления взаимодействия вне стен храма нашли отражение на страницах уголовных дел, которые хранятся в фондах архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь¹⁶.

Все вышеприведенное составляет обоснование выделения архивных источников в качестве фундамента источниковой базы исследований по обозначенной нами проблематике. Вместе с тем, на качество ее формирования значительное влияние оказывают следующие факторы.

Первый фактор – прагматический. Доступность сконцентрированных в государственных архивах документов объективно определяет и оптимальные инструментальные возможности исследователя. При этом отмеченный ранее огромный объем исследуемых материалов, а также их однотипность вынуждают исследователя идти по пути построения обобщающих конструкций на основе отдельно взятых фактов или используя в качестве основы обобщения, сделанные уполномоченными Совета. Безусловно, такой путь целесообразен не только исходя из принципа удобства – обычно он задается самой постановкой цели, которая и диктует выбор средств для ее достижения. В результате только так исследователь получает возможность перевести проблему в ситуацию реализации решений, но полученные таким образом результаты нельзя в полной мере назвать наукоемкими.

Второй фактор – идеологический. Не вызывает споров то, что все официальные документы составлялись государственными служащими на основе целенаправленного, идеологически выверенного отбора материалов в соответствии с требованиями инструкций и других нормативных документов. Именно по этой причине нельзя не признать, что оценочным суждениям, которые присутствуют в названных документах, не хватает объективности. При этом субъективная окраска выводов, которые делает исследователь, позволяет посмотреть на историческую ситуацию с другой стороны, но не снимает субъект-объектную проблему при формулировке выводов проведенного исследования.

Третий фактор – контентусный. Сведения, которые содержат документы уполномоченных, не являются полными и точными ввиду того, что, как следует из объяснений уполномоченными причин своего недостаточно внимательного отношения к выполнению возложенных на них обязанностей, необходимые данные собирались ими обычно в спешке (особенно в первые послевоенные годы), без организационной поддержки, а часто и встречая противодействие представителей руководства обкомов и облисполкомов, которые считали работу уполномоченных несерьезной и ненужной¹⁷. Из-за этого возникают и проблемы в обработке приведенных в отчетах уполномоченных статистических данных, которые вызваны не только их тенденциозностью и неточностью, но и сегментарностью: уполномоченные собирали не общую информацию о деятельности приходов, а только те сведения, которые требовал предоставить Совет по делам РПЦ. Так, в 1947–1949 гг. все сведения оформляли по доведенным сверху формам № 1–5: «Сведения о количестве религиозных точек», «Сведения о составе православного духовенства», «Сведения о количестве недействующих церковных зданий», «Сведения о православных молитвенных домах, которые находятся в общественных и арендуемых у частных лиц зданиях» и «Сведения о приеме посетителей и поступлении разных заявлений и жалоб на имя уполномоченного»¹⁸. Такая клишированность подачи материала была призвана упростить его обработку, но на самом деле, наоборот, его усложнила, так как цифры в тексте отчетов и в приложениях, представленных в виде таблиц по названным выше формам, обычно существенно

различаются. Запутанность в отчетах местных уполномоченных по количеству культовых зданий и наличие пробелов в данных о священниках и церковных активистах отмечал в свое время и уполномоченный по делам РПЦ по БССР¹⁹. Между тем для определения особенностей деятельности церковно-приходских общин на территории БССР именно собранный уполномоченными фактический материал (сведения о священниках, количестве верующих, состоянии молитвенных зданий и т.д.) представляется наиболее ценным.

Перечень негативных факторов можно было бы продолжить, однако и уже названные свидетельствуют, что при изучении истории православных приходов в БССР использование документов, хранящихся в государственных архивных учреждениях Республики Беларусь, в качестве практически единственного основания источниковой базы не является приемлемым. К сожалению, отсутствие понимания названных исследовательских проблем или их сознательное игнорирование рядом белорусских ученых создали в отечественной историографии ситуацию, когда, несмотря на введение за последние двадцать лет в поле научной аналитики значительного числа архивных источников, сам процесс фактологического накопления в данной научной сфере остался на стадии фрагментарного «выдергивания» из документов фондов уполномоченных Совета по делам РПЦ той или иной информации. Кроме того, специфика представленных в белорусских архивах документов обусловила и акцентирование внимания исследователей главным образом на изучении проблем государственно-церковных взаимоотношений в БССР, а не региональных особенностей налаживания приходской жизни²⁰. Как результат – отсутствие фундаментальных монографических работ по истории отдельных приходов, благочиний, епархий, а также по конфессиональной истории территориальных образований и историко-этнографических регионов в пределах БССР. Для воссоздания объективной картины и выявления особенностей жизни православных верующих на территории Белорусского Восточного и Западного Полесья, Поозерья, Понеманья, Поднепровья, Центрального региона требуются более значительные по объему, чем архивные материалы, данные устных источников, опубликованные воспоминания, документы церковных учреждений, и т.п. Сбор и обработка вышеперечисленных источников осложнены как объективными (уничтожение в 1960-е годы приходских документов одновременно с закрытием церкви, временное ограничение возможности сбора информации от самих участников событий, почти полное отсутствие в белорусской литературе биографических очерков церковных деятелей этого периода, произведений мемуарного характера, затруднительность получения широкого доступа к материалам частных архивов и архивов церковных учреждений и др.), так и субъективными (изменение отношения к религии большинством респондентов, высокая степень восприятия ими данной темы как закрытой для обсуждения и др.) факторами. Однако без данных этих источников репрезентативность выборок из документов государственных архивов будет находиться на низком уровне, что не позволит дать объективную картину реальности в исследуемый период.

¹ К наиболее значимым работам, опубликованным белорусскими авторами в этот период, можно отнести: Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.; *Верашчагіна А.У.* Гісторыя канфесій у Беларусі: Мінулае і сучаснасць: дапам. для настаўнікаў / А.У. Верашчагіна, А.В. Гурко. – Мінск: Тэхналогія, 2000. – 157 с. и др.

² Напр.: *Янушевич И.И.* Православная церковь в БССР (1924–1953 гг.) / И.И. Янушевич, А.Л. Ленкевич // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць: зб. матэр. міжнар. навук.-практ. канф-цыі (Брэст, 7–8.10.2004 г.). // Брэст: Выд-ва БрДУ, 2005. – С. 278–281; *Асееў А.Р.* Рэлігійнае пытанне на пасляваенных з’ездах камуністычнай партыі Беларусі // Религия и общество – 2: актуальные проблемы современного религиоведения: сб науч. трудов / Под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – С. 159–162; *Ефимович Е.В.* История православия в Беларуси в XX в. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы II Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 25.04.2008 г. / Бел. гос. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай (отв. ред.), А.П. Житко, Г.А. Космач [и др.]. – Минск: БГПУ, 2008. – С. 289–291; *Кривонос Феодор (священник).* Белорусская Православная церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: ВРАТА, 2008. – 255 с.; *Пальчевский А.И.* Первое возрождение Минской духовной семинарии в послевоенные годы (1945–1963 гг.) // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск–Жировичи, 7.06.2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. духовн. академ. им. Святителя Кирилла Туровского; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.].

– Минск: Беларус. навука, 2008. – С. 146–150; *Гаранскі А.* Рэформа прыходскага кіравання 1961 г. і яе наступствы ў Беларусі / А. Гаранскі, С. Мандрык // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 11. – С. 8–16; і др.

³ См.: *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 52–65; *Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. (Дискуссионные аспекты). – М., 2003. – С. 69–99; *Ее же.* Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР и отношения Московской патриархии с Православными церквями Восточной Европы. 1948–1953 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. – М.; СПб., 2008. – С. 295–311; *Ее же.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 2011.

⁴ См.: *Елисеев А.Б.* Актуальные вопросы современной историографии истории православной церкви в БССР (1940-е – начало 1950-х гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Мінск, 2008. – Вып. 3. – С. 112–117; *Адамушко В.И.* Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь по истории православной церкви // Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 6–7 июня 2013 г.). – Минск, 2013. – С. 30–34; *Кулажанка У.Г.* Асаблівасці арганізацыі жыцця прываслаўнай царквы ў Беларусі 1944–1948 гг. Па матэрыялах фондаў упаўнаважаных Савета па справах Рускай прываслаўнай царквы пры СНК СССР: да пастаноўкі пытання // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 62–68; і др.

⁵ Документы по истории православной церкви в Беларуси XVIII–XX вв. в фондах государственных архивов Республики Беларусь: межархив. справочник / Авт.-сост. О.А. Добычина [и др.]. – Минск, 2003. – С. 105–113.

⁶ Зональный государственный архив в г. Мозырь (далее – ЗГАМ), ф. 596, оп. 1, д. 3, л. 18; ЗГАМ, ф. 596, оп. 1, д. 4, лл. 31, 42.

⁷ ЗГАМ, ф. 596, оп. 1, д. 3, л. 18.

⁸ ЗГАМ, ф. 596, оп. 1, д. 4, л. 42.

⁹ Там же, лл. 2, 16, 27, 31, 41.

¹⁰ Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее – ГАООГО), ф. 144, оп. 60, д. 77, л. 19.

¹¹ Там же, лл. 4–5.

¹² Там же, лл. 34, 42.

¹³ Документы по истории православной церкви в Беларуси... – С. 107.

¹⁴ Там же. – С. 154–164.

¹⁵ Там же. – С. 122–145.

¹⁶ Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь по Гомельской области, архивные дела № 13093-с, № 17155-с, № 18892-с, № 20622-с.

¹⁷ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 951, оп. 1, д. 13, лл. 10–16.

¹⁸ ГАООГО, ф. 144, оп. 60, д. 8, лл. 8–12, 17–21.

¹⁹ НАРБ, ф. 951, оп. 1, д. 13, лл. 12–13.

²⁰ См.: *Мандрык С.В.* Особенности государственной политики по отношению к Русской православной церкви в БССР (1953–1964 гг.) // Вести ин-та совр. знаний. – 2008. – № 1. – С. 17–20; *Горанский А.О.* Осуществление законодательства о культурах в БССР (1965 – середина 1980-х гг.) // Вести ин-та совр. знаний. – 2008. – № 1. – С. 13–16; *Бубнов П.В.* Административные и экономические формы борьбы с церковью в советское время // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск – Жировичи, 7 июня 2007 г.). – Минск, 2008. – С. 60–63; *Корней П.І.* Антырэлігійная барацьба ў Брэсцкай вобласці (1953–1959 гг.) // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф. (Брэст, 7–8 кастр. 2004 г.). – Брэст, 2005. – С. 34–38; і др.

ОСМАНСЬКИЙ ЧИННИК В ІСТОРІЇ СХІДНОЇ ТА ПІВДЕННО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ НОВОГО ЧАСУ

УДК: 930 (=161.1) (091) (398+477.7) «14/18» – 158.55

ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XV–XIX ВЕКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А. С. Бойко-Гагарин

Бойко-Гагарин А. С. Фальшиві монети Османської імперії XV–XIX століть у Північному Причорномор'ї. У статті розглянуті кустарні підробки та імітації монет, прототипами для виготовлення яких слугували монети Османської імперії в Північному Причорномор'ї. Наведена класифікація фальшивих монет, визначені основні прототипи підробки, а також тенденції, що спостерігаються у переході від підробки дрібних монет до крупних. Перехід від підробки дрібних монет до крупних проаналізований, виходячи із економіко-політичних обставин, а також враховуючи перехід до машинного карбування. На основі сучасних методів дослідження (РФА аналіз) визначені технології виробництва фальшивих монет минулого, що використовувалися фальсифікаторами.

Ключові слова: Північне Причорномор'я; фальшива монета; підробка; імітація; кустарна підробка; технології виробництва; РФА аналіз.

Бойко-Гагарин А. С. Фальшивые монеты Османской империи XV–XIX веков в Северном Причерноморье. В статье рассмотрены кустарные подделки и имитации монет, прототипами для изготовления которых послужили монеты Османской империи в Северном Причерноморье. Подана классификация фальшивых монет, определены основные прототипы подделок, а также тенденции, наблюдаемые в переходе от подделки мелких монет к крупным. Переход от подделки мелких монет к крупным проанализирован, исходя из изменения экономико-политической ситуации, а также в связи с переходом на машинную чеканку монет. На основе современных точных методов исследования (РФА анализ) установлены используемые при подделке технологии производства фальсификатов.

Ключевые слова: Северное Причерноморье; фальшивая монета; подделка; имитация; кустарная подделка; технология производства; РФА анализ.

Boiko-Gagarin A. S. The forgeries of the coins of Ottoman Empire of the 15th–20th centuries in the North Black Sea coast. The article puts a light on the imitations and the private counterfeits of the coins of Ottoman Empire in the North Black Sea coast. The classification of the counterfeits is given, also the prototypes of the counterfeit and the tendencies of the forgery produce are investigated. The transition from the falsification of the small coins to the bigger denominations is analyzed according to the economical and political conditions and also according to providing the automatic minting machinery. Basing on the modern research methods, such as XRF-analysis, the methods of the production of the counterfeits are defined.

Keywords: North Black Sea coast; forgery coin; counterfeit; imitation; private forgery; technology of production; XRF-analysis.

Период османского влияния в истории Центральной и Восточной Европы слабо освещен в отечественной историографии в отношении не только нумизматики, но и других отраслей исторической науки. С усилением военно-политического воздействия и влияния османов в Северном Причерноморье на денежном рынке территорий, попавших в зависимость от Порты, усиливаются позиции турецкой монеты. С конца XV века османские *акче*, а позже – *султани*, *пара*, *куруши* и пр., сформировали основу денежного обращения Северного Причерноморья, сохранив свое преимущество на протяжении нескольких столетий. Окончательно турецкая монета утвердилась после взятия турками крепостей Белгорода и Килии в 1484 году.

Впоследствии османские монеты становятся господствующим элементом денежной массы в Северном Причерноморье. Особенностью их обращения в регионе является и то, что вкладах и единичных находках преобладают серебряные монеты, а все медные экземпляры происходят в основном из находок в районе Старого Орхья и Белгорода (Аккермана)¹. Влияние Османской империи на государства Северного Причерноморья стало ослабевать к концу XVII века после поражения армии Мехмеда IV (1648–1684 гг.) в битве под Веной в 1683 году. Спустя столетие, вследствие неоднократных русско-турецких войн, османское влияние в регионе исчезло.

Объектом нашего исследования являются главным образом кустарные подделки и имитации османских монет*, внимание ученых к которым в последнее десятилетие существенно усилилось.

Мы поставили перед собой следующие задачи:

- рассмотреть находки фальшивых османских монет в Северно-Причерноморском регионе;
- определить основные прототипы монет, использовавшиеся в качестве образца для изготовления подделок;
- выявить тенденции в изготовлении фальшивых монет, продемонстрировав переход от ориентации на подделку мелких монет к крупным;
- определить изменения тенденций в изготовлении фальшивых монет с усовершенствованием технологии монетной чеканки, переходом монетных дворов Османской империи на машинную технологию чеканки;
- на основе применения современных физико-математических методов исследования (РФА анализа) установить технологии, использовавшиеся при производстве фальшивых османских монет.

Являясь распространенной и популярной монетой на денежном рынке, серебряные османские *акче* незамедлительно стали прототипами для изготовления подделок. Этому способствовала также недостаточно жесткая политика местных властей (возможно, власти на разных уровнях сами были заинтересованы в доходах от фальшивомонетничества). Упрощало работу фальшивомонетчиков и незнание местными жителями арабского письма. Местные фальшивомонетчики сами его не знали, поэтому многие надписи являются лишь грубыми нечитаемыми подражаниями.

Помимо кустарных подделок *акче* низкого качества, известны и подражания им, изготовленные из серебра. Существует большое количество признаков того, что в конце XVI века такие подделки изготавливались на территории Молдовы, предположительно в Сучаве. Подделка османских монет продолжается в Молдавии до конца XVI века².

Проблема обращения в Молдавском регионе фальшивых османских монет в XV–XVI вв. описана в диссертационном исследовании Анны Болдуриану³, связывающей обращение фальшивых османских монет с периодами упадка денежной системы Молдавского княжества. Согласно приведенной в исследовании классификации, фальшивые османские монеты разделены на три группы:

- фальшивки по образцу *акче* Селима I (1512–1520 гг.) и Сулеймана I (раннего периода 1520–1541 гг.);
- фальшивки по образцу *акче* Сулеймана I (позднего периода 1541–1566 гг.) и Селима II (1566–1574 гг.);
- фальшивки по образцу *акче* и *дирхемов* Мурада III (1574–1595 гг.).

Вышеприведенная классификация качественно отображает основные прототипы фальшивых монет, определяя также периоды особенно широких «всплесков» в распространении фальшивок на денежном рынке. Классификацию, однако, можно также рассматривать, исходя из объективных признаков, которые приводит польский ученый Ежи Пинински⁴:

- ухудшение монеты аппаратом власти;
- попадание на внутренний рынок менее качественных «импортных» монет, объявленных фальшивыми;
- монеты частных эмитентов, не владеющих правом монетной регалии, но изготавливающих монету приближенного к установленному в государстве монетному стандарту (стопе)**;

* Выражаем искреннюю благодарность Павлу Станиславовичу Дзюбенко (г. Киев) за оказание помощи с анализом состава сплава металла фальшивых монет, а также Слободану Сречковичу (г. Белград), Виталию Романкевичу (г. Киев), Равилю Исламову (г. Измаил) и Андрею Кривенко (г. Тирасполь) за предоставление материалов из собраний, а также всестороннюю помощь в подготовке публикации.

** К определению этой группы отечественными учеными применяются такие термины, как «подражание» или «имитация».

- фальшивые монеты, отчеканенные мастерами монетного двора в несанкционированном порядке;
- кустарная подделка на «частных» монетных мастерских;
- умышленный сбыт фальшивой монеты.

Белорусским нумизматом Д. Гулецким выделено еще одну, не упоминаемую Е. Пинински, группу фальшивомонетничества, определенную обрезанием монет по кружку с целью извлечения прибыли в виде кусочков драгоценного металла⁵.

В этой статье мы рассматриваем такие типы фальшивых монет, как **частные кустарные подделки и имитации**, определенные пятой и третьей группами, согласно классификации Е. Пинински. Также отметим, что в нашем убеждении, сбыт фальшивок и обрезание монет по кружку нельзя отнести к фальшивомонетничеству как таковому. Эти процессы, по объективным признакам, скорее являются производными финансовыми преступлениями. Очень часто в нумизматической литературе под фальшивомонетничеством подразумевают ухудшение качества монет аппаратом власти. Однако, на наш взгляд, ухудшение качества монет со стороны государства нельзя прямо относить к фальшивомонетничеству, так как чеканка того или иного качества определена правом монетной регалии эмитента и варьируется в зависимости от экономической и социально-политической ситуации в государстве в конкретный период.

Имитации можно классифицировать на частные и государственные, а также краткосрочные и долгосрочные. Под государственными имитациями принято понимать копирование стилистики и иконографии одним эмитентом монет другого эмитента, где оба обладают законным правом монетной регалии. Это выгодно в тех условиях, когда монета иного (зачастую соседнего) государства пользуется большей популярностью у населения и является узнаваемой на денежном рынке. При этом чеканка стилистически похожей собственной монеты обеспечивает ей более легкое передвижение в денежном обращении, а также привлекает к ней доверие со стороны населения. Этот аспект монетного дела ученые относят к фальшивомонетничеству, однако признать подобные эмиссии однозначно фальшивыми монетами нельзя, так как их эмитенты также обладают правом монетной регалии и фактически не подделывают монету, а копируют стиль, в то же время гарантируя платежную способность своих монет в государстве.

Отличие между кустарными подделками и имитациями можно определить также следующими факторами:

➤ *Технология изготовления*

При изготовлении имитаций чаще использовали драгоценный металл, воспроизводя технологические процессы, принятые на государственных монетных дворах, в то время как основная масса кустарных подделок имела лишь слой покрытия из драгоценного металла.

➤ *Цели изготовления и выгода*

Важный момент отличия между имитациями и кустарными подделками состоит в том, что при производстве имитаций даже в соответствии с монетами государственного образца и стандарта, фальшивомонетчики получали прибыль от незаконной эксплуатации права монетной регалии султана, выраженной в разнице между номинальной и фактической стоимостью монеты. Дополнительный доход извлекался путем занижения пробы металла, использовавшегося для производства имитаций, так как преобладающая их масса исполнена из металла более низкой пробы, чем монеты государственного чекана. Целью изготовления кустарной подделки было извлечение максимальной прибыли путем производства фальсификата, не несущего фактической стоимости, где выгода от производства выражалась в получении фальсификатором полной номинальной стоимости фальшивки, максимально минимизируя затраты на ее изготовление.

➤ *Качество изготовления*

Кустарные подделки чаще отличаются более низким художественным уровнем исполнения и несоответствиями в передаче отдельных элементов рисунка поля монеты, тогда как преобладающая масса имитаций максимально приближена к монетам государственных монетных дворов.

➤ *Принадлежность к изготовлению*

К изготовителям имитаций монет высокого качества в нумизматической литературе принято относить высокопоставленных лиц, имеющих широкие возможности и власть:

магнатов, крупных феодалов, мелких князей и государственных деятелей. Путем чеканки имитаций монет можно было превратить имеющиеся драгоценные металлы (в виде утвари и украшений) в деньги, получив при этом доход, так как разница между номинальной стоимостью монеты и фактически заложенного в нее металла весьма существенна. Считается, что высокопоставленные лица могли заниматься имитацией монет путем налаживания в пределах своих владений тайных мастерских по производству монет, привлекая к этому имеющих опыт производства денег мастеров. В ряды же частных кустарных фальсификаторов предположительно ставали лица из низших социальных сословий, имеющие навыки обработки металлов: кузнецы, котельщики, оружейники и ювелиры.

Изначально считалось, что самыми ранними турецкими монетами, появившимися в денежном обращении Северного Причерноморья, являются *акче* султана Мурада II (1421–1444 гг.), чеканенные в период между 1430 и 1444 годом и найденные в Молдавии⁶. Но на сегодняшний день ориенталистам известны находки монет Мурада I (1362–1389 гг.) в районе г. Белгород-Днестровский (Одесская обл., Украина). Однако, их присутствие в денежном обращении следует рассматривать не ранее 80–90-х гг. XV века.

Фальшивые монеты, прототипами для изготовления которых послужили *акче* султана Мурада II (1421–1444 гг.), чеканенные в 834 году лунной Хиджры (1431 год) на монетном дворе Серез, найдены в составе одного кошелька в Старом Орхее (молд. Orheiul Vechi, Оргеевский район, Молдова). Монетные подделки исполнены методом покрытия серебром медной заготовки, характеризуются искаженными легендами, предположительно изготовлены рукой одного мастера⁷. Интересной особенностью этого типа подделок является наличие на большинстве из них символа, подобного ω (рис. 1).

Акче султана Мехмеда II (1451–1481 гг.) в относительно небольшом количестве известны вкладах XVI века, в то время как *акче* Баязида II Суфи (1481–1512 гг.) встречаются в больших монетных накоплениях по всему Северному Причерноморью. Большинство монет Баязида II (1481–1512 гг.) в тезаврациях отчеканены на монетных дворах Балканского полуострова (в городах Новар, Кратова, Юскуп, Сидрекапси). Султан Мехмед II после осады в 1453 году взял г. Константинополь. Вскоре турки заняли весь Балканский полуостров, территории в Малой Азии, а в 1475 году и Крым. Молдавский господарь Стефан III Великий (1457–1504 гг.) в 1476 году сумел нанести поражение огромной армии Мехмеда II на р. Васлуй, однако остановить османскую экспансию не удалось. Османские султаны Селим I (1512–1520 гг.) и Сулейман I Кануни (1520–1566 гг.) значительно расширили территорию Империи.

Стоит отметить тот факт, что несмотря на то, что среди множества типов монет, отчеканенных от имени Мехмеда II Фатиха (1451–1481 гг.), на данный момент нам не известно ни одной находки фальсификата, подражающего его монетам на территории Северного Причерноморья. Впрочем, мы не исключаем находок подделок под монеты, чеканенных от имени этого султана в дальнейшем.

Наиболее встречаемыми среди всех фальшивых *акче* на территории Северного Причерноморья являются монеты, сделанные по образцу *акче* Баязида II. Подделки *акче* этого периода, чеканенные на монетных дворах в Новаре и Эдирне (рис. 2), найдены во время археологических раскопок в крепости Аккерман (совр. г. Белгород-Днестровский, Одесская обл., Украина). Обе монеты несут искаженные и нечитаемые легенды. Также в ходе археологических исследований в крепости были найдены молдавские, венгерские, джучидские монеты, а также монеты крымских ханов династии Гиреев⁸.

Согласно данным румынского исследователя Е. Николае, кустарные подделки монет Баязида II, как и его предшественников – Мехмеда II и Мурада II, зафиксированы на территории Румынии и Молдавии в кладовых комплексах в районе Старого Орхея; единичные находки отмечены в районе городов Сучава и Яссы. Находки имитаций монет зафиксированы вкладах в районе городов Бузау (рум. Buzau), Шинетеа (рум. Schinetea), Сашены (рум. Saseni), отдельные единичные находки в районе Сучавы и Старого Орхея⁹.

Согласно результатам анализа элементного состава сплава вещества, проведенного румынскими исследователями, доля серебра в составе сплава имитаций *акче* султанов Баязида II Суфи (1481–1512 гг.) и Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.) значительно ниже относительно подлинных монет. В свою очередь, количественная доля меди в составе сплава выше. Такие выводы были получены путем проведения РФА (рентгено-флуорес-

центного) анализа оригинальных и фальшивых монет, найденных в районе города Брашов (рум. Bראšov, округ Васлуй, Румыния) и хранящихся в фондах Института археологии Бухареста «Vasile Pârvan»¹⁰.

Изученные Е. Николае и Б. Константиеску фальсификаты *акче* Баязида II, имитирующие чеканку монетного двора Новар, легче по весу и изготовлены из серебряного сплава более низкой пробы, чем оригинальные *акче*, составляющие доли 82,4% и 91,5% состава серебра в фальшивых *акче*¹¹. Наличие в составе сплава металла фальсификатов небольших примесей свинца, олова, висмута, железа, цинка и золота указывает на использование в переплавку изделий из рудного серебра, хозяйственной утвари или старых изношенных монет. Это дает возможность отнести эти монеты к указывающим на предположительную причастность к их изготовлению высокопоставленных чиновников, находившихся в Валахии.

В фондах Музея города Брашов хранятся подделки монет султана Баязида II, найденные в районе городов Сибиу и Сучавы, а также к северу от Дуная, имитирующие *акче* монетных дворов Новар, Эдирне и Константиине¹². Е. Николае описывается монетный комплекс турецких *акче* Баязида II, в котором среди 414 монет (в том числе и 1 *акче* Мурада II (1421–1444 гг.), 21 *акче* Мехмеда II (1444–1481 гг.)) обнаружено четыре экземпляра фальшивых монет, что менее 1% от числа монет в тезаврации.

В качестве образцов для производства фальшивок служили также монеты последующих султанов: Селима I (1512–1520 гг.) и Сулеймана I (1520–1566 гг.). Кстати, оригинальные монеты именно этих султанов (а также Баязида II) преобладают среди находок *акче* в Молдавии, на что указывает А.А. Нудельман¹³.

Во время правления султана Селима I Явуза («Грозного») (1512–1520 гг.) начались масштабные военные кампании, направленные на завоевание Сефевидской империи и увеличение османского влияния в Средней Азии и Ближнем Востоке. Нумизматам известны находки фальшивых монет по прототипу *акче* Селима I, найденные в Бессарабии (рис. 3–6). Нужно отметить, что среди изученных нами фальшивых монет присутствуют как имитации, изготовленные из серебра, так и кустарные подделки.

Существенное количество монет, находимых на территории Северного Причерноморья, припадает на чеканку от имени султана Сулеймана I, в годы правления которого подделка мелкой монеты продолжала набирать оборот. Об этом свидетельствует клад, найденный недалеко от села Пэнэшешть, Страшенского р-на в Молдавии, состоявший из 44 монет, среди которых: 23 венгерских денария, 1 османский медини, 19 оригинальных *акче* Сулеймана I (1520–1566 гг.) и одна фальшивка. Фальсификат *акче* имитирует чеканку монетного двора в Кратова, вероятнее всего – 926 года лунной Хиджры. Вес фальшивого экземпляра составил 0,4 г, размер – 11,5 мм¹⁴.

Монеты Баязида II, Селима I и Сулеймана I также зафиксированы в находках археологической экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» в 1993 году под руководством Т.Ю. Яшаевой, найденные в пещерном комплексе в районе мыса Виноградный в округе Херсона¹⁵, что демонстрирует одновременное их присутствие на денежном рынке. Следовательно, можно предположить, что монеты этих султанов могли быть использованы в качестве образцов для подделки в примерно одно и то же время, как и одновременно быть в обращении.

Чеканка золотых монет в Османской империи началась в период правления султана Мехмеда II Фатиха (1444–1481 гг.), но стоит отметить, что наиболее частыми среди монетных находок в Северном Причерноморье являются золотые султани Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.).

Появление на денежном рынке золотой монеты также привело к появлению подделок (рис. 7). Причины выбора фальсификатами золотых *султани* в качестве прототипа для изготовления подделки заключаются главным образом в его высокой рыночной стоимости при требуемых одинаковых технических навыках, что и для производства фальсификатов серебряных *акче*.

Находка фальсификата золотого османского *султани* ждала краеведов в районе с. Новое Поле Бахчисарайского района, АР Крым (рис. 8). Размер описываемого экземпляра 20 мм, вес – 1,65 г, что почти вдвое ниже среднего веса золотых *султани* Османской империи в XVII веке в диапазоне 3,1–3,45 г. Исходя из данных таблицы 1, мы установили, что основа подделки была изготовлена из меди с последующим нанесением

слоя золота при помощи амальгамы. Чеканка османами золотого *султани* продолжается почти два века (с середины XV по середину XVIII), при этом стилистика монет сохранилась почти неизменной.

Монеты османских правителей второй половины XVI в.: Селима II (1566–1574 гг.), сына Сулеймана I и Роксоланы (1500–1558 гг.), а также Мурада III (1574–1595 гг.) продолжали обращение в Северном Причерноморье и, следовательно, служили образцами для производства фальшивок. Во время правления Селима II (1566–1574 гг.) мелкое серебряное *акче* все еще имеет существенную стоимость на денежном рынке, а его подделка остается прибыльным делом. Представление и рыночной стоимости *акче* получаем из «Кодекса османских законов», выданного Селимом II в 1569 году. Весьма важными для отечественной османистики оказались данные, содержащиеся в «Кодексе относительно налогов и сборов», принятых для территорий Очаковского санджака. Стоит отметить, что пошлины за перевоз алкогольных напитков, тканей, зерна и рабов, закалывание скота исчислялись, согласно Кодекса, в расчете на *акче*, а именно: с продажи 10 килограмм зерна – 2 *акче*; переправа через реку коня, коровы или двух баранов – 1 *акче*; продажа барана или козы – 1 *акче* с двух голов; продажа коня или коровы – 1 *акче*; пошлина с рыболовов устанавливалась в размере 8 *акче* с воза (что равнялось приблизительно 250 килограммам рыбы)¹⁶. Вышеперечисленные данные дают ясное представление о том, что *акче* все еще является весьма платежеспособным.

Во время правления султана Мурада III осязательное влияние на денежный рынок произвела финансовая реформа, проведенная в 1584–1586 гг., в результате которой произошло «великое обесценивание *акче*». В результате, его средний вес снизился с 0,682 до 0,384 грамма.

Весьма наглядно присутствие османских монет в последней четверти XV – первой четверти XVII веков демонстрируют монетные находки из раскопок Белгород-Тирской экспедиции¹⁷. В результате археологических поисков обнаружены монеты султанов Баязида II чеканки монетных дворов Костантиния, Эдирне и Новар, Селима I чеканки Костантиния и Амася, Сулеймана I чеканки Кратова и Сидрекапси, Селима II, Мурада III чеканки Джанджи, Ахмеда I (1603–1617 гг.) чеканки Эдирне, а также Османа II (1618–1622 гг.).

В начале 80-х годов XVI века из Генуи и других итальянских городов, а позднее – из Франции, Голландии и Англии в Турцию стали привозить испанские реалы. Известным туркологом М.С. Мейером проанализирована динамика цен в Османской империи в XVI–XVII веках в результате массового притока добытого в Америке серебра. Ежегодно Венеция поставляла в Левант через турецкую территорию около 5 млн. серебряных монет, в числе которых были испанские реалы и прочие европейские талеры (средний вес талера – 28 грамм). Уже в конце XVI века европейские монеты заполнили турецкий внутренний рынок и вызвали значительное обесценивание *акче*. С XVI века происходит значительное увеличение спроса на дешевую сельскохозяйственную продукцию Балканского полуострова, ощущается рост цен на зерно¹⁸.

Чтобы стимулировать свободное попадание серебряных европейских монет на свою территорию, в Османской империи с 1580 года были сняты все таможенные пошлины на ввоз серебра и золота. Это способствовало быстрому притоку европейского дешевого серебра в Левант¹⁹, а следовательно – быстрому обесцениванию *акче*.

Б. Константиеску и Е. Николае были проанализированы оригинальные золотые османские *шахи* и две фальшивые монеты, прототипами для изготовления которых послужили *акче* Мурада III²⁰. Две фальшивые монеты, вероятно изготовленные в Валахии, были проанализированы на элементарный состав сплава вещества. Одна из подделок хранится в фондах Института археологии в Бухаресте «Vasile Pârvan», другая – в частной коллекции в Молдавии. Прототипами для производства фальсификатов стали *акче* Мурада III чеканки монетного двора в Джандже (в оригинале *Canca* или *Jânja*, современный город *Gîmîuşane*, эялет Трабзон, Турция)²¹. Согласно данным анализа видно, что количественная доля серебра в фальсификатах существенно ниже, чем в оригинальных монетах, доля свинца, олова и меди значительно выше.

Интересным в фокусе изучения подделок османских *акче* является монетный клад времени султана Мурада III, найденный в районе с. Буджак, Комратского района, Молдавия, вместивший 4736 мелких серебряных монет, основную массу которых составляли османские *акче*. Из них доля фальшивых монет составила всего 0,25% от общего числа. Из 12 фальшивых монет клада всего 2 были кустарными подделками, изготовленными

путем покрытия серебром заготовки из меди, остальные экземпляры являлись серебряными имитациями²².

К началу XVII века подделка монет номиналом в *акче* постепенно теряет смысл. Это прекрасно иллюстрируется тем фактом, что на данный момент нам неизвестно фальшивых *акче*, прототипом для производства которых послужили монеты последующих правителей после Мурада III. Отсутствие таких монет вполне закономерное явление, так как фальшивомонетчики все чаще стали использовать в качестве образцов монеты Речи Посполитой и Королевства Венгрии, которые стали более популярными на денежном рынке. Таким образом, поддельный *акче* султанов, правивших после Мехмеда III, уже не было смысла.

Между тем, османская монета продолжала обращаться на территории Северного Причерноморья, где появляются более крупные номиналы монет – *бешлыки* (5 *акче*) и *дирхемы* или *онлыки* (10 *акче*). В дальнейшем именно *бешлыки* и *онлыки* стали главным образом использоваться фальсификаторами в качестве образцов для производства фальшивок (рис. 9–12).

Нужно отметить, что фальшивые дирхемы, прототипами для изготовления которых послужили монеты производства монетных дворов восточных провинций Османской империи, составляют очень интересную группу кустарных подделок, изготовленных на высоком технологическом уровне. Можно предположить, что для их производства были привлечены люди, имеющие непосредственный опыт в производстве монет и ювелирного дела. К подобной акции могли быть также причастны высокопоставленные лица, которые организовали массовое налаженное производство на высоком технологическом уровне. Чаще всего в качестве прототипа для подражания османским дирхемам использовали монеты монетного двора в Джандже.

Подделки серебряных *дирхемов* известны до времени правления султана Ахмеда I (1603–1617 гг.); после чего этот монетный тип перестал производиться, а соответственно – и подделываться. В качестве прототипов для изготовления подделок монет Ахмеда I фальсификаторами были использованы *бешлыки* (рис. 13).

На сегодняшний день, к сожалению, нам не удалось найти подделок монет по прототипу монет, чеканенных от имени Мустафы I (1617–1618 гг.) и Османа II (1618–1623 гг.), среди находок в Северном Причерноморье, но мы не исключаем появления подобных экземпляров в будущем. Относительно *акче* ухудшенного качества султана Мурада IV (1623–1640 гг.), отметим, что они, предположительно, могут являться не кустарными подделками, а результатом государственной порчи монеты.

В середине XVII века стоимость *акче* продолжала стремительно падать. Если в 40-е годы XVII века за 1 венецианский дукат давали 160 *акче*, то уже к концу 70-х годов – 300 *акче*²³.

Подделка османской монеты на рубеже XVI–XVII веков продолжала нести существенную выгоду. В качестве примера приведем некоторые данные относительно цен на продовольствие, зафиксированные известным путешественником Эвлией Челеби (1611–1682 гг.) во время поездки в Малую Азию через город Эрзурум. Он указывает на то, что цены в Эрзуруме очень низкие, при том один крепкий осел стоит 2 *акче*, 40 яиц – 1 *акче*, 5 *окка** белого хлеба – 1 *акче*, ручной голубь – 1 *акче*²⁴. Но к середине XVII века подделки *акче* уже очень редки. В находках Северного Причерноморья фальшивых монет по прототипу монет султана Ибрагима (1640–1648 гг.) нам не известно. Едва ли не единственный экземпляр имитации серебряного *акче* султана Ибрагима (1640–1648 гг.), найденного на Балканах, хранится в собрании сербского ученого Слободана Сречковича.

С началом правления Мехмеда IV (1648–1684 гг.) чеканка серебряных османских монет приостановилась. В денежной системе Оттоманской империи в основном использовались европейские серебряные монеты. Поэтому фальшивомонетчики пренебрегали подделкой османских монет.

Фальшивые *пара*, прототипами для изготовления которых послужили монеты султана Мехмеда IV, известны среди находок Бессарабии (рис. 14), одно из них нам удалось исследовать на предмет состава сплава металла (рис. 15). Точный прототип *пара* (рис. 15), ввиду слабой сохранности, сложно установить, однако известно, что основа фальсификата изготовлена из меди с последующим нанесением серебряного покрытия при помощи амальгамы (таб. 1).

* 1 *окка* = 1,2828 кг, т.е. на 1 *акче* можно было приобрести больше 6 кг хлеба.

В собрании сербского коллекционера и ученого Слободана Сречковича хранятся экземпляры как фальшивых кустарных подделок, так и имитаций *акче* Мехмеда IV (1648–1684 гг.), равно как и предшествующих ему султанов, что говорит о присутствии подделок монет и в денежном обращении на Балканах, а вероятно – и их подделки местными фальсификаторами. Для установки локализации подделки монет по регионам Османской империи необходим более глубокий и тщательный анализ большого количества экземпляров подделок монет, их широкая топография и сравнение «почерков» нелегальных мастеров.

К концу XVII века турецкая экспансия начала ослабевать. Поражение войск Мехмеда IV в Венской битве в 1683 году стало переломным моментом в противостоянии держав Центрально-Восточной Европы и Османской империи²⁵. Как одно из следствий этого – постепенное снижение доминирующей роли османской монеты в Северном Причерноморье, приведшее к тому, что мелкая монета уже не привлекала внимания фальшивомонетчиков.

В конце XVII века на монетных дворах Османской империи начинают внедрять автоматические технологии производства монет. Самым массовым типом монеты, производящейся при помощи машин, был медный *мангир* султана Сулеймана II (1687–1691 гг.). Медные *мангиры* начинают массово попадать на денежный рынок Северного Причерноморья, являясь частыми экземплярами в единичных находках икладах.

Стоимость *мангира* была весьма невелика и номинально завышена, потому привлекательности для фальсификаторов он не представлял. Тем не менее, нам известны находки подделок монет этого типа. Так, один фальшивый *мангир* Сулеймана II был найден в районе города Белгород-Днестровский Одесской области, Украина (рис. 16).

Существует мнение, что медные *мангиры* султана Сулеймана II очень широко подделывались; и существенная доля среди находимых на территории Северного Причерноморья (в частности Бессарабии) медных монет – кустарные подделки. Стоит отметить, что достоверных подтверждений этому нет, среди находок *мангиров* чеканки монетных дворов в Костантинии и Босна-Сарае фальшивых монет весьма немного. С другой стороны, учитывая принудительный курс *мангира* и его низкую покупательскую способность, всяческая кустарная подделка теряла экономический смысл, поэтому подделки являются весьма нечастыми. Можно предположить, что к такому мнению отечественные нумизматы пришли, проведя аналогии с подделкой медных польско-литовских солидов Яна II Казимира (1648–1668 гг.) в Речи Посполитой²⁶.

Интересная находка была сделана в Бессарабии – это оригинальный медный *мангир* Сулеймана II, чеканенный в 1099 году Хиджры (1687 год) на монетном дворе в Костантинии, имеющий золотое покрытие (рис. 17). Наличие покрытия золотом было установлено путем проверки стандартным пробирным реактивом для золота 750 пробы. При этом основа *мангира* потемнела, а покрытие не вступило в реакцию, что указывает на наличие золота на поверхности. Отсутствие отверстия может предположительно указывать на попытку подделки золотой монеты. С другой стороны, медный *мангир* был хорошо известен на денежном рынке региона, потому даже покрытый драгметаллом, он был легко узнаваем. Вероятнее всего, мастер, покрывший золотом оригинальную медную монету, пытался сделать не что иное, как украшение для одежды.

Среди крупных монет султана Сулеймана II нам не известно подделок среди находок Северного Причерноморья, равно как и в период правления Ахмеда II (1691–1695 гг.), когда объемы монетной чеканки были значительно меньше.

К концу XVII века, после поражения турецкой армии при Зенте на р. Тиссе и взятия русской армией Азова в 1696 году, политическое влияние османов в регионе начинает ослабевать, что побудило Мустафу II (1695–1703 гг.) 3 июля 1700 г. заключить Константинопольский мир, по условиям которого Московское государство оставляло за собой крепость Азов²⁷.

В XVI–XVII веках денежный рынок Средиземноморья завоевывают золотые монеты Венеции – *цехины*. На протяжении многих десятилетий они сохраняли стилистическое сходство и высокое качество, чем завоевали доверие и купцов, и рядовых покупателей, а следовательно стали объектами фальсификации. Находка фальшивого венецианского *цехина* известна в Крыму²⁸.

В фокусе изучения подделок османских монет особое внимание заслуживают фальшивые венецианские *дукаты* с оригинальными османскими контрамарками. Исходя из данных РФА анализа (таб. 1), видно, что основа для фальшивого *дуката* (рис. 18) сделана

из меди с нанесенным серебряным и золотым покрытием. Находки подобных монет с надчеканками известны и на юго-западе Украины, хранящиеся на данный момент в Одесском археологическом музее²⁹. Описанный экземпляр фальшивого *дуката* с оригинальной турецкой надчеканкой не является подделкой османской монеты как таковой, а может рассматриваться лишь как интересный факт в обращении подделок монет на денежном рынке подвластных османам территорий.

Популярность на османском денежном рынке, включая Северное Причерноморье, завоевали также *левендаальдеры* Объединенных Провинций Нидерландов. Несущие изображение льва, эти монеты были прозваны османами «львиными курушами». Мы предполагаем, что подделка *левендаальдеров* могла производиться в Валахии, Бессарабии и Буковине с целью сбыта ее в пределах Османской империи, либо же с целью подмены оригинальных монет на фальшивки при выплате дани.

Фальшивый *левендаальдер*, изготовленный по прототипу *левендаальдера* чеканки города Гельдерн 1659 года (рис. 19), был найден в районе города Белгород-Днестровский Одесской области, Украина. Вес изучаемого экземпляра составляет 21,37 гр., размер – 40 мм. При помощи применения РФА анализа мы установили, что основа фальсификата изготовлена из меди с последующим нанесением слоя олова для придания подделке вида серебряной монеты (при помощи лужения).

С переходом на машинную чеканку (последние *акче* ручной чеканки были сделаны во времена Ахмеда III (1703–1730 гг.) в начале XVIII в.) в денежное обращение Северного Причерноморья поступает серебряная монета разных номиналов, самая мелкая из которых – *акче* и *пара*.

На протяжении всего века Просвещения на монетном дворе в Константиине проводилась массовая чеканка монеты номиналом в *пара*, ставшей одной из самых популярных монет на денежном рынке Северного Причерноморья. Все османские *пара* этого периода имеют одинаковую стилистику: на аверсе помещено тугру, на реверсе – указание года и места чеканки, даты начала правления султана. *Пара* часто находят с отверстиями, возникшими вследствие использования их в качестве украшений. В XVIII столетии подделывали и более крупную османскую монету – номиналом в золту, куруш и др.

К концу века русская монетная система вытесняет турецкую, а также прочую иноземную монету из денежного обращения Северного Причерноморья (в частности Бессарабии, Буковины и Таврии). Однако, фальшивые и подражательные османские монеты (в основном золотые) широко встречаются и в XIX в. как элементы украшений болгарских и гагаузских женщин (см. ниже).

Монеты, чеканенные от имени султана Ахмеда III, очень часты в находках Северного Причерноморья, причем широко известны как их мелкие, так и крупные номиналы. Стоит отметить, что среди использованных фальсификаторами прототипов для изготовления подделок монет этого султана по нашим наблюдениям преобладают подделки более крупных номиналов. В частности, фальшивые 10 *пара* были найдены в районе города Белгород-Днестровский (рис. 20), подделка половинной *золты* или 15 *пара* известна в районе с. Холмовка Бахчисарайского района, АР Крым (рис. 21). Размер фальшивых 15 *пара* (рис. 21) составляет 28,5 миллиметров, вес – 8,89 грамм. В находках Северного Причерноморья нам известны и фальшивые *золты*, или монеты номиналом в 30 *пара* (рис. 22–24). Интересной особенностью подделок этого монетного типа представляет экземпляр (рис. 24), изготовленный при помощи технологии литья.

Подделки крупных серебряных турецких монет находили также в окрестностях Измаила: 20 *пара* Ахмеда II (1691–1695 гг.) и 15 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.). Фальсификатом самого крупного номинала среди монет Ахмеда III нам известен фальшивый *куруш*, или 40 *пара* (рис. 25). Вес его составляет 25 грамм, размер – 38 миллиметров.

Из находок в украинской земле отметим интересный экземпляр подделки золотого *зери-махбуба* (турецк. Zer-i Mahbub) чеканки монетного двора в Мисре (турецк. Misir), (рис. 26). Экземпляр представляет точную литую серебряную копию, которую, видимо, по неизвестной причине не успели покрыть золотом для последующего сбыта на денежном рынке.

С середины XVIII века в качестве украшения одежды на подвластных османам территориях помимо оригинальных монет начинают применять монетовидные украшения. Изображения на элементах украшения одежды часто имитируют османские золотые монеты, но известны также из серебра и недрагоценных металлов.

Ниже мы привели примеры нескольких самых часто встречаемых по нашим наблюдениям монетовидных имитаций для украшения одежды (рис. 27). Представленные экземпляры изучены на предмет состава сплава металла, что дает более широкое представление о технологии изготовления этих изделий. Как видим из таблицы 1, украшения изготовлены из серебра, а также из меди с добавлением цинка. К сожалению, нам не удалось установить наличие цинка в сплаве меди, либо же на присутствие его на поверхности (рис. 27 б–в). Вполне возможно, что описываемые изделия оцинковывались для предотвращения коррозии. Важно отметить, что подобные украшения не являются фальшивыми монетами.

Интересная в фокусе исследования монетовидных украшений одежды находка была обнаружена в районе г. Чуфут-Кале Бахчисарайского района Крыма³⁰. Для определения назначения этого инструмента очень важными являются данные относительно элементного анализа внутри углублений ручейков рабочей поверхности. Как видно из таблицы 1, при сравнении состава поля поверхности (рис. 28а) и углубления ручейка (рис. 28б) выделяется доминирование золота в составе ручейка, что говорит об использовании этого металла при производстве имитаций.

Опираясь на результаты анализа, установлено, что матрица изготовлена из медно-оловянного сплава. Металлы, имеющие количественную долю менее 1%, скорее всего, являются неочищенными примесями. Обильное количество кальция в составе сплава металла объясняется сильно загрязненной поверхностью, так как в целях определения металла внутри рабочих ручейков интенсивная чистка не проводилась. Судя по использованию золота в качестве металла для производства монетных имитаций, предположим, что матрицей изготавливались монетовидные украшения одежды, имитирующие половину золотого *зери махбуба* султана Махмуда I (1730–1754 гг.). Имперские монеты номиналом в половину *зери махбуба* чеканились средним весом в 2,25–2,64 гр., диаметром в 18–22 мм. Можно предположить, что этим инструментом могли быть чеканены и фальшивые монеты, для изготовления которых образцом послужила половина *зери махбуба* султана Махмуда I. Из вышеперечисленных двух версий наиболее правдоподобной, на наш взгляд, кажется первая – изготовление при помощи такого инструмента украшений одежды. Точный ответ на этот вопрос сможет дать находка собственно готового изделия, изготовленного этой матрицей, если подобные могли сохраниться до наших дней. На данный момент такие изделия нам не известны, и сделать точные выводы не представляется возможным. В определении принадлежности изучаемого инструмента для производства фальшивых монет или монетовидных украшений одежды обратим внимание на исполнение элементов рисунка матрицы. Стоит отметить также, что *тугра* султана изображена искаженно относительно ее изображения на оригинальных монетах, что свидетельствует в пользу версии об изготовлении имитаций, предназначенных для украшения одежды.

Согласно нашим наблюдениям, монеты, чеканенные от имени султана Османа III (1754–1757 гг.), весьма нечасты в находках Северного Причерноморья, что выразилось в отсутствии известных нам подделок этих монет. Мы не исключаем обнаружения таковых подделок в будущем, а также то, что такие подделки известны в других регионах, в прошлом подвластных Османской империи (Балканы, Анатолия, Малая Азия, Северная Африка и пр.).

Нужно отметить, что в находках Северного Причерноморья подделок мелких монет султана Мустафы III (1757–1774 гг.) на сегодняшний день не известно. Монеты номиналом в 30 (рис. 29) и 40 *пара* (рис. 30) султана Мустафы III (1757–1774 гг.) нашли свое воплощение в подделках прошлого. Помимо подделок монет номиналом в 30 и 40 *пара*, среди монет султана Мустафы III, прототипом для подделки начинают быть использованы монеты номиналом в 2 *золты* (60 *пара*, или *альтмышлык*).

В 1989 году сотрудникам археологической экспедиции АН Молдовы, работавшей у с. Терновка, что на берегу Днестра, от местного жителя попал предмет в форме диска, найденный в том же районе. Вес предмета составлял 280 грамм, размер 53–54 мм; на обеих сторонах диска были выполнены искаженные арабские надписи. Наибольшее сходство имитация арабской легенды имела с монетами, чеканенными от имени султана Мустафы III. Проведя анализ предмета, археологи пришли к выводу, что находка из Терновки – матрица для изготовления фальшивых монет, имитирующих *альтмышлык* (рис. 25). Турецкие серебряные *альтмышлыки* имели диаметр 43 мм и вес 28,5 грамма.

Анализ надписей, искаженно нанесенных на матрице, имеют сходство с написанием места чеканки и года на оригинальных монетах *Islambol 171*, где три цифры являются лишь частью полной даты 1171 г.х. (1757 г.). Часть легенды, поддающаяся интерпретации, дает возможность установить прототип изготавливаемого фальсификата – *альтмышлык* чеканки Стамбула 1757 года³¹. Этот инструмент может быть также определен как *патрица* (аналог в российской нумизматической литературе – *маточник*), при помощи которого изготавливали штемпеля для фальсификации монет.

По мнению публикаторов *патрицы*, она, вероятно, принадлежала лицу, служившему в армии Российской империи, изготавливавшему фальсификаты крупной серебряной монеты во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Мы также находим это предположение весьма логичным, так как в монетном деле в России использование маточника продолжалось с XV века и именно с этой технологией мог быть ознакомлен и применить фальсификатор. Предположительно, конечный продукт фальшивой монеты представлял собой плакированную серебром заготовку из недрагоценного металла, отчеканенную самодельными штемпелями. Выбор фальсификатором *альтмышлыка* в качестве образца для подделки можно объяснить широким распространением этого монетного номинала на территории Бессарабии, а также его весьма немалой рыночной стоимостью³².

Находка фальшивого *альтмышлыка* известна нам также в районе города Берцадь Винницкой области, Украина (рис. 32), которую нам удалось исследовать на предмет состава сплава металла, данные которого занесены в таблицу 1. Технология производства этой подделки заключалась в изготовлении медного ядра с последующим нанесением на него слоя олова. Нам также известна подделка *альтмышлыка*, изготовленная при помощи литья (рис. 33).

В районе современного города Белгород-Днестровский, Одесская обл., Украина, была найдена интересная в ракурсе изучения фальшивомонетничества находка – оригинальный *бешылык*, покрытый золотом (рис. 34). Можно предположить, что из серебряной монеты пытались сделать подделку золотой монеты. Отсутствие отверстия и наличие следов проверки ножом (либо ножницами) указывает на то, что подделку проверяли, а покрытие золотом не несло цели изготовления мониста или украшения.

Во время правления султана Абдулхамида I (1774–1789 гг.) тенденции в подделке преимущественно монет крупного номинала сохранились. Нам удалось изучить два экземпляра подделок монет 30 *пара* Абдулхамида I (рис. 35, рис. 36). Проведенный анализ состава сплава металла оригинального *куруша* султана Абдулхамида I показывает 740 пробу серебра с 25% примесью меди и незначительными микро-примесями брома, алюминия и свинца. Среди подделок крупных монет Абдулхамида I нам также удалось изучить подделку золотого *зер-и махбуба*, найденного в Бахчисарайском районе, АР Крым (рис. 37). Проведенный РФА анализ состава сплава металла (таб. 1) позволил нам установить, что основа фальсификата была изготовлена из меди с последующим нанесением слоя золота при помощи ртути.

Удивительная находка ждала краеведов в районе с. Рачин Дубеченского района Ровенской области (рис. 38). Точная идентификация прототипа этого фальсификата, ввиду сохранившихся элементов, невозможна, потому мы можем установить прототип довольно условно – как *пара* XVIII века, изготовленная методом покрытия оловом – лужения.

Среди подделок монет Селима III (1789–1807 гг.) находим подделки еще более крупных номиналов – 80 *пара* (рис. 39) и 100 *пара* (рис. 40). Известны также и краткосрочные государственные имитации османских серебряных курушей Селима III и Мустафы IV (1807–1808 гг.) на монетном дворе в Санкт-Петербурге в 1808–1809 г. для военных нужд³³.

На сегодняшний день, к сожалению, нам не удалось найти подделок монет по прототипу монет чеканенных от имени Мустафы IV среди находок в Северном Причерноморье. Это можно объяснить тем, что крупные монеты Мустафы IV являются достаточно редкими, а попадающие на денежный рынок региона мелкие серебряные *пара* не имели смысла в подделке.

Среди изученных монет султана Махмуда II (1808–1839 гг.) нам удалось найти экземпляр, вызывающий интерес в плане изучения подделок монет. Это оригинальное *акче* 1223 г.х. (1808 года) с нанесенным поверх слоем золота (рис. 41). Можно предположить, что таким образом пытались изготовить оригинальное украшение одежды либо же произвести подделку мелкой золотой монеты. Золотые монеты Махмуда II являются

очень редкими, потому, вероятно, фальсификаторы пытались подделать стилистически похожие золотые монеты номиналом в $\frac{1}{4}$ *финдика* (турецк. Findik), чеканенные от имени предыдущих султанов.

Технологии производства фальшивых монет

Для изготовления подделок монет фальсификаторами использовались технологии, аналогичные тем, что применялись в монетном производстве, подкрепленные знаниями о ювелирном и кузнечном деле.

Одним из самых распространенных методов изготовления фальсификатов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, согласно нашим наблюдениям, является метод изготовления заготовки поддельной монеты из недрагоценного металла уже с присутствующим рельефом, подражающим государственной монете, с последующим нанесением на поверхность фальсификата слоя драгоценного металла.

Имитации монет чаще представляют собой изделие из сплава драгоценного металла заниженной пробы (рис. 2, рис. 5, рис. 6). Изготовление имитаций даже в соответствии с государственными стандартами стопы несло ее изготовителю выгоду, выраженную в разнице между номинальной и фактической стоимостью монеты. Злоупотребление в производстве имитаций монеты заключалось в противозаконном использовании монопольного права монетной регалии эмитента, монетного сеньора.

Имитации могут быть изготовлены путем чеканки, либо литья. Стоит отметить, что все изученные нами имитации османских монет изготовлены методом чеканки, т.е. технологии, применимой на государственном монетном дворе. Для нанесения рельефа на заготовку подделки использовали штампы, подражательные надписи, на которых, вероятнее всего, наносились при помощи штихеля, отдельные элементы (узоры, «розетки») могли набивать пуансонами.

Мы не исключаем, что с новыми находками фальшивых монет исследователи смогут изучить и подделки, изготовленные методом литья. Литье расплавленного металла осуществлялось в глиняную либо металлическую (возможно также, каменную?) форму. Глиняные формы («опоки») получались путем вдавливания в глину оригинальной монеты, после застывания которой заливался металл. Самостоятельно изготовленные металлические формы для литья служили надежнее. Отличительными признаками использования технологии литья является наличие одного или нескольких литников по краю монеты, а также характерной сглаженностью поверхности монеты.

Имитации монет отличаются высоким качеством, потому чаще встречаются в крупных кладках, попадая туда с большим количеством монет, будучи таким образом незамеченными. Кустарные частные подделки отличаются применяемой технологией, стилистическим исполнением и художественным уровнем. Частные подделки могут иметь целостную структуру, а также быть изготовленными путем нанесения покрытия на ядро. Целостно отчеканенными или отлитыми, по аналогии с имитациями, подделки могут быть из сплава, внешне приближенного по цвету к серебру, например, из олова и его сплавов. Такие подделки могут быть в процессе изготовления дополнительно отбелены с применением винного камня.

В классификации подделок, состоящих из ядра и покрытия, можно наблюдать достаточно широкое разнообразие. Ядро-заготовку для производства подделок ранних мелких серебряных османских монет изготавливали из проволоки (рис. 6, рис. 9, рис. 10, рис. 13), а для поздних крупных монет – путем вырубки из листа цилиндрической формой (рис. 20–26, рис. 29, рис. 30, рис. 33, рис. 42). Имитации османских монет также изготавливали с использованием заготовок, полученных из проволоки (рис. 6, рис. 9, рис. 10, рис. 13).

Стоит отметить, что фальсификаторы в каждой стране и во все времена старались максимально точно воспроизвести ту последовательность технологических процессов, которая использовалась на монетном дворе, где производились копируемые ими монеты.

Нанесение изображения на заготовку могло быть с применением резанного (рис. 16) или изготовленного при помощи пуансонов штампа (рис. 35, рис. 40). Полностью резанный штампель, как правило, исполнен на более низком художественном уровне с четко выделяющимися художественными особенностями стиля и почерка вырезавшего его подпольного мастера.

При применении литья заготовка на стадии ее изготовления уже может нести изображение, имитирующее элементы поля монеты (рис. 26). Заготовки под покрытие представляли собой скопированные монеты, выполненные из недрагоценного металла, которые для сбыта в качестве монеты нужно было покрыть слоем драгоценного металла. Для изготовления заготовок применялись любые доступные в то время недрагоценные металлы: бронза, медь, железо и др.

На изготовленные при помощи вышеперечисленных методов заготовки слой драгоценного металла, или имитирующий его, мог наноситься следующими способами:

- применением ртутной амальгамы (рис. 3, рис. 13, рис. 15, рис. 20);
- лужением, нанесением олова (рис. 11, рис. 29, рис. 32, рис. 38).

Отличить практически применение той или иной технологии в нанесении слоя наиболее точно можно при помощи метода рентгено-флуоресцентного анализа состава сплава металла (РФА). Металл, представленный в составе сплава с наибольшей количественной долей указывает на то, что с его использованием изготовлена основа под фальсификат. Используемый фальсификаторами метод придания фальшивке вида монеты из драгоценного металла может быть установлен по примесям металлов. Некоторые примеси, такие как свинец и мышьяк, добавлялись искусственно для облегчения плавки, иные же являлись неотделимыми рудными примесями. Разнообразие рудных примесей огромно, что объясняется случайностью выбора фальсификаторами источника сырья.

Технология нанесения слоя серебра при помощи амальгамы известна еще с глубокой древности. Метод заключался в нанесении на поверхность заготовки монеты смеси расплавленного серебра и ртути, после испарения которой на поверхности заготовки оставался серебряный слой. Использование ртутной амальгамы определяется наличием в составе металла поверхности ртути и серебра, что и составляет поверхность подделки. Покрытие монет нам удалось проанализировать на момент элементного состава. Наличие на поверхности ртути и серебра указывает на применение метода амальгамного покрытия. На самих монетах остались видимые следы серебряного слоя, который при использованной технологии является очень неустойчивым. Вероятно, с экземпляра верхний слой исчез в результате воздействия агрессивной почвенной среды, потому количественные показатели серебра и ртути на поверхности столь незначительны. Исходя из результатов РФА анализа (таб. 1) можно установить, что изученные нами подделки османских монет изготовлены путем нанесения слоя ртутной амальгамы на предварительно отчеканенную заготовку из меди.

При помощи амальгамы можно было нанести также и тонкий слой золота, что использовалось при подделке золотых монет (рис. 7, рис. 8, рис. 17, рис. 34, рис. 38, рис. 41).

Лужение – нанесение тонкого слоя олова на поверхность заготовки, что придавало фальсификату светло-серый оттенок, имитирующий серебро. Состав металла поверхности луженых подделок показывает доминирование олова в поверхностном слое сплава металла заготовки.

Итак, известные с глубокой древности технологические приемы, необходимые для производства фальсификатов монет, использовались злоумышленниками на протяжении всего изучаемого периода и были весьма стабильными.

Вопрос о локализации подделок османских монет является весьма сложным, так как на данный момент исследователям не доступны широкие данные о кладках османских монет с их подделками, нет разработанной топографии находок, позволяющей предположительно идентифицировать места производства идентичных типов. Находок хотя бы нескольких абсолютно идентичных типов фальсификатов нами также на данный момент не обнаружено. Можно лишь предположить, что подделки монет Османской империи, находимые на территории Северного Причерноморья, могли производиться: в самой Порте; местными локальными феодалами; в Европе (Венеции, Италии, Франции, Болгарии, на Балканах).

Возможность широкой подделки монет в Европе мы находим сомнительной, так как на денежном рынке европейских стран существовали более качественные образцы для подражания среди монеты европейских эмитентов. Версия же о попадании фальшивых монет из самой Порты является, на наш взгляд, очень близкой к истине. Но для подтверждения этого предположения необходимо подвергнуть анализу данные о находках аналогичных подделок в Турции, на данный момент являются для нас, к сожалению, недоступными.

С большой долей уверенности можно утверждать о локальном производстве на территории исторических земель Буковины, Бессарабии и Крыма подделок османских монет. Подделке крупных монет способствовала политическая ситуация в Османской империи и регулярные военные кампании в противостоянии с Российской империей.

Выводы

С усилением военно-политического присутствия и влияния османов в Северном Причерноморье на денежном рынке территорий, попавших в зависимость от Порты, усиливаются позиции турецкой монеты, где османские *акче*, а позже *султани*, *пара* и *куруши* сформировали основу денежного обращения, став также образцами для изготовления кустарных подделок и имитаций. Прототипами для изготовления подделок становились самые распространенные монеты на денежном рынке, которые характеризовались самым большим объемом чеканки в Османской империи. В основном это мелкие монеты балканских монетных дворов, а также поздние монеты столичной чеканки.

В XV–XVI веках доминирует подделка мелкой серебряной монеты; с середины XVI века появляются и подделки золотых *султани*. В начале XVII века серебряные *акче* ухудшаются в качестве и падают в цене, что приводит к смене ориентации фальсификаторов в подделке монет: теперь образцами для подражания становятся *бешлыки* и *дирхемы*. В то же время в Османскую империю попадает огромное количество испанских монет, что также могло быть результатом подделки испанских реалов. С переходом монетных дворов Османской империи на машинную технологию чеканки и механизированное производство монет подделка мелких номиналов полностью теряет свой смысл. Наблюдается тенденция к переходу к использованию в качестве образцов для подделки монет более крупного номинала – *курушей*. С усовершенствованием технологий чеканки качество монет государственной чеканки возросло, что привело к уменьшению количества подделок, но в то же время и улучшению качества подделок. В XVII веке в Северном Причерноморье, вероятно всего, осуществлялась подделка голландских *левендаальдеров*, частых в находках Бессарабии и Буковины.

Одним из самых распространенных методов изготовления фальсификатов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, согласно нашим наблюдениям, является метод изготовления заготовки поддельной монеты (из металлической проволоки или вырубленные из ковального листа) из недрагоценного металла уже с присутствующим рельефом (нанесенным нелегально изготовленным штемпелем с резанной штихелем рабочей поверхностью), подражающим государственной монете, с последующим нанесением на поверхность фальсификата слоя драгоценного металла (при помощи амальгамы либо лужения).

С большой долей уверенности можно утверждать о локальном производстве на территории исторических земель Буковины, Бессарабии и Крыма подделок османских монет. Их подделки могли также попадать на денежный рынок Северного Причерноморья из самой Порты.

¹ Травкин С.Н. О монетах Османской империи на территории Бессарабии в XV–XVI вв. // Тезисы докладов и сообщений «Шестая всероссийская нумизматическая конференция», Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 года. – СПб., 1998. – С. 86–87.

² Болдуряну А. К вопросу о хождении османских аспров в Молдове в XVI в. // Древнее Причерноморье. – Вып. 8. – Одесса, 2008. – С. 69–72.

³ Boldureanu A. Moneda Ottomana in Moldova (1512–1603): teza de doctor in stiinte istorice, Specialitatea 07.00.06 – Arheologie. – Chisinau, 2005. – 159 p.

⁴ Pininski J. Pojecie monety falszywej w Poznym Sredniowieczu // Wiadomosci Numizmatyczne. – R. 20. – 1976. – Z. 4. – S. 239–242.

⁵ Гулецкий Д. Фальшаванне манет Рэчы Паспалітай // Банковский вестник. – Минск, 2007. – Ч. 2. – С. 64–69.

⁶ Nicolae E. Moneda Otomană in Țările Române in perioada 1415-1512. – Chișinău, 2003. – P. 46.

⁷ Nicolae E., Raileanu N. Aspri ottomani falși descoperiti la Orheiul Vechi / E. Nicolae, N. Raileanu // Comunicări studii și note “Simpozion de Numismatică”, 13–15 Mai 2001, București. – București: «Editura Enciclopedică», 2002. – P. 189–194.

⁸ Boldureanu A., Bacumenco-Pirnau L. Un lot de monede medievale si moderne descoperit la Catatea Alba. Observatii preliminare // Archeologia Moldovei. – XXXIV. – Bucuresti, 2011. – P. 233.

- ⁹ Nicolae E. Moneda Otomană în Țările Române în perioada 1415-1512. – Chișinău, 2003. – P. 68.
- ¹⁰ Constantinescu B. Compositional analyses of some Ottoman sahi and their imitations (16th century) / B. Conatsntinescu, E. Nicolae // The 3rd Symposium on Archaeometry, 29-31 October, Curtea de Arges, 2008. – P. 31.
- ¹¹ Constantinescu B. Les imitations les aspres ottomans des XV–XVI siècles: quelques analyses compositionnelles / B. Constantinescu, E. Nicolae // II Uluslararası Numismatik Sempozyumu, İstanbul, 31.5.2008. – İstanbul, 2008. – P. 94.
- ¹² Nicolae E. Imitations et contrefaçons aspres ottomans en Roumanie (fin du XV–début du XVI siècle) // Actes du XIe Congrès International de Numismatique, organize a l'occasion du 150e anniversaire de la Société Royale de Numismatique de Belgique, Bruxelles, 8-13 septembre, 1991. – Vol. 3. – Bruxelles, 1991. – P. 305–307.
- ¹³ Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет. – Кишинев, 1976. – 195 с.
- ¹⁴ Дергачева Л. Клад серебряных монет из с. Пэнэшешть (Стрэшенский район, Республики Молдова) / Л. Дергачева, А. Кривенко // Древнее Причерноморье. – Вып. 9. – Одесса, 2011. – С. 131.
- ¹⁵ Чореф М.М. Клад серебряных монет из пещерного комплекса в округе Херсона / М.М. Чореф, Т.Ю. Яшаева // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. 15. – Симферополь, 2008. – С. 434–447.
- ¹⁶ Тимченко В.М. Кодекс Законів султана Селіма II як джерело для дослідження економічної історії османського Півдня України (на прикладі Очаківського санджаку) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції з нагоди 80-річчя Турецької республіки «Україна і Туреччина», 10-12 листопада 2003 р., Київ. – К., 2003. – С. 69–73.
- ¹⁷ Богуславский Г.С. Акче Османской империи последней четверти XV – последней четверти XVII вв. (из новейших находок Белгород-Тирской экспедиции) / Г.С. Богуславский, Д.М. Янов // Древнее Причерноморье. – Вып. 10. – Одесса, 2013. – С. 55–68.
- ¹⁸ Мейер М.С. Влияние «Революции цен» в Европе на Османскую империю // Народы Азии и Африки. – 1975. – №1. – С. 96–107.
- ¹⁹ Иналджик Г. Османська імперія, класична доба 1300–1600 pp. / Пер. з англ. – К.: «Критика», 1998. – С. 151.
- ²⁰ Constantinescu B. Compositional analyses of some imitations of Ottoman akches of 15th – 16th centuries / B. Constantinescu, E. Nicolae // Archaeomet: The Second international symposium «Ancient and Medieval metallworks. Archeology, Numismatics, Nuclear Analysis» Bucharest, 6–7 May 2008. – Bucharest, 2008.
- ²¹ Srećković S. Ottoman mints & coins / S. Srećković. – Belgrade, 2002. – P. 83.
- ²² Кривенко А. Буджакский клад: предварительные результаты исследования / А. Кривенко, С. Среќковић // Сборник научных трудов, I Международная научная конференция «Расмир: Восточная нумизматика – 2011», 29–31 июля 2011. – Одесса–Київ, 2013. – С. 101.
- ²³ Ермеев Д.Е. История Турции в Средние века и Новое время / Д.Е. Ермеев, М.С. Мейер. – Москва, 1992. – С. 179.
- ²⁴ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей, Малой Азии и Ирана. – Вып. 3. – Москва: «Наука», 1983. – С. 96.
- ²⁵ Кёнигсбергер Г. Европа раннего Нового времени 1500–1789 гг. – М., 2006. – С. 198.
- ²⁶ Гулецькі Д. Медзяны патоп // Беларус. – 2009. – № 557. – Ч. 6. – С. 1–6.
- ²⁷ Ермеев Д.Е. История Турции в Средние века и Новое время / Д.Е. Ермеев, М.С. Мейер. – Москва, 1992. – С. 179.
- ²⁸ Бойко-Гагарин А.С. О находке фальшивого венецианского дуката в Крыму // Сборник научных трудов I Международная научная конференция «Расмир: Восточная нумизматика – 2011», 29–31 июля 2011, Одесса–Київ, 2013. – С. 76–79, 152.
- ²⁹ Кокоржичкая Т. Находка фальшивого венецианского цехина на территории Одесской области // Программа нумизматического симпозиума «Al XIV-lea simpozion de numismatică. Dedicat aniversării a 20-a leului moldovenesc», Chișinău, 25-29 sept. 2013. – Chișinău, 2013. – С. 37–38.
- ³⁰ Бойко-Гагарин А.С. Матрица для изготовления монетовидных украшений из Чуфут-Кале // Violity: отдых и путешествия. – № 1. – Киев, 2013. – С. 8–9.
- ³¹ Pere N. Osmanlılarda Madeni Paralar // Yapi ve Kredi Bankasının Osmanlı Paraları Koleksiyonu. – № 632. – İstanbul, 1968. – S. 216.
- ³² Русев Н.Д. Патрица фальшивомонетчика XVIII века? / Н.Д. Русев, Е.Н. Сава // Stratum Plus. – № 6. – 2000. – С. 432–434.
- ³³ Биткин В.В. Сводный каталог монет России. – Ч. II: (1740–1917). – Киев: «Юнона Монета», 2003. – С. 977–978.

Каталог фальшивых монет Османской империи

1. AR, 0,63 g, 11x11,4 mm; 0,49 g, 10,2 mm; 0,48 g, 10,2x10,9 mm; 0,47 g, 10,4 mm; 0,4 g, 11,3 mm.
2. AR.
3. AE, 0,43 g, 10 mm.
4. AE, 0,73 g, 10 mm, находка: AP Крым.
5. AR, 0,51 g, 10 mm.
6. AR, 0,56 g, 10 mm.
7. AE.
8. AE, 1,65 g, 20 mm.
9. AE, 3,39 g, 16/18 mm.
10. AE.
11. AE, 1,64 g, 18/19 mm, находка: Одесская обл., с. Староказачье.
12. AE.
13. AE, 1,41 g, 17/18 mm.
14. AE, 0,2 g, 9/11 mm.
15. AE, 0,79 g, 18 mm.
16. AE.
17. AR, 2,01 g, 21 mm.
18. AE.
19. AE.
20. AE, 8,89 g, 28,5 mm.
21. AE.
22. AE, 16,72 g, 38 mm.
23. AE, 18,08 g, 35 mm.
24. AE.
25. AR, 2,45 g, 21 mm.
26. а. AR.
б. AE.
в. AE.
27. AE.
28. AE, 10,89 g, 36 mm.
29. AE, 18,55 g, 36 mm.
30. AE.
31. AE, 25,2 g.
32. AE, 23,66 g, 40 mm.
33. AR.
34. AE, 18,52 g, 37 mm.
35. AE, 12,47 g, 36 mm.
36. AE, 2,44 g, 21 mm.
37. AE, 0,5 g, 15 mm.
38. AE.
39. AE, 21,19 g, 41 mm.
40. AE, 23,38 g, 38 mm.
41. AR, 0,16 g, 11 mm.

Рис. 1. Прорисовки фальшивых *акче* Мурада II (1421–1444 гг.) из Старого Орхя

Рис. 2. Фальшивые *акче* султана Баязида II (1481–1512 гг.)

Рис. 3. Фальшивое *акче*, прототип чеканки Костантиние 918 г.х.

Рис. 4. Фальшивое *акче*, прототип чеканки Костантиние 918 г.х.

Рис. 5. Имитация *акче* чеканки Новар

Рис. 6. Имитация *акче* чеканки Новар

Рис. 7. Фальшивый *султани* Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.), 926 г.х. чеканка м.д. Кючайна (турк. Коҗаније)

Рис. 8. Фальшивое османское *султани* XVI века

Рис. 9. Фальшивый *онлык* (*дирхем*), Мурада III (1574–1595 гг.), 982 г.х. чеканки м.д. Эрзурум

Рис. 10. Фальшивый *онлык* (*дирхем*) Мурада III (1574–1595 гг.), 982 г.х. чеканки м.д. Джанджа

Рис. 11. Фальшивые 5 *пара* Мурада III (1574–1595 гг.) чеканки м.д. Халёб

Рис. 12. Фальшивый *онлык* (*дирхем*) Мурада III (1574–1595 гг.) чеканки м.д. Халёб

Рис. 13. Фальшивый *беşлык* Ахмеда I (1603–1617 гг.) чеканки 1012 г.х. м.д. Джанджа

Рис. 14. Фальшивые *пара* Мехмеда IV (1648–1684 гг.)

Рис. 15. Фальшивое *акче* XVII века, чеканки монетного двора Константиние

Рис. 16. Фальшивый *мангир* Сулеймана II (1687–1691 гг.)

Рис. 17. Фальшивый *мангир* Сулеймана II (1687–1691 гг.), покрытый золотом

Рис. 18. Фальшивый венецианский *дукат* с турецкой контрамаркой

Рис. 19. Фальшивый *левендаальдер* 1659 года, прототип чеканки города Гельдерн

Рис. 20. Фальшивые 10 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 21. Фальшивые 15 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 22. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 23. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 24. Фальшивые 30 *пара* Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 25. Фальшивые 40 пара Ахмеда III (1703–1730 гг.)

Рис. 28. Матрица для производства монетовидных украшений одежды

Рис. 26. Фальшивый *zeri mahbub* 1143 г.х. чеканки м.д. Миср

Рис. 29. Фальшивые 30 пара Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 27а. Монетовидное украшение для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 30. Фальшивые 40 пара Мустафы III (1757–1774 гг.) чеканки Исламбол

Рис. 27б. Монетовидное украшения для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 31. Рабочая часть матрицы для изготовления фальшивых *альтмышыков* Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 27в. Монетовидное украшения для одежды, подражающее османским монетам

Рис. 32. Фальшивые 60 пара Мустафы III (1757–1774 гг.) чеканки Костантиние

Рис. 33. Фальшивые 60 *пара* Мустафы III (1757–1774 гг.)

Рис. 38. Фальшивые *пара* XVIII века

Рис. 34. Позолоченный турецкий *бешлык*

Рис. 39. Фальшивые 80 *пара* Селима III (1789–1807 гг.)

Рис. 35. Фальшивые 30 *пара* Абдулхамид I (1774–1789 гг.)

Рис. 40. Фальшивые 100 *пара* Селима III (1789–1807 гг.)

Рис. 36. Фальшивые 30 *пара* Абдулхамид I (1774–1789 гг.)

Рис. 41. Позолоченное *акче* 1223 года Махмуда II (1808–1839), монетный двор Константины

Рис. 37. Фальшивый *зери махбуб* Абдулхамид I (1774–1789 гг.)

ОБЩИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА УСТРОЙСТВОТО НА ВОЙНУШКАТА ИНСТИТУЦИЯ В РУМЕЛИЯ И ЕСТЕСТВОТО НА ВОЙНУШКАТА СЛУЖБА В ДЪРЖАВНИТЕ КОНЮШНИ ПРЕЗ XVI ВЕК СПОРЕД ИНФОРМАЦИЯТА НА ЕДИН ОСМАНСКИ ВОЙНУШКИ РЕГИСТЪР ОТ 1528/29 Г.

Кр. Йорданов

Йорданов Кр. Загальні зауваги щодо структури військового інституту в Румелії та характеру військової служби у державних конюшнях у XVI столітті згідно з інформацією одного османського військового реєстру 1528/29 років. На основі неопублікованого османського реєстру 1528/29 років, оригінал якого зберігається в *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* у Стамбулі, у статті подані маловідомі або невідомі дані про організаційну структуру військового інституту в Румелії, а також про розподіл чергових вояків у різних підрозділах Малої і Великої конюшень. За даними реєстру, у 1528/29 роках військові державні конюшні поділялися на дві групи. Перша група підпорядковувалася дев'ятьом сераскерам (офіцерам), і більшість її солдатів служили в Малій конюшні для тварин, що перевозили вантажі. Друга група вояків, що перебувала під безпосередньою орудою санджакбея (головнокомандувача), була покликана служити в так званих Внутрішніх палацових конюшнях, де мала піклуватися про найкращих коней султана та його почту.

Ключові слова: войнуки; сераскери; санджакбей; державні конюшні; коні.

Йорданов Кр. Общие замечания о структуре войнушского института в Румелии и характере войнушской службы в государственных конюшнях в XVI веке в соответствии с информацией одного османского войнушского реестра 1528/29 года. На основании неопубликованного османского войнушского реестра 1528/29 годов, оригинал которого хранится в *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* в Стамбуле, в статье представлены малоизвестные или неизвестные данные об организационной структуре войнушского института в Румелии, а также о распределении дежурных воинов в различных подразделениях Малой и Большой столичных конюшен. По данным реестра, в 1528/29 годах воинские государственные конюшни делились на две группы. Первая группа была подчинена девяти сераскерам (офицерам), и большинство её солдат служили в Малой конюшне для вьючных животных. Вторая группа воинов, пребывающая в прямом подчинении санджакбея (главнокомандующего), была призвана служить в так называемых Внутренних дворцовых конюшнях, где должна была заботиться о лучших лошадях султана и его придворных.

Ключевые слова: войнуки; сераскеры; санджакбей; государственные конюшни; лошади.

Yordanov Kr. General observations on the structure of the voynuk institution in Roumelia and the nature of the voynuk service in the State Stables in 16th century according to the information of an Ottoman voynuk register from 1528/29. On the basis mostly of the unpublished Ottoman voynuk register from 1528/29, the original of which is kept in *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* in Istanbul, little known or unknown data about the organizational structure of the voynuk institution in Roumelia, as well as about the appointment of the voynuks on duty in the different subdivisions of the Small and the Big Stables of the capital city are presented in the article. According to the data from the registers, in 1528/29 the voynuks from the State Stables are divided into two groups. The first group is subordinate to nine seraskers, and most of these voynuks serve in the Small Stable for pack animals. The second group, which is directly subordinate to the voynuk sandzhak-bey, is intended to serve in the so called Inside Court Stable, where it takes care of the best horses of the sultan and the court servants.

Keywords: voynuks; seraskers; sandzhak-bey; State Stables; horses.

През последните две десетилетия, благодарение на сътрудничеството между турските и българските архиви, в Ориенталския отдел на „Народната библиотека“ и Държавна агенция „Архиви“ в София под формата на микрофилми бяха доставени ценни османски регистри, чиито оригинали се съхраняват в Истанбулския държавен архив. Тези недостъпни доскоро за българските изследователи документи са изключително ценен източник на информация не само за демографските процеси в българските земи и стопанското състояние на селищата през ранните векове на османското владичество, но и предоставят сведения за различните категории християнско население със специален статут и османските институции, в които те са включени¹.

Най-многочислената категория християнско население със специален статут в българските земи през ранните векове на османското владичество са така наречените войнуци. Тези християни, в преобладаващата си част българи по народностен произход, били най-привилегирани в сравнение с останалото християнско население със специален статут. Срещу службата си в държавните конюшни и обоза на армията войнуците притежавали служебна обработваема земя, наречена башина, като били освободени от плащането на някои данъци². Макар че войнушката проблематика е сравнително разработена в българската и балканската историография³, новодостъпните регистри ни позволяват да разгледаме някои неизяснени до днес въпроси, свързани с войнушката служба в Държавните конюшни – по-точно, разпределението на дежурните войнуци в различните подразделения на столичните конюшни и различните дейности, извършвани от тях. До този момент поставените въпроси са разгледани най-подробно от турския историк Я. Ерджан въз основа на споменатите недостъпни доскоро за български изследователи регистри⁴. Но дори и в неговото изследване част от изобилната информация на османските войнушки и данъчни регистри остава неоползотворена. Ерджан представя данните за общия брой на войнуците, разпределените на служба във Вътрешната дворцова конюшня и Външното отделение на Голямата конюшня, но не навлиза в подробности за разпределението на войнуците по служба в отделните подразделения на тези конюшни, за които все пак се съдържа информация в новодоставените и у нас дефтери⁵. Именно поради това в настоящия текст си поставям за цел, използвайки най-вече един непубликуван османски войнушки регистър, да хвърля повече светлина върху задълженията на дежурните войнуци, служещи в столичните конюшни, а също така и да представя някои нови данни за провинциалната войнушка организация през XVI в.

Основният извор за състоянието на войнушката институция през първата половина на XVI в. е един изцяло запазен непубликуван войнушки регистър, на чиято първа страница е записана и годината на съставянето му – 935 г. от Хиджра (15.09.1528–05.09.1529 г.)⁶. Регистърът отразява състоянието на войнушката организация в българските земи в навечерието на първата османска обсада на Виена в края на септември и началото на октомври 1529 г. от армията на Сюлейман I Кануни. Този документ съдържа данни за личния състав на войнуците от държавните конюшни, които били рекрутирани главно от българските земи и от днешна Източна Сърбия – от Софийския, Никополския и Силистренския санджак (казите Силистра, Провадия и Ямбол), както и от казите Филибе, Татар Пазарджик и Одрин, спадащи към санджака Паша⁷. Описът завършва със списъци на ямаците на войнушкия санджак-бей в някои селища от Пловдивско⁸ и на онези длъжностни лица от двореца и армията, за чиито коне се грижели определен брой дежурни войнуци, разпределени всяка година на служба към различните подразделения на столичните конюшни⁹. Споменатите особености на регистъра от 1528/1529 г. ни дават рядката възможност да хвърлим повече светлина именно върху цялостната организация на институцията в Румелия и на естеството на самата служба на дежурните войнуци в столичните конюшни в началните години от управлението на султан Сюлейман Великолепни.

В допълнение, за да представя други данни за положението на войнуците през XV–XVI в., ще използвам още някои непубликувани подробни и съкратени регистри както на самите войнуци, така и на населението от тимари, зиамети, хасове и вакъфи в Румелия¹⁰.

* * *

Преди да пристъпим към същинското изложение, трябва да кажем няколко думи за етапите, през които минала в развитието си войнушката институция. Както свидетелстват някои късни османски хроники, при учредяването на войнушкия „корпус“, което по всяка вероятност станало в хода на завоеванията на Балканите през 70-те години на XIV в. по инициатива на втория румелийски бейлер-бей Тимурташ, на османска служба били привлечени представители от военната класа на средновековна България и останалите покорени балкански държавици¹¹. Учредяването на войнушката институция в хода на османското завоевание на българските земи е едно от ярките свидетелства за готовността на нашествениците да се възползват в максимална степен от потенциала на покорените християни, мобилирайки ги в служба на собствените си завоевателни стремежи. Сведе-

нията за привличането на представители на военната класа от средновековните Балкани в редовете на войнушкия „корпус“ косвено се потвърждават от обстоятелството, че през първия век след османското завоевание част от войнуците все още изпълнявали реална военна служба и в запазените от това време османски регистри често са определяни като „синове на стари спахии“¹². През XV в. тези войнуци, регистрирани в описи от Западните и Югозападните Балкани, служат като бойци джебеллии¹³. По този начин османците компенсирали недостига на бойци мюсюлмани от слабо колонизираните с тюркски заселници региони на Балканите, където християните били огромното мнозинство¹⁴. Впоследствие обаче, с преместването на границите на османската държава на северозапад, службата на джебелю-войнуците от санджаците Вълчитрън и Кюстендил била отменена¹⁵. В българските земи обаче, особено в Североизточна и Северозападна Тракия, където вече били отседнали значителен брой татари и тюркски колонисти от Мала Азия, положението на войнуците било по-различно. Засега не разполагаме с нито един документ, който да доказва присъствието на войнуци джебеллии в този регион през първия век от османското владичество. С известни уговорки можем да предполагаме, че именно тук, още при учредяването на войнушката институция било формирано и основното ядро от войнуци с военнопомощни функции в конюшните и обоза на армията. В по-късните османски документи тези войнуци, за отличаване от джебелю-войнуците, са наричани „черни войнуци“ (кара войнуци, или войнуган – и сиях)¹⁶. Различие съществувало и в разпределението по войнушките гьондери¹⁷, където джебелю-войнуците били групирани по четирима или повече души, а гьондерите на черните войнуци се състоели от трима души – един войнук и двама ямаци (помощници)¹⁸. Тези трима войнуци през три години дежурели по служба в държавните конюшни. Югославският историк Ал. Стояновски е на мнение, че черните войнуци са се появили като категория чрез отделянето им от джебелю-войнуците¹⁹, но не е изключено да се е случило тъкмо обратното – бившите джебелю-войнуци от Централните Балкани да са били прикрепени към първоначалното ядро от черни войнуци или войнуци от конюшните. За подобно предположение основание ни дават макар и легендарните сведения в късната хроника на Ходжа Садедин, който пише, че в българска Тракия около 1376/1377 г. бил учреден корпус от войнуци, грижещи се единствено за конете, катърите и екипировката на походите²⁰.

Към времето на съставяне на регистъра от 1528/1529 г. в българските земи войнуците от Държавните конюшни оставали единствената войнушка група, като към нея са присъединени и бившите джебелю-войнуци от районите на Знеполе (Грънско) и Берковица в Софийския санджак²¹. Службата на джебелю-войнуците от Кюстендилския санджак също била отдавна отменена и през 1530 г. те са регистрирани като отменени войнуци, данькоплатци на султанските часове, запазвайки част от данъчните си привилегии, като плащали глобална годишна сума макту²². В близост до българските земи към 1529–1530 г. джебелю-войнуци се били запазили единствено в санджака Аладжахисар (Крушевац) и в нахията Делбочиче от казата Ниш, днешна Сърбия²³.

* * *

Регистърът от 1528/1529 г. показва една особеност на войнушката институция в Румелия през първата половина на XVI в. – разделението на войнуците на две основни групи. Най-многочислената група представляват войнуците от Софийския и Никополския санджак, наброяващи общо 5670 души, от които 1827 мъже всяка година били дежурни по служба в Държавните конюшни²⁴. Тази войнушка група през 1528/1529 г. била подчинена на 9 сераскери (черибашии)²⁵, като може би това е „обикновеният бюлюк“, подчинен на черибашите, за който се споменава в трактата на Али Чауш от София (средата на XVII в.) и в канун-намето на Омер Авни (1642)²⁶. Голяма част от войнуците в Софийския и Никополския санджак, както се вижда от някои по-късни документи, изпълнявали второстепенна служба, грижейки се за товарните и впрегатните животни в Малката конюшня, управлявана от малкия мирахор в столицата. За службата на войнуците от София, Знеполе (Грънско) и Шехиркьой (Пирот) в Малката конюшня свидетелстват две султански заповеди от следващото XVII столетие, които са написани след донесения на малкия мирахор във връзка със свикването на войнуците по служба или за попълване на недостига от войнуци, предназначени за служба в Малката конюшня²⁷. Тези заповеди,

макар и от по-късен период, вероятно показват какво е било задължението на софийските войнуци и един век по-рано.

През първата половина на XVI в. съществувала и по-малка група войнуци, пряко подчинена на войнушкия санджак-бей, наброяваща общо 1035 души²⁸. Изглежда тъкмо това бил споменаваният от Али Чауш и Омер Авни „дворцови“ бюлюк (или „hassa yoynuklar“) ²⁹. Войнуците от този дворцови бюлюк, ако се съди по войнушкия ретистър от 1528/1529 г., произхождали от западния дял на Горнотракийската низина (Пловдивско и Пазарджишко), както и от Югоизточна (Ямболско и Сливенско) и Североизточна България (Силистренско и Провадийско)³⁰. Те не само че били разпределени за служба в столицата, но и лично се грижели за конете на султана и на най-близкото му обкръжение. Както е отразено във войнушкия опис за 1528/1529 г., от тази „дворцова“ група, подчинена на войнушкия санджак-бей, дежурни за годината били 336 души³¹, което, както ще видим, отговаря приблизително на броя редовните войнуци, които в т.нар. Вътрешна конюшня се грижели за конете на хората от най-близкото султанско обкръжение. Различни османски описи от XVI в. показват, че всички подчинени на войнук-бея войнуци плащали таксата гьондер акчеси, събирана обичайно от членовете на войнушките гьондери, в завишен размер от 8 или 16 акчета, като тя отивала за издръжката на техния пряк началник³². През XVI в. към подчинените на войнушкия санджак-бей се числят и неговите ямаци – общо 52 души в казата Филибе, които не служат в конюшните или по време на военен поход, а единствено издържат прекия си началник, като всеки от тях плаща годишно по 216 акчета кесим (глобална сума)³³. Ямаците на войнук-бея са категория, която е аналогична на ямаците на юрушките субашии, които също плащат на субашията определена годишна сума за издръжката му³⁴.

По-особеното положение на войнуците от Западния и Източния дял на Горнотракийската низина като обособена група в рамките на войнушката институция ни дава основание да си зададем въпроса каква е причината за подобно разделение. Не е изключено тази войнушка група да е включвала наследниците на онези християни, чиито предци били един вид първоучредители на военнопомощния войнушки корпус към държавните конюшни и обоза. Това предположение е логично, тъй като през 70-те години на XIV в., когато вероятно била учредена войнушката институция, османските завоеватели били трайно установили властта си тъкмо върху онези райони от българска Тракия, където впоследствие през XVI в. живеят войнуците от т.нар. „дворцови“ бюлюк, подчинен пряко на войнук-бея. Тази логика предполага, че войнуците от „обикновения“ бюлюк били наследници на онези българи и други християни, които доста по-късно били прикрупени към първоначалното ядро на войнуците от конюшните и обоза. Неслучайно тази втора група войнуци е рекрутирана от Софийския и Никополския санджак – територии, които османците присъединяват към държавата си малко по-късно, едва след учредяването на войнушката институция.

* * *

Основната цел на войнушката институция в Румелия е редовното рекрутиране на войнуци за служба в Държавните конюшни и в обоза на армията. В мирно време повечето от дежурните войнуци пристигали в столицата, където през летните месеци изпълнявали своите задължения. На генуезца Джовани Антонио Менавино, който като 12-годишно момче бил пленен от пирати по време на едно морско пътуване заедно с баща си, а впоследствие подарен на султан Баязид II като роб и прекарал дълго време в двореца като паж³⁵, дължим едно от най-ранните описания на пристигането на българските войнуци в Истанбул и на естеството на службата им. Според Менавино, щом пристигнали в столицата, войнуците се представяли пред султана, като носели по един сърп на рамо за косене на сеното. След това те получавали подслон в конюшните³⁶. За службата им по време на война италианецът казва следното: „Когато са на поход, веднъж на ден ходят да жънат трева – веднага щом войската на Великия турчин се установи на стан“³⁷. Очевидно повлиян от Менавино в някои детайли на описанията си, е френският пътешественик Никола дьо Николе (1551 г.). Но според него войнуците се явявали пред владетеля, носейки на рамо чувалче, пълно със сено, в знак на занятието си. Щом пристигнали в конюшните, те трябвало „да метат жилищата и конюшните на султана“³⁸. Николе допълва, че в мирно време войнуците пасели султанските коне, а по време на война следвали армията. Подобно на

Менавино, и Николе отбелязва, че по веднъж на ден войнуците косели трева и я оставяли да се изсуши за ежедневна храна на конете³⁹. Френският автор описва и начина, по който войнуците припечелвали по нещо след приключване на службата си, защото, според него, те пребивавали на свои разноски в столицата и имали нужда от допълнителни средства. По думите на французина „те правят сборище по улиците с голяма гайда, направена от козя кожа. Под нейните звуци играят някакви танци и го правят с такава гъвкавост на тялото и краката, че не е малка наслада да ги гледаш. След като добре се натанцуват и наскочат, подават им по някоя и друга сребърна монета. Това е дребната им придобивка и подкрепа в беднотата им“⁴⁰. Поведението на войнуците е представено от Никола дьо Николе като вид просия. Дали обаче войнуците гонели преди всичко печалбата, зарабатвайки като един вид улични музиканти, или просто се опитвали чрез организирана веселба да прогонят носталгията си по дома, не можем да кажем. Тяхното шествие по улиците на столицата обаче явно представлявало незабравима гледка за чуждите пътешественици. Ето как например видял това зрелище любознателният германец и бъдещ професор по теология в Тюбингенския университет Стефан Герлах (април 1574 г.), който, между другото, показва и една много добра осведоменост за войнушката институция: „Турчинът има много хиляди българи (войнуци), които не плащат данък, а на всеки от тях през три години се пада да води конете на султана и на пашите на паша и да им докарва фураж; това става по Великден и след това, когато те пристигат в Константинопол с гайди и танцуват“⁴¹. Цитираните тук пътеписи, колкото и наблюдателни и добросъвестни да били авторите им, естествено не могат да представят цялостно войнушките задължения и разпределението на отделни представители на корпуса към различните звена от столичните държавни конюшни – най-вече султанските конюшни в двореца. За щастие, една доста подробна информация за редовните войнуци на служба при столичните държавни конюшни може да се намери в непубликувания войнушки регистър за 1528/1529 г. Въпреки че между някои от „рекапитулациите“ в този регистър и отбелязаните пак в него конкретни бройки войнуци, определени за различни видове служба в столицата, се наблюдава известно разминаване, регистърът е изключително ценен с това, че дава разгърната и напълно реалистична картина за типовете дейности, упражнявани от българските войнуци и за структурите, към които те били аташирани.

Документът показва, че в годината на съставяне на регистъра на служба към двете основни подразделения на Държавните конюшни (Ъстабл-и амире) – т.нар. Голяма и т.нар. Малка конюшня – били зачислени общо 1882 редовни войнуци⁴². По същото време общият брой на записаните във войнушкия корпус мъже, които се рекрутирали от българските земи, е 6705⁴³, а дежурните са 2163 души годишно⁴⁴. Това означава, че около 281 дежурни за годината войнуци (2163–1882) не били зачислени на служба към двете столични конюшни. Можем да приемем, че те вероятно служели в някоя от второстепенните провинциални конюшни.

Голямата конюшня, на свой ред, имала две главни поделения към двореца на султана – „вътрешно“ и „външно“, в които всяка година били зачислявани на служба 1367 войнуци⁴⁵. В т.нар. Вътрешната конюшня се отглеждали най-добрите лични коне на султана, а във Външната конюшня се полагали грижи за конете на държавните служители от т.нар. Външна служба. Според поместения в края на описа от 1528/1529 г. подробен списък на войнуците, разпределени на служба в столицата, по време на военен поход само 105 души от тях се водели към т.нар. Вътрешна конюшня на двореца, а в мирно време броят им нараствал със 70 души⁴⁶. Към Външната конюшня пък били зачислени 718 души⁴⁷. Както веднага може да се забележи, следвателно реалният брой на войнуците, на които била поверена грижата за конете на султана и държавните служители, бил значително по-малък от общия брой на зачислените към Голямата конюшня, или 893 от общо 1367 дежурни. Останалите 474 представители на войнушкия корпус вероятно изпълнявали второстепенна по важността си работа като например коситбата на ливадите и събирането на сеното.

От войнуците във Вътрешната конюшня, според регистъра от 1528/1529 г., петнадесет души имали честта да извеждат на паша най-добрите султански коне⁴⁸. Други 47 техни колеги се трудили в двете отделения за необяздени жребци и кобили за разплод към Вътрешната конюшня⁴⁹. За обяздените жребци отговаряли 30 дежурни войнуци⁵⁰. Интересен

факт е, че 4 дежурни войнущи тъкмо от Вътрешната дворцова конюшня се грижели за слоновете, които се държали в двореца за развлечение. За присъствието на слонове в султанския дворец, но през 1553 г., споменава в пътеписа си Ханс Дерншвам. Любопитният немски пътешественик разказва следното по този повод: „Видяхме и два млади слона, които изпълняваха номера в клетката си, както ги разпореждаше пазачът им. Най-напред пазачът подаваше кожена топка със звънче, която слонът няколко пъти избиваше с хобота си от ръката му. Като му подадяха топката, държеше я здраво като с ръка, за да звъни звънчето. Пазачът му нареждаше да ляга и даже да се обляга настрани в сеното. Няколко пъти го накараха да ни се поклони и той се подчини. Когато пазачът му хвърляше една тояга на земята, той я вдигаше и му я даваше в ръце. Правеше и смешки с тоягата и топката...“⁵¹. Сеното в клетката на слона, за което споменава Дерншвам, вероятно е доставяно именно от войнуците, косящи султанските ливади. Четиримата войнущи, които според регистъра от 1528/1529 г. са зачислени лично да обгрижват слона, най-вероятно чистели клетката и поставяли там свежо сено.

Във Вътрешната дворцова конюшня функционира също така една работилница за седла и други конски принадлежности – сарач хане (sarac hane), както и специална „хазна“ към него, където се съхранявали най-скъпите конски украшения. В тези отдели към конюшните били зачислени на служба общо 24 представители на войнушкия корпус⁵². За служещите в самото сарач-хане 20 войнущи би могло да се предположи, че били занаятчии, докато за четиримата войнущи, разпределени на служба към хазната за ценни конски принадлежности⁵³, не е изключено да се мисли, че са имали задачата да охраняват помещението. За нещо подобно говори и споменатият вече италианец Джовани Антонио Менавино, който дава доста точно описание на дворцовата Вътрешна конюшня, стоящо в общи линии близко до автентичната информация от нашия войнушки регистър. Менавино пише следното: „Сред конярите има 40 по-издигнати, които се грижат за личните коне на владетеля. Те трябва да пазят всички украшения и седла на конете му, защото са много скъпи...“⁵⁴. Зачисляването на войнущи за служба в различни отдели на държавните конюшни, където не се отглеждали коне, показва, че дори и в столицата задачите на войнуците невинаги били свързани само с коситбата на ливади и с грижата за конете. Изглежда част от дежурните войнущи получавали задачи, сродни с военната служба, каквато именно била охраната на скъпите конски украшения. Това, впрочем, било доста отговорно задължение, от чието стриктно изпълнение зависело султанското благоволение към самия голям мирахор, който отговарял за контрола на всички дела в конюшните. Във всеки случай присъствието на четирима войнущи в хазната при сарач хането още веднъж доказва, че през първата половина на XVI в. ако не целият войнушки „корпус“, то поне определени избраници от неговите редици се ползвали с твърде голямо доверие от страна на османската власт, и то, така да се каже, на най-високо равнище.

Войнуците, записани към т.нар. Външна конюшня, имали задължението да обгрижват конете на Великия везир, на втория и третия везир, както и на офицерите от външната дворцова служба. Според регистъра от 1528/1529 г. с това се занимавала група от 266 души⁵⁵. Останалите войнущи, както вече отбелязахме, вероятно имали по-второстепенна роля и извършвали тежката работа по коситбата на ливадите, както и по поддържането на чистотата и снабдяването на Голямата столична конюшня. Всички служещи от тази най-многобройна група войнущи работели под управлението на големия мирахор и неговия помощник – кехаята на Голямата конюшня⁵⁶. Любопитна подробност е, че в случай на война към Голямата конюшня били зачислявани около 100 войнущи⁵⁷, които служели към корпуса на арабаджиите на топовете (лафетистите)⁵⁸ – военната част, която се грижела за транспортването на артилерията. Задачата на тези войнущи била при отсядане във военен лагер да хранят и извеждат на паша товарните животни, които теглели топовете. Специалното отбелязване на тази група войнущи подсказва голямото значение, което имало по време на война бързото придвижване на артилерията към мястото на военните действия. Начело на лафетистите стоял арабаджъ башията на топовете (ser arabasian). Той притежавал и лични коне, за които се грижели петима специално назначени за това войнущи⁵⁹.

Подробните данни в регистъра от 1528/1529 г. за разпределението по служба във вътрешното и външното отделение на Голямата дворцовата конюшня войнущи са обобщени в следващите две таблици:

Табл. № 1. Войнуци на служба към Дворцовата вътрешна конюшня (1528/1529 г.)

Отделения и служби в двореца и конюшните	Брой на разпределените войнуци
Необяздени жребци и кобили (yündan) в отделението за разплод (karın odası)	20
Необяздени жребци и кобили на владетеля „борец за вярата“	27
Личните коне на султана	15
Жребци във Вътрешната конюшня	30
За лафетистите (каруцарите, отговарящи за транспортирането на артилерията)	100 души. Назначават се само при военен поход
Сарач хане – работилница за производство и съхранение на конски седла и други украшения	20
Хазна при сарач хането (там се съхранявали най-ценните конски украшения и седла)	4
Лични коне на началниците на външните бюлюци	16
Дворцовите хлебари (Habbazan-i hassa)	5
Слон/слонове в двореца (Fil-i hassa)	4
Агата при двореца	12
Доставчици на вода за Дивана (Sakkayan-i divan-i hassa)	8
Началникът на Вътрешната хазна	10
Началникът на Килера – килербашъ (Serkileri)	7
Мир-и алем (пазителят на знамената, конските опашки и другите държавни символи)	2

Табл. № 2. Войнуци, разпределени към Външната конюшня в двореца (1528/1529 г.)

Длъжностни лица от двореца и армията	Брой на разпределените войнуци
Великият везир Ибрахим паша	50
Вторият везир Аяс паша	40
Третият везир Касъм паша	40
Ходжата на султана	10
Кадъ аскерът на Румили	8
Кадъ аскерът на Анадола	8
Дефтердарите – по 4 (души)	24
Агата на еничерите	10
Имамът на владетеля	3
Нишанджията	8
Капъджъ башии на двореца (ser kapucian dergâh) – по 5 души	10
Големият мирахор (Mir-i Ahor-i büzürg)	10
Чашнегир башъ	4
Кехая на портата	2
Чавуш башъ при двореца	2
Еминът на зърнените храни (продоволствието)	4
Началникът на лафетистите (Ser arabacian-i top)	5
Санджак-беят на войнуците (Mir-i liva-i voynuğan)	2
Кехая на държавните конюшни (Kethüda-i Ahor)	3
Неразчетен текст?	2
Мустафа Челеби – секретар на Дивана	2
Сеид Бали – секретар на Дивана	2
Девет души за войнушките черибашии – по един войнук на всеки черибашия	9
Джафер? Челеби – емин на регистрите	2

В т.нар. Малка конюшня, според регистъра от 1528/1529 г., под ръководството на малкия мирахор и кехаята на Малката конюшня, дежурството си отбивали 518 редовни войнуци⁶⁰. Те се грижели за „по-второстепенните“ коне и за други товарни животни като камилите и мулетата. Известен брой войнуци обслужвали и личните коне на началниците в Малката конюшня⁶¹. Данните за служещите в Малката конюшня са представени в долната таблица:

Табл. № 3. Войнуци, разпределени на служба към Малката конюшня (1528/1529 г.)

Служба в Малката конюшня	Брой на разпределените войнуци
Товарни животни от конюшните за (?) товарни животни 10 конюшни. За всяка конюшня по 7 души	70
Товарни животни от конюшните за (?) товарни животни. 190 конюшни. За всяка конюшня по двама души	380
Малък мирахор (Mir-i Ahog-i küçük)	8
Водоносци на Дивана	8
Дворцови касапи (kassapan-i hassa)	4
Дворцовите хлебари (habbazan-i hassa)	4
Хлебарите на Дивана (habbazan-i Divan)	5
? (неразчетен текст ???)	2
? (неразчетен текст ???)	2
Кехаята на малката конюшня	2
За пазачите на товарните животни	1
Сарачите на конюшната за товарни животни	10
Бюлюкбашиите на конюшните за товарни животни. Седем души по двама войнуци	14
Сераскерите на лива София. Двама души по един човек	2
Сераскерът в самата София	6

* * *

Изнесените по-горе данни от войнушкия регистър за 1528/1529 г. естествено водят след себе си въпроса за важността на службата на българските войнуци в държавните конюшни от гледна точка на османската власт, а оттам – и въпроса за престижа на войнушката „професия“.

Първото, което трябва да се изтъкне по този повод, е, че по времето, за което говорим, сухопътните армии все още разчитали в много голяма степен на животинската сила. В османската войска, например, чак до края на XVI в. съотношението между конните и пехотните части възлизало на приблизително 3:1 или дори 4:1⁶². Освен това армията се нуждаела не само от ездитни животни, но и от товарен добитък, с който да се транспортира фуражът за бойните коне по време на поход, както и всичко останало, необходимо за поддръжката и изхранването на войниците⁶³. Много показателна за важната роля, която се възлагала на войнушкото присъствие в османската армия, е една заповед от 6 април 1566 г., издадена във връзка с подготвяния нов султански поход (става дума за последния поход на султан Сюлейман I към Унгария, завършил с превземането на Сигетвар). Заповедта, която е адресирана до бейовете на Никопол, Силистра и Ямбол и до кадиите на десетина кадилъци от българските земи, разпорежда войнуците, които са били призвани, но не са се явили своевременно в столицата за служба в похода и по ливадите, незабавно да бъдат екзекутирани за наизидание⁶⁴. От всичко това следва, че дейността, в които били ангажирани войнуците в държавните конюшни в столицата и някои други по-големи провинциални центрове, съвсем не били второстепенни и незначителни, тъй като от тях в много голяма степен зависела бойната мощ на османските въоръжени сили.

На второ място, службата на войнуците от държавните конюшни не се свеждала просто до набор от стандартни селскостопански дейности като косене на държавните ливади, събиране на сено и хранене на конете и другите товарни животни. Въпреки че в държавните конюшни редом с войнуците работели и мнозина специално назначени за това коняри, които пребивавали там цялостно, самият факт, че определена бройка войнуци отговаряли за най-отбраните коне в двореца, включително и за личните коне на самия султан, вече подсказва, че те познавали особеностите на всяко животно и пряко влияели върху формирането на нужните качества, които да го превърнат в кон, годен за кавалерията. Участието на войнуците в грижата за най-добрите коне в двореца се потвърждава и от други източници. Според немския протестантски пастор Стефан Герлах, който прекарал дълги години в османската столица, именно войнуците били хората, които извеждали на паша султанските коне и тези на пашите⁶⁵. Навярно, докато са пасяли тези благородни животни, войнуците са умеели да им въздействат с команди. Във всеки случай изворите показват, че

пряко или косвено нашите войнущи могат да бъдат свързани с редица османски конегледателски практики, описани от западноевропейските пътешественици. Така например в своите „Турски писма“ австрийският дипломат от френски произход от средата на XVI в. Ожие Гизлен дьо Бузбек съобщава, че при османците било традиция по време на горещите лета да изкарват конете навън в нощната прохлада, като ги покриват с конски покривала⁶⁶. Точно по този начин, изглежда, постъпвали с поверените им коне и българските войнущи. За това загатва един текст в регистъра от 1528/1529 г., където се споменава за група войнущи от външното отделение на дворцовата конюшня, които се грижели за „покрити с черен чул коне“ (кага çullu atlar). Вероятно това са били най-добрите коне от външното отделение на дворцовата конюшня. За тях в мирно време, по данни на нашия регистър от 1528/1529 г., се грижели девет войнущи, а по време на военен поход се зачислявали дванадесет души⁶⁷. Между другото, описаната от Бузбек практика за нощна паша се запазва и през XVII в., при това с доказано участие на войнущи в нея. Това личи от записките на добре запознатия с османските нрави френски ориенталист и дипломат Дьолакроа. Французинът, който по време на войната с Полша през 1676 г. пребивавал в лагера на османската армия в Одрин, разказва как вечер, на светлината на запалени факли, войнущите извеждали конете на паша. Описанието му разкрива и някои допълнителни любопитни подробности за битието на обикновените войнущи – например, че на всеки войнук се полагала дреха от бяла аба; че начело на войнущкия корпус стоял един „бей или генерал“, наречен войнук-бей, който предвождал подчинените си и по време на поход; както и че когато войската се разполагала на лагер, в центъра му била разпъвана шатрата на началника на Дорцовата конюшня, а около нея били пръснати „бараките“ на обикновените коняри⁶⁸.

За военния живот на войнущите, както и за задълженията и бита им по време на поход знаем сравнително малко, но през XVI в. те едва ли са се различавали особено от онова, което разказва Дьолакроа за следващото столетие. За войнущките несгоди по време на война лаконично се изказва вече споменатият немски пътешественик от средата XVI в. Ханс Дерншвам, според когото „много българи, около 100, били отведени по Дунава до Амация в Персия, за да пазят конете на султана, на пашите, на спахиите и други, а при това трябвало да нощуват на открито...“⁶⁹. Разбира се, през несигурните военни години лошите битови условия и тежките преходи със сигурност са взимали своите жертви от редовете на войнущите. Това дава основание на някои автори да смятат войнущката служба за извънредно тежка, неблагодарна и рискована⁷⁰, но трябва да се признае, че такава всъщност била и службата на всеки нископоставен във военната йерархия.

И все пак, макар че през XVI в. служели най-вече в обоза на армията, мястото на войнущите в османския военен ред не ще да е било чак толкова маргинално. Едва ли би могло например да се извади заключението, че войнущите от държавните конюшни трябвало непременно да се придвижват пешком до местоназначението си и че едва ли не по принцип им било забранено да яздят и/или да водят със себе си коне, или най-малкото, че това тяхно право било силно ограничено – а именно такава общо впечатление се създава въз основа на някои коментирани или публикувани в български превод текстове на султански заповеди от втората половина на XVI в., нареждащи свикването на войнущите за коситба или за военен поход⁷¹. Всичко се изяснява чрез някои публикации на оригиналните султански заповеди с техния осmano-турски текст. От тях се вижда, че конете, които се допускало войнущите да водят със себе си на поход или на служба в конюшните, били не благородни ездитни животни, а скопени кираджийски коне, обозначававани с персийската дума „баргир“⁶⁷². Става дума за товарни, а не за бойни коне. Пояснението е важно и дава отговор на въпроса каква е причината за забраните войнущите да яздят жребци и кобили по време на служба. Явно конете на войнущите трябвало да са не какви да е, а скопени, за да не застрашават чистокръвността на султанските коне, а по време на война да не нарушават с буйния си нрав походния строй. Обстоятелството, че на войнущите не било по принцип забранено да се качват на седлото и че в походния строй те заемали мястото си именно като конници, личи от писаното в началото на XVI в. от италианеца Дж. Менавино, според когото по време на поход „заедно с тези двама главни коняри (т.е. двамата мирахори) яздят хиляда мъже, наречени войнущи“⁶⁷³.

Последното, което ще споменем тук, е, че не е изключено да е имало някакво разделение между войнущите съобразно характера на изпълняваните от тях задачи: от една страна

– онези, които косели ливадите, складирали сено и поддържали чистотата в конюшните, а от друга страна – онези, които обгрижвали конете на султана и висшите държавни служители и които във войнушкия регистър от 1528/1529 г. са регистрирани в специален списък като „hassa voynukları“. Султанските коне и конете на останалите командни чиновци от армията били достатъчно скъпи, добре дресирани и от чиста порода, за да не може властта да ги поверява в случайни ръце. На българските войнуци, заети с тази почетна задача, вероятно се е гледало като на извънредно ценни служители, които се откроявали от останалите си „колеги“ според способностите и задълженията си.

* * *

От представените дотук данни можем да направим заключението, че в течение на първите два века от османското владичество естеството на войнушката служба търпи съществено изменение. Докато през XV и началото на XVI в. все още много войнуци, включително онези от Кюстендилския санджак, Знеполско и Берковско, били бойци джебелци, то към средата на XVI в. всички войнуци от българските земи вече трябвало да работят в държавните конюшни.

Още от първата половина на XVI в. войнуците от вътрешността на българските земи изпълняват изцяло военнопомощна служба и се грижат за конете на различни длъжностни лица. Но дори и в тези им задачи има разделение. Войнуците, рекрутирани от Софийския и Никополския санджак, под командата на девет сераскери изпълнявали служба в Малката конюшня и във външното отделение на Голямата конюшня, където се грижели за товарните животни – камили и мулета, както и за второстепенните по важност коне. Те били заети също така с косене на сено и с почистване на оборите. На войнуците, директно подчинени на войнушкия санджак-бей, била оказана честта и гласувано доверието да се грижат за личните коне на султана и другите големци. Нямаме данни какъв е бил психологическият ефект в съзнанието на грижещите се за султанските коне (esban-i hassa) от Вътрешната дворцова конюшня. Но не е изключено тази отговорна работа да им е давала някакво усещане за значимост, а оттам – и по-високо самочувствие сред останалите войнуци. Тъй като войнуците, разпределени на служба в дворцовата конюшня, произхождали главно от Североизточна и Северозападна Тракия, както и от района на Източна Стара планина, можем да си обясним до известна степен защо селища като Панагюрище и Жеравна, разположени точно в тези региони, са останали в съзнанието на следващите поколения като най-прочутите войнушки средища, чиито жители са били носители на силен дух и будно народностно самосъзнание.

¹ Радушев Е. Опис на регистри от Истанбулския османски архив към Генералната дирекция на държавните архиви на Република Турция / Е. Радушев, Р. Ковачев. Народна библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. Ориенталски отдел. – София, 1996.

² Според познатите ни войнушки закони от XVI в. от редовните войнуци не се изисквало да плащат харадж (поголовен данък джизие), испенче, юшур (десятьък), tekâlif-i ôrfiye (обичайни повинности), avâziz-i divâniye (извънредни държавни данъци), âdet-i ađnam (данък върху овцете) до сто глави, както и данък върху свинете. Турски извори за историята на правото в българските земи (по-нататък – ТИИПБЗ). – Т. 1 / Съст. Г. Гълъбов. – София, 1961. – С. 279, 282, 286, 288; Турски извори за българската история (по-нататък – ТИБИ). – Т. 5: Документи за войнуците / Ред. и исторически коментар Б. Цветкова. – София, 1974. – С. 21, 24, 34.

³ Дринов М. Болгария накануне ея погрома. // Дринов М. Съчинения. – Т. 3. – София, 1915. – С. 47; Иречек К. Пътувания по България. – София, 1974. – С. 404–410; Ихчиев Д. Исторически принос за „войниганите“ при турската войска от 1374 год. дори до 1839 год. след Хр. до Танзимата // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. – Год. XVII. – Св. 9–10. – София, 1905. – С. 708–742; Милетич Л. Поземлената собственост и войнушките бащини в турско време // Периодическо списание на българското книжовно дружество. – Год. XVII. – Св. 5–6. – София, 1905. – С. 307–335; Гълъбов Г. Османотурски извори за българската история. Св. 1. Няколко стари османотурски документи относно войниганите // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет (по-нататък – ГСУИФФ). – 1938. – № 34. – С. 1–69; Същият автор. Османотурски извори за българската история. Св. 3. Три стари закона и други османотурски документи относно войниганите // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет (ГСУИФФ). – 1942–1943. – № 39. – С. 1–98; Венедиков Й. Българите войници (войнигани) в старата турска войска // Българска военна мисъл. – Год. V. – Кн. 8. – С. 236–251; Мутафчиева В. Към въпроса

за положението на войнушкото население // Известия на Държавната библиотека „Васил Коларов“ за 1952 г. – 1953. – С. 247–276; *Радушев Е.* Османската гранична периферия (серхад) в Никополския вилает през първата половина на XVI век. // Българският шестнадесети век: Сборник с доклади за българската обща и културна история през XVI век. – София, 1996. – С. 187–213; *Тетовска М.* Войнуците в българските земи през XVI век – териториално разпределение и количествена характеристика // Турските завоевания и съдбата на балканските народи, отразени в исторически и литературни паметници от XIV–XVIII век. – Велико Търново, 1992. – С. 200–203; *Гурџев Бр.* О войнуцима са освртом на развој турског феудализма и на питање босанског агалука // Гласник Земалског музеја у Сарајеву. – Св. II, Сарајево, 1947. – С. 75–137; *Стојановски Ал.* Раја со специјални задолженија во Македонија (войнуци, соколари, оризари и солари). – Скопје, 1990; *Ercan Y.* Osmanlı İmparatorluğunda Bulgarlar ve Voynuklar. – Ankara, 1989; *Ercan Y.* The Taxes Imposed on Voynuks and Those from Which They were Exempted // *Revue de Études Sud – Est Européennes.* – Vol. XXI – Bucarest, 1983. – P. 341–348.

⁴ *Ercan Y.* Osmanlı İmparatorluğunda Bulgarlar ve Voynuklar... – S. 38–43.

⁵ Ibidem.

⁶ *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* (по-нататък – BOA), TD 151, s. 1.

⁷ Ibidem, s. 1–380.

⁸ Ibidem, s. 383–386.

⁹ Ibidem, s. 387–389.

¹⁰ BOA, TD 21: Подробен регистър на войнуците от санджака Кюстендил за 1487/1490 г.; BOA, TD 370: Съкратен регистър на тимари, зеамети, хасове, мукатаи, мюлкове, вакъфи, чифлици и крепости по територията на еялета Румили от 1530 г.; BOA, TD 167: Съкратен регистър на тимари, зеамети, хасове, мукатаи, мюлкове, вакъфи, чифлици и крепости по територията на еялета Румили от 1530 г.; BOA, TD 26: Подробен регистър на тимари, зеамети, мюлкове, чифлици и вакъфи върху територията на санджака Паша от 1489/1490 г.; BOA, TD 494: Подробен регистър на тимари, зеамети и хасове за територията на санджака Паша от 1570 г.

¹¹ В труда си „Хешт бихитг“ („Осемте рая“) Идрис Битлиси (?–1520) твърди, че войнуците били „стари спахии“, заварени при османското завладяване на Балканския полуостров, както и че, за разлика от останалите „неверници“, те се били запазили изцяло като конен корпус и били използвани като пазачи на конете (*Мутафчиева В.* Към въпроса за положението на войнушкото население... – С. 250; *Ercan Y.* Osmanlı İmparatorluğunda Bulgarlar ve Voynuklar... – S. 43–50). По малко по-друг начин представя учредяването на войнушката институция Хюсеин (1568/69 – ок. средата на XVII в.), който пише, че „по време на невернишкото управление“ войнуците били част от групата на военните (*askeri taufesinden*), поради което след завоеванието „понасали извънредно тежко раетското [си] състояние“. Тогава, според Хюсеин, по инициатива на втория румелийски бейлербей Тимурташ османската власт намерила за целесъобразно да ги включи във военната си организация, като използва уменията им (*Хюсеин.* Беда` и ул – века` и (Удивительные события) / Изд. текста, введение и общая ред. А.С. Тверитиновой. Аннот., оглавление и указатели Ю.А. Петросяна. – Ч. I. – Москва, 1961, С. 69 б.).

¹² *Иналджък Х.* От Стефан Душан до Османската империя // Епохата на султан Мехмед II Завоевателя: Изследвания и материали / Превод от турски Е. Радушев. Превод на приложенията Мария Калицин. – София, 2000. – С. 203, 233–236.

¹³ Джебe – въоръжение, броня. Джебелю – въоръжен и облечен с ризница боец.

¹⁴ *Желязкова А.* Балкански етнически елемент в османските въоръжени сили през XV–XVI век // Военноисторически сборник. – 1983. – № 6. – С. 80–82; *Радушев Е.* Ролята на османската войска в ислямско-асимилационния процес на Балканите // Турските завоевания и съдбата на балканските народи, отразени в исторически и литературни паметници от XIV–XVIII век: Международна научна конференция. Велико Търново, 20–22 май 1987 г. – Велико Търново, 1992. – С. 206. Както е известно, всеки спахий бил задължен да води със себе си по време на война по един джебелю за всеки 3000 ачета доход от тимара си (*Иналджък Х.* Османската империя. Класическият период 1300–1600. – София, 2006. – С. 115).

¹⁵ TD 167, s. 191, 199, 204, 209, 210, 365–367.

¹⁶ *Стојановски Ал.* Раја со специјални задолженија во Македонија... – С. 26.

¹⁷ Гьондер или низе, което значи „копие“. Най-малката организационна единица във войнушкия корпус.

¹⁸ *Стојановски Ал.* Раја со специјални задолженија во Македонија... – С. 30–31.

¹⁹ Пак там. – С. 27.

²⁰ *Калицин М.* Корона на историите на Ходжа Садеддин. – Велико Търново, 2000. – С. 194–195.

²¹ TD 151, s. 87. Във войнушкия опис от 1528/29 г. за 700 войнуци от нахията Знеполе е записано: „От нахия Изнепол, спадаща към Шехиркьой. Нови черни войнуци. Джебелю войнуци, които със заповед на падишаха закрилик на света са записани като черни войнуци в държавните конюшни. Под командването на сераскера Ахмед Кеманкеш“.

²² TD 167, s. 191, 199, 204, 209, 210. В края на XV в., през 1487 г., в Кюстендилския санджак била регистрирана най-многочислената група джебелю-войнуци, които наброяват 1530 джебелю-войнуци: 381 джебелю и 1149 ямаци (TD 21, s. 1–144).

²³ TD 167, s. 429–439. През 1530 г. в съставения тогава съкратен регистър на населението в Румелия са регистрирани 43 джебеллии и 182 ямаца от санджака Аладжахисар (Крушевац), както и 103 джебеллии и 509 ямаца в нахията Делбочиче от казата Ниш.

²⁴ TD 151, s. 1–317, 381.

²⁵ Ibidem.

²⁶ ТИИПБЗ. – Т. 1. – С. 217, 237.

²⁷ *Гълъбов Г.* Османотурски извори за българската история. Св. 1... – С. 53–54; ТИИПБЗ. – Т. 1. – С. 302–303.

²⁸ TD 151, s. 382.

²⁹ ТИИПБЗ. – Т. 1. – С. 217, 237.

³⁰ TD 151, s. 317–380.

³¹ Ibidem, s. 382.

³² В подробен тимарски регистър от 1490 г. например е записано, че войнушкият санджак-бей Хамза получава от всеки един войнук в Пловдивско и Пазарджишко по 8 акчета гьондер акчеси (TD 26, s. 157). Според подробен тимарски регистър от 1570 г. тази такса е нарастнала до 16 акчета от всеки войнук в казите Филибе и Пазарджик, докато в Ямболско, Провадийско и Силистренско тя все още е по 8 акчета (TD 494, s. 686). В Софийския и Никополския санджак обаче таксата гьондер акчеси се плаща разделно – по 6 акчета от дежурния войнук и по 5 акчета от ямаците му, като не била предназначена за издръжка на войнушкия санджак-бей, а се събирала в полза на държавната хазна (ТИИПБЗ. – Т. 1. – С. 286).

³³ TD 151, s. 383–386; TD 370, s. 96; TD 494, s. 678–683, 686.

³⁴ *Срв. Калъонски А.* Юруците. София, 2007. – С. 145.

³⁵ *Сярова Н.* Един италианец в двора на султана. Джовани Антонио Менавино // Пет книги за нравите, обичаите и живота на турците / Под редакцията на проф. Хр. Матанов. – София, 2004. – С. 39.

³⁶ Пак там. – С. 299.

³⁷ Пак там.

³⁸ Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII в. / Съст. и ред. Б. Цветкова. – София, 1975. – С. 116.

³⁹ Пак там.

⁴⁰ Пак там.

⁴¹ *Стефан Герлах.* Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград / Подбор и превод М. Киселинчева. Предг. и ред. Б. Цветкова. – София, 1976. – С. 68.

⁴² TD 151, s. 389.

⁴³ Ibidem, s. 381.

⁴⁴ Ibidem, s. 387.

⁴⁵ Ibidem, 387–388.

⁴⁶ Ibidem, s. 387.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Дневникът на Хан Дерншвам за пътуването му до Цариград през 1553–1555 г. / Превод М. Киселинчева. – София, 1970. – С. 73.

⁵² TD 151, s. 387.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ *Сярова Н.* Един италианец в двора на султана... – С. 298.

⁵⁵ TD 151, s. 388.

⁵⁶ Повече подробности за началниците на столичните конюшни виж в: *Йорданов Кр.* Командно-управленски апарат на войнушката институция в българските земи под османска власт през XV–XVI век: йерархична структура, функции и кадрови състав // Исторически преглед. – 2012. – Бр. 3–4. – С. 73–80.

⁵⁷ TD 151, s. 387.

⁵⁸ Лафет – специална поставка с колела, върху която е сложено артилерийско оръдие.

⁵⁹ TD 151, s. 388.

⁶⁰ Ibidem, s. 388.

⁶¹ Ibidem.

⁶² *Murphey R.* Ottoman Warfare, 1500-1700. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1999. – P. 20.

⁶³ За организацията на военния транспорт в османската армия вж. Ibidem. – P. 70–83.

⁶⁴ *Калицин М.* Подбрани османски документи за Търново и Търновска каза / М. Калицин, Кр. Мутафова. – Велико Търново, 2003. – С. 251 (№ 13).

⁶⁵ *Стефан Герлах.* Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград... – С. 68; Тези сведения се потвърждават и в пътеписите на Никола дьо Николе и Дьолакроа (Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII век... – С. 116, 255).

⁶⁶ Life and Letters of Ogier Ghiselin de Busbecq, Seigneur of Bousbecque, Knight, Imperial Ambassador / By Charles Thornton Forster, M. A. and F. H. Blackburne Daniell, M. A. – Vol. 1. – London: C. Kegan Paul & Co, 1881. – P. 217.

⁶⁷ TD 151, s. 387.

⁶⁸ Френски пътеписи за Балканите... – С. 255; Срв. Memoire du Sieur De La Croix, Cy-Devant Secretaire de l'Ambassade de Constantinople. Contenant Diverses Relations tres-curieuses de l'Empire Othoman. Premiere Partie. A Paris, M. DC. LXXXIV (1684 г.). – P. 295–298.

⁶⁹ Дневникът на Ханс Дерншвам... – С. 189.

⁷⁰ Мутафчиева В. Към въпроса за положението на войнушкото население... – С. 253–254, 257.

⁷¹ Вж. напр. цитиран ферман от 28.II.1568 г., за който се казва, че заповядвал мобилизираните за коситба войнуци в никакъв случай да не водят със себе си коне, кобили и жребци (Грозданова Е. Българите през XVI век. По документи от наши и чужди архиви / Е. Грозданова, Ст. Андреев. – София, 1986. – С. 71). Вж. също заповед от есента на 1565 г., в която се нарежда войнуците да се явят за участие в султански поход през пролетта на следващата година. Според преводача на документа те имали право да водят със себе си обикновени коне, но не и да яздят кобили (Дорев П. Документи за българската история. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви. – София, 1940. – С. 2, док. № 4). Срв. подобна заповед от 1582 г., според която войнуците имали право по време на службата си в столичните конюшни да яздят коне, но не и кобили (Пак там, с. 15, док. № 34).

⁷² 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). – Ankara, 1993. – № 761; Ercan Y. Osmanlı İmparatorluğunda Bulgarlar ve Voynuklar... – S. 110; Вж. български превод на документа в: Калицин М. Подбрани османски документи за Търново и Търновска каза... – С. 247–248 (№ 11).

⁷³ Сярова Н. Един италианец в двора на султана... – С. 299.

УКРАЇНСЬКО-ОСМАНСЬКІ ВІДНОСИНИ ОСТАННЬОЇ ТРЕТИНИ XVII СТ. І „ТУРЕЦЬКИЙ ПРОЕКТ“ ГЕТЬМАНА П. ДОРОШЕНКА

Д. В. Журавльов

Журавльов Д. В. Українсько-османські відносини останньої третини XVII ст. і “турецький проект” гетьмана П. Дорошенка. В статті розглядаються перипетії українсько-османських відносин останньої третини XVII ст., особливості «турецького проекту» гетьмана П. Дорошенка, роль і місце Османської імперії часів правління Мехмеда IV та візирів династії Кеprюлю в українській зовнішній політиці, висвітлюються причини успіхів та невдач турецького вектора в політиці Дорошенка.

Ключові слова: козацька Україна; Османська імперія; дипломатія; васально залежна держава.

Журавлев Д. В. Украинско-османские отношения последней трети XVII века и “турецкий проект” гетмана П. Дорошенко. В статье рассматриваются перипетии украинско-османских отношений последней трети XVII века, особенности «турецкого проекта» гетмана П. Дорошенко, роль и место Османской империи времен правления Мехмеда IV и визирей династии Кеprюлю в украинской внешней политике, освещены причины успехов и неудач турецкого вектора в политике Дорошенко.

Ключевые слова: казацкая Украина; Османская империя; дипломатия; вассальное государство.

Zhuravlyov D. V. Ukrainian-Ottoman Relations in the Last Third of 17th century and the “Turkish Project” of Hetman P. Doroshenko. The paper deals with the vicissitudes of the Ukrainian-Ottoman relations during the last third of the 17th century, especially with Hetman Doroshenko’s “Turkish project”, the role and place of the Ottoman Empire under the reign of Mehmed IV and Koprulu viziers in the Ukrainian foreign policy, highlights the reasons for the successes and failures of Turkish vector in Doroshenko’s policy.

Keywords: Cossack Ukraine; Ottoman Empire; diplomacy; vassal state.

Гетьмана Петра Дорошенка сучасники не дарма називали “Сонцем Руїни”. Це була людина, котра всупереч усім геополітичним розкладкам на короткий час об’єднала козацьку Україну, не зумівши зрештою вистояти в безнадійній боротьбі проти своїх та чужих. Один з тих гетьманів, котрі безліч разів особисто водили в бій своє військо, мудрий політик, талановитий дипломат, пристрасний і не надто щасливий в особистому житті чоловік, палкий патріот, гордий володар, який не хотів бути нічиєю маріонеткою і найпошлюбніше після Богдана Хмельницького намагався об’єднати українські території. Коротше – це одна людина-міф, людина-символ легендарної козацької епохи. Важливу роль в карколомному політичному житті гетьмана відіграла “османська політична карта”, що нерідко виступала в ролі такого собі “джокера” чи “туза в рукаві” володаря Чигириня.

Отримавши гетьманську булаву влітку 1665 р., П. Дорошенко, за порадою кримського хана Мехмед-Гірея, відразу ж листовно задекларував свою прихильність до протекції Речі Посполитої. Так новообраний гетьман сподівався вирішити проблему об’єднання козацької України¹.

Проте, прийшовши до влади за допомогою домовленості з Кримом, Дорошенко у перші роки свого правління постійно контактував і з володарями Кримського ханства – васала Османів – стосовно здійснення спільних військових операцій на Лівобережжі. Улітку 1666 р. відбулася перша така українсько-татарська акція. У результаті Дорошенко опанував багатьма містечками Переяславського та Полтавського полків. Однак Річ Посполита не підтримала спроби П. Дорошенка об’єднати Україну – наприкінці 1666 р. коронна армія вступає на Правобережжя².

Того ж року гетьманський уряд відсилає своїх представників на вальний сейм Речі Посполитої з пропозиціями від Українського гетьманства, які були сформовані на козацькій раді під Лисянкою. Незважаючи на те, що домагання козаків у 1666 р. зводилися лише до відновлення умов Зборівської угоди 1649 р., вони, однак, так і не були прийняті польською стороною. Саме це і підштовхувало гетьманський уряд до пошуку кращого протектора

для України. А оскільки польський і московський монархи вже показали на що вони здатні, вибір зупинився на третьому, який хоч і виступав раніше (за часів Б. Хмельницького) в ролі протектора Українського гетьманства, але швидше формального, ніж реального. Це був султан (падишах) Османської імперії Мехмед IV Авджі (1642–1693 рр., правив у 1648–1687 рр., син валіде Турхан-султан, родом з України, з 1651 р. правив до повноліття сина). Ключову роль в османській зовнішній політиці за правління цього падишаха відігравали великі візирі (садразами) з албанської за походженням династії Кепрюлю: протягом 1656–1661 рр. – її засновник Мехмед-паша Кепрюлю; в 1661–1676 рр. – його син Фазил-Ахмед паша Кепрюлю-заде; в 1676–1683 рр. – Кара-Мустафа Мерзифонлу, всиновлений Кепрюлю³. Іншою причиною звернення гетьмана до мусульманського володаря про визнання його зверхності було небажання польського монарха надати Дорошенкові військову допомогу для завоювання Лівобережжя, а також початок процесу примирення Польщі та Росії за рахунок розподілу українських земель.

Влітку 1667 р. послы Дорошенка закликали султана і хана виступити проти “ляхів”, заявляючи про готовність П. Дорошенка прийняти протекцію Мехмеда IV. Саме після цього османський уряд, ймовірно, почав ставитися до українців як до своїх потенційних підданих⁴.

30 січня 1667 р. між Річчю Посполитою та Московською державою було підписано Андрусівське перемир'я, яке фактично стало угодою про міжнародно-політичний поділ сфер впливу над Україною.

Дізнавшись про умови Андрусівського перемир'я, гетьман П. Дорошенко реагує блискавично – на початку лютого 1667 р. він відсилав своїх послів до Бахчисарая з пропозицією укладення українсько-кримського військово-політичного союзу. За допомогою Кримського ханства гетьман намагався замирити Османську імперію з Московською державою і створити антипольський блок держав у складі України, Московського царства, Османської імперії та Криму.

Але, зважаючи на те, що хан без свого протектора, султана Мехмеда IV, не міг вирішити питань, поставлених перед ним українськими послами, Дорошенко відсилав свої дипломатів до Туреччини. 6 і 9 липня 1667 р. посольство Війська Запорізького на чолі з М. Раткевичем-Портянкою були прийняті султаном в Адріанополі (Едірне). Згідно із твердженнями турецьких джерел, українці заявили про підданство падишаху та готовність виставити для потреб Османської імперії 50-тисячне військо. Польський посол Є. Радзівський, який у той же час перебував в Адріанополі, зазначав, що посланці Дорошенка у розмові з ним після прийому у султанському палаці заявили про те, “що Україна так далека від підданства Польщі, як далеке небо від землі”⁵. Автор анонімної реляції про посольство Радзівського 1667 р. свідчив, що козаки запевняли султана, що “перевернуть поляків догори ногами”⁶. Заява про підданство українців свідчила про повтор політичного кроку П. Дорошенка у 1666 р. Вважаємо, що Дорошенкові послы також хотіли домовитися про військову допомогу султана та добитися від нього наказу кримському хану виступити разом із Військом Запорозьким проти Польщі.

У результаті декларування гетьманом П. Дорошенком турецької протекції у східно-європейському регіоні відродився такий собі “третій зовнішньополітичний вектор”, що з часу гетьманування Б. Хмельницького наполегливо шукав шлях до посилення свого впливу в Україні. Після укладення 10 серпня 1664 р. в угорському містечку Уасварі миру з Австрійською імперією, який залишав під зверхністю Османської імперії Трансільванське князівство і більшу частину Угорщини, молодий і доволі енергійний (на фоні своїх попередників⁷) султан Мехмед IV вирішив безпосередньо втрутитися в події, які розгорталися навколо міжнародного визначення політичного статусу Українського гетьманства. У серпні 1667 р., під час перебування в Адріанополі польського посла Висоцького, турецькі урядовці заявили, що мир між Туреччиною й Польщею можна зберегти лише тоді, коли король остаточно зречеться України, яка добровільно прийняла підданство султана. Турецький великий візир Фазил-Ахмед Кепрюлю в листі до польського підканцлера Ольшевського писав про те, що козаки, як вільний народ, прийняли підданство короля Речі Посполитої за умови поважання їхніх прав, але польський монарх їх порушив, і тому українці попросили захисту в Османській імперії⁸.

Після посольств до Криму і Туреччини, які мали чіткі антипольські інструкції, П. Дорошенко розпочинає переговори з московськими представниками. Вони умовляли українського гетьмана відійти від союзу з татарами. На що П. Дорошенко їм відповідав, що

не буде поривати стосунків із Кримом, оскільки хан є союзником Речі Посполитої. Окрім того, зазначав гетьман, Військо Запорозьке, згідно з положеннями Гадяцької угоди 1658 р., є у підданстві польського короля⁹.

Як же узгоджувалися ці слова правобережного гетьмана із заявою українських послів в Османській імперії? На думку Т. Чухліба, такі взаємозаперечуючі тези висувалися у той час гетьманом, зважаючи на його гнучку політику, яка була спрямована на можливість прийняття подвійної протекції: з одного боку, це мав бути турецький султан Мехмед IV, а з іншого – польський король Ян II Казимир. Т. Чухліб цілком резонно вважає, що в даному випадку володар Чигирин міг посилатися на загальноновизнану світову практику, наприклад, аналогічного подвійного васалітету господарів Молдавського князівства щодо Османів і Речі Посполитої¹⁰.

Зовнішньополітичні заходи Дорошенка – посольства про допомогу до Криму і Туреччини, переговори з Росією, похід до Західної України і укладення перемир'я з Польщею – не привели до бажаних результатів. 28 жовтня 1667 р. Андрусівське перемир'я було ратифіковано царем Олексієм Михайловичем у Москві.

Реакція П. Дорошенка та його оточення на дії обох головних християнських монархів регіону в 1667 р. була вкрай негативною. Український гетьман, довідавшись про ратифікацію андрусівських домовленостей у Москві, був дуже засмучений разом з усією старшиною і пролежав “тяжко хворий” протягом двох днів. Під час церковної служби поминалися польський король і московський цар як захисники християнської віри. Очевидно, такі дії гетьмана мали засвідчити перед посланцем Москви те, що він хоч і шукає захисту у турецького султана, однак не “побусурманився” і сподівається на інше вирішення російсько-польського протистояння за Україну.

У зв'язку з тим, що українці продовжували відстоювати незалежність своєї вітчизни, більшість зі статей Андрусівського перемир'я практично не виконувалися, а тому протягом жовтня – грудня 1667 р. польсько-російські переговори продовжилися у Москві. Поряд із твердою позицією П. Дорошенка іншою причиною продовження переговорного процесу між королем і царем стала небезпека безпосереднього втручання в їхню боротьбу за Україну третьої потужної сили – Османської імперії. Московський трактат, який був укладений між Росією і Польщею у грудні 1667 р., мав чітку антитурецьку спрямованість. Однак, разом із тим, він став не стільки союзом проти агресії Туреччини, скільки союзом проти козацької України.

У жовтні 1667 р. Дорошенко під тиском і за посередництвом кримського хана визнає зверхність польсько-литовського короля Яна-Казимира та складає йому присягу під Підгайцями.

Одночасно Дорошенко запропонував Я. Собеському узгодити засади майбутніх відносин між козацькою Україною та Річчю Посполитою. Очевидно, таким чином Дорошенко хотів покращити для себе попередні умови підданства королю та відтягнути час для правового оформлення своїх стосунків із султаном Османської імперії.

До компромісного Підгаєцького перемир'я з Річчю Посполитою й присяги королю 19 жовтня 1667 р. гетьмана підштовхнула позиція Кримського ханства, яке перед тим, 16 жовтня, уклало союзницьку угоду з Польщею.

Протягом першої половини 1668 р. П. Дорошенку ціною великих зусиль все ж таки вдалося оволодіти більшою частиною Лівобережжя й скликати там загальноукраїнську раду для вибору гетьмана обох сторін Дніпра. Вона відбулася 8 червня 1668 р. Отже, мрія Дорошенка, хоча й ненадовго, здійснилася. Він нарешті зумів зробити те, що не вдалося його попередникам – Ю. Хмельницькому й П. Тетері, а саме – об'єднати розтерзану сусідніми монархами та внутрішніми чварами Україну.

В усіх українських церквах молилися за “благочестивого і Богом даного гетьмана Петра”. Адже у той час він видав низку універсалів щодо охорони багатьох храмів і монастирів й підтвердив право на їхні маєтності. Посилення влади Дорошенка дуже налякало верхівку Речі Посполитої, яка переживала, щоб цей український гетьман із васала не перетворився на “удільного” володаря¹¹. Очевидно, саме тому польські хоругви ще перед приходом П. Дорошенка на Лівобережжя підступно напали на Павлоцький і Кальницький полки, тим самим порушивши умови Підгаєцького перемир'я 1667 р.

У червні 1668 р. коронна армія розпочала наступ на Брацлавщину і Київщину. Це спричинило до відтягнення основних сил Дорошенка з Лівобережжя. Політика україн-

ського гетьмана щодо нейтралізації Польщі шляхом запевнення її в підданстві на деякий час спрацювала. Все це переконливо свідчить про вірно обрану Дорошенком традиційну козацьку тактику – лякати короля султаном, а султана королем¹².

Залишаючи Лівобережжя, П. Дорошенко призначив там наказним гетьманом миргородського полковника Д. Многогрішного. Призначений 8 червня 1668 р. Дорошенком гетьманом Сіверським, Многогрішний уже наступного року під тиском власної старшини та російських військ скликав на Лівобережжі Генеральну раду, де і був обраний гетьманом лівобережної частини Українського гетьманату та склав присягу московському цареві.

Ще в січні 1668 р. на старшинській раді у Чигирині було ухвалено рішення: “З обох сторін Дніпра жителям бути в з’єднанні й жити б осібно і давати дань Турецькому Царю і Кримському Хану, так само, як і Волоський Князь платить, а щоб під рукою Великого Государя і Королівської Величності з цього часу не бувати”¹³. Султан мав забезпечити українцям, щоб “з прикордонними і близькими володарями, найперше з королем Польським і з царем Московським, союзу дружнього не творити без відомості і згоди нашого Гетьмана і всього війська козацького”¹⁴. Крім того, українська сторона висувала низку умов свого підданства османському володарю, які перед султаном оголосило чергове козацьке посольство у квітні того ж року. Якби Мехмед IV не прийняв цих пропозицій, то, як зазначалося в документі під назвою “Статті, на яких П. Дорошенко піддався турецькому султану, привезені з Царгорода”, гетьман з усім “Військом Запорозьким подумає й іншим яким про себе заявить способом”¹⁵.

У червні – липні 1668 р. на старшинській раді Війська Запорозького урочисто приймали турецького чауша Юсуф-пашу, якому українські урядовці повторили рішення січневої ради старшин про бажання бути в підданстві султану, а у вересні того ж року до Чигирина прибув Гачабаш-паша, який запевнив П. Дорошенка про прийняття України під турецький протекторат. 11 (21) березня 1669 р. на Генеральній раді Війська Запорозького поблизу Корсуня офіційно проголосили про підданство султану на зразок залежності від Порту Волоського й Молдавського князівств. У червні 1669 р. султан видав два універсали (берати), які затверджували П. Дорошенка на гетьманстві з умовою поширення його влади на всю Україну – як Правобережну, так і Лівобережну. Наприкінці літа гетьман Дорошенко на козацькій раді поблизу Умані прийняв від нового протектора Мехмеда IV за посередництвом турецького посла булаву, бунчук, кафтан і грамоту на підтвердження своїх владних повноважень¹⁶.

Отже, у руках Дорошенка одночасно опинилися клейноди від польського короля й турецького султана. Найголовнішою причиною такої зміни політичного курсу українського уряду були великі сподівання Дорошенка на те, що Османська імперія забезпечить об’єднання України, а також позбавить її від нападів із боку Кримського ханства.

Залякування польського короля і московського царя турецькою протекцією, а також критика українською стороною андрусівських і московських домовленостей та оволодіння П. Дорошенком у 1668 р. Лівобережною Україною, а отже, і значне посилення його влади змусило Москву та Варшаву піти на деякі поступки українцям. При підготовці т.зв. Других Андрусівських переговорів Польщі і Росії останніми в особі московського дипломата О. Ордина-Нащокіна у серпні 1669 р. було запропоновано Україні взяти участь у цьому процесі. Але у листі-відповіді від 23 грудня український гетьман відмовився прислати своїх представників, аргументувавши свій вчинок тим, що буде окремо домовлятися спочатку з Москвою, а потім із Варшавою. Окрім того, Дорошенко запропонував андрусівським комісарам перенести свої засідання до Києва, де б вони вирішили всі спірні питання¹⁷.

Ще на початку 1669 р. Дорошенко надсилав листа польському королю (тепер уже Михайлові Вишневецькому), в якому запевняє його, що не піддавався султанові. Іншим доказом проведення гетьманським урядом Дорошенка політики полівалітетності стало висилання “пунктів” від Війська Запорозького на елекційний сейм у Варшаві, що відбувався протягом травня-липня 1669 р. Дорошенко відразу ж після повернення своїх послів до Чигирина знову направляв до польського короля листа, в якому запевняє, що не піддавався султанові.

На початку 1670 р. П. Дорошенко знову випробував міцність московських військ на Лівобережжі. Український гетьман 30 березня прохав короля Михайла Корибута: “Україну Москві не віддавати і пакти Андрусівські відмінити”¹⁸. У листі до білоцерківського коменданта П. Дорошенко знову ж таки вимагав у поляків відректися від андрусівських домовленостей із Московською державою і висував план відвоювання в неї Лівобережжя¹⁹.

7 березня того ж року польськими і російськими комісарами були підтвержені положення Андрусівського перемир'я та Московського договору 1667 р. Було ухвалено і надалі скликати спільні дипломатичні комісії за дозволом короля та царя, де, зокрема б обмірковувалися заходи щодо відриву правобережного Українського гетьманства від союзу з Османською імперією і “приведення українців до належного послуху”²⁰. Водночас гетьман Правобережної України не збирався відмовлятися від протекції турецького султана, зазначаючи, що це є найкращим вирішенням складного міжнародного становища України, адже в іншому разі їй довелося б самостійно воювати проти Речі Посполитої, Кримського ханства і тієї ж Османської імперії. Треба зазначити і той факт, що цю точку зору правобережного гетьмана поділяла більшість старшини його уряду.

Готуючись до українсько-польської мирної комісії в Острозі, Дорошенко в інструкції козацьким комісарам від 10 травня 1669 р., окрім інших, висував і вимоги до польського уряду забезпечити право гетьмана Війська Запорозького урядувати на “обох берегах” Дніпра²¹. Але сподіванням П. Дорошенка так і не вдалося здійснитися, зважаючи на поступливішу щодо Варшави політику його супротивника М. Ханенка, який 2 вересня 1670 р. підписав свій, вельми “угодовський”, варіант угоди з Річчю Посполитою. Угода Ханенка по суті повторювала положення Слободищенського трактату Ю. Хмельницького з Яном II Казимиром і набагато поступалася проекту Дорошенка саме у визначенні політико-правового статусу України. Недарма П. Дорошенко після прибуття його послів із вального сейму 1670 р. (там спеціальною постановою-конституцією були затверджені домовленості з Ханенком, а Дорошенка визнано зрадником Речі Посполитої) відразу ж скликав старшинську раду і за її результатами заявив королівському послу, львівському єпископу Й. Шумлянському, що, “коли король і Річ Посполита дозволяють собі з нами такі жарти, то мусять пролитися християнська кров. Вже посилаємо по Орду. Не тільки Турчина, але й самий Ахерон подвигнемо на Польщу!”²².

Того ж місяця старшинська рада остаточно ухвалоє визнати протекцію Мехмеда IV. Окрім того, Дорошенко посилає до Бахчисарая брацлавського полковника Лисицю із завданням прохати кримського хана про надання військової допомоги проти Польщі. З аналогічним завданням до Стамбула відправляється паволоцький полковник Ярош. Одночасно послі Дорошенка продовжують намагання щодо переукладення з поляками Острозької угоди.

Разом із тим український гетьман і далі листувався з королем Михайлом Корибутом Вишневецьким та великим коронним гетьманом Я. Собеським. Наприкінці березня 1671 р. Дорошенко знову висилає до Варшави пропозиції примирення (вони повторювали Острозький проект), тим самим востаннє пропонуючи Короні прийняти їх перед загрозою оголошення війни. Отримавши чергову відмову, гетьман у липні, за сприяння татарсько-турецьких сил, розпочинає облогу Білої Церкви. Натомість на територію правобережної частини козацької України вступає польська армія на чолі із Собеським, яка, підсилена полками М. Ханенка та І. Сірка, до кінця року опанувала Брацлавом, Могилевим, Баром, Меджибожем, Вінницею та іншими містами.

Турецький чауш Ахмед, який наприкінці грудня 1671 р. прибув до Варшави для ведення переговорів, заявив королеві, що українці прийняли зверхність короля за умови шанування їхніх прав, а польський володар не дотримувався даних їм обіцянок сюзерена і тому “понад 30 років вже не є справжнім паном України”. Разом із тим кожний народ може схоронитися “під опікою султана Османської імперії”, – наголошував посол султана, маючи на увазі Україну, яка перебувала під владою Дорошенка²³.

Улітку 1672 р. багатотисячна турецька армія (до неї входили підрозділи численних османських васалів) на чолі з султаном перейшла Дністер і оволоділа Поділлям. У серпні П. Дорошенко мав аудієнцію у Мехмеда IV, де, очевидно, той дозволив йому брати участь у турецько-польських переговорах, що відбувалися у західноукраїнському містечку Бучачі. Українські представники були постійно присутні під час підготовки Бучацького договору між Стамбулом і Варшавою. Під час чергової зустрічі з турецьким султаном у жовтні 1672 р. Дорошенко висловлював прохання щодо виконання Мехмедом IV взятих перед цим зобов'язань сприяння гетьману в об'єднанні України. На що після аудієнції у падишаха великий візир відповів, що невдовзі під владою гетьмана буде і Київ і ціла Лівобережна Україна.

Розпочавши за умовами союзу з П. Дорошенком боротьбу проти Речі Посполитої, Османська імперія поступово відвоювала територію Правобережжя в польського коро-

ля. Поразка у цій війні змусила Польщу схилитися до укладення 16 жовтня 1672 р. мирного договору з турками. Напередодні султанські дипломати заявили, що “наш Цезар, якщо щось колись взяв, ніколи не віддасть. Шкода тоді і згадувати Поділля і Україну, бо то Цезарське, не ваше; але і так ваше не було від незгоди і воєн уставничих із Козаками, і для чого те втратили, чого не мали”²⁴. Крім того, представники Мехмеда IV під час розмов із поляками висловлювалися й щодо права свого монарха на володіння не лише правобережною, але й лівобережною частиною Українського гетьманства.

За Бучацькою угодою, до Туреччини відходило Поділля. Крім того, Річ Посполита відмовилася від Брацлавщини й південно-західної частини Київщини, територія яких передавалася під безпосереднє управління українського гетьмана: «Держава Українська має належати козакам у старих кордонах», – зазначалося в польському варіанті договору. Таким чином, під владою Дорошенка залишалася Правобережна Київщина та Східне Поділля (Брацлавщина). Решта українських земель залишалася за Польщею. Польща мала сплатити 80 тис. талерів контрибуції, а також щорічно давати турецькому султану 22 тис. злотих данини. За висловом відомого польського історика З. Вуйціка, починаючи з 1672 р., “ключ до вирішення проблеми Правобережної України опинився у Стамбулі”²⁵. У квітні наступного року польський сейм відмовився ратифікувати домовленості з Туреччиною.

У листопаді 1672 р. український гетьман отримав грамоту – “нісан” – від Мехмеда IV на підтвердження його прав щодо володіння Правобережною Україною у статусі османського підданого. Цією султанською грамотою закріплювалися положення Бучацького миру. Турецький султан також особисто вручив П. Дорошенку золоті булаву і кафтан. Турецький одяг вручили і тридцять козацьким старшинам²⁶.

Незважаючи на це, гетьман Дорошенко продовжує переговорний процес із представниками Речі Посполитої і вимагає від них примирення на основі положень Гадяцької угоди 1658 р. Про це йшлося під час двох зустрічей із представником Речі Посполитої Й. Шумлянським (квітень і червень 1673 р.) та неодноразових зверненнях П. Дорошенка до Я. Собеського й інших польських урядовців. Але навіть під загрозою наступу багатотисячної султанської армії провідні політики Речі Посполитої не хотіли йти на жодні поступки українському гетьману.

Натомість надії Дорошенка на турецьку протекцію не здійснювалися через різні причини, серед яких були, по-перше, невиконання османськими воєначальниками своїх зобов’язань перед українським правителем, а також поразка армії Мехмеда IV у битві з польськими військами під Хотиним. Поряд з іншими чинниками, це призводить до поступової переорієнтації Дорошенка на тіснішу співпрацю з польським урядом.

На початку 1674 р. у Дорошенка виникає проблема у зв’язку з наступом на Правобережну Україну військ лівобережного гетьмана І. Самойловича, який спільно з росіянами хотів відвоювати її для себе. Правобережний гетьманський уряд знову звертається з проханням про допомогу одночасно і до султана і до короля, які на той час перебували у стані війни між собою. Це ще раз переконливо свідчило про те, що Дорошенко не надавав переваги тій чи іншій протекції, а лише хотів використати їх задля збереження своєї влади над козацькою Україною. Черговий прихід Мехмеда IV на Правобережжя у серпні 1674 р. закінчився відступом сил Самойловича і князя Ромодановського та відновленням гетьманського управління Дорошенка над більшою частиною правобережних земель. 5 вересня того ж року гетьман був на прийомі у султанському шатрі поблизу Умані. Тут Мехмед IV вручив йому на знак своєї приязні кафтан, оксамитову соболіну шапку, кілька породистих коней, а також чергову булаву. Отже, П. Дорошенко і надалі погоджувався бути володарем частини України від імені султана Османської імперії. Невдовзі турки залишили Україну, натомість на її землі черговий наступ здійснило коронне військо на чолі зі шойно проголошеним королем Речі Посполитої Я. Собеським. Воно відвоювало у Дорошенка та його союзників Могилів, Брацлав та інші міста Правобережної України.

У листі від 12 грудня 1674 р. український гетьман прохав у нового польського короля “аби Україну від згуби від чужих протекторів і від інших здавна на ту Україну бідну бажуючих помсти визволив і оборонив”²⁷. Як не дивно, але король відразу ж відгукнувся на пропозиції Дорошенка і вислав до Чигирини своїх представників. Про всі свої зносини з королем та його послами гетьман повідомляв до Стамбула. Одночасно, зважаючи на військові успіхи поляків, гетьман наприкінці зими висилає до королівської резиденції своїх

послів, які мали просити Яна III Собеського призначити комісарів для проведення польсько-української комісії з укладення спільної угоди.

Отримавши наприкінці 1674 р. звітку про те, що Ян III Собеський, незважаючи на початок мирних переговорів, готується до походу на Чигирин, Дорошенко вирішує відмовитися від укладення угоди з Річчю Посполитою і висуває концепцію скликання трьохсторонньої комісії між польським королем, турецьким султаном і кримським ханом, яка б оголошувала гетьмана князем України під подвійною протекцією Туреччини і Польщі. Українське гетьманство мало виступати у цьому переговорному процесі посередником між двома монархами. Турецька протекція (як і будь-яка інша) була необхідна Дорошенкові лише для того, щоб “мати для себе удільне князівство”, – свідчили відомості зі Львова за липень 1675 р. У королівській канцелярії у той час, хоч і жартома, називали українського гетьмана не інакше, як “напівкнязем”²⁸.

Проте проєкт трансформації гетьманату в Українське полівасалітетне князівство Дорошенкові не вдалося втілити в життя, а тому він знову повертається до безперспективних договірних стосунків із Польською короною. У лютому 1675 р. він вислав до Варшави Чигиринські пункти, які, в основному, опиралися на положення Гадяцької угоди у межах Польсько-литовсько-української федерації. Новообраний король Речі Посполитої Я. Собеський взагалі відкинув можливість співпраці зі своїм довголітнім “приятелем”-суперником і планував здійснити черговий військовий похід із метою захоплення Чигирина. Саме тому гетьман послав до Мехмеда IV посольство, що мало просити допомоги для походу на Лівобережжя та підтвердження султаном гетьманських повноважень Дорошенка.

А вже 28 березня османський монарх видав спеціальний універсал до “володаря-обранця Християнської нації і трьох частин козацтва”, в якому наголошувалося на тому, що у відповідь на прохання українських дипломатів султан “приймає це звернення за умови, що Дорошенко справедливо служитиме згідно з наказом, виданим мною”²⁹. Влітку того ж року по суті завершилися відносини дорошенкового Чигирина зі Стамбулом, що було спричинене зростаючою взаємною недовірою обох сторін. Османи, очевидно, втомилася від “багатовекторності” свого неспокоїного васала, політика котрого була спрямована на досягнення фактичної незалежності потенційним Українським князівством. Дорошенко, нарешті, відчув усі мінуси від непопулярного серед рядових козаків, селян, міщан і особливо православного та католицького духовництва союзу з “невірними” в умовах безперервних бойових дій на Правобережжі. Повне зруйнування сотень сіл і десятків міст були логічним результатом війни козацької України на кілька фронтів, проте сприйняття гетьмана саме як турецького союзника розглядалося багатьма в Україні як безпрецедентне “лихо”, яке загрожувало не просто життю місцевого населення, але й порятунку їхніх душ (про сприйняття українцями XVII ст. своїх південних сусідів див. хоча б тогочасну поезію³⁰). Деякі західні історики, зокрема, К. Фінкель, вважають безпосередньою причиною остаточного розчарування Дорошенка і українців Правобережжя в цілому в османській протекції брутальні дії майбутнього великого візира Кара-Мустафи Мерзифонлу по придусенню козацьких заворушень на Правобережжі в 1674 р.³¹

Таким чином, і турецький султан, і польський король об’єктивно штовхали гетьмана Дорошенка до підданства його довголітньому супротивникові московському царю Олексію Михайловичу (помер в січні 1676 р., капітуляцію гетьмана приймав його син Федір Олексійович, правив у 1676–1682 рр.). Власне, в результаті довготривалої боротьби за Лівобережжя П. Дорошенко схилився до останнього варіанту – протекції Москви. Це було найголовнішим мотивом здачі П. Дорошенком гетьманської булави на користь царського воєводи Г. Ромодановського та лівобережного гетьмана І. Самойловича у 1676 р.

Таким чином, політика гетьманського уряду П. Дорошенка щодо паралельної підлеглості України двом (з 1668 р.), а потім – і трьом (з 1675 р.) монархам, зазнала остаточного краху. Причиною цьому були не лише намагання Варшави, Стамбула та Москви інкорпорувати козацьку державу на Правобережжі, але й діяльність самого гетьмана, який, попри великі зусилля, так і не зміг сконсолідувати тогочасне українське суспільство навколо ідеї “удільності” козацької України. Розчарування ж султана і його політиків у Дорошенкові зрештою привело їх до ідеї створення на Правобережжі цілковито маріонеткової української державності на чолі з “запасним козирем” з османського політичного “рукава” – Юрієм Хмельницьким.

¹ Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 39; Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. – Нью-Йорк, 1985. – С. 90–93.

² Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. – Нью-Йорк, 1985. – С. 93.

³ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – С. 348–349, 361.

⁴ Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII ст. – К., 2006. – С. 251.

⁵ Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. – Нью-Йорк, 1985. – С. 115.

⁶ Цит. за: Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 43.

⁷ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – С. 271–308.

⁸ Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 44.

⁹ Perdenia Jan. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. – Krakow: UNIVERSITAS, 2000. – P. 128–130.

¹⁰ Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 44.

¹¹ Санин Г.А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР. – 1970. – № 1. – С. 128.

¹² Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. – Нью-Йорк, 1985. – С. 272, 184–185.

¹³ Цит. за: Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 49.

¹⁴ Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII ст. – К., 2006. – С. 253.

¹⁵ Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. – Нью-Йорк, 1985. – С. 259

¹⁶ Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // Османская империя и страны Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII в. – Ч. 2. – М., 2001. – С. 139–141.

¹⁷ Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. – К.: Видавничий дім КМА, 2010. – С. 140.

¹⁸ Там само. – С. 141.

¹⁹ Там само.

²⁰ Там само. – С. 142.

²¹ Чухліб Т. Гетьманування Петра Дорошенка: причини “вірності” та “зради” королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. – № 1. – 2007. – С. 52.

²² Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. – К.: Видавничий дім КМА, 2010. – С. 142.

²³ Там само. – С. 144.

²⁴ Там само. – С. 145.

²⁵ Цит. за: Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. – К.: Видавничий дім КМА, 2010. – С. 145.

²⁶ Там само. – С. 145.

²⁷ Perdenia Jan. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. – Krakow: UNIVERSITAS, 2000. – P. 421.

²⁸ Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. – К.: Видавничий дім КМА, 2010. – С. 146.

²⁹ Туранли Ф.Г. Османський документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // Український археографічний щорічник. Нова серія. – Вип. 5/6. – К., 2001. – С. 336.

³⁰ Марсове поле. Героїчна поезія на Україні. – Кн. 2: Друга половина XVII–XIX ст. – К.: Молодь, 1989. – С. 50–61; Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 449.

³¹ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – С. 387.

АЯНЛЫК И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVIII – НАЧАЛО XIX В.)

О. В. Моргун

Моргун О. В. Аянлык та европеїзация Османської держави (XVIII – початок XIX ст.). В статті розглядається виникнення і становлення аянлика та взаємодія великих аянів з урядом у процесі европеїзації Османської держави. Автор досліджує обставини, що викликали посилення великих аянів у другій половині XVIII ст., основні реформи Селіма III та його політику щодо великих аянів, заходи Алемдара Мустафа-паші й причини, що обумовили ліквідацію аянлика.

Ключові слова: аян; европеїзация; Селім III; нїзам-и джедїд.

Моргун О. В. Аянлык и европеизация Османского государства (XVIII – начало XIX в.). В статье рассматривается возникновение и становление аянлыка, а также взаимодействие крупных аянов с правительством в процессе европеизации Османского государства. Автор исследует обстоятельства, вызвавшие усиление крупных аянов во второй половине XVIII в., основные реформы Селима III и его политику по отношению к крупным аянам, начинания Алемдара Мустафа-паша и причины, обусловившие упразднение аянлыка.

Ключевые слова: аян; европеизация; Селим III; нїзам-ы джедїд.

Morgun O. V. The Ayanlık and Europeanization of the Ottoman State (18th – early 19th centuries). The paper deals with emergence and formation of the ayanlık and interaction of the grand ayans with the government in the process of Europeanization of the Ottoman state. The author explored circumstances called for strengthening of the grand ayans in the second half of the eighteenth century, main reforms of Selim III and his politics towards the grand ayans, undertakings of Alemdar Mustafa Paşa, reasons conditioned annihilation of the ayanlık.

Keywords: ayan; Europeanization; Selim III; nizam-ı cedid.

Возникновение глубокого интереса к процессам вестернизации во второй половине XX в. было предопределено распадом колониальной системы и трансформацией многих неевропейских государств по западному образцу, вызывавшей подчас комплекс трудноразрешимых проблем. Именно в это время были разработаны теории модернизации, которые стали активно применяться к изучению истории восточных обществ XIX века¹. В этом контексте весьма интересным выглядит опыт Османской империи, которая по причине территориальной близости с Западной Европой очень рано ощутила на себе последствия перемен, которые в скором времени привели к становлению капиталистических отношений и национальных государств.

Еще в 1972 г. известный историк-османист К. Карпат указывал, что большинство исследований по модернизации Среднего Востока рассматривают природу и интенсивность внешних стимулов, т.е. европейское влияние, и намного меньше силы внутри обществ Среднего Востока, которые во многом обусловили ответы на эти стимулы². «Отношения аянов и бюрократической системы, – продолжает К. Карпат, – и их конфликтующие групповые идеологии формируют ... центральную динамику внутренней трансформации, которая произошла в османском обществе в XVIII – начале XIX в.»³.

Под термином «аяны» принято подразумевать социальную группу, сложившуюся в Османском государстве в конце XVI–XVIII вв. из представителей местных элит, которые коренным образом отличались от чиновников местной администрации, назначаемых из центра. В историографии аянов часто называют местными нотаблями, которые выполняли посредническую функцию между коренным населением и властью. В XVIII в. институт аянов – аянлык – был фактически признан османским правительством⁴.

Цель нашей работы – установить роль аянов в процессе европеизации Османского государства. Автором будет предпринята попытка провести обобщающее исследование, включающее анализ процессов, способствовавших становлению и усилению социальной группы аянов, взаимодействие османского правительства с их наиболее влиятельными представителями, реакцию отдельных аянов на проведение реформ в Османском государстве. Территориальные рамки исследования ограничены т.н. «коренными областями» Османской империи – Румелией и Анатолией.

Изначально термин «аян» носил исключительно почетное содержание. В XVI–XVII вв. аянами называли самых уважаемых и влиятельных представителей мусульманского населения – глав местного самоуправления, командующих янычарскими гарнизонами, управляющих вакфами (исламскими благотворительными организациями), лидеров цеховых организаций, состоятельных торговцев⁵. Становление аянов как отдельной социальной группы началось с конца XVI в. синхронно с процессами коренной социально-экономической трансформации Османского государства, продолжавшейся поступательно на протяжении XVII–XVIII вв., которой способствовали как внутренние, так и внешние стимулы, а закончилось в первые десятилетия XVIII в.⁶

Факторы, способствующие становлению аяныка, можно условно разделить на две группы. В первую очередь следует выделить интеграцию местных элит Балкан и Анатолии в состав османского правящего класса и высокую степень общинного самоуправления, сложившуюся еще до османского завоевания. В условиях огромных территориальных владений общая ответственность коллектива была едва ли не единственным способом обеспечить эффективное центральное управление. Каждая сельская община, мелкие города, кварталы больших городов, религиозная община, цеховая организация, профессиональная группа имела право избрать своего лидера, отвечающего за поддержание общественного порядка и распределение налогов. Далее лидеры отдельных групп избирали аянов городов и провинций⁷.

Вторым фактором было разложение системы условных земельных пожалований – тимарного землевладения – в результате «военной революции», сделавшей пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием, основной ударной силой сухопутных армий⁸, и «революции цен», обесценившей фиксированные доходы сипахи – османских конных воинов⁹. Все это вызвало преобразование традиционной системы налогообложения и землевладения. С конца XVI в. османское правительство стало увеличивать количество чрезвычайных налогов, которые ранее взимались только в условиях военных действий¹⁰. В это же время было существенно расширено применение откупной системы – ильтизам. В 1695 г. была введена практика пожизненных откупов – маликяне¹¹. Другим проявлением трансформации тимарного землевладения являлось создание коммерческих земельных хозяйств – чифтликков, ориентированных на снабжение крупных городов и внешний спрос. В чифтликах для ведения хозяйства использовались домашние рабы и наемный труд поденщиков¹².

К началу XVIII в. позиции аянов заметно усилились и благодаря откупной системе и чифтликскому хозяйству, составившим основную источник доходов аянов, существенно улучшилось их материальное положение. Однако аяны, как и прежде, продолжали поддерживать тесные контакты с местным населением. Так, к примеру, в кризисные годы аяны были единственными лицами, которые под свое поручительство могли взять кредит на всю общину¹³. В такой ситуации население намного больше доверяло аянам, чем местной администрации, что обусловило издание в 1726 г. указа, дозволявшего включение аянов в систему местного управления вплоть до занятия должности санджак-бея – губернатора¹⁴. С этого времени самые успешные аяны формируют многочисленные вооруженные свиты для защиты сфер своего влияния¹⁵.

Поворотным моментом в возвышении аянов стали русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1792 гг., показавшие при этом неэффективность янычарского корпуса. Деграция последнего, начавшаяся во второй половине XVI в., была обусловлена несколькими обстоятельствами. Пагубные перемены начались после отхода от принципа комплектования корпуса по системе девширме, в соответствии с которой претенденты для зачисления в корпус набирались исключительно из немусульманских семей, в юном возрасте обращались в ислам и длительное время проходили специальную подготовку¹⁶. Далее широко распространилась практика приема в корпус мусульманского населения, стремившегося таким способом повысить свой социальный статус и воспользоваться экономическими выгодами. Вскоре янычарам было предоставлено право иметь семью, а после появления первого потомства они добились разрешения на зачисление своих детей в ряды корпуса. В мирное время янычарам было позволено заниматься ремеслом и торговлей, что в условиях налоговых и юридических привилегий сулило им большие выгоды¹⁷. Все это привело к дальнейшей дезорганизации янычарского корпуса и сделало янычар движущей силой массовых возмущений по всей территории Османской империи.

В военное время османское правительство обязывало крупных аянов формировать и посылать на фронт военные отряды из наемников (*sekban, levent*), а также организовывать снабжение армии продовольствием, амуницией и боеприпасами. Готовность выполнять приказы правительства, равно как и успех на поле боя, способствовали получению новых титулов и должностей, а поражения, в свою очередь, могли стать причиной конфискации имущества и смертной казни¹⁸.

В подтверждение этого можно привести множество примеров. Так, Эль-Хадж Али-паша, самый известный представитель рода Джаниклызаде в северо-восточной Анатолии, получив в 1767–1768 гг. откуп налогов с регионов Джаник и Амасья и назначение на должность вали (губернатора) Трабзона, был обязан принять участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Главным образом за качественное снабжение армии и флота Али-бею в 1772 г. был пожалован титул паши-везира, а в 1773 г. он был назначен сераскером (командующим) османскими войсками в Крыму, пребывая на этой должности до окончания войны. В 1776 г. Али-пашу назначили сераскером Карса с поручением навести порядок в османских владениях на иранской границе. За выполнение данного задания ему была предоставлена должность вали Эрзурума и Сиваса. Кроме того, Джаниклызаде распространили свое влияние на Кастамону и Кирахисары Шарки. В 1777 г. Али-паша был назначен сераскером Крыма с поручением атаковать русских. Провал этой миссии в 1778 г. обусловил смещение Али-паши, а в 1779 г. султан приговорил его к смертной казни и конфискации имущества. Однако Али-паше удалось бежать из своих владений и избежать исполнения приговора, а в 1781 г. он был прощен. Тем не менее Джаниклызаде впредь не смогли полностью восстановить свое былое экономическое и политическое могущество¹⁹.

Равным образом аян Видина Омер Пазваноглу и его сын Осман были приговорены в 1788 г. к смертной казни. Осман Пазваноглу сумел бежать в Албанию, где он сформировал свою банду. Во время русско-австро-турецкой войны 1787–1792 гг. Осман Пазваноглу со своим отрядом присоединился к османским войскам, и за проявленную отвагу в боях с австрийцами в Валахии ему была возвращена часть отцовских владений возле Видина²⁰.

В ходе усиления аянлыка произошла дифференциация социальной группы аянов, основным проявлением которой стало складывание слоя крупных аянов, вокруг которой группировались мелкие аяны данного региона²¹. В конце XVIII – начале XIX в. наиболее могущественными аянами Румелии были Тепеденли Али-паша в Янине, Осман-паша Пазваноглу в Видине, Терсниклиоглу Исмаил-ага и его наследник Алемдар Мустафа-паша в Русучке, Йылыкзаде Сулейман-паша в Силистре, Бушатлы Махмуд-паша в Скутари; в Анатолии – Караосман Хусейн-ага в Западной Анатолии, Чапаноглу Сулейман-бей в Центральной Анатолии, Джаниклызаде Тайяр Махмуд-паша в Восточной Анатолии.

В этих условиях после вступления на престол в 1789 г. султана Селима III активизировалось осуществление реформ, которые принято определять как европеизацию, начавшуюся по мнению большинства османистов с начала XVIII века²². Со второго десятилетия XVIII в. на рассмотрение османскому правительству подавались проекты военной реформы. В 1730-е и в 1770-е гг. под руководством французов А. К. Бонневадя и барона Ф. де Тотта соответственно были сформированы малочисленные воинские подразделения, обучаемые по примеру европейских войск²³.

Неудачные для Османского государства войны с Российской и Габсбургской империями способствовали тому, что в 1792 г. было принято решение об учреждении военного корпуса, получившего название «новый порядок» (*nizam-ı cedid*), формирование которого началось в следующем году. Для финансирования этого подразделения была создана «казна новых доходов» (*ırad-ı cedid*), важным источником пополнения которой стали дополнительные налоги на сельскохозяйственную продукцию, табак, вино, ракию и прочие товары. С тем чтобы уменьшить подозрения консервативных кругов, новый корпус был прикреплен к подразделению «имперской гвардии» (*bostaniyan-ı hassa*). Новые казармы были построены в Ускударе и Левенд Чифтлике. В 1797 г. численность «низам-ы джедид» составляла 2536 солдат и 27 офицеров, в 1801 г. – 9263 солдата и 27 офицеров, в 1806 г. – 22 685 солдат и 1590 офицеров. Причину последнего увеличения можно объяснить тем, что с 1802 г. набор рекрутов в низам-ы джедид был распространен на Анатолию, и правительство приступило к сооружению новых казарм в Анкаре, Белю, Кастамону, Кютахье, Кайсери, Нигде, Кершехире, Чоруме, Ментеше и Измире²⁴. Набор рекрутов в новый корпус был возложен на вали и аянов Анатолии. Особую по-

мощь в укомплектовании нового корпуса оказывал влиятельный аян центральной Анатолии Чапаноглу Сулейман-бей, руководствовавшийся при этом, прежде всего, своими экономическими интересами²⁵.

Другой не менее важной задачей Селима III была централизация системы местной администрации, чему препятствовал повсеместный разгул разбойничества на Балканах. В военное время как османское правительство, так и аяны широко использовали наемников²⁶. После окончания боевых действий отряды наемников расформировывались. Однако лица, оторванные от прежнего образа жизни, стали теперь заниматься поиском легкой добычи и собираться с этой целью в вооруженные банды. Другим важным источником пополнения рядов разбойников, носивших разные названия – кырджали, эшкия и пр., – были албанцы²⁷.

Чиновники, направляемые в провинции, не располагали средствами для наведения порядка и были вынуждены постоянно искать помощи аянов. С конца XVIII в. была учреждена специальная должность начальника охраны дорог (*derbendcibaşı*), которая вначале жаловалась только албанским аянам, содержавшим многочисленные вооруженные свиты. Так, с 1787 по 1820 г. эту должность занимал один из самых влиятельных аянов Румелии – Тепеделенли Али-паша. Но после его казни она перешла к вали Румелии²⁸.

Аяны, выступая в роли защитников местного населения, являлись именно той силой, которая была способна обуздать разбойников в своих сферах влияния. Тем не менее вооруженные столкновения между аянами за контроль над определенными территориями, напротив, способствовали разорению соседних областей. Так, Осман Пазваноглу, обосновавшись в 1791 г. в окрестностях Видина, начал группировать возле себя албанские банды и янычар, которые были изгнаны из Белграда в 1792 г. Вплоть до смерти Османа Пазваноглу в 1807 г. осуществление набегов в направлениях Белграда и Валахии стало важным источником его доходов. Несколько раз султан приговаривал Османа Пазваноглу к смертной казни, однако, не имея сил для его физического уничтожения, был вынужден миловать аяна Видина и жаловать ему новые титулы и должности в обмен на клятвы верности, которые в скором времени нарушались. Так, в феврале 1798 г. началась масштабная восьмимесячная осада Видина, в которой, как считается, принимало участие около 80 тыс. чел. Благодаря вторжению Наполеона Бонапарта в Египет и нерешительности некоторых аянов, направивших свои силы к Видину, данная кампания закончилась безрезультатно, а Осман Пазваноглу был снова прощен²⁹.

О масштабах разрухи на Балканах может свидетельствовать тот факт, что около 1800 г. была разрушена резиденция вали Румелии – София. В 1802 г. Тепеделенли Али-паша, выполняя обязанности вали, предпочел находиться в центре своих владений – Янине. В султанском указе 1803 г. о назначении Мехмеда-паши вали Румелии последнему было разрешено самому выбрать себе резиденцию. С этого времени вторым центром вилайета становится Манастир³⁰.

Одновременно правительство пыталось сформировать в провинциях прослойку преданных ему чиновников, типичным представителем которой можно назвать Хаджи Мустафа-пашу, назначенного в 1793 г. на должность мухафиза (управляющего) пашалыка Белград. В чрезвычайно сложной обстановке Мустафа-паше много лет удавалось защищать Белград от набегов банд Османа Пазваноглу и янычар. В 1800 г. Мустафа-паша пошел на беспрецедентный шаг – он поручил кнезам, сербским старейшинам, сформировать отряды из православного населения для защиты пашалыка. Эти силы успешно отбили нападения на пашалык, но получили резкое осуждение муфтия Белграда. В ответ османское правительство обязало Мустафу-пашу принять изгнанных из города янычар. И когда Осман Пазваноглу в 1801 г. начал очередную атаку на Белград, янычары внутри города поддержали его. Белград был взят, а Мустафа-паша казнен. Власть перешла к четырем янычарским дайы (высшим командирам), которые вместо восстановления правопорядка одобряли произвол янычар и притеснения православных сербов. Все это подготовило почву для первого сербского восстания в 1804 году³¹. Ситуация, сложившаяся в Сербии, получила следующее описание на страницах «Политического журнала», издававшегося в Москве в переводе с немецкого: «Из Белграда – сообщается в книге за апрель 1804 г., – господствовали в Сербии ... четверо самовластных Деев, кои противным закону и жестоким поступком своим навлекли на себя ненависть всех сербиян. Насильственным обезоружением жителей, коих упорство тотчас наказывано было смертью, думали они утвердить

свое господство ... Но еще более разождало их [сербов] вероломство Деев, которые за освобождение одного Кнееса ... взяли 40 тыс. пиастров, однако ж казнили его, так как многих других ему подобных. Ярость сербиян, кои увидели себя принужденными употребить возмездие, дошла до крайности»³².

С целью усилить правительственные позиции на Балканах Селим III в 1806 г. приказал ввести в Румелию части низам-ы джедид и провести вербовку рекрутов. Эти планы были сорваны коалицией аянов под руководством Терсиниклиоглу Исмаил-ага, которые вступили в открытое вооруженное столкновение с низам-ы джедид возле Эдирнэ. В следующем году Селим III был низложен в результате янычарского восстания, а низам-ы джедид расформированы. Тем не менее в июле 1808 г. наследник Терсиниклиоглу Исмаил-аги Алемдар Мустафа-паша организовал государственный переворот, направленный на восстановления «нового порядка». Во время переворота Селим III был убит реакционером, а османский престол занял Махмуд II. Мустафа-паша был назначен великим везиром, после чего по его инициативе был сформирован новый военный корпус (*sekban-ı cedid*). В сентябре 1808 г. между государством и самыми влиятельными аянами был заключен Союзный договор, в котором аяны выразили свою лояльность к правительству³³. Однако возможное проведение реформ было сорвано новым восстанием янычар и убийством Мустафа-паши³⁴.

Махмуду II удалось провести военную реформу только в 1826 г.³⁵ Однако перед этим он занялся централизацией власти и подорвал влияние всех аянских родов в Румелии и Анатолии³⁶. Характерно, что членом рода Караосманоглу как, впрочем, и многим другим, Махмуд II позволил интегрироваться в систему местного управления, но только в качестве покорных правительству чиновников³⁷.

Наиболее тяжелые последствия для Османского государства возымела борьба с Тепеделенли Али-пашой – правителем Южной Албании и Эпира, который расположил свою резиденцию в городе Янина. Как и большинство аянов, Али-паша принимал меры, которые во многом обеспечивали спокойствие и процветание его владений³⁸. Э.З. Карал считает, что во время правления Махмуда II Али-паша занимал лояльную позицию по отношению к султану, имел некоторое влияние на греческое население, и в случае волнений смог бы обеспечить спокойствие в своих владениях и на прилегающих к ним территориях³⁹. Смещению Али-паши способствовал любимец Махмуда II Мехмед Халет-эффенди, организовавший в предыдущие годы несколько кампаний против аянов, не пожелавших подчиниться воле султана⁴⁰. Султанская армия вошла во владения Али-паши в июле 1820 г., и когда весной 1821 г. началось греческое восстание, значительные османские силы оказались вовлечены в противостояние с Али-пашой. В такой ситуации Али-паша стал поддерживать движение сулиотов – жителей района Сули на юге Эпира, дабы осложнить положение османских войск⁴¹. Таким образом, боевые действия против Али-паши создали благоприятные условия для начала войны греков за независимость.

Подводя итоги, можно констатировать, что аяны представляют собой отдельную социальную группу, сложившуюся в условиях децентрализации Османского государства. Однако, как полагает С. Фарохи, появление децентрализации не предполагает дезинтеграцию⁴². Едва ли аяны были заинтересованы в распаде Османского государства, что неизбежно привело бы и к падению их власти. С одной стороны, аяны поддерживали старые порядки, а, с другой, выразили готовность поддержать реформы Алемдера Мустафа-паши. Однако европеизация предполагала централизацию Османского государства, для чего следовало подорвать могущество аянов. В свою очередь, противостояние между государством и аянами стало важным фактором для развертывания Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и греческой революции 1821–1829 гг.

¹ Тодорова М.Н. Англия, Россия и Танзимат / Пер с болг. – М.: Наука, 1983. – С. 5–10; Тодорова М.Н. Европеизация Османской империи (постановка проблемы и ее освещение в современной западной и турецкой историографиях) // Народы Азии и Африки. – 1977. – № 1. – С. 204–206.

² Karpat K.H. The Transformation of the Ottoman State, 1789-1908 // International Journal of Middle East Studies. – 1972. – No. 3. – P. 243.

³ Ibid. – P. 243.

⁴ Masters B. Ayan / В. Masters, A. Yaycıoğlu // Encyclopedia of the Ottoman Empire / Ed. by G. Agoston and B. Masters. – New York: Facts on File, 2008. – P. 64–66.

⁵ *Мейер М.С.* К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в. // Проблемы истории Турции. – М.: Наука, 1978. – С. 57; *Zens R.* Provincial Powers: the Rise of Ottoman Local Notables (*Ayan*) // *History Studies*. – 2011. – Vol. 3/3. – P. 434.

⁶ Подробнее о социально-экономической трансформации Османского государства см.: *Ореукова С.Ф.* Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи (2-ая половина XVIII–начало XVIII вв.) // Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. – М.: Наука, 1975. – С. 116–144; *İnalçık H.* Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600-1700 // *Archivum Ottomanicum*. – 1980. – Vol. 6. – P. 283–337; *Pamuk Ş.* Institutional Change and the Longevity of the Ottoman Empire, 1500-1800 // *Journal of Interdisciplinary History*. – 2004. – Vol. 35. – No. 2. – P. 225–247.

⁷ *Adanır F.* Semi-autonomous Forces in the Balkans and Anatolia // *The Cambridge History of Turkey*. – Vol. 3. *The Later Ottoman Empire, 1603-1839* / Ed. by S. N. Faroqhi. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 158–163.

⁸ Подробнее о «военной революции» в Османском государстве см.: *Agoston G.* Habsburgs and Ottomans: Defense, Military Change and Shifts in the Power // *The Turkish Studies Association Bulletin*. – 1998. – Vol. 22. – No. 1. – P. 126–141; *Murphey R.* Ottoman Warfare, 1500-1700. – London: University College London Press, 1999. – P. 107–111, 190–191.

⁹ Подробнее о «революции цен» в Османском государстве см.: *Barkan Ö. L.* The Price Revolution of the Sixteenth Century: a Turning Point in the Economic History of the Near East // *International Journal of Middle East Studies*. – 1975. – Vol. 6. – No. 1. – P. 3–28; *Pamuk Ş.* The Price Revolution in the Ottoman Empire Reconsidered // *International Journal of Middle East Studies*. – 2001. – No. 33. – P. 69–89.

¹⁰ *Darling L. T.* Public Finances: the Role of the Ottoman Centre // *The Cambridge History ...* – P. 119–120.

¹¹ *Çizakça M.* Tax-Farming and Resource Allocation in Past Islamic Societies // *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics*. – 1989. – Vol. 1. – P. 65–67.

¹² *İnalçık H.* The Emergence of Big Farms, Çiftlik: State, Landlords and Tenants // *Collection Turcica*. – Vol. 3. *Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottoman*. – Leuven: Peeters Press, 1984. – P. 105–125.

¹³ *Adanır F.* Semi-autonomous Forces in the Balkans... – P. 172–173.

¹⁴ *Özdeğer M.* Ayan Era in the Ottoman Government // *Gaziantep Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2002. – Cilt V. – Sayı 1. – P. 33.

¹⁵ *Мейер М.С.* Аяны и их место в османской истории // Тюркологический сборник, 1979. – М.: Наука, 1985. – С. 56.

¹⁶ Подробнее о системе девширме см.: *Новичев А.Д.* К истории рабства в Османской империи: система девширме // Тюркологический сборник, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 88–108.

¹⁷ *Horniker A. L.* The Corps of the Janizaries // *Military Affairs*. – Vol. 8. – No. 3. – P. 196–200; *Петросян И.Е.* Введение // Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Под ред. И.Е. Петросян. – М.: Наука, 1987. – С. 34–40.

¹⁸ *Adanır F.* Semi-autonomous Forces in the Balkans... – P. 176–178.

¹⁹ *Şahin C.* The Rise and Fall of an Ayân Family in Eighteenth Century Anatolia: the Canıklizâdes (1737-1808): Ph. D. dissertation. – Ankara, 2003. – P. 48–55; *Şahin C.* The Economic Power of Anatolian Ayans in the Late Eighteenth Century: the Case of the Canıklizâdes // *International Journal of Turkish Studies*. – 2005. – Vol. 11. – No. 1–2. – P. 30–31.

²⁰ *Zens R.* Pasvanoğlu Osman Paşa and the Paşalık of Belgrade // *International Journal of Turkish Studies*. – 2002. – No. 8(1–2). – P. 90–91.

²¹ *Zens R.* Provincial Powers ... – P. 434–435.

²² История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. – Т. 2. История Османской цивилизации. – М., 2006. – С. 90.

²³ *Shaw S. J.* *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. – Vol. 1. *Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280-1808*. – 10 ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 240–242, 250–251; *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. – М.: Наука, 1991. – С. 179–180, 199–200; *Aksan V. H.* *Ottoman Wars 1700-1870. An Empire Besieged*. – Harlow: Pearson Education Ltd, 2007. – P. 186–191.

²⁴ Подробнее о реформах Селима III см.: *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1947. – С. 73–97; *Shaw S. J.* *The Origins of Ottoman Military Reform: the Nizam-ı Cedid Army of Sultan Selim III* // *The Journal of Modern History*. – 1965. – Vol. 37. – No. 3. – P. 291–306; *Новичев А.Д.* История Турции. – Т. 2. – Л.: Издательство ЛГУ, 1968. – С. 19–33, 52–55; *Ustun K.* *The New Order and Its Enemies: Opposition to Military Reform in the Ottoman Empire, 1789-1807*: Ph. D. dissertation. – New York, 2013. – P. 108–129.

²⁵ *Ustun K.* *The New Order and Its Enemies*... – P. 139–140.

²⁶ *Aksan V. H.* *Whatever Happened to the Janissaries' Mobilization for the 1768-1774 Russo-Ottoman War* // *War in History*. – 1998. – Vol. 5. – No. 1. – P. 27–28.

²⁷ Подробнее о разбойничестве на Балканах см.: *Anscombe F.* Albanians and Mountain Bandits // *The Ottoman Balkans, 1750-1830*. – Princeton: Markus Wiener Publishers, 2006. – P. 87–113; *Anastasopoulos A.* Albanians in Eighteenth-Century Ottoman Balkans // *The Ottoman Empire, the Balkans, the Greek Lands: Toward a Social and Economic History*. – Istanbul: Isis Press, 2007. – P. 13–36.

²⁸ *Georgieva G.* Administrative Structure and Government of Rumelia in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: the Functions and Activities of the Vali of Rumelia // *Ottoman Rule and the Balkans, 1760-1850: Conflict, Transformation, Adaptation*. – Rethymno, 2007. – P. 12–14.

²⁹ *Zens R.* Pasvanoğlu Osman Paşa ... – P. 92–99.

³⁰ *Georgieva G.* Administrative Structure and Government of Rumelia... – P. 16.

³¹ *Sadat D. R.* Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century // *The Journal of Modern History*. – 1972. – Vol. 44. – No. 3. – P. 354, 360; *Zens R.* In the Name of the Sultan: Hacı Mustafa Pasha of Belgrade and Ottoman Provincial Rule in the Late 18th Century // *International Journal of Middle East Studies*. – 2012. – Vol. 44. – No. 1. – P. 139–140.

³² Известия о разных государствах. Турция // Политический журнал, или современная история света. – 1804. – Ч. 2. – Кн. 1. – С. 35–36.

³³ Русский перевод пакта из османской дворцовой хроники «Tarih-i Cevdet» см.: *Боджоян М.Т.* Реформы 20–30-х годов XIX века в Османской империи. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. – С. 54–57.

³⁴ Подробнее о реформах Алемдара Мустафа-паши см.: *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар... – С. 269–303.

³⁵ Подробнее о ликвидации янычарского корпуса см.: *Клейнман Г.А.* Армия и реформы. Османский опыт модернизации. – М.: Наука, 1989.

³⁶ *Боджоян М.Т.* Реформы 20–30-х годов XIX века... – С. 58–65.

³⁷ *Tansuğ N. F.* Communal Relations in İzmir/Smyrna, 1826-1864 as Seen through the Prism of Greek-Turkish Relations: Ph. D. dissertation. – Toronto, 2008. – P. 52.

³⁸ *Аруи Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 261–292.

³⁹ *Bozboran N.* Ali Pasha Tepelena in the Turkish Historiography of Republican Era and Morean Uprising of 1821 // *Journal of Social Sciences: Special Issue on Balkans*. – 2012. – P. 60–61.

⁴⁰ *Shaw E. K.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey / E. K. Shaw, S. J. Shaw. – Vol. 2. Reform, Revolution, Republic: the Rise of Modern Turkey 1808-1975. – 11 ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 8–9, 17–18.

⁴¹ *Новичев А.Д.* История Турции ... – С. 120–121.

⁴² *Faroqhi S. N.* Introduction // *The Cambridge History* ... – P. 11.

УНКЯР-ИСКЕЛЕСИЙСКИЙ ДОГОВОР ПО «ЗАПИСКАМ» Н. Н. МУРАВЬЕВА

С. И. Муртузалиев

Муртузалиев С. И. Ункяр-Искелесийский договор по „Записките“ на Н. Н. Муравьев. Дипломатическата мисия на генерала не само подготвя, но и съдейства за подписването на примирието и за Ункяр-Искелесийския договор. Мемоарите му „Руснаците на Босфора през 1833 г.“ доказват, че помощ на Турция е оказана по молба на султана и че споразумението не му е било натрапено от Русия. Аргументите на Муравьев за липсата на гаранции за безопасността на Черноморското крайбрежие изглеждат обосновани. След Одринския мирен договор (1829) проблемите на Балканите отстъпват на втори план в политиката на Руската империя.

Ключови думи: спомени; генерал Муравьев; Русия; Турция; Ункяр-Искелесийски договор.

Муртузалиев С. И. Ункяр-Искелесийский договор по «Запискам» Н.Н. Муравьева. Дипломатическая миссия генерала не только подготовила, но и предвосхитила заключение перемирия и Ункяр-Искелесийского договора. Мемуары «Русские на Босфоре в 1833 г.» убеждают в том, что помощь Турции была оказана по просьбе султана и соглашение не было ему навязано. Доводы Муравьева об отсутствии надежных гарантий безопасности Черноморского побережья представляются обоснованными. После Адрианопольского мира 1829 г. проблемы Балкан для российского царизма отошли на второй план.

Ключевые слова: мемуары; генерал Муравьев; Россия; Турция; Ункяр-Искелесийский договор.

Murtuzaliev S. I. The Treaty of Hünkâr İskelesi according to “Notes” of N. N. Muravyov. The general’s diplomatic mission is a successful one in the process of working on the ceasefire and on the future treaty of Hünkâr İskelesi. His memoirs “Russians on the Bosphorus in 1833” prove that Russia has supported Turkey following the Sultan ask for help, so the treaty has not been a dictate of Russia. Muravyev’s arguments on the miss of hopeful guaranties for the security of the Black Sea seaside seem to be enough serious. After the Adrianopole treaty of 1829 the problems of the Balkans are not so actual for Russian Empire as earlier.

Keywords: memoirs; general N. N. Muravyov; Russia; Turkey; Treaty of Hünkâr İskelesi.

Россию и Турцию связывает многовековая и весьма непростая история – они пережили десяток русско-турецких войн. Вместе с тем в истории взаимоотношений этих евразийских империй известны и периоды, когда они объединялись для борьбы с общим противником, как, к примеру, это произошло во время египетского кризиса 1831–1833 гг., когда император Николай I поддержал турецкого султана Махмуда II против взбунтовавшегося египетского паши Мехмеда (Мегмет, Мухаммед, Муххамед)-Али, заключив оборонительный союз, вошедший в историю под названием Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.

Договору предшествовало обострение отношений между Египтом и Турцией. В 1832 г. правитель Египта Мехмед Али-паша восстал против своего повелителя султана Махмуда. Египетские сухопутные войска разбили турок под Гомсом и стали продвигаться в Анатолию. Турецкая эскадра была блокирована египетским флотом. Усиление Египта было не в интересах России. Для урегулирования военного конфликта Николай I посылает Н.Н. Муравьева, известного своей смелостью, решительностью и хорошим знанием восточных языков.

Генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866) оставил нам один из интереснейших источников тех событий – книгу «Русские на Босфоре в 1833 году»¹, которая является главным объектом нашего внимания. Поскольку в книге Муравьева события датированы по юлианскому календарю, в скобках они приведены по новому стилю. Автор мемуаров редактировал свои дневниковые записи по прошествии многих лет, что не могло не сказаться на субъективных характеристиках и оценках описываемых действующих лиц, как и на изображении «себя любимого» в исторической «картине маслом», в которой кисть Муравьева играла далеко не последнюю роль.

По версии Муравьева один только император Николай I прозорливо «постиг последствия, которые могли произойти от ослабления Порты после Адрианопольского мира (1829 г. – С. М.). ... Он один, и вопреки всеобщего мнения, увидел необходимость совершенно изменить относительно Турции политическую ситуацию, существовавшую со времен Петра Великого» (с. 1). Министр же иностранных дел граф К.В. Нессельроде был всего лишь «исполнителем ... мыслей Государя, коих пользы, он, казалось, не признавал» (с. 3). А граф А.Ф. Орлов говорил генералу, что «сам не постигает цели, и какого можно ожидать ... успеха, но что на сие была ... воля Государя» (с. 7).

Во время аудиенции (3 октября) Николай I заявил Муравьеву, что не хотел бы «посылать войска» и желает, чтобы «распря их кончилась. Султан-Махмуд корчит Петра Великого, да неудачно... Мне очень выгодно, чтоб он сидел на турецком престоле», т.к. среди «Моих Крымских Татар... распушены песни с пророчествами о скором прибытии Мегмед-Али-паша (Мехмеда-Али. – С. М.), как заступника православных (надо – правоверных. – С. М.) Мусульман», в связи с чем в Крыму «надобно будет усилить ... число войск» (с. 10).

1 ноября Муравьев получил инструкцию и запечатанное письмо от императора к султану и дополнение к инструкции от Нессельроде. «Из всех приложенных ... бумаг легко усматривается, – пишет Муравьев, – что Министерство Иностранных дел совершенно устранило себя от какого-либо официального участия в сем деле и не принимало на себя никаких с пашою письменных сношений», которыми бы Муравьев признавался доверенным лицом Николая I. Генерал должен был подписать и саму декларацию, в которой, заметим, Адрианопольский трактат не упоминался «как бы во избежание последствий от предвидевшейся неудачи, которых никто на себя не хотел принять» (с. 14).

Посольство генерала готовилось в тайне и об истинной его цели в Петербурге ходили разные слухи. Чтобы скрыть истинный маршрут следования, Муравьев взял две подорожные – одну до Твери, а другую в Тульчин, и 5 ноября 1832 г. в полночь покинул Петербург.

9 декабря 1832 г. фрегат Муравьева наконец-то прибыл в Стамбул, и он явился к российскому посланнику А.Л. Бутеневу, который принял «деятельное и полезное участие в тогдашних делах Турции и Египта» (с. 26). Перед Бутеневым и генералом стояла сложная задача: «Порте надобно было вселять доверие, между тем не принимать без приглашения участия в делах ее; надобно было представить ей о предложенной помощи флотом, но не предлагать его. Египетского пашу надобно было стращать и застрашить (запугать. – С. М.), но чем? – не известно; надобно было грозить, но обойтись ласково и одними убеждениями». Кроме того «нужно было решить, следует ли при первом свидании с турецкими сановниками объявить им о готовности Черноморского флота к отплытию, «по требованию султаном помощи» (с. 30–31).

15 декабря во время аудиенции у султана Муравьев дословно сообщил, что именно Николай I поручил ему сказать Мехмеду-Али: «Государь – враг мятежа и друг вашего величества; что если паша, упорствуя в неповиновении вам, станет продолжать военные действия, то он будет иметь дело с Россией» и что ему (генералу) не должно «входить в какие-либо переговоры с восставшим пашей», т.к. от Мехмеда-Али требуется верноподданческое повиновение «своему законному государю» – султану, что очень обрадовало последнего (с. 54).

После долгих проволочек со стороны турок 23 декабря Муравьев наконец-то покинул Царьград (с. 77), и 1 января 1833 г. его фрегат прибыл в Александрию. При входе в порт «никаких взаимных салютов с чьей-либо стороны не было сделано. Обоюдное молчание наше достаточно обнаружило всем, что российский фрегат прибыл не с дружелюбными предложениями».

2 января Муравьев встретился с Мехмед-Али-пашей и устно сообщил ему волю Николая I. Паша «с замешательством просил ... сообщить ему о предмете приезда ... письменно», на что генерал отвечал, что не может «того сделать, потому что самое поручение дано Государем лично и изустно» и что паше «должно прекратить кровопролитие и приступить к мерам примирения с Султаном» (с. 95). Паша попросил время подумать. По настоянию Муравьева следующая встреча с пашой состоялась 4 января, во время которой он вновь и с большей настойчивостью повторил слова императора. Встревоженный паша тут же в присутствии генерала велел написать сыну Ибрагиму-паше приказ о немедленном прекращении военных действий, приложил к нему печать и велел приказ быстрее

отправить. Видно было, что паша согласился вопреки собственного желания и просил 20 дней, чтобы приказ достиг всех отдельных частей его войск, объяснив это тем, что не хотел бы «ответствовать перед Государем ... за все то, что могло бы случиться до 21 дня, считая с сегодняшнего после этого же срока, я принимаю уже на себя ответственность малейшего движения войск».

В ходе дальнейшей беседы паша неоднократно просил «покровительство России в предстоящих ему переговорах с Султаном». На что Муравьев отвечал, что никакой речи о посредничестве быть не может. «Хитрые речи паши» дали генералу повод «усомниться в немедленном отправлении приказа к войску», и он употребил все меры, чтобы удостовериться, что «повеление ... было послано в тот же день с летучей почтой, сухим путем через Сирию; а на другой день отправлен дубликат» (с. 108–117).

Таким образом, дела Муравьева в Египте были окончены, но ветер не позволил сразу отплыть обратно в Царьград. 6 января он получил известие, что «в последствие какого-то сильного брожения умов, оказавшегося в столице (Стамбуле. – С. М.), Султан (турецкий. – С. М.) решил немедленно отправить в Египет Галиль-пашу с полномочием для переговоров и заключения условия, от чего Мегмет-паша был в восхищении». Генерал сообщает о слухах, которые ему доставили в тот же день с берега: «В кофейных домах ... толковали, что Государь убедил будто через меня Мегмет-Али к миру, и что я при этом случае выговорил у него во владение России остров Кипр и Иерусалим. При дворе Паши говорили, что Султан заключил чрез мое посредство с Россией трактат оборонительного и наступательного союза, чего он сам весьма желал; но что при рассмотрении дела в Государственном Совете, улемы (духовные лица) не согласились и изорвали трактат, что и побудило Султана послать Галиль-пашу в Египет» (с. 128–129). Если это отвечает действительному положению вещей, получается, что миссия Муравьева не только подготовила, но и предвосхитила заключение весьма выгодного для России Ункяр-Искелесийского оборонительного договора с Турцией.

Пребывая в Александрии, Муравьев получает известие «об условии, заключенном Пашей с двумя английскими купеческими судами, коими они обязались перевозить войска и снаряды в Тарсус» и о том, что «подобные договоры были сделаны Пашей с шестью австрийскими и несколькими греческими купеческими судами...». В мемуарах Муравьева записано: «И так дело снова завязывалось. Я не мог оставить сего случая без дознания причин, побудивших Пашу к новому отправлению войск» (с. 130–136). Не желая оставлять без внимания слухи об отправлении войск, Муравьев 8 января отправляется к паше и предлагает объяснить «как представить Государю о вашем поступке, который всячески должен удивить Его величество?». Оправдываясь, паша отвечал, что «эти люди не составляли батальонов, а что они принадлежат к разным командам солдат, оставшихся от выступивших войск, что он не знал куда с ними деваться в Александрии, а потому и отсылает их к своим полкам, и в доказательство того прибавил, что в числе их не имеется ни одного унтер-офицера», но затруднился назвать точную цифру посланных (с. 139). Разговор завершился фразой генерала, что «после примирения Паше предстоит служить государю своему опытными военачальниками» (с. 143).

10 января Муравьеву доставили письмо с извещением о вероломстве турецкого двора, о том, что «французская миссия из Константинополя прислала с Галиль-пашей ... письмо ... на имя Мегмет-Али от 28-го декабря (по старому стилю. – С. М.), из которого следовало, что Порта, склоняясь на убеждение французской миссии, возобновляет предложения о мире с просьбой к этой (французской. – С. М.) миссии, исключительно принять на себя переговоры» (с. 148).

Не имея возможности «исправить ошибочного направления, данного ему (через Галиль-пашу. – С. М.) Портой, по внушениям Французов», 11 января при попутном ветре фрегат Муравьева, сопровождаемый бригом, наконец-то отплыл в Константинополь, не дав салюта: «... фрегат наш отплыл с теми же знаменами угрозы, с коими явился в Александрийский порт, молчанием напоминая Паше о сделанных им обетах. Сим кончились действия мои в Египте, – пишет генерал. «Хитрая изворотливость в речах Мегмед-Али свидетельствовала, сколько ему было неприятно и тяжело покориться воле Государя. ... Царьград был спасен, – Султан удержался на престоле; но он поплатился своей Сирией и Аданою за опрометчивое послание Галиль-паши и за неверчивость свою к покровительству России» (с. 149–150).

26 января австрийский интернунций письменно известил Бутенева о том, что «Ибрагим-паша получил повеление от отца остановиться в движении своем к Царьграду, и что он действительно остановился в Кютаиэ». Далее Муравьев пишет: «Я с удовольствием увидел, что поручение мое в Египте имело полный успех и Мегмет-Али сдержал свое слово. ... Направление умов и дел было совершенно иное в сравнении с тем временем, как я оставил Царьград. Недоверчивость Турок к нашему правительству, если несовершенно исчезла, то, по крайней мере, уменьшилась. Таким образом помрачилось тогда влияние Франции в делах Порты и намерения Государя восторжествовали. Блистательный успех сей принадлежит вполне деятельности и умению Бутенева» (с. 156–157).

27 января Муравьев с Бутеневым поехали на «конференцию» к рейс-эфенди. Их приняли в присутственном здании Порты «на половине Пертев-эфенди, Министра Внутренних Дел, – закоснелого врага Русских». Выслушав генерала, поставившего «на вид важность достигнутого успеха, – прекращения военных действий», оба министра «стали сперва отказываться от морского пособия (эскадры и десанта. – С. М.), ими требуемого, а после и от сухопутного (войска. – С. М.), говоря, что после обещаний, данных египетским пашой, в них не предстояло более надобности. ... Бутенев, видя двуличное поведение их, отозвался, что отправление войск на помощь Турции, в самом деле, было сопряжено с большими затруднениями и потребовал от них письменного отказа, что Рейс-эфенди и обещал сделать». Вечером состоялась встреча с сераскиром, который «был рассудительнее министров» (с. 159–161).

28 числа Муравьев с Бутеневым навестили английского поверенного в делах Мандевилля, прусского посланника, барона Мертенса, которого генерал знал «за орудие Французов», который изложил гостям свою версию прекращения военных действий, присовокупив, «что это было последствием ... настояний» не генерала, а «прибытия Галиль-паши в Александрию». Узвленный Муравьев замечает: «Ложное известие, сообщенное Мертенсом, было началом козней французской миссии, завидовавшей влиянию России над Пашой. Козни эти, к сожалению, пустили ветви» в Санкт-Петербурге «и, как кажется, в кабинет Государя. И зависть иностранной миссии обратилась в личную зависть некоторых особ ко мне, по случаю удачного окончания дел в Египте» (с. 161–163).

5 февраля в Стамбул прибыл французский посол, вице-адмирал барон Руссен на фрегате «Галатя». Бутенев получил от рейс-эфенди «давно обещанную меморию», в которой он просил отменить прибытие флота, но предлагал «принять втайне ... следующие меры. Содержать Черноморский флот в готовности с тем, чтобы он снялся с якоря тогда только, когда опять потребуетсЯ. ... а для довершения всего, принять подобные меры относительно сухопутных войск, требуемых на помощь, с тем, чтобы войска сии немедленно тронулись и двигались по Дунаю, где и ожидали бы дальнейших наставлений от их приятеля г. посланника, которого приглашали вступить по сему случаю в сношение с генералом Киселевым». Бутенев просил Порту в дополнение к «мемории, уведомить его, как бы она полагала поступить, если б флот наш вдруг показался у верховья Босфора, его можно было ежечасно ожидать», т.к. сообщение о приостановлении отправки эскадры, посланное «сухим путем», уже не могло застать флот на якоре (с. 178–180).

Несколькими днями раньше (30 января) Муравьев и Бутенев были приняты султаном, который остался доволен результатами миссии генерала и просил его не уезжать в Россию «до совершенного окончания египетских дел» (с. 169–170). 7 февраля Муравьев уведомил Нессельроде о приглашении султана остаться и после этого прекратил официальные сношения с ним, т.к. окончив дело свое, в ожидании ответа из Петербурга, «участвовал в тогдашних дипломатических сношениях с Портой, более как частное лицо по доброму согласию, существовавшему между Бутеневым и им. Военному министру Муравьев «донес также об окончании возложенного на меня поручения ... тщательно предостерегая всех и в письмах и в депешах, чтобы не основывались на словах Мегмет-Али-Паши» и не полагались на прекращение военных действий, которые он мог ежечасно возобновить» (с. 181).

Утром 8 (20) февраля 1833 г. «мы вдруг узнали, что эскадра наша показалась у верховья Босфора». Эскадрой командовал бывший тогда начальник Черноморского флота, контр-адмирал М.П. Лазарев. Она состояла из 4 линейных кораблей, 3 фрегатов, 1 корвета и 1 брига (с. 184). Появление эскадры «поселило опасение в умах недовольных Турок; число судов во мнении народа было увеличено без меры, и в случае приближения Египтян, никто бы в Константинополе не осмелился восстать против Султана». Султан прислал

Ахмед-пашу-мушира с изъяснением признательности за участие, принимаемое Николаем I в положении Махмуда II, но вместе с тем была высказана просьба, отослать эскадру в «Сизополь, где бы она стояла в готовности и ожидании новых приказаний, прибыть в Царьград, в случае надобности». На следующий день Муравьев и Бутенев узнали об истинных причинах просьбы турок, обеспокоенных известием, что Ибрагим-паша якобы 11–12 февраля вновь двинул войско (с. 187–189).

О напряженности ситуации, в которой приходилось работать посланнику и генералу, может свидетельствовать следующая большая цитата из мемуаров Муравьева: «13-го февраля Рейс-эфенди письменно уведомил Бутенева, что французский посол принял на себя довершение переговоров между Турцией и Египтом, присовокупив, что посол был извещен о согласии нашем возвратить эскадру в Сизополь. Министр ясно обнаружил участие вице-адмирала Руссена в сношениях наших с Турцией. Я никогда не видел рассудительного и скромного Бутенева в таком негодовании, как он был при получении сей ноты, ибо сердце его чуждалось вероломства и не терпело унижения. Бутеневу еще до того неприятно было видеть изменчивую политику Порты, и он с прискорбием за несколько дней (до этого. – С. М.) согласился на возвращение эскадры; но наглость турецкого правительства, отвергавшее таким образом испрошенное пособие, и возрастающая надменность Французов, хвалившихся влиянием, приобретенным ими в Порте – превышали всякую меру терпения. Посланнику нашему предстояло избрать из двух одно: или следовать буквально повторенным наставлениям министерства, предписывающего отнюдь не навязывать Туркам вооруженного пособия, или, к стыду двора нашего, допустить дерзкие разглашения Французов, что они выслали флот наш из Босфора. Личные правила благородной твердости Бутенева в сем затруднительном случае восторжествовали. Он отвечал Рейс-эфенди, что хотя и не отказывается от данного обещания возвратить эскадру с первым попутным ветром, но не принимает ноты, в которой упоминается об участии какого-либо постороннего посланника в сем деле; что писать о том в официальной бумаге неприлично после великодушия, оказанного Государем, и что призыв эскадры и возвращение ее зависят от одного Султана. С этим ответом он приказал возвратить ноту к Рейс-эфенди и бросить ее к нему на софу, если б он не хотел принять ее обратно. Такой решительный поступок изумил Рейс-эфенди, который в извинение свое отозвался, что нота не им сочинена, а написана в Порте, и что в ней упоминалось о французском после без всякого умысла. Отважный поступок сей сделал тогда решительный переворот в делах политики. Турки не противоречили нам более, и с тех пор не вмешивали подобных обстоятельств в сношениях своих с нами» (с. 190–191).

Повествуя о дальнейшем развитии событий, Муравьев сообщает: «В последних числах февраля получены депеши из Вены. Посланник Татищев уведомлял Бутенева, что Талейран, по случаю возникших дел в Турции, старался составить союз с Англией против России; но что сей союз был прерван действиями князя Меттерниха, и что, напротив того, Лондонский кабинет отправил, по примеру нашему, в Александрию полковника Кампбеля с поручением, подобным моему. Сему же примеру последовал и Австрийский двор, отправив в Александрию полковника Промеша. И так Руссен пока действовал один, неосновательно обещая золотые горы и Турецкому Султану и Египетскому Паше» (с. 201).

О раскладе сил в самой Османской империи красноречиво свидетельствует сюжет с медалями. Во время посещения российскими флотскими офицерами монетного двора (25 февраля) султан приказал в присутствии Лазарева выбить золотые и серебряные медали «в воспоминание» о присылке эскадры Николаем I. На одной стороне медали изображался вензель султана, а на другой турецкий герб – луна со звездой. «Медали сии тогда же были разосланы, как памятник, для хранения всем русским офицерам, в то время находившимся в Царьграде. – Странное столкновение противоположных мыслей и действий в турецком правительстве, где на каждом шагу видна борьба Порты с Султаном! В сем случае мнимый самодержец восторжествовал. Он не только призвал, вопреки общего мнения, союзников, но даже всенародно ознаменовал торжество бесславного союза – последнего убежища своего» (с. 203) чеканкой медали.

3 марта Муравьев получил через Одессу «повеление военного министерства от 14-го февраля, коим оно уведомляло о движении войск сухим путем и морем в Турцию. Распоряжение сие было сделано в следствие первого требования Портой вспомогательных войск, когда я еще был в Александрии. Назначалось на первый случай, кроме Черноморского

флота, два сухопутных отряда: один для высадки в Босфоре, а другой... для подкрепления способов обороны со стороны Константинополя. Первый из сих отрядов поручался моему начальству...» (с. 208–209). Сообщалось и о подготовке десанта. «По соединении десантного отряда с сухопутным, генерал-адъютант Киселев принимал главное начальство над всеми войсками, и я поступал в команду его. До того же времени я обязан был посылать донесения свои прямо к военному министру, а Киселеву только для сведений» (с. 211). В «повелении» подробно предписывалось, как должны действовать войска...

«Распоряжения сии сохранялись еще нами в тайне, когда Рейс-эфенди пригласил нас троих (Муравьева, Бутенева, Киселева. – С. М.) на совещание, в намерении объявить нам о желании Султана, чтобы флот наш возвратился, на что он имел, как мы после узнали, от Султана письменное повеление, вынужденное настояниями вице-адмирала Руссена». Ненужность флота рейс-эфенди объяснил тем, что «флот мало мог сделать препятствия Ибрагиму, если б он пришел в Скутари». Бутенев объявил ему о скором прибытии вспомогательного войска «чем и прекратилось наше заседание». Чтобы «слух об ожидаемом десанте не распространился через Турок, я от Рейс-эфенди немедленно поехал к Сераскиру и объявил ему эту новость. Умный старец тотчас смекнул, что уже поздно было бороться против таких усиленных мер дружбы (хорошо сказано. – С. М.) и скрыл свое удивление» (с. 212).

«8-го числа барон Штюрмер, живший в Пере, приезжал к нам и показывал списки с наставлений, данных отправленным в Египет: Английскому полковнику Кампбелю и Австрийскому подполковнику Промешу. Оба должны были изъять Мегмет-Али-паше неудовольствие дворов за возмущение его против Султана; но ни в той, ни в другой инструкции незаметно было угрозы, – ограничивались одними убеждениями и советами» (с. 215–216).

Не вдаваясь во все сложные перипетии умиротворения египетского паши и его воинственного сына Ибрагима, подробно освещенные Муравьевым, кратко остановимся на событиях заключительного этапа, о которых генерал пишет: «По известиям ... из Александрии, доходили до нас сведения, что мир уже был заключен на условиях, предложенных Египтянами». 23-го числа сераскир и Ахмед-паша-мушир подтвердили, что «Порта точно заключила мир на этих условиях, но что Карамания отдана не Мегмет-Али, а Ибрагим-паше, ... не в виде владения, но на откуп, с тем, что Султан вправе, когда ему угодно, отдать Караманию другому». Когда Муравьев спросил турок «почему заключение мира было скрыто от нас столь долгое время ... Они уверяли ..., что договор этот был утвержден Султаном не более двух или трех дней тому назад ...» и сказали, что рейс-эфенди незамедлительно уведомит Бутенева о заключении мира (с. 326–327).

6 мая в Стамбул прибыл граф А.Ф. Орлов, назначенный полномочным послом при султанском дворе, начальником всех сухопутных и морских сил, находившихся в Босфоре. «Ему разрешено было объявить, кому сочтет за нужное, войну и, в случае надобности, открыть военные действия с находившимися у него под рукой войсками». Корпус генерал-адъютанта Киселева подчинялся ему «в случае движения, не взирая на то, что Киселев был в чине старше его» (с. 329–330). «Ахмед-паша лично передал Графу первые положительные известия о заключении мира ... Орлов ... изъявил удовольствие Государя за все нами сделанное до тех пор; но как будто упрекал в том, что Турки заключили мир без нашего согласия» (с. 331).

Но «едва кончалась завязчивая ссора между Султаном и Египетским пашей, как новые заботы обратили на себя внимание дипломатического сословия». В Смирну прибыл французский флот, «из Англии уже отправилось восемь линейных кораблей в Левант и соединенные флоты сии должны были, как говорили, двинуться к Дарданеллам». Муравьев сообщает, что 10 мая к нему приехал сераскир (непонятно, почему к нему, а не к Орлову. – С. М.) и известил, «что Ибрагим-паша занял войсками Кесарию, лежащую вне дороги отступления его в Сирию, как бы грозясь двинуться к границам Грузии. ... Кажется, что война вновь завязывалась. ... В народе вообще господствовало какое-то поверье, что дело решится только с совершенным падением Турецкой империи». Но в тот же день было доставлено первое положительное известие об отступлении неприятеля (с. 337–340).

Египетско-турецкое перемирие было заключено 14 мая 1833 г. в ставке Ибрагима в Кютахе при содействии французской дипломатии. Судя по «Запискам» Муравьева, это больно ударило по самолюбию автора, фактически добившегося нужного результата

раньше французов, причем на более выгодных для Турции условиях. Теперь же Османская империя передала под управление Мехмед Али-паши Египет, Крит, Дамаск, Джидду и Адану. Повествуя об этих событиях, генерал отмечает, что около середины мая были получены официальные известия об отступлении Ибрагим-паши. Орлов послал капитана барона Ливена, а турки, по предложению Орлова, одного полковника «для следования за египетской армией до Таврских теснин. . . Мера сия была не столько нужна для удостоверения нашего, сколько для показания, что египетское войско как бы выпроваживалось под наблюдением русского офицера, чего не сделали ни Французы, ни Англичане» (с. 364). 24 июня (6 июля) султана известили, что египетские войска покинули Анатолию. «Мир был заключен; но Султан, в объявлениях своих, назвал это не миром, а прощением, дарованным восставшему. Он наградил еще Мегмет-Али за мнимую покорность – Сирией, а Ибрагим-пашу – Аданую, прежде чего повинившиеся и не хотели отступать. По получении требуемого, Ибрагим удостоил Султана благодарным письмом, которое было тщательно разглашено последним» (с. 364–365).

25 июня (7 июля) Орлов «уведомил падишаха об уходе последнего египетского солдата за Твырский хребет и “испросил” разрешения на возвращение домой экспедиционного корпуса», которое немедленно и получил. Граф оставался еще два дня в Буюк-Дере и «был на частной аудиенции у Султана, от коего получил письмо к государю, и после того отправился в Одессу на отдельном от флота . . . корабле», увозя долгожданный договор.

Сразу после известия о том, что войска Ибрагима-паши ушли из Анатолии, началась эвакуация российского десантного отряда. 28 июня «поутру, нагруженный войсками флот, снялся с якоря и при благоприятном ветре вышел из Босфора с салютационной пальбой». Так кончилась, – пишет Муравьев, – «экспедиция наша на Босфор. Последствием ее был оборонительный союз между Россией и Турцией, заключенный графом Орловым с сераскиром» (с. 430–431).

Договор был заключен 26 июня (8 июля) в Ункяр-Искелеси. В.Н. Виноградов характеризует это событие как «взрыв дипломатической бомбы», отметив, что при подписании договора «Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе»².

Договор состоял из шести статей и секретной статьи, содержание которых хорошо известно, и поэтому нет смысла приводить их здесь. Отметим только, что «иностранцы называют договор этот по названию Султанской долины, близ коей стоял лагерь: *Traite d'Unkiar-Scelessi*, как бы в упрек того, что договор написан под влиянием нашего оружия . . . Иностранцев всего более оскорбляла секретная дополнительная статья, по коей воспрещалось военным судам их входить в Дарданеллы. Англичанам, в особенности . . . так неприятна, что они вскоре после заключения договора требовали от нас к запретительному условию дополнения, по коему бы равно и нашим военным судам был воспрещен выход через Геллеспонт в Средиземное море, на что . . . мы и согласились» (с. 431–433).

Особого внимания заслуживают суждения Муравьева об оборонительном союзе, якобы закрывающем Черное море от вторжения иностранцев. В доказательство ошибочности такого мнения генерал приводит три основных довода. Сейчас сложно определить, когда именно эти доводы созрели у генерала – сразу по заключении союза, чего нельзя исключать, принимая во внимание тактические и стратегические способности Муравьева, или по прошествии времени, когда рукопись готовилась к изданию. Думается, в любом случае они верны.

Доводы заключаются в следующем (цитата приводится почти целиком):

«1. Турецкое правительство никогда не будет в состоянии знать заблаговременно об угрожающей ему опасности, и потому нельзя даже будет обвинять Порту в лживости расположения ее к нам, если она не позовет нас вовремя на помощь.

2. Турецкий флот, по бездеятельности и слабости своей, не только не будет в состоянии противиться вторжению в Дарданеллы; но даже будет взят и присоединен к неприятельским силам для действия против нас.

3. Когда неприятельские эскадры, стоящие обыкновенно близ Смирны, захотят вторгнуться в Черное море, то они будут бомбардировать Одессу прежде, чем узнают в Петербурге о вторжении их, и войска наши не только не успеют в Дарданеллы для обороны входа, но и не увидят Босфора прежде изгнания неприятеля из Черного моря . . .

Весь договор был написан без видимой обдуманности. Мелькали правдоподобие и возможность другой экспедиции; спешили кончить настоящую, опасаясь всеобщей войны в Европе, и думали положить основание будущего посещения нами Царьграда трактатом, сделанным без всякого поручительства со стороны Турок; ибо они, до последнего дня падения своего, могли еще признавать себя в силах держаться без нашей помощи.

Со своей стороны, Сераскир, заключая условие секретной статьи, знал, что Дарданелльские замки не в состоянии помешать вторжению неприятельского флота; но, давая высокую цену мнимым силам знаменитого пролива, уже давно пришедшим в ослабление, он делал нам угодное и, вместе с тем, имел с (надо “в”. – С. М.) виду скорейшее удаление наше. При том же, Порты всегда могла оправдаться в случае вторжения, несколькими выстрелами, пущенными с Дарданелльских батарей по неприятельским судам».

Муравьев признает, что «влияние наше сильно тяготело над политикой Турции, когда писали этот договор; Оттоманская империя была в состоянии одеревенелости, и царство Султана, направляемое тогда в действиях своих внушениями двора нашего, имело только признаки независимой самостоятельности. Такое положение было драгоценно; иностранные державы не могли обвинить нас в завоевании нового царства; нам не нужно было отделять особенных сил для удержания Дарданелл, а управлять силами самой земли, через посредство законных властей ее» (с. 433–434).

26 сентября 1833 г. Муравьев приехал в Петербург, 27-го встретился с графом Орловым (с. 446–447). Уже 1 октября в Царском Селе Муравьев был принят императором, который отметил, что успех миссии способствовал заключению Ункяр-Искелесийского договора и произвел Н.Н. Муравьева в генерал-адъютанты.

Завершая, еще раз подчеркнем тот факт, что мало кто верил в успех миссии Муравьева, однако генерал блестяще справился с поставленной задачей, проявив выдающиеся дипломатические способности.

Идея оборонительного союза исходила от Турции и, как пишут турецкие историки, Россия «охотно пришла на помощь, вынудив принять это как свершившийся факт», обеспечив поддержку российских сил Махмуду II. «Сумев закрыть проливы для противников и открыть их для себя, Россия установила нечто вроде протектората над Османской империей, став ее защитницей; это сильно обеспокоило Европу»³.

Ункяр-Искелесийский договор был высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Договор действительно на короткое время усилил позиции России в Османской империи, повысил ее престиж в Стамбуле, на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав на Турцию. Соглашение укрепило международные позиции Порты, защитило ее от нового нападения Мехмеда-Али-паши и позволило заняться внутренними преобразованиями. Но, как показали дальнейшие события, на исходе срока действия Ункяр-Искелесийского договора (8 лет)⁴, обманчиво блеснувшего в дипломатической истории Восточного вопроса, Россия очутилась в полной изоляции.

¹ Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). – М.: Издание Чертовской библиотеки, 1869. (Далее в основном тексте в скобках будут указываться только страницы).

² *Виноградов В.Н.* Двуглавый орел на Балканах. 1683–1914. – М.: Индрик, 2010. – С. 262–264.

³ История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / Под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 68–69.

⁴ История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). – М.: Изд-во: Эдиториал УРСС, 2012. – С. 424, 436.

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ОПИСАНИИ М. С. ЧАЙКОВСКОГО (МОХАММЕДА САДЫК ПАШИ)

А. А. Пригарин

Пригарин О. А. Козаки-некрасівці Османської імперії в описанні М.С. Чайковського (Мохаммеда Садик Паші). У статті розглядається сюжет існування та діяльності козаків-старовірів (некрасівців) у складі Османської імперії у середині XIX ст. Показується як глобальні схеми історії можуть не співпадати з минулим локальних спільнот. Наводиться переклад фрагменту оригінального джерела – опису М.С. Чайковського (1857 р.).

Ключові слова: козаки-некрасівці; старообрядці; Османська імперія; М.С. Чайковський.

Пригарин А. А. Казаки-некрасовцы Османской империи в описании М.С. Чайковского (Мохаммеда Садык Паша). В статье рассматривается сюжет существования и деятельности казаков-староверов (некрасовцев) в составе Османской империи в середине XIX в. Показано, как глобальные схемы могут не совпадать с прошлым отдельных локальных общностей. Приводится перевод фрагмента оригинального источника – описания М.С. Чайковского (1857 г.).

Ключевые слова: казаки-некрасовцы; старообрядцы; Османская империя; М.С. Чайковский.

Prigarin A. A. The Cossacks-nekrasovtsy of Ottoman Empire in M. S. Tchaikovsky's (Mohamed Sadyk Pasha) Description. In the article the plot of existence and activity of Cossacks-Old-believers (nekrasovtsy) in composition of the Ottoman Empire in the middle of 19th century is examined. It is shown how global charts of history can't coincide with the past of separate local communities. The translation of the fragment of original source, descriptions of M. S. Tchaikovsky (1857) is given.

Keywords: Cossacks-nekrasovtsy; old believers; Ottoman Empire; M. S. Tchaikovsky.

История казаков-некрасовцев, покинувших Дон и Россию в начале XVIII века и создавших эффективные способы выживания и выразительные варианты казацкой традиции в составе Османской империи, полна «белых пятен». Несмотря на наличие в историографии фундаментальных работ по прошлому этой самобытной группы казачества¹, многие из вопросов их жизнедеятельности в составе мусульманской державы остаются открытыми. Особо подчеркнем актуальное значение бытования небольшой организованной общины «древлего православия» в исламском государстве. При этом, как правило, и верно служа Высокой Порте, эти христиане выступали весомой силой во внутренних и внешних событиях Османского государства, в частности, участвуя на стороне Турции в войнах против России (все военные кампании XVIII – первой половины XIX вв.). Ряд сюжетов легендарного прошлого этой группы казаков не вписывался ни в одну из версий официальной истории, оставаясь в стороне от имперских дискурсов воюющих сторон.

В силу такого парадокса справедливо был поставлен вопрос о выявлении и накоплении новых источников, непосредственно отображающих положение внутри данного социума и событийные аспекты развития некрасовских казаков². Обнаруженный нами текст является одним из самых ранних описаний группы. Познавательный характер публикуемой ныне работы обусловлен тем фактом, что ее автор был знаком с корпусом материалов, недоступных современному исследователю, а также опирался на собственные наблюдения и диалоги с самими некрасовцами. Это позволяет оценивать данный труд в двойном значении: и как историографический факт, и как источник с широким эвристическим диапазоном. Многие из сюжетов выступили впоследствии планом-содержанием для создания различных линий в исследовании некрасовской группы. Например, автор был первым, кто зафиксировал и описал т.н. «Заветы Некрасова», которые и по сей день являются важным концептом в понимании феномена русских казаков на «службе турецкой».

Весьма яркой и оригинальной личностью следует считать и самого автора источника – Михала Станиславовича Чайковского (Мехмеда Садык Пашу, Чайку; 1804–1886). Его биография и эволюция взглядов привлекали³ и, уверен – еще будут привлекать внимание специалистов ряда дисциплин. Связано это, по-видимому, с тем, что он никак “не хотел” вписываться в обычные категории государственных, революционных или нацио-

налистических схем. Разноплановая деятельность этой фигуры – выразительный пример космополитизма: служа делу польской революции, пропагандировал идеи “независимой Украины”, преданно выполнял военные и административные функции в империи Порты, последовательно доставляя разведанные в пользу Франции сведения... Каждой из этих линий вполне хватило бы на самобытную биографию; объединение их всех в судьбе одного человека сложно объяснимо с позиций бытового мышления и оценок.

Кульминацией карьеры этой неординарной личности следует считать создание и функционирование «Османского казачьего войска» (в 1853–1868 гг.)⁴. Он создал его на свой страх и риск, легализовав в обстоятельствах Крымской войны. В состав этого войска вошли украинские и русские жители Северо-Западного Причерноморья, польские эмигранты в Стамбуле. Планировалось присоединение и другого славянского населения империи в число Войска. Сам М.С. Чайковский видел его цель в “воссоздании казацкой народности в Южной Руси, или, как минимум, образовании из Добруджы самостоятельного казацкого государства под моим руководством как султанского вассала”⁵. Деятельность созданного М.С. Чайковским воинского подразделения, еще ожидает своего исследователя. Нас же интересует литературный аспект деятельности Садык Паши. На пике своей активности он создал сборник «Казачина в Турции» (“Kozaczyna w Turcyi”), который вышел ограниченным тиражом в 1857 году в Париже⁶. Результаты его творчества следует расценивать как нечто среднее между беллетристикой (с художественным вымыслом, метафорами и другими атрибутами подобного жанра) и пропагандой. Поэтому вряд ли стоит искать достоверности в изложении М.С. Чайковским прошлого – оно для него обладало не столько исторической ценностью для познания, сколько выступало в качестве предмета вдохновения и сокровищницы фактов, которые можно было использовать для популяризации собственных идей. В связи с этим его наследие следует рассматривать как своеобразную модель мировоззрения, искавшей в историческом опыте обоснования для выстраивания новых форм идеологии. Поэтому не станем искать в его текстах соответствия реальной истории, а выясним семиотические (знаковые) сюжеты и события, на которые опирался автор в своем желании обосновать правомерность собственных действий. Благодаря такому подходу становится возможным продемонстрировать эволюцию взглядов автора: от романтика к прагматике практика. В результате, будем иметь дело с проявлениями социальной памяти, со всеми свойственными данному типу сознания мифотворческими аспектами, к которому вряд ли эффективно применять научно-строгий корпоративный “костюм” требований.

Выходя из понимания труда как эклектичного по своим функциям, сфокусируемся на описании некрасовских казаков, которое оставил М.С. Чайковский. Этот фрагмент является одним из первых в литературе комплексной характеристикой казаков-староверов на османской службе. По ходу размышлений заметим, что это произведение неоправданно “забыто” в историографии – даже в специально посвященной ему литературе чаще всего используются мемуарные оправдания “Записки”⁷, составленные на два десятилетия позже в Киеве, уже после возвращения в Российскую империю. Анализируемый сборник подготовлен вне цензурных рамок, в непосредственной близости от событий, в момент искренней веры в будущее своего детища. Книга является компиляцией фольклора, документов, описаний собственных наблюдений, которые написаны польско-украинско-русской языковой смесью. Вышла она небольшим тиражом и уже при жизни автора стало библиографическим раритетом, чем частично и объясняется редкость ее использования в историографии. В приложении к данной публикации приводится фрагмент сборника (7-й раздел из 28) в собственном переводе. Это четвертый параграф первой части сборника. Публикуется под авторским заглавием. Заглавные буквы и абзацы оставлены вслед за М.С. Чайковским.

В немногочисленных отзывах на книгу М. Чайковского с конца XIX века доминирует критика Ф.К. Волкова: “невыразительные и отрывочные сведения этого писателя... настолько запутаны и тенденциозно обработаны, что не могут иметь никакого значения без самой тщательной проверки каждого из приведенных им фактов”⁸. Безусловно, с точки зрения документальной позитивистской парадигмы (правил критики источников) произведение “атамана” ангажировано, чрезмерно эгоцентрично и содержит множество фактографических недостатков. Однако вряд ли стоит его оценивать исключительно с позиций

профессионального историка – его задачи были, конечно же, иными, нежели у кабинетного ученого, что следует учитывать при работе с текстом этого произведения.

Фрагмент сборника публикуется с максимально точным сохранением стиля и грамматического строя М.С. Чайковского. Ключевые названия приведены в квадратных скобках согласно оригиналу. Таким же образом приведены комментарии. Многие из фактографических аспектов, безусловно, нуждаются в последующей источниковедческой критике. Неточности характеризуют как собственные познания М.С. Чайковского (например, постоянное упоминание дат восьмой русско-турецкой войны как «1827–1828» вместо 1828–1829 гг.), так и историческую память самих некрасовцев (яркий случай – связь переселения из России не во времена Петра I, что имело место в реальности, а в период Екатерины I). Большинство из описанных сюжетов в последующем «перекочевали» в историографию, что также требует специального внимания.

Приложение

IV⁹ Несколько слов о Казаках Некрасовцах. Писано в Лагере над Камчиком [Salmanie nad Kamczykiem] 6 Сентября 1856 года

Казаки Некрасовы поселены здесь в Азии в Санджаке Брусси [Brussy] в уезде Бандерма [Banderma], в селе Бинэвле [Binewle], насчитывая тысячу домов над озером Майнос [Mainos], и поэтому его зовут Майновским селом – как его прозвали Игната Некрасова Казацкое Войско, Кубанские Казаки и Михайлицы [Ihnata Nekrasy Kozackie Wojsko, Kubancy Kozacy i Michailiczcy]. Последнее название происходит от места Михайлица над морем Мраморным, двадцать часов дороги от Бинэвле. Поселение Некрасовцев отдалено на четыре мили пути от Бандермы, а на пять – от Эрдека, двух мест над морем Мраморным, а от Брусси шестнадцать часов – час турецкий пять верст московских.

Казаки эти происходят из Дона – во время Екатерины I, императрицы Московской, вышли из Отчины под предводительством Стеньки Разина, по причине преследований религиозных [фактическая ошибка: после восстания 1707–1709 гг. часть казаков покинула российские пределы и обосновались на Кубани. – А. П.]. После второго сражения в Уральских землях, над Волгой, с Московскими войсками, пришли служить войском у Ханов Татарских – были они тогда под предводительством Наместника Разина Игната Бурьяна [Ihnata Burjana], которого Москали прозвали Некраса (неудачный) [Nekras (niepiekny)], по причине их присяги на службу военную у Мусульманского Хана первого Христианами.

По приказу Гетмана Некрасы достигли города Анапы, а затем округа Кубани аж до устья Лабы, отданной его казакам, и с тех пор взяли название Кубанские Казаки – Старо-Кубанцы [Kubancy Kozacy-Staro-Kubancy].

Между теми Казацкими выходцами, были первые семьи Донские: Булгаковы, Евсеевы, Мазаны, Хохлы, Грицкие, Солтаны и т.д., но эта аристократия первая Донцев, заселенная Польской шляхтой прибывшей на Дон из Караболя [Karabojem], более привязана была к Старообрядческому согласию. Женщины и семьи стали после приходиться к отцам, мужьям и братьям. Анапа заселилась этими Казаками, местность поделили на станицы, как на земле Донской и с теми же самыми названиями.

Игнат Некраса обязал этих мужчин нести службу войсковую Ханам, двенадцать тысяч пятьсот конных Казаков, поделенных на двадцать пять Полков, и охранял пешими и на лодках место от нападения неприятеля.

Игнат Некраса учредил в организации военной, гражданской и религиозной сотоварищество выходцев, которое с этого времени носит название: Войско Игната Некрасы Казаков [Wojsko Ihnata Nekrasy Kozakow]. Организация, права и уставы какие он дал, до настоящего дня действуют как самые святые, как самые актуальные в Бинэвле.

Игнат Некраса был пожилого возраста, но в девяносто верхом погиб под Анапой, охраняя этот город, когда его штурмовали Москали, под предводительством Фельд-Маршала Гудовича. Долгое время честь его гремела, и он и не думал о выборе нового Атамана: он бы заслуженным и самовластным – в тех выходцах нужна была такая сила, чтобы удерживать порядки, убеждения и заслуги, в лице своего Начальника.

После смерти Игната Некрасы Анапа была взята, но Казаки из нее вышли, жены, дети и старики на лодках, а мужчины и молодцы на конях. Вдоль самых берегов плыл флот се-

мей казацких, а побережьем шли походом конные Казаки – и так пришли аж до Босфора. Переправили этих коней из Анадол Каваки до Румелии Каваки. И снова берегами аж на Дунай, где они поселились над озером Разин, очень рыбным и имеющим выходы в Черное море при Кара Кермане [Kara Kermanie] и в Дунайское Георгиевское русло [Dunajskie Giorgiewskie koryto].

Как у Ханов, так и у Султанов Исламского Царства, приняли службу воинскую. В их первом фирмане, вернее договоре [Paktach Konwentach], содержались такие выражения:

«За гостеприимство для живых, для приют для умерших на Твоей земле, великий и могучий Монарше, клянемся Тебе кровью отплатить охраной твоего святого Трона и твоей Великой Державы. Своими средствами обязуемся на каждой войне против Москвы, на своих конях со своим оружием, а взамен от Твоего Султанского Монаршества нам, есть дома и скалы, собирать дополнительно средства на подковы, по две пары на коня, живность для людей и коней, золото во время войны, как даешь ты твоим Шахам» [Уникальный фрагмент текста договора – М.С. Чайковский, видимо, имел возможность познакомиться с оригиналом, этот источник нигде не упоминается в работах по истории Некрасовского войска. – А. П.].

Вольными были они от всяческих налогов и выплат – свободно рыбу и пиявок ловили и тем торговали, а во время войны конными выходили на службу. Обычно власть военную имел над ними Сераскир-Паша [Seraskier-Pasza], так же как над Запорожцами имел Капудан Паша [Kapudan Pasza]. По мере заселения давали должное количество ездовых и к этому их обязали, но точное число их определял приказ Сераскира: какие сведения дали и дополняли убыль в часы войны. Осели над Дунаем, верные и старательные в Султанской службе, аж до прихода Запорожцев на правый берег Дуная. Тогда затеяли споры и свары между ними.

Некрасовцы выселились над берегом моря Мраморного, а над рекой Марица осели в близости ее устья около Эноса над озером Сыралджа [Syraldga], часть их перешла в Азию на озеро Майнос.

В войне 1827 [так в тексте, но имеется в виду российско-турецкая война 1828–1829 гг. – А. П.] года Некрасовцы приняли активное участие, но когда их конница вышла под Шумлу [Шумен], под командованием Великого Визиря Мехмед Решид Паши [Wielkiego Wezyga Mehmed Reszyd Paszy], полк Московских уланов под командованием полковника Муханова, вышла к селам казацким над Сыралджи – некоторое время они там пребывали, ничего особенного не сделали, но по окончании войны Некрасовцы эти перешли в Азию на озеро Майнос.

Чума сначала, а затем холера опустошила эти села; в 1854 их всех было не более ста казаков. Служили все на войне под командованием Мехмеда Садык Паши; после войны распущены по домам, согласно их договоренностям с Турцией.

Казаки Некрасовские во время своей службы в Турции получили от Султанов Мустафы [Mustafa], Абдул-Хамида [Abdul-Hamid], Селима [Selim] и Махмуда [Mahmud] двадцать восемь Фирманов с благодарностью за их верность и с похвалой их храбрости. От Султана Махмуда имеют Фирман с благодарностью за оборону Стамбула в 1828 году, имеют в знак награды три булавы: серебрянная от Султана Селима, вторая – такая же – от Султана Абдула-Хамида, а третья – золотая от Султана Махмуда.

В году 1856 вместе с первым полком Казаков Оттоманских Некрасовские Казаки, находясь на службе, получили медали славы за участие в войне и четыре медали пятого класса на сотню. Великую ценность и признание придают они этим Фирманам и этим наградам, которые сложены в Арсенале, вместе со знаменами и с тремя пушками, вывезенными еще из Анапы.

Имеют они булаву серебрянную самого Игната Некрасы и палицу, которой, говорят, он был проткнут, и оковы, в которых приговаривал заковывать виновников. Эти всяческие реликвии, как и булава Есаульская, которые носят Атаман войска и Есаулы в случае получения ими власти.

Имеют свою большую хоругвь, на лазурном фоне профиль золотой креста греческого, а в углу хоругви Архангел Михаил золотой. Такие же точно хоругви имеют и двенадцать меньших с крестами греческими и полумесяцами Османскими и звездами, которые со времен уничтожения Янычар и Шахов, отобраны у башибузуков. Эти хоругви и древние бунчуки и хоругви забраны от Москалей и бунчуки от Черкесов, которых было тридцать,

сейчас находятся в кладовой. Там же Архив войсковой, регистр Казаков, описи каждой компании, заверенные подписями и печатями Старшины.

Книги церковные и другие военные, которые постановили хранить как память войсковую, находятся в Сокровищнице [Skarbiec] и Арсенале. В нем имеется множество разного оружия различного времени. Это все располагается в двух церквях. В третьей – Архив и Канцелярия, а в четвертой пребывает это богатство в воскресенье, и в дни малых праздников, и в большие Праздники, это все достается. И тогда можно увидеть и Арсенал, и Сокровищницу.

Главной основой этого решительного общества является вольность труда и пожитков, а не получение сильной власти земной.

Игнат Некраса в Заветах [Ustawach] повелевал: «Пожитки имейте с чего есть; больше рыбы ловите, торгуйте, но помните о порядке наказания от Атамана и Старшины; оплачивайте работу каждого, согласно заработанному, прибыль честью должна быть разделена на три части: первая Церкви, вторая – резерв войска, а третья тому, кто этот доход торговый получил» [это самый ранний из записанных вариантов «Заветов Некрасова»; лишь через десяток лет более полный вариант был описан В.И. Кельсиевым¹⁰. – А. П.]

Во всей округе Бинэвле не имеют ни огородов, ни полей вспаханных, ни виноградников. Хаты как на выгоне и все поля окружены лесом. Вся земля принадлежит посторонним – грекам и туркам; казаки получают ее и обрабатывают, пропалывая виноградники и огороды. Каждый имеет оружие, еду и вино, но собственности существенной не имеет.

В Стамбуле у Власти получают они право на лов рыбы и пивок в озерах. Около Стамбула, Смирны, Бургаса, Варны, в Добрудже, около Солоник, Самсона, Бруссы, одним словом по всей Румелии и Анатолии – соль, рыба, икра, клей выступают главной основой их торгового богатства.

В День Святого Дмитрия [Dzien Swietego Dymitra] собирают круг Старшины под руководством Атамана Войска и перед ними стоят предприниматели-наниматели и рыболовы. Если предприниматели имеют свои средства, то определяют им озера на наем, если же нет, то одалживают из кассы войска и указывают процент, положенный с этого, лодки и, как говорят они, целый завод рыбацкий.

В это время Атаман со Старшиной назначают каждому заводу Атамана Ватажка (Начальника), казначея, писаря и казаков на рыбную ловлю, разделяющих общее звание артели. Каждая из этих артелей имеет своего десятника, то есть чауша [czausza]. Все казаки от восемнадцати аж до пятидесяти лет обязаны работать по приказу Атаманского войска. До достижения ими восемнадцати, а также после пятидесяти, зависело от их воли и от рекомендаций их прочими мужчинами в адрес Атамана Войска.

Так устроено разделение, что своими Ватажками управляют они на рыболовстве. Предприниматели участвуют в распределении, но Ватажек командует, писарь записывает улов каждого. Ватажка назначают люди до сдачи свежей рыбы. Что старшина предпринимателю передает, соль и рыба иные продукты, писарь записывает, а казначей складывает деньги в кассу.

Рыболовство начинается в конце Октября, а прекращается в конце Апреля, потом начинается ловля пивок [т.е. сразу после дня Св. Дмитрия (26 октября по церковному стилю); конец рыбной ловли связан был, видимо, с днем Св. Георгия (24 апреля)]. Такое разделение на зимний и летний циклы календаря одновременно отображают и древнеславянские представления и соответствуют балканско-анатолийской традиции, в основе которой находился лунные овцеводческие даты. – А. П.]

На Святого Михаила [Swiety Michal – 7 (21) ноября] все кассы возвращаются в Бинэвле, Атаман со Старшиной подводят итог, выплачивают рыбакам и изымают положенную прибыль, делят между рыбаками. Ватажков, как и всех урядников, устанавливают на следующий год старшины и Атамана. Во время работы наказания и поучения как во время службы в войске, такие же уважения старшинству и такие же порядки.

Когда они вели другую торговлю, например, благородным товаром, кожей или чем иным, то вели ее таким же способом.

На протяжении двух веков пока общество войсковое находится на турецких землях, ничего не слышно было о спорах расчетных, о жалобах, которые выходили бы за пределы

войска Игната Некрасы Казаков или, чтобы они искали справедливости у властей высших Османского государства, или властей меньших. Не только является это добровольному следованию обычаев, но и чувство высокой чести патриотичной.

Нельзя вступать Некрасовцам в связи брачные, только с женщинами своего рода и своего вероисповедания. В свою военную общину непримиримую берут только Донцев, которые доказывают свое чистое происхождение из Дона и согласия староверского. И детей другого происхождения принимали, приспособливая к своим, воспитывая их в своей вере, обычаях и повинностях.

Монахов звали не иначе как Иноками, передавая сие учение детям. И нет Некрасовца, чтобы не умел читать, писать, считать, не знал хорошо своего исповедания и истории своего войска.

Так глубоко подозревали Москву и Греков, что не имели у себя попов своей веры даже – опасаясь их, чтобы они не были агентами и шпионами Москвы. При крещении детей, при венчании, когда таких наберется несколько, приглашали самого лучшего попа Греческого исповедания из-за границы войска. Хорошо платили, но требовали, чтобы не проговорился – приезжавший в село, в сопровождении стражи из двух Казаков с обнаженными палашиами, которые им всегда товарищи – так же привозил и так отвозил в его усадьбу. Если вынуждены ему были дать есть и пить, то потом все вещи выкидывали – так же делали в отношении любого Грека или Армянина, которых ненавидели [конфессиональный обычай «держат посуду», распространенный среди старообрядцев в отношении внешнего мира, получил особый смысл этнического и религиозного знака в условиях инокультурного проживания. – А. П.].

Эти Некрасовцы фанатично привязаны ко всяческим обрядам староверского исповедания, но духовенства не любят и у себя не имеют, как Староверы из Добруджи. В теологию веры не входят, удовлетворяясь поверхностно – троекратно осеняя крестом перед всякой едой и питьем уста и входя в избу, где образа. Не пили цветы [чай; herbaty] из-за того, что Екатерина Королева России велела его пить и пьют его Москали; не пили кофе и не курят табак, так как Мусульмане, Католики, Православные, Израильяне и иные признают кофепитие и курение. Перед началом работы, перед тем как сказать что-то, то они непременно троекратно крестятся крестом святым. В церкви придерживаются этого же, бьют поклоны, поют псалмы, но, не имея ни музыки, ни науки религиозной.

Это все есть доказательством того, что в глубине они не являются фанатиками своего согласия, только вскользь следуют поверхностным знаниям постов и обрядов, как границы для удержания войска в таком положении, в каком его оставил Игнат Некраса. Не из-за религиозности, но из-за патриотизма.

Суды всяческие устраивают перед своим кругом Старшины, под председательством Атамана войска, за три проступка наказание смертью назначается.

За ложь в слове любом делают наперво клятву религиозную. Преступника наказывают, привязав камень к шее и сбрасывая в озеро.

За предательство войска, бегство во время боя. Наказание смертью от пули или палаша.

За умыкания чужой жены или девицы Некрасовской, на которой потом не женился – виновника наказывают наглядно, лупя его на плацу публично и розгами, пропуская его через весь строй войска, пока смерть ему не наступала. Если виновник добровольно признавал вину, тогда такое же наказание следовало.

У Некрасовцев в Бинэвле разводов не имелось, у Староверцев иных достоинств бывало, как и у Греков.

К каре приговаривали Атаман и круг Старшины – только убийство совершалось самими Казаками по принципу кровь за кровь. Если случайно, семья убитого может забрать убийцу, если не простила, может пожелать кровь за кровь.

В году 1855 Игорь Грицык поручик Михайловской сотни, по дороге из Сливны в Варну был убит случайно одним из своих товарищей, даже родственника своего. Следствие нашло доказательства с помощью Сотника и Старшины, убедилось, что убийство произошло случайно. Паша приказал отпустить арестованного, но жена Грыцька начала кричать и требовать кровь за кровь. И пять мужчин признали, что преступник должен быть наказанным за иные провинности, и вскорости совершили суд по тому наказанию. Трудно, но следствие властей высших смогло только установить, что это была кровная месть.

Так глубоко была спрятана между Михайловскими Казаками тайна – можно было лишь догадываться об этом, и то только тем, кто знал обычай.

Не любили Некрасовцы, чтобы власть вообще вмешивалась в их дела, и потому стремились избегать споров со своими и прикрывать их у себя, сколько могли.

В году 1843, Бей Турок, сосед Бинэвле, положил глаз на Некрасовку, работающую в поле – прибежала она в село, требуя справедливости и мести. Тихон Осипович Битиков, бывший тогда Атаманом Войска, сел на коня с сорока Казаками, прискакал к Бей Турку и в его собственном Чифлику расстреляли. Жена застреленного Бея поведала это Мадырю Бандермы [Mudrya bandermy]. Дело достигло Бруссы, назначено было следствие. Атаман, который приказал Казакам не ждать своего возвращения и приезда урядника, пришел к паше Бруссы и освидетельствовал: «Тот Бей поступил не как человек, а как свинья, и мы его как шkodливого зверя расстреляли. Все, как ты нам велел, всякий кто знает, может в этом заверить. Сами это признаем, пусть Султан делает с нами, что пожелает».

Паша начал торговаться, чтобы заплатили жене погибшего за кровь. Начал говорить: «Поможем даме коль бледна, раз просишь, но не за что платить, потому, как это означало бы признать вину, а мы ее не признаем, только справедливость исполнили». Паша не посмел их арестовать, отдал дело в Стамбул, и приговор не заставил ждать. Некрасовцам было запрещено, чтобы в иных случаях самостоятельно справедливости не вершили, только ждали ее от власти легальной.

Гостеприимство у них большое, хлебосольство, как его зовут, является результатом следования Заветам Некрасы – любят беседовать, пьют очень даже много, но не так как Добруджанцы, как старые Запорожцы, как Поляки. Выпивают без шума, прилично, без авантюры. Перед тем как приступить к разговору Есаул заповедал, чтобы невольно никому Богоматери, сестры, жены, дочки ничьей или невесты не задевать. Если запретную тему затрагивали первый раз, то за воротник виновного выводил на двор Есаула и получал предназначенные пятьдесят палок Некрасы и возвращались к беседе. Кто затронул во второй раз, то выводили и били сто палок. Снова возвращались к беседе. В третий раз получал сто пятьдесят палок, его заковывали в оковы Некрасы и в течении пятнадцати дней он не имел права никуда ходить в гости.

Целый день пили, одной чашей по очереди, и ели разнообразные блюда из рыб, пироги и квашенные овощи. Битье палкой Некрасы и одевание кандалов Некрасы не считалось за унижение, более того, молодой Казак хвалился этим, что и он эти всяческие наказания отбыл и является настоящим Казаком. Является это неким испытанием на рыцарство. Что в доме, что в обозе, что на работах, любят очень общаться между собой. Не любят сами не есть, не пить. На беседах рассказываются старшими часами песни народные молодым, но криков, визгу и ссор не бывает нигде.

Урядники выбирались такие: Атаман Войска, Есаул, Терджуман [Terdzuman – Тарджуман (арабский) или Драгоман, т.е. толкователь, переводчик. – А. П.], десятники. Урядниками являлись и Старики, двенадцать из которых составляли совет. Исполнительная власть была в руках Атамана, который имел себе помощника Есаула. В руках Стариков есть власть законная и никто не может записаться в войско без их Совета с Атаманом, по достижению ими если не единогласного, то решения голосованием.

Урядники эти выбирались на один год, но часто – права подтверждали на следующий год, даже получали на дольше, потому как Некрасовцы не любят перемен. Выборы проходят согласно обычаю, но не в их характере, ни в их душе.

На службу военную поступают согласно высшему Указу Султанскому, который оговаривал какое количество Казаков должно быть. Как только приходил Указ в село, Атаман его оглашает, и в течение дней десяти все Казаки от пятнадцати до пятидесяти лет собрались на майдане главном, где уже заседала Старшина с Атаманом. Каждый подходил к ним, сняв шапку, осенял себя крестным знаменем три раза и бросал шапку за себя. Когда все прошли, тогда Старики вставали и перемешивали шапки всех Казаков. После перемешивания выбирали нужное количество, какое приказано предоставить Казаков, каждый узнавал свою шапку и считался зачисленным.

Атаман со Стариками выбирали Сотника, которого звали Атаманом Походным; двух поручиков, которых звали Полковниками; Знаменщика, бравшего Хоругвь; двух Бунчужных, бравших малые хоругви; Есаула и Терджумана, который должен был уметь [понимать. – А. П.] по-турецки. Был еще Писарь войсковой и добавляли двух Стариков,

следивших за властью моральной, что-то наподобие Цензоров Римских или Комиссаров Республики Французской над властью военной. Их никто заменить не мог, они могли смениться только по требованию офицеров, по желанию круга и новым выбором. Такой новый выбор бывал только формой плена, потому что никто не смел сделать ничего другого – только то, что они велели и говорили. Десятников выбирал Атаман Походный, если есть больше сотни, то он носил это имя, если нет, то просто сотника, в первом случае в каждой сотне имелись сотник и офицеры без звания. А штаб главный состоит из Атамана Походного, Терджумана и Есаула; Есаул сотни получает название Чауша.

Из кассы главной, каждому Казаку для коня либо на коня, на вооружение, обмундирование и ежегодный заработок выдавали, чтобы оставили семьям на содержание, и назначают день сбора вооруженными и на конях.

В этот день Старики и Атаман Войска снова садятся на майдане, выезжали один за другим по кругу офицеры и прочие казаки. Каждый кланялся, трижды крестился и молвил: «Старики, если кто-либо из вас, чтобы позаботился о грешной душе моей и взял ее под опеку?». Молчание три раза, пока кто-то из Стариков позовет его по имени такой-то и такой-то, «едь с Богом». Казак преисполненный бодростью, что его не оставят на войне, так как является обязанным перед старшим достойного и выслуженного у Бога и в войске.

Если молчание это не прерывалось, ощущения печальные, ибо без опеки и никакой определенности в смерти. И в дивном таком случае редко когда Казак возвращался обратно домой с войны. В году 1854 Казаки показали четырех молодых людей необязанных, которые выехали из Бинэвле в большой печали непризнанности из-за того, что ранее пили в корчме и были наказаны властью Атамана Войска. Один из них пропал под Силистрой, другой под Тульей, а двух взяли в плен там же.

После этого смотра стреляют из пушек, выносят из Церкви Хоругви и две меньшие, когда едет одна сотня. Знаменщик и Бунчужные присягают, что никогда ее не отдадут неприятелю, а все Казаки – что их не уничтожат. Такие это святые духовные, что до сих пор еще Некрасовцами ни одного знамени войскового не утратили. Как большое признание ценности хоругви приведем следующий случай:

В году 1810 Москали хотели захватить мост в Мачине. Атаман Черноморских Казаков Черник [Ataman Czarnomorskich Kozakow Czernik] с войсками подошел к берегу, опередив Турков и Запорожцев, которые его охраняли. Тогда ему с этой целью пришлось штурмовать более тысячу всадников Некрасовских под руководством Атамана походного Хохла. Хохол не мог вернуть убежавших, а также не мог конницей удержать Черноморцев. Попал один, а потом второй и третий бунчуки в руки Москалей, приказал «все желающие – на кони и за знаменами!». Срочно кинулись люди, но он видел, что их мало – взял большую хоругвь в руку и приказал «кто Старо-Кубанец – по коням за мной за знаменами!». Двинулись эти, конницей ударили, половину Черноморцев посекали, половина бежала. Хохол собственноручно убил Черника.

Старики постарше застали невредимыми мундир и знаки офицерские Черника в семье Хохла. Сын Хохла растратил все, что осталось от отца, а два его внука жолнеры в сотни в 1854, 55 и 56 годах рассказывали, что этот мундир был взят им как награда за отбор и охрану знамен.

При получении Хоругви, знамен, Полковники выстраивают сотни, сотники стоят перед ними, Атаман Походный командует и те выдвигаются в поход под песни.

Очень верой своей привязаны они к забобонам и чарам: Иван Солтан, Атаман Походный, в войне 1827 и 28 имел огромное влияние на этих казаков и через эту веру. Они были убеждены в достоинстве и отваге этого воина, потому как ему было видение, что он не будет убит ни оловом, ни железом. В каждой битве был всегда впереди, а, возвращаясь, перевязывал раны. Он снимал свой пояс, и пули с него ссыпались на землю – Казаки считали, что это были неприятельские, которые застревали в поясе. Для них был это человек, которого они боялись и уважали и которому доверяли.

С малых лет Некрасовцы старшие обучают детей службе, стрелять, скакать, атаковать и обороняться, и к этой службе военной они необычно подходят и обречены – в каком бы то ни было мужчине, без капли умения это сидит в крови и проявляется, когда это потребует.

Ни один неприятель не сумеет подойти к их домам, такая бдительность, такая осторожность, такое молчание в пикетах, быстрота в оседлании коней, и в одежде аккуратнос-

ти, и в собрании пунктуальность. На их учтивость и внимательность можно оставить любой транспорт, понимая ценность экспедиции, быстро и в целости его доставят. В дороге не заплачуются, не испоганятся, повинность и служба у них – прежде всего.

В бой идут так же, как и казаки Донцы, не прячась, один Начальник едет впереди, остальные позади от начальника, не сильно отступая.

Их служба войску Турецкому всегда была преданной и в последней войне не одна добрая услуга ими предоставлена. Несколько сотен казаков в этом смысле и с такой старательностью военной, для командования легкой конницы, по удержанию передовых охран и коммуникаций, и даже полиции войсковой, в составе войска. Это большая сила, которая малочисленна, но которая конницу заменить может. Так быстро по заданию передвигаясь для Командира, что он может быть спокоен о своей экспедиции, о транспорте, о фураже и о полиции. А, кроме этого, есть уверенность, что стража будет бдительной, а приказы исполнены быстро.

Некрасовцы, нигде прежде в откомандирование не отправили одного человека, всегда трех или не меньше двух – на случай слабости и чтобы каждый был перед глазами, под контролем другого. И это предусмотрено их Заветами военными еще Игната Некрасы.

Имея, равно как и Донцы, склонность к разбою и к трофеям военным, но умеют это делать тихо, без визга и шума, так что редко на них жаловались – свои поборы получали как легальность, и нигде между ними не было гвалта, драки и обидных угроз. Жестокости без необходимости нигде они не допускают.

В 1827 году Иван Солтан допустил подобную жестокость в отношении пленных Московских, обрезал им уши, продырявил их по краям и отослал Царю Николаю. Пояснял это так через переводчиков: «Мы и Донцы являемся одной кровью, одной костью, они служат белому Царю и их много и много. Мы служим Султану и есть нас мало – в порядке вещей так есть, что всегда многое поглотить малое может. От Начальства зависит, чтобы этого не было – мои своих братьев могли бы отдать в неволю, что понятно, и тогда мы бы были уничтожены. А так они видят, как я обхожусь с Московскими пленными, каждый себе думает «хоть бы эта и мечь была, но где бы он такое получил от Москаля» и «не дает себя в плен брать. Где нельзя силой, там необходимо ненавистью и умением воевать».

Этот Иван Солтан был человеком крайне приверженным обычаям, воздержанным, несовременным и в интересах своего войска глубоким политиком.

В Турции, и у Правительства, и среди Люда Некрасовцы были в большом уважении и авторитетными. У Люда есть пословица: «Верный как Игнат Казак – на его веру полагаться как на веру Старо-Кубанцов». Нет солдат в турецком войске, нет Паши наивысшего звания, который сердцем и разумом не приветствовал Некрасовца и который бы ему выразил негодование.

Является это сложной, но заслуженной наградой. Потому как общество выходцев, которые на чужой земле, и через два века сумело сохранить в себе народность, честь, уникальность и умения. Которое и через два века протягивали руки мужественности, отдавая должное заслугам предков, не прося ничего у разных людей и политиков. Лишь кровь и труд отношение к ним определяет. И правило мечты у правнуков такие же, какие были у их праотцов, которые не смогли сохранить земли отчизны перед натиском и не смогли вынести общего ярма, покинули его для того, чтобы сберечь народность, веру и честь. Общество это все сохранило, и, может быть, самое важное для людей – сердца и душу, которые только ждут призыва от Великого человека своего, хоть из Майноского села, хоть с берегов Казачьего Дона.

В конце несколько слов их народной песни, которая не является одной из самых поэтичных, однако ее все поют на марше хором. Точно так же ее пели Донцы всяческих станиц. В пении и хоре эта песня очень быстрая, азартная и развеселая. И Некрасовцы ее досконально знают – поют и другие, но они похоже на Украинские или на Московские, а не обладают таких черт народности Казацко-Донской как эта:

Из Царьграда, града,
Идут Гайдамаки,
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам, шлам бам бам,
Шлам бам, бам бам бам,

Идут Гайдамаки,
Игнашки Казаки;
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Идут на лодках,
Все красивы шапки
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Прийдут до Болгару,
К Соленому яру
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Солонину жарят,
И курицу варят.
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Приехали к жиду,
В сам шабаш на беду,
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Требуют горилки,
Четыре бутылки.
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Вдарил жидок драпака,
Жидовочка казачка,
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

Жидовочка казачка
За ручки взяла,
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

В зеленый сад завела,
На кровать легла,
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам и т.д.

На кровать легла,
Рученки поднесла.
Эй! Вэй! Вэй! Вэй!
Шлам бам бам, шлам бам бам,
Шлам бам, бам бам бам.

Казаки Михайлицы носят красные шапки сделанные четырехгранно как конфедератки, золотая нить вдоль края, с черной окантовкой по кругу. Жупан песочный, верх черный из шерсти и шаровары синие. Казаки в темно-гранатовых жилетках без рукавов.

Старшинские знаки на шапке, в кокардах и перьях серебрянные. Все внешне как соколы выглядят, все как прирожденные Господа. Все дельные ездоки на конях, как бы к ним приросли, как старинные центурии. Через горы и долины, через леса и степи, моря и пустыни летели б птицами! Ради того, чтобы на земле Разинов и Игнатов, на земле своих праотцев запеть:

Шлам бам бам, шлам бам бам,
Шлам бам, бам бам бам.

Это их мечта, это их идея.

¹ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). – Краснодар: Кубанькино, 2002.

² Например: *Dolgin V. Despre rolul documentelor otomane în istoria rușilor de rit vechi din România / О роли турецких документов в истории русских старообрядцев Румынии / V. Dolgin, S. Fenogen // Зори-Zorile. – 2001. – № 10 (111). – Р. 6–7.*

³ *Rawita-Gawronski F. Kozaczyna za Dunajem // Atencum wileiskie. – R. IX. – 1933–1934. – S. 159–198; Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковский – Садък паша и българското Възраждане. – София, 1973. – 152 с.; Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. – Кишинев: Штиница, 1973. – С. 25–29; Борисёнок Ю. Атаман Садък-паша // Родина. – 1998. – № 5–6. – С. 94–97; Prigarin A., Sen D. Mihail Ceaikovski și erosa sa // Magazin istoric. – Iunie 2009. – P. 53–57.*

⁴ *Prigarin O.A. «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формувань в Оттоманській Порті середини ХІХ ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Вип. ХІІІ. – Запоріжжя, 2001. – С. 17–28; Волконский М.А., Пригарин А.А., Сень Д.В. Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. – С. 147–160.*

⁵ *Чайковский М. (Садък-Паша). Записки // Киевская старина. – 1891. – Т. 33. – С. 108–109.*

⁶ *Kozaczyna w Turcyi. – Paryz: w drukarni L. Martinet, 1857. – 391 p.*

⁷ *Чайковский М. (Садък-Паша). Записки // Киевская старина. – 1891. – № 1. – С. 40–72; 1891. – № 2. – С. 255–268; 1891. – № 3. – С. 463–477; 1891. – № 4. – С. 117–130; 1891. – № 5. – С. 273–287; 1891. – № 6. – С. 446–457; 1891. – № 7. – С. 85–96; 1891. – № 8. – С. 195–211; 1891. – № 9. – С. 466–477; 1891. – № 10. – С. 98–107; 1891. – № 11. – С. 276–291; 1891. – № 12. – С. 430–449.*

⁸ *Кондратович Ф. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. – 1883. – № 1. – С. 29.*

⁹ *Kozaczyna w Turcyi. – Paryz: w drukarni L. Martinet, 1857. – P. 79–100.*

¹⁰ *Иванов-Желудков В. (В. Кельсиев). Русское село в Малой Азии // Русский вестник. – 1866. – Т. 63. – Кн. 6. – С. 440–441; [Кельсиев В.И.] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. – 1875. – Т. 1. – С. 605–620.*

ПОЛИТИКАТА НА ОСМАНСКАТА ВЛАСТ СПРЯМО ПРЕСЕЛВАНЕТО НА БЪЛГАРИ В РУСКАТА ИМПЕРИЯ В НАЧАЛОТО НА 60-ТЕ ГОДИНИ НА XIX ВЕК

В. Мучинов

Мучинов В. Политиката на османската власт спрямо преселването на българи в Руската империя в началото на 60-те години на XIX век. В статията се проучва политиката на османската власт спрямо последната масова българска емиграция преди Освобождението на България – преселването на българи от Видинско и някои други райони от българските земи към южните владения на Руската империя през 1861–1862 г. Констатира се, че въпреки някои първоначални колебания, Високата порта предприема действия за максимално ограничаване на българската емиграция, а впоследствие полага усилия за завръщане на оцелелите български преселници обратно по родните им места. Анализират се причините за тази политика на османската власт, както и нейните последици за българското национално развитие.

Ключови думи: миграционна политика; Руска империя; Османска империя; Видински санджак; Крим; българска емиграция; реемиграция.

Мучинов В. Политика османской власти в отношении переселения болгар в Российскую империю в начале 60-х годов XIX века. В статье рассматривается политика османской власти по отношению к последней массовой болгарской эмиграции до Освобождения Болгарии – переселению болгар из Видинского края и некоторых других районов болгарских земель в южные владения Российской империи в 1861–1862 гг. Констатируется, что, несмотря на некоторые первоначальные колебания, Высокая порта предприняла действия по максимальному ограничению болгарской эмиграции, а впоследствии положила усилия по возвращению уцелевших болгарских переселенцев обратно в их родные места. Анализируются причины этой политики османской власти, а также ее последствия для болгарского национального развития.

Ключевые слова: миграционная политика; Российская империя; Османская империя; Видинский санджак; Крым; болгарская эмиграция; реэмиграция.

Muchinov V. The policy of the Ottoman rule regarding the Bulgarian emigration to the Russian Empire during the early 60s of the 19th century. This article examines the policy of the Ottoman rule in connection with the last mass Bulgarian emigration before the Liberation of Bulgaria – the resettlement of Bulgarians from the region of Vidin and some other areas of the Bulgarian lands to the southern areas of the Russian Empire in 1861-1862. It is noted that despite some initial hesitations the Sublime Porte took actions to minimize the Bulgarian emigration and subsequently endeavored to return the surviving Bulgarian migrants back to their homes. The reasons for this policy of the Ottoman rule are analyzed, as well as its consequences for the Bulgarian national development.

Keywords: migration policy; Russian Empire; Ottoman Empire; Vidin Sandzhak; Crimea; Bulgarian emigration; remigration.

Последната масова българска емиграция преди Освобождението на България се извършва в началото на 60-те години на XIX в., когато от намиращите се под османска власт български земи (най-вече от Северозападна България) към южните европейски владения на Руската империя се преселват над 12 000 души. На тази емиграция обръщат внимание редица български изследователи – като се започне от проучванията на Г. Димитров и Д. Маринов от края на XIX и началото на XX в. и се стигне до публикациите на Е. Хаджиниколова, Ил. Тодев и Ст. Дойнов в последните няколко десетилетия¹. Темата е засегната и от някои представители на чуждата историография като К. Карпат, Ив. Грек и Н. Червенков, Е. Белова, М. Фролова и др.²

Въпреки това все още редица аспекти, особено що се отнася до отношението и конкретните действия на Високата порта спрямо това преселение, остават слабо проучени и неуточнени. Именно „разплитането“ на политиката на централната и местната османска власт във връзка с преселническата акция от началото на 60-те години на XIX в. е *основната цел* на настоящата статия. За нейното реализиране, освен наличните български и чуждестранни проучвания, засягащи в една или друга степен разглеждания проблем, са използвани документи от български, турски, руски, западноевропейски и пр. произход, материали от тогавашния периодичен печат, спомени на дейци от епохата и др.³

За разлика от предишните големи емиграционни движения, които се извършват по време и непосредствено след руско-турските войни от 1806–1812, 1828–1829 и 1853–1856 г., емиграцията от началото на 60-те години на XIX в. се извършва в мирновременна обстановка. Тя е пряко свързана с големите размествания на населението в Северното Причерноморие, Крим и Кавказ в годините, последвали края на Кримската война. Масовите размери, които взема преселването на кримските татари и ногаите от Южна Русия към владенията на Османската империя⁴, принуждават руското правителство да разреши официално този процес в края на 1859 г. Заедно с това управляващите в Петербург вземат решение да се поощри заселването в Русия на известен брой балкански славяни, най-вече българи, които да заместят в демографско и стопанско отношение изселените се татари. Инструкции в този дух са изпратени в началото на 1860 г. до руските консули на Балканиите, включително до тези във Видин, Варна и Одрин⁵.

По този начин от руска страна е стартирана подготовката за извършването на поредната преселническа акция от българските земи, осъществена през 1861–1862 г. Най-голям мащаб тази акция приема в Северозападна България (Видинско, Белоградчишко и Ломско), поради което фигурира в българската историография и под името „Видинско преселване“. Причините за успеха на руската агитация в този регион се търсят в нерешения с десетилетия аграрен въпрос, който тласка неколкостранно през 30–50-те години на XIX в. местното българско население към бунтове и изселвания в съседна Сърбия⁶. Към този проблем се прибавя и преселването на татарите в района през 1860–1861 г., което допълнително утежнява положението на християнското население в северозападните български земи⁷. Поради това местните български селяни масово се поддават на уверенията на руския консул във Видин М. А. Байков, че в Русия те ще намерят всичко необходимо за добър и спокоен живот и най-вече – достатъчно количество обработваема земя и привилегии. Руските агенти изтъкват и други аргументи в полза на преселването – съгласието на турските власти за неговото извършване и възможността за предварителна продажба на недвижимото имущество, осигуряване на безплатно пътуване до местата на заселване в Южна Русия и пр.⁸

В резултат на тази активна агитация през периода от края на юли до началото на октомври 1861 г. от Видинския санджак се изселват 1560 семейства или общо 10 990 българи. Те са превозени с кораби и шлепове до делтата на р. Дунав и оттам през Черно море до южноруските пристанища Одеса, Евпатория и Теодосия (последните две – разположени на Кримския полуостров)⁹. Далеч по-скромни резултати обаче са постигнати в останалите части от българските земи. Въпреки предварителните очаквания на руските дипломатически представители във Варна, Одрин и Битоля и проведената активна агитация, емиграцията от Североизточна България, Тракия и Македония обхваща ограничен кръг хора¹⁰. Едва през май 1862 г. в Крим пристигат 229 семейства от Одринско и отделни български семейства от Североизточна България (от Шуменско, Русенско и Тулчанско). Заедно с тях общият брой на преселниците от 1861–1862 г. надхвърля 12 000 души¹¹.

Основен проблем за настоящото изследване е *изясняването на политиката на османската власт спрямо тази преселническа акция*. Дълги години остава спорен въпросът дали съществува договореност между правителствата в Петербург и Цариград относно размяната на население между двете империи. Различните мнения по този въпрос са обобщени от Ст. Дойнов, който, опирайки се на руски дипломатически документи, твърди, че през февруари 1861 г. е постигнато подобно споразумение на ниво посланици. Действително, в донесение до канцлера А. М. Горчаков от 22 февруари 1861 г. руският посланик в Цариград А. Б. Лобанов-Ростовски докладва, че същия ден е официално уведомен от османския министър на външните работи Али паша за съгласието на Високата порта да предостави на желаещите да се преселят в Русия българи това право¹².

Очевидно е, че това съгласие на османското правителство е обвързано с въпроса за преселването на мюсюлманите от Южна Русия в Османската империя. Трябва да се отчете, че след Кримската война сред част от османския управляващ елит се разпространява идеята за извършване на размяна на християнските поданици на султана с мюсюлмански имигранти (предимно татари и черкези) от руските владения в Крим и Кавказ. Привържениците на подобна размяна считат, че нейното реализиране ще донесе безспорни политико-стратегически предимства за Османската империя – проявяващите симпатии към Русия християнски поданици на султана ще бъдат заменени от изпитващите силна враждебност

към руската политика татари и черкези¹³. Преобладаващата част от османските държавници обаче ясно съзнават, че такава размяна би донесла тежки икономически проблеми за Империята и би влошила и без това незавидното ѝ финансово състояние¹⁴. Именно поради това те се противопоставят на провеждането на подобна политика и на изпълнението от страна на Високата порта на споразумението от февруари 1861 г.

Последвалите действия на османската власт показват, че поне на първо време Високата порта е склонна да допусне ограничен емиграционен поток от своите владения в Румелия и по-конкретно от северозападните български земи. Не е случайно, че тъкмо в Северозападна България османската власт проявява най-голяма пасивност спрямо руската агитация и на практика позволява преселническите настроения сред местното българско население да вземат големи размери. Причината за това може да се търси в напрегнатата обществено-политическа обстановка в северозападните български земи. Посредством допускането на ограничена българска емиграция от Видинския санджак османската власт по всяка вероятност се стреми да тушира бунтовническите настроения сред местното българско население, като позволи на най-радикалните негови елементи да се изселят в Русия заедно със своите семейства. Тази хипотеза се подкрепя от факта, че най-голям размер българската емиграция взема сред жителите на тези села във Видинско, Белоградчишко и Ломско, които вземат най-дейно участие във въстанието от 1850 г.¹⁵

Твърде скоро обаче на османското правителство се налага да заеме категорична позиция срещу българското изселване. Руската дипломация използва устното споразумение от началото на 1861 г. като основание за предприемане на широкомащабна преселническа кампания: през следващите месеци руските консулски мисии (особено тези във Видин, Варна и Одрин) разгръщат трескава агитационна дейност сред християнското население в Румелия¹⁶. Това принуждава османските управляващи да предприемат мерки за предотвратяване на надигашата се значителна преселническа вълна.

Още на 30 април 1861 г. Високата порта изпраща писмо до провинциалните власти в северните български земи, в което се посочва, че „някои подстрекатели“, с цел да създадат бунт в страната, разпространяват слухове, че заселването на черкезите и ногаите ще се извърши в замяна на изселването на българите. На местните власти в Северна България се нарежда да вземат енергични мерки срещу разпространителите на подобни неверни и злонамерени слухове. За да се успокоят духовете сред българския народ, е необходимо местните български първенци да бъдат уверени, че държавата счита българите за „едни от най-благонадеждните османски поданици“, за чието добруване се полагат под покровителството на султана най-големи грижи. Също така трябва да им бъде разяснено, че мюсюлманските бежанци са разпратени за заселване на подходящи свободни места не само в Северна България, но и в други части на Империята, при това в много по-голямо количество¹⁷.

Високата порта обръща специално внимание на ситуацията във Видинско, където, както вече се посочи, агитацията за преселване е най-дейна. През юни 1861 г. на видинския валия е наредено да вземе мерки за ограничаване на контактите между българите и руския консул във Видин¹⁸. Интензивната кореспонденция между видинския валия и централната власт в Цариград продължава и през следващите месеци. Портата нарежда да се попречи на тези, които имат намерение да се изселят, но без да се употребява насилие спрямо тях, тъй като това ще даде повод за оплаквания. Поради това властите във Видинско и съседните райони се призовават да постъпват в случая „твърде разумно“¹⁹.

На 18 ноември 1861 г. Портата изпраща тайна заповед до провинциалните власти в Румелия, в която се съобщават решенията на Министерския съвет в Цариград, нарочно свикан по въпроса за изселването на българите. А те са: 1. Държавата няма да задържа със сила онези, които не разбират грижите и свободите, с които са дарени от султана, и напускат огнищата си „под миража на смътни обещания“; 2. На българите, които желаят да се изселят, трябва да се съобщи, че Османската империя не е канила и не поощрява идването на мухаджири (мюсюлмански бежанци), а последните се преселват по собствено желание и с позволението на Русия. Заявява се, че османската власт „няма абсолютно никакъв договор с Русия за отпращане на българи от Румелия на местата, изпразнени от мухаджирите в Русия“. Поради това разпространяваните злоумишлени слухове за изселване на българите са неверни и българският народ не трябва да им се доверява.

Посочените решения трябва да се обяснят на духовните ръководители и на другите първенци измежду българите, с които местните власти се задължават да проведат специ-

ални срещи. Нещо повече – заявява се, че ако някои българи в желанието си да напуснат страната са продали имотите си, то те ще се отнемат от купувачите и ще се връщат обратно на собствениците. Подчертава се, че за да се постигне пълно успокояване на българското население, то не бива да се измъчва и преследва, а напротив – към него местните власти трябва да се отнасят „добре и справедливо“²⁰.

Въпреки заявлението, че държавата няма да задържа със сила тези, които желаят да се изселят, в края на 1861 г. са предприети мерки срещу големите размери, които придобива агитацията за преселване в Търновско, Варненско, Одринско и други райони в българските земи, като някои от агитаторите са прогонени, а други – арестувани. С активни действия за спиране на преселническото движение се отличават варненският мютесариф Ашир бей и бившият велик везир Мехмед Къбръзълъ паша, назначен през есента на 1861 г. за одрински валия. Комбинираните мероприятия, съчетаващи мирното увещаване със силовите действия, продължават и през следващата 1862 г.²¹

Именно взетите мерки от страна на централната и местната османска власт, заедно с надигналото се възмущение сред българската общественост от „убийствената“ (по определението на Г. С. Раковски²²) преселническа политика на руския царизъм, довеждат до значителното ограничаване на емиграцията от българските земи през 1861–1862 г. Така преселническата акция се осъществява единствено в част от Северозападна България, докато изселванията от другите райони на българското етническо пространство имат твърде незначителен характер.

Изложената информация дава възможност *да се заяви*, че въпреки наличието сред османските управляващи среди в годините след Кримската война на идеи за извършване на размяна на християнските поданици на султана с мюсюлмански имигранти от руските владения в Крим и Кавказ, отново (както и в предишните десетилетия на XIX в.²³) в политиката на Високата порта взема връх линията за максимално ограничаване на емиграцията на християнското население от българските земи.

Както вече се посочи, запазването на тази линия в политиката на Високата порта е продиктувано най-вече от икономически и фискални съображения. Очакванията на някои кръгове сред османските управляващи, че пристигащите от Русия мюсюлмански колонисти ще заместят емигриралите през 1861 г. от Видинско българи в стопанско отношение, твърде скоро показват своята несъстоятелност. Българската емиграция довежда до замиране на земеделието в редица райони на Северозападна България²⁴, което принуждава Високата порта не само да вземе мерки за ограничаване на по-нататъшната емиграция на своите християнски поданици, но и да предприеме *активни действия за връщане в пределите на Османската империя на вече изселените се българи*.

Реализацията на тази цел от страна на османското правителство се благоприятства от лошата руска организация по транспортирането и настаняването в Крим на българските преселници от Видинско, което поражда сред тях масово желание за завръщане в намиращите се под османска власт български земи. Още през есента на 1861 г. някои представители на българските емигранти влизат в контакт с османското консулство в Одеса, а в началото на 1862 г. преселниците от над 30 видински, белоградчишки и ломски села избират делегация, която да измоли от султана помощ за връщане по родните им места. В съставеното по случая писмо селяните от Видинско молят и за предоставяне на временни данъчни облекчения, за да могат да възстановят своите стопанства след завръщането си²⁵.

Опитите на руските власти да разубедят българските преселници от решението им за завръщане в родината са неуспешни, като с малки изключения българите остават непреклонни в своите намерения. В крайна сметка през март 1862 г. османският консул в Одеса е официално информиран за съгласието на руското правителство за връщане на преселниците. Според постигнатите през април договорености руската страна поема ангажмента да доведе до пристанищата желаещите да се завърнат в Османската империя и да ги снабди с храна за няколко денонощия. Всички останали разходи трябва да се поемат от Високата порта. През май 1862 г. изпратените от османското правителство кораби транспортират от пристанищата в Крим до Видин около 8000 български бежанци. В Русия остават само 160 семейства (около 800 души), най-вече на лица, компрометирани се пред своите сънародници заради усърдието си по извършването на преселването. За по-малко от една година около 2000 бежанци умират от болести, недохранване и измръзване по време на тежкото пътуване към Южна Русия и прекараната там сурова зима²⁶.

Високата порта дава нареждания на местните власти в българските земи за *полагането на специални грижи* по посрещането, настаняването и подпомагането на изстрадалите преселници. По-голямата част от тях се завръщат в родните си села във Видинско, но има и някои, които по време на реемиграцията се установяват в Северна Добруджа. Удовлетворена е молбата на завърналите се български преселници от Видинско за опрощаване на данъците им за период от няколко години; полагат се усилия за регулиране на проблемите, възникнали поради настаняването на част от татарските и черкезките колонисти в селата и домовете на завърналите се български изселници, като за целта правителството решава да им се раздадат земи от държавния поземлен фонд²⁷. Както основателно посочват изследователи като С. Дамянов и Ст. Дойнов, всичко това е сторено с цел да се възстанови по-бързо замрялото след българското изселване селско стопанство в Северозападна България²⁸. Не трябва обаче да се пропускат и политическите съображения за благосклонното отношение на Високата порта спрямо българските реемигранти – османските управляващи разчитат, че положените усилия за завръщането и подпомагането на преселниците ще засилят лоялността на българското население в този стратегически регион към властта на султана и ще предотвратят бъдещото му въвличане в бунтовни кроежи от страна на руски или сръбски агенти²⁹.

Настаняването на българските реемигранти обратно в родните им населени места обаче не минава без проблеми. По време на пътуванията си из Дунавска България през 60–70-те години на XIX в. Ф. Каниц констатира, че години след завръщането им положението на някои от реемигрантите все още не е уредено. Така например през 1864 г. завърналите се в с. Василевци, Ломско, български селяни все още са принудени да живеят в примитивни землянки, тъй като напуснатите им през 1861 г. домове са заети от татарски колонисти. Същото е положението и на завърналите се български жители на с. Вълчитрън, Плевенско³⁰.

Посочените проблеми обаче не са в състояние да променят *констатацията*, че реемиграцията на българските преселници от Южна Русия през 1862 г. представлява безспорен успех за османската политика. Завръщането на емигрантите се използва от османската власт за изобличаване на руската политика, довела до разорението и страданията на подлъганите да се преселят в „кримските пустини“ българи от Видинско, както и за пропагандиране на „благоденствието“ и „спокойствието“, в което живеят българският и другите народи под грижите на османското правителство³¹.

В *заключение* може да се заяви, че предприетата (въпреки някои първоначални колебания) политика от страна на османската власт спрямо българската емиграция към Руската империя в началото на 60-те години на XIX в. довежда не само до значително ограничаване на нейните мащаби, но и до полагането на целенасочени усилия за завръщането на оцелелите български преселници обратно по родните им места. За българското национално развитие осъществяването на тази политика на Високата порта има голямо значение, тъй като допринася за съхраняването на българския демографски потенциал на прага на Освобождението и стимулира по-нататъшното обществено-икономическо развитие на българските земи.

¹ *Маринов Д.* Политически движения и въстания в Западна България (Видинско, Ломско, Белоградчишко и Берковско): Принос за българската история // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. – Кн. 2. – София, 1890. – С. 61–114; *Маринов Д.* Избрани произведения в 5 тома. – Т. 3: История на града Лом и Ломска околия / Под ред. и с бележки на Д. Господинов. – София, 2003. – С. 442–483; *Димитров Г.* Княжество България в историческо, географическо и етнографическо отношение. – Ч. 2. – Пловдив, 1896. – С. 196–197; *Тодоров-Хиндалов В.* Изселване на видинските българи в 1861 г. // *Тодоров-Хиндалов В.* Въстания и народни движения в предосвободителна България според новооткрити турски официални документи. – София, 1929. – С. 93–111; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането. Икономически живот и политически борби. – София, 1967. – С. 190–205; *Мутев Й.* Георги Раковски и емигрирането на българи в Русия през 1861 г. // Военноисторически сборник. – 1970. – Кн. 3. – С. 3–23; *Тонев В.* Някои данни за преселническото брожение в Източна България през 1861 г. // Известия на Народния музей – Варна. – 1973. – Кн. 9. – С. 185–195; *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. – София, 1974. – С. 196–209; *Хаджишиколова Е.* Някои въпроси по преселването на българи в Русия през 1861 г. // Исторически преглед. – 1976. – Кн. 6. – С. 45–61; *Хаджишиколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия 1856–1877. – София, 1987. – С. 31–44; *Тодев Ил.* О балканской политике России в начале 60-х годов XIX столетия //

Bulgarian Historical Review. – 1988. – Кн. 3. – С. 42–57; *Плетньов Г.* Руските консули и преселването на българи в Русия през 1860–1862 година // Военноисторически сборник. – 1992. – Кн. 4. – С. 63–84; *Дойнов Ст.* Последното масово преселение в Южна Русия (1861–1862) // Исторически преглед. – 1992. – Кн. 11–12. – С. 18–39; *Дойнов Ст.* Георги С. Раковски и последното голямо преселване в Русия // Българско възраждане: идеи, личности, събития. Годишник на Общобългарския комитет „Васил Левски“. – Т. 4. – София, 2002. – С. 324–334; *Дойнов Ст.* Едно неуспешно преселване на българи в Южна Русия // *Studia Balcanica* 24: Изследвания в чест на проф. Веселин Трайков. – София, 2003. – С. 328–337; *Тодев Ил.* Демографски процеси // История на българите. – Т. 2: Късно средновековие и Възраждане. – София, 2004. – С. 389–402; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова през Възраждането (1751–1878). – София, 2005. – С. 137–159; *Пеев В.* Преселението на българите в Русия от 1861 г. и Добродетелната дружина // Университетски четения и изследвания по българска история. IV международен семинар Смолян, 11–13 май 2006 г. / Състав. И. Баева, Пл. Митев. – София, 2008. – С. 214–226.

² *Karpat K.* Ottoman Population 1830-1914. Demographic and Social Characteristics. – Madison, Wis.: The University of Wisconsin Press, 1985. – P. 63–65; *Грек Ив.* Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще / Ив. Грек, Н. Червенков. – София, 1993. – С. 35–36; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871 гг.). – Москва, 2004. – С. 175–221; *Фролова М.М.* Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. – Москва, 2010. – С. 170–187; *Пачев С.* Причины массового переселения болгар в Таврическую губернию 1861–1863 гг. в историографии // Известия на Института за исторически изследвания. – Т. 31: Сборник в чест на проф. д.и.н. Стефан Дойнов. – София, 2014. – С. 317–326; *Фролова М.* Переселенческие настроения у болгар Битольского эялета в 1861 г. (По донесениям русского дипломата М.А. Хитрово) // Известия на Института за исторически изследвания. – Т. 31: Сборник в чест на проф. д.и.н. Стефан Дойнов. – София, 2014. – С. 416–428, и др.

³ *Раковски Г. С.* Преселение в Русия или руската убийствена политика за българите. – Букурещ, 1861. 2. изд. София, 1886; Из архивата на Найден Геров / Под ред. на Т. Панчев. – Кн. 1–2. – София, 1911–1914; *Тодоров-Хийдалов В.* Изселване на видинските българи... – С. 100–111; *Селищев А.* О переселении македонских болгар в Россию и греко-болгарских спор в Битольской и Охридской областях (Из консулских донесений 1861–1874 гг.) // Македонски преглед. – 1929. – Кн. 4. – С. 27–45; Документи за българската история (по-нататък – ДБИ). – Т. 1: Архив на Найден Геров. – Ч. 1 (1857–1870) / Под ред. на М.Г. Попруженко. – София, 1931; ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви (1564–1908). – Ч. 1: (1564–1872) / Подбрал и превел П. Дорев. – София, 1940; Архив на Г. С. Раковски. – Т. 1–4. – София, 1952–1969; Документи за българската история из германските архиви 1829–1877 / Състав. и ред. Хр. Христов и В. Паскалева. – София, 1963; Русия и българското национално-освободително движение 1856–1876. Документи и материали. – Т. 1. – Ч. 1–2. – София, 1987; *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки (1864–1874). Донесения (1865–1876). – Т. 1: Записки (1864–1871). – София, 2008; *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки (1864–1874). Донесения (1865–1876). – Т. 2: Записки (1871–1874) & Донесения (1865–1876). – София, 2009; и др.

⁴ За татарската емиграция от Крим и Кубан в годините след Кримската война и за настаняването на значителна част от татарските преселници в намиращите се под османска власт български земи вж. по-подробно: *Михайлова-Мръвкарлова М.* Етнокултурни процеси у кримските татари от Североизточна България // Съдбата на мюсюлманските общности на Балканите. – Т. 4: Ислям и култура. Изследвания. – София, 1999. – С. 446–449; *Антонов С.* Татарите в България. – Добрич, 2004. – С. 52–62; *Мучинов В.* Миграционна политика на Османската империя в българските земи през XIX век (до 1878 г.). – София, 2013. – С. 159–171; *Karpat K.* Ottoman Population... – P. 66.

⁵ Русия и българското национално-освободително движение... – Т. 1. – Ч. 1. – С. 497; *Граф Н. П. Игнатиев.* Дипломатически записки... – Т. 1. – С. 87–89; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 31–32; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 68–69; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 124–131; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 176–181.

По-различно мнение за целите на руската политика излага Ил. Тодев. Според него с преселването на българите руските управляващи целят да ограничат разпространението на униатството в българските земи и да запазят единството на православие (вж. *Тодев Ил.* О балканской политике России... – С. 42–57; *Тодев Ил.* Демографски процеси... – С. 397–402).

⁶ *Маринов Д.* Политически движения и въстания в Западна България... – С. 61–114; *Димитров Стр.* Сърбия и въстанически движения в Западна България от 30-те–40-те години на XIX век // *Studia Balcanica* 2: Проучвания по случай Втория международен конгрес по балканистика. – София, 1970. – С. 247–280; *Димитров Стр.* Въстанието от 1850 година в България. – София, 1972; История на България. – Т. 5: Българско възраждане (XVIII – средата на XIX век). – София: Издателство на БАН, 1985. – С. 332–384; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 67–68; *Генчев Н.* Българското възраждане. – 4. доп. изд. – София, 1995. – С. 216–229; *Митев П.* Българското възраждане. Лекционен

курс. – София, 1999. – С. 45–52; *Маждракова-Чавдарова О.* За приноса на Северозападна България в националноосвободителното движение след въстанието от 1850 г. // Националноосвободителните движения в българските земи XV–XIX век и тяхното отразяване в музеите. Сборник с доклади и научни съобщения от Юбилейна национална научна конференция в Чипровци, 2008. – София, 2012. – С. 17–24; *Мучинов В.* Миграционна политика на Османската империя... – С. 79–83.

⁷ На някои места във Видинско дори се стига до открити сблъсъци между татарските преселници и местните български селяни, които са недоволни от наложените им допълнителни задължения във връзка с превозването и настаняването на мюсюлманските бежанци, на които трябва да строят къщи и да предоставят земи, селскостопански инвентар и храни (вж. Документи за българската история из германските архиви... – С. 371; *Маринов Д.* Политически движения и въстания в Западна България... – С. 109–110; *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 445; *Димитров Г.* Княжество България... – Ч. 2. – С. 196–197; *Попов Д.* Град Лом и околната му... – С. 117; *Тодоров-Хиндалов В.* Изселване на видинските българи... – С. 95; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 64–66, 190–192; *Заяков Н.* Татарски и черкезки поселения във Видинско през третата четвърт на XIX век // Известия на музеите в Северозападна България. – 1986. – Т. 11. – С. 117; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 31–32; *Антонов С.* Татарите в България... – С. 58).

⁸ *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 445–446; *Тодоров-Хиндалов В.* Изселване на видинските българи... – С. 96; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 192–193; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 72–73; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 137–144; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 187–188; В съвременната руска историография се правят настоятелни опити да се отрече активната роля на руските консули и агенти за засилване на преселническите настроения сред българското население във Видинско и други райони от османските владения на Балканите (вж. напр. *Фролова М.М.* Русское консульство в Видине... – С. 170–187).

⁹ Русия и българското национално-освободително движение... – Т. 1. – Ч. 2. – С. 168–172; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 78–79; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 137–144; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 201–209; *Фролова М.М.* Русское консульство в Видине... – С. 179–180. Трябва да се отбележи, че в някои изследвания се посочват и по-високи стойности за преселниците от Видинско. Според Д. Маринов в Русия се преселват около 16 400 души от Северозападна България (вж. *Маринов Д.* Политически движения и въстания... – С. 110–112; *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 482). Тази стойност се подкрепя и от други автори, като С. Дамянов и Е. Хаджиниколова (вж. *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 192–193, 203; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 42–43).

¹⁰ Особена активност за осъществяване на руската преселническа политика освен видинския консул М. А. Байков проявяват и руските консули във Варна и Одрин – съответно А. В. Рачински и Н. П. Шишкин. За разлика от тях, пловдивският вицеконсул – българинът Найден Геров, има подчертано резервирано отношение към тази преселническа акция, която счита за предварително осъдена на неуспех. Съображения срещу преселването на българи от Македония изказва и битолският вицеконсул М. А. Хитров (вж. по-подробно по въпроса: Български книжници. – 1861. – Г. IV. – Бр. 23. – С. 445–447; Из архивата на Найден Геров... – Кн. 2. – С. 664–665; ДБИ. – Т. 1: Архив на Найден Геров... – Ч. 1. – С. 207, 230–232, 260–266; *Селищев А.* О переселении македонских болгар в Россию... – С. 27–36; *Тонев В.* Някои данни за преселническото брожение... – С. 185–195; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 72–78; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 145–148).

¹¹ *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 79; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 148; *Karpat K.* Ottoman Population... – P. 64.

¹² Русия и българското националноосвободително движение... – Т. 1. – Ч. 2. – С. 12–13, 53–54; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 35–36; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 69; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 127–129; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 189–191.

¹³ Сред привържениците на подобна размяна са и някои високопоставени служители в османската провинциална администрация. Сред тях по всяка вероятност се нарежда софийският мютесариф Хасан Тахсин паша, който през лятото на 1861 г. заплашва софийските българи, които не признават властта на назначения от Вселенската патриаршия митрополит Доротея, с изселване в Крим на мястото на преселващите се в Османската империя татари (вж. Дунавски лебед. – 1861. – Г. I. – Бр. 41. – 11 юли; Дунавски лебед. – 1862. – Бр. 42. – 18 юли).

¹⁴ *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 191–192; *Тонев В.* Някои данни за преселническото брожение... – С. 186; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 70; *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. – Ч. 1: Изследване. – София, 2003. – С. 204–205.

¹⁵ *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 446; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 192–193.

¹⁶ *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 72–78; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 137–148.

¹⁷ ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви... – Ч. 1. – С. 404–405.

¹⁸ Пак там. – С. 409.

¹⁹ Пак там. – С. 416–417.

²⁰ Пак там. – С. 421.

²¹ Български книжици. – 1861. – Г. IV. – Бр. 23. – Декември. – С. 448–449; ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви... – Ч. 1. – С. 424–425; Архив на Г. С. Раковски... – Т. 3. – С. 825, 832; Русия и българското националноосвободително движение... – Т. 1. – Ч. 2. – С. 162–165, 229–230; *Тонев В.* Някои данни за преселническото брожение... – С. 189–194; *Тодев Ил.* О балканской политике России... – С. 49–50; *Тодев Ил.* Демографски процеси... – С. 399–400; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 145–146; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 211–213.

²² *Раковски Г. С.* Преселение в Русия или руската убийствена политика за българите. – Букурещ, 1861. 2. изд. – София, 1886; Вж. също *Митев Й.* Георги Раковски... – С. 3–23; *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография... – С. 196–209; *Дойнов Ст.* Георги С. Раковски и последното голямо преселване в Русия... – С. 324–334.

²³ Относно политиката на османската власт за ограничаване на емиграционните движения от българските земи през първата половина на XIX век и по време на Кримската война от 1853–1856 г. вж. по-подробно *Мучинов В.* Миграционна политика на Османската империя... – С. 72–87.

²⁴ *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 66–67.

²⁵ ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви... – Ч. 1. – С. 418–419; *Маринов Д.* Политически движения и въстания в Западна България... – С. 111–112; *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 480–481; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 200–201; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 43–44; *Плетньов Г.* Руските консули... – С. 80–82; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 143–157; *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 210–211; *Karpat K.* Ottoman Population... – P. 64–65.

²⁶ *Хаджиниколова Е.* Българските преселници... – С. 42–44; *Грек Ив.* Българите от Украйна и Молдова... / *Ив. Грек, Н. Червенков.* – С. 35; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 157–158; *Karpat K.* Ottoman Population... – P. 65.

²⁷ Цариградски вестник. – 1862. – Г. XII. – Бр. 20. – 12 май; ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви... – Ч. 1. – С. 422–440; *Маринов Д.* Политически движения и въстания в Западна България... – С. 112; *Маринов Д.* Избрани произведения... – Т. 3. – С. 481–482; *Димитров Г.* Княжество България... – Ч. 2. – С. 197; *Тодоров-Хиндалов В.* Изселване на видинските българи... – С. 98–99; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 201–204; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 157–158; *Karpat K.* Ottoman Population... – P. 65.

²⁸ *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането... – С. 66–67; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова... – С. 158–159.

²⁹ ДБИ. – Т. 3: Документи из турските държавни архиви... – Ч. 1. – С. 439–440.

³⁰ *Каниц Ф.* Дунавска България и Балканът. Историко-географско-етнографски пътеписни проучвания от 1860 до 1879 г. – Т. 1. – 2. прераб. изд. – София, 1995. – С. 124; Т. 2. – С. 40; Колкото и да е парадоксално, за разрешаването на своите проблеми някои от завърналите се български селяни се обръщат за съдействие към руските консулски служби на Балканите (вж. *Белова Е.В.* Миграционна политика на Юге Российской империи... – С. 216–217).

³¹ Дунав. – 1867. – Г. III. – Бр. 165. – 9 апр.; Дунав. – 1868. – Г. IV. – Бр. 260. – 13 март.

ТУРЕЦЬКІ ДЖЕРЕЛА ФОРМУЛИ НЕЗМІРНОСТІ У СЕРБСЬКІЙ ЛІРО-ЕПІЧНІЙ ТРАДИЦІЇ

О. О. Микитенко

Микитенко О. О. Турецькі джерела формули незмірності у сербській ліро-епічній традиції.

У статті йдеться про позначену високою частотністю формулу, спрямовану на глорифікацію образу, із прагматикою передачі нездатності уславити/перерахувати загиблих. У сербській фольклорній традиції формула набуває виразного історико-епічного звучання і пов'язується з топосом Косового поля, а також фіксується у народній ліриці. Лексико-семантичні особливості формули, витoki якої у книжній культурі, свідчать про турецькі джерела стосовно сербського варіанту.

Ключові слова: сербський фольклор; плачі; формула незмірності; турецькі джерела.

Микитенко О. О. Турецкие источники формулы неизмеримости в сербской лиро-эпической традиции. В статье речь идет о имеющей высокую частотность формуле, направленной на глорификацию образа, с прагматикой передать неспособность прославить/перечислить погибших. В сербской фольклорной традиции формула получает выразительное историко-эпическое звучание и связывается с топосом Косового поля, а также фиксируется в народной лирике. Лексико-семантические особенности формулы, которая происходит из книжной культуры, свидетельствуют о турецких источниках относительно сербского варианта.

Ключевые слова: сербский фольклор; плачи; формула неизмеримости; турецкие источники.

Mykytenko O. O. Turkish sources of the formula of inexpressibility in Serbian lyric and epic folklore tradition. The article deals with the high frequency formula to glorify the person, with pragmatics to tell about impossibility to bring fame to those who fell in the battle and to enumerate them. In the Serbian folkloric tradition formula gets the expressive historical and epical meaning and is bounded with the topos of Kosovo field, at the same time it is mentioned in folk lyric poetry. The lexical and semantic peculiarities of the formula, with its origin in the scribe tradition, testify to Turkish sources according to Serbian variant.

Keywords: Serbian folklore; laments; formula of inexpressibility; Turkish sources.

У сербській народнопоетичній традиції, зокрема у ліро-епіці, особливе місце посідають формули уславлення загиблих. Одним із часто вживаних прийомів глорифікації є формула неможливості перерахувати імена загиблих та нездатності гідно оплакати героїв, аби зберегти їхню пам'ять для нащадків. Ця гіпербола, у якій неспроможність плакальниці порівнюється з морем, що перетворилося на чорнило, та небом, яке стало аркушем паперу, є клішованим засобом у балканській фольклорній традиції і часто використовується у народних піснях-плачах. Дотримуючись традиційних канонів, народні плакальниці постійно вносять власне індивідуальне бачення як у композиційну структуру тексту, так і в його поетичне вираження. Разом із тим, в одному тексті збірника В. Караджича плакальниця спочатку каже про нездатність уславити загиблих, а потім – «тим більше перелічити їх», що свідчить як про константність риторичної формули, яку, можливо, було вжито механічно, або пояснюється тим, плакальниця просто не вміла рахувати і висловила це в поетичній формі:

*«Да је зала црно море, црној мене!
Да је књига равно поље, рано браћо!
Ја вас не бих искитила, китна браћо!
А камо ли побројила, бојна браћо!»¹.*

Імпровізація, що свого часу так вразила М. Перрі та А. Лорда, наявна в краї із сильною епічною традицією як природний дар, яким носії фольклорної традиції користуються надзвичайно широко. Імпровізація має тут, як неодноразово зауважували дослідники, «складний характер, сполучаючи дивовижну свободу з величезною творчою фантазією»², унаслідок чого епічна пісня створюється під час усного виконання. У середовищі, де письмова традиція складалася в постійному життєдайному взаємозв'язку з традиційною духовною культурою та епічною творчістю, форма десятискладового вірша як наслідок багатівкової традиції стала звичайною формою мовного вираження та тією мовною моделлю, що визначала закономірності функціонування різних жанрів фольклорної творчості. Попри те, що плачі, як правило, склалися у формі восьмискладового вірша (часто із чотири-

складовим приспівом), форма десятискладового вірша оплакування, як стверджує П. Влахович, надзвичайно широко представлена в багатьох краях Сербії, нерідко становлячи частину довгої епічної пісні як у давній, так і в новішій десятискладовій епічній поезії³.

Як показали дослідження, середньовічні твори сербської літератури, що виникли безпосередньо після Косовської битви 1389 р., були складені десятискладовим віршем – «довгим плачовим віршем» сербської поезії (зокрема, оплакування загибелі князя Лазаря). Це стало не лише доказом безпосереднього впливу народної епічної поезії на художню традицію, а й підтвердженням того, що «плачі мусили становити частину первісної народної пісні про Косовську битву», більше того – зумовило вірогідність, що саме з оплакування й «виросла вся епопея»⁴.

Така дифузія фольклорних жанрів зумовила активне використання художніх прийомів, серед них формули незліченності, паралельно у ліричній та епічній традиції сербів. У найзагальніших рисах семантика традиційної формули, в якій глорифікація образу досягається завдяки системі поетичних тропів, зокрема паралелізму поетичних образів, стосується протиставлення *книжка / письмо – природа*. Структурно формула будується з трьох або двох рядів порівнянь, при цьому елементи, що семантично належать до писарської майстерності (папір, чорнило, перо), зіставляються зі сферами природи (полем, морем, деревом) з метою абсолютизації концептів. Разом із тим функціонально метафоричне узагальнення має на меті інший художній троп, а саме – гіперболу, в основі якої лежить порівняння, що граматично визначається як співвідношення суб'єкт-об'єкт, із граматично зазначеною суперіорністю об'єкта. Порівняння, виражене дієсловом умовного способу дії, імплікує негацію, тим самим висловлюється негативне порівняння: чорнило *не є* морем, лист паперу *не є* полем, перо *не є* ялицею. Гіпербола будується на умовному способі дії із майбутнім значенням «якби... то і тоді я б вас не оплакала». Виконавиця вдається до прийомів змалювання вселенського горя, і саме в цьому контексті з'являється епічний топос серб. *сиво / равно поле – црно / сиње море*⁵.

Структурна стабільність формули, яку демонструють тексти різночасової фіксації, пов'язана з її синтаксичною закритістю як цілісної синтагматичної одиниці. Семантична визначеність формули залежить від дієслівного об'єкта, поданого у формі заперечення, чим досягається значення гіперболи незмірності, тобто неможливості перерахувати / описати / оплакати / уславити загиблих:

«Да ј' хартија као поље,
А мастило као море,
Не бих могла описати,
Ни набројат све подвиге»⁶;

«Da ј' murećep sinje more,
Da је pero vita jela,
Da је papir velje polje,
Bih sve more potrošila,
A još ne bih tužnu žalost
Pobrojila!»⁷;

«Да је море плава боја,
А хартија што је поље,
Да је рука учевњака

И не би ве побројио...»⁸;
«Да је дивит сиње море
А артија дуго поље,
Десна рука писарева,
Млада момка, Милована,
Не бих јаде пописала...»⁹;

«Да је карта сиво поље,
А мастило сиње море,
Мудра глава Милошева
И Вајкова,
Хитра рука писарева
Једва би вас пописала
А камоли ја кукала...»¹⁰.

Гіпербола незмірності повністю відповідає визначенню формули, яку ще в 1909 р. запропонував А. ван Геннеп, один з учителів М. Паррі. За визначенням А. ван Геннепа, критерій формульності певного виразу треба вбачати у ступені реалізації очікування, коли за певним словом (або словосполученням) має з'явитися інше слово або сполучення слів. Чим вищий цей ступінь, тим вищою є вірогідність того, що перед нами – клішований текст, інакше кажучи, формула¹¹. Таким самим очікуванням можливого позначається й епічний *топос* поле/море, який, на відміну від *місця-знаку*, не має символічного значення, передбачає лише *можливість* дії, проте вірогідність того, що має статися, майже дорівнює відомому. Певна невизначеність чи, інакше кажучи, широта такої дефініції формули нейтралізується конкретною структурно-композиційною моделлю, у межах якої дана формула використовується як відповідний художній прийом.

Як відомо, у традиційній народній культурі простір, як і час, має семантику, є сакралізованим і містить систему вартостей, головними координатами яких є життя і смерть¹². Включені в архетипові уявлення, концепти «море» і «поле» є стереотипними образами різних жанрів і характерними константними моделями фольклорної топіки. У розглядуваній формулі поєднання «море – поле» є обов'язковими елементами композиційної структури тексту, чим окреслюється найширший – такий, що належить до концепту природи, – сегмент узагальнення, на відміну від її варіативних компонентів, які окреслюють семантичну сферу культури (серб. *мудра глава, десна / хитра рука, рука учев'яка*). Відповідні сполучення іменників з постійними загальнофольклорними епітетами *синє / чрно (море)* та *дуго / вєље / равно / сиво (поле)* є константними як для фольклору, так і для давньої літератури, що дає підстави твердити про неактуальність тут кольору. Так, дослідники давньоруської літератури щодо постійних колористичних епітетів, у тому числі у складі фразеологізованих сполучень типу *чорний ворон, сірий вовк, синє море, жовті піски, зелені луки* тощо, зазначають, що в подібних зрощеннях, або «синкретичних уявленнях», колір давно втратив свою чуттєву дівість, через що такі епітети можна вважати «нейтральними колористичними характеристиками»¹³. Проте, будучи нейтральними і постійними, ці й подібні до них фольклорні епітети містять певне символічне значення або передають абстрактну оцінку. Зокрема, проведений на матеріалі білоруських замовлянь аналіз показав, що за допомогою сполучень *синє море* або *чисте поле* та ін. як «максимально безкінечних» створюється образ «міфологічного центру», а також моделюється локус «того світу» як просторового континууму¹⁴.

Для нас важливо, що фольклорна поетика, поєднуючи такі сполучення в межах одного тексту, максимально підсилює їхні негативні семантичні конотації, що знаходить яскраве підтвердження на матеріалі сербських поховальних пісень-плачів, де ад'єктивне поєднання *чорне море* відповідає загальному звучанню, виявляючи властиву для тексту оплакування палітру, де *чорний* є колористичною домінантою.

Широке використання формули незмірності у поховальній поезії сербів спричинене, як ми зауважили, специфікою функціонування просторової моделі в епічній поезії, де лише модель простору будується на відношеннях не опозиції, а еквівалентності (смерть = низ = темрява = вогонь = вода і под.), у зв'язку з чим саме просторові метафори стають стабільним і майже ідеальним носієм тієї кодової інформації, що співвідноситься із міфопоетичними конотаціями обрядового тексту. Тим самим формула як інтегральна частина тексту визначає також його комунікативні межі під час виконання. Зважаючи на те, що рівновага між «традицією і індивідуальною майстерністю» значною мірою залежить від можливостей дестабілізації внутрішніх меж тексту, які є місцями зіткнення формульності й оригінальності як двох протилежних начал епічної поезії¹⁵, у процесі створення та виконання епічного твору співець досягає найвищої креативної свободи і творчої оригінальності, він здатний максимально використати можливості, які надає йому традиція, а на рівні тексту – сама його структура. Розуміння формульності як найважливішої властивості усного творення, що користується формулою як «основним засобом вираження й художнього оформлення»¹⁶ тексту, передбачає надзвичайно важливу її роль на рівні мікро- і макротексту, тобто як у межах окремого твору, так і в контексті епічної традиції загалом.

У своїх дорожніх нотатках «Листи з Італії» Любомир Ненадович, згадуючи перебування П. Негоша в Італії у 1850–1851 рр., наводить слова сербського владика, звернені до одного англійського лорда. Подарувавши йому свій портрет, П. Негош мовив: «Коли

повернетесь до багатого Лондона і покажете цей портрет своїм друзям, не кажіть їм: це правитель щасливого народу... Скажіть їм: серби могли б перемогти турків, та не можуть умилювати вас, християн... У нас, сербів, є пісня, що каже: якщо і море перетворилося б у чорнило, а небо – в аркуш білого паперу, то й тоді неможливо було б описати наші страждання. Бо то є занадто мале місце для нашого горя...»¹⁷. Парафразувавши слова народної пісні, П. Негош використав метафору письма, щоб передати те, чого не можна передати, і що ввійшло в національну історію як трагедія Косова.

Сербська епічна традиція є, як відомо, традицією оспівування Косова, яке можна вважати прецедентним текстом у фольклорному дискурсі. Поетична традиція сприяла тому, щоб це місце стало сакральним для народної пам'яті, протягом століть залишалось символом національної долі, мірилом самовідданості, відваги й віри. Косово в народній свідомості набуло не лише часового і просторового виміру, але й стало колективним моральним імперативом. Мотив Косова міститься – прямо або опосередковано – чи не в кожному епічному творі. Про алюзію Косова на рівні поетичної формули можемо говорити і тоді, коли йдеться про уславлення загиблих, оскільки завданням поховального тексту є привітання окремої смерті до прецедентної. Клішованість моделі формули незмірності та сталість уявлень, які вона втілює, стали причиною звернення до неї також в сучасному публіцистичному дискурсі, коли йдеться про смерть визначної особи. Зокрема, цю формулу використав О.-Б. Мерін у некролозі на смерть Й.-Б. Тіто: «Згадуючи Тіто, я повторюю слова: Хто дав би мені простір неба за пергамент, морські глибини за чорнило, листя й трави за перо, аби вповні описати горе...»¹⁸.

Витоки цієї риторичної формули знаходимо в книжній культурі. Будучи теологічною формулою, вона семантично пов'язана з божественною мудрістю як логосом, яка є безмежною. У народнопоетичну традицію Європи формула прийшла через візантійську традицію з канонізованих вітхозавітних текстів, поєднавши риси, успадковані від трьох етнорелігійних спільнот – романської, арабської та іудейської¹⁹. Маючи широке використання в церковній літературі, формула в різноманітних інтерпретаціях переходила у книжну традицію і була відома багатьом ученим людям свого часу, серед них П. Негошу. Достатньо пізня інтерпретація, яка йому належить, вирізняється тим, що в європейській літературній традиції XII–XIX ст. немає жодного іншого прикладу залучення формули для передачі національної трагедії народу.

Інтерпретації формули в європейській фольклорній традиції, на думку науковців, розділяються на дві основні групи. До першої належать ті тлумачення, що пов'язуються з канонічними релігійними поняттями й уявленнями, до другої – тлумачення зі сфери світського життя, серед них – опис ідеалізованої жінки, кохання, але також колективне почуття історико-національного страждання. Хоча тема страждання і знайшла своє втілення в окремих традиціях, центральне місце посідають саме ліричні обробки формули.

Лірично-любовна інтерпретація формули є домінантною в ліричній поезії балканських народів та в регіоні східного й західного Середземномор'я. Відомі її румунські, албанські, новогрецькі, турецькі й інші варіанти. Широкої популярності здобули її літературні обробки, зокрема в інтимній ліриці європейських романтиків (зокрема, вірш Г. Гейне «Сповідь», сербською мовою перекладений А. Шантичем). Сербський варіант народної лірики, що має назву «Љубавни растанак» В. Караджич подав у своєму збірнику «Народна Србска Пјеснарица» (1815). Ряд варіантів наводить Т. Джорджевич, серед них із «Ерлангенського рукопису», а також по два записи з Боснії та Славонії, в яких відчутний вплив мусульманської епічної традиції²⁰.

Запис, представлений В. Караджичем, вочевидь, мав широке побутування. Це яскравий приклад народної сербської любовної поезії, яка метафорою квітів говорить про розставання двох закоханих. В уявному діалозі квітів (*зумбул* 'геацит' та *када* 'маргаритка') використано формулу неможливості описати безмежні любовні страждання двох закоханих. Формула містить усі три компоненти порівнянь: небо / аркуш паперу; гора / перо; море / чорнило. Лексичні особливості (тюркізми *мурећен* 'чорнило' і *калемови* 'перо'), лексичне зрощення *лист артије* (замість звичайного у Негошовому парафразі *лист књиге бијеле*), а також характерне для любовної лірики почуття любовного томління і болю (*тур. dert*), метафорика квітів вказують на турецькі джерела формули.

Форма турецьких *мані*, написаних двовіршем за схемою суміжного римування, спричинила усічену конструкцію для формули незмірності, у якій, як правило, було збережено

лише порівняння чорнила з морем. Водночас мусульманська любовна лірика у Боснії і Герцеговині, представлена жанром пісень любовної пристрасності, млості і щему – *севдалинок* (від араб. *sawda* ‘чорна жовч’), має широкі жанрові та художньо-поетичні паралелі у фольклорі інших балканських народів. У текстах оспівується страждання і сум через кохання, відчутним є вплив орієнтальної традиції, вони наближаються до оплакування, що уможливило й використання відповідних художніх прийомів. Любовно-еротичні конотації одержує метафора ‘пера’ і ‘чорнила’, тлумачення якої перебувають у межах інтерпретації теологічних алегорій.

Ще наприкінці 30-х рр. ХХ ст. Т. Джорджевич погодився з думкою Р. Келера, що «Коран» «позичив» формулу незмірності з «Талмуда», а для широкого побутування її на заході значну роль відіграла єврейська духовна пісня (Pfingslied), яка, починаючи з XI ст., щорічно співалася у синагогах²¹. Разом із тим для фольклорної традиції сербів відчутнішим було турецьке посередництво, яке стало джерелом формули у сербській ліро-епіці. Сербський варіант у В. Карadžича, запис якого припадає на початок ХІХ ст., найвірогідніше, спирається саме на турецькі джерела.

Отже, у сербській фольклорній традиції формула незмірності знайшла втілення як у любовній ліриці, так і в поховальних піснях-плачах виразного історико-епічного звучання. При варіюванні інших компонентів формули топос *моря* виявився найстабільнішим, наявним у усіх її інтерпретаціях, тоді як замість звичайного в ліриці порівняння *небо – аркуш паперу* у поховальних плачах послідовно з’являється порівняння *поле – аркуш паперу*, де топос поля має конотації з епічним Косовим полем, тим самим семантично залишаючи формулу у вимірї безмежності і незнищенності людського буття.

¹ Караџић Вук Ст. Етнографски списи // Сабрана дела Вука Караџића. – Београд: Просвета, 1972. – Књ. 17. – С. 279.

² Пидаль Р.М. Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе // Известия АН СССР: Сер. лит. и яз. – 1966. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 106.

³ Влаховић П. Неки новији облици наших народних тужбалица // Народно стваралаштво-Folklor. – 1970. – Св. 35–36. – С. 111.

⁴ Милошевић-Ђорђевић Н. Српске народне тужбалице у средњовековним списима о кнезу Лазару и Косовској бици // Књижевност и језик. – Београд, 1994. – Год. 41. – Бр. 3–4. – С. 9.

⁵ Микитенко О. Топосът *црно море* в србските и черногорските погребални оплаквания // Бреѓат–морето–Европа. Сб. с матер. от Междунар. науч. конф. „Бреѓат, морето и Европа. Модели на интеркултурна комуникација“. – Софија: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2006. – С. 105–113.

⁶ Мартиновић Н. С. Мјесто тужбалице у фолклору Народне револуције и Ослободилачког рата // 36. радова САН. – Београд, 1960. – Т. 68. – Књ. 3. – С. 465.

⁷ Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. – Zagreb, 1964. – Knj. 42. – S. 11.

⁸ Српске народне тужбалице из збирке Новице Шаулића. – Београд: Графички институт “Народна мисао”, 1929. – Књ. 1. – Св. 1. – № 63.

⁹ Там само. – № 48.

¹⁰ Русский фольклор: Материалы и исследования. – М.; Ленинград: Наука, 1959. – Т. 4. – С. 396.

¹¹ Genet A. van. La Question d’Homere. – Paris, 1909. – P. 13.

¹² Славянские древности: Этнолингвист. словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 450.

¹³ Панченко А.М. О цвете в древней литературе славян // Литературные связи древних славян: Тр. Отдела древнерус. лит. – Ленинград, 1968. – Т. 23. – С. 11–12.

¹⁴ Агапкина Т.А. Эпитет в белорусских лечебных заговорах: функции и семантика // Признаковое пространство культуры. – М.: Индрик, 2002. – С. 306.

¹⁵ Детељић М. Митски простор и епика. – Београд: Danex, 1992. – С. 314.

¹⁶ Pešić R. Narodna književnost / R. Pešić, N. Milošević-Đorđević. – Beograd: Vuk Karadžić, 1984. – S. 85.

¹⁷ Ненадовић Љ. Писма из Италије. – Београд: Српска књижевна задруга, 1907. – С. 19–20.

¹⁸ Vidaković-Petrov K. Istorija jedne retoričke formule // Књижевна историја. – Београд, 1985. – Год. 18. – Св. 67–68. – С. 204.

¹⁹ Там само. – С. 185.

²⁰ Ђорђевић Тух. Р. Белешке о нашој народној поезији. – Београд, 1939. – С. 178–179.

²¹ Там само. – С. 180.

МІЖНАРОДНІ ЗВ'ЯЗКИ УКРАЇНИ У XVI–XX СТОЛІТТЯХ

УДК 94(477) «1592/1648»

УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ ГАБСБУРГОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ КОНЦА XVI – СЕРЕДИНЫ XVII В.

Б. Варга

Варга Б. Українські козаки на службі Габсбургів у міжнародних військових конфліктах кінця XVI – середини XVII ст. У статті представлені результати вивчення участі українських козаків як найманців у міжнародних військових конфліктах кінця XVI – середини XVII ст. на стороні Габсбургів. Зроблено висновок, що Віденський двір у багатьох випадках обходився з козаками як з самостійними військовими організаціями незважаючи на те, що реєстрове козацтво офіційно служило в армії Речі Посполитої. Наголошується, що Тридцятилітня війна стала розквітом епохи найманих армій. Використання найманців з різних соціальних верств і конфесій стало звичайною практикою. Наймані солдати служили за гроші і перетворили військову справу в професію.

Ключові слова: Габсбурги; П'ятнадцятирічна війна; Тридцятилітня війна; українське козацтво; професійна армія.

Варга Б. Украинские казаки на службе Габсбургов в международных военных конфликтах конца XVI – середины XVII в. В статье представлены результаты изучения участия украинских казаков в качестве наемников в международных военных конфликтах конца XVI – середины XVII вв. на стороне Габсбургов. Сделан вывод, что Венский двор во многих случаях обходился с казаками как с самостоятельными военными организациями, невзирая на то, что реестровое казачество официально служило в армии Речи Посполитой. Отмечается, что Тридцатилетняя война стала расцветом эпохи наемных армий. Использование наемников из различных социальных слоев и конфессий стало обычной практикой. Наёмные солдаты служили за деньги и превратили военное дело в профессию.

Ключевые слова: Габсбурги; Пятнадцатилетняя война; Тридцатилетняя война; украинское казачество; профессиональная армия.

Varga B. Ukrainian Cossacks in the Service for the Habsburgs in International Armed Conflicts (late 16th – middle 17th centuries). The paper presents the results of research concerning participation of Ukrainian Cossacks as mercenaries in the international military conflicts at the end of 16th and middle of 17th centuries on the Habsburgs side. The conclusion is that the Viennese court in many cases treated with the Cossacks as separate military organizations despite the fact that the Registered Cossacks officially served in the army of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The Long War (1591-1606) was the epoch of mercenary armies. The use of mercenaries from different social backgrounds and religion became common practice.

Keywords: Habsburgs; Long War (1591-1606); Thirty Years' War; the Ukrainian Cossacks; professional army.

По данным Венского архива, во время европейских военных конфликтов конца XVI и начала XVII веков все великие державы пытались использовать народы степной пограничной области в своих интересах: Османская империя мобилизовала крымских татар, а Габсбурги полагались, в первую очередь, на вооружённые силы казаков¹.

Украинские казаки как опытные наемные солдаты были часто на службе у европейских правителей в XVI–XVII вв., нуждавшихся в профессиональных воинах. Особый интерес к казакам проявляли те европейские государства, которым непосредственно угрожала опасность со стороны Османской империи. Против турок и крымских татар казаки, которые хорошо знали способ боевых действий своих противников, могли сражаться особенно успешно. Казаки обычно несли сторожевую и разведывательную службу, и в конце XVI в. наемные казачьи части составляли от 10 до 30% (а в первой половине XVII в. иногда даже 50–60%) от общей численности действующих полевых армий.

Особенно заметным было участие украинских казаков в двух вооруженных конфликтах конца XVI – первой половины XVII веков – Пятнадцатилетней (1592–1606) и Тридцатилетней (1618–1648) войнах. Изучение примеров службы украинских казаков на стороне Габсбургов в этих двух конфликтах является целью данной статьи.

Казаки в Пятнадцатилетней войне (1592–1606 гг.)

Связи между Габсбургской династией и украинскими казаками сложились по инициативе папы римского Климента VIII, который в конце XVI в. организовал антитурецкую коалицию². Деятельность Священной лиги ограничивалась оплатой и снаряжением военных отрядов наемников, составной частью которых стали украинские казаки. Как правило, казаки воевали против турок под руководством австрийских военачальников. Папская Курия обходилась с ними как с самостоятельными военными подразделениями, что вызывало недовольство польско-литовского правительства, ведь немалая их часть – реестровое казачество – служило наёмными солдатами Речи Посполитой.

В конце 1593 г. Климент VIII поручил далмату по происхождению Александру Комуловичу склонить казаков на свою сторону и создать антитурецкий союз придунайских княжеств – Трансильвании, Валахии и Молдавии³. А. Комуловичу удалось договориться с казаками о том, что те примут участие в разрушении территории Крымского ханства и окажут давление на воевод Молдавии и Валахии⁴. Далматскому священнику было поручено передать казакам верительные письма и попытаться убедить их совершить поход на Монкастро (нынешний Белгород-Днестровский), тем самым спровоцировав втягивание Речи Посполитой в войну с Турцией⁵. Названные письма представляют собой редкий случай непосредственного обращения главы Ватикана к украинскому казачеству⁶.

В начале 1594 года в Запорожскую Сечь явился Станислав Хлопницкий с поручением от императора Священной Римской империи Рудольфа II. Предварительно С. Хлопницкий был приведен к присяге императору и отправлен с императорской хоругвью для казаков на Сечи. Хлопницкий организовал антитурецкий поход около 1,3 тыс. казаков под руководством Лободы, но эта кампания оказалась неудачной. Не увенчалась успехом и вторая попытка, на сей раз под руководством кошевого атамана Богдана Микошинского⁷.

В январе 1594 года Рудольф II отправил Эриха Лясоту в качестве посланника к запорожским казакам, чтобы принять их на военную службу Венского двора⁸. Девятого июня императорский посол прибыл на Сечь, где 20 июня на казацкой раде призывал запорожцев начать поход через Молдавию в Турцию. С самого начала выяснилось, что император не был готов брать на себя никаких обязательств по оказанию денежной и военной помощи казакам, поэтому казаки восприняли призывы Э. Лясоты без особого энтузиазма. Однако на следующий день Э. Лясота уже обещал за участие в антитурецком походе большую денежную сумму – 8 тыс. дукатов, что изменило настроение казаков. Третьего июля кошевой атаман Микошинский известил императора, что «...*гетман Запорожцев, вместе со всем рыцарством Свободного Запорожского войска ... командиров нашей армии над сотней человек ... отправили в Вашего Императорского Величества, Нашего всемилостивейшего Пана... Этим посланием мы даем полную власть и силу заключить договор в наших делах с Вашою Императорскою Величностю...*»⁹.

До конца XVI в. императорская дипломатия использовала казаков в первую очередь для обуздания крымских татар и периодических набегов на турецкие черноморские порты. С начала XVII века казаков всё чаще начинают использовать в сражениях на венгерском фронте¹⁰. К этому времени исчерпались резервы воюющих сторон в Пятнадцатилетней войне. Поэтому на службу начали принимать наёмные войска, которые боролись на стороне Габсбургов за трофеи, т.е. обходились недорого. Другим преимуществом использования казаков в сражениях против крымских татар было то, что они хорошо знали способ боевых действий степняков и могли эффективно им противостоять. Поэтому вспомогательные войска, состоящие из нескольких тысяч казаков, постоянно находились на службе Габсбургов во время венгерско-турецкой войны. Э. Лясота поддерживал постоянный контакт с запорожцами и, вероятно, именно он составил список, в котором по именам были перечислены вступившие в 1601 г. в императорский наём казаки¹¹.

В то же время, в конце XVI – начале XVII в. на стыке трёх государственных образований – Венгерской части Османской империи, подвластной Габсбургам Венгрии и самостоятельного Семиградского княжества, возникла целая прослойка людей – гайдуков¹², которые тоже промышляли наёмной военной службой, как казаки¹³.

В последние годы Пятнадцатилетней войны использование казаков на службе у Габсбургов ещё более актуализировалось в связи с тем, что в 1604 г. трансильванский князь Стефан Бочкаи поднял восстание против императора из-за нанесенных ему сословных и

религиозных оскорблений¹⁴. Во время этого протестантского восстания в 1604–1606 гг. казаки боролись как на стороне восставших, так и на стороне Габсбургов. Большая часть армии Бочкаи вербовалась из венгерских гайдуков, поэтому нехватка последних в императорских войсках восполнялась украинскими казаками. Источники свидетельствуют о приёме на габсбургскую службу в 1604 г. двух тысяч казаков, которые воевали под командованием Сигизмунда Форгача и Сигфрида Коллонича¹⁵.

Казаки в Тридцатилетней войне (1618–1648 гг.)

Тридцатилетняя война началась как религиозное столкновение, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе. С каждым годом конфликт все больше утрачивал чисто религиозную окраску. В армиях и католических, и протестантских правителей нередко вместе служили представители антагонистических религий. Православные украинские казаки, в основном сечевики, также приняли весьма активное участие в этой первой общеевропейской войне.

В декабре 1618 года в деревне Деулино между Польшей и Россией было заключено перемирие, после чего казаки стали «безработными», поэтому они искали себе применения в других военных конфликтах¹⁶. Фактически перед ними стоял выбор: или совершать время от времени сухопутные и морские набеги на Турцию и Крым, или поступить на военную службу к заграничным правителям. Сигизмунд III сделал безуспешно попытку при помощи нескольких запретительных универсалов препятствовать антитурецким и антиатарским набегам сечевиков. Однако вопрос «пацификации» казаков оставался сложной проблемой для польско-литовского правительства на протяжении всего XVII столетия¹⁷.

В мае 1618 года с восставшей Чехией вступил в союз семиградский князь Бетлен Габор, а австрийский император Фердинанд II обратился за помощью к Польше. Речь Посполитая не была прямо вовлечена в Тридцатилетнюю войну, однако польский король Сигизмунд III при активном содействии магнатов и папского нунция в помощь Габсбургам послал элитный отряд наёмников-«лисовчиков», в рядах которых воевали много казаков¹⁸. «Лисовчики» – подразделения польско-литовской иррегулярной лёгкой кавалерии, действовавшей в пределах Речи Посполитой и Венгрии в 1619 г. под командованием Александра Юзефа Лисовского. Однако «лисовчиков» нельзя считать частью польской армии. Польская казна не финансировала поход, а отряд кормился целиком за счёт военной добычи¹⁹. Они не брезговали грабить даже земли своей родины, что было одной из причин желания короля Сигизмунда III Вази удалить их из Речи Посполитой настолько, насколько это было возможно²⁰.

После Деулинского перемирия польский король разрешил уполномоченному австрийского императора графу Алтану вербовать казаков для Габсбургской империи²¹. В то же время он отклонил возможность непосредственного вмешательства в Тридцатилетнюю войну Речи Посполитой на стороне Венского двора против чешских бунтовщиков.

Способ боевых действий имперской армии носил черты, типичные для западноевропейского войска: конница и пехота в значительной степени опирались на артиллерию, движение военных отрядов можно считать маломобильным. Имперская армия с оборонительными задачами справлялась лучше, чем с наступательными. Ее полководцы – Джордо Башта Альбрехт фон Валленштейн, Анри де Дампьер и другие – осознали эту проблему и хотели решить её путем принятия на наёмную службу казацких легкоконных войск. Однако эти казацкие отряды, привычные к другому вооружению и к другой военной тактике, в большинстве случаев плохо взаимодействовали с тяжеловооруженными имперскими солдатами²².

Несмотря на указанные выше сложности, австрийские посланники приезжали к казакам с приглашениями на императорскую службу. Казаки выразили готовность направить тридцатитысячный отряд²³, потребовав взамен гарантий, что в их отсутствие не будет никаких репрессий по отношению к казачеству. Кроме того, они желали получить деньги вперёд, мотивируя это тем, что в противном случае они были бы принуждены брать для мобилизации разные поборы, а это вызвало бы репрессии со стороны польской шляхты²⁴.

В августе 1619 года император Фердинанд II опять направил в Речь Посполитую своих послов с просьбой о помощи²⁵. Но Сигизмунд III Ваза только что завершил изнурительную войну с Москвией и не был готов ввязываться в новый вооруженный конфликт²⁶.

Поэтому максимум, что он готов был предложить союзникам-католикам, – это направить в качестве кондотьеров (наемников) казаков, оказавшихся вне реестра. Из 40 тыс. украинских казаков, принявших участие в кампании на стороне Габсбургов, только 6 тыс. были реестровыми²⁷.

Первая военная операция казаков во время Тридцатилетней войны связана с Северной Венгрией, так как трансильванский князь Габор Бетлен не хотел признать императора Фердинанда II венгерским королем и в августе 1619 г. начал поход против Габсбургов. Он поддержал чешское восстание против императора, выступив на стороне антиавстрийской коалиции и добился значительных успехов в борьбе против императорских войск²⁸. Воспользовавшись отходом австрийских сил для борьбы с чехами, Г. Бетлен уже в сентябре 1619 г. завладел Восточной Словакией, включая Кошице, а в октябре 1619 г. его войска вступили в Братиславу²⁹.

Соперник князя на трансильванский престол Балинт Хомоннаи встретился в Вене с графом Алтаном и вместе начали организовывать армию против Бетлена³⁰. В ноябре 1619 г. трансильванская армия объединилась с чешско-моравскими войсками Турна и подошла к стенам Вены. Однако Габор Бетлен был вынужден отозвать её из-за удара польских наёмников и Хомоннаи в его тылы, так как ещё в октябре того же года, в разгар осады Вены, в Закарпатье вторгся 10-тысячный корпус наёмных запорожцев во главе с полковниками Кличковским и Русиновским³¹. Запорожцы вместе с императорскими войсками 22 ноября 1619 г. в битве при Гуменном нанесли поражение трансильванской армии под командованием князя Юрия Ракоци. В скором времени запорожцы осадили города Кошице и Пряшев в Словакии и своими действиями фактически сорвали планы войск Антигабсбургской коалиции, вынудив их 27 ноября снять осаду Вены. Вместе с тем, в совокупности, казачьи нападения не причиняли большого ущерба Северной Венгрии и не пошатнули позиции императора в королевстве. В середине декабря 1619 г. из-за отказа австрийцев выплатить обещанные деньги запорожцы возвратились в Сечь³².

В январе 1620 г. через Польшу в Моравию на помощь католикам отправился корпус легкой кавалерии «лисовчиков», которые прошли Моравию с северо-востока на юго-запад от Валашских Мизырич до Микулова, но уже на окраинах Вены потерпели поражение от преследовавших их более многочисленных отрядов протестантов³³. С первых дней вступления на земли бунтовщиков они «отметились» серией жестоких акций: сжигались и подвергались грабежу все некаатолические города, замки, храмы. Жалованье часто задерживали, поэтому все бремя расходов ложилось на плечи местного населения³⁴.

Второй поход Балинта Хомоннаи в 1620 году подорвал силы трансильванских и чешских войск. Таким образом казаки второй раз продемонстрировали императору свою ценность, поспособствовав серии побед венского двора.

8 ноября 1620 года в сражении у Белой Горы 25-тысячная армия, которой командовал фельдмаршал Карл Бонавентура де Бюкуа, разбила 23-тысячное войско протестантов-чехов под командованием герцога Христиана Ангальтского старшего. Поражение протестантов на Белой Горе нарушило баланс сил в Европе в пользу Католической лиги и Империи. Чехия выбыла из войны, а на театре военных действий остался лишь курфюрст пфальцский Фридрих V, который был низложен с чешского трона. Три с половиной тысячи казаков во главе со Станиславом Русиновским приняли участие в битве при Белой Горе, в немалой степени обеспечив победу имперским войскам³⁵. Казаки свободно совершали набеги и после подавления чешского восстания, что со стороны Фердинанда II считалось наказанием для чехов за их мятеж. Затем «лисовчики» раскололись: часть их под командованием Валентина Роговского решила вернуться в Польшу, остальные под командованием Яроша Клецковского остались на службе императора Священной Римской империи. Уступая многочисленным жалобам населения на бесчинства «лисовчиков», 7 мая 1621 г. император заплатил им жалование и освободил от службы. Некоторые «лисовчики» вернулись в Польшу, а остальные поступили на службу к баварскому курфюрсту Максимилиану I.

К весне 1620 г. в турецких кругах было принято решение вступить в войну против Речи Посполитой. После поражения польского войска под Цецорой, Порта сочла, что настал удобный момент нанести Польше решающий удар, однако в Хотинской войне 1621 г. победа осталась за поляками. Во время польско-турецких войн, стремясь сохранить занятые словацкие территории, Бетлен Габор инициировал переговоры с представителями Габсбур-

гов в Братиславе, Кошицах и Банской Бистрице (Бестерцебанье). В январе 1620 г. император и трансильванский князь согласились на непродолжительное перемирие, по которому Бетлен сохранил 13 комитатов на востоке королевской Венгрии³⁶. В конце 1621 года Фердинанд II отправил в Варшаву своего посла Курза, которому поручил набрать несколько тысяч казаков в наёмные солдаты. Вербовка происходила крайне медленно, так что венский и трансильванский двор заключили новый (Никольбургский) договор, после чего вопрос о наборе казаков в императорскую армию потерял свою актуальность³⁷.

Будучи не в состоянии собственными силами отразить наступление австрийской армии, Бетлен Габор пошёл на переговоры с Австрией. По условию Микуловского (Никольбургского) договора от 31 декабря 1621 г. между Бетленом и Фердинандом II Габсбургом, за отказ от венгерской короны Бетлен получил значительную часть территории Словакии, Подкарпатской Руси и Северо-Восточной Венгрии, а также герцогства Оппельн (Ополе) и Ратибор в Силезии³⁸.

Этот случай показывает, насколько важной была роль казаков. Поскольку после пацификации чешских и моравских территорий казаки стали императору не нужны, их распустили по домам. Однако отсутствие казачьих вспомогательных войск в значительной степени заставило Габсбургское правительство заключить перемирие с трансильванским князем Бетленом Габором.

В августе 1623 – мае 1624 г. Бетлен Габор предпринял второй поход против Габсбургов, в ходе которого его войска разбила отряд австрийского генерала Валленштейна в сражении при Годонине (Моравия). По новому договору, заключённому в Вене в 1624 г., взамен доставшихся ему по первому мирному договору территорий он получил смежную с его владениями провинцию Эчед³⁹.

С 1622 г. во время рейнской экспедиции император много раз бросал в сражения казачьи войска, состоящие из десяти тысяч солдат, но в 1624 г. после подписания мирного договора между Фердинандом II и трансильванским князем казаков отчислили с венской службы⁴⁰. Часть из них осталась в императорской армии, но большинство вернулось в Польшу.

В Датском периоде (1625–1629 гг.) Тридцатилетней войны для борьбы с датским королем Фердинанд II пригласил чешского дворянина Альбрехта фон Валленштейна, который предложил императору набрать большую армию и не тратить денег на её содержание, а кормить за счёт разграбления захваченных территорий. С возобновлением Тридцатилетней войны Фердинанд II снова нуждался в вооружённой силе казаков против Маншфельда и датского короля. В феврале 1626 г. император отправил в Речь Посполитую графа Арнольдини, задача которого была подписать союз с польско-литовским правительством и вербовать казаков⁴¹. Но польский двор ответил послу, что король сам имеет большую потребность в вооружённых силах казаков в войне против шведов в Померании и в отражении турецко-татарских нападений, которые угрожают южным границам Речи Посполитой. Несмотря на отрицательный ответ польского правительства, шесть тысяч казаков все же поступили в служение Габсбургов, сражаясь под предводительством Паппенхейма⁴² в Северной Италии до конца 1626 г. Кроме того, один пятитысячный казачий контингент во главе с бароном Дона служил Фердинанду II⁴³.

В ходе третьего наступления, предпринятого Бетленом в августе 1626 г., после вступления в брак с Екатериной Бранденбургской, в поддержку антиавстрийской коалиции (Голландия, Англия, Дания), его войска одержали победу над Валленштейном у Дрегейпаланка 30 сентября 1626 г. Пожоньский (Братиславский) мир, заключённый 20 декабря 1626 г., сохранил за Бетленом территории, полученные им по Микуловскому договору.

В 1632 г. польский сейм избрал королем Владислава IV, который в согласии с польско-литовским дворянством запретил поступление казаков на иностранную службу, но агенты Валленштейна, вопреки запрету, продолжали вербовку казаков в императорскую армию⁴⁴. С этого времени венский двор принимал на службу казаков не самостоятельными войсками, а включая их в другие группы лёгкой кавалерии.

После того, как в 1635 г. вступила в войну Франция, варшавский посол императора Арнольдини просил у сейма разрешение на вербовку казачьих войск для Фердинанда II. Польско-литовское правительство согласилось на это в надежде на будущую войну Габсбургов со Швецией и на обеспечение власти Речи Посполитой над Померанией и Северной Пруссией. На этот раз шесть тысяч казаков вступили на службу Венского двора, но

в июле 1636 г. они взбунтовались, не желая дальше воевать из-за повторных поражений императорских войск и несвоевременной уплаты жалованья.

В конечном счете из вышесказанного можно установить, что Венский двор во многих случаях обходился с казаками как с самостоятельными военными подразделениями, несмотря на то, что реестровое казачество официально служило Речи Посполитой, а запорожские казаки хотя неофициально, но «во имя польско-литовского короля» взяли на себя оборонительные задачи на южной границе польско-литовского государства по пресечению татарских и турецких набегов.

В стратегии австрийского императора привлечение на свою сторону казаков преследовало не только непосредственно военные цели. Венский двор использовал их также для воздействия на политическую обстановку в Речи Посполитой и на поддержку династических амбиций Габсбургов. На стороне венских императоров казаки воевали не за свою родину и не за своего короля; как наёмные солдаты православной веры, они боролись на службе католического императора против протестантских государей. Фактически Тридцатилетняя война стала пиком эпохи наёмных армий. Обе стороны использовали ландкнехтов, набравшихся из различных социальных слоёв без оговорок на вероисповедание. Наёмные солдаты служили за деньги и превратили военное дело в профессию.

¹ *Ivanics M.* Hitharc vagy hadivállalkozás. A tatár segédcsoportok alkalmazásának pénzügyi terhei a tizenöt éves háborúban // *Nem Búcsúzó. Emlékkönyv Benda Kálmán emlékére.* – Szeged: Belvedere Meridionale, 1994. – О. 31; *Иванич М.* Участие казачьих отрядов в австро-турецкой войне // *Место России в Европе* – Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1999. – С. 164.

² *Niederhorn J. P.* Die Europäischen Mächte und der „Lange Türkenkrieg“ Kaisers Rudolf II. (1593-1606). – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1993. – S. 70.

³ *Wynar L.* Ukrainian Cossacks and the Vatican in 1594 // *Ukrainian Quarterly XXI.* – 1965. – Vol. 21. – № 1. – P. 65.

⁴ *Ivanics M.* Kozák segédcsoportok Habsburg-szolgálatban (1593-1606) // *Az értelem bátorsága. Tanulmányok Perjés Géza emlékére.* – Budapest: Argumentum Kiadó, 2005. – О. 291.

⁵ *Плохий С.Н.* Политика Ватикана в Северном Причерноморье и украинское казачество в конце XVI в. // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.* – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1986. – С. 117.

⁶ *Documenta pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia.* – Romae, 1953. – V. I. – P. 235.

⁷ *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. – Киев: Наукова Думка, 1957. – С. 128.

⁸ *Lassota E.* Tagebuch des Erich Lassota von Steblau / Erich Lassota. – Halle: Verlag von Emil Barthel, 1866. – S. 192.

⁹ *Lassota E.* Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. – Halle: Verlag von Emil Barthel, 1866. – S. 222.

¹⁰ *Niederhorn J. P.* Die Europäischen Mächte und der „Lange Türkenkrieg“ Kaisers Rudolf II. (1593-1606). – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1993. – S. 70.

¹¹ *Wien Kriegsarchiv, Hofkriegsrat Expedit.* – № 202. – 1601.

¹² *Сили Ш.Я.* Венгерские воины на службе Московскому государству в конце XVI и XVII веке // *Вестник Волгоградского государственного университета.* – 2003. – Сер. 4: «История». – Вып. 8. – С. 77.

¹³ *Nagy L.* Hajdúvitézek, 1591-1699. – Budapest: Zrínyi Katonai Kiadó, 1983. – О. 84.

¹⁴ *Kovács E.* Magyarok és lengyelek a történelem sodrában. – Budapest: Gondolat Kiadó, 1973. – О. 145.

¹⁵ *Wien Kriegsarchiv, Hofkriegsrat Expedit.* – № 202. – 1601; Expedit. – № 103. – 1604.

¹⁶ *Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. Vol. 1. 1619-1624 / G. Gajecy, A. Baran. – Rome, 1969. – P. 20.

¹⁷ *Крип'якевич І.П.* Джерела до історії України-Руси. Матеріали до історії козащини Т. VIII / І.П. Крип'якевич, М.С. Грушевський. – Львів: Накладом Наукового Товариства імені Шевченка. – 1908. – С. 53.

¹⁸ *Historia Dyplomacji Polskiej.* – Tom II. 1572–1795 / Pod red. Zbigniewa Wójcika. – Warszawa: PWN, 1982. – S. 33.

¹⁹ *Wilson P. H.* The Thirty Years War: Europe's Tragedy. – Cambridge: Penguin Press, 2009. – P. 292.

²⁰ *Архив Юго-Западной России (Архив ЮЗР).* – Ч. 3. – Т. 1: Акты о козаках. – Киев, 1863. – С. 253–255.

²¹ *Historia Dyplomacji Polskiej.* – Tom II: 1572–1795 / Pod red. Zbigniewa Wójcika. – Warszawa: PWN, 1982. – S. 33.

²² *Nagy L.* A magyar hadsereg és hadművészet a harmincéves háborúban. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. – О. 173.

- ²³ *Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. – Vol. 1: 1619-1624 / G. Gajecy, A. Baran. – Rome, 1969. – P. 21.
- ²⁴ *Грушевский М. С.* История украинского казачества до соединения с Московским государством. – Т. 2. – Киев, 1914. – С. 95.
- ²⁵ Haus-Hof-Staats Archiv, Wien, Polonica, Karton 54, an. 1622 extra ordinem, fol. 2-7 v.
- ²⁶ *Gebei S.* Az erdélyi fejedelmek és a lengyel királyválasztások. – Szeged: Belvedere Meridionale, 2007. – O. 91.
- ²⁷ *Szilágyi S. I.* Rákóczi György. – Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1893. – O. 68.
- ²⁸ *Bethlen G.* Kiadatlan politikai levelei (Szerk.: Szilágyi Sándor). – Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1879. – O. 99.
- ²⁹ 30. Szepesi Laczkó Máté, emlékezetre való dolgok // Bethlen Gábor krónikásai – Krónikák, emlékiratok, naplók a nagyfejedelemtől (Szerk.: Makkai László). – Budapest: Gondolat Kiadó, 1980. – O. 128.
- ³⁰ *Angyal D.* Magyarország története II. Mátyástól III. Ferdinánd haláláig 6. – Budapest: Athenaeum, 1898. – O. 240.
- ³¹ *Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. – Vol. 1: 1619-1624 / G. Gajecy, A. Baran. – Rome, 1969. – P. 34.
- ³² *Dembolecki W.* Pamietniki o Lissowczykach czyli Przewagi Elearów Polskich 1619–1623. – Krakow: Wyd-wo Bibliot. Polskiej, 1859. – S. 19.
- ³³ *Polysensky J. V.* The Thirty Years War. – Berkeley: University of California Press, 1971. – P. 149.
- ³⁴ *Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. – Vol. 1: 1619-1624 / G. Gajecy, A. Baran. – Rome, 1969. – P. 41–42.
- ³⁵ *Dembolecki W.* Pamietniki o Lissowczykach czyli Przewagi Elearów Polskich 1619–1623. – Krakow, Wyd-wo Bibliot. Polskiej, 1859. – S. 39.
- ³⁶ Okmánytár Bethlen Gábor uralkodása történetéhez (kiadta: Gindely Antal). – Budapest: Athenaeum, 1890. – O. 201.
- ³⁷ *Angyal D.* Magyarország története II. Mátyástól III. Ferdinánd haláláig 6. – Budapest: Athenaeum, 1898. – O. 338.
- ³⁸ *Veress I.* Bethlen Gábor első hadjárata a 30 éves háborúban és a nikolsburgi béke. – Nagyvárad: Laszky Ármin, 1911. – O. 61.
- ³⁹ Az öreg Toldalagi Mihálynak, az öreg Rákóczi György fejedelem tanácsának és Marosszéknek főkapitányának emlékezetül hagyott írása // Bethlen Gábor krónikásai – Krónikák, emlékiratok, naplók a nagy fejedelemtől (Szerk.: Makkai László). – Gondolat kiadó, 1980. – O. 150.
- ⁴⁰ *Wilson P. H.* The Thirty Years War: Europe's Tragedy. – Cambridge: Penguin Press, 2009. – P. 339.
- ⁴¹ Haus-Hof-Staats Archiv, Wien, Polonica, Karton 54, 1626 fol 4-v.
- ⁴² *Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. – Vol. 1: 1619-1624 / G. Gajecy, A. Baran. – Rome, 1969. – P. 13.
- ⁴³ *Ibidem.* – P. 16.
- ⁴⁴ *Baran A.* The Imperial Invitation to the Cossacks to Participate in the Thirty Years' War (1632) // Harvard Ukrainian Studies. – 1977. – Vol. 1. – № 3. – P. 330.

КЪМ БИОГРАФИЯТА И ОБЩЕСТВЕНАТА ДЕЙНОСТ НА ДВАМА ПЛОВДИВСКИ БЪЛГАРИ – ВЪЗПИТАНИЦИ НА РИШЕЛЬОВСКИЯ ЛИЦЕЙ В ОДЕСА

М. Левкова-Мучинова

Левкова-Мучинова М. Към биографията и обществената дейност на двама пловдивски българи – възпитаници на Ришельовския лицей в Одеса. В статията са представени животът и дейността на двама пловдивски българи, оставили значима следа в обществения живот на българите през втората и третата четвърт на XIX в. – братята Никола и Атанас Вълкович Чалики, произхождащи от богата и влиятелен род Чалъкови. Със своите активни граждански позиции братята Чалики са едни от най-значимите представители на формиращата се новобългарска възрожденска интелигенция – добре образована и активно ангажирана в решаването на най-актуалните проблеми на своето съвремие.

Ключови думи: Българско възраждане; българска възрожденска интелигенция; Одеса; Ришельовски лицей; Пловдив; българо-руски културни и политически връзки през XIX в.

Левкова-Мучинова М. К биографии и общественной деятельности двух пловдивских болгар – воспитанников Ришельевского лицея в Одессе. В статье представлены житейские судьбы и деятельность двух пловдивских болгар, которые оставили значимый след в болгарской общественной жизни во второй и третьей четверти XIX в. – братьев Николы и Атанаса Вълкович Чалики, происходящих из богатого и влиятельного рода Чалъковых. Своими активными гражданскими позициями братья Чалики являются одними из самых значимых представителей формирующейся новобългарской интеллигенции эпохи Возрождения – хорошо образованной и активно ангажированной в решении самых актуальных проблем своего времени.

Ключевые слова: Болгарское возрождение; болгарская интеллигенция эпохи Возрождения; Одесса; Ришельевский лицей; Пловдив; болгаро-русские культурные и политические связи XIX в.

Levkova-Muchinova M. To the biography and public activity of two Bulgarians from Plovdiv – graduates from the Richelieu Lyceum of Odessa. The article presents the life and public activities of two Bulgarians from Plovdiv, who have left a significant mark in the Bulgarian public life in the second and third quarter of the 19th century – the brothers Nikola and Atanas Valkovich Chaliki, originating from the rich and influential family of Chalakovi. Due to their active citizenship the Chaliki brothers are two of the most important representatives of the emerging Bulgarian Revival intellectuals – well educated and actively engaged in solving the most pressing issues of their time.

Keywords: Bulgarian Revival; Bulgarian Revival intellectuals; Odessa; Richelieu Lyceum, Bulgarian-Russian cultural and political relations during the 19th century.

През XIX в. в търсене на по-добри възможности за образование много българи се насочват към учебните заведения извън пределите на Османската империя – в Русия, Сърбия, Дунавските княжества, Гърция и страните от Централна и Западна Европа. През 30–40-те години на века все повече българи продължават образованието си в духовни и светски училища в Руската империя, за което допринесла целенасочената политика на руските държавни органи за утвърждаване на руското културно влияние върху балканските славяни и най-вече българите¹. Като един от основните образователни центрове за българските младежи в Русия се налага черноморският град Одеса – както поради географската близост с намиращите се под османска власт български земи, така и поради присъствието на значителна и обществено активна българска колония в града². Едно от най-авторитетните одески учебни заведения е откритият през 1817 г. Ришельовски лицей, който през 60-те години на XIX в. прераства в Новорусийски университет³.

Настоящата статия има за цел да представи основните факти от биографията и обществената дейност на двама от възпитаниците на Ришельовския лицей в Одеса, оставили значима следа в обществения живот на българите през втората и третата четвърт на XIX столетие. Братята Никола и Атанас Вълкович Чалъкови (Чалики) принадлежат към известния със стопанската и обществено-политическата си дейност копривщенско-пловдивски род Чалъкови⁴. Техният баща, Вълко Куртович (наричан „Малки Вълко“), е известен джелепин⁵ и бегликчия⁶, познат и добре приет в османската столица и султанския дворец,

уважаван член на православната община в Пловдив, щедър дарител за православните духовни и просветни институции⁷.

Никола Вълкович Чалков (Чалики) е роден в Пловдив през 1819 г. Учи в гръцкото училище в Пловдив, след завършването на което е изпратен, заедно с брат си Атанас, да продължи образованието си в Париж (през 1828–1836 г.)⁸.

След смъртта на Вълко Куртович (1837) семейството, заедно със завърналите се от Франция синове, се установява в Пловдив. Скоро след това Никола Вълкович Чалики заминава за Одеса, където учи на собствени разноски в Ришельовския лицей и получава руско поданство⁹. От този период датират и близките му приятелски връзки с Найдено Геров, които се запазват през целия им живот¹⁰, както и с Георги С. Раковски, познанството му с когото датира от есента на 1841 г., когато на път от Одеса за България Никола В. Чалики се отбива в Галац и Браила, за да предаде на участниците в браилския бунт текста на клетвата и инструкциите¹¹.

В съдружие с братовчед си Георгаки Стоянович Чалоглу¹² през следващите години Никола Чалики се заема с железеплък. Заедно с брат си Атанас Чалики са доверени служители и съветници в търговските и откупвачески предприятия на Георги С. Раковски, който в края на 40-те и началото на 50-те години откупува русуматите¹³ от Пловдивско, предприема опити да открие спиртна фабрика и проучва възможностите за откупуване на самоковските рудници, и т.н.¹⁴

По време на Кримската война (1853–1856) Никола Чалики, като руски поданик, е принуден да напусне Османската империя и да бяга в Белград, където престоява около шест месеца. Край на този принудителен престой слага смъртта на брат му Атанас и сестра му Рада¹⁵. Със съдействието на австрийския консул в София Никола Чалики се завръща в Пловдив, за да се погрижи за семейството си, съкрушено от загубата на близките си и пострадало извънредно много от непрестанните военновременни конфискации¹⁶.

След края на Кримската война Никола В. Чалики изгълнява (1860–1861) задълженията на драгоман при австрийското вицеконсулство в Пловдив¹⁷. По-късно е назначен за драгоман при руското вицеконсулство в Пловдив с право да замества Найдено Геров¹⁸, когато той отсъства и изгълнява тази длъжност в продължение на 13 години (1864–1877)¹⁹. Работата му е свързана с чести пътувания до Цариград и Одрин, където той е добре приет в руските дипломатически кръгове и се радва на благоразположението на генерал Н. Игнатиев. За своята добра служба е отличен със златен медал от руското правителство²⁰.

Значима и разностранна е обществената дейност на Никола Вълкович Чалики. Още през 1844 г. го виждаме между спомоществователите за издаването на книгата „Православно учение“ от Иларион Стоянов (по-късно митрополит Макариополски)²¹. Спомоществовател е и на издадената през 1858 г. в Цариград книга „Εισαγωγή εις την Ορθομανικήν γραμματικήν“ („Въведение в османската граматика“) от Мустафа Расим Самуркаси²². Дарител е на Цариградското читалище (1869) и на бедни ученици от Македония (1871)²³, училищен настоятел и касиер е на епархийското училище „Св. Кирил и Методий“ в Пловдив²⁴, личност с активни позиции по редица важни въпроси от живота на българите в периода от 40-те до края на 80-те години на XIX в.²⁵

В началото на 50-те години на XIX в. Никола В. Чалики е в Цариград, където е избран между 12 членове на новосъставената българска община, конституирана около българския храм „Св. Стефан“, и в петчленното настоятелство, уредило училището при храма и изработило правилата за ежегоден избор на църковни и училищни настоятели от средите на българските еснафи в Цариград²⁶. По-късно заедно с братовчед си д-р Стоян Чомаков²⁷ кореспондират със софийската българска община относно разволя на църковния въпрос и инициират подаването на молба от страна на софиянци до султана, с която го молят за независима църква²⁸.

Продължава да следи разволя на българския въпрос и по-късно, както свидетелства запазената негова кореспонденция с пловдивския представител в османската столица д-р Стоян Чомаков през 60-те години на XIX в. В поредица от писма, писани през май–юли 1861 г., Никола Чалики съветва своя братовчед д-р Чомаков за решаване на българския въпрос чрез създаването на независима българска църковна йерархия, зависима направо от Министерството на народното просвещение, по европейски модел, или чрез споразумение с австрийския посланик в Цариград за признаване от страна на българите на върховенството на Карловицкия патриарх²⁹.

Своите позиции по хода на българския църковен въпрос Никола В. Чалики отстоява и по-късно, като училищен настоятел в Пловдив през 1863–1864 г. и активен участник в живота на пловдивската българска община³⁰. На събрание на пловдивските първенци на 6 февруари 1867 г. той предлага пловдивския представител в Цариград д-р Стоян Чомаков, който не се ползва вече с доверието на народа, да бъде заменен от Георгаки Стоянович Чалоглу³¹.

Като драгоман към руското вицеконсулство в Пловдив Никола В. Чалики е енергичен помощник на Найден Геров и защитник на българските национални интереси³². Дейността му е заслужила одобрението на високопоставените руски дипломатически кръгове и лично на руския посланик в Цариград граф Н. П. Игнатиев³³. При многобройните си контакти с руските и европейските дипломатически представители в Пловдив, Одрин и Цариград той популяризира каузата на българското църковнонационално движение. Вероятно в тази връзка трябва да бъде интерпретирано и пътуването, което Никола Чалики предприема заедно с видния търговец Хр. Д. Караминков през лятото на 1863 г. в европейските столици Виена, Париж и Лондон. Официалният повод за това пътуване е лечението на Н. Чалики, но неговият маршрут, преминаващ през Белград, Париж, Виена, и осъществените по време на пътуването срещи с представители на сръбския политически елит, както и с видни български емигрантски дейци, като д-р Ив. Селимински, са следени с интерес от руските дипломатически служби, подозиращи друга цел на предприетото пътуване³⁴.

През 1876 г. Никола В. Чалики съставя за руското вицеконсулство обширни бележки относно грабежите и насилията над мирното население след разгрома на Априлското въстание – в което, заедно с Найден Геров, и Н. Чалики е обвинен от турските власти в съучастие³⁵. Дейността му за запознаване на европейската и руската общественост с жестокостите при потушаването на Априлското въстание заслужава благодарственото писмо от страна на българския екзарх Антим I³⁶.

След избухването на Руско-турската война през април 1877 г. като руски поданик, въпреки протестите на европейските посланици в Цариград, Никола Чалики е принуден от турските власти да напусне пределите на Османската държава и заминава за Атина³⁷. През август 1877 г. е в Търново, където е определен от княз Черкаски за касиер на комисията за подпомагане на бежанците, която устройва побягналите от Тракия българи в Шипка, Дряново, Габрово и др. места, раздава им храна и средства за преживяване³⁸.

След приключването на военните действия и подписването на Санстефанския мирен договор Никола Чалики се завръща в Пловдив, където заварва имотите си напълно разорени. Затова в поредица от писма и прошения моли руското правителство да бъде компенсиран като руски поданик за претърпените по време на службата му като драгоман към пловдивското вицеконсулство загуби³⁹.

Никола Вълкович Чалики има и литературни интереси. Сътрудничи в периодичния печат, където публикува свои стихове и преводи на класически произведения⁴⁰.

През 1881 г. Никола Вълкович Чалики – „първият дипломат от многобройния Чалъков род“⁴¹, заболява тежко и почива десет години по-късно, през април 1891 г. в Пловдив, без да създаде семейство и без да остави наследници⁴².

Не по-малко интересна и значима е личността на неговия брат Атанас Вълкович Чалъков (Чалики), роден през 1821 г. в Пловдив⁴³.

Атанас учи в пловдивското гръцко училище, а през 1836 г. постъпва в училището на Т. Каирис на о. Андрос⁴⁴. По-късно заедно с брат си Никола е изпратен да продължи образованието си в Париж, където престоява няколко години (1828–1836)⁴⁵.

След завръщането си в отечеството, по сведения на неговия брат д-р Георги Вълкович, Атанас Чалики се сражавал за свободата на о. Крит, а през 1845 г. участвал в опита на неколцина цариградски българи да освободят Неофит Бозвели от манастирския затвор на о. Халки⁴⁶. Този интересен епизод от неговата биография е, за съжаление, оскъдно документиран⁴⁷. Според сведенията, с които разполагаме, българите нападнали манастира и се опитали да изкъртят вратата на затвора, но при заплахата от отпор на местното население влезли в черквата и се престорили на черкуващи се миряни. Участниците в този смел акт били задържани, но благодарение на търновския представител, който бил румънски поданик, повечето от тях, между които и Атанас Чалики, били освободени.

След тази случка оставането на Атанас Чалики в Османската империя се оказва невъзможно, поради което той се озовава при брат си Никола в Одеса, където вероятно също се захваща с търговия, като същевременно учи в Ришельовския лицей⁴⁸. През 1846–1848 г.

е отново в Пловдив и в качеството си на бегликчия, като представител на чичо си Стоян Чалъков („Големи Стоян“)⁴⁹, обикаля заедно с брат си Никола Северна България – Троянско, Плевенско, Врачанско и др., във връзка с преброяването на овцете и козите⁵⁰. От 1849 г. двамата братя Чалики са близки сътрудници на Георги С. Раковски в откупуването на данъците (русумати) от Пловдивско. Атанас Чалики е помощник на Г. С. Раковски във всички негови предприятия, с 20 хил. гроша годишна заплата⁵¹. Запазената негова кореспонденция от втората половина на 40-те и началото на 50-те години на XIX в. разкрива дейното му участие в стопанските дела на Раковски, на когото помага с важни сведения, препоръки и ценни съвети⁵².

По същото време Атанас Чалики участва активно и в обществените дела на своите сънародници в Пловдив. На 16 април 1850 г. заедно с останалите Чалъковци и фамилията Гешови той подписва заявлението до пловдивския митрополит с искане за въвеждане на обучение и на български език в общото гръцко училище в Пловдив⁵³. Обществената му дейност е високо оценена от Г. С. Раковски, който пише на страниците на в. „Дунавски лебед“ за Атанас Чалики, че „първи от младих е увел и разпространил български народен дух“ в Пловдив⁵⁴.

Атанас В. Чалики е спомоществовател за издаването на „Ανθολογία πάσης της ενιαυσίου εκκλησιαστικής ακολουθίας“ („Пълна антология на годишната църковна служба“) от Павел Куртович и Георги п. Константинов (Цариград, 1846) и на „Χειραγωγή της εμπορικής διπλογραφίας δια σχολεία και ιδίαν μελέτην εκ το Γερμανικό“ („Ръководство по търговско двойно счетоводство за училища и самостоятелно изучаване от немски“) от К. Янцули (Виена, 1849)⁵⁵.

Житейският път на Атанас Вълкович Чалики приключва твърде рано – през втората половина на 1853 г. в Пловдив⁵⁶.

Направеният преглед на живота и обществената дейност на двама видни пловдивски българи от XIX в. позволява да се открият някои същностни характеристики от процеса на формиране на българската възрожденска интелигенция. Подготовката на братята Никола и Атанас Чалики в Ришельовския лицей в Одеса показва един от основните източници на образование за младите българчета през 40-те години на столетието и по-късно – учебните заведения на Русия, и оттам – сближаване с руската култура и политика. Обучението на двамата братя в Ришельовския лицей съвпада с началото на засиления интерес на българите към това престижно учебно заведение през 40-те години на XIX в. Неслучайно сред неговите възпитаници тогава са бъдещите известни български интелектуалци Н. Геров, С. Палаузов, Ив. Богоров и др. Сред първите българи възпитаници на Ришельовския лицей са и братята Никола и Атанас Чалики. Доброто образование ги нарежда между най-образованите техни сънародници в Пловдив и в значителна степен определя по-нататъшния им житейски път на интелектуални и политически търсения. Особено силна е тази връзка в живота на Никола В. Чалики, която се запазва през целия му житейски път чрез дългогодишната му работа като драгоман към Руското консулство в Пловдив, контактите с видни руски дипломати и наградите, получени от руското правителство. От годините, прекарани в Одеса, вероятно датира и познанието му с Найден Геров, което ще прерасне в близко сътрудничество в обществено-политическата и културната сфера. На годините, прекарани в Ришельовския лицей, Н. Чалики дължи и запознанството си с руската и западноевропейската литература и култура, мотивирало и неговите литературни опити, публикувани на страниците на възрожденската периодика. Активните позиции на братята Чалики в обществения живот са пример за качествата на формиращата се новобългарска интелигенция – добре образована и активно ангажирана в решаването на най-актуалните проблеми на своето съвремие.

¹ Генчев Н. Българското възраждане. – 4. доп. изд. – София, 1995. – С. 163–167.

² Попруженко М. Г. Одеса и българското възраждане. // Климент Търновски – Васил Друмев. За 25-годишнината от смъртта му. Изследвания, спомени и документи / Под ред. на проф. М. Арнаудов. – София, 1927. – С. 87–100; Поглюбок К. А. За да бъдат полезни на народа си... – София, 1976. – С. 33–48; Радкова Р. Просветни центрове за българите през Възраждането във от пределите на страната // България в света от древността до наши дни. – Т. 1. – София, 1979. – С. 442–443; Сохан П. С. Очерци по история на украинско-българските връзки. – София, 1979. – С. 75–76; Бъчварова Н. Възпитаници на южноруските училища и развитие на научните знания в България (XIX в.). – София, 1989. – С. 17–19; Налбантова Ел. Одеса в българската история и литература на XIX век. – Одеса, 2006.

³ По-подробно за възникването и развитието на това учебно заведение през XIX в., както и за училите в него българи вж. *Бъчварова Н.* Възпитаници на южноруските училища... – С. 19–28.

⁴ За тях вж. *Мирчева К.* Чалъкови // Кой кой е сред българите XV–XIX в. / Под ред. на Ил. Тодев. – София, 2000. – С. 290–296; Научен архив – БАН, сб. IV, а.е. 35 (*Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци и тяхното потомство (Родословно изследване). – София, 1935) (машинопис), л. 279; *Левкова-Мучинова М.* Родът Чалъковци през Възраждането: дисертация за присъждане на образователна и научна степен „доктор“. – София, 2012; *Мучинов В.* Демографска характеристика на един български възрожденски род (родът Чалъковци през втората половина на XVIII и през XIX век) / В. Мучинов, М. Левкова-Мучинова // Семейство и солидарност между поколенията. Научна конференция (София, 17–18 октомври 2012 г.). – София, 2013. – С. 27–34.

⁵ Джелепкчаните (джелепи) са категория население със специален статут в османската държава, които срещу известни данъчни облекчения – освобождаване от извънредните данъци (аваризи), от беглик и гюмрук (мито), са задължени да доставят годишно на фиксирани ниски цени определен брой дребен рогат добитък за нуждите на армията, столицата и големите градове.

⁶ Бегликчите са откупвачи на десятъка (ондалък, беглик) върху дребния рогат добитък в Османската империя.

⁷ За него вж. *Мирчева К.* Чалъкови... – С. 292; *Левкова-Мучинова М.* Родът Чалъковци през Възраждането... – С. 76–79. Вълко Куртов има още двама синове – д-р Георги Вълкович и д-р Александър (Алеко) Вълкович, които обаче получават образованието си във Военно-медицинското училище в Цариград, поради което техният живот и дейност ще бъдат разглеждани другаде (вж. *Левкова-Мучинова М.* Родът Чалъковци през Възраждането... – С. 134–139).

⁸ *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 279; *Мирчева К.* Чалъкови... – С. 294.

⁹ *Мирчева К.* Чалъкови... – С. 294.

¹⁰ *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 279.

¹¹ Вж. *Попруженко М. Г.* Материали по историята на възраждането на България. // Юбилеен сборник по случай 25-годишнината от първия випуск на габровската Априловска гимназия. Пловдив, 1900. – С. 89, 93; *Романски С.* Заговорът на Г. С. Раковски (Георги Македон) в Браила през 1842 година. // Сборник на БАН. – Кн. 14. – Клон историко-филологичен и философско-обществен. – София, 1921. – С. 99; Архив на Г. С. Раковски. – Т. 2. – София, 1957. – С. 82–83.

¹² За него вж. *Мирчева К.* Чалъкови... – С. 293–294; *Левкова М.* Възрожденецът Георги Стоянов Чалъков // Годишник на Регионален исторически музей – Пловдив. – Книга 6: Доклади от научен форум „Пловдивски приноси 2009“ на тема „Род, семейство, отечество“ (Пловдив, 7–8 октомври 2009 г.). – Пловдив, 2009. – С. 31–34.

¹³ Русумати (тур.) – косвени данъци.

¹⁴ Вж. Архив на Г. С. Раковски. – Т. 1. – София, 1952. – С. 64–65; Архив на Г. С. Раковски. – Т. 2. – С. 82–83, 97, 105–106; Из архивата на Найдено Геров / Под ред. на Т. Панчев. – Кн. 2. – София, 1914. – С. 916.

¹⁵ Рада (Ралу) Вълкович (ок. 1826–1854) – дъщеря на Вълко Куртов и Елисавета х. Костова. Омъжена през 1854 г. за Стоян (Цоко) Каблешков от копривщенския род Каблешкови и починала в края на същата година при раждане (вж. *Кенов И.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 292–293; *Левкова-Мучинова М.* Родът Чалъковци през Възраждането... – С. 135).

¹⁶ *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 279–281.

¹⁷ Вж. Русия и българското националноосвободително движение 1856–1876. –Т. 1. – Ч. 1. – София, 1987. – С. 132.

¹⁸ По-подробно за откриването на руското вицеконсулство в Пловдив вж.: *Кирилова А.* Откриване на руското консулско агентство в Пловдив през 1857 година // Исторически преглед. – 2009. – Кн. 1–2. – С. 48–76.

¹⁹ Въпреки ходагайството на пловдивския руски вицеконсул Найдено Геров, в продължение на десет години Никола Чалики изпълнява тази служба без заплащане. Едва през 1874 г. му е определена заплатата от руското правителство (вж. *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 283).

²⁰ Пак там, л. 283–284.

²¹ *Начов Н.* Цариград като културен център на българите до 1877 година. – София, 1925. – С. 14.

²² Вж. *Стоянов М.* Стари гръцки книги в България. – София, 1978. – С. 241.

²³ Турция. –1871. – Г. VII. – Бр. 39. – 16 ноем.

²⁴ *Груев Й.* Епархийското в Пловдив училище „Св. Кирил и Методий“ // Български преглед. – Г. III. – Кн. 7–8. – София, 1896. – С. 137; Русия и българското националноосвободително движение... – Т. 2. – София, 1990. – С. 43.

²⁵ *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 284; За Никола В. Чалики вж. още: *Райчевски Г.* Пловдивска енциклопедия. – 3. прераб. и доп. изд. – Пловдив, 2004. – С. 365.

²⁶ Архив на Г. С. Раковски. – Т. 2. – С. 86–87; *Кенов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 280.

²⁷ Д-р Стоян Чомаков е виден български общественик с големи заслуги за решаването на българския църковнонационален въпрос. По-подробно за него вж. *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. – Ч. 1: Изследване. – София, 2003.

²⁸ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 281.

²⁹ Според Н. Генчев, това предложение е било вероятно внушено от Найден Геров и е имало за цел да упражни натиск върху патриарха и турското правителство за решаване на българския църковен въпрос (вж. *Генчев Н.* Възрожденският Пловдив (Принос в българското духовно Възраждане). – Пловдив, 1981. – С. 225). Ил. Тодев пък смята, че зад този проект стои Австрия в лицето на австрийския вицеконсул в Пловдив Берги: *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков... – Т. 1. – С. 166–167.

³⁰ *Генчев Н.* Възрожденският Пловдив... – С. 229.

³¹ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 283–284.

³² Вж. Из архивата на Найден Геров... – Кн. 2. – С. 781–782.

³³ Пак там. – Кн. 1. – С. 648–649, 763–764.

³⁴ Руският консул в Белград Влангали например изисква от Сава Филаретов в София „сведения за тая личност, между прочем и за това, коя е истинната причина на неговото отиване в Париж“ (вж. Из архивата на Найден Геров... – Кн. 1. – С. 78; Кн. 2. – С. 625, 719).

³⁵ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 284.

³⁶ *Маркова З.* Българската екзархия 1870–1879 // *Маркова З.* Избрани съчинения. – Т. 1. – София, 2007. – С. 452.

³⁷ Вж. Из архивата на Найден Геров... – Кн. 1. – С. 22; Кн. 2. – С. 780–781.

³⁸ Пак там. – Кн. 2. – С. 782.

³⁹ Пак там. – С. 786. Впоследствие руското правителство му признава 44 491 зл. лева военновременни загуби, които започва да му изплаща на части (*Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 286).

⁴⁰ Вж. „Жалба“ – „Сочинил по подражанию Шилера Н. Ч. [Никола Чалики]“ // Цариградски вестник. – 1853. – Г. III. – Бр. 114. – 21 март; „Что слава? Адская заплата...“ // Цариградски вестник. – 1855. – Г. V. – Бр. 224. – 14 май; „Комит или опашята звезда“ // Български книжици. – 1858. – Г. I. – Част 3. – Кн. 19. – окт. – С. 131–135; Свои стихове Никола В. Чалики помества и в отпечатаната през 1858 г. в Белград от М. Л. [Лазаров] Софиянец „Разна любовна песнопевка“.

⁴¹ Според определеното на Ив. Кепов (вж. *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 285).

⁴² Пак там, л. 286.

⁴³ Пак там, л. 287.

⁴⁴ *Данова Н.* Българските ученици на остров Андрос // Исторически преглед. – 1996. – Кн. 1. – С. 39, 48.

⁴⁵ *Мирчева К.* Чалъкови... – С. 294.

⁴⁶ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 287. Вж. също *Арnaudов М.* Неофит Хилендарски Бозвели 1785–1848. Живот – дело – епоха. – София, 1930. – С. 676; *Иречек К.* Български дневник. – Т. 1: 1879–1881. – София, 1995. – С. 510.

⁴⁷ Според сведенията на архимандрит Онуфрий инициативата за освобождаването на Неофит Бозвели принадлежи на първомайстора на българския абаджийски еснаф в Цариград Н. Сапунов (Известия на историческото дружество в София. – 1911. – Кн. 3. – С. 63). Различните източници посочват различен числен състав на участниците в това събитие, който се колебае между 5–6 и 80 души (вж. *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 287–288).

⁴⁸ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 288. Вж. също: Из архивата на Найден Геров... – Кн. 2. – С. 67–68.

⁴⁹ За него вж. *Левкова М.* Традиция и модерност в житейския път на Стоян Тодоров Чалъков (1768–1850) // Известия на Старозагорския исторически музей. – Т. 4: Личността в историята. Сборник с доклади и съобщения от Националната научна конференция, посветена на 200 г. от рождението на Александър Екзарх, Захарий Княжески и Атанас Иванов (22–23 април 2010 г., Стара Загора). – Стара Загора, 2011. – С. 394–401.

⁵⁰ Вж. напр.: Български исторически архив при Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ – София, ф. 782, а.е. 97, л. 93а; Из архивата на Найден Геров... – Кн. 2. – С. 820.

⁵¹ *Петров Б.* Биография на Георги Стойков Раковски. – София, 1910. – С. 54; *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 289–291.

⁵² Вж. *Киселков А.* Из живота на Раковски в Цариград // Списание на БАН. – 1923. – Кн. 26. – С. 108–116; Архив на Г. С. Раковски. – Т. 2. – С. 72–73, 79–84, 88–92, 97, 98–100; *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. – София, 1974. – С. 97–98.

⁵³ *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 291.

⁵⁴ Дунавски лебед. – 1860. – Бр. 8. – 1 ноем.; Вж. също *Трайков В.* Георги Стойков Раковски... – С. 97.

⁵⁵ Вж. *Стоянов М.* Стари гръцки книги в България... – С. 193, 210.

⁵⁶ Вж. Писмо на Стоян Д. Каблешков – от Пловдив, до Г. С. Раковски в Цариград, от 20 май 1853 г. // Архив на Г. С. Раковски. – Т. 2. – С. 105; Вж. също *Кепов Ив.* Живот и дейност на Чалъковци..., л. 291.

ТРЕТЯ ХВИЛЯ МІЖВОЄННОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЕМІГРАЦІЇ ДО БОЛГАРІЇ

В. М. Власенко

Власенко В. М. Третя хвиля міжвоєнної української еміграції до Болгарії. У роботі йдеться про формування української політичної еміграції в Болгарії у міжвоєнний період, а саме третю, найбільш масову хвилю еміграції у листопаді 1920–1922 рр. Крізь призму документів і матеріалів українських, російських і болгарських архівів та емігрантської преси показані перипетії виходу українців на еміграцію, прибуття та розміщення їх у Болгарії, ставлення місцевої влади до емігрантів та діяльність міжнародних, державних та громадських інституцій з надання допомоги біженцям.

Ключові слова: Болгарія; російська еміграція; українська еміграція; хвиля еміграції.

Власенко В. Н. Третья волна межвоенной украинской эмиграции в Болгарию. В работе речь идет о формировании украинской политической эмиграции в Болгарии в межвоенный период. Рассказывается о третьей волне эмиграции в ноябре 1920–1922 гг. Сквозь призму документов и материалов украинских, российских, болгарских архивов и эмигрантской прессы показаны перипетии эмиграции украинцев, прибытие и размещение их в Болгарии, отношение местной власти к эмигрантам и деятельность международных, государственных и общественных институтов по оказанию помощи беженцам.

Ключевые слова: Болгария; русская эмиграция; украинская эмиграция; волна эмиграции.

Vlasenko V. M. The Third wave of the interwar Ukrainian emigration to Bulgaria. The article describes the formation process of the Ukrainian emigration to Bulgaria during the interwar period. All facts are based on previously unknown documents stored in the central state archives of Ukraine, Russia and Bulgaria. The article provides a thorough introduction to the third wave of the emigration taken place in November 1920–1922. The materials, used in the article, originate from Ukrainian, Russian, Bulgarian emigre press archives, and depict the vicissitudes of Ukrainian emigration, its arrival and living conditions in Bulgaria, as well as the attitude of local authorities to emigrants and steps taken by international, governmental and public institutions in order to assist refugees.

Keywords: Bulgaria; Russian emigration; Ukrainian emigration; wave emigration.

Військово-політичні події 2014–2015 рр. в Криму та на Донбасі призвели до появи в Україні багатотисячної групи тимчасово переселених осіб і біженців. Декілька сотень тисяч наших співвітчизників опинилися поза межами Батьківщини. За останні 100 років Європа взагалі й Україна зокрема неодноразово стикалися із проблемою біженців. Уперше вона стала актуальною майже для всіх країн континенту під час Першої світової війни, вдруге – внаслідок революційних подій 1917–1921 рр. в колишній Російській імперії, коли на еміграцію вийшло більше 1 млн осіб, у тому числі декілька сотень тисяч уродженців та жителів України¹. Переважна більшість із них опинилася в Європі. Саме тут сформувалися політичні центри еміграції, діяли політичні партії, перебували лідери української політичної еміграції, колишні керівники та члени українських урядів, академіки і професори, генерали й адмірали, церковні та культурні діячі, письменники й митці. Але основну масу емігрантів складала прості люди.

В історичній літературі знайшли відображення різноманітні сторони життєдіяльності української еміграції на рівні континенту, окремих його регіонів та країн. Проте її існування на Балканах, зокрема в Болгарії, висвітлене недостатньо. Окремі дані про українську еміграцію в цій балканській країні наводяться у монографіях з історії міжвоєнної української політичної еміграції в Європі², українсько-болгарських відносин³, військовополонених та інтернованих⁴. Різноманітні аспекти життєдіяльності еміграції показані у численних статтях української наукової періодици. Серед них – початок формування міжвоєнної української політичної еміграції в Болгарії, а саме перша та друга її хвилі⁵. Проте поза увагою дослідників залишилася третя і наймасовіша хвиля української еміграції до цієї країни. Зауважимо, що у зарубіжній (болгарська, російська, сербська) науковій літературі з історії російської еміграції в Болгарії український аспект щодо хвиль еміграції не розкривається⁶. У книзі П. Мангачева про українську еміграцію в Болгарії питання про хвилі еміграції взагалі не порушується⁷.

Поняття української політичної еміграції міжвоєнного періоду має подвійний зміст. У широкому сенсі вся міжвоєнна еміграція вважається політичною, оскільки саме політичні причини виходу на еміграцію були визначальними. У вузькому сенсі політична еміграція – частина емігрантського загалу, яка була політично вмотивована, ідеологічно визначена, організаційно структурована та сповідувала ідею відновлення незалежної та суверенної України у різних її формах. Тому автор ставить собі за мету показати завершальний етап процесу формування міжвоєнної української політичної еміграції в Болгарії, а саме третю її хвилю. Під хвилями еміграції ми розуміємо повторювані масові еміграційні потоки.

Перша хвиля охоплює період із другої половини 1918 р. і до кінця 1919 р., коли до Болгарії прибули окремі представники заможних верств суспільства, військові та цивільні особи після поразки військ Антанти у квітні 1919 р. (так звана «*французька*» евакуація Одеси). Друга хвиля припала на зиму – весну 1920 р., коли внаслідок низки поразок армії генерала Антона Денікіна з Одеси та Новоросійська були евакуйовані військові та цивільні особи. Після нетривалого перебування в країні біженці або поверталися додому, або реемігрували до країн Центральної та Західної Європи. Внаслідок цього в Болгарії залишилося лише декілька сотень емігрантів. Одночасно здійснювався процес повернення через Болгарію на батьківщину військовополонених колишніх російської й австро-угорської армій.

Третя хвиля розпочалася восени 1920 р. після евакуації «*Русской Армии*» (РА) генерала Петра Врангеля з Криму. Поряд із військовими батьківщину залишило чимало цивільних осіб. Евакуація, що тривала з 13 до 16 листопада 1920 р., здійснювалася з 5 кримських портів: Євпаторії, Керчі, Севастополя, Феодосії та Ялти. Для цього було використано близько 130 російських та іноземних суден, у тому числі військові кораблі, пасажирські пароплави, транспортні та парусні судна, криголами, підводні човни, баржі, буксири та катери⁸. Усі вони прямували до Константинополя. У другій половині листопада 1920 р. ця ескадра стояла вже у бухті Мода в Босфорі. Згодом почали оприлюднювати дані щодо загальної кількості прибулих. Так, за даними Посольства УНР у Константинополі, з Криму до Туреччини прибуло 120 тис. осіб, з яких військових – 70 тис. осіб, серед них українців – 35 тис. осіб, у тому числі 2 тис. повстанців на чолі з отаманами Ангелом, Гелевим, Олександром Реківим, Уренюком⁹, Чорною Хмарою (Антон Гребенник)¹⁰, Демидом Гулаєм¹¹, Федорченком¹² та ін. Посольство УНР в Болгарії повідомляло, що з Криму евакуювалося близько 130 тис. осіб¹³, історики еміграції, сучасники тих подій – 136 тис. осіб¹⁴. За даними самого П. Врангеля, до Константинополя прибуло 150 тис. осіб, з яких дві третини становили військові й одну третину – цивільні особи¹⁵.

Невдовзі після прибуття біженців до Туреччини розпочалося так зване «*розвантаження*» Константинополя. Інтернованих військових і біженців розмістили в районі Галіполі, Чаталджі, на острові Лемнос. Російська військова ескадра вирушила до французької військової бази Бізерта, звідки поступово емігранти виїжджали до Алжиру, Марокко та країн Європи. Частина біженців самотужки намагалася потрапити до балканських країн. У листі колишнього співробітника Посольства УНР в Софії Федора Шульги до міністра закордонних справ УНР Андрія Ніковського від 29 січня 1921 р. йшлося саме про це: «*В Царгороді, на Галіполі, на Лемносі, в Софії, Варні, Бургасі, Білгороді і т. д., і т. д., куди тільки досягають наші біженці, скрізь нужда, холод, голод, хвороби. Помочі нашим людям, українцям, немає. З Царгородських лагерів, з під опіки французів втікають десятки, сотні наших людей без папортів і без копійки грошей, без теплої одежі, без хліба і прямують на Північ, сподіваючись там, серед братів славян знайти собі притулок і иматок хліба. Позаяк у більшості з них нема законного (розумій французького) пропуску, то на кордонах, особливо в Тракії (греки), їх ловлять, підстрілюють. Декому вдається все ж пробратися через ворожі кордони, а багатьом й гине від холоду, голоду і солдатських куль»¹⁶. Про втечі вояків-українців із таборів у Туреччині та нелегальний перетин ними болгарського кордону повідомляв також і голова Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії й одночасно тимчасовий керівник Українського посольства УНР в Болгарії Кость Мацієвич¹⁷.*

Унаслідок припинення фінансування РА уряд Франції сприяв переселенню біженців до Бразилії, Перу, Мадагаскару та вступу військовослужбовців до французького Іноземного легіону.

Частина тільки-но прибулих із Криму біженців була одразу направлена до балканських країн. Переговори П. Врангеля з керівниками Болгарії, Греції, Королівства сербів,

хорватів і словенців та Румунії щодо приймання біженців тривали впродовж листопада 1920 р. Транспортування військових та біженців до Болгарії відбувалося з кінця 1920 р. і до кінця 1922 р. Тиск на уряд Олександра Стамболійського у справі приймання біженців із Росії й України здійснювався різнобічно. З одного боку, у листопаді 1920 р. французький уряд наполягав на тому, щоб Болгарія прийняла з Константинополя 10 тис. емігрантів, проте Софія погодилася на приймання лише 3 тис. осіб за умови фінансування Францією витрат на їх утримання. Аргументами болгарської сторони були наявність на її території вже близько 10 тис. біженців із Росії й України та потоки болгарських біженців із Фракії та Македонії. Наприкінці листопада 1920 р. до Бургаса та Варни прибуло 4170 осіб, з яких близько 600 невдовзі реемігрували до інших європейських країн¹⁸. Секретар Українського посольства у Софії Микола Лаврик повідомляв МЗС УНР, що тоді прибуло 4–5 тис. осіб¹⁹. Французький уряд пов'язував питання приймання біженців зі справою вступу Болгарії до Ліги Націй. Наприкінці 1920–1921 рр. Франція ще неодноразово пропонувала уряду О. Стамболійського прийняти нові групи російських емігрантів із Туреччини, середземноморських островів та Північної Африки.

З іншого боку, у грудні 1920 р. Раднарком РСФРР і Комінтерн надіслали болгарському уряду ноту протесту у зв'язку з розміщенням на її території вояків армії П. Врангеля. В ній йшлося й про встановлення «дружніх відносин» із РСФРР, що фактично означало альтернативу вступу Болгарії до Ліги Націй. Уряд О. Стамболійського на це не погодився²⁰. Згодом із ноту протесту проти формування на території Болгарії ворожих армій виступив і Уряд УСРР, очолюваний Х. Раковським²¹.

Навесні 1921 р. Франція остаточно припинила фінансування біженців, передавши цю справу Раді російських послів у Парижі та Лізі Націй, які також пропонували Болгарії збільшити контингент біженців на її території. При цьому окремі представники Ліги Націй пов'язували вирішення цього питання з можливістю перегляду статей Неййського договору щодо кількості болгарської армії. До них долучилося й Міжнародне товариство Червоного Хреста, яке поставило питання про розміщення на території Болгарії 200 дітей козаків та супроводжуваних їх осіб з о. Лемнос. Уряд Болгарії погодився на це. Врешті-решт, після кількомісячних переговорів представників П. Врангеля в Болгарії – Олександра Петряєва та Василя Вязмітінова – з болгарськими урядовцями було вирішено питання приймання нових груп емігрантів²². До кінця 1922 р. уряд Болгарії неодноразово задовольняв прохання Ліги Націй про приймання російських біженців²³.

Існують суперечливі дані щодо загальної кількості російських військових у Болгарії. За «Тамною адресною книгою частин Російської армії» від 24 лютого 1922 р. їх було 15 129 осіб²⁴, за даними Українського посольства у Софії (квітень 1922 р.) – 17 тис.²⁵, штабу 1-го Армійського корпусу (травень 1922 р.) – 19 169, Спілки повернення на батьківщину (Совнарод) у квітні 1923 р. – 18 728 (4012 козаків, 4042 солдати та 10 674 офіцери)²⁶, болгарського історика Д. Даскалова – 19 512 осіб, у тому числі 850 жінок і дітей²⁷. На думку Ц. Кюсевої, найбільш достовірними є дані першого джерела, оскільки відображали стан армії на момент її прибуття до Болгарії. У решті джерел показники свідомо завищені, бо їх укладачі/автори були зацікавлені показати більшу кількість військового контингенту для, з одного боку, отримання допомоги (штаб 1-го армійського корпусу), з іншого – демонстрації масштабів загрози²⁸.

Всього ж, за даними Л. Спасова, з листопада 1920 до грудня 1921 р. до Болгарії прибуло 23 335 осіб²⁹, Ц. Кюсевої – 23 145 осіб³⁰. У 1922 р., за підрахунками М. Йовановича, Болгарія прийняла з Туреччини, Кіпру та Єгипту ще 6343 особи³¹, Ц. Кюсевої – 6787 осіб. Остання велика група з Туреччини у складі 500 осіб прибула до країни на початку 1928 р. Крім того, у серпні – вересні 1922 р. уряд Болгарії забезпечив безкоштовний проїзд територією країни 7 тис. біженців, які прямували до Чехословаччини³².

Загальну кількість емігрантів із Росії й України, які перебували у Болгарії впродовж трьох хвиль еміграції, також важко встановити. Це пояснюється кількома факторами. По-перше, еміграція відзначалася високим рівнем мобільності (динаміки пересування), що ускладнювало її підрахунок. По-друге, велика частина емігрантів повернулася на батьківщину (10–12 тис. осіб)³³. За радянськими агентурними даними, навесні 1922 р. з Константинополя та Болгарії щодня виїжджало 10–15 чоловік³⁴. По-третє, в країні не було єдиної системи обліку, тому дані державних інституцій та громадських організацій, що надавали допомогу емігрантам, істотно відрізнялися через бажання показати якомога більше

масштаби проблеми. Український дипломат Отто Ейхельман стверджував, що на 31 січня 1922 р. у Болгарії перебувало 29 933 біженців із Росії й України, в тому числі 25 248 чоловіків, 3061 жінка, 1684 дитини³⁵. 1 лютого 1922 р. Російське товариство Червоного Хреста (стара організація) зареєструвало 31 744 біженці, в тому числі 26 867 чоловіків, 3171 жінку та 1700 дітей³⁶. За даними дипломатичного агента УНР в Болгарії, у квітні 1922 р. в країні перебувало 32 тис. біженців із Росії й України, в тому числі 27 тис. чоловіків та 5 тис. жінок і дітей³⁷, за даними голови Української громади в Болгарії полковника Бориса Цибульського, у 1922 р. – близько 30 тис. емігрантів³⁸, за даними російського громадсько-політичного діяча Павла Мілюкова, – до 35 тис. емігрантів³⁹. Сучасні дослідники визначають їх кількість 35–36 тис. осіб⁴⁰. Хоча іноді трапляються й відверто завишені дані. Так, голові Револуційної військової ради Республіки Леву Троцькому доповідали, що на початку 1922 р. у Болгарії перебувало 50 тис. російських біженців⁴¹. На початку 30-х років ХХ ст. МЗС Болгарії інформував Лігу Націй про те, що у 1921–1922 рр. країна прийняла 45 тис. російських біженців⁴². У першому випадку це робилося з метою підкреслити масштаби проблеми біженців, у другому – вклад Болгарії в її вирішення.

Існують суперечливі дані й щодо кількості українців у складі емігрантського загалу в Болгарії. За даними секретаря Українського посольства у цій країні, на початку 1921 р. *«українців військових у Болгарії зараз понад тисячу, але кожного дня приїздять групами й окремо з Царгорода все нові»*⁴³. Більшість із них бажала виїхати до Польщі, де перебувала інтернована Армія УНР. Наприкінці березня 1921 р. К. Мацієвич повідомив МЗС УНР про те, що серед українських біженців у Болгарії *«налічується до 500 повстанців, які евакуювалися разом із Врангелівською армією. Точну реєстрацію наших збігців (біженців – В. В.) це не переведено, але по різним відомостям, правда не перевіреном, можна лічити загальну їх кількість до 2000 чоловік»*, у тому числі 100–150 осіб – *«свідомі, патріоти і діячі наших повстань»*⁴⁴. На сторінках української емігрантської преси початку 20-х років ХХ ст. наводилися дані про 1200–1500 членів *«Української громади в Болгарії»* – емігрантської громадської організації з центром у Софії та філіями в регіонах⁴⁵. Генерал Григорій Янушевський у вересні 1921 р. серед російської військової еміграції за політичною орієнтацією виділяв такі категорії: врангелівці – 16 тис. осіб, українці – 1,5 тис., кубанці – 1,5 тис., донці демократичної групи – 500 осіб⁴⁶. На I Конференції української еміграції, що відбулася 1929 р. у Празі, делегат від українських організацій у Болгарії стверджував, що 70% усієї *«емігрантської маси – це мешканці з території України, Кубані й Дону, так би мовити український етнографічний елемент. На початку еміграції українців, які б свідомо себе виявляли і визнавали за таких, не було більше 2000 душ, серед них, мовляв, інтелігенції української близько 200»*⁴⁷.

У доповідях начальника Генерального штабу до військового міністра УНР від 4 листопада та 20 грудня 1921 р. фігурували дані про перебування в країні від 6 тис.⁴⁸ до 8 тис. українських військових, які жили *«своїм національним життям»*⁴⁹. Зауважимо, що тут не враховано тих українців, які прибудуть до Болгарії 1922 р. У квітні того ж року дипломатичний агент УНР в Болгарії повідомляв МЗС про те, що з 10 тис. цивільних біженців чоловічої статі російських громадських діячів і чиновників, які орієнтувалися на Врангеля, було близько 2 тис. осіб, донських, кубанських козаків та росіян лівих поглядів, які намагалися жити більш-менш самостійно від Врангеля, – більше 4 тис. осіб, *«свідомих»* українців, які нічого спільного з Врангелем не хотіли мати й орієнтувалися на Українське посольство, – більше 3 тис. осіб⁵⁰. У сучасних дослідженнях йдеться про 7 тис. українців, які опинилися в Болгарії після поразки національно-визвольної боротьби та закінчення громадянської війни в Росії⁵¹.

Такі розбіжності кількісних показників пояснюються тим, що у документах йшлося про різні категорії українців, оскільки автори (військові, дипломати, самі емігранти) застосовували різні критерії при визначенні поняття *«українець»*. Найчастіше українців виділяли за географічно-територіальною ознакою, тобто місцем народження або проживання. Більшість армії Врангеля складала мобілізовані молоді люди переважно з Катеринославщини, Полтавщини, Харківщини, Херсонщини, меншу частину – з Київщини і Чернігівщини, зовсім мало – з Волині та Поділля⁵². Тому за цією ознакою питому вагу українців серед усього російського емігрантського загалу визначали як 70% і навіть 80%⁵³. Проте не всі народжені в Україні вважали себе українцями, так само як частина кубанських козаків в еміграції ототожнювала себе більше з Україною, ніж із Росією.

В умовах екстремального, непевного, складного становища (чим насправді й є еміграція) для багатьох біженців поділ на українців та росіян був умовним і мінливим. Наприклад, колишні професори Новоросійського (Одеського) університету Василь Зав'ялов та Михайло Попруженко спочатку прихильно поставилися до української справи у Болгарії, у 1922 р. були членами Тимчасового комітету Українського товариства Червоного Хреста, але згодом стали її критиками та ворогами⁵⁴. З іншого боку, у 1923 р. до правління Української громади в Софії звернулася група юнаків із заявою: «Зібрання школярів Українців російської гімназії прохає вас прийняти всіх нас до складу Української громади. Нам, школярам Українцям, існувати самотньо дуже тяжко, але, покладаючись на Пречисту Матір, гадаємо, що Ви не відштовхнете нас від себе в цю тяжку хвилину і дасте змогу дочекатися тої години, коли ми всі станемо під жовто-блакитний стяг»⁵⁵.

Крім того, чимало українських емігрантів у період національно-визвольної боротьби 1917–1920 рр. служили у різних арміях: гетьманській, УНР, УГА, ЗСПР, РА, Червоній, а також у партизансько-повстанських загонах⁵⁶. Наприклад, після занепаду Української Держави чимало членів уряду Павла Скоропадського, вищих державних чиновників, військових стали на бік державних утворень білої Росії, проте в еміграції багато примусово мобілізованих до армії П. Врангеля українців, особливо з Катеринославщини, Полтавщини та Херсонщини, переходило «до Петлюри»⁵⁷. Отже, в еміграції уродженці України могли прилучитися як до української, так і російської спільноти. Тому при виборі визначальною могла стати як матеріальна сторона (орієнтація на того, хто забезпечить найнеобхіднішим – їжею, ночівлею та ліками), так і національне самоусвідомлення, незважаючи на матеріальну скруту. Так, під час зустрічей з деякими українськими біженцями в Болгарії у К. Мацієвича склалося враження, що довготривале перебування під впливом політичних настроїв стосовно української справи, що панували в Криму, не сприяло вияву ними своєї національної ідентичності. Дехто з них, на його думку, вважав себе українцем доти, поки сподівався мати від цього більше користі, ніж від російського підданства⁵⁸.

Українців розрізняли і за рівнем національної свідомості. Вже тоді з-поміж них виділяли свідомих, малосвідомих, несвідомих і ренегатів або малоросів. При цьому майже усі вони у Болгарії перебували в російському емігрантському середовищі, під впливом російських старшин та численної російської інтелігенції і тому думати про «якусь там Україну» на початку еміграції, як стверджував Василь Філонович, просто не могли. До того ж на емігрантів впливало і русофільство болгар⁵⁹. Дипломатичний агент УНР в Болгарії Василь Драгомирецький поділяв усіх українців на дві групи: «свідомих і такі, які сліпо тримаються Врангеля. Перші зовсім відокремилися від армії Врангеля, тримають постійний зв'язок з українським посольством і відносяться негативно до добровольців. Правда є ще такі, які не зовсім відійшли від Врангеля і тримаються його задля харчів, але кількість їх із кожним днем зменшується. Друга група – «українці за назвою», служать Врангелю може ще й вірніше як великороси. Вони переважно в частині Корніловської, не люблять ніяких політичних балачок, задоволені харчами, вихваляються дисципліною і дуже підозріло приймають інформацію про Головного Отамана Петлюру і його військо», а далі поглиблює характеристику малоросів: «часом і вони з'ясовуються перед нами в своїй прихильності, але це все постійно робиться, при зв'язних умовах: «без Петлюри», «без самостійності», при признанні «общерусского языка», «единой общей родины» і т. д.»⁶⁰.

Традиційним був поділ на військових і цивільних осіб (біженців). Українська еміграція на Балканах взагалі й у Болгарії зокрема на 80–85% була військовою⁶¹. Проте і цей поділ умовний, оскільки ще у Туреччині частина військових переходила у цивільний стан, отримуючи статус біженців, а потім уже реемігрувала до інших країн. Іноді біженцями («збігцями») називали весь емігрантський загал, у тому числі військових і цивільних осіб.

У документації українських дипломатичних представництв і Генерального штабу Армії УНР фігурувала категорія українських біженців на Балканах (Туреччина, Болгарія, Греція, КСХС), яких можна було використати для боротьби проти більшовиків. Так, на думку голови Товариства Червоного Хреста при армії Врангеля Дорія-Дернеловича, яку він висловив на початку січня 1921 р. у м. Пашкани (Румунія) референту артилерійської управи Армії УНР підполковнику Володимирі Свободі, у таборах поблизу Константинополя є близько 10 тис. донських козаків та 5 тис. українців і кубанських козаків, які бажають воювати у складі Армії УНР⁶².

У вересні 1921 р. генерал Г. Янушевський писав про «понад 40 000 свідомих українських воjákів» у регіоні (Туреччина, Балканські країни, Єгипет та середземноморські острови). Ймовірно, йшлося про уродженців та колишніх жителів України. І, незважаючи на відсутність організаційної структури та брак коштів для транспортування їх до Польщі, де перебували інтерновані частини Армії УНР, лише у Туреччині, на думку генерала, можна було зібрати близько 10 тис. осіб і переправити їх через Балканські країни⁶⁵. Секретар Українського посольства у Болгарії щодо цієї категорії біженців на Балканах писав: «Не тільки українці, але й інші так чи інакше зв'язані з Україною сподіваються дістатися на Батьківщину тільки під прапором українським, тільки з українською армією»⁶⁴. На це сподівалися й повстанці, які евакуювалися із Криму разом з армією П. Врангеля⁶⁵.

Тобто до українських реемігрантів із Балкан до Польщі могли долучатися і росіяни, які хотіли швидше і легше потрапити на Батьківщину, оскільки Польща мала кордон з УСРР, або вважали більш реальною боротьбу з більшовиками у складі Армії УНР. Наприкінці січня – на початку лютого 1921 р. В. Драгомирецького відвідало декілька груп донських козаків. Одна з них на чолі з в. о. голови Круга Війська Донського Михайлом Гнилорибовим, заявивши, що донські козаки (Донська демократична група в Болгарії – В. В.) бажають допомогти українцям у боротьбі проти більшовиків і таким чином повернутися на Дон, виявила бажання розпочати переговори з Урядом УНР. Для цього були обрані уповноважені М. Гнилорибов та Георгій Кременський, які й повинні були виїхати до Бухареста для переговорів із К. Мацієвичем⁶⁶. За радянськими агентурними даними, влітку 1921 р. у Тарнові представники Уряду УНР і М. Гнилорибов підписали договір про узгодження дій повстанців в Україні, на Кубані та Дону⁶⁷.

Істотне коливання кількості українських біженців у Болгарії у тогочасних джерелах було пов'язане також і з рееміграцією та репатріацією частини з них.

Отже, за вищенаведеними даними, на початку 1920-х рр. із 35–36 тис. емігрантів з України та Росії у Болгарії близько 50% становили уродженці або колишні жителі України. Велика частина з них – «малороси». Тих, які визнавали себе українцями, в тому числі й частина кубанців, і жили «своєю національним життям», нараховувалося 9–11 тис. осіб; які сповідували ідею незалежної України – 7–8 тис.; «організованих» українців, тобто об'єднаних в емігрантські громадські організації, – 1,5–2 тис. і «свідомих» (інтелігентних) українців – близько 200 осіб.

Українським аспектом російської еміграції в Болгарії не дуже переймалися міжнародні організації й уряд Болгарії. Зменшити його значущість намагалася верхівка російської еміграції та П. Врангель. Навпаки, Уряд УНР й Українське посольство у Болгарії хотіли його актуалізувати. Спочатку ставлення болгарського уряду до України було невизначеним. Стисло його позицію висловив тогочасний керуючий⁶⁸ МЗС Сімеон Радев: «Наше положення юридичне в справі України зараз є досить неясне. В часи Гетьмана Скоропадського ми визнали Україну як самостійну Державу. Після Версальського миру, коли Брест-Литовський договір пав, наше визнання згубило міжнародну основу. Разом з тим і у вас на Україні ситуація стала невиразною. Наше відношення до України було теж невизначене ніяким актом аж до постанови Міністерства Т[е]л[е]одорова, в якій воно заявило про відсутність офіційних відношень до якого будто Уряду України. На цьому ґрунті стоїмо ми зараз і по нашому міжнародному положенню ми не можемо з нього зійти. Тим більш, що тепер, коли вся Україна занята більшовиками, а ваш Уряд і армія знаходяться на емігрантському становищі, питання Українське з правно-формального боку являється дуже трудним і запутаним»⁶⁹. Проте, за свідченням МЗС УНР, ставлення до українського питання поступово змінювалося під впливом зустрічей прем'єр-міністра Болгарії з головами НДМ УНР у Варшаві та Бухаресті. Саме тоді О. Стамболійський вперше виявив прихильність до УНР і висловив упевненість у тому, що незалежна Україна буде існувати⁷⁰.

Подальше з'ясування обопільних позицій відбулося під час візиту до Болгарії у березні 1921 р. нового керуючого Українським посольством у Софії К. Мацієвича. Перебуваючи у Болгарії 5–11 березня, він вирішив такі головні завдання. По-перше, офіційно представив вірчі грамоти прем'єр-міністру, зустрівся з керуючим МЗС С. Радевим та познайомився з болгарськими урядовцями; по-друге, з'ясував політичні настрої в Болгарії та серед російської еміграції; по-третє, налагодив роботу Українського посольства; по-четверте, визначив становище української еміграції та засоби його покращання⁷¹.

Після від'їзду українського дипломата до Румунії ставлення болгарської влади до українців не змінилося. Вона виявляла до них прихильність, але не підтримувала. Українські біженці користувалися такими самими правами, як і росіяни. Вони мали право вільно перебувати у Болгарії, при знаходженні роботи зверталися до Українського посольства, яке з дозволу влади забезпечувало їх квитками на безкоштовний проїзд залізницею до місця роботи⁷². Посольство намагалося підтримати морально і матеріально українських біженців, здійснювало заходи для відокремлення їх від російського загалу, звертало увагу болгарського суспільства й уряду на небезпеку поневолення українського народу, вказувало на негативні дії Добровольчої армії, проте, на думку В. Драгомирецького, робило це примітивно, за наявності внутрішніх і зовнішніх інтриг, за відсутності інтелігентних, національно свідомих сил та за браком коштів, а тому програвало росіянам у справі впливу на емігрантів⁷³.

Загострення суперечностей між болгарським урядом і російським військовим контингентом⁷⁴ у березні 1922 р. та розпочата реєстрація військових колишньої армії Врангеля спричинили занепокоєння серед українських емігрантів. До В. Филоновича й Українського посольства надійшло багато звернень від емігрантів із проханням негайно перевести їх до Армії УНР. Посольство намагалося забезпечити себе й українських емігрантів від звинувачень у підтримці російських військових⁷⁵.

Особливо напруження зросло у зв'язку з мобілізаційними планами П. Врангеля та рішенням Вищої адміністративної ради Міністерства внутрішніх справ і народного здоров'я Болгарії від 26 березня 1922 р., яким передбачалося розформування російської армії та висунення військовим ультиматуму: або працевлаштування в Болгарії, або повернення на батьківщину. Під впливом рішень Генуезької конференції О. Стамболійський видав розпорядження: розпочати розформування російської армії. Одночасно з ініціативи ЦК БКП (т. с.) була створена більшовицька організація «Совнарод», яка і повинна була організувати репатріацію військових і цивільних осіб до радянських Росії й України. В цих умовах Українське посольство подало прем'єр-міністру Болгарії ноту і меморандум, а Міністерству закордонних справ – 4 заяви, в одній з яких заперечувався будь-який зв'язок Уряду УНР із врангелівськими організаціями⁷⁶.

Українсько-російські відносини на початку еміграції були напруженими. На думку В. Драгомирецького, висловлену ним наприкінці 1921 р., як командування російського військового контингенту, так і верхівка донського козацтва, крім Донського демократичної групи, зневажливо ставилися до українських біженців, називаючи їх «мазепинцями». Вони поділяли українців на тих, хто «з ними і під ними», та тих, хто захоплений сепаратизмом. Перших вважали своїми і допомагали нарівні з росіянами, других «відштовхували» від себе, змушуючи голодувати. Представників УНР визнавали лише тоді, коли це було їм потрібно, за інших обставин називали самозванцями і за першої нагоди дискредитували. Особливо яскраво це виявилось у справі допомоги біженцям із боку Російського товариства Червоного Хреста (РТЧХ). Українцям першої категорії її надавали, «сепаратистам» з українськими паспортами, виданими у посольствах УНР у Константинополі та Софії, – ні, відмовляючи в їжі та притулку⁷⁷. Дійшло до того, що на вході до приміщення організації було вивішене оголошення, засвідчене печаткою РТЧХ: «Представительство Российского Общества Красного Креста в Болгарии оказывает помощь только тем из беженцев, которые предъявляют русские документы, удостоверенные Российской Дипломатической Миссией в Софии». Співробітники РТЧХ стверджували, що допомога буде надана за умови обміну українського паспорта на російський. Із цієї причини у допомозі відмовили багатьом українським біженцям, зокрема доньці відомого українського громадського діяча в Криму В. Леонтовича, повстанцям й офіцерам з армії П. Врангеля Н. Палагуті, М. Пухальському, Ю. Бережному, В. Живодару, Балакіну, Печеному, Нуджевському, Морозу, Свірку та іншим⁷⁸.

Про це йдеться також у доповідях В. Филоновича Головному отаману військ УНР⁷⁹, К. Мацієвича⁸⁰, Ф. Шульги⁸¹ та співробітників Українського посольства в Болгарії Міністерству закордонних справ УНР. Частина членів РТЧХ була незадоволена таким ставленням до біженців і за підтримки американців й англійців, які фінансували товариство, намагалася знайти порозуміння з Українським посольством. Ще у листопаді 1920 р. американці й англійці запропонували спільне з українською стороною фінансування окремої організації для допомоги українським біженцям. Проте через брак коштів та

відсутність на той момент ініціативних людей, які б не належали до складу посольства, проект не був реалізований⁸².

За повідомленням генерала Г. Янушевського (під псевдонімом – В. В.) на сторінках газети «Українська трибуна», восени 1921 р. з Галіполі до болгарського міста Сістов прибули штаб і 1-й батальйон 1-ї дивізії РА на чолі з генералом Володимиром Вітковським. Більшість офіцерів та солдатів цього підрозділу склали уродженці Катеринославщини, Полтавщини та Харківщини, мобілізовані свого часу до білої армії. За наказом В. Вітковського підлеглим заборонили спілкуватися українською мовою та вести розмови про С. Петлюру⁸³. Таке негативне ставлення до українських емігрантів із боку вищих кіл військової та цивільної російської еміграції, на думку В. Драгомирецького, поступово сприймалося і рядовим складом російських військових. Не поширювалося воно лише серед основної маси цивільних біженців⁸⁴.

Допомогу російським біженцям у Болгарії, як і під час попередніх хвиль еміграції, надавали Верховний комісаріат Ліги Націй з питань біженців і військовополонених при Міжнародному бюро праці та його національний представник у Болгарії єпископ Стефан, Міжнародне, Американське, Болгарське та Російське (с. о.) товариство Червоного Хреста, Комітет допомоги російським емігрантам, Слов'янське товариство в Болгарії, Російсько-болгарський благодійний комітет, Всеросійський земський союз, Всеросійський союз міст та інші громадські організації⁸⁵, а для репатріантів – Спілка повернення на Батьківщину та радянські Російське й Українське товариства Червоного Хреста⁸⁶.

Менш потужними були державні та громадські інституції, які надавали допомогу українським біженцям. У зв'язку з тим, що Уряд УНР перебував поза межами Батьківщини і тому не мав достатніх коштів не лише на допомогу біженцям, але й на утримання державного апарату та дипломатичних представництв, кошти виділялися насамперед на акції, які були спрямовані на збільшення та зміцнення війська УНР. Уряд сподівався невдовзі повернутися в Україну. Тому після з'ясування військового потенціалу української еміграції на Балканах взагалі й у Болгарії зокрема та виявлення здібних до організаційної роботи військових кошти були виділені.

Уперше ідею відкриття у Софії філії Українського товариства Червоного Хреста, ідальні та гуртожитку висловив колишній співробітник Українського посольства Ф. Шульга у листі до міністра закордонних справ УНР А. Ніковського у січні 1921 р.⁸⁷ Невдовзі з ініціативи колишнього командира Окремого Сумського куреня 4-го полку січових стрільців Армії УНР полковника В. Филоновича були створені спочатку «Українська громада», а потім товариство «Січ», культурно-освітній гурток⁸⁸ та притулок під назвою «Українська хата»⁸⁹. Мешканцям притулку (бідним і хворим) надавалися безкоштовні обіди, ліки, білизна, одяг, взуття, а іноді й гроші. В «Українській хаті» розмішувалися громадські організації та 3 майстерні⁹⁰.

Оскільки біженці перебували у скрутному матеріальному становищі, то грошова допомога надходила від дипломатичних представництв у Болгарії та Румунії, УТЧХ та організації благодійних вечорів, концертів, вистав тощо. Так, у 1921 р. НДМ УНР у Румунії перерахувала тимчасовому комітету УТЧХ у Болгарії на потреби біженців 2,5 тис. лейв⁹¹. У жовтні того самого року в болгарській столиці відбулися благодійний концерт та опера П'єтро Масканьї «Сільська честь» за участі артистів Народного театру. Кошти від їх проведення пішли на потреби українських біженців⁹².

У серпні 1921 р. В. Филонович прибув до Тарнова, де зустрівся з С. Петлюрою. Були визначені основні завдання діяльності полковника у Болгарії: розклад врангелівської армії, виокремлення з неї українського елемента, повернення української еміграції до державної концепції УНР та нейтралізація серед неї шкідливих для державної справи федеративних течій⁹³. У зв'язку з підготовкою Армії УНР до Другого зимового походу В. Филоновичу були дані директиви організувати транспортування емігрантів із Болгарії до Румунії у розпорядження Андрія Гулого-Гуленка та підготовку військових кадрів із повстанців та членів товариства «Січ» у Болгарії⁹⁴. Безпосередньо у Тарнові він отримав доручення: взяти участь у Зимовому поході в Україну наприкінці 1921 р., проте через оприлюднення у пресі директором департаменту пропаганди Міністерства преси та пропаганди УНР Є. Іваненком певної інформації цього не відбулося, а організовану ним для походу спеціальну групу у Болгарії розформували⁹⁵.

У січні 1922 р. В. Филонович повернувся до Болгарії як інструктор з кооперації. Згідно з Положенням про інструкторів українських робітничо-кооперативних організацій поза кордоном головним їхнім завданням було згуртування у Болгарії, Румунії, Туреччині, Чехословаччині та Югославії розпорощених українських емігрантів, які підтримують політичну платформу Державного центру УНР (ДЦ УНР). Насправді йшлося про реєстрацію всіх емігрантів, придатних до війська, об'єднання їх під виглядом робітничих кооперативів у єдину потужну організацію з військовим порядком і дисципліною та підпорядкування її ДЦ УНР. Серед членів робітничих кооперативів передбачалося здійснення національно-освітніх заходів, інформування про суть української державної справи, попередження про ворожу агітацію та провокації. Інструктори підпорядковувалися військовому міністру через начальника Генерального штабу Армії УНР, в окремих країнах – безпосередньо військовому агенту. Тобто В. Филонович підпорядковувався військовому агенту у Константинополі Володимирі Кедровському⁹⁶.

В. Филонович розгорнув широку діяльність у цій галузі. Упродовж 1921–1922 рр. кількість членів Української громади у Софії та регіонах збільшилася з 30 до майже 1500 осіб. До громади долучилися і новоприбулі наприкінці 1922 р. з Єгипту члени Українського гуртка та Товариства імені гетьмана Івана Мазепи. Була створена низка громадських організацій і гуртків українських емігрантів⁹⁷. З метою узгодження своєї діяльності їх керівники увійшли до складу Об'єднаної ради українських організацій у Софії. Крім громадських організацій, емігрантами опікувався також і Комітет допомоги українським біженцям у Болгарії (іноді його називали Українським громадським комітетом – В. В.) на чолі з В. Драгомирецьким. Він був створений за наполяганням та за підтримки К. Мацієвича. Кошти для своєї діяльності комітет отримував переважно від організації благодійних акцій, концертів, вистав, вечірок тощо. Комітет діяв до 1924 р.

Отже, третя хвиля еміграції з Криму до Туреччини виявилася наймасовішою. Далі міграції відбувалися з Туреччини до балканських країн, у тому числі й Болгарії. Здійснювалося це внаслідок тиску країн Антанти, позиції уряду О. Стамболійського та політичного впливу численних російських емігрантів, які оселилися в Болгарії. До Болгарії прибуло декілька десятків тисяч уродженців та колишніх жителів України, а також кубанських козаків, частина з яких ототожнювала себе з Україною. Усі вони належали до різних соціальних груп і відрізнялися рівнем національної свідомості. Згодом частина з них реемігрувала до інших країн або повернулася на Батьківщину. Ті, хто залишився й усвідомив себе українцем, склали основу міжвоєнної української політичної еміграції в Болгарії.

¹ Троцинський В.П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. – К.: Інтел, 1994. – С. 14.

² Троцинський В.П. Міжвоєнна українська еміграція... – 259 с.; Політична історія України. XX століття: У 6 т. / Редкол.: І.Ф. Курас (голова) та ін. – Т. 5: Українці за межами УРСР (1918–1940) / Керівник тому В.П. Троцинський. – К., 2003. – 720 с.; Піскун В. Політичний вибір української еміграції (20-ті роки XX століття). – К.: МП «Леся», 2006. – 672 с.

³ Павленко В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. – К., 1995. – 224 с.

⁴ Срібняк І.В. Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). – К., 2000. – 280 с.

⁵ Власенко В. Перша хвиля міжвоєнної української політичної еміграції до Болгарії // Българска украинистика: алманах / Софійски университет «Св. Климент Охридски». – София, 2013. – Бр. 3. – С. 172–184; Власенко В. Друга хвиля міжвоєнної української політичної еміграції у Південно-Східній Європі // Сумська старовина. – 2013. – № 40. – С. 22–35.

⁶ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1997. – 181 с.; Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1999. – 244 с.; Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция, София, 23 и 24 септември 1999 г. / Институт по история БАН. – София: ИК Гуттенберг, 2001. – 455 с.; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. – 488 с.; Косик В.И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007. – 236 с.; Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / Пер. с болг., науч. ред. Е.В. Михайлова. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. – 312 с.

⁷ *Мангачев П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни (1918–1944 г.). – София: Колбис, 2011. – 321 с.

⁸ Більш детально про евакуацію з Криму див.: *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М.: Русский путь, 2002. – С. 6–20; *Авдеев В.А.* Изгнание и возвращение. Из истории эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. из Крыма и возвращения части ее на родину / В.А. Авдеев, В.Г. Краснов // Русский исход. – СПб.: Алетей, 2004. – С. 245–261; *Гутан Н.Р.* Записка о состоянии Русской эскадры // Русская колония в Тунисе. 1920–2000: Сборник / Сост. К. В. Махров. – М.: Русский путь, 2008. – С. 71.

⁹ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО), ф. 3696, оп. 2, спр. 448, арк. 7.

¹⁰ *Коваль Р.М.* Багряні жнінага Української революції. – К.: Укр. письменник, 2005. – С. 251–252.

¹¹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО), ф. 269, оп. 2, спр. 263, арк. 62.

¹² ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 360, арк. 32–32зв.

¹³ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 66.

¹⁴ *Даватц В.Х.* Русская армия на чужбине / В.Х. Даватц, Н.Н. Львов. – Белград, 1923. – С. 7.

¹⁵ *Врангель П.Н.* Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля: в 2 ч. – М.: Терра, 1992. – Ч. 2: Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): последняя пядь родной земли. – С. 413; *Спасов Л.* Съюзът за завръщане на родината (1922–1923 г.) // Исторически преглед. – 1983. – Кн. 11. – С. 87; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. – С. 64–65.

¹⁶ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 36, арк. 144–144зв.

¹⁷ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 68.

¹⁸ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. – С. 73.

¹⁹ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 109, арк. 30.

²⁰ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 41–42.

²¹ Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. 1: ноябрь 1917 – ноябрь 1944. – М.: Наука, 1976. – С. 154–155; ЦДАГО, ф. 1, оп. 20, спр. 1035, арк. 20.

²² *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 45–48.

²³ Зауважимо, що Цветана Кюсева виділяє і четверту хвилю російської еміграції, датуючи її 1922 р. Див.: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 19.

²⁴ *Николов Ц.* Дейността на БКП в защита на Съветска Русия (1917–1922). – София: Изд-во БКП, 1960. – С. 163; *Чернявски Г. Й.* Борбата на БКП против врангелисткия заговор / Г. Й. Чернявски, Д. Даскалов. – София: Изд-во на БКП, 1964. – С. 37; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. – С. 99–102.

²⁵ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 153, арк. 2.

²⁶ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 50.

²⁷ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. – С. 22.

²⁸ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 50.

²⁹ *Спасов Л.* Съюзът за завръщане на родината (1922–1923 г.). – С. 87.

³⁰ Підраховано за: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 40–49.

³¹ *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. – СПб.: Алетей, 2004. – С. 182–183.

³² *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 53–56.

³³ *Чернявський Г. Й.* Крах змови російських білогвардійців у Болгарії // Український історичний журнал. – 1975. – № 6. – С. 87 (майже 12 тис. осіб); *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М.: Русский путь, 2002. – С. 129 (більше 11 тис. осіб, серед них – 10% козакиів, солдатів та офіцерів).

³⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. – Т. 1: Так начиналось изгнание: 1920–1922 гг. – Кн. 2: На чужбине. – М.: Изд-во «Гея», 1998. – С. 227.

³⁵ Там само. – С. 603.

³⁶ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. – С. 24.

³⁷ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 153, арк. 2.

³⁸ Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. – К.: Парламентське вид-во, 2008. – С. 354.

³⁹ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1986. – С. 25.

⁴⁰ *Чернявски Г. Й.* Борбата на БКП против врангелисткия заговор. – С. 37; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. – С. 59; *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. – С. 189; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 19.

⁴¹ *Васильева Н.* Особенности советско-болгарских политико-военных отношений в 20-е годы / Н. Васильева, С. Лавренов // Българо-съветски политически и военни отношения (1917–1941): статии и документи. – София: Изд-во «Св. Георги Победоносец», 1998. – С. 46.

⁴² *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 56.

⁴³ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 69; спр. 360, арк. 10, 17.

⁴⁴ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 55зв–56.

⁴⁵ Українська еміграція в Болгарії // Трибуна України. – Варшава, 1923. – Ч. 2–3. – С. 114; ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 261, арк. 87.

⁴⁶ ГАРФ, ф. Р-7440, оп. 1, д. 30, л. 18. При цьому автор стверджує, що більшість військових «тримається врангелівської організації тільки тому, що остання це більш-менш забезпечує їх грішми».

⁴⁷ Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. – С. 355.

⁴⁸ ЦДАВО, ф. 1075, оп. 2, спр. 476, арк. 234зв; ф. 1078, оп. 2, спр. 210, арк. 4зв; *Срібняк І.* Початки української військової еміграції на Балканах (1921–1923 рр.) // Військово-історичний альманах. – К., 2006. – № 2. – С. 48.

⁴⁹ ЦДАГО, ф. 1, оп. 20, спр. 1311, арк. 29; *Павленко В.* Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. – С. 167.

⁵⁰ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 153, арк. 2.

⁵¹ Україна кризь віки: в 15 т. – Т. 15: Українці в світі / В.П. Трошинський, А.А. Шевченко. – К.: Альтернативи, 1999. – С. 180.

⁵² ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 107.

⁵³ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 212.

⁵⁴ Централен държавен архив на Република България (далі – ЦДАБ), ф. 1717К, оп. 1, а. е. 415, л. 1–2; *Мангачев П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни (1918–1944 г.). – С. 34.

⁵⁵ Українська еміграція в Болгарії. – С. 114–115.

⁵⁶ Див.: *Тинченко Я.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921): біогр. довідник. – Кн. 1. – К.: Темпора, 2007. – 536 с.; Кн. 2. – К.: Темпора, 2011. – С. 60, 63.

⁵⁷ ЦДАВО, ф. 4, оп. 1, спр. 567, арк. 3зв.

⁵⁸ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 56.

⁵⁹ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 212.

⁶⁰ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 103зв–104, 108.

⁶¹ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 212.

⁶² ЦДАВО, ф. 1075, оп. 2, спр. 203, арк. 39.

⁶³ ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 324, л. 16–17. Всього ж у Туреччині на той час було близько 30 тис. українців. Див.: *Дашкевич Я.* Українська присутність в Туреччині: традиції та сучасність // Друга міжнар. наук.-практ. конф. «Діаспора як чинник утвердження держави Україна у міжнародній спільноті. Українська діаспора у світовій цивілізації» (у рамках Конгресу української діаспори): Зб. доповідей. 18–20 червня 2008 р., м. Львів. – Львів, 2008. – С. 114.

⁶⁴ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 68.

⁶⁵ ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 397, л. 1–1об.

⁶⁶ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 28, арк. 46.

⁶⁷ Там само, ф. 4, оп. 1, спр. 567, арк. 3зв.

⁶⁸ Прем'єр-міністр О. Стамболійський одночасно був і міністром закордонних справ.

⁶⁹ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 113–113зв.

⁷⁰ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 278, арк. 169; спр. 404, арк. 187. Більш детально про зустріч О. Стамболійського з головою НДМ УНР у Варшаві Леонідом Михайловичем 31 грудня 1920 р. див.: ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 354, арк. 2–4.

⁷¹ Більш детально про перебування К. Мацієвича в Болгарії див.: *Власенко В.М.* Візит Костя Мацієвича до Болгарії навесні 1921 р. // Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи: збірник матеріалів III Всеукр. науково-практ. конф., м. Суми, 17 квітня 2015 р.: у 2-х ч. – Суми: Вид-во СумДУ, 2015. – Ч. 1. – С. 3–7.

⁷² ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 56, 66.

⁷³ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 101зв.

⁷⁴ Більш докладно про це див.: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 57–83.

⁷⁵ ЦДАВО, ф. 1075, оп. 2, спр. 827, арк. 333зв.

⁷⁶ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 82, арк. 43.

⁷⁷ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 103.

⁷⁸ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 360, арк. 20зв–21.

⁷⁹ ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 373, л. 1; а. е. 378, л. 2; *Власенко В.* До громадсько-політичної діяльності Василя Филоновича у Болгарії у 1921–1922 рр. // Київська старовина. – 2010. – № 6. – С. 102.

⁸⁰ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 54.

⁸¹ Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 32, арк. 144зв.

⁸² Там само, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 67; спр. 360, арк. 20зв–21.

⁸³ *Реянський Г.* В Болгарії // Українська трибуна. – Варшава, 1922. – Ч. 13. – С. 2.

⁸⁴ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 103–103зв; С. Л. Врангелівці на Балканах // Українська трибуна. – Варшава, 1922. – Ч. 23. – С. 2–3.

⁸⁵ Детально про це див.: *Даскалов Д.* Бялага емиграция в България. – С. 24–33; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. – С. 51–55.

⁸⁶ Більш детально про це див.: *Панайотов П.* Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 г.) // Исторически преглед. – 1963. – Кн. 5. – С. 34–61; Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. – Т. 1: ноябрь 1917 – ноябрь 1944. – М.: Наука, 1976. – С. 132–133, 169–170; *Спасов Л.* Съюзът за завръщане на родината (1922–1923 г.). – С. 87–99.

⁸⁷ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 32, арк. 144зв–145.

⁸⁸ ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 373, л. 1–2зв; *Власенко В.* До громадсько-політичної діяльності Василя Филоновича у Болгарії у 1921–1922 рр. – С. 102–105.

⁸⁹ ЦДАГО, ф. 1, оп. 20, спр. 1311, арк. 29; ф. 269, оп. 2, спр. 277, арк. 97–97зв.

⁹⁰ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 107 зв, 154зв; Українська еміграція в Болгарії. – С. 115.

⁹¹ ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 259, арк. 151–152.

⁹² *Павленко В.* Дипломатична місія Української Народної Республіки (1918–1920 рр.) // Український історичний журнал. – 1992. – № 12. – С. 28.

⁹³ Симон Петлюра та його родина. До 70-річчя його трагічної загибелі: Документи і матеріали. – К.: Рада, 1996. – С. 71.

⁹⁴ *Петлюра С.* Статті. Листи. Документи. – Нью-Йорк: [б. в.], 1979. – Т. 2. – С. 503.

⁹⁵ ЦДАВО, ф. 5235, оп. 1, спр. 1518, арк. 52зв; *Власенко В.М.* «Не може бути українцем той, хто не самостійник» (тема малої батьківщини в листуванні В. Филоновича із земляками) // Сумський історико-архівний журнал. – Суми, 2012. – № XVI–XVII. – С. 41.

⁹⁶ ЦДАВО, ф. 1075, оп. 2, спр. 827, арк. 109; ф. 3696, оп. 2, спр. 500, арк. 168–169.

⁹⁷ Українська еміграція в Болгарії. – С. 114.

ІНТЕРНОВАНІ ВОЯКИ УГА В ТАБОРІ ЙОЗЕФОВ (ЧЕХОСЛОВАЧЧИНА) У 1921–1922 РР.: УМОВИ ПЕРЕБУВАННЯ ТА САНІТАРНИЙ СТАН

І. В. Срібняк

Срібняк І. В. Інтерновані вояки УГА в таборі Йозефов (Чехословаччина) у 1921–1922 рр.: умови перебування та санітарний стан. У статті розкрито особливості перебування інтернованого вояцтва УГА в таборі Йозефов, їх настрої, деякі аспекти приватного життя таборян, стан здоров'я, побут тощо. Використані документи дають змогу зануритись в атмосферу табору та досить повно відтворити «затемнені» сторінки таборового повсякдення. Проаналізовано ставлення чехословацької влади до інтернованого вояцтва УГА, яка з одного боку залишалась вірною своїм зобов'язанням з його утримання, а з іншого намагалась ліквідувати табір в Йозефові, а його мешканців перевести на цивільний стан.

Ключові слова: табір інтернованих; комендатура; старшини УГА, Чехословаччина.

Срібняк И. В. Интернированные воины УГА в лагере Йозефов (Чехословакия) в 1921–1922 гг.: условия пребывания и санитарное состояние. В статье раскрыты особенности пребывания интернированных офицеров и солдат УГА в лагере Йозефов, их настроения, некоторые аспекты частной жизни, состояние их здоровья, быт и др. Исползованные документы дают возможность углубиться в атмосферу лагеря и достаточно полно реконструировать «затемненные» страницы лагерной повседневности. Проанализировано отношение чехословацкой власти к интернированным воинам УГА, которая с одной стороны оставалась верна своим обязательствам по их содержанию, а с другой предпринимала попытки ликвидировать лагерь в Йозефове, а его обитателей перевести на цивильное положение.

Ключевые слова: лагерь интернированных; комендатура; офицеры УГА; Чехословакия.

Sribnyak I. V. UGA Interned Soldiers in the Josefov Camp (Czechoslovakia) in 1921–1922: Conditions of Stay and Sanitary. The article reveals peculiarities of stay of interned officers and soldiers in the camp Josefov UGA, their moods, some aspects of private life, their health, life and others. The historical documents make it possible to delve into the atmosphere of the camp and adequately reconstruct the «blackout» of the page of the camp daily. An analysis is made of the attitude to the Czechoslovak authorities to the interned soldiers UGA, which, of on one hand, remained true to its commitments on their content, but on the other hand, attempted to liquidate the camp in Josefov and to transfer its inhabitants to the position of civilian people.

Keywords: internment camp; the commandant's office; UGA officers; Czechoslovakia.

Початок науковому опрацюванню даної теми поклала публікація у 1942 р. книги С. Наріжного «Українська еміграція», без якої сьогодні не може обійтися жоден дослідник табірної тематики й споріднених з нею проблем¹. Автор проаналізував різні аспекти культурно-просвітницької діяльності українського вояцтва, інтернованого у таборах Польщі та Чехословаччини, водночас він не ставив собі за мету здійснення докладного аналізу таборового повсякдення інтернованих вояків-українців у ЧСР. Публікація видавництвом ім. О. Теліги другої частини монографії С. Наріжного суттєво доповнила наші уявлення про окремі прояви життєдіяльності таборян у ЧСР, але внаслідок того, що автор не закінчив роботи над рукописом цієї книги, майже всі її матеріали мають фрагментарний характер і не дають цілісного бачення досліджуваної проблеми².

Значно активізувалась робота з вивчення таборового життя вояків-українців у кінці 90-х рр. ХХ ст. Так, зокрема, історик М.І. Павленко впродовж 1998–1999 рр. опублікував близько 20 статей, в яких проаналізував окремі аспекти перебування полонених та інтернованих українців у таборах Польщі, Чехословаччини і Румунії у 1919–1924 рр. Практичні всі ці матеріали увійшли до виданої ним у 1999 р. монографії³, яка стала підсумком його дослідницької роботи за два згадувані роки, а роком пізніше її текст був представлений автором у вигляді дисертації доктора історичних наук.

Основний напрям його дослідження полягав, зокрема, у відтворенні ставлення урядів вказаних у назві країн, а також Москви до проблеми полонених та інтернованих вояків-українців, у висвітленні перебігу політичної боротьби у середовищі українського вояцтва

та розкладової діяльності у таборах більшовицьких агентів, у дослідженні процесу репатріації інтернованих до радянської Росії. Але попри цілий розділ монографії, присвячений ситуації в таборах УГА в ЧСР, М. Павленко майже нічого не повідомляє про таборове повсякдення інтернованих в Йозефові, відсутні також і сюжети про побутові умови їх проживання у цьому таборі.

До вивчення даної тематики у цей час звертався й автор даної публікації, який у низці статей та монографії зосередився на вивченні особливостей культурно-освітньої роботи в таборах УГА в ЧСР, у т.ч. й в Йозефові⁴, тобто умови таборового існування українського вояцтва в згадуваному таборі не були висвітлені жодним зі згаданих дослідників. Такий стан справ був визначальною мірою обумовлений тим, що ані М. Павленко, ані І. Срібняк не мали можливості скористатись дотичними до цієї теми матеріалами, які зберігались у фонді 269 Центрального державного архіву громадських об'єднань України (ЦДАГО України). З моменту їх отримання архівом у 1988 р. і до 2008 р. вони були закриті для переважної більшості дослідників його директором В. С. Лозицьким, який щоправда мав на той час всі підстави для цього через їх розпорошеність та відсутність описів (за таких умов архівні справи не видаються дослідникам).

Робота з їх упорядкування тривала неадекватно довго – цілих два десятиліття, попри те, що згадуваний архів диспонував достатніми науковими силами (у цьому контексті доречно згадати про досвідченого архівіста А.В. Кентія) та значними ресурсами для їх упорядкування (про це свідчить виготовлення якісної резервної копії фонду 269). Зрештою, причиною такої пролонгації було те, що за ініціативою директора в архіві тривали підготовчі заходи до видання збірки документів⁵, відтак доступ до ф. 269 довгі роки мали лише «наближені особи» до керівника групи упорядників (він же – директор архіву). І тільки вихід у світ «доленосної» збірки і задоволення в такий спосіб науково-архівних амбіцій добродія В. Лозицького дозволив решті дослідників доступитися потрібних архівних документів та поновити наукові студії з табірної проблематики. Слід також додати, що у згадуваній збірці документів представлені лише чотири короткі документи (№№ 45, 64, 69, 88), які стосуються таборової проблематики, але ж, очевидно, що не дають цілісного уявлення про життя та побут інтернованих в Йозефові (з них лише перший датований липнем 1922 р., решта – пізнішими роками)⁶.

Щоправда, сучасні дослідники таборової тематики у своїй переважній більшості не поспішають скористатись своїм шансом та не виявляють зацікавлення до вивчення цих архівних документів, воліючи публікувати значною мірою описові матеріали. Це твердження, зокрема, стосується двох статей, які хоч і були присвячені культурно-освітньому та національно-патріотичному аспектам таборового повсякдення вояків УГА, тим не менш містять лише поодинокі посилання на архівні матеріали ЦДАВО України і можуть претендувати (як за своїм обсягом, так і рівнем опрацювання даної тематики) тільки на статус нотаток до даної дослідницької проблеми⁷.

Пропонована стаття майже цілком сперта на матеріалах двох архівних справ згадуваного фонду, в яких зібрана значна кількість рапортів та повідомлень української команди табору Йозефов, адресованих військовому відпоручнику Диктатора ЗУНР Є. Петрушевича або його військової канцелярії. Вони дозволяють досить повно відтворити дійсне становище табор'ян, їх настрої, деякі аспекти приватного життя інтернованих, стан їх здоров'я, особливості побуту тощо. Більше того, ці документи дають змогу зануритись в атмосферу табору та досить повно відтворити «затемнені» сторінки таборового повсякдення, деякі з яких ніколи не афішувались ані командою табору, ані загалом інтернованих.

* * *

Вояки-українці опинились на теренах Чехословацької республіки в різний спосіб – частина з них зі зброєю в руках була змушена відступити до її меж під тиском польської армії у 1919 р., решта прибула (як втікачі або репатріанти) з Італії та інших європейських країн у 1919–1920 рр. Ці дві категорії галичан утримувались спочатку в різних таборах – Німецькому Яблонному та Ліберцях, але у 1921 р. всі вони були скупчені в двох окремих секціях одного табору Йозефов. Умови таборового існування інтернованих вояків УГА суттєво різнились в залежності від пори року, причому особливо у тяжкому становищі табор'яни опинились взимку.

Справа в тім, що інтерновані розміщувались у тимчасових, непристосованих для холодної пори року бараках, при цьому чехословацька влада не вважала за доцільне витрачати кошти на їх утеплення та облаштування. Особливо це стосувалось табору в Йозефові, де українських вояків (а також жінок і дітей) було розміщено в бараках, в яких перед цим перебували полонені червоноармійці. Зрозуміло, що офіційна Прага, усвідомлюючи тимчасовість утримання тут як полонених росіян, так й інтернованих українців, майже не переймалась підтриманням фізичного стану бараків, які фактично вже не надавались для проживання в них людей.

Після прийняття на початку березня 1921 р. чехословацькою владою рішення про ліквідацію табору в Ліберцях вже наступного місяця було розпочато передислокацію інтернованих у ньому вояків УГА до «Українського Військового Табору в Йозефові». Оцінюючи санітарно-побутову ситуацію на новому місці перебування, комендант табору (на той час) майор Роман Волощук у своєму рапорті (ч. 1/к від 6 квітня 1921 р.) до Військового Відпоручника Диктатора ЗУНР у Празі відзначав набагато гіршу якість бараків в Йозефові (у порівнянні з Ліберцями), що унеможливило, на його думку, перебування в них взимку. Дуже незручним було розташування вікон – «високо під стелею, малі, ½ метра високі, 1½ метра широкі, зависоко аби через них дивитись можна». Тривалий час бараки (кількістю – 28) стояли зачиненими, бо тут була «переходова збірна станиця» з перемінним складом, відтак не було потреби їх всі використовувати⁸.

З метою підготовки бараків до розселення інтернованих до Йозефова були надіслані квартир'єри з числа таборян, проте комендант табору полковник Залеський довгий час не допустив їх до роботи. Між тим її було безліч, бо в усіх бараках залишався «великий бруд, ще кількатиїтній, який грубою верствою покриває всі підлоги». Цілков незадовільним було й електричне освітлення (точніше його майже повна неефективність): коли кожен барак під самою стелею освітлювала одна лампа на 10 вольт, зрозуміло, що при такому освітленні не була можливою жодна робота, натомість чехословацька комендатура не погоджувалась на будь-яке переобладнання електрики чи пониження ламп з міркувань економії електроенергії⁹. Незадовільною була й ситуація із забезпеченням водою інтернованих – на території сектору «Б» була лише одна криниця, вода подавалась лише до двох бараків, але й в них водогони відключались на кілька годин після обіду.

Майор Р. Волощук повідомляв, що в таборі величезна кількість щурів, і якщо не вжити заходів, вони можуть стати справжньою бідою для таборян. Ця «незручність» доповнювалась тим, що «всі деревляні причі (лежаки – І. С.), на яких спить стрілецьтво, повні блогиць». Нарешті, в жодному з бараків не було облаштованих туалетів, натомість інтерновані мали користуватись кількома спільними масовими «лятринами» (власне, відкриті ями з примитивними конструкціями для задоволення природних потреб – І. С.). Видається зайвим наголошувати на тому, що така «система» для використання жінками та дітьми цілком не надавалась¹⁰.

Багато хто з інтернованих, дізнавшись в різний спосіб про санітарну ситуацію в Йозефові, відмовлявся від переїзду, так що транспорту до табору йшли на ¼ незаповненими. Їх лякала непристосованість бараків до перебування в них влітку, тоді що ж говорити про проживання в них в зимовий період¹¹. Таборяни мали всі підстави максимально відтягувати день переїзду, бо потрібний матеріал для переобладнання бараків чехословацька комендатура виділяла «дуже скупю», зокрема вона спромоглась надати лише «дошки з розібраних двох бараків в сусіднім більшовицькім таборі, до того поржавілі старі цвяхи зі старих дощок». Наступним «подарунком» комендатури для інтернованих стали кілька щіток для побілки та підмітання підлоги, «3 пили, 2 молотки та дещо старих цвяхів». Всі прохання інтернованих звернутись з клопотанням про отримання хоч мінімальних коштів з бюджету Міністерства народної оборони ЧСР вперто ігнорувались комендантом табору полковником Залеським¹².

Взагалі, чехословацький комендант намагався зекономити на усьому – навіть на воді, дорікаючи таборянам у тому, «що 120 українців зуживає більше води, ніж 2000 полонених Москалів», але перевитрата води пояснювався тим, що таборяни мусіли «мити всі підлоги в цілім таборі, всі вікна та прочу брудну обстановку». Знаючи про великий обсяг робіт, які мали виконати інтерновані старшини УГА, чехословацька комендатура запропонувала використовувати для прибирання полонених червоноармійців з секції «Д», але їх робота була настільки малоефективною, що Р. Волощук майже відразу відмовився від їх «допомоги»¹³.

Внаслідок всього цього бараки переобладнувались дуже повільно, робота тривала лише у двох з них, які призначались для булавних та одружених старшин та підстаршин. Ці бараки були поділені на невеликі кімнатки, а також обладнані зручніші вікна та вставлені двері. Тривалий час ці кімнати не мали ані ліжок, ані жодних інших меблів, які мали бути перевезені з Ліберець, але через неквапливість чехословацької влади надовго там «застрагли». В цій ситуації комендатура табору «пішла на зустріч» першим поселенцям табору і запропонувала їм дерев'яні лежаки з набитими соломною матрацами, якими раніше користувались полонені червоноармійці, але без жодної постільної білизни. Це викликало цілком справедливе обурення та спонукало чехословацьку комендатуру все ж таки видати українським старшинам 120 залізних стрілецьких ліжок без матраців, а на решту меблів та речей чекати з Ліберецького табору, хоч цей процес міг зайняти 2–3 місяці¹⁴.

Всі старшини та підстаршини були змушені власноруч займатись приведенням своїх кімнаток до хоч би мінімального рівня комфорту, наскільки це було можливим у таборових умовах. Вони самотужки відмивали «роками засвижену [...] майже сантиметровою верствою болота покриту підлогу» та були змушені «дерти при тім послідній протертій вже мундир». Більше того, через відсутність коней «мусять члени табору тягнути віз руками, хочачи привезти чи речі з двірця (залізничного вокзалу – І. С.) чи будівельний матеріал з сусіднього табору»¹⁵.

Харчування інтернованих в Йозефові забезпечувалось «далеко гірше» у порівнянні з Ліберецьким табором через відсутність своєї «Зарядчої Комісії» та т.зв. харчового старшини, які були би уповноважені контролювати чехословацьких інтендантів. Так само була відсутній «табелъ харчових належностей», який регламентував би щоденну видачу продуктів для інтернованих. За його відсутності табор'янам видавали «фасолю, горох, риж (рис – *авт.*), м'ясо або м'ясну консерву та кунероль чи маргарину, від якої деякі старшини вже нездорові. [...] Вечером лиш чорна кава». За таких умов було неможливим організувати роботу старшинської їдальні, тому «всі члени табору харчуються з одної спільної кухні»¹⁶.

Хоча табір в Йозефові мав будуватись на тих самих засадах, як перед цим у Ліберцях (інтерновані підлягали власній команді табору, яка мала право застосовувати дисциплінарні покарання та діяти у порозумінні з чехословацькою комендатурою), проте фактично автономні права української військової влади були звужені, зокрема вона не могла контролювати якість та норми видачі продуктів, що призначались для приготування їжі для вояцтва. Полковник Залеський також відмовив у отриманні «релютуму» (видачі грошей замість пайку – *авт.*) для тих старшин УГА, які за станом здоров'я потребували спеціального харчування, заявивши, що «хворі належать до лічниці, а здорові мають їсти сей харч, який їм дасться». Наразі автономія табору, іронізував Р. Волошук, виявляється в тому, що довкола нього висока дротяна огорожа та пости чехословацьких вартових, а вихід інтернованих поза межі табору обмежений чотирма годинами попудні. Таким чином, робить висновок Р. Волошук, «ціла наша «автономія» не багато ріжниться від автономії сусіднього большевицького табору «Д», хиба що у нас вихід поза таборову огорожу пересунений о 2 години пізніше»¹⁷.

Місцеве населення ставилось до інтернованих досить прихильно, особливо після того, як поволі навчилось відрізнити їх від полонених червоноармійців. Чехословацькі солдати досить часто демонстрували знаки воїнської поваги до інтернованих українських старшин, хоча через відсутність у декого з них наукавних ступеневих відзнак ускладнювало справу розрізнення військових звань. Така ситуація була обумовлена тим, що багато старшин на мало коштів для придбання відповідних офіцерських відзнак.

На думку Р. Волошука, на таборовий загал деморалізуюче впливали ті члени табору, які студювали у вищих навчальних закладах Праги, і з'являлись тут лише у вихідні дні. Їх щотижневий масовий виїзд на навчання мав «шкідливий вплив на незорієнтоване про [цю] справу стрілецьтво та стягав на власну команду табору підозрене (підозру – І. С.) якихсь тайних махінацій та непорядності на своїм становиську». З огляду на це український комендант табору просив «застановити їх дальше прибуване до табору, при чім команда табору подаєть своєчасно до відома, коли можна буде їх приїзд в цілі поновного прийняття в стан»¹⁸.

На переконання Р. Волошука, виправити ситуацію в таборі могло би надходження коштів з рахунків Міністерства народної оборони ЧСР для «адаптації» бараків, створення власної «Зарядчої Комісії» та виплати «релютів», що дозволило би закупати «якийсь зно-

симий відповідний харч, без маргарини та консервованого м'яса», і нарешті організувати максимальне швидке перевезення з Ліберців «кімнатного та канцелярійного урядження», бо інтерновані в таборі через це не мають навіть мінімальних зручностей та можливості вести поточну роботу в таборі.

Він також пропонував зобов'язати коменданта табору в Ліберцях майора Мацейовича провести скорішу його ліквідацію та передати все державне майно до військових складів. Натомість все устаткування, яке було придбане на українські гроші (друкарські машинки, копіювальні машини, ремісничі прилади, запаси взуття та одностроїв), мало бути негайно перевезене до Йозефова. І зовсім нереалістично звучали дві останні пропозиції українського коменданта щодо того, аби «вистаратись у Чехів певної кількості одностроїв, в заміну за ті, які знищилися і ще знищать», та знайти кошти для закупівлі відповідної кількості матеріалу для виготовлення старшинських та підстаршинських відзнак¹⁹. Українське командування інтернованих вживало всіх можливих заходів, намагаючись переконати чехословацького коменданта піти на зустріч проханням таборян, але полковник Залеський не погоджувався на будь-яку «найменшу зміну чи полекшу, на яку не мав ще виразної інструкції чи приказу від вищих властей».

Завершував свій рапорт комендант повідомленням про зменшення обсягу щоденного грошового утримання інтернованих, яке настало 5 квітня 1921 р. (на підставі розпорядження Міністерства народної оборони ЧСР від 4 жовтня 1920 р.). Згідно до нього всім працюючим таборянам відтоді встановлювалась денна оплата за роботу в розмірі 2,50 Кč (крон чехословацьких) – замість 3 Кč, як було раніше). Крім цього всі інтерновані (у т.ч. жінки та діти) отримували ще 0,5 Кč денно та 3,5 Кč одноразової допомоги. Таке рішення чехословацької влади «викликало оправдане велике негодоване серед членів табору»²⁰, бо змушувало таборян додатково обмежити свої потреби, які й без цього задовольнялись на мінімальному рівні.

Проте побутова ситуація в таборі поволі поліпшувалась, і попри тривожні рапорти українського командування інтерновані облаштовувались на новому місці, хоч і з мінімальними зручностями. Найголовнішою обставиною, яка сприяла цьому, була тепла пора року, погода поліпшувалась, харчове забезпечення таборян було достатнім, попри нарікання окремих старшин на його «недистичність». Про це свідчить і рапорт коменданта «Українського військового табору в Йозефові» полковника А. Вольфа команді Української Бригади в Німецькому Яблонному від 10 травня 1921 р., в якому він, характеризуючи побутові обставини в таборі, занотував: «дуже далекі від добрих, одначе з кожним днем можливіші». Комендант відзначив, що забезпечення пайком інтернованих відбувається на рівні з чехословацькими солдатами, грошове забезпечення не виплачується, видаються тільки харчі, нарешті – кожному старшині денно видавалось 3,5 цигарки. І хоча раціон і харчування інтернованих старшин не відрізняється від стрілецького, воно забезпечувало прийнятні умови існування у таборі²¹.

Також у своєму рапорті А. Вольф спростовує поголоски про поширення дезертирства в таборі, зазначаючи, що з моменту переїзду інтернованих з Ліберців табір в Йозефові самовільно залишило 12 старшин, 6 підстаршин і 4 стрільці. З них 9 старшин виїхали на студії до Праги, де вони перебували й перед цим – за неофіційною згодою команди ліберецького табору. Взагалі, на думку А. Вольфа, на цю категорію вояків не слід зважати, бо це фактично цивільні особи, які були приміщені до табору з метою отримання допомоги та харчового забезпечення. Ще один старшина отримав призначення на цивільну посаду, і лише один старшина (з Наддніпрянщини), який знаходився під судовим слідством, втік у невідомому напрямку. Отже, робив висновок полковник А. Вольф, випадки дезертирства є поодинокими і не являля жодної загрози українській військовій організації в таборі²².

Хоча насправді кількість старшин, які залишили табір у Ліберцях під час його ліквідації з метою завершення розпочатих студій, була значно більшою. З харчового забезпечення у згаданому таборі було знято 108 старшин, з яких 58 були приписані до робітничого куреня УГА в Празі, 20 – до другого полку в Німецькому Яблонному, а ще 30 старшин залишилися без жодного забезпечення. Між тим, це було лише тимчасовим вирішенням цієї проблеми, бо навіть приписані старшини мали бути відряджені до Йозефова, де могли регулярно отримувати свій щоденний пайок²³.

Водночас у згаданому рапорті йдеться про низький моральний стан у частини старшин, які поведуться збайдужіло та цілком інертно, не витримуючи всіх життєвих випро-

бувань. Це обумовлювалось все меншими надіями на справедливе державно-правне вирішення долі ЗУНР та «невідрадне матеріальне положення», яке «відбивається вельми некорисно на їх моральнім і фізичнім стані». До того ж, переважна більшість старшин УГА «так лихо вдягнені, що не можуть показуватись на вулицю. [...] Рівнож недостача обуви відчувається сильно». Очевидно, що відсутність одностроїв та неможливість їх придбати негативно впливали на настрої українського старшинства, дехто потерпав через малу норму пайку на паління (3,5 цигарки). Прохання ж старшин дозволити їх купувати 10 «папірос» денно за військовими (тобто некомерційними – І. С.) цінами не було задоволено. Все ж таки, на думку полковника А. Вольфа, переїзд до Йозефова мав позитивні наслідки для старшинського корпусу, бо кілька старшин, які маючи «багато свояків» у околицях Ліберців, «вели там гуляче життя», а зараз позбавлені такої можливості²⁴.

Інтерновані все ще очікували на перевезення ліжок з Ліберців, після чого, на думку полковника А. Вольфа, табір в Йозефові цілком надавався би для побуту влітку, проте взимку – без його перебудови – існувати в ньому буде неможливо. За спостереженнями А. Вольфа, чехословацький комендант табору полковник Залеський прихильно ставиться до українців, але може дріб'язково втручатись до таких справ, які ніяким чином не можуть бути в його компетенції (як то організаційний поділ інтернованих українських військ). Тим не менш, якщо все в таборі залишатиметься без змін на краще, влітку слід рахуватись «навіть з численнішою дезерцією стрілецтва, з поміж якого більшість оставили дома газдівство (господарство – І. С.), що його тепер нема кому вести»²⁵.

Все ж таки прихід теплої пори року не заспокоїв українську команду табору, яка добре усвідомлювало всю потенційну небезпеку перебування вояцтва УГА в непристосованих до морозів бараках. Вже на початку літа 1921 р. перший ад'ютант українського коменданта табору сотник І. Козак звернувся з «довірочним» рапортом (ч. 279 від 19 червня 1921 р.) до Військової канцелярії Диктатора ЗУНР у Відні, інформуючи його про стан готовності табору до зими. У своєму рапорті він висловив думку, що перебути зиму інтернованим в таборі «в Йозефові без основної адаптації, згл[ядно] цілковитої перебудови (підкреслено в тексті – І. С.) на зимівлю без поважного загроження життя і здоров'я в нім приміщених осіб не надається» з огляду на цілу низку несприятливих обставин. По-перше, цілковита непристосованість бараків, які мали занадто тонкі стіни, а «дах до тої степені діравий, що нема ані одного бараку, який би в кількох місцях не протікав, двері і вікна [...] є зовсім примітивні та не пристають, так що всюди є щілини, крізь які продуває вітер»²⁶.

І хоча чехословацькою комендатурою було прийнято розпорядження про проведення ремонту бараків до кінця травня, цього не було зроблено через відсутність матеріалу для ремонту та невилплату коштів майстрам, які це мали поладнати. Зрештою, на ремонт не вистачило би жодних коштів, бо «стан бараків є так лихий, що їх адаптація згл[ядно] приспособлення на зимівлю не оплачується».

По-друге, сотник І. Козак також звертав увагу Військової канцелярії на те, що «із-за перебутих воєнних трудів та невзгодин під час війни на Україні та таборового життя, старшини і стрілецтво табору є виснажені фізично і морально, а тим самим дуже вражливі на студінь (застуду – І. С.) і позбавлені всякої відпоруности на хвороби»²⁷. До того ж у середині червня в таборі поширилась пошесть «куриної сліпоти», яка виявлялась в тому, що людина втрачала здатність бачити з настанням сутінок (у таборі було зареєстровано 8 таких випадків). Причиною цього, на думку місцевого лікаря, було «перетомлення та лихе відживлювання». Ще троє таборян страждали на нервові розлади, що були наслідком «баракової психози, спонуканої моральною непевністю та мелянхолією». Вони проявлялись в такий спосіб, що «особа в певних хвилях тратить зовсім владу над своїми змислами та виглядає і поводитьсь наче божевільним. По якимсь часі приходить назад до себе»²⁸.

Значна частина таборян потерпала «на катар і інші грудні недуги, при яких ліченню в першу чергу потрібна добра віджива і відповідне приміщення». Сотник І. Козак попереджав, що у тому випадку, коли би утеплення бараків не було проведене, належить «належить числитись з тим, що всі грудні недуги переміняються в туберкулу». При цьому у рапорті він згадував про сумну долю близько 17 тис. полонених росіян в часі Першої світової війни, які «зараз похоронені на тут[ешньому] кладовищі»²⁹.

З великим сарказмом він також повідомляв про те, що чехословацька комендатура табору спостерігала «з великою дбайливістю» за тим, «щоби пайки, призначені для українських інтернованих, ані на волос не були переступлені». Норма вугілля для опалювання

бараків була настільки мала (388 грам вугілля на чоловіка денно та 50% додатково для бараків), що її вистачило хіба що на обігрів «мурованої хаги». Докупувати вугілля неможливе через повну відсутність коштів, «а іншого матеріалу, якого би потайки мож[на] було на сю ціль ужити, тут нема також, впрочім хоч би й був, то чсл. команда пильнувала б його як ока в голові»³⁰.

З огляду на такий стан табору в рапорті йшлося про доцільність переміщення табору в інше місце, до військових казарм (приміром до Липника на Моравії, де за австрійських часів був карантин для хворих), причому таке переміщення мало відбутись влітку, бо «восени серед дощу і студени» транспортувати чоловіків, а також жінок і дітей є досить виснажливим для їх здоров'я, а крім того – кожен табір «потребує певного приготування на зимівлю, якого чеська влада зовсім певно без співучасті майбутніх мешканців табору не переведе»³¹.

Проте всі звернення командування інтернованих про переведення таборян до забезпечених утепленими приміщеннями таборів не були почуті чехословацькою владою. Більше того, до Йозефова у липні 1921 р. прибула група колишніх полонених українців з Італії (з табору Лібрінг), яка чехословацькою владою «уважалась військовою частиною нарівні з українськими частинами, перейшовшими границю чсл. (Чехословацької – І. С.) Республіки з оружжям в руках»³². А в середині серпня 1921 р. чехословацька влада ухвалила рішення про поступове переведення сюди Української Бригади з Німецького Яблонного³³.

Відтак інтернованим довелось організувати свій побут в Йозефові на довший період, а найголовнішим завданням у цей час стало встановлення військової організації, притаманій частинам УГА. Вже в травні 1921 р. у таборі був сформований старшинський курінь (командант – майор Омелян Лисняк, ад'ютант – поручик Володимир Федак) у складі двох старшинських сотень (командант 1-ої сотні – сотник Фердинанд Балицький, 2-ої – сотник Остап Кравець), стрілецька сотня (поручик д-р Михайло Гринів), відділ жандармерії (поручик Юрій Ковалюк). До складу 1-ої сотні увійшли старшини з групи генерала Кравца, до 2-ої – з інших підрозділів Армії УГА, які у 1919 р. відступили на територію ЧСР (цей поділ на вимогу чехословацької влади було запроваджено ще в Ліберцях).

Також було утворено українську команду табору на чолі з полковником Арнольдом Вольфом, який став «безпосереднім зверхником всіх українців тільки під організаційним оглядом і підлягав як такий прямо чсл. (чехословацькій – І. С.) команді збірного табору». Йому допомагали ад'ютанти (перший – сотник Іван Козак, другий – поручик Василь Кузьмин), а також хорунжий Іван Шебуньчак (помічник ад'ютанта), поручик Ярема Хоміцький («харчовий» старшина), хорунжий Михайло Романишин («складовий» старшина), вахмістр 2-го класу Евбезій Аріччук («булавний справник») (діловод – І. С.). Команда щоденно призначала чергового старшину та підстаршину в таборі для виконання інспекційних функцій, вартових (один підстаршина та шість стрільців) на вході до табору на цілодобове чергування, а також у таборовій «лічниці» (лікарні – І. С.). Спочатку вартовим видавалась зброя – гвинтівки з багнетами без набоїв, проте на початку липня від такої практики чехословацька комендатура вирішила відмовитись³⁴.

Надзвичайно важливим завданням, яке з самого початку існування табору вимагало негайного вирішення з боку команди табору, було встановлення та підтримання високого рівня дисципліни серед інтернованих, бо тільки за такої умови можна було сподіватись об'єднати таборян та зберегти військові традиції УГА у досить складних умовах таборового існування. В цій ситуації полковник А. Вольф запропонував утворити в таборі постійну дисциплінарно-слідчу комісію, проект якої було розроблено генералом А. Кравсом. Потребна в ній обумовлювалась тим, що у таборі трапилось кілька випадків, «яких не можна полагодити ані дисциплінарною, ані честирадною дорогою»³⁵. Тому вже 3 березня 1921 р. наказом команданта табору (ч. 2653) була створена Слідча комісія (голова – четар д-р Іван Мельницький, правничий референт – поручик Володимир Яворський)³⁶.

У цей час частина інтернованих старшин УГА справедливо нарікала на складні умови таборового повсякдення, при чому особливо потерпали ті, хто мав родини: нарешті, їх гнітила відсутність чіткої перспективи у подальшому, бо шлях додому для них був закритий. Все це посилювало внутрішнє незадоволення та призводило до чвар, суперечок і конфліктів здебільшого на побутовому ґрунті. На нездорову ситуацію, яка витворилась між деякими старшинами, звернув увагу один з булавних старшин табору – майор Омелян Лисняк, котрий у своєму рапорті (від 5 червня 1921 р.) до команди табору зауважив

збільшення числа «афер між старшинами». Уважне вивчення протоколів досудового розслідування таких конфліктів дозволило йому прийти до висновку, що їх причинами було «нерозуміння точного становища старшини, брак виховання військового, незнання приписів та легковаження наслідків». Це у свою чергу призводило до таких негативних явищ у старшинському середовищі як «лайки, обкидування себе безпідставними закидами, обопільні безпідставні обжалування (скарги – І. С.), які в кінці майже завсігди доводять до такого хаосу, що годі їх розібрати»³⁷.

На думку майора О. Лисняка, «справдішній старшина не повинен ніколи забувати на своє становище у війську у суспільності», попри те, в яких би він обставинах не опинився, і чим складніші вони, тим гідніше має поводитись старшина. Але «деструктивний вплив війни, надплив в старшинський корпус елементів всякої якості, [...] брак наслідків за прогріхи і вини, [...] заборону двоюбою (дуелей – І. С.) відняли старим воєнним постановам цілу силу дисциплінуючу і моральну», призвівши до того, що непослух став ледь не загальним явищем у військовому середовищі, у т.ч. й серед українського старшинства. Все це переконало його у доцільності застосування «радикальніших средств» до порушників дисципліни у випадку відмови від виконання наказів, а саме попередження про «деградацію» (розжалування – І. С.) старшини за «трикратний непослух», і власне «деградацію» до ступеня стрільця у разі чергової відмови виконувати наказ. У виключних випадках вже «раз поповнений злочин повинен вже віддати винного справедливій хотя й строгій карі»³⁸.

Крім того, для оздоровлення внутрішньотаборових відносин майор О. Лисняк пропонував організувати «виклади про добрий тон» і «виклади про поведіння в справах честі» для трьох сторін – «ображеного» старшини, «визваного» (того, що образив – І. С.) і секунданта. Свої міркування О. Лисняк передавав на розгляд «нашим булавним старшинам, судам честі та таборовому суду», і за умови їх схвалення вони мали стати ефективним запобіжником відцентровим процесам у середовищі старшинства УГА. Проте втілити в життя пропозиції О. Лисняка було дуже складно, і в першу чергу внаслідок того, що чехословацька влада вважала за доцільне передати інтернованих українці під юрисдикцію своїх судових органів. Тому вже в середині червня 1921 р. на вимогу Міністерства народної оборони ЧСР військовий суд УГА було ліквідовано як інституцію, що у свою чергу обмежило повноваження українського команданта табору Йозефов.

Намагаючись мінімізувати можливі негативні наслідки цього команда табору доклала всіх зусиль для створення на початку липня 1921 р. двох «честирадних виділа» (постійно діючих виборних представництв старшинських судів честі – І. С.), завданням яких стало розслідування всіх проступків старшин з подальшим їх розглядом старшинським судом честі за участі всіх присутніх у таборі старшин відповідної сотні. Як йшлося в «довірочному» рапорті першого ад'ютанта українського коменданта табору сотника І. Козака про внутрішню організацію табору Йозефов до військової канцелярії Диктатора ЗУНР у Відні (ч. 469 від 30 липня 1921 р.), «при великій числі афер, які є в таборовім життю неминучі», суди честі були одним з найефективніших інструментів підтримання карності та військового порядку в таборі. «Виділи» складались з 9 осіб (три члени, перші та другі їх заступники, загалом – шість осіб) та один «протоколянт» і два його заступники³⁹.

Додатковим мобілізуючим старшин чинником було перебування у таборі генерала А. Кравса (як старший за військовим званням саме він мав стати командантом табору, але з огляду на те, що чехословацьким комендантом був полковник, А. Кравс не вважав для себе за можливе виконувати ці обов'язки). На виконання розпорядження військової канцелярії «довірочним» наказом (ч. 1575) була також створена Комісія для перевірки старшинських ступенів (голова – майор Роман Волощук), завданням якої було вивчення документів старшин про присвоєння їм всіх старшинських звань⁴⁰.

Про ефективність її діяльності свідчить хоча б справа лікаря Гаврилціва, якого було відряджено до табору за розпорядженням військового відпоручника Диктатора ЗУНР. Комісія встановила, що «він не лише не є ніяким лікарем, але навіть не називається «Гаврилців», та в різних часах і місцях виступав під всілякими іменами, хоч до цього не був ніякими політичними обставинами приневолений». Врешті-решт, йому не залишалось нічого кращого, як зголоситись до повороту на більшовицьку Україну та виїхати в липні 1921 р. до УСРР⁴¹.

До того ж, 1 серпня 1921 р. у таборі були арештовані кілька вояків УГА, які проводили більшовицьку агітацію. Того самого дня українським командуванням було розпочато

слідство в цій справі та «зібраний вельми обширний матеріал», про що було повідомлено і чехословацькій комендатурі⁴². Це був непоодиноким випадок – у проведенні більшовицької пропаганди були звинувачені та перебували під слідством поручик Ващук, хорунжий Яблонський, підхорунжий Яцушко, вістун Делеш, стрілець Слука⁴³. На жаль, неправдиві інформації більшовицьких агітаторів інколи змушували частину інтернованих сприймати їх «за чисту монету». Так, зокрема, поголоски про можливе перенесення інтернованих з табору Йозефов до Кенігсбергу навіть спонукали полковника А. Вольфа звернутися на початку серпня 1921 р. до української команди в Німецькому Яблонному аби переконатись в їх безпідставності⁴⁴.

Ще одна група старшин (майор Ф. Лянг, сотник Купчанко, поручик Ліщинський, четар Петрикевич, хорунжий Рачинський, четар Корецький) підозрювались у побитті поручика Райха, майор Шашкевич – у співучасті в крадіжці (останнє не було доведено, після чого слідство проти нього було призупинено). Нарешті за вироком міського суду в Яромеже до різних термінів ув'язнення були засуджені четар Приставський і хорунжий Гембарський (співучасть у спротиві владі)⁴⁵.

Дещо порушуючи хронологію викладу подій слід зазначити, що взимку порушення дисципліни почастишали, внаслідок чого «честирадні виділи» працювали зі значним навантаженням: у березні 1922 р. вони провадили слідчі справи щодо 40 старшин та 5 хорунжих. Окремо слідча комісія вивчала справи 32 старшин, 9 хорунжих, 55 підстаршин та стрільців (загалом – 96 справ). У переважній більшості воякам закидалися такі звинувачення: «взаємна особиста обида» (образи – І. С.), «нестаршинське поведіння», «взаємна зневага» (у старшин); «самовільне віддалення» (залишення табору чи робітничої команди – І. С.), «спроневір'єння» (невиконання наказів – І. С.), «крадіжки», «побиття в часі забав»⁴⁶.

Але найнагальнішою залишалась справа підготовки бараків до зими. Вже вкотре сотник І. Козак звертався зі «строого довірочним» рапортом (ч. 279/2 від 23 серпня 1921 р.) до військової канцелярії Диктатора ЗУНР в Празі, в якому наголошував на потребі проведення робіт з утеплення бараків шляхом зведення в них додаткових внутрішніх стін та заповнення міжстінного простору солом'яно. З огляду на те, що чехословацькою владою вже було ухвалене рішення про залишення інтернованих українців у Йозефові на зимівлю, роботи слід було розпочати негайно. Ситуацію ускладнювало та обставина, що до Йозефова мала бути переведена і «Українська бригада» з табору в Німецькому Яблонному⁴⁷.

Для проведення цих робіт був утворений спеціальний будівельний відділ, але він фактично не приступив до роботи, бо не мав для цього відповідних вказівок. Таборова чехословацька комендатура так само не докладала жодних зусиль для організації не те що утеплення, але навіть тривалий час не робила анічого аби «полатати на осінь дах, який діравий наче сито». На думку полковника Залеського, залишати на зимівлю інтернованих в Йозефові було цілком неможливою справою, у зв'язку з чим він подав відповідний рапорт про необхідність інспектування спеціальною комісією бараків табору та ухвалення рішення про доцільність переведення українських вояків до інших казарм. Свою думку він обгрунтовував тим, що за весь час перебування тут полонених росіян від холоду та хвороб вмерло близько 17 тис. чол. Справа в тім, що зима в цій місцевості є безсніжною, з сильними морозами та вітрами, відтак навіть у бараку чехословацької комендатури, який є добре ogrіваним, «через зиму так студено, що мимо безнастанного топлення без кожуха не можна було там висидіти», а що вже говорити про «звичайні» бараки...⁴⁸.

Отже, у тому випадку якщо вже ж такі інтерновані залишались в Йозефові, слід було збудувати нові бараки, бо це виявилось б дешевше, ніж переобладнувати старі приміщення, збудовані ще за австрійських часів. Проте Міністерство народної оборони ЧСР не вважало за потрібне виділяти кошти ані для будівництва чогось для інтернованих, ані для ремонту майже цілком знищених бараків. Небажання чехословацької влади забезпечити прийнятні побутові умови в таборі «викликали страшний занепад духа, що граничить майже з панікою», у його мешканців; більша частина «старшин, передовсім старших віком і з надірваним здоров'ям, стараються за всяку ціну вирватись задалегідь з табору, щоби лише тут не зимувати»⁴⁹.

Але навіть вийшовши з табору та влаштувавшись на роботу в Прикарпатській Україні галичани постійно перебували під загрозою її втрати через постійні протести польської влади, яка вбачала в цьому недружні для себе кроки Праги. Все більше старшин звертались до команди з проханнями надати їм безстрокову відпустку, а решта демонстрували

«велику знеохоту і розпучливу майже резигнацію», а у декого навіть з'являлись думки вдатись до підпалу табору, чому досить ефективно намагалась запобігти команда табору⁵⁰.

Сотник І. Козак припускав, що таке неприхильне ставлення чехословацької влади до інтернованих пояснювалось тодішнім чесько-польським політичним зближенням, а також намаганням «спровокувати якийсь нерозважливий крок з боку наших частин, щоби відтак мати привід до видання нас полякам». Це стало би справжньою катастрофою для інтернованих, і для уникнення такого розвитку подій Диктатурі ЗУНР пропонувалось «постаратись о перенесення наших частин до іншої держави». Зауважимо, що насправді Прага не мала таких планів, і ці побоювання таборян були безпідставними, крім того, здійснити переведення інтернованих до іншої країни було цілком неможливим як через відсутність такої, так і з огляду на значні видатки для утримання таборів.

Насамкінець сотник І. Козак звертався з проханням здати в Ліберцях вугілля і дрова на військовій складі, що уможливило би подання внесень на отримання такої самої кількості палива в Йозефові. Але найкращим виходом зі скрутною ситуації і «задя удержання табору і цілості і охорони життя і здоров'я останків У.Г.А.» він вважав розміщення інтернованих в кам'яних будівлях Липника, Пардубиць або Оломунца⁵¹.

За два дні перший ад'ютант коменданта табору знову звернувся з «довірочним» рапортом (ч. 334/1 від 25 серпня 1921 р.) до військової канцелярії Диктатора ЗУНР, в якому повідомляв про достатню кількість вільних бараків в одній із секцій табору – «Д», в яких можна було би розмістити до 1400 чоловік або 70 родин, 220 старшин і 600 стрільців. Проте в цій частині таборі продовжували перебувати 20 чол. репатріантів до Радянської України та чехословацький запасний батальйон, відтак передача цих бараків інтернованим українцям відбутися не могла⁵².

Внаслідок того, що Йозефов і надалі залишався збірною станицею для українських та російських репатріантів, які повертались до УСРР і РСФРР, чехословацька влада ігнорувала всі прохання таборового командування інтернованих військ УГА передати частину бараків для зручнішого розселення таборян. Так само нічого не робилось для підготовки бараків до зими, що створювало ґрунт для поширення в таборі занепадницьких настроїв, і сотник І. Козак вдруге нагадував, що булавні старшини прагнуть будь-що самовільно залишити табір, а дехто з молодших підносить думку про підпал бараків, коли би інтерновані не були переведені до іншого табору чи стаціонарних казарм. Взагалі, думка про необхідність «зимовання в тут[ушньому] таборі викликала свого роду паніку серед старшин»⁵³, бо жодних робіт з адаптації бараків влітку так і не було проведено.

У своєму черговому «довірочному» рапорті сотник І. Козак (ч. 279/1 від 30 липня 1921 р.) знову і знову звертав увагу політичного проводу ЗУНР на те, що чехословацька влада досі не вжила жодних заходів аби підготували табір до зими. До всіх проблем, про які вже повідомлялось, останнім часом в таборі з'явилися «страшні блошиці, так що майже половина старшин і стрільцтва спить на дворі, бо в бараках неможливо ізза цього [...] занути». На думку І. Козака треба будь-що перенести табір, бо його залишення в Йозефові «на осінь без основної перебудови бараків, рівняло б ся засудови більшій часті старшин і стрільців на смерть»⁵⁴.

У цій ситуації інтерновані були змушені власними силами полагоджувати бараки, крім того українська команда табору сформувала невеликий робітничий відділ з числа таборян (стрільців), але останні працювали неналежно, «так що жителів табору в їх неоправлених бараках заскочила зима, яку ще не раз серед тут[ешньої] прочої загальної нужди годі пережити». Єдине, чим допомогла чеська комендатура табору, так це тим, що «забезпечила папу (толь, різновид рулонного покриття – І. С.) для покрівлі та дощок з ліберецького табору для ремонту стін, проте самого ремонту не було проведено»⁵⁵.

Очевидно, що такі невідрадні побутові умови дуже негативно позначались на моральному стані деяких інтернованих, які шукали собі розради в чарці, намагаючись у такий спосіб притлумити свої душевні страждання та тугу за Батьківщиною. Дезорганізуюче на таборян впливало й те, що в одному таборі, хоча й в різних його секціях, опинились різні категорії інтернованих, які суттєво відрізнялись нормами грошового забезпечення. Частина з них перейшли кордон ЧСР зі зброєю в руках, зберігши свою військову організацію (це т.зв. «кравцівці» та «бригадійці»). Вони утримувались спочатку у таборі Німецьке Яблонне (звідси їх сукупна назва – «габлівці»), а після їх перевезення до Йозефова восени 1921 р. ця категорія вояків була приміщена в секції «Б». Решта вояків-галичан, які прибули на те-

риторію ЧСР поодиночі чи групами з різних місць, перебували спочатку у таборі Ліберець, а після переїзду до Йозефова були скупчені в секції «Д».

Чисельний стан інтернованих українських військ в Йозефові становив (дані на 24 березня 1922 р.): в секції «Б» – 148 старшин та 630 стрільців (у т.ч. «бригадійців» – 81 старшина та 537 стрільців; «кравців» – 67 старшин та 93 стрільця). Кількість таборян у секції «Д» складала: 88 старшин, 188 стрільців, 48 одружених жінок, 17 жінок «вільного стану» і 41 дитина. У секції «Д» всі його мешканці отримували 0,5 Кє, робітничий додаток для всіх працюючих становив від 3,5 до 2 Кє; у таборі «Б» – денне утримання старшин становило 5 Кє денно, підстаршин і стрільців – 0,5 Кє. Грошова квота для старшин в останньому випадку була достатньою для прожиття, крім того у разі їх залучення до робіт в складі робітничих сотень, старшини та стрільці отримували «робітничий додаток» (відповідно – 5 Кє та від 3,5 до 2 Кє), що дозволяло нормально харчуватись та забезпечувати основні свої життєві потреби⁵⁶.

Архівні документи свідчать, що цих коштів вистачало і на дещо інше, зокрема на пиятику. В рапорті четаря Григорія Горука до команди табору Йозефов від 4 жовтня 1921 р. йшлося про негідну поведінку групи старшин УГА (чотирьох «габлівців» і четаря Татоміра з Йозефова) днем раніше, які хоч і «були спиті мало [...] велися крайню не по старшинському». Один старшина взагалі був добряче напідпитку, бо «найбільше верещав і ледви на ногах тримався». В пошуках «сильних» розваг двоє з цієї групи «пішли під якийсь дім, думаючи правдоподібно що це якийсь дім публічний і почали так сильно до дверей гримати, що було чути на цілу улицу»⁵⁷.

Все це відбувалось на очах інтернованих та чехословацьких офіцерів, які вважали за краще не зачіпати цю групу нетверезих українських вояків, хоча останні при цьому вигукували лайливі слова на їх адресу. Наступним об'єктом їх зацікавлення стала таборова ресторація, в якій згадувані старшини «почали рівнож скандалити», ба більше – «вчипилися кельнерки при гостях, щоби йшла з ними до сепаратки (окремої кімнати – І. С.), на що тамта не згоджувалась, кажучи що она не належить до того рода женщин»⁵⁸. У своєму рапорті четар Г. Горук цілком слушне зазначав, що така поведінка «габлівських старшин підкопує нашу дотеперішню добру славу серед чеської публіки в Йозефові і може мати за собою ще гірші наслідки», з чим дуже складно не погодитись.

Справа в тім, що рівень грошового забезпечення таборян з секції «Д» забезпечував хіба що їх елементарні життєві потреби, але не більше того. Ця проблема весь час залишалась нездоланим завданням для команди табору, яка неодноразово зверталась у цій справі до політичного проводу ЗУНР, безпідставно сподіваючись, що останній зуміє переконати чехословацьку владу позитивно її вирішити. Скрута таборян з секції «Д» була такою, що ця категорія інтернованих була готова братись за будь-яку роботу, зокрема жінки вишивали, але це тільки іноді давало хоч якісь додаткові кошти для їх родин⁵⁹. І ось саме на цьому тлі пиятика кількох старшин (в рапорті їх прізвища не названі) виглядала надто непривабливо, особливо якщо згадати, що на той час мінімальна денна сума для проживання в ЧСР, за визначенням команди табору, становила 1,5 Кє. Але виходило, що «габлівці» можуть собі дозволити значно більше – навіть відвідування ресторації та «сепаратку».

Ситуацію в таборі загострювали непорозуміння та навіть відкриті конфлікти між старшинами, що виникали на ґрунті особливого ставлення декого з них до одружених та неодружених жінок, які перебували в Йозефові. У цьому відношенні є досить промовистим рапорт команди табору (за підписом сотника І. Козака) до військової канцелярії Диктатора ЗУНР у Відні від 1 жовтня 1921 р. щодо звинувачень вдови Б. Виметаль на адресу О. Морозової. Уважне вивчення цього документу дає підстави твердити, що першоосновою суперечок між згадуваними жінками стало «засвобідне поведення супроти мушин» останньої, та факти того, що «деякі старшини, навіть булавні, бувають у [ані] Морозової та виступають з нею публічно». Внаслідок цього в стосунках з її чоловіком (поручиком О. Трачем) доходило «до всіляких немилых сцен з плачем, спазмами і т.д.», і врешті-решт «один з таких інцидентів дав понуку до їх розлучення з боку команди табору»⁶⁰.

Але найбільш обурювала Б. Виметаль та обставина, що О. Морозова не відчувала жодних матеріальних труднощів у таборі та завжди була «напарфумована і вимальована», натомість «[ані] Виметальова і єї дитина босі та голі», проте за це не можна було винуватити команду табору, бо «ані на лихе матеріальне положення першої ані на корисну ситуацію другої» українська військова влада не впливала і не могла впливати. На

думку команди табору, як О. Морозова, так і Б. Виметаль «мали дуже погубний вплив на деяких старшин та стали причиною поділу табору на дві партії», і для нормалізації ситуації в Йозефові обох жінок разом з їх дітьми у вересні 1921 р. було переведено до іншої секції табору⁶¹.

У жовтні 1921 р., після переїзду до Йозефова Української Бригади з Німецького Яблонного, відбулись деякі зміни в організаційній структурі інтернованих українських частин, які (як вже зазначалось) перебували в двох окремих секціях табору («Б» і «Д»). Обидві секції підлягали дисциплінарній та адміністративній владі дотеперішнього команданта табору – полковнику А. Вольфу. В секції «Б» було утворено старшинську та стрілецьку сотні, які були безпосередньо підпорядковані команданту табору. Це було зроблено на прохання булавних старшин Української Бригади та її колишнього команданта майора Дрималика, котрі вважали, що така організація «буде дуже корисна для витворення військового духа і єдності в обох таборах» та найкраще забезпечуватиме командну вертикаль.

У секції «Д» в організаційному відношенні було збережено курінну структуру (комендантом куреня на той час був майор Богуслав Шашкевич, сотні відповідно очолювали: 1-шу старшинську – сотник Корній Купчанко, 2-гу старшинську – сотник Едвард Геніг, 1-шу стрілецьку – поручик Василь Виноградник). Відбулись зміни і в складі команди табору: у зв'язку з отриманням студійної відпустки майором Фердинандом Валеком (заступник команданта) на цю посаду був призначений майор Омелян Лисняк.

Видається цікавим порівняти чинну організаційну структуру інтернованих українських військ у Йозефові з даними більшовицького агентурного зведення станом на кінець листопада 1921 р. На той час, за підрахунками радянських агентів, у таборі перебувало близько 1200 військовиків УГА (в т.ч. близько 500 старшин), які в організаційному відношенні поділялися на три групи: до першої групи входили вояки зі складу колишньої бригади генерала А. Кравса на чолі з майором Лесняком; основу другої утворила Українська бригада з Німецького Яблонного (комендант – отаман Дрималик); до третьої було зведено всіх утікачів з таборів Польщі та Італії (в тексті помилково Туреччини – І. С.)⁶². Співставлення цих даних з дійсним станом справ дає підстави стверджувати, що більшовицька агентура знала про три складові частини українського вояцтва, що перебували в таборі. Крім того їм також були відомі прізвища декого з чільних старшин інтернованих, проте детальна організаційна структура українських військ залишалась для них таємницею.

На початку грудня 1921 р., після закінчення переведення до Йозефова всіх вояків УГА, інтернованих було поділено на чотири (1-шу і 2-гу старшинські та 3-тю і 4-ту стрілецькі) сотні⁶³. Комендантом табору і надалі залишався полковник А. Вольф, який відповідно до наказу команди УГА в Німецькому Яблонному (перед ліквідацією цього табору) отримав «карно-дисциплінарну» владу над усіма українськими військовиками в ЧСР, що перебували у таборі Йозефов або працювали у складі робітничих команд. До Йозефова було переведено й спеціальні інституції Української бригади у Німецькому Яблонному (слідчу комісію, старшинський суд честі, референтуру особистих справ та ін.), які дещо пізніше було розв'язано. Сюди ж було перевезено і все майно Української бригади, у тому числі склад одностроїв та «Український державний фонд бригади», який було створено шляхом продажу цих одностроїв старшинам УГА⁶⁴.

Взимку 1921–1922 рр. відбулись деякі зміни у персональному складі команди табору після отримання сотником І. Козаком студійної відпустки та полишення ним табору для продовження навчання: першим ад'ютантом команданта табору було призначено сотника Тому (Фому) Котика, ще одним ад'ютантом став поручик Володимир Федак. Було також призначено «персонального» референта (ним став поручик Ярослав Пастернак) і «евіденційного» старшину (поручик Антін Дацків). Час від часу змінювались і команданти сотень: в березні 1922 р. у секції «Б» провід старшинською сотнею здійснював майор Роман Волошук, стрілецькою – сотник Адольф Альтшлер; командантом секції «Д» був майор Михайло Дибуняк, старшинської сотні – сотник Едвард Геніг, стрілецькою – поручик Семен Сак⁶⁵.

Крім того команді табору підлягали «Полевий духовний уряд» (душпастирство) на чолі з о. Михайлом Кушкевичем, таборовий лікар сотник Микола Кметь, який також був й начальником таборової лічниці («приюту хорих»), Термінологічна комісія (голова майор Фердинанд Лянг). Як окремі військові інституції в таборі існували: слідча комісія, сотенні «честирадні виділи», Комісія для перевірки ступенів (про них вже йшлося вище). Нале-

житься згадати також про Економічно-адміністративну комісію (наказ ч. 3501 від 9 грудня 1921 р.), запомогову інституцію «Самопоміч» (голова сотник Василь Чарнецький) та Культурно-Просвітній Кружок (голова – четар д-р Іван Мельницький)⁶⁶. Нарешті, команді табору підлягали робітничі команди, сотні та відділи, які працювали поза табором – в різних містах та місцевостях ЧСР.

Зима 1921–1922 рр. стала одним з найскладніших випробувань вояцтва УГА на вірність національним ідеалам, бо у цей час спостерігалось «зовсім недвозначне стремління чеської влади покласти край своїй гостинності»⁶⁷. Загальну картину стану бараків та санітарної ситуації в таборі можна відтворити за звітами та рапортами таборового лікаря та сотенних командирів, що подавались команді табору Йозефов навесні-влітку 1922 р., знов таки, з метою привернути увагу чехословацької влади до часом драматичних реалій таборового життя інтернованих вояків-українців та запобігання їх повторенню у наступну зиму.

Оцінюючи наявний стан бараків у Йозефові в березні 1922 р., таборовий лікар д-р М. Кметь у своєму «санітарному звіті» зазначав, що вони є «старі, понижені, примітивні, не гігієнічні. Загально протікають через знишену стріху, а через драгтивні стіни з дощок провіває вітер»⁶⁸. Навіть важко собі уявити, як мешкали, точніше виживали, інтерновані у січні-лютому 1922 р. під час сильних морозів та вітрів. Не всі бараки встигли переобладнати для проживання старшин та родин, стрільці, зокрема, мешкали у необлаштованих бараках, в яких і в погожий сонячний день була напівтемрява.

Дуже складною була й загальна санітарна ситуація в таборі. До бараків так і не був підведений водогін, що створювало додаткові проблеми з підтриманням в них чистоти. Не дотримувались й елементарні умови особистої гігієни у бараках – «стрільці не мають зовсім простирал, а підстаршини тільки по однім». При цьому «стрільці мають переважно по одній парі біля і то підраного», гостро бракувало й взуття, внаслідок чого «часто значна часть стрілецтва ходить боса». Крім того, таборяни за весь час перебування у таборі в осінньо-зимовий період не мали можливості прийняти «купель» (ванну – І. С.). Але найдошкульнішим для таборян (особливо для жінок і дітей) було те, що поза бараками розміщувались т.зв. «лятрини» (похідні туалети, фактично майже нічим необлаштовані ями для задоволення природних потреб – І. С.)⁶⁹.

Відтак не слід дивуватись тому, що стан здоров'я інтернованих в таких умовах існування був зовсім не задовільним, зокрема частина вояків страждала на «чахотку легких (легень – І. С.), яка тут знайшла умовини пригожі до дальшого розвою, а якій початок дали труди і злидні світової війни». Через низьку температуру в бараках дуже поширеним явищем у інтернованих були простудні хвороби, і зокрема, «інфлюєнція, яка поширилась в зимі з браку опалу (3 сотня не мала через 10 днів під час морозів вугля)». Ще однією дошкульною проблемою було «значне число полових недуг, переважно старих (рецидив)» у частини таборян, але у цьому випадку дехто з них міг сподіватись на лікарську допомогу під час стаціонарного лікування в спеціалізованих чеських лікарнях. Але попри такий стан д-р М. Кметь констатував «малий рівень смертності»⁷⁰, що дозволяє зробити висновок про високу здатність таборян переборювати життєві труднощі та їх забезпеченість достатнім «щодо якості і скількості» харчовим пайком.

Фактично внаслідок незадовільного опалення бараків померла дитина старшого десятника Лазурка, а в серпні 1922 р. в дивізійному шпиталі через ускладнення від перенесених хвороб та отриманих поранень пішли з життя ще троє таборян, у т.ч. хорунжий Вишинський (з діагнозом: «чахотка та виснаження від таборового життя»). Попри дійсно невеликі абсолютні цифри померлих, багато хто з «стрільців, і навіть старшин вважав себе забутим і полишеним власній судьбі»⁷¹.

Рапорти командирів підрозділів почастишали в серпні 1922 р., бо знову наближалась осінь, а за нею зима, а бараки продовжували залишатись фактично у минулорічному стані. З рапортів сотенних унаочнюється сумна, а часом трагічна побутова ситуація, котра витворилась у таборі. Так, зокрема, вояки 2-ої сотні мешкали в бараках, що були збудовані «з сирого матеріалу, який по кількох літах зсохся і через се повстали прогалини, які місцями доходять навіть до ширини 6 см (сантиметрів – І. С.), а підлоги і дахи [...] перегнили». Під підлогою «знаходиться порожня – яка уможливило се, що вітри через підлогу дістаються до кімнати». Покрівля даху настільки «перегнила і місцями повідривана вітрами і внаслідок сего в часі дощу мешканці є приневолені не раз серед ночі переноситись з місця на місце». Найгіршим було те, що утеплення бараків «вимагало

би цілковитої перебудови і великого вкладу, який перевищав (перебільшував – І. С.) би теперішню вартість бараків»⁷².

На додаток до усього цього якість вугілля «було найгіршого сорта і по більшій частині саме сміття, яке не хотіло горіти і не виділяло жодного тепла». Тому температура в кімнатах 4-го бараку була часом від мінус трьох до -23 градусів, «вода постійно замерзала». Щоб якось собі зарадити інтерновані на власний кошт докуповували вугілля, крім того у цьому таборянам частково допомагала таборова «Самопоміч». Але попри всі ці заходи вояки продовжували мерзнути в бараках, і, як наслідок, застуджувались, після чого переводились до гарнізонної лікарні. Діти «цілу зиму пролежали в завитях (загорнуті – І. С.) в ліжку». Але випадків смерті від переохолодження не було⁷³.

У рапорті командира 3-ої сотні міститься інформація про те, що внаслідок низької температури у бараках стрільці мерзли, і понад 150 осіб з їх числа застудились та захворіли на грип, а крім того «було кілька легких відморожень ніг»; у рапорті командира 4-ої сотні повідомляється про один випадок смерті малої дитини, яка вмерла через переохолодження⁷⁴. Не була кращою ситуація і в бараках старшинської сотні, хоч тут у кожній кімнаті була встановлена піч, довкола якої «трохи тепло, коли палиться». Але вже за кілька метрів від неї замерзала вода. Тому не є дивним, що два старшини відморозили собі пальці під час сну, значна кількість хворіла на застуди. З огляду на це командир старшинської сотні робив висновок, що «здатність бараків до перезимовання в р[оці] 1922/23 неможлива, бо бараки старі, а тамтогорічна напруга (минулорічний ремонт – *авт.*) внаслідок частих дощів не причиняє до поліпшення їх стану»⁷⁵.

14 серпня 1922 р. таборовий лікар д-р Кметь наново звернувся з рапортом до команди табору, в якому ще раз оцінив стан бараків, дошки яких «пігнили, потрупішали, повідсувались від себе і через се втратили свою первісну охороняючу вартість аж до 50%». На його думку, було очевидним, що «в того рода бараках збільшення опалу є не доцільне, бо ogrітий воздух сейчас улітає прогалинами з кімнат». Він стверджував, що температура «в бараках була серед зими велика понад -15°C , що було причиною багато захворінь ревматичних, інфлюєнційних, запалень олегочної (легеневих – І. С.), а у багатьох значного погіршення загального стану здоров'я»⁷⁶. З огляду на те, що причиною цих хвороб був, на його думку, незадовільний стан бараків, він пропонував не наражати інтернованих на розпачливу перспективу ще одного перезимовання в них, а докласти всіх зусиль до переведення таборян до стаціонарних казарм.

Але як і рік тому, чехословацька влада не збиралась утеплювати бараки, вважаючи, що проблема інтернованих буде невдовзі вирішена. Відтак таборяни знову musiли власними силами ремонтувати покрівлю бараків, затикувати розсохлі щілини в їх стінах, утеплювати підлогу (якщо мали відповідні матеріали). Змушуючи таборян до цього, офіційна Прага фактично заохочувала українців до залишення таборів та їх переходу на цивільний стан, бо утримання інтернованих підрозділів УГА вносило певну напругу в чесько-польські міждержавні відносини, а також збільшувало обсяг непродуктивних видатків з бюджету ЧСР.

Тому живане у багатьох наукових публікаціях (у т.ч. й автора цієї статті) твердження про «прихильно-доброчливе» ставлення влади ЧСР до інтернованих на її теренах вояків УГА вимагає суттєвого уточнення. Не заперечуючи його в засаді, бо українці дійсно мали можливість жити в таборах власним національним життям, у разі потреби їм надавалась кваліфікована медична допомога в чеських лікарнях (стаціонарне лікування), нарешті, після залишення табору вчорашні інтерновані могли здобувати цивільний фах за власним вибором в чеських університетах та вищих школах за досить ліберальних умов (українські студенти мали достатній термін для адаптації та прихильне ставленням з боку чеської професури, а також отримували стипендії), слід натомість зауважити, що побутові умови перебування українського вояцтва в бараках, особливо в зимовий період, ставили таборян у надзвичайно скрутне становище.

Попри всі побутові складнощі та невизначеність своєї подальшої долі інтерновані в ЧСР вояки УГА продемонстрували свою незламну вірність ідеї національно-державного самовизначення України. Їх перебування у таборах стало своєрідним протестом-запереченням акту приєднання Польщею Західної України; разом з тим в середовищі таборян знаходила підтримку нова визвольна концепція, яка реалізувалась у кінці 1920-х рр. у вигляді організованого націоналістичного руху.

¹ *Наріжний С.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома Світовими війнами. – Прага, 1942. – Ч. 1. – 372 с.

² *Його ж.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (Матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). – К., 1999. – 272 с.

³ *Павленко М.І.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умов перебування (1919–1924 рр.). – К., 1999. – 352 с.

⁴ *Срібняк І.* Український військовий табір УГА в Йозефові (Чехословаччина) у 1921–1924 рр. / І. Срібняк, А. Купцов // Воля і Батьківщина. – Львів, 1998. – Ч. 4 (13/29). – С. 65–78; *Вони ж.* З історії культурно-освітньої роботи у таборі інтернованих військ УГА в Йозефові (1921–1922 рр.) // IV Міжнародний конгрес українців (Одеса, 26–29 серпня 1999 р.): Доповіді та повідомлення. Історія. – Частина 2: XX століття / Міжнар. асоц. україн. – Одеса–Київ–Львів, 1999. – С. 423–429; *Срібняк І.В.* Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українців у країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). – К., 2000. – 323 с.

⁵ Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. – К., 2008. – 928 с.

⁶ Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. – К., 2008. – С. 128–129, 151–152, 156–157, 204.

⁷ *Ямкова О.М.* Культурно-просвітницька діяльність та національно-патріотичне виховання у таборах інтернованих українців у Чехословаччині // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Історія». – К., 2004. – Вип. 74–76. – С. 56–59; *Фуртес О.О.* Військова еміграція у боротьбі за державність – URL: ena.lp.edu.ua:8080/bitstream/ntb/10886/1/42.pdf (дата звернення – 03.09.2015).

⁸ Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 53.

⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 53–53зв.

¹⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 53зв.

¹¹ Досить промовистим був й той факт, що лише протягом березня 1921 р. – у зв'язку з майбутнім переїздом до Йозефова – табір в Ліберцях самовільно залишило (фактично – дезертирувало) до 50 вояків УГА, у т.ч. 10 старшин – *авт.* (див.: ЦДАГО України, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 55зв.).

¹² ЦДАГО України, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 53зв.

¹³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 54зв.

¹⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 53зв.–54.

¹⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 54.

¹⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 54–54зв.

¹⁷ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 54зв.–55.

¹⁸ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 55–55зв.

¹⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 55зв.–56.

²⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 56.

²¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 72–72зв.

²² Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 72.

²³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 120.

²⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 72зв.–73.

²⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 72зв.–73.

²⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 106.

²⁷ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 106.

²⁸ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 106–106зв.

²⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 106зв. Авторів не вдалось перевірити достовірність зазначеної тут кількості померлих полонених царської армії, цілком можливим є її завищення з метою привернення уваги Диктатури ЗУНР до незадовільного санітарного стану інтернованих вояків УГА в цьому таборі – *И. С.*

³⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 106зв.

³¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 107.

³² Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 119.

³³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 149зв.

³⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 125, 132.

³⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 131.

³⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 35зв.

³⁷ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 94.

³⁸ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 94–94зв.

³⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 132зв., 116.

⁴⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 35зв.

⁴¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 133.

⁴² Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 135–135зв., 151.

- ⁴³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 138.
⁴⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 138.
⁴⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 137, 138.
⁴⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 36, 41.
⁴⁷ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 155.
⁴⁸ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 155–155зв.
⁴⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 155зв.
⁵⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 155зв.–156.
⁵¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 156.
⁵² Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 159.
⁵³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 159.
⁵⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 130.
⁵⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 104–104зв.
⁵⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 35зв.–36.
⁵⁷ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 186.
⁵⁸ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 186–186зв.
⁵⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 36.
⁶⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 183–184.
⁶¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 131, арк. 184–185.

⁶² Сводка агентурных сведений о состоявшейся в Праге конференции кубанских политических и общественных деятелей и об интернированных украинцах в Чехии от 28 ноября 1921 г. // Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. – Москва, 1998. – Т. 1: Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. – Кн. 2: На чужбине. – С. 446.

⁶³ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України), ф. 3520, оп. 2, спр. 1, арк. 10.

⁶⁴ Там само, ф. 3521, оп. 2, спр. 1, арк. 1; оп. 1, спр. 11, арк. 6; ф. 3520, оп. 2, спр. 1, арк. 11.

⁶⁵ ЦДАГО України, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 35.

⁶⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 35–35зв.

⁶⁷ Звіт праці Виділу секцій, курсів і установ... // Український Скиталець. – Йозефов, 1921. – Ч. 12. – С. 10.

⁶⁸ ЦДАГО України, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 39.

⁶⁹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 39.

⁷⁰ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 39.

⁷¹ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 104зв.

⁷² Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 81.

⁷³ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 81зв.–82.

⁷⁴ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 72, 85зв.

⁷⁵ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 88.

⁷⁶ Там само, ф. 269, оп. 1, спр. 132, арк. 89.

СТЕФАН СТАМБОЛОВ ТА ЙОГО ЕПОХА

УДК 327 (497.2 : 560) «188/189»: 929 Стамболов

ОТНОШЕНИЕ СТЕФАНА СТАМБОЛОВА К ТУРЕЦКО-БОЛГАРСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ

О. А. Дубовик

Дубовик О. А. За отношението на Стефан Стамболов към турско-българското сближение. В статията се анализира отношението на Стефан Стамболов към възможностите за турско-българско сближение в периода от времето на регентството и до края политическата му кариера. Разглеждат се неговите цели, мотиви, средства, методи и резултати от проектите, свързани с развитието на отношенията със сюзерена. Прави се извод относно схващането на Стамболов за важноста и политическата изгода за България от едно сближаване с Османската империя.

Ключови думи: Стефан Стамболов; Димитър Маринов; Османска империя; турско-български дуализъм.

Дубовик О. А. Отношение Стефана Стамболова к турско-българскому сближению. Анализируется отношение Стефана Стамболова к возможностям турецко-българского сближения с периода регентства и до окончания его политической карьеры. Рассматриваются цели, мотивы, средства, методы и результаты проектов, связанных с развитием отношений с сюзереном. Делается вывод о понимании Стамболовым важности и полезности для Болгарии сближения с Османской империей.

Ключевые слова: Стефан Стамболов; Димитр Маринов; Османская империя; турецко-българский дуализм.

Dubovik O. A. Stefan Stambolov's attitude towards the Turkish-Bulgarian rapprochement. Stefan Stambolov's attitude towards Turkish-Bulgarian rapprochement from the period of regency to the end of his political career is analyzed in the article. The objectives, reasons, means, methods and results of the projects connected with development of the relations with suzerain are examined. The author draws the conclusion about Stambolov's comprehension of the importance of Bulgaria's relationships with the Ottoman Empire.

Keywords: Stefan Stambolov; Dimitr Marinov; Ottoman Empire; Turkish-Bulgarian dualism.

Стефан Стамболов (1854–1895) – личност силна и многогранна, до настоящето време извикваща как крайне негативна, така и крайне позитивна оценка в историографии. Особено это касается его внешнеполитических взглядов. В данной статье мы попытаемся рассмотреть вопрос об отношении Стамболова к турско-българскому сближению.

Данная тема впервые возникла для него в чрезвычайно интересный с точки зрения изучения вопросов сложных международных взаимоотношений период после детронации князя Александра Баттенберга в августе 1886 г. Вопрос о выборе нового князя теснейшим образом связывал Болгарию с государствами, подписавшими в 1878 г. Берлинский договор. Именно этот период вывел регента Стамболова на позицию своего рода координирующего центра и в значительной степени определил его дальнейшие внешнеполитические ориентиры.

Этот сюжет при всей его очевидной важности не получил специального исследования ни в болгарской, ни в российской историографии. Болгарская и западная историография не рассматривала специально ситуацию с поиском князя, однако в многочисленных работах о Фердинанде присутствует общая информация об интриге, связанной с предысторией его появления на болгарском престоле, возможных претендентах и т.п. Особо следует отметить построенное на глубоком изучении большого количества архивных материалов исследование Радослава Попова «Болгария на перепутье. Регентство 1886–1887»¹. Автор, в частности, упоминает идею регентов предложить персональную унию некоторым балканским правителям, в том числе и султану, который, по мнению Р. Попова, отверг «опасную авантюру», боясь осложнений в отношениях с Россией².

В российской историографии лишь в работах В.И. Косика – специалиста по проблемам политической истории Болгарии и международных отношений на Балканах в 70–80-е гг. XIX в., в особенности вопросов болгаро-русских политических контактов и

связей, эти сюжеты нашли отражение³. Необходимо отметить и работы украинского исследователя Д.В. Миколенко, посвященные Ст. Стамболову, его внешней политике, освещению данной проблематики в историографии⁴.

Говоря о политике регента, а затем и премьер-министра Стамболова, исследователи, отмечая самостоятельный характер внешнеполитического курса, останавливались в первую очередь на отношениях с Россией и европейскими державами, особенно Австро-Венгрией, обсуждался вопрос о «фильско-фобском» концепте в феномене Стамболова. Лишь А. Улуян вскользь заметил, что «С. Стамболов, являясь одним из регентов, предложил султану объявить себя болгарским царем, что дало основание ряду историков считать, что он пытался реанимировать так называемую туркофильскую идею двуединого болгаро-османского государства. Однако в действительности до сих пор не существует доказательств серьезности подобных намерений, которые в условиях Болгарии 80-х гг. XIX в. были явно не популярны у болгар»⁵. Проекты турецко-болгарского дуализма без ссылок на источники упомянуты также Бориславом Гырдевым⁶.

В результате переворота в августе 1886 г. воссоединившееся Болгарское княжество оказалось перед вопросом выбора монарха. Казалось бы, вернейший путь – вновь обратиться за помощью к извечной заступнице России, в этот раз оказался тупиковым исключительно из-за амбиций Российской империи сохранять собственные интересы в Болгарии, из-за пренебрежительного отношения к интересам болгарского народа русской дипломатии, из-за нежелания Александра III пойти на компромисс и признать право голоса за болгарской стороной, в том числе и легитимность регентства во главе с председателем Народного собрания Стамболовым, а соответственно его права «предлагать кого бы то ни было на болгарский престол, а Великое народное собрание избирать нероссийского кандидата путем голосования – тактика, свидетельствующая, что императорская дипломатия находилась в тисках «освободительной психологии», продуцирующей как бы естественное непонимание освободителей того, что освобождаемые могут стремиться к собственной национальной самостоятельности»⁷. Российский император был убежден, что вопрос о кандидатуре на княжеский престол мог быть решен только при активном участии российской дипломатии, что ни в коем случае нельзя допускать усиления ориентации Болгарии в европейском направлении. В результате такого упрямства и заостренности мышления временное охлаждение в отношениях переросло в глубокий кризис, на десятилетие прервавший любые контакты между двумя странами.

На наш взгляд, вопрос об отношениях Болгарии со своим сюзереном представляется важным и интересным. Султан Абдул-Хамид II, серьезно увлеченный идеями панисламизма, полагал найти в этой идеологии средства и возможности укрепления личной власти в ослабленной империи. С этим желанием связано и его стремление поддерживать дружественные отношения с балканскими народами, образовавшими свои национальные государства. Сближение с балканскими соседями позволяло ему противостоять притязаниям России и Австро-Венгрии. Османская империя не понимала своей подчиненной роли в дипломатических маневрах европейских держав. Она ожидала от них союзной помощи, а получала только гарантии защиты в регионе интересов самих западных держав против России. Султану все сложнее было реагировать на многочисленные и резкие изменения в политике великих держав. В период болгарского «бескняжия» положение Османской империи было весьма сложным. С одной стороны – Болгария и великие силы, подталкивающие султана взять на себя ведущую роль в скорейшем разрешении кризисной ситуации. С другой – необходимость постоянно учитывать мнение России, ждать одобрения с ее стороны, России, занявшей, как известно, в этом вопросе крайне неудобную позицию. Роль Порты дополнялась необходимостью сглаживать конфликт между Россией и регентством. Позиция султана и его советников в большой степени также определялась и нежеланием выражать свое отношение в условиях англо-русского противоречия по балканскому вопросу.

Возможно это звучит странно, но в период поисков князя Болгарии был удобен ее вассальный статус. В письмах и донесениях дипломатических агентов того времени часто звучит воспринимаемое априори положение, что Турция «искренне желает мирным путем завершить болгарский кризис», должна предпринимать шаги «в защиту балканских государств»⁸. Выжидательная позиция султана и лояльное отношение со стороны правительств европейских государств позволяли Болгарии немного потянуть время, ре-

шая вопрос о «своем», «достойном» кандидате. При этом действовать необходимо было предельно корректно. Регентство изначально стремилось к поддержанию дружественных отношений с султаном, чтобы предотвратить его сближение с Россией. В этой ситуации декларирование своего вассального положения было весьма полезным.

С самого начала октября 1886 г. Болгария стремится убедить Османскую империю взять инициативу в свои руки, прозондировать отношение великих сил. Именно тогда Стефан Стамболов впервые напишет в своем дневнике о нерешительности султана и своей неуверенности в том, что Порта не откажется взять на себя этот трудный вопрос⁹, отметив, что в Константинополе «очень сильно русское влияние, и турки пляшут под их дудку»¹⁰. Тогда же в дневнике Стамболова появляется запись «Надежды на Европу ослабевают. Что нам делать? Уступить русским, или действовать по-старому?»¹¹. Позволим предположить, что «действовать по-старому» означало для Стамболова иметь в тылах поддержку Турции и стоящих за ней некоторых из великих сил – Австро-Венгрии и Великобритании.

Перебороть неопределенную ситуацию с кандидатурой князя стало главной задачей Стамболова в то время. В разговорах с турецким эмиссаром Гадбаном-эфенди, ратовавшим, как известно, за русское военное влияние в Княжестве как верное средство для восстановления порядка и спокойствия¹², Стамболов пытался убедить его в недопустимости попустительства султана вмешательству России в дела Болгарии, вплоть до угрозы оккупации, в необходимости защищать интересы своих вассалов¹³. Приводился убойный с точки зрения Стамболова аргумент – «мы не боимся турецкой оккупации, т.к. вы придете в Болгарию, а через 6 месяцев или год будете вынуждены уйти, а мы снова будем свободны. Но не так с оккупацией русской. Если они придут в Болгарию, то не покинут ее. И тогда мы исчезнем навсегда, а через несколько лет и Константинополь попадет в их руки. Поэтому, если спросит Европа, какую оккупацию мы предпочитаем, ответим первую»¹⁴. Таким образом, Стамболов изначально заявил свою позицию, направленную на сближение с Османской империей для противостояния России.

В то же время в дневнике Стамболова появляются и рассуждения на тему, что «в борьбе с турками Россия для нас была свята, мы относились к ней с полным и беспредельным доверием [...]. Было время, когда турки душили болгарскую свободу и народность, сегодня это хотят делать наши братья-освободители. Было время, когда зло для болгар исходило от Константинополя, теперь от Петербурга. Было время, когда мы боролись и боялись турок, сегодня это происходит с русскими. О, как изменилась ситуация: неудивительно, что изменились и симпатии болгар»¹⁵.

В газете «Свобода», выражавшей позицию регентства, а впоследствии Народнолиберальной партии Стамболова, появляется серия статей, целью которых было найти в истории подтверждение тезиса о необходимости пересмотра отношений с Россией. Так ее упрекали в том, что в 1885 г. именно она препятствовала воплощению в жизнь столь важной для болгарского народа мечты о воссоединении с Восточной Румелией – «с этого знаменитого дня 6 сентября постоянно отмечается, что политика русского правительства ориентирована против наших независимости и самостоятельности»¹⁶. В ноябрьских – декабрьских 1886 г. номерах газеты дается крайне негативная оценка русскому кандидату на болгарский престол князю Мингрельскому Николаю Давидовичу Дадияни, называемому в статьях Николаем Мингрели. Так, он характеризуется как человек малообразованный, легкомысленный, бросивший жену с детьми, растранивший отцовское наследство, а самое главное «он знает как передать свои владения русскому царю за титулы и золото»¹⁷, что «4 января 1867 г. князь Николай Давидович преподнес [...] императору Александру II свою корону и свои права на Мингрелию, попросив императора принять его в число своих верноподданных»¹⁸. Делается соответствующий вывод, что «этот кандидат от русского правительства не является серьезным»¹⁹. В газете публиковались фрагменты из написанной на французском языке брошюры «Россия и болгарский кризис» некоего румынского депутата Александра Джуравы, убеждавшего, что «турецкий хомут деревянный, русский же из железа»²⁰.

Постоянно и упоминания об угрозе со стороны России оккупировать Болгарию «в нарушение договоров и международного права». Данный тезис прозвучал и в опубликованной в газете «Свобода» работе бельгийского социолога и экономиста Эмиля де Ловеле «Положение на Востоке»²¹. В этой же статье звучит и столь важная мысль, противопоставляющая Турцию России – «велика Болгария, признанная Европой и поддержанная, в

конец концов, даже Турцией, ей обеспечено прогрессивное и самостоятельное будущее, если удастся вырваться навсегда из-под исключительного влияния России», которая, по мнению автора, преследует цель создать «подчиненное княжество, а не освободить и дать развиваться самостоятельно, будь то сербы, или болгары [...], цель России подчинить их своей непоколебимой воле, а когда наступит момент, поглотить»²².

На рубеже 1886–1887 гг. события развивались достаточно динамично. Пока в Софии готовилась почва к появлению нового князя, предлагаемого не Россией, а ее кандидаты отвергались или отказывались сами, даже будучи избранными Великим народным собранием (Вольдемар Датский), в Европе действовала болгарская депутация. Ее руководитель Константин Стоилов почти ежедневно сообщал Стамболову о новых возможных кандидатах и об отношении к этому сложному вопросу глав и представителей европейских и балканских государств. Особого накала ситуация достигает в декабре 1886 г., когда руководитель депутации, рассказывая о теплом и любезном приеме в турецкой администрации, отмечает, что «для Болгарии лучше всего будет продолжить насколько возможно настоящее провизорное положение. Чем позже разрешится кризис, тем лучше для нас [...]. Кандидатура Кобурга пала, ибо ее никто не поддержал»²³. Но надежда найти нового кандидата не исчезала, так Стоилов сообщал из рождественской Европы, что там не допускают даже мысли о русской оккупации и о том, что европейские «дружественные нам силы желают сближения между Болгарией, Сербией и Румынией»²⁴. Из донесений Стоилова следует также, что депутация была тепло принята в балканских государствах. Стамболов ответил на эти новости вполне оптимистичным заверением, что «регентство популярно и поддержано народом, поэтому может удерживать власть еще год и более»²⁵.

В это же время благодаря рекомендациям Стамболова и активной деятельности дипломатического представителя Болгарии в Османской империи Георгия Вылковича позиция Порты становится более определенной. Так, в частности, посредством великого визиря она выразила несогласие с Россией, заявив о нежелании поддерживать кандидатуру Мингрели, так как он не устраивает болгарский народ, и заявила, что вопрос о конституции – дело самих болгар²⁶. В передовицах газеты «Свобода» в январе 1887 года радостно сообщалось, что «Высокая Порта уже не прислушивается к губительным советам Нелидова, она предложила русскому правительству отозвать кандидатуру надоевшего предателя Мингрели и предложить другого хорошего и приемлемого кандидата, искренне и усердно работать во имя благополучного разрешения болгарского кризиса, не допустив ограничения прав и свобод Болгарии»²⁷. А еще через несколько номеров газета сообщала, что Турция, еще месяц назад пытавшаяся «разными способами нас сломить и вынудить стать рабами России», изменила свою позицию, и «поняли уже турецкие государственные мужи, что помогая России поработить Болгарию, копают могилу и своей державе»²⁸. А Вылкович очень оптимистично сообщал министру иностранных дел Болгарии Начовичу, что у него была «интимная» встреча с великим визирем Камил-пашой, после которой он сделал вывод, что «турки видят в нас защитников Османской империи, а я вполне убежден, что они будут помогать нам и поддерживать при необходимости»²⁹. Определенно не в интересах Османской империи было восстановление политического влияния России в Болгарии.

Именно в это время, в период, когда почувствовалось потепление в отношениях с Османской империей, а Россия еще не предложила нового кандидата, родился заинтересовавший нас проект. Именно в контексте вышеизложенного совершенно не случайным, а вполне закономерным нам представляется появление в декабре 1886 года некоей новой идеи, плана.

Наиболее полная информация об этом содержится в написанных болгарским этнографом, писателем, одним из первых биографов Стамболова и непосредственным участником событий Димитром Мариновым (1846–1940 гг.). Заметим, что книга в жанре воспоминаний создана Мариновым и опубликована в 1909 г. Специально для завершения работы над ней он покинул пост директора Национального этнографического музея. Возможно, одной из целей книги была реабилитация Стамболова, что объясняет стиль весьма уважительных и даже восторженных воспоминаний об эпохе, о своем друге и политическом кумире. Изложенный фактический материал достаточно широко привлекается исследователями личности и дела Стамболова и представляется вполне достоверным. В воспоминаниях Маринова очень определенно выражена и позиция их автора. Так, период отсутствия князя и регентства, по его мнению, «является самой славной эпохой в современной

нашей истории, самым отрадным явлением в нашей политической жизни», ибо это время сплотило болгарский народ против посягательств «одной сильной и мощной империи», а Стамболов смог проявиться как «альфа и омега эпохи», сгруппировав вокруг себя патриотическое и болгарское. Автор воспоминаний справедливо отмечает, что этот период оценен «должным образом»³⁰.

Маринов очень высоко оценивает дипломатический успех и мудрость Стамболова в истории с выборами болгарским князем Вольдемара Датского. Он полагает, что регент идеально «просчитал» данную ситуацию: Народное собрание одобрило кандидатуру, родственно связанную с Россией, регенты действуют в полном согласии с народной волей, но избранник вежливо отказался, сославшись на занятость³¹. С этой мыслью согласен и другой современник событий Симеон Радев³². Заметим, что исследователь данного периода и событий Р. Попов не нашел документального подтверждения того, что Стамболов знал о планах отказа Вольдемара Датского³³.

Имена «странных кандидатур различных принцев», почти ежедневно возникающие в донесениях европейской депутации, по мнению Стамболова одобрять было нельзя, т.к. «им неизвестны наши нравы, наша душа; наша история, полная подвигов и самопожертвований, всегда будет для них чуждой и непонятной; идеалы, волнующие души болгар, для них просто сюжет для сладких сказок и развлечения во время пиршеств и торжеств, без возможности проникновения в глубины болгарской души. Они думают о благе своей династии, а благо нашего народа всегда будет второстепенно. Кроме этого, будучи выросшими в сытой, спокойной обстановке, [...] они никогда не станут борцами»³⁴. Так Маринов подводит к мысли о закономерности и естественности появления у Стамболова новой идеи, уверенно заявляя, что Стамболов решил поискать князя «среди кандидатов [...], которые уже сроднились с дикой природой Балканского полуострова и доказали свои государственные способности»³⁵.

Данная мысль была близка и понятна этнографу Маринову, рассуждавшему о балканских народах следующим образом: «Турки, болгары, а в некоторой степени и албанцы имеют схожие черты и душевные свойства: они откровенны, добродетельны, выносливы и несокрушимы [...]. У болгар помимо вышеупомянутых качеств есть еще одно [...] они не поддаются на соблазны, в радости и скорби умеют сдерживать себя [...]. Вот почему порой непонятно веселятся они или плачут; нельзя увидеть к кому испытывают симпатию, а к кому антипатию»³⁶. Русские агенты и консулы, по мнению Маринова, думали и верили, что понимают болгарина, но не познали его душу, поэтому и наделали ошибок, которые дорого обошлись русской чести и русскому могуществу³⁷. Именно поэтому по информации Маринова первым кандидатом, который «был серьезно обдуман и предложен Стамболовым, а кандидатура которого обсуждалась регентами после ужина 15 декабря, был султан Хамид»³⁸. Доводы Стамболова, объяснявшего свой выбор регентам, представляют большой интерес. Из текста понятно, что Маринов не присутствовал на ужине в доме регентов, беседа носила строго конфиденциальный характер. Но яркое описание встречи дает основания предположить, что впоследствии он получил подробнейшую информацию от одного из ее участников. На судьбоносном, с точки зрения Маринова, ужине присутствовали регент Георгий Живков, ранее бывший поклонником идеи турецко-болгарского дуализма, и регент Савва Муткуров, с удивлением воспринявший данный проект. Ему-то и пришлось Стамболову приводить доводы и аргументы. Рассмотрим основные из них.

На вопрос Муткурова, почему именно султан, Стамболов спокойно ответил, что «если это было возможно пятьдесят и более лет назад, то сейчас еще более возможно», а далее упоминает ратовавшего за данную идею Раковского. Стамболов убежден, что если бы турецкие правители смогли тогда понять и принять глубину этих планов, то «мы имели бы великое болгарское царство и могучую турецкую империю». Стамболов с грустью вспоминал, что, будучи молодыми и неопытными, он не одобрял и даже жестоко осуждал эту идею, но «судьба распорядилась так, что я бывший противник этих планов, должен стать их исполнителем»³⁹. Стоит заметить, что Маринов ошибочно связывал первое появление проекта с именем Саввы Раковского, на самом деле меморандум к султану о создании дуалистической турецко-болгарской монархии возник в 1866 г. в Тайном болгарском центральном комитете под председательством соратника Раковского Ивана Касабова при участии Пандели Кисимова. Раковский же от этого проекта дистанцировался. Возможно, что для Маринова упоминание имени великого Раковского придавало проекту и идее боль-

шую значимость. Мы полагаем, что именно своего рода «освящение авторитетом» стало определяющим для данной «ошибки» Маринова.

На вопрос Муткурова, как на это посмотрит болгарский народ и Народное собрание, ведь султан «по народности турок, а по вере мусульманин», Стамболов очень подробно и обстоятельно ответил: «С турками мы прожили целых пятьсот лет и это многовековое совместное проживание научило наш народ смотреть на турок и их религию трезво и рассудительно», далее приводятся тезисы о комфортном и доброжелательном совместном существовании на протяжении веков, отмечается взаимное уважение и веротерпимость, Стамболов заявляет, что «вековое совместное пребывание смешало нашу кровь»⁴⁰. Он отмечает, что болгары, лишь сменив веру, становились турецкими пашами, что янычарский корпус комплектовался исключительно из болгарских юношей, а турки брали в свои гаремы болгарских девиц, делая их женами и матерями своих детей. Если же перейти к более частному вопросу, то, по мнению Стамболова, сам султан «по крови столько же болгарин, сколько сегодняшний австрийский император венгр и чех, а значит, что он имеет право носить болгарскую корону, как австрийский император венгерскую или чешскую»⁴¹. Эта отсылка к историческому опыту Австро-Венгрии, а также упоминание о болгарских корнях султана представляются, по мнению Маринова, аргументами весьма значимыми. Стамболов заявил, что он спокоен за болгарский народ и Народное собрание, которые должны отнестись к кандидатуре «трезво и рассудительно и принять ее с готовностью, понимая благие результаты [...] для болгарского отечества»⁴².

Дальнейший разговор регентов после этих аргументов Стамболова перешел в плоскость вполне практическую. На вопрос Муткурова, как же быть с феской султана и его именем, Стамболов ответил, что феска для турок – вещь достаточно новая, что крымские султаны носили колпаки болгаро-татарские, какие татары и сегодня носят, а султан, приехав в Софию, может надеть колпак. А имя, по мнению Стамболова, можно изменить при коронации: вместо Хамид он может быть наречен Кубрат, Батбай, Аспарух, Крум, Асень – имена, «которые также не являются христианскими». По мнению Стамболова «вопрос этот мелкий и не может стать препятствием для великого дела в интересах двух народов, двух государств»⁴³. Данная мысль является, с одной стороны, чудесной иллюстрацией для характеристики самого Стамболова, которому было несвойственно задерживаться или тем более останавливаться из-за, с его точки зрения, «мелочей»; с другой стороны, еще раз подтверждает ранее звучавший в прессе, дневнике Стамболова и донесениях дипломатических представителей тезис о взаимопользности сближения как для болгар, так и для турок.

Более коварным и сложным представляется вопрос Муткурова об отношении болгарской церкви к обсуждаемой кандидатуре. Стамболов и здесь нашел ответ, сославшись на исторический эпизод из недавнего прошлого: «Если великие представители Илларион Макариопольский, Авксентий, Анфим, Панарет и другие могли упоминать при богослужении имена Азиса и Хамида, то почему бы современным не назвать имена Кубрата, Аспаруха, Крума, Асеня»⁴⁴.

Вопрос Г. Живкова «согласится ли султан стать князем, если сегодня он император»⁴⁵ повернул беседу к реальности. Но и он не смутил Стамболова, нашедшего с его точки зрения выход и из этой щекотливой ситуации, полагая что «титул не имеет значения, но, если султан увидит в нем унижение, то [...] ни минуточку не сомневаясь, мы объявим княжество царством и на голову султана водрузим императорскую (царскую) корону болгарских царей, которой у него нет, хотя и называется императором»⁴⁶. Этот вариант решения вопроса почти буквально повторяет положение меморандума 1867 г., предлагавшего поставить во главе дуалистической монархии султана, а к его титулу падишаха прибавить титул «царь болгар», а данный ответ в очередной раз характеризует Стамболова, как человека, идущего к своей цели.

Не смутил Стамболова и вопрос об отношении к проекту великих сил. По его мнению, объединение будет воспринято «с готовностью особенно теми, кто нам сочувствует и увидит в турецко-болгарском соединении окончательное решение Восточного вопроса»⁴⁷.

На сложный с правовой точки зрения вопрос о престолонаследии в конституционной Болгарии, где по закону престолонаследник – ребенок по первородству, а в абсолютистской Турции престолонаследие идет в семье по старшинству, Стамболов отвечает во вполне традиционном для него духе, что болгарскую конституцию можно исправить, или

же предложить султану изменить в этом смысле турецкую конституцию, что в конституционной Болгарии султан увидит своего рода союзника в преобразовании всей империи⁴⁸. Здесь мы вновь видим несколько аспектов – достаточно легкое отношение Стамболова к возможности изменения Тырновской конституции, его убежденность в обоюдной пользе проекта для болгарского и турецкого государств, и даже надежду на возможное одобрение великих сил, столь долго и настоятельно рекомендовавших модернизировать Османскую империю.

Вопрос Г. Живкова о том, примет ли султан настоящее предложение, представляется Стамболову мучительным. Он считает султана тонким и хитрым дипломатом, но необходимо убедить его в значении предложения, так как Стамболов сомневается, что султан сможет освободиться «от религиозных и национальных предубеждений, которые единственно могут воспрепятствовать осуществлению этого плана»⁴⁹. Именно об этом «единственном» препятствии задумываются и регенты, возлагая надежды на дипломатического представителя в Константинополе Георгия Вылковича, задачей которого станет не только самому понять задуманное, но и найти аргументы для убеждения султана.

Итогом вечера и долгого обсуждения стала фраза, вложенная Мариновым в уста Живкова, что «во всяком случае необходимо попытаться»⁵⁰. Согласившись со всеми доводами Стамболова, регенты моментально начинают действовать в направлении практического претворения проекта в жизнь. Лично Стамболовым была составлена, специальным образом зашифрована и той же ночью отправлена Вылковичу секретная телеграмма. О хорошем настроении Стамболова свидетельствовала фраза Маринова: «Стамболов затянул свою любимую песню «Чавдаре, синко, Чавдаре» и отправился в свою комнату»⁵¹.

Далее события разворачивались не столь радужно. Через два дня была получена зашифрованная телеграмма от Вылковича, что от султана получен неудовлетворительный ответ, а подробности будут изложены в письме⁵². Маринов сокрушается, что Вылкович не смог постичь всей глубины «тайны», не было рядом с ним Стамболова, который мог бы объяснить, как привести план в исполнение и каковы могут быть последствия при его реализации⁵³. Соответственно, по мнению Маринова, Вылкович не смог донести план регентов до султана. При этом ему удалось сразу же получить аудиенцию во дворце, перевести султану телеграмму регентов, но из обширного рапорта Вылковича в изложении Маринова следует, что султан не понял план, заявил, что предвидит «большую политическую и дипломатическую бурю» и попросил дать время на размышления. Через три дня султан сообщил Вылковичу, что о проекте откуда-то узнал Александр Иванович Нелидов (в то время российский посол в Константинополе), который моментально направил записку визирю, что Россия никогда не допустит ничего подобного. Ответ султана в изложении Маринова прозвучал, что необходимо «оставить сейчас этот план, к нему не отнесутся хорошо ни силы, ни сами турки»⁵⁴. Маринов недоумевает, как Нелидов мог узнать о плане, и замечает, что султан был вынужден солгать своему визирю, заявив, что подобного плана не существует. И сам Стамболов позже, когда английский дипломатический представитель в Софии О'Конор спросил его об этом слухе, был вынужден заверить, что такая идея даже не возникала⁵⁵. Маринов настаивает, что план существовал и для его претворения в жизнь был сделан первый шаг, но из-за нерешительности султана и недостаточного понимания идеи Вылковичем «план великого болгарина о персональной унии Болгарии и Турции, который мог окончательно решить Восточный вопрос и вернуть империи ее былое величие [...], пропал»⁵⁶.

После прочтения этого материала возникло много вопросов о существовании такого проекта. Был ли он на самом деле? Или это литературный вымысел Димитра Маринова? Почему об этом ужине нет информации ни в дневнике Стамболова, ни в других источниках? Возможно, проект был строго конфиденциальным, а поскольку не увенчался успехом, то о самой идее предпочли на время забыть. Решение действовать предельно осторожно и не афишировать план могло быть связано с пониманием, что он не встретил бы поддержки в болгарском обществе, в котором не было серьезных туркофильских настроений, а пророссийские и проавстрийские планы имели своих горячих приверженников. А может быть, это была провокация с целью подразнить Россию и заставить великие силы активнее участвовать в разрешении вопроса о новой кандидатуре? Или же план стал своего рода возможностью лишний раз засвидетельствовать лояльность по отношению к султану и империи? Ведь сближение с сюзереном, которому Болгария после воссоединения

1885 года была обязана выплачивать ежегодную денежную компенсацию, и от которого зависело решение национального вопроса, связанного с обеспечением религиозных и политических прав македонских болгар, было весьма полезно. Можем предположить также, что в 1886 г. это был определенный тактический ход Стамболова – ведь неприемлемость «русских» кандидатов и отказ султана занять вакантное место давали свободу в выборе «своего» кандидата, развязывали руки, позволяли оправдать скорый выбор Фердинанда. Стремление к самостоятельному внешнеполитическому курсу, желание найти вариант в интересах Болгарии, сама специфика личности Стамболова делают, на наш взгляд, возникновение этого проекта вполне возможным. При отмечаемом всеми исследователями прагматизме Стамболова можно говорить и об определенном авантюризме в его характере, его желании «проиграть», попробовать любые варианты. На наш взгляд именно личная обида заставила 4 января 1887 г. Стамболова сделать дневниковую запись о том, что «раболепие султана [...] поддерживает и укрепляет надежды панруссистов»⁵⁷.

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, мы решили рассмотреть отношение Стамболова к возможному сближению Болгарии и Османской империи в последующие годы.

Мысли о неудавшемся проекте не покидали Стамболова, ставшего уже премьер-министром Болгарии. В сближении с Османской империей Стамболов видел возможность мирного решения вопроса о македонских провинциях. В этом смысле он, по мнению Маринова, придерживался достаточно жесткой позиции в отношениях с балканскими соседями. Так Маринов сообщает о неофициальном посещении осенью 1889 г. Софии лидером сербских радикалов Николой Пашичем и его встрече со Стамболовым. По информации Маринова, подтверждаемой в своем исследовании специалистом по истории Сербии А.Л. Шемякиным, Пашич предлагал политический союз против Турции и совместное решение вопроса о распределении влияния в Македонии. По мнению Шемякина, «данное предложение органично вписалось в его (Н. Пашича – О. Д.) стратегию теснейшего сербско-болгарского сотрудничества»⁵⁸. Стамболов же возражал против подобного объединения, настаивая на сохранении македонских земель в составе Османской империи и предоставлении населению права самостоятельно «вершить свою судьбу»⁵⁹. Имеется информация, что с аналогичным предложением уже в 1891 г. выступал и греческий политический деятель Харилаос Трикупис. Стамболов вновь выразил свое нежелание создавать «военную конвенцию», выступил за проведение реформ в македонских землях и поспешил донести через Вылковича информацию о поступивших предложениях до султана⁶⁰. Дипломатический представитель в Белграде П. Димитров сообщал о недовольстве Трикуписа результатами посещения Стамболова, его мнению, что соглашение невозможно, т.к. «эти люди имеют свои стремления и намерения, которые мешают какому-либо сближению»⁶¹. Заметим, что действительно и в 1889, и в 1891 г. одновременно с информированием султана об опасных планах балканских правителей Стамболов, будучи политическим реалистом, решал важнейший для Болгарии и во многом зависящий от Османской империи вопрос о новых железнодорожных ветках.

О понимании важности мирного решения македонского вопроса свидетельствует и тот факт, что в разговоре с представителем турецкого банка в июне 1892 г. Стамболов вспомнил о предложении, сделанном в 1886 г. через Вылковича султану, отметив, что оно было связано с условием «дать Македонии автономию, подобную вассальному Княжеству Болгария, только без князя»⁶².

В подтверждение мысли о серьезности проекта персональной унии Д. Маринов сообщает, что Стамболов напомнил султану Абдул-Хамиду II об этом плане во время личной встречи в 1893 году, когда болгарский премьер-министр получил возможность лично рассказать об идее, а султан спросил, почему же он так и не изложил ему тогда свой план⁶³. Таким образом, Маринов подтверждает высказанную им мысль о неспособности Вылковича понять и донести идею до султана. На самом деле аудиенция была получена в июле 1892 г. Об этой встрече информации очень немного. Вероятно, это связано с тем, что, как следует из донесений П. Димитрова, ставшего после убийства Г. Вылковича дипломатическим агентом в Турции, «в особом распоряжении бюро по цензуре турецким газетам было запрещено писать об аудиенции»⁶⁴. В.И. Косик, на основании данных российских архивов, сообщает, что организованная П. Димитровым встреча продолжалась недолго, после чего «турецкая сторона была фактически принуждена принести свои извинения Петербургу в связи с 15-минутным приемом летом 1892 года Абдул Гамидом II Стамболова, подчеркнув

свою готовность не нарушать постановления Берлинского трактата»⁶⁵. А. Нелидов сообщал Н.К. Гирсу, что Абдул-Хамид заявил своему визитеру, желавшему прозондировать вопрос о признании Кобурга, что «в настоящее время исполнение этих вожелдений невозможно, надо ожидать более благоприятных обстоятельств»⁶⁶. Большое значение встрече придает Димитр Иванов, полагающий, что султан сам отправил Стамболову неофициальное приглашение посетить его, а «этот акт вежливости означал почти открытое признание политики, проводимой болгарским правительством»⁶⁷. Иванов приводит политический анекдот, рассказанный Илией Бешковым. Якобы визирь перед аудиенцией султана общался и оценивал собеседника, а входя к султану, иносказательно определял вес посетителя. После беседы со Стамболовым он сказал султану, что этого гостя весы не выдерживают⁶⁸. Данная 15-минутная аудиенция по мнению дипломатического представителя Болгарии в Константинополе долго не давала покоя представителям России и великих сил. Управляющий из г. Свиштов выразил это в письме Стамболову, поздравив с приемом у султана, написав, что простой народ восхищается Стамболовым, а у русофилов «лица пылают от злобы»⁶⁹. Из многочисленных донесений Димитрова, придававшего большое значение визиту, следует, что корреспондентам о цели визита не сообщали, а российские, французские и греческие представители в Константинополе негодовали, полагая, что цель визита категорически заявить султану, что либо он признает болгарского князя, либо провозглашается независимость Болгарии, что сближение Болгарии и Турции создавало мрачную перспективу будущей Великой Греции. Димитров передает Стамболову просьбу великого визири не писать в официальном издании «Свобода» о визите, полагая, что, с одной стороны, Россия вмешиваться не должна; с другой стороны, лучше ее не раздражать, а Порту не ставить в трудное положение. Из донесений же Димитрова мы узнаем о ноте, составленной в Санкт-Петербурге, в которой Турции напоминалось о том, что ее существование и будущее зависит от соблюдения Берлинского договора, нарушаемого Болгарией, следовательно, султану нельзя было принимать ее премьер-министра⁷⁰.

О том, что в политике Абдул-Хамида II в конце 80-х – начале 90-х годов «предпочтение отдавалось болгарам», пишет и известный российский османист И.Л. Фадеева, полагаящая, что балканские проблемы играли существенную роль в политике султана, что османское правительство пыталось удержать в орбите своей политики и своих интересов образовавшиеся на Балканах национальные государства. Отсюда брали свое начало избирательные контакты султана с различными политическими деятелями этих стран. Абдул-Хамид II вынашивал план создания Балканского союза, в котором главная роль принадлежала бы Турции. А.И. Нелидов полагал, что цель этого союза была противостоять притязаниям извне, особенно России и Австро-Венгрии⁷¹. Мнение Фадеевой, на наш взгляд, объясняет развитие турецко-болгарских отношений в конце 1893–1894 гг. Ведь именно в это время велось активное железнодорожное строительство, создавались проекты объединения болгарских и турецких линий (Солуньской с Софийской), совместно решались культурные и религиозные задачи в македонских землях. Идея турецко-болгарского сближения стремится принять новую форму. Маринов отмечал, что «после встречи Стамболова с султаном вопрос о соглашении и скором соединении Болгарии и Турции обрел серьезную и твердую почву»⁷². В декабре 1893 г., по информации Маринова, некое доверенное лицо от имени султана попросило Стамболова «подготовить письменное изложение способа, как начать и совершить турецко-болгарское соглашение», а уже в январе 1894 г. появился и был передан софийскому комиссару «запечатанный конверт с текстом меморандума»⁷³. Текст этого секретного документа Маринов в кавычках цитирует в своих воспоминаниях. Вновь позволим себе допустить, что к моменту написания воспоминаний информация уже не была строго конфиденциальной.

Оценивая планы сближения в начале 1894 г., представилось важным и интересным сопоставить тезисы меморандума с аргументами, приводимыми автором, подписывающимся «Н» в статьях в газете «Свобода», в номерах 1375, 1386, 1388. Маринов вспоминал, что он написал эти статьи по поручению, чтобы развеять австрийские сомнения относительно целей меморандума, а также напомнить о взаимоотношениях с Турцией и взаимных интересах⁷⁴. Заметим, что статьи Стамболова в газете «Свобода» и ранее в других изданиях также подписывались буквой «N» или «Н».

Текст меморандума, приводимого Мариновым, начинается с экскурса в историю долгого совместного проживания болгар и турок⁷⁵, вновь вспоминается дело Раковско-

го, который «предложил дуализм»⁷⁶. Автор меморандума приводит принципы создания «Оттоманско-болгарской империи». Их семь, а именно: деление будущей империи на европейскую и азиатскую части; европейская часть будет представлять собой конституционную область; султан будет халифом мусульман и царем болгар; столицей европейской части будет Константинополь; официальным языком в ней будет турецко-болгарский; военные болгаро-турецкие силы будут подчиняться султану; на базе Охридской и Тырновской епархий будет образована болгарская патриархия. Идеи меморандума, однако, не получили должной оценки в Константинополе. В статье «Одно напоминание» Маринов более подробно излагает историю взаимоотношений с Османской империей и заявляет, что «как правильно отметил один турецкий государственный деятель, придет время, когда турки и болгары [...] совместно воздвигнут памятник своему общему великому герою, и несомненно они признают, что этот герой никто иной, как Раковский»⁷⁷. Эта мысль развивается в рассуждениях, что если бы турецко-болгарский дуализм был бы реализован, то не было бы ни сербо-турецкой, ни русско-турецкой войн, восстаний, материальных потерь, моральных унижений и человеческих жертв, «Турция не платила бы сегодня огромные военные компенсации и проценты, а Болгария не была бы покрыта пеплом и костями и не оплакивала бы своих дорогих сынов, которые [...] своими умом, знаниями и энергией могли возвысить Осmano-Болгарскую империю»⁷⁸.

В меморандуме 1894 г. отмечено, что «сегодня этот дуализм не может состояться, т.к. Болгария является княжеством со своей династией, но [...] политический и культурный союз совершенно возможен», и приводятся его шесть основ: политический оборонительный болгаро-турецкий союз; торговые, таможенные и почтовые договоры, ликвидирующие границы; образование европейской автономной области, управляемой султаном; использование турецко-болгарского языка в этой области; существование в ней совместных вооруженных сил, управляемых болгарским князем или султаном в зависимости от территории военных действий; соблюдение фермана относительно Экзархии и церковного школьного ведомства⁷⁹. Интересно, что в статьях в газете «Свобода» при сообщении о меморандуме данные принципы сформулированы иначе. Так, вместо политического союза упоминается лишь оборонительный договор; в случае невозможности стирания границ предполагается снижение таможенных пошлин; предлагается только обучение болгарских воинов в турецкой армии и т.д.⁸⁰. Таким образом, тон и градус требований и амбиций в газете существенно ниже по сравнению с изложением тезисов меморандума в воспоминаниях. Маринов объясняет в статье, что эти меры необходимы «для нашего взаимного спасения и величия» и заявляет, что Раковский умер, но «Стамболов является его учеником, вступившим на путь, начертанный великим учителем»⁸¹. В конце статьи выражена позиция, что турецко-болгарское единство может привлечь другие балканские государства и «таким образом возникнет балканская конфедерация под предводительством султана и Турции»⁸².

По мнению Маринова, высказанному в воспоминаниях, этот проект принципиально был принят султаном, но, «к сожалению, люди из дворца раскрыли информацию, а Вена и Петербург сделали все возможное для его срыва»⁸³. В европейской прессе появились статьи, полагавшие проект Стамболова болгарской интригой, представлявшей военную угрозу для России. В двух майских номерах газеты «Свобода» 1894 г. появилось дополнение к статье «Одно напоминание», которое также вызвало негативные отзывы в европейских газетах, под заголовком «Турецко-болгарское единство». Маринов приводит исторические доказательства миролюбивых намерений Болгарии, всегда, а не только сейчас, как полагают иностранные корреспонденты, стремившейся к сближению с Турцией, что «болгары были уверены, что освобождение России не будет добром»⁸⁴. По мнению автора статей болгарские возрожденцы «были преданы султану [...], боялись русского избавления, что, «если бы Турция выполнила Гюльханейский хатт-и-шериф и Хатт-и-хумаюн, то сейчас о религиозных и племенных симпатиях к России не было бы и речи»⁸⁵. В последние дни нахождения Стамболова на посту премьер-министра и в условиях возрождения надежд на нормализацию отношений с Россией такие смелые высказывания могли навредить Стамболову, поэтому Маринов не пишет прямо о его роли в создании проекта. В то же время желание убедить всех в необходимости турецко-болгарского сближения не остановило автора статей. Доказывая, что идея союза с Османской империей для Болгарии совсем

не нова, Маринов подчеркивает, что болгары желали сближения всегда: «сто лет назад, двадцать шесть лет назад и семь лет»⁸⁶. Так ненавязчиво Маринов напомнил о проекте дуализма 1867 г. и о проекте Стамболова 1886 г. В третьей статье Маринова в «Свободе» основной упор сделан на аргументировании целесообразности оборонительного союза, полезности знакомства с военным опытом союзников⁸⁷.

Однако «переговоры о турецко-болгарском союзе прекращены»⁸⁸. Косвенным их итогом можно считать очередную уступку султана, одобдившего издание бератов о направлении болгарских владык в Велес и Неврокоп и открытие болгарских школ в 40 общинах. Так история с меморандумом 1894 г. является еще одним примером прагматизма Стамболова, использующего различные средства и методы для получения максимально возможной выгоды в деле мирного решения македонского и фракийского вопросов.

Сравнив изложение событий в 1894 г. и в 1909 г., можно сделать интересные выводы. В воспоминаниях, написанных через 14 лет после смерти Стамболова, Маринов, желая реабилитировать своего друга, более прямолинеен. Так, он прямо заявляет, что Стамболов в 1894 г. лично давал необходимые пояснения, которые были донесены султану и приняты им⁸⁹, более открыто пишет об антироссийской политической направленности возможного союза. По мнению Маринова, именно тайный меморандум привел к новому торжеству политики Стамболова в Македонии⁹⁰. Подробное напоминание в 1909 г. о событиях 1894 г., на наш взгляд, можно объяснить тем, что Маринов при написании воспоминаний допускал мирный путь решения македонского вопроса. Уже после отставки Стамболова и его перехода в оппозицию в номере 1395 (28 мая 1894 г.) Маринов сам написал статью «За знание», в которой определил основные принципы внешней политики Народнолиберальной партии. Первый принцип: «Самая искренняя и тесная дружба с Турцией, интересы которой идентичны болгарским, а также заключение формального оборонительного и наступательного союза между Княжеством Болгария и Османской империей»⁹¹.

Аналогичные мысли прозвучали в интервью Стефана Стамболова, данном в Софии корреспонденту газеты «Berliner Tagblatt» и опубликованному 24 июля 1894 г. в газете «Свобода», № 1440: «Я всегда говорил, что Болгария не может существовать без покровительства Тройственного союза и Турции [...]. Мы нуждаемся в благоволении со стороны Турции [...]. Турция постоянно демонстрировала особое расположение к нам. Россия же целое десятилетие выступает против нас смертельным врагом»⁹².

Таким образом, идея турецко-болгарского дуализма или личной унии султана в 1886 г. возникнуть могла и определенно исходила от Стефана Стамболова. Ее можно рассматривать как политическую стратегию, как долгосрочный проект. Эта идея изначально представлялась утопичной. Россия никогда бы этого не допустила, а Турция никогда бы не решилась принять такой «подарок». Проект был для Стамболова в 1886 г. несбыточным идеалом, но попытаться было для него необходимо. Реализация идеи в 1886 г. позволила бы сблизиться с Османской империей, что давало серьезные экономические перспективы, возможность укрепить военную мощь, противостоять российскому влиянию, успешно решить вопрос о македонских землях. Возможно, внешнеполитическая ситуация (нерешительность Османской империи, категорично негативная позиция России, выжидательная тактика, нежелание явно и активно вмешиваться со стороны великих сил) и сделала данную стратегию бесперспективной, но и в этом вопросе Стамболов проявился как политик, заботящийся о национальных интересах, готовый и к достаточно жестким мерам, и к компромиссам. Димитр Маринов, на наш взгляд, на протяжении всего времени выступал своего рода ретранслятором, пропагандистом и популяризатором идеи, которую сам принимал безоговорочно. Обращение к возможности сближения в последующие годы было связано для Стамболова с пониманием необходимости мирного решения вопроса о македонских и фракийских землях, об экономической заинтересованности Болгарии в сотрудничестве с Османской империей. После отставки и гибели Стефана Стамболова политика Фердинанда была ориентирована на сближение с Россией, признание европейских государств, а в конечном итоге на создание антитурецкого балканского союза. В этом смысле воспоминания Димитра Маринова в 1909 г. звучат как напоминание об иных возможных путях решения внешнеполитических вопросов и роли в этом Стефана Стамболова.

¹ Попов Р. България на крестопът. Регентството. 1886–1887. – София: Университетско изд-во «Климент Охридски», 1991.

² Там же. – С. 261.

³ Косик В.И. Русская политика в Болгарии 1879–1894 гг. – Москва, 1991; *Его же*. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. Москва, 1993.

⁴ Миколенко Д.В. Попытки реализации идеи «Великой Болгарии» правительством С. Стамболова: реалистичный подход к решению национального вопроса или бесперспективная стратегия // Историки-слависты МГУ. – Кн. 8 «Славянский мир в поисках идентичности». – Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 333–345; *Его же*. Македонське питання на шпальтах болгарської проурядової газети «Свобода» (1887–1894 рр.) // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. – 2012. – Вип. 44. – С. 87–92; *Его же*. Зовнішня політика Болгарії за регентства і прем'єрства С. Стамболова в оцінці радянської історіографії 20-х рр. XX ст. // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – Чернігів, 2012. – Вип. 106. – Серія: Історичні науки № 9. – С. 33–36.

⁵ Улунян А.А. «Фильско-фобский» концепт в феномене С. Стамболова // Историки-слависты МГУ. – Кн. 6. Б.Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Б.Н. Билунова. – Москва: Издательство Московского университета, 2008. – С. 100.

⁶ Гърдев Б. Несполучливият дуализъм (Пандели Кисимов и Стамболов сондират почва за българо-турската държава). – URL: <http://liternet.bg/publish4/bggyrddev/istoria/dualizam.htm> (дата обращения: 08.08.2015).

⁷ Адлер Фр. Возрождение Интернационала. Петербург, 1919. – С. 58; Цит. по: Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). – Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. – С. 134.

⁸ Стамболов С. Дневник // Стамболов С. Личен архив. Писма, телеграми, записки, дневници. – Том 1. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 229–230.

⁹ Там же. – С. 139–140.

¹⁰ Там же. – С. 144.

¹¹ Там же. – С. 147.

¹² Косик В.И. Время разрыва. – С. 19.

¹³ Стамболов С. Дневник. – С. 148.

¹⁴ Там же. – С. 149

¹⁵ Там же. – С. 214.

¹⁶ Свобода. – 1886. – Бр. 7. – 19 ноември. – С. 1.

¹⁷ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1.

¹⁸ Свобода. – 1886. – Бр. 11. – 3 декември. – С. 1.

¹⁹ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1.

²⁰ Свобода. – 1886. – Бр. 3. – 8 октомври. – С. 2.

²¹ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1–3.

²² Там же. – С. 2.

²³ Стамболов С. Дневник. – С. 224.

²⁴ Там же. – С. 227.

²⁵ Там же. – С. 225.

²⁶ Там же. – С. 226–227.

²⁷ Свобода. – 1887. – Бр. 19. – 10 януари. – С. 1.

²⁸ Свобода. – 1887. – Бр. 24. – 28 януари. – С. 1.

²⁹ Стамболов С. Дневник. – С. 237.

³⁰ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. Летописни спомени и очерки. – Ч. 2. – София: Издателска къща «Български писател», 1992. – С. 5–6.

³¹ Там же. – С. 49.

³² Радев С. Строителите на съвременна България. – Т. 2. – URL: <http://www.slovo.bg/showwork.php?p3?AuID=101&WorkID=9355&Level=3> (дата обращения: 08.08.2015).

³³ Попов Р. България на крестопът. – С. 213

³⁴ Маринов Д. Стефан Стамболов. – С. 63.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – С. 8.

³⁷ Там же. – С. 9.

³⁸ Там же. – С. 63.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. – С. 65.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 65–66.

- ⁴⁴ Там же. – С. 66.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. – С. 67.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. – С. 68.
- ⁵⁴ Там же. – С. 68.
- ⁵⁵ Там же. – С. 69.
- ⁵⁶ Там же. – С. 69.
- ⁵⁷ *Стамболов С.* Дневник. – С. 240.
- ⁵⁸ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – Москва: Издательство «Индрик», 1998. – С. 420.
- ⁵⁹ *Маринов Д.* Стефан Стамболов... – С. 279–280; См. также: *Матеев Е.* Държавникът Стефан Стамболов. – София: Издателска къща «Летописи», 1992. – С. 96–99.
- ⁶⁰ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, доклади 1891. – Том 4. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 199.
- ⁶¹ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, доклади 1891. – Том 15. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2003. – С. 399.
- ⁶² Цит. по: *Попов Б.* България на крестопът. – С. 261.
- ⁶³ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 69.
- ⁶⁴ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, записки. – Том 5. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 127.
- ⁶⁵ Цит. по: *Косик В.И.* Время разрыва. – С. 67.
- ⁶⁶ Там же. – С. 81.
- ⁶⁷ *Иванов Д.* Лидерът Стамболов. – София: Издателство «Сиела», 2014. – С. 92.
- ⁶⁸ Там же. – С. 93.
- ⁶⁹ *Стамболов С.* Личен архив. – Том 5. – С. 129.
- ⁷⁰ Там же. – С. 161–171.
- ⁷¹ *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм) XIX – начало XX в. – Москва: Издательство «Наука», 1985. – С. 182
- ⁷² *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 389.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. – С. 392.
- ⁷⁵ Там же. – С. 389.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 2–3.
- ⁷⁸ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 2–3.
- ⁷⁹ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 390–391.
- ⁸⁰ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 3.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 391.
- ⁸⁴ Свобода. – 1894. – Бр. 1386. – 12 май. – С. 3.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Свобода. – 1894. – Бр. 1388. – 14 май. – С. 3.
- ⁸⁸ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 393.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. – С. 392.
- ⁹¹ Свобода. – 1894. – Бр. 1395. – 28 май. – С. 1.
- ⁹² Свобода. – 1894. – Бр. 1440. – 23 април. – С. 1–2.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХИТРОВО ЗА СЪЕДИНЕНИЕТО НА ИЗТОЧНА РУМЕЛИЯ С КНЯЖЕСТВО БЪЛГАРИЯ

И. Стоянов

Стоянов И. Михайло Олександрович Хитрово про об'єднання Східної Румелії з Князівством Болгарія. На підставі неоприлюднених листів російського дипломата М.О. Хитрово до І.С. Аксакова та інших кореспондентів, які зберігаються в Рукописному відділі Інституту російської літератури в Петербурзі, простежується особисте ставлення їх автора та позиція офіційного Санкт-Петербургу до акту об'єднання Східної Румелії з Князівством Болгарія. Аналізуються чинники, що впливали на еволюцію поглядів М.О. Хитрово з цього питання восени 1885 р., а також відображення в його листах точки зору Екзарха Йосифа на цю проблему, зокрема, його бачення македонського питання.

Ключові слова: М.О. Хитрово; І.С. Аксаков; Екзарх Йосиф; об'єднання Східної Румелії з Князівством Болгарія.

Стоянов И. Михаил Александрович Хитрово о соединении Восточной Румелии с Княжеством Болгария. На основании неопубликованных ранее писем российского дипломата М.А. Хитрово к И.С. Аксакову и другим корреспондентам, которые хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы в Петербурге, прослеживается личное отношение их автора и позиция официального Санкт-Петербурга к акту соединения Восточной Румелии с Княжеством Болгария. Анализируются факторы, влияющие на эволюцию взглядов М.А. Хитрово по этому вопросу осенью 1885 г., а также отражение в его письмах точки зрения Экзарха Йосифа на эту проблему, в частности, его видение македонского вопроса.

Ключевые слова: М.А. Хитрово; И.С. Аксаков; Экзарх Йосиф; соединение Восточной Румелии с Княжеством Болгария.

Stoyanov I. Mikhail Alexandrovich Hitrovo about unification of Eastern Rumelia with the Principality of Bulgaria. The article is based on unpublished letters of the Russian diplomat M. A. Nitrovo to I. S. Aksakov and another correspondents, saved in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature in St. Petersburg. It traces personal relation of the author of these letters and the position of the Russian Emperor on the act of unification of Eastern Rumelia with the Principality of Bulgaria. The article analyzes the factors influencing on evolution of M. A. Nitrovo's views on this issue in the autumn of 1885 as well as reflection in his letters of Exarch Joseph's point of view on the problem, particularly, his viewpoint on the Macedonian question.

Keywords: M. A. Nitrovo; I. S. Aksakov; Exarch Joseph; unification of Eastern Rumelia with the Principality of Bulgaria.

Съединението на Източна Румелия с Княжество България се приема с неодобрение от страна на официална Русия и лично от нейния самодържец император Александър III. На пръв поглед се получава някакъв необясним парадокс. След десетата по ред война с Османска Турция, завършила с възстановяването на българската държавност и с получаването на независимост от страна на Румъния, Сърбия и Черна гора, Русия, която начертава границите на Санстефанска България, се обявява категорично срещу Съединението на българите, извършено на 6 септември 1885 г. Тази позиція на Петербург е обект на многобройни изследвания, коментари, анализи през изминалите 130 години. Твърде често, ако не и винаги, те са „оцветявани“ с политически привкус и мнението на „изследователите“ следва политическия курс на управляващите, което е всичко друго, но не и исторически подход.

Представената статія няма задача да разглежда цялостно отношението на Петербург към българското Съединение, тъй като това е правено многократно, а и е познато до болка на всички интересувачи се от проблема. Освен това всички български изследователи са категорични по проблема, че това е един акт, който трябва да бъде оціняван единствено с положителен знак, докато Русия, незалежно от конкретните си моментни съображення, допуска капітална грешка, която има тежки последици за руско-българските отношения. Основната цел на предложеното изложение е да се проследи отношението на един ди-

пломат от кариерата, познаваш отлично българската действителност, перипетиите, през които преминават българо-руските отношения от Освобождението до септември 1885 г., и който първоначално изказва своето мнение по разисквания проблем, без да се съобразява с дипломатическия пост, който заема в този момент. Статията е построена върху писма на Михаил Александрович Хитрово – посланик на Русия в Египет по това време, на Иван Сергеевич Аксаков – всепризнат идеолог на славянофилството не само в Русия, но и в целия славянски свят, и защитник на идеята за единство на славянския свят, на Сергей Спиридонович Татищев – общественик, историк и известен познавач на руско-българските отношения, на император Александър III. По-голямата част от тях са непознати за българската историческа наука по простата причина, че се съхраняват в Ръкописния отдел на Института за руска литература (Пушкинският дом) в Петербург. Причината за мястото на обозначеното съхранение е тази, че Михаил А. Хитрово е поет. В същото време Сергей Т. Аксаков, Константин С. Аксаков и Иван С. Аксаков, т.е. бащата и двамата му синове, са известни писатели и литератори, поради което имат специален архивен фонд под № 3 в Ръкописния отдел на споменатия Институт, който ще бъде цитиран в последващото изложение. В този и в другите фондове на обозначения Институт обаче, наред с материалите, свързани с писателската, поетичната и литературната дейност на посочените по-горе личности, се съхраняват и много документи, свързани с политическата, дипломатическата, стопанската и военната история на Руската империя, каквито са и тези, използвани за основа на предложеното изследване.

Кой всъщност е Михаил А. Хитрово? Той е роден на 1 февруари 1837 г. в Москва в семейството на потомствени дворяни. Получава военно образование и първоначално служи в армията. През 1859 г. преминава на работа в Министерството на външните работи. От началото на 60-те години на XIX в. свързва дипломатическата си кариера с Балканите и от 1861 до 1864 г. е генерален консул на Русия в Битоля. През 1871 г. е назначен за генерален консул на Петербург в Цариград, където изпълнява тази длъжност под ръководството на Николай П. Игнатиев до 1877 г. По време на войната е сътрудник в дипломатическата канцелария при главнокомандващия руската Дунавска армия Великия княз Николай Николаевич, ръководена от Александър Нелидов. След Берлинския конгрес и подписания мирен договор е назначен за генерален консул на Русия в Солун, на който пост остава до 1880 г. От 1881 г. е дипломатически агент в Княжество България, като пристига в София непосредствено след събитията от 27 април 1881 г. Първоначално поддържа княз Александър Батенберг в действията му по суспендирането на Търновската конституция и налагането на режим на пълномощията. Всъщност дипломатическият агент се придържа към официалната политика на Петербург по този въпрос. Позицията му на крепител на наложения режим провокира отвореното писмо на Драган Цанков от 25 май 1881 г. към него с прочутата фраза, изказана от един мъдрец към „пчелата“: „Не ти ща нито меда, нито жилото“⁴¹. С течение на времето обаче отношенията между княза и руския дипломат охладняват и през есента на 1882 г. Хитрово се завръща в Петербург. В писмо от 24 ноември 1882 г. от руската столица до Иван С. Аксаков в Москва той отбелязва следното: „За мен засега не мога да ви кажа нищо определено. Аз оставам както преди да се числя към Дипломатическото Агентство в България, но очевидно съм обречен на безвъзвръщане в това, въпреки и незавидно, местопребиваване. Какво ново назначение ще получа, засега е неизвестно, но като Йонин в някоя си Бразилия няма да отида“⁴². По-нататък с нескрито задоволство продължава: „От София идват добри известия за дейността на Соболев. Той така свършено върви по моя път и князът, ще не ще, ще трябва да го търпи; но дълго ли? Въпросът за българските железопътни линии отново се повдига. Тези дни се състоя ново заседание по този повод, в което участвах и аз, но засега нищо не е решено“⁴³.

Три месеца по-късно, на 18 февруари 1883 г., Михаил А. Хитрово съобщава на Аксаков, че е назначен за посланик на Русия в Египет. Със същото писмо му изпраща и секретна записка на Иван Зиновиев, като подчертава, че Аксаков може да публикува данните, съдържащи се в нея, без да указва източника, от който са получени. По отношение на българските събития заявява следното: „Изобщо в България, както и трябваше да се очаква, работите пак са се усложнили. Почвата под краката на генералите се подкопава, князът се занимава с интриги и т.н. Ще видим какво ще излезе“⁴⁴. На 9 август 1885 г. – по-малко от месец преди Съединението на българските земи на север и юг от Балкана, Хитрово е в Петербург и уведомява Аксаков, че след няколко дни ще бъде в Москва, и настоява за

среща: „Иска ми се да поговорим с Вас за много неща – и за Балканския полуостров, и за Египет, и за Абисиния“⁴⁵.

На 6 септември се осъществява историческият акт на Съединението на Източна Румелия с Княжество България. Тази българска акция има ефекта на гръм от ясно небе за руската дипломация и петербургското правителство. За това свидетелства писмото на Александър III до началника на Генералния щаб на руската армия ген. Обручев, в което се казва дословно: „Аз не одобрявам сегашното движение на българите, те не ни послушаха, действаха тихомълком, за съвети не се обръщаха към нас – нека сега сами да сърбат кашата, която са забъркали. По мое виждане, докато княз Александър се разпорежда със съдбата на българския народ, нашата намеса в работите на българите е напълно невъзможна и безполезна. Заради последното движение, което не одобрявам и за нас е нежелателно в този момент, да се караме с Турция, а може би и с Европа, би било непростимо и дори престъпно по отношение на Русия“. По-нататък руският самодържец заключава откровенно, че основната цел на Русия на Балканския полуостров е завземането на Проливите. Всички други въпроси са второстепенни. „Достатъчно популярничехме в ущърб на интересите на Русия. Сега славяните трябва да служат на Русия, а не ние на тях. Ето моето мнение върху сегашните политически обстоятелства“⁴⁶. Всичко това е написано само шест дни след българското обединение – на 12 септември 1885 г.

И най-видните представители на руската общественост реагират разнопосочно на събитията в България, но техните мнения се оказват много по адекватни на ситуацията, отколкото становището на императора. В писмо от 27 септември 1885 г. до Константин Петрович Победоносцев – член на Държавния съвет от 1872 г. и обер-прокурор на Св.Синод от 1880 г., един от най-приближените в обкръжението на Александър III, известен със своите консервативни възгледи, Иван С. Аксаков се възмущава от факта, че Министерството на вътрешните работи забранява да се споменава за каквото и да е празнуване или отбелязване на 25 години от отмяната на крепостното право, които се навършват на 19 февруари 1886 г. По въпроса за ставащото в България той заявява: „За българските работи не пиша. Надявам се, че Господарят, като вижда докъде стигна Русия, водена от политиката на Гирс, ще го прогони“⁴⁷. Тук става въпрос за Николай Карлович Гирс – министър на външните работи на Руската империя в този момент. Твърде любопитно и нелишено от логика е мнението на друг общественик – Сергей Спиридонович Татищев. В писмо до известния издател Константин А. Губастов, той не скрива своята изненада от позицията на Петербург по българското Съединение: „Трудно е да си представим нещо „по-мъдро“ от това, което става в сегашно време. Русия настоява за изпълняване решенията на Берлинския договор. Нима това е възможно? Филипополските събития са укор за Гирс“⁴⁸.

Само четири дни след Пловдивската „революция“ в този хор се намесва и главният герой в предложения материал – Михаил А. Хитрово. В писмо от Петербург до Иван С. Аксаков с дата 10 септември 1885 г. той пише следното: „Стана това, което трябваше да стане, което предвиждах и предсказвах преди няколко години. Княз Александър придобива популярност и укрепва своето положение в ущърб на нас и на нашето влияние. Съединението на Румелия с България трябваше да стане, но трябваше да стане чрез нас, по наша инициатива. Сега се **подчертава** това, че то е станало край нас, **без наше знание**. Събитието беше за Министерството **напълно неочаквано** (подч. от М. А. Хитрово – И. С.). Братушките ни разиграха така, както никога нашите държавни мъже не са били разигравани в нито една игра, а те, струва ми се, в това са силни. Аз разбирам, че е възможно такова събитие в дадена минута да не се предвиди и съответно отстрани, но не разбирам това, че то изобщо не е могло да бъде предвидено, тъй като то трябва да е било подготвено“⁴⁹. По-нататък той продължава, че князът и Каравелов налагат на Русия своята воля и „на нас не ни остава нищо друго, освен да изпълняваме тази воля, независимо че става в твърде неудобно за нас време. Ето докъде стигнахме“. Посланикът на Русия в Египет обаче подчертава, че и други от „големите“ са изненадани от станалото и че Русия не е единствената, която попада в конфузна ситуация. Що се отнася до това дали князът и българите са се консултирали с някого и дали са искали разрешение за извършения акт – на тези въпроси сега не може да се отговори. Всички дипломатически представители в двете области се кълнели, че извършеното е пълна изненада за тях. На този етап те се стараели да задържат събитията на дипломатическа почва, т.е. да се признае Съединението и да се

удържат турците от евентуална непремерена реакция. Гарантирането на успех на подобна тактика, според Хитрово, е проблематично. Достатъчна била една искра – сблъсък на турците с българите, кръвопролития по македонската граница или нещо друго, и всичко ще се изплъзне от ръцете на дипломатията, а резултатът ще бъде ново изостряне на Източния въпрос. Руският посланик подчертава, че от това можела да се възползва Австрия и да се насочи към Митровица. Заेतата позиция от Русия на дезавуиране на българското Съединение едва ли е най-правилната. В заключителната част на това послание до Аксаков Хитрово напълно основателно подчертава: „Ако това е станало несвоевременно за нас, то не е ли наша вината, че е могло така да се случи? И кой ще ни повярва от руската и европейската публика, че това е могло да се случи без наше позволение? А, между другото, това изглежда и невъзможно“¹⁰.

Разсъжденията на руския дипломат са напълно основателни и съдържат повече критична насоченост срещу дипломатическите и военните представители на Петербург в Княжество България и Източна Румелия, отколкото към действията на българите. Но изказаните мисли са показателни и за нещо друго, което българите знаят, но на което не вярват творците на Берлинския договор и правителствата на съседните Балкански страни – че Съединението, извършено на 6 септември 1885 г., е чисто българско дело, осъществено в разрез с постановленията на договора, подписан в германската столица. То изразява националните възжеления на всички българи от двете страни на Балкана. И не само на тях. Дори такъв опитен в дипломатическата дейност представител на Русия, който познава отлично настроението в Княжеството и в Източна Румелия, не може да повярва напълно в този неоспорим факт и го поставя, макар и виртуално, под съмнение.

На 14 септември, т.е. само два дни след коментираното по-горе послание до Аксаков, следва ново писмо от Петербург от същия автор до същия адресат. Като изказва възхищението си от това, което видният славянофил е написал в своя вестник „Русь“ по въпроса за Съединението на българите, Хитрово подчертава, че в статията има дълбоко разбиране на проблема, докато в столицата все още не са в състояние да преценят трезво случилото се и да предприемат адекватни мерки. „Ще поискате ли да разберете как се действа тук – тези мъдrecи искат да **поучат** България **с помощта на турците** (подч. от Хитрово – И. С.) и да изгонят княз Александър. Това е глупост! Автор на всичко това е Сорокин. Той уверява, че такова настроение (съединистко – И. С.) в България липсва, че всичко това е направено от княза и Каравелов импулсивно и че нищо не е било подготвено. И на него му вярват“¹¹. По-нататък той пише, че едва ли може да бъде обвиняван в привързаност към българския княз, но в тази минута трябва да се мисли трезво. „Аз, както и вие, съм готов да вярвам, че той е подучен от англичаните или от някой друг. Но в дадения случай на нас не ни остава друго, освен да го поддържаме, тъй като той в този момент е знаме, против което ние не трябва да вървим, защото е свързан изцяло със станалото. Ако искаме да бъдем верни на своето историческо приятелство и на самите себе си, **ние сме длъжни** (подч. от Хитрово – И. С.) да вземем направеното в свои ръце и да застанем начело, макар то да е осъществено без наше съгласие. Но ето това тук не разбират. При създаденото положение не можем да очакваме от бъдещето нищо добро. Нас ни подвежда в Европа, подобно на това, както ни подвежда в България и Румелия нашите агенти. Подробностите стигат до неподражаем комизъм. Как бих се посмял от душа, ако това не се случваше с нас“¹², – завършва Хитрово.

И това писмо издава нотки на критичност спрямо отношението на официална Русия към Съединението на Източна Румелия с Княжество България. И още нещо – Михаил А. Хитрово предлага, макар че адресатът трябва да е друг, най-логичната линия на поведение за руската дипломатия в този момент. А тя се изразява в пълна подкрепа на Съединението, на българското правителство и на княз Александър. Това изисква историческият момент, това изискват установилите се отношения между руси и българи през периода на Българското възраждане, по време на Източната криза, по време на Руско-турската освободителна война, по времето на Временното руско управление и в първите години от изграждането на Княжество България и Източна Румелия. „Ако искаме да бъдем верни на своето историческо приятелство и на самите себе си“, заявява Хитрово, трябва да се направи точно това. Тези мисли и разсъждения издават по-скоро мисленето на руския човек, отколкото на руския дипломат в този момент. Те, разбира се, са провокирани и от неудовлетвореността

на автора им от възложената му в Египет дипломатическа мисия, а и от съперничеството с тези, които дирижират външната политика на империята в този момент. Независимо от всичко това обаче, обективността в тях не може да не се признае. Тоест при трезвомислещи политици и дипломати в Петербург и при император от рода на Александър II, вместо властващия Александър III, отношенията между освободители и освободени дори в такъв момент биха могли да се развият в съвсем различна посока.

По-продължителното пребиваване в Петербург и двуседмичното пребиваване в руската дипломатическа мисия в Константинопол обаче променят доста рязко вижданията на Хитрово за същността на съединитския акт, за неговото значение и за позицията, която Русия трябва да поддържа спрямо него. Всичко това е отразено в писмото му от 18 октомври 1885 г. от борда на кораба „Царицин“, пътуващ към Александрия. Като отбелязва, че в османската столица той се среща с Нелидов, с българския Екзарх Йосиф и с много други влиятелни хора, Хитрово се спира на няколко основни проблема, свързани със Съединението.

На първо място, посочва, че станалото в България е било подготвяно отдавна и твърдението на княза и Каравелов, че осъщественият акт ги е сварил съвсем неподготвени, е пълна лъжа. Първоначално се предвиждало обявяването на коментираното събитие да се осъществи на 30 август, но „делото можело да бъде компрометирано в очите на Европа, тъй като 30 август е тържествен ден за русите“ и това налага отлагането му с няколко дни¹³. На второ място, изказва своето задоволство от статиите, които публикува в своя вестник Иван Аксаков по българските работи, но оспорва мнението му, че Русия трябва на всяка цена да поддържа България. Вярно е, че за всичко са си виновни самите руси, но по-важно било не проспаното Съединение, а последиците от това дело. „Да поддържахме извършения акт означава в същото време да поддържахме усиляването в България на този режим, който видимо е против нас. 90-милионна Русия не може да допусне, щото княз Александър и г. Каравелов да могат да я въвлечат в най-опасни авантюри във всеки момент, в който поискат. По силата на историческите отношения, свързващи ни с освободената от нас България, до окончателното изпълнение на нашата програма ние не можем да допуснем в страната друго правителство, освен напълно зависимо от нас. Ние сами сме си виновни, че допуснахме друг ред в това отношение. Но сега не е време да се съжاليا за това. Нужно е преди всичко да се унищожи ненормалният факт и да се възстанови в България това, което е длъжно да съществува там, а именно наше пълно и изключително влияние (подч. от Хитрово – И. С.). Ще съумеем ли да направим това и дали е избран най-добрия начин на действие – това е друг въпрос. Аз мисля, че тези мерки са недостатъчни и че сегашното ни поведение е предизвикано от неочакваното за нас събитие. Сегашният момент е твърде важен, твърде големи интереси са заложили на карта; предвид това е необходима пълна солидарност между нашите представители, нашето обществено мнение и нашата преса. А, между впрочем, в това ние не сме силни. Ето това е страшното!“¹⁴.

На трето място, Хитрово отбелязва, че е възможно временно връщане към status quo ante, но то да бъде при едно условие – за изключително кратко време. Само при това положение подобен ход би бил в полза на Русия „... за да може България веднага да разбере, че за нас е свети (подч. от Хитрово – И. С.) нейните народни интереси, но не и партийните интереси на г. Каравелов, на княз Александър и другите. България трябва веднага да разбере и на нея трябва да ѝ се втълпява, че нейното правителство, действашо покрай нас с цел да се избави от нашата опека, я е довело нея самата до ръба на пропагста. Но за това не е достатъчно да се ограничаваме само с официална дейност в международни конференции, необходимо е да се действа непосредствено (подч. от Хитрово – И. С.) върху народната маса в България“. Това, според Хитрово, не се правело, защото руската дипломация била застанала в Княжеството на някаква дипломатическа почва, все едно, че се намира в Белгия или Швейцария, и контактувала единствено с правителствените органи, а с народните маси отношенията са прекъснати. Те трябвало да се възстановят и това е задача на руските общественици и на руската преса, в това число лично и на Иван С. Аксаков.

Четвъртият момент в писмото разкрива позицията на българския Екзарх Йосиф по въпроса. Михаил А. Хитрово го окачествява като много умен и разсъдлив човек, но нямащ голямо влияние сред българите. „Той напълно допуска възможността за възстановяване на

status quo ante и предполага дори, че това няма да бъде толкова непопулярно, разбира се, при условие да се осъществят фактическото съединение чрез преглеждане на двата организационни устава и другите мероприятия – административни, финансови и икономически¹⁵. По-нататък Хитрово отбелязва, че Екзархът настоявал за провеждане на предвидените в Берлинския договор реформи в Македония, което би било посрещнато с голямо съчувствие от населението и би успокоило умовете в тази българска област. „По-нататък Блаженият Йосиф смята за необходимо преглеждане на българската конституция. Необходимо е там да се създадат консервативни постановки, а не консервативна партия. Такъв консервативен елемент може да бъде правилното устройство на църквата. Днес духовенството е недисциплинирано, църквата няма достатъчно авторитет, селските и градските попове зависят напълно от гражданската власт и често се явяват оръдия на партийни интриги. Въобще в България е в сила страшна демокрация, на която трябва да се сложи край. Днешната внезапна популярност на княза и даже популярността на Каравелов Екзархът смята за временно явление, което е съвършено фиктивно. Сред влиятелните българи те имат много противници. В нашата последователност обаче последните престанаха да вярват и за това ние сами сме си виновни. Трябва да възкресим вярата в нашия авторитет и в нашата последователност и за тази цел не трябва да губим ценно време. За съжаление, Екзархията няма вестник. Всички опити на Екзарха да получи разрешение от Портата за издаване на български вестник в Константинопол останаха напразни. Това е твърде жалко, тъй като в днешната обстановка можеше да се използва такъв орган за отрезвяване на българите от западните политически увлечения на техните ръководители“¹⁵.

На пето място, Хитрово поставя въпроса за поведението на Русия и другите велики сили на предвижданата европейска конференция по българското съединение. „Добре би било ако на конференцията ни се удаде да се сдобием с публично порицание на княз Александър и Каравелов от цяла Европа. Но какво ще бъде нашето положение, ако другите станат техни защитници и те се задържат, въпреки нашите желанија? Ето тук вече всичко зависи от по-голямата или по-малката искреност в нашето съглашение с Австрия и Германия и особено от последната. Австрия няма да се отдели от мнението на Германия – целият проблем се състои в чистосърдечността на Бисмарк. Но на това не бива да се разчита напълно и затова е необходимо, заедно с действията на международната конференция, да се действа непосредствено и в България за разрушаване там на моментния престиж на княза и на Каравелов“.

Шестият проблем, който засяга Хитрово, е този за евентуалното възбуждане на големия Източен въпрос с претенциите на сърби и гърци за окончателно разделяне на Европейска Турция. „Тук всичко отново зависи от искреността на Тройния съюз. Но трябва да се приеме без всякакво съмнение постановката, че временното отстраняване на опасността може да се постигне само чрез дипломатически компромис. Какъв ще бъде този компромис? Ето всичко, което мога да Ви кажа за общото положение на работите“¹⁶. Писмото окончателно е завършено в Александрия на 19 октомври 1885 г.

Това послание на Михаил А. Хитрово се различава коренно от предходните писма до същия адресат. На преден план тук се изявява служителят в руското дипломатическо ведомство, който изцяло се присъединява към официалната политика на Министерството на външните работи и другите държавни институции в руската столица. Накратко казано, „руският човек, славянинът“, проявяващ се доста релефно в първите дни след Съединението на Източна Румелия с Княжество България, отстъпва своето място на държавния служител в руския дипломатически корпус, който стриктно спазва официалната линия. Тази скоростна метаморфоза в позицията на Хитрово е трудно обяснима, още повече, че той кореспондира със същия адресат, до когото са изпратени и предишните му послания. И в тях той се интересува, на първо място, от интересите на Русия и не се и старее да прикрие това, тъй като знае, че ще срещне благосклонното мнение от страна на Иван С. Аксаков. Трезвият анализ обаче го кара да казва истини, които официален Петербург не иска да чуе. В последното цитирано писмо нещата се обръщат на 180 градуса – отново на първо място и единствено важни са руските интереси, но спрямо съединителния акт и извършителите оценките са категорично противоположни на изказаните по-горе.

Решаването на дилемата защо Хитрово постъпва така може би се намира в заключителния пасаж от последното писмо, съдържащ се в послеписа след датата 19 октомври, в

който се казва: „Аз се страхувам да поверя това писмо на чуждестранната поща. Ще се наложи да го задържа известно време. Ще се възползвам от заминаването на нашия представител в Комисията по Египетските работи, който се отправя за Русия през Москва и лично ще Ви го предаде. Моля, скъпи Иван Сергеевич, изпращайте ми „Русь“¹⁷. Този текст дава сериозна информация в две посоки: 1. Хитрово се страхува да повери посланието си на чуждестранната поща, тъй като може да попадне в ръцете на съперниците на Русия и да разкрие важни страни от позициите на Петербург, което би било равносилно на предаване от негова страна по отношение на Петербург и 2. Дори да го изпраща до Аксаков чрез руския представител в Египетската комисия, той навярно се опасява от това, че преносителят също може да го прочете. Най-вероятно именно това го кара да засвидетелства пълно единодушие с официалната руска позиция. Разбира се, че е възможен и трети вариант на размисъл – „отрезвяване“ на „славянина“ Хитрово след първите дни на събитието, когато разсъждава по-скоро по човешки, отколкото по руски, и влизането му в ролята на служител на Министерството на външните работи.

Всеки сам може да избере за себе си един от посочените три варианта като по-реалистичен за изложеното становище на Михаил А. Хитрово. Но фактите са такива, каквито са посочени в писмото му от 18 и 19 октомври 1885 г. Те носят важна информация не само за официалната политика на Русия по българското Съединение, но и такава за становището на българския Екзарх Йосиф и върховното ръководство на българската църква, за отношението и вижданията на Екзархията към югозападните български земи – Македония, за нейното моментно и не само състояние и за отношението на българския църковен глава към осъщественото Съединение на Източна Румелия с Княжество България. Убеден съм, че информацията от използваните новооткрити документални източници, без да променя познатата картина, ще нанесе нови щрихи върху нея, които ще допринесат за по-детайлното ѝ опознаване и интерпретиране.

¹ Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ – Български исторически архив (по-нататък НБКМ–БИА), ф. 11 (Драган Цанков), а.е. 12, л. 5; Независимост. – 1881. – № 71. – 30 май.

² Институт Русской литературы (Пушкинский дом). – Рукописный отдел – Санкт-Петербург (по-нататък ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб.), ф. 3 (Аксаковых, С.Т., К.С., И.С.), оп. 4, ед. хр. 657, л. 24.

³ Пак там.

⁴ Пак там, л. 25–26.

⁵ Пак там, л. 28.

⁶ Красный архив. – Т. 46. – Москва, 1931. – С. 180.

⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 18 (арх. П.И. Бергенева), ед. хр. 1, л. 38.

⁸ Пак там, ф. 463 (арх. К.А. Губастова), ед. хр. 38, л. 151.

⁹ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 3, оп. 4, ед. хр. 657, л. 29.

¹⁰ Пак там.

¹¹ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 3, оп. 4, ед. хр. 657, л. 31.

¹² Пак там.

¹³ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 3, ед. хр. 657, л. 33.

¹⁴ Пак там, л. 33–34.

¹⁵ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 3, оп. 657, л. 34–37.

¹⁶ Пак там, л. 37.

¹⁷ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, СПб., ф. 3, оп. 657, л. 37.

СТЕФАН СТАМБОЛОВ И ЗАХАРИЙ СТОЯНОВ

М. Куманов

Куманов М. Стефан Стамболов и Захарий Стоянов. У статті розглядаються взаємовідносини між двома яскравими особистостями болгарського політикуму – Стефаном Стамболовим і Захарієм Стояновим. Автор акцентує увагу на протиріччях між ними під час прем'єрства Стамболова.

Ключові слова: Ст. Стамболов; З. Стоянов; Болгарське Відродження; Народно-ліберальна партія.

Куманов М. Стефан Стамболов и Захарий Стоянов. В статье рассматриваются взаимоотношения между двумя яркими личностями болгарского политикума – Стефаном Стамболовым и Захарием Стояновым. Автор акцентирует внимание на противоречиях между ними во время премьерства Стамболова.

Ключевые слова: Ст. Стамболов; З. Стоянов; Болгарское Возрождение; Народнолиберальная партия.

Kumanov M. Stefan Stambolov and Zakharii Stoyanov. The article deals with the relationship between two outstanding personalities of the Bulgarian political elite – Stefan Stambolov and Zakharii Stoyanov. The author focuses on the contradictions between them during the premiership of Stambolov.

Keywords: St. Stambolov; Z. Stoyanov; Bulgarian Revival; People's Liberal Party.

Една от личностите във възрожденската и следосвобожденската епоха, с която се преплитат твърде много пътищата на Стефан Стамболов, е и Захарий Стоянов. И това не е никак случайно, като имаме предвид сложния и противоречив път, който двамата именити дейци извървяват като революционери и общественици. Въпреки излезлите не малък брой публикации както за единия, така и за другия¹, не ни е известно специално изследване, посветено на техните взаимни отношения. В този смисъл настоящото съобщение е пръв опит в тази насока. То не претендира за изчерпателност, а по-скоро цели да проследи в най-сбита форма по-важните моменти от съвместната им дейност. Макар че тя продължава по-малко от две десетилетия, в нея могат да се открият два главни етапа: първи – до Освобождението на България от османско иго, и втори – от Освобождението до смъртта на Захарий Стоянов през 1889 г.

Твърде различен е началният старт на жизнения им път – Ст. Стамболов е роден в Търново (дн. Велико Търново), град с богата история не само по време на Второто българско царство, но и през Българското възраждане, а Захарий Стоянов – в едно малко селце Медвен, скътано дълбоко в пазвите на Източна Стара планина, в съседство с историческото с. Жеравна и недалече от гр. Котел, един от центровете на Българското възраждане. Различна е и семейната им среда – докато бащата на първия, заедно с чичо му търгуват със стоки чак в Цариград (Стамбол), (от който град получават и своето прозвище Стамболови), бащата на втория е обикновен селянин. Докато родителите на Стефан Стамболов скланят пред молбите на учителя Т. Шишков, впечатлен от голямото ученолюбие на тяхното дете, да продължи образованието си в Русия, бащата на Захарий, по собствените признания на самия Захарий, се оказал открит противник на учението на своя син.

Едва 16-годишен, младият търновски юноша поема пътя за „обетованата земя“ (Русия) и пристига в гр. Одеса, където постъпва като ученик в известната Семинария, в която преди него учили и други българчета като Васил Друмев (получил по-голяма известност с духовното име Климент), взел активно участие в обществено-политическия живот на България както преди, така и след Освобождението ѝ. Това, че не успява да завърши пълния курс на обучението в Семинарията, се дължи само на причини от лично естество, предизвикани от самия Стефан Стамболов. За медвенчето, след като вратите на училището са затворени, остават два пътя, подобно на неговите съселянчета – занаят или овчарлък. И той поема по втория, поради което юношеските му години са свързани с равна Добруджа, където се отглеждат стадата на многобройни планинци не само от с. Медвен, но и от редица други села на Котленския край.

Това, което е отличителна черта и за двамата през първия етап от жизнения им път, е голямата им страст към самообразованието. Защото след изключването му от Одеската

семинария, за Стефан Стамболов също няма друг път за интелектуалното му развитие, освен сам да попълва знанията си. За Захарий Стоянов този път се оказва единственият, не само да се огромоти, но и да се издигне в интелектуално отношение.

Следва да се изтъкне, че благодарение на голямата си упоритост, която е сред отличителните черти и на двамата, те наистина постигат забележителни успехи в тази насока: Стефан Стамболов става поет и публицист, а Захарий Стоянов – само публицист, но от най-талантливите, които се появяват на журналистическото поле в първите години след Освобождението. Перото за Стефан Стамболов е другият „ятаган“, с който той си служи и като революционер, и като обществен, политически и държавен деец.

Запознанството им става съвсем случайно и при твърде неочаквани обстоятелства. През лятото на 1873 г., по време на лятната ваканция на път от Одеската семинария за Търново, Стефан Стамболов, пътуващ заедно със своя другар и земляк Иван Панов Семерджиев, който по-късно ще стане и негов съратник в революционната борба, посещават гр. Русе, където гостуват на легендарната баба Тонка. Тази чест им е оказана като познати и приятели на нейния син Георги, който по онова време учи в Юнкерското училище в Одеса.

В крайдунавския град двамата търновци се задържат за кратко време, но то е съвсем достатъчно, за да се запознаят с местните революционни дейци, чийто център е градското читалище „Зора“. В него като библиотекар работи другият син на баба Тонка – Никола Обретенов, чиято жизнена съдба от този момент до трагичната гибел на Стефан Стамболов през 1895 г. ще се преплита многократно по различни поводи. Захарий Стоянов се оказва в Русе преди Ст. Стамболов по съвършено други причини, които той подробно е описал в знаменитото си съчинение „Записки по българските въстания“.

Тази първа среща изобщо не подсказва, че ще се превърне в отправна точка за бъдещата им съвместна дейност и като революционери, а след Освобождението – и като общественици. Така вървят нещата до лятото на 1875 г. През това време Ст. Стамболов напуска преждевременно Одеската семинария и пред реалната опасност да попадне в ръцете на руската охранка, заради контакти с „нихилистични“ кръгове в черноморския град, е принуден да търси спасение с бягство вън от пределите на империята. След дълги митарства успява да се завърне в родния си град и веднага установява контакт с местните революционни дейци. За кратко време се налага като авторитетна личност, заради което е издигнат за ръководител на революционния комитет.

Началната му дейност като революционер съвпада с твърде труден момент в българското революционно движение. След обесването на Васил Левски настъпва голямо униение в редовете дори и на българската революционна емиграция в съседна Румъния. Сам председателят на Българския революционен централен комитет Любен Каравелов е вече обезверен и тръгва по пътя на просветителството. В Българско много от създадените дори и с личното участие на Апостола революционни комитети заглъхват и прекратяват съществуването си.

В същото време обстановката на Балканския полуостров е крайно неспокойна – в Херцеговина и Босна избухва въстание. Това дава кураж на друга група български революционни дейци около Христо Ботев да продължат делото на Апостола.

Стефан Стамболов няма възможност лично да се запознае с ръководителя на Вътрешната революционна организация, защото когато той увисва на бесилото, младият търновец е още семинарист в Одеса. Когато обаче поема пътя на революционната борба, той своевременно узнава за неговата личност и дело, то става и негова жизнена съдба.

Когато Атанас Узунов, първият заместник на Васил Левски, е заловен във връзка с Хасковското прикличение и изпратен на заточение, изниква въпросът за следващ такъв. Случаят отнежда тази висока чест на Стефан Стамболов. Биографите му са единодушни, че той се заема с голям жар с възложената му голяма, трудна и твърде рисковата мисия. Само за няколко месеца обикаля редица селища в Търновско и Габровско, дори се прехвърля и на юг от Балкана, където с помощта на отец Матей Преображенски и други свои приятели възстановява стари и основава нови революционни комитети.

Отварям една малка скоба. Пръв преди повече от половин столетие покойният проф. Александър Бурмов, един от авторитетните изследователи не само на Българското средновековие, но и на революционните борби през 60-те и 70-те години на XIX в., обоснова тезата, че след Ат. Узунов следващият заместник на Апостола е бил именно Ст. Стамболов². Направеният опит преди около двадесетина години от един шуменски историк, бивш

уредник на родната къща на Панайот Волов, да докаже, че не Ст. Стамболов, а П. Волов станал заместник на В. Левски³, не можа да се наложи поради неубедителните аргументи, изложени от него.

Премавам по-нататък. Като заместник на Апостола, Ст. Стамболов посещава няколкократно Букурещ и установява трайни и близки контакти с Хр. Ботев. Най-яркото доказателство за техните отношения е съвместната им стихосбирка „Песни и стихотворения“, която издават през 1875 г. От двадесетината стихотворения, колкото съдържа тази стихосбирка, творбите на Ст. Стамболов в нея наброяват не повече от пет-шест. В художествено отношение те са далеч под нивото на гениалните стихове на Хр. Ботев. Но ако Хр. Ботев не е могъл някак да му предаде от своя поетичен дар, той е оказал неизмеримо влияние върху революционното му съзряване. Всеки, който се запознае със стихотворението „Не щеме ний богатство, не щеме ний пари“, ще се убеди сам в това твърдение.

Известно е също така, че Ст. Стамболов питае голям респект и към личността на Любен Каравелов – председател на БРЦК и редактор на неговите печатни органи „Свобода“ и „Независимост“. Когато обаче последният решава да се оттегли от революционната борба, Ст. Стамболов без колебание застава на страната на Хр. Ботев.

Изследователите на Старозагорското въстание от 1875 г. са единодушни, че най-решиелният поддръжник на Хр. Ботев за въстание в България е именно Ст. Стамболов. Въпреки краткото време, с което разполага, той отново успява да покаже големите си качества като организатор. От трите окръга в Българско, въстанието от лятото на 1875 г. благодарение на неговите организаторски качества се оказва най-добре подготвено в Старозагорския⁴. Изтъкваме този момент нарочно, тъй като по време на Старозагорското въстание пътищата на Ст. Стамболов и Захарий Стоянов отново се преплитат и оставят вече трайна диря върху тяхната по-нататъшна дружба и приятелство.

След неуспеха на въстанието от лятото на 1875 г. Ст. Стамболов успява да се прехвърли в Румъния. Захарий Стоянов се укрива на различни места в Българско до пролетта на следващата 1876 г.

Случайно стекли се обстоятелства отново изтласкват Ст. Стамболов на преден план в революционната борба. Както се знае, група по-млади революционни дейци решават да продължат делото на старозагорци. За да избегнат унието, завладяло за втори път българската революционна емиграция в Букурещ, те се установяват в крайдунавския градец Гюргево и в края на 1875 г. в продължение на месец-месец и половина изработват плана за подготовката на новото въстание в Българско, което да бъде обявено през пролетта на следващата година⁵. Душата на този комитет, или Апостолско събрание, както е по-точно неговото наименование⁶, е Ст. Стамболов. Той е определен и за апостол на бъдещото въстание в родния му Търновски край. Захарий Стоянов също не се отказва от революционната борба. Привлечен е от Панайот Волов за негов помощник в Пловдивски (или както е повече известен – Панагюрски) революционен окръг.

След неуспеха и на Априлското въстание от 1876 г., оцелял по чудо, Ст. Стамболов отново търси спасение в съседна Румъния. Захарий Стоянов, който придружава Георги Бенковски до неговото убийство в Рибаришкия балкан, е заловен от османска потеря след известно време и е разкарван из различни затвори. Успял да се отърве от тях, се прибира в родното си село, но скоро след това отново се насочва към Русе, където са неговите близки другари и приятели.

До избухването на Руско-турската война от 1877–1878 г. Ст. Стамболов се скита „немил-недраг“ хъш в румънската столица. Тежките условия на живот обаче ни най-малко не повлияват на революционния му дух. Приема предложението на стария Блъсков и се заема с редактирането на последния Ботев вестник „Нова България“, който излиза до обявяването на Освободителната война през април 1877 г.⁷ Заедно с това влиза и в състава на Българското централно благотворително общество, което се опитва да продължи делото на БРЦК⁸.

След обявяването на войната между Русия и Османската империя през април 1877 г. Ст. Стамболов не последва примера на повечето от своите събратя хъшове в Букурещ и други румънски градове, и въпреки енергичните им подканяния, не постъпва в редовете на Българското опълчение. Това съвсем не означава, че е имал намерение да остане като страничен наблюдател на събитията, които коренно ще преобърнат съдбата на българския народ. Доказателството за това е, че приема поканата да стане сътрудник на някои руски вестници и да отразява развоя на военните действия на руската армия на юг от р. Дунав.

Тази мисия той изпълнява с успех⁹. В същото време е привлечен и за доставчик на храни за руската армия. Поемайки тази задача, той се сеща за своя съратник от Старозагорското въстание Захарий Стоянов и го привлича за свой помощник. Така, за трети път съдбата отново среща двамата дейци.

След Освобождението пътищата им за известно време се разделят, тъй като, бидейки още в плен на своите революционни идеи, Стефан Стамболов тръгва отново по пътя на революционната борба като един от главните организатори и ръководители на Кресненско-Разложкото въстание от 1878–1879 г.¹⁰. Още преди въстанието да заглъхне напълно, той е избран за депутат в Учредителното събрание, което ще заседава в Търново. По тази причина в началото на 1879 г. се озовава в родния си град. За негова голяма неприятна изненада узнава, че по волята на великите сили той и другите избрани от Македония и Тракия депутати няма да бъдат допуснати до участие в изработването на основния закон, по който ще се управлява в бъдеще освободеното Княжество. Въпреки това отново не остава със скръстени ръце. От една страна, е в ежедневни контакти с депутатите от либералното течение и изказва мнения по обсъжданите в Събранието въпроси. По този начин, макар и косвено, допринася също за демократичния дух на Търновската конституция. От друга страна, подпомага списването на в. „Остен“, издаван по време на заседанията на Учредителното събрание от Петко Рачов Славейков, също в Търново¹¹.

След закриването на Учредителното събрание от 1879 г. Ст. Стамболов остава за известно време в старопрестолния град, след което решава да се премести в София, където да търси каквато и да е служба за своето препитание. И наистина, получава някаква дребна служба в едно от министерствата, но бързо се отказва от нея и се залавя отново за перото. Сътрудничи на органите на Либералната партия, а след това започва да издава и свой вестник. През това време вече е претърпял значителна идейна еволюция надясно, като от революционни преминава на либерални позиции. Става привърженик на Либералната партия и в това си качество се изявява като яростен защитник на Търновската конституция. Това обаче не му попречва да пренебрегне някои от нейните повели, които се отнасят до собствената му личност. Без да притежава изискваната от същата тази конституция възраст, кандидатира се за депутат във Второто обикновено народно събрание и дори е избран за един от неговите подпредседатели.

Ст. Стамболов се обявява решително против извършения държавен преврат от 27 април 1881 г. и последвалия след него режим на пълномощията. Въпреки големия риск да попадне под ударите на новите управници, отказва да емигрира от Княжеството, както това правят Петко Каравелов, П. Р. Славейков и други дейци на Либералната партия. Препитава се отново с журналистика.

В началото на 80-те години на XIX в. Ст. Стамболов питае искрено уважение към тримата водачи на Либералната партия – Драган Цанков, П. Р. Славейков и Петко Каравелов. Не крие възхищението си от поведението на първия, който стоически понася ударите на режима на пълномощията, и дори му посвещава едно свое стихотворение. Затова е крайно изненадан от започналите борби вътре в партията, довели през лятото на 1884 г. до нейното разцепление¹².

Какво става през това време със Захарий Стоянов? След като се установява в Русе, той също търси дребни служби за препитание. Главното му внимание обаче е насочено в друга посока – издирване и събиране на материали за своите „Записки“ и за други исторически съчинения, които е намислил да подготви – биографии за Васил Левски, Хр. Ботев, както и за революционните движения през 60-те и 70-те години на XIX в., допринесли в последна сметка за освобождението на България. В идейно отношение както Ст. Стамболов, така и Захарий Стоянов еволюира от революционните си възгледи и преминава на радикални, а по-късно и на либерални позиции.

След установяването на режима на пълномощията, за разлика от Др. Цанков и Ст. Стамболов, Захарий Стоянов емигрира в Източна Румелия. Това му дава възможност да се запознае по-отблизо с духа на българите от областта и да застане начело на тяхната борба за присъединяване към Княжеството. Както е известно, възглавява Българския таен централен революционен комитет, който изиграва главна роля за подготовката и извършването на Съединението от септември 1885 г.¹³

Година преди това, през май 1884 г., в Княжеството се провеждат изборите за IV Обикновено народно събрание, които бележат финалната развързка между Др. Цанков, от една

страна, и П. Каравелов (заедно с П. Р. Славейков), от друга. В така създамата се трудна ситуация Ст. Стамболов е застава да вземе окончателно решение към кое от двете течения да се ориентира. Изборът му е твърде мъчителен и изпълнен с големи душевни терзания, тъй като, както вече се изтъкна, той питае еднакви симпатии към водителите и на двете течения. В последна сметка, нарежда се под знамето на П. Каравелов, което му осигурява и председателското място на IV Обикновено народно събрание¹⁴.

Като парламентарен шеф Ст. Стамболов посреща с нескривана радост и възторг извършеното в началото на септември 1885 г. Съединение на Източна Румелия с Княжество България и заедно с министър-председателя П. Каравелов придружават княз Александър I Батенберг до Пловдив, където той е провъзгласен за княз на двете Българи. Въпреки високия пост, който заема, след избухването на Сръбско-българската война от 1886 г. напуска незабавно столицата и се озовава на бойното поле при Сливница и Драгоман¹⁵.

До лятото на 1886 г. Ст. Стамболов е твърд следовник на П. Каравелов. Пътищата им се разминават и отдалечават след детронирането на княз Александър I Батенберг. За разлика от министър-председателя, след като узнава, че някои от войсковите части не одобряват извършения държавен преврат, застава начело на контрапреврата. От този момент се поставя началото на последния етап от обществено-политическа дейност на Ст. Стамболов, когато той се издига като първостепенна фигура в цялостния обществено-политически живот на страната – отначало като член на Регентския съвет, а от август 1887 до май 1894 г. и като министър-председател¹⁶.

Застанал начело на държавното кормило, Ст. Стамболов отново не забравя за Захарий Стоянов. Отправя към него покана да се заеме със списването и редактирането на в. „Свобода“. Последният приема поканата и влага целия си журналистически и публицистичен талант. Благодарение на него и на таланта на Дим. Петков, вестникът се издига до равнището на флагман на българската журналистика през втората половина на 80-те години на XIX в. За голямо съжаление, участието на двамата във в. „Свобода“ не продължава дълго, тъй като Ст. Стамболов им възлага и други задачи – в продължение на 7 години Дим. Петков е столичен кмет и председател на Централното бюро на Народнолибералната партия. Известно време възглавява и Народното събрание, а малко преди падането на Ст. Стамболов от власт е и министър в неговия кабинет¹⁷. Зах. Стоянов е издигнат отначало за един от подпредседателите на V Обикновено народно събрание, а след това – и за негов председател. На този висок държавен пост го заварва смъртта в началото на септември 1889 г., когато е на посещение в Париж.

През периода 1886–1889 г. отношенията между Ст. Стамболов и Зах. Стоянов съвсем не са гладки, колкото и невероятно да изглежда това. Разбира се, по главните насоки на вътрешната и външната политика между тях няма разномислие. Ст. Стамболов цени високо таланта и публицистичния дар на своя съратник, а Зах. Стоянов – куража на своя приятел да провежда самостоятелна политика, така както той я разбирал – нито русофилска, нито австрофилска, а българофилска.

И двамата неусетно попадат в мрежата на Кобурга, който се опитва под най-различни претексти да всее между тях недоверие и раздор. И само преждевременната кончина на Зах. Стоянов не му позволява да ги направи смъртни врагове, както това става с някои други лица от обкръжението на Ст. Стамболов – Олимпий Панов, Коста Паница и пр.

¹ Тук ще се ограничим да посочим само някои заглавия. За Ст. Стамболов: *Водовозов В. В.* Стефан Стамболов. Пловдив, 1895; *Биман А.* Стефан Стамболов. – София, 1896; *Маринов Д.* Стефан Стамболов. Летописни спомени и очерки. – София, 1909; *Велчев В. Т.* Принос към новата ни история. Стамболов и Фердинанд. – София, 1922; *Страшимиров А.* Диктаторът. Нови проучвания върху живота и личността на Стефан Стамболов. – София, 1935; *Радев С.* Строителите на съвременна България. – Т. 2. – София, 1973; *Пантев А.* Стефан Стамболов – хъшът, държавникът или „българският Бисмарк“. – София, 1994; *Същият автор.* Стефан Стамболов в часа на България. Статии, есета очерци. – София, 1995; *Попов Р.* България на кръстопът. Регентството 1886–1887. – София, 1991; *Същият автор.* Русия против Стамболов или Стамболов против Русия. – София, 2000; *Иванов Д.* Стефан Стамболов – от перото до ятагана. – София, 2005; *Същият.* Мъжка орис. – София, 2001; *Същият.* Стефан Стамболов – българската енергия. – София, 2006; *Същият.* Лидерът Стамболов. – София, 2014, и др.; *За Захарий Стоянов:* *Благоев Д.* Захарий Стоянов като публицист, революционер, апостол и патриот. – София, 1886; *Заимов Ст.* Миналото. Етюди върху „Записките“ на З. Стоянов.

– София, 1895; *Константинов Г.* Захари Стоянов като публицист и писател. – София, 1952; Попиванов Ив. Захарий Стоянов. Биография. – София, 1969; *Каранфилов Е.* Най-българското време. Книга за „Записките“ на Захари Стоянов. – София, 1976, 1979; *Чирпанлиев Ст.* Медвенският размирник. Документална повест за детството на З. Стоянов. – София, 1978; *Същият автор.* Захарий Стоянов. Биография. – София, 2002; *Ташев Т.* Животът на Летописеца. – Ч. 1: Джендо. – София, 1984; *Същият автор.* Животът на Летописеца. – Ч. 2: Парго. – София, 1989; *Същият автор.* Животът на Летописеца. – Ч. 3: Захарий. – София, 1989; и др.

² *Бурмов Ал.* Революционната дейност на Стефан Стамболов през 1873–1875 г. // Родина. – 1939. – № 2. – С. 76–94.

³ *Братоев Б.* Панайот Вичев Волов. Биографичен очерк. – Шумен, 2001.

⁴ *Койчева В.* Старозагорското въстание 1875. – София, 1975.

⁵ По-подробно вж. *Дойнов Д.* Гюргевският революционен комитет. – София, 1986.

⁶ Намереният преди време от нас препис от пълномощното на П. Волов и Г. Бенковски е подписано от Ст. Ст. Стамболов в качеството му на председател на Апостолското събрание, а не на какъвто и да било комитет (вж. *Куманов М.* За името на революционния орган в Гюргево в края на 1875 г. // Изследвания в чест на проф. Веселин Трайков. *Studia Balkanica.* – 2003. – № 24. – С. 173–183).

⁷ По-подробно вж. *Боришков Г.* История на българската журналистика 1844–1877 и 1878–1885. – София, 1976; *Иванов Д.* Стефан Стамболов. Публицистика 1875–1895 // *Стефан Стамболов.* Личен архив. – Т. 18. – София, 1996.

⁸ По-подробно вж. *Генов Ц.* Българската емиграция и националноосвободителното движение в навечерието на Руско-турската война от 1877–1878 г. // Исторически преглед. – 1968. – № 1. – С. 75–94.

⁹ По-подробно вж. *Иванов Д.* Стефан Стамболов. Публицистика 1875–1895. – С. 45–72.

¹⁰ По-подробно вж. *Дойнов Д.* Кресненско-Разложкото въстание 1878–1879. – София, 1979.

¹¹ По-подробно вж. *Иванов Д.* Стефан Стамболов Публицистика 1875–1895. – С. 73–84.

¹² По-подробно вж. *Стоянов Ив.* Либералната партия в Княжество България (1879–1886). – София, 1989.

¹³ По-подробно вж. *Димитров Ил.* Преди 100 години. Съединението. – София, 1985.

¹⁴ *Стоянов Ив.* Либералната партия... – С. 149–152.

¹⁵ Вж. *Иванов Д.* Стефан Стамболов. Албум / Д. Иванов, М. Куманов. – София, 2005.

¹⁶ По-подробно вж. *Попов Р.* България на кръстопът. Регентството 1886–1887. – София, 1991.

¹⁷ По-подробно вж. *Попов Ж.* Бурният живот на Димитър Петков. – София, 1998.

ВЪПРОСЪТ ЗА ЛИДЕРСТВОТО НА НАРОДНОЛИБЕРАЛНАТА ПАРТИЯ СЛЕД УБИЙСТВОТО НА СТЕФАН СТАМБОЛОВ

Д. Костадинова

Костадинова Д. Питаня про лидерство в Народно-либералній партії після вбивства Стефана Стамболова. У статті аналізується ідейна еволюція видатного болгарського державного діяча Ст. Стамболова, зокрема причини його розриву з П. Каравеловим та обставини заснування Народно-либеральної партії після державного перевороту 1886 р. Оцінюючи її як партію лідерського типу, автор дає оцінку її очільникам, що визначали обличчя партії після смерті Ст. Стамболова.

Ключові слова: Болгарське князівство; партійно-політична система; Стефан Стамболов; Народно-либеральна партія.

Костадинова Д. Вопрос о лидерстве в Народно-либеральной партии после убийства Стефана Стамболова. В статье анализируется идейная эволюция выдающегося болгарского государственного деятеля Ст. Стамболова, в частности причины его разрыва с П. Каравеловым и обстоятельства учреждения Народно-либеральной партии после государственного переворота 1886 г. Оценивая ее как партию лидерского типа, автор дает оценку ее руководителям, определявшим лицо партии после смерти Ст. Стамболова.

Ключевые слова: Болгарское княжество; партийно-политическая система; Стефан Стамболов; Народно-либеральная партия.

Kostadinova D. The issue of leadership in People's Liberal Party after the murder of Stefan Stambolov. The article analyzes evolution of ideas of outstanding Bulgarian statesman St. Stambolov, particularly the reasons of his rupture with P. Karavelov and the circumstances of foundation People's Liberal Party after coup d'état in 1886. Treating the party as a leadership one, the author evaluates its leaders, who defined the face of the party after the death of Stambolov.

Keywords: The Principality of Bulgaria; party-political system; Stefan Stambolov; People's Liberal Party.

Въпросът за лидерството на Народнолибералната партия е изключително важен, тъй като както и другите политически партии, появили се в страната ни след Освобождението, така и тази партия е от лидерски тип. Терминът „лидерски тип“ обаче е съвременна модификация на битувания през втората половина на XIX – първата половина на XX в. термин „шефски тип“. Значението и на двата е едно и също. Лидерът или шефът е всичко за партията. Той е, така да се каже, белият дроб, чрез който тя диша и живее. При това лидерът или шефът не е необходимо да заема някакъв пост в ръководните органи на партията. От него обаче зависи кой да бъде председател на централното ѝ бюро, кой да бъде главен редактор на партийния орган и пр. Припомняме всички тези добре познати факти, тъй като към тези правила се е придържал и самият Стефан Стамболов, когато пристъпя към изграждането на своята политическа формация, наречена Народнолиберална партия.

Малцина от неговите биографи са си задавали въпроса: защо той я наименува така. Според нас това не е случайно негово хрумване, а резултат от редица фактори и обстоятелства. Когато Народнолибералната партия се появява на политическата сцена в България, не само в Княжеството, но и в цяла Европа с особена популярност се ползват няколко идейни течения. Ако започнем да ги броим от дясно наляво, на първо място следва да се постави консервативното. Негови прояви са различните политически партии, които в различните страни носят различни имена, но идейната им същност е една и съща. У нас такава е старата Консервативна партия, която произлиза от консервативното течение, зародило се по време на Учредителното събрание, заседавало в Търново през 1879 г. Скоро след това то се обособява и в политическа партия под същото наименование¹. При все че в редовете ѝ членуват заможни лица, Консервативната партия не успява да се разрасне като влиятелна политическа сила и след Съединението на Източна Румелия с Княжество България през 1885 г. просто изчезва от политическото пространство на Княжеството.

Другото идейно течение в Европа е либералното, чиито разновидности в различните страни са още по-многобройни от тези на консервативното. У нас обаче то се проявява под

класическото название „либерално“. Както консервативното, така и то също се заражда по време на Учредителното събрание от 1879 г. Като партия и то се обособява след закриването на Учредителното събрание².

Лидерите и на двете партии са лица добре известни, с богат политически опит, придобит още от предосвобожденската епоха. Главно поради възрастови причини Ст. Стамболов не влиза в тяхната среда. Политическите му пристрастия обаче са на страната на Либералната партия. Ако за някои други политически дейци от онова време принадлежността им към Либералната партия може да се сметне като позитивен акт, същото не може да се каже за младия търновец, тъй като влизането му в Либералната партия означава, че той вече е еволюирал от революционните си възгледи, които е имал в предшествашата възрожденска епоха. За него участието му в Либералната партия е еволюция наядсно, което е по-рядко срещано явление сред политическите дейци, които в повечето случаи еволюират от дясно наляво. Примери за такъв процес има стотици в европейската и световната история, има такива и у нас. Нека само си припомним случаите с Кимон Георгиев, Дамян Велчев, които от върли монархисти стават републиканци и пр.³ Идейната еволюция на Ст. Стамболов е твърде съществен въпрос, но тук няма да се спираме по-подробно на него, тъй като това би ни отклонило от задачата, която сме си поставили.

Като член на старата Либералната партия, Ст. Стамболов е непосредствен свидетел на нейното изграждане като политическа формация от страна на Драган Цанков, Петко Каравелов и Петко Рачов Славейков. И към тримата партийни лидери той изпитва истинско уважение, учи се и от техния опит. Искреното му желание е Либералната партия да запази своята монолитност, тъй като след нея върви и по-голямата част от българската общественост по онова време. За голямо негово съжаление, това обаче не се получава. Подложена на различни атаки, най-вече от страна на княз Александър I Батенберг и консерваторите, тя започва да се раздира от вътрешни политически трусове, които излизат на повърхността на политическия живот в Княжеството през септември 1883 г., когато Др. Цанков, за да се сложи час по-скоро край на установения по онова време Режим на пълномощията, дава съгласието си пред княза за формиране на коалиционно правителство с консерваторите⁴. За Петко Каравелов и Петко Рачов Славейков това е неприемлив ход и те се обявяват открито против него⁵. До пролетта на 1884 г. Либералната партия обаче съществува като единна формация. Разцеплението в редовете ѝ се извършва след парламентарните избори за IV Обикновено народно събрание от май 1884 г., когато Др. Цанков е дезавуиран от своите политически привърженици, поради което е принуден да подаде оставката си от министър-председателския пост. За нов министър-председател е назначен главният му политически опонент Петко Каравелов, който току-що е бил избран за председател на новото Народно събрание⁶.

Ще отворя една малка скоба: в избора за председателския пост на IV Обикновено народно събрание наред с П. Каравелов се кандидатира и Ст. Стамболов. Кураж за тази постъпка му дава фактът, че вече е бил подпредседател на II Обикновено народно събрание и че познава добре парламентарната практика. А дали това е било като акт на поставленник на Др. Цанков, както се споменава в някои публикации, или не, на този въпрос сега няма да се спираме. Ще отбележим само, че мнозинството от депутатите подкрепят кандидатурата на П. Каравелов, което е пряка последица от самия облик на партията – лидерския. По тази причина, макар и да е бил добре познат на българското общество, Ст. Стамболов търпи провал. След като П. Каравелов става министър-председател, на проведеното ново гласуване за председател на Народното събрание Ст. Стамболов отново се кандидатира и този път печели избора. Последвалият му успех нямаше да се получи, ако за него не бе дал съгласието си самият партийен лидер П. Каравелов⁷.

Изборът на Ст. Стамболов за председател на IV Обикновено народно събрание в края на юни 1884 г. слага край и на колебанията към кое от двете течения на Либералната партия да се присъедини. Макар че симпатиите му са били повече към стария Др. Цанков, преминава към крилото на П. Каравелов. И трябва да подчертаем, че до август 1886 г. Ст. Стамболов е верен поддръжник на своя партийен лидер. Разривът между двамата избухва след детронирването на княз Александър I Батенберг, което по същество е истински държавен преврат. По станалото събитие двамата дейци заемат различна позиция: П. Каравелов проявява колебание, от което не се освобождава. Ст. Стамболов, когото превратът

заварва в родния му град Търново, отначало също се въздържа от каквато и да било проява. Полага неимоверни усилия да се осведоми за това как и от кого е извършен превратът и особено от това как той се посреща в страната. Когато узнава, че срещу акцията се обявяват някои от големите гарнизони в страната, той решава да се присъедини към тях⁸.

От този момент насетне той не само се разделя с П. Каравелов, но счита последния и за свой главен политически противник, с когото по-късно ще се разправи по особено жесток начин. Така е: в политиката няма сантименти – има само борба и то борба за интереси, борба за политическо надмощие. След преврата от 9 август 1886 г. надмощие в политическия двубой с П. Каравелов взема Ст. Стамболов. Раздялата с П. Каравелов не е само личностна, но и политическа. Казано с други думи, Ст. Стамболов напуска и оглавяваното от него течение в старата Либерална партия, което на практика означава, че той трябва да изгради свой нов политически пристан.

Докато още е регент, Ст. Стамболов се опира на подкрепата на патриотическите дружинки „България за себе си“, състоящи се в мнозинството си от бивши поборници и опълченци⁹. Когато обаче новоизбраният княз Фердинанд през август 1887 г. го поканва да заеме министър-председателския пост, той разбира, че не може да се осланя повече на тези формации и че ще му трябва далеч по-сигурна политическа опора, на която да разчита формираният от него кабинет. Така се стига до идеята за създаването на Народнолибералната партия. От самото ѝ име проличава, че тя ще бъде поредната издънка от старата Либерална партия, към която обаче се полагат усилия да бъдат привлечени и лица, и групи от други политически среди, които споделят идеологията на министър-председателя.

Моделът вече го има – това е старата Либерална партия. Остава да се пристъпи към неговото конкретно осъществяване. Зает премного с административни задължения като министър-председател и министър на вътрешните работи, Ст. Стамболов възлага тази неимоверно трудна и отговорна задача на един от своите най-близки съратници – Димитър Петков¹⁰.

Въпреки появилите се в последните години публикации в историческата ни литература, следва да се каже, че неговата личност продължава да бъде в забвение. А това е крайно незаслужено за него, тъй като той има зад себе си богата биография. Добруджанец (роден в с. Баш кьой, Тулчанско), закърмен с революционните възрожденски идеи, Д. Петков взема участие в Руско-турската освободителна война от 1877–1878 г. За проявения героизъм е награден лично от император Александър II. След Освобождението се отдава на журналистика и публицистика. Политическите му пристрастия са също към старата Либерална партия. От тримата ѝ лидери най-много му импонира личността на стария Петко Рачов Славейков и то не толкова като политическа фигура, колкото като журналист и публицист. От него той се учи, пристъпвайки към новото си поприще. Като деец на Либералната партия няма лидерски амбиции, каквито има Ст. Стамболов. И ако не бяха настъпили събитията от 9 август 1886 г., той навярно щеше да си остане на журналистическото и публицистично поприще. Развоят на последвалите след държавния преврат събития обаче го хвърля и в пламъците на ожесточена политическа борба. Преминал на страната на Ст. Стамболов, без да се отказва от журналистиката и публицистиката, поема задължението не само за изграждането на Народнолибералната партия, но в продължение на седем години е и столичен кмет. Известно време е и председател на IV Велико народно събрание, както и на VI и VII Обикновено народно събрание, закратко е и министър на обществените сгради, пътищата и съобщенията в последния кабинет на Ст. Стамболов преди падането му от власт през май 1894 г.¹¹

Към своята партия Ст. Стамболов се връща едва след като минава в опозиция. Но и тогава не заема никакъв отговорен пост в нея. Председател на Централното бюро продължава да бъде Димитър Петков. Той обаче е лицето, което дава главните насоки на нейната дейност.

Минаването на Ст. Стамболов в опозиция му подежда шокиращо. Дори и в най-кошмарните си сънища не е допускал какво ще му се случи с него. Непосредствената му близост с княз Фердинанд в продължение на седем години му позволява да разбере с какъв владетел си има работа. Няма да се впускаме в подробности, но не можем да отменим добре известния факт, че още при посрещането му във водите на р. Дунав край Видин през далечната 1887 г. личността на новоизбрания княз не му се понавря. Още

тогава той споделя пред придружаващите го лица, че с този човек ще си има много неприятности. След като го опознава от по-отблизо, ще каже и добре известните думи, че българският народ ще му прости всички грехове, но не и този, дето е довел Кобурга в България. А на смъртния си одър, малко преди да издъхне, успява да промълви само на стоящата до него плачеща съпруга: да не стъпва никога в Двореца и от Двореца нищо да не взема¹².

Въпреки прикритата или дори открита неприязън към личността на княза, като министър-председател Ст. Стамболов полага големи усилия да пренебрегне личните си чувства и прави всичко възможно за утвърждаването на неговия авторитет на държавен глава, както това изискват повелите на самата Търновска конституция. В някои отношения дори отива и по-далеч, като променя известния чл. 38 от Конституцията, отнасящ се до вероизповеданието на княза¹³. Казано накратко, Ст. Стамболов е искал да осигури всички условия на Кобурга да царува в България. Изобщо не си е и помислял, че последният има далеч по-големи амбиции – не само да царува, но и да управлява. Още по-малко е предполагал, че всеки, който се изпречи на пътя му за постигането на тази цел, ще бъде премахнат без оглед на мястото, което заема в политическия живот на страната.

Истинското лице на княз Фердинанд проличава след министерската промяна от май 1894 г. Едва тогава Ст. Стамболов разбира, че амбициите на княза няма да се ограничат само с политическото му отстраняване, но че ще отиде и по-нататък – с физическото му ликвидиране. Отказът на правителството на д-р Константин Стоилов да му издаде задграничен паспорт, за да отиде да се лекува в чужбина, вече го убяжда в това му предчувствие. Изпълнението на смъртната присъда над него е само въпрос на време. И това се случва, когато той най-малко очаква – в разгара на лятото на 1895 г.

Трябва да се признае, че последвалото му убийство нанася непоправим удар върху съдбата на Народнолибералната партия. Макар че просъществува самостоятелно чак до 1920 г., тя никога повече няма да достигне онзи ръст и влияние, които има по времето на управлението на Ст. Стамболов (1887–1894 г.). Дори и през периода 1903–1908 г., когато е отново начело на управлението на страната, тя вече е политическа формация от по-второстепенен ранг.

Заместници на Ст. Стамболов като лидери на Народнолибералната партия, освен Димитър Петков, стават Димитър Греков¹⁴ и д-р Никола Геннадиев¹⁵, които също са ярки политически личности, с богата биография и жизнен опит. Първият от тях е юрист по професия. Получава известност като един от лидерите на старата Консервативна партия. След като в средата на 80-те години на XIX в. тази партия престава да съществува, той се ориентира към партията на Ст. Стамболов. Вторият също е юрист по професия. Заедно с това, съвместно с по-големия си брат Харитон в началото на 90-те години на XIX в. пристъпва към издаването на ежедневника „Балканска зора“, който първоначално е с антистамболовистка насоченост. Скоро след това прави завой на 180 градуса и се превръща в един от най-ярките поддръжници на първия стамболовистки режим. Амбициите му за лидерския пост в партията се пораждат след смъртта на Димитър Петков и на Димитър Греков (който, впрочем, умира преди убийството на Дим. Петков през 1907 г.). На тях обаче им липсва харизмата на Ст. Стамболов. Макар и преминал в небитието през 1895 г., Ст. Стамболов си остава неоспорваният авторитет в средите на членската ѝ маса до 1920 г., пък и след това, до окончателното ликвидиране на политическите партии от режима на звенарите след преврата от 19 май 1934 г.

След промените от 1989 г., когато у нас настъпи ерата на политическия плурализъм, бе направен опит за реанимиране и на Народнолибералната партия. Той се оказва неуспешен главно поради това, че отново липсваше личност от ранга на Ст. Стамболов.

¹ По-подробно вж. *Гешева Й.* Образование Консервативной партии в Княжестве Болгарии // Bulgarian historical review. – 1993. – № 2–3. – Р. 180–192.

² По-подробно вж. *Стоянов Ив.* Либералната партия в Княжество България (1879–1886). – София, 1989.

³ *Недев Н.* Три държавни преврата, или Кимон Георгиев и неговото време. – София, 2007.

⁴ По-подробно вж. *Димитров Ил.* Режимът на пълномощията и борбата против него (1881–1883) // Годишник на Софийския университет. – Идеологически катедри. – 1965. – Т. 58. – С. 299–387.

- ⁵ По-подробно вж. *Косев Д.* Петко Рачов Славейков. Обществена и политическа дейност. – 2. изд. – София, 1986; *Кожухаров К.* Петко Каравелов. Историческа хроника за него и неговото време. – София, 1968.
- ⁶ По-подробно вж. *Стоянов Ив.* Либералната партия...
- ⁷ Стенографски дневници на IV Обикновено народно събрание, 30.VI.1884.
- ⁸ По-подробно вж. *Попов Р.* България на кръстопът. Регентството 1886–1887. – София, 1991.
- ⁹ По-подробно вж. *Попов Р.* Към историята на дружината „България за себе си“ (1886–1887) // Исторически преглед. – 1991. – № 11. – С. 21–41.
- ¹⁰ По-подробно вж. *Топенчаров, В.* Българската журналистика 1885–1903. – Кн. 1. – София, 1963. – С. 82 и сл.
- ¹¹ По-подробно вж. *Попов Ж.* Бурният живот на Димитър Петков. – София, 1998.
- ¹² По-подробно вж. *Иванов Д.* Стефан Стамболов – от перото до ятагана. – София, 2005.
- ¹³ По-подробно вж. *Петков П. Ст.* Православная церковь и государственная власть в Княжестве Болгарии // Bulgarian historical review. – 2000. – № 3–4. – Р. 54–75.
- ¹⁴ *Кънчов В.* Д-р Димитър Греков // Летопис на Българското книжовно дружество. – 1902. – С. 72–80.
- ¹⁵ *Грънчаров Ст.* Д-р Никола Геннадиев и неговите спомени // *Геннадиев Н.* Мемоари. – София, 1985. – С. 5–16.

ПОЛІТИЧНА СПАДЩИНА СТЕФАНА СТАМБОЛОВА У ПАРТІЙНІЙ СИСТЕМІ БОЛГАРІЇ (1895–1920)

Д. В. Миколенко

Миколенко Д. В. Політична спадщина Стефана Стамболова у партійній системі Болгарії (1895–1920). У статті розкривається вплив політики видатного болгарського державника, регента і прем'єр-міністра Болгарії Стефана Стамболова на функціонування партійної системи країни наприкінці XIX й упродовж перших двох десятиліть XX ст. До спадщини цієї постаті автор відносить специфічну диференціацію правоцентристських політичних сил, формування організацій вождистського типу, а також діяльність Народно-ліберальної «стамболовістської» партії, яка протягом тривалого часу займала одне із провідних місць у внутрішньому житті країни.

Ключові слова: Народно-ліберальна партія; «стамболовісти»; багатопартійність; вождизм.

Миколенко Д. В. Политическое наследие Стефана Стамболова в партийной системе Болгарии (1895–1920). В статье раскрывается влияние политики выдающегося болгарского государственника, регента и премьер-министра Болгарии Стефана Стамболова на функционирование партийной системы страны в конце XIX и в течение первых двух десятилетий XX в. К наследию этой фигуры автор относит специфическую дифференциацию правоцентристских политических сил, формирование организаций вождистского типа, а также деятельность Народнолиберальной «стамболовистской» партии, которая в течение длительного времени занимала одно из ведущих мест во внутренней жизни страны.

Ключевые слова: Народнолиберальная партия; «стамболовисты»; многопартийность; вождизм.

Mykolenko D. V. Political legacy of Stefan Stambolov in Bulgarian party system (1895–1920). The article deals with the influence of politics of the prominent Bulgarian statesman, regent and Bulgarian Prime Minister Stephen Stambolov on the functioning of the party system in the country in the late XIXth and the first two decades of the XXth century. To this political figure's heritage author includes specific differentiation of center-right political forces forming, organizations of authoritarian type and activity of the People's liberal "stambolovist" party, which for a long time had one of the leading places in the inner life.

Keywords: People's Liberal Party; "stambolovists"; multi-party system; leaderism.

Остання чверть XIX ст. пройшла для Болгарії під знаком становлення державності. Важливу роль у цьому процесі зіграв відомий політичний діяч країни Стефан Ніколов Стамболов (1854–1895 рр.). Протягом 1870–1878 рр. він брав участь у національно-визвольному русі проти турецької влади; після створення болгарського князівства (1878 р.) неодноразово обирався депутатом Народних зборів; у 1879–1886 рр. був членом Ліберальної, а в 1892–1894 рр. – Народно-ліберальної («стамболовістської») партії (НЛП); з 1884 по 1886 р. перебував на посаді голови Звичайних народних зборів (ЗНЗ).

На політичну авансцену С. Стамболов зійшов у 1886 р. Саме тоді в країні відбувся державний переворот, організований проросійськи налаштованими офіцерами болгарської армії. Військові заради врегулювання відносин із Санкт-Петербургом вирішили відсторонити від влади князя Батенберга, який остаточно розчарував імператора Александра III. С. Стамболов не підтримав заколотників, а здійснив контр-переворот з метою відновлення на троні законно обраного монарха. Перемігши у цьому протистоянні, він у 1886 і 1887 р. очолював Регентську раду – орган, створений після зречення престолу Александра I Батенберга. На цій посаді С. Стамболов сприяв приходу на болгарський трон німецького принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готського, а також обмеженню впливу Росії на внутрішні справи Болгарії. Останнє призвело до розриву двосторонніх дипломатичних відносин із Санкт-Петербургом.

Очолюючи протягом 1887–1894 рр. кабінет міністрів, С. Стамболов доклав чимало зусиль для скорішої адаптації у болгарському суспільстві неоднозначно сприйнятого громадськістю країни і міжнародною спільнотою новообраного князя. При цьому Росія та інші великі держави не визнавали Фердинанда законним монархом, наполягаючи на тому, що влада Болгарії порушила статті Берлінського трактату 1878 р., не узгодивши його кан-

дидагуру з гарантами статус-кво на Балканах. Проросійські політичні угруповання – «цанковісти»* і «каравелісти»**, котрих підтримувала значна частина громадськості, вимагали детронізації Фердинанда. Для подолання спротиву опозиції прем'єр-міністр застосовував авторитарні методи боротьби. У результаті переслідувань Д. Цанков і деякі його прибічники залишили країну, а послідовники П. Каравелова майже призупинили діяльність після арешту їх лідера. Статус легальної опозиції під час прем'єрства С. Стамболова мали лише «радославовісти»***, які офіційно визнали Кобурга законним князем¹.

1893 року, внаслідок помітної демократизації політичного режиму, ліберали, південно-болгарські «з'єдністи»**** і колишні консерватори значно активізувалися. Згуртувавшись, вони спільними зусиллями розпочали боротьбу за відсторонення від влади «стамболовістів». Негласно це опозиційне об'єднання підтримував князь Фердинанд, який прагнув розширити свій вплив у державі та позбутися нав'язливої опіки прем'єр-міністра. Врешті-решт монарх наважився скористатися своїм законним правом, наданим йому конституцією, й відправив С. Стамболова у відставку. Останній не зміг цьому завадити, адже через інтриги Фердинанда залишився без підтримки армії, а тому був змушений перейти до активної опозиційної діяльності². Надії колишнього регента і прем'єра на швидке повернення до управління державою обірвав терористичний акт, у результаті якого він загинув.

Період правління С. Стамболова залишив після себе значну спадщину – певну інерцію внутрішнього розвитку держави, задану під час свого перебування при владі. До того ж він мав чисельних послідовників – членів НЛП, які протягом тривалого періоду представляли одну з провідних політичних сил країни³.

Неоднозначність в інтерпретації різних аспектів діяльності С. Стамболова притаманна і болгарській історіографії. На початку ХХ ст. з'явилися перші роботи, присвячені вивченню біографії політика. Його образ, створений істориками і публіцистами у цей період, визначався суперечливістю. Одні характеризували його як національного героя Болгарії⁴, інші називали узурпатором, диктатором і русофобом⁵. За часів Народної Республіки Болгарія, коли в науці домінувала марксистська методологія, його діяльність пов'язувалась із забезпеченням егоїстичних вузькокласових прагнень промислової і торгової буржуазії⁶. Після «оксамитової революції» 1989 р. С. Стамболов перетворився на одного із самих шанованих національних героїв, зробивших значний внесок у справу розбудови незалежної держави та встановлення проєвропейського вектора зовнішньої орієнтації Софії⁷.

Російська дореволюційна⁸ і радянська⁹ історіографії створили здебільшого негативний образ С. Стамболова, котрий встановив жорсткий авторитарний режим, переслідував опозицію та приніс багато нещастя народу Болгарії. Сучасні російські дослідники¹⁰ скорегували оцінку своїх передників стосовно діяльності лідера НЛП. Політика С. Стамболова розглядається ними переважно у контексті розбудови національної держави, а також розвитку економіки й соціальної сфери. При цьому частіше підкреслюються саме заслуги регента і прем'єр-міністра у перетворенні Болгарії на сучасну європейську державу.

Їх західні колеги¹¹ представляють С. Стамболова видатним діячем, котрий зумів кардинально змінити курс зовнішнього і внутрішнього розвитку Болгарії, модернізувавши її економіку та систему державної влади.

Отже, в історичній науці достатньо розгорнуто висвітлено більшість аспектів політики С. Стамболова, але їхня оцінка має суперечливий характер. На наш погляд, детальний аналіз результатів його діяльності для розвитку країни у довготривалій перспективі спроможний суттєво скорегувати усталений в науковій літературі погляд щодо ролі цієї особи в історії Болгарії.

* Прибічники Д. Цанкова – впливового болгарського політика, прем'єр-міністра країни у 1883–1884 рр., котрі 1884 р. вийшли із складу Ліберальної партії. У 1897 р. угруповання очолив С. Данев, а в грудні 1899 р. на її основі була створена Прогресивно-ліберальна партія.

** Політичне угруповання на чолі з П. Каравеловим, засноване у 1886 р. після чергового розколу Ліберальної партії. З 1896 р. – Демократична партія.

*** Члени Ліберального клубу, а з 1895 р. – Ліберальної («радославовістської») партії; прибічники В. Радославова – прем'єр-міністра Болгарії у 1886–1887 рр.

**** Інша назва членів Народної партії Східної Румелії, створеної у 1879 р., яку вони отримали 1884 р. за свою активну позицію під час вирішення національного питання – об'єднання Південної і Північної Болгарії.

Метою даної роботи є дослідження одного із проявів спадщини Стамболова у функціонуванні політичної моделі Болгарії кінця XIX і перших двох десятиліть XX ст. Нами розглянуто як діяльність державника вплинула на розвиток партійної системи країни.

Болгарські партії виникли на базі угруповань лібералів і консерваторів у перебігу роботи Установчих зборів 1879 року. Перші виступали за обмеження повноважень монарха. Згідно з їх позицією, основним суб'єктом верховної влади мав виступати не князь, а парламент. Вони ратували за розширення демократичних свобод в країні й наполягали на непорушності конституційного ладу. Консерватори ж дотримувалися протилежної думки. Проіснувавши на політичній арені до 1886 р., вони встигли сформувати два перших уряди, втім не змогли виграти жодних виборів. У квітні 1881 р. ця партія підтримала встановлення авторитарного режиму Александра I Батенберга та скасування основного закону. Вказаними діями вона дискредитувала себе в очах громадськості та згодом остаточно припинила діяльність. Ідеологічно близькою до консерваторів була інша політична сила – південно-болгарська Народна партія. У другій половині 1880-х – на початку 1890-х років вона продовжувала діяти як самостійна організація.

Гостре протистояння навколо питань, пов'язаних із міжнародною орієнтацією країни, призвело у 1887 р. до розколу Ліберальної партії на декілька самостійних угруповань – «радославівців», «цанковівців», «каравелівців» і «стамболовівців». Таким чином, у період прем'єрства С. Стамболова у Болгарії сформувався прототип багатопартійної системи. При цьому до 1894 р. вона існувала лише формально. В умовах жорсткого авторитарного режиму повноцінною діяльністю мали змогу займатися лише ті політичні сили, котрі визнали Фердинанда законно обраним монархом – «стамболовисти» і «радославівисти». Інші виконували роль так званої нелегальної опозиції. Вони проводили підпільну роботу та фактично залишалися поза межами основних державних процесів¹².

Незважаючи на статус, всі новостворені партії представляли собою принципово інший, у порівнянні зі своїми попередниками – лібералами і консерваторами – тип організацій. Перш за все їх відрізняв вождизм – орієнтація на постать лідера, котрий, як правило, забезпечував значну долю фінансування, суттєво впливав на ідеологічні принципи, розробляв стратегію і тактику боротьби за владу, тощо. Водночас вельми зменшилося вагомє раніше значення центрального бюро, оскільки функції цього керівного органу, котрий представляли найбільш впливові члени, зосередив у своїх руках вождь.

Новий різновид партій характеризувався також наявністю власних розгалужених мереж місцевих осередків, тоді як ліберали і консерватори мали у своєму розпорядженні на периферії обмежену кількість нечисленних представництв. Першими створили провінційні бюро по всій країні «стамболовисти» і «радославівисти», чим суттєво збільшили свій вплив у суспільстві. Після 1894 р. їхній приклад взяли на озброєння «цанковисти», демократи-«каравелісти» і «народняки»*.

Наприкінці XIX ст. партійний спектр більшості європейських країн можна диференціювати за ідеологічним принципом, де консервативні політичні сили перебували на правому фланзі, ліберальні – у центрі, а соціалісти – ліворуч. Для Болгарії ж були притаманні деякі специфічні особливості. Серпневий переворот і контр-переворот 1886 р., а також період регентства і прем'єрства С. Стамболова сприяли розділенню більшості існуючих партій на русофілів, які вважали Кобурга незаконно обраним князем і ратували за зближення з Росією, та русофобів – поборників закріплення чинного глави держави на болгарському троні й обмеження впливу Санкт-Петербурга на внутрішню політику Софії.

Отже, головним чинником розмежування партій князівства стало визначення ними власного погляду на династичне питання і зовнішньополітичну орієнтацію, а не бажання наслідувати одну з трьох основних ідеологій. Наприклад, 1896 року, коли на базі угруповання «каравелівців» утворювалася Демократична партія¹³, прибічники П. Каравелова почали масово звертатися до свого лідера з проханням роз'яснити позицію щодо правлячої у Болгарії династії. На їхню думку, за умови офіційного визнання ними Фердинанда

* Одна з найбільш впливових політичних сил наприкінці XIX – на початку XX ст. Заснована 1894 р. після падіння режиму С. Стамболова колишніми консерваторами князівства, південно-болгарськими «з'єдністами» та деякими членами інших угруповань.

законним правителем, ідеологія демократів не буде відрізнятися від платформи інших ліберальних сил країни¹⁴.

Таким чином, одну з груп болгарських партій – русофілів – склали «цанковісти», «каравелісти», південно-болгарські «з'єдністи» (до 1894 р.) і «народняки»; до іншої – русофобів – належали «стамболовісти», «радославовісти», младоліберали* (з 1904 р.). І хоча цю диференціацію можна вважати доволі умовною¹⁵, адже жодна з політичних сил країни не визнавала себе русофобською**, вона виявилася довготривалою, залишаючись актуальною протягом усього періоду князювання/царювання Фердинанда. Упродовж 1895–1918 рр. представники цих двох непримиримих таборів жодного разу не створили між собою проурядову коаліцію. Незважаючи на те, що 1899 року князь активно лобював формування провладної більшості зі «стамболовістів», «каравелістів» і «цанковістів», у 1901 р. – зі «стамболовістів» і «цанковістів», а 1903 р. розглядав можливість утворення блоку «народняків» і «стамболовістів», всі його зусилля виявилися марними. Русофіли відмовилися співпрацювати з русофобами, остерігаючись втратити при цьому свій авторитет та підтримку електорату.

Варто відзначити і складні відносини між близькими за ідеологією партіями. 1899 року за ініціативи керівництва Ліберальної і Народно-ліберальної партій розпочався процес об'єднання двох політичних сил в одну потужну організацію. 27 січня/8 лютого було укладено угоду про загальну підтримку політики кабінету Д. Грекова – тогочасного лідера «стамболовістів», та започаткування видавництва спільного друкованого органу – газети «Нов век»¹⁶. Крім того, сторони домовилися про рівний розподіл чиновницьких посад і депутатських мандатів за результатами майбутніх виборів у Народні збори, а також про об'єднання своїх місцевих осередків з перспективою майбутнього заснування єдиної Ліберальної партії.

Проте реакція рядових членів окружних та околіїх осередків «радославовістів» і «стамболовістів» із самого початку була настороженою, адже протягом 1887–1894 рр. між політичними силами неодноразово виникали конфлікти¹⁷. Пам'ять про пережите жорстке протистояння, а також непорозуміння під час розподілу місць в адміністративному апараті завалили об'єднання. Зрештою 1/13 жовтня 1899 р. НЛП перейшла в опозицію до кабінету «радославовістів» на чолі з Т. Іванчовим.

Поза всяким сумнівом партіям Болгарії було притаманне сповідування характерних для Європи ідеологій. При цьому в політичній системі країни явно домінували правочентристи, чия ціннісна орієнтація знаходилася на перетині лібералізму і консерватизму¹⁸. До них належали «стамболовісти», «народняки», «цанковісти», «радославовісти» і демократи, які наприкінці XIX – на початку XX ст. змінювали один одного біля керма держави. Частина з них виявляла більшу схильність до консерватизму («стамболовісти» і «народняки»), другі віддавали перевагу націоналізму («радославовісти» та «младоліберали»), треті робили ставку на ліберальні цінності («каравелісти» і «цанковісти»)¹⁹.

Всі вищевказані організації часто-густо виступали єдиним фронтом проти лівих партій, які за впливом явно поступалися своїм опонентам. Наприкінці XIX ст. лівоцентристів у князівстві предствалили так звані «партисти» – Болгарська соціал-демократична партія та створена 1893 р. реформістська організація «союзисти» – Болгарський соціал-демократичний союз, котрі, як і більшість опозиційних політичних сил, діяли нелегально. 1894 року після падіння режиму С. Стамболова вони об'єдналися у Болгарську робітничу соціал-демократичну партію, однак 1903 р. під час засідань X конгресу через ідеологічні розбіжності відбувся її розкол на «тісних соціалістів» на чолі з Д. Благоевим і «широких соціалістів» Я. Сакизова. «Тісняки» стояли на позиціях марксизму, революційного соціалізму й інтернаціоналізму та вважалися однією з перших радикальних марксистських партій, які відмежувалися від реформістської соціал-демократії. Їхні більш помірковані колишні однопартійці підтримували реформи та виступали за «широке розуміння марксизму», «широку» діяльність серед усіх верств суспільства і «широкі» критерії членства в партії.

* Члени Младоліберальної партії – «тончевісти» – політична сила, яка 1904 р. на чолі з юристом Д. Тончевим відокремилася від Ліберальної партії В. Радославова.

** За часів прем'єрства С. Стамболова та після його смерті Народно-ліберальна партія позиціонувала себе захисницею національних інтересів, політичною силою болгарофільського спрямування.

Наприкінці 1899 р. під час розгортання руху за скасування натуральної десятини в князівстві утворилася ще одна партія лівоцентристського спрямування – Болгарська землеробська спілка, котра представляла інтереси найчисельнішої соціальної категорії населення країни – селян. Заснована як професійно-економічна та просвітницька організація, вже наступного року під керівництвом Я. Забунова вона вперше взяла участь в обцинних виборах, а 15/28 січня 1901 р. – в парламентських, отримавши 12 депутатських місць в XI ЗНЗ. III з'їзд, що відбувся восени 1901 р. в Софії, задекларував її політичний характер та нову назву – Болгарська землеробська народна спілка. Тривалий час ця політична сила не мала чіткої програми дій. Пропонуючи різні варіанти соціально-економічних реформ на селі, вона поступово зуміла перетворитися на одну з провідних партій країни, яку з 1904 р. очолював А. Стамболійский²⁰.

Фланг лівоцентристів останніми у нашому переліку поповнюють представники лівого крила демократів-«каравелістів». Упродовж 1903–1905 рр. вони остаточно оформилися в окрему силу – Радикально-демократичну партію, яка на чолі з Н. Цановим ратувала за впровадження прогресивного податку, республіканську форму правління, повне самоврядування в усіх галузях суспільного життя, відмову від збройних сил та інші кардинальні перетворення.

Виникнення на початку другої половини 1880-х років багатопартійності у Болгарії стало результатом жорсткого внутрішньополітичного протистояння в період регентства С. Стамболова. Надалі варто розглянути причини, що призвели до її остаточного закріплення.

Зазвичай на партійну систему кожної окремо взятої держави впливає порядок обрання депутатів законодавчого органу влади. З 1879 р. по 1913 р. у Болгарії діяв мажоритарний варіант обрання майбутніх членів парламенту. Згідно з теорією відомого французького соціолога і політолога М. Дюверже, подібна практика стимулює формування двопартійності²¹, проте в умовах Болгарії спостерігалася прямо протилежна тенденція – партійний спектр країни ставав все більш строкатим. Так, з 1911 по 1920 р. дев'ять, а то й десять політичних сил регулярно делегували своїх членів у парламенти XV, XVI, XVII і XVIII-го скликань.

Скоріш за все, подібна ситуація була визначена кількома чинниками. Один із них – особливість формування Ради міністрів, яка закріпилася під час прем'єрства С. Стамболова. У Болгарії монарх призначав уряд, а згодом під нього міністрами штучно формувалася парламентська більшість. Механізми здобуття таких «перемог» на виборах тривалий час відшліфовувалися кабінетом Стамболова. Згодом ці методи брали на озброєння наступні уряди країни, у тому числі представлені опонентами «стамболовістів». Мажоритарна виборча система дозволяла не найпопулярнішій партії, отримавши не найбільшу кількість голосів, створити найчисельнішу фракцію у Народних зборах. Стабільні електоральні уподобання наприкінці XIX – на початку XX ст. були характерними для болгар у незначній мірі, тому кожна, навіть новозаснована політична сила, мала можливість втрутитися у конкурентну боротьбу за владу. Це стимулювало істеблішмент до започаткування все нових і нових організацій.

Перебуваючи в опозиції, всі без винятку правоцентристські партії демонстрували типову стратегію поведінки. Вони намагалися у будь-який спосіб дискредитувати провладну силу в очах громадськості, але при цьому, вказуючи на певні вади політики уряду, найчастіше апелювали не до народу, а до князя/царя, розраховуючи отримати від нього дозвіл на формування чергового кабінету міністрів²². Ліві ж сили, у свою чергу, часто критикували не лише дії чинного уряду, а й глави держави, пропонуючи різні варіанти кардинальних реформ політичної системи, у тому числі скасування інституту монархії. Вони прагнули заручитися підтримкою певних соціальних категорій населення та не сподівалися на сприяння Фердинанда.

Боротьбу за владу в Болгарії у ті часи можна охарактеризувати як «кожен за себе». Необхідно відзначити лише деяку синхронність дій правоцентристських (ліберальних і консервативних) сил в їхньому прагненні відстоювати непорушність основ існуючого політичного режиму та протиставити себе лівим організаціям соціалістичного або радикального спрямування²³. Опозиційні й провладні коаліції були нестійкими, часто вони носили формальний характер та залежали від певної кон'юнктури.

Строканий партійний спектр – це також результат функціонування у Болгарії політичних сил нового вождистського типу. Перші подібні організації були створені 1886 р. – «стамболовісти» і «радославовісти». 1894 року розпочала діяльність Народна партія, а 1899 р. – Прогресивно-ліберальна «цанковистська»²⁴. Авторитаризм, притаманний таким політичним силам, заважав вільній внутрішній конкуренції у боротьбі за лідерство, перешкодив відкритому обговоренню програм і статутів. Здебільшого всі основні питання, пов'язані з функціонуванням організації, вирішував очільник та обмежене коло його найближчих соратників. Саме тому часто-густо конфлікти й протистояння серед членів тієї чи іншої партії, які виникали внаслідок незадоволення діяльністю лідера, призводили не до зміни вождів або компромісу, а до порушення єдності та створення нових організацій. Наприклад, 1899 р. не згодне з політикою уряду К. Стойлова і позицією правлячої Народної партії угруповання К. Величкова відмежувалося від «народників» та приєдналося до «цанковистів».

1900 року через непорозуміння між В. Радославовим і Т. Іванчовим намітився розкол у лавах «радославовістів». За версією газети НЛП «Нов век», причиною суперечностей стали побоювання діючого керівника організації втратити лідерство у Ліберальній партії, адже наділений владою тодішній голова уряду Т. Іванчов мав достатній вплив, аби очолити Центральне бюро²⁵.

Схожий процес відбувся і в середовищі «цанковистів» у 1902–1903 рр., коли одне угруповання згуртувалося навколо постаті С. Данева, інше ж об'єднало впливові політики Д. Попов і М. Сарафов²⁶. В останніх двох випадках партії все-таки зберегли свою цілісність, а от 1904 р. від «радославовістів» остаточно відкололися прибічники Д. Тончева, утворивши Младоліберальну партію; у 1905–1906 рр. демократи-«каравелісти», незадоволені діяльністю лідера А. Малінова, сформували окрему Радикально-демократичну партію.

Вождизм багато в чому визначав і долю НЛП, яка після загибелі свого першого лідера і до 1920 р., коли об'єдналася з «радославовістами» і «тончевістами», відігравала помітну роль у політичних процесах країни²⁷.

1895 року головою Центрального бюро НЛП було обрано Д. Петкова. Проте колишній градоначальник Софії і сподвижник С. Стамболова не вважав себе політиком першого ешелону, достатньо відомим серед електорату всієї країни. Крім того, до нього з недовірою ставився Фердинанд, що унеможливило для «стамболовістів» отримання шансу на створення Ради міністрів. Саме тому Д. Петков добровільно поступився посадою більш досвідченому й авторитетному однопартійцю Д. Грекову, котрий в уряді С. Стамболова тривалий час працював керівником різнопрофільних міністерств. Пройшовши етап реорганізації, НЛП зберегла найхарактерніші свої особливості. Вона залишалася політичною силою вождистського типу, коли на практиці більшість рішень щодо її діяльності приймалися визнаним ідейним керівником – головою Центрального бюро, і лише у деяких випадках – спільно з його найближчим оточенням. Агітаційно-пропагандистська риторика «стамболовістів» свідчила про те, що вони, як і раніше, робили ставку на тісну співпрацю з монархом та підтримку правлячої династії.

1897 року Д. Греков, через власне бажання більше уваги приділяти професії адвоката, залишив посаду голови Центрального бюро НЛП. Лідером партії знову став Д. Петков. Але 1899 р. після отримання від князя пропозиції сформувати уряд він вдруге очолив «стамболовістів» та залишався керівником цієї політичної сили до своєї смерті в 1901 р.

Вказані зміни очільника Центрального бюро багато в чому були визначені стратегією поведінки Д. Петкова. Цей політик цілком міг претендувати на формальне лідерство у НЛП, оскільки мав значний авторитет серед однопартійців, проте в інтересах політичної сили поступився своїми амбіціями.

Д. Петков повернув собі юридичний статус керівника партії у 1901 р. і виконував обов'язки голови Центрального бюро до 1907 р. Протягом цього періоду він встиг заручитися не тільки широкою підтримкою соратників, а й довірою з боку князя. Останнє дозволило йому очолити Міністерство внутрішніх справ у 1903–1907 рр., зайняти посаду міністра громадських робіт і шляхів сполучення у 1905–1907 рр., а також керівника виконавчого органу у 1906–1907 рр.

13/26 лютого 1907 р. внаслідок збройного нападу Д. Петков загинув. Ця трагедія не минула безслідно для НЛП – серед «стамболовістів» поглибилися протиріччя у зв'язку з

необхідністю обрання голови Центрального бюро. На позачергових зборах найближчий соратник попереднього лідера Н. Генадієв заявив права на лідерство у політичній силі. За нього віддала голоси більшість присутніх членів партії. Однак делегати із Пловдива на чолі з І. Андоновим і Т. Гатєвим та голова Софійського обласного бюро Добрі Петков разом зі своїми прибічниками голосували проти кандидатури Н. Генадієва і врешті-решт не визнали його новим керівником організації²⁸. Свою позицію вказані політики пояснювали тим фактом, що у 1891 р. тодішній редактор пловдивської газети «Балканска зора» Н. Генадієв нерідко критикував діяльність уряду С. Стамболова, що, правда, уникаючи нападок особливо на прем'єр-міністра. Не згаджувало спогади навіть його швидке (наступного року) переорієнтування на «стамболовістські» позиції. Негативне сприйняття нового лідера НЛП деякими соратниками по партії також було визначене тим, що Н. Генадієв не зумів заручитися підтримкою Фердинанда у своєму прагненні отримати посаду прем'єр-міністра.

Поступово у середовищі «стамболовістів» сформувалося опозиційно налаштоване по відношенню до лідера крило, яке очолювали пловдивські партійні функціонери І. Андонов і Т. Гатєв. Усвідомлюючи, що змістити Н. Генадієва буде вкрай важко, ці політики почали виступати з критикою вождизму та пропозиціями змінити систему управління політичною силою шляхом скасування посади голови Центрального бюро, розподіливши його повноваження між іншими інститутами – членами Вищої партійної ради і секретарем організації. Проте наміри опозиції залишалися нереалізованими, адже переважна більшість «стамболовістів» продовжувала підтримувати свого лідера.

Ситуація змінилася 1915 року. Тоді внаслідок загострення внутрішніх протиріч НЛП остаточно розкололася на два угруповання. Н. Генадієв несподівано почав виступати за приєднання Болгарії до Антанти – воєнно-політичного блоку Росії, Англії і Франції. Це відбувалося всупереч позиції Фердинанда, тогочасного кабінету міністрів В. Радославова і значної частини членів НЛП на чолі з міністром громадських робіт, шляхів сполучення і благоустрою Добрі Петковим, які віддавали перевагу зближенню з Німеччиною та Австро-Угорщиною²⁹.

Щоб довести правильність власної позиції «генадієвісти» і «петковісти» наводили різні аргументи, при цьому кожне угруповання спиралося на політику засновника НЛП С. Стамболова. У своїх виступах досвідчений оратор Н. Генадієв переконував слухачів, що перший лідер «стамболовістів» в умовах Першої світової війни не вагаючись розпочав би співпрацю з Лондоном, Парижем і Петербургом, адже цього вимагали національні інтереси Софії. Д. Петков і його прибічники наголошували на неприпустимості укладання союзу з Росією, адже це суперечило основним принципам НЛП та могло призвести до втрати партією авторитету і підтримки відданих прихильників³⁰.

Після завершення Першої світової війни «стамболовісти» знову об'єдналися навколо фігури Н. Генадієва, якого звільнили з-під варті. «Петковісти» після арешту їхнього лідера у листопаді 1919 р. змушені були шукати можливості для примирення з «генадієвістами». Однак відставка кабінету В. Радославова, поразка Болгарії та її союзників у війні, зречення Фердинанда престолу на користь свого сина Бориса, кардинальна зміна політичних уподобань населення на користь лівоцентристських партій – все це зумовило трансформацію стратегії і тактики НЛП. Політична сила не користувалася достатньою підтримкою у суспільстві, аби претендувати на владу, тому змушена була шукати союзу з ідеологічно близькими організаціями. 16/29 листопада 1920 р. разом з «радославовістами» і «тончевістами» вона влилася у Націонал-ліберальну партію. Дещо раніше 24 жовтня/6 листопада «народняки» і «цанковісти» утворили Об'єднану народно-прогресивну партію. Розмежування правоцентристських сил на русофобів і русофілів, яке закріпилося під час регентства і прем'єрства С. Стамболова, лягло в основу формування нових організацій консервативного і ліберального ідеологічного спрямування.

На відміну від Народно-ліберальної, Націонал-ліберальна партія представляла собою політичну силу не вождистського типу. Основні рішення щодо її діяльності ухвалювали конгрес і Вища рада³¹.

Незважаючи на те, що «генадієвісти» і «петковісти» свого часу по-різному інтерпретували цілі та завдання НЛП, вони досягли компромісу під тиском відповідальності за збереження існуючого у Болгарії соціально-економічного і політичного устрою в умовах зростання популярності лівоцентристських сил.

Останній лідер «стамболовістів» Н. Генадієв і його соратники продовжили свою кар'єру в складі Націонал-ліберальної партії. 1923 року більшість її членів підтримали червневий переворот, зміщення уряду А. Стамболійського, приєднання до правоцентристського Демократичного зговору (союзу Демократичної, Радикально-демократичної і Об'єднаної народно-прогресивної партій та Народного зговору*), отримавши завдяки цьому посаду міністра правосуддя** у сформованому кабінеті на чолі з А. Цанковим. Н. Генадієв виступив проти таких кроків з боку однопартійців. 16/29 вересня він створив нову опозиційну політичну силу – Народна єдність, та намагався згуртувати навколо неї електорат відстороненої від влади і фактично знищеної Болгарської землеробської народної спілки. 17/30 жовтня 1923 р. політика було вбито. Терористичний акт, унаслідок якого він загинув, здійснили представники Внутрішньої македонської революційної організації, однак прибічники Н. Генадієва звинувачували в скоєному лідерів Демократичного зговору, вважаючи їх замовниками злочину. У відкритому листі до послідовників покійного відомий публіцист П. Генадієв характеризував свого старшого брата як істинного продовжувача справи засновника НЛП³², а член партії Народна єдність Г. Юртов назвав загиблого «гідним сином болгарського народу» та поставив в один ряд із С. Стамболовим, Г. Вилковичем, Х. Белчевим і Димитром Петковим – видатними державниками, котрі постраждали від рук противників через діяльність в інтересах Батьківщини³³.

Таким чином, політика С. Стамболова визначила особливості функціонування партійної системи Болгарії наприкінці XIX – на початку XX ст. По-перше, жорстке протистояння за часів його регентства і прем'єрства заклало основи багатопартійності, яка у більш-менш усталеному вигляді проіснувала до кінця світової війни. По-друге, дихотомія русофіль – русофоби, котра також склалася в епоху першого правління кабінету «стамболовістів» у 1887–1894 рр. була визначальною в ідеологічній ідентичності правоцентристських сил країни. По-третє, витоки процесу формування партій вождистського типу з розгалуженою системою місцевих представництв беруть свій початок з 1886 р., коли були організовані дві перші організації з вказаними особливостями – «стамболовісти» і «радославовісти».

Важливу роль в системі державної влади Болгарії у 1895–1920 рр. відігравали безпосередні продовжувачі політики С. Стамболова, носії його ідейних принципів – представники Народної ліберальної партії. У 1899, 1903–1908 і 1913–1918 рр. вони брали участь у формуванні урядів. Перебуваючи в опозиції, визначали настрої громадян країни. Члени цієї політичної сили, конкуруючи між собою за першість і вплив в організації, застосовували спадщину С. Стамболова – ідеї, прагнення та переконання цього непересічного державника задля обґрунтування власної правоти, доцільності того чи іншого політичного кроку.

¹ Танкова В. Южно-българските съединисти в условията на Стамболовия режим (1887–1894) // Исторически преглед. – 1992. – № 11. – С. 146–159.

² Мах Р. Из българските бурни времена. – София, 1992. – С. 118.

³ Попов Ж. Народна-либералната (стамболовистката) партия в България, 1903–1920. – София, 1986.

⁴ Радев С. Строителите на съвременна България: Регенство. София, 1990.

⁵ Маджаров М. От самовластие към свобода и законност. София, 1936.

⁶ Митев Т. Политическата обстановка в първите години на Стамболовия режим и българските социалисти (1887–1891 г.) // Исторически преглед. – 1981. – № 2. – С. 52–74.

⁷ Пантев А. Стефан Стамболов в часа на равностетка // Епохи. – 1994. – № 1. – С. 7–18.

⁸ Овсянний Н.Р. Болгария и болгары. – Санкт-Петербург, 1900; Погодин А.Л. История Болгарии. – Санкт-Петербург, 1910; Ястребовъ Н.В. История болгарского народа / Н. В. Ястребовъ, П. А. Лавров. – Петроградъ, 1916.

⁹ Гримм Э. К истории русско-болгарских отношений // Новый восток. – 1924. – Кн. 5. – С. 68–85; Сидельников С.И. Авантюра русского царизма в Болгарии (1878–1896 гг.) // Учёные записки Ленинградского государственного университета. – 1939. – № 36. – Вып. 3. – С. 145–180.

* Політична сила, створена як опозиційна уряду А. Стамболійського організація 1/14 жовтня 1921 р. безпартійними викладачами Софійського університету – А. Цанковим, П. Стайновим, Д. Мішайковим та іншими. Одним із її засновників був також син колишнього лідера НЛП Д. Грекова – дипломат і публіцист А. Греков, котрий став першим керівником партії.

** Її зайняв адвокат Б. Смілов.

¹⁰ *Гришина Р.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусой по пересеченной местности). – Москва, 2008; *Косик В.* Размышления о судьбах Болгарии, Стефана Стамболова, государственности // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). – Санкт-Петербург, 2006. – С. 117–124.

¹¹ *Perry D.* Stefan Stambolov and the Emergence of Modern Bulgaria, 1870–1895. –Durham, 1993; *Black C.* The establishment of constitutional government in Bulgaria // Princeton studies in history. – Vol. 1. – Princeton, 1985. – P. 275–290.

¹² *Миколенко Д.В.* Правоцентристські партії у системі влади Князівства Болгарії (кінець XIX – початок XX ст.). – Харків, 2008. – С. 25.

¹³ Български исторически архив при Национална библиотека «Св. св. Кирил и Методий», ф. 395 «Петко Каравелов» (далі – БИА НБ «Св. св. Кирил и Методий»), оп. 1, а.е. 77, л. 18–21.

¹⁴ БИА НБ «Св. св. Кирил и Методий», ф. 395 «Петко Каравелов», оп. 1, а.е. 77, л. 18.

¹⁵ *Миколенко Д.В.* Про доцільність застосування термінів «русофіли» та «русофоби» при характеристиці зовнішньополітичної орієнтації правоцентристських партій Болгарії кінця XIX – початку XX ст. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2007. – № 762: Серія «Історія». – Випуск 39. – С. 166.

¹⁶ Димитър Петков и народната либерална партия. – Пловдив, 1910. – С. 102; БИА НБ «Св. св. Кирил и Методий», ф. 638 «Димитър Петков», оп. 1, а.е. 11–12, 15.

¹⁷ *Миколенко Д.* Диференціація ліберальних і консервативних партій Болгарії на межі XIX–XX століть: спроба кластерного аналізу // Дриновський збірник/Дриновски сборник. – Т. 2. – Харків–Софія, 2008. – С. 181.

¹⁸ БИА НБ «Св. св. Кирил и Методий», ф. 395 «Петко Каравелов», оп. 1, а.е. 77, л. 22.

¹⁹ *Маковецкая Т.Ф.* Буржуазный парламентаризм в Болгарии: становление и развитие (от освобождения страны от османского ига до ее вступления в первую мировую войну) // История и культура Болгарии. – Москва, 1981. – С. 86.

²⁰ *Дюверже М.* Политические партии / Пер. с франц. – М., 2000. – С. 211.

²¹ *Йоцов Я.* Буржуазная демократия в Болгарии 1879–1923 гг. // Etudes historiques. – Vol. 5. – Sofia, 1970. – P. 391.

²² Нов век. – 1908. – 22 юли.

²³ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България 1879–1918 / Съст.: В. Николова и Д. Саздов. – София, 1992. – С. 371.

²⁴ Нов век. – 1900. – 1 ноември.

²⁵ *Живков С.* Прогресивнолибералите на власт. Хомогенният кабинет на д-р Стоян Данев (декември 1901 – май 1903) // История. – 2010. – № 5–6. – С. 70.

²⁷ *Миколенко Д.В.* Правоцентристські партії у системі влади Князівства Болгарії (кінець XIX – початок XX ст.). – Харків, 2008. – С. 67.

²⁸ *Попов Ж.* Народно-либералната (стамболовистката) партия в България, 1903–1920. – София, 1986. – С. 37.

²⁹ *Кермекчиев А.* Генадиев пред съда на народно-либералите. – София, 1915. – С. 6.

³⁰ Там само. – С. 7.

³¹ *Попов Ж.* Народно-либералната (стамболовистката) партия в България, 1903–1920. – София, 1986. – С. 57.

³² *Генадиев П.* Отворено писмо до почитателите и последователите на покойния ми брат Никола Генадиев и членове на партията Народно единство. – София, 1931. – С. 33.

³³ Д-р Н. Генадиев. Годишнина от убийството му / Под ред. на В. Савов, П. Думанов. – София, 1924. – С. 6.

БОЛГАРИЯ И ПАМЯТНИК СТЕФАНУ СТАМБОЛОВУ*

В. И. Косик

Косик В. І. Болгарія і пам'ятник Стефану Стамболову. Стаття присвячена неоднозначному сприйняттю імені Росії, її політики Болгарії у другій половині XIX ст. Основну увагу приділено Ст. Стамболову, який прагнув «звільнити» країну від «щільної опіки» Росії.

Ключові слова: Болгарія; Росія; Софія; Петербург; Сан-Стефано; Олександр III; Стамболов; Баттенберг; Фердинанд; російська дипломатія; русофобство; русофільство; незалежність.

Косик В. И. Болгария и памятник Стефану Стамболову. Статья посвящена неоднозначному восприятию имени России, ее политики в Болгарии во второй половине XIX в. Основное внимание уделено Ст. Стамболову, который стремился «освободить» страну от «плотной опеки» России.

Ключевые слова: Болгария; Россия; София; Петербург; Сан-Стефано; Александр III; Стамболов; Баттенберг; Фердинанд; русская дипломатия; русофобство; русофильство; независимость.

Kosik V. I. Bulgaria and the monument of Stefan Stambolov. The article is devoted to an ambiguous perception of the name of Russia, its policy in Bulgaria in the second half of the 19th century. The main attention is given to St. Stambolov, who sought to “liberate” the country from “powerful guardianship” of Russia.

Key words: Bulgaria; Russia; Sofia; St. Petersburg; San-Stefano; Alexander III; Stambolov; Battenberg; Ferdinand; Russian diplomacy; russophobia; russophilism; independence.

Русский дипломат К.Н. Леонтьев в известной «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865 г.), рассуждая о влиянии России и имени ее на Балканах, подчеркивал, что молодежь равнодушна к России. Даже тем, кто ее любит, она видится только дружественным государством, обладающим грозной армией свыше полумиллиона штыков. Образование и ум надо искать на Западе, только не в России, которая может пригодиться балканским народам в кризисных ситуациях, но не более того. Здесь Константин Николаевич и прав и неправ. Безусловно, что прорусские симпатии у болгар были обусловлены надеждой на избавление от османской власти при помощи единоверной и славянской России. Но «среди балканских народов всегда существовали сильные опасения, что ценой такого освобождения будет их включение в состав Российской империи»¹. Разумеется, их исторические корни были далеко не одинаковы, как и отношение к России – этому православному «опекуну» и грозному наследнику Византии, на преемство которой претендовала Болгария.

Великий болгарин П.Р. Славейков написал следующие строки: «Руский цар е на земята най-велик, над всички пръв; русите са наши братя, наша плът и наша кръв. Кат Русия няма втора тъй могъща на света; тя е нашата опора, тя е нашата висота! Руска сила, руска воля, руска кръв и руский пот ще избавят от неволя наший падналии народ. Бог поддържа крепка мишца и ръка спасителна; той е вложил ней в десница сабя отмъстителна. Нам Русия е надежда, руский цар е наший спас – никой друг не ни поглежда, не помисля зарад нас. Немци, френци, англичани юди наши са враждебници, дружи с нашите тирани, наши са изедници... да смират се интриганти, да живее руский Бог!»^{2**}.

Были другие мысли о России, принадлежавшие революционерам. Например, Г.С. Раковский в 1861 г. в своей брошюре «Преселение в Русия, или руската убийствена политика за българите» писал: «Руското правителство, кое досега лъстеше нашите добродушни българи със сякакви лукави и лъжовни обещания, днес вече открива булото си и явно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145а.

** Перевод: «Русский царь на земле самый великий, над всеми первый; русские наши братья, наша плоть и наша кровь. Такой, как Россия, нет могущественнее в мире; она наша опора, она наша высота! Русская сила, русская воля, русская кровь и русский пот избавят от неволи наш павший народ. Бог поддерживает крепкую мышцу и руку спасительную; он вложил в ее десницу саблю отмъстителную. Нам Россия есть надежда, русский царь – наше спасение, никто другой на нас не взглянет, не позаботится о нас. Немцы, франки, англичане иуды – наши неприятели, дружные с нашими тиранами, наши кровопийцы... Пусть смиряются интриганы и да здравствует русский Бог!».

показва убийствената и злобната си политика към тях. То е наумило и труди се с всяките лукави и бесчестни средства да разори и опустоши милото ни Отечество България и... нашата народност, самото нам скъпоценно и свято наследие!... Длъжност свята към милото ни Отечество налага ни да открием простодушному народу какво нещо е тая Русия и нейното мъчителско монголско правителство, и какви вечни мъки ги чакат, ако са тия излъжат и идат да влязат в нейните железни нокти...»^{3*}.

Здесь забывается одно, Россия не была в состоянии тогда приступить к освобождению Болгарии, и в Петербурге не желали вступать в открытый конфликт с Европой.

Один из великих учителей болгарского народа Любен Каравелов, выпускник Московского университета, как и многие, надеялся, верил, ожидал реальной помощи от России в освобождении от турецкого ига, что, впрочем, не мешало ему и критиковать ее весьма яростно за отсутствие немедленной помощи, даже считать Россию виновницей того, что болгарский народ продолжает страдать, мучиться, быть попраным уже пятьсот лет османликами. Видимо, Каравелов в царской власти видел своеобразную мертвую силу, деспотию, мучающую свой народ, и не желающую поспешить с освобождением болгар.

Но люди, даже великие, склонны ошибаться.

Нужно вспомнить Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (на памятнике медицинским чинам в Докторском саду в Софии она названа Турецкой; просто надо помнить, что в ней сражались с турками не только «московцы», вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны), когда русские воины сражались вместе с болгарскими братьями.

И немного из мира дипломатии: на подписании Сан-Стефанского договора по приглашению русской стороны присутствовал только один болгарин – Каравелов.

В Болгарском княжестве, во главе которого был русский ставленник немецких кровей – князь Александр I Баттенберг, была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. Одно было плохо: неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией.

Болгарские государственные мужи, лидеры политических партий понимали, что только Россия может помочь стране в реализации этих задач.

И несколько слов о государственности: это – власть, а таковой в Болгарии не было. Была страна Болгария, управление которой, но не власть, переходило из рук в руки, не всегда чистые. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать прессу того времени. Общественно-политическая жизнь Княжества была как взбаламученное море, где можно было с успехом «половить рыбку» и для себя, и для партий, число которых увеличилось.

Добавлю, что и сам принцип монархической власти плохо приживался в стране после пятисот лет турецкого владычества, тем более что ее носитель не был болгариним. Владелец трона, но не страны, был, в сущности, не «королем», а «пешкой» в политических играх русских и болгарских деятелей. При этом «неспособность» князя быть простым исполнителем воли Петербурга, а чаще всего следовать «советам-приказам» отдельных русских представителей, каждый из которых имел свое видение ситуации стране, вела к его плохой «приживаемости» на троне и, в конечном счете, к удалению из Болгарии.

Методом проб и ошибок страна все же накапливала опыт управления, но, пока, не власти. Свою роль играли здесь и такие факторы, как отсутствие опыта, традиций, кадров, но прежде всего – опекунов России. Это парадоксально, но, тем не менее, так. Освободить «задунайскую» территорию было гораздо легче, положив свыше двухсот тысяч солдат, нежели неявно руководить в стране, где болгарский национализм требовал – «Болгарию для болгар». Россия же должна была выполнить одно: воплотить Сан-Стефано в жизнь. В России видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа.

* Перевод: «Русское правительство, которое до сих пор лстит добродушным болгарам всякими лукавыми и лживыми обещаниями, сейчас уже снимает свою маску и явно показывает убийственную и злобную свою к ним политику. Оно надумало и трудится всеми лукавыми и бесчестными средствами разорить и опустошить милое нам отечество Болгарию и... нашу народность, самое нам драгоценное и святое наследие!... Святой долг к нашему милому Отечеству обязывает нас открыть простодушному народу что такое эта Россия и ее монгольское правительство мучителей, и какие вечные муки их ждут, если они соблазнятся и ... попадутся в ее железные когти...».

И ей постарались помочь, устроив в 1885 г. революцию в Южной Болгарии и воссоединение с Северной Болгарией под главенством Александра Баттенберга. В сущности, новую ситуацию можно было сравнить с той, в которой оказалась Россия, подписавшая Сан-Стефанский договор. Теперь Болгария с князем оказались в положении стороны, вынужденной «исправлять» ситуацию. Но история, если и повторяется, то вероятно, и в «кривом зеркале», что и произошло.

Политика «кнута и пряника», проводимая русскими дипломатами после воссоединения Болгарии, проведенного без согласия Петербурга, без одобрения царя, ненавидевшего ее князя Александра Баттенберга, подняла к вершине власти Ст. Стамболова. Его имя прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля, который был и болгарским Гладстоном, и диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским. Добавлю: бывший семинарист Одесской духовной семинарии, читатель Н.Г. Чернышевского, П. Прудона, М.А. Бакунина, К. Маркса, участник Старо-Загорского восстания (1875 г.), автор ряда песен, популярных в повстанческой среде, защитник македонских болгар перед русским императором Александром III, либерал, превратившийся в «либерала». При этом, судя по многим документам, всюду Ст. Стамболов был искренен в своих действиях, всегда направленных, по его мнению, на благо отечества.

Только два «политических примера».

Первый.

В январе 1885 г. Ст. Стамболов утверждал, что «от князя можно отделаться только силой, т.е. арестовать его и выпроводить с конвоем за пределы княжества... На время междоусарствия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя? И кто явится диктатором? – вот вопросы на которые ответ может дать Петербург, т.к. армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет»⁴. Стамболов оказался прав в первой части относительно способа низвержения князя, во второй – ошибался. Диктатором стал именно он.

Второй.

В июне 1886 г. Ст. Стамболов вместе с П. Каравеловым заявили в русском дипломатическом представительстве в Софии, что «Болгария без поддержки и покровительства России существовать не может». Для нормализации испорченных отношений они были готовы распустить негодное императорскому правительству Народное собрание и уступить свое место правительству, удобному России. Не было только одного – согласия на устранение князя⁵. Баттенберг воспринимался многими болгарскими политиками как гарант независимости страны.

Ст. Стамболов, этот «болгарский Бисмарк», решил тогда побороться с Россией за «Болгарию для болгар», громивший русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение о России. Естественно, для русофилов он входил в ряд «мерзавцев» и «честолюбцев», которые для удовлетворения своего честолюбия готовы разорить болгарский народ⁶.

Но не все так просто. В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддерживали сторону турков и... кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их поработать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам?... Сейчас многие болгарские деятели, которые 10–12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским, и даже желали бы, чтобы русские были... побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Цариграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторонились турков, сейчас то же самое с русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским,

мы сегодня боимся их как огня и чумы... Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы ... собрали силы и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом»⁷.

Здесь соседствует правда со страхом, представление России как абсолютного зла для Болгарии, не желающей стать своеобразным ягненком для «русского волка». Могу сказать здесь лишь одно: Россия не собиралась оккупировать Болгарию, чего так опасались Стамболов и его окружение. И еще: обстановка в стране воспринималась русской и болгарской сторонами в своеобразном кривом зеркале, где каждая видела другого в превратном виде. Соответственно, дело не ограничивалось «зеркалом».

Группа офицеров, верных заветам единства с Россией, 9 августа 1886 г. вынудили покинуть трон Александром Баттенбергом, чей уход должен был послужить первым шагом к восстановлению прежних отношений со своей освободительницей. Один из руководителей заговора Р. Дмитриев в своем заявлении для русской прессы отмечал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были ... достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но, не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему пришел конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было только удалив из страны принца Баттенберга»⁸. И таких людей как Дмитриев, позднее служивший верой и правдой в рядах русской армии в годы Первой мировой войны, было немного.

Верхушечный переворот провалился. Власть перешла в руки организовавшего разгром заговорщиков Стамболова, видевшего в царской политике и ее сторонниках прямую угрозу для независимости Болгарии. Наступало время очередного «варяга» – князя Фердинанда Кобургского.

Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом кандидатура русского подданного князя Н.Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон «самовыдвиженца» Фердинанда.

Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» ее от той же России жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов. Здесь особенно отличалась своим ярко выраженным русофобством проправительственная газета «Свобода». В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 г., на ее страницах допускались и такие фразы, как: «в прошлом году – голод, в этом – холера, в следующем – дай Бог и чуму в Россию!»⁹.

В прессе встречались и выпады против императора и его семьи. В воспоминаниях английского дипломата Е. Пирса есть объяснение этой газетной травли. Так, в ответ на реплику Пирса о неблагоприятности подобной кампании в печати, Стамболов резко отвечал, что, имея дело с Россией, нужно держать в руках дубину, которой следует наносить удары везде и повсюду¹⁰. При этом отмечу, что все это не мешало болгарской дипломатии зондировать почву для примирения¹¹.

И здесь необходимо все же процитировать одну приписываемую ему максиму: «Винаги с Германия и никога срещу Русия» («Всегда с Германией и никогда против России»). Это утверждение чрезвычайно сложно толковать, зная, что авторство этой фразы принад-

лежит, с гораздо большим основанием, царю Борису III. Но если предположить, что именно «болгарский Бисмарк» произнес эти слова, то все же они были связаны с некоей политической ситуацией, возможно, когда он хотел «освободить» страну от князя Фердинанда.

Гораздо более естественно его никем не оспариваемое изречение: «Русия ни освободи, кой ще ни освободи от Русия?!» («Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!»). И здесь Стефан Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

Его взгляд на Россию разделяли многие националисты, неприязнь и неверие которых к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована в следующих словах-объяснениях:

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Да, конечно, Стамболов и иже с ним в своей решимости спасти страну от слишком «навязчивой» России, и ратуя за «свободу от нее», в итоге превращались в «крепостников» независимости Болгарии.

Болгария, Болгария и еще раз Болгарии, ее «спасение» от России — вот что ставилось во главу угла. Но что было возможно в легенде о Давиде и Голиафе, не подтверждалось течением болгаро-русских отношений. Надо думать, что сама государственность страны была не более чем фикцией при наличии прежнего статуса вассальности и непризнанном великими державами князе.

Болгария стала государством для болгар, но для своих соседей и Европы она как бы не существовала. Ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Помочь восстановлению Болгарии из государственного небытия, появлению ее на международной арене могла только Россия.

В этой ситуации, в стране, очевидно, были и те, кто, зная историю, предвидел конец диктатуры Стамболова, расценивая ее как необходимый, но преходящий этап по переходу власти в руки «доброего и справедливого» Фердинанда в отличие от «злого и несправедливого» Стамболова. Такой вариант проигрывался и самим болгарским диктатором, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии. Тогда Фердинанд спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что освобождение престола князем устроится без каких-либо действий с ее стороны.

Итак, освободитель Болгарии от России Стамболов оказывался ее «крепостником» вместе с князем. Даже его отстранение от власти весной 1894 г. Кобургом не поколебало позицию русского царя. Хотя, устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем». Князь сумел отлично сыграть финальную партию своей борьбы со Стамболовым. Достаточно вспомнить хотя бы сюжет с изменением вероисповедания его сына Бориса, рожденного в католическом браке с Марией-Луизой Пармской. Здесь Стамболов, проведя 28 мая 1893 г. через Великое Народное собрание изменение конституции, которым разрешалось престолонаследнику принадлежать к неправославному вероисповеданию, рассчитывал укрепить католическую династию Кобургов в Болгарии и облегчить международное признание страны. Однако тем самым, как писал П.Н. Милюков, Стамболов, сам того не желая, дал козырь для «будущей торговли с русскими дипломатами» и «ставил самого себя в положение единственного препятствия на пути к примирению»¹².

Болгарский Бисмарк был отправлен «на отдых» с рескриптом. Только урегулирование отношений с Россией давало Софии возможность узаконить династию Кобургов на болгарском престоле, облегчить вхождение в Европу и с новой силой заняться решением третьего этапа по воссозданию единства болгарского народа — македонским вопросом.

Тем не менее, в болгарской столице не могли не понимать, что принесение Стамболова в жертву будет недостаточно, и Россия продолжит методично настаивать на устранинии Фердинанда. Но надежда оставалась уже в силу того, что сама отставка Стамболова давала повод для нового разбора болгарского вопроса в Петербурге и возможного изменения правительственного курса. В самой стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. В МИД России считали уход Стамболова лишь началом процесса по удалению князя.

20 октября 1894 г. Александр III скончался. В следующем году погиб Стамболов. 3 июля 1895 г. на него было совершено покушение тремя выходцами из Македонии, вооруженными отравленными ятаганами, мстивших за своих близких, пострадавших во время правления Стамболова. В агонии умиравший сказал: «Это Кобург убил меня...». По мнению русского военного агента в Софии Г.Д. Романовского (донесение от 29 августа 1916 г.), а также позднейших исследователей, в убийстве был замешан Фердинанд¹³.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России. Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвиг Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен Кобург Гота по православному обряду (Крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии, и для ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь Фердинанд в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза». Однако эти высокопарные слова так и остались словами. Главное было в другом – Болгария вновь появилась на международной арене, чтобы с новой силой продолжать борьбу за воссоединение всех болгар.

А что же Стефан Стамболов? В чем была его роль? Чему он научил своих соотечественников? Была ли его деятельность напрасной жертвой или нет?

Судя по мемориальной табличке, укрепленной на месте покушения Стамболова, не снимаемой при всех властях, а также по памятнику, воздвигнутому в центре Софии, болгары чтут память своего государственного деятеля, посмеявшегося побороться с Россией. Для многих из них фигура Стамболова есть олицетворение стремления своей страны к свободе и независимости, правда, добавлю, через насилие. И любовь к свободе Болгарии «воспитывалась» зачастую «палкой». Было ли это эффективным средством? Вероятно, нет. А может быть, да!

Тем не менее, этот эпизод из истории строительства государственности Болгарии свидетельствует только об одном — для достижения своих целей возможны любые средства. Таков тривиальный вывод из этой нетривиальной ситуации.

¹ *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православието // Исторически преглед. – 1991. – Кн. 7. – С. 80.

² *Славейковъ П. Р.* Избрани съчинения. – Книга първа: Стихотворения. – София, 1901. – С. 49–50.

³ *Раковский Г.С.* Преселение в Русия или руската убийствена политика за българити. – София, 1886. – С. 12.

⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии 1879–1886. – М., 1991. – С. 94.

⁵ См. там же. – С. 132.

⁶ *Генерал Анастас Бендерев.* Спомени. Писма. – Б. м., 1999. – С. 161.

⁷ *Стамболов Ст.* Дневник. – София, 1991. – С. 106–107.

⁸ Новое время. – 1886. – 1 октября.

⁹ Цит. по: *Ризов Д.* Разлагающа се и възраждающа се България. – София, 1894. – С. 34.

¹⁰ *Pears E.* Forty years in Constantinople (1873-1915). – London, 1916. – P. 193.

¹¹ *Косик В.И.* Время разрыва Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг. – М., 1993. – С. 67.

¹² *Милюков П.Н.* Болгарская конституция // Русское богатство. – № 9. – СПб, 1904. – С. 60.

¹³ Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год / Публикация В.Б. Каширина // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 6, примечания. С. 8.

БУРГАС И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В ПОВЕСТИ Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО «КЛОТИЛЬДА»: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Н. Н. Сanna

Sanna M. M. Burgas i yogo okolitsi v povesti M.G. Garina-Mikhailovskogo «Klotilda»: **istoriko-geografichnyy komentar.** У розвідці наведено історико-географічний коментар повісті «Клотильда» відомого російського письменника М.Г. Гаріна-Михайлівського. Метою роботи є інтеграція зазначеної повісті в масив художніх творів про історію Болгарії XIX ст. Розглянуті М.Г. Гаріним-Михайлівським події відносяться до 1878–1879 років і пов'язані з евакуацією російських військ з Бургаса після закінчення Російсько-турецької війни 1877–1878 рр. Ці події в статті розглядаються в контексті епохальних політичних і соціальних змін, що відбулися в Болгарії на межі 70–80 рр. XIX ст.

Ключові слова: російсько-турецька війна 1877–1878 рр.; письменник та інженер М.Г. Гарін-Михайлівський; Бургас; евакуація російських військ; Східна Румелія; М. Скобелев.

Sanna H. H. Burgas i ego okrestnosti v povesti N.G. Garina-Mikhailovskogo «Klotilda»: **istoriko-geograficheskyy kommentariy.** В работе приведен историко-географический комментарий повести «Клотильда» известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Целью работы является интеграция указанной повести в массив художественных произведений об истории Болгарии XIX в. Рассматриваемые Н.Г. Гариным-Михайловским события относятся к 1878–1879 годам и связаны с эвакуацией русских войск из Бургаса после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эти события в статье рассматриваются в контексте эпохальных политических и социальных изменений, происшедших в Болгарии на рубеже 70–80 гг. XIX в.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг.; писатель и инженер Н.Г. Гарин-Михайловский; Бургас; эвакуация русских войск; Восточная Румелия; М. Скобелев.

Sanna M. M. Burgas and its surroundings in the novelette of N. G. Garin-Mikhailovsky “Clotilde”: **historical and geographical commentary.** The work is a historical and geographical commentary on the novelette “Clotilde” by the famous Russian writer N. G. Garin-Mikhailovsky. The aim is to integrate the story into the set of works of belles-lettres on the history of Bulgaria in 19th c. The events considered by N. G. Garin-Mikhailovsky are related to the years of 1878-1879 and are associated with the evacuation of Russian troops from Burgas after the Russian-Turkish war of 1877-1878. This article discusses the events in the context of epochal political and social changes occurred in Bulgaria in 70s-80s of 19th c.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877-1878; writer and engineer N. G. Garin-Mikhailovsky; Burgas; evacuation of Russian troops; Eastern Rumelia; M. Skobelev.

В Новосибирске, одном из крупнейших городов Сибири, именем инженера-путейца и известного русского писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского названы привокзальная площадь и станция метро. Это объясняется тем, что новосибирцы появление своего города связывают непосредственно с инженерной деятельностью Гарина-Михайловского. Именно благодаря его знаниям, стараниям и упорству был изменён первоначальный проект строительства Транссибирской магистрали – она пересекла реку Обь в более удобном для строительства и эксплуатации месте. Посёлок, расположенный неподалёку от строительства крупного железнодорожного моста, быстро разросся и превратился в город, названный Новониколаевский (позже – Ново-Николаевск), а с 1926 г. он стал называться Новосибирском¹.

Почти всю жизнь Н.Г. Гарин-Михайловский занимался строительством: возводил мосты, тоннели, прокладывал железные дороги. А свою инженерную деятельность он начал в далёком от Сибири болгарском городе Бургас.

После окончания Института путей сообщения в Санкт-Петербурге со званием «гражданского инженера путей сообщения и правом производства строительных работ» Приказом по Министерству путей сообщения № 99 от 24 июля 1878 г. он был определен в распоряжение главнокомандующего действующей армией. Так, сразу после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н.Г. Михайловский (приставка *Гарин* к фамилии как писательский псевдоним появилась гораздо позднее) был направлен старшим техником в оккупированную русскими войсками Болгарию, в г. Бургас².

Накануне его приезда в болгарском Черноморье сложилась уникальная военно-политическая ситуация. Основные боевые действия русско-болгарской и турецкой регулярных армий шли западнее побережья, в центральной Болгарии, и турецкое командование перебросило морем свои регулярные войска из Бургаса, Айтоса, Поморья, Созополя для усиления своей оборонительной группировки западнее Стамбула. В результате этого маневры города и села южного Черноморского побережья Болгарии были отданы на разорение башибузукам, черкесам и бандам дезертиров из турецкой армии. Исходя из сложившегося положения, командование русской армии в январе 1878 г. приняло решение захватить морские порты, а также перекрыть пути проникновения в болгарское Черноморие башибузуков. В конце января наступающие русские войска при помощи болгарские чет освободили Карнобат и Айтос, а в Месемврии (ныне Несебър) турецкий гарнизон был обезоружен местными болгарскими, в качестве трофеев к тому же захватившими три орудия. Вскоре к русским войскам в Айтос прибыл из Бургаса болгарин Миной Никифоров, который привез послание от жителей Бургаса с просьбой к «братушкам» быстрее прийти в город. Он сообщил, что турецкий гарнизон города погрузился на суда и двинулся в сторону Константинополя³.

В ответ на это командование русского 11-го армейского корпуса сформировало так называемый «летучий отряд» из драгунских рот для быстрой переброски его в район Карнобат – Бургас – Поморие – Созопол. Командир отряда полковник Александр Лермонтов получил задание: захватить Бургас и другие населенные пункты, расположенные в области, перекрыть пути проникновения с севера разбойничьих турецких банд и в итоге защитить мирное население от разбоя и грабежей. Разумеется, первоочередной задачей было занятие стратегически важных черноморских гаваней.

6 февраля отряд А. Лермонтова занял Бургас и был тепло встречен его жителями. Свидетелями торжественной встречи были консулы Австро-Венгрии, Италии и Греции. Горожане вручили полковнику Лермонтову ключи от турецких складов, в которых находилось до 80 тонн пшеницы, а также овес, ячмень и кукуруза, значительные запасы сала и каменного угля. В тот же день отряд А. Лермонтова предотвратил высадку десанта с английского броненосца, целью которого был захват бургасских складов⁴. А уже на следующий день в освобождённом Бургасе были назначены первые болгарские органы муниципальной власти: образована городская управа, избран первый кмет, которым стал Нико Попов.

Спустя несколько дней, 19 февраля (3 марта) 1878 г., в Сан-Стефано был подписан предварительный мирный договор, завершивший Русско-турецкую войну, а летом того же года в Берлине всеми заинтересованными странами был подписан Берлинский трактат, согласно которому создавались автономное княжество Болгария с центром в Софии и автономная болгарская провинция Восточная Румелия к югу от Балканского хребта (Старой Планины). Временное управление Болгарией до введения в ней конституции сохранялось за русским комендантом, однако срок пребывания царских войск в Болгарии был ограничен 9 месяцами⁵. В Восточной Румелии территориально располагался и Бургас.

Таковой была военно-политическая ситуация в городе накануне прибытия туда молодого инженера Н.Г. Михайловского. Биографы об этом периоде его деятельности сообщают довольно скупо: «В обязанности старшего техника Михайловского входило делать замеры, производить расчеты на строительстве пристани и шоссейной дороги для обеспечения быстрого возвращения русских войск на родину. Вследствие расформирования управления действующей армии отчислен за штат. 16 ноября 1879 г. последовала первая награда – орден Св. Станислава III степени «за отличное исполнение поручений в турецкую войну»⁶.

Но, очевидно, впечатления времён службы в Бургасе были настолько ярки и памятны Н.Г. Михайловскому, что они двадцать лет спустя были использованы им в повести «Клотильда» (опубликована в 1899 г.). Целью нашей работы является интегрировать повесть «Клотильда» в массив художественных произведений об истории Болгарии XIX в.

Повествование в повести ведётся от лица молодого военного инженера по фамилии Саблин и носит вполне определённый автобиографический характер. В реализме и автобиографичности заключалось кредо писателя, который утверждал: «...в моей беллетристике выдуманных образов совсем нет: всё взято прямо из жизни...»⁷.

«На мою долю, – рассказывает инженер Саблин, – выпал Бургас, где в то время шли энергичные работы по устройству порта, так как эвакуация большей части армии обратно в Россию должна была и была произведена из Бургаса»⁸. Небольшой в то время город – к концу 1879 г. в Бургасе насчитывалось 2095 жителей – с приходом российских войск ра-

дикально изменился: «Ежедневно являлись новые и новые части войск, некоторое время стояли в ожидании очереди, затем грузились на пароход Добровольного флота и уезжали в Россию. Эти же пароходы привозили новых на смену старым для предстоящей оккупации Болгарии. И таким образом, Бургас являлся очень оживлённым местом с вечным приливом и отливом. Как в центральный пункт, в Бургас съехались все, кто искал легкой наживы. Магазины, рестораны процветали. Процветал кафе-шантан, устроенный в каком-то наскоро сколоченном, громадном деревянном сарае...»⁹.

Автор не указывает точного времени описываемых в повести событий, но упоминание кораблей Добровольного флота позволяет очертить временные рамки повести. Весной 1878 г., ввиду угрожавшей войны, Императорское общество содействия русскому торговому мореходству выступило с инициативой сбора народных средств для покупки быстроходных судов, которые после вооружения могли бы в военное время использоваться как крейсеры для борьбы с судоходством противника. На пожертвования граждан России – жертвуемые суммы были от копеек до многих тысяч рублей – было закуплено несколько быстроходных кораблей. Для их эксплуатации была создана пароходная компания Добровольный флот – подконтрольное правительству российское морское судоходное общество. Работа судов общества началась с операции по возвращению русских войск из Варны и Бургаса в Одессу и Севастополь, которую пароходы «Россия», «Москва» и «Петербург» выполнили в 1878–1879 г. Из писем вице-председателя Комитета по устройству Добровольного флота, тайного советника К.П. Победоносцева к его Председателю, наследнику русского престола, будущему императору Александру III, известно, что эта деятельность началась в середине сентября 1878 г.¹⁰.

Герой повести сообщает, что в Бургасе он был подчинён военному инженеру И.Н. Бортову, а «в ведение Бортова входили как бургасские работы, так и работы в бухте, которая называлась Чингелес-Искелесе. Эта бухта была на другой стороне обширного Бургасского залива, по прямому направлению водой верстах в семи от города. Вот в эту бухту я и был назначен на пристанские и шоссейные работы»¹¹. На современных картах и в болгарской Википедии этот небольшой залив в южной части Бургасского залива называется иначе – *Ченгене скеле* или *Цигански пристан* (Цыганская бухта). Однако писатель не ошибается, он использует в повести (с небольшим искажением) современное ему название бухты *Чингане-Искелеси*, приведенное в «Люции Черного моря» (1851 г.). Люция была составлена молодыми офицерами Г.И. Бутаковым и И.А. Шестаковым (будущими адмиралами) в ходе специальной морской экспедиции. Это они установили, что «Румелийское побережье интересно в гидрографическом отношении тем, что при господствующих на Черном море западных ветрах оно является подветренным и имеет места, могущие служить надежным убежищем для судов во время штормов. Таким пунктом является, например, [мыс] Калиакрия, расположенный к северо-востоку от Варны. Южнее этого пункта, у Бургасского залива, экспедиция нанесла на карту еще несколько удобных якорных стоянок: Сизополь, Чингане-Искелеси, Ахиолло, Мессемврия и другие»¹². По-видимому, такое заключение моряков-исследователей и послужило основанием для сооружения русскими инженерами пристани в бухте Чингане-Искелеси.

В повести Н.Г. Гарина-Михайловского упоминается и топоним *река Мандра*: «На той стороне реки Мандры я остановил лошадь, чтобы попрощаться с Бортовым»¹³. Так автор называет короткую протоку из оз. Мандра к морю. Шоссе, строящееся из Бургаса в бухту Ченгене-скеле (Чингане-Искелеси), пересекало протоку, и инженер Саблин был обеспокоен отсутствием моста через неё: «Нет понтонов, а 16 дивизия скоро-скоро уже тронется, и без моста не переправишь артиллерию»¹⁴. Вскоре он решил эту проблему – для сооружения понтона использовал несколько старых барж с Бургасской пристани. Сейчас именно по участку шоссе, который строил в своё время Н.Г. Михайловский, проходит дорога европейского значения Е-87: Одесса – Галац – Варна – Бургас – Дерекёй – Анталья.

Заметим, что упоминание писателем в повести номера дивизии не является случайным: оно подчёркивает важность задачи, стоявшей на тот период перед инженером Саблиным. Дело в том, что 16-я пехотная дивизия была в те времена, пожалуй, наиболее знаменитым в войсках подразделением. Под командой популярного в армии М.Д. Скобелева, дивизия прославилась в сражении под Плевной (июль 1877 г.), при обороне Шипкинского перевала (осень–зима 1877 г.), внесла заметный вклад в судьбоносную победу, одержанную в сражении при Шипке–Шейново (декабрь 1877 г.), решившей исход всей кампании, и в рейде на

Адрианополь (январь 1878 г.). До войны 16 пехотная дивизия в основном формировалась из жителей Могилёвской губернии и, как сообщали «Могилевские губернские ведомости» от 4 июля 1879 г., после эвакуации из Болгарии дивизия вернулась к месту своего постоянного квартирования 29 июня 1879 г.¹⁵ Эти расчеты позволяют с максимальной долей достоверности установить время строительства моста и пристани Н.Г. Михайловским.

Пристань, сооружённая для эвакуации русских войск, располагалась на юго-восточном берегу бухты, заканчивающейся мысом Св. Анастасии. Писатель оставил поистине поэтическое описание этих мест: «Что за чудное место! Золотистый залив, глубокий там вдали, слева город виднеется, справа, на мысе, монастырь, здесь, ближе, надвигаются горы, покрытые лесом, в них теряется наша глубокая долина с пологим берегом, с этой теперь золотистой водой, с этим воздухом, тихим, прозрачным, с бирюзовым небом, высоким и привольно и далеко охватившим всю эту прекрасную, как сказка, панораму южного вида...»; «Последними лучами золотится морская гладь, а справа, там, где бухта гористым мысом граничит с открытым морем, на самом краю мыса, на небольшом обрыве из-за зелени выглядывает белый монастырь. Вечерний звон несётся оттуда и он, как песня о детстве, о всём, что было таким близким когда-то, говорит мне родным языком, ласкает душу. Налево Бургас и, как огни, горят стёкла его окон...»¹⁶.

Здесь автор упоминает монастырь Св. Анастасии, расположенный на одноименном острове-скале. За минувшие годы монастырь не раз изменял свой облик и предназначение. В 1923–1925 гг. там размещался концентрационный лагерь для политических заключённых (коммунистов и земледельцев), в годы Второй мировой войны – изолятор. В 1944 г. в честь коммунистов, бывших в заключении на острове, остров был переименован в о. Большевик, но в 1991 г. Бургасская община вернула ему прежнее название. Сейчас этот небольшой остров-скала является популярным туристическим объектом.

Часть побережья бухты Ченгене скеля и прилегающие к ней леса сейчас объявлены природоохраняемой территорией общей площадью порядка 160 га. Писатель так описывал эти места в 1878 г.: «За моей же террасой косогор, затем опять терраса и спуск в долину. Это сзади, а сбоку косогор поднимается всё выше и круче и оттуда, сверху, глядя вниз обрывы скал, тенистые ущелья. В ущельях по скалам лес, а в лесу множество серн, фазанов, диких кабанов, но ещё больше шакалов»¹⁷. Так же красочно описана его конная поездка старым лесом через водораздел к болгарскому селу у реки и увиденные им картины жизни болгар: «Вот речка и мост, вот уже близки потемневшие домики и узорчатые окна, и чистые улицы, и поворот, и картинка, навсегда запечатлевшаяся в памяти. Девушек двадцать болгарок — все красавицы, как на подбор, все высокие, стройные, все гордые, с большими чёрными глазами, красивыми белыми лицами, взявшись за руки, с венками на головах, что-то поют и кружатся в хороводе. Это хоровод русалок. Это выставка красавиц. Вокруг старухи, дети. Я стою очарованный, прирос к седлу, не могу оторвать глаз от волшебного видения, — и вдруг крик и всё исчезает быстро, как видение, закрываются окна, и через мгновение я один в глухой пустой улице и никого больше и так пусто, точно вымерли все или выселилась деревня...»¹⁸. В повести описан путь, пройденный инженером Саблиным, и есть основания предположить, что побывал он в *Мехмеч кьой* – так прежде называлось с. Росен, на реке Росен, притоке Ропотамо.

Примечательно, что, давая характеристику Бортову, инженер Саблин вспоминает имя популярного в русских войсках и в Болгарии генерала М.Д. Скобелева: «Никакой начальственности в нём, никакого хвастовства, самодовольствия. А человек, несмотря на свои 29 лет, весь в орденах, занимает такое место. Хотел бы я видеть его в деле, — вероятно, Скобелевское спокойствие. Недаром Скобелев и любит так его»¹⁹. М.Д. Скобелев безусловно бывал в Бургасе – в апреле 1878 г. он был назначен командующим Четвёртым армейским корпусом, стоявшим в Восточной Румелии. Тогда существовали серьёзные опасения, что после ухода русских войск из региона турки начнут его захват, и свою задачу Скобелев видел в укреплении болгарской обороноспособности и независимости. Для тайного Комитета народной обороны Восточной Румелии русским командованием под руководством генерала Скобелева в 1878 г. был разработан план обороны Южной Болгарии. Согласно плану, в условиях соглашений Берлинского трактата ядром вооруженных сил в Южной Болгарии могут быть только стрелково-гимнастические общества (дружества). Армейский корпус Скобелева негласно передал в дружества большое количество оружия, помогал и в военном обучении населения. Тогда практически все болгарские села в ре-

гионе имели вооруженные отряды. В целом в дружествах насчитывалось свыше 64 тыс. человек, а всего военное обучение прошли 103 тыс. болгар (в системе сельских караулов обучалось до 28 тыс. человек)²⁰.

Болгарскими вооружёнными отрядами, созданными на основе дружеств, были подавлены мусульманские мятежи в Айтосском и Кирджалийском округах, возникшие в июне 1879 г. и в начале 1880 г. сразу после вывода российской армии из Восточной Румелии²¹. А несколькими годами спустя поддержка болгарских военных имела существенное значение для успеха сентябрьского восстания в 1885 г. в Восточной Румелии, что привело к долготраившему воссоединению двух частей Болгарии. Но объединение Болгарии увеличило остроту как внешних, так и внутренних проблем государства, с которыми не справлялась прежняя власть. Спустя год произошел еще один военный переворот. Однако пришедшие к власти как коалиционный кабинет министров П. Каравелова, так и либеральное правительство В. Радославова не получили поддержки ни в народе, ни в армии, и оказались неспособными удержать власть. В критический момент руководство государством принял на себя председатель Народного собрания Стефан Стамболов.

Но это уже совсем другая история...

Комментируемая нами в этой работе повесть «Клотильда» в своё время имела довольно много отзывов в прессе – как позитивных, так и критических. Тепло об этом произведении Н.Г. Гарина-Михайловского писал М. Горький. К настоящему времени повесть полузабыта литературоведами, а современному читателю, возможно, не вполне понятны исторический и географический контекст описываемых писателем событий. Мы надеемся, что представленный нами историко-географический комментарий к повести «Клотильда» Гарина-Михайловского позволит не только разъяснить некоторые «тёмные места» в ней, но и даст возможность прочитать произведение так, как его читали современники писателя, понять описанные события в контексте предыдущих и последующих событий в Болгарии.

¹ *Лебедев Н.Н.* О дате основания Новосибирска // Советские архивы. – 1973. – № 3. – С. 102–104.

² *Козлова Т.Н.* Гарин-Михайловский Николай Георгиевич – инженер-изыскатель, писатель // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2012 год. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки, 2011. – С. 134.

³ *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. – София: София-пресс, 1979. – С. 198.

⁴ Там же. – С. 199.

⁵ *Александрович С.С.* Деятельность русской гражданской администрации в Восточной Румелии (июнь 1878 — июнь 1879 гг.) // Российские и славянские исследования: Научный сборник. – Вып. 3. – Минск, 2008. – С. 100.

⁶ *Козлова Т.Н.* Гарин-Михайловский Николай Георгиевич – инженер-изыскатель, писатель... – С. 135.

⁷ *Борисова В.А.* Н.Г. Гарин-Михайловский. Вступительная статья // *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч.: В 5 т. – Т. 1. – М., 1957. – С. 13.

⁸ *Гарин-Михайловский Н.Г.* Клотильда // *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч.: В 5 т. – Т. 4. – М., 1957. – С. 182.

⁹ Там же. – С. 182.

¹⁰ *Победоносцев К.П.* Письма Победоносцева к Александру III. – Т. 1. – М.: Новая Москва, 1926. – С. 139–141.

¹¹ *Гарин-Михайловский Н.Г.* Клотильда... – С. 183.

¹² *Лурье А.* Адмирал Г.И. Бутаков / А. Лурье, А. Маринин. – М.: Воениздат, 1954. – С. 27.

¹³ *Гарин-Михайловский Н.Г.* Клотильда... – С. 194.

¹⁴ Там же. – С. 211.

¹⁵ *Сидоренко Б.* 16-я пехотная дивизия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: от Могилёва до Балкан // Могилевский поисковый вестник. – 2008. – № 4. – С. 37.

¹⁶ *Гарин-Михайловский Н.Г.* Клотильда... – С. 189–190.

¹⁷ Там же. – С. 190–191.

¹⁸ Там же. – С. 210.

¹⁹ Там же. – С. 192.

²⁰ *Масальский В.* Скобелев: исторический портрет. – М.: Андреевский флаг, 1998. – С. 60–61.

²¹ *Александрович С.С.* Деятельность русской гражданской администрации в Восточной Румелии... – С. 103.

ЛЕВЫЙ ЦЕНТРИЗМ В БОЛГАРИИ: ИСТОКИ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

М. В. Тортика

Тортика М. В. Лівий центризм у Болгарії: витоки і умови формування. У статті досліджені умови формування лівого центризму у Болгарії. Зокрема, розглядається специфіка розвитку Болгарського соціал-демократичного союзу, вивчається динаміка його взаємовідносин з Болгарською соціал-демократичною партією. Відокремлені основні етапи, характерні для раннього періоду політичної історії лівоцентристського руху. Водно проводиться аналіз політичної платформи болгарського центризму, оцінюється дуалістична природа його ідейно-політичної мотивації.

Ключові слова: Болгарія; центристська „лівиця”; лівий центризм; соціал-демократичний рух.

Тортика М. В. Левый центризм в Болгарии: истоки и условия формирования. В статье исследованы условия формирования левого центризма в Болгарии. В частности, рассматривается специфика развития Болгарского социал-демократического союза, изучается динамика его взаимоотношений с Болгарской социал-демократической партией БСДП. Выделены основные этапы, характерные для раннего периода политической истории левоцентристского движения. В то же время, проводится анализ политической платформы болгарского центризма, оценивается дуалистическая природа его идейно-политической мотивации.

Ключевые слова: Болгария; центристская «левица»; левый центризм; социал-демократическое движение.

Tortika M. V. Left centrism in Bulgaria: the genesis and formation conditions. The article studies the conditions of formation of left centrism in Bulgaria. Particularlyly it considers the specificity of the Bulgarian Social Democratic Union and studies the dynamics of its relations with the Bulgarian Social Democratic Party. The main stages, typical for the early period of the political history of the center-left movement, are separated. At the same time, the analysis of the political platform of the Bulgarian centrism is carried out and dualistic nature of its ideological motivation is estimated.

Keywords: Bulgaria; centrist left-wing; Left centrism; social democratic movement.

В советской и современной историографии (причем, как отечественной, так и зарубежной), левоцентристское движение в Болгарии, как правило, рассматривалось в парадигме политической истории начала XX ст. Однако именно предпосылки конца XIX ст. предопределили сам факт существования подобного направления и обусловили его реальное цивилизационное содержание.

В контексте историографического опыта второй половины XX – начала XXI ст. следует говорить об особой тенденции, в рамках которой данное движение рассматривалось исключительно как часть болгарского оппортунизма, т.е. без учета его организационной специфики и внутренней самобытности. Примером подобных взглядов являются работы А. Аврамова¹, С. Георгиева (его исследование было написано позднее, но с близких идеологических позиций)², коллективная монография «Возникновение, развитие и закат оппортунизма в болгарском рабочем движении»³, исследования Т. Митева⁴, М. Исусова⁵ и др. Особое место в этом ряду специальных исследований занимает монография болгарского историка Й. Йотова «Центризм в болгарском социалистическом движении 1905–1920»⁶, которая была подготовлена, во-первых, на основе широкого документального материала и, во-вторых, подчеркивала самостоятельный характер данного движения. Иными словами, левый центризм презентовался в работе Й. Йотова как явление идейно близкое, но, в то же время, отнюдь не тождественное болгарской разновидности реформизма. В то же время автор сознательно не делал различий между западноевропейским и балканским (болгарским) вектором левого центризма, в этом смысле лишая его очевидной национальной и культурно-политической самобытности.

Итак, многие болгарские авторы, анализируя этапы внутреннего развития левоцентристского движения, игнорировали период его скрытого, латентного существования на рубеже XIX–XX ст. В этой связи сразу же следует отметить, что болгарская социал-де-

мократия изначально не развивалась как однородное политическое явление. Собственно, после полулегальных встреч в Тырново и на Бузлудже в 1891 г. в ней сформировалось два центра: тырновский – Болгарская социал-демократическая партия (БСДП с Н. Габровским и Д. Благоевым во главе) и, чуть позже, софийский (1892 г.) – Болгарский социал-демократический союз (БСДС, лидерами которого стали Я. Сакизов, Е. Дабев и С. Мутафов*)⁷. Кроме того, сам БСДС также имел сложную структуру, включавшую в себя две автономные группы: севлиевскую в Болгарии и женевскую за границей.

Болгарский исследователь Т. Митев, размышляя об идейно-политической платформе БСДС, писал о некой «философии выживания», полагая, что вся дообъединительная стратегия Союза может трактоваться как скрытое приспособленчество группы популистов и карьеристов⁸. В этой связи особый интерес представляет тот факт, что болгарские социалисты в Женеве, большая часть из которых позднее встала на левоцентристские позиции, решительно выбрали именно платформу БСДС. Десятилетие спустя, то есть уже в процессе обособления «анархо-либеральной» оппозиции, Г. Бакалов, возвращаясь к полемике между представителями «Союза» и «Партии» (так он называл БСДП и БСДС), вспоминал, что причиной подобного выбора оказался более открытый политический курс «Союза» (ориентированный на привлечение «массового рабочего класса к социализму»), в то время как «Партия» рисковала остаться организацией «без рабочего движения»⁹.

Небезынтересно, что К. Раковский, в то время еще совсем молодой марксист, так же пытался обратить внимание Д. Благоева, центральной фигуры болгарского социалистического пространства, на особую «консервативную» (ремесленную) природу избирательного электората формирующейся партии. Фактически, именно центристы изначально поставили перед всем марксистским движением вопрос о характере социал-демократической организации как таковой, а именно: должна ли она представлять собой легальную социал-демократическую партию со всеми вытекающими из этого в парламентской стране¹⁰ последствиями или складываться как открытое социал-демократическое общество с просветительскими целями и пропагандистскими задачами.

По всей видимости, Д. Благоева мало устраивал как первый, так и второй вариант партийного строительства. В своей, впоследствии ставшей знаменитой, работе «Очерки истории социализма в Болгарии» он писал, что «партийцы» уже тогда, в конце XIX в., понимали значение партии как социал-демократической политической организации, подчеркивали ее роль «авангарда», «передового отряда рабочего движения», рассматривали ее как «...организованную военную силу рабочего класса...»¹¹. В сущности, с более широким абрисом будущей партийной организации его временно примирило только неожиданное общедемократические успехи 1892–1893 гг., а также воспитательный характер избирательной социалистической пропаганды, способной повлиять, как он полагал, на классовое сознание пролетариата.

БСДС и, соответственно, принявшие его сторону будущие центристы, напротив, склонялись к концепции более открытой социал-демократической организации. Достаточно быстро «союзистами» был подготовлен проект партийного устава, который, тем не менее, опирался на ясно выраженные принципы классического марксизма¹² и в этой связи предусматривал отказ от любых (пусть даже и временных) межпартийных компромиссов. Впрочем, особый параграф этого документа специально оговаривал, что данный запрет может быть преодолен в случае, если компромиссы обеспечат явную общепартийную «пользу»¹³. Таким образом, мысль о возможной целесообразности тактических общедемократических блоков проникла в недра мелкобуржуазной составляющей болгарской социал-демократии почти за восемь лет до знаменитой «каучуковой» резолюции К. Каутского, принятой Парижским конгрессом Второго Интернационала.

* В приведенном здесь документе (он представляет собой отчет К. Бозвелиева, направленный от имени всей социал-демократической партии Болгарии к членам действующего МСБ Второго Интернационала в июле 1901 г.) почему-то не упоминается К. Раковский. В то же время совершенно точно известно, что он занимал весьма авторитетное положение в Болгарском социал-демократическом союзе, с одной стороны, как лидер женевской группы, с другой – как один из его теоретиков. – См.: Възникване, развитие и залез на опортюнизма в българското работническо движение 1891–1948. – София: Партиздат, 1986. – С. 29.

Со временем противоречия нарастали. Косвенно, хотя и весьма своеобразно, они отразились в более поздних воспоминаниях Х. Кабакчиева¹⁴. Удачно избежав упоминаний о полемике «союзи́стов» и «партийцев» (термины, которые в политической публицистике использовал Д. Благоев и которые часто встречаются в современной болгарской историографии), он все же не мог не сказать о собственном пребывании в Женеве. Попал он туда в последние годы XIX в., т.е. именно тогда, когда градус социал-демократических дискуссий находился в зените, подогреваемый политическими баталиями и личными эмоциями, выплескивающимися из каждой ресторации, каждого кафе или клуба¹⁵. Причем, существенное количество этой пассионарной, интеллектуальной и более или менее независимой в финансовом отношении публики составляли студенты всех мастей, а также политические эмигранты, в особенности из России и, частично, из Болгарии¹⁶.

Однако, если все упоминания о Женеве, которые встречаются в биографиях Г. Бакалова или К. Раковского, наполнены почтением и восхищением перед атмосферой этого города, перед масштабами наполнявшей его «социалистической жизни», то соответствующие страницы в воспоминаниях Х. Кабакчиева иначе как скучными да, пожалуй, еще и скучными, не назовешь. Болгарских студентов много, около ста, пишет Х. Кабакчиев, социалистов из них «два десятка». Ощущение такое, что в интерпретации именно этого автора вся кипучая полнота женевской жизни преломляется как-то глупо и ограниченно, временами почти опереточно.

Все становится на свои места, после того как Х. Кабакчиев уточняет, что в социалистической партии «Швейцарии немецкой... и особенно французской Швейцарии... преобладало влияние оппортунистов...». «...Женева и Швейцария, – продолжает далее этот автор, – дали мне мало для осознания массового и революционного движения пролетариата в тогдашней капиталистической Европе...», а этот и только этот опыт может быть по-настоящему ценен для социалистической жизни Болгарии¹⁷. Таким образом, сразу становится понятно, что в таком контексте прямых упоминаний об особой роли женевской группы в воспоминаниях Х. Кабакчиева не было и быть не могло.

Можно смело утверждать, что вплоть до 1894 г. в социал-демократическом движении Болгарии не существовало ни идейного, ни даже формального организационного единства. Однако, уже в первые годы осозаемой деятельности болгарских социалистических организаций (1891–1893 гг.) проявилась некоторая обособленность женевской группы (территориальная, культурно-политическая), которая позволяет рассматривать ее в качестве предтечи будущего центрального вектора в социал-демократическом движении страны.

В сложившейся ситуации надежд на объединение было немного. В то же время «свирепый террор Стамболова», как писал в «Очерках истории социализма...» Д. Благоев, довольно настойчиво провоцировал потенциальное объединение социал-демократических групп. В результате, начальный этап раннесоциалистической деятельности БСДП завершился незапланированной встречей С. Мутафова и Д. Благоева в Софии¹⁸. Затем последовали переговоры, целью которых было объединение обеих социалистических организаций. Переговоры также прошли неожиданно успешно и завершились учредительным конгрессом (1894) теперь уже единой Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП). Так было положено начало следующего этапа в развитии социал-демократического движения страны, для которого характерно уточнение конкретной политической программы правой ветви болгарского социализма. На этот раз конкуренция возникла между внутрипартийными течениями, которые олицетворяли такие крупные общественно-политические и социал-демократические деятели, как Н. Габровский и Я. Сакызов.

Надо сказать, что Н. Габровский стоял у истоков болгарского социалистического движения. Он, по всей видимости, был единственным болгарским социалистом, побывавшим на Парижском учредительном конгрессе Второго Интернационала в 1889 г. Эмоциональный, темпераментный, склонный к аффектам и политической агитации, он предстает в воспоминаниях Г. Бакалова молодым человеком с длинными, свисающими на лоб волосами, которые он то и дело поправляет нервной рукой. Позднее Д. Благоев несколько иронично замечал, что Н. Габровского отличало характерное смешение энтузиазма «...с неясностью социалистической мысли»¹⁹. Однако сам Г. Бакалов, даже спустя не один десяток лет, писал о Н. Габровском все с тем же уважением и личной симпатией²⁰. Впрочем,

даже в контексте этих небольших по объему воспоминаний описание Н. Габровского соответствует более типу народника, чем образу социал-демократа. В результате «теоретиком» будущей тесно-социалистической фракции БРСДП стал Д. Благоев, а его широко-социалистическим оппонентом оказался не беспокойный и импульсивный Н. Габровский, а «сентиментальный социалист» Я. Сакизов.

То, что между Я. Сакизовым и Н. Габровским обнаруживались принципиальные идейные расхождения, отмечал и сам Я. Сакизов. Так, последний, судя по воспоминаниям Д. Благоева, еще в 1892 г. объединял политические взгляды Д. Благоева и Н. Габровского, противопоставляя им свое восприятие социализма как некоего комплекса «идеальных чувств», «желаний» и «условий»²¹. Впрочем, то «прекраснодушие», в котором Д. Благоев часто упрекал Я. Сакизова, никак не помешало ему вполне по-деловому объединить вокруг себя идейно близкую группу социалистов. В результате, уже в 1896 г. в личном письме к Д. Благоеву Н. Габровский признавал, что силы его слабеют, то время как он явно наблюдает «восхождение» сакизовской ветви широкого социализма²².

Итак, с новой силой полемика внутри БРСДП развернулась между 1895–1897 гг., а уже в 1898 г. впервые был поставлен вопрос о партийной дисциплине. В этой связи (анализируя практику избирательных компромиссов, характерную как для Я. Сакизова, так и Н. Габровского) Д. Благоев писал об утрате влияния социализма в его естественной среде и о его превращении «в мелкобуржуазный радикал-социализм». Основным компонентом расширения избирательной платформы партии Д. Благоев считал «крестьянский» вопрос, в чрезмерной эксплуатации которого упрекал Н. Габровского. Параллельно он критиковал идейное направление, которое олицетворял Я. Сакизов, называя центрального реформиста БРСДП не иначе как «социалистующий буржуа»²³. Тем самым он намекал на деятельность сакизовцев в мелкобуржуазной среде и на присущее им увлечение либерально-демократическим реформаторством.

Анализ внутрипартийных разногласий, интерпретируемых Д. Благоевым, не исчерпывался противопоставлением взглядов Я. Сакизова и Н. Габровского. Собственно, в приведенную выше полемику прокрестьянских и околубуржуазных течений болгарского (используем здесь термин самого Благоева) «оппортунизма», совершенно неожиданно вклинивалась обособленная позиция теперь уже бывшего «женевца» К. Раковского²⁴. Так, в издании «Социалист» за номером 76 появилась его статья, посвященная крестьянскому вопросу. В ней автор отмечал, что само по себе требование политической поддержки крестьянских интересов никак не противоречит генеральным принципам БРСДП. В то же время он утверждал, что крестьянский вопрос вполне совместим с требованием демократического реформ. Таким образом, в этой статье явно присутствовал более гибкий и вместе с тем достаточно «широкий» подход к политической платформе БРСДП. Собственно, сам К. Раковский обосновывал свою социалистическую толерантность местными условиями, которые он называл «родовыми муками» экономического роста Болгарии. К тому же, по мнению автора, болгарская социал-демократия все еще переживала начальный этап своего идейного и организационного развития. Итак, на этот раз элемент будущей центристской идеологии заявил о себе в рамках полемики представителей правого течения БРСДП. Пытаясь выровнять отношение к внутрипартийным линиям Н. Габровского и Я. Сакизова, К. Раковский сделал несомненную заявку на примиренческий характер своих политических (пока еще не вполне центристских) взглядов и указал на возможную лояльность своих единомышленников к правосоциалистическому крылу БРСДП.

Однако, как позднее отмечал Д. Благоев, усиление правой фракции БРСДП не могло не нарушить баланса внутрипартийных взаимоотношений. В результате партия оказалась в той безысходной ситуации, разрешением которой могла стать только жизнь или смерть одного из этих течений.

В конечном счете, более аморфные правосоциалистические представления (объединение «всех производящих слоев») обрели идейный фундамент в реформистской концепции

* Имели место также и упреки личного характера. В частности, Д. Благоев утверждал, что Я. Сакизов не только «прожектер» и «фантазер», но еще и бездельник, который «привык к тому, чтобы его прожекты... возлагали на себя другие...». – См.: *Благоев Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благоев Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 307.

западноевропейского социализма. Последнее наглядно продемонстрировало начавшее выходить осенью 1900 г. издание «Общо дело», задачей которого стало обоснование теоретических взглядов самого Я. Сакызова и его единомышленников. Задуманное вначале как литературное приложение к центральному партийному органу, оно практически сразу приняло форму самостоятельного двухнедельного политического журнала²⁵. Впрочем, как совершенно справедливо заметил в 1906 г. Д. Благоев, анализируя все более ускоряющийся темп межпартийных идеологических и организационных разногласий, на самом деле важно даже не то, как это издание появилось, а то, какое содержание оно в себе несло. Суть поднимаемых журналом проблем касалась насущных демократических потребностей, причем как в «торгово-индустриальной» среде, так и в «мещанско-ремесленных» слоях более традиционного болгарского общества. Все они, по мнению Я. Сакызова, имели право на «свободу и законность», все они фигурировали на страницах «Общо дело», и все они, с точки зрения Д. Благоева, делали это издание не просто далеким, но абсолютно «не имеющим ничего общего с социализмом»²⁶. Так было положено начало третьему и последнему этапу раннего периода истории социал-демократического движения Болгарии.

Впервые на официальном уровне расхождения между ортодоксальным и реформистским направлениями были зафиксированы в ходе Пятого (Парижского) 1900 г. конгресса Второго Интернационала, на котором в качестве представителя БРСДП в очередной раз присутствовал К. Раковский²⁷.

Суть проблемы заключалась в том, что уже в последнем десятилетии XIX в. уверенность социалистов в близкой реализации социал-демократических перспектив имела вполне рациональный и достаточно осознанный характер. Так, А. Бебель, выступая на партийном съезде еще в 1891 г., подчеркивал, что большинство из присутствующих в Эрфурте почти наверняка доживут до окончательной победы классовой борьбы пролетариата²⁸. На рубеже XIX–XX вв. подобные перспективы стали подпитываться очередным ускорением роста производства и все увеличивающимися темпами индустриализации²⁹. В результате, у некоторых представителей международной социал-демократии начало формироваться мнение о неадекватности отдельных идейных положений марксизма экономическим, а возможно, и политическим реалиям довоенной Европы. В количественном отношении этот процесс выражался следующим образом: с 1859 г. по 1914 г. общемировое индустриальное производство увеличилось в 7 раз, в то время как в России и в США оно же увеличилось в 12 раз. Особенно значимыми оказались цифры, фиксировавшие количественный рост членов рабочих профсоюзов. Так, например, численность французских профсоюзов выросла с 420 тыс. человек (в 1895 г.) до миллиона и больше в 1913 г. и т.д.³⁰.

Такой рост потенциальной электоральной базы социалистов естественным образом поставил их перед вопросом о детерминизме (в противовес радикализму) в политической практике марксизма. В результате с 1896 г. в печати стали появляться фрагменты идеологически обновленной концепции Э. Бернштейна, человека, в личном плане настолько близкого к Ф. Энгельсу, что последний назначил его, наравне с А. Бебелем, своим душеприказчиком.

Собственно, уже в 1896 г. Э. Бернштейн начинает публично излагать свои взгляды, следствием чего становится публикация цикла статей под общим названием «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» (см. так же его работы: «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии», «Массовая политическая стачка и политическое положение германской социал-демократии», «Очерки из истории и теории социализма», «Реалистический и идеологический момент в социализме» и т.д.)³¹.

Сама идеологическая система, предложенная Э. Бернштейном, состояла как бы из двух частей: теоретической и практической. Теоретическая часть представляла собой анализ основных положений научного социализма, пересмотр которых мог, по крайней мере отчасти, привести к изменению философской основы указанной концепции. Главы, посвященные тактическим вопросам, определяли основные задачи социал-демократии и методы их решения. Их корректировка, по мнению Э. Бернштейна, должна была несколько оосовременить хрестоматийный характер марксизма, теоретические положения которого (в силу их внутренней замкнутости) все чаще оказывались причиной не предусмотренных К. Марксом политических рефлексий.

Новое прочтение философского фундамента марксизма, предложенное Э. Бернштейном, не могло не вызвать мощного отклика в кругу европейской социал-демократии. В частности, одним из первых, наравне с К. Каутским³² и Р. Люксембург³³, на него отреагировал Г.В. Плеханов. Энергично возражая Э. Бернштейну в «Die Neue Zeit»³⁴, он, по сути дела, прямо обвинил Бернштейна в том, что, живя бок о бок с Ф. Энгельсом много лет, он «...мог обеими руками черпать из богатой сокровищницы великого мыслителя...», но так и не понял его философии»³⁵. Итогом публичной полемики Г.В. Плеханова с Э. Бернштейном стал объемный сборник произведений корифея российского марксизма («Критика наших критиков»), опубликованный в 1906 г. под псевдонимом Н. Бельтов.

Резкий тон противников Э. Бернштейна косвенно подтверждал реальность обозначенных данным автором проблем, вне всякого сомнения, существовавших в практике европейской социал-демократии, вступавшей в пору политической зрелости. Подобный подход к теории социализма обусловил и значительно усилил практическую часть концепции Э. Бернштейна. Поднимая вопрос о конечной цели классовой борьбы, он утверждал, что в глобальном общесоциалистическом плане отказа от подобной перспективы нет и быть не может. Однако положение данной цели должно быть подвижным, поскольку, закрепляясь идеологически, она может стать «...помехою для действительного теоретического и практического преуспевания движения»³⁶. Только реальные политические и экономические условия могут стать основой социалистической деятельности, «...мы должны считаться с конкретными фактами..., если не желаем наделать грубых ошибок», – подчеркивал Бернштейн. Таким образом, в практическом выражении его концепцию можно рассматривать как синтез тактики быстрого политического реагирования с теорией, утверждающей принцип новых социальных отношений.

Как известно, в качестве официальной марксистской идеологии концепция Э. Бернштейна была отвергнута решительно и бесповоротно. Тем не менее, избирательные успехи некоторых социалистических партий, опыт А. Мильерана³⁷, Г. Фольмара³⁸, Ф. Турати³⁹ подтверждали политическую перспективность ревизионистских концепций. Достаточно сказать, что только в одной маленькой Болгарии к 1899 г. социал-демократы получили шесть мест в парламенте, вследствие чего Я. Сакызов публично ратовал за изменение парламентской тактики БРСДП.

Следствием указанных противоречий стало принятие Парижским конгрессом (1900) Второго Интернационала «каучуковой резолюции» К. Каутского. Официально эта резолюция отрицала путь к завоеванию власти пролетариатом через буржуазные правительства, однако одновременно не исключала возможности вхождения социалистов в коалиционные правительства в соответствующих политических условиях и с согласия всей партии.

С точки зрения поставленных в данном исследовании цивилизационных задач, весьма интересно, как на подобные решение прореагировал близкий болгарскому центризму социал-демократ К. Раковский. Вслед за своим другом и учителем Г.В. Плехановым, под особым влиянием которого он в это время находился⁴⁰, К. Раковский категорически отмежевался от концепции идейно-политической ревизии, предложенной Э. Бернштейном. В то же время, анализируя в «Искре» итоги социалистического форума в Париже, он, реализуя присущий центрулизму культурно-политический дуализм, подчеркивал, что не стоит пренебрегать «...ни единой, даже незначительной реформой, способной и в современном обществе улучшить положение рабочих...»⁴¹.

Между тем, в свете приведенных выше идейных разногласий, положение внутри БРСДП стремительно ухудшалось. В частности, конгрессы в Плевне (1901 г.) и в Тырново (1902 г.), задачей которых было подтверждение «чисто пролетарского характера БРСДП», показали, что в идеологический конфликт оказалась втянутой практически вся партия⁴². Наконец, к марту 1903 г. стало ясно, что официальный раскол БРСДП – лишь вопрос времени.

В сложившейся ситуации значительную роль в формировании широко-социалистической платформы БРСДП сыграл теоретический журнал Я. Сакызова «Общо дело» (1900). Сам Я. Сакызов позже подчеркивал, что источником его политического и литературного вдохновения был пример германской социал-демократии. Фактически это стало одним из его наиболее весомых аргументов, оправдывавших существование подобного изда-

ния. Поскольку без него, утверждал редактор «Общо дело», восприятие «живых проявлений болгарской жизни» было бы неполным, особенно в условиях, когда ни «Работнически вестник», ни «Ново време» не отражают «умственных брожений», характерных для «западных» или тем более для отечественных социалистов⁴³. Впрочем, Д. Благоев был склонен объяснять развернувшуюся вокруг данного издания полемику «общедельскими интригами»⁴⁴, а саму сакизовскую группу называл не иначе как «оппортунистической» и «буржуазно-демократической»⁴⁵. Таким образом, еще до раскола 1903 г. социалистический характер правой оппозиции был поставлен под сомнение, а сама она определялась теми идеологическими штампами⁴⁶, которые позже стали постоянным речитативом любых публичных выступлений, равно как и официальной переписки тесно-социалистического ЦК с руководством Второго Интернационала.

Первоначально раскол прошел по линии Центрального Комитета, в котором Я. Сакизов и Е. Дабев объединились против левого крыла внешне нейтрального внутрипартийного руководства. Затем последовало дробление Софийской партийной организации – этого, как образно выразился Д. Благоев, «гнезда общедельского интриганства»⁴⁷. В результате, с выходом 50 человек из софийской партийной организации она фактически перестала существовать, создавая повод для «формального кризиса партии и ее раскола»⁴⁸.

22 марта 1903 г. левым большинством ЦК был обнародован известный циркуляр № 399, сутью которого стал вопрос о форме дальнейшего существования «общедельства»⁴⁹. В течение нескольких последующих месяцев шел процесс самоопределения местных организаций, который завершился двумя июльскими конгрессами, оборвавшими номинально все еще сохранявшееся партийное единство. Один состоялся в Руссе 19–25 июля – это был X конгресс БРСДП и, соответственно, первый для БРСДП (тесных социалистов)⁵⁰. Второй был созван 13–18 июля в Софии, став первым учредительным конгрессом БРСДП (широких социалистов), также X по прежней нумерации⁵¹. Таким образом, формально третий и последний этап раннесоциалистического движения в Болгарии был завершен летом 1903 г. В то же время до открытого проявления «анархо-либеральных» тенденций внутри БРСДП (т.с.) все еще оставалось не менее двух лет. Кроме того, в августе 1904 г. должен был состояться Амстердамский конгресс, объединительной резолюции которого только предстояло отразиться в кривом зеркале болгарских внутрипартийных дискуссий.

Нерешенный в 1900 г. вопрос о социалистической тактике, явное усиление реформистских течений в среде немецкой, французской, русской, болгарской и т.д. социал-демократий – все это делало разговор о единстве социалистических сил темой болезненной, но насущной. Фактически была осознана необходимость идеального возврата к истокам политических противоречий, экономический и социально-политический фундамент которых обеспечивал стабильность правой внутрипартийной оппозиции. В этой связи в апреле 1903 г. В. Коларов писал в «Работнически вестник», что предстоящий раскол необходимо признать и отнести к нему хладнокровно и трезво, без причитаний об «иллюзорном» партийном единстве⁵². Только тогда, подчеркивал он, можно будет говорить о сути разногласий без упоминаний о «личных амбициях... и соперничестве», но на основании той теории, которая носит ярко выраженный «пролетарский характер»⁵³.

Впрочем, как представляется, современный взгляд на истоки подобных концептуальных противоречий должен быть не только шире (последнее очевидно), но и глубже. Во-первых, как уже отмечалось ранее, Э. Бернштейн полагал, что классовая диктатура в странах с устойчивой парламентской системой есть «политический атавизм», который все более и более не соответствует современным методам западноевропейской политической борьбы. В то же время, анализируя цивилизационный фундамент восточноевропейских (в настоящем контексте, болгарских) социал-демократических разногласий, следует заметить, что как по качеству, так и по количеству (отсутствие соответствующей исторической традиции) болгарский парламентаризм оказался трудно сопоставим с демократическими институтами Западной Европы. Так, например, болгарская государственная система действительно гарантировала существование марксистской партии как партии легальной и парламентской. Тем не менее, как политический механизм, она, в первую очередь, представляла собой дополнительный фактор государственного равновесия, необходимый в условиях сложного дуализма княжеско-партийного руководства страной.

Далее, в качестве следующего фактора социал-демократических противоречий, следует назвать многовекторный цивилизационный контекст балканского региона, обусловивший разницу в культурно-политической ориентации реформистской и ортодоксальной фракций БРСДП. Собственно, в сложившейся ситуации сложно говорить о реальном значении реформ, поверхностная реализация которых была связана с характером крестьянского менталитета, не настроенного на принятие активной трансформации традиционного состояния культуры. Этот момент удачно характеризует «Воззвание» представителей сельской интеллигенции, обращенное к болгарским крестьянам в 1899 г. (По материалу Гришиной Р.П.): «...мы не знаем новых машин, больших и малых... Мы действуем по-старому, ветхозаветно: стараемся, пыжимся и при явной бесплодности наших усилий, при потерянном здоровье и разбитой жизни. Говорим: «наши отцы не умирали от голода, и мы не померем...»⁵⁴. Безусловно, до 1917 г. руководство большинства марксистских партий стремилось ориентироваться, в основном, на рабочие массы населения и не считало крестьянство значимой частью своего электората. Однако, и это необходимо подчеркнуть особо, несколько поколений городской жизни не смогли существенно изменить крестьянскую специфику рабочего менталитета в Болгарии. Следовательно, болгарский социализм был вынужден тактически приспособляться к специфике местных культурно-политических условий.

Вариантов достаточной предсказуемой политической мимикрии было несколько, один – широкий – избрал Я. Сакызов⁵⁵. Теоретическая программа данного течения ориентировалась на платформу, характерную для европейского реформизма, но при этом была вынуждена учитывать местные экономические, а, главное, социально-политические особенности, двигаясь от «рабочей аристократии» промышленно развитых европейских стран к мелкобуржуазной среде аграрных государств Восточной Европы.

В свою очередь, говоря о стратегии болгарского ортодоксального марксизма, следует отметить, что данное течение, напротив, было ближе к платформе традиционалистских фракций, более характерных для политического пространства стран Восточной Европы. Подобные тенденции обнаруживались, во-первых, в идеализации потенциальных политических перспектив и, во-вторых, в характерных элементах этнокультурного традиционализма, который существовал на основе идейного синтеза «спиритуалистического марксизма» и соответствующей национальной ментальности. Таким образом, данная социалистическая модель также оказывалась одним из способов политического приспособленчества, использование которого примиряло классический марксизм с социальными условиями Болгарии.

Конечно, политический детерминизм Второго Интернационала подталкивал его руководство к пропаганде принципов организационного сближения, несомненно востребованных в условиях роста милитаристской активности ряда европейских государств. В подобной ситуации наиболее известные западные теоретики марксизма не хотели признавать той культурно-политической пропасти, которая отныне рассекала международное рабочее движение и, в частности, пролегла между обеими фракциями болгарского социализма. Примером подобного прагматичного подхода стала точка зрения одного из наиболее крупных представителей будущего центристского вектора Интернационала П. К. Каутского, который еще за год до Парижского конгресса подчеркивал: «В нашей партии всегда существовали разногласия – разногласия личного, местного, профессионального и теоретического характера. Молодой и горячий думает иначе, чем старый и рассудительный; баварец – иначе, чем саконец, а тот иначе, чем гамбуржец... Такие различия не только неизбежны, но даже необходимы, чтобы не замерла внутренняя духовная жизнь партии. Но эта последняя – армия борцов, а не клуб для обмена мыслями; обнаруживающиеся в ней противоречия не должны идти настолько далеко, чтобы исчезла самая возможность плодотворной совместной работы...»⁵⁶.

Таким образом, еще до раскола 1903 г. возникла некая обобщающая социал-демократическая тенденция, ведущая к поиску и поддержке сторонников партийного единства, способных, несмотря на присущий им демократизм и широту мышления, строго придерживаться ортодоксальных принципов «классической» марксистской идеологии. В Болгарии, накануне Амстердамского конгресса, эта потребность осложнилась необходимостью своеобразного интеллектуального транзита, существовавшего (в контексте объ-

единительной тактики Международного социалистического бюро) между западничеством «общедельства» и нигилизмом тесного социализма. Иначе говоря, появилась потребность в деятельности не просто убежденных марксистов, но интеллектуалов, способных совмещать европейскую социал-демократическую модель с элементами национального болгарского самосознания. Накануне Амстердамского конгресса в Болгарии уже существовали все предпосылки для формирования левоцентристской фракции и, более того, были ясны принципиальные задачи будущего движения, которые, по всей видимости, следует обозначить, с одной стороны, как посреднические (культурно-политические), а с другой – как организационные (объединительные).

¹ Аврамов А. Политическата стратегия и тактика на БКП (1903–1923). – София: Партиздат, 1974. – 327 с.

² Георгиев С. Общоделският опортюнизм. Облик и съдба. 1903–1912. – София: Партиздат, 1985. – 174 с.

³ Възникване, развитие и залез на опортюнизма в българското работническо движение 1891–1948. – София: Партиздат, 1986. – 689 с.

⁴ Митев Т. Широкият социализъм 1892–1900. – София: Университетско издателство «Климент Охридски», 1989. – 168 с.

⁵ Исусов М. Революционното профсъюзно движение в България (1903–1912) / Кабинет за история на профсъюзното движение в България. – София: Профиздат, Изд-во на ЦС на профсъюзите, 1962. – 229 с.

⁶ Йотов Й. Центризъмът в българското социалистическо движение 1905–1920. – София: Изд-во на БКП, 1969. – 423 с.

⁷ *Borzwellieff Constantin* 24.07.1901 // Fondazione Feltrinelli. – Repertorio del materiali del BSI. Bulgaria. – № 182–185, 175. – № protocollo 891.

⁸ Митев Т. Широкият социализъм 1892–1900. – София: Университетско издателство «Климент Охридски», 1989. – С. 35.

⁹ Бакалов Г. Партия или котерия // Интелигенски индивидуализъм или интелигенска диктатура? – София: Печатница Гавазов и Чомонев, 1905. – С. 15.

¹⁰ Понятно, что в данном случае, речь шла о возможной политической перспективе, но отнюдь не о парламентской практике «стамболовистского террора» (как писал позднее об этом времени Д. Благоев).

¹¹ Благоев Д. Принос към историята на социализма в България // Благоев Д. Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 153.

¹² В данном контексте определение «классический марксизм» тождественно социально-экономической и политической логике К. Маркса, т.е. формально логике, рожденной из наблюдений за процессами, протекающими в раннекапиталистических обществах.

¹³ Възникване, развитие и залез на опортюнизма в българското работническо движение 1891–1948. – София: Партиздат, 1986. – С. 26.

¹⁴ Кабакчиев Христо – представител българското социал-демократическо движение, с 1903 г. член партии БРСДП (т.с.), в 1905 г. член ЦК партии тесных социалистов.

¹⁵ См. дела Департамента полиции о революционной деятельности в Цюрихе и Женеве // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 102, оп. 180, ед. хр. 47; ф. 102, оп. 186, ед. хр. 47: Т. 3, Т. 4; ГАРФ, ф. 102, оп. 232, ед. хр. 1075 и др.

¹⁶ Переписка с Департаментом полиции и Бессарабским Главным жандармским управлением по личному составу и выяснению личности русских подданных, проживающих за границей // ГАРФ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 123.

¹⁷ Кабакчиев Х. Спомени. – София: Изд-во на БКП, 1956. – С. 27–29.

¹⁸ Благоев Д. Принос към историята на социализма в България // Благоев Д. Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 226.

¹⁹ Там же. – С. 122.

²⁰ Бакалов Г. Никола Габровски, последният от старата гвардия // Бакалов Г. Избрани произведения. – София: Български писател, 1964. – Т. 4. – С. 279–284.

²¹ Благоев Д. Принос към историята на социализма в България // Благоев Д. Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 147.

²² Митев Т. Широкият социализъм 1892–1900. – София: Университетско издателство «Климент Охридски», 1989. – С. 41.

²³ Благоев Д. Принос към историята на социализма в България // Благоев Д. Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 309.

²⁴ К этому времени партийная популярность К. Раковского выросла до масштабов его официального представительства на Цюрихском конгрессе Второго Интернационала. – См.: Международный

социалистический конгресс в Париже // Искра. – 1900. – № 1 (декабрь). Данный факт, в противовес точке зрения Л.И. Зубока. См.: История Второго Интернационала / Под ред. Л.И. Зубока. – М.: Наука, 1965. – Т. 1. – 379 с., подтверждают такие болгарские историки, как А. Веков, Ж. Дамянова и Ф. Панайотов. Кроме того, в 1896 г. К. Раковский еще раз представлял БРСДП, теперь уже на Лондонском конгрессе Интернационала II. – См.: Международный социалистический конгресс в Лондоне 1896 г. – Б. м.: Типография группы рабочих – революционеров, 1896. – 88 с.; *Раковский Х.Г.* Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат: Деятели СССР и Революционного движения России. – М., 1989. – С. 169–187; Письмо от К. Раковски до семейството му // Централен държавен архив на Република България (далее ЦДА на РБ), ф. 156, оп. 1, ед. хр. 277, л. 4. Его коллегой по Лондонскому конгрессу оказался еще один будущий центрист – Г. Бакалов. – См.: Георги Бакалов: живот и дейност. – София: Изд-во на Българската академия на науките, 1989. – С. 9.

²⁵ Письмо от Я. Сакъзов до К. Раковски // ЦДА на РБ, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 465.

²⁶ *Благовев Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благовев Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 448–449.

²⁷ Международный социалистический конгресс в Париже // Искра. – 1900. – № 1 (декабрь).

²⁸ Интересно, что данная мысль имела большое значение и для Г. Бакалова, который (спустя некоторое время после смерти А. Бебеля) также подчеркивал, что социал-демократия стоит на пороге своих самых смелых ожиданий. – См.: *Бакалов Г.* Спорните въпроси на социалистическата тактика. – София: Знание, Б. г. – 60 с.

²⁹ Так, например, Д. Благовев называл 1901 г. годом индустриального подъема страны.

³⁰ Българските социалдемократи и Международното социалистическо бюро. Кореспонденция 1900–1914 гт. / Съставители Кънева-Дамянова Ж., Дюмон П. – София: МИКОМ, 1996. – С. 4.

³¹ См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии / Пер. с нем. К. Бутковского. – М.: Изд. Ефимова, 1901. – 360 с.; *Его же.* Очерки из истории и теории социализма. – СПб.: Тип. Колпинского, 1902 – 400 с.; *Его же.* Реалистический и идеалистический моменты в социализме. – Б. м.: Изд. Козмана, Б. г. – 32 с.; *Его же.* Социальные проблемы (Условия возможности социализма и задачи социал-демократии). – СПб.: Слово, 1906. – 266 с.; *Его же.* Массовая политическая стачка и политическое положение германской социал-демократии. – Б. м.: Тип. А.Г. Розена, 1906. – 63 с.

³² *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). – М.: УРСС, 2003. – 304 с.

³³ См.: *Люксембург Р.* Реформа или революция. – Петроград: Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. – 108 с.; *Ее же.* Коалиционная политика или классовая борьба. – М.: Красная новь, 1923. – 118 с.

³⁴ «Die Neue Zeit» («Новое время») – марксистский журнал социал-демократической партии Германии (СДПГ), выходил под непосредственной редакцией К. Каутского.

³⁵ *Плеханов Г.В.* Бернштейн и материализм // *Плеханов Г.В.* Сочинения. – М.: Госиздат, 1923. – Т. 11. – С. 12.

³⁶ *Бернштейн Э.* Социальные проблемы (Условия возможности социализма и задачи социал-демократии). – СПб.: Слово, 1906. – С. 219.

³⁷ А. Мильеран (1859–1943) – французский социалист, вступил в правительство П. Вальдека-Руссо, создавая тем самым знаменитый прецедент социалистической тактики, известный как «министерализм».

³⁸ Г. Фольмар (1850–1922) – правый баварский социал-демократ, депутат рейхстага из Мюнхена.

³⁹ Ф. Турати (27.11.1857–30.03.1932) – итальянский политический деятель, публицист, идеолог итальянского реформизма.

⁴⁰ Иллюстрацией дружески взаимоотношений К. Раковского и Г.В. Плеханова могут служить фрагменты их личной переписки, сохранившиеся в Центральном государственном архиве республики Болгария. – См.: Письмо от Г.В. Плеханов до К. Раковски // ЦДА на РБ, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 448, л. 2.

⁴¹ Международный социалистический конгресс в Париже // Искра. – 1900. – № 1 (декабрь).

⁴² *Благовев Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благовев Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 472, 547; *Милев Й.* Спомена на стари партийни дейци за живота и дейността на софийската организация // ЦДА на РБ, сп. № 1187, л. 2.

⁴³ *Бужашки Е. Д.* Благовев и победата на марксизма в българското социалистическо движение 1885–1903. – София: Изд-во на БКП, 1960. – С. 325.

⁴⁴ Здесь и далее цитаты приводятся с особенностями авторского правописания.

⁴⁵ Надо сказать, что были и более «поэтические» эпитеты, сопоставляющие деятельность внутрипартийной оппозиции с образом червя, разъедающего тело партии. – См.: *Благовев Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благовев Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 552.

⁴⁶ С эпитетами Д. Благовев обращался легко, в частности, характеризуя тактику классового сотрудничества, он писал, что речь идет о «...сотрудничестве всяческих дьяволов и вельзевулов буржуазии...». – См.: *Благовев Д.* Опортонизъм или социализъм // *Благовев Д.* За партийното единство и партийната дисциплина. – София: Изд-во на БКП, 1958. – С. 40.

⁴⁷ *Благов Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благов Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 554.

⁴⁸ *Благов Д.* Принос към историята на социализма в България // *Благов Д.* Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 11. – С. 472, 554; *Коларов В.* Партийният кризи // *Коларов В.* Избрани произведения. – София: Изд-во на БКП, 1954. – Т. 1. – С. 1–5.

⁴⁹ Окръжно № 399 от марксистското мнозинство в ЦК на БРСДП – Д. Благов, Г. Кирков и Н. Харлаков, до партийните организации за разногласията в партията и разцеплението в ЦК и Софийската организация // *Българска комунистическа партия. Документи на централните ръководни органи 1900–1903.* – София: Партизда, 1974. – Т. 2. – С. 504–521.

⁵⁰ *Делирадев П.* Преди 50 години. Из спомените ми за Русенския конгрес // ЦДА на РБ. – Сп. № 532.

⁵¹ Писмо от Я. Сакъзов до К. Раковски // ЦДА на РБ, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 465, л. 2; Окръжно от ЦК БРСДП до месните организации // ЦДА на РБ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1.

⁵² Подробнее о партийном кризисе и утрате единства БРСДП см.: *Коларов В.* Единство и самокритика // *Коларов В.* Избрани произведения. – София: Изд-во на БКП, 1954. – Т. 1. – С. 6–10.

⁵³ *Коларов В.* Партийният кризи // *Коларов В.* Избрани произведения. – София: Изд-во на БКП, 1954. – Т. 1. – С. 1–5.

⁵⁴ *Гришина Р.П.* Лици модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности) / Серия «Человек на Балканах». – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 80–81.

⁵⁵ *Сакъзов Я.* Тревога за призраци (нашето отстъпничество или тяхното недомыслие). – София: Б. и., 1991. – 96 с.

⁵⁶ *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). – М.: УРСС, 2003. – С. 26–27.

ПЕРША СВИТОВА ВІЙНА ТА СЛОВ'ЯНСЬКИЙ СВІТ

УДК 355.48 (497.2-652) «1914/1918» : 070 (470+571+497.2)

ПОЛЕМИКА В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПЕЧАТИ О ПОЗИЦИИ БОЛГАРИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. С. Гусев

Гусев Н. С. Полемика в руската и българската преса по повод позицията на България през началния период на Първата световна война. Позицията на неутралитет, заета от България в началото на Първата световна война, предизвиква в руското общество доста негативно отношение. Върху българите паднаха обвинения в предателство на интересите на славянството. Бяха поканени да се откажат от исканията си за преразпределение на Македония и да влязат във войната на страната на славянството. Писателят Леонид Андреев сред тези обвинители в една своя статия, която предизвиква оживена реакция в България и редица отговори на антибългарска риторика на руския печат в началото на Първата световна война.

Ключови думи: Първата световна война; България; Русия; славянството; Леонид Андреев; Иван Вазов.

Гусев Н. С. Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны. Позиция нейтралитета, занятая Болгарией в начале Первой мировой войны, вызывала в русском обществе крайне негативное отношение. На болгар сыпались обвинения в предательстве интересов славянства, призывы отбросить свои требования передела Македонии и вступить в войну на стороне славянства. Писатель Леонид Андреев выступил одним из таких обвинителей в своей статье, что вызвало живой отклик в Болгарии и ряд публичных ответов на всю антибългарскую риторика русской прессы начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; Болгария; Россия; славянство; Леонид Андреев; Иван Вазов.

Gusev N. S. Polemics in Russian and Bulgarian press about Bulgaria's position during the initial period of the First World War. The position of neutrality taken by Bulgaria at the beginning of the First World War evoked an extremely negative attitude in Russian society. The charges of betraying the interests of the Slavs, the calls to abandon their demands of redistribution of Macedonia and to join the war on the side of the Slavs were falling on the Bulgarians. Writer Leonid Andreev was one of those accusers in his article that aroused a rapid negative response in Bulgaria and a series of public reactions by all anti-Bulgarian rhetoric of Russian press over the first months of the First World War.

Keywords: First World War; Bulgaria; Russia; Slavs; Leonid Andreev; Ivan Vazov.

В 1912 г. против Турции совместно выступили Болгария, Сербия, Греция и Черногория. Заявляя о защите православного населения, они фактически стремились к захвату и разделу европейских владений султана. При этом София и Белград предварително оговорили будущее македонских земель. Однако все карты балканским союзникам спутали великие державы, принявшие под давлением Вены решение о создании независимой Албании, чем отрезали Сербию от вожделенного выхода к морю. Требование Белграда о пересмотре соглашения по разделу Македонии не нашло понимания в Софии; обе стороны искали поддержки у предусмотренного болгаро-сербским договором арбитра – российского императора, фактически развязав информационную борьбу за симпатии русского общества¹. Но в итоге вопрос был решен при помощи оружия: в 1913 г. Болгария потерпела сокрушительное поражение, *sancta sanctorum* ее общественной жизни – Македония – в значительной части перешла под скипетр сербского короля Петра. «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силой сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишенной всего, что в течение целого столетия было для нее наиболее дорогим в ее жизни»², – писал тогда ученый-славист и будущий советский академик Н.С. Державин.

Когда год спустя разразилась Первая мировая война, болгары еще не успели «простить» сербов за нанесенное им поражение и смириться с гибелью «своей мечты». По этой причине в Софии не спешили вставать на защиту «интересов южного славянства», желая из

сложившейся ситуации извлечь максимум выгоды: добиться передела Македонии мирным путем. Как точно подметил немецкий военный атташе в Болгарии К. фон дер Гольц, «общий балканский идеал состоит в том, чтобы получить, но ничего взамен полученного не давать»³.

Ключ к сговорчивости Белграда в отношении Македонии и болгар опять следовало искать в Петербурге (Петрограде) – в русском общественном мнении с новой силой разгорелись дискуссии сторонников Болгарии и Сербии. Причем «стартовые позиции» последней изначально казались выгоднее, поскольку виновницей Второй балканской войны считалась Болгария, с 1913 г. носившая клеймо предателя интересов славянства.

В том же 1913 году российская пресса стала активно противопоставлять правящую верхушку и население Болгарии, говоря об отсутствии у «австрийца на славянском престоле» и «правительства, которое сердцем передалось Вене» народной поддержки, а также давать советы по удалению их от власти, намекая болгарам о необходимом условии для счастливого будущего славянства⁴.

После Сараевского убийства и последовавшего международного кризиса эта тема не исчезла. Уже 29 июля (11 августа) 1914 г. газеты писали, что «болгарское общество переживает тяжелый кризис. Большинство требует поддержать Россию. Болгарское правительство теряет авторитет. Возможны внутренние осложнения в Болгарии»⁵. Уверенность русских в таких сообщениях была столь велика, что болгарская миссия в России столкнулась с необходимостью официально опровергать «сведения о беспорядках, революции и о военном положении»⁶.

С началом мировой войны в России стали выходить различные брошюры «для разъяснения сути происходящего», в которых также утверждалось, что существует расхождение мнений болгарского народа и его политических лидеров. Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в небольшом издании, изданном в Ярославле в 1914 г.: «Болгарский народ, который всегда был враждебно настроен против своего правительства, заискивающего у европейских держав, рвется в бой на помощь к своим братьям-славянам и требует немедленной войны»; он помнит, какую роль в его истории сыграла Россия, и желает оказать ей помощь⁷. Еще откровеннее был И.Е. Иванов – автор брошюры «Возрождение сербского государства и интриги Австрии». Следуя тенденции к противопоставлению стремлений различных слоев болгарского общества, он утверждал, что болгарский царь Фердинанд начал Вторую балканскую войну, «подчиняясь австрийским внушениям... вопреки желанию болгарского народа и наперекор совету покровителя славян, нашего государя». Далее он называл объявленный Болгарией нейтралитет позорным и выражал надежду-призыв, «что благодарный к своей освободительнице болгарский народ и доблестная болгарская армия сумеют сбросить с себя иго немецкого принца» и присоединятся к России в войне⁸. Тем самым автор не просто поляризовал интересы власти и народа в Болгарии, но и фактически указывал последнему его задачу. Отметим важную лексическую особенность: в данном сочинении Фердинанд лишь при первом упоминании называется болгарским царем, во всех остальных же случаях – немецким принцем.

Забегая вперед, укажем, что тот же мотив присутствует и в «Русском правительственном сообщении в связи с разрывом дипломатических отношений с Болгарией»: «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены». В «Сообщении» подчеркивалось, что с момента своего восхождения на болгарский престол Фердинанд Кобург устанавливал в стране германское влияние. В заключительных строках документа говорилось о неизменных симпатиях русских к болгарам, а также констатировалось, что «и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сыновей русских воинов, легших костями за Болгарию»⁹.

Нельзя, однако, отрицать и того, что в действительности многие в Болгарии были недовольны занятой правительством позицией. Как писал советский историк М.А. Бирман, руководство страны вынуждено было использовать нейтралитет как маскировку, которая «была нужна и для того, чтобы сбить с толку общественное мнение страны»¹⁰. Но вся любовь к России простиралась лишь до того предела, за которым начиналась горечь по утраченной Македонии. Так, в болгарском левом издании «Заря» в статье «Обращение к русской печати» заявлялось, что народ скорбит от того, что его «смешивают с

Радославовым (министром-председателем. – Н. Г.), против политики которого он протестует». Но при этом позиция, занятая Болгарией, обуславливалась решением македонского вопроса. На что газета «Русский инвалид» нравоучительно реагировала: «„Заря“ забывает мудрую истину, что „сор из избы выносить не следует“, ссору славян не надо мешать в общее дело, показывая ее врагам»¹¹. Тем самым орган Военного министерства советовал болгарам не заниматься, как ему казалось, незначительными «внутренними» спорами и выступить в защиту общего славянского дела.

Хорошо известный в Болгарии писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко написал письмо-обращение: «Болгары! Где вы? Отчего в этот светлый и радостный час общей великодушной жертвы вы не с нами? Спешите! Завтра, может быть, будет уже поздно»¹².

К тому же призывало и введение к брошюре ученого-слависта В.И. Пичеты «Драма болгарского народа. Борьба за объединение Болгарии», вышедшей в серии «Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г.». Следует отметить, что сам текст, принадлежащий перу Владимира Ивановича, научен и вполне нейтрален. Однако не совсем ясно, почему профессиональный полонист выступил на эту тему. Возможно, причина тому – обещанный гонорар, что для ученого было отнюдь нелишним. Как бы то ни было, нам кажется, что книга и задумывалась ради одного предисловия, которое представляло собой ярое обличение позиции Болгарии. «Славянство переживает сейчас решительный момент истории», – утверждал автор, возмущенно вопрошая: «И что же делают в это время болгары?!» Ответ следовал незамедлительно – пропускают из Германии в Турцию оружие и солдат, грозят напасть на сербов. Но это, на его взгляд, было меньшим злом по сравнению со следующим: «Среди болгар даже нашлись люди, провозгласившие себя татаро-болгарами и отрекшиеся от славянства!»¹³. После чего на нескольких страницах цитировалась статья писателя Л.Н. Андреева о позиции болгар, к которой мы обратимся ниже. Заканчивалось предисловие более примирительно – признанием того, что Россия совершала ошибки в отношении Болгарии, но теперь их осознала и надеется на возвращение этой страны в дружную семью славянских народов¹⁴.

Удостаивалась Болгария в прессе и откровенной дезинформации, крайне негативно влиявшей на имидж страны и уничтожавшей малейшую мысль о правомочности требований Софии. Так 11 (24) сентября 1914 г. газета «Трудовая копейка» сообщала, что на Дунае болгарские суда нападают на пароходы Русско-Дунайского общества, и что в тот день было совершено нападение на один из них, «Святой Сергей». В связи с данным «фактом» со страниц газеты обрушился праведный гнев: «И это делают болгары! Те болгары, за которых в 1877 году русские солдаты проливали свою кровь, гибли десятками тысяч и купили ценой своей жизни свободу и независимость от турецкого ига. Если бы не Россия, болгары и до сих пор жили бы под игом турок, которые при всяком случае распарывали животы тысячам болгар. Болгары нанесли предательский удар в спину своей защитнице и освободительнице – России. Болгария поступает предательски по отношению к России и с ней должно быть поступлено, как с предательницей. Предательство не может быть оставлено без наказания»¹⁵.

После вступления Турции в мировую войну в болгарских СМИ были откровенно изложены условия, на которых София соглашалась принять сторону одного из воюющих блоков. Вынесенные на страницы газет обиды и восхваление Германии произвели сильное впечатление в России. Это вынудило болгарского военного атташе в Петрограде майора Преславского предупредить свое руководство, что софийская печать «наносит страшный вред стране». И действительно, болгарская пропагандистская кампания произвела обратный ожидаемому эффект. Она настолько изменила отношение русского общества, что, как докладывал Преславский, «есть даже болгары в России, которые, чтобы понравиться русским, хулят все болгарское; встречаются и студенты, которые за 5 рублей пишут статьи против Болгарии и Его Величества царя»¹⁶.

* * *

В данной полемике, на наш взгляд, наиболее интересна статья упомянутого выше Л.Н. Андреева и вызванная ею реакция со стороны болгар. В начале ноября 1914 г. в русской прессе появилось довольно краткое открытое письмо знаменитого литератора «Торгующим во храме»¹⁷. И здесь стоит вкратце остановиться на личности автора.

Хорошо известно, что Леонид Николаевич был психически нездоров, не единожды находясь на лечении. В то же время он часто и самозабвенно играл в жизни различные роли, перевоплощаясь то в художника, то в моряка и т.д. К.И. Чуковский осторожно намекал, что Андреев это делал, чтобы справиться со своими маниями. Как утверждает американский литературовед Ф. Уайт, «описываемые Чуковским персонажи, в которые перевоплощается Андреев, по своему характеру полностью соответствуют периодам маниакального поведения их автора... Мания обычно выражается в высоком уровне комбинаторного мышления, более высокой степени художественной чувствительности, временами – в мучительных головных болях и чрезвычайно напряженной умственной деятельности»¹⁸.

С началом мировой войны Андреев начал играть новую роль – ярого защитника родины. Как пишет его биограф Н.С. Скороход, «писатель Леонид Андреев оказался в первых рядах „трескучих барабанщиков“, с первой недели этой войны он – исключительно по собственной инициативе – открывает личную кампанию „ура-патриотизма“ и германофобии»¹⁹. Его готовность идти на «жертвы» ради победы не знала границ – в письме знакомому, например, читаем: «Интеллигенту и писателю надо добровольно наложить на себя трезвость и воздержание, иначе будет стыдно перед мужиком»²⁰. Андреев начинает активно выступать в прессе: пишет обращения (к бельгийцам, французам, сербам, болгарам), призывает любить солдата, рассуждает о сущности человека и судьбе России. Затем эти статьи были изданы в виде сборника «В сей грозный час»²¹, вся чистая прибыль с которого должна была поступать «на нужды русских и сербских воинов»²². Говоря об этом периоде жизни писателя, Н.С. Скороход замечает: «Симптоматично, что именно в это время – в ноябре и декабре 1914 г. – Андреев лежал в клинике Герзони»²³. Согласно другим данным, под наблюдением доктора Иосифа Герзони писатель находился в октябре того же года. Лечение состояло в строгой диете: манная каша и не более четырех стаканов слабого чая в день. Однако Андреев утверждал, что диета не оказала на него сколько-нибудь заметного воздействия. Он по-прежнему страдал от уныния и не чувствовал себя здоровым²⁴. Ф.Ф. Фидлер, активный участник литературной жизни столицы, записал в дневнике 6 октября 1914 г.: «Андреев не пишет и лечится дома, ему запрещено общаться с людьми»²⁵. Таким образом, можно подозревать, что во время написания статьи «Торгующим во храме», которую сам автор датировал 2 ноября, он мог с упоением играть свою очередную роль.

В статье Андреев сразу же обозначил свою позицию: «Как писатель, я говорю прямо, за мной нет иного авторитета, кроме чувств негодования и жгучей скорби». И далее он изливал их: «Что вы сделали и что вы продолжаете делать, болгары? Славянский мир стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя болгарин... У вас славянское сердце, болгары, но немецкие мозги, и язык ваш раздвоен как у змеи». Главное обвинение не выходило за рамки господствующей с 1914 г. антиболгарской риторики – автора возмущал отказ болгар выступить на стороне Антанты, не получив прежде четко зафиксированных обязательств союзников произвести передел Македонии: «Над стонами раненых, над могилами братьев разносится торгашеский голос ваших вождей. Когда в отчем доме, который и ваше жилище, болгары! – бродит смерть, и слезы осиротевших поднимаются к небу, вы торопливо предьявляете старые счета, не прочь обшарить и карман своего брата-должника».

Мы наблюдаем у него и тот же традиционный антиправительственный мотив: «Не жалуйтесь, что ваш народ – стадо баранов, которое немецкий пастух держит в загороже. Я этому не верю. Если же вы действительно несчастны и безвинны, если ваша родная нам душа стонет под игом немецких мозгов – восстаньте, как восстанут народы! Не бойтесь, что это будет трудно и опасно. То, что кажется немецкими мозгами – только шляпа на вашей голове, и малейший порыв свободного ветра унесет ее назад, в ее немецкое отечество... или склонит низко перед русскими знаменами. И тогда я поверю вам». Заканчивалась статья предложением быть до конца неблагодарными: «Но если, как баранов, вас будут держать в немецкой загороже, пока вопиет к небу братская кровь, – или поведут вас пастухи на предательство, и вы, подобно всем воюющим, начнете выселять русских из Болгарии, то самым первым удалите бронзовый памятник Александру Второму, который вас создал: ведь он тоже был русским».

Стиль Л.Н. Андреева, эмоциональность и страстность, с какими был написан этот текст, произвели впечатление на читателей. Великий князь Константин Константинович писал по этому поводу А.Ф. Кони: «Заметка Леонида Андреева действительно очень образна и написана как бы огненным языком. Сердце сжимается от мысли, что Болгария поддастся

австро-германским дипломатическим козням и наущениям»²⁶. Слова Андреева затронули «за живое» и болгар, на его статью посыпались отклики, на которые он отреагировал своим «Ответом болгарам-македонцам», где указывал им, что они стоят на краю духовной гибели.

В Софии на русском языке была издана брошюра с двумя ответами Андрееву. Болгарин Д. Мишев превозносил писателя: «Любимец и идеолог русской интеллигенции, беллетрист, который поднимается до звезд, ища устоев человеческой свободы, права и совершенства». Он попытался разъяснить значение Македонии для болгар, утверждая, что никогда ни сербы, ни греки не жертвовали собой ради ее свободы, но «наоборот, греки и сербы в союзе с турками истребляли болгар». А потому нельзя считать последних Иудами «за то, что Болгария не пошла заодно с кровавыми палачами Македонии». Далее следовало предположение, что Андреев, не зная всего этого и попав под влияние сербов, не сообразил, что имеет дело «с ненормальными типами в лице государственных людей Сербии (а не с ее народом) и рецидивистами». Как утверждал Д. Мишев, болгарская интеллигенция верит, что Андреев одумается²⁷.

Второй ответ – С. Чилингирова – также начинался с дифирамбов: «Вы – кумир болгарской молодежи, учитель болгарской интеллигенции». Автор разграничивал отношения с Сербией и отношения с Россией: «Славянство еще не в опасности, ему еще гибель не грозит. А для нас славянство Россия, а не Сербия. Первая нам дала свободу, а вторая рабство». Указывалось и на эгоизм последней: «Нынешняя борьба России является борьбой за спасение Сербии, которая в своих великосербских стремлениях, присвоив часть Македонии, отдав другую часть Греции и подарив Румынии нашу Добруджу, решила покончить раз навсегда свои счеты с Австрией, не дождавшись того, чтобы наша и ее освободительница, Россия, достаточно подготовилась для такой войны». Дележ Македонии Чилингиров сравнивал с судом Соломона²⁸ – как видим, на апелляцию Андреева к Новому Завету следовало обращение к Ветхому. Заканчивалась брошюра списком изданий сочинений Леонида Андреева на болгарском языке – писателю явно желали польстить.

В столь же благоговейном тоне выдержано «Письмо 32-х македонцев Леониду Андрееву по поводу его выступлений в печати». Его (как и приводимые ниже) болгары посылали в русскую печать, задействуя в этом П.Н. Милюкова. Отметим использование в письме лестных слов и выражений: «Ваш блистательный художественный талант», «Ваш гений поэта», «свойственные Вам прекрасные формы». Македонцы явно хотели не спорить с ним, а превратить при помощи восточной лестницы в своего единомышленника. Приведем частично текст их обращения.

«Великий писатель!.. Острой болью в наших сердцах отозвались те обвинения, с которыми Вы, великий русский писатель, тонкий знаток душевных влечений и проповедник правды, обрушились на наших братьев-болгар... Вместо апостола правды и свободы Вы, помимо своей воли, только потому, что по непонятной на для нас причине (так в тексте – Н. Г.) не проверили правильности своих идей, стали защитником угнетателей и певцом идеи ярма... Когда мы, македонцы, осмеливаемся говорить на своем родном болгарском языке, то сербский жандарм, да, Леонид Андреев, сербский жандарм разлучает нас с нашими семьями и волочит в тюрьму». Авторы рассказывали писателю, как болгары проливали кровь за свободу Македонии, «боролись против жестокости мучителей, поработителей и угнетателей болгарской национальности», теперь же сербские жандармы за волосы вытаскивают болгарских священников и бросают в реки, жгут книги на болгарском языке, «в том числе и Ваши сочинения». Просто, по мнению 32-х македонцев, Андреев этого не знал, а иначе бы воспел «высшее благородство болгар, которые не набрасываются с силой на сербов, угнетающих их братьев, чтобы освободить этих последних, только потому что они готовы скорей пожертвовать собой, своей кровью и своими идеалами, лишь бы не действовать в руку врагам славянства – немцам». Согласно письму, болгары ждали, когда «сербы одумаются», после чего выступили бы вместе против врага. Не осталось без ответа и использование образа Александра II Леонидом Андреевым. Ему посоветовали призвать сербов «к исполнению заветов ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ славян, который лелеял идею „Целокупной Болгарии“ и содрогнулся бы от ужаса, если бы увидел, что гибнет дело его рук, и один из священных для него идеалов так грубо попирается не мусульманскими турками, а христианскими славянами»²⁹.

Аналогичным, по большому счету, был ответ «поэту-проповеднику правды» и других болгар-македонцев, под которым поставили подписи 25 человек. В нем говорилось, что македонцы «фантастически» любят Россию и желают, «чтобы мы как свободный народ мо-

гли стать в ряды не своих угнетателей, а в ряды своих братьев-болгар, и совместно с ними ринуться в эту священную борьбу за свободу и торжество всего славянства». Андрееву советовали изучить македонский вопрос по «правильным» источникам: «Для того, чтобы разобраться и понять Болгарию, мы умоляем Вас обратиться к серьезным статьям солидных беспристрастных органов русской печати, а не прислушиваться к завываниям разных корреспондентов несуществующих, которыми, к сожалению, кишат некоторые органы [ру]сской печати», прочесть «титанов русской повременной печати»: «Русскую мысль», «Вестник Европы», «Речь», «Русские ведомости», «Современное слово». Назывались и «апостолы свободы Македонии» («ак. Кондаков, Буэ, Пуквини, Гризобах, Анна Комнина, Харж, Веркович, Облак, проф. Лавров, проф. Калина, проф. Нидерле, проф. Вейганд, П. Милуков, проф. Ковалевский, Сперанский, проф. Державин, Брусиловский»), которые «признали наше право и этим освятили нашу борьбу за свободу».

Но в этом ответе Андрееву уже высказывалось и требование – доказать: «1) Что во время Балканской войны сто пятьдесят тысяч убитых и раненых пятимиллионной Болгарии не убиты и не ранены снарядами с клеймом сербско-болгарской таможни[;] 2) что сербы в праве угнетать болгар в Македонии, и гнет сербов над ними не осуществляется силами германских пушек и снарядов, ныне сербских, с клеймом сербской таможни[;] 3) что Сербия, также обязанная своим существованием России, воевала бы ныне совместно с Россией, если бы не имела объектом своих завоеваний Боснию и Герцеговину[;] 4) докажите, что члены всемирной комиссии Корнеги (так в тексте. – Н. Г.), увидевшие раны Болгарии и Македонии неправы, выска[за]в свое авторитетное слово о правоте Болгарии[;] 5) докажите, что фактические редакторы журналов «Русской мысли» (так в тексте – Н. Г.), «Вестник Европы», газет «Речь», «Русские ведомости», в которых часто помещаются статьи не только о правоте Болгарии, но и о ложной позиции Румынии, Сербии и Греции (предложение не завершено. – Н. Г.) [;] 6) докажите, что если Вас грабят, отнимут у Вас при содействии христианской Европы, Святую Македонию, житницу Добруджу, плодороднейшую Фракию, Вы не явитесь опасностью для ограбивших Вас политических мародеров Румынии, Греции, Сербии и Турции». В конце обращения его авторы пригласили Андреева лично посетить Македонию и лицемереть там «корни всего восточного славянства», а на Болгарию взглянуть «не с точки зрения четвертого измерения, а с точки зрения человеческой справедливости международной этики»³⁰.

Схожие мотивы звучали и в письме членов болгарской колонии в Одессе, где Андреева именовали «великим писателем земли русской». Авторы выражали надежду, что «близкий нам великий народ русский снимет со своего младшего брата тяжкое и в большей части незаслуженное обвинение в нарушении интересов и идеалов славянства». Как и в других посланиях, болгары помимо самозащиты нападали на сербов: «И так кто находится на краю духовной гибели, тот ли который борется за освобождение своих братьев, не притесняя других, или тот, кто одной рукой борется за свободу одних, а другой рукой угнетает других славянских братьев». При этом они пытались оправдать позицию нейтралитета: «Неужели Болгария с ее пятимиллионным населением, истощенная двумя кровопролитнейшими войнами, в которых она потеряла 180 000 убитых и раненых, может иметь такое влияние на судьбы мира в нынешней войне, в которой принимают участие шесть великих держав с населением в несколько сот миллионов и с неисчислимыми материальными средствами».

И далее декларировалась любовь болгар к России, подтверждением чего служили вступившие в русскую армию добровольцы. «В душе каждого болгарина живет одно желание, чтобы справедливое разрешение болгарского вопроса дало возможность Болгарии во главе с Россией бороться против общих врагов славянства. Но, увы, пока на пути к этому странному (так в тексте – Н. Г.) стремлению болгар к национальному объединению и исполнению своего долга перед Россией стоят доблестные к защите своей независимости сербы, которые, к несчастью, не могут понять, что славянство не только для них, но и для болгар, и что как им дорого объединение с сербскими землями Боснии и Герцеговины, так и болгарам не менее дорого и необходимо объединение со своими братьями в Македонии, которая является очагом болгарской культуры... А Вам, великий писатель, мы со скорбью можем сказать, что мы по-прежнему ждем, что время и данные истории изменят Ваше мнение о болгарях, и что мы не милости и жалости ищем у вас, а правды и справедливости». Заканчивалось письмо пометой, где авторы просили газеты, печатавшие обращение Л.Н. Андреева, разместить и их ответ³¹.

Прямо противоположным по настрою было «Письмо Вазова Ивана от имени болгарских писателей Леониду Андрееву по поводу его выступлений в печати о болгарях». Обращение, очевидно, набиралось на болгарской печатной машинке, так как несуществующая в болгарском алфавите буква «ь» заменена сочетанием «ѣ». Знаменитый болгарский писатель, видимо, не испытывал особого пиетета перед Андреевым: «Мы еще не видели Вашей любви, но уже чувствуем Вашу ненависть... Да кто Вы такой, и что дает Вам право обливать бранью и клеветой целый народ, которого Вы не знаете и никогда знать не хотели, о котором Вы судите по словам самых ярых его клеветников и зложелателей – по словам братьев-изменников?.. Где были Вы с Вашим возмущением, когда рвали на части болгарское отечество и злорадствовали братья-сербы, союзенные с греками и румынами? Где были Вы с вашим возмущением, когда сербы уничтожали болгарскую народность в Македонии самыми варварскими средствами? [Болгары] часто забывали прошлое и брались за дело [со]обща, помогали им, чтобы снова быть обманутыми, и чтобы наши собственные братья-славяне издевались над нашей наивностью». Вазов обвинял Андреева и в желании подыграть сербам: «Чтобы услужить им, Вы вооружились всеми копыями и стрелами клеветнической риторики». Еще один упрек касался незнания поднятой темы: «Предвидите нашу духовную гибель? Опомнитесь! Не Вам осуждать нас за грехи наши и не Вам заглядывать в наше будущее. Вы не знаете нас и не имеете права говорить о нас». Заключалось послание, как и ранее, уверенностью, что со временем Андреев поймет свою неправоту. Однако здесь это выглядело отнюдь не примирительно: «Я убежден, что со временем Вы сознаете свои преступления и заблуждения, и будете краснеть за свои клеветы. Этого мы теперь не видим у Вас потому, что Вы в своей злобе и ненависти не можете вникнуть в смысл того, что говорите и делаете. От имени болгарских писателей с выражением искренней горечи Ив[ан] Вазов»³².

Заметим, что, несмотря на столь жесткую полемику с Андреевым, Вазова сложно причислить к сторонникам ориентации Болгарии на Центральные державы, если вспомнить, что в январе 1915 г. он вместе с другими деятелями культуры подписал обращение к царю против прогерманской политики страны.

Уже вне спора с Л.Н. Андреевым болгарское общество «Братство» из Одессы направило в СМИ воззвание «К братьям-славянам». В нем утверждалось, что болгары готовы и намерены идти совместно с Россией против врагов славянства – немцев. Но путь туда пролегает через Македонию. В данной ситуации выступление болгарских солдат против Австрии было бы невозможным, поскольку «на пути через Македонию их сестры, братья, обиженные сербами, не позволят им идти дальше... Македония для каждого болгарина – это храм, перед алтарем которого он денно и ночью молится и готов в любую минуту жертвовать свою жизнь (так в тексте. – Н. Г.)... Мы обращаемся к братьям-сербам во имя славянства, во имя России и вечного мира на Балканах, скорее дать свободу Македонии... Мы, болгары, умоляем всех славян... искренне посоветовать братской Сербии скорее дать свободу Македонии: свобода Македонии сейчас же вылечит глубокую рану Болгарии и вдохновит ее вступить еще с большим рвением в эту великую священную борьбу во имя славянства... Сербии нечего терять, ее ждет большое наследство после разгрома Австрии... Обращаемся ко всем славянским деятелям, кружкам и обществам, мы убедительнейше умоляем их воздействовать на братьев-сербов и болгар, помирить их и внушить им пойти по пути, предначертанному заветами Царя-Освободителя»³³.

* * *

Стратегическое положение Болгарии на Балканском полуострове вынуждало участников Первой мировой войны стараться привлечь ее на свою сторону. Однако для России нейтральная позиция Софии представлялась изначально неверной – здесь война рассматривалась в контексте идеи борьбы славянства с германизмом, почему и казалось, что выбор предreshен. Но романтика начальной фазы «неославизма», будучи подорванной еще в 1908 г., в 1913-ом подошла к финалу. И в 1914 г. противоречия между Болгарией и Сербией уже не могли разрешить ни нравоучения Леонида Андреева, ни просьбы болгар к России «образумить» сербов. Однако имевшая место дискуссия позволяет предположить, что надежды на то были. Реакция болгар на статьи Андреева говорит, как минимум, об их внимании к настроениям русского общества, нежелании растерять оставшиеся в нем симпатии. И тем не менее, повторимся, время политики чувств прошло, а потому «болгарское лето» 1915 г. стало временем борьбы профессиональных дипломатов.

¹ См.: Гусев Н. Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. – 2014. – № 6. – С. 82–85.

² Державин Н.С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914, с. 8–9.

³ Цит. по: Искендеров П.А. Балканское направление политики Николая II // Императорский дом Романовых и Балканы. – М., 2014. – С. 253.

⁴ См.: Гусев Н.С. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. – М., 2014. – С. 126–141.

⁵ Мариупольская жизнь. – 1914. – 29 июля. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43043> (дата обращения: 25.12.2014).

⁶ Новое время. – 1914. – 7 августа. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43189> (дата обращения: 25.12.2014).

⁷ Карпов С. Болгария и последние Балканские войны. – Ярославль, 1914. – С. 5.

⁸ Иванов И.Е. Возрождение сербского государства и интриги Австрии. – М., 1914. – С. 31–32.

⁹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 172–173.

¹⁰ Бирман М.А. Двухлетняя мирная передышка // Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. – М., 1987. – С. 307.

¹¹ Русский инвалид. – 1914. – 2 ноября.

¹² Цит. по: Григорова Д. «Время славянофильства». Первая мировая война и русские ожидания: между иррационализмом и прагматизмом // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность... – С. 157.

¹³ Пичета В.И. Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии. – М., 1914/1915. – С. 1.

¹⁴ Там же. – С. 28.

¹⁵ Трудовая копейка. – 1914. – 11 сентября. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43674> (дата обращения: 25.12.2014).

¹⁶ Астарджиева Т. Русия и българският неутралитет (1914–1915) // Дриновский збірник / Дриновски сборник. – Т. 3. – Харьков–София, 2009. – С. 237.

¹⁷ Андреев Л.Н. Торгующим во храме // Андреев Л.Н. В сей грозный час. – Пг., 1915. – С. 27–31; Андреев Л.Н. Торгующим во храме // Мишев Д., Чилингиров Ст. Леониду Андрееву два ответа на его статью «Торгующим во храме». – София, 1914. – С. 3–6.

¹⁸ Уайт Ф. Леонид Андреев: лицедейство и обман // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – С. 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/fr10.html> (дата обращения: 25.12.2014).

¹⁹ Скорород Н.С. Леонид Андреев. – М., 2013. – С. 335.

²⁰ Там же. – С. 340.

²¹ Андреев Л.Н. В сей грозный час. – Пг., 1915.

²² Несколькоми днями после написания обращения к болгарам Андреев посвятил статью Сербии. В ней он говорил о положении страны, вечно находившейся на грани гибели из-за своего окружения, но героически отстаивавшей свою независимость. «И вот еще чего не забудьте, думая о Сербии: в Сербии нас люба т – горячий, искренней, почти нежной любовью», – призывал писатель (Андреев Л.Н. Слово о Сербии // Андреев Л.Н. В сей грозный час. – Пг., 1915. – С. 38). После этого великий князь Константин Константинович писал А.Ф. Кони: «Статья Л. Андреева о Сербии написана так пламенно, что наверно найдете себе отклик в обществе» (Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М., 1998. – URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (дата обращения: 25.12.2014)). В Белграде это также не прошло незамеченным, депутаты скупщины послали Андрееву телеграмму, в которой поблагодарили его «за выступление на защиту Сербии в печати и за сочувствие, выраженное сербскому народу в его несчастье и его страданиях» (Мариупольская жизнь. – 1914. – 4 декабря. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=44807> (дата обращения: 25.12.2014)).

²³ Скорород Н.С. Леонид Андреев. – С. 343.

²⁴ Уайт Ф. Леонид Андреев: лицедейство и обман. – С. 3.

²⁵ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. – М., 2008. – С. 645.

²⁶ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М., 1998. – URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (дата обращения: 25.12.2014); Матонина Э. Баловень судьбы. Великий князь Константин Константинович в письмах и воспоминаниях // Новый мир. – 1994. – № 4. – URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1994/4/otgolos.html (дата обращения: 25.12.2014).

²⁷ Мишев Д. В Славянском храме // Мишев Д., Чилингиров Ст. Леониду Андрееву два ответа... – С. 8–24.

²⁸ Чилингиров Ст. Леониду Андрееву // Мишев Д., Чилингиров Ст. Леониду Андрееву два ответа... – С. 30–42.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 579, оп. 1, д. 1716, л. 1–4.

³⁰ Там же, д. 1730, л. 1–5.

³¹ Там же, д. 1718, л. 1–3.

³² Там же, д. 1717, л. 1–4.

³³ Там же, д. 1731, л. 1–1об.

БЪЛГАРИТЕ В БЕСАРАБИЯ ПРЕЗ ПЪРВАТА СВЕТОВНА ВОЙНА

Е. Хатлас

Хатлас Е. Болгари в Бесарабії під час Першої світової війни. Бесарабія є областю, розташованою між ріками Прут і Дністр, котра є домом для багатьох національностей. З кінця XIX і на початку XX століття в Бесарабії існували дві різні групи болгар. Перші з них – потомки колоністів, що переселилися сюди з болгарських земель в другій половині XVIII – середині XIX століття. Друга група болгар приїхала наприкінці XIX і на початку XX століття. Вони були в основному городниками. Обидві ці категорії болгар так чи інакше зачепила Перша світова війна.

Ключові слова: болгар, Бесарабія, Перша світова війна, городники.

Хатлас Е. Болгари в Бессарабии во время Первой мировой войны. Бессарабия является областью, расположенной между реками Прут и Днестр, которая является домом для многих национальностей. С конца XIX и в начале XX века в Бессарабии существовали две различные группы болгар. Первые из них являются потомками колонистов, переселившихся сюда из болгарских земель во второй половине XVIII – середине XIX века. Вторая группа болгар приехала в конце XIX и начале XX века. Они были в основном огородниками. Обе эти категории болгар так или иначе затронула Первая мировая война.

Ключевые слова: болгары; Бессарабия; Первая мировая война; огородники.

Hatlas J. Bulgarians in Bessarabia during the First World War. Bessarabia is a region located between the rivers Prut and Dniester, which is home of many nationalities. Two groups of Bulgarians existed in Bessarabia. The older group comprised several waves of Bulgarian settlers coming to Bessarabia from the second half of the 18th c. to the middle of 19th c. The younger group arrived at the turn of the 20th c. and most of the settlers were gardeners. Both categories of Bulgarians lived in this area during the WWI.

Keywords: Bulgarians, Bessarabia, the First World War, gardeners.

Първата световна война оказва голямо влияние върху живота на населението в областта Бесарабия. Сред многото националности, живеещи в района, са българите и гагаузите. Българите живеят в различни части на Бесарабия, но компактно са разположени в южната ѝ половина, която се нарича Буджак. От края на XIX и началото на XX век в Бесарабия съществуват две различни групи българи. Първите от тях са потомци на колонистите, които мигрират тук от българските земи на няколко вълни, като се започне от втората половина на XVIII до средата на XIX век¹. Двете най-големи миграции на население стават между 1806–1812 и 1828–1830 г. Тези българи са колонисти и руски поданици.

Говорейки за българското население в Бесарабия, почти винаги имаме предвид само тези хора (много често наричани „бесарабски българи“)². Въпреки това, има една почти напълно непозната категория български заселници, които се установяват в Бесарабия в края на XIX и началото на XX в. Това са предимно български градинари, които проникват в различни части на Европа. Такава група от българи (след края на Първата световна война) стига и до град Познан в Полша, където с голям успех развива своята дейност³. Дори и до наши дни за най-старите жители на този град „градинар“ е синоним на „българин“. В Бесарабия също се установяват градинари от тази миграция. Срещат се също така и представители на други професии като: търговци (особено в градовете: Болград, Измаил и Акерман), ресторантиери и малко учители. Известно е, че в Кишинев българите също се занимават с градинарство, арендувайки значителни терени със земя около река Бък. Според статистическите данни тук само през 1828 г. има 750 български градинари. През 40-те години на XIX в. техният брой е по-малък – 322, което може да се обясни с преселването им в българските колонии. Един от показателите, че българите играят значима роля в развитието на градинарството в Кишинев, е фактът, че една част от този град се нарича от местните жители „Vulgărie“ (отново със значение на „Градинарска“). След 1834 г. тя е разделена на две части с улиците „Болгарская“ и „Огородная“⁴.

Следователно можем да кажем, че в Бесарабия живеят две групи българи: т.нар. „бесарабски българи“, които са били руски поданици, и „градинари“, „гурбетчи“ българи, които имат български гражданство и са поданици на българската държава.

Трябва да отбележим, че историята на българите в Бесарабия както през Първата световна война, така и по време на така наречената „Велика Румъния“ (1918–1940 г.), досега е все още много слабо позната⁹, както показва и историографският преглед на И. Думиника⁶. През последните години бяха издадени няколко монографии за села и градове в Бесарабия, където компактно живеят българи⁷. За съжаление, там често липсва информация за периода, който ни интересува. Липсват също така и точни данни (или те са само лаконични) за този период в обобщаващи исторически изследвания за бесарабските българи⁸. Целта на тази статия е именно да се синтезира и да се направи преглед на по-важната информация за българите в Бесарабия по време на Първата световна война, като поотделно се разгледат двете групи българско население в района – „бесарабските българи“ и градинарите „български поданици“.

1. Бесарабските българи

Българите, които отдавна са руски граждани, през Първата световна война масово са назначени в армията⁹. Един пример от населението с българи град Тараклия може да бъде дори документиран. Вторият пример е от българското село Кортен (Кириутня)¹⁰. От добре познатия род Станчеви от село Кортен, известно е, че Николай Марков Станчев (1882–1942) е участник във войната като сержант и тъй като е бил грамотен, е служил в канцеларията на полковия щаб¹¹. Списъкът на участниците от село Валя Пержей в Първата световна война включва точно 100 души¹². От село (сега град) Твърдица на предните фронтови линии са убити 150 души, а 170 се завръщат у дома ранени и инвалиди¹³. За съжаление, липсва информация за този период от село Чийшия (Городнее)¹⁴. Имало е много българи в руската армия и от други села. Българите както в Руско-японската, така и в Първата световна война, са използвани основно в логистиката, резерва и охраната на различни обекти; Атанас Иванов Волков и Атанас Яков Славов от с. Катаржи са служили като лична охрана на руския цар Николай II, а унтер-офицерът Семьон Димитров Каранфил е пълен Георгиевски кавалер¹⁵.

За армията се конфискуват коне и други животни, а също част от зърното. По време на войната в Тараклия осем пъти се набират новобранци. Идентично е положението и в село Кортен¹⁶. От него в руската армия по време на войната е имало осем мобилизации (около 600 души, половината от които загиват на фронта)¹⁷. От село Бургуджи (Виноградовка), Арцизки район, са мобилизирани почти всички жители в трудоспособна възраст 18–50 години. Повече от 60 души не се завръщат от фронта.

Липсата на повечето от мъжете в селата и градовете в Бесарабия води до това, че работата (която е много тежка) се извършва от жените и децата. По време на Първата световна война на различни места са убити 52 жители на Тараклия¹⁸. Общият брой участници във войната от село Кортен е минимум 600 души¹⁹.

До пролетта на 1917 г. от Бесарабия са постъпили в армията повече от 15 000 гагаузи²⁰. По време на войната са убити над 3000 войници. На фронтовете видни офицери са: Михаил Чакир, Пьотър Михайлович Карачебан (с. Кубей), Пьотър Кулев, Иван Филиппов, Трифон Стефогло, Константин Йорданов, Василий Арабаджи, Йорданов Константин Георгиевич (с. Кубей); военен фелдшер Пьотър Попазогло²¹.

2. Български поданици – градинари

До избухването на Първата световна война руските власти не водят никакви статистически данни за тази категория. За тях за първи път се появяват сведения през 1916 г., когато се повдига въпросът за депортирането им. Българските градинари пребивават в различни части на Бесарабия – в околностите на градовете Белци, Орхей, Бендери, а дори и на юг, в околността на Акерман и Измаил (където има най-много българи – български граждани). През 1916 г. българските поданици в Бесарабия са 565 души²². Те отглеждат и продават домати и чушки, които в Бесарабия не са били познати²³. През лятото на 1916 г. руските власти решават да депортират бесарабските български граждани на възраст от 18 до 42 години²⁴. Българите са разселени надалеч в Русия. Има и случаи, в които разселените хора са по-млади от 18 и по-възрастни от 42 години. Освен това обект на депортиране стават

и представители на духовенството. Само част от българите успяват да избегнат депортацията с помощта на местните власти, а в някои случаи – и на духовния клир. Причината за депортирането им е, че по време на Първата световна война България и Русия са във враждебни блокове.

Депортацията на българските градинари става причина за голямата празнина в доставянето на някои продукти в Бесарабия. Следователно след Февруарската революция в Русия българите постепенно започват да се връщат в Бесарабия. Някои от тях са допуснати да се върнат в съответствие със своите индивидуални искания. Областните власти на град Акерман искат разрешение да се върнат 20 български градинари. В отговор на това правителството взема решение на 9 март 1917 г. за връщането в Акерман и неговата околност на българите градинари. Повечето българи (включително монаси) се завръщат в Бесарабия след Октомврийската революция в Русия²⁵.

Горната информация в най-общи линии очертава положението на българите (българските граждани) в Бесарабия по време на Първата световна война.

Заклучение

Активно (в Бесарабия) в области като армията и политиката могат да участват само онези българи, които са руски поданици („бесарабските българи“). Много от жителите на селата, населени с етнически българи, получават в руската армия пари и различни награди. Част от тях загиват, но много се връщат. Мнозина се връщат като инвалиди²⁶.

Избухването на Октомврийската революция в Русия и завръщането в Бесарабия на войниците, настроени революционно, става причина за големи размирици. Съвети вече са създадени навсякъде. Българите от Бесарабия активно работят и в тази област. Болшевишката идеология е въведена в практиката. Конфискувани са земите на богатите фермери и тези, принадлежащи на църквата. Подобни събития се случват и в Тараклия²⁷. Съветът в селището също се оглавява от болшевик. За да се защитят завоеванията на революцията, в Тараклия е организиран съвет от над 200 души. Идентично е положението и в село Кубей (дн. Червеноармейское), където възниква червеноармейски съвет с 300 души членове²⁸. Изходните данни показват, че болшевиките в Тараклия извършват грабеж, като например факта, че в местен ресторант се лее вино, ако искат, без да плащат за нищо, докато собственикът избягал от страх²⁹.

Когато е създадена Молдовската Република, част от българите са против създаването ѝ. По тази причина в началото на 1918 г. в Тараклия е организиран съвет, състоящ се от 250 души, които са се борили с румънските войски³⁰.

Местните българи действат не само в армията, но и в политиката. В годините 1917–1918 в Тараклия се отличават особено три братя с името Иванови. Местните българи от Бесарабия вероятно също са представени в националния парламент (Sfatul Țării). За съжаление, не разполагаме с имената и с други точни данните на тези депутати. Един от тях, който е бил без съмнение българин, е познат само от неговия псевдоним – Мерлич.

Един от участниците във войната, по-късно емигрирал в Бразилия, е Николай Никит. Той е фермер, женен, с пет деца. През 1926 г. семейството напуска границите на Румъния и през Чехословакия, Австрия и Италия заминава за постоянно в Бразилия³¹.

В село Кортен след края на войната е издигнат паметник³² на загиналите. Такива паметници са открити и в селата Нова Ивановка и Исерлия. Паметникът в Нова Ивановка (Ивановка Българска) е изграден през 1921 г. от признателните съселяни. На него са отбелязани имената на три категории участници в Първата световна война от селото. първата колона включва лицата, които са изчезнали безследно (Анастасий А. Кискинъ, Николай Н. Черкесъ, Степанъ Ф. Станковъ, Демьянъ А. Станчевъ, Степанъ Ст. Стояновъ, Андрей Ив. Арнаутъ, Матвей Ан. Поглубко, Димитрий Дим. Семеновъ, Павелъ Ст. Ханжи, Василий Григ. Поглубко, Иванъ Аф. Куцаревъ, Василий Дем. Власовъ, Яковъ Ст. Карапетровъ, Василий Мат. Кискинъ, Георгий Анд. Стояновъ, Матвей Дим. Кискинъ, Зиновий Вас. Стаматовъ). В средата на надписите са изброени убитите (Степанъ Д. Волковъ, Георгий Ив. Ивановъ, Николай Ив. Черкесъ, Василий Дим. Руда, Зиновий Ив. Стойковъ, Николай Вас. Стояновъ, Георгий Ил. Станковъ, Николай Георг. Ивановъ, Димитрий Феод. Петровъ, Илья Феод. Куцаревъ, Василий Ив. Ивановъ, Степанъ Ник. Парвановъ, Степанъ Петр. Ханжи,

Димитрий Георг. Гырдев, Борисъ Хр. Джиганский, Димитрий Ан. Димовъ). В края на възпоменателния списък са изписани имената на хората, починали в резултат на наранявания, претърпени по време на войната (Георгий П. Станковъ, Иванъ Ив. Ивановъ, Иванъ Ив. Тодоровъ, Степанъ П. Петковъ, Степанъ М. Станчевъ, Иванъ Прок. Ивановъ, Феодоръ Ст. Ханжи, Степанъ Г. Стояновъ, Павелъ П. Станковъ, Георгий Ил. Стойковъ, Димитрий Ник. Кударевъ, Петръ Петр. Власовъ)³³.

Паметник, посветен на участниците в Първата световна война, се издига също и на влизането в гагаузското село Етулия³⁴. Наскоро подобен бе открит и в град Чадър Лунга (в Гагаузия). Идентична ситуация има и в българското село Арциз, когато са изписани имената: А. Атанасов, Г. Бончев, Д. Велев, Д. Василев, М. Ганев и др.³⁵

Може да се каже, че като цяло съдбата на българите в Бесарабия по време на Първата световна война не се различава съществено от тази на другите националности, живеещи в района. По времето на войната са загинали 300 000 бесарабци³⁶. По-тежко е положението на българите, които се заселват в този край, имайки вече българско гражданство.

¹ *Atlas J. Przesiedlenia ludnościowe z Półwyspu Bałkańskiego do Besarabii w XVIII i XIX wieku oraz kwestia etnogenezy Gaguzów // Między etnicznością a lokalnością. Pogranicze bułgarsko-gagauskie w Besarabii / Pod red. J. Derlickiego. – Warszawa, 2012. – S. 11–24.*

² Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност. – София: ИК „Логос“, 2012.

³ *Хатлас Е.* Българите в историята на град Познан // Материали XI Міжнародної наукової конференції “Болгари Північного Причорномор’я”. – Мелітополь–Велико Тирново, 2010. – С. 194–198.

⁴ *Duminiца I.* Strada bulgară – parte componentă a Chișinăului istoric. // Identitățile Chișinăului. Materialele conferinței, Chișinău, 12-13 septembrie 2011. – Chișinău: Pontos, 2012. – P. 58.

⁵ *Хатлас Е.* Румънската и съветската политика за българите в Бесарабия в периода 1918–1944 г. // България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. – Кишинев, 2013. – С. 295–300.

⁶ *Думиника И.* Румънската историография периода 1918–1944 гг. к вопросу о переселении болгар в Бессарабию в конце XVIII–первой половине XIX вв. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. – Том 11. – Одеса–Велико Търново, 2012. – С. 39–55.

⁷ *Стойнов Г.С.* Кирсово: 180 лет Башкүү. Кирсово в прошлом и настоящем. – Кишинев, 1990; *Новаков С.З.* Страницы истории села Кортен (1830–1995) / С.З. Новаков, Н.Н. Гургуров. – Кишинев, 1995; *Малешкова А.* Валя Пержей. История на селото / А. Малешкова, Д. Димов, Н. Куртев. – Кишинев, 1998; *Неделчев Н.* Бесарабските българи в Тараклия. – В. Търново, 1998; Кубей и кубейци. Бит и култура на българите и гагаузите в с. Червеноармейское, Болградски район, Одеска област / А. Пригарин, Т. Тхоржевская, Т. Агафонова, А. Ганчев. – Одеса, 2002; Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. 190-летию основания села посвящается. – Одеса, 2003; *Новаков С.З.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1857–1918). – Chișinău, 2004; *Новаков С.З.* Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). – Chișinău, 2010; *Думиника И.* Храм Успения Божией Матери села Кирсово. Исторические аспекты. – Кишинев, 2012.

⁸ *Грек И.* Българите от Украйна и Молдова. Милало и настояще / И. Грек, Н. Червенков. – София, 1993; *Калчев К.* Българската етническа общност в Бесарабия (XIX–XX в.). Възникване, развитие, принос в общонационалните процеси. – Велико Търново, 2009.

⁹ *Киссе А.* Відродження болгар України. – Одеса, 2006. – С. 147; *Червенков Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника. – Т. 1: (1813–1940). – Кишинев, 2013. – С. 216.

¹⁰ *Новаков С.З.* Село Кортен. Времена и судьбы / С.З. Новаков, Н.Н. Гургуров. – Кишинев, 2009. – С. 212–213.

¹¹ *Станчев М.* Род Станчевых (с. Кортен, Республика Молдова). – София, 2010. – С. 27.

¹² *Малешкова А.* Валя Пержей. История на селото / А. Малешкова, Д. Димов, Н. Куртев. – Кишинев, 1998. – С. 64–67.

¹³ *Поглубко К.* Обновленная Твърдица / К. Поглубко, И. Забунов. – Кишинев, 1980. – С. 62.

¹⁴ Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. 190-летию основания села посвящается / Ред. В.Н. Станко. – Одеса 2003. – С. 124.

¹⁵ *Визиров А.* Катаржино. Фотоальбом. – Одеса, 2007. – С. 14, 24, 44.

¹⁶ *Новаков С.З.* Село Кортен. Времена и судьбы / С.З. Новаков, Н.Н. Гургуров. – Кишинев, 2009. – С. 210.

¹⁷ *Станчев М.* Род Станчевых (с. Кортен, Республика Молдова). – София, 2010. – С. 27.

¹⁸ *Червенков Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника. – Т. 1: (1813–1940). – Кишинев, 2013. – С. 217.

- ¹⁹ *Новаков С.З.* Село Корген. Времена и судьбы / С.З. Новаков, Н.Н. Гургуров. – Кишинев, 2009. – С. 210.
- ²⁰ История и культура гагаузов / Ред. С.С. Булгар. – Комрат–Кишинэу, 2006. – С. 286.
- ²¹ *Булгар С.* Гагаузы – участники Первой мировой войны 1914–1918 (под печат) // Кишиневский военный журнал „Сohorta“.
- ²² *Червенков Н.Н.* Болгарские подданные в Бесарабии (конец XIX в. – 1917 г.). // Ежегодник межэтнических исследований. – Т. 1. – Кишинэу, 2000. – С. 47.
- ²³ Там же. – С. 48.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. – С. 49.
- ²⁶ *Червенков Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника. – Т. 1: (1813–1940). – Кишинев, 2013. – С. 217.
- ²⁷ Там же. – С. 222.
- ²⁸ *Шабашов А.В., Челак, Е.И., Дыханов В.Я.* Кубей и кубейцы. – Одесса, 1999. – С. 21.
- ²⁹ *Червенков Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника. – Т. 1: (1813–1940). – Кишинев, 2013. – С. 217.
- ³⁰ Там же. – С. 224.
- ³¹ Там же. – С. 301–302.
- ³² *Новаков С.З.* Село Корген. Времена и судьбы / С.З. Новаков, Н.Н. Гургуров. – Кишинев, 2009. – С. 212.
- ³³ Приложения – URL: <http://novaia-ivanovka.narod.ru/dodatok.html#dodatok4> – Приложение № 5 (дата обращения: 11.08.2014).
- ³⁴ *Булгар С.* Гагаузы – участники Первой мировой войны 1914–1918. (под печат) // Кишиневский военный журнал „Сohorta“.
- ³⁵ *Пеливан К.* История села Бургуджи Арцызкого района Одесской области. – Арцыз, 2009. – С. 72.
- ³⁶ *Думиника И.* Почетоха паметта на бесарабските българи и гагаузи – участници в Първата световна война. – URL: <http://ndb.md/%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D1%85%D0%B0-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%B0-%D0%BD%D0%B0-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D1%8A%D0%BB/> (дата обращения: 07.03.2015).

ГЕНЕРАЛ РАДКО ДИМИТРИЕВ ВО ГЛАВЕ 3-Й АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

С. В. Потрашков

Потрашков С. В. Генерал Радко Димитриев на чолі 3-ї армії Південно-Західного фронту. У статті розглянуто діяльність болгарського генерала Радко Димитрієва у російській армії під час Першої світової війни. Окремо висвітлено період його командування 3-ю армією Південно-Західного фронту в травні 1915 року біля с. Горлице та ступінь відповідальності Радко Димитрієва за поразку 3-ї армії.

Ключові слова: Перша світова війна; Радко Димитрієв; Південно-Західний фронт; 3-я армія.

Потрашков С. В. Генерал Радко Димитриев во главе 3-й армии Юго-Западного фронта. В статье рассмотрена деятельность болгарского генерала Радко Димитриево в русской армии во время Первой мировой войны. В частности, освещен период его командования 3-й армией Юго-Западного фронта. Анализируются причины прорыва русского фронта в мае 1915 года у с. Горлице и степень ответственности Радко Димитриево за поражение 3-й армии.

Ключевые слова: Первая мировая война; Радко Димитриев; Юго-Западный фронт; 3-я армия.

Potrashkov S. V. General Radko Dimitriev at the head of the 3rd army at the South-West front. In the article are examined the activity of Bulgarian general Radko Dimitriev in Russian army during the First WW. Particularly, the period of his command of the 3rd army at the South-West front. The reasons of breaking the Russian front in May 1915 at the village of Gorlice and the degree of Radko Dimitriev responsibility for defeat of the 3rd army are analyzed.

Keywords: FWW; Radko Dimitriev; South-West front; 3rd army.

Имя Радко Димитриево прочно вписано в историю Болгарии и России. У себя на родине он хорошо известен как герой Балканской войны, своими победами обеспечивший её благоприятный для Болгарии исход. В России его знают как военачальника, занимавшего высокие посты в русской армии и участвовавшего в ключевых событиях Первой мировой войны на Русском фронте. Цель настоящей публикации – осветить деятельность Р. Димитриево в качестве главнокомандующего одной из армий Юго-Западного фронта в трудном для России 1915 году.

Канун мировой войны Радко Димитриев встретил в должности болгарского посланника в Петербурге. Свою деятельность дипломата он направлял на укрепление дружественных отношений с Россией. Но его усилия не находили понимания и поддержки у официальной Софии, равнявшейся во внешней политике на Вену и Берлин. Р. Димитриев был хорошо осведомлен о внешнеполитических симпатиях царя Фердинанда, и у него не вызывало сомнения, на чьей стороне окажется Болгария в случае большой европейской войны. Поэтому с началом июльского кризиса, вызванного убийством в Сараево наследника австрийского (австро-венгерского) престола, болгарский посол принимает решение перейти в русскую армию. Решение носило принципиальный характер и логически вытекало из русофильских убеждений генерала. В то же время он считал, что заняв высокий пост в русской армии, используя свою популярность среди российской общественности и связи в политических и военных кругах, сможет оказать своей родине услуги в тот момент, когда она неминуемо, вследствие политики своих правителей, окажется перед лицом катастрофы¹.

25 июля 1914 г. генерал сдал дела в посольстве и уже на следующий день получил назначение командиром 8-го армейского корпуса. Переход Р. Димитриево в ряды русской армии вызвало новую волну популярности генерала в России. Газеты сообщали об этом на первых полосах. Его портреты помещались рядом с портретами главнокомандующего, командующих фронтами и армиями, несмотря на занимаемую Р. Димитриевым более низкую ступень в военной иерархии.

Начало войны на Юго-Западном фронте было ознаменовано стремительным наступлением русских войск. На огромном пространстве от Вислы до Днестра развернулись боевые действия, вошедшие в историю под названием Галицийской битвы.

7 августа части 8-го корпуса пересекли австрийскую границу. Это событие было отмечено приказом, в котором говорилось: «Население занимаемых нами мест исконно русское. Оно составляет ту зарубежную Червонную Русь, которая всегда стремилась воссоединиться с Великой Россией... Оно исповедует нашу православную веру и относится к России, как к избавительнице от иноверного ига. Памятуя это, наши войска должны относиться к населению занимаемых нами мест как к своим родным братьям, которых мы идем освободить. При встречах с населением мы должны доказать ему справедливость его ожиданий. Никакие обиды населения со стороны русских недопустимы – это могли делать австрийцы, но не мы»².

Приказ позволяет понять отношение Р. Дмитриева к событиям, участником которых ему довелось стать. Начавшуюся войну он воспринимал как продолжение вековой борьбы славянства против германской агрессии, т.е. как справедливую и освободительную. Свое понимание характера войны, которое полностью совпадало с утверждениями официальной пропаганды, генерал хотел донести до солдат вверенного ему корпуса. Радко Дмитриев всегда придавал большое значение моральному фактору на войне и хотел, чтобы его солдаты знали, что сражаются за правое дело.

Боевое крещение корпус принял 12 августа в шестичасовом бою у Вержбова на р. Коропец. Противник занимал господствующие высоты с отличным обстрелом русских позиций. Несмотря на это, русские войска отразили все атаки австрийцев и перешли в наступление. Боевой дух был высоким. Артиллерия выехала на открытые позиции и поражала австрийцев, бжавших за р. Коропец, бросив орудия, зарядные ящики и прочее имущество.

Продолжая наступление, в трехдневном бою (16–18 августа) на р. Гнилая Липа, корпус нанес новое поражение противнику. В критический момент боя генерал лично повел в атаку свой последний резерв – штаб и конвой. Австрийцы не выдержали и отступили. «Этот бой будет одним из самых блестящих дел в текущую кампанию. Наши потери убитыми и ранеными велики, но у разбитого противника они огромны», – говорится в журнале боевых действий корпуса³. Преследуя отступавших в беспорядке по всему фронту австрийцев, войска Р. Дмитриева захватили 17 орудий и 80 зарядных ящиков к ним⁴.

Стремительно продвигаясь вперед, армия А.А. Брусилова добилась крупных успехов – были заняты Львов и Галич. Корпус Р. Дмитриева получил боевую задачу – взять сильно укрепленный г. Миколаев. О боях за Миколаев в журнале боевых действий сказано: «Успех достигнут с ничтожными потерями, главным образом сосредоточением огня, артиллерии и маневрированием частей корпуса»⁵. Эта короткая фраза раскрывает одну из черт Р. Дмитриева-полководца. В отличие от многих генералов царской армии, он не стремился к эффектным победам, добытым большой кровью, а, по возможности, берег солдатские жизни.

В конце августа австрийское командование предприняло мощное наступление с целью разгрома русских армий в Восточной Галиции и освобождения Львова. Атака австрийцев началась около полудня 26 августа. Положение корпуса Р. Дмитриева оказалось крайне тяжелым. В первый же день австрийского наступления возникла угроза прорыва центра позиций, которую удалось ликвидировать. Четырехдневные атаки неприятеля, продолжавшиеся и ночью, истощили все резервы. Тем не менее части корпуса находили силы контратаковать. Кризис наступил 30 августа. На рассвете этого дня, сделав последние отчаянные попытки сломить сопротивление русских, австрийцы стали отходить, преследуемые конницей и авангардными частями пехоты.

Окончание изнурительных августовских боев совпало для Р. Дмитриева с известием о награждении его орденом Святого Георгия 4-й степени за действия на р. Гнилая Липа и взятие Миколаева⁶. Не прошло и месяца, как 23 сентября Р. Дмитриев был награжден второй раз – орденом Св. Георгия 3-й степени – за бои 28–30 августа 1914 г.⁷. Заметим, что в это время орденов Св. Георгия двух степеней за столь короткий срок были удостоены лишь командующие армиями – А.А. Брусилов и Н.В. Рузский.

Деятельность Р. Дмитриева в качестве командира корпуса получила высокую оценку командования. А.А. Брусилов писал, что составил о нем представление „как о человеке, чрезвычайно решительном, сообразительном и очень талантливым»⁸. 2 сентября 1914 года генерал-лейтенант Р. Дмитриев назначается командующим 3-й армией Юго-Западного фронта. На следующий день „за отличия по службе“ он производится в генералы от ин-

фантерии⁹. Радко Димитриев был единственным из болгар, служивших в русской армии, который удостоился высшего генеральского звания.

Перед 3-й армией была поставлена задача блокировать крепость Перемышль, которая имела бетонные форты с многочисленной артиллерией и более чем сотысячный гарнизон. Овладеть такой крепостью было непросто. А.А. Брусиллов считал, что Перемышль можно и нужно штурмовать. В мемуарах он бросает упрек Р. Димитриеву за якобы нерешительные действия у Перемышля¹⁰. Справедливо ли? В документах Российского государственного военно-исторического архива нами обнаружена записка Р. Димитриева на имя командующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Н.И. Иванова, где изложены соображения о способах действий против крепости¹¹.

Р. Димитриев возражал против немедленного штурма. Он считал, что хотя моральный дух гарнизона подорван, и он едва ли способен оказать сильное сопротивление, «но ввиду силы самих укреплений, атака открытою силою, несомненно, потребует крупных жертв». В то же время генерал признавал, что овладение Перемышлем «несомненно будет иметь огромный нравственный и политический эффект». «Мне казалось бы, – писал он, – что если будет решено атаковать, самый подходящий способ действий был бы ускоренная атака при помощи сильной артиллерии крупных калибров». По мнению Р. Димитриева, «при состоянии духа гарнизона такие меры будут достаточны, чтобы принудить коменданта сдать крепость». При этом он ссылался на собственный опыт взятия Миколаева. В качестве возможного варианта командующий 3-й армией рассматривал блокаду и считал, что «крепость будет вполне изолирована осадным корпусом из 5–6 дивизий и будет не в состоянии мешать нашему маневрированию, так как активная сила крепости в смысле влияния на наши коммуникации, совершенно ничтожна, и она не может распространяться дальше сферы огня крепостной артиллерии».

Таким образом, исходя из собственной оценки обстановки, Радко Димитриев планировал принудить гарнизон Перемышля к капитуляции, не рискуя потерять тысячи солдат при штурме. Такой образ мыслей был вполне в духе генерала. Во время Балканской войны он высказался против атаки Адрианополя, считая, что даже успешный штурм будет стоить болгарским войскам потери 10–15 тыс. человек, в то время, как блокада позволит достичь цели без лишней крови, хотя и несколькими днями позже¹².

Армии Р. Димитриева не пришлось брать Перемышль. Эта задача была возложена на специально сформированную Блокадную армию. Но дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правоту Р. Димитриева. Атака фортов Перемышля, наспех подготовленная и проведенная 24 сентября по настоянию Брусиллова, не принесла успеха осаждавшим. Недостаток тяжелой артиллерии не позволял подвергнуть крепость сильной бомбардировке. В итоге русскому командованию пришлось ограничиться блокадой, которая и привела к капитуляции гарнизона Перемышля в марте 1915 года.

Конец осени 1914 года 3-я армия провела в напряженных боях. Австрийцы перешли в наступление, пытаясь прорвать русский фронт и освободить Перемышль. Армия Р. Димитриева сначала вынуждена была отойти за р. Сан, но потом, в свою очередь, отбросила противника и снова перешла на левый берег.

В начале ноября началось новое наступление. Армия Р. Димитриева действовала успешно. В ходе боя 13 ноября на берегах Вислы и Равы у противника было захвачено знамя, 28 орудий, 21 пулемет и более 7 тыс. пленных¹³. За этот бой 3-я армия удостоилась благодарности Верховного главнокомандующего – Великого князя Николая Николаевича¹⁴. Благодарности и приветствия Верховного и командующего фронтом Н.И. Иванова не раз еще отмечали боевые успехи войск Р. Димитриева.

Наступление зимы не остановило военных действий. На Юго-Западном фронте шли тяжелые бои в Карпатах. Противник настойчиво стремился освободить блокированный гарнизон крепости Перемышль. Кровопролитное сражение длилось весь январь и февраль. 9 марта Перемышль пал. Это существенным образом изменило обстановку. Но и возобновившееся в марте наступление 3-й и 8-й армий, понесших в предыдущих боях большие потери и испытывавших острый недостаток в боеприпасах, скоро выдохлось. Армия перешла к обороне, на фронте установилось затишье.

В апреле 1915 года германо-австрийское командование готовит мощный удар на Восточном фронте с задачей не только отбросить русских от Карпат, но и «потрясти всю русскую армию»¹⁵. Местом его нанесения был избран один из участков фронта 3-й армии

в районе населенного пункта Горлице. Сюда скрытно были переброшены отборные дивизии, снятые с французского фронта. На участке прорыва германо-австрийские войска обеспечили себе превосходство в живой силе более чем в два раза, в легкой артиллерии – в 4,5 раза, тяжелой – в 40 раз, в пулеметах – в 2,5 раза¹⁶.

Р. Димитриева серьезно беспокоило положение дел на фронте его армии. Он неоднократно доносил Н.И. Иванову о сосредоточении вражеской ударной группировки и просил его усилить, но командование фронтом оставило эти просьбы без внимания. А.А. Брусилов вспоминал: «К сожалению, по-видимому, генерал Иванов не доверял донесениям Радко Димитриева и держался предвзятой идеи, что нам грозит наибольшая опасность... на нашем левом фланге. Эта несчастная идея... заставила совершить ряд крупных ошибок, которые повлекли за собой чрезвычайно тяжкие, вознаграждаемые последствия»¹⁷. Радко Димитриев обратился к Брусилову с просьбой оказать воздействие на командующего фронтом, но тот отказался вмешиваться, сославшись на свои напряженные отношения с Ивановым¹⁸. В результате должных мер по укреплению фронта перед лицом германского наступления принято не было.

Военный писатель Антон Керсновский в драматических тонах рисует положение 3-й армии: «Донесения Радко Димитриева с каждым днем становились все тревожнее. Главные силы его армии были втянуты в Карпаты, откуда враг не грозил. В то же время растянутым в ниточку IX и X корпусам с их замолкшей артиллерией предстояло отразить наступление необычайной силы. Генерал Радко Димитриев чувствовал катастрофу, нависшую над его войсками. Он предлагал единственный выход: заблаговременный отход и перегруппировку сил. Неприятельский удар пришлось бы впустую, и мы имели бы время, место и силы для организации решительного контрудара. Временно, конечно, пришлось бы пожертвовать Бескидами и Западной Галицией, но силы были бы сохранены.

Ставка не желала этого понять. Её лозунгом в эти дни было «Ни шагу назад!» Она предпочитала скорее истребить все свои армии, чем уступить неприятелю хоть одну гущую деревушку»¹⁹.

19 апреля в 10 часов утра противник начал атаку. Ей предшествовала артиллерийская подготовка из 600 орудий. В считанные минуты русские окопы были буквально сравнены с землей. Но когда германская пехота пошла в наступление, она совершенно неожиданно для себя натолкнулась на упорное сопротивление. «Град пуль неприятельского ружейного и пулеметного огня производит во всех ротах ощутительные бреши. Масса офицеров, а также унтер-офицеров и солдат выводятся их строя», – вспоминал офицер гвардейского полка²⁰.

В бою с превосходящими силами противника русские солдаты проявили поразительную стойкость и самоотверженность. Но одного героизма и мужества было недостаточно. Для организации отпора противнику нужны были боеприпасы, а их катастрофически не хватало. Просьбы Р. Димитриева обеспечить его армию снарядами, особенно для тяжелой артиллерии, командованием фронта выполнялись частично, а иногда и не удовлетворялись вовсе²¹. Иванов отвечал Р. Димитриеву: «Положение дел с боевыми припасами вам известно... Ваши требования по размерам неосуществимы»²².

Свое подавляющее превосходство признавал и противник. Начальник штаба IV австро-венгерской армии ген. Краус в беседе с болгарским военным атташе подчеркивал: «У русских нет артиллерии и боеприпасов, а мы их бьем в этом отношении. Также русская пехота плохо обучена. Взятые в последнее время пленные прошли обучение в течение 4-х недель. Четыре недели недостаточно для европейского солдата, а тем более для русского. Добавьте к этому нехватку офицеров, чем объясняются неудачи и большое число пленных, которые стали сдаваться сами»²³.

Под градом вражеских тяжелых снарядов войска 3-й армии вынуждены были откатываться на восток. К вечеру третьего дня операции германские войска с величайшими усилиями наконец протаранили оборонительную полосу армии и совершили стратегический прорыв фронта²⁴.

Р. Димитриев прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации самым правильным решением был бы отвод войск на новые рубежи, чтобы затем, перегруппировав силы и получив подкрепления, парировать немецкое наступление мощным контрударом²⁵. Но Верховный главнокомандующий Николай Николаевич и слышать не хотел об отходе. Он, а за ним и Н.И. Иванов, требовали от командующего 3-й армией не уступать про-

тивнику ни пяди занимаемой территории²⁶. Телеграмма Иванову из штаба Верховного Главнокомандующего от 22 апреля (5 мая) гласила: «Его императорское высочество ... категорически указал, что не допускает возможности отхода 3-й армии восточнее линии реки Нижней Вислоки, в соответствии с чем должны быть приняты самые решительные и настойчивые меры по закреплению этой линии и упрочению на ней названной армии. Верховный главнокомандующий выражает уверенность, что его воля будет вами неуклонно выполнена»²⁷.

К 24 апреля Радко Дмитриев убедился окончательно, что только отход способен спасти армию. Однако на совещании в г. Холм 24 апреля (7 мая) Верховного Главнокомандующего с главнокомандующими Северо-Западного и Юго-Западного фронтов вполне определенно выяснилось, что Верховный вообще не допускает ни в каком случае – ни прежде, ни теперь – отхода на восток в Галицию, в частности – отхода 3-й армии на р. Сан²⁸. «Эта настойчивость сверху крайне нервировала Радко Дмитриева, человека очень впечатлительного и понимавшего свое щекотливое, как болгарина, положение», – писал участник войны, известный военный историк А.М. Зайончковский. В результате, выполняя указания Ставки и командующего фронтом, Р. Дмитриев «стал бессистемно бросать в бой прибывающие подкрепления, от чего получился ряд мелких контрударов, неизменно кончавшихся, как и следовало ожидать, для 3-й армии неудачей»²⁹.

«У командующего армией не хватило мужества остаться твердым в своем заключении о потере армией боеспособности и о том, что её удел – выйти из боя, выиграть время и уйти за Сан, дабы сохранить остатки своей боеспособности на будущее время. Высшее командование, далекое от ясного представления об истинном положении дела, своим упорством связывало командующего 3-й армией» – констатирует М.Д. Бонч-Бруевич³⁰. Стратегия «затыкания дыр» в районе прорыва не могла принести успеха. Резервные части, разрозненно брошенные в бой, сгорели в его огне, не оказав существенной поддержки. Всего в боях с 19 по 28 апреля 3-я армия лишилась 140 тыс. чел., до 100 орудий и 300 пулеметов³¹. «Совершенно не обращая внимания на причины наших неудач и не изыскивая серьезных мер их устранения, Ставка неизменно твердила: «Ни шагу назад во что бы то ни стало», генерал-адъютант Иванов дословно повторял это наставление, а генерал Радко Дмитриев, попадая в общий тон таких распоряжений, отдавал храбрые приказы, внутренне не одобряя ни одного из них и, как видно, не ожидая от них достижения поставленных целей»³².

30 апреля Радко Дмитриев отводит на р. Сан свою «перебитую, но не разбитую армию». Всю вину за собственные просчеты верховное командование свалило на Р. Дмитриева. Николай Николаевич телеграфировал Н.И. Иванову: «Непрекращающаяся тенденция к отступлению командующего 3 армией... требует с вашей стороны более сильного воздействия на генерала Дмитриева, а в случае необходимости – замены последнего другим лицом по вашему выбору...»³³. Его начальник штаба, генерал Н.Н. Янушкевич в разговоре с Ивановым выразился более категорично: «Если признаете иностранца плохим и виновным, то необходимо решить вопрос теперь же»³⁴.

М.В. Алексеев вину в случившемся всех. 30 апреля он писал сыну: «У Иванова в сотрудничестве с Драгомировым дела не пошли. Кто виноват – судить не мне и не теперь, но в армии Радко Дмитриева дела приняли тяжелый, нехороший оборот, что отразилось на всем фронте неблагоприятно. Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли насмарку. Плохо работает Радко, еще хуже Добровольский, оказавшийся негодным начальником штаба. Иванов обратился за это время в мокрую курицу. Драгомиров изнервничался и заменен другим. Но все это личное. Скверно, что совокупными усилиями они постоянно портили дело и довели до нехорошего результата на всем протяжении»³⁵.

7 мая 1915 года Р. Дмитриев был отставлен от командования армией. В прощальном приказе генерал писал: «История отметит о сверхчеловеческих усилиях войск славной III армии. Я же в своем прощальном слове могу лишь преклониться перед тем, что в состоянии дать русская армия, когда ей приказано умирать, но не сдавать добровольно ни пяди занимаемых позиций»³⁶.

А.А. Брусилов считал, что «вина прорыва 3-й армии ни в какой мере не может лечь на Р. Дмитриева, а должна быть всецело возложена на Иванова»³⁷. Эту точку зрения разделял и А.М. Зайончковский, который писал, что Иванов «должен был быть уволен раньше Радко Дмитриева, но царского любимца верховный не решался отстранить»³⁸. К выводу

об ответственности за поражение 3-й армии Н.И. Иванова и Николая Николаевича пришли и авторы военно-исторического труда, составленного в шведском генеральном штабе³⁹.

Однако было бы неправильным считать Р. Дмитриева свободным от всякой ответственности за поражение вверенной ему армии. В тяжелые дни апреля–мая 1915 года ему явно не хватило хладнокровия и выдержки. В его действиях прослеживаются элементы замешательства. М.Д. Бонч-Бруевич подметил, что генерал «принадлежал к тому распространенному типу руководителей, которые все любят делать своими собственными руками»⁴⁰. В дни Горлицкого прорыва это качество сослужило ему плохую службу. На автомобиле Радко Дмитриев лихорадочно метался вдоль линии фронта, стремясь всюду поспеть и лично отдавал приказания начальникам частей и соединений. Приказы эти из-за быстро менявшейся обстановки часто оказывались противоречивыми, это лишь усилило сумятицу. Главная вина Р. Дмитриева заключается в том, что, по выражению А.М. Зайончковского, «у него не оказалось гражданского мужества руководить операцией, как он понимал дело», и отстоять свой план операции, вопреки мнению Ставки и Иванова.

Придирчивый Бонч-Бруевич пишет, что «с точки зрения военного искусства генерал Радко Дмитриев, командуя армией, не возвысился в эти дни дальше творчества начальника дивизии...». В другом месте он подчеркивает: «Воля его была подорвана; таланта проявить «волю полководца» подобающим образом просто не хватило»⁴¹. Болгарский автор Димитр Азманов, изучив действия Р. Дмитриева во время Балканских войн, пришел к выводу, что ему «недоставало самого важного – холодной головы, согласно выражению Наполеона. В моменты подъема он готов был совершать подвиги, но при первых плохих известиях быстро впадал в уныние и даже в нервные кризисы, что не должно быть присуще подлинно большому военачальнику»⁴².

Опальный генерал получил под командование 2-й Сибирский корпус. Как значится в послужном списке Р. Дмитриева, в период его командования (с июня по октябрь 1915 г.) корпус состоял в резерве и участия в боях не принимал⁴³. Но вынужденное безделье было непродолжительным. Дела на фронтах шли неважно и потребность в боевых генералах была велика. В октябре 1915 г. Р. Дмитриев назначается командиром 7-го Сибирского корпуса, входившего в состав 12-й армии Северного фронта, а в январе 1916 г. ему был пожалован орден Святого Владимира 2-й степени с мечами⁴⁴. Награда свидетельствовала о том, что «вина» Р. Дмитриева за поражение 3-й армии прощена, и царь, к этому времени возложивший на себя верховное командование, возвращает ему свое благоволение. Радко Дмитриев получает под командование 12-ю армию, с которой в январе 1917 г. проводит Митавскую операцию. Февральская революция и последовавшее затем разложение армии положило конец его карьере в рядах русской армии. Уехав для лечения на Северный Кавказ, генерал в 1918 г. стал одной из бесчисленных жертв Гражданской войны.

¹ Дренски И. Генерал Радко Димитрнев. София, 1962. – С. 158.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2194, оп. 1, д. 175, л. 165, 170.

³ Там же, ф. 2194, оп. 1, д. 143, л. 8.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Там же, л. 12.

⁶ Там же, ф. 409, д. 144–195, л. 21.

⁷ Там же, ф. 409, д. 144–195, л. 21.

⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1983. – С. 99.

⁹ РГВИА, ф. 409, д. 144–195, л. 21.

¹⁰ Брусилов А.А. Мои воспоминания. – С. 99.

¹¹ РГВИА, ф. 2113, оп. 1, д. 10, л. 37, 38.

¹² Фишев И. Балканската война 1912–1913. София, 1940. – С. 280.

¹³ Там же.

¹⁴ РГВИА, ф. 2113, оп. 2, д. 3, л. 100.

¹⁵ Там же, л. 278.

¹⁶ Фалькенгайн Э. Верховное главнокомандование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М., 1923. – С. 81.

¹⁷ Горлицкая операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). – М., 1941. – С. 12.

¹⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. – С. 132.

- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Керсновский А. История русской армии в 4 томах. – Т. 3. – М., 1994. – С. 274.
- ²¹ Сражение при Горлица–Тарнов. – М.–Л., 1929. – С. 109.
- ²² Горлицкая операция. – С. 372–386.
- ²³ Там же. – С. 375.
- ²⁴ Централен Державен Военноисторически архив (далее – ЦДВИА), ф. 42, оп. 1, д. 61, л. 339.
- ²⁵ Келлерман Г. Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г. // Война и революция. – 1934. – № 2. – С. 77.
- ²⁶ Ляхов В. Прорыв русского фронта в 1915 году // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 6. – С. 124.
- ²⁷ Горлицкая операция, с. 168, 190, 201, 207, 228, 315.
- ²⁸ Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 г. – Ч. 2. – М.–Л., 1926. – С. 87.
- ²⁹ Там же. – С. 101.
- ³⁰ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. – Т. 1. – М., 1938. – С. 311.
- ³¹ Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 г. – С. 120.
- ³² Керсновский А. История русской армии в 4 томах. – С. 227.
- ³³ Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 г. – С. 161.
- ³⁴ Горлицкая операция. – С. 315.
- ³⁵ Там же. – С. 317.
- ³⁶ Цит. по: Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). – Т. 2. – М., 2014. – С. 71.
- ³⁷ РГВИА, ф. 2113, оп. II, д. 3, л. 789,
- ³⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. – С. 313.
- ³⁹ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. – С. 313.
- ⁴⁰ Сражение при Горлица–Тарнов. – С. 43.
- ⁴¹ Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 г. – С. 40.
- ⁴² Там же. – С. 46, 95.
- ⁴³ Азманов Д. Генерал Радко Димитриев // Военноисторически сборник. – София. – 1994. – Кн. 4. – С. 73.
- ⁴⁴ РГВИА, ф. 409, д. 144–195, л. 20.
- ⁴⁵ Там же, л. 24.

ВІЙНА І УКРАЇНЦІ: СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ НАСТРОЇ В УКРАЇНСЬКОМУ СЕРЕДОВИЩІ ХАРКОВА В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

С. О. Наумов

Наумов С. О. Війна і українці: суспільно-політичні настрої в українському середовищі Харкова в роки Першої світової війни. У статті охарактеризовано українське середовище Харкова часів Першої світової війни, проаналізовано зміни, які відбувалися в поглядах його представників під впливом геополітичної ситуації та воєнних дій. Стверджується, що внаслідок цих змін помітним явищем в українських організаціях міста стали радикалізація настроїв, зречення «малоросійства», поширення самостійництва.

Ключові слова: Перша світова війна; український рух; Харків; суспільно-політичні настрої.

Наумов С. А. Война и украинцы: общественно-политические настроения в украинской среде Харькова в годы Первой мировой войны. В статье охарактеризована украинская среда Харькова времен Первой мировой войны, проанализированы изменения, происходившие во взглядах её представителей под влиянием геополитической ситуации и военных действий. Утверждается, что в результате этих изменений заметным явлением в украинских организациях города стали радикализация настроений, отречение от «малороссийства», популярность курса на независимость.

Ключевые слова: Первая мировая война; украинское движение; Харьков; общественно-политические настроения.

Naumov S. O. The War and the Ukrainians: social and political attitudes in the Ukrainian environment of Kharkiv during First World War. This paper describes the Kharkiv Ukrainian milieu during First World War, reflects the turnabouts of its representatives caused by the influence of geopolitical situation and military events. Such remarkable processes in the Kharkiv Ukrainian organizations as the growth of radical sentiments, the renunciation of “Little Russian” self-consciousness, and the distribution of course of independence demands are alleged to be the results of those changes.

Keywords: First World War; Ukrainian movement; Kharkiv; social and political attitudes.

Про суспільно-політичні настрої в українському суспільстві в роки (і під впливом) Першої світової війни написано немало, нерідко з полярних позицій. Одним із перших це питання на сучасному концептуальному рівні підняв М. фон Хаген¹. Вітчизняні історики теж охоче вдаються до розмірковувань з цього приводу, особливо у зв'язку з ювілейними датами Великої війни². При цьому, як правило, береться до уваги всеукраїнський контекст, тобто явища розглядаються на макрорівні: суспільства, партій та організацій або території, що перебували у складі імперії Романових чи Габсбургів, у цілому. За такого підходу проблематично або й неможливо охопити ситуацію «на місцях» чи «в низах» українського суспільства, з'ясувати настрої пересічних українців, перевірити проникнення генерованих елітами ідей до рядових учасників національного руху тощо.

Метою даної статті є дослідження суспільно-політичних настроїв у роки Першої світової війни в українському середовищі Харкова. Маються на увазі мешканці міста, які мали українську національну ідентичність, тобто свідомо позиціонували, відчували себе як українці. Пропоновані сюжети й висновки не можуть претендувати на «середньостатистичну картину» ситуації в Україні, оскільки Харків був губернським центром, одним із великих міст Наддніпрянщини («підросійської» України) і ключових осередків українського національного руху. Разом з тим вони хоча б частково мають універсальний характер (принаймні для міст, де на той час були представлені українські політичні структури).

Чітко окреслити й охарактеризувати українське середовище Харкова у досліджуваний період навряд чи можливо. Кількісно воно вимірювалося в роки Першої світової війни, оціночно, сотнями осіб, тобто не більше 1% етнічних «малоросів», приймаючи загальну чисельність останніх на той час близько 100 тис. (за даними авторів «Історії міста Харкова ХХ століття», в Харкові у 1917 р. було 488 тис. мешканців, а питома вага етнічних груп залишалася стабільною з часу Першого всеросійського перепису населення, коли тут було зафіксовано 45 092 осіб, які назвали рідною мовою українську («малоросійську»), – 25,92% від загальної чисельності харків'ян)³.

У політичному плані це, насамперед, члени українських організацій та їх симпатички. Ця група була найбільш мінливою в кількісному відношенні через несприятливі умови діяльності, а також намагання: влади – остаточно розгромити українські нелегальні організації, а проводу національного руху – відновити їх. Структурно українське середовище можна стратифікувати таким чином: члени українських партій; члени молодіжних культурно-політичних організацій; учасники культурницьких та інших неполітичних об'єднань; так званий «суголосний ґрунт», тобто українські симпатички, які не входили до складу тих чи інших осередків, не були дієвими учасниками національного руху. Ця стратифікація відносна, оскільки значна частина діячів була представлени одночасно на 2–3 рівнях.

Партійний рівень охоплював дезінтегровані, глибоко законспіровані групи українських соціал-демократів (УСДРП), соціалістів-революціонерів (УПСР), націонал-радикалів (УНП) та окремих членів Товариства українських поступовців – всього не більше кількадесят осіб.

Харківська організація УСДРП – одна з небагатьох у партії, що в роки Першої світової війни спромоглася зберегти і проявити себе хоча б пунктирно. За свідченням одного з керівників організації Я. Довбищенка, вона існувала з літа 1915 р. до січня 1916 р.⁴ Очевидно, відновлення діяльності організації пов'язане з нарадою в Карачівці під Харковом улітку 1915 р. за участі члена Бюро ЦК УСДРП В. Винниченка, Ю. Тищенка, Я. Довбищенка, Я. Левченка та ін. До того вона фактично була законсервована чи перебувала в настільки глибокому підпіллі, що представник партійного центру Ю. Тищенко, проживши в Харкові півроку, не виявив її існування⁵. Чисельність Харківської групи УСДРП восени 1915 р. визначається в 10–15 осіб⁶.

Джерела містять згадки про окремі успіхи українських соціал-демократів серед робітників⁷, проте постійних організаційних зв'язків із пролетаріатом група тоді не мала, «вплив української соціал-демократичної організації серед харківського робітництва... рівнявся майже нулю»⁸. Результативнішою була діяльність серед студентства, де функціонувала українська соціал-демократична фракція – по харківських ВНЗ партія мала десятки переконаних прибічників. Цей напрямок роботи очолювали М. Петренко й Г. Іваницький. У ніч на 22 січня 1916 р. в Харкові була проведена «ліквідація» так званої «Української революційної організації». Під арешт потрапили і Я. Довбищенко та Ю. Тищенко, які після слідства були вислані до Сибіру⁹. Після цього організація – на думку О. Висоцького, «остання з діючих»¹⁰ – припинила своє існування. Єдиним представником партії у місті залишалась студентська фракція УСДРП. За агентурними даними, на початку 1917 р. до її складу входили Г. Хоперська, С. Холявин, О. Безпаленко, М. Івахненко, О. Ісакова, З. Сало, Т. Олесіюк, Є. Монченко¹¹.

Харківська організація УПСР за традицією була переважно студентською. Помітними постатями в ній були О. Мицюк, А. Заливчий, Г. Михайличенко, В. Глуходід, В. Коряк¹². Вона мала зв'язок з закордонним центром (до Харкова начебто приїздив М. Залізник) і Київським комітетом (який відіграв роль партійного центру в імперії), звідки надходила література. Українським есерам тоді належала провідна роль в Українському соціалістичному колективі, який об'єднував членів чи симпатиків УПСР та УСДРП і протягом певного часу виконував функції штабу молодіжного руху в місті і регіоні. Серед фундаторів і керівників українських юнацьких об'єднань Харкова були есери В. Глуходід, О. Мицюк, А. Заливчий, Г. Федоровський, А. Радченко та ін. Протягом 1915–1916 рр. організація зазнала часткових провалів; Г. Михайличенко, А. Радченко, А. Заливчий, В. Коряк, В. Глуходід потрапили на заслання¹³.

Товариство українських поступовців, створене на основі Української демократично-радикальної партії з доповненням членів інших українських партій та організацій, в Харкові представляли тільки поодинокі діячі: К. Мацієвич, М. Міхновський, О. Степаненко, можливо, ще дехто¹⁴. Доказів існування громади ТУП знайти не вдалось (якщо не рахувати представництва Харкова на з'їздах ТУП та фрази М. Грушевського про наявність громад Товариства у кожному губернському центрі¹⁵). Це при тому, що в місті була помітна група – зо два десятки – активно діючих українських інтелігентів, які, здавалося б, мали ввійти до складу Товариства. Зокрема, неясна роль М. Сумцова, Х. Алчевської, Г. Хоткевича, М. Пильчикова, М. Базькевича, Д. Ткаченка та інших, котрі залишалися діяльними учасниками національного руху, але нічим не виказали своєї причетності до ТУП.

З іншого боку, можна стверджувати, що у Харкові фактично існувало українське об'єднання, котре загалом діяло у рідчій ідеології і практики ТУП. На таку думку наводять, насамперед, тривала й цілеспрямована легальна національно-культурна і національно-політична діяльність несоціалістичного характеру та постійна участь достатньо чітко окресленої групи осіб у всіх українських акціях у місті. Це дозволяє зробити припущення про наявність певного організаційного – ініціюючого і спрямовуючого – ядра. Тому вважаємо, що є підстави для твердження не лише про присутність Товариства в Харкові, а й про наявність тут якщо не повноцінної його громади, то, принаймні, «протогромади» – об'єднання поміркованих українців на чолі з членами ТУП, яке було тісно пов'язане з організацією, діяло в його дусі, але, можливо, не мало (точніше, не відомо, чи мало) формального статусу.

Про функціонування харківського осередку УНП, який завжди посідав центральне становище в партії, даних майже не збереглося, а щодо параметрів організації та її внутрішнього життя вони зовсім відсутні. Членами партії в Харкові були М. Міхновський, С. Любарський-Письменний, М. Біленький, О. Степаненко, І. Бойко, В. Єщенко¹⁶, можливо, Х. Алчевська та деякі інші діячі, котрі послідовно йшли за М. Міхновським у всіх започаткованих ним справах та об'єднаннях. При цьому харківські націонал-радикали за міжреволюційне десятиліття жодного разу не виступили «під фірмою» своєї партії, а єдиний відносний виняток – «Універсал до народу українського усієї Соборної України», виданий від імені ЦК УНП у 1913 р.¹⁷, – не містив вказівки на харківське походження. Така непомітність дала очевидні позитивні наслідки з точки зору конспірації й уникнення репресій. Проте мінуси були набагато вагоміші: партія повністю і остаточно перестала бути відомою, а це означало, що як суспільне явище, політичний інститут вона фактично не існувала. За деякими свідченнями, партію покинув навіть її засновник і незмінний лідер М. Міхновський¹⁸. Крім того, в роки війни Харків мусила залишити група її чільних діячів, серед них М. Міхновський, М. Біленький (обидва були мобілізовані до війська) та С. Любарський-Письменний, який емігрував¹⁹. Ослаблена й обезголовлена Харківська організація, як і партія в цілому, після цього не фігурують у джерелах як суб'єкти політичного життя, згадуються тільки у зв'язку з їхніми (чи приписуваними їм) ідеями. Закономірно, що не тільки широкий загал, а й українські активісти Харкова нічого не знали про УНП²⁰.

Характерною рисою міжреволюційного десятиліття було зростання питомої ваги, самостійної ролі та значення молоді в українському русі. Витоки цього явища лежать у двовимірній площині: з одного боку, це занепад політичних партій, унаслідок чого стали більш актуальними й помітними інші форми національного руху, а з іншого – поступальний розвиток власне юнацьких об'єднань. В роки Першої світової війни молодіжні організації завдяки значному зростанню чисельності, організованості, свідомості й активності їх учасників перетворились на окрему, багату в чому самостійну, складову українського політичного руху. При цьому партійні організації не відігравали помітної ролі в юнацькому русі, хоча впливали на нього через свою ідеологію та окремих представників. Але слабкість і непомітність цього впливу прирікала молодь діяти здебільшого на власний розсуд, а її погляди не співпадали з ідеологією жодної партії, відрізнялися своєрідністю і строкатістю.

Серед молодіжних організацій Харкова в роки Першої світової війни найбільш помітною була Юнацька спілка, з якою так чи інакше були пов'язані Український соціалістичний колектив (УСК), середньошкільна і студентська громади, а також дрібні групи, які перебували на різних стадіях формування. Перед війною харківські юнацькі гуртки, за свідченнями самих учасників, не мали зв'язків між собою, їхня свідомість «стояла дуже низько»: вони поділялися на «1) зовсім несвідомих, 2) малосвідомих, котрих була більшість і 3) один гурток цілком свідомий як в національних, так і в соціальних питаннях»²¹ (мався на увазі УСК).

Можливо, нова суспільна ситуація каталізувала процес організаційного об'єднання та ідейного самовизначення молодіжних осередків. Зусиллями М. Петренка і А. Радченка в місті була створена Міжшкільна (середньошкільна) організація. У грудні 1914 р. вона скликала «конференцію представників гуртків», яких тоді у Харкові й Дергачах було 7, по 10–18 чол. кожен²². У квітні 1915 р. в Харкові відбувся з'їзд юнацьких організацій і гуртків Полтавської та Харківської губерній. Його результатом стало створення Юнацької спілки Лівобережної України, яка згодом мала трансформуватись у всеукраїнську. До

складу Центрального виконавчого комітету спілки ввійшли М. Криворотченко (голова), А. Ковалівський і М. Петренко²³. У відозві ЦВК наголошувалося, що напрям, «який хоче дати Ю. С., – далекий од культурництва – громадські справи поставлені на першому місці. Завданням Ю. С. є гуртовання укр. молоді в товариства з ціллю придбання їхніми членами освіти громадського характеру й підготовки свідомих робітників-борців за кращу долю працюючого люду»²⁴.

Підготовлений ґрунт і енергійна організаційна робота дозволили швидко й радикально розширити рамки організації. Вищі навчальні заклади, найбільше університет, забезпечили Харкову роль «розсадника» патріотичних ідей та їх носіїв, одного з головних центрів молодіжного руху. У місті діяли щонайменше 16 гуртків спілки: в чотирьох чоловічих і жіночій гімназіях, художньому, залізничному і реальному училищах, духовній семінарії, на фельдшерських і Вищих жіночих курсах, в університеті, комерційному, технологічному, ветеринарному і Ново-Олександрійському (евакуйованому) інститутах²⁵ з кількістю учасників не менше 150–200.

Неполітичні об'єднання українців у Харкові були репрезентовані передусім Товариством ім. Г. Квітки-Основ'яненка, початковий склад якого налічував близько півсотні осіб, і Третім товариством взаємного кредиту. Про кількісний потенціал неорганізованого українства Харкова певною мірою може свідчити той факт, що народні читання українською мовою у передвоєнні роки відвідували пересічно 100–300 осіб²⁶.

Ключовим питанням для українців, як і для всіх суспільно-політичних сил, було ставлення до війни, протиборчих сторін та їхньої політики у глобальному й українському контекстах. Але притаманні українським об'єднанням ідеологічна рихлість, відсутність єдності з принципових питань мали своїм наслідком наявність усередині кожного з них, не кажучи вже про українство в цілому, різних, інколи діаметрально протилежних підходів. Негативне значення мав і брак глибоких розробок стратегії і тактики визвольного руху, а також можливостей для «транспортування» ідей від керівних органів до місцевих груп.

Крім того, слід зважати ідейну на еволюцію українського руху в Російській імперії. Традиційно вважається, що він загалом перебував на автономістсько-федералістських позиціях, що стало одним із гальмівних чинників на шляху до державної незалежності в добу Української революції. Сама постановка питання про автономію передбачала можливість співіснування, компромісу між українською нацією й Російською імперією. З часом навіть націонал-радикальна УНП істотно пом'якшила антиросійську риторичку, притаманну її виданням 1902–1904 рр., і теж включила до своєї програми 1906 р. пункт про автономію. Неспростовним аргументом на підтвердження зазначеного вище стереотипу виглядають партійні доктрини, зафіксовані у програмних документах 1905–1907 рр. Але при цьому не беруться до уваги принаймні дві важливі обставини: зміни в партійних ідеологіях, що сталися протягом міжреволюційного десятиліття, та організаційний стан тогочасного українського руху, внаслідок чого згадані партійні програми значною мірою перетворилися в пам'ятки політичної думки, невідповідні суспільним реаліям.

Поразка Першої російської революції, політична реакція, розгром і глибока криза опозиційних сил, жорсткі антиукраїнські заходи російського уряду, суспільна депресія породжували зневіру в можливості досягнення позитивної політичної перспективи в Росії, спонукали до пошуку нових орієнтирів, привабливих і обнадійливих гасел. Тим часом суспільна атмосфера в Європі на початку 1910-х рр. стала вибухонебезпечною, причому одним із ключових чинників «перегріву» було саме національне питання. Впродовж 1911–1914 рр. у «верхах» українського руху формувався новий національно-політичний дискурс, в основу якого було покладено геополітичний підхід, урахування і використання у власних інтересах міжнародних чинників і пов'язаний з цим розрахунок на можливість невідкладного, впродовж найближчих років, розв'язання українського питання, ідею національної мобілізації для здобуття державної незалежності. По суті йшлося про вибудовування альтернативного варіанту «українського проекту», цілком відмінного від попередніх партійних варіантів.

Цей «ідейний ревізіонізм» був започаткований серед українських інтелектуалів і партійних лідерів, здебільшого зосереджених в еміграції, як відповідь на виклики, пов'язані з постреволюційною ситуацією в Російській імперії, в українському русі, а також зміною міжнародного клімату. Ідейні новації на той час були швидше маргінальними в тому сенсі,

що не зачіпали основну масу українських активістів і не знайшли відображення у програмних документах чи резолюціях вищих партійних органів.

Спершу вони набули поширення головним чином серед наддніпрянської еміграції. Керівники Закордонних груп УСДРП (А. Жук) і УПСР (М. Залізник) та їх прибічники пов'язували перспективу вирішення українського питання з прогнозованим військовим протистоянням Австро-Угорщини й Росії, обстоюючи проавстрійський і відповідно антиросійський вектор української політики. Зокрема, А. Жук наполягав на тому, щоб «...б) Старатися з ситуації, яка панує тепер в міжнародних відносинах та яка могла б утворитися внаслідок австро-російської війни, ...придбати найбільше користей для справи національно-політичного визволення України. в) На випадок австро-російської війни, чинно допомагати Австрії й її союзникам проти Росії»²⁷. Д. Донцов у програмній доповіді «Суспільно-політичне положення нації і наше завдання» (липень 1913 р.) сформулював і обґрунтував гасло «безоглядного сепаратизму» від Росії²⁸.

Інша частина українських політиків Наддніпрянщини відкидала австро-німецьку орієнтацію, проте була критично налаштована й щодо Росії, заперечуючи або ставлячи під сумнів можливість вирішення українського питання в її складі (на чому ґрунтувалась доктрина автономізму). Так, В. Липинський у грудні 1912 р. надіслав до емігрантського Українського інформаційного комітету меморандум, у якому доводив необхідність «в майбутній австро-російській війні не ставати свідомо, виразно й голосно ні по стороні Австрії, ні, тим більше, по стороні Росії», роблячи ставку на «масовий рух за повним визволенням України з-під ярма чужих держав»²⁹. Близьку до цього, але зі зрозумілих причин значно обережнішу позицію висловлював лідер ТУП М. Грушевський, зазначаючи у статті «Сарасвська трагедія» (червень 1914 р.), що обставини «взагалі велять українській національній політиці не йти за чужими кепськими прикладами, не сподіватися розв'язання української національної проблеми від якихось сторонніх впливів і помочей, а будувати тільки на органічній розвитку своїх власних національних сил, засобів і можливостей»³⁰. Навіть у згаданому «Універсалі до народу українського усїєї Соборної України», де категорично заперечувалась підтримка Австро-Угорщини в її очікуваному протистоянні з Росією, сподівання на перемогу останньої пов'язувалися з досить несподіваними мотивами. Це розглядалося як необхідний крок до об'єднання українських земель у складі Росії з наступним швидким вирішенням «українсько-російського» питання, як «етап, до здобуття незалежності»³¹. Отже, й тут присутня принципова відмінність від попереднього політичного курсу українства Наддніпрянщини, базованого на ідеології автономізму, який, принаймні у зримій перспективі, нерозривно пов'язував долі більшості української нації і Російської держави.

Але в цілому напередодні світової війни пов'язані з нею «проєкти», на думку І. Патера, захопили незначну частину відомих українських політиків, більшість яких поставилась до «мілітарних» планів негативно чи прохолодно³². Тим більше вони не стали в той час надбанням основної маси учасників українського руху, майже цілком позбавлених комунікації зі своїми лідерами через катастрофічний стан організаційних зв'язків, відсутність партійної періодици тощо. Тому реальна палітра ідей і настроїв на місцях була строкатою, динамічною, нестабільною.

Це стосується й Товариства українських поступовців, котре єдине з українських політичних організацій мало чітко сформульовану офіційну позицію (нейтралітет). Незаперечним є панування в ТУП «оборонницьких» настроїв упродовж перших місяців війни. У Харкові близький до українських поступовців Д. Багалій у перші дні війни патетично закликав до суспільної консолідації для захисту країни: «Нехай у всіх нас упадуть у цей відповідальний момент усі розбіжності, що розділяють нас, і засяє на нашому знамені одне яскраве слово – перемога над ворогами!»³³. Про те, що це була свідомо позиція, а не тимчасовий душевний порив, свідчить той факт, що подібні думки він висловлював і значно пізніше. Так, у лютому 1915 р., як голова міської думи, він наполягав на необхідності «посилити темп вирішення справ» військових і господарських, «не допускати непотрібних дебатів і відволікань у бік особистих чи партійних випадів»³⁴. Він і М. Сумцов були причетними (хоча б тому, що не виступили проти) до вітальної телеграми Харківської думи Верховному головнокомандувачу з приводу взяття Перемишля від 9 березня 1915 р. Вона була витримана у відверто проімперському дусі, з характерною риторикою про Галичину як «споконвічний давньоруський край», «великий історичний процес збирання

усієї Русі»³⁵. Представники поміркованого українства Харкова в комісії для догляду за пораненими солідарно працювали з місцевими монархістами, октябристами, кадетами. Те саме можна сказати й про Харківський комітет Всеросійського союзу міст, де Д. Багалій був заступником голови³⁶.

Разом з тим у тупівських колах з самого початку були прихильники тієї точки зору, що в інтересах української нації перемога не Росії, а Центральних держав. З нею пов'язувались сподівання на здобуття конституційних і національних прав, умов для культурного розвитку. Прибічниками австрійської орієнтації були представники правого крила української громадськості М. Міхновський і О. Степаненко³⁷. Позиції «пораженців» у Товаристві зміцніли вже восени 1914 р. під впливом небачених антиукраїнських репресій у окупованій Росією Східній Галичині. Х. Алчевська, звертаючись до І. Франка, в розпачі писала 27 вересня 1914 р.: «В мене тільки й думки, що про Вас. Що з вами діється у Львові? Моє розбите горем серце цілує в думці кожний нещасний камінчик на вулицях славного старого міста і плаче, і плаче. Боже, скільки сліз пролито, скільки думок зруйновано, скільки замірив пропало»³⁸. Загальним наслідком стало помітне посилення антиросійських (щодо держави) настроїв та прихильності до Четвірного союзу, додатковим стимулом для яких послужив успішний наступ армій блоку у 1915 р. Характеристика «германофіл» все частіше зустрічається в документах Харківського жандармського управління. За його інформацією, в листопаді 1915 р. у товаристві ім. Г. Квітки-Основ'яненка був схвально сприйнятий реферат В. Коряка, у якому висловлювалась надія на перемогу Німеччини, присутні виявляли германофільські настрої³⁹.

У зв'язку з цим змінилось ставлення до емігрантського Союзу визволення України (СВУ), який виступив на боці Центральних держав. Незважаючи на те, що Рада ТУП свого часу дистанціювалась від СВУ, Х. Алчевська заявляла, що зустрічалася в Харкові з М. Залізнякам, одним із засновників Союзу⁴⁰. Вона ж разом з О. Синявським 3 і 13 листопада 1916 р. нібито закликала молодь до збройно-диверсійної боротьби в тилу російських військ. Існуючі (й поки що не спростовані) стереотипні уявлення про поведінку українських діячів несумісні з наведеними даними, і відсутність фактичного підтвердження є достатньо серйозною підставою для сумнівів у правдивості агентурної інформації. Але й ігнорувати неодноразові, незалежні одне від одного повідомлення навряд чи розумно.

Проте після зупинки наступу і поразки військ Четвірного союзу сподівання щодо блоку стали згасати. Песимізму додав і черговий виток репресій щодо українського руху, які ослабили українські організації, змусили їх діяти ще обережніше. Наслідком цих впливів стали зміни в настроях і поведінці членів ТУП упродовж 1916 р.: відносна їх радикалізація; загальне невдоволення війною; зростання недовіри й антипатії до існуючого режиму і водночас усвідомлення того, що за вирішення українського питання доведеться боротись у рамках Російської держави; посилення уваги до легальних засобів впливу на громадськість і владу. Відображенням тогочасних настроїв поміркованої частини українства, її розчарування як у Центральних державах, так і в Росії, може бути стаття М. Сумцова «Етуди з людиноненависництва» з критичними висловлюваннями про їхню ідеологію й національну політику: «Великий націоналізм німецький та великий націоналізм російський – два чоботи пара, і народам від них... – одне лихо, війна, насильство, слъози і кров»⁴¹.

Реакція місцевих організацій УСДРП на світову війну була невизрадною. Це стало наслідком не лише стану колапсу, в якому вони здебільшого перебували, а й наявності засадничо відмінних підходів у партійних верхах. Головна лінія вододілу проходила між прихильниками СВУ на чолі з А. Жуком та «інтернаціоналістами» під проводом Л. Юркевича. Можна погодитися з П. Феденком у тому, що більшість членів партії не бажала перемоги Росії, але й до СВУ ставилася критично, поділяючи лінію Л. Юркевича щодо пріоритетності боротьби проти «внутрішнього ворога» – царизму, за політичне і соціальне визволення, автономію України⁴². Цю позицію найвизрадніше репрезентувала Харківська організація. У місті поширювалася антивоєнна листівка «Війна й українська соціал-демократія»⁴³. Члени УСДРП були найпоштовішими опонентами пропозиції Х. Алчевської та О. Синявського, погрожуючи навіть видати їх поліції. Відданість Харківської групи принципам «інтернаціоналістів-ціммервальдівців» визнавали й місцеві більшовики⁴⁴. Втім, ця відданість була не надто послідовною. Лідери організації мали зустріч із представником

СВУ. Ю. Тищенко писав про себе, що «з багатьох причин рішучо відмежовувався від цієї організації»⁴⁵, а в жандармських джерелах зображався як «мазепинець-самостійник», тісно пов'язаний з СВУ⁴⁶. На партконференції в Катеринославі він нібито переконував у перевагах перемоги Центральних держав. Г. Іваницький належав до групи Д. Антоновича, яка поділяла платформу СВУ і підтримувала з ним зв'язок⁴⁷.

Серед прибічників Центральних держав із числа членів УСДРП теж із часом поширилося розчарування. Показову заяву наприкінці 1916 р. зробив А. Жук: «Нічого Німець нам не дасть і нічого ми від нього не ждемо... Німці ведуть війну для себе, в ім'я власних інтересів»⁴⁸. Група Д. Антоновича після кількох спроб активізації зрештою залишилась бездіяльною⁴⁹. Жандармські матеріали щодо УСДРП, при всій їх неповноті і ненадійності, засвідчують у Харкові в 1916 р. активність противників австро-німецької орієнтації і її відсутність з боку їхніх опонентів.

Українські есери теж не були єдиними у ставленні до війни та пов'язаних з нею перспектив. Але порівняно з УСДРП, спектр пропонованих ними варіантів був вужчим, а полеміка між їх прихильниками – не такою гострою й помітною. Листівка Харківської організації «До братів хліборобів» привертала увагу передусім до внутрішньоімперських проблем, пропонувала бути готовими повернути зброю проти ворогів українського селянства; але й закликала не піддаватися на слова уряду про визволення інших народів, а дбати про власне, уникати мобілізації⁵⁰. Своєрідним втіленням подібних настроїв у життя можна вважати гурток УПСР у Глухівському повіті, немало учасників якого (у тому числі і з Харкова) опинились там, щоб уникнути мобілізації⁵¹. Більш радикально налаштованою була частина прихильників УПСР у молодіжних організаціях (В. Коряк мав стійку репутацію германофіла). Проте в цілому позиція українських есерів, схоже, була вільною від крайнощів – «оборонництва» та германофільства – і базувалась головним чином на двох засадах: відмова царському уряду та його воєнним зусиллям у підтримці; розгортання революційної боротьби.

Позицію українських націоналістів у цьому питанні з'ясувати вкрай важко, насамперед через їхню безмовність: не відомо жодного документа з цього середовища за роки війни. Очевидно, визначеної лінії УНП не існувало взагалі, інакше вона б мусила бути задекларованою. Серед причин цього – безсилля УНП, ідейно-тактичні суперечки і боротьба всередині її, специфічне становище М. Міхновського (можливий вихід із партії, військова служба). Тимчасом УНП тих років, якщо і згадується в літературі, то виключно «в форматі» М. Міхновського, який єдиний хоч якось нагадував про себе. Проте суперечливість відгуків про його погляди воєнного часу гранично ускладнює їх інтерпретацію. Є очевидним тільки те, що М. Міхновський вважав за необхідне максимально скористатися ситуацією, аби наблизитися до омріяної української державності. Але його уявлення про зміст цієї державності та засоби її досягнення трактують по-різному. Ще в 1913 р. А. Жук ознайомив М. Міхновського й О. Степаненка з майбутньою політичною акцією, яка зрештою матеріалізувалась у вигляді СВУ, і, за його словами, «зустрів повне одобрення для моїх планів і становища і навіть дістав від М. Міхновського відповідне освітчення на письмі»⁵². Соратник М. Міхновського Є. Любарський-Письменний став у еміграції співзасновником СВУ⁵³. За деякими даними, Загальна українська рада (до складу якої входили члени СВУ) в січні 1916 р. пропонувала кандидатуру М. Міхновського для вирішення конкретних питань взаємодії у Берліні⁵⁴. Все це прямо суперечило лінії «Універсалу» УНП на поразку Австро-Угорщини та приєднання західноукраїнських земель до Наддніпрянщини у складі Росії. Крім того, є свідчення, нібито М. Міхновський разом з В. Шеметом виношував ідею направити делегацію до царя з запевненнями в лояльності українців та проханням надати права, подібні до тих, які мали українці в Австро-Угорщині, пробував збирати підписи під вірнопідданською петицією⁵⁵. Напередодні падіння царату він, за словами В. Андрієвського, розробив цілий план порятунку режиму в обмін на створення дуалістичної монархії⁵⁶. Розгадка його двоїстої позиції може бути доволі простою. М. Міхновський тоді віддавав перевагу «легальним формам громадської діяльності, оскільки на це дозволяли загальні обставини життя в Росії, а конспірацію полишав еміграції»⁵⁷. Схоже, М. Міхновський свідомо розмежовував ці способи боротьби за визволення України, причому в обох випадках залишався по-своєму максималістом, не відкидав ніяких засобів, якщо вважав їх дієвими.

Війна змусила й учасників юнацького руху по-новому поглянути на суспільні проблеми. У цьому середовищі, вільному від жорстких стереотипів партійних програм і регла-

ментації комітетів, деморалізуючого досвіду поразок, були особливо помітні переоцінка геополітичної ситуації, передусім у трикутнику Росія – Україна – Австро-Угорщина, інтерес до далекосяжних цілей та рішучих методів боротьби. Загальна динаміка настроїв молоді і старшого покоління між собою істотно не відрізнялась, але реакція юнацьких гуртків на поточні події була більш радикальною та дієвою. Із 10 відомих нам листівок воєнної тематики їм належало 8: 5 пропагували антивоєнні ідеї, 5 – самостійницькі, 3 – сепаратизм і германофільство, по 2 – антиросійські (щодо держави), протиурядові, соборність. Якщо вважати, що антиурядові, сепаратистські та германофільські ідеї теж були направлені проти Російської імперії, то пріоритети виглядатимуть таким чином: протиімперське спрямування мали 7 листівок, антивоєнне і самостійницьке – по 5. Серед української молоді набув поширення «клич бойкоту російської мови і російської культури»⁵⁸. Однією з форм протесту було ухиляння від призову на військову службу. Учасники харківського «видавничого гуртка» (брати Плеваки та ін.) з початком війни вирішили зробити все, щоб не йти на фронт, не воювати за антиукраїнську державу, не стріляти в братів-українців⁵⁹. З цієї ж причини перейшов на нелегальне становище М. Криворотченко⁶⁰, а деякі активісти молодіжних організацій опинились у Глухівських лісах.

Успішний наступ армій Четвірного союзу навесні 1915 р. посилив прихильне ставлення до Центральних держав. У листівці ЦВК Юнацької спілки з їхньою перемогою пов'язувалося розв'язання українського питання: «На випадок, коли Росія буде побіджена в сій війні, Україна одержить самостійність із рук прихильних нам культурних завойовників. Коли ж Росія виграє війну, тоді [вона] буде старатися задавити Україну»⁶¹. Найрішучіші з молоді виявляли готовність сприяти поразці російських військ практичними діями. Улітку 1915 р. член Юнацької спілки О. Заїка заявив на допиті, що співчуття Австро-Угорщині притаманне кожному спілчанину. Сам він до арешту намагався організувати втечу австрійських військовополонених з табору і нібито готувався до замаху на російського намісника Галичини⁶². Навіть наприкінці 1916 р. заклики до диверсійної боротьби в російському тилу були підтримані частиною представників гуртків Харкова та делегатів III конференції Юнацької спілки⁶³.

Проте в цілому тогочасне германофільство, особливо у молоді, мало ситуативний та емоційний характер, було психологічною реакцією на конкретну воєнно-політичну ситуацію. Після поразки Центральних держав влітку-восени 1916 р. сподівання на їхню перемогу разом з емоційним піднесенням зійшли нанівець. На зборах харківської молоді 3 листопада 1916 р. антиросійські заклики підтримали тільки 6 осіб із 32 присутніх, а 13 листопада частина учасників відразу залишила зібрання, інші висловили протест, а член УСДРП В. Безпаленко пригрозив видати ініціаторів поліції⁶⁴. Нову реальність чітко зафіксувала резолюція III конференції Юнацької спілки: «Австрійці далеко, і їм ніколи не дійти до нас»⁶⁵.

Прикметним для років війни було поширення сепаратистських (в сенсі відокремлення від Росії) і самостійницьких поглядів, що стимулювалось політичними реаліями того часу. Немоżliвість справедливого вирішення українського питання, нереальність сподівань на автономію України у складі Росії стали очевидними для багатьох, як і потреба боротьби за досягнення максимальної, ніяк не пов'язаної з долею Росії мети – незалежної держави. Разом з тим самостійницький курс, на нашу думку, можна трактувати і як заперечення австро-німецької орієнтації, перспективи якої не виходили за межі автономії чи протекторату. Навесні 1916 р. на самостійницькі позиції перейшла Харківська середньошкільна організація, конференція якої ухвалила підготувати спеціальну збірку матеріалів. Брошура «Самочинна Україна» була розмножена на гектографі влітку 1916 р.⁶⁶ Цей курс підтримала Юнацька спілка в цілому, III конференція якої заявила, що «високо підіймає блакитно-золотий прапор Самочинної України»⁶⁷.

Ще однією особливістю суспільно-політичних настроїв в українському середовищі Харкова було розчарування певної його частини (передусім молоді) в класовій ідеології, соціалістичних ідеалах (відданість яким раніше задекларували всі без винятку українські партії) і організаціях. Найбільш помітну спробу переорієнтувати харківську молодь на інші, несоціалістичні цінності зробив один з керівників Юнацької спілки А. Ковалівський. У травні 1915 р. він задумав утворити альтернативну спілці організацію – «Українське національне коло» («Коло незалежних») – і розробив проект її програми. В цьому документі

було піддано невиваждано різкій критиці українську соціалістичну течію. Її представники звинувачувались у підпорядкованості впливам російського суспільного руху, доктринерстві, ідеалізації робітництва й селянства, відсталості від новітніх політичних учень і європейської культури, нерозумінні національної справи тощо. «Відсталість, інертність, слинявість і хамство, – підкреслювалось у програмі, – се основні прикмети „українського соціалізму”». У зв’язку з цим оголошувалося про розрив із соціалістичними організаціями і вищість власної позиції в національному русі: «Отже з сією хлопоманською частиною укр. молоді ми вважаємо себе роз’єднаними та й поставляємо наші ідеали попереду їхніх, як і себе самих вище за слинявий „демократизм”». Нову організацію передбачалось будувати на засадах «націоналізму й шляхотности». Остання туманно трактувалась як притаманний справжній європейській культурі аристократизм, «самоповажання й поважання других»⁶⁸. У вересні 1915 р. у складі гуртка було 9 осіб, переважно студенти університету – А. Ковалівський, К. Косович, В. Олексієнко, А. Берладин, можливо, В. Заїкин та інші⁶⁹. Проте невдовзі він розпався, й налагодити діяльність «Кола» не вдалося.

Негативною реакцією на соціалістичне вчення частково можна пояснити і зростання популярності націонал-радикальних ідей. Як повідомляли навесні 1916 р. жандармські агенти, «націоналісти» активно працюють у всіх українських об’єднаннях Харкова, намагаючись «протидіяти надмірному захопленню соціалістичними ідеями і відстоюють національний характер українського руху»⁷⁰. Наприкінці 1916 р. їхні впливи переважали у гуртках комерційного і Ново-Олександрійського інститутів, художньої школи⁷¹.

Таким чином, Перша світова війна змусила українських патріотів, у тому числі й у Харкові, по-новому оцінити геополітичну ситуацію та перспективи національного визволення. Загальна радикалізація настроїв здебільшого не мала суспільно вагомих наслідків, не вилилась у помітні активні дії. Але в психології, свідомості учасників українського руху стався певний поворот. У свідомого українства сформувався чітке розуміння безперспективності сподівань розв’язати українське питання в Російській імперії, а багато хто поширював цю думку і на Росію взагалі, безвідносно до її політичного ладу, остаточно порвавши з «малоросійством», сприйняттям українства виключно в контексті «руського мира». Вперше з’явилося усвідомлення того, що здобуття національної державності можливе ближчим часом, а не в неозорій перспективі, отже, й боротьба за неї є завданням сучасного, а не прийдешніх поколінь. Тим самим був підготовлений певний психологічний ґрунт для державницької політики і практики 1917 року.

¹ Хаген М., фон. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

² Перша світова війна і слов’янські народи: Матеріали міжнар. наук. конф. – К., 1998; *Реснт О.П.* Перша світова війна і Україна / О.П. Реснт, О.В. Сердюк. – К.: Генеза, 2004; *Реснт О.* Україна в Першій світовій війні: сучасні науково-методологічні акценти // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – 2007. – Вип. 16; *Горбань Т.* Геополітичні орієнтації українського національно-визвольного руху в умовах Першої світової війни // Вісн. Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка: Історія. – 2011. – № 107; Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У 2-х кн. – Кн. 1: Історичні нариси / Упорядк. О. Реснт; ред. кол.: В.А. Смолій (голова) та ін. – К.: ТОВ «Видавництво “КЛІО”», 2014; та ін.

³ Історія міста Харкова ХХ століття / О.Н. Ярмаиш, С.І. Посохов, А.І. Епштейн та ін. – Х.: Фоліо; Золоті сторінки, 2004. – С. 13, 152.

⁴ *Степанюк В.* З історії українського соціал-демократичного руху (1900–1918 рр.) / В. Степанюк, Я. Довбищенко. – Х., 1918. – С. 15.

⁵ *Тищенко Ю.* Участь В. Винниченка в революційному русі 1914–1916 рр. // Володимир Винниченко (Статті й матеріали). – Нью-Йорк, 1953. – С. 45, 47.

⁶ *Балтин А.* Харьковская организация РС.–Д.Р.П. – большевиков во время войны (декабрь 1914 г. – январь 1916 г.) (Воспоминания) // Летопись революции. – 1923. – № 5. – С. 16.

⁷ *Тищенко Ю.* Участь В. Винниченка в революційному русі 1914–1916 рр. – С. 55; ЦДІА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 155, 169.

⁸ *Степанюк В.* З історії українського соціал-демократичного руху (1900–1918 рр.) / В. Степанюк, Я. Довбищенко. – С. 22.

⁹ Держархів Харківської обл. (далі – ДАХО), ф. 3, оп. 287, спр. 5760, арк. 70, 118.

¹⁰ *Висоцький О.Ю.* Українські національні партії початку ХХ століття: соціалістичний сегмент (УСДРП та УПСР у компаративістському вивченні). – Дніпропетровськ: ДДФЕІ, 2001. – С. 45.

- ¹¹ ЦДА України, ф. 336, оп. 2, спр. 97, арк. 103, 107.
- ¹² *Алчевська Х.О.* Твори. – К.: Дніпро, 1990. – С. 424–426; ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 35, арк. 145.
- ¹³ ДАХО, ф. 3, оп. 287, спр. 5760, арк. 70, 103, 123; *Верстюк В.Ф.* Діячі Української Центральної Ради: Біографічний довідник / В.Ф. Верстюк, Т.С. Осташко. – К., 1998. – С. 127.
- ¹⁴ *Доманицький В.* Кость Мацієвич (замість вінця на могилу). – К.: Держвидав України, 1943. – С. 7–8; *Грушевський М.* Спомини // Київ. – 1989. – № 9. – С. 110; *Чикаленко Є.* Щоденник. – К.: Темпора, 2004. – Т. 1: (1907–1917). – С. 31, 106.
- ¹⁵ *Чикаленко Є.* Щоденник. – Т. 1. – С. 137.
- ¹⁶ *Верстюк В.Ф.* Діячі Української Центральної Ради / В.Ф. Верстюк, Т.С. Осташко. – С. 92; *Жук А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України (Спомини у 20-ліття Союзу) // Молода нація. – 2002. – № 3. – С. 147; Сніп. – 1912. – 11 берез. – С. 8.
- ¹⁷ Історія українських політичних партій. Кінець XIX ст. – 1917 р.: Хрестоматія-посібник. – К.: Вид-во Європейського ун-ту, 2003. – Ч. 1. – С. 418–420.
- ¹⁸ *Книш З.* Микола Міхновський і вибори до Четвертої Думи // Самостійна Україна. – 1958. – Ч. 3–5. – С. 9; Листування Зиновія Книша і Андрія Жука // Молода нація. – 2003. – № 2. – С. 184.
- ¹⁹ *Верстюк В.Ф.* Діячі Української Центральної Ради / В.Ф. Верстюк, Т.С. Осташко. – С. 132.
- ²⁰ *Доленко В.А.* Революція і моя участь у ній // Пам'яті В.А. Доленка. – Мюнхен, 1975. – С. 13; *Соловей Д.Ф.* Розгром Полтави: Спогади з часів визвольних змагань українського народу 1914–1921. – 2-е вид., доп. – Полтава: Криниця, 1994. – С. 97.
- ²¹ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 40.
- ²² Там само, спр. 4, арк. 259; спр. 20, арк. 3.
- ²³ Там само, спр. 20, арк. 46–47.
- ²⁴ Там само, арк. 52.
- ²⁵ Там само, арк. 154, 201 зв.; спр. 36, арк. 13, 168, 222.
- ²⁶ *Яцина О.* Культурно-просвітний рух на Харківщині у висвітленні української преси (1907–1914 рр.) // Краєзнавство. – 2003. – № 1–4. – С. 82.
- ²⁷ *Жук А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України. – С. 145.
- ²⁸ Історія українських політичних партій. – Ч. 1. – С. 428.
- ²⁹ Цит. за: *Жук А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України. – С. 142–143.
- ³⁰ *Жук А.* Проф. М. Грушевський і Союз визволення України в роках Першої світової війни // Молода нація. – 2002. – № 3. – С. 117.
- ³¹ Історія українських політичних партій. – Ч. 1. – С. 419–420.
- ³² *Патер І.* Союз визволення України: проблеми державності і соборності. – Львів, 2000. – С. 154.
- ³³ Южный край. – 1914. – 5 серп.
- ³⁴ Цит. за: Історія міста Харкова ХХ століття. – С. 121.
- ³⁵ Там само.
- ³⁶ Там само. – С. 120, 122.
- ³⁷ *Жук А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України. – С. 146.
- ³⁸ *Алчевська Х.* Твори. – С. 493.
- ³⁹ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 252.
- ⁴⁰ Там само, спр. 36, арк. 233.
- ⁴¹ Южный край. – 1916. – 10 лют.
- ⁴² *Феденко П.* Український громадський рух у ХХ ст. – Подебради, 1934. – С. 59–61.
- ⁴³ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 144.
- ⁴⁴ *Балтин А.* Харьковская организация Р.С.–Д.Р.П. – большевиков во время войны. – С. 11, 16.
- ⁴⁵ *Тищенко Ю.* Участь В. Винниченка в революційному русі 1914–1916 рр. – С. 49.
- ⁴⁶ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 250 зв.
- ⁴⁷ Автобіографія Дмитра Антоновича // Сучасність. – 1961. – № 1. – С. 112; *Міяковський В.* Дмитро Антонович. – Вінніпег: УВАН в Канаді, 1967. – С. 47.
- ⁴⁸ *Патер І.* Андрій Жук і Союз визволення України // Молода нація. – 2002. – № 3. – С. 73.
- ⁴⁹ *Жук А.* Проф. М. Грушевський і Союз визволення України в роках Першої світової війни. – С. 129.
- ⁵⁰ *Животко А.* 50 років (До історії Української партії соціалістів-революціонерів). – Прага: Вільна Спілка, 1936. – С. 9.
- ⁵¹ *Тереженко В.* Микита Шаповал велетень із Донбасу. – Артемівськ, 2001. – С. 36.
- ⁵² *Жук А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України (Спомини у 20-ліття Союзу). – С. 147.
- ⁵³ *Патер І.* Андрій Жук і Союз визволення України. – С. 58, 62.
- ⁵⁴ *Кураєв О.* Про заходи щодо забезпечення планів експансії Центральних держав в Україну (серпень 1915 – березень 1916 р.) // Історичний журнал. – 2006. – № 2. – С. 19.
- ⁵⁵ *Грушевський М.* Спомини. – С. 110; *Чикаленко Є.* Щоденник. – Т. 1. – С. 340, 358.

- ⁵⁶ *Андрієвський В.* Микола Міхновський (Нарис суспільно-політичної біографії) // *Визвольний шлях*. – 1974. – № 6. – С. 616.
- ⁵⁷ Листування Зиновія Книша і Андрія Жука. – С. 199–200.
- ⁵⁸ *Феденко П.* Український громадський рух у ХХ ст. – С. 64.
- ⁵⁹ *Плевако П.* З минулого нашої родини (спогад) // *Плевако М.А.* Статті, розвідки й біо-бібліографічні матеріали. – Нью-Йорк; Париж, 1961. – С. 758.
- ⁶⁰ *Соловей Д.Ф.* Розгром Полтави: Спогади з часів визвольних змагань українського народу 1914–1921. – С. 52.
- ⁶¹ Історія українських політичних партій. – Ч. 1. – С. 523.
- ⁶² ЦДДА України, ф. 336, оп. 1, спр. 4330, арк. 38–39.
- ⁶³ Там само, оп. 4, спр. 36, арк. 224.
- ⁶⁴ Там само, арк. 234.
- ⁶⁵ Там само, ф. 1439, оп. 1, спр. 371, арк. 106–106зв.
- ⁶⁶ Там само, ф. 336, оп. 4, спр. 36, арк. 137зв., 204зв.
- ⁶⁷ Там само, ф. 1439, оп. 1, спр. 371, арк. 106–106зв.
- ⁶⁸ Там само, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 68.
- ⁶⁹ Там само, арк. 152; *Портнов А.* В'ячеслав Заїкин: історик із багатьма обличчями // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства*. – 2004. – Т. 10. – С. 92.
- ⁷⁰ ЦДДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 36, арк. 142зв.
- ⁷¹ Там само, оп. 2, спр. 97, арк. 101.

УКРАЇНА В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ: РОЗВ'ЯЗАННЯ ПРОБЛЕМИ БІЖЕНСТВА (1914–1918 РР.)

Л. М. Жванко

Жванко Л. М. Україна в роки Першої світової війни: розв'язання проблеми біженства (1914–1918 рр.). Запропонована стаття є узагальненим викладом надзвичайно складної для вивчення теми історії Першої світової війни – проблеми біженців як нової соціальної реальності, з котрою зіткнулися усі сторони збройного конфлікту. Авторка окреслила причини появи біженства, етапи перебування біженців на українських землях, органи надання допомоги цим людям, законодавчу базу, напрямки допомоги, реєвакuaційні заходи, проведені уже в часи Української Держави Павла Скоропадського.

Ключові слова: Перша світова війна; біженці; українські терени; евакуація; репатріація.

Жванко Л. Н. Украина в годы Первой мировой войны: решения проблемы беженства (1914–1918 гг.). Предлагаемая статья является обобщенным изложением чрезвычайно сложной для изучения темы истории Первой мировой войны – проблемы беженцев как новой социальной реальности, с которой столкнулись все стороны вооруженного конфликта. Автор обозначила причины появления беженства, этапы пребывания беженцев на украинских землях, органы оказания помощи этим людям, законодательную базу, направления помощи, реэвакуационные мероприятия, проводимые уже во времена Украинской державы Павла Скоропадского.

Ключевые слова: Первая мировая война; беженцы; украинские земли; эвакуация; репатриация.

Zhvancko L. M. Ukraine in the First World War: Solution of the problem refugees (1914–1918). In article extremely difficult to study topics from the history of First World War are generalized – the refugee problem. This is a new social reality faced by all parties involved in the armed conflict. The author described the causes of refugee wave, stages of refugees stay in the Ukrainian lands, bodies to assist these people, legal framework, areas of assistance repatriation activities undertaken already in the times of the Ukrainian State under Paul Skoropadsky.

Keywords: First World War; refugees; Ukrainian territories; evacuation; repatriation.

Велика війна 1914–1918 рр., як її назвали сучасники, Перша світова війна, як стала вона відома нащадкам, виявилася фатальною помилкою і трагедією для європейської спільноти та людської цивілізації в цілому. Війна, в яку кожна з європейських держав вступала мало не з радістю, маючи надію отримати швидку та блискучу перемогу, перетворилася на майже п'ятирічний жах першої індустріальної і по-справжньому тотальної війни. Більше того, цей конфлікт назавжди змінив геополітичне обличчя Європи, зруйнувавши усталену кілька століть її політичну, економічну та соціальну структуру. Крім іншого, ця війна призвела до появи по різні боки фронтів мільйонів так званих, «переміщених осіб» – біженців, військовополонених, депортованих. Усі учасниці збройного конфлікту, зокрема держави Антанти, зіткнулися з новим суспільним явищем – біженством, багатограним, складним і водночас катастрофічним.

Людська цивілізація, переступивши поріг третього тисячоліття свого існування, виявилася нездатною подолати біженство як гуманітарну проблему планетарного масштабу. Нині чисельність насильно переміщених в світі людей складає близько 44 млн. осіб¹. Вони й досі втікають від військових конфліктів чи переслідувань, етнічних чи релігійних чисток. Та все частіше залишають свої будинки через крайнє зубожіння, погіршення стану навколишнього середовища, зміни клімату і посилення складного взаємозв'язку між цими факторами і конфліктами. Проблема біженців, як одну із загально цивілізаційних проблем, не може вирішити навіть Управління Верховного комісара ООН у справах біженців, відділення якого діють у 119 державах світу. Конвенція про статус біженців (1951 р.) та Протокол про статус біженців (1967 р.) є і тепер відправними нормативними актами для держав, які стикаються з проблемою біженців.

Питання врегулювання долі вимушено переселених осіб є настільки глобальним, що з 2002 р. навіть відзначається Всесвітній день біженця. І вже XXI ст., відмірявши лише свій

перший десяток, устигло отримати назву «століття біженців»², а міські нетрі з мігрантами стали неодмінним атрибутом краєвидів сучасних європейських мегаполісів. Старий світ просто приречений постійно мати якусь хвилю біженців з Азії та Африки. Сучасні вигнанці – «небажані та бездомні», яких не хоче приймати жодна європейська держава³.

У 2014 р. розв'язана проти України з боку Росії так звана, «гібридна війна», яка супроводжується прихованою інтервенцією, залученням до ведення бойових дій різних бандитських угруповань, розгортанням терору серед місцевого населення, привели до появи великої кількості біженців, а коли точніше то – внутрішньо переміщених осіб. У зв'язку з цим звернення до аналізу досвіду вирішення проблем біженців Першої світової війни має незаперечну актуальність як в науковому так і в гуманітарно-цивілізаційному вимірах.

Знакові події в історії людства викликають в ювілейні роки підвищений інтерес дослідників, які у своїх працях підсумовують власні дослідження та узагальнюють досвід попередників. У 2014 р. з нагоди сторіччя початку Першої світової війни побачила світ фундаментальна робота вітчизняних істориків «Велика війна 1914–1918 рр. і Україна». Читачеві подано широку палітру міжнародних відносин, політичної діяльності українства у роки війни та актуалізацію «українського питання», бойові дії на українських теренах, соціально-економічні, духовні та повсякденні проблеми тогочасного суспільства⁴. О.П. Рент та Б.М. Янишин подали розгорнуте бачення проблеми вивчення Першої світової війни в українській історіографії⁵. У контексті стану дослідження проблеми біженців Великої війни автори наголосила на формування саме у Харкові «...певного осередку вивчення проблем біженства періоду війни і революції». Такий висновок вони зробили на підставі аналізу робіт харківських дослідниць – професора Л.М. Жванко⁶ та Т.М. Лихачової⁷. «Л. Жванко на основі значного масиву досліджень попередників, також широкого кола джерельних матеріалів підбила певний підсумок вивченню проблеми біженства у роки війни»⁸. У 2013–2014 рр. дослідниця опублікувала кілька узагальнюючих статей, присвячених висвітленню різних складових історіографії проблеми⁹.

Відтак запропонована стаття, по-перше, є певним чином квінтесенцією наукових здобутків авторки, а, по-друге, дозволяє відтворити головні моменти сторічної давнини, коли український загал зустрівся з новим соціальним явищем – біженством Першої світової війни. Наскільки тогочасний досвід є актуальним для сучасної України – це відкрите питання, але він показує, що як і століття тому українці здатні до співчуття, пожертви та підтримки тих, кого війна змусила покинути рідні домівки.

Перш за все слід зауважити, що у перебуванні біженців на українських теренах впродовж Першої світової війни виділяються три періоди, які охоплюють існування різних державних утворень – Російську імперію (серпень 1914 – лютий 1917 р.), Українську Центральну Раду (далі – УЦР) і проголошену нею Українську Народну Республіку (далі – УНР) (березень 1917 – квітень 1918 рр.), Українську Державу гетьмана П. Скоропадського (квітень – грудень 1918 р.). З одного боку, такий поділ зумовлено різними політичними процесами, що відбувалися на українських землях упродовж 1914–1918 рр.: існування самодержавства та його ліквідація, революційні процеси 1917 р., присутність австро-німецьких окупаційних сил та гетьманських переворот 1918 р. З іншого – різні за своєю природою політичні режими мали власне бачення на розв'язання проблеми біженців. Мінлива доля змусила сотні тисяч полишити свої домівки в статусі підданих імператора Миколи II, а повернутися громадянами новостворених держав. Більше того, ці люди, полишаючи свої обійстя на початку війни, перебували в межах одного державного утворення, а вже на початку 1920-рр. мали перетинати установлені міжнародними договорами кордони, що також негативним чином впливало на можливість скорого повернення додому.

З іншого боку, коли за точку відліку взяти особливості перебування біженців від моменту їх евакуації і до повернення на Батьківщину, можна виокремити три умовні етапи. Вони позначені чіткими часовими рамками та певними особливостями. Так, перший – кінець 1914 – кінець 1915 рр. – час евакуації, починаючи від поодиноких груп до планомірного, з боку офіційної влади, перевезення залізницями значної кількості біженців. Він був сповнений жахом розлуки з батьківщиною та втрати родичів у довгій дорозі, страх у очікуванні нового, невідомого життя в тилу, в чужих для багатьох біженців з погляду ментальних, мовно-релігійних та повсякденних умов життя губерніях. Другий – 1916 – середина 1918 рр. – тимчасове перебування в евакуації, пошук роботи чи навчання, вживання в роль «гостя», а згодом, за оцінками з місцевих жителів, «утриманця»; підготовка повернення

до своїх домівок. Третій – середина 1918 р. – жовтень 1924 р. – реевакуація, а згодом, за радянського уряду – досить складна репатріація вже іноземних біженців на батьківщину. Тому, власне, Комп'єнське перемир'я не поставило крапку в епопеї біженців, а ще більше загострило цю проблему.

Отже, саме Перша світова війна спричинила появу нової категорії цивільного населення – біженців, невідомої у таких масштабах за попередніх військових конфліктів. На європейському континенті, в державах протиборчих блоків, біженство стало невід'ємним атрибутом життя соціуму. Особливого розмаху воно набуло на території Російської імперії, а відтак охопило й українські губернії, що входили до її складу. До виникнення цієї соціальної групи привели два різні за своєю суттю та вагомістю фактори. По-перше, психологічний, оскільки війна – це страх пересічної людини бути вбитою ворогом, а відтак втеча давала єдиний порятунком. По-друге, політичний, зумовлений діями імперського військового командування, яке з метою очищення території, згідно принципу «випаленої землі», здійснило насильницьке вивезення значної кількості цивільного населення з прифронтових губерній Росії. Останній мав визначальний вплив і привів до того, що у різний час на теренах імперії перебувало до п'яти млн біженців, з них до одного млн – у дев'яти українських губерніях.

Особливо важким тягар війни був для українських етнічних земель, розділених між двома ворожими таборами. Найбільше постраждали Галичина та Буковина, які першими зустріли удари війни. Значна кількість цивільного населення стали біженцями, при цьому, що ще більше підсилює трагізм участі українців у цій війні, по різні боки Східного фронту¹⁰. Територією Волинської та Подільської губерній проходила лінія Південно-Західного фронту, чотири армії якого були спрямовані проти Австро-Угорщини. Уперше в роки цієї війни евакуаційні заходи на українських землях були застосовані, як зауважив І. Берест, австрійською владою в Галичині та Буковині. Широкий наступ російських військ у серпні 1914 р. примусив місцеву австрійську адміністрацію терміново організувати вивіз у тиллові райони людей та матеріальних цінностей¹¹. Розмах переселенських процесів з Галичини, Буковини, Боснії був такий, що МВС Дунайської імперії пішло на організації спеціальних таборів для воєнних виселенців¹². Проте навесні – влітку 1915 р. ситуація на Південно-Західному фронті кардинально змінилася, і вже російська влада, внаслідок наступу німецьких та австро-угорських військ, вдалася у цьому регіоні до евакуаційних заходів у значно більших масштабах¹³.

Відповідно до способу переміщення біженців у тиллові губернії доцільно виділити два його етапи. На першому етапі, який тривав протягом літа – початку осені 1915 р., основним способом евакуації цивільного населення були гужові перевезення. Переважна більшість їх рухалася на власних підводах, покритих брезентом та навантажених найбільш цінним майном. На початку вересня і до зими 1915 р. тривав другий етап евакуації біженців. У цей час їх вивезення у тиллові райони відбувалося головним чином залізницями, так званими, «маршрутними потягами» з прямою доставкою до пункту призначення. Основне навантаження щодо транспортування біженців було покладено на три загальнодержавні залізниці – Південно-Західну, Південну (Слобідську), Катеринославську (Запорізьку), які проходили територією українських губерній. Потужними залізничними вузлами із численними під'їзними розв'язками були Катеринослав та Харків¹⁴. До того ж ці міста входили до переліку найкрупніших розподільчих центрів біженців нарівні з Москвою, Орлом і Курськом¹⁵. При цьому слід зауважити, що досить складно встановити точну кількість біженців, тому запропоновані цифри – орієнтовні. Протягом літа – осені 1915 р. через розподільчий пункт на Катеринославському вокзалі пройшло 397 945 біженців, з них за межі губернії – 123 517, а решту було розселено у повітах Катеринославської губернії¹⁶.

Харків належав до переліку 24 реєстраційних пунктів Російської імперії, на яких проводився щоденний перепис проходження біженців у межах Європейської Росії. Слід зазначити, що найінтенсивнішим рух біженців, як свідчать дані, зібрані на реєстраційних пунктах працівниками ВЗС, був протягом вересня – першої половини жовтня 1915 р. За цей час на 12 із 24 пунктів, які розміщувалися на двох залізничних лініях, було зареєстровано 2 016 657 біженців. На три українські реєстраційні пункти – Бахмач, Катеринослав і Харків – припало 710 584 біженці, що склало 35% від їх загальної зареєстрованої кількості. Більше того, на станції Бахмач зустрічалися два потоки біженців: з Південно-Західного та Північно-Західного фронтів¹⁷.

Вивчення долі сотень тисяч біженців вимагає точного встановлення їх чисельності. На цьому вже у роки війни наголошували і громадські діячі, які займалися справами біженців. На їх думку, «...статистичні дані внаслідок їх неповноти [...] не дають змоги ясно та ґрунтовно вникнути в суть біженського руху, пізнати його психологію, а також відтворити ті умови, в яких відбувалася евакуація біженців»¹⁸. Натомість, окреслена проблема надзвичайно складна і вимагає серйозного вивчення, уточнення цифрового матеріалу, оскільки збір статистичних даних в умовах триваючої війни був досить складною справою. «Грандіозна біженська маса рухалася в середину держави [...] хаотично, безсистемно...»¹⁹, а це надзвичайно ускладнювало проведення будь-якої реєстрації.

Біженську масу слід розглядати як мінливий організм, який перебував у перманентному русі, що ускладнювало збір статистичних даних про біженців. На їх рух впливали природні фактори – народження, смерть, та соціальні – переїзди, призови до війська, возз'єднання сімей та ін. У різний час на українських землях перебувало від понад 400 тис. (листопад 1915 р.) до близько 1 млн (зима 1917–1918 р.) біженців. Катеринославська губернія, де на осінь 1915 р. знайшли притулок понад 220 тис. біженців, посіла перше місце серед 45 європейських губерній Російської імперії за їх кількістю. Уже з 1916 р. і протягом наступних двох років відзначалася стала тенденція до збільшення їх кількості в українських губерніях, спричинена змінами ситуації на фронтах. Так, на весну 1916 р. за підрахунками Тетянинського комітету в Російській імперії осів 3306051 біженець. На 1 листопада 1916 р. їх було зареєстровано вже 3 573 471, з яких – 761 245 проживали в Україні. Іншими словами, майже кожен четвертий біженець із грудня 1915 р. проживав в Україні. Зі збільшенням чисельності біженців на загальноімперському рівні така тенденція зберігалася й щодо українських земель. Після Лютневої революції 1917 р. розпочалося некероване прибуття біженців з Росії до України. Цей людський контингент дещо збільшився і за рахунок румунів-біженців у зв'язку з переходом Румунії на бік Антанти та окупації її теренів німецькими військами.

В етнічному вимірі найбільші групи склали «російські біженці» (зазвичай узагальнена назва білорусів, українців, росіян) та поляки. При цьому, після Лютневої революції на хвилі зростання національної свідомості спостерігався процес ідентифікації українських і білоруських біженців як представників окремих етносів. За нашими даними, в Україні протягом Першої світової війни тимчасовий притулок знайшли представники понад 20 національностей – українці, росіяни, білоруси, поляки, німці, латиші, литовці, естонці, євреї, чехи, словаки, молдавани, румуни, серби. Але точно встановити кількісний склад кожної з груп в умовах війни та їх перманентного руху, на жаль, було неможливо. За статево-віковою ознакою переважали жінки та діти, а у соціальному зрізі – селяни, бо основна маса евакуйованого населення на той час проживала саме у сільській місцевості.

Для правлячої династії Романових сотні тисяч цих підданих стали важкою ношею і непередбаченою реальністю. Спочатку в імперських керівних колах уникали навіть терміну «біженець», а самих біженців розглядали як прикре непорозуміння, що не вписувалося у доктрину переможної війни. Проте влада, розуміючи, що створена нею проблема здатна, за умови її нехтування, вибухнути соціальним конфліктом, була змушена взятися за її розв'язання. Відтак, термін «біженець» міцно закріпився в законодавчих нормах та чи не вперше в Європі отримав юридичне тлумачення.

УЦР, сповідуючи демократичні принципи розвитку, визнала справу соціального захисту біженців одним із аспектів своєї внутрішньої політики. Вона еволюціонувала від перебування у фарватері ухвал Тимчасового уряду до творення власних засад у царині біженства. Українська Держава перейняла від УНР справу соціального захисту біженців, більше того, поставила на порядок денний вирішення конкретного складного завдання – організацію їх реєвакуації.

Кожне державне утворення – Російська імперія, УЦР, УНР, Українська Держава, відповідно до бачення проблеми, творило власну законодавчу базу в царині біженства. Слід зауважити, що до середини 1917 р. українські землі перебували в орбіті загальноросійського законодавства. Відтак, на них поширювались загальноімперські документи – «Закон про забезпечення потреб біженців», «Положення про забезпечення потреб біженців» (30 серпня 1915 р.) – одні з перших нормативних актів у ХХ ст., що окреслили саме поняття «біженець» та дали його юридичне тлумачення, а також «Керівні положення з улаштування біженців» (2 березня 1916 р.) у кількох редакціях²⁰.

Нормативні акти Російської імперії окреслили правовий статус біженців, гарантуючи їм низку прав під час евакуації та на місцях розселення: безкоштовне транспортування під час евакуації, надання житла, харчування, забезпечення одягом та взуттям, отримання безкоштовної медичної допомоги, забезпечення релігійних та освітніх потреб, соціальний захист дітей біженців та інвалідів, допомога у пошуку праці, надання юридичних послуг тощо. Серед обов'язків – необхідність працевлаштування, як одних із факторів економії державних коштів, що виділялися на утримання цієї суспільної категорії. Законодавство також визначило систему центральних та місцевих органів, покликаних регулювати проблеми біженців, роль та участь у ній самоврядувань, громадських спілок, духовенства різних конфесій та суспільного загалу в цілому, окреслено засади фінансування, звітності та контролю. Відтак імперська нормативна база охопила всі аспекти проблеми, скеровуючи владу та суспільство на організацію заходів щодо соціального захисту та адаптації біженців до нових умов життя.

Після повалення у лютому 1917 р. російського самодержавства на вирішення проблем біженців все більший вплив почали здійснювати Українська Центральна Рада – створений у березні цього року орган українського національно-визвольного руху, та проголошена нею в листопаді 1917 р. Українська Народна Республіка, яка з січня 1918 р. стала незалежною. 28 грудня 1917 р. Генеральний секретаріат УЦР затвердив «Тимчасові правила з управління справами допомоги біженцям в Україні», які фактично мали статус закону та регулювали усі аспекти політики УНР у царині біженства²¹. Нормативна база УЦР зберегла від своєї попередниці принципові положення щодо організації допомоги біженцям.

До правових новацій української влади належить нормативне забезпечення основ діяльності власних органів допомоги біженцям, поширення дії законодавства про біженців на українців, які перебували за межами України. Головним здобутком законотворчості УЦР у сфері регулювання проблеми біженців є винесення її на міжнародний рівень, коли на перемовинах у Брест-Литовську саме українська делегація уперше в дипломатичній практиці Європи виступила з ініціативами щодо міждержавного врегулювання питання їх репатріації. Головні засади міждержавної співпраці з цього питання зводилися до таких: «а) негайно утворити, згідно з мирним договором, відповідні змішані комісії, яких місцеперебуванням має бути Київ, де під рукою знаходяться усі матеріали і відомості; б) у комісіях спільно виробити правильний і такий, що відповідає місцевим умовам, план пересування; в) видати відповідне розпорядження Біженському Департаменту при Міністерстві внутрішніх справ щодо негайної реевакуації виселенців у прикордонну смугу України; г) плану рейвакуацію поза Україною, по можливості, розпочати не пізніше 25 березня цього року, щоби частина сільського населення теж могла повернутися до початку весняних польових робіт»²².

Згідно з українськими пропозиціями саме Київ, враховуючи, що Україна лежить в епіцентрі різновекторного руху біженців, мав стати місцем розташування регулюючих цей процес штаб-квартир міжнародних місій. Учасники Четверного союзу мислили інакше ніж Україна, а остання, підписавши «... мир демократичний, гідний, справедливий без анексій і контрибуцій»²³, практично залишилася наодинці з проблемами сотень тисяч біженців. Представники Австро-Угорщини та Німеччини, розглядаючи переговори з Україною й визнання її самостійності як протизаги Росії, отримання ринків збуту своїх товарів і джерело сільськогосподарської продукції, не вважали за потрібне рахуватися з гуманітарними пропозиціями української делегації.

Розробка відповідних правових засад за доби Гетьманату, по-перше, ґрунтувалася на досвіді УНР, що засвідчило спадкоємність у вирішенні важливих завдань внутрішнього життя, серед яких чільне місце посідала проблема біженців. По-друге, оскільки головним завданням влади і суспільства в окресленій царині стала реевакуація біженців, то законодавчі норми регулювали, насамперед, механізм організації допомоги після їх повернення додому. По-третє, юридичною новацією доби Української Держави стало розширення категорій осіб – заручники, німці-виселенці, німці-колоністи, – яких вона брала під свою опіку. Основним нормативно-правовим актом, покликаним регулювати сферу біженства в Українській Державі, став «Закон про Департамент і Крайову нараду у справах біженців»²⁴.

Упродовж війни зазнала перетворень і вертикаль державних органів, покликаних займатися проблемами біженців. В Російській імперії її формування розпочалося із запізнен-

ням, оскільки влада сподівалася на громадськість, створивши для цього Комітет Її Імператорської Високості Великої Княжни Тетяни Миколаївни для надання тимчасової допомоги постраждалим від воєнних дій, більш відомий серед біженецького загалу як Тетянинський комітет (вересень 1914 р.), фактичним керівником якого був О. Нейдгарт. Але із самого початку він набув ознак центрального державного органу у справах біженців. Свідченням цього став той факт, що основним джерелом фінансування його заходів були державні кошти. При цьому можна встановити закономірність: до моменту організації масового вивезення цивільного населення відповідно розпоряджень військової влади, основне джерело фінансувань склали благодійні внески, а вже згодом – державні асигнування. Ще одним аргументом на користь того, що Тетянинський комітет був однією із ланок державного механізму регулювання проблеми біженства, є той факт, що усі його губернські відділення очолювали місцеві губернатори. В окремих випадках саме вони виступали ініціаторами відкриття місцевих відділень комітету. При цьому унікальність ситуації полягала в тому, що комітет та його місцеві підрозділи, на підставі свого окремого Положення, підпорядковувалися лише Великій княжні Тетяні, що підкреслювало його особливий статус²⁵.

Проте офіційний статус громадської організації не давав можливості координувати діяльність державних органів влади у справі евакуації та розселення біженців. У зв'язку з цим царський уряд був змушений приступити до створення системи державних органів, яку склали Особлива нарада з улаштування біженців (далі – ОН з УБ) (вересень 1915 р.), спеціально створена при імперському МВС, два головуповноважені з улаштування біженців на Північно-Західному (С. Зубчанинов) та Південно-Західному фронтах (М. Урусов), 12 уповноважених з улаштування біженців усередині Російської імперії. Місцева вертикаль перебувала під патронатом губернаторів, котрі очолили й очолювали губернські наради з улаштування біженців (далі – ГН у СБ), яка й координувала усі заходи щодо опікування біженцями.

За доби УЦР поступово було започатковано українські урядові біженецькі структури – Крайову нараду у справах біженців (1917 р.) та у структурі Генерального секретарства, а згодом Народного міністерства внутрішніх справ – біженецький департамент²⁶. Очолював цю інституцію упродовж всього часу свого існування до падіння Гетьманату П. Скоропадського у грудні 1918 р. Ю. Старицький, син видатного українського письменника М. Старицького²⁷. При цьому місцева ланка біженецьких органів майже не зазнала реформувань, а на посадах залишилися досвідчені громадські діячі.

В Українській Державі центральною інституцією залишився біженецький департамент та оптимізована Крайова нарада у справах біженців як дорадча структура з правом прийняття колективних рішень в окресленій сфері. До сфери компетенції біженецького департаменту належала організація соціального захисту всіх категорій цивільного населення, переміщених у роки війни російською владою – біженців, заручників, німців-колоністів і виселенців-колоністів. При цьому допомогу передбачалося надавати «як у місцях їх тимчасового перебування, так і при поверненні на Батьківщину [українців, які поверталися до Волині та Поділля. – Л. Ж.]»²⁸.

У структурі департаменту було розширено штат спеціальних уповноважених. На місцях продовжували функціонувати ГН у СБ, та інституції у центрах отаманств – Києві, Одесі, Миколаєві, а також Таврійській і Поліській округах. Гетьманська влада не пішла на кардинальну зміну місцевої гілки влади у справах біженців, оскільки такий крок призвів би до руйнації всієї місцевої системи їх соціального захисту. На своїх посадах залишилися й члени повітових комітетів, які функціонували при повітових земських, міських і волосних управах. Головний принцип, яким користувалася влада за доби Гетьманату у цьому аспекті діяльності, був професіоналізм та досвід працівників.

Упродовж всього періоду Першої світової війни важливу роль у справі соціального захисту біженців відіграли місцеві самоврядування – губернські, повітові земські та міські управи, у структурах яких діяли спеціальні комітети допомоги біженцям. У багатьох випадках вони проводили свою роботу під патронатом Всеросійського земського союзу (далі – ВЗС) та Всеросійського союзу міст (далі – ВСМ), двох потужних громадських інституцій, утворених на хвилі патріотизму на початку Першої світової війни²⁹. За доби УЦР, не зважаючи на революційну риторіку, складні умови фінансування, внутрішньо та зовнішньополітичні негаразди, місцеві самоврядування продовжували надавати допомогу та підтримку біженцям, несучи за них відповідальність. Продовжилася їх діяльність і за

правління П. Скоропадського, не дивлячись на розбіжності поглядів влади та міських і земських управ, які здебільшого перебували в опозиції до Гетьмана. До того ж влада Української Держави намагалася покривати фінансові дефіцити по статтях витрат на біженців, які утворилися в часи УНР.

Активну участь у справі допомоги біженцям на хвилі патріотичного піднесення початкового етапу Першої світової війни узяли різні громадські структури. На українських землях діяла широка мережа етнічних комітетів – Центрального обивательського комітету губерній Королівства Польського, Польського центрального комітету допомоги жертвам війни, Центрального Єврейського комітету допомоги жертвам війни, Латиського центрального комітету з надання допомоги біженцям, Центрального комітету Литовського товариства з надання допомоги постраждалим від війни.

Осібнo у переліку етнічних комітетів допомоги біженців перебували українські інституції. Їх офіційне затвердження супроводжувалося значними труднощами, позаяк імперська влада, обіцяючи, наприклад, полякам автономію та широко підтримуючи їх організації, навіть припусти не могла щось схоже у бік українства. Негативним аспектом у цьому виступала відсутність на загальноросійському рівні благодійної структури, яка б займалася опікою українських біженців і була представлена в ОН з УБ. Відтак можна поставити під сумнів сентенцію деяких сучасних вітчизняних дослідників, які у своїх працях наголошують на «пасивності та інертності» тогочасного українського загалу у царині допомоги біженцям³⁰. Українці початку ХХ ст. просто не мали змоги сповна розгорнути свою діяльність.

Британський дослідник П. Гатрелл, називаючи українських біженців «незручними» для шовіністично налаштованої імперії, констатував цілком закономірні речі: «... активні екстремісти серед російських націоналістів опиралися будь-якій спробі звернути увагу на українську національність біженців. Представницьке Українське товариство викликало лють редактора «Спутника беженца», коли воно виступило з вимогою перейменувати «малоросійське товариство» на «Українське», як протипага російському народу. Проте його гнів і тривога не могли вплинути на те, що війна сприяла поширенню українських поглядів»³¹.

У подібному ключі пише у своїх спогадах і Д. Дорошенко, аналізуючи подвизницьку діяльність українських діячів Києва на ниві опікування прибулих до міста біженців. Ще восени 1914 р. ними було організовано благодійний гурток, проте навесні 1915 р., коли почали прибувати нові партії біженців, постало питання офіційного затвердження його діяльності. «Але на весну виявилось, що треба конче легалізувати цей гурток, перетворити його на товариство, яке могло б одверто і скрізь збирати й добувати кошти, одним словом – утворити офіціальний допомоговий український комітет. Про те, щоб дістати дозвіл на товариство під такою назвою – не було що й думати. За те після довгих клопотів в травні 1915 р. уряд затвердив статут «Общества помощи населения Юга России, пострадавшему от военных действий», що й було замаскованим українським комітетом»³².

Отже, першою українською громадською організацією, покликаною опікуватися українськими біженцями, слід назвати «Товариство допомоги населенню Півдня Росії, яке постраждало від війни», відоме серед біженецького загалу як «Товариство Півдня Росії». У травні 1915 р. його діяльність набула офіційного визнання. Відповідно до свого статуту товариство мало на меті надавати допомогу українцям прямо чи опосередковано постраждалим від воєнних дій. До району його компетенції належали території Бессарабської, Волинської, Київської, Катеринославської, Подільської, Таврійської, Херсонської, Холмської, Чернігівської губерній, Галичини і Буковини. Членами товариства могли бути особи різної статі, різного віросповідання, які співчували і виражали готовність сприяти реалізації його завдань³³. Головою на перших загальних зборах було обрано директора Київської філії Державного банку Я. Ігнатовича, заступником – Д. Дорошенка, а секретарем – М. Ішуніну, у помешканні якої й розмістилася канцелярія товариства³⁴. «До його складу ввійшло багато жінок, зокрема Людмила Старицька-Черняхівська, Наталя Дорошенко, Любов Шульгіна, її донька Наталя, Марія Ішуніна, що була секретаркою, Надія Ішук-Ішуніна, на яких, головним чином, і лежала вся праця. Зінаїда Мірна... проводила всю фінансову справу»³⁵.

За доби Української революції його було реорганізовано в Українське товариство допомоги жертвам війни, яке із серпня 1917 р. очолила З. Мірна³⁶. Продовжила свою роботу мережа спархціальних та різних добротинних інституцій допомоги біженцям. І УЦР, і

Українська Держава співпрацювали з благодійними та етнічними комітетами біженців, фінансували їх діяльність, сприяли їй, залучали їх очільників до розробки програмних документів.

Важливим напрямком діяльності системи біженецьких органів Російської імперії стало забезпечення в дорозі евакуйованих усім необхідним. Під час евакуації біженців українськими землями проходило 42 маршрути їх руху – 34 ґрунтовими шляхами та 8 водними. З осені 1915 р. до перевезення цих людей було залучено залізниці. За неповними даними, досить оперативно було відкрито 473 пункти, які забезпечували біженців транспортом, харчуванням, першою медичною допомогою, вели облік та ін. Серед них було 293 пункти харчування, 118 склали заклади різного медичного спрямування – фельдшерські пункти, щеплення, дезінфікуючі пункти, медичні й медико-розподільчі та ін. На зазначені потреби виділялися державні кошти та суми з місцевих бюджетів. Їх дефіцит, недооцінка владою проблеми на початку війни, труднощі організаційного характеру призвели до низки проблем уже у перебігу самої евакуації біженців. Відтак, маршрути евакуації для кількох мільйонів людей, які пройшли транзитом через українські землі, позначені придорожніми могилами рідних, загубленими в дорозі дітьми, втраченим майном і особистими трагедіями, які ще довго нагадували про себе.

Забезпечення життєво важливих потреб біженців на місцях їх нового проживання склало цілий комплекс проблем, вирішити які до кінця не вдалося ні органам влади Російської імперії, ні УЦР – УНР, ні Українській Державі. На перешкоді постала низка негативних об'єктивних факторів, головним з яких була війна, що тривала і руйнувала економічні підвалини держави. Незважаючи на це, було організовано розселення біженців, створено мережу притулків, налагоджено харчування, лікування у земських та міських медичних закладах, забезпечено одягом та взуттям, дітям біженців надано можливість продовжити навчання, а для дорослих створені умови для пошуку праці та ін. Зазначені заходи певним чином полегшували становище цих людей, дозволяючи частині з них адаптуватися до місцевого соціуму. Але поступово із погіршенням ситуації на фронті, наростанням негативних явищ в економічному і політичному житті Російської імперії спостерігається згоргання державного фінансування біженецьких програм. Безумовно, все це негативно відбилося на житті самих евакуйованих. З кожним новим роком війни трансформувалося й ставлення місцевого населення до біженців: від загальної хвилі співчуття до нагнітання локальних конфліктів різного характеру.

Процес творення на руїнах Російської імперії незалежних держав фактично вивів проблему біженців Першої світової війни на міжнародний рівень, коли українська влада, перш ніж організувати власне процес їх повернення, мала врегулювати низку проблем дипломатичного характеру. Надзвичайно складною проблемою була організація реєвакуації біженців, ініційована урядовими структурами УНР та реалізована за доби Гетьманату. План реєвакуації біженців, розроблений за участі фахівців-професіоналів з різних міністерств і відомств УНР, заклав правові, міжнародні, фінансові, організаційні й технічні засади цього процесу. Вперше на теренах колишньої Російської імперії ставилася проблема повернення додому сотень тисяч цивільного населення.

Урядові структури Гетьманату направили свої зусилля на втілення у життя цього плану, виділивши з Державної скарбниці понад 13 млн. крб. На ці кошти, вже на літо 1918 р. біженецький департамент Міністерства внутрішніх справ за підтримки органів виконавчої влади, місцевих самоврядувань, громадських організацій налагодив механізм перевезень біженців, влаштував мережу пунктів реєстрації та допомоги, спеціальних таборів тимчасового перебування. До врегулювання процесу реєвакуації були залучені австро-угорська, німецька та польська перевізні комісії³⁷. Цікаво, що польська перевізна комісія працювала і у Кременчуці. Одночасна різновекторно направлена реєвакуація значної кількості населення та зустрічного руху українських військовополонених була позначена низкою труднощів, пов'язаних з використанням залізниць, небажанням окупаційної адміністрації надавати дозволи на перетин кордону окремим етнічним групам біженців, а новою владою Польщі, Литви, Латвії приймати своїх земляків, боячись занесення більшовицької ідеології. Та все ж можна зробити висновок: основна маса біженців, що перебували на українських теренах, все-таки змогла повернутися до своїх домівок саме за доби Гетьманату.

Таким чином, Україна упродовж Першої світової війни, перебуваючи спочатку у складі Російської імперії, а після Лютневої революції, створивши власні державні інституції,

зуміла організувати соціальний захист біженців, показати приклади жертовної допомоги, здатність українського загалу до співчуття та толерантного ставлення до етнічних біженців. У 1918 р. за доби Гетьманату Павла Скоропадського Україна стала одним із перших на європейському континенті державних організацій, який започаткував безпрецедентну акцію повернення цих людей до своїх домівок. Угоди української сторони з австро-угорськими, німецькими, польськими та російськими представництвами щодо репатріації біженців стали одним із перших у ХХ ст. прикладів міждержавного регулювання нової гуманітарної проблеми, з якою зіткнулася цивілізація, розплачуючись за амбіції колишніх імперій.

¹ Жванко Л.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 pp.). – Х. : А.П. Віровець «Апостроф», 2012. – С. 436

² Dasko Henryk. Remarque, kronikarz uchodźców. – URL: <http://serwisy.gazeta.pl/wyborcza/1,34474,3090444.html> (дата звернення: 15.03.2015).

³ Вербер Кесці. Керовані вороги // Український тиждень. – 2011. – № 21 (186). – С. 81

⁴ Велика війна 1914–1918 pp. і Україна. У 2-х кн. – Кн. 1: Історичні нариси / Упоряд. О.П. Реєнт. Ред. кол. В.А. Смолій (голова), НАН України, Інститут історії України. – К. : ТОВ Видавництво «Кліо». – 784 с.

⁵ Реєнт О.П. Перша світова війна в українській історіографії / О.П. Реєнт, Б.М. Янишин. // Велика війна 1914–1918 pp. і Україна. – С. 18–60.

⁶ Жванко Л.М. Соціальні виміри Української Держави (квітень – грудень 1918 р.): монографія. – Х. : Прапор, 2007. – 224 с.; *Її ж.* Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали: монографія. – Х.: ХНАМГ, 2009. – 360 с.; *Її ж.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 pp.): монографія. – Х.: А.П. Віровець «Апостроф», 2012. – 568 с.; *Її ж.* Політика українських національних урядів щодо біженців // Велика війна 1914–1918 pp. і Україна. У 2-х кн. – Кн. 1: Історичні нариси / Упоряд. О.П. Реєнт. Ред. кол. В.А. Смолій (голова), НАН України, Інститут історії України. – К. : ТОВ Видавництво «Кліо». – С. 511–534.; *Її ж.* Біженство Першої світової війни: українські акценти // Перша та друга світові війни в історії людства (до 100-річчя початку Першої і 75-річчя початку Другої світових воєн): Монографія / Наук. ред. проф. С.С. Трояна. – К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2014. – С. 190–206. Загалом дослідниця має понад 100 наукових публікацій з тематики біженства Першої світової війни, з яких – 30 уміщено у виданнях Республіки Білорусь, Латвії, Литви, Німеччини, Польщі, Росії, Японії. Нині вона є співавтором ідеї міжнародного проекту «Уся Європа в русі: Велика війна і біженці 1914 – 1918» (“Europe on the Move: the Great War and its Refugees, 1914-1918”) та співредактором майбутньої однойменної колективної монографії. (Грант Британської Академії наук).

⁷ Лихачова Т.М. Культурно-просвітницька робота серед біженців-поляків з Королівства Польського в роки Першої світової війни // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії: зб. наук. пр. – Х., 2007. – Вип. 10. – С. 86–94.; *Її ж.* Польські біженці в Росії (серпень 1914 р. – листопад 1917 р.) : дис. ... канд. іст. наук. – Х., 2010. – 220 с.; *Її ж.* Польські організації допомоги жертвам війни в системі державної та суспільної опіки над біженцями на Сході (1914–1921 pp.) // Polska dyplomacja na Wschodzie w XX – początkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcją H. Strońskiego i G. Seroczyńskiego. – Olsztyn – Charków, 2010. – S. 33–51.

⁸ Реєнт О.П. Перша світова війна в українській історіографії / О.П. Реєнт, Б.М. Янишин // Велика війна 1914–1918 pp. і Україна. – С. 50.

⁹ Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни часів Російської імперії: головні напрямки зарубіжної історіографії // Історіографічні дослідження в Україні / Ред. кол.: В.А. Смолій (голова). НАН України. Ін-т історії України. – Вип. 24. – К.: Ін-т історії України НАН України 2014. – С. 373–394; Жванко Л.Н. Первая мировая война и беженцы на Восточном фронте: новые исследования (конец XX – начало XXI века) (Аналитический обзор) // Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 193–214; Жванко Л.Н. Беженство Первой мировой войны в исследованиях российских историков // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей / Под ред. проф. Г.В. Кретицина. – Калининград: «Живём», 2013. – С. 207–214.

¹⁰ Zhvanko Liubov. Ukraine. – URL: <http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/ukraine>

¹¹ Берест І.Р. Соціальне становище населення Східної Галичини і Західної Волині в роки Першої світової війни : дис. ... канд. іст. наук. – Львів, 2009. – С. 94.

¹² Потик С.Д. Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. – К., Чернівці: Золоті литаври, 1999. – С. 69.

¹³ Берест І.Р. Соціальне становище населення Східної Галичини. ... – С. 101.

¹⁴ Толокньов І.В. Залізничний транспорт України в період Першої світової війни (1914–1918 pp.) : дис. ... канд. іст. наук. – К, 2000. – С. 23–24.

- ¹⁵ Собрание уполномоченных губернских земств 7–9 сентября 1915 г. в Москве // Известия ГК ВЗС. – 1915. – № 24. – 10 октября. – С. 16.
- ¹⁶ Журнал заседаний Екатеринославского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (С 15 по 23 января 1916 года). – Екатеринослав: Тип. губ. земства, 1916. – С. 379.
- ¹⁷ Державний архів Харківської області (далі – Держархів Харківської обл.), ф. 18, оп. 21, спр. 10, арк. 140.
- ¹⁸ Центральний державний історичний архів України в м. Києві (далі – ЦДІАК України), ф. 715, оп. 1, спр. 3071, арк. 9зв.
- ¹⁹ Там само, арк. 1зв.
- ²⁰ Жванко Л.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.) : монографія. – Х.: А.П. Віровець «Апостроф», 2012. – С. 93, 108.
- ²¹ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України), ф. 1115, оп. 1, спр. 1, арк. 66–69.
- ²² ЦДАВО України, ф. 2592, оп. 1, спр. 85, арк. 7.
- ²³ Державний архів Житомирської області, ф. Р-2399, оп. 1, спр.1, арк. 74.
- ²⁴ ЦДАВО України, ф. 1216, оп. 3, спр. 129, арк. 6зв.
- ²⁵ Державний архів Полтавської області, ф. 992, оп. 1, спр. 1, арк. 19зв.
- ²⁶ ЦДАВО України, ф. 1115, оп. 1, спр. 24, арк. 11–11зв.
- ²⁷ День. – 2002. – 5 вересня.
- ²⁸ ЦДАВО України, ф. 1216, оп. 3, спр. 129, арк. 6.
- ²⁹ Безугла О. Взаємини керівництва ВЗС та правлячих кіл Росії: до постановки проблеми // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Чернігів: Вид-во ЧДПУ, 2004. – Вип. 27. – С. 82.
- ³⁰ Загребельна Н. Велика війна: українство і благодійність (1914–1917 рр.) / Н. Загребельна, І. Коляда. – К.: Ін-т історії України НАН України, Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова, 2006. – С. 62; Лазанська Т.І. Становище біженців в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2009. – Вип. XVI. – С. 233.
- ³¹ Гатрелл П. Беженцы в России в период Первой мировой войны // Исторические записки: статьи. – М.: Наука, 2004. – Т. 4 (122). – С. 64.
- ³² Дорошенко Д.І. Мої спогади про недавнє минуле (1914–1920 роки): Науково-популярне видання. – К.: Темпора, 2007. – С. 47.
- ³³ Хроника // Юго-Западный край. – 1915. – 24 июля.
- ³⁴ Дорошенко Д.І. Мої спогади про недавнє минуле (1914–1920 роки). – С. 47–48.
- ³⁵ Українки в історії / За заг. ред. В. Борисенко. – [2-е вид. стереотип.]. – К.: «Либідь», 2006. – С. 132.
- ³⁶ Там само. – С. 133.
- ³⁷ Жванко Л.М. 1918 рік та Україна: врегулювання проблеми біженців // ROK 1918 w Europie Środkowo-Wschodniej. – Białystok, 2010. – S. 605.

СТВОРЕННЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ МУЗИЧНО-ДРАМАТИЧНОГО ТОВАРИСТВА ІМЕНІ М. ЛИСЕНКА В ТАБОРІ ВЕЦЛЯР (НІМЕЧЧИНА) У 1915–1916 РР.

М. І. Срібняк

Срібняк М. І. Створення та діяльність Музично-драматичного товариства імені М. Лисенка в таборі Вецляр (Німеччина) у 1915–1916 рр. У статті йдеться про заснування та початки діяльності Музично-драматичного товариства імені М. Лисенка в таборі полонених царської армії Вецляр (Німеччина), творчі зусилля членів якого створили сприятливі умови для інтенсифікації процесу національного освідомлення полонених українців. Попри всі провокації російських чорносотенців український таборовий театр успішно виконав свою шляхетну місію у справі патріотичного виховання таборян.

Ключові слова: Перша світова війна; військовополонені; українці; художня самодіяльність.

Срибняк М. И. Создание и деятельность Музыкально-драматического общества имени Н. Лысенко в лагере Вецляр (Германия) в 1915–1916 гг. В статье проанализировано создание и начало деятельности Музыкально-драматического общества имени Н. Лысенко в лагере военнопленных царской армии Вецляр (Германия), творческие усилия членов которого позволили интенсифицировать процесс формирования национального сознания военнопленных украинцев. Несмотря на все провокации российских черносотенцев, украинский театр успешно выполнил свою благородную миссию в деле патриотического воспитания украинцев.

Ключевые слова: Первая мировая война; военнопленные; украинцы; художественная самодетельность.

Sribnyak M. I. Creation and Activity of M. Lysenko Music and Drama Society in the camp Wetzlar (Germany) in 1915-1916. The article deals with the establishment and the beginning of Music and Drama Society of Lysenko camp prisoners imperial army Wetzlar (Germany), the creative efforts of the members who werw allowed to make favorable conditions for intensification of the process of formation of national consciousness of Ukrainian prisoners. Despite all the provocations of Russian Black Hundreds, Ukrainian camp theater successfully fulfilled its noble mission for patriotic education of prisoners.

Key words: First World War; prisoners of war; Ukrainians; amateur talent groups.

XX століття вражає величезною кількістю буремних подій, які змінили хід історії та світогляд цілих поколінь. До їх числа належить і Перша світова війна, яка залишала болісний слід у долях мільйонів людей. Прагнення урядів провідних європейських держав перекроїти кордони призвело до кардинальних змін геополітичної ситуації в світі, створивши разом з тим можливості для відродження національної державності на українських землях. Але для України війна була одним із найтяжчих випробувань, адже українці опинилися по різні боки фронту. На той час переважна більшість європейців не вважали українців окремою нацією, відносячи їх до складу російського або польського народів.

Більше того, багато українців у Російській імперії через свою неосвіченість та страх перед російськими самодержцями також не усвідомлювали себе окремим народом. Перша світова війна частково знищила ці стереотипи, що сталося у тому числі й завдяки підтримці Німеччини й Австро-Угорщини Союзу Визволення України (СВУ) в таборах для полонених українців. Держави Четвірного Союзу прагнули послабити Російську імперію й Антанту, тому вони прихильно поставилися до національних прагнень українського народу і, зокрема, доклали значних зусиль для полегшення становища тієї категорії полонених українців зі складу царської армії, які визнавали себе такими та погодилися залишитись в українізованих таборах в Німеччині (Раштат, Вецляр, Зальцведель).

Уряди центральних держав прямо чи опосередковано сприяли культурному розвитку та національному освідомленню полонених українців (цей процес спрямовувався СВУ). Водночас слід відзначити, що таборяни були змушені тяжко працювати на користь Німеччини та Австро-Угорщини в копальнях, на фабриках і заводах, в аграрному секторі. Але, дбаючи про свою користь, згадувані держави розуміли найнагальнішу потребу військово-

політичного послаблення Російської імперії, яка несла загрозу європейській цивілізації. В цій ситуації лише від'єднання від імперії її «окраїн» та створення в цих межах національних держав, і зокрема незалежної України, дозволяло відсунути російські кордони далі від німецьких і австрійських земель, та ускладнити Москві здійснення експансіоністської політики, у т.ч. і на балканському напрямі. Саме завдяки такій настанові урядів Німеччини та Австро-Угорщини у згадуваних таборах стало можливим заснування шкіл грамоти, просвітніх гуртків, театрів, музичних та драматичних товариств, завдяки чому полонені могли розкрити свої таланти й відпочити душею після тяжкої праці.

Дана тема ще не була предметом вивчення в українській та зарубіжній історіографії, до неї лише епізодично звернулись П. Лисецький¹ (який провадив організаційно-просвітницьку роботу в цьому таборі, що дозволяє віднести його статтю до джерел), а також сучасні дослідники – І. Срібняк² та Л. Кривошеєва³. Для відтворення діяльності Музично-драматичного товариства у таборі Вецляр авторка цієї статті використала документи з Центрального державного архіву вищих органів влади і управління України (фонд 4382), які мають першоджерельне значення для реконструкції історії його розвитку. Важливе значення для вивчення даної теми мають матеріали преси, які можна почерпнути зі шпальт таборової газети «Громадська Думка»⁴.

Початки національно-патріотичної роботи в таборі Вецляр були закладені членами СВУ Р. Смаль-Стоцьким, Матієвським і Початком у вересні 1915 р., одним з перших кроків яких стало заснування мистецьких гуртків. Намагаючись розбухати закостенілу солдатську масу полонених, українські діячі вважали за доцільне активізувати саме артистично-співочу складову освідомлюючої роботи в таборі. Таке їх позиціонування усувало підстави для сплесків антиукраїнської істерії з боку чорносотенців у таборі, яким на цьому етапі ще вдавалось нав'язувати свої погляди переважній більшості затемнених великодержавницькою пропагандою полонених українців. Пропозиція приєднатись до аполітичної справи – взявши «участь в розвою і плеканні Української штуки» – привернула окремих освічених таборян, які мали відповідні мистецькі нахили (вміли співати чи грати на музичних інструментах, мали здатності до декламування чи малювання)⁵.

Цьому сприяв й стихійний потяг полонених українців до народної пісні, коли дехто з них на початку жовтня 1915 р. почали збиратись для хорового співу. На ці «проби» приходило досить багато таборян, навіть ті, хто не наважувався відвідувати політичні віча чи школу для неписьмених. Намагаючись допомогти «хористам», майстри з числа полонених вирізали з дерева кілька музичних інструментів (балалайки, гітари), так що виступи хору вже супроводжувала імпровізована «струнна орхестра». Вже до кінця жовтня таборівці співаки та музиканти щонеділі виступали з концертами народного співу⁶.

Справі об'єднання українського мистецького активу сприяла та обставина, що «для зручності і більшого звязку товаришевських відносин» комендатура табору надала окремий барак (т. зв. «співацький»), до якого й були переведені всі ті аматори з числа полонених, хто виявив сміливість підтримати таборове мистецьке життя своєї власною участю у такій роботі. Необхідно відзначити, що спочатку таких полонених знайшлося дуже мало (лише кілька осіб), але з розвитком української організаційно-просвітницької роботи до участі у мистецьких гуртках стала зголошуватись чим раз більша кількість таборян. На цьому етапі розвитку «Товариства співаків і музикантів» (як окремої секції української таборової організації) у трьох гуртках (співацькому, «музикантському» і артистичному) загалом перебувало 40 осіб. Найбільшу активність виявляли керівники гуртків – полонені І. Біляєв, Коваль, Ю. Рудий⁷.

Вже у листопаді 1915 р. товариство заявило про себе щотижневим проведенням (у суботу та неділю) вокально-музичних концертів для таборового загалу, які відбувались в окремому баракі, призначеному для просвітницької роботи в таборі. Перші виступи таборових аматорів – співаків і музикантів – збирали до 300 слухачів, але найголовнішим досягненням стало те, що «в таборі поміж людьми прокинулася цікавість і заохота до Рідної пісні і музики», а крім того – полонені «не стали вже так сильно страхатись і жахатись і що неділі повно приходило на концерти і хто себе почував здібним, прилучалися до [...] участі в діяльності гуртків». Велика заслуга у тому належала членам Просвітнього відділу СВУ в таборі – вже згадуваним Р. Смаль-Стоцькому, Матієвському та Початку⁸.

Члени гуртків регулярно проводили свої загальні збори, на яких, зокрема, вирішувались питання прийому нових членів та обговорювався хід підготовки чергових концер-

тів, а також їх репертуар. В такий спосіб члени гуртків призвичаювались до різних форм громадського життя, але динаміка його розвитку була дуже повільною. Справа в тім, що українській роботі в таборі (у т.ч. й мистецькій) чинились серйозні перепони з боку «ворожих елементів, які час від часу виринали із гуртків і своєю неприхильністю і потайною агітацією вносили баламутство і різні неприємні замішання»⁹.

Не припинялась активна антиукраїнська агітація й в самому таборі, що, зокрема, виявилось у спробах окремих осіб з числа полонених отримати дозвіл на вшанування російського самодержця Ніколая II в день св. Миколая (6 грудня 1915 р.). Це супроводжувалось чорносотенною агітацією на кшталт: «Не забувайте товарищи, что мы есть [...] солдаты русской армии! И должны придерживаться военной дисциплины и повиноваться старшим по званиям (унтер-офицерам), которых между нами найдется не один!...». Ці «ура-патріотичні» галасування мали своєю метою нагадати полоненим про всі «принуди» російської палочної дисципліни в армії, а крім того за участь в українській роботі, навіть цілком аполітичного змісту, українським активістам погрожували тяжкими карами після повернення додому. Ці погрози «дуже вразливо відбилися на слабких натурах, які незабаром почали виступати (виходити – М. С.) з товариства», а серед інших – посягли на непевність і вагання¹⁰.

«Чорна сотня» використовувала будь-яку нагоду аби зашкодити українській справі. Навіть збір пожертв на січових стрільців у передріздвяні дні 1915 р., який був ініційований П. Карманським і Матієвським, був представлений малоросами таким чином, що нібито «ці жертви будуть повернені (використані – М. С.) на «знаряди», а у нас є старі батьки, матері, діти, ми й так бідні!...». Врешті-решт ця акція викликала цілковите обурення у частини полонених, і мала своїм наслідком те, що зі складу товариства вийшла ще кілька її членів¹¹.

Попри цей тимчасовий успіх чорносотенців, театральні артисти продовжували репетиції, і вже невдовзі зуміли довести всім своє право існування. І вже перша їх вистава – водевіль М. Кропивницького «По ревізії» – у супроводі «мандолінової оркестри», що була підготовлена членами музикально-драматичного товариства на перший день Різдва (7 січня 1916 р.) у щойно збудованому та відкритому з цієї нагоди «Народньому Домі», справила на полонених надзвичайно сильне враження. Вони заповнили практично всі міста для глядачів, а після закінчення вистави піднесено «вітали тов[аришів] артистів гучними оплесками. Успіх був великий [...]», завдяки «чому піднявся настрій і заохота до дальшої праці» у всіх членів товариства¹².

Новий імпульс розвитку мистецької справи в таборі дала зміна персонального складу таборового Просвітнього відділу СВУ в січні 1916 р. – у цей час до Вещляру прибули Б. Лепкий, В. Пачовський, Р. Перфецький, К. Терлецький, В. Лисецький і М. Корбуда, після чого «життя в товаристві стало оживати, і діяльність товариства стала більше активною». Одним з перших кроків у цьому напрямку стало укладання статуту «Музично-Драматичного товариства імені М. Лисенка» (розробник – К. Терлецький), який був представлений загальним збором товариства 11 лютого 1916 р. на затвердження. У відповідності до його положень тоді ж було обрано правління (у складі 13 осіб), розроблено план діяльності, досягнуто домовленість з комендатурою табору про виплату щомісячної допомоги у розмірі 8 марок кожному члену товариства¹³.

Проте такий розвиток подій не влаштував російських шовіністів, які все ще залишались в таборі, уміло маскуючи свої дійсне ставлення до української справи. Намагаючись перешкодити подальшому поступу національної культурно-освітньої роботи в таборі радикальні елементи з їх числа вдались до «найнекультурнішого, гидкого, ганебного способу (який тільки Росія може вживати при погромі жидів (євреїв – М. С.) і борцями за волю)», та змовились зірвати виставу та залякати українських активістів. Цей план тримався в таємниці, і був реалізований 12 лютого 1916 р. під час вистави водевілю «Лихо не кожному лиху, іншому й талан». Під час вже останньої сцени в залі «счинилось якесь замішенне, а далі в миг почувлись галасування «Долой Україну!», «Боже царя храни!», «Бей українців!»¹⁴.

Всіх охопила страшенна паніка, ніхто з глядачів не міг й увявити собі такого розвитку подій, вони не знали куди втікати, до того ж людей було повнісінький театр. Відтак почалась сильна давка, на задніх рядах зчинилась бійка. Поява вартових у залі тільки посилила колотнечу, бо ті почали гукати, що стрілятимуть. «З сильним напруженням повалився

нарід прямо через голови, хто куди попав [...] Страшенною лавою кинулись на сцену до артистів. Зламали декорацію, потрощили електричні лампочки, потоптали музичні інструменти і деяких акторів виволокли з собою на двір. А в салі все ще витягали «Боже царя храни» і кричали «Долой Україну!».

Після цього стихія виплеснулась на зовні, «і весь цей шум, гам понісся по табору». Німецькі вартові вдалися до арештів ініціаторів цієї провокації, яких спроваджували до «штрафбараку». Наступного дня всіх заарештованих зібрали в Народньому Дому, і після слідства деяких полонених було вивезено з табору, решта – визнала свою провину та залишилась у Вецлярі. Ця антиукраїнська демонстрація стала останньою конвульсією чорносотенців, які після цього вже не наважувались відкрито виступати проти українства. «З того часу пішла робота прискореним темпом, без всяких перепон» як у масштабах усього табору, так і для Музично-драматичного товариства.

З 15 березня німецька комендатура табору стала виплачувати грошову допомогу (8 марок щомісячно) кожному членові товариства, що сприяло збільшенню його чисельності. За визначенням члена Музично-драматичного товариства М. Діхтяра, «театр в таборі став головним центром і той, що боявся навіть підійти близько до місця, де можна було почути просвітне слово, йшов проти своєї волі до театру, і непомітно для самого себе скорявся, брав національну свідомість і прихилився до української справи»¹⁵.

Заходами Просвітнього відділу табір отримав духові інструменти, що дозволило утворити справжній оркестр (відтоді всі глядачі у великій залі Народнього Дому отримали можливість чути музичний супровід до вистав). З того часу, як зазначалось у нотатках до історії розвитку Музично-драматичного товариства ім. М. Лисенка, у «Народньому Домові дійсно починається справжнє життя. Ідуть щонеділі вистави, гримить духово оркестра, виступає хор співаків, витанцювується український гопак, з'являються на сцені історичні п'єси, які дають глядачам гарних борців-козаків за волю і свободу, пересовується перед очима вся та славна минувшина нашої покривдженої України»¹⁶.

З цього часу «почалась дійсно велика просвітна праця товариства», до його складу почали зголошуватись все нові та нові члени, так що його кількість збільшилась до понад 100 осіб. Таборяни вже не зважали на підступні нашепти прихованих чорносотенців та малоросів, бо «страхи відступились на задній плян», натомість «запанували естетичні почуття і пориви до рідної штуки (мистецтва – М. С.)»¹⁷. Вже навесні 1916 р. «діяльність кипіла і товариство з ще більшою енергією взялось проявлять сценічну діяльність». Взагалі у цей час «театр в таборі став головним центром і той що боявся навіть підійти близько до місця, де можна було почути просвітне слово, йшов проти своєї волі до театру, і непомітно для самого себе скорявся, брав національну свідомість і прихилився до Української справи»¹⁸.

Найактивнішими членами Музично-драматичного товариства ім. М. Лисенка були полонені І. Біляєв, І. Кривохижа, М. Діхтяр, Д. Надежкін, Г. Поліонський, М. Планк, Г. Шевель, Т. Іванів, І. Бондаренко, А. Демченко, І. Тітаренко, С. Шабалін, Ю. Рудий, Г. Кононов, С. Козіцький, а також член Просвітнього відділу СВУ К. Терлецький. Станом на 1 січня 1917 р. до складу товариства входило 115 членів. Стараннями згаданих полонених та інших членів Музично-драматичного товариства у таборі було підготовлено цілу низку концертів та театральних вистав (крім вже згадуваних), у т.ч.: «Назар Стодоля», «Невольник», «Сто тисяч», «Помирились», «Украдене щастя», «Наймичка», «Шельменко Денщик», «Сватання», «Дай серцю волю, заведе в неволю», «Щире кохання», «Безталанна», «Бурлака», «Сватання на Гончарівці», «Мартин Боруля», «Суєта», «Розумний і Дурень» та ін.¹⁹

Діяльність Музично-драматичного товариства ім. М. Лисенка у таборі Вецляр неможливо переоцінити, бо творча діяльність його членів створила сприятливі умови для інтенсифікації процесу національного освідомлення полонених українців. Концерти народної музики та співу, вистави п'єс українських авторів пробуджували в душах полонених українців світлі спогади про рідний край, а крім того слугували потужним засобом патріотичного виховання таборян, доповнюючи роботу освітніх курсів та різних гуртків, що врешті-решт дозволило виплекати чисельну когорту відданих Батьківщині українських громадян. Український театр, хор та духовий оркестр у Вецлярі стали тією могутньою тріадою, яка пробудила наших земляків від віковичної сплячки та повернула їм їх національну душу.

Додаток

Статут Музично-Драматичного Товариства імени Миколи Лисенка у Вецлярі

Вецляр, табір полонених Українців
Друкарня «Союза Визволення України» у таборі Вецляр.

1. Назва і ціль Товариства

§ 1. Товариство має назву: Музично-драматичне Товариство ім. Миколи Лисенка у Вецлярі.

§ 2. Цілею (ціллю, метою – М. С.) Товариства є плекати музику, передовсім українську, і драматичну sztukę (мистецтво – М. С.).

Товариство провадить тому науку сольового і хорального співу, науку інструментальної музики, науку теорії музики, вправи театральних вистав, устроює концерти, патріотичні обходи і театральні вистави.

2. Склад Товариства, права й обов'язки членів

§ 3. Товариство складається зі звичайних і почесних членів.

§ 4. Звичайним членам Т[оварист]ва може бути кождий Українець, полонений вецлярського табору, як і взагалі кождий Українець, який має вступ до вецлярського табору, що його прийме в члени Т[оварист]ва Виділ (управа, вибірний керівний орган Товариства – М. С.) на внесенє учителів школи Т[оварист]ва.

§ 5. Почетним членом Т[оварист]ва може бути кождий, що його таким заіменує Загальне Зібранє на внесенє Виділу.

§ 6. Кожний член Т[оварист]ва має право: а) активного і пасивного вибору до всіх виконуючих органів в Т[оварист]ві, д) брати участь в Загальному Зібраню Т[оварист]ва з рішаючим голосом.

§ 7. Кожний звичайний член Т[оварист]ва є обов'язаний належати або до хору, або до оркестри, або до театральної дружини, брати участь у виставах Т[оварист]ва і точно платити 5 фен[иків] (пфенігів, в одній німецькій марці – 100 пфенігів – М. С.) членськ[ої] вкладки. Почетний член ніяких обов'язків не має.

3. Утрата прав членських

§ 8. Членом Т[оварист]ва перестає бути сей, що його Виділ виключив з Т[оварист]ва. Виключеннє може наступити або тоді, як член не сповняє своїх обов'язків зглядом Т[оварист]ва, або робить на шкоду його. Виключений може відкликатись до Загального Зібраня.

4. Власти в Товаристві

А) Загальне Зібранє

§ 9. Найвищою властиво в Т[оварист]ві є Загальне Зібранє членів Т[оварист]ва, від якого рішень нема відклику з боку членів Т[оварист]ва.

§ 10. Право участі на Загальному Зібраню мають всі члени Т[оварист]ва і всі учителі музично-драматичної школи з рішаючим голосом.

§ 11. Всі ухвали Загального Зібраня може Генер[альна] Старшина уневажнити.

§ 12. Звичайне Загальне Зібранє Т[оварист]ва відбувається що два місяці. Надзвичайне Загальне Зібранє може відбуватись і частіше, як се уважає Виділ Т[оварист]ва потрібним, а мусить вже відбуватись, як сього зажадає 10 членів Т[оварист]ва з поданем денного порядку Загального Зібранє.

§ 13. Предметом нарад Звичайного Загального Зібраня мусить бути: 1) справозданнє з діяльності уступаючого Виділу, 2) вибір членів Виділу поодинокі і комісії контрольної, 3) можуть бути і інші справи, що в'язуться з життєм Т[оварист]ва.

§ 14. Предметом нарад Надзвичайного Загального Зібранє можуть бути всякі справи, що їх поставлено на денний порядок.

§ 15. Рішення Загального Зібранє западають абсолютною більшістю голосів. До важности ухвали треба присутности половини членів Т[оварист]ва, а якби сеї не було, то найблище Загальне Зібранє може відбутись при яким небудь числі членів Т[оварист]ва.

§ 16. Реченєць Загального Зібраня мусить бути два дні перед тим оголошений.

Б) Виділ

§ 17. Виконуючою властю в Т[оварист]ві є Виділ. Виділ складається з членів вибраних загальним зібранням: голови, заступника голови, скарбника, бібліотекаря, господаря, секретаря, двох заступників виділових і з учителів музично-драматичної школи, іменованих Виділом товариства. Всі члени Виділу мають рішачий голос в засіданнях. Голова голосує лишень в разі рівності голосів, заступники виділові – в разі несутності членів Виділових.

Рішення падають абсолютною більшістю голосів.

§ 18. Предметом нарад Виділу мають бути справи передані до поагодження Загальним Зібранєм, справи адміністраційні, устроювання концертів, патріотичних обходів, вистав театральних, прийняте і виключенне членів і всякі справи, що вяжуться з життєм Т[оварист]ва. Виділ приймає членів лишень на внесене учителів школи, а виключати може також і з власної ініціативи.

§ 19. Діяльність Виділу обіймає два місяці; по двох місяцях обовязаний Виділ скликати Загальне Зібранє і на нїм здати справозданє зі своєї діяльності.

В разі потреби може Виділ скликати надзвичайне Загальне Зібранє, а мусить те зробити на жаданє 10 членів Т[оварист]ва.

§ 20. Всі ухвали Виділу можуть бути уневажені Загальним Зібранєм Т[оварист]ва і Генеральної Старшини.

В) Комісія контрольна

§ 21. Комісія контрольна складається з трох членів, вибраних на Загальнім Зібраню. Вона має контролю над маєтковим станом Т[оварист]ва і право участі на засіданню Виділу Т[оварист]ва з дорадчим голосом.

Г) Кружки

§ 22. В Т[оварист]ві можуть завязатись гуртки, яких діяльність відповідає цілі Т[оварист]ва. Сї кружки можуть на своїх нарадах ухвалювати внесеня, що відтак потрібують затвердження Виділу Т[оварист]ва. Голови ціх кружків мають право участі на Виділових засіданнях з рішачим голосом.

5. Школа Товариства

§ 23. При Товаристві є музично-драматична школа.

6. Учителі школи

§ 24. Учителями школи можуть бути сї, що їх такими іменує Виділ Т[оварист]ва. Збір учительський складається з: 1) Режисера театрального гуртка, 2) диригентів вокальної і оркестральної музики. Режисер артистичного гуртка, підготовляє театральні представленя, диригенти підготовляють хор і оркестру до концертних виступів. Всі учителі музично-драматичної школи є членами Виділу з рішачим голосом. Вони є обовязані скласти справозданя перед Виділом Т[оварист]ва. Діяльність їх триває так довго, поки Виділ Т[оварист]ва в сїм згляді не рішить инакше. Учителі школи не можуть в инакшїм характер, як лишень учителі, належати до Виділу Т[оварист]ва.

7. Майно Товариства

§ 25. Майно Т[оварист]ва складається зі членських вкладок, річей і фондів грошевих, придбаних Т[оварист]вом. Майном заряджує Виділ Т[оварист]ва. Виділ може ужити фонди Т[оварист]ва лишень на цілі, звязані з життєм Товариства.

8. Скарги

§ 26. Спори між членами Т[оварист]ва поагоджує остаточно мировий суд, зложений з 5 членів Т[оварист]ва, вибраний обома спорячими сторонами. Спори між Т[оварист]вом та иншою організацією таборовою рішає Генеральна Старшина.

9. Висмкові постанови

§ 27. В разі непредвиджених обставин може Генеральна Старшина змінити організацію Т[оварист]ва або його розвязати.

10. Кінцеві постанови

§ 28. В разі розв'язання Т[оварист]ва ціле майно його переходить до Союзу Визволення України.

ЦДАВО України, ф. 4382, оп. 1, спр. 14, арк. 16–19зв. (типографська відбитка, наводиться зі збереженням мови оригіналу).

¹ *Лисецький П.* Як виглядає просвітно-організаційне життя в українським таборі у Вецлярі // Вістник політики, літератури й життя. – Відень, 1918. – 20 січня. – Ч. 186; 16 лютого. – Ч. 190; 24 лютого. – Ч. 191; 3 березня. – Ч. 192.

² *Срібняк І.В.* Полонені українці в Австро-Угорщині та Німеччині (1914–1920 рр.). – К., 1999. – С. 94, 101.

³ *Кривошеєва Л.М.* Національно-просвітня діяльність Союзу визволення України в таборах військовополонених українців (1914–1918 рр.): дис. канд. іст. наук за спец. 07.00.01 – Історія України. – Запоріжжя, 2009. – С. 128–129.

⁴ Громадська Думка: часопис полонених українців у Вецлярі. – 1917. – 5 січня. – Ч. 1 (48) та ін.

⁵ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України), ф. 4382, оп. 1, спр. 1, арк. 18.

⁶ *Лисецький П.* Як виглядає просвітно-організаційне життя в українським таборі у Вецлярі // Вістник політики, літератури й життя. – Відень, 1918. – 20 січня. – Ч. 186. – С. 37.

⁷ ЦДАВО України, ф. 4382, оп. 1, спр. 1, арк. 18зв.

⁸ Там само.

⁹ Там само, арк. 19. Один з полонених (К. Книш) навіть вдався до збирання підписів за усунення з табору Р. Смаль-Стоцького, за що був покараний взяттям під чотирнадцятиденний арешт. Ще двох членів музично-драматичного товариства за антиукраїнську агітацію було переведено до іншого табору. – М. С.

¹⁰ ЦДАВО України, ф. 4382, оп. 1, спр. 1, арк. 19–19зв.

¹¹ Там само, арк. 19зв.

¹² Там само, арк. 20.

¹³ Там само, арк. 19зв.–20.

¹⁴ Там само, арк. 21.

¹⁵ Там само.

¹⁶ Там само, арк. 20.

¹⁷ Там само, арк. 20зв.

¹⁸ Там само, арк. 21.

¹⁹ Там само, арк. 21зв.–22.

ОРГАНІЗАЦІЯ РЕЛІГІЙНОЇ ДОПОМОГИ ПОЛЬСЬКИМ БІЖЕНЦЯМ У РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Т. М. Коваленко

Коваленко Т. М. Організація релігійної допомоги польським біженцям у Російській імперії в роки Першої світової війни. У статті вивчається процес організації релігійної допомоги польським біженцям, які були евакуйовані до внутрішніх губерній Російської імперії у роки Першої світової війни. Увага приділена ролі держави та національних польських комітетів у системі організації релігійної опіки біженців. Вивчена діяльність римо-католицької церкви у духовній підтримці поляків.

Ключові слова: релігія; польські біженці; Російська імперія; допомога; римо-католицька церква; держава.

Коваленко Т. Н. Организация религиозной помощи польским беженцам в Российской империи в годы Первой мировой войны. В статье изучается процесс организации религиозной помощи польским беженцам, эвакуированным во внутренние губернии Российской империи в годы Первой мировой войны. Уделено внимание роли государства и национальных польских комитетов в системе организации религиозной опеки беженцев. Изучена деятельность римско-католической церкви в духовной поддержке поляков.

Ключевые слова: религия; польские беженцы; Российская империя; помощь; римско-католическая церковь; государство.

Kovalenko T. M. The Organization of a Religious Support to Polish Refugees in the Russian Empire during the First World War. The process of the organization of a religious support to Polish refugees, who were evacuated to internal provinces of the Russian Empire during the First World War, was examined in the article. The attention was paid to the role of the state and national Polish committees in the organization of a religious assistance to the refugees. The activity of the Roman Catholic Church in a spiritual support of Poles was studied.

Keywords: religion; Polish refugees; the Russian Empire; support; the Roman Catholic Church; state.

Поява біженців, як результат масового переселення мирного населення, не була суто російським явищем за часів Першої світової війни. Проте саме у Російській імперії біженство отримало безпрецедентні за кількістю переміщених людей розміри. У роботах вітчизняних та зарубіжних дослідників з окресленої проблематики аналізуються причини, етапи та наслідки цього явища, а також умови, за яких біженці різних національностей отримували допомогу і облаштовувалися на новому місці¹. Метою даної статті є висвітлення організації релігійної допомоги польським біженцям у Російській імперії за часів Першої світової війни.

В умовах воєнного часу закон надавав російському верховному командуванню надзвичайні повноваження, а отже право повного контролю усіх сфер життя на театрі військових дій. Унаслідок цього, після початку відступу російської армії після поразки від австрійських та німецьких військ навесні-влітку 1915 р., стало можливим прийняття Ставкою рішення про евакуацію населення прифронтових губерній. Особливий наголос робили на чоловіках призовного віку. Справа у тому, що нові масові армії, засновані на загальній військовій повинності, змусили розцінювати все чоловіче населення як потенційних солдатів (яких могли мобілізувати і до армії противника), а отже з'явилося прагнення виводити його при відступі (добровільно або примусово)². Проводячи евакуацію населення прифронтових губерній, розрахунок робився на його швидке повернення додому. Проте довгострокове позиційне протистояння на фронтах та умови, які на той час склалися всередині держави, поступово розвіяли ілюзії щодо швидкої реевакуації біженців.

Рішення військових викликало неоднозначну реакцію у російських політичних колах. На засіданнях Ради міністрів наголошувалося на негативних наслідках примусового біженства. Міністр внутрішніх справ М. Щербатов справедливо зазначав: «Разом за чоловіками будинки залишать жінки і діти. Мільйони прийдуть до нас голодувати», – водночас, цинічно додаючи: «Нехай краще мруть у німця під п'ятою»³. Негативно поставилися до

евакуаційної політики польські громадсько-політичні діячі. Відомий адвокат О. Ледницький підкреслював, що не можна вважати виконанням патріотичного обов'язку поголове переселення та залишення прифронтових територій у розпорядженні ворога⁴. На економічній недоцільності проекту «очищення території» та його неприйнятності з моральної точки зору наголошував на засіданні Державної думи депутат Г. Свенцицький⁵.

Означений процес був характерним для всіх прифронтових губерній Російської імперії, тобто частин територій сучасних Польщі, Білорусі, Латвії, Литви, України. Біженці різних національностей були зареєстровані в усіх внутрішніх районах Російської імперії. На підставі статистичних звітів Центрального обивательського комітету губерній Королівства Польського, який займався допомогою польським біженцям, можемо говорити про те, що серед загального числа біженців із західних губерній країни, яких нараховувалося 3 113 372 осіб, поляків було 744 319, тобто 24%⁶. Водночас зазначимо, що точну кількість біженців визначити досить важко; навіть дані тогочасних організацій, що займалися підрахунком таких осіб, ніколи не збігалися.

Стосовно кількості польських біженців, різні цифри зустрічаємо й у підрахунках сучасних дослідників. Українські науковці Л. Зашкільняк і М. Крикун налічують 800 тис. поляків⁷. Різні думки висловлюють польські вчені. В. Тенгоборський на підставі аналізу статистичних відомостей комітетів допомоги біженцям вказує на 617 174 особи⁸. В. Грабський говорить про 743 тис. польських біженців⁹. В. Найдус дійшла висновку, що на території Російської імперії охоплювало проживати близько 1 млн польських біженців, тоді як реєстрація різних установ охоплювала від 483 359 до 948 554 осіб¹⁰. М. Коженювський також звертає увагу на те, що, окрім поляків, яких зафіксували організації допомоги жертвам війни, необхідно враховувати чиновників, залізничників, промисловців, торговців і військовополонених, які знаходились у Російській імперії. Таким чином, на думку дослідника, загальна кількість польського населення, яке за часів Першої світової війни залишило рідний край, становить близько 1 млн. осіб¹¹. За своєю чисельністю поляки поступалися тільки «росіянам» (відносно цього терміну, зазначимо, що тогочасні статисти зараховували до «російських біженців» не тільки росіян, але й українців та білорусів).

Статус «біженця» переселеним мешканцям західних губерній надало російське законодавство, встановивши, що ним є особа, котра залишила місцевості, яким загрожує ворог чи ним вже зайняті, або виселена за розпорядженням військової чи цивільної влади з району воєнних дій¹². Водночас польські громадсько-політичні діячі та представники організацій допомоги жертвам війни розглядали переміщених співвітчизників не як біженців, а як «вигнанців»¹³. Під час обговорення законопроекту Державною думою Г. Свенцицький зазначав, що слово «біженець» не підходить під визначення тієї великої кількості людей, які потребують допомоги, та наголошував на небажанні мешканців Королівства Польського залишати рідний край¹⁴.

Очевидною є невідповідність тогочасного тлумачення терміну його сучасному розумінню. На сьогоднішній день загальноприйнятим у міжнародному праві стало визначення цього поняття Конвенцією про статус біженців 1951 р. та доповненнями Протоколу щодо статусу біженців 1967 р., розробленими за ініціативи ООН. Відповідно до цих документів, біженцем вважається особа, яка «внаслідок цілком обґрунтованих побоювань стати жертвою переслідувань за ознакою раси, віросповідання, громадянства, належності до певної соціальної групи або політичних переконань перебуває за межами країни своєї громадянської належності і не може користуватися захистом цієї країни або не бажає користуватися цим захистом внаслідок таких побоювань; або, не маючи певного громадянства і перебуваючи за межами країни свого попереднього постійного проживання в результаті подібних подій, не може або не бажає повернутися до неї внаслідок зазначених побоювань»¹⁵.

Отже, по-перше, поляки в результаті переміщення не перетинали державного кордону, а по-друге, не зазнавали переслідувань за вказаними ознаками. Але у роки Першої світової війни не існувало жодних юридичних норм щодо визначення цієї категорії населення, та саме влада надала їй статус біженця і не ставила його під сумнів, пояснюючи це тим, що поляки (та інші мешканці прифронтових губерній) залишили рідний край за наказом влади або через загрозу наступу, що свідчить про правомірність використання у статті саме терміну «біженці».

Допомога біженцям реалізовувалась під загальним керівництвом Особливої наради з улаштування біженців, що підпорядковувалася МВС. Водночас окрім державних організацій до роботи долучилися громадські та національні комітети (зокрема, Товариство допомоги нужденним родинам поляків, які беруть участь у війні, та бідному польському населенню, що постраждало від військових дій (далі – ПТДЖВ), Центральний обивательський комітет губерній Королівства Польського (далі – ЦОК)). І саме останні, розуміючи важливість забезпечення не тільки матеріальних, але й духовних потреб польських біженців, а також значення релігії в житті кожного поляка, відводили виняткове місце цьому виду допомоги у своїй роботі. Адже на новому місці хрещення дітей, укладання шлюбу, меса та інші таїнства не тільки не втрачали, а навпаки набували більшого значення за незвичних умов життя. Та крім задоволення релігійних почуттів біженців, польські організації вбачали у вірі шлях до запобігання їхньої деморалізації «у вигнанні», наслідком якої могли стати крадіжки, проституція та алкоголізм. Релігійна підтримка становила для польських біженців таку опору, що підкріплювала віру в повернення додому, підсилювала почуття національної свідомості та запобігала асиміляційним процесам¹⁶.

Уже в серпні 1915 р. в об'єднаній постанові польських організацій допомоги жертвам війни зазначалося, що вони повинні «оточити біженців увагою та підтримкою ксьондзів» (тут слід враховувати роботу як евакуйованих римо-католицьких священників, так і місцевих)¹⁷. У своїй роботі двоє найактивніших польських комітетів (ЦОК та ПТДЖВ) розділилися: ЦОК сприяв наданню релігійної допомоги біженцям, які мешкали в губерніях (у тому числі фінансово, виділяючи кошти на дорогу ксьондзам, харчування, придбання літургійних предметів тощо). У разі нестачі священників організацією та проведенням богослужінь займалися інструктори комітету, поєднуючи це із завданнями по задоволенню матеріальних потреб біженців¹⁸. ПТДЖВ допомагало польським біженцям, які знайшли притулок у містах Російської імперії. Розмежування провели за принципом того, що ПТДЖВ, яке почало працювати восени 1914 р., встигло відкрити більшість відділків саме в містах та передмістях ще до того, як ЦОК розгорнув роботу у внутрішніх губерніях Російської імперії влітку 1915 р.¹⁹

Комітети докладали зусиль для комплектації шкільних бібліотек літературою та підручниками на релігійну тематику («Історія католицького костюлу», «Історія Старого і Нового завіту», «Біблійний курс ксьондза Ковалевського», книги для богослужіння тощо)²⁰. У навчальних закладах і притулках, які відкривалися національними комітетами, діти починали день з молитви, а Закон Божий був обов'язковим предметом і викладався польською мовою²¹. Усе це мало на меті полегшити духовні страждання біженців та їхню адаптацію у новому середовищі. Самі біженці у розмовах зі співробітниками організації допомоги зазначали, що релігійної підтримки їм бракує більше, ніж їжі або одягу, і просили розв'язати питання з нестачею ксьондзів. Збереглися свідчення, що поляки хрестили дітей у православних церквах під страхом того, що ті помруть нехрещеними²².

Питання про організацію релігійної допомоги біженцям не оминули увагою й на державному рівні. «Закон про забезпечення потреб біженців» від 30 серпня 1915 р. надавав право організувати піклування про них усім православним парафіям та іншим місцевим церковним общинам незалежно від віри та національності²³. Останнє мало велике значення для поляків, адже в такий спосіб узаконювалась участь в опікуванні біженцями римо-католицької церкви. Могильовська архідієцезія римо-католицької церкви, що була заснована у XVIII ст., напередодні Першої світової війни мала 12 діоцезій, 7 з яких знаходились у Королівстві Польському. Перед Лютневою революцією 1917 р. вона налічувала 1 160 000 віруючих, 331 прихід і 400 священників. Кожен діоцез мав свою семінарію²⁴.

Місьцеве римо-католицьке духовництво проводило для польських біженців церковну відправу та брало участь у роботі комітетів допомоги, поєднуючи пасторські обов'язки з громадською працею²⁵. Ксьондзи допомагали у роботі статистичних відділів: надавали дані про померлих та народжених, фіксували шлюби²⁶. Разом з єпископом Могильовської архідієцезії Я. Цепляком були організовані акції зі збору пожертвувань на потреби біженців та інші, спричинені воєнним часом. За сприяння єпископа 20 студентів Духовної академії в Петрограді було направлено до різних парафій на час тримісячних літніх канікул у 1916 р. з метою надання додаткової духовної підтримки біженцям²⁷. Водночас ПТДЖВ вважало костюл у Російській імперії зрусифікованим, що часом утворювало перешкоди для їхньої

співпраці у справі визначення компетенції та пріоритетності у питаннях надання релігійної допомоги біженцям-полякам²⁸.

У вересні 1915 р. при Особливій нараді з улаштування біженців утворили комісію із задоволення духовних потреб біженців під головуванням знаного юриста А. Коні²⁹. Підготовлені комісією пропозиції знайшли відображення в рішеннях, що були ухвалені на засіданні Особливої наради з улаштування біженців у листопаді 1915 р. А саме, виконання релігійних потреб біженців-католиків вирішувалося за рахунок командировання римо-католицького духівництва до місць їхнього поселення. Визначення кількості ксьондзів залежало від числа біженців та умов пересування в даній місцевості (приблизно один священик на 5 тис. осіб)³⁰. Згодом рішення було закріплене у ст. 29 «Керівних положень з улаштування біженців» (від 2 березня 1916 р.), згідно з якою визначалося, що їхні релігійні потреби задовольняються «наявними на місці розташування біженців духовними особами, а також шляхом відрядження, у випадках необхідності, православних священиків, ксьондзів, пасторів і духовних осіб інших віросповідань до районів осілості біженців»³¹.

Відпрацювання механізму організації відряджень ксьондзів до місць поселення біженців-католиків мало надзвичайно актуальне значення, тому що у внутрішніх губерніях Російської імперії вони знаходилися у православному середовищі. У багатьох випадках поляки були розселені на значній відстані від міст та містечок, де функціонували костьоли, що ускладнювало спілкування зі священиками католицького обряду. Насамперед ксьондзів не вистачало у сільській місцевості. Наприклад, до Харківської губернії для задоволення духовних потреб біженців-католиків відрядили 4 ксьондзів (трьох поляків та одного латиша)³².

За розпорядженням МВС призначенням ксьондзів (іноді зі списків кандидатів, рекомендованих національними комітетами) займався єпископ Я. Цепляк. Кандидатури було потрібно узгодити з Департаментом духовних справ (з точки зору їхньої політичної благонадійності). Після отримання дозволу про кожне призначення повідомляли місцевих губернаторів. Отже, попри визнання римо-католицької церкви в числі організацій, які надавали допомогу біженцям, її робота була тісно пов'язана з державою. З квітня 1916 р. призначення ксьондзів передали до Департаменту духовних справ. Усього в 1917 р. кількість відряджених католицьких священиків становила 156 осіб³³.

Місячне утримання відряджених ксьондзів, окрім транспортних витрат, становило 150 крб.³⁴ Витрати брала на себе держава, хоча через нестачу коштів асигнування надходили не завжди. У таких випадках гроші виділяли польські комітети допомоги біженцям (здебільшого з кредитів, наданих тією ж державою)³⁵. Проте на практиці для священиків проблема вчасно отримати кошти за свою працю все одно існувала. Наприклад, фінанси на проживання трьох польських ксьондзів у сумі 1,8 тис. крб., які були відряджені до Харківської губернії восени 1915 р. та у січні 1916 р., у розпорядження губернатора надійшли лише у травні 1916 р. Самі священики їх отримали у другій половині липня того ж року. Відтак майже півроку духовенство залишалося без засобів до існування³⁶.

Держава стежила за відрядженим католицьким духівництвом. Від місцевої адміністрації вимагали звіти про їхню діяльність, перш за все з метою перешкодження політичній пропаганді. Дослідниця І. Спустек відзначає наявність скарг православного духівництва на роботу католицьких священиків з приводу залучення до католицької віри уніатів. Та на практиці ксьондзи не провадили антиросійської агітації, адже вони рекрутувались переважно з вихованців лояльної до влади Духовної академії в Петрограді. Водночас ксьондзи – піддані Центральним держав (передусім це стосується мешканців Східної Галичини) за розпорядженням МВС не могли служити месі³⁷.

Попри недовіру до римо-католицьких священиків з боку влади російський уряд спротив процедуру відкриття нових каплиць у грудні 1915 р. Відтепер для цього було достатньо лише дозвіл від місцевої влади (раніше обов'язковою була постанова МВС). Каплиці будувались як тимчасові приміщення для проведення громадських богослужінь або відкривались при приватних будинках, кімнатах, що винаймались, дитячих притулках, відкритих національними комітетами³⁸. Наприклад, у Харкові на ці потреби були використані бараки в районі Балашовського вокзалу³⁹. Уцілому, збільшення католицького населення за рахунок біженців підвищило значення римо-католицької церкви в Російській імперії⁴⁰.

Таким чином, релігійна підтримка стала важливим компонентом організованої допомоги польським біженцям. Водночас ця сфера допомоги була однією з найскладніших, оскільки передбачала втручання до особистого життя та духовного світу знедолених людей. Проблема отримала розгляд на державному рівні, що свідчить про важливість її вирішення. Польські комітети допомоги біженцям та місцева римо-католицька церква активно сприяли організації релігійної опіки. До місць поселення біженців на допомогу місцевому римо-католицькому духівництву були відряджені додаткові ксьондзи. На загал, незважаючи на існуючі перешкоди, зокрема фінансового характеру, можливість польськими біженцями сповідувати свою релігію була реалізована.

¹ Жванко Л.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 роки). – Х.: Віровець А.П. «Апостроф», 2012; Лазанська Т.І. Становище біженців України в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – 2009. – Вип. XVI; Сердюк О.В. Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – 2002. – Вип. IV; Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – № 8; Korzeniowski M. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w Imperium Rosyjskim w latach Pierwszej wojny światowej / M. Korzeniowski, M. Mądzik, D. Tarasiuk. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. – Bloomington: Indiana University Press, 1999; Гампелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. – Т. 4 (122). – М., 2004.

² Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 410.

³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 260.

⁴ Державний архів Російської Федерації (далі – ДАРФ), ф. Р-3333, оп. 2, спр. 1, арк. 6.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессии 3–4. Стенографические отчеты. – Пг.: Государственная типография, 1916. – С. 804.

⁶ Archiwum Akt Nowych (далі – AAN), ф. 51, оп. 1, спр. 54, арк. 72; AAN, ф. 51, оп. 1, спр. 284, арк. 3.

⁷ Зашкільняк Л.О. Історія Польщі: від найдавніших часів до наших днів / Л.О. Зашкільняк, М.Г. Крикун. – Львів: Львівський нац. ун-т ім. Івана Франка, 2002. – С. 434.

⁸ Tegoborski W. Polacy Związku Radzieckiego. Ich pochodzenie, udział w Rewolucji Październikowej i w budownictwie socjalistycznym. Szkic historyczno-opisowy. – Moskwa: Centralnie Wydawnictwo Ludów ZSRR, 1929. – S. 56–57.

⁹ Grabski W. Ratownictwo społeczne w czasie wielkiej wojny / W. Grabski, A. Żabko-Potopowicz // Polska w czasie wielkiej wojny (1914–1918). – Т. 2. – Warszawa, 1932. – S. 64

¹⁰ Najdus W. Uchodźcy polscy w Rosji w latach 1917–1919 // Kwartalnik Historyczny. – 1957. – № 6. – S. 26.

¹¹ Korzeniowski M. Na wygnańczym szlaku. – Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2001. – S. 108.

¹² Законы и распоряжения о беженцах. – Вып. 1. – М.: Мысль, 1916. – С. 2.

¹³ Російський державний воєнно-історичний архів (далі – РДВІА), ф. 13273, оп. 1, спр. 39, арк. 2–10, 46.

¹⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессии 3–4... – С. 800.

¹⁵ Конвенція про статус біженців. – URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_011; Протокол щодо статусу біженців. – URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_363 (дата звернення: 30.07.14).

¹⁶ Korzeniowski M. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w Imperium Rosyjskim w latach Pierwszej wojny światowej / M. Korzeniowski, M. Mądzik, D. Tarasiuk. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. – S. 170.

¹⁷ Dziennik Kijowski. – 1915. – 27 sierpnia.

¹⁸ Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далі – ЦДІАК України), ф. 917, оп. 1, спр. 10, арк. 40.

¹⁹ Korzeniowski M. Na wygnańczym szlaku... – S. 348.

²⁰ РДВІА, ф. 15713, оп. 1, спр. 3, арк. 27, 40; ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 2, арк. 20; ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 16, арк. 132; ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 145, арк. 3.

²¹ ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 2, арк. 183зв.–19зв., 70; ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 346, арк. 2.

²² Sprawozdanie z działalności Centralnego Komitetu Obywatelskiego Królestwa Polskiego wśród wygnańców w Rosji za czas od 1-go sierpnia 1915 roku do 1-go października 1916 roku. – Piotrogród: Drukarnia «Sztandar», 1918. – S. 24–25.

²³ Законы и распоряжения о беженцах... – С. 7.

²⁴ *Задворный В.* История Католической церкви в России. Краткий очерк / В. Задворный, А. Юдин. – М.: Изд. колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995. – URL: <http://krotov.info/history/20/tsypin/zavdorn.html> (дата звернення: 30.07.14).

²⁵ *Korzeniowski M.* Tułaczy los. Uchodźcy polscy w Imperium Rosyjskim... – S. 172.

²⁶ ААН, ф. 51, оп. 1, спр. 788, арк. 117, 129–132.

²⁷ ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 1, арк. 183.

²⁸ *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie 1914–1917. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. – S. 199, 209.

²⁹ *Ильин А.В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. – февраль 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. – Серия: Правоведение. – 1991. – № 5. – С. 54.

³⁰ Державний архів Харківської області (далі – ДАХО), ф. 18, оп. 21, спр. 114, арк. 34, 51.

³¹ Законы и распоряжения о беженцах. – Вып. 2. – М.: Городская типография, 1916. – С. 125.

³² ДАХО, ф. 18, оп. 21, спр. 114, арк. 1, 14, 18.

³³ *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie 1914–1917... – S. 201–203.

³⁴ ДАХО, ф. 18, оп. 21, спр. 114, арк. 51.

³⁵ ДАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, спр. 1, арк. 132зв., 263зв.; ЦДІАК України, ф. 917, оп. 1, спр. 16, арк. 66.

³⁶ *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір... – С. 236–237.

³⁷ *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie 1914–1917... – S. 201–206.

³⁸ *Grabski W.* Ratownictwo społeczne w czasie wielkiej wojny... – S. 82.

³⁹ *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір... – С. 235.

⁴⁰ *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie 1914–1917... – S. 199–200.

ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА (КАДЕТСКИЕ КОРПУСА И ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА)

Ю. Н. Пикуть

Пикуть Ю. М. Військова освіта в Росії в березні – жовтні 1917 року (кадетські корпуси та військові училища). У статті розглядається реформа російських військово-навчальних закладів у березні – жовтні 1917 р. та причини її невдачі. Також досліджено проблему українізації військової освіти та її результати. Автором зроблено висновок, що розвал армії, економічна та політична криза, суперечності в середовищі учнів та викладачів з політичних та національних питань, завадали українській військовій освіті сформуватись у власну, оригінальну систему.

Ключові слова: військова освіта; військово-навчальні заклади; українізація; юнкер.

Пикуть Ю. Н. Военное образование в России в марте – октябре 1917 года (кадетские корпуса и военные училища). В статье рассматривается реформа российских военно-учебных заведений в марте – октябре 1917 г. и причины её неудач. Также исследована проблема украинизации военного образования и её результаты. Автором сделан вывод, что развал армии, экономический и политический кризис, противоречия в среде учащихся и преподавателей по политическим и национальным вопросам, помешали украинскому военному образованию сформироваться в собственную, оригинальную систему.

Ключевые слова: военное образование; военно-учебные заведения; украинизация; юнкер.

Pikul Y. N. Military education in Russia in March - October 1917 (cadet corps and military schools). The article discusses the reform of the Russian military schools in March and October 1917, and the reasons for its failures. Also the problem of Ukrainization of military education is investigated as well as its results. The author concluded that the collapse of the army, economic and political crisis, the contradictions in the milieu of students and teachers on political and national issue, prevented Ukrainian military formation to form in the original system.

Keywords: military education; military educational institutions; Ukrainization; Junker.

Послефевральский 1917 год стал чрезвычайно сложным временем, как для русской армии в целом, так и для системы военно-учебных заведений в частности. Наряду с вопросами профессиональной подготовки офицерского состава, приходилось решать и экономические, политические, национальные проблемы. С этим связана актуальность темы, поскольку становление «национального» военного образования в условиях развала Российской императорской армии изучено недостаточно.

Прежде чем рассмотреть состояние российского военного образования по состоянию на март 1917 г., коротко остановимся на том, какие изменения произошли в этой системе в годы Первой мировой войны. Большие потери офицерского состава, расширение масштабов войны и необходимость в формировании новых частей потребовали значительного увеличения численности офицерского корпуса. Для этого в широких масштабах была начата подготовка офицеров военного времени – прапорщиков, путём перевода военных и специальных училищ на ускоренный (3–4-месячный для пехоты и 6-месячный для кавалерии, артиллерии и инженерных войск) курс обучения и открытия школ прапорщиков с такими же сроками обучения (к 1 января 1917 г. открыто 38 школ)¹. Ускоренная подготовка офицеров проводилась также в школах прапорщиков пополнения; в школах, созданных при фронтах и отдельных армиях; при запасных пехотных и артиллерийских бригадах; при некоторых кадетских корпусах. Всего до мая 1917 г. было подготовлено 172 358 прапорщиков², а с мая по октябрь 1917 г. ещё 34 815 прапорщиков³.

2 марта 1917 г. российский император Николай II подписал манифест об отречении. На следующий день в результате переговоров Петроградского совета и временного комитета Государственной думы было сформировано Временное правительство. Новая власть принялась за установление новой официальной идеологии, определявшей систему идеалов и ценностей, к которым следовало стремиться и реформируемым военно-учебным

заведениям. С этого времени основное содержание деятельности военного образования стал определять лозунг «Свобода, Равенство, Братство».

Ярким примером идеологической работы среди воспитанников кадетских корпусов служит речь военного и морского министра А.Ф. Керенского, произнесенная им при посещении Одесского кадетского корпуса: «Кадеты, вы живете в счастливое время. Вы готовитесь стать гражданами свободной России. В новой свободной России должны быть забыты личные интересы. На первом месте – долг. И в настоящее время долг этот повелительно требует отдать Родине всё. Вы должны сделать это не ради карьеры, а ради стремления к идее; эта идея – свобода, равенство и братство»⁴. Однако в мировоззрении кадетов, несмотря на проводимую властями агитационную работу, ничего не изменилось. Основная масса личного состава кадетских корпусов оставалась носителями традиционного менталитета. По сути, созданные в рамках прежней имперской государственной политики военно-учебные заведения продолжали оставаться продуктом этой политики. Как отмечает В.Г. Данченко, «образы Николая II и наследника, носившего корпусную форму, в их представлении никак не могли быть связаны с чем-то преступным, небогоугодным. И вдруг, в одночасье, они свергнуты, арестованы, объявлены чуждыми России. Мальчиков, дававших присягу на верность престолу, носивших на погонах императорские вензеля, всё случившееся ввергло в стресс, тем более, что многое из происходившего им было просто не понять»⁵.

В конце марта 1917 г. всем начальникам военных училищ и директорам кадетских корпусов было предписано немедленно привести вверенные им учебные заведения к присяге «На верность службы Российскому государству и преданность Временному правительству». О событиях тех дней один из питомцев Первого кадетского корпуса оставил следующие воспоминания: «Наши преподаватели как-то сразу опешили, постарели и опустили голову... После отречения Государя, мы, как и везде, перестали поминать при пении молитвы «Спаси, Господи, люди твоя» имя Государя, заменив его «Христолюбивым воинством». Все мы как-то притихли и ходили как бы на цыпочках, точно боясь потревожить больного»⁶.

На необходимость реформирования военно-образовательной сферы было указано в первые же месяцы демократического правления. «Если бы даже наша военная школа была безукоризненна, – говорилось в одной из статей «Педагогического сборника», – её все же нужно было бы теперь реформировать, дабы привести в соответствие с провозглашенными новою властью демократическими принципами»⁷. На фоне происходивших событий вполне своевременным выглядел приказ по Военному министерству № 21 от 13 марта 1917 г. об образовании специальной комиссии по преобразованию военно-учебных заведений под председательством директора Педагогического музея генерал-лейтенанта З.А. Макшеева (начальник ГУВУЗ со 2 апреля 1917 г.). В её состав вошли известные своим опытом и знанием учебного дела преподаватели и офицеры столичных кадетских корпусов. Целью реформы стала выработка новых, более демократичных принципов комплектования кадетских корпусов и их преобразование в общеобразовательные учреждения. Комиссии предстояло решить ряд сложных организационных вопросов и результаты своей деятельности представить на обсуждение. Её проект был рассмотрен на съездах делегатов корпусов в Москве и Петрограде в мае–июле 1917 г., после чего корпуса были переименованы в гимназии Военного ведомства и принято «Положение по учебно-воспитательной части для гимназий военного ведомства» (7 августа 1917 г.). Также совещание представителей военных академий выработало «Положение об управлении академиями», утвержденное военным министром и предшествовавшее им значительную самостоятельность.

Основой проводимой реформы стали следующие положения:

- гимназии Военного ведомства не готовят воспитанников исключительно к военной службе;
- отменены погоны, строевые занятия и разделение на роты (вместо рот вводятся «возраста»);
- упразднены должности ротных командиров и офицеров-воспитателей, на их место назначены штатские классные наставники;

- вместо Педагогических комитетов вводятся педагогические советы, обладающие правом решающего, а не только совещательного голоса;
- в корпусах вводится институт комиссаров для борьбы с контрреволюционными выступлениями;
- право воспитания за казённый счёт распространяется не только на сыновей офицеров, но и на сыновей солдат и матросов⁸.

Однако реализация военно-учебной реформы оказалась не обеспеченной с точки зрения как содержательно-педагогического исполнения, так и материальной базы. Декларативность отдельных решений Петроградского съезда представителей кадетских корпусов опережала реальную готовность их выполнения. Привести кадетские корпуса в соответствие с новым положением в России и требованиями демократической общественности за столь краткое время оказалось сложной задачей. Тем более, что воспитанники бойкотировали незаконные, по их мнению, распоряжения новой власти, не признавая Временное правительство⁹. По воспоминаниям А.Л. Маркова: «Все эти реформы кадетская среда встретила единогласным возмущением»¹⁰.

31 августа 1917 г. кадетские корпуса были переименованы в гимназии Военного ведомства. В предельно сжатый срок подготовлены и утверждены новые «Правила приёма» и «Положение по учебно-воспитательной части». Текст «Положения», направленного директору Первой гимназии (бывший Первый кадетский корпус), сопровождали следующие слова генерала З.А. Макшеева: «Прошу Вас принять все меры к тому, чтобы при энергичном и спокойном сотрудничестве всех чинов заведения предстоящий учебный год был начат на указанных новых основаниях, по возможности, при полном составе воспитателей и преподавателей. Уверен, что уполномоченный новыми правами Педагогический совет вверенного Вам заведения будет всемерно горячо содействовать разъяснению воспитанникам необходимости новых условий жизни, дабы и они сознательно приступили к делу в серьезном и спокойном настроении»¹¹. Но, на практике, как отмечает Г.И. Зуев относительно Морского училища: «Дела в училище шли из ряда вон плохо. После увольнения опытных педагогов учебные занятия проходили со сбоем и не всегда на достаточно высоком уровне. Многие воспитанники покинули учебное заведение»¹².

С политической стороны, хотя с воспитанниками петроградских гимназий военного ведомства серьезную работу проводили пропагандисты от фракции гражданских средних учебных заведений, партии Народной свободы, их усилия оказались бесплодны. В значительной степени этому способствовал приказ помощника военного министра генерал-лейтенанта Н.А. Якубовича о недопущении участия воспитанников в работе политических партий¹³. Руководству гимназий Военного ведомства предписывалось принять все меры к тому, чтобы ученическая масса не была вовлечена в политическую борьбу. Родителям, не согласным с нововведениями, предлагалось забрать своих сыновей домой. При этом, как отмечает А.Ю. Воробьева, несмотря на разделение кадетов на «республиканцев» и «монархистов», подавляющее их большинство, воспитанных в духе преданности монархии, отнеслось к реформе отрицательно¹⁴. Кадеты бойкотировали решения администрации, срывали уроки гражданских наставников демократической ориентации, устраивали голодовки, отказывались присягать Временному правительству. Практически во всех корпусах имели место массовые беспорядки¹⁵. При этом школы прапорщиков оставались лояльными Временному правительству. По воспоминаниям А. Невзорова: «Занятия шли нормально, дисциплина поддерживалась, к офицерам относились с уважением. Это были единственные части, которые сохранились. Всё это знали наши «Главковерхи», Керенский и ему подобные. На юнкеров была вся надежда»¹⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что реформа военного образования временного правительства была поверхностной и не только не привела к повышению его качества, но, наоборот, вызвала кризис системы военно-учебных заведений.

Не менее важным аспектом рассматриваемых преобразований являлся вопрос об украинизации военного образования. Процесс этот в русской армии начался с создания 16 марта 1917 г. Украинского военного клуба им. гетмана П. Полуботка. Как отмечает Я.Ю. Тинченко, базой для подготовки офицерского корпуса для украинизированных частей стали Петровский Полтавский кадетский корпус и Чугуевское военное училище. При-

чиной этого автор считает социальный состав выпускников, в большинстве своём потомков малороссийской старшины и казачества, а также направление культурной работы в этих военно-учебных заведениях, имевшее украинский характер¹⁷.

30 марта 1917 г. Отдельное собрание юнкеров-украинцев всех военных школ г. Киева обратилось к Украинского военному комитету с требованием, чтобы украинцев посылали для обучения только в военные школы, расположенные на украинских землях¹⁸. 15 апреля 1917 г. в Киеве был основан «Союз украинских юнкерских товариществ военных школ России», объединивший 32 военные школы. Был поставлен вопрос об открытии украинской военной школы в Киеве и началась работа по переводу военной литературы на украинский язык¹⁹.

Первый всеукраинский военный съезд (5–8 июня 1917 г.) принимает Постановление о мерах по украинизации военного образования, которое содержало следующие положения:

- перевести военные школы на украинский язык обучения;
- открыть в Украине военные школы всех ступеней;
- перевести учебники по военному делу на украинский язык²⁰.

Для претворения этих распоряжений в жизнь при Украинском Генеральном Военном Комитете был учреждён Школьный отдел и начата украинизация военно-учебных заведений. Было получено разрешение Генерального Штаба русской армии на открытие в Киеве двух украинских пехотных школ прапорщиков и украинских отделений в Николаевском артиллерийском и Алексеевском инженерном военных училищах.

Центрами украинизации военно-учебных заведений стали Киев и Одесса. Причём, если этот процесс встретил сопротивление в кадетских корпусах и военных училищах, то в школах прапорщиков он получил большое развитие. Вначале была проведена украинизация 2-й Киевской школы прапорщиков. По воспоминаниям её учащегося А. Гончаренко, «нам удалось сформировать одну сотню, и тогда мы устроили торжественное открытие украинской школы хорунжих ... Хотя москали, в общем, относились к нам враждебно, но дело украинизации продвигалось, и в августе–сентябре нам удалось открыть украинскую школу под названием “Первая украинская военная пехотная школа им. гетмана Богдана Хмельницкого”»²¹. В октябре 1917 г. на базе 5-й Киевской школы прапорщиков была создана украинская 2-я школа прапорщиков.

Штатный состав 1-й школы составлял 600 учащихся. Программа обучения была рассчитана на два года. На обучение принимались молодые люди, имевшие образование минимум 6 классов гимназии²². При этом программы не были реализованы ввиду развала армии и стремительно развивающихся революционных событий, вследствие чего выпуска юнкеров произведено не было.

Из «старых» военно-учебных заведений украинскими провозгласили себя Чугуевское, Виленское (с 1915 г. находилось в Полтаве), Одесское военное и Сергиевское артиллерийское (Одесса) училища. Но в дальнейшем значительная часть преподавателей и юнкеров перешла на сторону красных или белых. Например, чугуевские юнкера осенью 1917 г. выступили против большевиков на стороне белых, поддержав «Юнкерское» восстание в Москве 10 (23) ноября 1917 г.²³.

Что касается юнкеров украинских военных школ, то учащиеся 1-й школы участвовали в бою под Крутами (16 января 1918 г.), после чего разошлись по различным воинским частям. Учащиеся 2-й школы вошли в состав куреня Черных гайдамаков Гайдамацкого Коша Слободской Украины, приняв участие в боях против большевиков в Киеве в январе 1918 г.²⁴.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Военное образование оказалось вовлечённым в политические процессы, происходившие на территории бывшей Российской империи в 1917 г. Вместе с тем, юнкера, кадеты и преподавательский состав в большинстве своём не приняли революционные идеи и остались верны идеям монархии, зачастую признавая только внешние атрибуты новой власти. Тем не менее, революционные события вызвали раскол среди учащихся как по политическим, так и по национальным вопросам, что сказалось в ходе дальнейшей Гражданской войны. Что касается попытки украинских властей создать собственное военное образование, то в условиях развала армии, экономического и политического кризиса это направление не успело развиваться и сложиться в собственную, оригинальную систему военного образования.

- ¹ Курдюк А.А. Структурные изменения в сети военно-учебных заведений русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Военного университета. – 2007. – № 1. – С. 88.
- ² Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2015, оп. 1, д. 4, л. 5–6.
- ³ Буравченков А.А. Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции. – К.: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1986. – С. 150.
- ⁴ Цит. по: Буравченков А.А. Офицерский корпус русской армии... – С. 112.
- ⁵ Цит. по: Данченко В.Г. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 370.
- ⁶ Цит. по: Косяков Н.А. Конец Первого кадетского корпуса // Военная быль. – 1970. – № 103. – С. 17.
- ⁷ Цит. по: Данченко В.Г. Кадетский корпус... – С. 373.
- ⁸ Курдюк А.А. Структурные изменения... – С. 90.
- ⁹ Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса (1701–1925 гг.). – М.: Центрполиграф, 2005. – С. 373.
- ¹⁰ Цит. по: Марков А.Л. Кадеты и юнкера. – Буэнос-Айрес: [Б. и.], 1961. – URL: <http://www.ruscadet.ru/library/01-books/markov/comm.htm>. (дата обращения: 10.07.2014).
- ¹¹ Цит. по: Буравченков А.А. Офицерский корпус русской армии... – С. 186.
- ¹² Цит. по: Зуев Г.И. У Историческая хроника Морского корпуса (1701–1925 гг.). – С. 374.
- ¹³ Курдюк А.А. Структурные изменения... – С. 191.
- ¹⁴ Воробьева А.Ю. Кадетские корпуса в России в 1732–1917. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003. – С. 23.
- ¹⁵ Там же. – С. 23.
- ¹⁶ Цит. по: Невзоров А. 4-я Московская Школа Прапорщиков // Военная быль. – 1968. – № 90. – С. 19.
- ¹⁷ Тинченко Я. Офіцерський корпус армії Української Народної Республіки (1917–1921 рр.): в 2 т. – К.: Темпора, 2007–2011. – Т. 2. – 2011. – С. 53.
- ¹⁸ Химция Н.О. Українізація військових навчальних закладів та створення національної військової системи освіти у 1917–1918 рр. // Держава та армія. – Львів: Вид-во Національного ун-ту Львівська політехніка, 2008. – С. 52.
- ¹⁹ Там же. – С. 52.
- ²⁰ Вісті з Української Центральної Ради – № 7 (травень 1917 р.) // Український історик. – 1987. – № 1–4. – С. 167.
- ²¹ Цит. по: Гончаренко А. З минулих днів // Вісті Комбатанта. – 1971. – № 1. – С. 27.
- ²² Химция Н.О. Українізація військових навчальних закладів... – С. 55.
- ²³ Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус ... – С. 164.
- ²⁴ Тинченко Я.Ю. Війська Центральної Ради Березень 1917 – квітень 1918 рр. – К.: Темпора, 2010. – С. 15.

ПОГЛЯДИ М. ГРУШЕВСЬКОГО НА УКРАЇНСЬКО-БОЛГАРСЬКІ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНІ ВІДНОСИНИ ЕПОХИ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

І. Є. Шпик

Шпик І. Є. Погляди М. Грушевського на українсько-болгарські духовно-культурні відносини епохи Середньовіччя. В статті висвітлюються формування та розвиток поглядів М. Грушевського на процес українсько-болгарської духовно-культурної взаємодії в епоху Середньовіччя. Автор доводить, що вчений у своїх фундаментальних студіях не тільки приділив значну увагу цій проблемі, а й сформував її цілісне концептуальне бачення, яке стало важливою складовою його реконструкції культурного розвитку України у Х–ХV ст. Завдяки залученню широкого кола наукових праць та джерел, а також їх глибокого осмислення, висновки М. Грушевського не втратили своєї актуальності й надалі становлять ту основу, на якій починають ґрунтуватися сучасні історичні й філологічні дослідження як духовно-культурного життя українського народу, так й українсько-болгарських міжкультурних відносин в часи Середньовіччя.

Ключові слова: М. Грушевський; українсько-болгарські духовно-культурні відносини; книжність; література; “середньоболгарське відродження”; исихазм; богомилство.

Шпик І. Е. Взгляды М. Грушевского на украинско-болгарские духовно-культурные отношения эпохи Средневековья. В статье рассматривается формирование и развитие взглядов М. Грушевского на процесс украинско-болгарского духовно-культурного взаимодействия в эпоху Средневековья. Автор доказывает, что учёный в своих фундаментальных исследованиях не только уделил значительное внимание этой проблеме, но и разработал ее концептуальное видение, которое стало важной составляющей его реконструкции культурного развития Украины в Х–ХV вв. Благодаря привлечению широкого круга научных исследований и источников, а также их глубокого осмысления, выводы М. Грушевского не потеряли своей актуальности. На них отчасти продолжают основываться современные исторические и филологические исследования как духовно-культурной жизни украинского народа, так и украинско-болгарских межкультурных отношений во времена Средневековья.

Ключевые слова: М. Грушевский; украинско-болгарские духовно-культурные отношения; книжность; литература; “среднеболгарское возрождение”; исихазм; богомилство.

Шпик І. Е. The Ukrainian-Bulgarian spiritual and cultural relations of in Middle Ages in the opinion of M. Hrushevsky. The formation and development of M. Hrushevsky's point of view on the process of Ukrainian-Bulgarian spiritual and cultural interaction in the Middle Ages are highlighted in the article. The author affirms that the scientist in his fundamental studies had not only paid considerable attention to this problem, but he had formed a coherent conceptual vision that has become an important part of the reconstruction of cultural development of Ukraine during 10th-15th centuries. Thanks to the use of a broad range of scientific literature and sources, as well as deep understanding of the theme, his conclusions are still relevant and continue to be the basis, on which are partly based modern historical and philological researches on spiritual and cultural life of the Ukrainian nation as well as Ukrainian-Bulgarian intercultural relations in the Middle Ages.

Keywords: M. Hrushevsky; Ukrainian-Bulgarian spiritual and cultural relations; book-learning; literature; “medieval Bulgarian Renaissance”; hesychasm; bogomilism.

У багатьох відношеннях наукова спадщина М. Грушевського досі залишається мало-вивченою, попри те, що їй присвячено величезну кількість дослідницьких праць. З появою кожної наступної розвідки про історичні, методологічні й історіософські погляди вченого відкриваються нові обрії в осмисленні й розумінні його наукового доробку, постає низка нових питань, які змушують дослідників знову й знову звертатися до його концепції історії України.

Важливою складовою цієї концепції вченого є українсько-болгарські духовно-культурні зв'язки та взаємовпливи в епоху Середньовіччя, до якої він не лише звертався принагідно, у контексті українського духовно-культурного життя, а й виокремлював її як ви-

значальну, структуротворчу основу свого концептуального бачення культурного розвитку України в X–XV ст.

Щоб цілісно осягнути логіку творчого мислення й історичної уяви М. Грушевського в цій ділянці наукових студій, потрібно звернутися, передусім, до його теоретико-методологічних й історіософських поглядів. Загальновідомо, що намагання вченого розробити чітку схему історії України, пояснюється пануванням в російській історіографії кінця XIX–початку XX ст. “звичайної схеми руської історії”, у якій не існувало українського народу¹. Заповнити цю величезну прогалину можна було лише одним шляхом – рішуче відкинути “державний підхід” російської історіографії й поставити, натомість, у центр наукових студій “народ-націю”. Тим більше, що сприятливий ґрунт для цього почав готуватися ще на початку періоду національного відродження й інтенсивного поширення ідей романтизму. Взявшись за цю справу, М. Грушевський, з властивою йому всеохопністю, значно розширив зміст категорії “народ”, потрактувавши його в історичному плані як систему сукупність ознак, що формуються під впливом природно-географічних, економічних, культурних та інших чинників².

Одним із основних результатів історичного розвитку народу, на думку М. Грушевського, є культура – особлива духовна сфера, унікальна для кожного народу³. Культурний спадок того чи іншого народу він, як правило, розглядав під кутом зору його національної своєрідності, при цьому не забував співвіднести його із загальнолюдським розвоєм, акцентуючи на культурних зв’язках, взаємовпливах та взаємозбагаченні, осторонь яких, звичайно ж, не залишалася й українська культура⁴. Цілком закономірно, що на різних історичних етапах її розвитку на неї найбільшою мірою впливали культури сусідніх народів, причому деякі з них у процесах духовно-культурної взаємодії відігравали визначальну роль, будучи ретрансляторами високих цивілізаційних досягнень та надбань.

На підставі скрупульозного аналізу джерел, наукових досліджень, М. Грушевський, проявивши в непоодиноких випадках гідну подиву інтуїцію, дійшов висновку, що в період з X по XV ст. такі функції виконувала болгарська культура. Його різнопланові спостереження щодо значення духовної спадщини Дунайської Болгарії в давньоукраїнському культурному житті тривалий час складалися в цілісне бачення цих взаємин як одного з найважливіших рушіїв духовного поступу і, що важливо, не тільки на східнослов’янських теренах, а й на Балканах. Він доволі аргументовано довів швидке переростання їх зі стихійних, епізодичних контактів і зв’язків у тісні, довготривалі та плідні духовні взаємини системного характеру.

Формування та розвиток поглядів М. Грушевського на українсько-болгарські духовно-культурні зв’язки та взаємовпливи епохи Середньовіччя простежуються в його двох фундаментальних працях – “Історії України–Руси” (1898–1936) та “Історії української літератури” (1923–1927).

В “Історії України–Руси” учений окреслив межі та значення цієї проблеми. Принагідно, в контексті аналізу процесів поширення й утвердження християнства, він припустив, що наприкінці X–XI ст. на Русі поряд із представниками візантійського духовництва, найімовірніше, розгортали свою діяльність і болгарські священнослужителі. Крім того, історик наголосив на перенесенні на східнослов’янські землі великої кількості творів болгарської перекладної літератури, які заклали основу для зародження місцевої християнської культури⁵.

Далі М. Грушевський зосередив увагу вже на пізнішому періоді – другій половині XIV – середині XVI ст.: саме тоді, за спостереженнями дослідника, давньоукраїнська книжно-літературна спадщина знову почала збагачуватися. Головними джерелами її поповнення він називає Болгарію та Сербію, Волощину, Новгород і Московію⁶. З-поміж них окремо виділені південнослов’янські країни – Болгарія та Сербія, які в другій половині XIV ст. переживали значне піднесення у книжній й літературній діяльності, причому головним його центром учений вважав саме Болгарію. Відповідно, акцентуючи увагу на південнослов’янських текстах, які різними шляхами (головним чином через простих монахів і паломників, а також високоосвічених болгар, починаючи від Кипріяна та Григорія Цамблака) потрапляли на Русь, він наголосував на тому, що переважна більшість з них мала болгарське походження⁷, про що свідчить їх середньоболгарська орфографія та палеографія⁸. Водночас, за словами вченого, ці зовнішні впливи дають змогу не тільки оці-

нити масштаби й інтенсивність “полуднево-слов’янського притоку до східнослов’янської книжності”, а й почасті побачити застій у літературному процесі, “на тлі котрого доходить такого значіння сей приток, тим більш що оригінального він не давав майже нічого – були то нові переклади грецьких творів, або нові, поправніші редакції давніш уже звістних перекладів”⁹.

Загалом у третьому та шостому томах “Історії України–Руси” М. Грушевський лише констатував доволі значні масштаби надходження на українські землі болгарських книжно-літературних надбань. Він не переоцінював їх значення для загального духовного розвитку України, вважаючи це, радше, ознакою занепаду книжної та літературної творчості на її теренах. Окремі епізоди українсько-болгарської книжно-літературної зв’язки ним детально описані, втім, як самодостатній процес, який має глибоко закорінені традиції й етапи розвитку, вони ще не виділені.

Дослідження у цьому напрямі М. Грушевський продовжив уже у рамках створення фундаментальної “Історії української літератури”. Втім, перші її томи, написані в період вимушеної еміграції автора (березень 1919–березень 1924)¹⁰, ще не відображають цілісного бачення ним українсько-болгарської книжно-літературної взаємодії X–XV ст. Позбавлений можливості користуватися своєю робочою бібліотекою та не маючи доступу до нових наукових публікацій з цієї теми, він змушений був опиратися на вже зібраний фактичний матеріал і на його підставі розширювати та поглиблювати висвітлені в “Історії України–Руси” явища.

Зосередившись на детальному аналізі “літературного скарбу” Русі, вчений припустив, що “його велика частина мусила прийти в готових перекладах, які зібралися в X в. у Болгарії завдяки працям болгарської й моравської місії і потім – роботі місцевих болгарських письменників і книжників доби царя Симеона і його наступників”¹¹. Головну передумову й водночас визначальний чинник широкомасштабної міграції болгарських книжно-літературних надбань на українські землі упродовж кінця X–XI ст. він вбачав у поширенні й утвердженні тут християнства як офіційної релігії, що неможливо було без корпусу богослужбових книг, перекладених зрозумілою для населення мовою, тобто староболгарською¹². Як влучно зауважив дослідник, ці обставини мали визначальний вплив на подальший розвиток письменства на Русі, бо навіть після того, як “болгарські джерела” вичерпались, київські книжники у своїх текстах надалі неухильно намагалися уникати діалектичних лексем і зберігати близькість до болгарських зразків¹³.

На підтвердження своїх міркувань М. Грушевський наводить чималий перелік книжно-літературних творів, які перейшли на Русь безпосередньо з Болгарії. Серед них збірник Златоуструй, Повчання Кирила Єрусалимського, Слова проти ариан Атанасія Великого, Шестоднев Василя Великого, Точний виклад православної віри (“Богословіє”) Іоанна Дамаскіна, Стословець патріарха Геннадія, Ізборники 1073 і 1076 рр., Написання про праву віру Михаїла Синкела, Ліствиця Іоанна Лівстичника, Четья Мінея, Номоканон та ін.¹⁴

Уже на самих початках, в ході закладення основи для подальшого розвитку давньоукраїнської книжності й літератури, як слушно підкреслював М. Грушевський, на Русі почали проростати паростки самостійної творчості. Це значною мірою було зумовлене підкоренням Болгарії Візантією та занепадом її духовно-культурного життя, що, на думку дослідника, активізувало творчі пошуки східнослов’янських книжників і, зрештою, звернуло їхні погляди до інших східнохристиянських книжно-літературних центрів, зокрема Константинополя й Афона, де впродовж XI–XIII ст. у численних монастирях велась інтенсивна перекладацька робота, під час якої південні та східні слов’яни тісно контактували між собою. З XI ст. “ченці і палігрими з України й інших східнослов’янських країв”, констатує вчений, почали регулярно прибувати туди головним чином для ведення систематичної роботи “над перекладанням різних писань з грецького і справлюванням старших, недокладних перекладів по грецьких оригіналах”¹⁵.

Втім, тяжіння до болгарських перекладних творів та й загалом книжно-літературних традицій на українських землях у XI–XIII ст. було ще дуже сильним. За словами М. Грушевського, навіть на підставі мовно-правописного аналізу дуже важко відрізнити те, “що було переложено в східнослов’янських землях, від того, що було перенесено з земель полуднослов’янських”¹⁶.

Такі ж складнощі, зазначає М. Грушевський, виникають і в ході дослідження давньоукраїнського оригінального письменства, оскільки в непоодиноких випадках “наші

нібито оригінальні писання являються переробкою, перефразом візантійських або болгарських творів, так що нелегко буває потягнути границю між такими “оригінальними” писаннями і тими перекладеними творами, які підпадають на нашій ґрунті різними переробками, додатками, інтерполяціями (вставками)”¹⁷. Як приклад учений наводить тексти житій св. Миколая Мірлікійського, датовані кінцем XI – початком XII ст. Деякі з них потрапили на українські землі в готових болгарських перекладах, які, ймовірно, хтось із східнослов’янських книжників використав як основу для власних творів, доповнивши їх новими перекладами та записами різних розповідей прочан тощо¹⁸.

Століттям пізніше великої популярності в Україні набула також болгарська повість про святого зміборця Михайла з Потоуки. Вона майже відразу почала служити канвою, в яку руські книжники вплітали різноманітні казково-героїчні мотиви. Цікаво, що ця болгарська тема, за спостереженнями М. Грушевського, зазнавала творчих переробок й нових інтерпретацій переважно в Західній Україні, а не на Подніпров’ї¹⁹. Вочевидь, в основі цього твердження вченого лежать його погляди на західноукраїнські землі XIII–XIV ст. як на осередок інтенсивної взаємодії різних культурних впливів, зокрема балканських.

У першій книзі п’ятого тому “Історії української літератури” М. Грушевський уже значно ґрунтовніше висвітлив українсько-болгарські культурні зв’язки та взаємовпливи, присвятивши їм у першому розділі – “До першого відродження” – два змістовних параграфи: “Середньоболгарські впливи. Відродження містики та її можливі відбиття на Україні” і “Відгомони богомилства”²⁰. На основі обширної наукової літератури, зокрема праці арх. Амфілохія, О. Соболевського, П. Сирку, К. Радченко, Є. Голубинського, О. Калужняцького, А. Яцимирського, О. Шахматова, В. Істріна, М. Сперанського та ін.²¹, автор підійшов до розгляду цієї проблеми концептуально, чітко систематизувавши свої погляди на розвиток і характер цих відносин та широко проілюструвавши їх конкретними фактами.

Схематично його концепцію можна відобразити таким чином: поширення болгарських культурних (в основному книжно-літературних) досягнень на Русі в X–XI ст. → занепад болгарських релігійно-культурних центрів та посилення візантійсько-руських духовно-культурних відносин (XI–XII ст.) → східнослов’янські впливи на південнослов’янську книжність і літературу (XII–XIII ст.) → “середньоболгарське відродження” (друга половина XIV ст.) та його впливи на східнослов’янське релігійно-культурне життя наприкінці XIV–XV ст.

Таке бачення М. Грушевським процесу українсько-болгарської духовно-культурної взаємодії X–XV ст. стало логічним підсумком наукових досліджень з цієї проблеми, здійснених його попередниками. Вчений намагався використати якнайбільше нових, оригінальних розвідок, відповідно до яких коригував та розширював свої погляди. У згадуваній першій книзі п’ятого тому “Історії української літератури” він неодноразово наголошував, що чимало цінних публікацій, які стосуються цієї теми, раніше були йому недоступні²². З огляду на це, він часто повертався до аналізу попередніх книжно-літературних явищ, намагаючись поглибити їх розуміння. Так, велике зацікавлення у нього викликали припущення О. Шахматова про прийняття християнства Руссю від Болгарії, діяльність на східнослов’янських землях учнів Кирила і Мефодія та утвердження у Києві болгарської мови як літературної²³.

Уявлення М. Грушевського про основні етапи цих відносин істотно розширили висновки, зроблені М. Сперанським на підставі порівняльного вивчення мовно-текстологічних особливостей давніх південнослов’янських та східнослов’янських рукописів. Дослідження М. Сперанського у багатьох відношеннях були новаторськими в методологічному плані. Зосередившись на з’ясуванні співвідношень між різними списками одного й того ж літературного твору, він намагався визначити час і місце появи їхнього протографа, простежити шляхи його міграції. Провівши історико-текстологічний аналіз таких поширених пам’яток, як “16 слів Григорія Богослова”, “Палея історична”, “Повість про взяття Царгорода латинянами” та ін., учений дійшов висновку про існування зворотного впливу – східнослов’янської літератури на південнослов’янську в XII–XVI ст.²⁴ Таким чином було відкрито кардинально новий аспект болгарсько-східнослов’янських релігійно-культурних зв’язків та започатковано формування нового концептуального бачення їх, в якому, поряд із так званім другим південнослов’янським впливом, значне місце відводилося духовній співпраці та взаємодії цих народів, а також стверджувалася безперервна циркуляція літературно-мистецьких творів у південно-східнохристиянському світу. М. Грушевський

одним із перших зробив спробу під таким кутом зору поглянути на українсько-болгарські книжно-літературні відносини, ґрунтуючись на фундаментальних дослідженнях М. Сперанського.

З середини XI ст., коли Болгарія перестала існувати як культурна сила, а Сербія ще не набула такого значення, руські землі, за словами М. Грушевського, стараннями константинопольського патріарха активніше долучаються до візантійського релігійно-культурного життя²⁵. Це мало благодатний вплив на Русь, оскільки місцеві книжники в нових умовах змушені були активізувати перекладацьку діяльність і, зрештою, досягли в цій царині значних успіхів. Учений підтримує думку М. Сперанського про те, що у XII–XIII ст. перекладні й оригінальні твори руської літератури часто переписувалися болгарськими і сербськими книжниками. При цьому він окремо наголошує на тому, що місцем такого “міжслов’янського обміну”, найвірогідніше, були константинопольські й афонські монастирі, куди сходилися південнослов’янські та східнослов’янські ценці й прочани²⁶.

На зламі XII–XIII ст., на думку М. Грушевського, почали складатися передумови переходу українсько-болгарських книжно-літературних відносин на новий етап розвитку. Саме тоді на Балканах відбулися доленосні геополітичні зміни, зокрема, утворилась Друга Болгарська держава, з-під візантійського впливу вийшла Держава Неманичів, а Константинополь захопили хрестоносці²⁷. Згодом відновлення болгарської помісної церкви в статусі патріархії (1235), підтримка болгарськими можновладцями свого духовництва, їх опіка над своїми монастирями і церквами кардинально змінили ситуацію в болгарському духовно-культурному житті, підготувавши сприятливий ґрунт для його розквіту в останні десятиліття XIV ст.²⁸

Для глибшого розуміння сутності “середньоболгарського літературного відродження” М. Грушевський у загальних рисах розкрив політичні обставини, на тлі яких воно відбувалося, відзначивши політичні амбіції болгарських правителів поширити свою владу на всі Балкани, на що їхньої могутності аж ніяк не вистачало, а також наголосивши на політичному маневруванні Болгарії на міжнародній арені, яке, врешті-решт, завершилося завоюванням її земель турками-османами²⁹.

Переходячи до безпосереднього аналізу основних проявів згаданого явища, М. Грушевський вказав, що “центральною фігурою і, властиво, єдиною скільки-небудь відомою нам літературною силою цього середньоболгарського літературного відродження являється тирновський патріарх Єфим (Євтимій)”³⁰. З огляду на це, він приділив значну увагу постаті цього патріарха, зокрема, проаналізував здійснену ним мовно-правописну реформу, яка, за висновком ученого, стала успішною, передусім, завдяки високому авторитетові самого Євтимія та всебічній підтримці його реформаторської діяльності тирновським царем Іваном Шішманом (1371–1393).

Сутність мовно-правописної реформи патріарха Євтимія та особливості її впровадження вчений розкрив на підставі свідчень Григорія Цамблака та Константина Костенецького³¹. За його словами, “заходом Єфима був виданий царський наказ, щоб не тільки в Тирнові, але і в грецьких сторонах і на Святий Горі (Афоні) не вільно було списувати книги яким-небудь невігласам. Кожен наперед мусив показати книгу свого письма якомусь ієрархові, щоб той оцінив не каліграфію його, а “плід засіву” (якість перекладу); коли писар був того варт, дати йому благословення (на писарську чи перекладацьку роботу), коли ні – то заборонити йому писати на майбутнє, аби “писання не псувалося його дерзновенням”. З міркувань Костянтина і Григорія можемо дорозумітися, що Єфим вимагав, з одного боку, дуже великої, просто буквальної вірності перекладу, з другого боку – великої добірності вислову: підшукування відповідності слів з інших слов’янських мов, коли не ставало в своїй, щоб можливо тонко і художньо передати зміст оригіналу”³².

На східнослов’янських теренах Євтимієву реформу церковнослов’янської писемності, як слушно відзначив М. Грушевський, поширили та закріпили київські митрополити – болгари за походженням – Кипріяни і Григорій Цамблук. Детально вивчаючи їх творчу спадщину, вчений зауважив, що Кипріяни проявив себе більше “з боку формального”, оскільки займався в основному переписуванням, перекладанням та поширенням книг. На відміну від нього, Григорій Цамблук здобув велику славу проповідника, панеґриста й аґіографа³³. Втім, до аналізу творчості Григорія Цамблака та її впливу на розвиток літературного процесу на українських землях М. Грушевський підходив дуже обережно, вказуючи на те, що його твори ще недостатньо вивчені, і невідомо які з них були написані на Русі,

тож “дуже трудно говорити що-небудь про розміри й силу впливу у нас цих, ще раз відроджених під його пером, традицій старого візантійського риторства”³⁴. Разом з тим, учений не сумнівався, що давньоукраїнські книжники і письменники цінували літературні твори Григорія Цамблака, а відтак тією чи іншою мірою зазнавали їх впливу³⁵.

Детально розглянувши різні прояви “середньоболгарської течії” в давньоукраїнському книжно-літературному житті, М. Грушевський зробив спробу розкрити їх глибинну ідеологічну основу. Її вчений цілком вмотивовано шукав у східнохристиянському світогляді періоду пізнього Середньовіччя, коли відбулась ідеологічна зміна. Учений стверджував: “Вона відбивала в собі конфлікт релігійно-філософських систем: останню ідеологічну боротьбу, останній інтелектуальний вибух грецько-візантійського світу, що стався в ньому в середині XIV ст. і звісний під назвою боротьби ісихастів³⁶ з варламитами³⁷, або спору варламітів і паламітів. Тирновська школа, котрої відгомін у нас ми оце слідили, складалася з більш і менш гарячих і щирих прихильників ісихії – була однією з відгалужень її, і констатуєчи зверхні прояви середньоболгарських впливів, ми не можемо забувати того ідеологічного підкладу, що лежав під цими літературними формами в середньоболгарському відродженні”³⁸.

М. Грушевський наголошував, що Євтимій Тирновський, а також його учні і послідовники, котрі розгорнули свою діяльність на українських теренах, були видатними представниками ісихастського руху. На його думку, це дуже важливий факт, який дає змогу пояснити низку явищ у духовно-культурному житті Русі: від критеріїв добору літератури, яка потрапила на наші землі наприкінці XIV–XV ст. в межах середньоболгарських впливів, і до інтелектуальних настроїв місцевих книжників та письменників³⁹.

Підсумовавши свої міркування про роль та значення ісихазму в східнохристиянському духовно-культурному просторі, М. Грушевський логічно перейшов до висвітлення ще одного аспекту українсько-болгарських релігійно-культурних відносин, а саме поширення на східнослов'янських теренах богомільства. Як влучно зауважив дослідник, інтелектуальне піднесення у Візантії та Болгарії, пов'язане з полемічним протистоянням паламітів та варламітів, створили сприятливі передумови для відродження різноманітних єретичних рухів. Навіть після того, як ісихазм став офіційною ідеологією Православної Церкви, проблема не зникла, а навпаки, ще більше загострилась. М. Грушевський тонко підмітив, що межі між ісихазмом і богомільством не завжди були такими чіткими, інколи зовсім не були помітні: “... в доктрині ісихастів дійсно були закладені деякі принципи, які можна було легко розвинути до повного заперечення і всякої обрядовості з одного боку, з другого – вони могли звести попутників ісихазму на трактування всього фізичного життя як на діло злого елемента, наслідок гріха, і тенденцію поборювання і перемагання його пустити в тім напрямі, що його проповідували богомили. Дуже правдоподібно, що різні мандрівні народні проповідники з монахів ісихастів крайніх течій, котрих тоді немало ходило по балканських землях, часто зводили свою проповідь на такі дороги, й ісихастські ідеї в своїм поширенні переплітались з різними єретичними концепціями, особливо з богомільством, та із свого боку причинилися до його оживлення і запліднення новими ідеями”⁴⁰.

Цікавим й оригінальним є твердження М. Грушевського про те, що дуалістичні богомільські мотиви найбільшою мірою поширились на українських землях наприкінці XIV – у першій половині XV ст.⁴¹ Він пояснював це прямим наслідком завоювання болгарських та інших балканських земель турками-османами, від яких багато богомилів рятувалося втечею на північ. Крім того, вчений вказав і на інші шляхи проникнення богомільського вчення на Русь: воно могло йти в загальному руслі середньоболгарських й афонсько-константинопольських релігійно-культурних впливів як крайні форми ісихазму, аскетизму та містицизму; його ідеї принесли також східнослов'янські мандрівники, які з різною метою відвідували монастирі Афону та Константинополя тощо⁴².

М. Грушевський зазначив, що до нашого часу дійшло чимало українських середньовічних переказів та космогонічних легенд, у яких відображені богомільські ідеї; відтак, значна популярність цих дуалістичних мотивів в Україні промовисто свідчить про інтенсивність та глибину богомільських впливів на місцевому ґрунті, хоча тут вони не залишили слідів ані в історичних джерелах, ані в літературних творах⁴³. Найцікавіші фрагменти дуалістичних легенд зафіксовані в прикарпатському регіоні, і це, на думку М. Грушевського, дає підстави припускати, що “популяризатори сеї дуалістичної доктрини мали колись чималий успіх на Україні і спеціально – в її західних частих”⁴⁴.

Як висновок: М. Грушевський у своїх фундаментальних студіях не тільки принагідно торкнувся окремих епізодів українсько-болгарських релігійно-культурних відносин, а й виробив чітке концептуальне бачення їх як цілісного, складного та широкомасштабного процесу, який в епоху Середньовіччя був важливим структуротворчим елементом давньоукраїнської духовності. Широко залучивши наукові праці та відповідні першоджерельні матеріали, він зміг охопити головні аспекти означеної проблеми, цілісно висвітлити їх в окремих нарисах і таким чином показати наступним поколінням дослідників перспективні напрями спеціальних наукових студій. М. Грушевський одним із перших пристосував до української пізнюсередньовічної історії висновки О. Соболевського про „другий південнослов'янський вплив” та М. Сперанського – про зворотній східнослов'янський вплив на південнослов'янську книжність і літературу в XII–XV ст. На підставі цього він переконливо довів, що у вказаний час українські землі були активними учасниками системи інтенсивних міжкультурних відносин, а не перебували на її маргінесі, що в неординарних випадках намагалася стверджувати російська великодержавна історіографія. З позицій досягнень сучасних історичних та філологічних наук погляди М. Грушевського на українсько-болгарську духовно-культурну взаємодію в епоху Середньовіччя у багатьох моментах зберігають наукову актуальність і почасти можуть стати основою для подальших історичних реконструкцій цього процесу.

¹ *Тельвак В.* Михайло Грушевський як дослідник української історіографії / Вікторія Тельвак, Віталій Тельвак. – Київ–Дрогобич, 2005. – С. 137.

² *Зашильняк Л.* Історична концепція М. Грушевського в контексті східноєвропейської історіографії початку ХХ ст. // Вісник Львівського університету. – Серія історична. – Вип. 32. – Львів, 1997. – С. 115.

³ *Зашильняк Л.* Методологічні погляди Михайла Грушевського // Україна модерна. – Ч. 2–3. – Львів, 1999. – С. 242.

⁴ *Григориш Н.* Украинската литературоведска българистика от XIX и средата на XX век: личности и школи. – Велико Търново, 2007. – С. 67–68.

⁵ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. – Т. 3. – Київ, 1992. – С. 461–464.

⁶ Там само. – Т. 6. – Київ, 1995. – С. 342–343.

⁷ Там само. – С. 344.

⁸ Там само. – С. 345.

⁹ Там само. – С. 345.

¹⁰ Цибенко І. “Історія української літератури” Михайла Грушевського – важливий етап у розвитку вітчизняного літературознавства // Вісник Книжкової палати. – 2013. – № 11. – С. 2.

¹¹ Грушевський М. С. Історія української літератури. – Т. 2. – Київ, 1993. – С. 47.

¹² Там само. – Т. 1. – С. 111.

¹³ Там само. – Т. 2. – С. 32.

¹⁴ Там само. – С. 34–35, 38, 40.

¹⁵ Там само. – С. 47.

¹⁶ Там само.

¹⁷ Там само. – С. 51.

¹⁸ Там само. – С. 91.

¹⁹ Там само. – Т. 4. – Кн. 1. – Київ, 1994. – С. 40.

²⁰ Там само. – Т. 5. – Кн. 1. – Київ, 1995. – С. 7–30, 30–39.

²¹ *Амфилохий, архим.* Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всея России, а потом Московский и всея России из своего родного наречия и из переводов своего времени в наши богослужебные книги? // Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. – Т. 2. – Киев, 1878. – С. 230–251; *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Реч. чит. на годичном акте Археологического института 8 мая 1894 года. – Санкт-Петербург, 1894; *Сырку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. 1. – Вып. 1; *Радченко К.Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. – Киев, 1898; *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Период второй, Московский. – Т. 2. – Ч. 1. – Москва, 1900; *Kalužnicki E.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375-1393). – Wien, 1901; *Яцимирский А.И.* Григорій Цамблак: очерк его жизни, административной и книжной деятельности. – Санкт-Петербург, 1904; *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. – Петроград, 1916; *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы. – Петроград, 1922; *Сперанский М.Н.* Къ истории взаимоотношений русской и югославянских литератур // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. – Т. 26. – Петроград, 1923. – С. 143–206.

- ²² Грушевський М.С. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 10, примітка 1.
- ²³ Там само.
- ²⁴ Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей: сборник статей. – Москва, 1960. – С. 55–103.
- ²⁵ Грушевський М.С. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 11.
- ²⁶ Там само.
- ²⁷ Там само. – С. 11–12.
- ²⁸ Там само. – С. 12.
- ²⁹ Там само.
- ³⁰ Там само.
- ³¹ Свої свідчення про реформаторську діяльність тирновського патріарха Євтимія болгарин Григорій Цамблак виклав у “Похвальному слові Євтимію Тирновському”, яке було написано ним між 1415 і 1418 рр. в період його перебування на території Великого князівства Литовського в статусі київського митрополита. Болгарсько-сербський письменник Константин Костенецький про Євтимієву реформу церковнослов’янської писемності розповів у своєму знаменитому творі “Сказання про письмо” (бл. 1424–1426).
- ³² Грушевський М.С. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 13.
- ³³ Там само. – С. 18.
- ³⁴ Там само. – С. 19. Візантійським риторством М. Грушевський називав емоційно-експресивний стиль церковнослов’янської літератури – т. зв. “плетіння слів”.
- ³⁵ Там само. – С. 19–20.
- ³⁶ Ісихазм (від грецького слова ἡσυχάζω, що означає “спокій”) – східнохристиянське релігійно-філософське вчення, розроблене в XIV ст. візантійськими богословами Григорієм Синаїтом та Григорієм Паламою. Ісихасти стверджували, що між Богом і земним світом немає ніякого опосередкування; через спеціальну молитовну практику людина може з’єднатися з Богом, побачити й відчутти Його енергію, осягнути світ зі середини як матеріальну й духовну єдність.
- ³⁷ У 30-х роках XIV ст. ісихазм з позицій логіки почав критикувати Варлаам Калабрійський, котрий спеціально прибув до Константинополя з Італії, щоби помірятися силами зі світочами грецької науки. Згідно з вченням Варлаама, осягнути істину, себто Бога, можна лише через розум і науку, шляхом вивчення Святого Письма, давніх філософів, а також з допомогою логічного мислення.
- ³⁸ Грушевський М.С. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 22.
- ³⁹ Там само. – С. 23–24.
- ⁴⁰ Там само. – С. 31.
- ⁴¹ Там само. – С. 34.
- ⁴² Там само. – С. 35.
- ⁴³ Там само. – С. 34.
- ⁴⁴ Грушевський М.С. З історії релігійної думки на Україні. – Київ, 1992. – С. 59.

ОБРАЗИ НАЦІОНАЛЬНОГО ВІДРОДЖЕННЯ В ПУБЛІЧНОМУ ДИСКУРСІ НАРОДНОЇ РЕСПУБЛІКИ БОЛГАРІЯ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПЕРІОДИЧНОЇ ПРЕСИ)

В. О. Свириденко

Свириденко В. О. Образи національного Відродження в публічному дискурсі Народної Республіки Болгарія (за матеріалами періодичної преси). У статті аналізуються особливості образів національного Відродження у публічному дискурсі соціалістичної Болгарії. Автор пропонує розглядати парадигму згадування про Відродження як «винайдену традицію». Робиться висновок про утвердження певного канону презентації цієї епохи, котрий виражався у відборі сюжетів, позначених героїчною патетикою, та насиченні героїчним змістом трагічних подій; пріоритетному зверненні до тематики російсько-турецької війни 1877–1878 рр., Квітневого повстання 1876 р., діяльності болгарських революціонерів тощо; зображенні епохи у взаємозв'язку з історією, політикою та сучасними досягненнями НРБ.

Ключові слова: Болгарське національне Відродження; політика пам'яті; Народна Республіка Болгарія; періодика; Квітневе повстання 1876 р.; російсько-турецька війна 1877–1878 рр.

Свириденко В. О. Образи національного Возрождения в публичном дискурсе Народной Республики Болгарии (по материалам периодической прессы). В статье анализируются особенности образов национального Возрождения в публичном дискурсе социалистической Болгарии. Автор предлагает рассматривать парадигму вспоминания о Возрождении как «изобретенную традицию». Делается вывод об утверждении определенного канона презентации этой эпохи, который выражался в отборе сюжетов, отмеченных героической патетикой, и насыщении героическим содержанием трагических событий; приоритетном обращении к тематике русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Апрельского восстания 1876 г., деятельности болгарских революционеров и т. д.; изображении эпохи во взаимосвязи с историей, политикой и современными достижениями НРБ.

Ключевые слова: Болгарское национальное Возрождение; политика памяти; Народная Республика Болгария; периодика; Апрельское восстание 1876 г.; русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Svyrydenko V. O. The Images of National Revival in Public Discourse of the People's Republic of Bulgaria (on the Materials of Periodicals). The article analyzes the peculiarities of the images of national Revival in public discourse of socialist Bulgaria. The author proposes to treat the paradigm of remembering about the Revival as “invented tradition.” The conclusion is made about formation of a certain canon of presenting this epoch. The canon found expression in selection of subjects, marked with heroic pathetic, and filling of tragic events with heroic content; in priority appeal to the themes of the Russo-Turkish war of 1877–1878, April uprising of 1876, activity of the Bulgarian revolutionaries etc; in portrayal of the epoch in relation to history, politics and contemporary achievements of the People's Republic of Bulgaria.

Keywords: Bulgarian national Revival; politics of memory; People's Republic of Bulgaria; periodicals; April uprising of 1876; Russo-Turkish war of 1877–1878.

Влада Народної Республіки Болгарія (далі – НРБ) хоч і прагнула побудувати цілковито нове суспільство, котре мало б ґрунтуватися на комуністичних (соціалістичних) цінностях, однак, зважаючи на той факт, що у болгарських комуністів не було глибоких коренів у болгарському минулому, вона змушена була апелювати до національної історії та її найяскравіших сторінок. Однією з таких сторінок поставало національне Відродження. Звертання до тем і сюжетів, пов'язаних із Відродженням, у політиці пам'яті НРБ робило необхідним формулювати образи цієї епохи таким чином, аби вони були доступними для сприйняття широкими верствами населення.

Лише окремі аспекти присутності та використання образів національного Відродження у публічному дискурсі НРБ дістали висвітлення. Зокрема, болгарський історик М. Тодорова вивчила особливості презентації болгарського революціонера В. Левського у різних дискурсах¹. Дослідження німецької дослідниці К. Вебер присвячене використанню образів Відродження соціалістичним режимом у перші роки його перебування при владі². Побіжно публічних репрезентацій епохи також торкається і болгарський науковець Р. Даскалов у своїй роботі про історіографію Болгарського Відродження³.

Для розуміння специфіки презентації образів національного Відродження у публічному дискурсі НРБ ми звернулися до аналізу публікацій з відповідної тематики у болгарській періодичній пресі за період 1944–1989 рр. Як відомо, з метою встановлення монополії у сфері друкованого слова 1947 р. було заборонено усі незалежні видання, а також друковані органи політичних партій. Зрештою, залишилися лише провладна преса, за контентом якої суворо слідкували цензурні установи. Головними рупорами комуністичної пропаганди були друкований орган ЦК БКП щоденна газета «Работническо дело» та теоретичний орган ЦК БКП журнал «Ново време». Ми розглянемо статті, присвячені проблематиці Відродження, надруковані не лише у провідних періодичних виданнях НРБ, означених вище, а також у органі ЦК БКП щомісячному журналі «Политическа просвета», часописі «Политическа агитация», органі ЦК БКП щомісячному суспільно-політичному і літературному журналі «Наша родина», в органі Всенародного комітету болгаро-радянської дружби щомісячному журналі «Българо-съветска дружба» і спільному виданні ЦК ДКСМ і ЦК ВЛКСМ⁴ молодіжному літературно-художньому і суспільно-політичному журналі «Дружба».

Основним завданням періодики НРБ було висвітлення питань та здобутків соціалістичного будівництва, перевага «соціалістичного способу життя», а також критика «буржуазної» ідеології та «західного способу життя» задля виховання лояльних громадян-патріотів. Публікації, що висвітлювали тематику національного Відродження, мали на меті не лише познайомити болгар з тим чи іншим аспектом цієї епохи, а й сформувати у них почуття національної гордості, паралельно з цим наділивши нинішню владу чесно-та ми діячів доби Відродження і приписавши їй їхні здобутки. Однак не весь цей період сприймався владою як безперечно «прогресивний» і вартий гордості всієї нації. Певні його аспекти чи оцінювалися відверто негативно, чи згадувалися лише побіжно, чи взагалі залишалися поза увагою.

Вивчені нами публікації можна умовно розділити на такі тематичні блоки (поряд із кожним вказано відсоток, який складала стаття з даної тематики у співвідношенні до всієї кількості проаналізованих із теми Відродження публікацій):

- 1) російсько-турецька війна 1877–1878 рр. (та інші російсько-турецькі війни, включно з Кримською війною 1853–1856 рр.) – 51,55%;
- 2) Квітневе повстання 1876 р. – 19,07%;
- 3) болгарський революціонер Христо Ботев – 10,83%;
- 4) болгарський революціонер Васил Левський – 10,83%;
- 5) культурно-просвітницькі, церковні аспекти Відродження (в тому числі видатні церковні діячі та просвітники) – 7,73%.

Отже, серед представлених у болгарській пресі доби соціалізму публікацій домінують теми, пов'язані з російсько-турецькими війнами, діяльністю революціонерів доби Відродження. Значно менше уваги приділяється духовним і культурним питанням.

Розглядаючи статті, присвячені російсько-турецьким війнам, бачимо відверту перевагу сюжетів про російсько-турецьку війну 1877–1878 рр. Серед цього тематичного блоку вони складають близько 90%, що пояснюється, на наш погляд, трьома чинниками: по-перше, ця подія мала великий легітимізаційний потенціал і відповідала зовнішньополітичним пріоритетам соціалістичної Болгарії; по-друге, як подія, котра закінчилася перемогою Російської імперії та утворенням незалежного від Османської імперії Болгарського князівства, війна традиційно була присутня у пам'яті болгарського народу з виключно позитивними конотаціями (незважаючи на присутність у образі російсько-турецької війни 1877–1878 рр., як і будь-якої війни, трагічної складової, вона розглядалася, перш за все, з точки зору внеску до національного визволення); по-третє, переможний фінал російсько-турецької війни 1877–1878 рр. сприяв утвердженню русофільських настроїв серед болгарського соціуму, що у подальшому давало можливість владі соціалістичної Болгарії без зайвих зусиль сформувати та закріпити «правильну» зовнішньополітичну лінію завдяки винайденню концепції «болгаро-радянської дружби та співробітництва», основу якої заклали болгаро-російське братерство та взаємодопомога під час Визвольної війни.

Російсько-турецька війна 1877–1878 рр. розглядалася у термінах мужності, честі, героїзму, самопожертви та патріотизму. Поведінка російських воїнів та болгарських опол-

ченців бачиться виключно як гідна та варта поваги. Підкреслюється, що ніякі жакливі природні умови чи навіть чисельна перевага супротивника не можуть зломити героїчного запалу російської армії, оскільки «...нестримним було прагнення російських богатирів», котрі «несли на своїх багнетах свободу братам-болгарам»⁵. Окрім того, при порівнянні військових сил Росії та Османської імперії, стверджується, що хоча вони і були приблизно рівними, проте «російська армія ... надихається почуттям широго братства щодо болгар й інших поневолених балканських народів і це до великої міри визначає їх хоробрість та витривалість при веденні боїв, їх відомий героїзм»⁶.

Турецька армія виступає антигероєм. Останній приписується неймовірна жорстокість: «Ця великодушність поневоловача! Зі шкіри багатьох росіян були вирізані ремені, османські надписи. Спалені ребра, руки, ноги, безліч ударів шаблею і багнетом в молоді тіла...»⁷.

Як відомо, війна являє собою дуже страшний час, коли трапляються такі асоціальні явища як вбивства, зґвалтування, мародерство. Однак із газетних і журнальних репрезентацій постає зовсім інший її образ: час тісного бойового співробітництва, взаємодопомоги та доброзичливих і безкорисливих відносин між болгарами та росіянами. Вірогідніше за все негативні явища мали місце, однак до утвердженого романтизованого образу цієї війни у пресі НРБ не вписувалися такі сюжети.

Російсько-турецька війна 1877–1878 рр. презентувалася як Визвольна війна («Освободителната война») чи як «перше визволення» («първото освобождение»). Примітно, що слово «Визвольна» (чи «Визволення») писалося з великої літери, що, вірогідніше за все, мало засвідчити неабияке значення цієї події у болгарській історії, а також вдячність болгар російському народу. У одній із статей говориться: «...брати-росіяни не лише завоювали свободу для нашого народу, а й назавжди витерли сльози з його обличчя. Коли визволили його від п'ятисотлітнього турецького ярма, вони йому відкрили шлях національного розвитку та прогресу»⁹. Більше того, війна називається «справедливою» та «...об'єктивно-прогресивною, оскільки вирішувала питання буржуазно-демократичних перетворень», а саме – знищення іноземного національного гніту⁹. Підкреслюється, що виявом безмежної вдячності болгарського народу своїм визволителям під час війни стало вживання ними щодо російських армійців слова «братушка», що висловлювало почуття довіри, поваги та вдячності.

Часто-густо при зображенні цієї війни використовувалося поняття «перше визволення», яке уподібнювалося другому «визволенню», тобто приходу до влади болгарських комуністів у вересні 1944 р. Використання понять «перше визволення» та «друге визволення», а також «подвійне визволення» ілюструвало намагання побудувати міфологію про комуністичну революцію як народну і бажану. Неодмінним атрибутом проведення такої паралелі й загалом презентації російсько-турецької війни 1877–1878 рр. був дискурс «братерства та дружби» й «братерної взаємодопомоги та співробітництва»¹⁰. Зокрема, стверджувалося, що «потомки славних російських богатирів, внуки Гурко і Скобелева, славні радянські бійці звільнили наш народ від монархо-фашизму ... завдяки безкорисливій та братерній допомозі Радянського Союзу Болгарія змінила своє обличчя...»¹¹. Відзначимо, що наголос на безкорисливості допомоги Росії та благородності її намірів робився ледве не в кожній публікації.

Квітневе повстання 1876 р. хоч і представлялося як кульмінація національного Відродження (чи національно-визвольної боротьби), сповнена героїзму та самопожертви з боку болгарських революціонерів-керівників повстання, проте порівняно з російсько-турецькою війною 1877–1878 рр. займало другорядне місце. Це ілюструють й наші підрахунки: з усього масиву проаналізованих статей з проблематики Відродження сюжети про Квітневе повстання становлять лише 19,07%. Такі дані свідчать, на наш погляд, про відбір із і без того героїчного нарративу про національне Відродження найгероїчніших тем і сюжетів, а тому при зверненні до цієї проблематики з двох наявних опцій: російсько-турецька війна 1877–1878 рр. і Квітневе повстання 1876 р. перевага надавалася першій. Це пояснювалося тим фактом, що повстання хоч і було героїчною (і водночас трагічною) сторінкою болгарської історії, але закінчилося поразкою і жорстоким придушенням з боку османської влади. В той час як російсько-турецька війна 1877–1878 рр., хоч і була заслугою головним чином російської зброї (втім, у публічному дискурсі НРБ було помітне бажання артикулювати болгарський внесок до успішного фіналу російської військової кампанії

та репрезентувати перемогу у війні як спільну), проте завершилася її перемогою та відновленням болгарської державності. Загалом, в періодиці соціалістичної Болгарії образ Квітневого повстання, окрім його розуміння як найвищої точки національно-визвольної боротьби, мав також додаткове значення як пролог російсько-турецької війни, що привела до першого Визволення Болгарії Російською імперією.

При репрезентації Квітневого повстання 1876 р. робилися спроби провести паралелі з сучасністю чи представити болгарських комуністів як продовжувачів традицій Квітневого повстання. Зокрема, стверджувалося, що «революційні чесноти та традиції діячів Квітневого повстання жили глибоко в серцях болгарських партизанів... Ідеї та мрії героїв національно-визвольної боротьби, в тому числі і діячів Квітневого повстання, знайшли своє повне втілення в новій, соціалістичній Болгарії. Болгарська комуністична партія стала не лише продовжувачем найкращих їхніх ідеалів, прогресивних традицій нашого минулого, вона розширила, поглибила та підняла на новий етап найпотаємніші народні прагнення»¹². У своїй промові, присвяченій 90-й річниці Квітневого повстання, голова держави Тодор Живков відзначив: «Заповіді революціонерів Квітневого повстання, їхню справу продовжили пролетаріат, селянство, народна інтелігенція під керівництвом БКП. Те, за що боролися активісти Квітневого повстання і про що вони мріяли, справдилося 9 вересня 1944 р. Класову боротьбу за перемогу нашої народної влади очолив Георгій Димитров, так само як Георгій Бенковський був ватажком учасників Квітневого повстання в героїчних боях...»¹³. Таким чином, НРБ зображувалася як виконання мрії болгарських революціонерів про «чисту і святу республіку». Болгаро-радянська дружба, заснована на міцних традиціях російсько-болгарської дружби, бачилася виконанням заповітів болгарських революціонерів-учасників Квітневого повстання 1876 р. про дружбу з Росією¹⁴.

Постаті болгарських революціонерів В. Левського та Хр. Ботева, представлені рівною кількістю публікацій, інтерпретуються як взірці героїзму, відваги, мужності та самопожертви. Обидва бачаться передвісниками болгарського соціалізму і БКП. Однак якщо Хр. Ботев згадується головним чином як видатний поет і революціонер, то В. Левського називають Апостолом (чи Апостолом свободи) і Дияконом. Як відомо, до того, як стати на революційну стежку, Левський був священнослужителем, проте невідомо достеменно, з чим саме пов'язане таке його іменування. Традиція називати В. Левського Апостолом (Апостолом свободи) йде ще з часів появи перших робіт, присвячених йому у кінці XIX – на початку XX ст. Вірогідніше за все, вживання цих понять для характеристики його постаті у періодиці НРБ свідчило про бажання влади не поривати цілковито з попередньою традицією чи неспроможністю «винайти» власні поняття та категорії для репрезентації особи В. Левського.

Робилися спроби розглянути постаті В. Левського та Хр. Ботева як ідейних натхненників болгарських партизан-антифашистів, фактично ставлячи їх в один ряд і урівнюючи їхні ідеали. Так, стверджувалося, що «палкий патріотизм і безстрашність В. Левського були надихаючим прикладом для тисяч болгарських партизан та інших антифашистських борців»¹⁵. Бажаючи «присвоїти» найяскравіші події та постаті минулого, влада НРБ також винаходила паралелі між діяльністю і революційною справою В. Левського та Хр. Ботева й роботою БКП. Зокрема, в промові з нагоди святкування Дня Ботева 1964 р. Т. Живков заявив: «Справа Ботева і Левського, наших діячів Відродження, героїв славного Квітневого повстання продовжується при нових історичних умовах болгарським робітничим класом, який керується своєю революційно-марксистською партією»¹⁶. Подекуди доходило до того, що цих двох революціонерів проголошували комуністами (чи предтечами комунізму). Так, стверджувалося, що В. Левський був «не лише діячем національного визволення, а й предтечею соціальної революції»¹⁷. Під останньою розумівся прихід до влади комуністів 1944 р. і проголошення «народної республіки».

В. Левський проголошувався «знаменем і символом при побудові нової, соціалістичної Болгарії», оскільки саме у ній «збулися мрії Левського про створення «чистої і святої республіки» та про перетворення Болгарії на вільну та успішну країну, чис ім'я чути в Європі та в цілому світі»¹⁸. Окрім того, промислові досягнення НРБ часто зображувалися як обов'язок нинішніх поколінь перед досягненням та подвигами болгарських революціонерів¹⁹.

Такі ідеї знаходили відлуння серед болгарського суспільства, зокрема, у зв'язку зі 150-річчям від дня народження В. Левського колектив текстильного заводу у м. Карлово виступив з ідеєю перевиконання плану виробництва, проголосивши В. Левського своїм знаменом²⁰. Ще одним із способів «присвоєння» В. Левського соціалістичним режимом було іменування навчальних закладів, районів міст, товариств тощо на його честь, а також проведення з нагоди ювілеїв із його дня народження низки наукових, культурно-просвітницьких, мистецьких, спортивних заходів²¹.

Особливістю образів російсько-турецької війни 1877–1878 рр., Квітневого повстання 1876 р., а також болгарських революціонерів В. Левського та Хр. Ботева було те, що вони згадувалися у контексті святкування річниць чи ювілеїв цих подій і постатей. Так, серед державних свят НРБ були День народження Хр. Ботева (6 січня), День смерті (повишення) В. Левського (19 лютого), День визволення Болгарії з-під османського поневолення (3 березня) і День (смерті) Хр. Ботева та загиблих у боротьбі проти османського ярма, капіталізму, фашизму та у Вітчизняній війні (2 червня)²². Якщо в назвах перших трьох свят присутні лише «винуватці подій», то свято 2 червня ілюструє, як зусиллями комуністичної влади Болгарії День Хр. Ботева, святкування якого було започатковано ще 1885 р., перетворився на пам'ятний день не лише болгарського революціонера, а й діячів БКП, котрі полягли у «боротьбі проти капіталізму та фашизму». Говорячи про такі державні свята, як День народження Хр. Ботева та День смерті В. Левського, відзначимо: хоч асоціації між цими двома болгарськими революціонерами і діячами БКП чи Вітчизняного фронту й не виносилися у назви свят, проте, як вже зауважувалося, ці паралелі були неодмінним атрибутом згадування про Хр. Ботева та В. Левського. З огляду на все це, ми схильні розглядати парадигму згадування про Відродження як «*винайдену традицію*»²³, яка хоч і апелює до певного минулого (в нашому випадку до епохи Відродження), але, як правило, не має безпосереднього зв'язку із цим минулим, слугуючи радше легітимації теперішнього, встановленню ідентичностей, прищепленню певних цінностей і правил поведінки.

Можливо, саме відсутність легітимаційного потенціалу у просвітницьких, культурно-національних та церковних аспектах Відродження, який би міг би бути використаний владою НРБ, слугувала тому, що вони залишалися практично поза увагою періодичної преси НРБ. Так, частка статей, присвячених цим проблемам становить лише 7,73%.

У порівнянні з активістами революційного крила діячі церковного руху та просвітники мало репрезентовані у публічному дискурсі соціалістичної Болгарії. Якщо болгарські революціонери уособлюються постатями В. Левського та Хр. Ботева, статті про яких досить чисельно представлені, то культурно-просвітницький та церковний рух майже не згадується, принаймні не уособлюється конкретними іменами його діячів. Серед останніх можна згадати лише Паїсія Хілендарського, автора «Історії слов'яноболгарської», котрого прийнято вважати основоположником Болгарського Відродження. Він фактично єдиний з-поміж ватажків культурно-просвітницького та церковно-національного руху вписувався у загальний гранднаратив про Відродження і ставився у ряд із болгарськими революціонерами, як їхній попередник та ідейний натхненник. Щодо репрезентації образу Паїсія Хілендарського, слід зауважити таке: оскільки було важко провести прямі паралелі між його справою та здобутками НРБ (все ж таки він був священнослужителем, що входило у відверте протиріччя з атеїстичною спрямованістю режиму), то наголошувалося на революційності його справи, яка мала зблизити діяльність «хілендарського монаха» з цінностями соціалістичного суспільства. Зокрема, стверджувалося, що «зі своїм войовничим завзяттям Паїсій Хілендарський є близьким нашій епосі і поколінням, котрі розчистили шлях свободі і прогресу й зараз здійснюють великий перелом у історичному розвитку болгарського народу»²⁴.

Цікавою рисою публікацій з культурно-просвітницької та церковної тематики є те, що діяльність того чи іншого діяча згадується крізь призму болгаро-російської та болгаро-радянської дружби, підкреслюються їхні русофільські настрої та контакти з Російською імперією. Таким чином, постаті, що дотримувалися іншої зовнішньополітичної орієнтації (туркофіли, англофіли чи франкофіли) зовсім не представлені на сторінках болгарської періодики.

Важливою рисою публікацій періодичної преси НРБ при характеристиці османської влади було вживання понять «турецьке рабство/ярмо» чи «турецький гніт» (рідше вжи-

валося означення «османський»). Відповідно, болгарський народ презентувався як поневолений, пригноблений та уярмлений, що сприяло формуванню у нього комплексу неповноцінності. Важко сказати, чи це було відображенням ідей та думок авторів, чи владним примусом, що проявлявся через діяльність цензурних установ, чи конформізмом з боку креаторів цих статей. Однак так чи інакше застосування понять «ярмо/рабство» з означенням «турецький» не лише породжувало асоціації з сучасною Туреччиною, а й вірогідніше за все мало на меті завуальовано донести до мас і закріпити у їхній свідомості владну позицію у відносинах з цією країною шляхом нав'язування громадянам НРБ негативної саморепрезентації та комплексу меншовартості.

Концепція «грецького/фанаріотського ярма/рабства» зустрічається в періодичній пресі соціалістичної Болгарії не надто часто, як і загалом звернення до тематики національно-церковного руху, що, на наш погляд, можна пояснити бажанням в умовах атеїстичної ідеології дистанціюватися від сюжетів, пов'язаних з релігією.

Варто зауважити, що при спробах концептуалізувати Відродження у публікаціях періодики НРБ ця епоха зазвичай іменується як період «національно-визвольної/-го боротьби/руху» чи революції (характер якої визначається чи то як буржуазно-демократичний, чи то як народно-демократичний, чи національно-визвольний тощо). Водночас подекуди вживається і саме поняття «Відродження». Зокрема, лише в одній статті Відродження розглядається не тільки як час революційних і національно-визвольних змагань болгарського народу, а і як епоха культурного піднесення та формування болгарської нації²⁵. У виступі очільника держави Т. Живкова з нагоди святкування 1300-річчя Болгарської держави Відродження називається «нашим воскресінням», «національно-демократичною революцією». У переліку «великих ідеологів і ватажків національно-визвольної революції», окрім болгарських революціонерів Г. Раковського, Л. Каравелова, В. Левського, Хр. Ботева, Г. Бенковського, він також згадує двох членів Внутрішньої македоно-одринської революційної організації (далі – ВМОРО) Г. Делчева та Я. Санданські²⁶, котрі боролись за звільнення Македонії від Османської імперії. Той факт, що він відніс їх до активістів Відродження, свідчить про намагання «присвоїти» цих діячів ВМОРО, опротестувавши право Соціалістичної Республіки Македонії як на самих (македонських) революціонерів, так і на існування держави Македонії як такої.

Аналіз публікацій у періодичних виданнях НРБ показав, що був усталений певний канон презентації образів Відродження, котрий мав такі риси:

- відбір тем і сюжетів, позначених героїчною патетикою, та насичення героїчним змістом травматичних/трагічних подій;
- проблемно-тематичні пріоритети обмежувалися російсько-турецькою війною 1877–1878 рр., Квітневим повстанням 1876 р., російсько-болгарськими зв'язками, діяльністю болгарських революціонерів і гайдуків;
- зображення подій, персоналій та місць, пов'язаних з Відродженням, у взаємозв'язку з історією, політикою та сучасними (головним чином промисловими) досягненнями НРБ.

На наш погляд, обрання саме цих подій та персоналій як ключових у публічних репрезентаціях зумовлювалося тим, що: по-перше, вони задавали морально-ціннісну парадигму для громадян НРБ і мали служити прикладом для зростаючих поколінь; по-друге, указані постаті болгарських революціонерів характеризувалися русофільськими настроями, а події так чи інакше були пов'язані з Російською імперією та її «визвольною» місією, що дозволяло легко пропагувати серед громадян НРБ ідею болгаро-радянської дружби, співробітництва та взаємодопомоги, корені якої нібито сягали часів національного Відродження. Іншими словами, обрані для публікації у ЗМІ сюжети, теми, події і постаті дозволяли сформувати патерни правильної поведінки та цінностей, що мають розділятися мешканцями соціалістичної Болгарії. Так, гідний громадянин мав бути патріотом своєї країни, готовим померти заради неї, щоденною працею доводити свою відданість ідеалам болгарських революціонерів доби Відродження, а також поважати Радянський Союз і бути безмежно вдячним його воїнам, що «вдруге звільнили» Болгарію (1944 р.).

Таким чином, періодична преса розглядалася владою як знаряддя її легітимзації та формування соціалістичної ідентичності у болгарського населення. Проблематика Відродження поставала у цьому дискурсі досить плідним ґрунтом.

¹ *Todorova M. N. Bones of Contention: The Living Archive of Vasil Levski and the Making of Bulgaria's National Hero.* – Budapest–New York: Central European University Press, 2009. – XXI+600 p.

² *Weber C. Geschichte und Macht. Die kommunistische Geschichtspolitik in Bulgarien 1944–1948 // Geschichte (ge-)brauchen. Literatur und Geschichtskultur im Staatssozialismus: Jugoslawien und Bulgarien / Angela Richter, Barbara Beyer (Hg.).* – Berlin, 2006. – S. 77–90.

³ *Даскалов Р. Как се мисли Българско Възраждане: историографско проучване.* – София: Лик, 2002. – 384 с.

⁴ ЦК ДКСМ – Централний комітет Димитровського союзу молоді; ЦК ВЛКСМ – Централний комітет Всесоюзного Ленінського союзу молоді.

⁵ *Павлов М. Освободителят на Пловдив // Българо-съветска дружба.* – 1978. – № 1. – С. 28.

⁶ *Христов Х. 100 години от Освобождението на България. Историческата роля на руския народ в нашето национално освобождение // Ново време.* – 1977. – № 8. – С. 101.

⁷ *Ценов Б. «Мъртвата долина» не е загинала // Българо-съветска дружба.* – 1977. – № 12. – С. 5.

⁸ *От век на век // Българо-съветска дружба.* – 1963. – № 2. – С. 1.

⁹ *Ангелова Р. Дълбока признателност, вечна слава // Политическа агитация.* – 1975. – № 3. – С. 39.

¹⁰ *Косев Д. Велико събитие в историята на българския народ // Ново време.* – 1978. – № 2. – С. 64; *Мавриков В. Първото освобождение // Българо-съветска дружба.* – 1957. – № 4. – С. 1; *Христов Х. 100 години от Освобождението на България. Историческата роля на руския народ в нашето национално освобождение // Ново време.* – 1977. – № 8. – С. 101; *Цветков А. Велика годишнина // Българо-съветска дружба.* – 1958. – № 4. – С. 1.

¹¹ *Мавриков В. Първото освобождение // Българо-съветска дружба.* – 1957. – № 4. – С. 1.

¹² *Дойнов Д. Дело на априлци и нашата съвременност // Политическа просвета.* – 1976. – № 4. – С. 35.

¹³ *Янков Б. Всенародна признателност към подвига на априлци. На юбилейните тържества в Панагюрище реч произнесе др. Тодор Живков / Б. Янков, В. Стоилов // Работническо дело.* – 1966. – № 124. – 4 май.

¹⁴ *Дойнов Д. Дело на априлци и нашата съвременност // Политическа просвета.* – 1976. – № 4. – С. 35.

¹⁵ *Христов Х. Васил Левски и българската национална революция // Ново време.* – 1973. – № 1. – С. 75.

¹⁶ *Шарова К. Връхна точка на Българската национална революция (100 години от Априлското въстание 1876 г.) // Ново време.* – 1976. – № 4. – С. 111.

¹⁷ *Стоев Г. Без почивка, без смърт // Политическа агитация.* – 1987. – № 6. – С. 39.

¹⁸ *Христов Х. Васил Левски и българската национална революция // Ново време.* – 1973. – № 1. – С. 75.

¹⁹ *Кръстева Л. Камбаните на паметта // Политическа агитация.* – 1985. – № 9. – С. 40.

²⁰ *Димих Д. С духа на Левски // Българо-съветска дружба.* – 1987. – № 4. – С. 15–16.

²¹ *В района с името на Левски // Политическа агитация.* – 1987. – № 11. – С. 22.

²² *Koleva D. The Memory of Socialist Public Holidays: Between Colonization and Autonomy // Zwischen Amnesie und Nostalgie. Die Erinnerung an den Kommunismus in Südosteuropa / Herausgegeben von Ulf Brunnbauer und Stefan Troebst.* – Köln: Böhlau Verlag Köln, 2007. – S. 189–190.

²³ Термін «*винайдени традиції*» належить Е. Гобсбауму та Т. Ренджеру. На думку Е. Гобсбаума, *винайдени традиції* – це «практики ритуального або символічного характеру, зазвичай обумовлені прямо чи опосередковано прийнятими правилами, які намагаються прищепити певні цінності й норми поведінки через повторюваність, що автоматично передбачає зв'язок з минулим». Дет. див.: *Гобсбаум Е. Вступ: Винаходження традицій // Винайдення традицій / За редакції Ерика Гобсбаума та Теренса Ренджера. [Переклад з англійської та наукове редагування Миколи Климчука].* – К.: Ніка-Центр, 2005. – С. 12–28.

²⁴ *Диневков П. Паисий Хилендарски – личност и дело (250 години от рождението на Паисий Хилендарски) // Ново време.* – 1972. – № 9. – С. 93.

²⁵ *Генчев Н. Българско Възраждане // Ново време.* – 1981. – № 5. – С. 90.

²⁶ *Живков Т. Слово за България // Ново време.* – 1981. – № 12. – С. 11.

МАКЕДОНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ/СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Е. Л. Валева, О. Н. Исаева

Валева Е. Л., Исаева О. Н. Македония като обект на изследване в трудовете на руските/съветските историци. В статията се изясняват причините за нестихващия интерес на историците към този централен район на Балканите; разглеждат се въпроси, представляващи интерес за изследователите в императорска Русия, Съветския Съюз и Руската Федерация; анализират се научни и образователни задачи и методи на исторически изследвания, преобладаващи в различни периоди. Проучването на Македония, тази сложна в етно-конфесионално отношение територия, започва в края на XIX в. Поради прекалената политизация на „македонския въпрос“ неговото изследване в Съветския Съюз беше много затруднено. С началото на перестройката неофициалната забрана върху проучването на македонската проблематика в СССР отпадна. Съвременните руски изследователи се опитват да разкрият обективно ключовите моменти в историята на Македония, самия феномен на „македонския въпрос“, въз основа на съвременните постижения на науката.

Ключови думи: Македония; „македонският въпрос“; Балканите; Балканската криза в началото на XX в.; нация; език.

Валева Е. Л., Исаева О. Н. Македония как обект на изследване в трудах на руските/советските историци. В статията се изясняват причините за неугасаещия интерес на историците към тази централна област на Балканите; разглеждат се проблеми, интересоващи изследователите в императорска Русия, Съветския Съюз и Руската Федерация; анализират се научно-познавателни задачи и методи на историческо изследване, преобладаващи в този или друг период. Изучение на Македония, тази сложна в етно-конфесионално отношение територия, започна в края на XIX в. Чрезмерната политизация на „македонския въпрос“ затруднило е изследването в Съветския Съюз. С началото на перестройката негласният запрет на изучение на македонския проблематика в СССР был снят. Съвременните руски изследователи стремят се обективно осмислят ключовите моменти в историята на Македония, сам феномен на „македонския въпрос“ на основа на съвременното ниво на научните знания.

Ключевые слова: Македония; «македонский вопрос»; Балканы; Балканский кризис начала XX в.; нация; язык.

Valeva E. L., Isaeva O. N. Macedonia as an object of study in the works of Russian/Soviet historians. The following issues are discussed in this article: the reasons of historians' undying interest to the central part of the Balkans; the scope of problems viewed by historians in Russian Empire, Soviet Union and Russian Federation; tasks and methods prevailing in different periods of 20th century. The historical research of Macedonia, which is a rather complicated territory in terms of ethnics and religion, started at the end of 19th century. Excessive politicization of the “Macedonian question” made the research extremely difficult in the Soviet time. With the beginning of Perestroika unofficial ban on the study of the Macedonian perspective in the USSR was withdrawn. Modern Russian researchers seek to objectively understand the key moments in the history of Macedonia, the phenomenon of the “Macedonian Question” on the basis of current scientific knowledge.

Keywords: Macedonia; “Macedonian Question”; the Balkans; the Balkan crisis in 20th century; nation; language.

Любого специалиста по истории Балкан может поразить факт наличия огромной литературы, в том числе и на русском языке, касающейся Македонии. Авторы данной статьи поставили перед собой задачу выяснить: 1) каковы причины неугасающего интереса к этой центральной области Балкан; 2) какие проблемы интересовали исследователей в императорской России, Советском Союзе и сегодняшней Российской Федерации; 3) какова была их идеологическая мотивация и какие научно-познавательные задачи они ставили перед собой; 4) какими методами исторического исследования они пользовались, и какие формы исторического знания преобладали в тот или иной период¹.

Интерес российских исследователей к Македонии проявился значительно позднее, нежели к другим славянским землям. Объясняется это тем, что до конца XIX века Македо-

ния – отсталая периферия Османской империи – не играла сколь-нибудь заметной роли. Но после Берлинского конгресса 1878 г. она приобрела важное геополитическое значение не только для формировавшейся системы независимых государств региона, но для политики великих держав. В начале XX века в условиях менявшегося распределения сил на мировой арене это значение только возрастало. Известно, что именно македонский вопрос – вопрос о судьбе османской провинции – стал основной причиной серии региональных конфликтов и войн начала XX века, проложивших дорогу к мировой войне 1914–1918 гг.

В силу того, что Балканы всегда были зоной приоритетных внешнеполитических интересов Российской империи, события в Македонии на рубеже XIX–XX вв. оказались в центре внимания российских политиков и ученых. Следует напомнить, что традиция и идеология внешней политики Российской империи всегда предполагали деятельную поддержку и защиту единоверного и единокровного славянского населения Балкан. Уже с конца XIX века в России стали появляться первые публикации об этом крае Османской империи. Рассказы и фотографии, свидетельствовавшие о тяжелом положении местного христианского населения, образно говоря, были «фотографической съемкой» объекта. В начале XX века, когда ситуация в Македонии осложнилась и грозила новым обострением Восточного вопроса, начались интенсивные поездки русских путешественников и ученых в эту область. Наряду с путевыми заметками и научными отчетами появилась и соответствующая научная литература².

В публикациях того времени рассказывалось о произволе турецких властей в македонских вилайетах, приводившем к частым антиосманским выступлениям местного населения, а также анализировалось соперничество соседних стран – Болгарии, Сербии, Греции, мечтавших о полном или частичном включении этой историко-географической области в свои границы. Авторы отмечали, что ожесточенная борьба балканских государств за обладание македонскими территориями была напрямую связана с определением национальной идентичности местного славянского населения, составлявшего основную часть жителей края. В своем большинстве они склонялись к тому, что славяне Македонии имели болгарское самосознание.

Авторы этих работ, будучи современниками драматических событий, по сути, не имели возможности оценивать их спокойно и беспристрастно. Поэтому большинство работ, не отличавшихся глубоким осмыслением происходящего, носило скорее публицистический, нежели научный характер, и формировало публицистическое историческое знание. Тогдашние публикации субъективно и даже тенденциозно описывали и объясняли события, происходившие в то время в Македонии, чтобы соответствующим образом обосновать внешнеполитический курс Российской империи на Балканах или политику какой-либо политической партии России.

Так, политически ангажированным историком был П.Н. Милоков – видный представитель русского либерализма и крупный специалист по балканским проблемам. Он часто посещал Македонию как ученый, путешественник и как государственный деятель. Результатом этих поездок стали серия статей в газете «Русские ведомости» и журнале «Вестник Европы», а также книга «Балканский кризис и политика А.П. Извольского»³. Сделав вывод о преобладании в Македонии болгарского населения, Милоков признавал притязания Болгарии на эту территорию вполне обоснованными, тем более что Болгария, в отличие от Сербии и Греции, выступала против ее раздела. Милоков считал невозможным нарушение территориальной и национальной целостности Македонии. Не скрывая своих явных симпатий к стремлению Болгарии восстановить Сан-Стефанские границы, Милоков подчеркивал необходимость решения македонского вопроса путем предоставления Македонии автономии в составе Болгарского государства. Следует отметить, что Милоков не исключал возможности и обретения Македонией автономии в составе Османской империи. В дальнейшем он обходил молчанием вопрос о государстве, в рамках которого необходимо предоставить Македонии автономию, делая упор на сохранении ее целостности. В цикле статей, опубликованных в газетах «Речь» и «Саратовский листок» (с 22 декабря 1912 г. по 12 марта 1913 г.), Милоков впервые представил точку зрения македонской интеллигенции и деятелей ВМОРО, которые выступали за единую и неделимую Македонию. Милоков отмечал, что «македонская» позиция была ближе всего болгарской. Предоставление Македонии автономии при номинальном сохра-

нении статус-кво дало бы Македонии, по мнению Милокова, шанс стать впоследствии независимым балканским государством.

Войдя в состав международной комиссии пацифистского фонда Э. Карнеги, Милоков как представитель России участвовал в написании доклада по анализу причин и последствий Балканских войн 1912–1913 гг. Поскольку свои выводы о положении в Македонии в период военных событий Милоков основывал почти исключительно на болгарских материалах, то он подвергся критике за отсутствие объективности. Этот доклад комиссии Карнеги до сих пор не принимается в Сербии и Греции и не используется в качестве источника при изучении Балканских войн. Сомнения в беспристрастности П.Н. Милокова может усилить также и то обстоятельство, что в «Письмах из Македонии» он делал однозначный вывод о преобладании болгарского населения в крае, отмечая при этом, что вполне определенное болгарское самосознание имело только городское население⁴.

Если П.Н. Милоков, лидер партии кадетов, главный смысл событий 1912 г. на Балканах видел в национальном освобождении славянских народов, то В.И. Ленин, лидер российских социал-демократов, следуя установкам К. Маркса, усматривал суть тогдашних балканских событий в социально-экономическом освобождении Македонии, последнего бастиона средневековья в Восточной Европе. Выделяя в Балканских войнах 1912–1913 гг. в качестве главных общественно-экономический и классовый аспекты, Ленин утверждал, что для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 годы. Победам балканских стран над Турцией Ленин придавал всемирно-историческое значение, полагая, что подрыв феодализма в Македонии означает великий шаг в общественном развитии балканских стран, задержанного турецким абсолютизмом и крепостническими отношениями. Войны на Балканах, по мнению Ленина, открывали новую главу всемирной истории, в которой исторической задачей демократических сил балканских стран, прежде всего балканского крестьянства всех национальностей, становилось окончательное освобождение от помещичьего и монархического гнета путем революции. Вину за исключительную кровопролитность Балканских войн Ленин возлагал на «коронованных разбойников и буржуазию»⁵. Статьям В.И. Ленина о Балканском кризисе 1912 г. надо уделить особое внимание потому, что высказанные там оценки и выводы способствовали зарождению марксистской традиции в отечественной, да и мировой историографии. Суть ее состояла в приоритетном исследовании экономического фактора и классовой борьбы как движущей силы исторического развития.

До раздела Македонии, осуществленного балканскими странами в 1912–1913 гг., ее история в России изучалась в основном как история территории. После Первой мировой войны, в целом закрепившей итоги Балканских войн, Македония, если и рассматривалась советскими авторами, то лишь в контексте истории государств, ее разделивших. К тому же, после большевистского переворота 1917 г. в России коренным образом изменилось содержание ее внешней политики на Балканах, которые стали рассматриваться новым советским руководством как важный резерв мировой революции. Поэтому в 1920-х – первой половине 1930-х годов положение в македонских землях анализировалось в основном с точки зрения возможности дестабилизации политической ситуации в Болгарии, Греции и Югославии и создания там революционной ситуации. Авторами большинства статей в журналах «Коммунистический Интернационал», «Мировое хозяйство и мировая политика», проявлявшими гипертрофированное внимание к революционному движению в регионе, были не столько профессиональные историки, сколько партийные публицисты. Со второй половины 1930-х годов революционные движения малых народов данного региона теряют свою былую значимость для советского руководства. В условиях начавшейся Второй мировой войны, когда знание исторического опыта приобрело особую актуальность, советские историки вновь стали обращаться к проблематике Балканского кризиса начала XX в.⁶

Новый всплеск интереса к Балканам в целом и к Македонии в частности наступил после Второй мировой войны. Тогда в советской политике в регионе большевистский мессианизм соединился со старыми имперскими планами России. Особое место в этих планах «сталинского панславизма» уделялось обновленной Югославии и Болгарии. После образования в рамках югославской федерации македонской республики, в СССР началось ее изучение по страноведческому принципу. В то время вообще отдавался приоритет изу-

чению стран и народов по этническому маркеру. Официальное рождение нового южнославянского народа, получившего этноним «македонцы», открывало возможность создания новых гуманитарных дисциплин, связанных с его языком, историей и культурой. Следует отметить, что власти социалистической Югославии приложили значительные усилия для формирования особой македонской идентичности: она была институализирована в федеральные системы, гарантировавшие республике большие права, в ней целенаправленно развивалась сфера образования и культуры.

Но изучение в СССР всего корпуса проблем, связанных с историческим и культурным прошлым и настоящим Македонии, сразу же столкнулось с немалыми трудностями, носившими идеологический и политический характер.

Во-первых, конфликт между партийным и государственным руководством Советского Союза и Югославии 1948–1953 гг. крайне осложнил объективное изучение в СССР истории всех славянских народов, входивших в югославскую федерацию. К тому же, пресловутый македонский вопрос и после Второй мировой войны продолжил свое существование в качестве важнейшего фактора балканской политики. Новым моментом стало то, что разделившие Македонию страны оказались в противоположных военных блоках (Греция – в НАТО, Болгария – в ОВД), а социалистическая Югославия, по сути, стала страной нейтральной. В силу этого обстоятельства значение македонского вопроса резко возрастало в периоды международных кризисов. Македонский вопрос не только усиливал напряженность между западным и восточным военно-политическими блоками (в период гражданской войны в Греции), но и существенно ослаблял «фронт социализма» на Балканах. Между югославскими (македонскими) и болгарскими учеными шли ожесточенные споры по вопросу о том, существует ли македонская нация. Болгарская сторона отказалась в конце 1950-х годов от признания македонцев в качестве национального меньшинства и стала рассматривать население Пиринского края как этнических болгар, а македонцев, живущих в Югославии, как нацию искусственную, созданную по политическому заказу, а потому ущербную и нежизнеспособную. На позицию болгарских ученых и политиков влияла национальная традиция, в силу которой большинство населения Болгарии смотрело на славянское население Македонии как на неотъемлемую часть болгарского народа.

Этнолингвистические споры между Болгарией и Югославией (Македонией) привели к тому, что македонская тематика была полностью исключена из научной сферы деятельности советских ученых. Но творческая мысль продолжала развиваться, ученые «работали в стол». В качестве примера можно привести первую в советской/российской историографии монографию по истории Македонии XIX в., подготовленную в конце 1960-х годов сотрудником Института славяноведения и балканистики К.Л. Струковой, опубликованную уже после смерти автора в 2004 г.⁷

Необходимость писать о Македонии в справочных и учебных изданиях привела к скандалу вокруг учебника «История южных и западных славян», подготовленного на историческом факультете Московского университета в конце 1960-х гг.⁸ Советские ученые в 1970 г. были вынуждены обсуждать вопрос, в каком ключе следует рассматривать историю Македонии: как историю территории, на чем настаивала болгарская сторона, или как историю самостоятельного народа, чего требовали югославы. К общему заключению так и не пришли, но основы концепции формирования македонской нации были заложены. В 1974 г. в свет вышел 15 том «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) со статьями о Македонии и СР Македонии⁹. Эти материалы вызвали в Югославии настоящий скандал. Острая негативная реакция Болгарии и Югославии на публикации о Македонии справочного или учебного характера, их попытки придать им политическое звучание привели к фактическому запрету в СССР на исследования в этой области.

Советская концепция становления и развития македонского этноса впервые наиболее подробно была сформулирована в рецензии на пресловутый учебник по истории южных и западных славян, подготовленной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970 г. Кратко суть этой концепции сводилась к следующему. Когда речь идет о Средневековье, нет оснований говорить о существовании особого македонского народа на территории Македонии. Развитие национально-освободительного и культурно-просветительного движения в Македонии на протяжении большей части XIX века шло в общем русле болгарского национального Возрождения, начало формирования македонской нации при-

ходит на вторую половину XIX века. Берлинский трактат 1878 г. изменил судьбу македонских земель и их населения. И хотя этническая, языковая, культурная общность Македонии и Болгарии еще сохранялась, раздельное существование их территорий способствовало возникновению особых местных задач и стремлений. Постепенно экономическая, политическая и культурная специфика вела, по мнению авторов рецензии, к вызреванию элементов македонской нации.

Со времени раздела македонских земель после Второй Балканской войны (1913 г.) социально-экономические и общественно-культурные процессы в разных частях Македонии пошли самостоятельным путем. Македонское национальное самосознание, язык и литература находились в процессе формирования вплоть до Второй мировой войны. Лишь образование Народной Республики Македония в рамках ФНРЮ положило начало «новому этапу развития македонского самосознания и формирования македонской нации в условиях социалистического строительства». Авторы рецензии сочли необходимым четко «констатировать факт: в рамках Социалистической Республики Македония развернулся процесс складывания македонской социалистической нации»¹⁰.

Начавшиеся в 1990-е годы кардинальные изменения общественно-политических условий в СССР не могли не отразиться на развитии исторической науки. Стала меняться тематика исследований, наметились новые приоритеты в методологии. С исчезновением идеологических запретов усилился интерес к острым национальным проблемам в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе к македонскому вопросу. С крахом советской системы исчезли все ненаучные, политические причины запрета на изучение македонской проблематики. В условиях архивной «революции» начала 1990-х годов открылась возможность исследовать ее с подлинно научных позиций. В коллективных трудах по истории Болгарии, Югославии, по истории международных отношений на Балканах, изданных в постсоветский период, появились главы, посвященные истории Македонии¹¹.

Опираясь на недоступные прежде архивные фонды, вооруженные обновленным научным инструментарием, ученые вновь обратились к ключевой проблеме Балкан конца XIX – начала XX века – македонскому вопросу.

Исследованием истоков и содержания македонской проблемы стали заниматься О.Н. Исаева, М.Л. Ямбаев, А.Н. Сквозников, Д.О. Лабаури¹². Осмысливая исторический феномен македонского вопроса, они справедливо отмечают, что в разные исторические периоды в него вкладывали различное содержание. Сложилось устойчивое представление, что после 1878 года главным было политическое содержание, то есть политическое будущее трех македонских вилаетов, на обладание которым претендовали все соседние государства. Политическая составляющая неизбежно вызвала актуализацию и другого аспекта македонского вопроса – этнического, связанного с определением национальной принадлежности местного славянского населения. Исследователи выявили феномен лабильности этнического сознания части славянского населения Македонии. В ряде работ убедительно показывается, что неопределенность национального самосознания, присущая преобладающей части македонских селян, создавала благоприятную почву для деятелей болгарской, греческой и сербской пропаганд, а те, в свою очередь, способствовали развертыванию в Македонии этномотивированного терроризма¹³. Анализ путей разрешения македонской проблемы, предлагавшихся в конце XIX – начале XX вв. как внутренними, так и внешними силами, показал, что тупиковыми оказались и революционный, и эволюционный (мирный) путь. В результате была открыта дорога к военному решению проблемы силами самих балканских государств.

Открытие архивов стимулировало исследование македонского движения в рамках международного коммунистического движения 1920–30-х гг.¹⁴ Если в начале своей деятельности Коминтерн не уделял внимания национальному вопросу, считая его отвлекающим внимание от классовой борьбы, то затем в нем стали усматривать катализатор революции. Что касается Балкан, то здесь пропаганда этнического сепаратизма сочеталась с балканским федерализмом. В статьях Р.П. Гришиной показана эволюция отношения большевистского руководства к македонскому вопросу, который со временем стал рассматриваться в качестве одного из важнейших инструментов прогнозируемой на Балканах революции. Балканская коммунистическая федерация приняла решение о наличии уже в то время отдельных македонской, фракийской, добруджанской наций¹⁵.

Вопрос о времени появления на исторической арене македонской нации до сих пор сохраняет свою дискуссионность и требует углубленного изучения. Но исследователям, занятым поисками конкретных дат или событий, так или иначе связанных с этим процессом, стоит прислушаться к мнению авторитетного российского историка Р.П. Гришиной, полагающей, что в условиях Балкан «с их этнической чересполосицей, с частой вынужденной миграцией населения с места на место, из страны в страну особенно трудно определить, когда “начинается” собственно нация, а также затруднительно сказать, когда ее строительство более или менее состоялось»¹⁶.

Еще одной проблемой, пользующейся повышенным вниманием российских историков, являются планы Москвы в отношении Македонии в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, а также проекты балканской интеграции, обсуждавшиеся балканскими коммунистическими лидерами в период антифашистского Сопротивления. Планы кардинального решения македонского вопроса в конце Второй мировой войны, предлагаемые Москвой и компартиями Болгарии и Югославии, исследованы Л.Я. Гибанским. Они касались изменения границ Македонии в рамках федерации южных славян. Автор вскрыл нарастание противоречий между Тито и Димитровым по вопросу о южнославянской федерации, в рамках которой и предлагалось окончательное решение македонского вопроса. Нарастающее противостояние двух складывающихся блоков в мировой политике и его влияние на послевоенное устройство Балкан, в ходе которого периодически всплывал вопрос о Македонии, исследовал А.С. Анিকেев¹⁷.

В рамках темы становления новых независимых посткоммунистических государств Юго-Восточной Европы объектом исследования стала Республика Македония, обретшая свою независимость в 1991 г.¹⁸. Специалисты пытались выяснить, почему этому государству, несмотря на всю остроту межнациональных отношений, крайне тяжелое социально-экономическое положение, враждебное внешнее окружение и бушевавшие по соседству вооруженные конфликты, на протяжении почти 10 лет удавалось сохранять мир и спокойствие. Затем их внимание привлекло острое македоно-албанское противостояние начала 2000-х гг. Подводя промежуточные итоги двадцатилетнего существования этого государства, исследователи отмечают, что Республика Македония, обремененная многими проблемами экономического, этнодемографического, внешнеполитического характера, находится в политической «серой зоне», характеризующейся синдромом бесплодного плюрализма. Смена у руля политических партий, построенных либо по гражданско-социальному, либо по этнически-государственному принципу, не приводит к существенным изменениям во всех сферах жизни. Разность этнических идентификаций, менталитета и конфессиональной принадлежности во многом обуславливает высокий уровень конфликтности межличностных отношений, зачастую транслируемых на политическую систему общества¹⁹.

В последнее десятилетие российские исследователи плодотворно использовали цивилизационный подход (или, точнее, концепт цивилизации), который позволил смягчить экономический детерминизм и развернуться в анализе исторических процессов к человеку. Введение концепции модернизации, давно используемой в западной исторической науке, также расширило операционное поле для российских ученых, помогло им выйти за пределы узких страноведческих исследований и применить междисциплинарный инструментарий.

Коллектив Института славяноведения РАН подготовил целую серию трудов под общим названием «Человек на Балканах», посвященных различным аспектам модернизации в традиционном обществе балканских стран. Этот крупномасштабный проект позволил выявить не только специфику региона, но и сопоставить развитие отдельных его государств. В трудах этой серии была затронута и македонская проблематика. Дальнейшее развитие она получила в монографии Р.П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии»²⁰. В ней македонский вопрос исследован автором и на партийном, и на государственном уровне. Рассматривая дилемму, вставшую перед Болгарией и другими балканскими государствами в начале XX века – война или модернизация, автор делает вывод, что выбор в пользу войны был сделан при большом давлении «македонствующих». Приоритет же силовой политики над проведением в жизнь курса на развертывание производительных сил затормозил движение балканского общества по пути действительной модернизации.

ции. Балканские войны 1912–1913 гг. оборвали линию экономического и социокультурного восхождения Болгарии, добытого трудом ее населения за 30 лет после Освобождения. Обращаясь к «вечному» для Балкан национальному вопросу, один из авторов работ указанной серии «Человек на Балканах», А.А. Улунян приходит к парадоксальному выводу, что именно «решенность “государственного вопроса” в его балканской форме с этнополитической моделью государственно-территориальной организации вела к нерешенности так называемого национального вопроса»²¹.

Следуя антропологическому принципу, отечественные ученые проявили в последнее время особый интерес к личности и ее роли в истории. Этот интерес вполне оправдан, поскольку уравнивает прежний крен в сторону абстрактных изысканий из истории классов, социальных групп, их борьбы за смену общественных формаций. Усилиями целого коллектива авторов была создана галерея наиболее ярких лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, объединенных идеей объединения нации и создания единого государства²². Герои этой книги, вошедшие в пантеон национальной истории, выступили на ее авансцену в переломную для всего континента эпоху, центральным событием которой стала Первая мировая война. Именно с ней они связывали окончательное решение «своего» национального вопроса, реализацию «национального идеала».

В названном издании впервые в российской исторической литературе создан портрет знаковой фигуры для Болгарии и Македонии – Тодора Александрова, профессионального революционера-террориста, принимавшего самое непосредственное участие во всех перипетиях македонского вопроса²³. Еще до недавнего времени в исторической и мемуарной литературе (главным образом, болгарской) Т. Александрова либо превозносили, либо ругали, а его деятельность замалчивали, он побывал и героем национально-освободительной борьбы, и военным преступником. Основываясь на недавно введенные в научный оборот болгарскими специалистами документальные материалы, автор соответствующей статьи Р.П. Гришина попыталась воссоздать объективный образ этого крайне неоднозначного политического деятеля, воинствующего революционера, проложившего путь к войне на Балканах с помощью циничных провокаций с массовыми жертвами в Македонии. Развенчивая «миф о легендарном болгарском патриоте», Гришина задается вопросом: чего же хотел в действительности Александров – свободы Македонии или власти над ней? Чем была для него Болгария? Дать прямые ответы на эти вопросы, считает автор, не получилось ни у его современников, ни ныне – притом ни в Республике Македония, ни в Республике Болгария.

В последнее время стали исследоваться новые аспекты македонской истории. Так, церковная жизнь в Македонии в первой половине 1940-х гг. анализировалась исследователем из Санкт-Петербурга²⁴. Он пришел к выводу, что основание самостоятельной Македонской православной церкви происходило при активной содействии коммунистического руководства Югославии, заинтересованного в ослаблении власти Сербской православной церкви.

Современные российские исследователи, расчищая историческое поле от почти вековых политических наслоений в виде мифов и стереотипов, не оставили без внимания мифологическую трактовку национальной истории, характерную для современной македонской историографии и, по сути, являющуюся примером использования истории в политических целях. В статьях В.К. Волкова, В.А. Шнирельмана были подвергнуты справедливой критике попытки македонских авторов экстраполировать историю своей страны в далекое прошлое, придать ей легендарный характер. Указанные авторы отмечают, что безраздельное господство этноцентризма при создании национальной истории приводит не только к искажению исторических реалий, но и к расхождению с общепринятыми достижениями мировой исторической науки. В статье О.Н. Исаевой рассматриваются основные тезисы концепции запоздалого развития македонской нации, концепции радикального македонизма, имевшего сначала «славянскую», а затем «античную» версии²⁵.

Беглый анализ рассмотренных работ позволяет уловить критическое отношение современных российских авторов к предшествующей во многом идеологизированной историографии и стремление обратиться к дискуссионным вопросам. Их анализ фактического материала в системном контексте позволяет взглянуть на историю региона и его

отдельных стран как на процесс нелинейного характера со своей динамикой, подверженный воздействию многих факторов. Печально известному македонскому вопросу, как любой крупной проблеме, касающейся исторического бытия народов и государств, пока нельзя присвоить статус «решенной проблемы». Все имеющиеся на сегодняшний день исследования означают не «закрытие» темы, а новую, более глубокую ее постановку.

¹ В связи с ограниченным объемом статьи в ней рассматривается лишь новая и новейшая история Македонии.

² См.: *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. – СПб., 1903; *Башмаков А. (Вещий Олег).* Болгария и Македония. – СПб., 1903; *Кондаков Н.* Македония. Археологическое путешествие. – СПб., 1909; *Селищев А.* Доклад на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. Университете. – Казань, 1914; *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. – СПб., 1914.

³ *Милоков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. – СПб., 1910.

⁴ Научно-исторические взгляды П.Н. Милокова по македонскому вопросу исследованы в диссертации С.Г. Мирзоевой «Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П.Н. Милокова: 1898–1917 гг.», защищенной в Нальнике в 2002 г. В целом соглашаясь с выводами автора, можно возразить ему только по следующему вопросу. С.Г. Мирзоева полагает, что в решении македонского вопроса Милоков расходился с официальной российской позицией. Действительно, общим местом в историографии стало утверждение, что российская дипломатия, отвергая в принципе популярную идею автономии Македонии, активно содействовала накануне и в период Балканских войн 1912–1913 гг. ее разделу между соседними государствами, причем в ущерб национальным интересам Болгарии. Однако если рассматривать все действия и предложения России по умиротворению Македонии с 1903 г. (Мюрцштегская программа) по 1913 г., то можно увидеть последовательное движение от весьма ограниченных преобразований в македонских вилайетах к весьма радикальным, открывавшим путь к изменению их административного устройства и введению автономного управления. (Подробнее см.: *Исаева О.Н.* От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913 гг.) // *Россия–Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии.* – М., 2010).

⁵ *Ленин В.И.* Балканские народы и европейская дипломатия // Полн. собр. соч. – 5. изд. – Т. 22. – М., 1968; *Его же.* Новая глава всемирной истории // Там же; *Его же.* Ужасы войны // Там же; *Его же.* Социальное значение сербско-болгарских побед // Там же; *Его же.* О лисе и курятнике // Там же; *Его же.* Позорная резолюция // Там же; *Его же.* Балканская война и буржуазный шовинизм // Там же, т. 23. – М., 1973.

⁶ *Могилевич А.А.* На путях к мировой войне 1914–1918 / А.А. Могилевич, М.Э. Айрапетян. – М., 1940.

⁷ *Струкова К.Л.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70 гг. XIX в. – М., 2004.

⁸ История южных и западных славян / Под редакцией И.М. Белявской, И.А. Воронкова, В.Г. Карасева, И.В. Созина. – М., 1969. Подробнее о перипетиях вокруг учебника см.: *Валева Е.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР / Е. Валева, О. Исаева // *Болгария, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. Българо-руски научни дискусии.* – София, 2011.

⁹ Автор исторического очерка – Л.Я. Гибианский.

¹⁰ Подробнее см.: *Валева Е.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР / Е. Валева, О. Исаева // *България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. Българо-руски научни дискусии.* – София, 2011.

¹¹ См.: *Нации и национальный вопрос в странах ЦЮВЕ во второй половине XIX – начале XX века.* – М., 1991; *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий).* – М., 1994; *Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* – М., 2003; *История Югославии в XX веке: очерки политической истории.* – М., 2011; *На путях к Югославии: за и против.* – М., 1997; *В «пороховом погребе Европы». 1878–1914.* – М., 2003.

¹² См., напр.: *Лабаури Д.О.* Идеология македонизма в 1886–1903 гг. // *Славяноведение.* – 2005. – № 2; *Его же.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. – София, 2008; *Ямбаев М.Л.* Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX веков глазами русских консулов // *Двести лет новой сербской государственности.* – СПб., 2005; *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. – Самара, 2010.

¹³ *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // *Македония: проблемы истории и культуры.* – М., 1999; *Ее же.* Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века // *Славяноведение.* – 2002. – № 3; *Косик В.И.* Гордиев узел Балкан // *Македония: проблемы истории и культуры; Ямбаев М.Л.* Четы Внутренней македонской организации на начальном этапе деятельности // *Славяноведение.* – 2006. – № 1.

¹⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов / Отв. редактор Гришина Р.П. – М., 2000–2003. – Ч. 1–2.

¹⁵ *Гришина Р.П.* Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (по документам Коминтерна) // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. – М., 1995; *Ее же.* Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве 1922–1924 (По документам российских архивов) // Македония: проблемы истории и культуры. – М., 1999; *Войтова Я.* Македонский вопрос и политика Коминтерна (1918–1925): автореф. дисс... канд. ист. наук. – Краснодар, 2007.

¹⁶ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). – М., 2008. – С. 101.

¹⁷ *Гибянский Л.Я.* Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония: проблемы истории и культуры. – М., 1999; *Аникеев А.С.* Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949) // Македония: проблемы истории и культуры. – М., 1999; *Его же.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). – М., 2002.

¹⁸ *Карасев А.В.* Этапы борьбы македонского народа за независимость / А.В. Карасев, В.И. Косик // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. – М., 1997; *Гуськова Е.Ю.* Первые шаги Македонии на пути самостоятельности (1991–1995 гг.) // Македония. Путь к самостоятельности; *Романенко С.А.* Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. – М., 2000.

¹⁹ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – М., 2007; *Пономарева Е.Г.* Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). – М., 2007; *Яжборовская И.С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 2008.

²⁰ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). – М., 2008.

²¹ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). – М., 2004. – С. 127.

²² До и после Версаля. Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 2009.

²³ *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 2009.

²⁴ *Шкаровский М.В.* Церковная жизнь в Македонии в 1941–1944 годы и создание Македонской православной церкви // Славяноведение. – 2012. – № 5.

²⁵ *Волков В.К.* Македонский вопрос в политике и науке // Македония: проблемы истории и культуры. – М., 1999; *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония: проблемы истории и культуры. – М., 1999; *Исаева О.Н.* Македонский дискурс в современной историографии // «Славянский альманах». – М., 2009.

БАЛКАНСКАТА ВОЙНА ОТ 1912–1913 Г. В СПОМЕНИТЕ НА ГЛАВНИЯ ДИРЕКТОР НА БЪЛГАРСКИТЕ ДЪРЖАВНИ ЖЕЛЕЗНИЦИ

Р. Първанова

Първанова Р. Балканската война от 1912–1913 г. в спомените на главния директор на българските държавни железници. Текстът отразява дейността на инж. Б. Морфов по обезпечаването на функционирането на железниците и организирането на пътуванията на цар Фердинанд в отвоюваните от Османската империя по време на Балканската война територии – Тракия и Егейска Македония. Мемоарите свидетелстват за настроенията, аспирациите и противоречията сред висшите военачалници и цар Фердинанд.

Ключови думи: железници; Балканска война 1912–1913 г.; Главна квартира; Тракия и Егейска Македония; цар Фердинанд.

Парванова Р. Балканская война 1912–1913 гг. в воспоминаниях главного директора болгарских государственных железных дорог. В статье рассказывается о мемуарах инж. Богдана Морфова по обеспечению функционирования железных дорог и по организации поездок царя Фердинанда Саксен-Кобург Готского во время Первой Балканской войны на оккупированных Болгарской армией территориях во Фракии и на Эгейском побережье Македонии, принадлежавшие прежде Османской империи. Воспоминания дают представление о настроениях, стремлениях и расхождениях во взглядах среди представителей Верховного командования Болгарской армии и царя.

Ключевые слова: железные дороги; Балканская война 1912–1913 гг.; Фракия и побережье Егейского моря Македонии; Верховное командование; царь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский.

Parvanova R. The First Balkan War of 1912-1913 in the memoirs of the Chief of the Bulgarian national railway lines. The article reflects the activity of engineer Bogdan Morfov to ensure the working of the railways and the organizing of the journeys by rail of Tsar Ferdinand of Saxe-Coburg and Gota in the period of the Balkan war of 1912-1913 in the occupied territory of Thrace and Aegean Macedonia belonging before to the Ottoman empire. The memoirs are the reminiscence of the moods, of the aspirations and of the disagreement between some staff officers of the High Command and the tsar.

Key words: railways; The First Balkan war; The High Command; Thrace and Aegean Macedonia; Tsar Ferdinand of Saxe-Coburg and Gota.

Когато изследователите работят с документи от личен произход, свързани с историята на Балканската война (1912–1913), те обикновено се насочват към архивни материали и публикации, принадлежащи на български ръководни военни дейци, политици, дипломати и държавници. Ретроспективният и персонален поглед към войната на стопанските дейтели обикновено убягва от вниманието на учените, въпреки че интерес към влиянието на Балканската война върху стопанството на България се проявява още в средата на 80-те години на миналия век. Посветената на тази тема статия обаче третира отражението на Балканските войни върху икономиката на страната като цяло, без да очертава участието на отделни личности¹. Представянето на исторически извор от личен произход на ръководен стопански деец, каквито са спомените на инж. Богдан Морфов, дава възможност за опознаване на малко известен аспект от историята на Балканската война.

Но кой е авторът на спомените инж. Богдан Морфов? Той е роден през 1870 г. в гр. Карлофер. След Априлското въстание е изпратен в Цариград, където живее при своя близък родственик Н. Тъпчилещов, виден търговец. Б. Морфов е един от малкото българи, който 7-годишен присъства на тържествата в Сан Стефано – водосвета и прегледа на руските войски, направен от великия княз Николай Николаевич, командващ руските войски на Балканите по време на Руско-турската война. Б. Морфов израства в патриотично семейство. През лятото на 1878 г. неговият баща е назначен за председател на Окръжния съд в Пловдив². Според данните, публикувани преди повече от 10 години от изследователя на историческите връзки между България и Белгия в периода до войните доц. Александър Костов, Богдан Морфов завършва през 1894 г. специалността „строително инженерство“

в университета в гр. Гент, Белгия³. След завръщането си в България инж. Морфов набира опит като стопански ръководител. Работи по проектирането и строителството на жп линиите София – Роман, Сараново (Саран бей, Септември) – Пловдив – Стара Загора. Взима участие в построяването на пристанищата в Русе, Свищов, Лом. Ръководи и завършва изграждането на бургаското пристанище (1896–1903). Той е един от първите специалисти в България, оценил голямото стопанско значение на р. Дунав за икономическото развитие на страната. Инж. Морфов става главен директор на държавните железници през 1907 г. и остава на тази длъжност до юни 1920 г.⁴ Бъдейки шеф на железниците при няколко правителства, той се проявява като експерт в работата си без политически пристрастия.

На този пост го заварва началото на Балканската война. Поради заеманата от него длъжност, от началото на войната той се числи към Главния щаб на действащата армия с чин „полковник“. Служебните му ангажименти по време на войната го поставят в ежедневен досег с висшите щабни офицери. Основната му работа е да организира функционирането на железниците в новопридобитите от българската държава територии във връзка с нуждите на войната. Важно място в дейността му заема обезпечаването на личните пътувания на цар Фердинанд, свитата и гостите му из новите земи. Това става чрез композиране на т.нар. особени или специални влакове, понякога комбинирани с автомобилни обиколки на царя. В хода на работата и общуването с представителите на висшите държавни кръгове инж. Морфов придобива непосредствени впечатления от настроенията и нагласите на висшия офицерски състав, на царя, на някои членове на правителството. Спомените отразяват разногласията между тези среди по важни въпроси, свързани с военната кампания в Тракия и Егейска Македония, с различия във вижданията и желанията за решаването на териториални спорове между съюзниците и България. Тези разминавания във вътрешен и международен аспект се третира в историческите изследвания, но никога не е излишно да се направят по-достъпни за по-широка читателска аудитория непосредствените впечатления на инж. Б. Морфов от участието на държавния глава в събития, свързани с войната. Друга важна линия от стопанската страна на войната, достойна за осветляване, е обезпечаването на функционирането на железниците. Заслужава внимание и визията на инж. Морфов относно стопанския потенциал на новите земи и възможностите за интегрирането им в българското стопанство.

За разлика от други стопански отрасли, при които не се извършва специална предварителна подготовка за война, Главното командване на Българската армия (БА) изготвя план за превоз на войските по държавните железници при тяхното мобилизационно съсредоточаване много преди началото на Балканската война⁵. През 1910 г. обаче се установява, че планът е непригоден за изпълнение и затова се налага командирът на жп дружината към инженерните войски полк. Александър Христов и главният директор на българските железници инж. Б. Морфов да вземат мерки за преработването му. Съвместната им работа се извършва при пълна съгласуваност, в резултат на което през ноември 1910 г. в Щаба на армията е представен рапорт за недостига на личен състав (2280 души), подвижен материал и съоръжения по железниците, като рампи, въглищни и водоснабдителни депа и др. Поради недостига на хора е издадена специална наредба, според която при мобилизация жп персоналот остава на работа по железниците и не подлежи на свикване в армията. Железничарите получават униформи и се приравняват със съответните чинове и звания във войската. Това решение допринася за спазване на дисциплината и реда по железниците по време на войната, в това число и в новите земи⁶.

В спомените си инж. Б. Морфов отбелязва, че влизането на Турция във война с Италия (става дума за т.нар. Триполитанска война) в края на септември 1911 г. предизвиква „обща радост у всички политически кръгове, че за България се открива благоприятен случай да принуди Турция, самостоятелно или в съдружие, да даде правдини на християнските народности в Тракия и Македония“⁷.

Само два дни след началото на споменатата война българските управляващи кръгове задвижват процедура за подобряване превозната способност на държавните железници. Решено е за целта да се отпуснат кредити в размер на 12 млн. златни лева. Съвместно с военните главният директор на железниците изготвя списък на доставките, за да се осигури възможността по жп линиите ежедневно да минават от 10 до 12 чифта военни влакове към турската граница. Съставя се и списък за закупуване на 35 локомотива и

300 вагона, нещо, което по-късно е осъществено. Още преди да се отпуснат тези средства, инж. Морфов взима мерки за разширяване капацитетните възможности на железниците. На 11 важни жп гари се построяват каменни рампи (подходящи за товарене на военна техника), на много други се удължават коловози и разменни пътища. Строят се допълнителни линии и станции за кръстосване на повече влакове. Подобрява се снабдяването на гарите с вода. Складират се 12 хил. тона въглища. Изготвят се и промени в графици на движението на влаковете.

За стореното инж. Морфов докладва на ген. Иван Фичев, началник щаб на армията. Генералът доста откровено споделя с Морфов, че ако итало-турската война продължи, България ще трябва да използва изтощението на Турция и да предприеме „решително решение на македонския въпрос“, защото след войната младотурците щели да употребят всички възможни средства „да прокудят нашите сънародници от техните села и градове в Тракия и Македония“⁴⁸. През декември 1911 г. инж. Морфов предлага на ген. Фичев България да построи жп линията Ямбол – Казъл Агач (Елхово) в отговор на започналото на турска територия строителство на жп линията Баба Ески – Лозенград (дн. Киркларели, Турция), но началникът на Генералния щаб не се съгласява с предложението, за да не отгатнат турците планове за война с тях. През февруари 1912 г. се построяват военни рампи в Ямбол и Стралджа, което подсказва на инж. Морфов, че съсредоточаването на българските войски ще стане срещу Лозенград⁹.

На прием в двореца, състоял се на 1 януари 1912 г., главният директор на железниците получава подарък от цар Фердинанд с писмено благопожелание дейността му през новата година да продължи да се „развива извън пределите на нашето царство“. „Взех – пише Морфов – това пожелание като едно намерение на царя България да се разшири извън сегашните си граници, та чрез това разширение да се разпростре и моята дейност в новите земи, които щяха да се присъединят към нея“¹⁰. През юни 1912 г., когато изпълнението на програмата за подобряване превозната способност на железниците е в усилен ход, инж. Морфов е в многократни контакти с полк. Стефан Нерезов¹¹, който отговаря за военните превози и който му разказва в общи черти за склучения съюз между България и Сърбия. От разговорите с Нерезов Морфов стига до убеждението, че войната против Турция се желае и се очаква за избухне „още през настъпващата есен“¹². Пътуването на директора на железниците с царския влак през август 1912 г. потвърждава предположението му за скорозна война. По време на пътуването министърът на финансите Теодор Теодоров споменава пред него, че след като се събере реколтата, правителството ще пристъпи към мерки, които българският народ очаквал от дълго време.

На 12/25 септември 1912 г. инж. Морфов отива в Щаба на армията, за да вземе разписанията за мобилизацията на войските. В спомените си той отбелязва, че първото действие във важно събитие като мобилизацията и съсредоточаването на войските до границата принадлежи на железниците. Затова всички железничари горели от желание да изпълнят най-добросъвестно дълга си.

Според директора на железниците издаването на заповедта за мобилизация от 17/30 септември 1912 г. се посрещнала с радост и възхищение, като събитие, очаквано навсякъде в страната. Войната се желаела от всички, за да се разреши веднъж завинаги „нашият основен народен въпрос“. Привечер на 17 септември улиците и кафенетата в столицата се препълнили с народ, чували се буйни и войнствени разговори. По същото време инженерите Б. Морфов и Владимир Каракашев¹³ отиват в работилницата и локомотивното депо на софийската гара, за да се осведомят за изпълнението на мобилизационните наредби. Те остават доволни от усърдието, с което жп чиновниците изпълняват служебните си задължения. През следващите 13 дни, до 29 септември/12 октомври, е извършено превозването на всички важни военни части до местоназначението им. Инж. Морфов отбелязва готовността, с която запасните войници масово се стичали по гарите. Стигнало се дотам, че на 19 септември натрупването им по жп станциите се оказало „извънредно голямо“, така че било невъзможно да се превозят навреме. Станало нужно да се изоставят предвидените разписания за движението на влаковете и между главните гари да се пуснат „влакове совалки“, направлявани от самите началници на тези гари.

Спомените на Морфов потвърждават констатирания в историографията факт, че вестта за мобилизацията предизвика „всенароден порив“ от ентузиазъм. Директорът на железниците подчертава, че свиканите запасници заминавали „с възвишен до небесата дух“,

че Вазовото стихотворение „Напред! Час удари славен“ се четяло с възхищение от войниците¹⁴. В този момент Морфов забелязва, че настроението на ген. Фичев е в ярък контраст с ентузиазма на народа. Тягостно впечатление му прави „незадоволството“ на генерала от назначаването на ген. Михаил Савов за помощник на главнокомандващия. Той отбелязва, че още в началото на предстоящите решителни събития се породила язвата на раздора сред ръководителите на армията. Безпокойството му нараствало още повече, като знаел, че цар Фердинанд не притежава качества да отстранява разногласията между своите съветници. От по-сетнешните си наблюдения Морфов стига до заключението за „очевидната противоположност между характеристиките“ на генералите Фичев и Савов. На този предварителен етап от подготовката за войната обаче главният директор получава добра оценка за свършената работа по железниците и от двамата военачалници¹⁵.

Привечер на 29 септември/12 октомври 1912 г. Щабът на армията в целия си състав отпътува с особен влак от София за Стара Загора. При тръгването на влака всички пътници стават на крака, прекръстват се и си пожелават добър път и сполука. Директорът на железниците става свидетел и на акта на обявяването на войната. На 5/17 октомври 1912 г. той, заедно с Генералния щаб, присъства на молебна в препълнената старозагорска черква „Св. Богородица“. След прочитането на манифеста за обявяване на войната тръпки побиват Морфов, когато цар Фердинанд произнася думите: „Заповядвам на войските да навлязат в неприятелската земя“¹⁶.

В началото на военните действия директорът на БДЖ организира бързото превозване от Симеоновград на допълнителни дружини и артилерия, за да се засили дясното крило на Втора армия на турска територия. Известието, получено на 11 октомври/24 октомври 1912 г., за победоносното влизане на българските войски в Лозенград заварва инж. Морфов в Стара Загора. Градът тържествува. Мемоаристът изтъква, че падането на една от турските крепости в български ръце увеличило надеждите за крайна сполука. Той почувствал в душата си голяма радост, голямо удивление и още по-голямо възхищение от храбростта на българския войник¹⁷. Морфов забелязва, че Фердинанд бил много радостен на известията от бойните полета, но бил недоволен от ген. Фичев, който според царя дал прибързана заповед за спиране на настъплението на Първа армия. Самият Морфов смята отношението на ген. Фичев към провеждането на военните операции за разумно и за изключващо всякакви произволи и безразсъдни подвизи

Запомнящо се преживяване за него е и вестта за победата при отбранителната линия Люлебургас – Бунархисар (15/28 октомври – 21 октомври/4 ноември 1912 г.). Общо ликоване обзело всички от бляскавата победа. „Няма по-радостни чувства от тези – пише Морфов, – които обземаат човек при победа. Те не се подлагат на описание, а се преживяват само омайно. Слава и чест на юнаците, които спасиха и издигнаха България до най-високата чест между народите“¹⁸.

Няколко дни след военните победи в Люлебургаско – Бунархисарската операция, инж. Морфов придружава царя при пътуването му с влак от Стара Загора до Ямбол. Морфов забелязва, че преди тръгването монархът разговаря с ген. Савов доста продължително време, а ген. Фичев стоял сам пред влака. Това наблюдение навежда директора на железниците на мисълта, че в бъдеще ще се чува повече думата на ген. Савов. Той додава, че огромното самолюбие на помощник главнокомандващия можело да го изкуши с желание да превземе Цариград. Всъщност малко по-късно се оказва, че вниманието на цар Фердинанд към ген. Савов е белег за сходните им нагласи. По пътя цар Фердинанд разпорежда на Морфов да композира специален царски влак в състава, на който да се постави т.нар. вагон № 1, предначен за големи тържествени посещения. По искане на царя влакът трябвало да бъде докаран в Стара Загора и да чака там по-нататъшни нареждания. Въпреки че цар Фердинанд не казва за какво се готви този влак, Морфов лесно се досеща, че държавният глава не е чужд на мисълта да влезе с него в Константинопол. И Морфов нарежда за образуване на искания от царя влак. Въпреки това не го напуска мисълта, че „всяка неразумна смелост“ ще донесе нещастие.

В мемоарите неведнъж по различни поводи се изтъкват максималистките стремежи на държавния глава към Константинопол, Солун (за този град и на висши военни и политици) и Родосто (дн. Текирдаг, Турция), като Морфов няколко пъти изразява опасения, че подобни прекомерни желания ще имат лоши последствия за България. Точно в този дух са редовете от спомените, в които се разказва за направените от турско правителство

постъпки за примирие в края на октомври и началото на ноември 1912 г. Като причина за нареждането, отправено от царя до министър-председателя, да не дава гласност на предложението за примирие, инж. Морфов сочи мечтата на цар Фердинанд български войски да влязат в Цариград. Неслучайно той пише, че на 2/15 ноември 1912 г. мълвата за желанието на царя да се атакува Чаталджа, отбранителен вал пред османската столица, се увеличила до такива размери, че отнела възможността за разумно обмисляне на въпроса дали българските войски са готови за атака и нужна ли е тя въобще. В навечерието на битката на директора на железниците е разпоредено да пригответи влак от Лозенград до Чаталджа. С влака заминава ген. Савов, но без ген. Фичев, противник на настъплението. Но въпреки неодобрението на крайностите, инж. Морфов се чувства съпричастен към неуспешната първа атака на Чаталджанската укрепена позиция, като определя действията на българските войски не като неуспех, а като „неполука“. На 6/19 ноември 1912 г. неудачата при Чаталджа потапя душата му в тъга. Заповедта за атака той оценява като лекомислено начинание, което не отчитало значението на Цариград и проливите за Великите сили. В спомените се привежда и свидетелството на ген. Фичев, че ген. Савов напуснал „некавалерски“ Чаталджа, когато се очертала несполуката. Разказва се и за реакцията на цар Фердинанд, който изразил пред инж. Морфов личното си негодувание против генералите Фичев, Радко Димитриев и Иван Сарафов. Фердинанд ги обвинил, че са загубили умишлено сражението, защото били „руски оръдия“. Въпреки това инж. Морфов си дава сметка за влиянието на събитието върху войната, като отбелязва, че несполуката при Чаталджа имала фатално значение за преобръщането на настроението на турците и на чуждите държави към българските войски, които до този момент вярвали в непобедимостта на българската армия¹⁹.

В продължение на месеци осигуряването на снабдяването с храни и превозването на войски до Чаталджа по жп линиите е основната работа на директора на железниците. За целта инж. Морфов предприема няколко изпълнени с рискове и опасности пътувания. Веднъж, преди първата атака на Чаталджа, заедно с ген. Вичо Диков, главен интендант на армията, директорът на железниците се отправя от Лозенград към жп гарите Узункьопрю (дн. в Турция) и Димотика (дн. Дидимотихо, Гърция). По тази линия те проверяват моста на р. Марица при гара Кулели Бургас, който се оказва непокътнат от военните действия. За инж. Морфов непокътнатият мост е „неочаквано щастие“, което се увеличава и от наличието на гара Кулели Бургас на 40 товарни вагона и 800 тона въглища. По този повод той отбелязва, че само онези, които са познавали отблизо трудното положение, в което се намирало снабдяването на българските войски при Чаталджа с хранителни припаси по калните пътища от Ямбол до Лозенград, могли да оценят значението на този мост. По време на пътуването двамата с ген. Диков установяват, че е сравнително лесно да се уреди връзка за извършване на превози от вътрешността на страната към чаталджанския стан от гара Димотика по шосето към Ортакьой (Ивайловград) до най-близката жп гара, разположена на линията между Свиленград и Одрин. Във връзка с подготовката на Одринската операция през февруари 1913 г. инж. Морфов съвместно с капитан Кимон Георгиев от Щаба на действащата армия пътуват до жп станция Кабакча, за да дадат наставления за по-бързото разтоварване на хранителни припаси за българските войски. Морфов се разпорежда и да се изпратят жп служители от вътрешността на страната, които да организират движението на влаковете по линията Димотика – Чаталджа. Занимава се и със свързването на телеграфните линии между споменатите два пункта²⁰. Всъщност комуникациите между стара България и жп линиите на завзетата от Османската империя територия обезпечават продължителния престой на българските войски в Източна Тракия през зимата на 1912–1913 г.

Инж. Морфов има и личен принос за успешния ход на военните действия, който обаче не е несвързан с непосредствените му служебни задължения. В мемоарите подробно се разказва за помощта, която той по своя лична инициатива е оказал на командира на Сборната конна бригада полк. Иларион Танев при град Софлу (дн. Суфли, Гърция), довела до пленяването на корпуса на Явер паша. Неговата постъпка е отбелязана и в мемоарите на командира на жп дружината по време на Балканската война полк. Ал. Христов, като в разказите на двамата автори няма противоречия²¹. Накратко казано, Морфов успява да издейства чрез полк. Стефан Нерезов, началник на Оперативния отдел на Щаба на действащата армия, войсково и артилерийско подкрепление за отряда на полк. Танев. На

15/28 ноември 1912 г. битката при с. Мерхамли (дн. с. Пеплос, Гърция) между българския отряд и 11-хилядния корпус на Явер паша завършва със слагане на оръжието от страна на турците. По този начин, както пише Морфов, е предотвратена опасността от прекъсване на комуникациите между вътрешността на страната и Чаталджанските позиции. За оказаното съдействие директорът на държавните железници получава ордена Войнишки кръст за храброст²².

Междувременно на 13/26 ноември 1912 г. започват преговорите за примирие между съюзниците и турското правителство. Това според Морфов става при доста неблагоприятни за българската страна условия. Въпреки това, както отбелязва той, било ясно, че турците не ще могат да си върнат вече загубените земи на запад от р. Еркене и р. Марица до Бяло море. Имайки предвид това, Щабът на армията поставя пред Морфов нова задача – да проучи и установи редовна жп връзка между Солун, Дедеагач (дн. Александруполис, Гърция) и Чаталджа, която да служи не само за превоз на храни за армията, но и за „възстановяване на правилния поминък на населението в ново завзетите от нас земи“²³. Мисията, свързана преди всичко с набавянето на локомотиви и вагони, се оказва една от най-главболните в дейността на директора на железниците през войната. По това време експлоатацията на жп линията между Солун и Дедеагач е в ръцете на френската жп компания „Junction Salonique–Constantinopol“. Морфов пише, че българската страна можела да получи подвижния парк по линията само със съгласието на дирекцията на жп компанията, намираща се в Солун. Затова в средата на ноември 1912 г. той заедно с инженерите Васил Салабашев и Стоимен Сарафов, бивш директор на БДЖ, тръгват от Димотика за Солун. По пътя си срещат пленените турски офицери от отряда на Явер паша, водени от български конници. Душата на Морфов се изпълва с радост и гордост. Спохожда го мисълта, че по беломорските тракийски полета са минали победоносно неговите прадеди във времената на цар Калоян и на цар Асен II. На 16 ноември/29 ноември 1912 г. пътуващите пристигат в Дедеагач. Виждайки за пръв път Егейско море, Морфов описва този момент като незабравимо преживяване. Той е възхитен от блясъка му и определя мига като най-щастливия ден в живота си, защото чувствал, че възжеленията му се сбъднали, като се надявал Бялото море да донесе „ум, радост и богатство“ за България. На гарата в Дедеагач Морфов намира 6 годни локомотива и 280 товарни вагона, собственост на френската жп компания. От Дедеагач до Драма инж. Морфов и неговите колеги пътуват с малък влак, който минава през плодородното гюмюрджинско поле и през самия град Гюмюрджина, потънал в зеленина от кичести дървета и богата растителност. В Ксанти тютюневите складове издават значението на града за „най-ценното производство на Балканския полуостров“. Влакът минава по долината на р. Места и след гара Бук (дн. Паранести, Гърция) се изкачва до едно разклонение на планината Боздаг, за да се спусне в Драмското поле. В Серес във влака се качват князете Борис и Кирил. Пристигайки в Солун, тримата инженери се настаняват в хотел „Олимпия“, средище, в което се събират българи от всички краища на Македония, за да обсъждат съдбините на България. На директора на железниците правят впечатление настроенятия на посетителите на хотелското кафене. Както пише Морфов, за тях балканският съюз вече не съществувал. Те отправяли закани срещу съюзниците. „Никой не мисли – констатира той, – че войната с турците още не е свършена и че на Чаталджа нашите войски изнемогват от умора, глад и заболяване от холера“. Нещо повече, никой не вижда, че полковете от Седма дивизия напускат Солун за Булаир за устояване срещу турския напор там“²⁴.

Придружен от инж. Сарафов, Морфов посещава дирекцията на френската жп компания, за да се осведоми за състоянието на нейния локомотивен и вагонен парк, в състава на който влизат 36 локомотива и 400 вагона. Директорът на дружеството изразява готовност да постави в българско разположение този подвижен материал, но при условие българите да се сдобият със съгласието на гръцките военни власти, които още с влизането си в Солун завзели всички депа и работилници на компанията. „Всъщност гръцките власти – подчертава Морфов – нямаха нужда от локомотивите и вагоните и не проявиха намерение да попречат на дружеството да ни отстъпи използването на техния парк, но те държаха това отстъпване да стане с тяхно съгласие, само за да затвърдят своето право върху владението на град Солун и на всичко, което се намираще в него“²⁵. Това гръцко съгласие можело да се добие само чрез българското военно представителство при гръцката Главна квартира. В българското военно представителство обаче цари войниствено настроение. Членовете на

представителството твърдят, че локомотивите и вагоните са българска военна придобивка и че трябва да се вземат насила, без допитване до гърците. Агресивно настроени, генералите Рачо Петров и Христофор Хесапчиев се изразяват с „най-неприятели думи“ против гърците и лекомислено разсъждават за изхода от войната. Според тях гърците незабавно трябвало да бъдат изпъдени от Солун, а сърбите – от Битоля. По този повод Морфов отбелязва, че те дори не помислили, че българите имали в Солун само две дружини, че срещу сърбите нямали никакви войски и че с турците не били свършили нито при Чаталджа, нито при Одрин, нито при Галиполи. С огромни усилия Морфов едва успява да убеди генералите, че за ползването на подвижния парк българската страна трябва да получи одобрението на ръководството на частната компания с аргумента, че завземането му без съгласието на дружеството може да доведе до плащане на огромни неустойки от страна на българското правителство²⁶.

Инж. Морфов се опитва да въздейства за туширането на крайните нагласи и сред други среди, съпричастни с войната. На връщане от първото си пътуване до Солун, на гара Димотика той среща Кръстьо Станчев, доброволец в Македоно-Одринското опълчение²⁷. Знаейки неговите приятелски отношения с подполковник Александър Протогеров и с другите македонски водители от това опълчение и вярвайки в неговото разумно влияние да разсее у тях непримиримите настроения за войната, които се създавали от тях и се разнасяли по всички краища на България, Морфов говори открито на Станчев за настаналите за страната несгоди от неуспешната атака на Чаталджа на 4/17 ноември 1912 г. и за нуждата да се сключи по-скоро мир с турците чрез отстъпки, за да се запазят в българско владение земите от Македония, полагащи се на България по договорите със съюзниците, и за да се спаси страната от „неминуем погром“²⁸.

В спомените си инж. Морфов разказва за своето и за това на държавния глава отношение към владенето на Солун. Главният директор на БДЖ отбелязва, че когато на 27 октомври/9 ноември 1912 г. царят прочел пред цялата свита телеграмата, която получил за влизането на български войски в Солун, той очевидно не изпитвал радост, защото от вестта се виждало, че гръцките войски са влезли в същия град преди българските. По време на преговорите за отстъпването на локомотивите и вагоните на френската компания началникът на жп службата при гръцката Главна квартира Диамандидис, стар познат на инж. Морфов, му заявява открито, че гръцкият народ държи неотклонно за владенето на Солун, защото този град бил главната цел за предприетата от Гърция война. За оставането на Солун под гръцка власт гръцкото правителство било готово да се откаже в полза на България от всички земи, намиращи се на 20-тина км северно и североизточно от Солун, въпреки че там живеели много гърци. Морфов отдава голямо значение на казаното от Диамандидис, който работи не само към Главната квартира, но е и доверено лице на Венизелос. Така че той приема неговото становище за Солун и като мнение на Венизелос. Думите на Диамандидис предизвикват противоречиви съждения у Морфов. От една страна, той съзнава, че Солун е „старо гръцко заселище“, невладяно никога от българите, с историческо и културно значение за гръцкия народ. Но от друга страна, той смята, че по своето географско положение Солун е „неразделно свързан с Македония“, населена предимно с българи, че градът е „естествената метрополия“ за правилното стопанско развитие на Македония, че в него се сблъскват „по един непримирим начин“ традициите на гръцкия народ със стопанските нужди на българския. Предложението на гръцкия представител за ограждането на пристанищния град с 20-километрова гръцка зона Морфов преценява като спънка пред достъпа до морето за българите и затова посочва възможността за установяване на излаза на Бяло море за Западна България и за Македония „дори на Орфанския залив, при развалините на стария град Амфиполис, обслужвал навремето морската търговия на долината на р. Струма“²⁹. След завръщането си от пътуването си до Солун директорът на БДЖ запознава държавния глава с впечатленията си от непримиримите настроения сред българите в Солун към гръцкото възжеление. Той изразява и мнението си, че България може временно да се откаже от Солун, ако срещу искането ѝ да го владее, се изпречат големи опасности пред осъществяването на освободителното дело. Подхвърля и идеята да се построи пристанище на Орфанския залив.

Заинтригуван от новопридобитите земи, след подписването на примирието в с. Плая Фердинанд нарежда на Морфов да подготви пътуването му с царския влак от Лозенград до Солун. В началото на декември 1912 г. царят потегля със свита си и директора на же-

лезниците от Узункьопрю през Димотика до Дедеагач и Солун. Морфов става свидетел на реакцията на царя, когато монархът за пръв път вижда Егейско море. Според него „неудържимо радост“ обзела лицето на Фердинанд, който извикал с възхищение: „Ето, ето на морето, гдето се роди човешката цивилизация“³⁰. В Дедеагач влакът бил установен до самия бряг на морето и цар Фердинанд дълго се взирал в „мрачните необятни простори на Бяло море“ и върховете на о. Самотраки. През целия път царят задържа Морфов при себе си в купето, за да му обяснява забележителностите на земите, през които минават. В Кавала Фердинанд се качва на старата генуезка крепост и дълго се любува на о. Тасос и Атонските височини. Пребивайки в Солун, държавният глава се стреми да не дава възможност на гърците да покажат, че са господари на Солун. Той все пак прави посещение на гръцкия крал, пристигнал нарочно в Солун, за да подчертае, че държи много този град да остане под гръцко владение, но после, по време на молебена по случай имения ден на руския император Николай II, българският цар се държи провокативно пренебрежително с гръцките князе Константин и Николай. В края на пътуването си цар Фердинанд продължава да демонстрира негодуванието си пред Морфов от гърците за настояването им да задържат Солун. Това застава директора на железниците да направи за себе си извода, че цар Фердинанд няма да склони за „примирително разрешение на въпроса между България и Гърция за владението на този град“. И Морфов изтъква, че като познавал крайността на характера на цар Фердинанд, изпаднал в голямо униние за нещастията, които можели да сполетят страната, толкова повече, че в състава на правителството нямало лице с достатъчно власт да обуздае крайните и необмислени решения на царя³¹.

Като необоснован максимализъм Морфов представя и настояването на царя от февруари 1913 г. да присъедини Родосто към царството. В мемоарите се споменава, че Фердинанд не останал доволен, когато Морфов му казал, че този град и крайбрежието на Мраморно море принадлежат към протоците, „до които въобще е опасно България да се допира“³².

В навечерието на превземането на Одрин главният директор на железниците, като придружител на царица Елеонора, се оказва недалеч от бойните действия и чува оръдейните гърмежи, които се превръщат в непрестанно бучене през целия ден и през цялата нощ на 12 срещу 13 март/26 март 1913 г. След замлъкването на оръдията придружителите на царицата узнават, че Одрин се е предал. Ето какво отбелязва Морфов за този миг: „По лицата на всички ни просия радост. Одрин, столицата на зародиша на османското царство в Европа, гдето се създаде мисълта за разорението на нашата държава преди пет века, падна в победоносните ръце на нашите храбри войски. Какъв славен ден!“³³. Той описва и видяното от него в Одрин непосредствено след победата на българските войски на 13 март/26 март 1913 г.: „Ние се намерихме под одринските укрепления срещу зейналите гърла на замлъкналите вече оръдия, сред едно поле, осеяно от разхвърляни пушки, саби, раници, шапки, шинели и многобройни трупове на убити войници и коне. Горе, на завзетите укрепления нашите войници ликуват спечелената победа, долу, пред тях санитарите събират в братски гробове падналите юнаци – техни другари – за същата тази победа. Зрелището е трогателно. Радостта и тъгата, събрани заедно за едно велико дело“³⁴.

Месец по-късно, в средата на април 1913 г. директорът на железниците отново се оказва в Одрин за Великденските празници. Долавя настроенията на войниците, като определя, че те чувствали не толкова умора от отминалите военни действия, колкото от неуставното положение, което се създавало поради възникналите спорове между съюзниците. По лицата им не се виждала радост от постигнатите победи, а загриженост, „като че ли войната тепърва ще се развие и с по-голяма неизвестност за тях“³⁵. Той е в Одрин и в деня на подписването на Лондонския мирен договор 17/30 май 1913 г., който слага край на Балканската война. Но на вечерята на висшите офицери от Щаба на армията Морфов не забелязва радост, каквато обикновено цари след такова голямо събитие. Многозначително е неговото споменаване, че на следващия ден ген. Савов го извиквал, за да му нареди да ускори превозването на войските от Чаталджа за Македония³⁶.

Спомените на инж. Морфов са много показателни за неговия мисловен хоризонт, ако може така да се каже, за стопанското значение на новопридобитите земи и средствата за интегрирането им в един единен стопански организъм на България. В това отношение той не е изключение, защото и някои видни представители на българската академична мисъл правят обиколки из Западна Тракия и Егейското крайбрежие и запознават обществеността с икономическия потенциал на новите територии и с вижданията си за бъдещата сто-

панска уредба на България. Още в навечерието на войната пред министър-председателя Иван Ев. Гешов, който проявява интерес към стопанското значение на Одрин и Дедеагач за България, Морфов развива тезата, че Тракия, без околностите на Цариград, е стопански неразделно свързана с България. Той използва пътуването на цар Фердинанд от Дедеагач до Солун в края на 1912 г., за да сподели мнението си, че Бяло море ще донесе щастие и велико бъдеще на България. Той смята, че щом страната владее Дедеагач, Кавала и Орфано, неоставането в Солун не трябва да става причина за скъсване на отношенията със съюзниците. Морфов излага пред царя в най-общи шрихи и своите мисли за построяването на морски съоръжения в Кавалския и Орфанския залив, за създаването на български беломорски търговски флот, за построяването на жп линия София – Орфано и за свързването на българската жп мрежа с Егейско море³⁷. Малко по-късно, прекосявайки за втори път егейското крайбрежие, Морфов се отдава на мечтата от „недрата на България“ да се построят жп линии по теченията на реките Марица, Места и Струма, които да съдействат за щастлива промяна в стопанското развитие на страната, като предполага, че свързването на жп линиите на старата и нова България ще доведе до образуването на една стопанска цялост. Но като нереална може да се прецени идеята му българската държава да построи пристанище малко встрани от Солун³⁸. Още повече, като се има предвид, че самият той е свидетел и ръководител на изпълненото с парични и други затруднения продължително строителство на бургаското пристанище.

Спомените на инж. Богдан Морфов отразяват не само изпълнението на преките служебни задължения на един висш държавен стопански ръководител по обезпечаването на функционирането на железниците по време на Балканската война, но съхраняват и атмосферата, в която се води войната, с патриотичните чувства на автора, с приповдигнатото настроение на българското общество при мобилизацията, с наблюденията и съжденията му за нагласите, стремежите на ръководни военни дейци и на цар Фердинанд, с визията му за стопанското усвояване на новопридобитите земи.

¹ Вж. *Беров Л.* Икономиката на България през Балканската и Междусъюзническата война (1912–1913) // Исторически преглед. – 1985. – Кн. 11. – С. 19–31.

² *Кръстев Й.* Неповторимият железничар. Богдан Василев Морфов. – София, 2001. – С. 6–7.

³ *Костов Ал.* България и Белгия. Икономически, политически и културни връзки (1879–1914). – София, 2005. – С. 80, 96.

⁴ *Станев Ж.* Забравените стратегии на българските железници. – URL: geopolitica.eu/spisanie-geopolitika-broi-3-2012/1267-zabravenite-stratezi-na-bylgarskite-jeleznici; bg.wikipedia.org/wiki/Богдан_Морфов

⁵ *Беров Л.* Икономиката на България...

⁶ *Христов А.* Участието на жп дружината и железниците в Балканската война. – София, 1933. – С. 7–16.

⁷ Централен държавен архив (по-нататък – ЦДА), ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 1.

⁸ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 2; *Христов Ал.* Участието на жп дружината и железниците в Балканската война. – С. 8–10; *Ташев Т.* Върховното ръководство и висшето командване на Българската армия (1879–1999). Енциклопедичен справочник / Т. Ташев, Св. Недев. – София, 2000 – С. 279.

⁹ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 4, 6.

¹⁰ Пак там, л. 5.

¹¹ От 1 януари 1911 г. до началото на Балканската война полк. Стефан Нерезов е началник на Оперативното отделение в Щаба на армията и помощник началник в Щаба на армията. (*Ташев Т.* Върховното ръководство и висшето командване на Българската армия... – С. 357).

¹² ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 10.

¹³ Морфов споменава, че през май 1912 г. Вл. Каракашев е завеждащ царските влакове.

¹⁴ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 14; *Стателова Е., Ст. Грънчаров.* История на нова България (1878–1944) / Е. Стателова, Ст. Грънчаров. – 2. изд. – София, 2006. – С. 262.

¹⁵ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 12–16.

¹⁶ Пак там, л. 18.

¹⁷ Пак там.

¹⁸ Пак там, л. 20.

¹⁹ Пак там, л. 27.

²⁰ Пак там, оп. 3, а.е. 1, л. 26–29, 57.

²¹ Вж. *Христов Ал.* Участието на жп дружината и железниците в Балканската война. – София, 1933. – С. 24–29.

- ²² ЦДА, ф. 1452К, оп. 3, а.е. 1, л. 43.
- ²³ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 34.
- ²⁴ Пак там, л. 35–36.
- ²⁵ Пак там, л. 36.
- ²⁶ Пак там, л. 36–38.
- ²⁷ Кръстьо Станчев е и главен редактор (1908–1919) на в. „Камбана“.
- ²⁸ ЦДА, ф. 1452К, оп. 1, а.е. 3, л. 40.
- ²⁹ Пак там, л. 39.
- ³⁰ Пак там, л. 44.
- ³¹ Пак там, л. 48.
- ³² Пак там, л. 59.
- ³³ Пак там, л. 61.
- ³⁴ Пак там, л. 61.
- ³⁵ Пак там, а.е. 4, л. 4.
- ³⁶ Пак там, л. 19.
- ³⁷ Пак там, а.е. 3, л. 45.
- ³⁸ Пак там, л. 48.

ПИСЬМА М. С. ДРИНОВА ИЗ ФОНДОВ УКРАИНСКИХ И РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов

Иващенко В. Ю., Посохов С. И. Листи М. С. Дринова з фондів українських та російських архівів. Увазі читачів пропонуються листи М.С. Дринова до Д.І. Багалія, А.Ф. Бичкова, В.С. Іконнікова, О.М. Пипіна, М.Н. Сперанського, П.С. Уварової та Т.Д. Флоринського із фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського (м. Київ), Санкт-Петербурзького філіалу Архіву РАН, Відділу писемних джерел Державного історичного музею (м. Москва), Відділу рукописів Російської національної бібліотеки (м. Санкт-Петербург). Більша частина листів присвячена науковій діяльності професора. Публікація супроводжується короткою передмовою та коментарем.

Ключові слова: епістолярна спадщина; Марин Дринов; Харківський університет; наукова діяльність.

Иващенко В. Ю., Посохов С. И. Письма М. С. Дринова из фондов украинских и российских архивов. Вниманию читателей предлагаются письма М.С. Дринова к Д.И. Багалю, А.Ф. Бычкову, В.С. Иконникову, А.Н. Пыпину, М.Н. Сперанскому, П.С. Уваровой и Т.Д. Флоринскому из фондов Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (г. Киев), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Большая часть писем посвящена научной жизни профессора. Публикация сопровождается кратким предисловием и комментариями.

Ключевые слова: эпистолярное наследие; Марин Дринов; Харьковский университет; научная деятельность.

Ivashchenko V., Posokhov S. M. Drinov's Letters from the funds of Ukrainian and Russian archives. We offer our readers the collection of M. Drinov's letters to D. Bagaley, A. Bychkov, V. Ikonnikov, A. Pypin, M. Speranskiy, P. Uvarova, T. Florinskiy from the funds of the Institute of Manuscripts of Vernadsky National Library of Ukraine (Kiev), St. Petersburg Branch of the Archives of RAS, the Department of written sources of the State Historical Museum (Moscow), Department of Manuscripts of the Russian National Library (St. Petersburg). Most letters are devoted to scientific life of the professor. The publication is accompanied by a brief introduction and commentaries.

Keywords: epistolary heritage; M. Drinov; Kharkiv University; scientific activity.

В предыдущих томах «Дриновского сборника» были опубликованы письма М.С. Дринова к К.Я. Гроту и В.П. Бузескулу, а также коллекции писем из фондов Пушкинского дома РАН и Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве к разным корреспондентам. В данной публикации представлено 10 ранее не опубликованных писем М.С. Дринова конца 1880-х – начала 1900-х гг. к Д.И. Багалю, А.Ф. Бычкову, В.С. Иконникову, А.Н. Пыпину, М.Н. Сперанскому, П.С. Уваровой и Т.Д. Флоринскому из фондов Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (г. Киев), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

Большая часть писем посвящена научной деятельности М.С. Дринова в последние годы его жизни. Тридцать лет М.С. Дринов возглавлял кафедру славяноведения в Харьковском университете (1873–1903), активно занимался научной работой, в том числе рецензировал труды в области славяноведения¹. Так, в письмах к А.Ф. Бычкову (1896 г.) речь идет о рецензии на первый том «Словаря болгарского языка» Н. Герова (т. 1–5; Пловдив, 1895–1904), которая была издана в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», а в одном из писем к М.Н. Сперанскому (от 6 декабря 1903 г.) – о рецензии на «Очерки из истории взаимных отношений болгар и сербов в XIV–

XVII веках» П.А. Сырку (СПб., 1901), опубликованной в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». Кроме того, в письме к графине П.С. Уваровой (от 23 марта 1903 г.) М.С. Дринов объясняет задержку в подготовке к публикации докладов, прочитанных в ходе работы XII археологического съезда в Харькове, а в двух публикуемых письмах к М.Н. Сперанскому делится своими творческими планами, которые из-за прогрессирующей болезни так и не были реализованы.

8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет научно-педагогической деятельности М.С. Дринова в Харьковском университете. 2 ноября состоялось чествование юбиляра Харьковским историко-филологическим обществом и историко-филологическим факультетом университета². В письмах к В.С. Иконникову и Т.Д. Флоринскому (от 20 ноября 1903 г.) М.С. Дринов благодарит своих корреспондентов за поздравления и признание его заслуг. Еще одно письмо-благодарность адресовано А.Н. Пыпину (от 27 декабря 1903 г.) в ответ на присылку последним фотографии, которая украсила рабочий кабинет ученого.

Известно, что М.С. Дринов поддерживал своих соотечественников, учившихся в российских университетах³, что еще раз подтверждает письмо к профессору Киевского университета Т.Д. Флоринскому (от 2 марта 1893 г.), в котором харьковский профессор хлопочет о судьбе нуждающегося студента Р. Белопитова.

Наконец, в самом раннем по времени письме (от 11 июня 1889 г.) М.С. Дринов поздравляет своего коллегу, Д.И. Багалея, с утверждением в должности ординарного профессора Харьковского университета, а также упоминает о событиях текущей университетской жизни и обстоятельствах своей семейной жизни.

Все письма М.С. Дринова являются автографами. При подготовке к публикации текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначена также дата одного из писем М.Н. Сперанскому, которая была установлена, исходя из текста письма.

¹ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея; Вступ. ст. Т.Г. Павловой. – Х.: Изд-во САГА, 2007. – С. 133–139.

² Деятельность М.С. Дринова в Харьковском университете (1873–1906 гг.) // Исследования в честь Марин Дринов. – София, 1960. – С. 97; Марин Степанович Дринов – профессор Харьковского университета: Биобиблиограф. указатель работ на русском языке. – Харьков: ХГУ, 1985. – С. 4.

³ Марин Степанович Дринов – профессор Харьковского университета: Биобиблиограф. указатель работ на русском языке. – Харьков: ХГУ, 1985. – С. 86.

М. С. Дринов – Д. И. Багалею¹

11 июня 1889 г., Харьков.

Многоуважаемый Дмитрий Иванович!

Поздравляю Вас с повышением в ординарные! Представление отправлено из Харькова 24 мая, а через семь дней, именно 1-го числа сего месяца, утверждено министром, успевшем уже и уведомить попечителя о Вашем повышении. Дело сделано, как видите, с необычною быстротою. Обо всем этом Н.Ф. Сумцов², тоже повышенный одновременно с Вами, узнал вчера вечером от правителя попечительской канцелярии. Еще раз от души поздравляю Вас. Ник[олай] Федорович, который сегодня утром отправился с семьей в Боромлю, тоже шлет Вам свое душевное приветствие.

Искреннейшее благодарю Вас за любезное письмо. Известия Ваши очень соблазнительны, но, к сожалению, мне не скоро удастся вырваться из Харькова. До сих пор я все возился с экзаменами сына, окончившего (благополучно) только три дня тому назад, теперь принялся за окончание кое-каких работ, очень медленно подвигающихся по милости страшной жары и духоты. Постараюсь к концу этого месяца покончить как-нибудь с ними, чтобы, по крайней мере, следующий месяц провести в Славянске.

В том, что Вы назначены членом испытательной комиссии, Вам, конечно, известно. Буцинский уже напечатал свою диссертацию³, которую я пока видел издали, у Нетушила⁴,

в последнем заседании Совета. Судя по ее заглавию, «О заселении Сибири», надо думать, что в ней говорится и об аборигенах.

Марии Васильевне⁵ передайте искренний поклон от меня и от жены⁶, которая и Вам кланяется и поздравляет Вас.

Искренно уважающий Вас
М. Дринов

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени К.И. Вернадского, ф. 1, № 45742, лл. 1–2.

¹ Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк и общественный деятель, академик ВУАН, профессор, ректор Харьковского университета (1906–1911).

² Сумцов Николай Федорович (1854–1922) – фольклорист, этнограф, литературовед, историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской и Чешской академий наук, академик ВУАН, профессор Харьковского университета.

³ Буцинский Петр Никитич (1853–1916) – историк, профессор Харьковского университета. В 1889 г. издал докторскую диссертацию «Заселение Сибири и быт первых ее насельников». После публичной защиты диссертации в Киевском университете в 1890 г. был удостоен звания доктора русской истории.

⁴ Нетушил Иван Вячеславович (1850–1928) – историк, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Харьковского университета (1912–1919).

⁵ Багалей Мария Васильевна (урожд. Александрович) – жена Д.И. Багаля.

⁶ Дринова (урожд. Вильямс) Маргарита Ивановна – жена М.С. Дринова.

М. С. Дринов – Т. Д. Флоринскому¹

2 марта 1893 г., Харьков.

Многоуважаемый Тимофей Дмитриевич,

болгарин Райко Белопитов, которого я рекомендовал Вам в прошлом году и который, благодаря Вашему содействию, был принят тогда в Университет Св. Владимира, пишет мне теперь, что поставлен в необходимость ходатайствовать об освобождении его от платы за слушание лекций, и поэтому поводу просит меня замолвить перед Вами словечко об его бедности. Во исполнении этой просьбы, очень усердной, решаюсь беспокоить Вас нижеследующими строками, в которых сообщаю Вам то, что мне известно о материальном положении Белопитова. Отец его принадлежал к довольно зажиточным жителям г. Панагюриште, но во время восстания 1876 г. был убит, и имущество его расхищено и истреблено. Осиротевшую и обедневшую семью его поддерживают родственники, главным образом, доктор Мачев, питомец Московского университета, мой хороший знакомый. Насколько известно, этот родственник, зять молодого Белопитова, дает последующему средства к существованию, но, должно быть, не очень большие, так как сам он, Мачев, человек небогатый. В прошлом году Белопитов выхлопотал себе какое-то единовременное пособие от болгарского министерства, на которое теперь рассчитывать не может, так как оно решило впредь не давать пособий учащемуся в России болгарскому юношеству.

Как идет печатание ваших лекций по славянскому языкознанию, которых я ожидаю с нетерпением?²

Искренно уважающий Вас,
М. Дринов

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени К.И. Вернадского, ф. 3, № 19891, лл. 1–2.

¹ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – филолог-славист, историк, византинист, политический деятель, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Киевского университета.

² См.: *Флоринский Т.Д.* Лекции по славянскому языкознанию: В 2 ч. (К., СПб., 1895–1897).

М. С. Дринов – А. Ф. Бычкову¹

9 марта 1896 г., Харьков.

Милостивый Государь
Афанасий Федорович,

В ответ на письмо Вашего Высокопревосходительства от 28 февраля имею честь уведомить Вас, что я чрезвычайно польщен тем вниманием, которого Отделение русского языка и словесности удостоило мой разбор словаря Н. Герова, признав его годным для напечатания во вновь предпринятом академическом издании под названием «Известий»². Принимая с полною готовностью делаемое мне в письме Вашем от имени высокопочтимого Отделения предложение, долгом считаю довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что я бы желал сделать теперь некоторые, весьма незначительные, дополнения и, быть может, поправки в названном моем разборе. Их можно бы сделать во время печатания, на корректурных гранках, если редакция «Известий» признает возможным прислать мне их на просмотр.

С искренним уважением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
М. Дринов.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 764, оп. 2, д. 277, л. 1.

¹ Бычков Афанасий Федорович (1858–1944) – историк, археограф, академик Петербургской академии наук, директор Публичной библиотеки в Петербурге, председатель Археографической комиссии.

² Отзыв М.С. Дринова на первый том «Словаря болгарского языка» Н. Герова (т. 1–5; Пловдив, 1895–1904) напечатан в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (т. 1, кн. 2, 1896). «Известия...» выходили в 1852–1863 гг., затем были возобновлены в 1896 г.

М. С. Дринов – А. Ф. Бычкову¹

14 июня 1896 г., Харьков.

Милостивый Государь
Афанасий Федорович,

Согласно обязательному указанию Вашего Высокопревосходительства, выраженному в письме от 28-го мая, имею честь препроводить к Вам прилагаемую при сем записку относительно назначенного мне авторского гонорара, 75 руб., за статью о словаре Н. Герова, отпечатанную во II-ой книге «Известий Отделения русского языка и словесности»². Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вашему Высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за присланные мне издания высокопочтимого Вашего «Отделения», именно: первого тома «Исследований по русскому языку»³ и I-ой книги «Известий». Эти драгоценные для меня дары получены мною своевременно, но, по болезни, оторвавшей меня на довольно продолжительное время от серьезного дела, я только теперь мог приняться за более внимательное изучение их. Вновь предпринятое Отделением русского языка и словесности повременное издание в высокой степени, несомненно, будет содействовать оживлению научной деятельности в области славяно-русской филологии. Искренно буду радоваться, если удастся мне приготовить еще что-нибудь достойное помещения в столь почтенном издании.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
М. Дринов.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 764, оп. 2, д. 277, л. 2–2об.

¹ См. прим. 1 к письму А.Ф. Бычкову от 14 июня 1896 г.

² См. прим. 2 к письму А.Ф. Бычкову от 14 июня 1896 г.

³ См.: Исследования по русскому языку: Сб. – Т. 1. – СПб., 1885–1895.

М. С. Дринов – П. С. Уваровой¹

23 марта 1903 г., Харьков.

Милостливая государыня
графиня Прасковья Сергеевна!

К читанным мною на Харьковском съезде рефератам я не готовился заранее, да и задумал их во время самого съезда, когда обнаружилась крайняя скудость заявленных по славянскому отделу сообщений. Вследствие этого названные мои рефераты имели характер экспромтов и не затрагивали некоторых существенных сторон тех вопросов, которым были посвящены. Принявшись по получении Ваших любезных напоминаний за приготовление их к печати, я вскоре убедился, что обработка их для этой цели является весьма трудным делом. Достаточно сказать, что для восполнения некоторых существенных пробелов в них мне понадобилось наводить, письменным путем, справки в рукописях, находящихся в заграничных книгохранилищах, и что на некоторые свои запросы по сему делу я все еще не получил удовлетворительных ответов. В виду этого я, к моему сожалению, не могу еще сказать, когда буду в состоянии окончить обработку моих рефератов и доставить их в распоряжение Вашего общества².

С глубоким уважением и совершенною преданностью
имею честь быть Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
М. Дринов.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 17, оп. 1, д. 632.

¹ Уварова (урожд. княгиня Щербатова) Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня, археолог, председатель Московского археологического общества, один из организаторов археологических съездов.

² В «Трудах XII археологического съезда в Харькове» (т. 3, 1905) было опубликовано две статьи М. Дринова: «Видение пророка Исаи в последнем времени. (Изложение доклада)» и «Об одном рукописном сборнике церковных чиновположений XIV в.».

М. С. Дринов – В. С. Иконникову¹

20 ноября 1903 г., Харьков.

Высокоуважаемый Владимир Степанович,
с живейшим удовольствием прочел я адресованную В.И. Савве² Вашу телеграмму по случаю исполнившегося тридцатилетия моей профессорской деятельности³. Ваш душевный привет и горячие пожелания тем дороже для меня, что я давно проникнут чувством глубокого уважения к Вам, как ученому деятелю и прекрасному человеку. Примите, дорогой Владимир Степанович, мою благодарность за Ваши добрые ко мне чувства и дорогое благорасположение, которого прошу и впредь не лишать сердечно преданного Вам Вашего почитателя

М. Дринова.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени К. И. Вернадского, ф. 3, № 48904, лл. 1, конверт.

¹ Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – историк, академик Петербургской академии наук и ВУАН, приват-доцент Харьковского, профессор Киевского университета.

² Савва Владимир Иванович (1865–1920) – историк русской литературы, с 1899 г. приват-доцент, затем профессор Харьковского университета.

³ 8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет научно-педагогической деятельности М.С. Дринова в Харьковском университете. 2 ноября состоялось чествование юбиляра Харьковским историко-филологическим обществом и историко-филологическим факультетом университетов.

М. С. Дринов – Т. Д. Флоринскому¹

20 ноября 1903 г., Харьков.

Высокоуважаемый Тимофей Дмитриевич,

До глубины души растрогали Вы меня Вашею милою телеграммою, за которую приношу Вам искреннейшую, сердечную благодарность. Очень жалею, что до сих пор не мог откликнуться на Ваш столь горячий привет. Причиною было то, что во время юбилейного празднества, которое, сверх всяких моих ожиданий, вышло довольно шумным и продолжительным², я простудился и хворал довольно долго. По той же причине и на факультетскую Вашу телеграмму я лишь сегодня мог отправить свой ответ, который адресовал г-ну ректору³.

Признаюсь, я очень сконфужен Вашим хвалебным отзывом о моей ученой деятельности. Мои незначительные и по числу, и по объему книжки и статьи являются сущими пигмеями по сравнению с Вашими капитальными трудами, которыми Вы всегда любезно снабжали и продолжаете снабжать меня, невзирая на то, что я даже не уведомляю Вас о получении их. Позвольте же теперь выразить Вам мою глубокую благодарность за все эти ценные дары, которые я постоянно имею перед глазами, ежедневно почти заглядывая в какой-нибудь из них.

Душевно уважающий Ваш и сердечно преданный Вам,
М. Дринов.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени К.И. Вернадского, ф. 3, № 19892, лл. 1–2.

¹ См. прим. 1 к письму Т.Д. Флоринскому от 2 марта 1893 г.

² См. прим. 3 к письму В.С. Иконникову от 20 ноября 1903 г.

³ Ректором Киевского университета в это время был историк-медиевист Федор Яковлевич Фортинский (1846–1902).

М. С. Дринов – М. Н. Сперанскому¹

6 декабря 1903 г., Харьков.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Нестерович,

Душевное спасибо Вам за сердечный привет, глубоко тронувший меня и обрадовавший. Простите, что откликаюсь Вам так поздно. Причиною тому – продолжительное, еще со времени Петербургского съезда², нездоровье, именно – воспаление легких с разными осложнениями, приведшими в такое расстройство все мои дела, что никак не могу сладить с ними. Оскандальился я и перед Вами, и перед многими другими, но уповаю на милость и благоутробие Ваше. Во время устроенного мне товарищами юбилейного празднества³, да и потом, в течение целого месяца я очень был занят приготовлением давно обещанного мною 2-му отделению Академии разбора книги Сырку о литературных сношениях болгар и сербов в 14–17 вв.⁴ И во все это время имел на своем письменном столе 16–17 том Министерского сборника с Вашею прекрасною статьей о «Загребском сборнике» Владислава Грамматика⁵. Я думал составить обстоятельный разбор со внесением в оный кое-чего нового о Константине Костенчском и о Владиславе, но вследствие частых недомоганий, отрывавших от дела, и в виду наступления крайнего срока доставки отзыва должен был отказаться от своих широких замыслов и поспешил приготовить и отправить коротенький отзыв в несколько страниц и очень жалею, что так случилось, ибо не знаю, удастся ли когда-нибудь утилизировать с трудом собранный и отложенный пока в сторону материал, особенно о Владиславе Грамматике.

Принимались ли Вы за просмотр русских списков житий и святых и сравнение их с Метафрастовскими⁶? Мне некогда еще было и подумать об этом.

Надеюсь, что Вы, по обыкновению, на рождественские каникулы или на масленицу загляните к нам в Харьков и дадите мне возможность побеседовать с вами вдоволь о многом.

Сердечно Вас уважающий и преданный
М. Дринов.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 172, оп. 1, д. 107, л. 4–5.

¹ Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – историк, фольклорист, византолог, член-корреспондент Петербургской академии наук, академик АН СССР, профессор Неженского историко-филологического института князя Безбородко, затем – Московского университета.

² Речь идет о заседаниях предварительного комитета съезда славистов, которые проходили в Петербурге с 10 по 15 апреля 1903 г. М.С. Дринов принимал участие в работе 6 из 7 секций, был избран почетным председателем второй секции (по вопросу славянской энциклопедии).

³ См. прим. 3 к письму В.С. Иконникову от 20 ноября 1903 г.

⁴ См. рец. на кн.: *Сырку П.А.* Очерки из истории взаимных отношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Софийского по единственной рукописи XVI в. – СПб., 1901. – 176 с. // Сб. отд. рус. яз. и словесности имп. Акад наук, 1905. – Т. 73. Прилож № 4. Отчет о присужд. премий им. гр. Д.А. Толстого. – С. 106 – 111.

⁵ См.: *Сперанский М.Н.* Загребский рѣкопис на Владислав Граматик // Сб. за народни умотворения. – София, 1900. – Кн. 16–17. – С. 325–338.

⁶ Речь идет о «Житиях святых» Метафраста Симеона (X в.), которые составляют три тома «Греческой патрологии».

М. С. Дринов – А. Н. Пыпину¹

27 декабря 1903 г., Харьков.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Душевное спасибо Вам за дорогую фотографическую группу, снятую в ночную пору, но, тем не менее, вышедшую замечательно хорошо. Моя фигура, сверх моих ожиданий, тоже имеет весьма приличный вид. Это тем приятнее для меня, что в момент съемки я почему-то быстро повернул голову, вследствие чего ожидал, что выйду на негативе о двух головах и испорчу все дело.

Этот драгоценный Ваш подарок, доставленный мне в полной исправности уже более месяца тому назад, давно *красит* мою рабочую комнату, где я часто, ежедневно люблюсь им, причем всегда вспоминаю о Вас с чувством глубокой признательности. Тем совестнее мне и досаднее, что до сих пор не мог собраться уведомить Вас о получении группы. Мешало то, что все это время, кроме множества текущих служебных дел и хлопот, я должен был ведаться с другими тоже срочными заботами, запущенными в течение прошлого лета, когда я был совершенно оторван от своих занятий воспалением легкого и некоторыми другими довольно серьезными недугами.

Примите, высокочтимый Александр Николаевич, вместе с моею горячею благодарностью и мои сердечные поздравления с наилучшими пожеланиями по случаю наступающего Нового года.

Всею душою уважающий Вас и преданный Вам
М. Дринов.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 608, ед. хр. 289.

¹ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – литературовед, историк, этнограф, фольклорист, академик Петербургской академии наук, один из редакторов журнала «Вестник Европы».

М. С. Дринов – М. Н. Сперанскому¹

[1905 г.].

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Несторович,

Вседушевно благодарю Вас за многоученный подарок. Тут и «Пчелы», давно смущавшие мой слух, и Сирах, и Исихий, и Геннатий², с которым я часто встречался, разыскивая южнославянские параллели по 2-му «Изборнику» Святослава³!

Можете себе представить, сколь много интересного для меня в Вашем новом громадном труде. Да когда же я запасусь необходимыми для основательного изучения его силами и средствами? Крымская зима, отличавшаяся в нынешнем году необыкновенною сурово-

стью, принесла мне мало пользы. Но доктора предсказывают, что наступившая уже весна и предстоящее лето, которое предполагаю провести где-нибудь в окрестностях Харькова, восстановят подорванное мое здоровье. Посмотрим⁴.

Благодарю горячо и за другие Ваши подарки, также и за доброе намерение прислать мне и то, что уже успели сделать по Метафрасту⁵, к которому я, к стыду моему, еще и не приступал.

Сердечно Вам преданный и Вас уважающий
М. Дринов.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 172, оп. 1, д. 107, л. 7–8.

¹ См. прим. 1 к письму М.Н. Сперанскому от 6 декабря 1903 г.

² Речь идет о труде М.Н. Сперанского «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследования и тексты» (М., 1904), где наряду с публикацией «Священных параллелей» Иоанна Дамаскина, «Пчелы», «Изречений» Нила Синайского и Иоанна Златоуста, «Цветов дарования» и некоторых других сборников, дается их обстоятельный анализ.

³ Речь идет об «Изборнике» Святослава 1076 г.

⁴ Осень 1904 – весну 1905 г. М.С. Дринов, у которого обострился туберкулез легких, провел в Ялте, надеясь поправить здоровье.

⁵ См. прим. 5 к письму М.Н. Сперанскому от 6 декабря 1903 г.

ДОКУМЕНТИ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТТЯ З ІСТОРІЇ БОЛГАР В ДЕРЖАВНОМУ АРХІВІ КРАСНОДАРСЬКОГО КРАЮ РОСІЙСЬКОЇ ФЕДЕРАЦІЇ

Я. В. Комар

Комар Я. В. Документи кінця ХІХ – початку ХХ століття з історії болгар в Державному архіві Краснодарського краю Російської Федерації. У публікації представлено тематичний огляд фондів Державного архіву Краснодарського краю кінця ХІХ – початку ХХ століття на предмет матеріалів з історії соціально-економічного, політичного та культурного життя болгар регіону.

Ключові слова: болгар; Державний архів Краснодарського краю; свідоцтва; переписка; прохання; циркуляри; білети.

Комар Я. В. Документы конца ХІХ – начала ХХ века по истории болгар в Государственном архиве Краснодарского края Российской Федерации. В публикации представлен тематический обзор фондов Государственного архива Краснодарского края конца ХІХ – начала ХХ века на предмет материалов по истории социального-экономической, политической и культурной жизни болгар региона.

Ключевые слова: болгары; Государственный архив Краснодарского края; свидетельства; переписка; прошения; циркуляры; билеты.

Komar Ya. V. Documents of the end of 19th – beginning of 20th century in the History of Bulgarians on the State Archives of the Krasnodar Kray of the Russian Federation. The publication presents thematic review of funds of the State Archives of the Krasnodar Kray of the end of 19th – beginning of 20th century to find materials on the history of social, economic, political and cultural life of the Bulgarians in the region.

Keywords: Bulgarians; State Archives of the Krasnodar Kray; certificates; letters; petitions; circulars; tickets.

У процесі дослідження питань, пов'язаних з історією болгарської діаспори в Росії, постає потреба розширення джерельної бази, що можливо зробити двома шляхами: по-перше, за рахунок виявлення нових архівних документів; по-друге, за рахунок розширення географії досліджень, відходу від традиційних територіальних меж проживання болгарської спільноти в Євразії. Цікава колекція таких джерел міститься в Державному архіві Краснодарського краю Російської Федерації (далі – ДАКК). За даними Першого загальноного перепису населення 1897 р., в Кубанській області проживало 276 підданих Болгарії і 322 особи, котрі визнавали болгарську мову за рідну¹, а майже через 100 років, за переписом 1989 року, в Краснодарському краї налічувалось 3696 болгар².

Значний інтерес для болгаристів представляють фонди, в яких сконцентровані матеріали з кінця ХVІІІ ст. про заселення краю, заснування міст та станиць, про економічний, політичний та військовий стан Черноморського, Кавказького лінійного та Кубанського козачих військ, розвиток промисловості, культури, освіти, медицини, про події соціально-політичної історії Кубані початку ХХ століття.

Частина матеріалів, що зберігаються у фондах державного архіву, епізодично була презентована в статтях кубанських краєзнавців. Чільне місце у публікаціях з цієї проблематики посідають праці О.В. Матвеева. Частково ґрунтуючись на матеріалах крайового архіву, дослідник визначає причини та характер міграції болгар на Кубань, розкриває соціально-економічні аспекти їх облаштування на території Російської імперії, розвиток кубансько-болгарських зв'язків³. Але ним була залучена лише невелика частина документів, що зберігаються в ДАКК. На жаль, величезний їх масив залишається об'єктом дослідження досить вузького кола науковців. Тому постає необхідність здійснення огляду джерельної бази фондів архіву, що стосуються історії утворення та розширення болгарської спільноти на Кубані.

Якщо розглядати історію болгар Краснодарського краю за хронологічним принципом, то передусім варто звернути увагу на фонд № 774 – «Канцелярія помічника начальни-

ка Кубанської області з управління горцями», котра існувала у м. Катеринодар з 1864 по 1870 р. Уся територія, що була зайнята горськими племенами, ділилася на 5 округів, на чолі яких стояли військово-окружні управління. Вони підпорядковувались Канцелярії помічника начальника Кубанської області з управління горцями, що опікувалася політичними, адміністративними, господарськими та повсякденними питаннями. У відповідності зі своїми функціями, вона поділялася на 4 відділення. Нас зацікавили дві справи з опису 1: «Про переселення в Кубанську область 100 родин колоністів з Бессарабської області Аккерманського повіту колонії Фриденсталь» (справа 337, 14 травня 1867 р.) та «Переписка про прохання 42 сімей болгар про поселення їх у Кубанській області» (справа 130, 8 січня 1868 р.), в якій мова йде про наміри болгар Бердянського, Мелітопольського та Дніпровського повітів переселитись на Кубань, чи втілились ці наміри в життя, документальних підтверджень немає⁴.

Одним із найбільш наповнених документами з історії болгар є фонд № 449 – «Кубанське областне правління». Положенням від 30 грудня 1869 року обласне правління засновувалось при начальникові Кубанської області як орган місцевої адміністративної влади, розпочавши свою діяльність з квітня 1870 року. Воно займалось адміністративними справами, здійснюючи такі функції: забезпечення продовольством, управління земельними ресурсами і державним майном, поділяючись за структурою на відділення. На чолі кожного відділення стояв начальник; кожне відділення ділилося на столи, якими керували діловоди та бухгалтери.

Фонд 449 складається з тринадцяти описів. Найбільш інформативними є третій, дев'ятий та десятий, в яких представлена робота 1-го розпорядчого відділення. Третій опис військового міністерства 1-го відділення складається з 3-х томів і містить 4087 справ за період з 1882 по 1914 роки. Тут зберігаються циркуляри начальника Кубанської області отаманам відділів і міським поліцмейстерам про перевірку іногородніх осіб, що проживають без паспортів (справа 95, 24 липня 1893 р.); переписка із Міністерством внутрішніх справ про іноземців, що відбувають покарання у в'язницях області (справа 659, 22 червня 1901 р.); циркуляри головного тюремного управління про порядок розподілу засуджених на каторжні роботи й у виправні арештантські відділення; про висилку за кордон іноземців, що відбули термін покарання; про порядок поліцейського нагляду за тими, хто відбуває покарання (справа 3821, 30 листопада 1902 р.); листи та запити Російської імператорської місії в Болгарії в Бессарабське губернське правління про встановлення особистості болгарських підданих й переписка з тюремними відділеннями й прокурором про доставляння арештантів у судові місця й розгляд скарг арештантів (справа 3375, 12 вересня 1912 р.) тощо⁵.

Дев'ятий опис містить матеріали рахункового, гірського, лісового та господарського відділень – усього 2516 справ за період з 1917 по 1919 роки. Зібрані в описі документи різнопланові за тематикою і містять інформацію про іноземних підданих, в тому числі й болгар, та їх вплив на російське населення (справа 307, 21 березня 1916 р.); про ліквідацію в Кубанській області землеволодінь болгарських підданих, а також про припинення наймання житлових приміщень у Кубанській області австрійським, угорським, німецьким, турецьким і болгарськими підданими згідно вказівок від 6 лютого 1917 року (справа 506, 12 травня 1917 р.; справа 507, 4 червня 1917 р.). Тут переважно зосереджені рапорти дільничних начальників отаманам про болгарських підданих з позначенням персональних даних про вік, стать, рік народження, відколи проживає в Російській імперії і звідки прибув, віросповідання, сфери діяльності, майнове становище, благонадійність тощо. В рапортах також зазначається власна думка дільничних начальників щодо висилання або залишення болгарських підданих за місцем проживання. Документи, що присвячені придбанню іноземцями майна поза межами міських поселень та про зарахування іноземців до різних станів (справа 800, 6 вересня 1917 р.; справа 806, 7 вересня 1917 р.) дають можливість оцінити майнове становище болгар та їх місце в соціальній ієрархії станів регіону. Досить значний масив представляють матеріали персонального характеру про перехід із болгарського підданства в російське – Лазарева, Драндарової, Комо Дімова, Станевої, Ковачева та інших (справа 810, 22 березня 1917 р.; справа 820, 19 квітня 1917 р.; справа 824, 11 вересня 1917 р.; справа 826, 30 червня 1917 р.; справа 833, 13 жовтня 1917 р.; справа 835, 15 жовтня 1917 р.). В кожній такій справі знаходяться прохання/заяви від болгар про прийняття в російське підданство, в яких вони зазначають автобіографічні данні (хто за походженням, коли і звідки прибув, яка мета тощо); до заяв також зазвичай додаються

виписки з метричних книг, національні паспорти, записні книжки на казенне майно, свідчення про поведінку тощо⁶.

Десятий опис відноситься до тасмної частини і містить справи 1-го відділення – усього 92 за період з 1900 по 1916 роки; переважно це прохання про прийняття в російське підданство, позбавлення болгарського підданства, відмови про прийняття в підданство (прохання іноземних підданих про дозвіл на здачу під найм і оренду приміщень з торгівельною метою (справа 20, 10 березня 1902 р.); прохання іноземців про видачу їм посвідчень про прийняття російського підданства (справа 23, 21 лютого 1904 р.); відкликання харківського губернатора про прийняття в підданство Росії болгарина Стефана Кара (справа 40, 29 вересня 1907 р.); справа про поселення в Росії болгарських підданих Христо Христова і Кончо Стайкова (справа 46, 31 серпня 1912 р.; справа 61, 26 червня 1915 р.); прохання Іванової про зняття з її дочки болгарського підданства (справа 66, 26 травня 1916 р.)⁷.

Фонд № 583 – «Кубанське обласне жандармське управління», опис 1 охоплює 1880–1917 рр. Кубанське обласне жандармське управління, створене 1880 року, займалося розшуком і дізнаннями за політичними справами у Кубанській області й Чорноморської губернії. Документальні матеріали висвітлюють революційні події; особливо повно представлений період Першої російської революції 1905–1907 рр., як-от: протоколи допитів учасників революційних виступів у містах і станицях Кубанської області; агентурні повідомлення про демонстрації, мітинги, зібрання; слідчі справи в обвинуваченні учасників революційних подій, прокламації, листівки, конспіративні листи; повідомлення дільничних приставів й інші матеріали про антиурядові виступи серед солдатів 252-го Анапського резервного батальйону тощо. Для болгаристів цікавими є справи, які містять агентурні повідомлення, рапорти й переписку про осіб, що підлягають негласному нагляду з боку поліції за революційну діяльність (справа 1030, 22 травня 1915 р.; справа 1031, 7 липня 1915 р.). Особливий інтерес становлять протоколи допитів болгарських підданих, що потрапили під нагляд жандармського управління, де зазначається інформація про політичну ситуацію в Болгарії напередодні Першої світової війни, про політичні уподобання болгар, про переслідування з боку болгарських правоохоронних органів⁸.

Фонд № 468 – «Канцелярія Чорноморського губернаторства» – містить інформацію загального характеру (переписка, циркуляри, білети) по Чорноморському округу, що був виділений зі складу Кубанської області в самостійну Чорноморську губернію 23 травня 1896 року. Матеріали фонду охоплюють період з 1896 по 1919 роки. Важливими тут є документи, що хронологічно відносяться до періоду Першої світової війни. Як відомо, 1 жовтня 1915 року болгарський уряд вступив у Першу світову війну на боці Центральної держав, опинившись серед ворогів Російської імперії. Ця подія не могла не позначитися на болгарях, що мешкали в регіоні. Так, в справі 409 «Про виселення з Чорноморської губернії болгарських і турецьких підданих» (31 липня 1916 р.) зазначається, що всі болгарські піддані, що проживають у місцевостях, котрі переходять на воєнне становище й залучені до театру бойових дій, у першу чергу висилаються у Воронежську, Казанську, Калужську, Пермську, Рязанську, Тамбовську й Тульську губернії. А болгарські піддані, що проживають в Російській імперії поза театром воєнних дій, можуть бути залишені у спокої. Також від висилки й нагляду звільнялись болгаро-офіцери й військовослужбовці російської армії, і особи, що перебували на державній службі, їх родини, учні й взагалі окремі особи, чия благонадійність могла бути засвідчена цивільною або військовою владою⁹.

Всі наступні справи фонду є похідними від цього ключового розпорядження, а саме: білети на право проживання іноземних підданих, виданих чорноморським губернатором (справа 433, 1916 р.); посвідчення про політичну благонадійність особам, що проживають у Чорноморській губернії (справа 458, 1916 р.); циркуляри канцелярії намісника на Кавказі про розшук іноземних підданих (справа 459, 1916 р.; справа 460, 1916 р.); переписка про болгарських підданих, що проживають у Чорноморській губернії і їх політичну благонадійність (справа 536, 1916 р.)¹⁰.

Отже, в Державному архіві Краснодарського краю склався унікальний комплекс різнопланових матеріалів з соціального-економічної, політичної та культурної історії болгар регіону, що потребує подальшого опрацювання і осмислення. Нижче подаються деякі документи 1915–1917 років з історії болгар Краснодарського краю. Їх оригінали, заповнені машинописним та рукописним текстами, зберігаються в ДАКК. При публікації нами збережено орфографічні, пунктуаційні та стилістичні особливості оригіналів.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. LXV. Кубанская область. – СПб., 1905. – С. 56, 61.

² *Станчев М.Г.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. – Том 1 (1711–2006): Статистический сборник / М.Г. Станчев. – София: Академическое издательство имени проф. Марина Дринова, 2009. – С. 427, 428, 435.

³ *Матвеев О.В.* Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начала XX в. // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 4. – Краснодар: Кубанькино, 2008. – С. 68–99; *Его же.* Кубань и освобождение Болгарии: итоги и перспективы изучения // Освобождение Болгарии и славянский мир: материалы науч.-практ. конф., посвященной освобождению Болгарии от османского ига. – Краснодар: Кубанькино, 2008. – С. 9–15; *Его же.* Некоторые итоги и перспективы изучения кубанско-болгарских связей // Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Мир Кубани, 2009. – С. 10–17; *Его же.* «На защиту своих однородцев...» Освободительное движение южных славян 1876 г. в общественных настроениях кубанцев // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10). – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. – С. 85–99.

⁴ Державный архив Краснодарского края (далі – ДАКК), ф. 774, оп. 1, спр. 130, 337.

⁵ Там само, ф. 449, оп. 3, спр. 95, 659, 3375, 3821.

⁶ Там само, ф. 449, оп. 9, спр. 307, 506, 507, 800, 806, 810, 820, 824, 826, 833, 835.

⁷ Там само, ф. 449, оп. 10, спр. 20, 23, 40, 46, 61, 66.

⁸ Там само, ф. 583, оп. 1, спр. 1030, 1031.

⁹ Там само, ф. 468, оп. 2, спр. 409, арк. 12.

¹⁰ Там само, ф. 468, оп. 2, спр. 433, 458, 459, 460, 536.

№ 1

ПРОТОКОЛ ДОПИТУ БОЛГАРСЬКОГО ПІДДАНОГО РАДІОНА КАРАКОЛЕВА КУБАНЬСЬКИМ ОБЛАСНИМ ЖАНДАРМСЬКИМ УПРАВЛІННЯМ.

8 червня 1915 р.

ПРОТОКОЛЬ

Зовуть мене Караколев Радіон Степанович

Отъ роду ім'ю 45 вѣроисповѣданія православного

Званіе мое гражданин Болгарско-подданный

Проживаю временно в юртѣ аула Старій-Бжегокай, Екатеринодарского Отѣла,

Кубанской области

На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю:

Послѣ Балканской войны, вѣ которой всѣ мы, братья Караколевы, участвовали, мы оставались нѣкоторое время вѣ Болгарии у себя вѣ селѣ, собираясь вновь ввѣхатъ в Рос-сию. В это время вѣ Болгаріи предстояли выборы. Образовалось там два враждебных те-чения: русскофобы и русофилы. Мы, братья Караколевы, как принадлежащіе к последне-му теченію, агитировали в селѣ за руссофильскую партію и привлекли на свою сторону почти все наше сельское общество. В то время секретарем вѣ нашем сельском правленіи был нѣкто Юрданов – человек во всѣх отношеніях мерзкій и ярый русофобѣ. Видя наше влияніе на общество, он задался, видимо, цѣлью парализовать нас и прибѣг к следующему: у нас есть сельская учительница Шалкевич. Про нее в селе ходили слухи, что она ведет себя безнравственно и будто бы уехала в Софію разрешатъся от бремени. Больше всех об этом говорил бывший секретарь [...]. Он заявил учительнице Шалкевич, что мы в правленіи поносили ея и назвали ее проституткой. Шалкевич подала на меня и на брата моего Дмитра в суд. Результат этого суда и сообщается в предъявленной мне телеграмме. Т.е., что мы осуждены на один год в тюрьму и по 200 л. штрафа каждый. Телеграмма подписа-на секретарем правления Гирджаловым. В настоящее время мы имеем письмо из Болга-рии, в котором сообщаются подробности разбирательства в суде нашего дела. Из письма видно, что русскофобы постарались нам отомстить. Про нее в селѣ ходили слухи, что она ведет себя безнравственно будто уехала вѣ Софію разрѣшатъся отъ бремени. Больше всѣх обѣ этом говорил бывший секретарь [...].

Он заявил учительницѣ Шалкевичѣ, что мы вѣ правленіи поносили ея и назвали ее проституткой. Шалкевич подала на меня и на брата моего Дмитра вѣ судѣ. Результатѣ этого суда и сообщается вѣ предъявленной мнѣ телеграмме. Т.е., что мы осуждены на один год в тюрьму и по 200 л. штрафу каждый. Телеграмма подписана секретарем правления Гирджаловым. В настоящее время мы имеем письмо из Болгарии, в котором сообщаются подробности разбирательства в судѣ нашего дела. Из письма видно, что русскофобы постарались нам отомстить. На судѣ, оказывается, были допрошены свидетели, выставленные Шалкевичѣ [...]. Мы теперь подали апелляцию, а затем, если понадобится, то подадим кассационную, но добьемся правды, тѣм более руссофильское течение безусловно одержит и руссофобам тогда не удастся оказывать на правосудіе. Больше ничего добавить не имѣю [...].

Радіон Караколев
[Підпис]

Государственный архив Краснодарского края Российской Федерации (далі – ГАКК), ф. 583, оп. 1, д. 1030, л. 128–128об. Ручкопис. Оригінал.

№ 2

ПРОХАННЯ ПРО ОСЕЛЕННЯ БОЛГАРСЬКОГО ПІДДАНОГО КОНЧО СТАЙКОВА В МЕЖІ РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ.

26 червня 1915 р.

Начальнику Кубанской области и
Начальнику Атаманского Кубанского казачьего войска
проживающего в селении Ванновском той же волости
Кавказского отдела болгарско-поданного
Кончо Стойкова

ПРОШЕНИЕ

Я прибыл из-за границы в пределы Российской империи с 1903 года. От того времени я неотлучно проживаю в России, в том числе жил в Ростове 5,5 года, в городе Георгиевске Терской области 2 года, в городе Пятигорске 3 года и ныне проживаю в селении Ванновском Кавказского отдела 1,5 года, все время занимался трудовой жизнью, как-то: торговлей, огородничеством, а ныне содержу сыроваренное заведение. Здесь в Российской империи близко сжился с ее народом, обычаями и законами, почему для меня она Великая Россия кажется ныне родиной, ибо я в ней провел все лучшие годы своей жизни. В России женился, да к тому же я человек православный. Славянин и вся Россия для меня сродно и по крови и по моему верованию. Не желая более уже никогда возвращаться на родину в Болгарию и имея крайнее желание присоединится в великороссийское подданство, почему предоставляя при сем выданное воинским волостным правлением удостоверение за № 3501, о моем проживании в пределах Российской империи более 12 лет о моих нравственных качествах, не судимости, поведении, политической благонадежности и занятиях и в замен утерянного билета и национального паспорта свидетельство за № 4156 всепокорнейше прошу распоряжения ваше высоко благородие свидетельства о выдаче мне требуемого ст 843 т.IX св. закона Российской империи свидетельства о водворении в пределы Российской империи.

ГАКК, ф. 449, оп. 10, д. 61, л. 32. Машинопис. Оригінал.

№ 3

ПЕРЕПИСКА НАЧАЛЬНИКА СОЧИНСЬКОГО ОКРУГУ І
ЧОРНОМОРСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА З ПРИВОДУ НАДАННЯ
ДОЗВОЛУ БОЛГАРСЬКОМУ ПІДДАНОМУ ТОДОРУ СОКОВУ
ДОЗВОЛУ НА ВИЇЗД ДО ВОРОНЕЗЬКОЇ ГУБЕРНІЇ.

Лютий-березень 1916 р.

12 декабря 1915 года
Губернатору Черноморской губернии

ПРОШЕНИЕ

Прошу разрешить выехать в Воронежскую губернию для закупки огородных семян.
Болгарин Тодор Соков

6 февраля 1916 года
Черноморскому губернатору

Имею честь сообщить вашему Превосходительству, что к проезду в Воронежскую губернию болгарско-поданного Тодора Сокова для покупки огородных семян с моей стороны препятствий не встречается.

Вице губернатор.

февраль 1916 года
Начальнику Сочинского округа

Предлагаю Вашему высокоблагородию представить мне сведения об образе жизни, поведении, нравственных качествах и политической благонадежности прибывшего в пос. Сочи болгарско-поданного Тодора Сокова.

Черноморский губернатор

февраль 1916 года
Черноморскому губернатору

РАПОРТ

Доношу до вашего сведения, что болгарско-поданный Тодор Саков предполагает выехать в с. Бутурлиновку Воронежской губернии, прибыл он в Сочинский округ 27 сентября 1913 года из Болгарии, за время проживания под судом и следствием не состоял и до объявления войны с Болгарией в политической неблагонадежности замечен не был, но за последнее время по полученным негласным сведениям он стал относиться к России недружелюбно, открыто свое недружелюбии не высказывал.

Начальник Сочинского округа

март 1916 года
Начальнику Сочинского округа

Объявить Тодору Сакову не имение препятствий для выезда в Воронежскую губернию.

Черноморский губернатор

ГАКК, ф. 468, оп. 2, д. 536, л. 4–11. Машинопис. Оригинал.

№ 4

**РАПОРТ ДІЛНИЧНОГО НАЧАЛЬНИКА 1-ОЇ ДІЛЯНКИ ЄЙСЬКОГО
ВІДДІЛУ ОТАМАНОВІ ЄЙСЬКОГО ВІДДІЛУ ПРО НАЯВНІСТЬ
БОЛГАРСЬКИХ ПІДДАНИХ НА ДІЛЯНЦІ.**

21 серпня 1916 р.
Атаману Ейського отдела

РАПОРТ

Доношу Вашему Высокопревосходительству, что в районе вверенного мне участка никаких болгарских учреждений, обществ, товариществ и других промышленных и торговых заведений не имелось и не имеется. Болгарско-поданных не христианского вероисповедания также не имеется, а если есть болгарско-поданные, то только православного вероисповедания, список коих при сем представляю. Болгары эти занимаются огородами, т.е. посадкой капусты, лука, огурцов, помидоров и других необходимых овощей.

Так как местные жители никто специально посадкой овощей не занимается, то эти болгары, на коих согласно закона 1-го июля 1915 года (собрание узаконений № 205 ст. 1608) не распространяется закон 2-го февраля 1915 года (собрание узаконений № 39 ст. 349), являются единственными конкурентами местных торговцев и спекулянтов по доставке на станичные рынки и на рынок в гор. Ейске необходимых для селян овощей, убивая тем самым алчные аппетиты означенных акул-спекулянтов, готовых без всякой жалости содрать кожу с местного обывателя. Болгары овощи сбывают по сравнительно дешевым ценам, и благодаря культурной специальной обработке земли, овощи эти являются образцовыми. Также на случай реквизиции овощей для нашей армии можно будет найти только у болгар, что и имелось ввиду, когда в прошлом 1915 году собирались сведения о количестве имеющихся в наличии овощей, могущих потребоваться для нужд армии.

При этом прошу дать мне знать в разъяснение всех циркуляров и законоположений опубликованных в собрании узаконений, изданных с объявлением войны, могут ли болгарско-поданные православного вероисповедания, прибывшие в Россию до войны, заниматься огородничеством на арендуемых ими по словесным договорам землях.

Участковый начальник 1-го участка
21 августа 1916 г.

ГАКК, ф. 449, оп. 9, д. 506, л. 25–26. Машинопис. Оригінал.

№ 5

**ПРОХАННЯ БОЛГАРСЬКОЇ ПІДДАНОЇ ДРАНДАРОВОЇ ПРО
ПРИЙНЯТТЯ ЇЇ В РОСІЙСЬКЕ ПІДДАНСТВО.**

12 квітня 1917 р.

№ 1069
В кубанский областной
гражданский исполнительный комитет
болгарскоподданной
Ксении Мартыновны Драндаровой
село Отрадоольгинское Лабинского отдела
Кубанской области

ПРОШЕНИЕ

Покойный муж мой Ранчо Иванович Драндаров еще при жизни в прошлом 1916 году возбудил ходатайство о переходе его вместе с семейством, состоящем из меня 55 лет, сыновей: Тимофея 27 лет, Петра 21 год и Феодора 11 лет и дочерей. Но ходатайство его

Департаментом общих дел Министерства внутренних дел оставлено без удовлетворения в виду несоблюдения условий предварительного водворения в пределах империи.

Муж мой в сентябре 1916 года умер, но мы, оставшиеся в живых, желаем водвориться на жительство в месте нашего проживания в селении Отрадоольгинском, где имеем приобретенную в собственность землю.

А потому покорнейше прошу гражданский исполнительный комитет сделать распоряжение о выдаче мне надлежащего удостоверения для водворения в пределах империи и перевести меня в Российское подданство.

12.04.1917 года

ГАКК, ф. 449, оп. 9, д. 820, л. 2. Машинопис. Оригинал.

№ 6

РАПОРТ ДІЛЬНИЧНОГО НАЧАЛЬНИКА 4-ОЇ ДІЛЯНКИ ЄЙСЬКОГО ВІДДІЛУ ОТАМАНОВІ ЄЙСЬКОГО ВІДДІЛУ ПРО НАЯВНІСТЬ БОЛГАРСЬКИХ ПІДДАНИХ НА ДІЛЯНЦІ.

13 квітня 1917 р.
Атаману Ейского отдела

Во исполнение циркулярного предписания вашего от 21 августа 1916 года за № 20712, представляю при этом список болгарско-поданных, проживающих в районе 5 го участка Ейского отдела, доношу, что все болгары, значащиеся по списку, проживают у жителей станиц и занимаются огородничеством на землях собственников и казачьих паевых наделах в качестве работников по огородничеству. Все лица болгарско-поданные христианского вероисповедания, как издавна проживающие известны своей благонадежностью. Проживают вне железных дорог.

Вследствие благонадежности означенных лиц желательно оставить их на работах, как лиц, занимающих эту культуру и для местностей требуется огородные произрастания, так как местные жители занимаются в ограниченном количестве, а из больших огородов возможно получить произрастания и для нужд армии.

Участковый начальник 4 участка Ейского отдела
13 апреля 1917 года

ГАКК, оп. 9, д. 506, л. 23–23об. Машинопис. Оригинал.

«ДЕЛО 13-ТИ» (О ПРОЦЕССЕ НАД Т. Н. «БОЛГАРСКОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В УКРАИНЕ» 1937–1938 ГГ.)*

М. Г. Станчев

Станчев М. Г. «Справа 13-ти» (про процес над т. зв. «Болгарською контрреволюційною націоналістичною організацією в Україні» 1937–1938 рр.). Автор впервые публикует невідомі документи з таємного архіву НКВС України у справі про «Болгарську контрреволюційну націоналістичну організацію в Україні». Розкривається трагедія болгарської інтелігенції в СРСР під час сталінських репресій у 30-ті роки ХХ ст.

Ключові слова: документи; націоналістична організація; болгари; сталінські репресії; Україна.

Станчев М. Г. «Дело 13-ти» (о процессе над т.н. «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине» 1937–1938 гг.). Автор впервые публикует неизвестные до сих пор документы из секретного архива НКВД Украины, о «Болгарской контрреволюционной националистической организации в Украине». Раскрывается трагедия болгарской интеллигенции в СССР во время сталинских репрессий в 30-х гг. ХХ ст.

Ключевые слова: документы; националистическая организация; болгары; сталинские репрессии; Украина.

Stanchev M. G. "The Case of 13" (about so-called "The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine" of 1937-1938). The author publishes for the first time still unknown documents from the People's Commissariat for Internal Affairs confidential archive of Ukraine which unveil the so-called case about "The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine" and reveal the tragedy of the Bulgarian intellectuals in the country in the 30s of the 20th c. during Stalin's repressions.

Keywords: documents; nationalist organization; Bulgarians; Stalin's repressions; Ukraine.

ДОКУМЕНТЫ

8. «Дело» Попазова Дмитрия Дмитриевича

№ 85

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 24 марта 1938 года.

Я, сотрудник III отдела УГБ ХОУ НКВД – Скраливецкий, рассмотрев материалы по обвинению гр. Попазова Дмитрия Дмитриевича – 1913 г. рожд[ения], урожд[енца] Днепропетровской обл[асти], болгарина, гражд[анина] СССР, служащий, агент газеты «Коллективист» проживает: Социалистическая № 34, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в проведении разведывательной деятельности,

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия. На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

* Продолжение; начало см.: Дриновський збірник/Дриновски сборник. – Т. 6. – Харків–Софія: Академічно видавництво «Проф. Марин Дринов», 2013. – С. 368–412; Т. 7. – Харків–Софія: Издавництво на БАН «Проф. Марин Дринов», 2014. – С. 357–392.

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Попазову Дмитрию Дмитриевичу – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Сотрудник III отдела УГБ – подпись (Скравилецкий)

Согласен: ВРИД нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (Барбаров)

Утверждаю: ВРИД нач. ХОУ НКВД, капитан госбезопасности – подпись (Симхович).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 92–92об. Оригинал, печатный текст.

№ 86

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 13 марта.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Попазова Дмитрия Дмитриевича – 1913 г. рожд[ения] по ст.ст. 54–6, принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Попазова Д. Д. может отразиться на ходе следствия, потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Попазову Дмитрию Дмитриевичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме. Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Блауберг).

Постановление мне объявлено « ____ » 1938 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 93. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 87

Ордер на арест

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 5/62

Выдан « 14 » марта 1938 г.

Действителен « ____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР Агаркову поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Попазова Дмитрия Дмитриевича, проживающего – Социалистическая № 34.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, капитан Госбезопасности – Симхович.

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 94. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 88

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел
Харьковское областное управление

1938 г., марта, 14 дня.

Я, уч[астковый] инспектор 2 отдела РКМ НКВД УССР Агарков, на основании ордера, выданного н[аркомато]м обл[астного] управления НКВД УССР за № 5/62, произвел обыск у гр[аждани]на Попазова Дмитрия Дмитриевича, проживающего в г. Харьков, ул. Социалистическая № 34, кв. 4.

При производстве обыска присутствовали: Махов Андрей Иосифович, ул. Социалистическая 34.

Согласно полученным указаниям, задержан гр[ажданин] Попазов Д.Д.

Изыято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт № 601652	1	Паспорт, профбилет и военбилет хранятся в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Военный билет	1	
	Членский билет № 042514	1	
3	Комсомольский билет № 3850984*	1	
4	Три пропуска для работы	3	
5	Разная пириписка (так в тексте. – М. С.) несколько штук		

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов, за неправильные действия со стороны органов милиции – не было.

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Попазов).

Представитель домоуправления – подпись (А. Махов).

Производивший обыск – подпись (Агарков).

Копию протокола получил – (подписи нет).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

*Комсомольский билет Попазову вернули.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 95–95об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 89

Анкета арестованного

3 отдел УГБ НКВД

1. **Фамилия** – Попазов
2. **Имя и отчество** – Дмитрий Дмитриевич.
3. **Дата рождения**: число «7» месяц – апреля год – 1913 год.
4. **Место рождения** – Днепропетровская область.
5. **Место жительства (адрес)** – г. Харьков, ул. Социалистическая, 34, кв. 4.
6. **Профессия и специальность** – журналист.
7. **Место службы и должность или род занятий** – 67 нач[альная] школа, комсоргом.
8. **Паспорт** – выдан 2 отделением РК милиции г. Харькова.
9. **Социальное происхождение** – отец крестьянин-средняк.
10. **Социальное положение**:
 - а) до революции –
 - б) после революции – учился, служащий.
11. **Образование (общее и специальное)** – среднее.

12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – снят с учета по болезни.
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил.
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – не подвергался.
17. **Состав семьи** – жена Тамара Ильинична, 1918 г., работает машинистом водотреста.

Подпись арестованного

(Попазов)

1. Особые внешние приметы –
2. Кем и когда арестован – 14 марта 1938 года.
3. Где содержится под стражей –
4. Особые замечания –

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива).

16 марта 1938 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 97–97 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 90

Постановление по делу № 421

Гор. Харьков, 23 марта 1938 года.

Я, сотрудник III отдела УГБ ХОУ НКВД УССР, Скраливецкий, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Попазова Дмитрия Дмитриевича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–10, 54–6 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Попазов Д.Д. являлся участником контрреволюционной националистической болгарской организации, по заданию которой проводил контрреволюционную националистическую работу.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Попазова Дмитрия Дмитриевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54–11, 54–10 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Уполномоченный III отд[ела] УГБ – подпись (Скраливецкий).

Согласен: начальник – (нет подписи – М. С.).

Утверждаю – (подписи нет – М. С.).

Постановление мне объявлено – подпись (Попазов).

«23» марта 1938 г.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 98–98 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 91

Заявление

Начальнику Харьковского областного управления НКВД через
старшего следователя гражданина Скраливецкого

От подследственного Попазова Дм. Дм.

14 марта 1938 года я был арестован и помещен в тюрьму НКВД. В тот же день я по своей личной инициативе подал заявление о моем желании дать следствию исчерпывающие показания о моем участии в контрреволюционной националистической организации, дабы этим самым искупить свою вину перед советским государством и на этом основании заслужить вновь право на честный труд. Ниже приступаю к изложению показаний по суще-

ству дела. В состав контрреволюционной болгарской националистической организации я был завербован в 1934 г. Завербовал меня Марков Дмитрий Федорович. Познакомился я с ним в 1934 году в июне месяце, когда был на практике в редакции газеты «Коллективист»; с предложением об участии в болгарской контрреволюционной националистической организации он приступил, начиная с августа месяца 1934 года. Сначала он беседовал со мной о болгарской культуре, в частности о культуре в болгарских районах на Украине. Он говорил, что из всех национальных меньшинств самое маленькое внимание обращается на болгар, что культура болгар, живущих на Украине, низкая, ниже нежели культура Болгарии.

В беседе он понял, что я в известных случаях соглашаюсь, а в известных я колебался. Он на следующий раз, число не помню, начал подходить в своей беседе непосредственно к задачам этой организации. Он мне сообщил, что задачи этой организации заключаются в следующем: подготовка болгарских масс, то есть проведение среди них агитационной работы о том, что правительство мало обращает внимание на болгар, живущих на Украине, о ихнем росте культурно и от суда (имеется ввиду – «отсюда» – М. С.) создание недовольства среди болгарского населения против советской власти и чтобы в случай интервенции против Советского Союза со стороны некоторых стран с помощью Болгарии присоединить болгарские районы к Болгарии.

Я в известных случаях возражал, но под его нажимом мне некуда было деваться, и я согласился пойти на это преступление. Мне было дано задание завербовать кого-нибудь и проводить агитацию. С 1934 до 1936 г. все время я находился и работал в Харькове. В 1936 г., получив отпуск, я поехал в Коларовский район. Ежая (так в тексте – М. С.) в Коларовский р-н, я получил задание Маркова Д. Ф. завербовать кого-нибудь и проводить агитацию. Получив это задание, находясь в отпуске, ко мне зашел бывший студент (однокурсник – М. С.) Мильчев Петр Васильевич, с которым у нас была беседа по вопросу националистической организации. Он согласился и дал согласие быть членом. В связи с моим не долгим пребыванием в отпуске, мне пришлось ехать в командировку в незнакомые мне районы (Бердянский и Андреевский). Я там не мог проводить работу, потому что знакомых людей там у меня не было и работы проводить невозможно было. Насколько мне было известно о членах (членах – М. С.) болгарской контрреволюционной организации, то я знал следующих лиц: Маркова, Фуклева и Шаховцова.

Задачи болгарской националистической организации были следующие: она ставила перед собой задачу создание в болгарских районах недовольства против советской власти. Организация и направление масс на случай интервенции против советского союза со стороны Болгарии с помощью какой-нибудь страны и отсюда присоединить болгарские районы к Болгарии. Кроме того, издательство издавало недоброкачественную продукцию книг, задерживало своевременный выход необходимых книг, что, безусловно, создавало недовольствие среди населения и в особенности среди педагогов и учеников. Что относится в отношении редакции, то там была борьба для того, чтобы всю руководящую работу занял Фуклев, что он приветствовал. Фуклев и Марков использовали газету для своих националистических целей, что они и использовали до августа месяца 1937 г. В августе месяце 1937 г. (если не ошибаюсь) редакция выступила с резким материалом против Фуклева (в основном) и отсюда началось разоблачение Фуклева и Маркова, против которых редакция предоставила материал в Союз писателей. Относительно контрреволюционной работы в самой редакции нужно сказать следующее: Шаховцова, как заведующий культотдела, она своей контрреволюционной работой довела культурную работу и работу школы до такого состояния, что клубы почти не работали, школы были засорены чуждыми людьми, срывались занятия, на что обращалось маленькое внимание, а все это тормозило работы в школах, создавало недовольствие.

По партийному отделу, зав. которого был Бояджиев. По этому отделу велась борьба с враждебными людьми, но она часто проходила на личной почве. По сельхозотделу, зав. которого был Ненов, этот отдел был один из самых отсталых, по этому вопросу газета очень мало выступала с сугубо критическими материалами. Часто промалчивала (так в тексте – М. С.) такие вопросы, как упадок животноводства, невыносимое отношение к лошадям, к распределению доходов. Все это делалось по прямому попустительству бывшего врид*.

* Врид – временно исполняющий должность.

редактора Стоянова И. Что касается моей деятельности в газете, то я, будучи корректором, допускал ошибки, что снижало авторитет газеты, т.е. извращал народные диалекты, исправлял слова так, что трудно понять как писать так или иначе, чем путалась грамматика, не было постоянство.

Несколько слов о себе. Я, Попазов Дмитрий Дмитриевич, родился в 1913 г., сын среднего селянина. Отец мой до революции и после революции считался середняк, имел имущество следующее: 12 десятин земли, пару лошадей, бричку, корову и весь мелкий с/хозинвентарь. Отца моего убили в 1914 г. во время империалистической войны, мать умерла в 1919 г. В 1921 г. в связи с стихийным бедствием брат продавал инвентарь, чтобы прокормить нас (всего братьев 5).

В 1922 г. мы имели корову, брычку и часть мелкого с\х инвентаря. Только в 24 г. купили одну лошадь, которую продержали больше года, продав ее, добавив денег, купили пару. В 1926 г. братья начали делиться, и хозяйство начало дробиться. В 1930 г. все братья вступили в колхоз и до сего времени работают. Один работает председателем с/с в другом селе Петровка, второй учетчиком, третий шофером в колхозе, четвертый зав. почтой. Я начал заниматься в 1923 г. и окончил 4-х летку. В 1926 г. я не поехал заниматься в виду то, что братья начали делиться и не было средств, чтобы учили меня. В 1927 – 28 г. я болел. В 1929 г. я поступил заниматься в с. Орловке в 7-летку. ШКМ (Школу коммунистической молодежи – М. С.) закончил в 1932 г. В 1932 г. я поступил заниматься в Харьковском коммунистическом газетном техникуме, закончил в 1935 г. В комсомоле я с 1929 г. Участвовал активно в коллективизации, хлебозаготовке и др. кампаниях. С 1935 по 1938 г. работал комсоргом ЦК ВЛКСМ в школе.

18 марта 1938 г.

Подпись (Попазов)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 99–104. Оригинал, текст рукописный, чернилами. В деле имеется также выписка из заявления обвиняемого Попазова Д.Д., заверенная оперуполномоченным УГБ НКВД по Харьковской области Ралко (см. ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, д. 5980, л. 56).

9. «Дело» Скендерова Владимира Ивановича

№ 92

Постановление (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 17 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – сержант госбезопасности – Михалевиц, рассмотрев материалы по обвинению гр. Скендерова Владимира Ивановича, 1898 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии, болгарина, гражд[анина] СССР, б/п., работает в рыбконторе Харпищеторга, прож[ивает]: Рымарская, 22, кв. 6, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, выразившихся в том, что он является участником болгарской контрреволюционно-националистической организации.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия. На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Скендерову Владимиру Ивановичу – содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Оперуполномоченный III отдела УГБ, сержант Госбезопасности – подпись (Михалевиц).

Согласен: Начальник III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – (подпись неразборчива).

Утверждаю: зам. нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Рейхман).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 112–112об. Оригинал, печатный текст.

№ 93

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 22 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Скендерова Владимира Ивановича 1898 г. рожд[ения] по ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР, принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Скендерова В.И. может отразиться на ходе следствия, потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Скендерову Владимиру Ивановичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме. Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Завьялов).

Постановление мне объявлено « ___ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 113. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 94

Ордер на арест

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 26/54

Выдан « 23 » 02. 1938 г.

Действителен « _____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР т. Климову, т. Кобрель поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Скендерова Владимира Ивановича, проживающего – Рымарская 22, кв. 6.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман.

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 114. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 95

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 25 дня.

Я, уч[астковый] инспектор 2 отдела РКМ НКВД УССР (*фамилия не прочитывается* – М. С.), на основании ордера, выданного н[аркомато]м обл[астного] управления НКВД УССР за № 26/54, произвел обыск у гр[аждани]на Скендерова Владимира Ивановича, проживающего в г. Харьков, ул. Рымарская 22, кв. 6.

При производстве обыска присутствовали: Рогозянский Андрей Андреевич, прож. по ул. Рымарская 22, кв. 38; Потемкина Мария Ивановна, прож. по ул. Рымарская 22.

Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Скендеров Владимир Иванович.

Изъято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт на имя Скендера Владимира Ивановича за № 690862	один	Паспорт, профбилет и военбилет в 8-м отд. УГБ ХОУ НКВД
2	Партийный билет на имя Скендера Владимира Ивановича за № 1684479	один	
3	Военный билет на имя Скендера Владимира Ивановича	один	
4	Членский билет на имя Скендера Владимира Ивановича за № 0214284	один	
5	Удостоверение на имя Скендера Владимира Ивановича	одно	
6	В разобранном виде револьвер системы «Маузер» за № 386397 на имя Скендера Владимира Ивановича	один	
7	Выписка из заседания п. к. (партийной комиссии – М. С.) ЦКК на имя Скендера Владимира Ивановича	одна	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов –

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Скендеров).

Представитель домоуправления – подпись (Рогозянский).

Производивший обыск – (подпись неразборчива).

Копию протокола получил – (подпись неразборчива).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 115–115 об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 96

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Скендеров
2. **Имя и отчество** – Владимир Иванович.
3. **Дата рождения:** число «15» месяц – апреля 1898 год.
4. **Место рождения** – г. Ксанти, Болгария.
5. **Место жительства (адрес)** – г. Харьков, ул. Рымарская 22, кв. 6.
6. **Профессия и специальность** – табачник.
7. **Место службы и должность или род занятий** – Горпищеторг, Лысогорская база, уполномоченным дирекции.
8. **Паспорт** – выдан 2 отделением РК милиции г. Харькова.
9. **Социальное происхождение** – рабочий.
10. **Социальное положение:**
 - а) до революции – рабочий.
 - б) после революции – служащий.
11. **Образование (общее и специальное)** – нисшее (так в тексте – М. С.).
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – ч/п ВКП (б) с 1919 года.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – при Харьковском горвоенкомате К-7.
15. **Служба в белых и др[угих] к [онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил.

16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) – не подвергался.

17. Состав семьи – жена 1907 г. рожд. Соколова Мария Павловна, работает в отделе кадров завода пищеторга.

Подпись арестованного (Скендеров).

1. Особые внешние приметы –
2. Кем и когда арестован – 25.02.1938 года.
3. Где содержится под стражей –
4. Особые замечания –

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива)
27 февраля 1938 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 118–118об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 97

Начальнику Харьковского областного Управления НКВД через ст. следователя гр. Скраливецкого от подследственного Скендерова В.И.

Заявление

Я был арестован 26 февраля 1938 г. Из предъявленных мне обвинений на допросе 6.03. признаю следующее:

Я состоял членом болгарской контрреволюционной организации в гор. Харькове и принимал в ней активное участие;

Я проводил также шпионскую работу;

Будучи на подпольной работе произвел провокаторский акт;

Имел связь с контрреволюционной редакцией болгарского журнала, издававшегося в Вене;

Помог не проверенной иностранке, приехавшей из Англии, прожить бесконтрольно у ее брата.

Вербовщика, характер шпионажа, а также более подробные сведения по всем остальным пунктам укажу при первом допросе.

Сообщая об этом, прошу следствие вызвать меня для чистосердечных показаний.

Написано по моей просьбе и с моих слов, в чем и подписываюсь.

7.03.1938 г.

Скендеров.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 120. Оригинал, текст рукописный чернилами.

10. «Дело» Федосова Федора Ильича *

№ 98

Постановление (об избрании меры пресечения)**

Гор. Харьков, 17 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – сержант госбезопасности – Михалевич, рассмотрев материалы по обвинению гр. Федосова Федора Ильича, 1910 г. рожд[ения], урож[енца] с. Софиевка Андреевского района Днепропетровской области, болгарина, гражд[анина] СССР, беспартийного, педагога рабфака ХТЗ, прож[ивает]: г. Харьков, ХТЗ, 17 корпус, комната 27, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, выразившихся в том, что он является участником болгарской контрреволюционно-националистической организации.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия. На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Федосову Федору Ильичу – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.
2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Оперуполномоченный III отдела УГБ, сержант Госбезопасности – подпись (Михалевич).

Согласен: Начальник III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – (подпись неразборчива).

Утверждаю: Зам. нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Рейхман).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 147–147об. Оригинал, печатный текст.

* Ф.И. Федосов находился под следствием в Ленинграде по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР.

** В деле имеются два одинаковых постановления об избрании меры пресечения, подписанные разными людьми (Коганом и Михалевичем), что говорит о том, что эти постановления фабриковались задним числом. Обыск и сам арест был проведен 8 февраля (см. протокол обыска), постановление прокурора об аресте – 10 февраля, ордер на арест выдан 11 февраля, а постановление об избрании меры пресечения – 14 февраля. Причем подобная практика применялась практически во всех случаях по «Делу 13».

№ 99

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 22 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Федосова Федора Ильича, 1910 г. рожд[ения] по ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР, принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Федосова Ф.И. может отразиться на ходе следствия, потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Федосову Федору Ильичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Завьялов).

Постановление мне объявлено «___» 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 148. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 100

Ордер на арест

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 26/54

Выдан « 23 » 02. 1938 г.

Действителен « _____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР т. Климову, т. Кобрель, поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Федосова Федора Ильича, проживающего: г. Харьков, ХТЗ, 17 корпус, комната 27. Всем органам советской власти и гражданам

УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман
Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 149. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 101

Протокол обыска

УССР

Народный комиссариат внутренних дел
Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 25 дня.

Я, уч[астковый] инспектор 2 отдела РКМ НКВД УССР (фамилия не читывается – М. С.), на основании ордера, выданного н[ачальнико]м обл[астного] управления НКВД УССР за № 26/54 произвел обыск у гр[аждани]на Федосова Федора Ильича, проживающего в г. Харьков, ХТЗ, 17 корпус, комната 27.

При производстве обыска присутствовали: (фамилии не указаны – М. С.)

Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Федосов Федор Ильич.

Изыято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт на имя Федосова Ф.И. серия ХК, № 590534	1	Паспорт, профбилет и военбилет в 8-м отд. УГБ ХОУ НКВД
2	Профсоюзная книжка за № 0452403 1	1	
3	Комсомольский билет № 0883654	1	
4	Пропуск за № 13539		
5	Часы ручные Мозер	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов –

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Федосов).

Представитель домоуправления – (подпись неразборчива).

Производивший обыск – (подпись неразборчива).

Копию протокола получил – (подпись неразборчива).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 150–150об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 102

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Федосов
2. **Имя и отчество** – Федор Ильич.
3. **Дата рождения:** число «12» месяц – апреля 1910 года.
4. **Место рождения** – с. Софиевка Андреевского района Днепропетровской области.
5. **Место жительства (адрес)** – г. Харьков, ХТЗ, 17 корпус, комната 27.
6. **Профессия и специальность** – педагог.
7. **Место службы и должность или род занятий** – педагог рабфака ХТЗ.
8. **Паспорт** – выдан 10 отделением РК милиции г. Харькова.
9. **Социальное происхождение** – (не указано – М. С.)
10. **Социальное положение:** крестьянин-бедняк.

а) до революции – учился, жил при родных.

б) после революции – до 1934 г. учился, с 1934 г. педагог.

11. Образование (общее и специальное) – высшее.

12. Партийность (в прошлом и настоящем) – беспартийный, с 1926 г. – член ЛКСМ.

13. Национальность и гражданство (подданство) – болгарин.

14. Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете – при Харьковском горвоенкомате К-3.

15. Служба в белых и др[угих] к [онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого – не служил.

16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) – в 1933 г. арестовывался органами НКВД под стражей два месяца.

17. Состав семьи – жена – 24 г. Винникова Нина Григорьевна.

Подпись арестованного

(Федосов).

1. Особые внешние приметы –

2. Кем и когда арестован –

3. Где содержится под стражей –

4. Особые замечания –

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива).

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 162–162об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 103

Начальнику областного управления НКВД
через следователя Михалевича.

Заявление

Желая дать следствию чистосердечные признания о деятельности националистической контрреволюционной организации, которая официально именовалась Болгарским научным обществом, существовавшей в период с 1931 по 1934 г., и вместе с тем о своем участии в этой организации заявляю следующее:

Организация общества

В 1930 г. нас, группу болгар (в кол. 7 чел.), приняли в Ленинградский институт истории философии и лингвистики (далее ЛИФЛИ – М. С.). Кроме того, в пединститут им. Крупской тоже была принята группа болгар около 6 человек. Как в ЛИФЛИ, так и в пединституте деканом отделения языка и литературы работал доц. Димитров, по национальности болгарин. После 2,5 месяцев учебы мне сказал Нейковский и Бучакчийский, что Димитров собирает всех болгар, живущих в Ленинграде, главным образом студентов, для организации научного общества. Не видя в этом ничего предубедительного, в означенный день мы и собрались. С информацией выступил Димитров, который охарактеризовал будущую деятельность общества и ознакомил нас с его уставом. На этом же собрании был выбран председателем общества Д.Д. Димитров и ученым секретарем А. Нейковский. В состав общества входили, кроме указанных, следующие: Бучакчийский М., Нейковский Г., Нейковская В., Димитров З., Димитров И., Федосов Ф., Рупчева И., Гергинова К., Биберов П., Мальцев, Соломонова А., Процанов И., Калицев М., Аврамов П., Димитрова (жена Димитрова Д.Д.), Славов, Журков В., Кара В., Тодорова Д. и впоследствии вступили: Хаджийский, Тодоров С., Генов И., Федосов В., Димитрова Н. Прислали свои заявления с Коларовского района Днепропетровской области Фуклев Ф., Бунтовников, Гогунский Е. и др[угие].

Этот состав не был постоянный. После нескольких собраний Бучакчийский, Нейковский и я подняли вопрос об исключении из общества социально-чуждых элементов: Славова, Журкова, Кару. Димитров это предложение не поддержал, и лишь после того, как по нашему настоянию они были исключены из института, он согласился исключить их из общества. Несмотря на исключение трех человек, состав общества был засорен социально-

чуждым и вредным элементом. В обществе остался Биберов (раскулачен), Тодоров С. (быв[ший] офицер), Хаджийский (из кулаков) и националисты Фуклев Ф. и Бунтовников. Кроме того, кое-когда посещали заседания общества и Главчева (родители которой раскулачены). Кроме этого официального состава в общество входили в качестве почетных членов: акад. Державин, док[то]р Манойлов и, кажется мне, и доц[ент] Пушкиревич.

Работа общества

Работа общества по уставу должна была сосредоточиться на разработке целого ряда вопросов истории, языка, литературы, а также составлении учебников и перевод[е] русских учебников на болгарский язык для школ болгарских районов. Но на самом деле общество этими вопросами не занималось. Для прикрытия своей вывески на заседаниях ставились доклады, оторванные от жизни и потреб (потребностей – М. С.) болгарских районов, а большей частью из прошлого и глубокой истории. На заседаниях перед началом и после начала велись зачастую антисоветские разговоры о положении в районе. Димитров всегда говорил: «Что думает наше правительство, но положение в районах исключительно тяжелое». Особенно процветала антисоветская агитация в период, когда общество выехало в экспедицию в болгарские районы Днепропетровской области. В этой экспедиции я не был, но по рассказам слышал, что на учительской конференции Димитрова и Державина обвинили в националистических ошибках, а студент пединститута им. Крупской Проданов И. говорил крестьянам, что в Ленинграде рабочие кушают белый хлеб и едят масло, а вы питаетесь лебедой. Он якобы произносил тирады такого характера: «Что Вы смотрите?».

Димитров часто собирал у себя в квартире компанию любимчиков, среди которых наиболее видное место занимал Проданов, Биберов, Славов и с которыми он выпивал и делился мнениями. Для меня сейчас нет никакого сомнения, что Димитров является типичным националистом и общество, которое он организовал, было по своей деятельности националистическим. Димитров старался культивировать у всех нас националистические и шовинистические черты. Он и в прошлой деятельности создавал такие организации в Преславе¹ и в Бердянске. Самокритику и критику на собраниях не допускал и всячески изгонял. Проданов был болгарский шовинист. Он всегда смеялся над русскими девушками, называя их «дзурга», что значит «рыло». Ходил всегда по моде болгарском костюме. Он был автором целого ряда контрреволюционной агитации (так в тексте – М. С.) во время экспедиции.

Моя работа в обществе

Поступил я в нем (так в тексте – М. С.) при его организации. Для меня устав общества был вполне приемлим. Но впоследствии я во многом разочаровался. В обществе я не был в руководстве, но несмотря на это я участвовал при исключении Журкова, Славова и Кару (Кары – М. С.), как из общества, так и в особенности из института. Выступал я и с критикой работы общества в отношении выполнения тех задач, которое оно имело по уставу. Несмотря на это, я в то время не мог оценить той вредной работы, которая велась некоторыми членами по за (украинизм – М. С.) стенами заседания. Зачастую и сам слушал ту антисоветскую стряпню, которую вел Проданов, Биберов, Тодоров не находя мужества противопоставить себя этому.

Сейчас перед органами НКВД я полностью сознаю свою вину в том, что состоял в этой националистической контрреволюционной организации по своей сущности и прошу считать мои показания как полное раскаяние перед лицом советской власти, которой я многому обязан. Советская власть на протяжении 10 лет меня учила, я чувствовал заботу правительства и большевистской партии о человеке и мне очень тягостно, что несмотря на это, я состоял членом контрреволюционной организации. С марта месяца 1934 года я работал и в гражданских условиях, и в военных и старался по мере сил и способностей благодарить правительство за данное мне доверие после совершения преступления. Буду стараться так же честно служить родине и отдавать все свои силы, а если понадобится и жизнь за нашу славную родину.

14.02.1938 г.

Подпись (Федосов)

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 164–169. Оригинал, текст рукописный, чернилами.

¹ Преслав – болгарское село в Днепропетровской (ныне – Запорожской) области.

Начальнику областного управления НКВД
через следователя Михалевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Желая дополнить сведения, данные во время следствия по делу националистической контрреволюционной работы Болгарского научного общества в 1934 году, заявляю дополнительно следующее:

В Болгарском научном обществе в лице ее руководителя Димитрова культивировалась атмосфера националистического удушения. Димитров заявлял нам, что он относится отрицательно к тем, которые отрывались от его националистических принципов. Он культивировал в нашей среде любовь ко всему национальному, болгарскому и неприязнь к русской культуре. В обществе всегда вел умышленные разговоры о болгарских нарядах, музыке, танцах, блюдах (почерпнутые из быта богатых кулацких семей). Он также выявлял неприязнь к тем, которые женились на девушках не болгарках и умилялся тем, которые намеревались осчастливить себя на болгарке. Его любимыми и приятелями в личной жизни и были те из студентов-болгар, которые обладали этими качествами или характеристикой. Например, был такой студент Проданов, танцор болгарских танцев, сплетник и автор контрреволюционных высказываний – был любимец и оруженосец Димитрова.

Мне кажется, что общество имело связи через посредство Димитрова и Пушкаревича – доцента по сербской литературе – с Хорватской националистической партией. Помню, на одном из собраний обществ в 1933 г. доц. Пушкаревич привел незнакомого для нас человека, договорившись предварительно с Димитровым и Нейковским (секретарь общества) и представил его членом «независимой Хорватской партии», борющейся с правительством Югославии за самостоятельность Хорватии как государства. Характерно, что на вопрос о состоянии литературы (а он был представлен как писатель) последний ничего не мог ответить. Намерения своей поездки по СССР он изложил в том, что его интересовал вопрос Первомайской демонстрации в Москве. Жил он в квартире Пушкаревича, и в те дни Пушкаревич очень боязно себя чувствовал. Каким образом он уехал, я не знаю. Мне кажется, что руководитель общества имел с ним связь, а этот неизвестный хорват был не чем иным как шпионом одного из балканских государств. Впоследствии Димитров о нем никогда не говорил.

В Ленинграде при Академии наук СССР в 1932–1934 гг. существовал Институт славяноведения. Состав его, насколько мне известно, состоял из следующих лиц: академ[ик] Державин, научный секретарь Димитров, Пушкаревич и поляк Чернобай (весьма темная личность), Советов, Ляпунов (реакционный старый профессор) и еще несколько весьма темных социально сотрудников. Когда там ставились какие-нибудь интересные доклады, то Димитров нас приглашал. Но мы всегда замечали, что там культивировалась атмосфера угодливости перед Державиным, копание в хронологической пыли истории Балкан, отрыв от современности, отсутствие хотя бы мало-мальской принципиальности. Часто можно было слышать хвалебные некрологи про какого-нибудь из умерших черносотенных или реакционно-буржуазных профессоров.

Мне кажется, что в деятельности этого института Акад[емии] Наук была прямая контрреволюция. Ведь из стен этого института вышла контрреволюционная теория проф. Долонко об отсутствии на Украине до революции национального капитализма. Они имели сомнительные связи с профессорами из европейских капит[алистических] стран, и я помню, что к нам приезжал в 1932 году из Германии некий профессор-лингвист Меер весьма сомнительного мировоззрения. Мы наблюдали, как были обеспокоены Державин и Пушкаревич при этой встрече. Когда этот Меер приехал, то Державин созвал заседание славянского института в Доме ученых, где были приглашены несколько студентов, в том числе и Бучакчийский, Нейковский Г., Нейковская, я и др. Этот профессор по-русски не говорил, а говорил по-немецки и его беседа для нас осталась непонятной. Когда он узнал, что мы все комсомольцы, то он несколько огорчился и после этого он сказал, что мы свободны. Остались продолжать беседу Державин, Пушкаревич, Обнорский, Советов и др[угие].

14.02.1938 г.

Подпись (Ф. Федосов).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 170–173. Оригинал, текст рукописный, чернилами.

№ 105

Сведения о болгаргах, данные Федосовым во время следствия:

Тодоров Семен – бывший офицер царской армии, учился в Ленинградском педагогическом институте им. Крупской.

Хаджийский – происходит из кулацкой семьи, учился в пединституте.

Биберов Павел – из семьи раскулаченного кулака, преподаватель математики, завода-вуза им. Сталина в Ленинграде.

Нейковская Валентина Федоровна – училась в институте истории философии и лингвистики (ЛИФЛИ), член ВЛКСМ.

Димитров Захарий – учился в пединимени Герцена в 1933 г. Был послан на работу в Коларовский р-н Днепропетровской обл.

Димитров Иван, учился в Ленинграде в Художественной академии.

Федосов Василий Ильич – аспирант Академии наук СССР, в настоящее время научный сотрудник химической лаборатории Волховского алюминиевого комбината, член ВКП (б).

Рупчева Ирина Георгиевна – студентка ЛИФЛИ, чл. ВЛКСМ.

Гергинова Екатерина Ивановна – студентка ЛИФЛИ, чл. ВЛКСМ.

Мальцев – студ. Химико-технол[огического] техникума в Ленинграде.

Соломонова Аглая Филиповна – студ[ент]ка педина им. Крупской.

Проданов Иван Иванович – студент педин[ститута]та им. Крупской.

Калицев Михаил студ[ент]т ЛИФЛИ, уехал в 1930 г. в один из болгарских рай[оно]в на Днепропетровщине.

Аврамов Петр – студ[ент] ЛИФЛИ.

Димитрова Евфросинья – жена Димитрова Д.Д.

Славов Иона – студ[ент] ЛИФЛИ.

Журков Василий – из семьи кулака, студ[ент] ЛИФЛИ.

Кара Варвара – студ[ент]ка ЛИФЛИ, из семьи бывшего купца, работала впоследствии в Харькове, в ред[акции] газ[еты] «Коллективист».

Тодорова Дуся – жена Калицева, в 1930 г. уехала вместе с ним в Днепропетровс[кую] обл[асть].

Генов Илья – студ[ент] педагогического института им. Крупской.

Димитрова Надежда – жена Димитрова Захария, вместе уехали в Коларовский район (жену Димитрова Захария звали Раиса Степановна – М. С.).

Креслев Филипп Эммануилович – педагог педтехникума в Преславе, Коларовского района, из кулаков.

Бунтовников Степан Васильевич – педагог педтехникума. Прибыл в СССР из Болгарии, проживает в с. Преслав.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 188–191.

Документ

№ 106

Прокурору Союза ССР по спецделам
Гр[ажданки] Винниковой Нины Григорьевны
жив[ущей] г. Харьков ХТЗ, 14 корпус, кв. 97.

ЗАЯВЛЕНИЕ

11 февраля 1938 года органами НКВД г. Харькова был арестован мой муж Федор Ильич Федосов, 1910 года рождения, комсомолец, педагог комбината ХТЗ и после водворения под стражу был выслан Тройкой НКВД, куда и в какой край мне до сих пор неизвестно и никаких сведений о нем я не знаю.

С арестом моего мужа я осталась с ребенком 1 года, и жизнь из светлой и радостной превратилась в печаль и горе. Зная мужа как честного и преданного родине, мне очень тяжело сознавать, что он выслан.

На службе он был неоднократно премирован и отмечен как лучший стахановец производства, и арест его ничто, как явился жертвой оговора. Подавая заявление, я прошу остановить Ваше внимание на молодой жизни моего мужа и прошу пересмотреть его дело и помиловать его. Я прошу запросить весь актив завода, где работал мой муж, и тогда выявится весь гнусный оговор, которым оклеветали моего мужа.

Ваше решение по этому вопросу прошу мне сообщить.

Просительница
(печать на письме – 13 мая 1939 г. – М. С.)

Н. Винникова.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, д. 7217, л. 317.

№ 107*

В Комиссию при Президиуме Верховного Совета СССР
по рассмотрению заявлений о помиловании.
Гр[ажданки] Винниковой Нины Григорьевны
жив[ущей] г. Харьков ХТЗ, 14 корпус, кв. 97.

ЗАЯВЛЕНИЕ

11 февраля 1938 года органами НКВД г. Харькова был арестован мой муж Федор Ильич Федосов, 1910 года рождения, комсомолец, педагог комбината ХТЗ и после водворения под стражу был выслан Тройкой НКВД куда и в какой край мне до сих пор неизвестно и никаких сведений о нем я не знаю.

С арестом моего мужа я осталась с ребенком 1 года и жизнь из светлой и радостной превратилась в печаль и горе. Зная мужа как честного и преданного родине, мне очень тяжело сознавать, что он выслан.

На службе он был неоднократно премирован и отмечен как лучший стахановец производства и арест его ничто, как явился жертвой оговора. Подавая заявление, я прошу остановить Ваше внимание на молодой жизни моего мужа и прошу пересмотреть его дело и помиловать его. Я прошу запросить весь актив завода, где работал мой муж и тогда выявится весь гнусный оговор, которым оклеветали моего мужа.

Ваше решение по этому вопросу прошу мне сообщить.

Просительница
(печать на письме – 13 мая 1939 г.)

Н. Винникова.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, д. 7217, л. 317.

№ 108

Прокурору Союза ССР, Москва
от гр[ажданки] Винниковой Нины Григорьевны,
прож[ивающей] Харьков ХТЗ, 14-й корпус, 97 квартира

ЗАЯВЛЕНИЕ

Летом текущего года я обратилась к Вам с заявлением, в котором подробно изложила о том, что мой муж Федосов Федор Ильич 11 февраля 1938 г. органами НКВД по Харьковской области арестован, выслан в неизвестный мне край и область до сего времени. Я

* Это письмо аналогично предыдущему. Комиссия даже не рассматривала это обращение и по сложившейся практике в лучшем случае, переправляла жалобы в Прокуратуры соответствующих областей. На письме – печать о получении письма 10 мая 1939 г. и резолюция сотрудника секретариата „Прокурору Харьковской области“.

указала, что мой муж работал в учебном комбинате при заводе ХТЗ. Я просила о пересмотре его дела, а в случае невозможности, как осужденного, представить мое ходатайство в Комиссию при Президиуме Верховного Совета Союза ССР, перед которым я ходатайствовала о помиловании моего мужа.

Я своевременно получила извещение от органов власти о том, что мои заявления направлены в Харьковский областной суд Прокурору по Спецсектору. И с того времени я не имею определенного ответа об участии моего мужа, несмотря на то, что я часто прихожу за справками.

В следствии изложенного, повторно прошу Вас запросить Прокуратуру Харьковского облсуда о таковой медленности дознания и ответа на поданное мною заявление; независимо от изложенного я прошу Вас ввиду наступающего праздника Великого Октября о помиловании моего мужа и сообщить о месте его нахождения в лагерях НКВД, чтобы с последних моих средств помочь ему на необходимые потребности.

О Вашей резолюции прошу мне объявить.

Просительница
28.10.1939 г.

Подпись (Винникова).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, д. 7217, л. 316.

№ 109

В Комитет Государственной безопасности СССР
Винниковой Нины Григорьевны, прож.
г. Харьков, Карповский пер. № 13.

ЖАЛОБА

11 февраля 1938 года в г. Харькове органами НКВД был арестован мой муж – Федосов Федор Ильич, 1910 г. рождения. С момента ареста до настоящего времени мне ничего не было известно о его судьбе. Мой муж родился в семье крестьянина-бедняка в Андреевском районе Днепропетровской области. По национальности муж – болгарин.

До ареста мой муж работал в качестве преподавателя русской литературы в учебном комбинате ХТЗ. С 1934 г. он был членом ВЛКСМ. В 1935 г. проходил действительную службу в Советской Армии. Мой муж был честным и дисциплинированным работником и никогда и ни в чем предосудительным замечен не был.

Поводом к его аресту послужило то, что он являлся болгаринном и, якобы, имел связь с болгарами. Я прошу Вас убедительно пересмотреть дело моего мужа и реабилитировать его, дав ему возможность возвратиться в семью, а моей дочери дать возможность увидеть отца, которого она никогда не видела, т.к. родилась после его ареста и мне одной на протяжении 18 лет пришлось ее воспитывать.

Факт невиновности моего мужа может быть подтвержден свидетельскими показаниями лиц, которые с ним работали и дают ему характеристику.

Убедительно прошу не задерживать рассмотрение моей жалобы и сообщить ответ по вышеуказанному адресу.

4.09.56 г.

Подпись (Винникова).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, д. 7219, л. 99. Оригинал. Текст на пишущей машинке.

11. «Дело» Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича

№ 110

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 22 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича 1873 г. рожд[ения] по ст.ст. 54–6, 54–11 УК УССР, принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Хаджи-Кочева К.К. может отразиться на ходе следствия, потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Хаджи-Кочеву Кириллу Константиновичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Завьялов).

Постановление мне объявлено « ___ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М. С.).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 194. Оригинал, текст печатный на бланке.

№ 111

Постановление

(об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 23 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – сержант госбезопасности – Михалевич, рассмотрев материалы по обвинению гр. Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича, 1873 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии, болгарина, гражд[анина] СССР, б/п, работает в совхозе «Красный быт», прож[ивает] на пер. Артема № 11, кв. 1, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–6 и 54–11 УК УССР, выразившихся в том, что он является участником болгарской контрреволюционно-националистической организации.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Хаджи-Кочеву Кириллу Константиновичу – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Оперуполномоченный III отдела УГБ, сержант Госбезопасности – подпись (Михалевич).

Согласен: Начальник III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – (подпись неразборчива).

Утверждаю: зам. нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Рейхман).

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 193а–193а об. Оригинал, печатный текст.

№ 112
Ордер на арест

УССР
Народный комиссариат внутренних дел
Харьковское областное отделение
ОРДЕР № 24/54

Выдан « 23 » 02 1938 г.
Действителен « _____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР т. Климову, т. Кобрель поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича, проживающего – пер. Артема 11, кв. 1.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман.

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 195. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 113
Протокол обыска

УССР
Народный комиссариат внутренних дел
Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 23 дня.

Я, Заика Александр Моисеевич, курсант Харьковских курсов РКМ НКВД УССР, на основании ордера, выданного н[аркомато]м обл[астного] управления НКВД УССР за № 24/54 произвел обыск у гр[аждани]на Хаджикочева Кирилла Константиновича, проживающего в г. Харьков, пер. Артема № 11, кв. 1.

При производстве обыска присутствовали: Фукс Мария Львовна, проживающая по пер. Артема № 11, квартира 2. Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Хаджикочев Кирилл Константинович.

Изъято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт ХК № 649206		Паспорт, профбилет и военбилет в 8-м отд. УГБ ХОУ НКВД
2	Профбилет № 016026		

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – не имею.

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Хаджикочев).

Представитель домоуправления – подпись (Фукс М.Л.).

Производивший обыск – подпись (Заика).

Копию протокола получил –

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 196–196об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 114

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Хаджикочев
2. **Имя и отчество** – Кирилл Константинович.
3. **Дата рождения: число** «15» месяц – апреля 1873 год.
4. **Место рождения** – с. Ресен, Болгария
5. **Место жительства (адрес)** – г. Харьков, пер. Артема № 11, кв. 1.
6. **Профессия и специальность** – огородник
7. **Место службы и должность или род занятий** – совхоз «Красный быт», технический директор.
8. **Паспорт** –
9. **Социальное происхождение** – крестьянин.
10. **Социальное положение:**
 - а) **до революции** – служащий.
 - б) **после революции** – служащий.
11. **Образование (общее и специальное)** – нисшее.
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – б/партийный.
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР.
14. **Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете** – снят с учета.
15. **Служба в белых и других к [онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил.
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – в 1924 г. арестовывался ГПУ, сидел под стражей 14 дней.
17. **Состав семьи** – жена, 65 л. Хаджикочева Мария Федоровна, домохозяйка.

Подпись арестованного

(Хаджи-Кочев).

1. **Особые внешние приметы** –
2. **Кем и когда арестован** – 23.02.1938 года.
3. **Где содержится под стражей** –
4. **Особые замечания** –

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету (подпись неразборчива).
2 марта 1938 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 197–197об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 115

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 21 марта 1938 года.

Я, оперуполномоченный сотрудник III отдела УГБ ХОУ НКВД УССР, – сержант Госбезопасности Рева, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Хаджи-Кочева К. К. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54–11, 54–6 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Хаджи-Кочев Кирилл Константинович являлся агентом болгарской разведки и участником контрреволюционной националистической болгарской организации.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Хаджи-Кочева Кирилла Константиновича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 54–11, 54–10 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Оперуполномоченный III отд[ела] УГБ – подпись (Рева).

Согласен: начальник – (нет подписи – М. С.).
Утверждаю – (подписи нет – М. С.).
Постановление мне объявлено – подпись (Хаджи-Кочев).
« 21» марта 1938 г.

ГАХО, ф. Р 6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 198–198об. Оригинал, текст рукописный на бланке.

P.S. Протокол допроса, проведенного 26 марта 1938 г. не публикуется (см. ХОГА, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 199–205). Один из немногих протоколов следствия, где Хаджиков не признал своей вины. Потом признал свое участие в Балканском клубе. Но отрицал не только свою причастность к контрреволюционной и националистической организации, но и в проведении какой-либо антисоветской деятельности, отвергая показания других соотечественников. Следствию так и не удалось добиться признательных показаний у Хаджикочева. Во время очной ставки между Фуклевым и Хаджикочевым последний вновь отрицал свою деятельность против советской власти. Обнаруженные в квартире Хаджикочева во время обыска ГПУ конструкции военных самолетов, принадлежали его зятю, военному летчику Хритту В.В.¹

¹ Зять Хаджикочева Хритт Василий Владимирович – комкор (арестован в Москве). Работал в минобороны по авиации. Дочь – Хритт Елена – народная артистка оперного театра в Москве, другая дочь – Попова Анна Кирилловна, также проживает в Москве. Сам Хаджиковчев прибыл из Болгарии малолетним еще в 1879 г. когда его семья переселилась в Россию и всю жизнь занимавшийся огородничеством. 50 лет прожил в Харькове, занимаясь выращиванием овощей и фруктов.

РЕЦЕНЗІЇ

САГА О БОЛГАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ

Рецензия на роман: *Малешкова А. Бессарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Кишинев: Cuşnir & Co, 2013. (На болг. яз.). – Т. 1. – 2013. – 372 с.; Т. 2. – 2013. – 345 с.*

Э. П. Стоянова

Традиция комплексного изучения истории, быта, культуры и языка отдельных поселений, основанных болгарскими и гагаузами на территории нынешней Украины, существует уже давно. В первые десятилетия XXI века на книжных полках собирателей литературы о Бессарабии появились ряд солидных изданий монографического характера¹. Готовится к изданию книга о селе Ореховка Болградского р-на Одесской обл., малой родине премьер-министра новой Болгарии Ал. Малинова. Все они в той или иной степени отвечают требованиям этнографических справочных изданий, включая предысторию поселения, современную историю села, описание современного состояния традиционной культуры и быта, статистические, топографические данные, документы экономического и культурно-образовательного расцвета села, фото наиболее известных и заслуженных жителей.

В 2013 году в Кишиневе появилось на свет сочинение иного плана – роман под заглавием «Бессарабски хроники Т. I, Т. II». Анна Малешкова и Иван Куртев – авторы «Бессарабских хроник» – заявили в самом заглавии о многоплановости своего произведения. С одной стороны, обратившись к жанру хроникально-документального текста, они предполагали, по-видимому, в первую очередь, изложить документы, охватывающие в достаточно широком временном и пространственном плане как историю переселения конца XVIII – начала XIX в., так и пребывания болгар и гагаузов на территории нынешней Украины в течение не менее чем двух веков и иллюстрировать примерами из жизни и быта своего родного села Валя Пержей Чадыр-Лунгского района Республики Молдова. Подобный подход был использован учеными – этнографами. Так, Н.С. Державин в книге «Болгарские колонии в России» писал, что на примере Бессарабии можно увидеть, как в капле воды, отражение всего многообразия общественных, культурно-бытовых процессов, происходивших в самой Болгарии. А мы бы дополнили: и процессов, происходивших в государстве, принявшем переселенцев. Известно, что малые социально-языковые общности, начиная с языкового анклава и заканчивая диаспорой, развиваются под воздействием обеих сторон: как страны-донора, так и страны-реципиента. Наши авторы, взяв за основу указанный принцип, попытались представить имеющийся у них материал в форме романа. (Сразу же приходят на память всемирно известные произведения Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах», Л.Н. Толстого «Война и мир»).

Мы не могли не заинтересоваться данным сочинением, будучи знакомыми с особенностями жизни и быта переселенцев не понаслышке, учитывая нашу практическую преподавательскую и журналистскую работу в Болградском районе Одесской обл., а также научно-исследовательскую деятельность, увенчавшуюся защитой докторской диссертации «Феномен збереженого слова» о роли литературной формы болгарского национального языка как одного из основных факторов сохранения и поддержания национальной идентичности переселенцев в Бессарабии и Таврии.

Несколько озадачил пессимистичный тон рецензии (автор – Марина Владева), появившейся в социальных сетях в ноябре 2014 года. Исследователь сосредоточила свое внимание на одном аспекте данного произведения – трагичности поисков беженцами своего пути в истории. «Порвать с родным домом и покинуть отечество, находящееся в опасности, – это значит лишиться себя навсегда и где бы то ни было своей определенности, обречь на роль маргиналов, существование которых не охраняется основными законами отечества... Этнографическое понятие бессарабский болгарин наполнено в данном контексте мощной символикой невинного страдания, обусловленного эксцессами при установлении идентичности, обостренными конфликтами при определении соотношения свой/чужой в перманентно враждебном географическом, социальном и политическом пространстве»². Нам более импонирует мнение, высказанное в монографии под ред. проф. Хелене Ленц

«11 écrire ailleurs:deux Moldavie(s)». – Страсбург: Университ. изд., 2013. – 333 с., что рецензируемый труд А. Малешковой и Н. Куртева по праву займет достойное место среди произведений, описывающих историю болгарских общностей за пределами Болгарии.

Конкретизируя его, скажем, что ценность рецензируемого текста, состоящая в его многоплановости, позволяет представить потенциальному читателю наиболее конструктивные элементы повествования, которые ценны для современников как с позиции элементарного выживания, так и сохранения духовности, в первую очередь языка, обычаев, обрядов в иноязычной национальной среде. Кроме того, хотелось бы сказать, что термином *хроники* не исчерпывается его специфика. В нем присутствуют элементы научного исследования, используется значительное количество объективных показателей, характеризующих, в частности, развитие тенденций демографических характеристик диаспоры, наметившихся в середине XX в., как то: переход от патриархального семейно-родового уклада к современным формам семьи, от компактной формы расселения к дисперсной, от традиционной привязанности к одной климатической зоне при выборе места заселения к большей свободе в случае вынужденной миграции³: «Люди решили оставить свой родной край, чтобы иметь работу, прокормить свою семью, обеспечить будущее своих детей. Пример – добровольный уезд бессарабских болгар на Крайний Север. В гор. Салехарде поселилось 17 семей из села Валя Пержей – все высокообразованные трудолюбивые люди. Одни уезжали с супругами-болгарками, другие нашли свое счастье с местными красавицами. Кое-кто забрал и родителей. Встретили их там тепло, сделали все возможное, чтобы облегчить пребывание в Сибири первые десять лет. Молодежи поручили работать на ответственных участках директорами предприятий, главными инженерами. Это привлекло и других односельчан, за несколько лет в каждом бессарабском селе не менее ста хозяев покинули свои дома»⁴. Кроме того, точные цифры и факты используются в произведении для характеристики участия жителей болгарских колоний в войнах XIX–XX вв., которые велись в Европе.

Так, в первом томе, вторая часть которого озаглавлена «На кръстопът» («На перекрестке»), авторы сообщают об участии бессарабских болгар в трех войнах, которые вела Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. «В день объявления последней войны с султанской Турцией (1877–1878) количество ополченцев из бессарабских сел под началом генерал-майора русской армии Н.Г. Столетова составило 700 человек. Они были организованы в десять дружин. Кроме болгар – из всех окрестных сел собирались русские, украинцы, молдаване, немцы, гагаузы. Летом 1877 г. со всей царской России стекался народ в Кишинев. Это было похоже на праздник, одежда, украшенная цветами, песни, от которых земля растворялась и камни рассыпались, такая в них звучала тоска и грусть по оставленным родным жилищам в Болгарии, что даже горизонт Буджакских степей вздрагивал от боли. Многие из ополченцев покупали коней и волов и с ними отправлялись в путь. К моменту приближения к гор. Русе бессарабское ополчение составляло тысяча четыреста человек. В Болгарии свирепствовала зима, чума и дизинтерия. Оттуда в Бессарабию приходили вести о раненых, убитых, замерзших, пропавших без вести»⁵.

Война с Японией (1904–1905 гг.), по мнению царя, должна была быть короткой, а победа – блестящей. И, как всегда, правительство в первую очередь вспомнило о малых народах. От каждого села были мобилизованы по сто мужчин, каждый их которых уже в 15–16-летнем возрасте обзавелся семьей и имел по одному-двое детей. И опять они уходили, как на праздник, с цветами, а на груди у каждого были скрыты иконки святых покровителей и серебряные или медные крестики, освященные в церкви. Но эта война никак не касалась бессарабских болгар. Их отправляли совсем не для того, чтобы они защищали землю, которую знали и любили⁶.

Россия вступила в Первую мировую войну 17.07.1914 г. (старый стиль – Э. С.), когда Его величество царь Николай II объявил общую мобилизацию на всей территории империи. Указ гласил каждому сельскому голове направить на фронт по сто человек. Для более крупных сел цифра вырастала до двухсот, а в процессе мобилизации превышала и ее. Страшная война бушевала уже целый год. Много бессарабских жен и матерей получили обгорелые письма – листок белой бумаги с обгоревшими краями, на котором было написано только имя убитого. Мобилизация прошла во второй и в третий раз. В каждом втором или третьем доме женщины надели черные платки и вместо тел убитых вкладывали в гробы головные уборы и другие вещи убитого, которые он носил при жизни. Такими были

похороны в Бессарабии во время Первой мировой войны. И никто даже не мог сказать, где находится место гибели брата или сына.

В этой войне, длившейся четыре с лишним года (август 1914 – ноябрь 1918), Россия потеряла 5 млн. солдат. А если посчитать, что из 99 бессарабских сел было мобилизовано на фронт минимум по 120 человек, то это составит около 120 тыс. человек – цифра, внушительная для такой небольшой национальной общности⁷. Сколько их не вернулось домой? Вопрос до сих пор остается без ответа.

Кроме описания тяжелых испытаний, пережитых общей массой бессарабских болгар, авторы смогли создать образы отдельных нерядовых личностей, так или иначе прославившихся в эти тяжелые годы, в том числе Георгия Моллова, первого заместителя министра Внутренних дел Российской империи, Танаса и Николая Стояновых, офицеров конной гвардии Его Императорского величества Николая II, отца и сына Кунчевых.

Великой Октябрьской социалистической революции бессарабцы также заплатили свою кровавую дань. Где-то по пути к месту казни царской семьи был расстрелян Танас Стоянов. Ходили слухи, что он в составе армии генерала Деникина участвовал в походе на Екатеринбург. Его брат Константин, по одним слухам, утонул; другие слышали, что был расстрелян на станции Дно, так как сопровождал царя в момент отречения от престола в составе охранявшего его гвардейского полка. Те, кто открыто симпатизировал большевикам, сбежали в Россию. Другие перекарасились на румынский манер. Те, кто не успел убежать, был расстрелян⁸.

На последнем этапе Первой мировой войны Бессарабия привлекает пристальное внимание западных союзников. Причина состояла в опасности, которую представляли для монархических режимов две находящиеся по соседству славянские державы: Украина и Болгария. Поэтому предполагалось отобрать у Болгарии Добруджу, а от Украины Бессарабию и передать их Румынии. В самой Бессарабии также начинается активная борьба за самоопределение. За присоединение к Румынии выступают молдаване, а большевистски настроенное население – за создание Молдавской демократической республики. Третья группировка, в которой преобладает болгарско-гагаузское население, пропагандирует создание самостоятельной Бессарабской буржуазно-демократической республики – «Болгарской Бессарабии», где будут под защитой права всех граждан и обеспечена культурно-национальная автономия всех этнических общностей.

Следуя хронологической последовательности, авторы коротко освещают события, происходившие в Бессарабии после окончания Первой мировой войны. Установление советской власти здесь задерживалось, и этим воспользовалась Румыния. Оккупация Бессарабии была подкреплена согласием командующего русскими войсками на румынском фронте генерала Щербачева при поддержке монархически настроенной части офицеров и правительства Украинской центральной рады. Несмотря на отсутствие сопротивления регулярных войск, продвижение румын по направлению к Измаилу и Болграду не было легким. Тут они встретили сопротивление разнородных вооруженных отрядов, состоящих из русскоязычного населения, и военных формирований, находившихся под влиянием большевиков.

После победы Октябрьской революции возрастает сопротивление румынской оккупации, которой руководят бессарабские болгары- большевики: Христиан Раковский, Иван Шишман и др. Вместе с присоединившимися к ним большевистски настроенными болгарскими из метрополии они организуют неподчинение оккупантам таких сел, как Кубей, Чийшия, Таш-Бунар и др., а также гор. Болграда. Этой борьбе стараются помочь видные деятели Болгарского возрождения В. Дякович, А. Теодоров-Балан, А. Малинов. Они обращаются к премьер-министру Болгарии В. Радославову с просьбой поддержать требования переселенцев об учреждении национальных школ, в которых бы ряд предметов преподавался на родном языке, о защите прав хозяйственных и культурных национальных объединений, о полной свободе национальной печати и церкви, неприкосновенности частной собственности, независимом административно-территориальном подчинении. Созданное в середине 1918 г. Софийское общество бессарабских болгар подготовило памятную записку председателю Парижской мирной конференции, положения которой были учтены в специальном договоре «О защите прав национальных меньшинств», принятом в Париже 09.12.1919, в соответствии с которыми Румыния обязывалась гарантировать гражданские, языковые, образовательные и религиозные права переселенцев. В действительности, ни

один пункт этого договора после официального признания аннексии Бессарабии Румынией не был выполнен⁹.

Перепись населения, проведенная сразу же после начала оккупации, показала, что 80% населения – грамотные. В селе Валя Пержей работали две начальных школы и одна церковно-приходская во исполнение закона российского царя «О всеобщем образовании населения». Теперь в школах вместо болгарского и русского звучал румынский язык, а во время утреннего молебна, стоя на коленях, все пели молитву «Отче наш» на румынском: «Татул ностру». Жандармы, размещавшиеся в каждом селе, напоминали постоянно, что говорить надо на румынском не только в присутственных местах, но и дома. Этот язык был обязательным на коллективных работах, на посиделках, на вечеринках.

Осенью 1924 г. в Бессарабии проводились выборы в парламент. Наиболее активной была буржуазно-националистическая партия «Сфатул церий» (Народный совет). Первоначально в его состав должны были войти 120 человек, которые представляли бы все национальности. Но вскоре решение поменяли: из 150 человек 150 молдаван, а украинцы, евреи, русские, болгары, гагаузы, немцы, поляки, армяне, греки были, так сказать, сверхплановыми. Летом следующего года сорок пять болгарских колоний подали петицию в «Народный совет» о создании автономной области. Нелегальные кружки по селам усиливали пропаганду за присоединение Бессарабии к Советскому Союзу.

Власти приступили к террору. В Комрате была раскрыта большевистская ячейка, 100 человек арестованы и заключены в тюрьмы. Аресты охватили другие села. Самой страшной оказалась расправа с жителями Татарбунар, которые вышли против местных властей, не имея оружия. Тем не менее они заняли сельскую управу, почту, выгнав оттуда румын. Буквально за несколько часов восстание охватило всю Южную Бессарабию. В селах создавались революционные комитеты, отряды милиции. Формировались отряды Красной гвардии. Количество восставших насчитывало более шести тысяч человек. За три дня всюду была установлена советская власть. Против восставших по суше была отправлена артиллерия, по Дунаю переправлялись хорошо вооруженные военные подразделения. По всей округе было убито более трех тысяч человек. В самих Татарбунарах расстреляно 100 человек, 75 человек брошено в тюрьмы со строгим режимом. Румынское правительство не прекращало репрессии вплоть до 1929 г. Всплески недовольства системой народного образования, запретом национальной церкви не раз вспыхивали и в последующие годы, в канун Второй мировой войны. Правительства как Румынии, так и Болгарии постарались замолчать события в регионе. Имена бессарабских болгар как в Румынии, так и в Бессарабии переделывались на румынский лад. Забвение и запреты сделали свое черное дело – болгарские переселенцы, где по незнанию, а где и умышленно, перечеркивали свою связь с прародиной. Мало-помалу Болгария осталась в памяти потомков в виде прекрасной сказки, миража, которые являлись как утешение от тяжелых испытаний на этой земле¹⁰.

В преддверии Второй мировой войны Румыния, как известно, испытала на себе последствия пакта Молотова–Риббентропа. Но Германия и Италия отказали ей в поддержке. 28.06.1940 г. советские пограничники, танки и пехота вошли в Бессарабию. А 23.06.1941 г. бессарабские села проснулись опять при новой старой власти: румыны вернулись – это были все те же сельские головы, жандармы, учителя. А они, в свою очередь, вернули на место своих активистов, говоривших по-румынски. Комсомольцы, председатели колхозов, не успевшие отступить с Красной армией, были арестованы, судимы, расстреляны. Вслед за румынами вступили с бессарабские села и города солдаты Вермахта. Страх охватил людей. Ведь многие здесь воевали на стороне России в Первой мировой войне. Но Болгария, как сателлит Германии, как бы заступилась за бессарабских болгар, никого не тронули. Перед оккупационными властями вновь была поставлена задача румынизации населения. В Бессарабии на законных основаниях вводились телесные наказания по отношению к детям и взрослым, от которых, по некоторым данным, скончалось более 22 тысяч человек. После поражения под Сталинградом румынская армия, готовясь к отступлению, подвергает Бессарабию беспрецедентному ограблению: вывозится полностью урожай сельхозпродукции, демонтируется и отправляется в Румынию промышленное и медицинское оборудование. Взрываются жилые дома, демонтируются железнодорожные пути. Инфекционные бараки в Кишиневе освобождены от больных. Мародеры грабят имущество заразных больных – вспыхивают эпидемии тифа, малярии, туберкулеза. От этих болезней погибает в 1944–1946 гг. 107 тысяч человек.

Болгарские переселенцы в который уже раз имеют новых правителей. Если при румынах 10 тыс. бессарабцев было мобилизовано в действующую румынскую армию и воевало против СССР, из них пять тысяч погибло на фронте, в том числе больше всего под Сталинградом, то с приходом Красной армии вновь началась мобилизация. Болгары и гагаузы работали на шахтах Донбасса, в литейных цехах Урала и Караганды рядом с немецкими военнопленными. Наступили новые времена – на улице заговорили по-русски.

На страницах «Хроник» можно познакомиться с малоизвестными фактами из биографий популярных в Бессарабском крае исторических личностей. К примеру, Дюк Ришелье, официальное звание и имя которого герцог Арман Емануэль Дюплесси де Ришелье (1766–1822), внес большой вклад в развитие этого южного края. Очень колоритно представлено реальное историческое событие – посещение императором Александром I Бессарабии, которое датируется маем 1818 г. Государь тогда ехал на встречу с австрийским императором Францем I, которая должна была состояться в пограничном городе Черновцы, и остановился в Кишиневе, где была организована выставка продукции изделий народных промыслов колонистов разных национальностей, в том числе и болгар. Авторы коротко описывают еще ряд событий указанного периода, воспользовавшись публикациями в газетах «Зов» и «Български глас», которые начали выходить в середине XIX века в гор. Болграде.

Оригинальное письмо одного из жителей села Валя Пержей – Ивана Ненова Дамянова, своему сверстнику в гор. Сливен (Болгария), датированное 1868 г., как нельзя лучше показывает живую связь между переселенцами и прародиной. В нем сообщаются любопытные подробности об известных исторических личностях: Христо Ботеве, профессоре Григоровиче и др.

О современных нам этапах истории переселенцев рассказывается во втором томе «Хроник», который состоит из двух романов: «Смехът на дявола» и «Председателят». В первом описываются события 1940–1970 гг. Здесь речь идет о тяжелейших и для диаспоры, и для всей страны годах военных испытаний, которые усугублялись еще и тем, что Бессарабия находилась под оккупацией, переходя в течение 1940–1944 гг. несколько раз из рук в руки. Все, что происходило тут в начале сороковых годов, авторы собрали в одну часть, озаглавив ее «Предательство». Почему предательство? Потому что в самом начале Второй мировой войны, 22.06.1940 г., после двадцати двух лет румынского правления вернулась такая долгожданная советская власть. В села входили советские войска, и люди встречали их с радостью. Но слишком краткой была эта радость. Следом за ними явились не те, кого так ожидали бессарабцы – наступало время принудительной коллективизации, которой предшествовала поголовная зачистка под предлогом борьбы с инакомыслящими. В результате первыми были депортированы наиболее образованные сознательные бессарабцы, члены первых партийных ячеек, сельские активисты. Таких только в селе Валя Пержей было пятьдесят семей. Они несколько месяцев добиралась до Уральского исправительно-трудового лагеря НКВД, находившегося в гор. Соликамске Пермской области. Прибывших разделили по группам: воров отделили от убийц, в отдельной группе оказались т.н. рецидивисты: бессарабцы и политические заключенные. На протяжении всей войны они обслуживали концентрационный лагерь – штопали белье заключенным. По окончании войны их переселили в другой лагерь недалеко от гор. Тайшет, где женщины узнали, что мужчин, высланных вместе с ними в 1940 г., как врагов народа расстреляли в 1941 г. без суда и следствия, как только стало известно, что немцы бомбят Киев.

А те, кто остался в селах? Начиная с июня 1940 г. до февраля 1941 г. была проведена молниеносная организация колхозов, сопровождаемая одновременной борьбой с «кулачеством». В первые дни войны в боях за удержание линии фронта, проходившего по нижнему течению рек Дунай и Прут, принимали участие бессарабские парни различных национальностей: евреи, молдаване, поляки, украинцы. Болгарам и гагаузам, несмотря на многочисленные заявления о посылке на фронт, было отказано в праве носить оружие. Тем не менее их сила и выносливость пригодилась в угледобывающей промышленности: бессарабские и крымские болгары были отправлены на работу в шахты Караганды и Урала. Те, кому удалось избежать мобилизации, участвовали в партизанском движении. Ходили слухи о том, что неподалеку от Симферополя и Керчи отряд молодых болгар, потомков переселенцев из гор. Болграда, в 1943 г. организовал сопротивление оккупантам, но нашелся предатель, и теперь группа в надежде спастись среди бессарабских болгар, скрывалась где-то неподалеку. Но немцы уже напали на след.

А румынская власть, покинув Бессарабию всего несколько месяцев назад, вновь распорядилась здесь как у себя дома: так, всех мужчин от 16 до 60 лет призвали – кого в румынскую армию, кого на отработку; молодых женщин и девушек вывозили в Германию. Но и этого было мало оккупантам. Авторы поведали жуткий по своей жестокости эпизод, который относился к периоду окончания в регионе военных действий, когда немецкие медики насильно, без согласия матери, «выкачали» из ее ребенка кровь, которая была необходима, чтобы сохранить здоровье немецким солдатам. Девочка, привязанная к кровати, умерла на глазах у матери

Когда война подошла к концу, подсчитали жертвы, возложенные на алтарь победы. Оказалось, что тридцать семь молодых парней из Валя Пержей лишились жизни. Они погибли на Висле, под Берлином, Кенигсбергом, в Польше. Многие пропали без вести. Сто тридцать солдат вернулись с фронта без ног, с тяжелыми ранениями. А на груди у них сверкали ордена и медали за храбрость. Через неделю или две все мужчины были мобилизованы на трудовой фронт на шахты Донбасса, восстановление Киева, Кишинева, Бреста.

А далее – послевоенные годы. Продналог и продразверстка пришли сюда с опозданием на двадцать лет, но были не менее жестоки и бездумны и привели к Голодомору 1946–1947 гг. Однако оказалось, что виновными были сами голодавшие – 28.02.1948 г. было издано постановление о выселении лиц, не исполнявших план сбора налогов; их отправляли в концлагеря на срок от пяти до десяти лет. И вновь началась борьба с «кулачеством», о чем свидетельствовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 06.04.1949 г.¹¹. Операция носила кодовое название «Юг». За одни сутки 05.07.1949 г. из Бессарабии было выселено 37 786 человек. Всех погрузили в 30 эшелонов или 1753 вагона и отправили на «вечное» поселение в Джамбульскую, Актюбинскую, Курганскую, Тюменскую, Томскую, Южно-Казахстанскую области. Некоторые, наиболее опасные, были отправлены в северные районы – Синегорск, Салехард и др.¹². До конца 1949 г. в родном селе авторов было организовано три колхоза. А далее началась борьба с «церковным дурманом», уничтожение храмов, которое повлекло падение моральных устоев, зарождение коррупции, уничтожение народных ремесел, забвение народных обрядов, национальных имен и др. Со смертью Сталина постепенно возвращались интернированные бессарабцы. Но клеймо врагов народа не позволяло молодежи учиться в вузах и техникумах, опытным специалистам получать работу. К этому прибавлялось и унижительная оценка *нацмен*.

Приступая к анализу художественных особенностей произведения, необходимо сказать, что внимание читателя обязательно привлекут предания о том, как происходило само переселение (том I, часть I). Передаваемые из поколения в поколение произведения устного народного творчества очень красочно представлены авторами, что позволяет показать современным бессарабским болгарам, сколько смелости и воли, сил и терпения стоило предкам предпринять этот шаг; сколько пота и крови было пролито, когда «золотая бессарабская земля» обживалась, становясь собственным домом для последующих поколений.

«Первые караваны состояли из самых смелых. Решение принимали самые уважаемые и предприимчивые лица. В дальний путь отправлялись в сопровождении усиленной охраны, состоящей из казацких отрядов. Самые отчаянные и способные приступали к изучению русского языка уже в пути. На ломаном русско-болгарском они расспрашивали военных о незнакомых землях, которые так манили к себе, заставляя спешить. Все верили, что двигаются навстречу своему счастью и благополучию. Самые первые прибыли сюда в 1725 г., следующие в 1806–1812 гг.; наиболее массовое переселение произошло в результате русско-турецких войн 1828–1829 гг., когда оставались пустыми целые города и села в Болгарии. Вместе с деревянными плугами и грустными песнями они принесли свой беспокойный дух, который помог физически выносливому организму расти и развиваться даже в самые неблагоприятные времена. Именно здесь, в Бессарабии, эти люди освободились от постоянного страха и обрели покой в работе, необходимой для удовлетворения самых обычных житейских потребностей. Первый более или менее организованный большой караван прибыл в марте 1818 г. Он состоял из 100 повозок, в которых ехало около 500 человек. Вид у всех был удручающий: женщины, одетые в черное, дети, и мальчики, и девочки, все одинаковые, в платьицах из домашней ткани или заматанные до пояса в кусок портянки; парни и девушки, с бледными лицами и синяками вокруг глаз; мужчины, небритые, невымытые, пропахшие потом и луком, в когда-то белых, а теперь грязных и рваных

портянках, перевитых черными веревками из козьей шерсти, в традиционных широких штанах, опоясанных в несколько рядов шерстяными красными поясами, обутые в червули, с протертыми подметками. Люди гнали за собой и скот, который был также измучен и ослаб в пути. Большинство из прибывших были из Сливенского и Ямбольского округов. Все имели разрешения, выданные местными турецкими властями целым семьям на выезд за пределы империи. Документы оформлялись без задержки, так как управлять оставшимися было значительно легче: захваченные турками территории, заселенные славянами, покидали непокорные неверные, гяуры, как называли турки православных христиан. За те полгода, что караван двигался сначала по своей, а потом по румынской территории, было всякое: и похороны стариков и младенцев, и болезни, которые налетали и отступали внезапно, и вечные ссоры между семьями, и голод, и угрозы наиболее нетерпеливых перебить всех стариков, чтобы остальным хватило еды, нападения степных разбойников и преследование турецкой погони, разборки между предводителями караванов и рядовыми переселенцами, что были покрепче и порешительнее. Тяжелым и долгим был путь до Силистры, что находилась на берегу Дуная. Но приблизившись к нему, люди впадали в ужас – никогда еще им не приходилось видеть такой огромной буйной реки. Вместо двух-трех дней, отдыхали по неделе, собираясь с силами. Казаки, сопровождавшие караваны, сколачивали плоты, чтобы переправить имущество и скот, работая без отдыха. И эти примитивные сооружения всегда были перегружены и сновали от одного берега до другого без остановки. Коней и коз приучали не бояться воды, овец стригли, чтобы шерсть, если намокнет, не была такой тяжелой. Для овец, птицы и пожиток сколачивали нечто вроде больших носилок или коробов, которые закрепили за лошадыми. Сверху на них взбирались женщины и дети, держа в руках, кто младенца, кто узлы с одеждой и шерстью, Молодежь постарше держались за конские гривы, а мужчины, кто не умел плавать, за конские хвосты. Другой рукой они придерживали скот помельче. А те, у кого было несколько лошадей, подгоняли к ним и буйволиц, и коров. Сундуки, обкованные железом, с одеждой и скарбом, ящики с инструментом, телеги – все это было нагружено на плоты.

Как перебирались на другой берег, никому не хотелось вспоминать. Сколько людей утонуло! Как река уносила, словно спичечные коробки, плоты с пожитками и скотом! Сколько ценностей, и главное, книг было потеряно при переправе. Тяжелы были жертвы, но люди упорно двигались вперед. Туда, где, по слухам, была построена вторая малая Болгария с центром в гор. Болграде. Но все было позади, и вот они прибыли в село Табаки. Среди них были и больные малярией, туберкулезом, простуженные. Почти все обовшивели, тело покрылось струпами из-за грязной одежды. Теперь следовало расписаться в канцелярской книге, что они добровольно переселяются на земли России и не возражают, чтобы их имена писались по-русски¹³.

На основании эпических призывов и устных рассказов авторы создают ряд запоминающихся поэтических образов сельских жителей. Среди них – старший мастер-ювелир Тодор Желязков, который, почувствовав, что жить ему осталось недолго, решил на прощание порадовать всех и подковать пернатое стадо, что было у него в хозяйстве. «Всю зиму он колдовал над чем-то в своей мастерской. И вот, наконец, прежде чем вывести стадо на улицу, старик Желязков поднял самого крупного индюка, а всего их было не меньше сотни, и надел ему на ноги миниатюрные шпоры, а на шею позолоченное монисто из медного сплава: – Этот вожак будет стоять дороже всех, – сказал он. Целый час надевались на шейки и ножки индюшек украшения. Когда вся эта процессия отправилась в Болград, соседи не могли понять, что происходит. Стадо позванивало и поблескивало украшениями, надувалось, издавало пронзительные воинственные звуки. Заночевали в Кубее у старого приятеля. Увидав чудо-стадо, человек понял, что старший мастер прощается и со своим ремеслом и с жизнью. А назавтра рано утром продолжили путь. Солнце медленно подымалось над Бессарабией и освещало это необычное шествие. Индюки, надув зоб, обходили кругами своих подруг, издавали призывные звуки. При малейшем их движении кованые медные, железные и позолоченные нанизы, шпоры и другие погремушки звенели, поблескивая разноцветной радугой. Люди останавливались, удивленно улыбались, радостно хлопали в ладоши. Каждый покупал птицу на Пасху, не торгуясь. Весь товар был распродан меньше, чем за два часа¹⁴.

Такими же скупыми, но яркими мазками выписан характер еще одного сельского мастера Павли Ламбова. Повозка, сделанная им для встречи сельской делегации с царем

Александром I, была похожа «на молодую невесту. Украшения для нее были сделаны из разных пород дерева. А когда запрягли в нее коней, она, тронувшись с места, зазвенела, заговорила на несколько голосов, тоненько-тоненько засвистела»¹⁵. Читая эти строки, невольно вспоминаешь рассказ «Песента на колелетата» непревзойденного мастера болгарского художественного слова Й. Йовкова.

Четвертая часть «Бессарабских хроник» – роман «Председателят» – представляет события новейшей истории родного села авторов на фоне жизни всей страны. В целом, повествование в обоих томах постепенно меняет свой эмоционально-оценочный настрой от эпичных картин прошлого, с участием монументальных как положительных, так и отрицательных характеров в первой и второй частях первого тома, через драматичные события начала XX века, описанные в третьей части второго тома, к высмеиванию близкой нам действительности (четвертая часть второго тома). С точки зрения жанровых особенностей эта часть «Хроник» напоминает скорее всего памфлет, сатирическое описание недавней действительности. Иногда рассказ о сельских буднях ведется с юмором (см. эпизоды под условными названиями «Домашние дрожжи» Т. II, с. 104–106; «С чего начинается театр, а с чего – правление колхоза» Т. II, с. 200–203; «Ослица Дана» Т. II, с. 208–210 и многих других), но иногда в нем сквозит злая ирония: «В этих очередях воспитывались самые важные человеческие качества: социализация инстинктов, плановое распределение сил и возможностей граждан пожилого и младшего возраста. Именно здесь проявлялось священное осознание того, что ты неотъемлемая часть огромного, хотя и невидимого общества, и в частности данного маленького коллектива» («Ода очереди» Т. II, с. 242).

В третьей части романа авторы создают несколько ярких отрицательных образов партийных и советских функционеров, вышедших из среды бессарабских болгар. Это Вадим Страшалов, родом из известного в Приазовьи села Преслав, скрывающий свою национальность. «Начитанный и проницательный, он хорошо владел несколькими местными языками и был первоклассным актером. Страшалов не любил своих сонародников, презирал бессарабцев за чувство покорности, когда необходимо было выразить собственное мнение по важному вопросу, а они повторяли, словно попугай, чужое мнение; за их молчание, когда они могли бы себя защитить; за безволие, когда была возможность создать нечто ценное не только для себя, но и для грядущих поколений; за чувство страха, которое он читал ежедневно в их глазах; за наивность, когда управляющие бессовестно лгали им в глаза, а те им верили.

Его окружали неграмотные, испуганные селяне, которые хоть и слушали его, но в то же время не верили ему. Это было видно по их глазам. Прикидываясь безразличными и тупыми, они в сущности продолжали делать свои дела, и таким образом старались казаться в два раза глупее, чем были на самом деле. Их не интересовали ни книги, ни кино, ни театр. В новом селе или в незнакомой семье он умело изображал чужака, русского по национальности»¹⁶.

Второй отрицательный персонаж – председатель сельсовета Семенов. По мнению Страшалова, Семенов – типичный трус, который боится не только вышестоящего начальства, но и своих подчиненных. Это представитель той массы активистов, которые умело примазываются к любой власти, на каком бы языке она ни говорила и какие бы порядки ни устанавливала. Он быстро подстроился и под установки НКВД, когда приказано было обезглавить местную интеллигенцию под видом борьбы с врагами народа. Семенов никогда не проявлял инициативы ни в работе, ни по хозяйству, потому что знал, что инициатива наказуема, то есть надо будет включаться в ее выполнение. А ему не хотелось. Он был не глуп и понимал, что проще жить, нежась в объятиях двух своих жен. Все в селе знали, что он двоеженец. Но он не боялся никого. Для него тяга к женщинам была превыше всего – выше партии, власти, совести, долга. Что касается роли председателя сельсовета, он понимал, что его авторитет ничтожен, что его мнение никто не учитывает. Величие собственной персоны он ощущал только рядом со своими женами. Но и они насковзь видели его мелкую душонку. Никто не уважал Семенова как человека и служителя закона, потому что он не заботился ни о ком и ни о чем¹⁷.

С присущей сельскому болгароязычному социуму верой в силу неземного потустороннего мира, события, связанные с деятельностью главного героя Митрю Пухлева, описанные в четвертой части романа под названием «Председателят», обрамляются описанием двух печальных, но реальных исторических фактов: начало его карьеры как хозяй-

ственного руководителя высокого ранга – избрание председателем укрупненного колхоза, происходит в день смерти Сталина. Апогей карьерного роста – начало работы инструктором Отдела промышленности (по видимому в ЦК КП Молдовы), совпадает со смертью Константина Черненко. Тридцать три года, отданные М. Пухлевым продвижению по служебной лестнице, совпали с совершенно новой страницей в жизни бессарабских болгар и гагаузов. Авторы сосредотачивают внимание на основных пороках этого исторического периода. В молдавских селах это было пьянство. Колоритно звучит описание уборки винограда и изготовления вина: «Такого урожая винограда и фруктов люди не видели уже лет десять. От каждой виноградной грозди и в колхозе, и на приусадебном участке мужучали по ведру сока. Над бессарабскими селами витал аромат спелого винограда, слегка забродившего виноградного сока и прокисших виноградных выжимок. Сельские пьяницы, кто был посмелее, пораньше прибрали урожай и не могли дотерпеть, пока вино перекипит, станет прозрачным и даст осадок. Они не выходили из глубоких и прохладных погребов и уже на пятый или шестой день напивались до беспамятства. Молодое вино мстило им за все: за раннюю весеннюю лозу, когда она оплакивала каждый обрезанный побег, за привязанные и оборванные плети, за перемолотые ягоды, из которых безжалостные мужские руки выдавливали сок до последней капли. Молодое вино теперь мстило за все, с удовольствием высвобождаясь из пузатых бочек, где его крепко сковывали железные обручи, оно оказывалось в желудке нетерпеливого пьяницы и тот получал свое. Непереварившийся сок так бунтовал, так ударял в голову и в ноги, что отнимал и физические силы, и разум, лишая последней капли совести. В селе находились такие смельчаки, что до Нового года выпивали по 150–200 литров такого молодого вина. Каждый год повторялось одно и то же: количество пьяных в бессарабских селах резко возрастало. На глазах у односельчан эти люди буквально преображались, бросали по сторонам косые взгляды, глаза наливались кровью, вокруг стоял сплошной мат, трусы смелели, спокойные и кроткие становились буйными. Общество отгораживалось от них как бы невидимой стеной, согласно народной поговорке «От пьяницы и бешеной собаки лучше быть подальше»¹⁸.

Пьянство расшатывало моральные устои болгарского населения, некогда получавшего высокую оценку и русской администрации, и ученых-этнографов. «Семейный быт поселенцев из болгар имеет патриархальную основу: старший в семье управляет домом и семейством, устанавливая твердую дисциплину. Семейные добродетели между болгарами свято уважаются; нравственность обоих полов высока. Чистота супружеской жизни и девичья скромность – святыня, так что прелюбодейство – явление крайне редкое. Болгарских женщин и девушек зорного поведения нет»¹⁹.

В романе описывается, как М. Пухлев старался не пропустить ни одну симпатичную колхозницу, расплачиваясь с ней дефицитными товарами или продуктами питания. В селе, конечно же, знали об этом, осуждали его как руководителя и члена партии, который должен был бы соответствовать требованиям высокой морали и партийной дисциплины. Но он плевал на эти неписанные законы²⁰. После отчетно-выборного собрания, на котором колхозники сказали твердое «нет» правлению и его председателю, началось в противовес здравой логике его продвижение по служебной лестнице. Сначала Пухлева назначили инструктором Райкома партии, через четыре года – инструктором отдела промышленности в ЦК КП Молдовы. Последним этапом его карьеры было председательство в некоей ассоциации частных предпринимателей, которая занималась приватизацией и перепродажей недвижимости. После одной из удачных сделок, в результате которой на счетах ее участников в швейцарских банках должна была появиться кругленькая сумма долларов, Пухлев был убит своими партнерами.

Еще двум проблемам уделяют авторы пристальное внимание в романе «Председателят»: языковое неравенство потомков болгарских переселенцев и гендерное неравенство в семье. «Пухлев понимал, что Кишинев – это не самое удобное для него место. Куда спокойнее он чувствовал себя в колхозе, где все его боготворили и заглядывали ему в глаза. Здесь, в министерстве, и стар, и млад свободно говорили на нескольких языках: молдавском, русском, болгарском, гагаузском, а иногда переходили и на западные языки. А он, хоть и прожил всю жизнь в смешанной языковой среде, между болгарскими и молдаванами, не знал ни того, ни другого языка. Молдавский в свое время был отменен, а болгарский ни он, ни его односельчане, кто постарше, не изучали. Русский же, красивый и богатый славянский язык, давался ему с трудом»²¹.

Но именно на языковой почве основываются первоначально социальные противоречия в обществе в период перестройки. «В Молдавии назревали новые события. Русскоязычные газеты закрывались одна за другой. Оставшиеся едва дышали. Но это не помешало республиканскому органу «Независимая Молдова» поместить в одном из номеров на первой странице статью, автор которой говорил, что славянская азбука – это удел оккупантов, необразованных и бедных людей. Другое дело – латиница. Надо как можно скорее отказаться от кириллицы, если Молдавия хочет приобщиться к просвещенной Европе. Это вызвало болезненную реакцию у болгарской национальной интеллигенции. Целые отделы, где работали русскоязычные сотрудники, закрывались, а руководителями новых назначались только местные кадры, независимо от того соответствовали ли они занимаемым должностям. К руководству страной пришли эти самые местные кадры. Такой чистки Молдавия еще не знала. На улицу выходили и недовольные переменами: среди них – бывшие руководители правоохранительных органов, преподаватели и профессора средних и высших учебных заведений, не владевшие официальным государственным языком, отправленные на пенсию офицеры – «нацмены» по происхождению, а в митингах и демонстрациях участвовали вдохновленные переменами недавние неудачники, именно они в тот момент вносили изменения в историю. Для колхозников же все это не имело никакого значения – они знали, что мотыгу и лопату у них никто не собирается отнимать.

В то же время начали проявляться противоречия между поколениями самих переселенцев. Молодежь старалась вырваться из тупика. Сотня долларов, которую получали женщины в Турции, были большими деньгами, а их, как говорили, можно было заработать, занимаясь самой древней женской профессией. Старики осеяли себя крестным знаменем и проклинали новое время. Но бессарабская молодежь не только не знала государственного молдавского языка, она не владела и своим родным литературным языком, поэтому не могли прочитать историю своего народа, познакомиться с литературными произведениями, где описывалось прошлое, обратиться к своим корням²².

Потомки некогда одного из самых просвещенных народов Европы в настоящий момент оказались обыкновенными неучами. История показала, что администрация данного края не вяла идея умнейших этнологов середины XIX в.: «Нравственное и духовное воспитание народа не шло здесь, как бы следовало по Высочайшему указанию, наряду с вещественным благосостоянием. Все духовные интересы народа опечатаны двойною печатью административного усмотрения... У народа всячески отбирается его лучшее сокровище и законнейшее достояние – язык матери и национальные традиции, вернейший залог народной нравственности»²³.

Языковой барьер не позволил болгарам и гагаузам договориться о создании единой автономной республики в рамках Молдавии. Дело дошло до серьезных столкновений, когда несколько автобусов, заполненных пьяными молодчиками, вооруженными топорами и более серьезным оружием, направились разбираться с болгарскими и гагаузами. Наибольшее число жертв было в болгарском селе Парканы. Нападения на болгар, русских, евреев и представителей других национальностей были реальностью. Быстрее других покинули республику русские и евреи. За ними отправились в Болгарию отдельные семьи, у кого было на первое время где остановиться, у иных дети уже создали семьи. А третьим широко открыла двери Турция.

Несколько слов о гендерной проблеме, постановка которой, на наш взгляд, вызывает особое уважение к авторам. Показав унижения, боль и страдания женщины в современной болгарской семье, авторы смело могут претендовать на присвоение этому литературному труду статуса женского литературного произведения. Начиная с великолепно выписанных портретов бессарабских женщин: «...Так была забываемо красива эта бессарабская болгарка! Было в этой красоте что-то вечное. Повидимому от поколения к поколению в ее кровь не проникло ничего случайного, стороннего. И как могло случиться, что в этой безводной Бессарабии появилось на свет такое неземное чудо! Нет, это была не женщина! Это была икона, ангел!»²⁴, и заканчивая трагическим апогеем романа – самоубийством Танашицы, ни в чем не повинной супруги сельского пастуха, анализируемое произведение доказывает, сколь велика любовь авторов к своей малой родине, к односельчанам, чтобы промолчать хотя бы об одном даже мало-мальски заметном недостатке в ментальности бессарабского сильного пола, не говоря уже о насилии, издевательствах, применении грубой силы со стороны главы семейства по отношению к спутнице жизни. Все это перечер-

кивало такие высокочтимые качества болгарина, как трудолюбие, честность, национальную гордость.

Заканчивая анализ, мы должны сказать, что присоединяемся к мнению, высказанному в упоминавшейся в начале рецензии монографии под ред. проф. Хелене Ленц о труде А. Малешковой и Н. Куртева. Да, он по праву займет достойное место среди произведений, описывающих историю болгарских общностей за пределами Болгарии по новизне и глубине поднятых проблем. Однако хотелось бы заметить, что нам нехватало в этом произведении рассказа о передовых представителях болгарской национальной интеллигенции в Молдове, о которых мы знаем только по слухам, об их борьбе за языковое равенство, даже если эта борьба была unsuccessful. Можно пожелать авторам учесть этот аспект в продолжении «Бессарабских хроник».

¹ Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. 190-летию основания села посвящается. – Одесса: Астропринт. 2003. – 788 с.; Кубей: очерки и материалы по истории села Кубей-Червоноармейское в Бессарабии. – Одесса: ФОП Петров О.С., 2013. – 559 с.; Гамза В. Тернівка. Историко-етнографічний нарис. Монографія. – Миколаїв: Іліон, 2014. – 529 с. и др.

² Владева М. Преселенията: биографични и художествени проекции. Размисли върху ипостаси-те на дома в „Бесарабски хроники“ на Анна Малешкова и Николай Куртев. – URL: <http://meridian27.com/article/preseleniyata-biografichni-i-hudozhestveni-proekcii> (дата обращения: 10.11.2014.)

³ См. об этом: Стоянова Э.П. История одного языкового острова. Письменность болгарской диаспоры на Украине. 1861–1993. – София, Велико Тырново: Знак-94, 1997. – С. 8.

⁴ Малешкова А. Бесарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Т. II. – Кишинев: Cunitr & Co, 2013. – С. 273–274.

⁵ Там же. – Т. I. – С. 185–190.

⁶ Там же. – С. 223.

⁷ Там же. – С. 267.

⁸ Там же. – С. 280–281.

⁹ Там же. – С. 272–274.

¹⁰ Там же. – С. 294–295.

¹¹ Там же. – Т. II. – С. 100.

¹² Там же. – С. 100.

¹³ Там же. – Т. I. – С. 21–35.

¹⁴ Там же. – С. 170–171.

¹⁵ Там же. – С. 90–91.

¹⁶ Там же. – С. 122.

¹⁷ Там же. – С. 140–141.

¹⁸ Там же. – Т. II. – С. 167–168.

¹⁹ См.: Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – Вып. I. – СПб., 1869. – С. 321–324.

²⁰ Малешкова А. Бесарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Т. II. – С. 176, 192, 204, 217, 240.

²¹ Там же. – С. 259.

²² Там же. – С. 272–273, 280, 293.

²³ См.: Державин Н.С. Болгарские колонии в России. – София: Мартилен. Фототип. изд. Сборник за народни умотворения и народопис. Издава Българската академия на науките в София. Книга XXIX. – София: Държавна печатница, 1914. – С. 41–42. Соответств.: Клаус А. Наши колонии... – С. 357–363.

²⁴ Малешкова А. Бесарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Т. I. – С. 215.

ПОСТАТІ Й ПОСТУПИ УКРАЇНСЬКОЇ ЕТНОЛОГІЇ КРИЗЬ ПОГЛЯДИ НА СУСІДНІ НАРОДИ

Рецензія на наукове видання: **З любов'ю до народів.
Ювілейний збірник на пошану члена-кореспондента НАН України
Всеволода Івановича Наулка. З нагоди 80-річчя від дня народження /
Упор. та заг. ред. В.А. Старкова. – К.: Медобори-2006, 2013. – 356 с.**

Н. В. Аксьонова

Рецензована наукова збірка презентує певний етап розвитку української історичної науки і безпосередньо пов'язана з такою постаттю в ній як Всеволод Наулко. Його наукові доробки розглядалися багатьма дослідниками і всіляко наголошувалося на тому, що саме він постає першовідкривачем етнографій сусідніх народів, формує для української інтелектуальної еліти погляди на етнологічні дослідження. Більшість українських етнологів вважають Всеволода Івановича своїм «хрещеним батьком» у темах, що за радянської доби вивчалися не тільки замало, а відверто й ніяк.

Довгий час українська етнологія не виходила за межі народознавства, була на ньому закохана і виплекана саме через намагання вивчити і репрезентувати свою етнічну історію, яка довгий час була затьмарена державницькими ідеями Російської та Австро-Угорської імперій. За умов тоталітарної доби українські етнічні студії намагалися втиснути у прокрустове ложе «потрібності» та «лояльності» радянській системі.

Цей збірник має дуже цікаву структуру, оскільки починається з вітальних слів ювіляру, а закінчується віршами на його честь. Розділ «*Persona*» містить матеріали, що висвітлюють діяльність Всеволода Івановича в українській етнології та археографії, а вже безпосередньо розділ «*Студії*» присвячений різноманітним дослідженням здебільшого провідних фахівців Інституту української археографії та джерелознавства НАН України, колег і друзів ювіляра. Цікавістю до «закритих» тем визначається розділ «*Джерельні матеріали*», що містить документи із життя представників української історичної школи в еміграції та листування видатних українських науковців.

Вихід за межі народознавчого напрямку в етнології пов'язаний із постаттю Всеволода Наулка, який за часів неосталінізму зумів відкрити простір для більш широкого сприйняття етнографічної школи республіки, чи не єдиним в Україні намагався неупереджено викладати матеріали з етнографії зарубіжних народів. Саме викладацьку діяльність Всеволода Івановича пригадує у своїй статті Ігор Гирич *Всеволод Наулко: риси до портрету на тлі доби й етнографічної науки*. Характеристиці біографії дослідника та його мемуарам присвячена також стаття Наталії Притуляк «*Невипадкові випадковості в етнології та на життєвих перехрестях його дослідника (відгук на книгу В.І. Наулка «Пошуки. Роздуми. Студії»*» – К.: Український письменник, 2013. – 391 с.). Авторка зазначає, що Всеволод Іванович залишив для нас не тільки «*унікальне джерело наукових даних з історії, етнології, етнодемографії, але й визначився з точкою зору підходу до їхньої презентації*».

Зацікавленість В.І. Наулка невідомими для широкого загалу темами із вивчення самотності народів, які населяють Україну, стала каталізатором ідей як мікро-, так і макродосліджень етносів України. Висхідною точкою дослідження українців у колі сусідніх етносів слугував атлас, упорядкований Всеволодом Івановичем (*Наулко В.І. Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР (з пояснювальним текстом)*. – К., 1966). Карта стала якісним, комплексним дослідженням, що давало роздуми і натхнення не для одного покоління дослідників різного спрямування, особливо прислужилася для подальших порівняльних лінгвістичних студій. Саме цьому напрямку науки присвячена в рецензованому збірнику дуже розлого стаття Павла Гриценка *Лінгвістичне картографування на тлі етнічних процесів*. Автор статті блискуче класифікує наявні діалектичні атласи слов'янських мов і зазначає особливості вивчення мовних діалектів на території України. Найскладним, на його думку, є дослідження полімовного ареалу, яким є Буджак. Він зазначає, що найбільша кількість досліджень присвячена вивченню болгарських говірок

цього регіону, вони ж стали першим об'єктом картографування (*Атлас болгарских говоров в СССР / Сост.: С.Б. Бернштейн, Е.В. Чешко, Э.И. Зеленин. – М., 1958*).

Говорячи про балканську проблематику нашу увагу, насамперед, привертає стаття Олександра Ганчева, Володимира Мільчева, Олександра Прігаріна «*Туканци*»: *питання формування однієї субетнічної групи болгар України*. Вона присвячена питанню першої хвилі заселення болгарськими колоністами буджацького степу, які стали називати себе «тукани» (тутешні). Дослідження висвітлює стереотипи, які існують в історичній науці щодо цієї етнічної групи. Для достовірності дослідники простежили історичну пам'ять про переселення болгар до Буджаку не тільки в серовищі їхніх нащадків, а й долучили матеріали отримані з регіону Сърнена Средна Гора, який до цього не розглядався у якості можливого місця виходу перших болгарських колоністів. У результаті вони прийшли до ґрунтового висновку про те, що найперша хвиля переселення болгар до Дунайсько-Дністровського межиріччя має бути пов'язана саме з регіоном Середньої Гори. Вона була спричинена декількома факторами, серед яких превалює податковий тиск на місцеве населення унаслідок феодальної анархії в Османській імперії та складна епідеміологічна ситуація в регіоні – чума, холера тощо. Без заперечень це дослідження суттєво пододало стереотип про те, що болгарські поселення Буджаку з'являються безпосередньо внаслідок російсько-турецької війни 1806–1812 рр. і засновані виключно вихідцями із Північної Болгарії.

Балканський сюжет суттєво доповнює стаття щодо вивчення грецьких етнічних груп Ірини Пономарьової *Всеволод Іванович Наулко – дослідник греків Приазов'я*. У статті зазначається, що суттєві зрушення в українській етнології щодо дослідження етносів, які населяють Україну відбулися лише з середини 1950-х років і ключовою фігурою в цих дослідженнях постає Всеволод Наулко. Стаття подає польові записи дослідника, що стосуються греків Маріуполя та околиць у 1967–1970-х роках за двома етнічними групами греків: румеями та урумами. Не дивлячись на те, що дослідження торкається переважно матеріальної культури греків Приазов'я, на основі його дослідника приходиться до висновків про те, які впливи зазнавали обидві етнічні групи як з боку татарської, так і з боку українського етносу через запозичення господарської та будівельної термінології. На думку авторки, цікавим є той факт, що як греки-румеї, так і греки-уруми зазнали більшого впливу від сусідніх етносів, ніж справили один на одного через взаємну ізоляваність.

Окремо потрібно прокоментувати статтю Тетяни Ананьєвої *Репрезентація власти: киевський сценарій 1829 года*. У цій статті опосередковано, але доволі впевнено доводиться імперський пафос поведінки з трофеями, які були здобуті на Балканах після закінчення російсько-турецької війни. Дослідниця зазначає, що задля цієї події навіть було заведена архівна справа на 45 аркушах «*О всемилостивейшее пожалованных городу Киеву трофеях взятых при покорении крепости Силистрии*». Трофеї передавалися Софійському собору через складну церемонію, за якою вони провозилися головними київськими вулицями; цей ескорт мав час від часу зупинятися і при цьому зачитувався імператорський рескрипт про подарунки Софійському собору, які б мали стати «*памятником Высочайшего пребывания его высочайшего величества в сей древней столице*», при тому що перебування у Києві Миколи I насправді закінчилося. На думку авторки, це свято мало б долучити місто Київ до загальноімперських торжеств із приводу перемог російської армії, метою яких було «залучення» Балкан до сфери великодержавних впливів.

У статті Наталі Черкаської *Польська громада Києва (1914–1921)* досліджуються не витоки того чи іншого етносу, а функціонування етнічної спільноти за умов початку Першої світової війни і взаємозв'язків поляків-мігрантів з території Австро-Угорщини з місцевою київською громадою. Стаття присвячена висвітленню організації опіки над поляками-біженцями, яку взяла на себе польська громада Києва і доволі успішно справлялася з цим питанням. У статті розглядаються взаємини між поляками, що були підданими на той час двох ворогуючих між собою імперій.

Діяльності представника сербської громади також за умов Першої світової війни присвятив своє дослідження Олег Павлюченко *Марк Цемович – Генеральний консул королівства Сербія в Одесі*. Робота розкриває цікаві епізоди взаємодії Російської імперії з сербською спільнотою у воєнній Одесі та сусідніх містах: прийом біженців, надання матеріальної допомоги розореній Сербії, організація Сербського добровольчого батальйону.

Вельми закритій за радянські часі темі присвячено статтю Елли Стьопченко *Дослідження німців України в радянській історіографії 1950–1980-х років*. У ній авторка простежує стан досліджень німецької громади в епоху після Другої світової війни і наголошує на те, що головною перепоною вивчення німців стало питання їхнього віросповідання. На тлі масованої радянської антирелігійної пропаганди інтерес до вивчення цієї етноконфесійної спільноти в УРСР майже затухає. Дослідниці вдалося визначити усі етапи наявних досліджень і простежити зміну підходів до проблеми вивчення німецького населення України.

Найактуальній наразі темі присвячена стаття Олега Калакури *Регіональні етнокультурні ідентичності України: Донбас*. Вона містить докладний аналіз сучасної етнологічної ситуації регіону, розкриває усі етапи її формування, визначає умови за яких найбільш чисельні у регіоні українська, єврейська, грецька та німецька громади зазнали нещівної асиміляції. Головним каталізатором цього процесу стали радянська модернізація і потужна урбанізація, що супроводжувалися плановою міграцією росіян до регіону. За визначенням автора на Донбасі *«абсолютна більшість росіян у містах є мігрантами радянської доби та їхніми нащадками у першій генерації»*. На думку дослідника, саме завдяки цій потужній асиміляційно-міграційній політиці мешканці регіону *«сприймають російську мову як мову міжнаціонального спілкування, але не розглядають себе окремо від України»*. Але автор констатує наявність у регіоні загрозливих тенденцій, що постають перед суспільством як наслідок відсутності продуманої мовної політики держави з метою повернення зросійщених українців, греків, євреїв, німців до цінностей власного етносу і приєднання до української громадянської нації. Також у статті вказується на ігнорування місцевою адміністрацією прав і потреб інших етносів, зокрема українців краю, що переважно мешкають у селах і становлять 73,45% сільського населення Донеччини й 72,7% – Луганщини. Російська мова, на думку автора, розглядається місцевими органами влади як виключна і домінантна, тому Маріупольська федерація грецьких товариств України була змушена 2012 р. підготувати звернення до Міністерства освіти і науки України про надання новогрецькій мові статусу першої іноземної для шкіл району.

Безумовно, ми не змогли викласти увесь зміст усього збірника і розглянути кожну зі статей, тому зупинилися лише на сюжетах щодо сусідніх українцям етносів. Не дивлячись на те, що переважна більшість матеріалів присвячена проблемам українства, збірник не видається явищем в собі, напроти постає надійним містком до майбутніх порівняльних і узагальнюючих досліджень. У цьому збірнику кожна із постатей науковців і проблема, що розглядається, знаходять своє відображення на тлі епох, розкриваються як непересічне явище і прокують до подальшого захопливого зацікавлення.

СЛОВО ПРО СЛОВО

Рецензія на: *Кънева П. Українсько-български речник. Українсько-българський словник. – Софія: Синева, 2013. – 544 с.*

К. Потапенко-Калоюнова

За останні роки відбулося чимало цікавих подій і в Києві, і в Софії, спрямованих на подальше зміцнення коренів дружби українського та болгарського народів, їх етномовних і культурних зв'язків, примноження історичних традицій їх співробітництва. Знаменною подією стало вихід у світ першого в Болгарії українсько-болгарського словника (Софія, видавництво «Синева»), укладачем якого є відома в країні перекладачка Пенка Кинева. Як зазначено у передмові, в основу цього словника покладено передовсім «Словарь української мови», упорядником і редактором якого є видатний письменник і педагог, літературознавець і мовознавець, перекладач, етнограф Борис Дмитрович Грінченко. Приємно, що словник з'явився в переддень відзначення громадськістю України 150-річчя від дня народження творця першого ґрунтового словника української мови.

Борис Грінченко створив таку лексикографічну працю, яку в ХІХ ст. створили Володимир Даль у Росії, Найден Геров у Болгарії, Вук Караджич у Сербії. Їх словники – це скарбниці національних мов. У 4-х томах словника Грінченка, який містить 68 тис. слів з перекладом або тлумаченням російською мовою, відображено життя українського народу (історія, праця, побут, звичаї й обряди, вірування тощо) за давніх часів. Словник насичений багатою українською фразеологією та сталими словосполученнями, в ньому міститься лексика як літературної, так і народнорозмовної мови, що дозволяє стверджувати, що він не втратив своєї цінності й до сьогодні.

Зважаючи на те, що П. Кинева тривалий час займалась перекладацькою діяльністю (переклала твори багатьох класиків української літератури) стає зрозумілим її потяг до створення словника, в основу якого покладено «Словарь української мови» Б. Грінченка. Насправді (беремо сміливість на себе це стверджувати) українсько-болгарський словник П. Киневої є перекладом у скороченому вигляді словника Грінченка, і це, на наш погляд, слід було б зазначити в дужках у назві свого словника. Підставою для такого твердження є те, що в словнику П. Киневої збережено принцип побудови «Словаря української мови» Б. Грінченка, а також граматичні форми та граматичну характеристику слів реєстру, а реєстровий склад словника, ілюстративна та фразеологічна частини до нього скорочені.

Вітаючи появу першого в Болгарії видання українсько-болгарського словника та його укладачку Пенку Киневу, яка вклала багато часу і фізичних сил для його створення, вважаємо за необхідне висловити й деякі зауваження щодо принципів його укладання та оформлення.

Перше. Незрозумілим є принцип добору слів до словникового реєстру. Звичайно, важко вибрати з 68 тис. слів, розміщених у словнику Грінченка, слова, які можна розмістити на 542-х сторінках (на жаль, укладачка не зазначила кількість слів у своєму словнику). Але, беручись до складання такого перекладного словника, причому першого в Болгарії, треба було б врахувати зміни, які відбулися з часу, коли вийшов у світ словник Б. Грінченка (1907–1909 рр.). У словниковому реєстрі словника Грінченка подана лексика як живої народної, так і літературної мови ХІХ ст. Сьогодні вже йде ХХІ століття. Звичайно, багато діалектних слів, особливо характерних для західних регіонів, рідко вживаються в розмовній мові. Слід було б врахувати й те, що вже до 11-томного видання «Словника української мови» (1970–1980) не було включено близько 25 тис. слів із словника Грінченка. Укладачка внесла до реєстру свого словника багато слів, які відсутні у «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» (Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005), хоча, як зазначено в його передмові, до нього включено багато слів і їх похідних, які «сотні років і аж дотепер існували й існують». У ньому є позначки застарілих, діалектних, західноукраїнських слів (що можна було б зробити і в українсько-болгарському словнику, такі позначки в ньому рідко зустрічаються). Укладачка могла б скористатися цим словником і замість слів, що відсутні (вони вийшли за своєю давністю з народного ужитку), подала б більше слів, що вживалися вчора, але вживаються й сьогодні. У словнику П. Киневої лише на перших 100

сторінках (букви *а, б, в, г*) вміщено 493 слова, яких немає у «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» (так, на с. 11 з 32 вміщених слів 20 відсутні). Чимало слів, якими позначено назви рослин, птахів, риб і які не мають перекладу ні у Грінченка, ні у Киневої, подаються лише латинською мовою. Такої лексики багато у словнику (наприклад: *бех* – *растение Cicuta virosa*; *бобірь* – *рыба Acerina rossica*, *кубѣба* – *растение CUBEBA* і т. ін.). Чи варто включати слова-імена собак (*Бачко́, Брись* та ін.) або типу: *аця! аця!* – *крик, щоб скликати свиней*; *аціба́* – *крик, щоб прогнати свиней, собак*; *аву́* – *для виразу виття вовка*; *аря́* – *щоб прогнати овець*; *а-а, а-а́сі* – *до дитини: для випорожнення*; *гил*; *а гил* – *вигук, яким проганяють гусей*; *гись* – *вигук, яким кличуть курей*; *гейс, гейсь* – *вигук для примушення волів йти швидше*; *гетта* – *крик коню: направо* і т. п.? Жодного з цих слів та подібних їм у вищезазначеному словнику української мови немає.

Безсумнівно, право укладача добирати лексику до словникового реєстру, але незрозуміло, для кого вводяться такі слова: *адукат, адукант* (адвокат), *архва* (арфа), *верхове* (податок при збільшенні кількості димарів на домі), *Гишпанія* (Іспанія), *гіргонія* (жоржина) і т. ін., або такі, як *хлезінь* (рослина *Lunias Orientalis*), *хро-хро, хрю-хрю* (звуки, що виражають хрюкання свині), *хрюкати* (хрюкати), *храбуз* (дрібні, але тверді грудки капусти), *хорохонька* й *хорошка* (*Cucurbita Pero*), *худібний* (заможний, багатий) та ін. (До речі, Б. Грінченко в одній і тій самій словниковій статті поруч зі словом *гіргонія* подає слово *жоржина*, чим вказує на однаковість значення, і вводить його до реєстру слів на букву *ж*, так само до слова *Гишпанія* додається слово *Іспанія*, до слова *хрюкати* – *хрюкати*). На жаль, П. Кинева використовує лише більш застарілі слова, не надаючи значення позначкам у словнику Б. Грінченка). Водночас у словнику немає багатьох більш значимих, вживаних і в давнину, і сьогодні слів, які є у словнику укладача першого словника української мови, наприклад, слова на букву *х*: *хрестик, хреститель, хрестити, хреститися, хрестовий, хрещення, християнка*. З 53 слів, що містяться у словнику П. Киневої на букву *і*, 17 слів у сучасному українському словнику відсутні (наприклад, включені слова *ібунка, іва, іверень, івилга, ікавка, ілем, ірджок* і т. ін.), але не включені такі широковідомі слова: *інжір, іномовний, іниий, іржа́, іржа́вий, іржа́вина, іржа́віти, іскорка, іскристий* та ін.).

Друге. У передмові Пенка Кинева зазначає, що при підготовці словника були враховані деякі нові аспекти пізнішої правописної реформи, чим і пояснює введення до реєстру слів з літерою *г*. Слід зауважити, що літера *г* існувала у словнику Б. Грінченка, вона була вилучена у 1937 р., коли вийшов 1-й том нового видання. Лише у 1997 р. літера *г* увійшла до нової фотокопії словника Б. Грінченка. І все ж укладачка не врахувала, що літера *г* пишеться не тільки на початку, а й в середині слова (*бегар, бегарник, бегас, безгрунтий, безгрунтовний, галаган, гаджуга, дзита, дзигати, джигавка, джигун, дзингель, моргуля* та ін.). У списку джерел, якими користувалася П. Кинева, укладаючи свій словник, вказано фототипне видання словника Грінченка 1959 р. Цим можна пояснити, що тільки 8 слів з буквою *г* включено до її словника (с. 111), хоча, з нашої точки зору, можна було б додати ще такі, розповсюджені в розмовно-побутовій мові, слова: *тавеня́, та́вити, та́в'ячий, та́зда, газдо́вийтий, газдува́ти, гвалт, гвалтува́ти, те́кання, грéчність, грунт, грунто́вий, грунто́вка, грунтува́ти, гу́ля*.

На наш погляд, у словнику можна було б замість вміщених слів, що вже вийшли з ужитку, повніше представити ряд похідних лексико-граматичних категорій регулярного творення, які є у словнику Грінченка й існують у вжитку і сьогодні: відприкметникові прислівники (є, наприклад, *безвинно, безжурно, безневинно, безнемірно, безперемінно, безперечно* і т. ін., але немає *безбоязно, безвістно, безгрунтовно, бездоганно, безкарно, безлюдно, безмежно, безнадійно, безправно, безпробудно, безслідно, безхмарно* і т. ін.); абстрактні відприкметникові іменники (на *-ість*: немає *безвладність, бездітність, безмежність, безнадійність, безкрайність, безперечність, безсердечність* і т. ін.). Нерідко подаються віддієслівні іменники на *-ння*, а дієслова, від яких вони утворилися, відсутні (є, наприклад, *базікання, верті́ння, глузування, голосування, гостювання, грюкання, господарювання, колихання, нагрівання* і т. ін., але немає *базікати, вертіти, глузувати, голосувати, господарювати, гостювати, грюкати, колихати, нагрівати* і т. ін.). Часто-густо відсутні зворотні форми дієслів, укладачка добирає їх довільно (наприклад, є *виблудитися, видриститися, відгрібатися, відзірватися, відкрадатися, відхлину-*

тися і т. ін., немає *виводитися, віддалятися, віджахнутися, відзначитися, відновлятися, відроджуватися* і т. ін.).

Найістотношою вадою українсько-болгарського словника П. Киневої є велика кількість помилок у наголошенні слів: або не на той склад поставлений знак наголосу, або відсутній, або в заголовному слові стоїть, а в закінченнях родового відмінку іменників, форм жіночого й середнього роду прикметників та дієприкметників, закінченнях дієслівних форм (тоді, коли треба його ставити) він відсутній. Наприклад, замість *бóлото, -та* має бути *болóто, -та*; замість *борошнó, -на* треба *бóрошно –на*; замість *брóва, -ви -бровá, -ві*; замість *голóсний, -а, -е* треба *голосний, -á, -é*; замість *лéгкий, -а, -е* треба *легкий, -á, -é*; замість *гукáти, -каю, -си* треба *гукáти, -ка́ю, -си*; замість *вору́шити, -шу, -шиш* має бути *воруши́ти, -шу́, -шиш*. Прикро, але ми змушені констатувати, що на всіх перевірених нами сторінках українсько-болгарського словника (с.7-119), в тому числі й вибірково (с. 112–118, 174–175, 191–193, 210–211, 218–219, 240–241, 322–329, 456–457, 503–510, 538–542), помилки у наголошенні слів допущені на всіх сторінках *без винятку*. На деяких сторінках може бути до 10, а то й більше слів з помилками у наголосах (с. 42 – 11 слів, с. 54 – 13, с. 65 – 12, с. 68 – 11, с. 70 – 15, с. 78 – 13). На с. 38 слова, що розташовані майже підряд, наголошені неправильно, а саме так: *божжéчок, бóжжця, бóжжце, бóжжкарь, бóжжувати, бóжжник, бóжжниця, божжé, бéз, бéзу* (останні два слова – початок 39 с.). Сталі наголоси в цих словах такі: *божжéчок, божж́йця, божж́йце, божжкáрь, божжувáти, божжник, божж́йця, бóжжé, бóз, бóзу*. На цій же 39 сторінці навіть у слові *болгарка* немає наголосу, а у перекладі замість *българка* маємо *българска*. У словнику Б. Грінченка до слова *бáтьківщина* подається два значення: 1. *Спадщина від батька*. 2. *Родове майно; майно (маєток) дідів*. Укладачка словника ставить наголос на передостанній склад слова – *батькíвщíна* й додає третє значення, яке ставить *на перше місце*: *родина, отечество, роден край*. Насправді в сучасній українській мові слово *батьківщина* (з наголосом на передостанній склад) уживається *лише* у значенні *вітчизна, рідний край, а бáтьківщина* – у значеннях, що подаються у словнику Грінченка.

Відомо, що неправильне наголошення слів призводить до зміни їх лексичного значення й утруднює взаєморозуміння. Так, на с. 13 слово *бáбник* перекладається як *с́дина, в която се пече козунак*. Але таке значення воно може мати, якщо наголос буде падати на останній склад – *бабн́ик*. З наголосом на перший склад воно має значення: *той, хто упадає коло жінки (жєнкар)*. Така ж картина зі словами *áгел, борóна* тощо. Значення слова *áгел – злий дух, диявол*, а щоб було таке значення, як у словнику П. Киневої – *кышла за овци, оградена в кръг с плет (най-вече на Кубан)*, наголос має стояти на звук *е – агéл*. Слово *борóна* подається так: I. *борóна, -ни – захист* (слово це вийшло з ужитку); II. *борóна, -ни – знаряддя для розпушування землі*. У другому значенні наголос має стояти на останньому складі – *боронá*.

Щодо оформлення словника. Оформлюючи словникові статті, укладачка на власний розсуд (або повністю, або частково) використала ілюстративний матеріал та фразеологізми, вміщені у словнику Грінченка. Але на відміну від упорядника «Словаря української мови» *фразеологізми та усталені словосполучення у словнику П. Киневої не виділяються жирним шрифтом, на їх компонентах не поставлено наголоси і надруковані вони курсивом, тобто так само, як ілюстративні приклади*. З нашого погляду, це збіднює словник: жирний шрифт дозволяє читачеві одразу відрізнити фразеологічні вирази чи сталі словосполучення від звичайних ілюстративних прикладів, а наголоси допомагають засвоєнню усталених норм літературної мови. Зважаючи на те, що в українській мові наголос різномісний, або вільний, він може падати в різних словах на будь-який склад, а також те, що він рухомий, тобто може пересуватись з одного складу на інший у різних формах того ж самого слова, звичайно, треба було б піти по шляху Грінченка. Читачі мають знати вироблені й закріплені сталі загальнонародні норми наголошування слів в українській мові, тим паче що фразеологічні звороти й усталені словосполучення широко вживаються у повсякденній мовній практиці.

Викликає подив оформлення словникових статей. Укладачка, подаючи у перекладі різні значення слів і відокремлюючи їх арабськими цифрами, не ставить в кінці ніяких розділових знаків, у даному випадку – крапки (наприклад: *Весéлий, -а, -е, пр. – 1. Весел 2. Приятен, създаващ добро впечатление*). Відомо, якщо заголовні слова у реєстрі подаються з

великої букви, то різні значення слів відокремлюються одне від одного крапкою, а якщо з малої букви – крапкою з комою, в кінці словникової статті ставиться крапка.

Оскільки правописні норми, яких дотримувався у своєму словнику Борис Грінченко, відрізняються від правил чинного «Українського правопису», на нашу думку, не заважало б про це сказати у передмові, бо не кожен користувач в Болгарії знає, що слова *абикуди*, *абихто*, *абичий*, *абицо*, *абияк*, *абиякий*, *добраніч* тепер пишуться не через ризку, а разом; що деякі іменники чоловічого роду, які закінчуються на *р* тепер в кінці слова не пом'якшуються (наприклад, *володар*, *воротар*, *гончар*, *лобур*, *грабар*, *лицар*, *лікар* та ін.); є зміни у написанні слів з літерою *и* на початку слова (укладачка нагадала, що взяті до уваги деякі аспекти правописних реформ, а які саме – не зазначила) тощо.

Не можна не підкреслити, яка величезна робота, проведена укладачкою у процесі створення словника. Особливо це відчувається при доборі слів для перекладу різних видів рослинного і тваринного світів, яких чимало у словнику (відчувається, що в цьому їй багато допомогла довготривала перекладацька діяльність). Схиляємо голову перед Пенкою Киневою за переклади творів класиків української літератури! В той же час маємо наголосити: переклад твору – це велика і складна справа, а створення словника – ще складніша, та й відповідальність у цій справі надто висока, бо це ж СЛОВНИК! Не можна поклатися на власні знання мови (тим паче, перебуваючи не в українському середовищі), є новіші джерела, є рецензенти (у словнику їх не названо). Коли б зміст словника було б уважно вичитано, можна було б запобігти тих небажаних, скажімо, прикрих недоліків, про які йшла мова вище. І все ж попри все словник містить багатий лексичний матеріал, він може слугувати передовсім перекладачам, лексикографам, стати на пригоді ботаникам, зоологам. Але будемо відверті: пересічний громадянин Болгарії – чи то студент, чи то бізнесмен, чи то турист, чи журналіст та ін. навряд чи зможуть повною мірою скористатися лексикою словника в розмовно-побутовій мові. Недоліки її добору, звичайно, звужують коло користувачів.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Михина А.Ф. Антропонимия болгарской диаспоры Северного Приазовья. – Велико Търново: Университетско изд-во ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 2014. – 608 с.

Л. Ф. Ноздрина

Рецензируемая монография, изданная в Центре болгарской ономастики при Велико-търновском университете имени святых Кирилла и Мефодия. Ее автор – Михина Анна Федоровна, уроженка г. Бердянска, выпускница СШ № 16, окончившая отделение славянской филологии Львовского университета, долгие годы, вплоть до 2014 г., преподаватель славянских языков (болгарского, польского и чешского) в Донецком национальном университете.

Антропонимика – это наука обо всех именах, официальных и неофициальных, функционирующих и как прозвища, в том числе и семейно-родовые (СРП). Работая в Запорожском областном государственном архиве, Бердянском, Приморском и Приазовском районных архивов, автор использовала найденные ею: 67 метрических книг с 1861 г., регистрационные книги ЗАГСов советского периода, 20 владенных записей 1872 г. (именной список домохозяев, владеющих землёй), 182 похозяйственных книг за 1982–2005 гг. и т.д. Всего 260 источников – реально 401 книга сельских советов.

Немаловажную роль в поисковой работе автора монографии сыграли полевые экспедиции в болгарские села Бердянского района: Андровка, Луначарское, Софиевка, Полоужовка, Трояны; Приморского района: Бановка, Вячеславка, Коларовка, Преслав, а также в села Приазовского района. Во время полевых экспедиций, около 30 лет назад, автор заходила в каждый двор села и записывала со слов респондентов историю их рода в именах, фамилиях, прозвищах. А.Ф. Михиной был проделан колоссальный труд по опросу 965 информантов разных возрастных категорий и профессий. В результате этой кропотливой и увлекательной работы были выявлены такие сокровища национальной антропонимии, о которых трудно было предположить, что они могли сохраниться в народной памяти болгар, почти полтора века проживавших в отрыве от соотечественников.

После научной обработки и систематизации полевых материалов были получены следующие результаты:

- 1) анализ мужских и женских личных имен за 90 лет XX ст.: их состав, функционирование в официальной и неофициальной сфере бытования;
- 2) выявление семейно-родовых прозвищ из трех, двух или одной основы; характеристика андронимов – именованний замужних женщин по их мужу;
- 3) анализ СРП и андронимов в антропомоделях (АМ) и антропоформулах (АФ), обнаруживаемых лишь в разговорной речи – адресных, с указанием лица, и описательных, имеющих до 5–6 антропонимов в своем составе.

Материалы похозяйственных книг сельских советов свидетельствуют о социальном статусе болгар. Распределенные по 10-летним срезам, личные имена болгар позволили определить смену их репертуара - стабильного по 40–50-ые годы, и изменяющегося в 1960–1980-ые за счет западноевропейских и возрождающихся болгарских имен (Злата, Милена, Снежана), не говоря о моде 1920–1930-ых годов (Владлена, Вилиор, Ревмир, Эльдар) в кругах интеллигенции.

Трудоемкая и благодарная работа по сбору антропонимии болгарской диспоры в ходе полевых экспедиций провела к таким выводам:

- 1) в разговорных ситуациях в преобладающем большинстве болгарам используются национальные личные имена и семейно-родовые прозвища;
- 2) поскольку села болгарской диаспоры за 90 лет стали многонациональными, прослеживается такой эффект: лица неболгарской национальности в устной речи для своего именованья и последующей идентификации используют именно болгарские антропоформулы;
- 3) развиваются и своеобразные черты антропоформулы: употребление личных имен восточнославянских в болгарской именной форме (Володка, Анчето, Кольката,

Мон и др.); для идентификации лица в антропоформулу вводятся римские цифры I, II, III, IV и даже придаточные предложения: «на Аврамовия Костик, дето работи в начинаята»; некоторые лица названы по личному имени и отчеству.

Переселение из страны в страну – вынужденный акт, сопряженный с человеческой драмой, а нередко и трагедией. Но жива память о своей прародине в сердцах бывших колонистов.

Рассмотрим примеры семейно-родовых прозвищ.

В настоящее время семейно-родовые прозвища функционируют лишь в неофициальной сфере именований, в разговорной речи, а научный интерес к ним мотивирован двумя факторами: 1) экстралингвистическими, ведь прошло уже 150 лет со времени переселения болгар из Бессарабии в Таврию; 2) лингвистическими – русско-украинское языковое окружение, так называемое «островное положение» болгар в Приазовье.

Самыми старыми в болгарской диаспоре являются именно СРП, поскольку обозначают весь род – прапрадеда, прадеда, деда по их мужским личным именам. Именно поэтому они употребляются во множественном числе с окончанием -и, но внутри трех основ не все имена имеют суффикс -ов/-ев (в диалектах -ув/-юв): Вантумияловвасилеви; Гроздеивановгьоргеви; Димовгергьовиванови; Динковгьоргетодорови; Пальчовивановмитрови; Тодориванненови и др.

Только работая в полевых условиях можно было выявить как специфичность, так и противоречивость таких имен: 1) включенные в СРП, мужские личные называют имена предков, но не характеризуют их, не являются фамилиями, не документируются официально; сфера их функционирования ограничена: пока жива память о родооснователях – прапрадеде, прадеде, деде; 2) СРП присуща традиционность и историческая значимость, а с другой стороны – они со временем подвергаются изменчивости, сокращаясь с трех до двух и даже одной основы: Антонковачеви – Ковачеви (фам. Ковачев); Иванмалинови – Малинови (фам. Малинов); Йойовганчовилиеви – Ганчовилиеви (фам. Ганчев); Маринчомиялеви – Миялеви; Митькаламбови – Ламбови; Танасантонвойкови – Антонвойкови (фам. Войков).

У лиц, имеющих СРП трехосновное, иногда в качестве официальной фамилии постепенно, как видим, закрепляется одно из мужских личных имен как фамильное: Димоврайчовиванови – Димоврайчови (фам. Димов), но более часты примеры несоответствия фамильного имени одному из мужских личных имен трехосновного СРП: Миньогочовпетрови (фам. Мутовчи); Начовивановтодорови (фам. Марков); Скарлатовмитровволодеви (фам. Чернев); Събивкольовгергьови (фам. Узунов).

Кроме личных имен, в морфологической структуре трех основных прозвищ представлены аппеллятивы (несобственное имя) для обозначения кровного родства или аппеллятив аджи – от (х) аджия: Адживасиловмитрови; Дядопетковкольови; Копчовпетровпантелейчини.

В состав последнего СРП входит редкое личное имя Копчо – от (Про)копчо. Особый интерес вызывает третья основа последнего из перечисленных, восходящая к андрониму Пантелеица + суффикс *-ин-*. Именно в этой части СРП содержится фоновая информация о сильной воле, преданности семье мужа, чадолюбивости и устойчивости к жизни вдовы Пантелеицы, возглавившей род и оставшейся в истории трех поколений. Кстати, именно с суффиксами *-ица*, *-йца*, *-овица* и др. называются андронимы, употребляющиеся только замужними женщинами по наиболее известному в селе имени/прозвищу или фамилии мужа: Иваница, Викторовица, Петровица, Филипца; Дебелпетровица, Куткудачуица и др.

Полевые экспедиции в села болгарской диаспоры дают ее исследователю редчайшую и бесценную возможность проследить, как в устной речи функционируют не только антропомодели (фамилия, имя и отчество; имя и отчество и др.), но и антропоформулы, состоящие из антропомоделей, распространенных аппеллятивами, отаппеллятивными прилагательными, предлогами и т.д., то есть характеризующимися большой информативностью. Антропонимические формулы (АФ) предоставляют информацию о статусе в данном населенном пункте, о социальном статусе переселенца (напр. колонист), о названии самого села, указывая при этом фамилию, имя и отчество. Таким образом, вся АФ имеет, например, такой вид:

АФ шестисловная – жених колонии Эникьой Иван Владимиров Бурдюг;

АФ шестисловная – Сарайли Аргинский колонист Иван Петров Бакчаванжи (метрические книги 1909 г.).

Полевые записи свидетельствуют: 1) что некоторые двухосновные СРП – это ветви родовых имен, например, в с. Софиевка: Смокоганчови; Смокогеньови; Смокогергьови; Смококольови; Смокоминкови; Смокомитрофанови; Смокотанаскови; Смокотанасови; Смокотодорови; и все они объединены в одно коллективное Смоковци, а фамильное имя Смоков; 2) СРП – одна из составных частей антропоформулы так же, как и 3) личное имя или андроним или 4) антропомодель (фамилия, личное имя, отчество). Например, в с. Луначарское трехосновных СРП – три, двухосновных – девятнадцать, одноосновных – сорок семь, всего – шестьдесят девять семейно-родовых прозвищ. Это статистика полевых обследований вышеупомянутого села.

Автор монографии дифференцирует термины ‘именование лица’ и ‘идентификация лица’. Для именования достаточно одного слова, но, учитывая частотность личных имен, для идентификации необходимы антропоформулы:

1) адресные – с указанием имени особы, например, двусловная АФ: Андейвасиловото Софи; Калицева Катя; Кисейтодоров Танас; Ковальоилиева Танасица; Смокомитрофанова Неча; трехсловная АФ: Генчутодоров Вова Бабуся; четырехсловные АФ: на Байов Васил Павлика; на чинка Танасица Марина; Толика на Цековото Ташо; пятисловные АФ: на Ко-стадинчопейчово Марково момче Павли.

2) описательные – без указания на именуемое лицо. Они могут быть: двусловными – от Дянквитите; от Мурговите; трехсловными – на Кръстиванов Кръсти; на Рокличковото Митьо; четырехсловными – на Чуровото Мишо булката; на Райнииванов Тодор пацана; пятисловными – на Савелова Мария булката й.

А.Ф. Михиной выполнена большая и многоплановая работа под руководством профессора д.ф.н. Евгения Отина – главного редактора; профессора, доктора Кирила Цанкова – ответственного редактора; доцента, доктора Натальи Ярошенко – научного редактора; доцента, доктора Марии Ангеловой-Атанасовой – научного консультанта. Профессор Е.С. Отин успел увидеть монографию, порадоваться ей, но, к великой скорби, ушел из жизни на 83 году (14.01.2015 г.). Светлой памяти его автор монографии посвящает этот материал.

Искренне поздравляем Анну Федоровну с выходом в свет основного научного труда ее жизни, над которым она работала в течение более 30 лет, т.к. полевые экспедиции были проведены с 1953 по 1985 год. Уникальность монографии в том и состоит, что автор успела опросить живших в тот период людей, память которых сохранила национальное богатство семейно-родовых материалов.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

**Atlas Jerzy. Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii. –
Poznań: Biblioteka Uniwersytecka w Poznaniu, 2014. – 131 s.**

И. И. Думиника

В последнее время в польской историографии заметно возрос интерес к истории и культуре бессарабских болгар. Как следствие, в 2014 г. в Варшаве был издан сборник статей под названием «Балканы на Украине. Болгары, гагаузы и албанцы в украинском Буджаке»¹. В этом же году в польском городе Познань увидела свет небольшая монография историка Ежи Хатласа под названием «Болгары в Бессарабии – 200 лет истории». Отмечу, что исследователь до этого уже был известен своими трудами в области болгаристики и активным участием в научных конференциях Молдовы, Украины и Болгарии. Результат его многолетней работы был отражен на страницах представленной книги.

Труд польского историка состоит из введения, шести глав, вывода, библиографии и двумя резюме на болгарском и английском языках.

Первая глава называется «Переселение болгарского населения с территории Болгарии в соседние районы и их историко-демографические факторы». В ней автор приводит ряд причин, которые привели к массовой миграции болгар к северу от Дуная. Исследователь справедливо отметил, что в этом сложном процессе следует выделять ряд факторов, которые заключались в религиозных притеснениях, набегах разбойников (кыржалиев). Также определяется заинтересованность Российской империи в привлечении в пустынные зоны Буджака славянского, христианского населения (с. 22–23). Касаясь вопросов хронологических рамок переселения, Е. Хатлас подчеркивает, что оно началось ранее 1806–1812 и 1828–1829 гг. и продолжилось позже указанного в историографии интервала. Польский исследователь затронул вопрос о реэмиграции болгар, который объясняется им «трудными условиями жизни в Бессарабии». В качестве примера приводится фрагмент воспоминания священника Паскала, который поселяется в 1830 г. в колонии Твардица, но затем из-за непривычных климатических условий с некоторым количеством своих прихожан решает вернуться в пределы болгарских земель (с. 24).

Вторая глава называется «В границах Румынии и СССР». В ней отдельное внимание уделено положению болгар в рамках «Великой Румынии». Польский историк указал, что те, кто не был согласен с новым статусом Бессарабии, сбежали в СССР и Болгарию, а другие предпочли остаться и бороться за свои права легальными способами в рамках румынских партий и местных администраций (с. 31). Интересно, что Е. Хатлас поднял вопрос, который редко рассматривается современными историками: искусственное разграничение румынской властью болгар и гагаузов. Он правильно заметил, что именно в межвоенный период, дабы искоренить у гагаузов русофильские взгляды, им пытались навязать теорию о турецком происхождении. Как следствие, в переписях населения их отмечали как «турки». Это объясняет и то, что Бухарест поощрял деятельность здесь турецких учителей, а также посылку местной молодежи на обучение в учебные заведения Анкары². Касаясь общего положения болгар в рамках Румынии и СССР, автор подчеркивает, что это были «сложные времена». В то же время польский историк выражает свое несогласие с некоторыми представителями советской науки, или, как он называет их, русскоязычными исследователями Молдовы и Украины. Они, как утверждает Е. Хатлас, видят в Румынии «воплощение зла» и при всякой возможности «воспевают Советский Союз и коммунистическую власть». Такой подход автора предопределил более пристальное внимание к развитию болгар в СССР, характеризуя их положение в указанный период как «трагичное». Его выводы основываются на том, что они были подвержены голоду 1946–1947 гг. и политическим репрессиям в 1941 и 1949 гг. (депортации в Сибирь и Казахстан), а также религиозным гонениям (закрытие и разрушение церквей). В качестве пика процесса гонений в духовной сфере определяются 60-е гг. XX в. (с. 56)

В третьей и четвертой главе («Болгары в Республике Молдова» и «Болгары в украинской части Буджака») представлена современное положение бессарабских болгар. Иссле-

дователь представляет читателю краткую историю становления и развития административного центра (столицы) колонистов – Болграда (с. 80). Автор справедливо отмечает, что и сейчас город Болград продолжает играть роль неофициальной столицы болгар украинской части Буджака. В Республике Молдова эта роль отводится городу Тараклия. В этом же разделе Е. Хатлас останавливается на всех сферах повседневной жизни болгар. В данном случае он опирается на собственные полевые заметки и наблюдения. Автор правильно подметил, что культурное развитие каждого народа зависит от наличие у них культурных институтов. В Тараклии такую роль играет театр «Смешън петък», действующий еще с 1981 г. (с. 72). Особое внимание уделено образовательным учреждениям. Перечисляются села и количество в них школ. Как верно заметил автор, «благодаря им молодое поколение получает возможность изучать родной язык, историю и культуру» (с. 90). В этом процессе подчеркнута определяющая роль учебных заведений с глубокими историческими традициями. В Украине это Болградская гимназия, которая еще с XIX в. продолжает играть ведущую роль в образовании болгар и подготовке кадров. Чтобы показать это автор уделил особое внимание истории этой гимназии (с. 85–89). В Молдове такую же роль играют с 1996 г. Кишиневский лицей «Васил Левски» и Музыкальный колледж в г. Твардица, а с 2003 г. Тараклийский государственный университет имени Григория Цамблака (с. 73–76). Положительно оценено изучение болгарского языка в Комратском государственном университете а рамках действующей там с 1992 г. кафедры филологии. Для сохранения и пропаганды болгарской культуры, как указал автор, большую роль играют общественно-культурные организации, такие как Культурное общество «Возраждение», Научное общество болгаристов Республики Молдова, Ассоциация болгар в Украине, Конгресс болгар на Украине (с. 83–85) и др. Не последнее место в этом процессе занимают средства массовой информации. Е. Хатласом положительно оценивается тараклийский телеканал STV41 (сейчас название звучит как NTS – Noua Televiziunea de Sud), а также передача молдавского центрального телевидения «На буджакска вълна» (с. 78) и выпускающиеся на болгарском языке журнал «Български хоризонти» (Кишинев), газеты «Родно слово» (Кишинев) и «Български глас» (Тараклия), «Роден край» (Одесса) (с. 90).

В пятой и шестой главах монографии («Идентичность болгар в Бессарабии» и «Избранные элементы социальной культуры болгарских колонистов и их потомков») польский болгарист обращает внимание на то, что спустя 200 лет бессарабские болгары сохранили свою культуру и болгарскую идентичность. В тоже время им справедливо отмечается, что в публичном пространстве, особенно в городах, доминирует русский язык, но в остальных случаях – диалекты болгарского языка. Вызывает интерес замечание о том, что хотя этнически бессарабские болгары говорят о своем болгарском происхождении, все же почти все признают свою гражданскую принадлежность к странам, где они проживают (с. 92). Е. Хатлас показал и определяющую роль метрополии в помощи своей диаспоре. Не на последнем месте стоит привлечение молодежи на обучение в болгарские ВУЗы и приглашение местных учителей болгарского языка на специализацию (с. 98–99). Кроме того, каждый бессарабский болгарин имеет право получения болгарского гражданства с последующим правом свободного проживания на родине своих предков. Ученый затронул и часто встречаемый феномен в самой Болгарии, который, к сожалению, пока еще не стал объектом специального монографического изучения, – процесс адаптации бессарабских болгар в Болгарии в условиях, когда там их часто признают за чужих, называя «русскими», а не своими «сонародниками». По этой причине, заключает Е. Хатлас, бессарабские болгары в Бессарабии ощущают себя как болгары, а в Болгарии – как русские. Отдельное внимание уделено проблеме современного состояния духовной жизни болгар (с. 96). Справедливо отмечено, что в болгарских селах Республики Молдова религиозные службы ведутся на трех языках: русском, болгарском и молдавском (румынском). В качестве примера приводится церковь Св. Георгия в г. Тараклия, где один из священников, получив теологическое образование в Болгарии, свободно совершает литургию на болгарском языке (с. 112). Отмечен также незначительный феномен проникновения сектантства в некоторые православные приходы. В 9 селах Тараклийского района, где преобладает болгарское население, он насчитал 10 баптистских общин (с. 112). Несмотря на это, по мнению исследователя, православие продолжает играть главную роль в среде болгар Буджака. Автор выражает удовлетворение тем, что молодежь осознанно отдает предпочтение православию. В связи с этим Е. Хатлас соглашается с мнением своих предшественников-болгаристов, что

именно христианская культура повлияла на сохранение идентичности болгар Молдовы и Украины (с. 113).

К своему труду исследователь приложил объемистый фотоматериал, который был сделан им же в результате своих многократных «путешествий» в Буджаке.

Позитивная оценка работы Е. Хатласа не исключает наличие некоторых замечаний. Не можем согласиться с утверждением о том, что царские власти, не справляясь с массовым наплывом переселенцев, «депортировали их обратно в пределы Турции». Архивные источники, которыми мы располагаем, говорят об обратном: царизм препятствовал оттоку населения назад в пределы Османской империи, так как, по мнению чиновников, это очернило бы позитивный образ России среди других балканских народов, которые, видя в ней «защитницу славян и христиан», поддерживали русские войска в их походах на Балканах. С целью препятствования оттоку населения на берегах р. Прут еще с 1812 г. были расположены гарнизоны Донских и Оренбургских казаков³. Для более полной истории Болградской гимназии за период 1856–1878 гг. автору следовало бы обратиться к сборнику документов, изданному румынской исследовательницей Еленой Сютюр⁴, а также к монографии Екатерины Челака⁵. Эти труды дополнили бы картину учебных заведений в болгарских селах, расположенных в «румынской» части Бессарабии. В данном контексте также не представлена положительная роль Комратского Центрального училища, которое после 1856 г. стало важным очагом образования для болгар «русской» части Бессарабии. В этом автору могла бы помочь статья Е. Челака⁶, изучившая процесс становления этого важного учебного заведения для болгар Буджака. Касаясь начала XX в., а также весь межвоенный период, польский исследователь упустил из виду один из важнейших процессов, который влиял на демографические процессы в среде бессарабских болгар: нехватка земли. Как результат, в конце XIX – начале XX в. происходила миграция в Южно-Уссурийский край и Амурскую область, а с 1924 г. – в Латинскую Америку⁷. Также исследователь ошибочно считает, что в советское время в Тараклийском районе, где компактно проживают болгары, были закрыты все церкви (с. 107). Но, в с. Твардица церковь «Св. Парасковья» продолжала существовать. Очевидным недостатком работы является и то, что автор редко опирается на архивный материал, полагаясь главным образом на изданные ранее монографии и краеведческие работы, а также на материалы собственных полевых исследований.

Уверен, что высказанные замечания не уменьшают научную и историографическую ценность представленного труда. Монография Е. Хатласа является важной вехой в области истории и культуры бессарабских болгар, которая отражает современный уровень польской болгаристики.

¹ *Balkany na Ukrainie. Bułgarzy, Gagauzi i Albańczycy z ukraińskiego Budziaku / Pod redakcją Wojciecha Lipińskiego.* – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. – 236 s.

² Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ), ф. 680, оп. 1, д. 3192, лл. 388–389.

³ НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 62, л. 1.

⁴ *Сютюр Е.* Българските училища в Румъния през XIX век. Документи 1858–1877. – София: АИ „Марин Дринов“, 1999. – 578 с.

⁵ *Челака Е.* Училищното дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878). – София: ЛИК, 1999. – 243 с.

⁶ *Челака Е.* Централно училище в Комрате: к проблеме становления национального болгарского образования в Бессарабии // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993. – С. 152–155.

⁷ См. подробнее: *Червенков Н., Думиника, И.* Тараклии – 200 лет. Том 1 (1813–1940) / Н. Червенков, И. Думиника. – Кишинев: S.Ş.B., 2013. – С. 235–240; *Косиков Ж.* Иммиграцията в Бразилия. Бесарабски българи. – София: ДАБЧ, 2014. – 320 с.

СЛОВ'ЯНСЬКІ ПАГОНИ ВІЗАНТІЙСЬКОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ (БОЛГАРСЬКО-РУСЬКІ КУЛЬТУРНІ ЗВ'ЯЗКИ НА СВІТАНКУ МОДЕРНОСТІ)

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ:

Шпик І. Болгарія і Південно-Західна Русь: релігійно-культурні відносини останньої чверті XIV – першої половини XVI ст.: навчальний посібник зі спецкурсу. – Львів: ПАІС, 2014. – 236 с.*

А. М. Домановський

Болгарсько-українські культурні стосунки доби пізнього середньовіччя – тема, що перебуває на перетині предметів вивчення кількох відгалужень історичної науки, дослідницьких методологій і стратегій різних наукових дисциплін. При цьому на рівні концептуального узагальнення, а не поодиноких розвідок з окремих сюжетів, в українській історичній науці до неї чи не востаннє зверталися понад тридцять років тому такі відомі фахівці, як Д.В. Степовик¹ та П.С. Сохань². З того часу було накопичено й запроваджено до наукового обігу чималий фактичний матеріал, і головне, запропоновано й апробовано нові дослідницькі підходи і методи, що уможливлювало і навіть обумовлювало необхідність чергового звернення до проблематики болгарсько-українських культурних стосунків на новому концептуальному рівні.

З огляду на це закономірною стало здійснення молодим талановитим істориком Ігорем Євгеновичем Шпиком дисертаційного дослідження «Болгарсько-українські релігійно-культурні зв'язки (остання чверть XIV – перша половина XVI ст.)», виконаного під науковим керівництвом знаного українського болгариста Володимира Павловича Чорнія³. Важливим контекстом дослідження стала взаємодія культур українського і болгарського народів у цивілізаційно-культурному полі, зокрема в плані спільної рецепції візантійської спадщини, оскільки як Болгарія, так і Русь–Україна перебували у сфері впливу одного цивілізаційного первня – Візантійської імперії. Важливу роль у збереженні візантійської спадщини за часів занепаду і падіння імперії відіграла саме Болгарія – найближча географічно до імперських володінь країна, яка завдяки цьому стала для інших земель посередником у релігійно-культурних контактах з Візантією і ретранслятором культурної спадщини імперії після її загибелі.

З дисертаційного дослідження І. Є. Шпика та тривалого лекційного спеціального курсу, що викладався ним впродовж 2007–2014 рр. студентам-історикам, які спеціалізувалися на історії Центральної та Східної Європи, постав зрештою окремих навчальний посібник, який висвітлює питання історії болгарсько-українських культурних та релігійних відносин доби пізнього середньовіччя. Точніше, якщо послідовно дотримуватися відповідної історичної термінології та не модернізувати (нехай і цілком виправдано) назву – релігійно-культурних відносин Болгарії та Південно-Західної Русі останньої чверті XIV – першої половини XVI ст. Завдяки цьому навчальне видання може водночас розглядатися і як наукова монографія, оскільки у ньому підбито підсумки багаторічних досліджень І. Шпика, узагальнено результати численних публікацій науковця з історії болгарсько-українських зв'язків доби пізнього Середньовіччя. Найважливіші з них було надруковано у таких знах серед болгаристів України й зарубіжжя виданнях, як «Проблеми слов'янознавства» (Львів) і «Дриновський збірник» (Софія–Харків)⁴. Важливо зазначити, що, порівняно із кандидатською дисертацією, текст книги суттєво доповнено і прероблено, у ній доопрацьовано окремі сюжети, враховано упущену з уваги в дисертаційному дослідженні наукову літературу тощо.

Базований на авторських наукових розвідках і глибокому знанні предмету, посібник І. Шпика заповнює прикру прогалину, особливо помітну не так у науковій (маємо тут низ-

* Посилання на сторінки рецензованого видання наведено у тексті в круглих дужках.

ку вагомих спеціальних розвідок), як у навчальній літературі. Дійсно, болгарсько-українські культурно-релігійні відносини доби пізнього середньовіччя недостатньо концептуалізовані в узагальнюючих працях, переважно через фрагментарність та нечисленність наративних джерел. Дуже часто у підручниках з історії України йдеться про візантійський вплив, однак значно рідше згадується про те, що він був значною мірою непрямим, опосередкованим, причому головним посередником виступала саме Болгарія. Якщо логічно продовжити це порівняння, то можна назвати культуру Південно-Західної Русі пагоном, що виростає не так безпосередньо від могутнього візантійського стовбура, як відгалуджується від іншої міцної слов'янської гілки, укоріненої, в свою чергу, у потужний окоренок Візантійської цивілізації. Дійсно, від самого початку, ще до Володимирівського хрещення Русі, й, особливо, після нього, саме Болгарія виступала головним реінтерпретатором й у чомусь – спрощувачем того ромейського культурного коду, який був заскладним для прямого сприйняття східними слов'янами. Саме болгарська культура була вживлена у самісінський візантійський прикорінь, тоді як культура Русі була вже прищеплена до міцного й самобутнього болгарського пагона.

Порівняння болгарської та української культур із цивілізаційними пагонами, що проростають із духовного ґрунту Візантії, здійснює і сам І. Шпик, відзначаючи при цьому провідну роль Болгарії як первинного реципієнта і подальшого транслятора візантійського цивілізаційного спадку: «Відбрунькувавшись від Візантійської цивілізації, православнослов'янські культури розвивались як одне ціле, взаємопідтримуючи та взаємодоповнюючи одна одну. Вони мали свій центр тяжіння, яким тривалий час була Болгарія і, щонайважливіше, вибудували свою систему взаємовідносин, стрижнем якої виступали болгарсько-руські зв'язки» (с. 5). З огляду на останнє твердження цілком зрозуміло є та пильна увага, яку автор приділяє дослідженню засадничої вісі трансляції візантійського культурного коду через Болгарію до України–Русі, намагаючись визначити умови і причини культурної рецепції, концептуалізувати її засоби та механізми.

У навчальному посібнику послідовно розглянуто різні аспекти культурної взаємодії Болгарії та Південно-Західної Русі – діяльність руських митрополитів, які були вихідцями з Болгарії, відносини в церковно-релігійній сфері, взаємодія в межах книжно-літературної традиції, мистецькі впливи, переважно на прикладі книжкової орнаментики і мініатюри та малярства.

Перший розділ книги присвячено огляду історіографії та джерельної бази болгарсько-українських культурних відносин доби пізнього середньовіччя (с. 10–46). Висвітлюючи доробок попередників, І. Шпик слідує передусім хронології появи наукових розвідок, що призводить до мозаїчної фрагментарності і навіть певної хаотичності викладу. Як видається, автору необхідно було б конкретизувати принципи, за якими здійснений аналіз історіографії проблеми і поряд з хронологічним поданням матеріалу, або, навіть, на противагу йому, застосувати проблемний принцип. Це дозволило б уникнути зайвої описовості, наявної у історіографічному підрозділі, й сконцентрувати увагу на аналізі наукового доробку попередників. Натомість цілком вдалі й глибокі аналітичні фрагменти огляду, часом доволі розлогі, виявляються похованими під зливою окремих розрізаних фактів.

Фактично вичерпним є здійснений огляд джерел (с. 33–45), у якому, що особливо важливо, проаналізовано не лише наративні, але й книжно-літературні та художні пам'ятки, такі, як прикраси кирилических книг (заставки, ініціали, мініатюри, орнаменти тощо), фрески, ікони. І. Шпик здійснив колосальну роботу з виявлення й опрацювання непростих для історичного аналізу численних орнаментальних елементів, фігурних та сюжетних зображень із болгарських, сербських, волоських, молдавських, українських та російських рукописних книг, пам'яток українського та болгарського релігійного малярства.

У другому розділі посібника «Суспільно-політичне становище і релігійно-культурне життя Болгарії та Південно-Західної Русі в період пізнього середньовіччя» (с. 47–69) дослідник вдало характеризує історичне тло, на якому відбувалася релігійно-культурна взаємодія болгарського та українського народів за доби пізнього середньовіччя. При цьому цілком доречним виглядає стислий, але, водночас, насичений узагальнюючий огляд релігійно-культурного життя середньовічної Болгарії від часу її входження до сфери впливу візантійської цивілізації за доби раннього середньовіччя (особливо потужним вплив стає з часу прийняття християнства в середині IX ст.) до доби пізнього середньовіччя. Ще більш детальним стає огляд болгарської культурної історії з другої половини XIV ст. Яскравим

є показ суспільно-політичних умов турецького завоювання Болгарії останньої чверті XIV ст. – першої половини XV ст., що стали одними з безпосередніх причин початку так званого «другого південнослов'янського впливу» на східнослов'янське релігійно-культурне життя. Цікавою, хоча й дещо неоднозначною видається характеристика взаємодії константинопольського патріархату з турецькою владою, подана як «взаємовигідна співпраця» з метою боротьби з Римською курією, яка спричинила для болгар становлення подвійної залежності: «в суспільно-політичному та економічному відношеннях – від турків, в церковно-релігійному та культурному – від греків, що розпочали систематичні спроби еллінізувати Болгарську церкву» (с. 55).

Наступну частину першого пункту другого розділу присвячено характеристиці умов культурного розвитку Південно-Західної Русі з середини XIV до XVI ст. (с. 58–69). Науковцеві довелося при цьому вирішувати непросте завдання: пройти між Сциллою описового переказу загальновідомих фактів і Харибдою глибоко занурення у спеціалізовану літературу з історії України литовсько-польської доби, з чим І. Шпик вдало впорався, створивши вичерпний і водночас стислий синтетичний нарис культурного розвитку усіх етнічних українських земель за доби пізнього середньовіччя. Важливо відзначити, що дослідник приділяє увагу не лише територіям, які потрапили під владу Королівства Польського та Великого князівства Литовського, але зупиняється також на огляді умов культурного розвитку Карпатської Русі, що перебувала у складі Угорського королівства, а також земель між Прутом, Дунаєм і Дністром, які в середині XIV ст. були підпорядковані Молдавському князівству.

І. Шпик влучно підсумовує другий розділ висновком про те, що «передумови болгаро-української релігійно-культурної взаємодії останньої чверті XIV – першої половини XVI ст. були закладені ще в епох існування перших могутніх державних утворень південних і східних слов'ян Першого Болгарського царства та Київської Русі», і «хоча обставини й тенденції життя православних спільнот Болгарії та Південно-Західної Русі в період пізнього середньовіччя в багатьох моментах різнилися, все ж вони однаково чітко трималися свого традиційного духовного підґрунтя» (с. 68).

Вельми вдалим є третій розділ книги, у якому схарактеризовано болгарсько-руські відносини у церковно-релігійній сфері (с. 70–107). У ньому авторові вдалося продемонструвати впевнене володіння історичним матеріалом, фактично вичерпне знайомство з відповідними історичними джерелами та основною дослідницькою літературою. Аналізуючи діяльність Київських митрополитів – болгар за походженням, автор справедливо зазначає, що болгарсько-українська релігійно-культурна взаємодія була значною мірою зумовлена «енергійною діяльністю на східнослов'янських землях високоосвічених болгар» (с. 70). Виходячи з цього він цілком виправдано приділяє чималу увагу церковній і культурницькій діяльності чотирьох митрополитів-болгар: Кипріяна (бл. 1330–1406 рр.), Григорія Цамблака (1364–1420 рр.), Исидора (бл. 1390–1463 рр.), Григорія II Болгарина (1458–1473 рр.). Підсумовуючи, І. Шпик справедливо стверджує, що при кожному з цих митрополитів «русько-литовські православні єпархії робили величезний крок на шляху до самостійності, інституційної впорядкованості й релігійно-культурного відродження. Саме митрополити-болгари, у силу історичних обставин, ставали лідерами литовсько-руського опору централізаторській та уніфікаційній політиці Москви» (с. 90).

Окрім діяльності окремих високоосвічених болгар болгаро-українські культурно-релігійні зв'язки значною мірою зміцнювалися також завдяки численним масовим переселенням та подорожам болгар на українські землі. Приділивши цьому аспекту релігійно-культурної взаємодії спеціальний пункт третього розділу (с. 91–107), І. Шпик послідовно розглядає болгарську еміграцію на українські землі, яка набула систематичного характеру після завоювання Болгарії турками наприкінці XIV ст. Дослідник майстерно опрацьовує матеріали джерел (дані з історичної географії, топоніміки, антропоніміки, лінгвістики, ономастики тощо), переконливо доводячи, що наприкінці XIV – у першій половині XV ст. на етнічні українські землі переселялися представники різних соціальних верств болгарського суспільства, успішно прищеплюючи і розвиваючи на новому, сприятливому завдяки мовній, релігійній, культурній та світоглядній спорідненості ґрунті, надбання власної культури. Як зазначає науковець, «на Русь болгари приносили з собою чимало матеріальних та духовних скарбів зі своєї батьківщини: книги, ікони, різноманітні прикраси і найголовніше – знання та досвід» (с. 97). Вплив переселенців доповнювали також ті болгари,

які прибували на територію Південно-Західної Русі тимчасово. Завдяки ним, до речі, здійснювався й зворотній вплив тогочасної української культури на болгарську.

Найбільш вдалимими й цікавими є, на наш погляд, четвертий та п'яти розділи книги, присвячені, відповідно, книжно-літературній взаємодії (с. 108–135) та мистецьким контактам (с. 136–168) між Болгарією та Південно-Західною Руссю. Вплив болгарської культури на давньоукраїнську прослідковується у цих сферах найбільш яскраво і послідовно. Відзначимо, що дослідник звертається при цьому не лише до опублікованих і описаних джерел, але й безпосередньо до рукописів, які зберігаються у фондах відділу рукописів Львівської наукової бібліотеки НАН України імені В. Стефаніка.

Здійснений дослідником аналіз джерел відзначається у цьому розділі особливо високою фаховістю професіоналізмом та майстерністю. Зауважимо хіба, що, можливо, доцільно було окремо прослідкувати болгарсько-українську книжно-літературну та мистецьку взаємодію за посередництвом інших православно-християнських країн, оскільки, як зазначає сам І. Шпик, «на відміну від простої міграції церковно-релігійних книг, перенесення на Русь самобутніх болгарських літературних явищ було значно тривалішим і багатограннішим процесом. Особливості цього процесу, його специфічні риси та форми прояву майже повністю визначалися тогочасною суспільно-політичною ситуацією в східнохристиянському світі» (с. 127).

Вкрай важливою складовою посібника є численні додатки (А–Г), які не просто механічно додано до основного тексту – вони реально «працюють» на підтвердження тих чи тих тверджень або висновків науковця, дозволяють перевірити його докази, пересвідчитися у їхній слушності. Вважаємо, що укладання і активна використання у тексті таких додатків є величезним плюсом посібника, так само як і укладений І. Шпицом фактично вичерпний перелік джерел та літератури з історії болгарсько-південноруських культурних стосунків доби пізнього середньовіччя. Важливу методичну роль відіграють також контрольні завдання, якими супроводжено кожен пункт кожного розділу.

В цілому, як бачимо вже зі здійсненого короткого огляду, можна впевнено стверджувати високу наукову вартість рецензованого наукового і навчального видання, так само як і практичну користь від цього посібника у навчальному процесі, під час вивчення культури країн візантійського кола впливу за доби пізнього середньовіччя. Завершити ж можна словами самого І. Шпики, який влучно підсумував свою книгу таким чином: «Загалом прояви болгарсько-руських церковно-релігійних та культурних контактів XIV – першої половини XVI ст., що крізь віки пробиваються в сьогодення, мають неоціненне значення. Передусім, вони демонструють надзвичайно глибокий, нерозривний зв'язок двох споріднених слов'янських народів, які спільними зусиллями оберігали та збагачували власну духовну спадщину за вкрай важких і несприятливих умов. ... Для сучасних українців та болгар це знання, без сумніву, постає одним із визначальних орієнтирів розвитку їх національної свідомості та будівництва громадянського суспільства, позаяк проливає світло на ті маловідомі аспекти їхнього минулого, які викликають почуття захоплення й гордості, спонукають до роздумів та творчості» (с. 171).

Так на світанку модерності, коли зламаний стовбур Візантійської імперії догнивав струхнявілим пеньком під пануванням Османської імперії, потужні молоді слов'янські пагони візантійської цивілізації підтримували і збагачували один одного, допомагаючи не тільки вижити й зберегтися, але й розвинутися, продовжити подальше зростання й зміцнення.

¹ *Степовик Д.В.* Українсько-болгарські мистецькі зв'язки. – К., 1975.

² *Сохань П.С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. – К., 1976.

³ *Шпик І.С.* Болгарсько-українські релігійно-культурні зв'язки (остання чверть XIV – перша половина XVI ст.). – Львів, 2009; автореферат див.: <https://byzantina.wordpress.com/2010/12/17/shpik/>; Див.: *Домановський А.М.* Проблеми візантиністики в дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2009–2011 рр. / А.М. Домановський, М.С. Домановська // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2012 – № 1006. – Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». – Вип. 15. – С. 136; *Домановський А.Н.* Обзор диссертационных исследований по византистике, защищенных в Украине в 2009–2011 гг. / А.Н. Домановский, М.Е. Домановская // 'Рӯҷаїос: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. – Т. 2. – Харьков: Майдан, 2013. – С. 568.

⁴ *Шпик І.* Българо-українські релігійно-культурні връзки през Късното Средновековие в историографията от 40-те – 80-те години на ХХ в. // Списание на Българската академия на науките. – 2010. – Кн. 6. – С. 57–72; *Шпик І.* Болгари на українських землях (кінець ХІV – перша половина ХVІ ст.) // Проблеми слов'язознавства. – 2007. – Вип. 56. – С. 13–22; *Шпик І.* Болгарські іконографічні традиції в українському малярстві (остання третина ХІІІ – перша половина ХVІ ст.) // Проблеми слов'язознавства. – 2011. – Вип. 60. – С. 67–80; *Шпик І.* Болгарські мотиви в плетінчастому орнаменті українських рукописних книг (остання чверть ХІV – перша половина ХVІ ст.) // Проблеми слов'язознавства. – 2010. – Вип. 59. – С. 67–80; *Шпик І.* Болгарсько-українські книжково-літературні зв'язки та взаємовпливи (остання чверть ХІV – перша половина ХVІ ст.) // Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаніка. – 2006. – Вип. 14. – С. 3–36; *Шпик І.* Високоосвічені болгари – провідники церковно-інституційного та релігійно-культурного життя Русі–України (остання чверть ХІV–ХV ст.) // Проблеми слов'язознавства. – 2005. – Вип. 55. – С. 13–28; *Шпик І.Є.* Рецепція «другого південнослов'янського впливу» в Західній та Південно-Західній Русі (кінець ХІV–ХV ст.) // Историки-слависты МГУ. – Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. В ознаменованіе 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. – М., 2011. – С. 113–129; *Шпик І.Є.* Руський митрополит Кипріяні (До питання болгаро-українських релігійно-культурних зв'язків ХІV–ХV ст.) // Дриновський збірник. – Софія; Харків, 2009. – Т. 3. – С. 390–399; *Шпик І.* Спорідненість тератологічних орнаментів болгарських та українських книг ХІІ – початку ХV ст. // Проблеми слов'язознавства. – 2009. – Вип. 58. – С. 206–213.

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

ПРЕДСТАВЯНЕ НА КНИГАТА НА ПРОФ. ДИМИТЪР ИВАНОВ „ЛИДЕРЪТ СТАМБОЛОВ“ – 6 ФЕВРУАРИ 2014 Г. В ГР. ПАНАГЮРИЩЕ

А. Шопов

С Априлското въстание 1876 г. българският народ твърдо поема по пътя към своята голгота, за да възкръсне из кладите и пепелищата за достоен самостоятелен живот. Найден Дринов – брат на проф. Марин Дринов – в своите записки образно свидетелства: „Някои от младежите панагюрски бяха дотолкова надъхвани и разгорещени, щото не искаха да знаят, че българите са подвластен народ на турците...“. Съществено място за това революционно просвещение и посвещение на българите има и личността на Ст. Стамболов. Един живот, наситен с много динамизъм – от революционер до пръв държавник. От позицията на времето можем да отбележим: един кратък и достоен живот само в 41 години. Това е Стефан Николов Стамболов (30 януари 1854–15 юли 1895). Един от истинските строители на „Съвременна България“.

Именно в навечерието на 7 февруари 2014 г., когато се навършиха 138 г. от основаването на „Приготовителния комитет“ за организирането на Априлското въстание, съдбата отреди на Панагюрище да бъде домакин на първото представяне в провинцията на книгата „Лидерът Стамболов“ от проф. Д. Иванов. Авторът е преподавател в Университета по библиотекознание и информационни технологии в София.

Всяка епоха и всяка страна раждат своите личности – двигатели на процеса. Така в България се изгражда и налага личността Стамболов.

На 20 август 1887 г. княз Фердинанд възлага на Стефан Стамболов съставянето на правителство. В следосвобожденската ни история започва един 7-годишен период, който се оказва в много отношения основополагащ за по-нататъшното развитие на нашата държава. Въсъщност това е времето на управление на оформящата се Народолиберална партия, и още по-точно – времето на нейния лидер.

Годините на управлението на Стамболов са характерни с:

1. Модернизирани и общ напредък на Княжеството.
2. Последователна и успешна политика по националния въпрос.
3. Утвърждаване на българското, суверенно присъствие в международния живот.
4. Несъмнено в този период изплуват на повърхността и приемат остри форми пристрастията „за и против“ имперската руска политика. Те се оказват неразрешими с нормални политически средства. Независимо от тези конфликти, България прави уверени крачки в стопанското си развитие и изграждането на модерна държава, за да се превърне в притегателен икономически център на Балканите.

* * *

Книгата на проф. Д. Иванов беше представена от доц. д-р Милен Куманов. Той отбеляза, че този труд предизвиква интерес с начина на представянето на личността Стамболов. Това е времето на току-що отхвърленото турско робство и на стремежа на българите да утвърждават своя път на развитие. Изтъкнато беше, че съществено място в този процес има Стефан Стамболов. Личност, която допринася за усъвършенстване и утвърждаването на възстановената държавност. Доц. М. Куманов акцентира, че авторът на книгата приема и разглежда своя герой, поставен в европейския контекст, както и измеренията на лидерството. Подчертано беше „сложното и противоречиво време“ на лидера Стамболов. Така че мястото, което му се отрежда, е лидер с европейско значение, защо не и със световно. Вълнение и интерес предизвика отношението на държавника Стамболов към Русия, русофилството и руския народ. Факт е, че повече от сто години интересът към личността на Стамболов не стихва. Това доказва значимостта и обаятелността на неговото дело.

Научно съобщение за лидерството в Народолибералната партия изнесе докторант Десислава Костадинова от ИИИ към БАН. Докторант Костадинова обърна внимание, че времето на изграждането на Народолибералната партия е и времето на извисяването на нейния лидер Стамболов. И това всъщност е времето на стабилизация и подем за България, което предопределя нейното значимо място в Европейския Югоизток в началото на ХХ в.

Публиката в препълнената зала в Исторически музей – Панагюрище зададе редица въпроси, отнасящи се до живота на героя, приятелството, политиката; за отношенията му със Захари Стоянов, Иван Вазов, Тома Георгиев, за срещата му със султана и др. Със задоволство бяха посрещнати изчерпателните и компетентни отговори на доц. Куманов.

Вечерта завърши с прожекцията на филма „Държавникът Стефан Стамболов“.

Книгата на проф. Димитър Иванов „Лидерът Стамболов“ е интересен и вълнуващ разказ за държавника, човека и гражданина Стефан Стамболов, която всички, които уважават собствената си история, трябва да прочетат.

ЮБИЛЕИ МОЛДАВСКИХ БОЛГАРИСТОВ

Н. Червенков

2014 год для молдавских болгаристов был богат на юбилеи. Главные из них – это 25-летие болгаристического отделения Академии наук Молдовы, которое первоначально имело название „Отдел болгароведения“, затем – „Отдел болгаристики“, а в настоящее время – группа „Этнология болгар“, и 20-летие Научного общества болгаристов в Республике Молдова. По случаю этапных событий в своей истории эти два научных объединения организовали 3–5 марта 2014 г. научную конференцию, которая имела цель обобщить их работу, представить исследования своих сотрудников, а также коллег из других стран по проблемам истории, культуры и языка бессарабских болгар.

Конференция была приветствована директором Института культурного наследия АНМ, в состав которого входит группа „Этнология болгар“, д.и.н. Олегом Левицким, который наградил почетными грамотами сотрудников группы. Поздравляя болгаристов с началом конференции, посол Болгарии в Молдове Петар Вылов также вручил памятные грамоты.

Пленарное заседание (модератор – доц. Н. Кара) было посвящено теме „История болгаристики в Республике Молдова“, на котором основное внимание сосредоточилось вокруг деятельности болгаристических групп и обществ. В первую очередь был зачитан доклад на тему „Двадцать пять лет группе „Этнология болгар“, Института культурного наследия АНМ“, подготовленный ее первым заведующим к.и.н. Савелием Новаковым, который, к сожалению, ушел в иной мир незадолго до конференции. Этот исследователь с перерывом возглавлял отдел 17 лет. В его докладе очерчены все этапы и направления научного подразделения. Автор подробно остановился на предшествующие исследования по болгаристике в АНМ, связанные прежде всего с такими именами, как И. Мещерюк и К. Поглубко, а также на социально-политических аспектах, приведших к созданию 21 февраля 1989 г. в рамках Отдела Института этнографии и искусствоведения АНМ сектора болгароведения. В него вошли сложившиеся ученые С. Новаков, И. Грек, П. Стоянов, Н. Червенков, Е. Пейкова, также и начинающиеся исследователи – Е. Челак, В. Калоянов, Е. Капащина, Н. Тодоров, Е. Банкова. Со временем отдел становится важным болгаристическим центром, где были подготовлены крупные монографические труды, проведены серьезные лингвистические, этнографические, социологические исследования и научные форумы. Среди значимых работ отдела: *Грек И., Червенков Н.* „Българите от Молдова и Украина: минало и настояще“ (1993); *Грек И.* „Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX в.“ (1993); „Българо-руски и руско-български учебен речник“. Съст. Н. Тодоров, Е. Челак, А. Кавалов (1994); Н. Червенков „Васил Левский“ (1993); *Новаков С.* „Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918)“ (2004); *Новаков С., Гургууров Н.* „Село Кортен. Времена и судьбы“ (2009).

Двадцатилетняя деятельность Научного общества болгаристов представлена в докладе его председателя д.и.н. Николая Червенкова. Задача общества с самого начала заключается в объединении специалистов-профессионалов и любителей для изучения и пропаганды истории, культуры и языка бессарабских болгар, связей Молдовы с Болгарией. Количество членов общества за эти двадцать лет колебалось от 70 до 120 человек. К сожалению, многие известные его члены – профессора П. Недов, П. Бырня и П. Стоянов, краеведы П. Кайряк, И. Пасков, Ф. Бодур, Ю. Кишкилев и др. – ушли из жизни. Покинули общество кандидаты исторических наук Г. Аствацатуров, Е. Челак, Е. Водинчар и др., которые переехали в другие страны. Общество работает в нескольких направлениях – „Изучение и функционирование болгарского языка“, „Краеведение“, „Социологические исследования“, „Бессарабские болгары: прошлое и настоящее“ и др. Всего за эти годы издано более 30 монографий и сборников. Среди них книги: „История села Паркани“, кн. 1 и 2 (*Г. Аствацатуров*), „Родословные древа Тараклии“, кн. 1 и 2 (*П. Кайряк*), „Родословные древа Кайраклии“ (*И. Манолов*), „Гюлмян-Дюлмян-Яровое“ (*И. Грек*), „Колибабовка. Болгарское село на севере Буджака“ (*И. Пасков*), „Тараклии – 200 лет“ (*Н. Червенков, И. Думини*

ка), „Храм Успения Божей Матери села Кирсово. Исторические аспекты“ (И. Думиника), „Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее)“ (Н. Червенков). Издана серия сборника „Молдо-болгарские связи“ (нуч. ред. Н. Червенков), а также научные сборники: „Бессарабските българи за себе си“ (Сост. П.-Е. Митев и Н. Червенков), „България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнина на д.и.н. Николай Червенков“ (Съст. И. Думиника, науч. ред. К. Калчев), „Петър Кайряк. Тараклия и тараклийци“ (Съст. Н. Червенков и И. Думиника). Опубликованы материалы ряда научных конференций: „Безсмъртието на Васил Левски“, „Бессарабия и освобождение Болгарии“, „Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – 125 лет“. Многие печатались в серии „Българите в Северното Причерноморие“. Например, раздел „Език, литература и култура на българите“ в 8-м томе включает, главным образом, материалы членов общества. Одновременно вышли из печати семь номеров научно-популярного альманаха общества „Български хоризонти“. Значителен вклад общества в издании учебников и учебных пособий по болгарскому языку и литературе, болгарской истории. Например, с участием филологов общества доцентами Н. Кара и Е. Рацеевой изданы фундаментальные учебники „Български език“ для 5–9 классов.

Автор доклада подробно рассказал о проведенных многочисленных научных конференциях, разнообразных презентациях книг. Коснулся также места общества в подготовке специалистов по болгаристике, в установлении связей с коллегами из Болгарии, Украины, России и др. стран, проведении болгарских национально-культурных мероприятий, помощи учебным заведениям, прежде всего Тараклийскому государственному университету им. Г. Цамблака.

Следующий доклад – „Савелий Захарович Новаков – заведующий отделом болгаристики“, автором которого является н.с. Емилия Банкова, работающая в отделе с самого его создания. Она прослеживает жизненный и научный путь ученого, который являлся одним из создателей и первым заведующим подразделения. Еще в начале трудового пути, работая учителем в школе, занялся краеведением, написал брошюру о своем родном крупном болгарском селе в Молдове Кортене (Кириютня). Потом, работая в АНМ, он пишет научную историю села в соавторстве с д.и.н. Н. Червенковым, далее в соавторстве с Н. Гургуровым издает два крупных монографических варианта истории этого села. С последним соавтором была подготовлена монографическая работа „Очерки истории Кортенских храмов“. Особенно ценен капитальный труд к.и.н. С. Новакова „Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Бессарабии в 1856–1918 гг.“. В 2010 г. ученый издал сборник своих научных статей под названием „Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.)“. Страницы истории и культуры“. Как заведующий отделом, исследователь внес большой вклад в его формировании, в разработку научных направлений, организацию научного процесса. Докладчик Е. Банкова делает аргументированный вывод, что „Савелий Захарович Новаков – ученый большой работоспособности, его отличали высокая научная дисциплина, компетентность, требовательность к качеству выполняемой им работы“.

С докладом „Отдел болгаристики: вызовы и достижения (1997–2004 гг.)“ на пленарном заседании выступила к.и.н. Екатерина Челак, бывший сотрудник группы болгаристов и зам. председателя Научного общества болгаристов РМ, которая в последнее время проживает и работает в Калининграде (Россия). Она подробно охарактеризовала научную продукцию, подготовленную и изданную в этот период. Прежде всего, это фундаментальный библиографический указатель литературы „Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII – 1995 г.“, осуществленный под руководством к.и.н. И. Грека. Докладчик справедливо считает, что это работа является „одним из самых больших достижений Отдела болгаристики за весь период его существования“. В 2005-м году была издана монография д.и.н. П. Стоянова „Проблемы лада и методики болгарской народной песни“, подготовленная ранее. В докладе было обращено внимание на то, что в рассматриваемый период были тесные связи отдела с обществом болгаристов, которое прежде всего вылилось в поддержку последнего в издании его научной продукции.

Пленарное заседание завершил доклад н.с. И. Думиники „Сотрудники группы „Этнология болгар“ (1989–2014 г.). Библиографические заметки“. В нем кратко представлен этап формирования его кадрового состава. За двадцать пять лет в отделе в разные годы работали 16 человек. Представлена была краткая научная биография каждого из них, сопровождая списком его основных научных публикаций. В направлении истории наря-

ду с его заведующими к.и.н. С. Новаков (1989–1997, 2004–2012) и д.и.н. Н. Червенковым (1997–2004) работали к.и.н. И. Грек и к.и.н. Е. Челак. В последние несколько лет активно включился в эту проблематику И. Думиника. Область культуры и просвещения представляли проф. П. Стоянов, к.и.н. В. Калоянов и к.и.н. Е. Пейкова. Этнологические проблемы изучают научные сотредники Е. Банкова, Е. Капацина и А. Ковалов, а лингвистические – сначала к.ф.н. Н. Тодоров, а потом к.ф.н. Н. Кара, которая с 2013 г. исполняет обязанность руководителя болгаристической группы.

После завершения пленарного заседания работа конференции проходила в двух секциях. На первой – „История и этнология“ – было представлено 26 докладов и сообщений. Наряду с молдавскими исследователями, участвовали ученые из Болгарии, Украины, России и Польши. Здесь были заслушаны доклады с историографическим содержанием, в частности проф. М. Станчева и доц. С. Страшнюка „Харьковская болгаристика 1991–2013 гг. Предварительные итоги“, представивших основные направления болгаристики, сформированные в этом городе. Так или иначе, все они концентрируются вокруг Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, где существуют давние традиции в изучении проблем болгаристики. Большая роль харьковских коллег в создании межреспубликанской ассоциации болгаристов с центром в г. Харьков (1991). Вскоре после прекращения ее существования, в 2005 г. в Университете был создан Центр болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова. Докладчики подробно остановились на вкладе отдельных харьковских болгаристов, таких как проф. В. Кадеева, проф. В. Михеева, проф. Г. Чернявского, проф. М. Станчева, доц. С. Страшнюка, проф. С. Потрашкова и многих других.

Из доклада проф. В. Колесник участники конференции ознакомились с еще одним крупным украинским центром болгаристов – Одесским национальным университетом им. И.И. Мечникова. Известно, что с самого начала его создания болгаристика занимала ведущее место в гуманитарном профиле наук: лингвистики, истории и этнографии. Докладчик обратила особое внимание на последние исследования в области диалектологии и этнологии болгар юга Одесской области. Болгарский этнограф доц. Ж. Пимпирева выступила с докладом „Этнографические исследования о бессарабских болгарях“. В нем представлены проекты, разрабатываемые Этнографическим институтом с музеем БАН по этой тематике. Особое место было посвящено исследованию „Бессарабские болгары в постсоветском пространстве. Культура, политика, идентичность“. Проблеме изучения бессарабских болгар посвящен и доклад н.с. И. Думиники „Просвещение в болгарских колониях Бессарабии первой половины XIX века в историографии“.

Важно, что ряд докладов подняли аспекты, которые еще не были предметом исследования. Так например, к.и.н. С. Бакалов впервые показывает, что из среды болгарских переселенцев формировались дворянские роды. Весьма важен анализ материалов переписи задунайских переселенцев за 1818 г., осуществленный научными сотрудниками МАН Г. Кышлалы и Л. Реулец. Их коллеги С. Булгар и И. Думиника ввели в научный оборот материалы из турецких архивохранилищ о реэмиграции болгар в ходе их переселения в Бессарабию в период и после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Интересные архивные документы представляют болгарские историки проф. К. Калчев и доц. Е. Хаджиниколова, которые соответственно представили записку болгарского дипломата о присоединении Бессарабии к Румынии 1918 г. и новые материалы об участии уроженца Тараклии Олимпия Панова в Болгарском центральном благотворительном обществе.

Значительная часть второй секции составляют доклады о культурном и духовном развитии бессарабских болгар: церковно-просветительская деятельность церкви в колонии Твардица (доц. Е. Челак), борьба с остатками язычества в болгарских селах (доц. Е. Квилинкова), духовные ценности как источник благополучия народа (доц. Е. Пейкова), функция религии у болгар и гагаузов в постсоциалистический период (доц. Г. Георгиев, к.и.н. Е. Хатлас), рождественские коледования (доц. Е. Соручану), этическое-социальные поступки (к.э.н. О. Недельчева-Водинчар), отец Михаил Казанакли (н.с. Н. Караиванов).

В докладах раскрыты многие аспекты культуры и быта болгарского населения: болгарская тема в трудах В. Мошкова, молдавские элементы в структуре ряженья болгар Южной Бессарабии, традиции болгар этого региона в праздновании дня Св. Георгия, родильные обряды в с. Главан, новогодние обычаи болгар Молдовы, болгары Башкалии, воспоминания жителей с. Кайраклия (Лощиновка) о родном селе. Просвящение представлено докла-

дом докторантки М. Поповой об образовательной политике Болгарии в отношении болгар Молдовы в первое десятилетие ее независимости.

Два доклада на широком архивном материале исследуют социально-экономические проблемы развития болгарского населения Бессарабии. Первый определяет место болгар в торговле края в первой половине XIX в. (проф. В. Томулец), а другой – развитие промышленности в болгарских селах измаильщины в первое десятилетие после второй мировой войны (к.и.н. И. Татарко).

Вторая секция „Литературоведение и лингвистика“ по количеству докладов намного уступает первой, но она также представлена материалами с большой научной новизной. Проф. В. Колесник раскрыла трансформацию грамматической системы болгарских переселенческих говоров юга Украины. Особенности румыно-болгарского дискурса в Бессарабии и Таврии (конец XX – начало XXI в.) определены в докладе доц. Э. Стояновой. Символика и коннотация фитонимов в песенном фольклоре болгар Молдавы и Украины были очерчены в докладе доц. Н. Кара, а проблемы русско-болгарской интерференции в этих странах – во вступлении доц. В. Кондова. Пространные характеристики в национально-языковой картине мира русских, молдован и болгар (опозиции *правый–левый, верх–вниз*) даны в докладе к.ф.н. Т. Зайковской.

Литературоведческие аспекты представлены в четырех докладах. Доц. Е. Налбантова подробно анализирует первый поэтический сборник на болгарском языке в Молдове – „Моя южна равнина“ П. Бурлак-Вылканова. Мифологическое и обрядовое в структурах повседневности болгар-переселенцев в произведениях Мишо Хаджийского представлены в докладе доц. Е. Рацеевой. К.и.н. Д. Никогло выступила с докладом „Буджак и Болгария (Балканы) в творчестве болгарских поэтов Молдовы и Украины“.

В конце конференции был представлен сборник докладов этой конференции „Бессарабские болгары: история, культура и язык“ (науч. ред. Н. Червенков, сост. И. Думиника).

Конференция, посвященная 25-летию Отдела болгаристики Академии наук Молдовы и 20-летию Научного общества болгаристов в Республике Молдова еще раз показала, что молдавская болгаристика достигла значительных успехов, ее организационные структуры содействуют этому, позволяя надеяться на новые достижения.

СЛАВІСТИЧНІ КОНФЕРЕНЦІЇ НА ПОШАНУ ВУКА КАРАДЖИЧА

О. Микитенко

Якщо попередній – 2013 рік у Сербії проходив під знаком двохсотліття від народження Петра II Петровича Негоша, то у 2014 році наукова і культурна громадськість країни відзначала двохсотліття знаменних праць родоначальника науки про фольклор у південних слов'ян Вука Караджича – його першої збірки народних пісень (*Мала простонародна славеносрпска пјеснарица*, 1814) та граматики сербської мови (*Писменица*, 1814), а також вшановувала сто'ятдесятиліття його смерті. Цій даті було присвячено низку міжнародних наукових конференцій та інших важливих заходів. Ми зупинимося на двох із них, у яких довелося брати участь.

11–14 вересня 2014 р. у Белграді відбулася міжнародна наукова зустріч славістів у «дні Вука» (попри те, що народився В. Караджич за старим стилем на день Св. Дмитрія 26 жовтня 1787 р.), як офіційно називаються щорічні конференції, які вже сорок четвертий рік поспіль проводить Міжнародний славістичний центр Філологічного факультету Белградського університету (голова – проф. д-р. Д. Мршевич-Радович, заступник – проф. д-р Б. Сувайджич). Цього року багатогранна мовна, літературознавча та фольклористична проблематика конференції (крім згаданих на обговорення було винесено також тему «Перша світова війна та сербська мова і література») зібрала широке коло науковців із багатьох країн – Австрії, Болгарії, Італії, Німеччини, Польщі, Росії, Румунії, Сербії, Словенії, США, України, Франції, Чорногорії. Отже, конференція, учасниками якої були відомі європейські славісти, ще раз засвідчила авторитет цього наукового зібрання, попри те, що славістика у ряді країн зазнає через економічні труднощі відчутних скорочень.

Рішення об'єднати тематично різні, здавалося б, напрями було не випадковим. І справа не лише у зовнішньому – хронологічному чиннику. Причина полягала у значенні і зумовленості ювілейних дат, пов'язаних із Вуком Караджичем, Першою світовою війною, – для політичного і громадянського життя Сербії, а також для славістики. Зокрема, кирилиця як основа орфографічної (ширше – мовної) реформи Караджича, що ґрунтувалася на особливостях народної мови, під час Першої світової війни, як відомо, була заборонена Австро-Угорщиною на всіх просторах сербської мови. Вже після війни формування нової держави йшло паралельно із становленням громадянського суспільства, розгортанням наукових, зокрема лінгвістичних досліджень, серед яких відомі праці Олександра Беліча, подальшими успіхами сербістики та сербологістики.

Відомо, що появою у 1814 р. «Малого простонародного слов'яносербського пісенника» В. Караджич вперше заявив про себе як про реформатора сербської мови та літератури. Збірка містила сто пісень, переважно ліричних (за класифікацією Караджича «жіночих»), а також вісім епічних, або «чоловічих», які «співають у супроводі гусел і які містять у собі якісь історії», і серед них була і раніше опублікована А. Фортисом відома балада «Асанягиниця». Вважається, що ліричні пісні цієї збірки Вук записував від своєї родички Савки Живкович, а епічні були записані ним з пам'яті. Рукописний матеріал, як зазначав Караджич, він привіз із собою до Відня восени 1813 р., і рукопис потрапив до рук Е. Копітару, який і «намовив мене потроху не лише записувати народні пісні, але й слова і граматику». Попри те, що таких пісень, як свідчив Караджич, «ще з дитинства знав силу-силенну, і розумів їх так само добре, як і народ розуміє», він був досить скептичний щодо сприйняття своєї збірки широким колом читачів, і підкреслював, що саме епічні пісні «містили і зараз у народі простому містять колишне буття сербське і його ім'я». Ця збірка стала переломною подією не лише у розвитку сербської літератури, зумовивши орієнтацію на народну мову та на художній досвід народної творчості у літературній діяльності, відтак спрямувавши діяльність багатьох послідовників Караджича, але й мала найширший відгомін у Європі.

Також особливе місце серед праць Вука Караджича посідає його перша граMATика – *Писменица* (1814), де було висунуто засадничий принцип реформаторської діяльності вченого – «пиши, як вимовляєш, читай, як написано» (*Пиши као што говориши, читай како је написано*). Цим правилом, яке по суті складає квінтесенцією його наукових поглядів,

Караджич визначав єдність, системність і нормативність сучасної сербської літературної мови, що мало вирішальне значення для подальшого літературного і культурного розвитку як у Сербії, так і на південнослов'янських – і загалом слов'янських – теренах.

В особі Вука Караджича, як завжди наголошують, талановито поєдналися філолог і літературознавець, фольклорист і етнограф, історик і видавець, при цьому в кожній галузі він залишався новатором, котрий не лише висував нові ідеї, але й самовіддано боровся за їх втілення у життя. Про боротьбу Караджича через його реформи з консерваторами писав, зокрема й М.Т. Рильський, зауважуючи, що «кінець кінцем принципи Караджича перемогли». Відтак Караджич, наголошував М. Рильський, «відіграв у культурній історії Сербії величезну роль, запровадив до літературного вжитку народну мову, виробив новий, фонетичний правопис. [...] Величезні фольклорні збірники Караджича, його етнографічні праці, його знаменитий словник із поясненням сербських слів литинською та німецькою мовами становлять неоціненний вклад у сербську культуру. Пам'ять про таких людей завжди живе в серцях народу»¹.

Проте живе не лише пам'ять про талановитого сербського самоука, але й його справа. Зокрема, у нещодавно виданій «Нормативній граматиці сербської мови» (*Нормативна граматика српског језика*, Нови Сад: Матица српска, 2013 р., 582 стор.) П. Пипера та І. Клайна, автори підкреслюють суспільну роль та цивілізаційний вимір сучасної літературної мови, наголошуючи на значенні ужиткової нормативної лінгвістики як чинника стабільності національної культури. Мова, як живий процес, постійно змінюється й трансформується, відтак постає питання, чи відповідає стан сучасної літературної мови Вуковим нормам, які нормативні варіанти можливі сьогодні в умовах урбаністичного суспільства? Міждисциплінарні, зокрема соціолінгвістичні, а також лінгво- та етнокультурні дослідження, чим далі все більше перебувають у полі зору сучасної славістики.

Серед фольклористичних проблем, що порушувалися на конференції, – якщо коректно ставити такий наголос стосовно комплексного творчого доробку Вука Караджича, залишаючи поза увагою лінгвістичні доповіді, побудовані на матеріалі його фольклорних збірок, тим не менш можна виокремити ряд напрямів. Зокрема, це особистісний вимір праць Вука Караджича, «нове прочитання» того чи іншого його твору і доля багатьох починань Караджича, вплив «Вукової моделі» на процеси стандартизації літературної мови, текстологічний розгляд текстів, а також переклади іншими мовами, рецепція діяльності Караджича в європейських країнах – як слов'янських, так і неслов'янських тощо. Не маючи можливості зупинитися на доповідях докладно, назвемо бодай деякі з них, бо вже самий перелік дає певне уявлення про широке коло питань: Д. Іванич (Сербія) «Авторський голос у сербських народних оповіданнях Вука Стефановича Караджича», Г. Тяпко (Росія) «Особа автора у *Писменици* (1814) Караджича», Тома П.-Л. (Франція) «Асан-агиниця з Вукового “Пісенника”: вплив на французькі переклади балади», Марєвич Р. (Сербія) «Текстологічне і версифікаційне дослідження “Малого простонародного слов'яносербського пісенника”», Корда-Петрович А. (Сербія) «Чеські славісти про Вука», Премк-Богатай Є. «Рецепція Вука Караджича у Словенії», Самарджія С. (Сербія) «Перші Вукові примітки», Сувайджич Б. (Сербія) «“Пісенник” як канон», Мркаль З. (Сербія) «Пісні у Вуковому “Пісеннику” у процесі викладання сербської мови і літератури», Стефанович М. (Сербія) «Що важить у літературній історіографії перша друкована книга В. Караджича?», Кнежевич С. (Боснія і Герцеговина) «Пісенник Караджича у збірці Боголюбів Петрановича “Сербські народні пісні з Боснії та Герцеговини”», Ів, Микитенко О. (Україна) «Перші переспіви з “Пісенника” В. Караджича у Східній Україні: А. Метлинський (1839)» та ін. Виголошені доповіді суттєво збагатили славістичне «караджичезнавство» та засвідчили неперервне значення й актуальність творчого спадку визначного сербського вченого.

Попри те, що про Вука Караджича писалося чимало, його праці і в наш час не перестають бути викликом, збуджувати наукову думку і провокувати нові погляди. Суперечки і дискусії навколо мови і літератури, культури і історії, інших областей його багатогранної діяльності не вщухають і сьогодні – сто п'ятдесят років по його смерті. Закономірно, що крім підсумків осмислення творчого надбання Караджича, сучасні ювілейні заходи – зокрема й ті, про які йдеться, – більше зосереджувалися на пошуку оригінальних підходів і нових відповідей. Такою була і одна з центральних настанов ювілейного міжнародного симпозіуму «Вук Стефанович Караджич (1787–1864–2014)», що відбувся 4–6 грудня 2014 р. у Белграді. Організаторами симпозіуму виступили Відділення мови і літератури Сербської академії

наук і мистецтв, Матиця сербська, Вукова задужбина та Академія наук і мистецтв Республіки сербської. На відкритті симпозіуму виступив Президент САНУ академік Н. Хайдин, прозвучали привітання від Секретаря Відділення мови і літератури академіка П. Пипера та від Голови оргкомітету академіка Н. Милошевич-Джорджевич. Хор міського Центру культури ім. Вука Караджича (м. Лозниця) виконав «Гімн Вуку» Ст. Мокраньца та «Азбуку» В. Ілича.

Упродовж трьох днів у Великій залі САНУ у пленарному режимі тривала напружена робота, в якій взяли участь близько сімдесяти науковців із різних наукових центрів Сербії, а також представники із Австрії, Німеччини, Польщі, Росії, Словенії, України, які займаються вивченням різних аспектів діяльності Вука Караджича. Тому і попри урочистість заходу це авторитетне наукове зібрання мало характер ширшої розмови колег, які мали можливість обмінятися думками та обговорити нагальні питання сучасної славистики – мовознавства, літературознавства, фольклористики та етнології. Увага була присвячена надзвичайно широкому колу питань, серед яких – значення мовної реформи Караджича, система правопису та нормативної граматики, внесок праць Караджича у розвиток діалектології, фольклористики, етнології та релігієзнавства, історичні та географічні праці вченого, можливості сучасного збагачення літературного та культурного процесу, котрий ґрунтується на послідовному розвитку народної мови та літератури, спадкоємність традицій Караджича, європейський вимір його діяльності тощо.

Фольклористика та етнокультурологія були представлені цікавими і проблемними доповідями, які засвідчили актуальність праць Караджича для сучасної науки, показали необхідність нових міждисциплінарних підходів для осягнення його творчого доробку. Зокрема, ця думка звучала у доповідях: «Про переклади Нового заповіту» (єпископ Бачський Іриней), «Суб'єктивне й об'єктивне у повсякденному людському житті – і у Вука Караджича» (В. Єротич). На широкому історико-культурному тлі було побудовано доповіді: А. Ломи «Від Св. Сави до Вука: свідчення сербської народної мови», Б. Йовановича «Вуково утвердження сербської культурної пам'яті», Б. Шияковича «Народна творчість та філософія», Л. Зуковича «Суспільний статус народної пісні у часи Вука», Д. Радойчич «В. Караджич і 'наука про народ'». Проблема рецепції Вука в різних європейських країнах стала предметом уваги: Г. Шуберт (Німеччина) «Співпраця Вука з німцями – з сьогодшньої перспективи», В. Крестича «Франьо Кухач про В. Караджича та його прибічників у Хорватії», С. Колевич «Королевич Марко у англосаксонському дзеркалі», В. Питулич «В.Ст. Караджич та І.С. Ястребов у світлі етнології», О. Микитенко (Україна) «Шевченкове *Подражаніє сербському* у контексті літературно-фольклорної рецепції Вукової діяльності». Усна і писемна традиція як постійне джерело розвитку та збагачення фольклорної творчості були опрацьовані у доповідях: М. Клеут «'Серби у Донаверту': усна і писемна традиція?», Д. Петкович «Епічні пісні з Вукових класичних та рукописних збірок – паралелі та відмінності», Є. Пандурович «Друге життя другої книги: усна рецепція Вукової збірки сьогодні». Знайшли висвітлення також питання історіографії видань Караджича (Н. Милошевич-Джорджевич «*Ковчежич* Вука та біля нього», М. Матицкі «Альманах Караджича *Даница* як модель національного періодичного журналу», А. Вранеш «Бібліографія про В.Ст. Караджича», З. Бойович «Давнина Вукових 'джерел'»). Фольклорні жанри – від слов'янської міфології, ліричних пісень та пісень косовського циклу, прислів'їв та приказок – до дитячого фольклору стали предметом дослідження у доповідях: С. Толстої (Росія) «Нотатки про сербські прислів'я», С. Самарджі «Поетика Вукових назв», З. Каранович «Сміх та еротика у працях В. Караджича», Л. Раденковича «Значення праць В. Караджича для вивчення сербської міфології», Б. Сикимич «Антропо-лінгвістичне прочитання Вукового етнографічного тексту: дитячі ігри. Окремий блок становили доповіді, присвячені аналізу листування Караджича (В. Осолник «Про лист В. Караджича правителю Милошу Обреновичу 1832 р.», Р. Люшич «Листування Вука як історичне джерело», Б. Сувайджич «'Рахунки' стосовно співців у листуванні Караджича»). Було звернуто увагу і на необхідність сучасного інтертекстуального представлення праць В. Караджича (М. Детелич, Л. Делич «Яким чином форматизувати Вука?»).

Симпозіум став помітним явищем у науковому житті Сербії та ще раз засвідчив, що гуманістичні ідеї та творчий потенціал праць В. Караджича і сьогодні залишаються актуальними та співзвучними сучасним вимогам розвитку науки.

¹ *Рильський Максим*. Сербські епічні пісні // Рильський Максим. Зібрання творів у 20-и тт. – К.: Наук. думка, 1987. – Т. 16. – С. 14–15.

МІЖНАРОДНА НАУКОВА КОНФЕРЕНЦІЯ, ПРИСВЯЧЕНА 200-РІЧЧЮ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ В. І. ГРИГОРОВИЧА

Т. Я. Марченко

14–15 травня 2015 року в Інституті мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України відбулася Міжнародна наукова конференція, присвячена 200-річчю від дня народження Віктора Івановича Григоровича, у роботі якої взяли участь провідні вчені України й Білорусі.

На засіданнях конференції було заслухано 16 наукових доповідей, присвячених діяльності В.І. Григоровича, у центрі уваги стояли питання його перебування в Україні, висвітлювалася подвижницька діяльність ученого в розвитку Одеської філологічної школи, розкривалися багаторічні зв'язки В.І. Григоровича з діячами слов'янської науки і культури, аналізувалися врятовані ним пам'ятки слов'янської писемності, його дослідження в галузі старослов'янської мови, походження слов'янських азбук, розглядалася участь ученого в славистичних дискусіях про церковнослов'янську мову, а також досліджувалася роль віднайдених пам'яток у розвитку славистики, у вихованні молодих учених, у становленні різних філологічних дисциплін, зокрема палеографії.

У вступному слові директор Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, академік НАН України В.Г. Складенко зазначив основні етапи життєвого й наукового шляху видатного мовознавця, підкреслив його вагомий внесок у становлення вітчизняного слов'янознавства.

Віктор Іванович Григорович народився в м. Балта, тепер Одеської обл. Батько його був українцем, мати походила з польської родини. Середню освіту В. І. Григорович отримав в уніатському училищі в Умані, звідки виніс добрі знання латинської мови; у 1830 р. вступив до Харківського університету, після його закінчення в 1833 році, бажаючи поглибити свої знання, продовжує освіту в Дерптському (тепер Тартуському) університеті. У 1838 р. він отримав запрошення зайняти кафедру історії і літератури слов'янських народів у Казанському університеті, викладаючи там грецьку мову, а вже в 1840 р. подав на Раду факультету працю “Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древних памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям”. На жаль, текст цієї праці не зберігся, вона відома лише за відзивом рецензента. Проте в “Ученых записках” Казанского университета” за 1841 і 1843 роки були опубліковані дві важливі праці В.І. Григоровича з літературознавства – “Краткое обозрение славянских литератур” і “Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах”. За останню працю В.І. Григоровичу в 1842 р. було присуджено ступінь магістра.

Після захисту магістерської дисертації почалася підготовка до тривалого закордонного відрядження в слов'янські землі. Це відрядження тривало три роки (1844–1847 рр.). В.І. Григорович відвідав Константинополь, Солунь, Афон, об'їхав майже всю Македонію, багато районів західної, південної і північної Болгарії. Крім того, В.І. Григорович відвідав деякі румунські території, Угорщину і зупинився у Відні, де зустрівся з Ф. Міклошичем і В. Караджичем. З Відня він направився до сербів і хорватів, об'їхав Далмацію, на короткий час зупинився у Венеції, відвідав Загреб, Чорногорію, а потім через Братиславу приїхав до Праги, де прожив п'ять місяців. Тут відбулося знайомство з П.И. Шафариком, який зробив великий вплив на спрямування наукових інтересів молодого славіста.

Під час перебування в Македонії В.І. Григорович придбав багато давніх слов'янських рукописів. Найціннішим серед них було глаголичне Євангеліє XI ст., відоме в науці під назвою Марійського Євангелія. Знайшов він також Хіландарські уривки – пам'ятку слов'янської писемності XI ст., Охридські листки та інші пам'ятки. Усю свою колекцію рукописів В.І. Григорович привіз у Прагу, де вивчав їх разом із П.И. Шафариком. В. Ягич з цього приводу писав: “Отже, новий, останній період діяльності Шафарика отримав поштовх від відкриттів, зроблених Григоровичем. Зазнавши багато страждань і розчарувань, праякий славист знову піднісся духом” (*Ягич И.В.* История славянской филологии. – СПб., 1910. – С. 345). У 1847 р. через Німеччину В.І. Григорович повернувся у Казань і поринув у проблему походження глаголиці. Уже в 1848 р. він виступив у Товаристві любителів вітчизняної словесності з доповіддю, у якій доводив, що глаголиця давніша за кирилицю. Проблеми походження слов'янських азбук В.І. Григорович присвятив цілий ряд

статей, написаних як у казанський період життя, так і пізніше – в одеський період. У 1848 р. В.І. Григорович був переведений у Московський університет, але через рік повернувся до Казанського університету, де попрацював до 1864 р., після чого вийшов у відставку й виїхав у Херсон.

Через усе життя В.І. Григорович проніс інтерес до кирило-мефодіївської проблематики. Йому належить ціла серія статей, промов і статей, присвячених церковнослов'янській мові і її найважливішим писемним пам'яткам: “О значении церковнославянского языка” (промова, виголошена на урочистих зборах Товариства любителів вітчизняної словесності при Казанському університеті, 1851 р.), “О трудах, касающихся древнего славянского языка до М. Смотрицкого” (1851 р.), “Предварительные сведения, касающиеся литературы церковнославянской. О древней письменности славян” (1851 р.), “О древнейших памятниках церковнославянской литературы” (1851 р.), “Замечание о лексикальном изучении рукописей, писанных на древнеславянском языке” (1851 р.). У 1852 р. усі названі промови і статті, присвячені церковнослов'янській мові, були видані окремою книжкою під назвою “Статьи, касающиеся древнего славянского языка” (Казань, 1852 р. – 108 с.). Про важливість цієї праці писали у своїх рецензіях І.І. Срезневський, А.Є. Вікторов, О.О. Котляревський.

У 1865 р. в Одесі був відкритий університет, і В.І. Григорович охоче прийняв запрошення очолити там кафедру слов'янознавства. В Одесі він прожив останні одинадцять років життя. Найбільш значною працею одеського періоду слід вважати велику статтю “Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X столетия”. У 1875 р. В.І. Григорович вийшов у відставку і переїхав до Єлизаветграда (нині – Кировоград), де й помер у грудні 1876 року.

Частину рукописів зі свого зібрання В.І. Григорович подарував Одеському університетові, зокрема Хіландарські уривки, які тепер зберігаються в рукописному відділі Одеської державної наукової бібліотеки ім. О.М. Горького. Основна ж колекція рукописів була придбана вже після смерті вченого Рум'янцівським музеєм і тепер знаходиться в рукописному відділі Російської державної бібліотеки в Москві.

На пленарному засіданні конференції виступили: д-р філол. наук, проф., чл.-кор. НАН Білорусі, директор філіалу Інститут мови і літератури ім. Якуба Коласа і Янки Купали, Центру досліджень білоруської культури, мови і літератури НАН Білорусі О.О. Лукашанець, д-р філол. наук, проф., провідний науковий співробітник відділу загального мовознавства Інституту мовознавства Т.В. Радзівська, канд. філол. наук, доцент кафедри загального мовознавства та української філології Глухівського національного педагогічного університету ім. Олександра Довженка О.В. Прискока, д-р філол. наук, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова Є.М. Степанов, д-р філол. наук, проф., провідний науковий співробітник відділу загальнославистичної проблематики і східнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України В.В. Лучик, канд. філол. наук, проф., завідувач відділу зарубіжної фольклористики Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України Л.К. Вахніна.

Член-кореспондент НАН Білорусі О.О. Лукашанець у доповіді “Семантика лексики етномовної ідентичності в сучасному дискурсі” підкреслив, що В.І. Григорович, як і інші засновники вітчизняної славістики, у своїх працях багато уваги приділяв питанням Кирило-Мефодіївської традиції у слов'янських мовах і літературах, а також пошукам слов'янської ідентичності. Ці глобальні проблеми й сьогодні посідають чільне місце в колі славистичних досліджень і знаходять широке відображення в проблематиці міжнародних з'їздів славистів. Проблема слов'янської ідентичності на початку ХХІ ст. отримала своє специфічне відображення в аспекті підтримання й збереження національної специфіки окремих слов'янських народів та їхніх мов, літератур і культур у загальнослов'янському континуумі, а також збереження слов'янської ідентичності та слов'янських відмінностей у загальноєвропейському культурному просторі в умовах міжнародної інтеграції та глобалізації. Доповідач звернув увагу на особливості сучасного політичного й публіцистичного дискурсу та специфічне використання у ньому лексики етномовної ідентичності, спрямованої на формування певного світогляду й колективної свідомості. Він підкреслив, що свідомо маніпуляція лексикою етномовної ідентичності у двомовному слов'янському просторі, заангажоване використання сучасними мас-медійними засобами певної лексики дуже істотно впливає на політичну, ідеологічну і культурно-національну

специфіку розвитку слов'янського етномовного континууму і потребує спеціальної уваги не лише політиків, але перш за все лінгвістів. Гострота проблеми, на думку доповідача, полягає в особливостях публіцистичного й політичного дискурсу, оскільки сфера інтернет-комунікації, яка в наш час стає доступною практично кожному як у плані сприйняття інформації, так і несвідомого тиражування й публічної інтерпретації та маніпуляції передусім через форуми, створює умови для оперативного, стрімкого, лавиноподібного й цілеспрямованого впливу на індивідуальну й масову свідомість та сприяння у формуванні колективного негативного образу сусіда. Усе це, а також зміни, які відбулися у слов'янському мовному просторі на межі століть, складність сучасних взаємин між слов'янськими народами актуалізують, на думку доповідача, необхідність зміни стереотипів політичного й побутового мислення стосовно мовної сфери життя слов'янських народів, формування нової концепції як внутрішньослов'янської, так і слов'янсько-неслов'янської взаємодії, а також формування нових підходів до її реалізації, найбільш важливими серед яких є такі: а) визнання незаперечного права кожного слов'янського народу (великого чи малого) на свою державність і вибір власного вектора розвитку; б) зміна термінології, публіцистичної риторики й політичного дискурсу в сфері слов'янської мовної спільноти з позицій сучасних стандартів міждержавної та міжнаціональної політкоректності.

Професор Т.В. Радзівська у доповіді “В.І. Григорович та його відрядження у слов'янські землі 1844–1847 рр.: дискурс наукових звітів” розглянула один з важливих періодів наукового життя Григоровича, пов'язаний з його відрядженням у 1844–1847 роках до слов'янських земель Європейської Туреччини (сучасні Болгарія, Македонія, Греція, Хорватія, Сербія та ін.) та його відображення у текстах звітів. Подорож вченого, яка була здійснена з метою пошуку слов'янських писемних пам'яток та інших матеріалів для вивчення історії, культури, мов південних слов'ян, а також підготовча діяльність до неї, відбиті у виданні «Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям» (Казань, 1915. – 256 с.). Це видання, що складається з низки листів, звітів, проекту подорожі та ін., є найповнішим документом, який дає уявлення про обсяг зробленого дослідником, серед знахідок якого Марійнське Четвероевангеліє XI ст., Хіландарські листки, Охридський Апостол XII ст., Житіє св. Симеона Сербського тощо. Дослідниця запропонувала аналіз звітів В.І. Григоровича, основна частина яких писалась безпосередньо під час подорожі, у дискурсивному аспекті і показала, що вони характеризуються чотирма дискурсивними складниками, кожному з яких властиві свої мовленнєві засоби. Це 1) епістолярний дискурс офіційного типу, який відтворює зразки високого стилю з відповідними лексико-синтаксичними ознаками; 2) дискурс звіту, якому властиве максимально широке варіювання об'єктного компонента; 3) дискурс “щоденник мандрівника”, представлений повідомленнями про перебування дослідника в певній місцевості, фіксацією дат пересування та супутньої інформації; 4) науковий дискурс, який відображає ментальну діяльність дослідника та її результати, відбиті у певних формулюваннях, спостереженнях, припущеннях тощо. Їх розгляд дав можливість висвітлити особливості пошукової діяльності дослідника, риси його мовної свідомості, стиль роботи й мислення. У доповіді підкреслюється значення наукової експедиції В.І. Григоровича та її результатів для подальшого розвитку європейської славістики, палеографії, джерелознавства, теорії походження слов'янських мов та алфавітів. Знахідки Григоровича, поступово введені в науковий обіг у наступні десятиліття, створили джерелознавчу базу, що уможливило подальший розвиток історико-філологічних студій у галузі славістики.

Доповідь О.В. Прискоки “До питання про походження старослов'янських азбук” присвячена висвітленню деяких актуальних сучасних підходів до вирішення дискусійних питань щодо давніх слов'янських азбук. Дослідник нагадав, що В.І. Григорович у своїх наукових працях висловив кілька припущень щодо походження давніх слов'янських азбук: 1) знайдені Костянтином Філософом у Херсонесі книги (Євангеліє і Псалтир писані «роусьскы письмены») були виконані глаголицею; це положення підтримали М.К. Никольський (1928 р.); П.Я. Черних (1947 р.); Е.М. Епштейн (1947 р.), проте пізніше це припущення стали вважати малоімовірним; 2) глаголиця давніша за кирилицю; 3) Кирило створив глаголицю, а кирилицю винайшов Мефодій. Численні спроби відшукати джерела глаголиці в грецькому мінускулі, єврейській, самаритянській, латинській графіці, вірменському, грузинському, албанському алфавітах тощо зазнали невдачі. Основна причина – довільна фрагментарність матеріалу зіставлень, що веде до хибних висновків. У наш час

актуальною стає так звана містична ідея, обґрунтована Г. Чернохвостовим у 1949 році. Він виявив, що у малюнках літер глаголиці використані елементи християнської символіки: хрест – символ жертвоприношення Христа, трикутник – символ Трійці і коло – символ безкінечності. З цієї концепції випливає, що форма першої літери символізує хрест Христа. Він же пояснив символіку малюнків глаголических літер «іжеі» (трикутник згори, коло знизу) та «слово» (трикутник знизу та коло згори), які під титлом означають Ісус. Бельгійці Ф. Вінке та Р. Детрез, які в XX столітті осмислюють глаголицю як сакральний алфавіт, інтерпретують його на рівні мислення середньовічних вчених. Заслужують на увагу нові підходи до з'ясування походження глаголиці. Концепція Б. Ломажістро (Італія), оприлюднена на 13 з'їзді славистів у Любляні у доповіді “Глаголический алфавит між τέχνη і σοφία”, полягає в тому, що для пояснення своєрідності глаголиці потрібно зрозуміти, яким був підхід середньовічної людини до письма, і на підставі наявних джерел перевірити існування таких стереотипів у ментальності Костянтина. Ідучи цим шляхом через трактування «Сказання про письменна» чорноризця Храбра дослідниця досить переконливо пояснює ряд літер глаголическої азбуки. Б. А. Успенський (Росія) у статті “О происхождении глаголицы” (Вопросы языкознания, 2005, № 1) розглянув ідеографічні елементи в глаголическому алфавіті, подав нову інтерпретацію глаголических знаків “добро” й “віді” з семантикою “Давид”, виклав спостереження відбиття глаголическої традиції в пізніших східнослов'янських пам'ятках писемності.

Одеському періодові наукової діяльності авторитетного й багатогранного вченого-слависта присвячена доповідь Є.М. Степанова “Наукові ідеї та подвижницька діяльність В.І. Григоровича в розвитку одеської філологічної школи”. Діяльність ученого суттєво вплинула на становлення, розвиток і славистичні дослідження в галузі філології, історії, етнографії, правознавства починаючи з середини XIX століття. Головний науковий внесок В.І. Григоровича полягає в збиранні та накопиченні різноманітного матеріалу для подальших гуманітарних досліджень. Це свідчить про фундаментальний характер багатогранної діяльності вченого. Зібрані ним матеріали дозволили кільком поколінням вчених створювати й розвивати різні напрями досліджень у галузі славистики. В Одесі В.І. Григорович продовжив подвижницьку діяльність збирача, багато уваги приділяв організації навчального процесу в університеті й училищах болгарських, молдавських, гагаузьких сіл Бессарабії, методиці вивчення слов'янських старожитностей, сучасних слов'янських мов і їх діалектів. Спільно з професором Ф.К. Бруном В.І. Григорович започаткував ономастичні дослідження в Одесі на матеріалі регіональної топонімії. В університетських курсах В.І. Григоровича органічно переплітаються новітні науки та педагогічні знання. Учений використовує порівняльну методику. Він відстоює ідеї комплексного підходу до вивчення проблем славистики, у зв'язку з чим багато з досліджуваних ним проблем набувають філософського звучання. Одним із перших В.І. Григорович звернувся до проблеми білінгвізму при вивченні близькоспоріднених мов. Усі праці В.І. Григоровича одеського періоду були видані за редакцією проф. М.Г. Попруженка в книзі “Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете” (1916 р., т. 25), серед яких найголовніші: «Как выражались отношения константинопольской церкви к окрестным северным народам в начале X в.» (1866 р.), «Из летописи науки славянской» (1871 р.), «Я.А. Коменский, славянский педагог-реалист XVIII в.» (1871 р.); «Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус и пр.» (1874 р.), «Об участии сербов в наших общественных отношениях» (1876 р.). Після смерті В. І. Григоровича в “Трудах киевского археологического съезда” було надруковано ряд рефератів ученого, а проф. А.І. Смирнов у Варшаві та Воронежі видав три збірки університетських курсів лекцій ученого.

Яскравими представниками одеської славистичної школи в XIX ст. були колеги та учні В.І. Григоровича акад. П.С. Білярський, проф. Ф.І. Леонтович, проф. Б.В. Богишич, акад. Г.В. Ягич, проф. І.С. Некрасов, акад. Ф.І. Успенський, проф. О.О. Кочубинський, акад. Д.М. Овсяннико-Куликовський, проф. О.І. Маркевич. Продовжувачі традицій цієї школи на зламі XIX–XX ст. – академіки Б.М. Ляпунов і В.М. Істрін, проф. В.М. Мочульський, проф. М.Г. Попруженко, проф. С.Г. Вілінський, доц. О.В. Ристенко, проф. Казанського ун-ту Є.Ф. Будде, проф. Харківського ун-ту С.М. Кульбакін. У післявоєнний період ціла плеяда вчених розвиває традиції одеської школи славистики. Серед них проф. П.Й. Потапов, проф. Н.І. Букатевич, проф. Н.В. Коссек, чл.-кор. НАНУ Ю.О. Карпенко, проф. А.К. Смольська, проф. Д.С. Іщенко, проф. В.О. Колесник, проф. О.А. Войцева,

доц. О.В. Мальцева, інші дослідники. Крім давно відкритих навчальних спеціальностей українського та російського філолога, в Одеському національному університеті імені І.І. Мечникова протягом останніх 20 років було створено умови для підготовки спеціалістів з болгарської, польської, сербської і хорватської філології.

Професор В.В. Лучик у доповіді “Найближчий топонімний простір В.І. Григоровича: історико-етимологічний аспект” проаналізував топоніми, що називають населені пункти й країни, де пролягав життєвий і творчий шлях В. І. Григоровича. Ці географічні назви виникли завдогдо до проживання у відповідних місцях видатного славіста, тому їхня етимологія до певної міри характеризує те етномовне середовище, яке панувало на час засвоєння цих територій і зберігається подекуди донині. Найближчий топонімичний простір В.І. Григоровича утворюють: назви поселень Балата, Умань, Харків, Дерпта (Тарту), Казань, Москва, Одеса, Єлисаветград; назви країн і земель Україна, Росія, Греція, Македонія, Болгарія, Румунія, Австрія, Далмація, Чорногорія, Сербія, Італія, Чехія. За своїм походженням вони є переважно автохтонними для місць функціонування, і лише поодинокі з них привнесені іншими етносами (наприклад, на засноване 1793–1794 рр. місто Одесу було перенесено відповідну назву поселення, яке локалізує в околицях Варни).

На секційних засіданнях учасники конференції розглянули широке коло актуальних питань славістики, що торкаються мовної та загальної культурологічної тематики.

У доповіді канд. філол. наук, ст. наук. сп. відділу західно- і південнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні Т.Я. Марченко “Історичний розвиток суфіксальних одиниць у слов'янському словотворенні” йшлося про значення старослов'янської мови для реалізації реконструкції прамови. Беручи до уваги процеси словотворення у старослов'янській мові, слід зважати на те, що ця мова була створена штучно для перекладу Книг Святого письма та написання інших релігійних текстів, тобто для обслуговування релігійного культу й поширення християнства серед слов'ян. Вона стала однією з чотирьох Богослужбових мов, які використовувалися в християнському Богослужінні у той час. Такий особливий статус мови означав, що вона була обмежена регіонально, тематично, лексично, граматично, стилістично, а відтак, репрезентує лише один, вузький, сегмент загальнослов'янського мовного простору. Це стає очевидним при ознайомленні з матеріалами етимологічних словників слов'янських мов, особливо з матеріалами Етимологічного словника української мови, реконструйованим лексичним матеріалом, викладеним у Словнику праслов'янської мови, у Етимологічному словникові слов'янських мов. За тогочасною європейською традицією, Богослужбова мова була мовою літератури, науки. Старослов'янська мова стала книжною мовою у православних слов'ян, на зразок латини в Західній Європі, і на тривалий час стримала розвиток літературних слов'янських мов на основі народних розмовних мов. За свідченнями Ватрослава Ягича, на Балканах, у народів, які сповідували православ'я і де старослов'янська мова вживалася у Богослужіннях, існувала пряма заборона з боку церковної і світської влади на використання народних розмовних мов у створенні релігійних і світських текстів. Подібна ситуація, як випливає з деяких свідчень, була і в Україні. Церковнослов'янська мова, яка увібрала регіональні мовні особливості і утвердилася як книжна, використовувалася переважно в релігійній літературі, але оскільки широкому загалу вона була не зрозумілою, то з часом стала мертвою.

У доповіді канд. філол. наук, наук. сп. відділу західно- і південнослов'янських мов В.Є. Федонюк “В.І. Григорович у його зв'язках із П.Й. Шафариком” об'єктом уваги стала діяльність цих учених, пов'язана з вивченням слов'янства, історії, культури, мови та літератури південних слов'ян. В.І. Григорович першим серед філологів побував на теренах європейської частини тогочасної Османської імперії. Результатом цієї експедиції стало зібрання різноманітних етнографічних, топографічних, краснорічних, фольклорних та інших важливих матеріалів, що дозволяє вважати його одним із засновників наукового вивчення південного слов'янства. Здобутки вітчизняного славіста розглядаються на тлі характеристики джерел, що мали у своєму розпорядженні представники найбільш авторитетної на той час празької славістичної школи, до якої належав і П.Й. Шафарик. Згадуються, зокрема, начерки анонімних мандрівників з відомостями про македонських жінок та дівчат на околицях Солуні, про одяг та деякі народні звичаї місцевих жителів цього краю, вміщені в журналі «Světovar» у 1833–1834 рр., коли його редактором був П.Й. Шафарик; переклади подорожніх нотатків Ф.Ш. Пукевіля, В.М. Ліка, А. Буе, А. Гризебаха, Д. Міллера та ін. з інформацією культурно-історичного та етнографічного характеру за період 30-тих років

XIX ст. Універсальний підхід, який В.І. Григорович застосував до вивчення південного слов'янства, дозволив скласти етнографічну мапу Балканського півострова, на підставі якої П.Й. Шафарик визначив межі заселення цієї території болгарами та сербами в дослідженні «Slovanský národopis».

Канд. філол. наук., ст. наук. сп. відділу загальнославистичної проблематики і східнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України І.Ю. Гальчук у доповіді “Витоки та особливості функціонування церковнослов'янського наголосу” повідомив, що термін старослов'янський наголос або наголос у старослов'янській мові вживається дуже рідко, оскільки рукописні старослов'янські пам'ятки не акцентовані. Історична акцентологічна наука оперує поняттями праслов'янський наголос, давньоруський наголос, церковнослов'янський, староукраїнський наголос. Дослідження давньоруського наголосу також є проблематичним. Адже в мові давньоруського періоду (а саме так, зважаючи на неоднорідність мови пам'яток з різних територій, коректніше її називати) ми не маємо достатнього акцентуаційного матеріалу. Наголос у писемних пам'ятках за поодинокими винятками не проставлено. Послідовно, починаючи з XVI ст., акцентують друковані видання, переважна більшість яких має релігійне спрямування. Ця традиція уводиться з метою уніфікувати наголос богослужбової відправи. Проте, як засвідчує порівняльний аналіз, наголошення давніх друкованих пам'яток слов'янських народів, зокрема граматики М. Смотрицького 1619 р. з дещо переробленим її московським перевиданням 1648 р., українські стародруки мають відмінний від російського, сербського та інших південнослов'янських наголос. Натомість розбіжності в наголошенні наших стародруків, авторами яких були переважно вихідці із західноукраїнських земель, за діалектним принципом незначні й майже непомітні. Традиційне церковне наголошення в українських стародруках виокремити не просто. Якщо монолітності бракувало у фонетичній, граматичній та інших системах церковнослов'янської мови (що знаходило відображення на письмі), то єдиної акцентної системи, яка до початку книгодрукування могла існувати тільки в усній формі, ніколи не було й поготів. Наголошення в церковнослов'янських пам'ятках українського походження базувалося на українській акцентній системі. Підстави для такого твердження дає нам порівняльний аналіз пам'яток, написаних церковнослов'янською мовою українського та московського зразків. Стара проблема: як читати старослов'янські та давні церковнослов'янські неакцентовані тексти, – не має стосунку до наголосу в цих текстах, а ґрунтується на виборі зразка.

У доповіді к. філол. н., ст. наук. сп. відділу мов України Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України Л.О. Андрієнко “Церковнослов'янська мова в українській бароковій літературі XVII ст.” порушувалися питання про екстралінгвальні та власне мовні чинники багатомовності української барокової літератури, розквіт якої припадає на першу половину XVII – другу половину XVIII ст. Зокрема йшлося про місце, роль і культурну місію церковнослов'янської мови, наголошувалося, що багатомовність української літератури доби бароко не була всеохопною. Це була дво- три- та багатомовність саме творців та споживачів цієї літератури, тобто високоосвічених представників української еліти, і насамперед духовної. Адже й самі українське бароко, за визначенням Дмитра Чижевського, не було таким універсальним явищем, як бароко Заходу, оскільки в українському мистецтві й літературі духовні елементи мали значну перевагу над світськими. Більшість письменників цього періоду залишили спадщину двома-трьома мовами. Так, Дмитро Туптало писав релігійно-медитативну лірику церковнослов'янською, листувався з найближчими приятелями та колегами найчастіше польською, рідше латиною; проповіді й духовні вірші українського періоду творив сучасною йому українською мовою; Лазар Баранович писав церковнослов'янською та польською, Іван Величковський послуговувався книжною українською. Вибір мови залежав від жанрово-стильової парадигми; призначення твору, аудиторії, якій він адресувався; рівня освіченості та мовної свідомості письменників. На тлі гострого українсько-польського конфесійного протистояння безперечним символом православ'я, маркером русько-православної ідентичності і невідмінним атрибутом високого стилю стала саме церковнослов'янська (слов'яноруська) мова. Між церковнослов'янською мовою та українською літературною пролягла на той час чимала дистанція, що дало підстави П. Беринді в передмові до свого “Лексикону...” зауважити: “... Церковнослов'янська мова вже настільки трудна, вже так мало її розуміють, що й сама церква українська стає немилію для її власних синів”. Тому в таких жанрах, як церковна про-

повідь, що *a priori* була зорієнтована на перцептивні можливості слухачів, слов'яноноруська мова використовується дуже обмежено. Насамперед, у сентенціях, епіграфах, цитатах, що слугували для письменників джерелом натхнення, відправною точкою для розвитку думки, а для посполитого люду виступали неперечним авторитетом на підтвердження тих чи інших положень казання; окремі церковнослов'янськи використовувалися з метою стилізації й декорування тексту, посилення експресії. У філософській та духовно-медитативній поезії українських авторів присутність церковнослов'янської мови є відчутнішою. Церковнослов'янська мова і репрезентована нею православна культурна традиція виступають стимулятором відповідних поетичних форм. У молитовних "вінцях", різдвяних і великодніх піснях, покайних віршах поети спираються передусім на систему вербальних образів, сугестованих Святим Письмом. Біблійні впливи відчутні як на сюжетно-тематичному рівні, коли старо- та новозавітні сцени використовуються для осмислення подій світського або церковного життя, так і в образно-художній тканині барокових поетичних творів, зокрема в їх тропіці. Йдеться про використання символів *виноградної лози, ягняти (агнця), крину (лілеї), світла, хреста (многоцвітного древа)*, мотивів плінності й марності людського життя тощо.

Отже, в українському культурному континуумі XVII – другої половини XVIII ст. слов'яноноруській мові належала почесна місія сакральної мови, що було загальноприйнятою практикою середньовічної Європи і довгий час мало свій відгомін в інших часах. Пускаючи коріння в український ґрунт, мова ця була щитом і мечем, що захищав українство від культурно-релігійної експансії католицького заходу, і водночас, на жаль, була перешкодою, що стримувала повноцінний розвиток української мови на живомовній основі, особливо ж після сумнозвісних реформ і тиску московської цензури.

Доповідь докт. філол. наук, професора Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка Л.П. Гнатюк було присвячено дискусійним питанням викладання старослов'янської мови у вищій школі. Доповідач звернула увагу на три проблеми: а) дискусійним залишається питання про кількість приголосних фонем у старослов'янській мові. У підручниках і посібниках вітчизняних (А.В. Майборода; М.Ф. Станівський; О.І. Леута) і зарубіжних (Г.О. Хабургаєв; О.М. Камчатнов; Г.А. Турбін і С.Г. Шулежкова; М.Л. Ремньова; В.Д. Бондалетов, М.Г. Самсонов і Л.М. Самсонова; Л.І. Соболева) авторів кількість фонем варіюється від 23 до 32. Така розбіжність зумовлена тим, що не всі звукові одиниці старослов'янської мови мають усі ознаки фонем, тобто виконують слово- і форморозрізнавальну функції; б) якою була фонема **в** – сонорною чи шумною дзвінкою; хоча в більшості підручників її подано як шумну дзвінку, на користь того, що вона була сонорною, свідчить паралельне написання тих самих слів старослов'янської мови з **в** та **оу**; в) у багатьох підручниках і посібниках, навіть тих, які вийшли після публікації «Старославянського словаря» за ред. Р.М. Цейтлін, Р. Вечерки та Е. Благової (1-е вид. – 1994, 2-е вид. – 1999), наводяться слова і форми, насправді не засвідчені в пам'ятках старослов'янської мови (хоча вони й могли існувати у старослов'янській мові, адже лексика старослов'янських пам'яток не відображає всього лексичного складу старослов'янської мови). Матеріали названого словника, який містить близько 10 000 лексем, дозволяють проілюструвати всі процеси і явища праслов'янської та старослов'янської мов, які розглядаються в університетському курсі старослов'янської мови, лексичними одиницями та їх словоформами, реально зафіксованими в старослов'янських рукописах.

Учасники конференції у своїй резолюції підкреслили, що наукова постаць видатного ученого-славіста В.І. Григоровича заслуговує на особливу увагу з боку представників наукової спільноти, а його праці досі залишаються цінним джерелом для опрацювання й інтерпретації з огляду на сучасний стан розвитку славістичних досліджень.

IN MEMORIAM

БЪЛГАРСКАТА И БАЛКАНСКАТА ИСТОРИЯ В СПЕКТЪРА НА НАУЧНАТА ДЕЙНОСТ НА Д.И.Н. РИТА ГРИШИНА

С. Миланова

На 25 март 2015 г. д.и.н Рита Гришина навърши 85 години, което беше повод за публикуването на настоящата статия. За съжаление, нейният жизнен път завърши на 19 май 2015 г. Историческата наука загуби един ерудиран изследовател, чиито научни трудове ще продължават да се четат и цитират от руски и чуждестранни учени. Д.и.н Р. Гришина има своето забележимо място в областта на българистиката с многобройните си научни изследвания и утвърден професионализъм. В нейна памет остава написаният материал за приноса ѝ в изясняването на въпроси от българската история.

* * *

„Ведущий научный сотрудник“¹ Рита Гришина започва и приключва професионалната си кариера в Института по славянознание при Руската академия на науките. Тя е доктор на историческите науки, учен с дългогодишна изследователска практика. Научната ѝ дейност е многообразна по разработени идеи и многопластова като схващания. В трудовете си анализира сложни теми от българската и балканската история, които са професионален избор, съзнателно търсен и характерен за стила ѝ. Нейният изследователски подход е насочен към обстойно проучване на всички възможни източници, за да изгради аргументирано становище по конкретен въпрос, да постави своята концепция върху солиден документален и историографски фундамент. Р. Гришина е автор на две монографии, едната е за социално-политическия феномен фашизъм в българските му изражения, другата е посветена на многоликата същност на модернизацията в неразвитите аграрни общества като България. Книгите имат принос в изследването на трудната проблематика за обществени явления с европейски генезис, но със своеобразни форми на приложение в отделните държави. Написва и десетки научни статии, с които подпомага разбирането на балканските особености, формирани се в хода на историческия процес. Българистката подробно се занимава с дейността на известни български политически фигури, за да достигне до първопричините за техните постъпки, за да открие факторите, на които те са подвластни. В публикациите си изяснява типични сходства в държавно-политическото развитие на страните от Централна и Югоизточна Европа след Втората световна война.

В настоящата статия се представят главните линии от изследователската дейност на д.и.н. Р. Гришина от последните двадесет години по няколко съображения. Важен аргумент е променената политическа ситуация през 90-те години на ХХ в., в която се създават обективни предпоставки учените да разработват свободно избрани теми, които по-рано са били политически недопустими, както и да използват секретни архивни материали от фонда на Коминтерна и на Политбюро на ЦК на РКП (б)–ВКП (б)². Откритият достъп до архивите тя оползотворява, за да издири и проучи неизвестни документи, които влизат в научно обращение чрез нейните изследвания. Значението им е важно за историята, за научните анализи на редица автори, които правят преоценка на предишни концепции и уточняват факти в полемични тези. Публикациите, които се разглеждат в статията, обхващат проблеми в широк изследователски диапазон. В тях авторката прилага интердисциплинарен метод, за да изложи вижданията си в нова посока на разсъждения. Историографската основа, върху която ученият конструира своите виждания, е съвременната научна литература от различни направления, с което се обогатява информацията и се разширяват възможностите за творческа работа.

Накратко за професионалната биография на д.и.н. Р. Гришина. Научната си кариера започва с аспирантура в Института по славяноведение при Академия на науките на СССР и разработва темата за работническото движение в България, която за времето си има не само приоритетно значение, но и остава недостатъчно проучена³. През 1963 г. успешно

защитава дисертацията: „Рабочее движение в Болгарии в 1928–1931 гг.“, за който труд ѝ се присъжда научната степен „кандидат на историческите науки“. В изследователска си дейност като младши научен сътрудник в същия Институт тя разширява проучванията си и анализа на работничеството, неговите стачни борби, политическата намеса на работническата и комунистическата партия в техните действия, внимание проявява към селяните, които са основна социална единица на аграрна България, към тяхната партия, идеология и управление, задълбочава се в „македонския въпрос“. Превратът от 9 юни 1923 г. и кризисните процеси, които обхващат България след двете национални катастрофи, я ориентират към проучване корените на фашистката идеология, намира паралели в политическите системи на държавите от Централна и Югоизточна Европа през 20-те години на XX в.

Рита Гришина подготвя за издаване в София монографията „Возникновение фашизма в Болгарии 1919–1925 гг.“, която излиза през 1976 г.⁴ Книгата е от първите сериозни научни изследвания на фашизма в България, които предизвикват професионален интерес в научните среди. Издателството на БАН отпечатва допълнително количество екземпляри, поради изчерпването на тиража ѝ, което за научна литература е забележимо постижение. В изложението авторката подлага на разностранна трактовка обществено-политическите условия, които благоприятстват появата на силна идейна доктрина, гъвкава и приспособима под различни форми в отделни страни, като разглежда същността ѝ в българската специфика. Същевременно тя отделя внимание и на македонската проблематика, анализира дейността и социалния състав на ВМРО, която се легитимира като политически субект в обществения живот на България със свои идейни възгледи и цели, изяснява нейните взаимоотношения с други организации, спира се на различните течения сред македонската емиграция в България. Важно е да се припомни, че Р. Гришина пише по тези въпроси през 70-те години на XX в., когато историците в Москва са лишени от възможността да използват в разработките си думата Македония⁵.

Тя представя монографията „Возникновение фашизма в Болгарии 1919–1925 гг.“, за докторска защита през 1978 г. в Единния център за наука и подготовка на кадри по история при БАН. Специализираният Научен съвет присъжда на Р. Гришина научната степен „доктор на историческите науки“ за приносното значение на труда ѝ. Тя заема длъжността старши научен сътрудник, а по-късно е утвърдена за „ведущий“ научен сътрудник в Института по славяноведение и ръководи „Отдел истории славянских народов периода мировых войн“.

В енциклопедичния справочник „Чуждестранна българистика през XX век“ се съдържа библиографска информация за научните трудове на д.и.н. Р. Гришина до началото на 2000 г.⁶ Има справка на Института по славянознание при РАН за излезлите ѝ трудове до 2011 г.⁷ Въз основа на посочените източници, тя може да бъде характеризирана като учен, който работи в хронологичен период, наситен със събития, драматични за България. Нейните изследвания изясняват, но и поставят на дебят важни детайли от държавно-политическата система, от механизма на държавното управление и неговите сегменти. Авторката съпоставя принципите на Търновската конституция с нивото на развитие на обществото в условията на неизбежни промени. Тя търси обяснение на причините за трудната модернизация във всички посоки и в социокултурна връзка. В сложния конгломерат от взаимодействия и зависимости, релативни с действията на политици и държавници, Гришина разкрива влиянието на външните и вътрешните фактори върху поведението на властта, откроява силните на момента политически фигури, като се стреми да пресъздаде достоверно българската действителност в края на XIX в. и началото на XX в.

Д.и.н. Р. Гришина разглежда историческото развитие на българското население в контекста на балканската специфика и в общеевропейски план. Тя предлага и започва да анализира колективния проект „Балканските народи и процесът на модернизация (втората половина на XIX–XX в.)“⁸ с други учени от Института по славянознание при РАН. В изследователския план влизат анализи на преобразователните процеси, които протичат в Балканския регион, както и характеристика на социалната структура на аграрните общества на балканските държави с осмисляне на тяхната вътрешна реакция към промените. Учените възнамеряват да проследят социокултурните вектори, които преминават и през конфесионалните въпроси, и през етнополитическите прояви, без да отбягват появата и на нови направления за изяснение.

Историческите пластове на народната памет са прорязани от линии на особен консерватизъм и психика, присъщи за населението на Балканите, които се формират и наслагат в течение на векове в условия на робство. Авторите се стремят да обрисуват типични черти на менталността на балканския човек, които неизбежно са подложени на разпадане и изменение в процеса на модернизация. Учените следват антропологичния принцип и поставят в центъра Homo balcanicus. Резултатите от изследванията са отразени в серия проблемно-тематични сборници под общото название „Човек на Балканах“. Заглавието е авторски дар от акад. Г. Г. Литаврин⁹.

В бележките се дава библиографска справка на отделните издания с цел да се подчертаят интердисциплинарните измерения, които са заложили в проекта, както и да се получи представа за тематичната насока на самите предисловия¹⁰.

Д.и.н. Р. Гришина е отговорен редактор на научната поредица, като от № 6 работи съвместно с д.и.н. А. Л. Шемякин. Тя написва предисловието към пет излезли книги, а в № 6 и в № 7 същите са в съавторство. Всяко от тях представлява обособена, неголяма статия, в която изследователката разяснява методологията или особеностите на различните аспекти на модернизацията, съобразно проблематиката на сборника. Предисловието са концептуални, което тя постига със задълбочен анализ и синтез на целия представен материал. Д.и.н. Р. Гришина влага много труд и мисъл в научната подготовката на встъпленията, поради обзорния им характер, и насочва вниманието към различните авторски виждания по възлови въпроси, които са тематично общи, но в един по-тясно профилиран формат.

В първия брой от серията „Човек на Балканах“ българистката участва със статията си за мюсюлманската общност в България¹¹. Нейният замисъл е да обоснове причините за сложността на казуса. За целта тя съпоставя статистически данни, тълкува религиозните правила за духовно управление на мюсюлманите, коментира управленски решения и тяхната корелация с политически събития от вътрешно или международно естество, позовава се на руски и български изследователи. Несъмнено професионалните въпроси, които засягат етнически турци в България и българско население с мюсюлманско изповедание, се политизират перманентно през годините след Освобождението. Официалната българска власт и управляващите в Турция разглеждат техния религиозен живот еднопосочно, в конюнктурен план, с което допълнително затрудняват социалната им нагласа и поведение и утежняват взаимоотношенията. Авторката споделя извода, че комплицираният мюсюлмански проблем в междувоенна България е проблем на обществено-политическата интеграция на всички нейни граждани¹². Всъщност опозицията власт–мюсюлманска общност се създава отгоре, породена от липсата на зрялост в българските правителства да изготвят държавна стратегия за единение на обществото, без да се посяга на религиозните различия. Търновската конституция предпоставя демократични правни насоки, но нейните принципи остават неприложими в политическата реалност на освободена България.

Д.и.н. Р. Гришина продължава дискурса за българската православна църква, за да изрази и своето отношение към „феномена“¹³. Според нея религията и дейността на църквата в сферата на социокултурните връзки, влизат в системата на неотменимите фактори на модернизационните преобразувания. Изследователката поставя в съпоставителен план трите направления на християнската религия – протестанство, католицизъм и православие, с цел да открие отношението на техния клир към модернизационните реформи още в ранния им етап и достига до обобщаващи констатации. Тя установява, как традиционната религиозна политика с течение на времето постепенно се трансформира и развива, с което църквата успява да приспособи позицията си към настъпилите промени и да отговори на обществените потребности с нови функции и по-различни форми на взаимоотношения между общество и църквата, които ѝ позволят да запази силно своето влияние сред социалните слоеве.

Руският учен разглежда процесите на модернизация в България, които независимо от бавния си темп, се осъществяват, докато Българската православна църква (БПЦ) стои встрани от тях. Конфесионалната институция, както показват българските автори, се оказва не толкова духовно средище, колкото политическо учреждение, поради което не изпълнява присъщите ѝ задължения към обществото, загубва тежестта на морална опора и авторитет у православните християни. Същевременно църквата не се опитва да помогне на модернизиращата се държава, която и не го изисква от нея, за да се осигури вътрешна стабилност. Авторката цитира думите на И. Кацарски: „историческият път на БПЦ – ней-

ната пасивност¹⁴, като подчертава и натискът на други конфесии върху религиозното съзнание на православните българи.

Социокултурните аспекти на статията разширяват обсега на становища за българската православна църква. Изследователката обръща внимание и на дискуссионните въпроси за нацията, националната държава, националните идеи, националните интереси, националният характер, както и за ролята на религията, на църквата при формирането на национално съзнание. Защото те имат значение за модернизационните преобразувания, в които участва посвоему балканският човек.

В разработката си за монархията и нейните поданици д.и.н. Р. Гришина поставя като отправна точка за разсъждения следосвобожденските обществени условия в България, в които трябва да се изгради нейното вътрешно държавно устройство, съобразно принципите, предпоставени в Берлинския трактат¹⁵. На тях съответства установяването на конституционна монархия и развитието на парламентарна система, които са съвременни държавно-политически форми и съдействат за политическото и обществено развитие на европейските държави. Авторката констатира несполучливия опит да се внедри западен институционален вид в суровата балканска реалност. Монархическата институция се посреща с неразбиране от българското общество, поради отсъствието на държавнически дух, което рефлектира на възприемането ѝ като „чуждо тяло“. Нейният извод е, че причините трябва да се търсят и в различните стартови нива на средноевропейските и на балканските държави¹⁶.

Българистката отбелязва отношенията на отчуждение между монарха и поданиците, което раздалечава престола от управляваното население, от политическите партии, от заможната стопанска прослойка. Тя обръща внимание на неустойчивото положение, на несигурността на владетеля вътре в страната, които определя като постоянно действащ фактор, субективно добре осъзнат. В статията се аргументира мнението, че въпреки превратностите, монархическият институт устоява при Фердинанд, наследен от неговия син Борис III, но не успява да се превърне в солидна опора в България до средата на 30-те години на XX в.¹⁷

Д.и.н. Р. Гришина съпоставя режима на Ст. Стамболов с постигнатите първи съществени успехи в икономическата модернизация на страната. В конкретния български пример се потвърждава постановката за резултатност в определени условия на авторитарния модел на модернизация. В един по-късен период, междувоенния, след националните катастрофи, приоритетите на държавата се променят и за сериозни реформи не се мисли.

Многопосочна е статията на руския учен за опита на България да постигне социализирана модернизация¹⁸. Тя изследва началото на модернизационните процеси, които протичат в условията на изграждане на нова държавно-политическа система. Върху тях определено въздействие оказва характерният за неразвитите общества идеализъм, който деформира отношението към реалността, възпрепятства адаптацията към новото.

Д.и.н. Р. Гришина отбелязва и друга съществена черта на преобладаващия в балканския политически свят природен идеализъм, който създава илюзорни представи в местния управляващ елит, че именно модерните европейски политически институти и доктрини са способни да подготвят обществото за социално-икономически изменения, както и непосредствено да ги породят. Нереални са и амбициите да се приобщят към семейството на европейските държави¹⁹.

Изследователката характеризира ролята и мястото на държавите в организирането на процеса на модернизация, особено в случаите, когато самите реформи не са достатъчно обосновани и се опират предимно на чуждия опит. Реципирането се осъществява механично, на неподготвен терен, с което е свързана и ограничеността на опита за социализирана модернизация в България²⁰.

През 2008 г. научната поредица продължава с труда на д.и.н. Р. Гришина „Лици модернизации в Болгарии“²¹. Заглавието на монографията въвежда в трудна и специфична материя, каквато е модернизацията и за която не се отнасят елементарните констатации за позитивно или отрицателно възприемане на промените, защото новото и старото съществуват едновременно, вплетени взаимно, и е изключително трудно да се обособят самостоятелно. Авторката стига до убеждението, че за да представи в пълнота поставеният проблем, трябва да се опишат „лицата“ на модернизацията, които се променят в еволюционните етапи, в зависимост от темповете на разгръщането ѝ.

В монографията се анализират основните линии на модернизационния процес в България, мотивират се социално-икономическите предпоставки за модернизацията в стопанската и политическата сфера, изясняват се настъпващите промени в тяхната структура, характеризира се менталността на селския човек, разчупването на стереотипите в поведението на населението към новите обществени и стопански форми на развитие, разглеждат се въпроси за движението на социума от архаизма и традиционността към съвременното общество.

Изследователският материал съществено е преработен и допълнен в сравнение с предишните статии по темата и е разгледан в по-различни социални параметри, което допринася да се обнови интерпретацията на историческия процес в страната. Книгата е стъпила върху солидна историографска основа. Руският учен оценява постигнатите от други автори резултати, използва ги творчески, сравнява отделните мнения, аргументира вижданията си по дискуссионните въпроси, формулира своята концепция с убеждението, че същата е отворена за преосмисляне, когато има силни доводи. Монографията е историографска по характер²².

Д.и.н. Р. Гришина внася нови елементи в разбирането на руската външна политика към Балканите през 70-те години на XIX в. в статията си в следващия сборник от серията „Човек на Балканите“²³. Тя пише за руската дипломация, която се опира на мирогледа за славянското етнорелигиозно единство, което включва православие заедно с общите славянски корени. Нейният извод е, че тази идеология остава неразбрана на Балканите поради по-другата си менталност. Именно това не отчитат царските дипломати и допускат постоянно грешки във външната политика.

Балканските войни подробно са разработени в българската и чуждата историография. Изследователският ъгъл, който д.и.н. Р. Гришина избира, е насочен към анализ на взаимоотношенията власт и общество в България в периода 1912–1913 г.²⁴ На теория те се намират в постоянно взаимодействие помежду си. Тя ги разглежда като субекти, които нямат равнопоставен статут един спрямо друг, тъй като властта притежава значително повече средства за въздействие на обществото. Оттук българистката извежда своя въпрос: дали е възможна обратната ситуация? Отговор за такъв нестандартен случай дават събитията от 1912 г. в България.

Разглежданият период в публикацията се характеризира като време на дълбока вътрешна криза, когато отношенията между общество и власт се проявяват контрастно и крайно противоречиво. Илюзорното единение между управляващи и управлявани изчезва след неблагоприятния развой на събитията и последвалата национална трагедия. Авторката търси обяснение и във фактора невисока политическа култура. Ниското ниво негативно се отразява в политическите и дипломатически действия за постигане на издигнатата цел.

Д.и.н. Р. Гришина разисква на социокултурно ниво взаимоотношенията и прави преценка за незрялост, неспособност на българската държавна власт да постави пред обществото изпълними и разумни задачи. Особено силна е изследователската ѝ констатация, „че мечтата на народа за обединение още не е *реална необходимост*“. Всичко с времето си. Тя аргументира твърдението си аналитично точно. Управляващият елит се опира на развълнуваното обществено мнение през 1912 г., без да има стратегия за реализация на националните интереси. Неговата политическа недалновидност рефлектира върху неуспешния за България изход от Балканските войни, от които следват невъзвратими последици – териториални загуби с много загинали. Властта не осъзнава катастрофата като резултат на погрешна външнополитическа стратегия, което води до последваща национална трагедия²⁵.

Руският учен се стреми да разбере посредством действията на българския дипломат Д. Ризов подробности както за самия него, така и за политиката на правителството²⁶. Балканските войни се превръщат за българската дипломация в първи опит да приложи своите сили в бойните за страната условия. Изследователката се спира на причините за трудностите, които възпрепятстват този опит: липсата на професионализъм и недостатъчната практика, дипломатите не следват принципна линия, тъй като такава няма изработена, не владеят нужните похвати, а също не им достигат знания и образование. Личността на Д. Ризов е сложна, противоречива, натоварена и с превратностите на времето, и със собствени негативи, и с посочените по-горе слабости. Но името му е свързано с официалната българска политика и е част от националната история, затова е важно да се споменава от авторите, според д.и.н. Р. Гришина. Тя посочва труда на руския изследовател

Г. Д. Шкундин за дейността на Д. Ризов по време на Първата световна война, който успява обективно да обрисова неговия портрет²⁷.

Българистката подлага на задълбочен анализ намесата на Русия в Балканския съюз, който се създава в навечерието на войната²⁸. В статията се анализира ролята на България в подготовката на договора със съседна Сърбия, тайните споразумения, които се формулират, без да са добре обмислени и обвързани с гаранции.

Военната тема д.и.н. Р. Гришина продължава със съвместната публикация с д.и.н. А. Л. Шемякин, посветена на съдбата на балканските съюзници, но със съвременен поглед²⁹. Авторите разглеждат предисторията на Балканските войни, когато държавите от Балканите поемат самостоятелен път на развитие и се опитват да приспособят европейските политически и стопански форми към своята специфика. В началото на ХХ в. те са изправени пред избора: модернизация или война, но избират войната, за да решат териториалните си претенции. Руските учени разкриват един по-различен аспект за изследване на балканските съюзници, който им позволява да формулират интересни изводи за периода 1912–1913 г.

БЗНС е от предпочитаните изследователски теми на д.и.н. Р. Гришина, на която тя отделя значимо внимание. В разглежданата статия тя акцентира върху обществената дейност на Земеделския съюз, който се противопоставя на войната³⁰. Политическата организация на българските селяни, които са масовият социален слой от населението, поставя миролюбивото като един от основните съюзни принципи. Селската душевност отхвърля войната като неприсъща и чужда, което се възприема от земеделските идеолози Ал. Стамболийски и Ст. Омарчевски. В техния идеен мироглед се отстоява само мирният път на национално обединение.

Характерно за авторския маниер на изследване на д.и.н. Р. Гришина е да си поставя непретенциозни задачи за изпълнение, което ѝ позволява да детайлира конкретния проблем и да внесе със своята интерпретация нови допълнения. Така например в публикацията си за настроеността на българските селяни в навечерието на земеделското управление, авторът съсредоточава вниманието си върху епизоди от политическия живот в България през 1918–1919 г.³¹ Целта е да изясни в каква степен радикалната група в ръководството на Съюза, начело с Ал. Стамболийски, разчита на подрепата на селските маси по пътя си към властта, като се разтълкува представата на селяните за възможни реформи, насоките на техните искания. Изследователката се опитва чрез архивните документи, които съдържат оригинални, собственоръчно написани писма от селски жители, да „чуе“ от миналото техния жив глас, да почувства обществените им нагласи за политически действия. Тя съзнава всички условности в работата на историка с печатни материали³².

Д.и.н. Р. Гришина съвместно с учени от Института по славянознание при РАН разработват труда „България в ХХ век. Очерки политическа история“³³. Българистката доказва трайния си интерес към наситения с политически превратности междувоенен период – от управлението на БЗНС до средата на 30-те години. Тя подлага на ново осмисляне събития и факти, допълва известните становища за политическата същност на историческия процес въз основа на неизползвани документални материали и новоизлязла историографска литература. Изследователката е далеч от мисълта да разтълкува всички въпроси от разглежданата част от новата българска история. Тя, както и другите автори, се насочват към дискуссионни или педостатъчно разработени теми, изразяват и по-различни гледища. Изданието се определя като първото фундаментално постижение на постсъветската българистика³⁴.

В продължение на 50 години изследователска работа по българска и балканска история д.и.н. Р. Гришина се изгражда като учен аналитик с концептуално мислене, за което допринасят научният подход при работата с документи, нейната историографска осведоменост. Авторите тези по заплетени и дискуссионни въпроси са мотивирани, предпоставят възможност за широта на разсъждения и оценки. В трудовете ѝ няма конюнктурни съображения и следва научните си интереси.

В изследванията си по българския национален въпрос българистката показва емоционалния образ на Сан Стефано, където между Русия и Турция се подписва прелиминарен мир, за да анализира същностни черти на българския национален идеал, изпълнен с романтичен потенциал, но нереален³⁵. Д.и.н. Р. Гришина проследява последиците от осъществяването временно политическо действие на Русия в полза на българите, но с дипло-

матически нелегитимен резултат – Санстефанския мирен договор. Той е неприемлив за великите сили, но и за съседните балкански страни, заради териториалните им аспирации към българските земи. В научната й концепция по българския национален въпрос, която е многостранно обоснована, се обръща внимание и на руските геополитически интереси на Балканите. Линия, която по-късно Коминтернът в Москва продължава да следва с други политически похвати и която изследователката проучва задълбочено въз основа на руски архивни материали.

Д.и.н. Р. Гришина има редица публикации по македонския въпрос, актуален и конфликтен повече от столетие за няколко балкански страни. Тя има едно основно предимство като изследовател българист и балканист – поставя проблема мащабно, интерпретира фактите безпристрастно, запозната е с полюсните становища на балканските автори, но разчита изключително на документи от руски и други чужди архиви, на лични кореспонденции на участници, на етнографски извори, на публикации и интервюта в чуждестранната преса. Авторката подхожда към събраните материали прецизно, отделя несъщественото и съумява да достигне до първопричините, предизвикали сложността на казуса „Македония“, и да изложи своето разбиране за историческите процеси.

В статията, посветена на „легендарния патриот“ Тодор Александров, който стои между България и Македония, ученият изследва житейския път на личност, която преминава през различните фази на развитие на македонската обединителна идея³⁶. Тодор Александров е събирателен образ на патриотични пориви и революционна практика, на сблъсък на лични амбиции и авантюризмът с националното кредо на българина. Заедно с опозицията за и против, възхваляван и отричан, той е част от историята. Авторката успява да разкрие чрез неговите действия многостранната компликация на македонския въпрос, в чиито бурни перипетии Т. Александров постига и резултат, но среща и критика, и неразбиране заради крайните си действия.

От статията се разбира колко труден за синтез, за генерализация е портретът на Т. Александров. Д.и.н. Р. Гришина обстойно разглежда пътя на промяната, която настъпва във възгледите на революционера, главно под влияние на международни и вътрешнополитически обстоятелства в началото на ХХ век. През 1923–1924 г. той застава на противоположни позиции в сравнение с предишните си. Обратът се отразява във вариант не за интегриране, а за установяване на гранично разделение между евентуална македонска държава с преобладаващ български етнос и Царство България³⁷.

Темата „Македонският въпрос“ и Коминтернът българистката разработва по открити неизползвани руски документи, с които „разшифрова“ политическата платформа на съветската външна политика. Приоритет в нея са лансираните от Москва идеи за световна революция, с намерение да се установява съветска власт в отделни държави, включително и на Балканите³⁸. Тя разкрива вътрешния механизъм на болшевишката политическа конспирация: изпращат се агенти по региони; тяхната нелегална дейност се насочва към взаимодействие както с местни комунистически партии, тогава твърде слаби и някъде забранени, така и с много по-силните и активни на Балканите национално-революционни и селски организации, които Л. Д. Троцки нарича „готови революционни сили извън пролетариата“³⁹.

Изследователката доказва, че процесът на политическа заинтересованост е взаимен, двустранен. Значителен интерес проявяват и балканските национални организации към опита на създадения през 1922 г. СССР. Според болшевишката пропаганда новото държавно образувание е нагледен пример, как да се разреши националният въпрос. Балканските лидери на националните организации се стремят да получат морална и материална поддръжка от страна на Съветския съюз. Те се съгласяват на контакт с посредниците, които използват сложността на балканските национално-териториални проблеми, за да внедряват идеологията на сепаратизма. Приносът на д.и.н. Р. Гришина се състои в способността да разплете кълбото от отговорности на всички участници, доказва вината им за последвалите пагубни последици – човешки жертви, тежък удар върху ВМРО, поражение за българските комунисти. Неуспех търпи и идеята на Москва за създаване на нови национални държави, в това число и македонска, които да образуват Балканска федеративна република със скрития замисъл тя да се превърне в съветска социалистическа федеративна република. Авторската констатация е категорична: това е „авантюризмът в политиката на Коминтерна“ в началото на 20-те години на ХХ в., в който са съпричастни В. Коларов и Г. Димитров⁴⁰.

Една от последните публикации на д.и.н. Ритта Гришина е в седми том на „Дриновски сборник“, в която тя разглежда взаимоотношенията на българските правителства с македонските организации в страната и ВМОРО в периода 1878–1913 г. Авторката остава вярна на тезата си, че българският политически елит няма външнополитическа стратегия и не съумява да реализира националните идеали. Недалновидността на властта допуска намеса на македонския фактор, който влияе негативно при вземането на съдбоносни решения за политически и военни действия⁴¹.

Руските архивни документи ориентират българистката към проучване на дейността на БКП и ролята на Комунистическия интернационал⁴². Темата е популярна в марксистката историография, но тя променя изследователския ъгъл на прочит и анализ на известните факти, отхвърля тенденциозността и хвалебствията, за да постави събитията на истинското им място в конкретната действителност. Доктрината за световната революция, за реализацията на която през 1919 г. се създава Коминтернът с център Москва, остава като една от водещите линии в съветската външна политика в първите следоктомврийски години. Тяхната обща цел рефлектира върху тактиката на БКП и въздейства на Г. Димитров и В. Коларов, които са нейни адепти. В изследването се проследява хронологично и паралелно намесата на тези три главни фактора за определяне на курса за въоръжено въстание в България през август 1923 г. до отлагането му поради настъпилата промяна в обстановката. Д.и.н. Р. Гришина показва двусмислието в намеренията на болшевишките ръководни дейци, демаскира нарастващите контакти на БКП със съветските спецслужби. Нейното тълкуване насочва към предпоставките за трагедията от 1925 г.⁴³

Въпросите, които са предизвикани от разполагането на българска територия на врангелистките части, не са нови, но носят политически нюанс, различно интерпретиран през годините. Ученият си поставя реална цел да доразвие и да обнови в една публикация⁴⁴ фактите с още документи, да детайлизира отделни аспекти и с историографски подход към темата да изложи своята съвременна представа за дейността на белогвардейските формирования в страната. Авторите акценти са сложени на няколко места – за неблагоприятния отзвук в обществото и в политическите среди в България от присъствието на руски въоръжени части, чийто брой през 1922 г. достига почти 36 хил. души, за намесата на управляващите от двете държави да решат тяхната съдба, както и за съветските агенти, изпратени като сътрудници от руската червенокръстка мисия, на която е възложено официално да осъществи възвръщането на врангелистите в Съветска Русия⁴⁵. Д.и.н. Р. Гришина избира за статията си алгоритъм, който ѝ позволява да подреди събитията и участниците в тях в близка до действителността научна постановка. Всъщност посоченият изследователски подход е характерен за трудовете ѝ, това е нейният професионален стил на работа.

Д.и.н. Р. Гришина бе член на редколегията на седми том на „Дриновски сборник“, на списание „Славянознание“ и на украинското „Болгарский ежегодник“. Тя разглежда научния живот и от историографски позиции. Написва много отзиви и рецензии за индивидуални и колективни трудове на български и съветски/руски автори⁴⁶.

Изследователката се включва като съставител и редактор в колектив със съветски и български историци в работата по документалния сборник „Советско-българские отношения и связи: документы и материалы“, излязъл в Москва през 1976–1981 г. в два тома. Следващото документално издание с нейно участие е „Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала–середины 1920-х годов“, публикуван в Москва в ч. 1–2. При подбора на материалите българистката работи едновременно като съставител, прави коментарите, автор е на предисловието и е отговорен редактор⁴⁷.

Забележимо е участието на руския учен в международни научни форуми. Тя се включва в работата на Първия (1981 г.) и Втория (1986 г.) международен конгрес по българистика, които се провеждат в София. Изнася доклад на II конгрес на Българското историческо дружество, който се организира през 1976 г. в София. Множество са конференциите на национално и международно ниво, в които участва с теми по различни проблеми и е трудно изброяването им. Но ето някои от участията ѝ: „Октябрская революция и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы“ в Рига, 1976 г.; Междувузовска научна конференция на историците слависти в Минск, 1969 г., в Ужгород, 1982 г., в Львов, 1983 г., в Киев, 1985 г., в Минск, в Харков, 1985 г.; във Всесъюзната българистична конференция в Львов през 1981 и в Харков през 1991 г.

Д.и.н. Р. Гришина бе заместник-председател на руската част на Комисията на историците Русия–България. Тя успява да балансира взаимните отношения и съдействия за продължаване на развитието на научното сътрудничество между академичните институти.

Приносът на учения д.и.н Р. Гришина за развитието на съветската научно-изследователска дейност и на българистиката, за разширяването на българо-съветските академични отношения намира признание с наградата на АН на СССР и на БАН за 1984 г. Носител е на българския орден „Кирил и Методий“ II степен. Отличена е с бронзов медал „Выставка достижений народного хозяйства СССР“ и с орден на Международния славянски фонд⁴⁸.

Научното наследство на „ведущий“ научен сътрудник д.и.н. Р. Гришина е невъзможно да се обхване дори в една обзорна публикация, защото нейната изследователска дейност е многостранна и ползотворна. Ученият д.и.н. Рита Петровна Гришина ще се помни като изявен представител на руската българистика, който има съществен принос в изследването на сложните проблеми от новата история на България и на балканските страни. Нейните авторски интерпретации и анализи на исторически събития, личности и факти остават важен ориентир за научната общност. За изследовател като д.и.н Ритта Гришина важа латинската сентенция *LITTERA SCRIPTA MANET*.

¹ Ведущий научный сотрудник Института славяноведения е академична длъжност на РАН, която е с висок научен ранг.

² К юбилею Ритты Петровны Гришиной // Славяноведение. – 2005. – № 4. – С. 122.

³ *Валева Е.* Македонистика под запретом: к истории становления науки в СССР / Е. Валева, О. Исаева // България, Балканите и Русия XVII–XXI век. – София, 2011. – С. 33; Р. Гришина си спомня, че когато става аспирантка в Института по славянознание през 1957 г., настоява нейната тема за кандидатска дисертация да е по „заплетения македонски въпрос“. Тя не успява, тъй като я убеждават, че няма да може да защити труда си и затова избира да разработва друг проблем. Р. Гришина обаче никога не се отказва от македонската проблематика и при всяка възможност я засяга в изследванията си.

⁴ *Гришина Р.П.* Возникновение фашизма в Болгарии 1919–1925 гг. – София, 1976.

⁵ Виж по-подробно: *Валева Е.* Македонистика под запретом ... – С. 30–50.

⁶ Чуждестранна българистика през XX в. Энциклопедичен справочник. – София, 2008. – С. 138–139.

⁷ *Гришина Ритта Петровна* (веб-сайт Института славяноведения РАН). – URL: http://www.inslav.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=776:2011-08-29-07-08-42&catid=12:2009-08-05-10-49-56&Itemid=22 (Дата обращения – май 2013).

⁸ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). – М., 2008. – С. 3.

⁹ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии... – С. 3.

¹⁰ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XXв. – СПб, 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). – СПб, 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). – СПб, 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). – СПб, 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – СПб, 2009; Человек на Балканах глазами русских. – СПб, 2011; Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). – М., 2012.

¹¹ *Гришина Р.П.* Мусульманское меньшинство в Болгарии: нормы права и их реализация в период между двумя мировыми войнами // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – Вып. 1. – СПб, 2002. – С. 221–243.

¹² *Гришина Р.П.* Мусульманское меньшинство в Болгарии... – С. 242.

¹³ *Гришина Р.П.* Феномен болгарской православной церкви (1870–1940 гг.) // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XXв.). – Вып. 4. – СПб, 2007. – С. 221–254.

¹⁴ *Гришина Р.П.* Феномен болгарской православной церкви... – С. 242.

¹⁵ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (посл. четверть XIX – нач. XX в.). – СПб, 2006. – С. 125–165.

¹⁶ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии... – С. 133.

¹⁷ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии... – С. 164.

¹⁸ *Гришина Р.П.* Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XXв.) // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). – СПб, 2004. – С. 83–122.

- ¹⁹ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации... – С. 83.
- ²⁰ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации... – С. 122.
- ²¹ Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии (Бег трусой по пересеченной местности). – М., 2008.
- ²² Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии... – С. 4.
- ²³ Гришина Р.П. Российское общественное мнение и Балканы. 1870-е гг. // Человек на Балканах глазами русских. – СПб, 2011.
- ²⁴ Гришина Р.П. Власть и общество. Болгария 1912–1913 гг. // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – СПб, 2009.
- ²⁵ Гришина Р.П. Власть и общество. Болгария 1912–1913 гг. – С. 160.
- ²⁶ Гришина Р.П. Болгарский дипломат Димитр Ризов и Балканские войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). – М., 2012. – С. 177–202.
- ²⁷ Гришина Р.П. Болгарский дипломат Димитр Ризов и Балканские войны. – С. 197–198.
- ²⁸ Гришина Р.П. К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. – М., 2010.
- ²⁹ Гришина Р.П. Судьба балканских союзников 1912–1913 гг. Взгляд из XXI столетия / Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин // Новая и новейшая история. – 2013. – № 4.
- ³⁰ Гришина Р.П. Болгария на пути к войне и БЗНС // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. – СПб, 2011. – С. 9–32.
- ³¹ Гришина Р.П. Настроения болгарских крестьян накануне прихода БЗНС к власти. Опыт 1918–1919 годов // STUDIA SLAVICA-POLONICA (К 90-летию И.И.Костюшко). – М., 2009. – С. 77–78, 104.
- ³² Гришина Р.П. Настроения болгарских крестьян... – С. 78.
- ³³ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. – М., 2003.
- ³⁴ К юбилею Ритты Петровны Гришиной // Славяноведение. – 2005. – № 4. – С. 122.
- ³⁵ Гришина Р.П. Россия–Сан Стефано–Болгария // България и Русия между признателността и прагматизма. Международна научна конференция. – София, 2008. – С. 89–95.
- ³⁶ Гришина Р.П. «Легендарный патриот» Тодор Александров: Между Болгарией и Македонией // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 2009. – С. 119–164.
- ³⁷ Гришина Р.П. «Легендарный патриот» Тодор Александров... – С. 119.
- ³⁸ Гришина Р.П. „Македонский вопрос“ в Коминтерне (по документам Российских архивов начала 1920-х годов) // България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). – София, 1998. – С. 268–274.
- ³⁹ Гришина Р.П. „Македонский вопрос“ в Коминтерне... – С. 268.
- ⁴⁰ Гришина Р.П. „Македонский вопрос“ в Коминтерне... – С. 274.
- ⁴¹ Гришина Р.П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник/Дриновский збірник. – Т. 7. – София–Харків, 2014. – С. 219–231.
- ⁴² Гришина Р.П. Коминтерн и БКП в 1922–1924 гг. По новым архивным документам // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. – София, 2000. – С. 60–67.
- ⁴³ Гришина Р.П. Коминтерн и БКП в 1922–1924 гг. ... – С. 67.
- ⁴⁴ Гришина Р.П. Советские спецслужбы и несостоявшийся переворот. Болгария, сентябрь 1922 г. // Славяноведение. – 2002. – № 5. – С. 15–21.
- ⁴⁵ Пак там.
- ⁴⁶ Чуждестранна българистика ... – С. 138–139.
- ⁴⁷ К юбилею Ритты Петровны Гришиной // Славяноведение. – 2005. – № 4. – С. 121–122; също и Славяноведение. – 2010. – № 3. – С. 124–125.
- ⁴⁸ Чуждестранна българистика ... – С. 138; Гришина Ритта Петровна (веб-сайт Института славяноведения РАН). – URL: http://www.inslav.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=776:2011-08-29-07-08-42&catid=12:2009-08-05-10-49-56&Itemid=22 (дата обращения – май 2013).

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

- Аксьонова Наталя Володимирівна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства філософського факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Артамонова Ксенія Юрійвна** – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Бойко-Гагарін Андрій Сергійович** – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник сектору нумізматики Національного музею історії України, м. Київ.
- Валєва Єлена Любомирівна** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Варга Беата** – доктор історичних наук (PhD), професор кафедри середньовічної та ранньомодерної історії Університету Сегеду (Угорщина).
- Власенко Валерій Миколайович** – кандидат історичних наук, доцент завідувач кафедри теорії та історії держави і права Сумського державного університету.
- Гула Оксана Григорівна** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу історичних студій Науково-дослідного інституту українознавства, м. Київ.
- Гусєв Нікіта Сергійович** – науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Дубовик Ольга Анатоліївна** – кандидат історичних наук, доцент історичного факультету Московського державного університету ім. М.В. Ломоносова.
- Думініка Іван** – доктор, старший науковий співробітник Інституту культурної спадщини Академії наук Молдови.
- Елдыров Светлозар** – доктор історичних наук, професор Інституту балканістики з Центром тракології Болгарської академії наук, Софія.
- Єремєєв Павло Вікторович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Східної Європи історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, старший науковий співробітник Музею історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Ісаєва Ольга Ніколаєвна** – кандидат історичних наук, доцент Саратовського державного університету ім. Н.Г. Чернишевського.
- Йолкін Анатолій Іванович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Йорданов Кристьян** – доктор, асистент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, Софія
- Жванко Любов Миколаївна** – доктор історичних наук, професор кафедри історії і культурології Харківського національного університету міського господарства імені О.М. Бекетова.
- Журавльов Денис Володимирович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.
- Іващенко Вікторія Юрійвна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства і археології історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, директор Музею історії Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Коваленко Тетяна Миколаївна** – канд. історичних наук, доцент кафедри соціально-економічних наук Центру міжнародної освіти Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Ковальчик Рафал** – професор Інституту історії Лодзького університету.
- Комар Яна Володимирівна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри вітчизняної та зарубіжної історії Горлівського інституту іноземних мов Державного вищого навчального закладу «Донбаський державний педагогічний інститут».
- Косік Віктор Іванович** – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.

- Лиман Сергій Іванович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри туристичного бізнесу Харківської державної академії культури.
- Левкова-Мучинова Марія** – доктор, асистент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, Софія.
- Марченко Тетяна Яківна** – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу західно- і південнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України.
- Микитенко Оксана Олегівна** – доктор філологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М.Т. Рильського НАН України.
- Миколенко Дмитро Валерійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Міланова Сашика** – доктор, доцент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, Софія.
- Моргун Олег Володимирович** – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Муртузалієв Сергій Ібрагімович** – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Центру з підготовки «Всесвітньої історії» Інституту всесвітньої історії Російської академії наук, м. Москва.
- Мучинов Венцислав Євтимов** – доктор, доцент Інституту досліджень населення та людини Болгарської академії наук, Софія.
- Наумов Сергій Олександрович** – доктор історичних наук, професор кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Ноздріна Людмила Федорівна** – директор Бердянського краєзнавчого музею, голова Бердянського болгарського товариства ім. М. Хаджийського, член Національної спілки журналістів України.
- Парванова Румяна** – доктор, доцент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, Софія.
- Пікуль Юрій Миколайович** – кандидат історичних наук, викладач Харківського коледжу текстилю та дизайну.
- Посохов Сергій Іванович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства і археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Потапенко-Калоянова Катерина Костянтинівна** – кандидат педагогічних наук укладачка українсько-болгарського, болгарсько-українського та українсько-болгарського фразеологічного словників (для болгар України), м. Київ.
- Потоцький В'ячеслав Петрович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства філософського факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Потрашков Сергій Васильович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії України і всесвітньої історії Харківської державної академії культури.
- Пригарін Олександр Анатолійович** – доктор історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України історичного факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова.
- Савчик Катерина Вікторівна** – здобувач кафедри історії Білорусі нового і новітнього часу Білоруського державного університету, старший викладач кафедри правознавства Гомельського філіалу Міжнародного університету «МИТСО» (Республіка Білорусь).
- Сапна Микола Миколайович** – доктор соціологічних і кандидат фізико-математичних наук, професор кафедри соціології та психології Харківського національного університету внутрішніх справ.
- Свириденко Вікторія Олегівна** – заступник директора Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

- Смоліна Ольга Олегівна** – кандидат мистецтвознавства, доцент кафедри гуманітарних і соціальних наук Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля, Сєвро-донецьк.
- Срїбняк Ігор Володимирович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри всесвітньої історії Інституту суспільства Київського університету імені Бориса Грінченка.
- Срїбняк Мілана Ігорівна** – студентка історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
- Станчев Михайло Георгійович** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, Іноземний член Болгарської академії наук.
- Страшинюк Сергій Юрійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету, директор Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Стоянов Іван** – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Болгарії історичного факультету, начальник відділу «Науково-дослідницька, художньо-творча та видавнича діяльність» Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія, голова Фонду «Васил Левски».
- Стоянова Ельза Петрівна** – доктор філологічних наук, професор, м. Київ.
- Тортіка Марія Валеріївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Харківської державної академії культури.
- Хатлас Єжи** – доктор, головний бібліограф Познанського університету імені Адама Міцкевича.
- Червенков Ніколай** – доктор історичних наук, професор, голова Наукового товариства болгаристів Республіки Молдова.
- Шопов Атанас** – доктор, доцент, директор Історичного музею – Панагюріште.
- Шпик Ігор Євгенович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Центральної та Східної Європи, директор Інституту славістики Львівського національного університету імені Івана Франка.

ЗМІСТ

РЕЛІГІЯ ТА ЦЕРКВА В ІСТОРИЧНИХ ПРОЦЕСАХ ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ

<i>Смолина О. О. (Северодонецьк)</i> Проблема «историчности» культуры православного монашества.	5
<i>Лиман С. И. (Харьков)</i> Церковь и антикатолические движения в средневековой Чехии: опыт исследований учеными украинских земель Российской империи (XIX – начало XX в.).	10
<i>Ковальчик Р. (Лодзь)</i> Прусская политика по отношению к католической церкви на польских землях после разделов Речи Посполитой (1772–1806 гг.).	22
<i>Потоцкий В. П. (Харків)</i> Російська секта скопців у Румунії та її зв'язки з одновірцями в Україні (XIX – початок XX ст.).	26
<i>Еремеев П. В. (Харьков)</i> Старообрядчество XIX – начала XX в. как тип социальной общности: внутренние и внешние границы (по материалам Харьковской губернии).	34
<i>Артамонова К. Ю. (Харьков)</i> Кипрская православная церковь и борьба за энозис в 1900–1925 гг. (по архивным материалам Министерства иностранных дел Греции).	50
<i>Елдьров Св. (София)</i> Българската православна църква и културното развитие на България в периода между двете световни войни.	57
<i>Елкин А. И. (Харьков)</i> Положение православной церкви в Польше (20–30-е гг. XX века).	74
<i>Гула О. Г. (Київ)</i> Роль католицької церкви в ідеології та практиці усташів (1930-ті – перша половина 1940-х рр.).	82
<i>Савчик Е. В. (Гомель)</i> Архивные источники по истории православных приходов на территории Беларуси (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.): проблемы исследования и обработки информации.	89

ОСМАНСЬКИЙ ЧИННИК В ІСТОРІЇ СХІДНОЇ ТА ПІВДЕННО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ НОВОГО ЧАСУ

<i>Бойко-Гагарин А. С. (Київ)</i> Фальшивые монеты Османской империи XV–XIX веков в Северном Причерноморье.	95
<i>Йорданов Кр. (София)</i> Общи наблюдения за устройството на войнушката институция в Румелия и естество на войнушката служба в държавните конюшни през XVI век според информацията на един османски войнушки регистър от 1528/1529 г.	111
<i>Журавльов Д. В. (Харків)</i> Українсько-османські відносини останньої третини XVII ст. і “турецький проект” гетьмана П. Дорошенка.	124
<i>Моргун О. В. (Харьков)</i> Аянлык и европеизация Османского государства (XVIII – начало XIX в.).	132
<i>Муртузалиев С. И. (Москва)</i> Ункяр-Исклесийский договор по «Запискам» Н. Н. Муравьева.	139
<i>Пригарин А. А. (Одесса)</i> Казаки-некрасовцы Османской империи в описании М. С. Чайковского (Мохаммеда Садык паши).	147
<i>Мучинов В. (София)</i> Политиката на османската власт спрямо преселването на българи в Руската империя в началото на 60-те години на XIX век.	158
<i>Микитенко О. О. (Київ)</i> Турецькі джерела формули незмірності у сербській ліро-епічній традиції.	166

МІЖНАРОДНІ ЗВ'ЯЗКИ УКРАЇНИ У XVI–XX СТОЛІТТЯХ

<i>Варга Б. (Сегед)</i> Украинские казаки на службе Габсбургов в международных военных конфликтах конца XVI – середины XVII в.	171
--	-----

Левкова-Мучинова М. (Софія) Към биографията и обществената дейност на двама пловдивски българи – възпитаници на Ришельовския лицей в Одеса.	178
Власенко В. М. (Суми) Третя хвиля міжвоєнної української еміграції до Болгарії. . .	184
Срібняк І. В. (Київ) Інтерновані вояки УГА в таборі Йозефов (Чехословаччина) у 1921–1922 рр.: умови перебування та санітарний стан.	196

СТЕФАН СТАМБОЛОВ ТА ЙОГО ЕПОХА

Дубовик О. А. (Москва) Отношение Стефана Стамболова к турецко-болгарскому сближению.	212
Стоянов И. (Велико Търново) Михаил Александрович Хитрово за съединението на Източна Румелия с Княжество България.	225
Куманов М. (Софія) Стефан Стамболов и Захарий Стоянов.	232
Костадинова Д. (Софія) Въпросът за лидерството на Народнолибералната партия след убийството на Стефан Стамболов.	238
Миколенко Д. М. (Харків) Політична спадщина Стефана Стамболова у партійній системі Болгарії (1895–1920).	243
Косик В. И. (Москва) Болгария и памятник Стефану Стамболову.	252
Сапна Н. Н. (Харьков) Бургас и его окрестности в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Клотильда»: историко-географический комментарий.	258
Тортика М. В. (Харків) Левый центризм в Болгарии: истоки и условия формирования.	263

ПЕРША СВІТОВА ВІЙНА І СЛОВ'ЯНСЬКИЙ СВІТ

Гусев Н. С. (Москва) Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны.	274
Хатлас Е. (Познань) Българите в Бесарабия през Първата световна война.	282
Потрашков С. В. (Харьков) Генерал Радко Димитриев во главе 3-й армии Юго-Западного фронта.	287
Наумов С. О. (Харків) Війна і українці: суспільно-політичні настрої в українському середовищі Харкова в роки Першої світової війни.	294
Жванко Л. М. (Харків) Україна в роки Першої світової війни: розв'язання проблем біженства (1914–1918 рр.).	305
Срібняк М. І. (Київ) Створення та діяльність Музично-драматичного товариства імені М. Лисенка в таборі Вецляр (Німеччина) у 1915–1916 рр.	315
Коваленко Т. М. (Харків) Організація релігійної допомоги польським біженцям у Російській імперії в роки Першої світової війни.	322
Пикуль Ю. Н. (Харьков) Военное образование в России в марте – октябре 1917 г. (кадетские корпуса и военные училища).	328

ІСТОРИОГРАФІЯ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

Шпик І. Є. (Львів) Погляди М. Грушевського на українсько-болгарські духовно-культурні відносини епохи Середньовіччя.	333
Свириденко В. О. (Харків) Образи національного Відродження в публічному дискурсі Народної Республіки Болгарія (за матеріалами періодичної преси).	341
Валева Е. Л. (Москва), Исаева О. Н. (Саратов) Македония как объект исследования в трудах российских/советских историков.	348
Първанова Р. (Софія) Балканската война от 1912–1913 г. в спомените на главния директор на българските държавни железници.	357
Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков) Письма М. С. Дринова из фондов украинских и российских архивов.	367
Комар Я. В. (Горлівка) Документи кінця XIX – початку XX століття з історії болгар в Державному архіві Краснодарського краю Російської Федерації.	375
Станчев М. Г. (Харьков) «Дело 13-ти» (о процессе над т. н. «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине» 1937–1938 гг.).	383

РЕЦЕНЗІЇ

- Стоянова Э. П. (Київ)** Сага о болгарских переселенцах. Рецензия на роман: *Малешкова А.* Бесарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Кишинев: Suni & Co, 2013. (На болг. яз.). – Т. 1. – 2013. – 372 с.; Т. 2. – 2013. – 345 с. 404
- Аксъонова Н. В. (Харків)** Постаті й поступи української етнології крізь погляди на сусідні народи. Рецензія на наукове видання: З любов'ю до народів. Ювілейний збірник на пошану члена-кореспондента НАН України Всеволода Івановича Наулка. З нагоди 80-річчя від дня народження / Упор. та заг. ред. В.А. Старкова. – К.: Медобори-2006, 2013. – 356 с. 415
- Потапенко-Калоянова К. (Київ)** Слово про слово. Рецензія на: *Кънева П.* Українсько-български речник. Українсько-българський словник. – София: Синева, 2013. – 544 с. 418
- Ноздріна Л. Ф. (Бердянськ)** Рецензія на монографію: *Михина А.Ф.* Антропонимия болгарской диаспоры Северного Приазовья. – Велико Търново: Университетско изд-во ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 2014. – 608 с. 422
- Думиника Й. (Кишинев)** Рецензія на монографію: *Atlas Jerzy. Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii.* – Poznań: Biblioteka Uniwersytecka w Poznaniu, 2014. – 131 s. 425
- Домановський А. М. (Харків)** Слов'янські пагони візантійської цивілізації (болгарсько-руські культурні зв'язки на світанку модерності). Рецензія на книгу: *Шпик І.* Болгарія і Південно-Західна Русь: релігійно-культурні відносини останньої чверті XIV – першої половини XVI ст.: навчальний посібник зі спецкурсу. – Львів: ПАІС, 2014. – 236 с. 428

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

- Шопов А. (Панагюрище)** Представяне на книгата на проф. Димитър Иванов “Лидерът Стамболов” – 6 февруари 2014 г. в гр. Панагюрище. 433
- Червенков Н. (Кишинев)** Юбилей молдавских болгаристов. 435
- Микитенко О. О. (Київ)** Славистичні конференції на пошану Вука Караджича. 439
- Марченко Т. Я. (Київ)** Міжнародна наукова конференція, присвячена 200-річчю від дня народження В. І. Григоровича. 442

IN MEMORIAM

- Миланова С. (Софія)** Българската и балканската история в спектъра на научната дейност на д.и.н. Рита Гришина. 449
- ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ.** 459

СЪДЪРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯТА И ЦЪРКВАТА В ИСТОРИЧЕСКИТЕ ПРОЦЕСИ В ЦЕНТРАЛНА И ИЗТОЧНА ЕВРОПА

<i>Смолина О. О. (Северодонецк)</i> Проблема «историчности» культуры православного монашества.	5
<i>Лиман С. И. (Харьков)</i> Церкви и антикатолические движения в средневековой Чехии: опыт исследований учеными украинских земель Российской империи (XIX – начало XX в.).	10
<i>Ковальчик Р. (Лодзь)</i> Прусская политика по отношению к католической церкви на польских землях после разделов Речи Посполитой (1772–1806 гг.).	22
<i>Потоцкий В. П. (Харків)</i> Російська секта скопців у Румунії та її зв'язки з одновірцями в Україні (XIX – початок XX ст.).	26
<i>Еремеев П. В. (Харьков)</i> Старообрядчество XIX – начала XX в. как тип социальной общности: внутренние и внешние границы (по материалам Харьковской губернии).	34
<i>Артамонова К. Ю. (Харьков)</i> Кипрская православная церковь и борьба за энозис в 1900–1925 гг. (по архивным материалам Министерства иностранных дел Греции).	50
<i>Елдьров Св. (София)</i> Българската православна църква и културното развитие на България в периода между двете световни войни.	57
<i>Елкин А. И. (Харьков)</i> Положение православной церкви в Польше (20–30-е гг. XX века).	74
<i>Гула О. Г. (Київ)</i> Роль католицької церкви в ідеології та практиці усташів (1930-ті – перша половина 1940-х рр.).	82
<i>Савчик Е. В. (Гомель)</i> Архивные источники по истории православных приходов на территории Беларуси (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.): проблемы исследования и обработки информации.	89

ОСМАНСКИЯТ ФАКТОР В ИСТОРИЯТА НА ИЗТОЧНА И ЮГОИЗТОЧНА ЕВРОПА ПРЕЗ XV–XIX ВЕК

<i>Бойко-Газарин А. С. (Київ)</i> Фальшивые монеты Османской империи XV–XIX веков в Северном Причерноморье.	95
<i>Йорданов Кр. (София)</i> Общи наблюдения за устройството на войнушката институция в Румелия и естество на войнушката служба в държавните конюшни през XVI век според информацията на един османски войнушки регистър от 1528/1529 г.	111
<i>Журавльов Д. В. (Харків)</i> Українсько-османські відносини останньої третини XVII ст. і “турецький проект” гетьмана П. Дорошенка.	124
<i>Моргун О. В. (Харьков)</i> Аялыкъ и европеизация Османского государства (XVIII – начало XIX в.).	132
<i>Муртузалиев С. И. (Москва)</i> Ункяр-Исклесийский договор по «Запискам» Н. Н. Муравьева.	139
<i>Пригарин А. А. (Одесса)</i> Казаки-некрасовцы Османской империи в описании М. С. Чайковского (Мохаммеда Садык паши).	147
<i>Мучинов В. (София)</i> Политиката на османската власт спрямо преселването на българи в Руската империя в началото на 60-те години на XIX век.	158
<i>Микитенко О. О. (Київ)</i> Турецькі джерела формули незмірності у сербській ліро-епічній традиції.	166

МЕЖДУНАРОДНИТЕ ОТНОШЕНИЯ НА УКРАИНА ПРЕЗ XVI–XX ВЕК

- Варга Б. (Сегед)** Украинские казаки на службе Габсбургов в международных военных конфликтах конца XVI – середины XVII в. 171
- Левкова-Мучинова М. (София)** Към биографията и обществената дейност на двама пловдивски българи – възпитаници на Ришельовския лицей в Одеса. 178
- Власенко В. М. (Суми)** Трета хвиля міжвоєнної української еміграції до Болгарії. 184
- Срібняк І. В. (Київ)** Інтерновані вояки УГА в таборі Йозефов (Чехословаччина) у 1921–1922 рр.: умови перебування та санітарний стан. 196

СТЕФАН СТАМБОЛОВ И НЕГОВАТА ЕПОХА

- Дубовик О. А. (Москва)** Отношение Стефана Стамболова к турецко-болгарскому сближению. 212
- Стоянов И. (Велико Търново)** Михаил Александрович Хитрово за Съединението на Източна Румелия с Княжество България. 225
- Куманов М. (София)** Стефан Стамболов и Захарий Стоянов. 232
- Костадинова Д. (София)** Въпросът за лидерството на Народнолибералната партия след убийството на Стефан Стамболов. 238
- Миколенко Д. М. (Харків)** Політична спадщина Стефана Стамболова у партійній системі Болгарії (1895–1920). 243
- Косик В. И. (Москва)** Болгария и памятник Стефану Стамболову. 252
- Сапна Н. Н. (Харьков)** Бургас и его окрестности в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Клотильда»: историко-географический комментарий. 258
- Тортика М. В. (Харків)** Левый центризм в Болгарии: истоки и условия формирования. 263

ПЪРВАТА СВЕТОВНА ВОЙНА И СЛАВЯНСКИЯТ СВЯТ

- Гусев Н. С. (Москва)** Полемика в русской и болгарской печати о позиции Болгарии в начальный период Первой мировой войны. 274
- Хатлас Е. (Познань)** Българите в Бесарабия през Първата световна война. 282
- Потрашков С. В. (Харьков)** Генерал Радко Димитриев во главе 3-й армии Юго-Западного фронта. 287
- Наумов С. О. (Харків)** Війна і українці: суспільно-політичні настрої в українському середовищі Харкова в роки Першої світової війни. 294
- Жванко Л. М. (Харків)** Україна в роки Першої світової війни: розв'язання проблем біженства (1914–1918 рр.). 305
- Срібняк М. І. (Київ)** Створення та діяльність Музично-драматичного товариства імені М. Лисенка в таборі Вецляр (Німеччина) у 1915–1916 рр. 315
- Коваленко Т. М. (Харків)** Організація релігійної допомоги польським біженцям у Російській імперії в роки Першої світової війни. 322
- Пікуль Ю. Н. (Харьков)** Военное образование в России в марте – октябре 1917 г. (кадетские корпуса и военные училища). 328

ИЗВОРИ И ИЗВОРОЗНАНИЕ

- Шпик І. Є. (Львів)** Погляди М. Грушевського на українсько-болгарські духовно-культурні відносини епохи Середньовіччя. 333
- Свириденко В. О. (Харків)** Образи національного Відродження в публічному дискурсі Народної Республіки Болгарія (за матеріалами періодичної преси). 341
- Валева Е. Л. (Москва), Исаева О. Н. (Саратов)** Македония как объект исследования в трудах российских/советских историков. 348
- Първанова Р. (София)** Балканската война от 1912–1913 г. в спомените на главния директор на българските държавни железници. 357

Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков) Письма М. С. Дринова из фондов украинских и российских архивов.	367
Комар Я. В. (Горлівка) Документи кінця XIX – початку XX століття з історії болгар в Державному архіві Краснодарського краю Російської Федерації.	375
Станчев М. Г. (Харьков) «Дело 13-ти» (о процессе над т. н. «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине» 1937–1938 гг.).	383

РЕЦЕНЗИИ

Стоянова Э. П. (Киев) Сага о болгарских переселенцах. Рецензия на роман: Малешкова А. Бесарабски хроники / Анна Малешкова, Николай Куртев. – Кишинев: Sunir & Co, 2013. (На болг. яз.). – Т. 1. – 2013. – 372 с. Т. 2. – 2013. – 345 с.	404
Аксьонова Н. В. (Харків) Постаті й поступи української етнології крізь погляди на сусідні народи. Рецензія на наукове видання: З любов'ю до народів. Ювілейний збірник на пошану члена-кореспондента НАН України Всеволода Івановича Наулка. З нагоди 80-річчя від дня народження / Упор. та заг. ред. В.А. Старкова. – К.: Медобори-2006, 2013. – 356 с.	415
Потапенко-Калоянова К. (Київ) Слово про слово. Рецензія на: Кънева П. Українско-български речник. Українсько-болгарський словник. – София: Синева, 2013. – 544 с.	418
Ноздрин Л. Ф. (Бердянськ) Рецензия на монографию: Михина А.Ф. Антропонимия болгарской диаспоры Северного Приазовья. – Велико Търново: Университетско изд-во ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 2014. – 608 с.	422
Думника И. (Кишинев) Рецензия на монографию: <i>Atlas Jerzy. Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii.</i> – Poznań: Biblioteka Uniwersytecka w Poznaniu, 2014. – 131 s.	425
Домановський А. М. (Харків) Слов'янські пагони візантійської цивілізації (болгарсько-руські культурні зв'язки на світанку модерності). Рецензія на книгу: Шпик І. Болгарія і Південно-Західна Русь: релігійно-культурні відносини останньої чверті XIV – першої половини XVI ст.: навчальний посібник зі спецкурсу. – Львів: ПАІС, 2014. – 236 с.	428

НАУЧЕН ЖИВОТ

Шопов А. (Панагюрище) Представяне на книгата на проф. Димитър Иванов „Лидерът Стамболов“ – 6 февруари 2014 г. в гр. Панагюрище.	433
Червенков Н. (Кишинев) Юбилей молдавских болгаристов.	435
Микитенко О. О. (Київ) Славистичні конференції на пошану Вука Караджича.	439
Марченко Т. Я. (Київ) Міжнародна наукова конференція, присвячена 200-річчю від дня народження В. І. Григоровича.	442

IN MEMORIAM

Миланова С. (София) Българската и балканската история в спектъра на научната дейност на д.и.н. Рита Гришина.	449
ЗА АВТОРИТЕ.	459

Друкується за підтримки Болгарської академії наук
та общини Панагюриште
ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ VIII
Українська, болгарська, російська

Редактор **Світлана Филчева**
Художник **Константин Жеков**
Графічний дизайн **Ваня Кривокапова**

www.baspress.com

ISBN 978-954-322-848-5

Підписано до друку 08.11.2015 р. Формат 70 × 100/8
Ум. друк. арк. 42,7 Наклад 300 пр.

Видавництво Болгарської академії наук
імені проф. Марина Дринова
Видавництво БАН «Проф. Марин Дринов»
1113, Болгарія, м. Софія, вул. «Академік Г. Бончев», бл. 6.
www.baspress.com

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13. 01. 2009 р.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна.
Тел.: 705-24-32

